

ЛЕОНИДЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
МАЙКОВЪ.

3

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1900.

ОКТАБРЬ.— НОЯВРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.

1900.

PSlav 605, 25

~~Slav 25.10~~

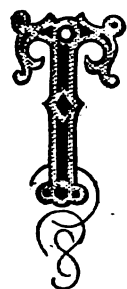

Price fund.

Воспоминанія о Царскосельскомъ лицѣѣ.

1832—1838.

тому, кто знакомъ со всѣмъ, что было писано о Царскосельскомъ лицѣѣ, не можетъ не казаться разительнымъ контрастъ, представляемый обиліемъ личныхъ воспомнаній лицействовъ перваго курса, и скудостью, а иногда и совершеннымъ отсутствіемъ такихъ же воспомнаній воспитанниковъ послѣдующихъ курсовъ. Причина этого явленія конечно ясна и понятна. Слава Пушкина такъ ярко озарила мѣсто его воспитанія, что всѣ послѣдующія, смѣнявшіяся въ Лицеѣ поколѣнія оставались какъ бы въ тѣни. Я. К. Гротъ дѣлаетъ справедливый упрекъ, что сами воспитанники Лицея сдѣлали немного для исторіи этого заведенія, выражая при этомъ полное сочувствіе замѣчанію Анненкова, что «на совѣсти каждаго, имѣющаго возможность пояснить нѣкоторыя черты нравственной фізіономіи Лицея, лежитъ обязанность сказать свое посильное слово, какъ бы маловажно оно ни было». Въ убѣжденіи, что личные впечатлѣнія и воспомнанія не бесполезны для исторіи, которая пишется не по однимъ официальнымъ и архивнымъ документамъ, я рѣшился принести и свою посильную лепту, сообщеніемъ замѣтокъ о IX курсѣ (1832—1838), за маловажность которыхъ да послужатъ мнѣ извиненіемъ моя любовь къ Царскосельскому лицейу в мое искреннее желаніе, чтобы когда-нибудь была написана правдивая и полная исторія этого своеобразнаго и важнаго по тогдашнему времени разсадника просвѣщенія ¹⁾).

¹⁾ При всѣхъ достоинствахъ составленнаго бывшимъ бібліотекаремъ Лицея И. Селезевымъ Историческаго Очерка бывшаго Царско-

Я считаю самымъ большимъ своимъ счастьемъ, что мнѣ было суждено получить образованіе въ Царскосельскомъ лицей; воспоминанія о тѣхъ годахъ, въ которые я тамъ «безмятежно расцвѣталъ», принадлежать къ числу самыхъ пріятныхъ изъ всей моей жизни.

Въ Лицей я попалъ совершенно неожиданно, такъ сказать, экспромптомъ. Въ семействѣ, въ которомъ я родился, считалось, изъ рода въ родъ, дѣломъ сословной чести для дворянина посвятить молодые годы военной службѣ. Это было какъ бы наслѣдіемъ или остаткомъ отъ того, еще недалекаго времени, когда дворяне были обязаны службою по закону, который былъ отмѣненъ только въ 1762 г. Петромъ III. При этомъ вступали въ военную службу не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ нея свою профессію на всю жизнь, а только для того, чтобы, отбывъ въ ней нѣсколько лѣтъ, оставить ее въ чинѣ майора, капитана и много-много полковника и съ чувствомъ исполненнаго долга возвратиться на лоно спокойнаго помѣщичьяго *otium cum dignitate*. Такъ сдѣлалъ и отецъ мой и многіе его братья, равно какъ и дѣдъ и прадѣдъ съ отцовою стороны, и дѣдъ съ материнской стороны. Поэтому отецъ мой желалъ, чтобы и я былъ также военнымъ. Его стараніемъ я былъ назначенъ въ число пажей Высочайшаго Двора и внесенъ въ апрѣлѣ 1831 г. въ списокъ кандидатовъ для поступленія въ Пажескій корпусъ. Но какъ въ ожиданіи своей очереди для такого поступленія могло пройти много времени, то я былъ отданъ въ іюнѣ 1831 года въ 1-ю Петербургскую гимназію интерномъ,—приходящихъ въ этой гимназіи въ то время не было—и помѣщенъ тамъ, какъ достаточно приготовленный, въ 3-й классъ ¹⁾).

сельскаго, нынѣ Александровскаго лицея за первое его пятидесятилѣтіе съ 1811 по 1861 годъ, такъ тщательно разработаннаго по документамъ лицейскаго архива, — исторіей, какой достоинъ Лицей, этотъ „Очеркъ“ названъ быть не можетъ,—хотя онъ представляетъ богатый матеріалъ для такой исторіи.

¹⁾ Да позволено мнѣ будетъ пояснить здѣсь, между скобками, въ какой мѣрѣ я былъ подготовленъ къ школѣ. Родители мои ничего не жалѣли, чтобы доставить мнѣ хорошее воспитаніе, и дѣлали для этого даже болѣе, чѣмъ сколько ихъ средства позволяли. Минуя нѣсколькихъ первоначальныхъ учителей и наставниковъ, не могу не упомянуть о жившей у насъ въ домѣ два года (съ іюля 1828 по май 1830 г.) гувернанткѣ: Марей Осиповнѣ Дельсалъ, французкѣ, говорившей по-русски, какъ русская. Это была настоящая гувернантка, очень образованная, опытная въ своемъ дѣлѣ и имѣвшая талантъ—заохотить своихъ учениковъ къ занятіямъ. Она учила меня и моихъ братьевъ и сестеръ французскому, нѣмецкому и русскому языкамъ и рисованію. Ей-то я обязанъ той хорошею подготовкою, которая мнѣ такъ пригодилась въ училищахъ. Послѣ этой домашней подготовки, я пробылъ годъ (съ іюня 1830 по іюнь 1831 г.) въ самомъ лучшемъ въ то время и самомъ дорогомъ частномъ пансіонѣ Журдана, занимавшемъ два этажа въ огромномъ домѣ

Въ исторіи Лицея девятый курсъ (1832—1838) отмѣченъ важнымъ для заведенія событіемъ: увеличеніемъ въ 1832 году комплекта въ немъ учениковъ, черезъ прибавленіе къ бывшимъ дотогѣ 50 казенно-коштнымъ еще такого же числа своекоштныхъ воспитанниковъ, при чемъ всѣ 6-ти лѣтній курсъ ученія, состоявшій дотогѣ изъ двухъ 3-хъ годовичныхъ классовъ, былъ раздѣленъ на четыре полуторагодичныхъ класса, отъ I-го младшаго до IV-го старшаго. На первый разъ повелѣно было на вакансіи, открывшіяся въ томъ 1832 году, выпускомъ на службу воспитанниковъ VI-го курса, принять 20 человекъ изъ первой С.-Петербургской гимназіи. Этому-то обстоятельству я и былъ обязанъ тѣмъ, что неожиданно-негаданно вмѣсто Пажескаго корпуса попалъ въ Лицей.

Однажды, въ исходѣ 1832 года, въ одну изъ субботъ, по окончаніи классовъ, передъ роспускомъ учениковъ къ родителямъ, добрыйшій Петръ Ивановичъ Бернардь, директоръ гимназіи, призвавъ меня къ себѣ, спросилъ, не желаю ли я перейти на казенный счетъ въ Царскосельскій лицей. При такомъ вопросѣ я свалился съ неба. До того времени я никогда и не слыхивалъ даже о существованіи какого-то Лицея. Я отвѣчалъ, что самъ я его вопроса рѣшить не могу, а долженъ спросить своего отца. Когда я ему передалъ вопросъ Бернарда, то и онъ пришелъ въ недоумѣніе, не имѣя также никакого понятія о томъ, что за заведеніе былъ этотъ Лицей — доказательство, какъ мало была до того времени распространена извѣстность его. И это было понятно, и легко объясняется какъ малымъ числомъ воспитывавшихся въ немъ, выпусками изъ него лишь разъ въ три года и отдаленностью Царскаго Села отъ столицы, которая еще не соединялась съ нимъ желѣзною дорогою. Чтобы разъяснить себѣ, что за заведеніе былъ Лицей, отецъ отправился къ считавшейся съ нами въ родствѣ, или точнѣе—своиствѣ, Авдотѣ Васильевнѣ Волковой, сестрѣ которой — Александръ Павловичъ Волковъ—лицейскій VI-го курса, именно въ этомъ году былъ выпущенъ изъ заведенія. Волковъ съ такимъ восторгомъ отзывался о Лицеѣ, что нечего было колебаться: выборъ былъ незатруднителенъ между немедленнымъ поступленіемъ на казенный счетъ въ первоклассное учебное заведеніе и пребываніемъ неопредѣленное, можетъ быть, долгое время на спискѣ кандидатовъ въ Пажескій корпусъ, съ очень невѣрною надеждою — дожидаться своей очереди поступленіемъ туда до истеченія положеннаго предѣльнаго возраста. Итакъ, простившись съ мыслию о

Офросимова на углу Царицына луга, противъ Конюшеннаго моста. Пансіонъ раздѣлялся на три класса, п я, какъ достаточно подготовленный, былъ принятъ въ средней классъ. Все преподаваніе въ пансіонѣ шло на французскомъ языкѣ; тутъ началъ я учиться по-латыни.

военной службѣ, выбросивъ изъ головы мечту гарцовать когда-нибудь на конѣ въ гусарскомъ ментикѣ, какъ гарцовалъ въ свое время мой отецъ, — я принесъ директору Бернарду отвѣтъ мой и моего отца о желаніи перевода въ Лицей.

Вслѣдъ затѣмъ всѣхъ учениковъ, признанныхъ достойными поступления въ Лицей, отдѣлили отъ прочихъ гимназистовъ въ ожиданія отправления въ Царское Село, и наконецъ 6-го октября 1832 года въ нѣсколькихъ каретахъ доставили въ Лицей. Этотъ день, составившій собою рѣшительный переломъ во всей моей судьбѣ, остался крѣпко въ моей памяти на всю жизнь. О томъ, какъ начальство Лицея нашло этихъ новобранцевъ, рѣчь будетъ потомъ.

Не вдаваясь въ хронологическій разсказъ о шестилѣтніи пребыванія IX курса въ Лицеѣ, ограничусь сообщеніемъ только тѣхъ фактовъ, которыми болѣе или менѣе характеризуется съ разныхъ сторонъ внутренній бытъ тогдашняго Лицея.

Въ мое время, несмотря на то, что съ 1817 года—года Пушкинскаго выпуска—въ стѣнахъ Лицея смѣнилось семь курсовъ воспитанниковъ, и что многое въ немъ измѣнилось съ той поры, какъ, по выраженію Я. К. Грота, желѣзная рука Аракчеева исторгла Лицей въ 1822 г. изъ министерства просвѣщенія и отдала его подъ военную опеку, еще сохранялись воспоминанія и преданія о первыхъ годахъ жизни заведенія, о порядкахъ, тогда существовавшихъ, о лицахъ, которымъ довелось играть тогда наиболѣе выдающіяся роли. Проводниками и хранителями такихъ воспоминаній служили доживавшіе при насъ свой вѣкъ живые свидѣтели того времени: губернёръ и учитель чистописанія Фотій Петровичъ Калиничъ, губернёръ и учитель рисованія Сергій Гавриловичъ Чириковъ, врачъ при больницѣ Францъ Осиповичъ Пешель, преподаватели математики Яковъ Ивановичъ Карцовъ и исторіи—Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ; всѣ они вступили въ Лицей при самомъ его открытіи (1811 г.). Они охотно вспоминали при случаѣ о «золотомъ вѣкѣ» Лицея, такъ какъ это были для нихъ столь дорогія для всякаго человѣка воспоминанія о времени ихъ собственной молодости, а мы всегда съ жадностію слушали ихъ разсказы о Пушкинѣ и его товарищахъ. Теперь приходится только пожалѣть, что я тогда не вздумалъ записывать ихъ разсказы. Помню только, что ихъ воспоминанія всего болѣе оживлялись, когда рѣчь заходила о Пушкинѣ, а затѣмъ о Вальховскомъ и кн. Горчаковѣ; эти имена видимо заслоняли въ ихъ памяти личность прочихъ ихъ товарищей.

Въ Лицейскомъ саду еще сохранялись: деревянная бесѣдка, подъ названіемъ грибокъ, и дерновыи памятникъ, съ мраморною доскою и надписью *genio loci*,—устроенные по преданію Е. А. Энгельгардтомъ и служившіе часто поводомъ для воспоминаній о незабвенномъ

директорѣ-воспитателѣ перваго поколѣнія лицействовъ. У всѣхъ у насъ были списки «Прощальной лицейской пѣсни» барона Дельвига и рукописные списки (тогда печатныхъ еще не было) всѣхъ воспитанниковъ первыхъ лицейскихъ выпусковъ. Наконецъ, продолжая традицію, сохранявшуюся въ бывшихъ до насъ курсахъ, мы считали своимъ долгомъ въ память о Пушкинѣ заниматься, въ IV-мъ, старшемъ классѣ, литературнымъ писательствомъ. Именно, это было какъ бы только исполненіе долга, такъ какъ между нами не только не было ни одного поэта, но даже не было ни одного стихотворца по призванію. Одинъ только А. Н. Яхонтовъ кропалъ въ стихахъ небольшія пьески антологическаго пошиба, въ которыхъ по крайней мѣрѣ были соблюдены требованія метрики; онъ, кажется, потомъ, послѣ выхода изъ Лицея, являлся и въ печати съ небольшими, довольно складными стихотвореніями. Зато другой нашъ литераторъ А. И. Трофимовъ никакъ не могъ никогда сладить ни съ рифмою, ни съ правилами стихосложенія и писалъ стихи, что называется *à la diable*. Впослѣдствіи онъ, кажется, пробовалъ себя, столь же малоуспѣшно, въ драматическомъ родѣ и былъ авторомъ, помнится, двухъ водевилчиковъ, игранныхъ на Александрийской сценѣ. Я былъ редакторомъ или центромъ нашихъ литературныхъ упражненій и составилъ родъ журнала или альманаха, подъ заглавіемъ «Денница», въ которой помѣстилъ нѣсколько и своихъ рифмованныхъ строкъ. Все это было не болѣе какъ самая невинная юношеская забава, вызванная однимъ лишь духомъ подражанія, такъ какъ «мы слышали, что прежде музы здѣсь жилали». Но въ глазахъ начальства эта забава имѣла характеръ дѣла запрещеннаго. На всякое внѣклассное сочинительство, не руководимое самими профессорами,—смотрѣли неблагоклонно и даже подозрительно. Поэтому приходилось съ нашими литературными шедеврами прятаться отъ начальства и намъ какъ-то удалось нѣсколько времени спастись отъ поисковъ инспектора изготовленный нами томикъ «Денницы»; а это было очень не легко. Инспекторъ А. Ф. Оболенскій зорко слѣдилъ за нашимъ поведеніемъ и неустанно наблюдалъ, чтобы у насъ не завелось какихъ-нибудь запрещенныхъ книгъ или рукописныхъ списковъ нецензурныхъ и бывшихъ подъ индирдиктомъ стиховъ Пушкина, которые въ то время составляли не рѣдкость и могли находиться въ рукахъ воспитанниковъ въ видѣ лицейской традиціи. Даже и на наши въ полномъ смыслѣ невинныя литературныя упражненія онъ косо смотрѣлъ не потому, чтобы видѣлъ въ нихъ нежелательное для насъ отвлеченіе отъ ученія, а конечно болѣе потому, что при скрытности, въ какую они облекались, онъ въ правѣ былъ опасаться, чтобы наше преждевременное творчество не впало въ нецензурное направленіе, а еще того хуже—въ сатирическій жанръ, такъ процвѣтавшій въ Пушкинскомъ Лицеѣ и породившій массу злыхъ, а подъ часъ и мало при-

личныхъ эпиграммъ на начальниковъ и наставниковъ. Свой нравствен- ный надзоръ за нами Оболенскій производилъ такъ: намъ было запре- щено имѣть у себя какіе-либо ящики или шкатулки, запирающіяся на ключъ; для храненія книгъ, тетрадей и другихъ учебныхъ принад- лежностей у насъ были устроены открытыя полки, раздѣленные на столько отдѣленій, сколько было учениковъ въ классѣ, и надъ каждымъ отдѣленіемъ была прибита металлическая дощечка съ именемъ ученика, которому она была для этого отведена; точно также шопитры въ залахъ, назначенныхъ для занятій по приготовленію къ лекціямъ, закрывались крышками безъ замковъ. Вечеромъ, когда воспитанники уходили въ дортуары, расположенные въ четвертомъ этажѣ, Оболенскій обходилъ учебныя комнаты и на просторѣ перлюстрировалъ все, что было у каж- каго ученика въ числѣ книгъ, тетрадей и бумагъ, въ означенныхъ помѣщеніяхъ, и такимъ образомъ проникалъ, такъ сказать, въ самую душу питомцевъ. Но, не довольствуясь этимъ, онъ прибѣгалъ еще и къ другому средству, менѣе одобряемому здоровою педагогикой, а именно къ шпионству. Въ третьемъ этажѣ была одна комната, называвшаяся цейх- гаузомъ и служившая мѣстомъ храненія бѣлья, платья и всей амуниціи воспитанниковъ; тутъ же былъ и особый кабинетъ Оболенскаго, кото- рый въ случаѣ надобности призывалъ сюда того или другаго воспитан- ника, котораго считалъ особенно для этого пригоднымъ, для допроса или разспроса относительно кого-нибудь изъ его товарищей, и самъ вызывалъ этимъ на доносы. Мы знали объ этихъ инквизиціонныхъ прие- махъ инспектора и за это не любили его, равно какъ и тѣхъ избран- ныхъ имъ товарищей, которые служили для него лазутчиками. Черезъ такіе разспросы въ цейхгаузѣ, Оболенскій провѣдалъ о нашихъ лите- ратурныхъ подвигахъ и о «Денницѣ», но, какъ ни шарилъ по но- чамъ въ нашихъ бумагахъ, не могъ наложить руку на искомый *corpus delicti*. Тогда онъ призвалъ воспитанника, котораго онъ обыкновенно допрашивалъ въ подобныхъ случаяхъ, и настойчиво потребовалъ отъ него выдачи «Денницы», которая такимъ образомъ и была конфискована, а я, какъ переписывавшій ее своею рукою, подвергся уменьшенію мѣсяч- наго балла за поведеніе. Тѣмъ и кончилась вся наша игра въ сочини- тельство въ честь Пушкина.

Напѣ, IX-й, курсъ былъ связанъ съ первобытнымъ Лицеомъ не одними преданіями и воспоминаніями о немъ; болѣе существеннымъ связующимъ звеномъ служили уцѣлѣвшіе еще до насъ остатки учебнаго персонала, столь своеобразно набраннаго въ 1811—1815 годахъ для Лицея. Такими остатками были: Карцовъ, Кайдановъ, Георгіевскій, Оболенскій и Шульгинъ. Всѣ они происходили изъ духовнаго званія, учились въ разныхъ семинаріяхъ, изъ которыхъ были переведены въ Петербургскій педагогическій институтъ, а изъ него еще студентами

взяты въ Лицей, и такимъ образомъ стали наставниками и учителями юношей, приготавливаемымъ къ «важнымъ частямъ службы государственной». Все это были люди очень молодые, отъ 20 до 29 лѣтъ ¹⁾, нигдѣ до того времени не преподававшіе, не имѣвшіе поэтому ни опытности, ни навыка въ дѣлѣ преподаванія, къ тому же не имѣвшіе никакой специальности и потому легко переходившіе, въ качествѣ учителей, съ одного предмета на другой, смотря по тому, по какому предмету открывалась вакансія. Они постепенно носили званіе, сперва адъюнктовъ, а потомъ профессоровъ, но это были званія собственной Лицейской интронизаціи, которыя не состояли ни въ какой связи съ учеными степенями магистра и доктора. Профессорами назывались занимавшіе штатныя профессорскія кафедръ; адъюнктъ, получая въ случаѣ вакансіи одну изъ такихъ кафедръ, становился черезъ то самое профессоромъ.

Такъ, Андрей Филипповичъ Оболенскій, поступившій въ 1816 году изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ въ Лицейскій пансіонъ, обучалъ тамъ сперва латиноскому языку и арифметикѣ, а въ Лицеѣ преподавалъ въ младшемъ возрастѣ, между прочимъ и въ нашемъ IX-мъ курсѣ, психологію по учебнику Фриса, логику и нравственную философію по учебнику Герлаха; потомъ, подвигаясь постепенно по лѣтвицѣ учебной іерархіи, кончилъ тѣмъ, что уже въ званіи профессора—читалъ гражданскіе законы, финансовое право и законы благоустройства и благотворенія.

Такъ, Иванъ Петровичъ Шульгинъ, 19-ти лѣтнимъ юношей, былъ назначенъ изъ студентовъ Педагогическаго института гувернеромъ и учителемъ исторіи и географіи въ младшемъ возрастѣ Лицея, затѣмъ постепенно въ званіи адъюнкта и наконецъ профессора преподавалъ въ старшемъ возрастѣ исторію, географію и статистику.

Точно также Петръ Егоровичъ Георгіевскій, поступивъ въ Лицей въ 1815 году изъ студентовъ Педагогическаго института, куда былъ переведенъ изъ Калужской семинаріи, началъ съ того, что былъ гувернеромъ и репетиторомъ, прошелъ затѣмъ черезъ степени адъюнкта и профессора, занимаясь преподаваніемъ латинскаго языка и словесности, русской грамматики, риторики, теоріи слога, прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій, теоріи изящныхъ искусствъ, пѣтики и теоріи краснорѣчія. Долговременное преподаваніе этихъ мудреныхъ наукъ доставило ему наконецъ званіе заслуженнаго профессора

Два остальные—Яковъ Ивановичъ Карцовъ и Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ были по окончаніи Педагогическаго института посылаемы

¹⁾ Изъ нихъ принятые въ 1811 г. Кайдановъ былъ 29 лѣтъ, Карцовъ—28 лѣтъ, принятые въ 1815 и 1816 году Шульгинъ былъ 19 лѣтъ, Георгіевскій—28 лѣтъ, Оболенскій—25 лѣтъ.

для усовершенствованія своего—первый—въ математическихъ наукахъ, а второй по наукамъ историческимъ, въ германскіе университеты. Карцовъ кромѣ того слушалъ еще лекціи въ Парижѣ въ Collège de France. Въ Лицеѣ они преподавали: Карцовъ разныя части математики и физику, а Кайдановъ, кромѣ русской и всеобщей исторіи, въ первое время своего пребыванія въ Лицеѣ преподавалъ географію и статистику.

Таковы были, въ учебномъ персоналѣ, уцѣлѣвшіе до насъ остатки отъ Пушкинскаго времени, съ тою разницею, что въ то время они сами были еще новички въ дѣлѣ преподаванія, а теперь въ теченіе прошедшихъ съ той поры 20 или 25 лѣтъ сами къ дѣлу попривыкли, повзучились, по правилу *docendo discimus*. Всѣ они старательно исполняли порученное имъ дѣло, добросовѣстно трудились надъ нашимъ образованіемъ, но конечно могли дѣйствовать только въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ ихъ собственнымъ образованіемъ и талантомъ, поэтому и вліяніе ихъ на воспитанниковъ было очень различно.

Карцовъ, страдая болѣзненною тучностью, былъ въ то время уже что называется человѣкомъ отжившимъ; малѣйшее движеніе было ему въ тягость; прошла и его разговорчивость, уже не было проявленій его остраго и извительнаго ума, о которомъ говоритъ М. А. Корфъ. Читанный имъ у насъ, въ III-мъ классѣ, курсъ математики былъ уже его лебединою пѣснью; онъ умеръ въ 1836 году. Кажется, онъ былъ болѣе физикъ, чѣмъ математикъ, которую онъ преподавалъ какъ бы нехотя. Предметомъ его, слѣдую отчасти Лицейскому преданію, мы мало интересовались, такъ какъ въ III-мъ классѣ уже начинались наши занятія по историко-политическимъ наукамъ, болѣе для насъ нужнымъ, и на которыхъ поэтому и сосредоточивалось наше вниманіе. Продолжателемъ Карцова по кафедрѣ математики и физики былъ Николай Тихоновичъ Щегловъ—у него желавшіе могли достаточно ознакомиться съ этими предметами, но къ сожалѣнію лишь въ томъ очень небольшомъ объемѣ, какой имъ былъ отведенъ въ общемъ учебномъ Лицейскомъ планѣ.

Георгіевскій читалъ предметы, которые могли бы быть интересны и намъ полезны, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы они были трактованы съ большимъ талантомъ. Лекціямъ его, страдавшимъ сухостью и даже какою-то схоластичностью изложенія, недоставало того, что можетъ быть плодомъ только работы собственной мысли, оплодотворенной непосредственнымъ знакомствомъ съ подлинными произведеніями европейскихъ литературъ, и не можетъ быть получено компилятивной работой надъ готовыми учебниками. Поэтому лекціи его для насъ могли быть только упражненіемъ одной памяти, изъ которой, къ счастью нашему, ненужныя намъ вещи легко испаряются. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли занятія наши у Георгіевскаго по предмету Рим-

ской Литературы, которыя были для насъ интересны, и мы усердно читали и разбирали подъ его руководствомъ латинскихъ авторовъ, начиная съ Федра и Корнелія Непота, продолжая Юліемъ Цезаремъ и Саллюстіемъ, и кончая Виргиліемъ и Гораціемъ.

Почти то же должно сказать и о лекціяхъ Кайданова. Казалось бы, что для юношей, приготовляемыхъ «для важныхъ частей службы государственной», т. е., говоря проще — для государственной дѣятельности, исторія—эта «наставница царей»—должна была бы составлять краеугольный камень образованія. А она-то, по ироніи судьбы, и составляла самую слабую сторону Лицейскаго обученія. Кайдановъ извѣстенъ по всей Россіи безчисленнымъ множествомъ изданныхъ имъ учебниковъ по всеобщей и русской исторіи, которые онъ разнообразилъ до безконечности, выпуская въ свѣтъ то небольшія книжицы, то болѣе объемистыя, издавая одни и тѣ же учебники въ постепенно измѣняемыхъ новыхъ изданіяхъ, которые и въ этихъ новыхъ изданіяхъ были столь же бѣдны содержаніемъ, какъ и въ предшествовавшихъ. Не знаю, какъ читалъ онъ въ прежде насъ бывшихъ курсахъ; по свидѣтельству М. А. Корфа и Я. К. Грота, устные лекціи его были удовлетворительнѣе его учебниковъ; но никакъ нельзя того же сказать о преподаваніи его въ нашемъ IX-мъ курсѣ. Было ли то дѣйствіемъ старости ¹⁾, утомленія ли отъ пройденнаго жизненнаго пути, или слѣдствіемъ житейской мудрости малоросса, который, какъ умный человекъ, долженъ былъ сознавать, что у насъ въ то время могла существовать только исторія *in usum delphini*, но только и устное преподаваніе Кайданова служило столь же мало, какъ и его учебники, къ разъясненію смысла событій, изъ которыхъ слагается всякая исторія. Къ тому же иногда Кайдановъ приносилъ съ собою на кафедру листы приготовляемаго имъ новаго изданія его учебника и читалъ лекцію по книгѣ, которая у насъ всѣхъ была въ рукахъ, лишь кое-гдѣ вставляя изустно кое-какія замѣчанія и размышленія, не особенно полновѣсныя по содержанію. Это походило на того нѣмецкаго профессора, у котораго въ конспектѣ, служившемъ ему при чтеніи лекцій, было на поляхъ отмѣчено: *hier phlege ich ein Witz zu machen*.— Вотъ для примѣра, какими изустными вставками пополнялъ Кайдановъ свои чтенія изъ учебника: говоря о реформаціи, онъ замѣчалъ:—«долго заряжалась въ Германіи пушка, пришелъ Лютеръ и запалилъ, пафъ! вотъ это и есть реформація».

Лекціи Оболенскаго были хорошо приурочены къ степени познанія и развитія его слушателей. Рѣчь его была строго обдуманною, явною и ровною, она всегда была полна содержанія. Его лекціи

¹⁾ Кайдановъ, послѣ 30 лѣтней службы въ Лицеѣ, вышелъ въ отставку въ 1841, и умеръ въ 1843 году.

психологін и нравственной философіи слушались нами внимательно и охотно. Самъ Оболенскій не внушалъ къ себѣ особенной симпатіи нашей, онъ всегда смотрѣлъ нѣсколько исподлобья, никогда не улыбался, но былъ добрый человекъ, и будучи, въ качествѣ инспектора, главнымъ наблюдателемъ за нравственностью воспитанниковъ, исполнялъ эту обязанность старательно, но съ употребленіемъ мало симпатичныхъ средствъ: тайнаго осмотра нашихъ книгъ и тетрадей, и шпионства черезъ воспитанниковъ.

Иванъ Петровичъ Шульгинъ былъ наиболѣе любимымъ нашимъ профессоромъ. Человекъ съ прямымъ, открытымъ характеромъ, онъ невольно располагалъ къ себѣ; въ своихъ сношеніяхъ съ воспитанниками проявлялъ душевную привѣтливость и сердечное радушіе: Онъ былъ замѣчательно уменъ, талантливъ и, любя свой предметъ и хорошо владея имъ, всегда умѣлъ оживлять свое изложеніе не риторическими фразами, а талантливой группировкой фактовъ. Его лекціи были въ числѣ тѣхъ, которыя наиболѣе врѣзывались въ память и обогащали понятія слушателей. Онъ у насъ читалъ въ 3-мъ классѣ физическую географію и историческую топографію Россіи. Эта послѣдняя была кажется и его любимымъ предметомъ, и была имъ обработана какъ самостоятельный его трудъ. Въ ней между прочимъ нашли себѣ мѣсто живо начертанныя картины изъ исторіи нашихъ удѣльныхъ княжествъ, столь важной для объясненія топографіи Россіи. Не знаю, готовился ли онъ къ каждой лекціи, но читалъ ее всегда свободнымъ словомъ (*als freier Vortrag*), не имѣя передъ собою никакихъ записокъ, и я, увлекаемая столько же предметомъ, сколько и изяществомъ изложенія его, усердно записывалъ за нимъ, а такъ какъ Шульгинъ говорилъ очень внятно, не торопясь, мѣрною и плавною рѣчью, то я вскорѣ достигъ такой быстроты письма, что безъ помощи какой-либо стенографіи заносилъ на бумагу, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, почти словами его всю лекцію; но я и самъ могъ разбирать свои каракули лишь при помощи памяти, только вскорѣ послѣ лекціи, и поэтому безотлагательно переписывалъ ихъ потомъ четкимъ почеркомъ. Мои записки по означеннымъ двумъ предметамъ, составленные очень старательно, по окончаніи нами 3-го класса, выпросилъ у меня самъ Шульгинъ и благодарилъ за нихъ слѣдующею запискою:

«Благодаря васъ за вашъ трудъ усердный и добросовѣстно-заботливый, я прошу васъ быть истолкователемъ и моихъ чувствъ и надеждъ моихъ передъ вашими любезными товарищами. Не скрою, что мнѣ прискорбно было бы, если бы наша лебединая пѣснь ¹⁾ пропѣта

¹⁾ Окончивъ 3-й классъ, мы разставались съ Шульгинымъ, такъ какъ въ 4-мъ классѣ онъ уже не читалъ.

была не такъ хорошо, какъ я этого желаю и—ожидаю. Пусть я возьму съ собою самыя пріятныя объ васъ воспоминанія и радушно сохранию ихъ; пусть и вы, мои добрые друзья, иногда помните, что бесѣды наши были для васъ не безъ пользы, такъ какъ онѣ для меня были не безъ утѣшенія. Передайте это все г.г. воспитанникамъ 4-го класса и увѣрьте ихъ, такъ какъ я васъ увѣряю въ моемъ душевномъ ко всѣмъ вамъ расположеніи. Весь вашъ, И. Шульгинъ 28 ноября 1836 г.»

Шульгинъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; всякій, кто прослушалъ его курсъ, не можетъ не сохранить о немъ благодарнаго воспоминанія.

Лекція о французской словесности читалъ намъ, на французскомъ языкѣ, старикъ Реми Жилле, одинъ изъ тѣхъ французовъ, которыхъ въ такомъ множествѣ выкинули тогда на русскій берегъ волны французской революціи, и которые у насъ такъ легко получали мѣста воспитателей русскаго юношества. Получивъ какъ-то отъ Харьковскаго университета, въ 1810 г., когда ему было 45 л. отъ роду, докторскій дипломъ, — онъ съ нимъ вступалъ въ русскую службу по Лѣсному департаменту, а во время отечественной войны продолжалъ службу по военному вѣдомству въ 3-мъ округѣ внутренняго ополченія по квартирмейстерской части. По окончаніи войны 1812 года Жилле занялся воспитаніемъ русскаго юношества, былъ гувернеромъ въ знатныхъ домахъ (тамбовскаго помѣщика Загряжскаго, графа Бутурлина и др.) и попалъ въ профессора французской словесности по личному знакомству съ своимъ землякомъ, первымъ директоромъ Ришельевскаго Лицея, французскимъ аббатомъ Николею. Старикъ Жилле было поручено въ 1818 или 1819 г. отвезти молодыхъ князей Дмитрія и Григорія Петровичей Волконскихъ изъ Петербурга въ Одессу для опредѣленія ихъ въ открытый тамъ въ 1817 году Лицей. Тутъ Николь взялъ его сперва себѣ въ помощника, а потомъ добровольно отказался отъ мѣста директоръ Лицея, и сдалъ его сполна г-ну Жилле, который однако во время своего директорства такъ запутался въ дѣлахъ по хозяйственной части Лицея, по которымъ оказалось на него начета до 40.000 р., что дѣло кончилось бы для него плохо, еслибы не нашелся благодѣтель, внесшій за него эту сумму ¹⁾. Пробывъ затѣмъ 7 лѣтъ въ отставкѣ, онъ наконецъ

¹⁾ О немъ въ запискахъ графа М. Д. Бутурлина въ „Русск. Архивъ“ 1897, № 2, стр. 243; № 3, стр. 409 и 440, № 5, стр. 13.—По разсказу графа Бутурлина, въ 1814 году, по окончаніи войны, г-ну Жилле поручено былъ вести обратно на родину козачью башкирцевъ и калмыковъ (которыхъ французы звали „les Amours du Nord“, по ихъ вооруженію луками), и куріозно было видѣть французскаго полу-маркиза, плоховато говорившаго по-русски, начальствующимъ надъ толпою дикихъ азіатовъ, тоже едва говорившихъ по-русски.

въ 1829 г., на 64 году своей жизни, получилъ впервые мѣсто по ученой части: именно профессорскую кафедру въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. Такое запоздалое обращеніе къ наукѣ облегчалось для него тѣмъ, что во французской литературѣ въ то время не было недостатка въ хорошихъ учебникахъ и литературныхъ пособіяхъ, и онъ не дурно справлялся со своимъ предметомъ при помощи всѣхъ извѣстныхъ трудовъ Лагарпа, Вильмена, Баранта, Гизо и др. Конечно, мы съ большою пользою могли бы и безъ него читать эти книги въ подлинникѣ, вмѣсто затверживанія его выборовъ изъ нихъ; но хорошо было по крайней мѣрѣ то, что его курсъ, мало насъ интересовавшій, былъ не объемистъ и слѣдовательно не отнималъ у насъ много времени, нужнаго для болѣе важныхъ для насъ предметовъ.

Почти то же можно сказать о лекціяхъ, читанныхъ намъ на нѣмецкомъ языкѣ Францемъ Адамовичемъ де-Олива по нѣмецкой словесности. Этотъ лекторъ, австрійскій уроженецъ, выписанный въ 1821 году для Лицея княземъ Голицынымъ, былъ настоящимъ типомъ нѣмецкаго ученаго и профессора, и лекціи его могли бы вѣроятно быть полезны тѣмъ, кто былъ бы уже хоть нѣсколько знакомъ, изъ собственнаго чтенія, съ лучшими и главными произведеніями нѣмецкой литературы. При отсутствіи у насъ такого знакомства и при томъ обстоятельствѣ, что часть изъ его слушателей даже плохо понимали по-нѣмецки, лекціи его были для насъ, скажу откровенно, простою тратою времени. Къ счастью, курсъ его былъ еще короче, чѣмъ курсъ его французскаго коллеги.

Изученіе юридическихъ наукъ въ Лицеѣ начиналось съ III класса подъ руководствомъ профессора барона Егора Васильевича Врангеля. Это былъ вполнѣ ученый юристъ и опытный профессоръ; учился въ заграничныхъ университетахъ (Генскомъ и Вюрцбургскомъ), былъ профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ пользовался большимъ уваженіемъ, но изъ котораго былъ удаленъ реформами, послѣдовавшими по представленію пресловутаго Магницкаго. Поступивъ въ Лицеѣ въ 1820 году, на мѣсто уволеннаго отъ службы по министерству просвѣщенія даровитаго Куницына, онъ вышелъ въ отставку въ 1837 году, такъ что читанный имъ намъ курсъ римскаго права и исторіи російскаго законодательства былъ его лебединою пѣснью въ Лицеѣ. Преподаваніе его происходило по запискамъ, очень дѣльно имъ составленнымъ, и которыя онъ на лекціи пополнялъ изустными объясненіями, а изложеніе римскаго права дополнялось еще чтеніемъ *Congregis juris*. При всей сухости этихъ предметовъ, Врангель умѣлъ дѣловитостью изложенія возбуждать въ насъ интересъ къ нимъ, и его лекціи, конечно, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя принесли намъ наиболѣе пользы. Но нельзя того же сказать о лекціяхъ его продолжателя, профессора Петербургскаго университета Якова Ивановича Баршева,

заявившаго въ Лицеѣ съ 11-го марта 1837 года каеэдру юридическихъ наукъ. Онъ только, что вернулся тогда изъ-за границы, гдѣ слушалъ въ нѣмецкихъ университетахъ знаменитѣйшихъ криминалистовъ и цивилистовъ, и курсъ, который онъ читалъ намъ во второй половинѣ III и въ теченіе IV классовъ, былъ первенцемъ его педагогической дѣятельности въ Лицеѣ. Началъ онъ свои лекціи теоріею уголовного права. Будучи по натурѣ своей человѣкомъ сдержаннымъ, строго уравновѣшеннымъ, неспособнымъ увлекаться, отчасти то, что называется сухимъ, онъ своимъ безжизненнымъ изложеніемъ еще болѣе усиливалъ сухость такого предмета, какъ юриспруденція. Его лекція, вся читанная однимъ и тѣмъ же ровнымъ, тихимъ, не очень звучнымъ, нѣсколько шепелявымъ голосомъ, состоявшая изъ строго обдуманыхъ, но однообразно построенныхъ фразъ, въ которыхъ даже произношеніемъ не подчеркивались болѣе важныя слова, походила скорѣе на гладкій пересказъ урока, только наканунѣ заученнаго, но еще не обратившагося въ кровь и плоть говорившаго. Въ ней не слышалось того, что всего болѣе дѣйствуетъ на слушателей—силы убѣжденія, этого плода самостоятельной работы мысли.

Совершенною противоположностію Баршеву составлялъ одновременно съ нимъ вступившій въ Лицей даровитый профессоръ того же Петербургскаго университета Игнатій Станиславовичъ Ивановскій, точно также только-что вернувшійся изъ-за границы, гдѣ слушалъ въ разныхъ университетахъ Германіи лучшихъ въ то время представителей политическихъ наукъ, и выступившій въ Лицеѣ въ первый разъ лекторомъ въ нашемъ курсѣ. У него мы слушали политическую экономію, сравнительную статистику европейскихъ государствъ и государственное право Англіи. Ивановскій влагалъ въ свое преподаваніе поразительное и заразительное воодушевленіе, которое сильно электризовало его слушателей. Входя на каеэдру, онъ всегда начиналъ лекцію тихимъ, гнѣрнымъ голосомъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ въ свой предметъ, голосъ его становился постепенно все громче и громче, рѣчь лилась все быстрѣе и быстрѣе, онъ вскакивалъ съ каеэдры и продолжалъ лекцію ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, все въ ускорявшемся темпѣ, и достигалъ къ концу лекціи такого возбужденнаго состоянія, что въ совершенномъ изнеможеніи опускался на стулъ и долженъ былъ отдыхать минутъ 15—20 прежде, чѣмъ выйти на улицу. Любя свою науку, онъ находилъ видимое удовольствіе, когда замѣчалъ, что успѣлъ заинтересовать насъ ею; старался облегчать желавшимъ изъ насъ средства для лучшаго, болѣе близкаго ознакомленія съ нею, указаніемъ на болѣе обширныя спеціальныя сочиненія, чтеніе которыхъ было для этого особенно полезно, а иногда и приносилъ намъ такія книги для прочтенія. Онъ самъ говаривалъ, что радъ передавать свои познанія

молодому поколѣнію, которое должно ихъ далѣе развивать и обогащать. Зато какая разница въ полученныхъ результатахъ: изъ воспитанниковъ, вышедшихъ изъ Лицея въ теченіе сороковыхъ и слѣдующихъ годовъ, не малое число составили себѣ имя въ области политико-экономическихъ наукъ, тогда какъ не вышло, кажется, ни одного юриста.

Въ числѣ учебныхъ пособій, въ Лицеѣ была очень хорошая бібліотека, обязанная своимъ устройствомъ попеченію Энгельгардта, и обогащавшаяся съ того времени разными приношеніями, и передачею книгъ изъ департамента народнаго просвѣщенія. Она помѣщалась въ томъ перекинутомъ черезъ Садовую улицу переходѣ, который изъ 3-го этажа Лицея велъ въ дворцовую церковь. Но въ мое время чтеніе воспитанниками книгъ—иныхъ кромѣ принятыхъ учебниковъ, хотя допускалось, но не очень поощрялось. При лицейской бібліотекѣ особаго бібліотекаря не было, а завѣдывалъ ею инспекторъ А. Ф. Оболенскій, который очень неохотно выдавалъ изъ нея книги для чтенія. Воспитанникамъ первыхъ трехъ классовъ онъ совсѣмъ ихъ не выдавалъ, а воспитанникамъ 4-го класса стоило немало труда, чтобы получить какую-нибудь книгу изъ бібліотеки. Такъ напримѣръ, онъ выдавалъ книги только тогда, когда онъ самъ бывалъ въ бібліотекѣ, а бывалъ онъ тамъ очень рѣдко и въ неопредѣленное время; нужно было подкараулить его тамъ, чтобы выпросить у него какую-нибудь книгу. Помню, что во все время пребыванія моего въ Лицеѣ мнѣ удалось прочитать изъ лицейской бібліотеки не болѣе трехъ или четырехъ книгъ. Но за то мы сами, воспитанники, употребляли, какія могли, средства на покупку книгъ по предметамъ, какіе насъ наиболѣе интересовали. Въ товарищескую складчину мы были абонированы на жадно читаемую въ то время «Библіотеку для чтенія» Сенковскаго и на получение книгъ изъ одной читальной бібліотеки въ Петербургѣ. Въ этомъ случаѣ особенно помогалъ намъ гувернеръ и преподаватель нѣмецкаго языка добрыйишій Пецольдъ, который привозилъ намъ изъ Петербурга нѣмецкія книги для легкаго чтенія, въ видахъ усвоенія нами нѣмецкаго языка. Благодаря ему, я тогда уже одолѣлъ всѣ трудности этого языка и могъ свободно говорить и писать на немъ. Французскій же языкъ я порядочно зналъ еще до поступленія въ Лицей.

Когда судять о тогдшнемъ Лицеѣ, какъ только объ учебномъ заведеніи, то часто впадаютъ въ ту ошибку, что къ учрежденію, возникшему за 80 лѣтъ предъ симъ, въ совершенно иныхъ условіяхъ времени, прилагаютъ мѣрку современныхъ требованій. Конечно, если забыть, что рѣчь идетъ о заведеніи 30-хъ годовъ, то нельзя не признать, что объемъ и качество учебнаго дѣла въ тогдшнемъ Лицеѣ представляли собою многіе недостатки. Заведеніе, принимавшее учениковъ 10-ти—12-ти лѣтнаго возраста, не могло доводить ихъ, въ 6-ти

лѣтній срокъ ученія, до того умственнаго развитія и той научной зрѣлости, какихъ достигаютъ теперь въ теченіе не менѣе 10-ти лѣтъ прошедшіе гимназію и затѣмъ университетскій курсъ. Но даже будучи разсматриваемы въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ ставилась учебная часть самою организациею и уставомъ заведенія, она представляла многія слабыя стороны. Главнымъ же ея недостаткомъ была неопредѣленность, ея «энциклопедичность», безцѣльное соединеніе весьма разнородныхъ наукъ, изъ которыхъ ни по одной не давалось преподаванію того объема и той основательности, безъ которыхъ научныя знанія не имѣютъ цѣны и не приносятъ никакой пользы. Все это справедливо; и однакоже, если вспомнить, каковы были за 70 лѣтъ предъ симъ наши высшія учебныя заведенія, то, можетъ быть, придется сказать, что Лицей былъ лучший изъ нихъ. Въ доказательство этого довольно привести то большое число лицъ, отличившихся въ высшихъ родахъ государственной службы, которые своимъ образованіемъ были обязаны Лицею. Штатъ профессоровъ и преподавателей Лицея моего времени былъ составленъ изъ лучшихъ по тогдашнему времени представителей педагогикъ, особенно же при тогдашней отдаленности Царскаго Села отъ столицы, такъ какъ эта отдаленность не могла не затруднять выборъ преподавателей. Тѣ воспитанники, которые хотѣли учиться, находили въ Лицеѣ всѣ средства для своего образованія, а такіе профессора, какъ бар. Врангель, Шульгинъ, Ивановскій и даже Баршевъ, могли быть надежными руководителями для посвященія желающихъ во всѣ тайны преподаваемыхъ ими предметовъ. Конечно, Лицей не имѣлъ задачей готовить специальныхъ ученыхъ, но для даваемого имъ общаго образованія не бесполезна была и та энциклопедичность, въ которой такъ укоряютъ его учебный планъ, такъ какъ и она способствовала общему умственному развитію питомцевъ и расширенію ихъ понятій.

Но главное — чего не слѣдуетъ забывать — Лицей былъ заведеніемъ не только учебнымъ, но и воспитательнымъ, и съ этой стороны дѣятельность его была въ высшей степени благотворна.

Говоря о Царскосельскомъ лицее, какъ о воспитательномъ заведеніи, нельзя упускать изъ виду то вліяніе, какое онъ имѣлъ на своихъ питомцевъ въ гигиеническомъ отношеніи именно въ тѣ годы, которые такъ важны для физическаго развитія. Необыкновенно благоприятнымъ для этого условіемъ было нахожденіе заведенія въ такомъ мѣстѣ, какъ Царское Село. Извѣстно, что изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей столицы этотъ городъ съ огромными, великолѣпными дворцовыми садами и парками признанъ всѣми авторитетами медицины и гигиены самою здоровой мѣстностью, соединяющею въ себѣ самыя благоприятныя санитарныя условія: возвышенность мѣста, отсутствіе болотъ, хорошую воду, на мѣстѣ — роскошную древесную растительность на большомъ простран-

ствѣ царскаго парка. Если присоединить къ этому самое помѣщеніе Лицея въ отдѣльно стоящемъ обширномъ зданіи, съ просторными, свѣтлыми залами, въ которыхъ всегда соблюдалась чистота воздуха, и упомянуть о постоянной заботливости лицейскаго начальства о благосостояніи воспитанниковъ, доставленіемъ имъ всегда достаточной, здоровой пищи, соблюденіемъ величайшей опрятности въ одеждѣ, смѣною класныхъ занятій движеніемъ на воздухѣ въ лицейскомъ саду ¹⁾, въ часы рекреаций—то нужно сказать, что мы были въ отношеніи физическаго развитія и здоровья въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, а удаленность Царскаго Села отъ столицы, особенно же въ то время, когда еще не было желѣзной дороги, защищала Лицей отъ закоса тѣхъ эпидемій тифа, дифтерита, скарлатины et tutti quanti, которымъ подвергается въ таковой степени учащаяся молодежь въ столицѣ. Во все шестилѣтнее пребываніе мое въ Лицеѣ, между воспитанниками не было собственно болѣзней, если не считать неизбѣжной кори, или легкихъ простудъ и тѣхъ случаевъ, которые лицейскій врачъ, добрякъ Пешель, называлъ febris punitivocalis. При введеніи была больница, или точнѣе говоря—двѣ комнаты, назначенныя для пріема больныхъ, но онѣ почти постоянно оставались пустыми.

Столь же благотворно было вліяніе тогдашняго Лицея и въ нравственномъ отношеніи. Воспитанники изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій приносили съ собою тѣ начала доброй нравственности, которыми зарождаются и врѣшнута подл семейнымъ кровомъ, а заведеніе, не только какъ закрытое, но и удаленное отъ столицы, защищало ихъ отъ сличкомъ близкихъ и продолжительныхъ вродосношеній къ вышнему міру, а слѣдовательно отъ какихъ бы ни было неждательныхъ вліаній. Самъ городъ Царское Село былъ въ то время не тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ желѣзная дорога, открытая торжественно лишь 30-го октября 1837 года, приближала его къ столицѣ. Это былъ городъ только по официальной терминологіи; но въ немъ не было ничего такого, что характеризуетъ торговые и промышленные города; не было кабаковъ, не было никакихъ такъ называемыхъ увеселительныхъ заведеній, столь процвѣтающихъ нынѣ въ столицѣ; не было и сродныхъ съ ними, ясныхъ, не называемыхъ въ печати, заведеній. Можно сказать, что это былъ въ ту пору, не смотря на близость Софіи, самый добродѣтельный городъ во всемъ русскомъ царствѣ. Но и съ этимъ столь добродѣтельнымъ городомъ Лицей не имѣлъ почти никакой связи, никакихъ сношеній. По

¹⁾ Для доставленія воспитанникамъ болѣе поводовъ оставаться на воздухѣ, въ этомъ саду, каждому классу были отведены особыя куртины, которыя воспитанники могли сами обрабатывать, засаживать цвѣтами, кустами и проч.

воскресеньямъ и праздникамъ воспитанники отпускались изъ заведенія только къ родителямъ и близкимъ родственникамъ, къ постороннимъ же лицамъ и къ знакомымъ не отпускались. О томъ, чтобы уходить изъ Лицея тайкомъ, безъ позволенія, о чемъ говорить въ своей запискѣ баронъ М. А. Корфъ, у насъ и въ поминѣ не было. Родныхъ въ Царскомъ Селѣ, къ которымъ позволялось ходить, имѣли въ нашемъ курсѣ всего лишь двое воспитанниковъ (Стесель, сынъ-мѣстнаго коменданта, и Захаржевскій, племянникъ-генерала Захаржевскаго, управлявшаго дворцами и садами царскими). Отпуска же въ столицу были только недѣли на полторы на Рождествѣ, и лѣтомъ на одинъ вакаціонный мѣсяцъ; но и этими отпусками весьма немногіе изъ насъ пользовались. При такой отчужденности лицейство отъ вѣнскихъ владѣній, никто не можетъ чувствовать такъ сильно, какъ царскоелицейскіе лицеисты, всю глубину смысла Пушкинскихъ стиховъ:

Намъ цѣльмъ міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Никакъ не могу согласиться съ Я. К. Гротомъ, будто руководящимъ началомъ управленія Лицея при директорѣ, генералѣ Гольтгоерѣ, «былъ страхъ, а не любовь»¹⁾; по крайней мѣрѣ въ нашемъ IX курсѣ не было слѣдовъ чего-либо похожего на страхъ. Гольтгоеръ былъ замѣчательно добродушный старикъ, хорошій семьянинъ, съ патриархальнымъ характеромъ въ своемъ домашнемъ кругу. При его почтенной старости онъ обращался съ нами почти какъ съ дѣтьми. Хотя по своему положенію онъ считался главнымъ начальникомъ заведенія, но по отношенію къ воспитанникамъ его власть облекалась въ доброжелательную и участливую заботливость объ насъ, и потому не давала намъ никакого повода бояться его.

Наши отношенія къ нему были свободны и откровенны. Обращеніемъ этихъ взаимныхъ благодушныхъ отношеній можетъ служить слѣдующее. Въ лѣтнее время, если хорошая была погода, по воскресеньямъ, Гольтгоеръ призывалъ къ себѣ въ домъ двухъ, трехъ воспитанниковъ, которымъ въ награду за хорошее поведеніе хотѣлъ доставить маленькое развлеченіе, и они, вмѣстѣ съ нимъ и его семействомъ (состоявшимъ изъ двухъ дочерей и дѣвушки-племянницы), отправлялись позабавиться уженіемъ рыбы въ пруду дворцоваго парка. Компанія располагалась на берегу пруда, каждый изъ участниковъ получалъ по удочкѣ, и въ такомъ идиллическомъ занятіи, не мѣшавшемъ разнымъ шуткамъ и забавному разговору, проходило часа два, послѣ чего все общество возвращалось въ домъ директора, уловъ стравлялся на кухню и затѣмъ, съ

¹⁾ Я. К. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е, стр. 40.

прибавленіемъ бутербродовъ и другихъ скромныхъ закусокъ, составляя незатѣшливый ужинъ, лучшую приправу котораго служило радушіе хозяина.

Точно такія благодушія отношенія существовали у насъ и съ наставниками и воспитателями. Точно такъ, какъ при отчужденности Лицея отъ высшихъ вліяній совмѣстная шестилѣтняя жизнь съ одними и тѣми же товарищами скрѣпила между ними узы тѣсной дружбы, подпадали и съ своей стороны вліянію той же отчужденности и совмѣстной жизни наши наставники и гувернеры, жившіе въ Царскомъ Селѣ, такъ что подъ конецъ шестилѣтія воспитанники и гувернеры составляли какъ бы одну семью, сплоченную чувствами взаимной пріязни, и въ которой все различіе состояло лишь въ томъ, что одни были старшіе, а другіе—младшіе члены. Къ тому же въ числѣ нашихъ гувернеровъ были очень образованные люди, бесѣды съ которыми были намъ всегда пріятны и полезны. Таковыми были: Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ, братъ академика; Александръ Семеновичъ Пецольдъ, бывшій впоследствии профессоромъ нѣмецкой словесности; Иванъ Егоровичъ Броунъ, имѣвшій потомъ пансіонъ для приготовленія воспитанниковъ къ поступленію въ Лицей; Алексій Ивановичъ Кохъ, бывшій морякъ, воспитанникъ Морскаго корпуса. Къ устраненію изъ нашихъ отношеній къ начальству всякаго страха служило и то, что въ существовавшей у насъ системѣ воспитанія не было, во все прохожденіе шести-лѣтняго курса, никакихъ наградъ, но и не употреблялось никакихъ наказаній (за исключеніемъ единственнаго бывшаго случая—заключенія воспитанника въ карцеръ, о чемъ рѣчь будетъ ниже), и «наставникамъ, хранившимъ юность нашу» не приходилось ни разу прибѣгать къ какимъ-либо мѣрамъ строгости, которыя могли бы нарушить добрыя взаимныя наши отношенія.

Благотворному вліянію лицейской среды на воспитанниковъ должно приписать общее замѣченное явленіе — сохраненія ими во всю жизнь нѣжныхъ чувствъ къ нему, даже и тогда, когда уже они сознавали всѣ его недостатки, какъ высшаго учебнаго заведенія. Конечно, тутъ нельзя отказать нѣкоторой доли участія и поэзіи Пушкина—этой дивной таинственной силѣ, которая такъ неотразимо дѣйствуетъ и на самыя прозаическія натуры. Я самъ, восьмидесятилѣтній старикъ, и теперь еще не могу безъ душевнаго волненія читать его «лицейскія годовщины» (19-го октября), въ которыхъ вложено столько горячей, трогательной любви къ Лицею, и которыя должны были, конечно, дѣйствовать заразительно на царскосельскихъ лицействъ.

Говоря объ этихъ «годовщинахъ», лицействъ Я. К. Гротъ замѣчаетъ: «Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его (Пушкина) товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ

курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо считать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищескаго братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицейстовъ»¹⁾).

Въ 60-хъ годахъ, въ эпоху великихъ преобразованій, обезсмертившихъ царствованіе Александра II, лицействъ X-го курса А. В. Головининъ, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, энергично занимался реформою всей системы у насъ учебнаго дѣла; имѣя случай не разъ говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, я однажды указалъ ему на ненормальность положенія Лицея, стоящаго особнякомъ внѣ всякой связи съ этою системою, и представляющаго собою какой-то незаконный бракъ гимназіи съ университетомъ. «Это вѣрно»,—оказалъ Головининъ,—«Лицей требуетъ преобразованія; но мнѣ, какъ лицейсту, не хочется накладывать руку на нашу дорогую алмашатеръ; пусть сдѣлаютъ это, послѣ меня, другіе». Въ этихъ словахъ можетъ быть высказалось несознательно субъективное чувство, благодарная память о счастливыхъ годахъ, протекшихъ подъ лицейскимъ кровомъ. Головининъ, будучи уже министромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, любилъ въ день лицейской годовщины (19-го октября) собирать у себя, за дружескимъ обѣдомъ, своихъ лицейскихъ товарищей; и мое сближеніе съ нимъ основывалось главнѣйше на томъ, что и я былъ царскосельскимъ лицейстомъ.

Баронъ М. А. Корфъ, который, любя иногда макать свое острое перо въ очень черныя чернила, далъ въ своей превосходной запискѣ 1854 года²⁾ далеко не въ розовомъ свѣтѣ изображеніе нравственнаго и учебнаго быта мѣста своего воспитанія, въ старости не иначе говорилъ о немъ, какъ называя его «нашъ дорогой Лицей». Въ 1865 году, когда я послалъ ему экземпляръ рѣчи (Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ), читанной 29-го декабря 1864 года, въ торжественномъ собраніи Академіи, въ которомъ онъ присутствовалъ въ числѣ почетныхъ посѣтителей, я получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующую очень любезную записку, которую да позволено мнѣ будетъ привести здѣсь, въ подтвержденіе вышесказаннаго. «Послѣшаю принести вамъ выраженіе всей моей благодарности за доставленіе мнѣ экземпляра прекрасной вашей рѣчи. Она останется для меня приятнымъ воспоминаніемъ часа, проведеннаго въ высшемъ у насъ святилищѣ наукъ, тѣхъ славныхъ именъ, въ сообщество которыхъ вы насъ ввели, наконецъ, почтеннаго автора, съ такою честью являющагося въ Акаде-

¹⁾ Я. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е 1899, стр. 24.

²⁾ Я. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники Изд. 2-е, стр. 222—254.

мнѣ представителемъ нашего родного Лицея. Примите и проч. Баронъ М. Корфъ. 10-го марта 1865 года».

Съ тѣхъ поръ какъ лицей былъ включенъ въ семью военно-учебныхъ заведеній, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, многія циркулярныя распоряженія по учебной, воспитательной и хозяйственной частямъ корпусовъ были распространяемы и на Лицей; они сообщались къ исполненію директору и не доходили до нашего свѣдѣнія ¹⁾. Но два распоряженія послужили и для насъ осязательнымъ знакомъ принадлежности Лицея къ группѣ кадетскихъ корпусовъ. Великій князь, вскорѣ по назначеніи его въ 1831 году главнымъ ихъ начальникомъ, желая ближе ознакомиться съ юношествомъ, воспитаніе котораго было ввѣрено его попеченіямъ, дѣлалъ время отъ времени въ своемъ дворцѣ обѣды, на которые приглашались изъ каждаго корпуса по нѣсколько кадетовъ, съ директоромъ во главѣ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и наградой, такъ какъ для этого избирались лишь ученики, заслуживавшіе своимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ такого отличія.

Въ книгѣ Селезнева приведено изъ приказовъ главнаго директора корпусовъ объявленіе, что «его высочество, удостоивая воспитанниковъ къ своему столу и осчастливливая ихъ милостивыми и отеческими привѣтствіями, съ особеннымъ удовольствіемъ изволилъ замѣтить открытость каждаго изъ нихъ въ отвѣтахъ и разговорахъ, и что его императорскому высочеству всегда пріятно слышать разсужденія дѣтей, ихъ вопросы, рассказы и тому подобное» ²⁾.

Къ такому общему съ кадетами столу его высочества были приглашаемы и лицеисты. Живо помню, какъ я, будучи еще въ младшемъ классѣ, удостоился такой высокой чести, вмѣстѣ съ тремя другими (по одному изъ каждаго класса); помню, какъ воѣхъ насъ для этого отвезли въ Петербургъ, въ каретѣ, въ сопровожденіи дядьки ³⁾, который долженъ былъ доставить туда всю нужную для насъ для этого случая аммуницію. Въ городѣ была нанята на этотъ день особая квартира, въ которой мы помѣстились, облеклись въ новые мундирчики, и въ самой парадной формѣ явились къ назначенному часу во дворецъ, вмѣстѣ съ своимъ директоромъ. Великолѣпие дворца, праздничная пышность громаднаго обѣденнаго стола, за которымъ размѣстились избранные представители воѣхъ кадетскихъ корпусовъ,—все это производило чарующее, неизгладимое впечатлѣніе; но еще болѣшимъ для насъ очарованіемъ было, когда послѣ обѣда великій князь собралъ насъ воѣхъ

¹⁾ Подробное изложеніе такихъ распоряженій въ богатой содержаніемъ книгѣ Селезнева „Историческій очеркъ Лицея“, составляетъ драгоценный матеріалъ для исторіи этого заведенія.

²⁾ Селезневъ, стр. 383.

³⁾ Такъ назывались бывшіе при насъ нижніе служители.

въ особомъ большомъ залѣ, гдѣ находились разныя устройства для гимнастики, катальная горка и пр.; онъ былъ очень веселъ и забавлялся, посылая того или другого кадета лазить на мачту или скатываться съ горки, много смѣясь, глядя на эти забавы; ставъ во весь ростъ и широко раздвинувъ ноги, онъ пропускалъ подъ собой самыхъ маленькихъ. Сидя на креслѣ, онъ подозвалъ къ себѣ лиценцовъ, сказавъ: «а вотъ, это ученые», шутилъ съ нами и разговаривалъ особенно съ младшими изъ насъ. Во всемъ его обращеніи съ дѣтьми ярко выступала его безконечная душевная доброта, составлявшая такую симпатичную черту его характера.

Другимъ знакомъ нашей принадлежности къ семьѣ военно-учебныхъ заведеній было въ 1832 году повелѣніе лиценстамъ исполнять по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ дежурство при высочайшемъ дворѣ во время присутствія ихъ императорскихъ величествъ въ Царскомъ Селѣ—старшему возрасту наравнѣ съ камеръ-пажами, младшему—съ пажами. До сихъ поръ у меня свѣжо въ памяти, какъ въ лѣто слѣдующаго года, будучи еще въ младшемъ классѣ, я удостоился однажды быть такимъ дежурнымъ, вмѣстѣ со старшими лиценстами, во время обѣдни, и держать нарядку, которую великая княжна Марія Николаевна сняла съ себя передъ входомъ въ церковь. Какъ теперь вижу величественный образъ государя, и какъ онъ, разъ оборотаясь, внимательно остановилъ на насъ на минуту свой взоръ. Вѣроятно, онъ нашелъ у насъ все въ порядкѣ, такъ какъ намъ потомъ не было сдѣлано никакого замѣчанія.

Въ нашемъ курсѣ передъ самымъ выпускомъ случилась исторія, изъ которой можно вывести разныя заключенія. Лиценсты въ то время должны были, подобно кадетамъ, носить на головѣ очень короткіе волосы,—быть всегда острижены «подъ гребенку»; за этимъ начальство всегда строго наблюдало, особенно же когда близился публичный выпускной экзамень, на который всегда можно было ожидать прибытія кого-нибудь изъ начальства военно-учебныхъ заведеній. Одинъ изъ воспитанниковъ нашего курса, Александръ Де-Бринья, очень занятый собою, мечталъ уже, какъ онъ будетъ хорошъ въ модныхъ костюмахъ, которыми смѣнить свой лицейскій мундирчикъ, и смущался только, какъ при франтовскомъ фракѣ будетъ дичить голова, остриженная по-солдатски. Поэтому онъ сталъ понемногу отращивать себѣ волоса длиннѣе положенной мѣры. Это не могло укрыться отъ зоркаго на эти вещи глаза директора Гольтгоера, и онъ, при обходѣ классовъ, замѣтя такое отступленіе отъ порядка, отдалъ дежурному гувернеру приказаніе о томъ, чтобы Де-Бринья остригся покорооче; а когда Де-Бринья отказался исполнить это приказаніе, и гувернеръ доложилъ объ этомъ директору, то онъ приказалъ посадить его за ослушаніе въ карцеръ. И, Боже мой, какой это произвело взрывъ неудовольствія всего класса! Какъ! того,

кто черезъ мѣсяць или два будетъ титулярнымъ совѣтникомъ, посадить какъ школьника, въ карцеръ, тогда какъ во все шестилѣтіе нашего пребыванія въ Лицеѣ это наказаніе ни разу не примѣнялось, и карцеръ постоянно пустовалъ. Наконецъ, мы тогда усиленно готовились къ публичному экзамену, занимаясь повтореніемъ всего пройденнаго въ теченіе полутора года, и сидѣніе въ карцерѣ лишило оштрафованнаго возможности продолжать эти занятія. Нашлись между нами особенно горяченькіе (Леонидъ Воейковъ и Александръ Трофимовъ), которые голосили, что нужно вступиться за товарища, а для этого созвали сходку, много шумѣли и грозили, что если Де-Бриньи не будетъ выпущенъ изъ карцера, то мы сами пойдѣмъ и его выпустимъ. Испуганный гувернеръ поспѣшилъ дать знать объ этой шумной сценѣ директору, который тотчасъ же пришелъ усмирять расходившихся школьниковъ. Но добрыйшій Гольтгоеръ былъ не рѣчистъ, и по своей крайней добротѣ никогда не могъ принять на себя грозный, внушительный видъ. Мы его любили, но вовсе не боялись. Его увѣщаніе, сказанное его тихимъ и мягкимъ голосомъ, не только не оказало своего дѣйствія, но даже, когда онъ, уходя отъ насъ, спускался съ лѣстницы, то вслѣдъ ему слышались съ верхней площадки не очень почтительныя по его адресу восклицанія. Это, по тогдашнему строгому времени, составило такое «пронисшествіе», котораго нельзя было замѣть. Тотчасъ полетѣло донесеніе въ Петербургъ, въ штабъ военно-учебныхъ заведеній. Вскорѣ затѣмъ, дня черезъ три или четыре пріѣзжаетъ Я. И. Ростовцовъ, насъ выстраиваютъ въ шеренгу въ большой актовомъ залѣ, онъ входитъ въ сопровожденіи Гольтгоера и обращается къ намъ съ грозною рѣчью, въ которой, сказать, что мы своимъ преступнымъ поведеніемъ явили себя недостойными того благодѣанія, какое оказано намъ правительствомъ, даровавшимъ намъ великое въ жизни благо— хорошее воспитаніе, объявилъ, что по высочайшему повелѣнію Воейковъ и Трофимовъ, какъ наиболѣе виновные, отдаются въ солдаты, а всѣ прочіе (кромѣ Де-Бриньи) въ кантонисты. Послѣ этого, смѣнивъ торжественный тонъ тономъ укоризны, онъ сказалъ, что, оскорбивъ своего директора, мы отплатили черною неблагодарностью тому, кто съ отеческою заботливостью окружалъ нашу молодость своими неустанными попеченіями, и что мы должны просить у почтеннаго старца прощенія за причиненное ему огорченіе. Эта рѣчь кончилась командою «на колѣни»!, которая и была исполнена. Гольтгоеръ, очень взволнованный, со слезами на глазахъ, обратился къ Ростовцову съ нѣсколькими словами, которыхъ мы не разслышали. По отъѣздѣ Ростовцова мы были въ недоумѣніи—продолжать ли готовиться къ экзамену, такъ какъ кантонистамъ ужъ нечего экзаменоваться; но начальство наше, не получивъ по этому вопросу прямыхъ указаній отъ главнаго начальника, рѣшило продолжать наши занятія до той поры, когда будетъ

сдѣлано свыше распоряженіе о разсылкѣ насъ куда слѣдуетъ. Для черезъ три намъ было объявлено, что по докладу Ростовцова государь насъ простилъ. Дѣло стало ясно. Конечно, помилованіе наше было слѣдствіемъ доклада, въ которомъ Ростовцовъ свидѣтельствовалъ объ изъясненномъ провинившимися раскаяніи, о томъ, что они просили прощеніе у оскорбленнаго директора, который ихъ простилъ и ходатайствуетъ за нихъ предъ государемъ. Такой благополучный исходъ нашей глупой шалости, которая, будучи представлена въ иномъ свѣтѣ государю, особенно строгому въ случаяхъ малѣйшаго неповиновенія и сопротивленія начальству, могла бы намъ дорого обойтись, обязывалъ насъ живѣйшею благодарностью къ Ростовцову, и мы тутъ же рѣшили, что, по выходѣ изъ Лицея, первымъ нашимъ дѣломъ будетъ явиться къ нему въ содрогѣ, для изъясненія нашей признательности.

Въ числѣ обычаевъ, сохранившихся въ Лицеѣ традиціонно съ перваго времени его существованія, нельзя не отмѣтить публичныхъ выпускныхъ экзаменовъ и того пріема, какимъ ставилась на сцену эта комедія. О томъ, чѣмъ они были въ знаменитомъ первомъ курсѣ, повѣдалъ міру, кажется въ первый разъ, не кто иной, какъ самъ баронъ М. А. Корфъ съ откровенностью настоящей исповѣди. «Публика при выпускныхъ нашихъ экзаменахъ»,—говоритъ онъ ¹⁾,—«состояла только изъ профессоровъ Лицея и кое-какихъ царскосельскихъ жителей второй руки. Подобно какъ въ математикѣ и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей и дурные отвѣты являлись только тогда, когда какой-либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ расписаніи, или какой-нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже послѣдняго въ жизни своей урока. Посѣтители же вопросовъ не задавали, по той простой причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые и были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей фиктивной премудрости, или сами, какъ напримѣръ наши профессора, состояли участниками въ разговорѣ».

Не знаю, сохранялся ли такой порядокъ непрерывно во всѣхъ бывшихъ послѣ того выпускахъ, но въ нашемъ IX курсѣ онъ былъ исполненъ въ точности, какъ необходимое послѣдствіе самой публичности экзамена, бывшаго не столько испытаніемъ учениковъ, сколько ревизіей самого заведенія въ учебномъ отношеніи, такъ какъ всю публику у насъ въ этомъ случаѣ составляли только генералы и другіе депутаты, присланные изъ штаба военно-учебныхъ заведеній, а

¹⁾ Записка графа М. А. Корфа, 1854 г., въ сборникѣ Я. К. Грота: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е, стр. 263.

на одномъ экзаменѣ присутствовалъ даже самъ начальникъ штаба Я. И. Ростовцовъ. Весь механизмъ экзамена состоялъ въ слѣдующемъ: профессоръ давалъ намъ краткій составленный имъ конспектъ всего имъ пройденнаго предмета, для того чтобы мы по немъ заготовили билеты; для этого конспектъ разбивался на столько частей, сколько было насъ, учениковъ, т. е. на 20 частей, такъ что содержаніе каждаго билета состояло не изъ одного какого-либо опредѣленнаго вопроса, а изъ $\frac{1}{20}$ части всего пройденнаго. При такомъ объемѣ билета отвѣчающій всегда могъ выбрать изъ него что-нибудь для наполненія тѣхъ 20 или 30 минутъ, которыя давались для отвѣта. Но упрощеніе шло еще далѣе: билеты приготавливались въ двойномъ числѣ, одинъ экземпляръ ихъ раскладывался на столѣ передъ экзаменаторами, а другой распределялся между учениками, изъ которыхъ каждый приготавливался отвѣчать только на одинъ билетъ, который онъ и держалъ спрятаннымъ въ рукавъ мундира. Будучи вызванъ, онъ самъ бралъ со стола передъ экзаменаторами билетъ и объявлялъ номеръ только не этого билета, а того, который у него былъ спрятанъ, и по которому онъ и отвѣчалъ. Помню, какъ на экзаменѣ по исторіи нѣмецкой литературы одинъ изъ постороннихъ экзаменаторовъ взялъ самъ со стола билетъ и, прочитавъ номеръ и содержаніе его, подаль вызванному ученику—это конечно разстроило всю механику, нельзя было далѣе употреблять поддѣльные билеты; и половина класса чисто срѣзалась, то-есть отказалась отвѣчать. Никакъ не позволю себѣ сказать, чтобы это дѣлалось съ вѣдома и согласія профессоръ, котораго впрочемъ у нихъ и не спрашивали; а они, если и догадывались, то только закрывали глаза. Къ тому же, подобнымъ фокусомъ достигалось только одно: что публичные экзамены сходили съ рукъ гладко и безъ проваловъ; что же касается нашихъ профессоровъ, то они и безъ экзамена очень хорошо знали своихъ учениковъ, ихъ степень познаній и успѣховъ; а ихъ отмѣтки или баллы и имѣли наиболѣе вѣса и вліянія на насъ. Что подобный подлогъ дѣлался съ общаго согласія цѣлаго класса, не покажется страннымъ никому, кто знаетъ, что значить духъ товарищества въ школѣ. Хотя большая половина класса, чтобы выдержать экзаменъ, и не нуждалась въ описанномъ фокусѣ, но по долгу добраго товарищества должна была, въ угоду слабѣйшимъ изъ насъ, согласиться на него, такъ какъ, для удачнаго проведения его, необходимо было участіе всѣхъ.

Впрочемъ, постановка на сцену этихъ фиктивныхъ экзаменовъ единственно въ угоду нѣкоторыхъ слабыхъ товарищей, была дѣломъ нѣсколькихъ дней передъ ними. Собственно къ настоящему выпускному экзамену мы напряженно готовились въ теченіе трехъ или болѣе недѣль, по крайней мѣрѣ готовились тѣ, которые не были неисправимыми лѣнтяями. Скажу о себѣ, что къ послѣднему, выпускному экзамену я готовился

серіозно и не только перечиталъ повторительно всѣ записки о пройденныхъ въ послѣдніе полтора года предметахъ, но и изготовилъ четыре письменныхъ сочиненія или диссертациі, по одной: на русскомъ языкѣ (о причинахъ французской революціи), на латинскомъ (по римскому праву), на французскомъ и нѣмецкомъ, которыя и были выложены на столѣ во время публичнаго экзамена, какъ врсѣшїна оказанныхъ успѣховъ. Все это стоило такого напряженія всѣхъ умственныхъ силъ и нервной системы, что еще гораздо позже, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда отъ какой-нибудь ненравильности кровообращенія случались во время сна такъ называемые кошмары, всего чаще сновидѣніемъ былъ ужасъ отъ необходимости предстать на экзаменъ неготовымъ къ нему.

Изъ всѣхъ четырнадцати курсовъ; выпущенныхъ изъ Царскосельскаго лица съ 1817 по 1845 годъ, нашъ—IX-й—былъ самый слабый по результатамъ, полученнымъ при выпускѣ⁴⁾. Медалей удостоено у насъ только двое (2 золотыя и ни одной серебряной), тогда какъ въ прочихъ выпускахъ награжденныхъ медалями было въ среднемъ выводѣ отъ 5 до 6-ти на каждый выпускъ (точнѣе 5,6); число удостоенныхъ чина 9-го класса было у насъ только 8; таковаго малаго числа не было ни прежде, ни послѣ нашего курса, если не считать III курсъ, такъ какъ изъ него выпущено 11 человекъ въ военную службу, и въ томъ числѣ 8 человекъ офицерами въ гвардію.

Слабость IX-го курса выказалась еще ярче въ незначительности числа тѣхъ воспитанниковъ, которые заявили себя чѣмъ-нибудь на служебномъ или иномъ житейскомъ поприщѣ, и въ неимовѣрно, наобо-

⁴⁾ Выпущено изъ Царскосельскаго Лицея съ 1817 по 1845 г.

	Общее число выпущенныхъ.	Медалей золотыхъ.	Медалей серебряныхъ.	IX клас.	X клас.	XII клас.	XIV клас.	Воен. служ.
I курсъ	29	2	6	9	8	—	—	12
II "	25	2	2	10	5	1	—	9
III "	24	2	4	6	5	2	—	11
IV "	24	2	6	11	2	2	—	10
V "	25	3	4	10	2	4	—	9
VI "	24	2	4	17	1	6	—	—
VII "	25	2	2	15	4	3	3	—
VIII "	22	2	3	9	4	7	2	—
IX "	20	2	—	8	2	6	2	—
X "	20	2	4	12	3	4	1	—
XI "	28	3	2	15	5	4	4	—
XII "	22	1	3	13	5	4	—	—
XIII "	22	3	4	12	5	5	—	—
XIV "	19	1	3	10	6	3	—	—

ротъ, такихъ, о которыхъ единственнымъ памятникомъ ихъ земнаго существованія остались одни нѣмыя имена, занесенныя въ списки лицействъ.

Объясненіе причины этого явленія можетъ быть небезынтересно для того, кто когда-нибудь займется исторіей Лицея. Уже первые устроители этого своеобразнаго учебнаго заведенія чувствовали необходимость въ особомъ пригготовительномъ для него училищѣ, изъ котораго можно было бы пополнять комплектъ учениковъ въ Лицеѣ юношами хорошихъ способностей съ достаточными подготовительными познаніями. Это и повело къ учрежденію 27-го января 1814 г. при Лицеѣ благороднаго пансіона, поставленнаго въ тѣсную, органическую съ нимъ связь; ученіе въ обоихъ заведеніяхъ производилось одними и тѣми же наставниками, по однообразному, взаимно соглашенному плану.

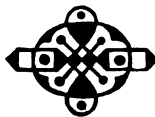
Изъ этого пансіона и избирались лучшіе ученики для перевода въ Лицей. Но этотъ источникъ исчезъ, когда пансіонъ былъ, безъ достаточныхъ причинъ, закрытъ 23-го февраля 1829 г.¹⁾, а когда вскорѣ затѣмъ, въ 1832 году, комплектъ учащихся въ Лицеѣ былъ удвоенъ, то для набора новыхъ для него учениковъ, признали за лучшее предоставить начальству 1-ой петербургской гимназіи избрать самому изъ лучшихъ случившихся въ ней, въ среднемъ возрастѣ, питомцевъ, 20 учениковъ и представить ихъ въ Лицей. Такимъ образомъ выборъ былъ сдѣланъ людьми, не вполне знакомыми съ требованіями Лицея, при томъ выборъ зависѣлъ отъ случайности; выбирались лучшіе изъ бывшихъ въ ту пору въ гимназіи учениковъ, но каковы они были безотносительно, объ этомъ не спросили. Когда удостоенные начальствомъ гимназіи къ переводу въ лицейсты были доставлены въ Лицей, то при самомъ снисходительномъ испытаніи ихъ обнаружилась недостаточность ихъ подготовки, такъ что въ пріемъ одного изъ доставленныхъ гимназистовъ пришлось даже отказать. Неудача этого перваго опыта пополненія Лицея учениками 1-ой гимназіи повела къ тому, что вслѣдъ за тѣмъ, 9-го декабря 1834 года, право комплектовать Лицей учениками было предоставлено петербургскимъ гимназіямъ 1-й и 2-й, и Московскому дворянскому институту, т. е. по 5 изъ cadaго изъ этихъ заведеній; а вскорѣ затѣмъ, 29-го февраля 1836 г., учрежденъ пригготовительный пансіонъ А. Ф. Оболенскаго, какъ замѣна прежняго благороднаго лицейскаго пансіона. Такъ всѣ послѣдовавшіе послѣ нашего курсы уже могли комплектоваться болѣе правильно и болѣе удовлетворительно, а нашъ—IX-й—остался одинокимъ свидѣтелемъ сдѣланной въ 1832 году ошибки

¹⁾ См. объ этомъ воспоминаніи лицейста Хаританова „Русск. Старина“ 1894 г. январь, стр. 106.

Послѣ шестилѣтняго затворничества насталь наконецъ для насъ страстно ожидаемый день выпуска—11-го іюня 1838 года намъ объявили, что мы свободны; передъ нами пали затворы, и широко распахнулись двери Лицея. Чувствовать себя свободнымъ, какъ птица, навсегда избавленнымъ отъ всякихъ экзаменовъ, отъ всякой регламентации, опредѣляющей обязательное употребленіе каждаго дня и часа, однимъ словомъ—сознавать себя впервые властными располагать собою по своему праву,—это такое ощущеніе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Это было точно опьяненіе. Мы устремились на желѣзную дорогу и въ первый разъ въ жизни испытали сладость быстраго движенія на всѣхъ парахъ, которое какъ бы вторило нашему опьяненію свободой.

Но, переступивъ черезъ лицейскій порогъ, мы въ своемъ опьяненіи тогда не сознавали, что вмѣсто тѣхъ учебныхъ книгъ и руководствъ, съ которыми мы такъ радостно распрощались, передъ нами раскрывалась болѣе мудреная книга—книга жизни, намъ еще невѣдомая, и которую, хочешь не хочешь, приходилось теперь разбирать по складамъ; не подозрѣвали мы, слѣпцы, что собственно свобода была не передъ нами, а позади насъ, по ту сторону лицейскаго порога, а въ замѣнъ ея мы получали ярмо обязанностей, сопровождающее человѣка неотступно до гробовой доски.

К. Веселовскій.

Пожертвованіе въ память пребыванія великаго князя Михаила Павловича въ Пензенской губерніи.

Письмо великаго князя пензенскому губернскому правводителю дворянства Столыпину ¹⁾.

6-го сентабра 1817 года Въ Тамбовѣ.

Григорій Даниловичъ! Весьма лестно для меня извѣстіе общиѣю моимъ чувствъ пензенскаго благороднаго дворянства, желающаго ознаменовать пребываніе мое въ Пензенской губерніи пожертвованіемъ трехъ тысячъ рублей въ пользу инвалидовъ моего полка.

Такое дворянствъ Пензенской губерніи приношеніе я тѣмъ съ большею приемлю готовностію, что благотворительность есть какъ бы любимѣйшее свойство онаго почтеннѣйшаго сословія, и которой памятники нашель я въ губерніи къ совершенному моему удовольствію.

Примите увѣреніе въ чувствъ всегдашняго моего къ вамъ благорасположенія.

Сообщ. Аполлонъ Момаровскій.

¹⁾ Рескриптъ этотъ найденъ въ бумагахъ преосвященнаго Моисея Ближенцова-Платонова, епископа пензенскаго, бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ домою Столыпинныхъ.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

акъ только необычайныя событія, сопровождавшія вѣцареніе императора Николая, дали новому государю возможность вникнуть въ иностранную политику, Восточный вопросъ долженъ былъ, прежде всего, привлечь къ себѣ полное вниманіе преемника Александра.

Послѣ неудовлетворительнаго исхода петербургской конференціи, собранной для умиротворенія Востока, императоръ Александръ объявилъ, что онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ. Въѣздъ съ тѣмъ государь приказалъ графу Нессельроде спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ. Въ этомъ неопредѣленномъ положеніи находились восточныя дѣла, когда изъ Таганрога распространилась печальная вѣсть о кончинѣ Александра I.

Отвѣты нашихъ пословъ на циркулярное предложеніе графа Нессельроде суждено было прочесть уже не творцу Священнаго союза, но императору Николаю. Самый замѣчательный изъ нихъ принадлежитъ Поццо-ди-Борго. По словамъ Ковалевскаго (Егора Петровича), въ депешѣ посла при французскомъ дворѣ отразился весь свѣтлый умъ этого дипломата. «Какъ соколъ, спущенный, наконецъ, съ руки охотника, онъ понесся прямо и неудержимо къ дѣлу; съ высоты, недосыгаемой для другихъ, окинулъ онъ поле дѣйствія и, указывая на враговъ, поражалъ ихъ перомъ своимъ. Онъ писалъ, что Россія, въ томъ положеніи, въ которомъ заявила себя передъ Европой, уклонившись отъ нея и предо-

ставивъ себѣ полную свободу дѣйствій, конечно, поставитъ ее въ недоумѣніе, но это только на первое время. Европейскія державы, руководимыя княземъ Меттернихомъ, проникающимъ во всѣ тайны кабинетовъ путями темными, ему одному доступными, скорѣе поймутъ настоящее значеніе «нашей свободы дѣйствій». Если она, хотя временно, обратится въ бездѣйствіе; они будутъ очень довольны имъ и постараются воспользоваться обстоятельствами, чтобы отучить Европу обращаться за разрѣшеніемъ международныхъ вопросовъ къ Россіи. А что однажды утрачено, то не легко возвращается. Положеніе наше на материкѣ не то, что Англіи на острову; при томъ же, у нея есть и другіе пути преобладанія—ея богатства, торговля, узаконенія, соблазняющія другіе народы. У насъ только одна сила матеріальная. Нужно, чтобы негодозаніе наше противъ союзниковъ выразилось не однимъ пассивнымъ молчаніемъ, но и мѣрами болѣе существенными»¹⁾.

Выражая затѣмъ радость по поводу временнаго разрыва Россіи съ союзомъ, Поццо-ди-Борго высказываетъ мнѣніе, что этотъ союзъ принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ.

Англія, пользуясь затишьемъ, охраняемымъ союзниками, не только устроила и умиротворила взволнованное и потрясенное состояніе страны, но успѣла развить свою промышленность и торговлю до того, что не только уплатила значительную часть изъ несмѣтныхъ долговъ, но опять стала изобиловать накопившимися капиталами. Австрія никогда не стѣсняется обязательствами союза, когда рѣчь идетъ не объ ея матеріальныхъ пользахъ, или когда не задѣты ея политическія цѣли. Священный союзъ служилъ ей щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ враговъ; пользуясь только имъ, она приобрѣла такое сильное вліяніе въ Европѣ, которое рушилось, какъ скоро отклонился отъ нея главный союзникъ. Пруссія также воспользовалась поддержкою союза; оставаясь въ сторонѣ отъ пожертвованій, которыя союзъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла залѣчить раны, нанесенныя кровопролитною и продолжительною войною, и совершить ови обширныя и общепользныя реформы внутри государства. Что же касается Франціи, то союзъ напоминаетъ ей времена ея униженія; она охотно оставила бы его, но слабость и нерѣшительность кабинета и двора не позволяютъ ей слѣдовать самостоятельной политикѣ²⁾.

По справедливому замѣчанію Ковалевскаго, если Поццо-ди-Борго

¹⁾ Е. П. Ковалевскій: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., т. 2-й, стр. 141.

²⁾ Позднѣе, въ январѣ 1826 года, Поццо-ди-Борго писалъ графу Нессельроде: „Сила и природа вещей влекутъ Францію къ Россіи. Ихъ союзъ мволируетъ Англію и дѣлаетъ для нея невозможнымъ образовать континентальныя союзы“.

не говорить, что Россія, стоявшая въ послѣднее десятилѣтіе на стражѣ спокойствія Европы, въ полномъ вооруженіи, такъ дорого ей стоившемъ, не только не извлекла никакой пользы изъ этого союза, какъ ясно показали турецкія дѣла, но возбудила явное негодованіе народовъ и скрытую зависть правительствъ, если Поццо-ди-Борго не высказываетъ этой мысли, то ясно даетъ ее понять.

Въ заключеніе дипломатъ нашъ обращается къ мѣрамъ, которыя Россія обязана принять для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ, погранныхъ насиліемъ Турціи. Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматумъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій двинуть войска въ княжества и выгнать оттуда турокъ. Поццо-ди-Борго приходитъ къ заключенію, что ни одна изъ европейскихъ державъ не заинтересована достаточно и не приготовлена къ тому, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, за исключеніемъ Австріи, которая приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ; можетъ быть, она приступитъ даже къ вооруженіямъ, а потому Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ обсерваціонный корпусъ, быть наготовѣ на юго-западной границѣ, чтобы ринуться всѣми силами на Габсбургскую монархію и съ разу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ, что вѣнскій кабинетъ не допуститъ до этого и ограничитъ свои враждебныя дѣйствія интригами и нравственной поддержкой или тайною помощью Турціи, что, конечно, не принесетъ Портѣ существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Императоръ Николай усвоилъ себѣ воззрѣнія, высказанныя Поццо-ди-Борго и вполне согласовавшіяся съ его собственнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, и остановился на рѣшеніи провести рѣзкую грань между распрєю собственно Россіи съ Оттоманскою Портою и греческимъ вопросомъ.

«Ни декабрьскіе дни 1825 года, ни собственное личное настроеніе внаго государя не могли допустить мысли о сочувствіи его какому бы то ни было народному возстанію или революціонной вспышкѣ. Но Николай Павловичъ понялъ громадную силу стихійнаго стремленія своего народа на помощь къ избиваемымъ турками единовѣрцамъ и усмотрѣлъ неотложную необходимость уважить это стремленіе, направить его твердою рукою и потому идти по пути, намѣченному покойнымъ его братомъ»¹⁾.

Предположенія графа Ла-Феррона вполне оправдались; онъ писалъ въ Парижъ:

¹⁾ Ф. Мартенсъ: Императоръ Николай и королева Викторія. „Вѣстникъ Европы“ 1896 года (ноябрь), т. VI, стр. 77.

«Восточный вопрос несомнѣнно будетъ возбужденъ въ скоромъ времени, и нынѣ трудно предположить, чтобы онъ не сопровождался иными послѣдствіями, чѣмъ тѣ, на которыя можно было разсчитывать при императорѣ Александрѣ. Пусть намѣренія остаются тѣ же, заявленія будутъ согласны съ тѣми, что были намъ сдѣланы прежде, но положеніе слишкомъ различно, чтобы новый императоръ могъ въ точности слѣдовать по стопамъ своего предшественника».

Между тѣмъ Каннингъ началъ обнаруживать склонность къ совмѣстному дѣйствію съ Россією въ греческомъ вопросѣ. Намѣтивъ себѣ подобную цѣль, Каннингъ рѣшился предложить чрезвычайное посольство въ Россію, по случаю кончины Александра I, герцогу Веллингтону, русскому фельдмаршалу, лично извѣстному императору Николаю, который пользовался радушнымъ приемомъ и руководствомъ знаменитаго полководца во время своего пребыванія въ Лондонѣ въ 1816 году. Хотя Веллингтонъ не раздѣлялъ политическихъ убѣжденій главы кабинета виговъ, но тѣмъ не менѣе принялъ сдѣланное ему предложеніе ради самой его цѣли и изъ желанія отдать послѣдній долгъ праху императора Александра, къ которому онъ питалъ глубокую привязанность.

Герцогъ Веллингтонъ прибылъ въ Петербургъ 18-го февраля (2-го марта) и, съ самаго вступленія на русскую почву, встрѣтилъ самое изысканное вниманіе. На границѣ онъ былъ встрѣченъ чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и въ Петербургѣ для него отведено было помѣщеніе во дворцѣ. Въ первой же аудіенціи, данной фельдмаршалу, онъ имѣлъ случай убѣдиться, что «императоръ руководится своимъ собственнымъ умомъ», и что въ русскомъ министерствѣ «нѣтъ лицъ, которыя могли бы на него вліять».

20-го февраля (4-го марта) императоръ Николай писалъ цесаревичу Константину Павловичу:

«Веллингтонъ находится здѣсь съ четверга, очень старый и разбитый. При первомъ же свиданіи онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что облеченъ особымъ порученіемъ со стороны своего правительства—предложить мнѣ вдвоемъ, Россіи и Англіи, покончить съ греческимъ вопросомъ; я притворился изумленнымъ и далъ ему свободу высказаться, послѣ чего сказалъ ему, что могу принять то, что онъ говоритъ, какъ совершенно новый вопросъ; что же касается интересовъ Россіи въ отношеніи Порты, однимъ словомъ, нашихъ претензій, то въ виду рѣшенія, принятаго его величествомъ императоромъ прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры или сношенія съ дворами, неприкосновенными къ этому дѣлу, я, конечно, не могу что-либо измѣнить въ этомъ или же погрѣшнить передъ памятью нашего ангела, или передъ своимъ словомъ, уклонившись отъ образа дѣйствій, котораго онъ, такъ сказать, завѣ-

даже мнѣ держаться; что такимъ образомъ я смотрю на это какъ на свое частное дѣло и надѣюсь окончить его съ Божьею помощію одинъ; что во всемъ этомъ рѣчь идетъ не о грекахъ, на которыхъ все время, пока только будетъ существовать Оттоманская имперія, я буду смотрѣть какъ на ея возмущившихся подданныхъ.

«Онъ отвѣчалъ, что прекрасно понимаетъ меня и признаетъ за мною право покончить съ этими господами, но что порученіе, которымъ онъ облеченъ, касается исключительно греческаго дѣла, что черезъ нѣсколько дней онъ въ подробностяхъ ознакомитъ меня со своими инструкціями и предложеніями, но что въ основу всего онъ ставитъ принципъ, что мы— державы, дружественныя туркамъ, не имѣющія, ни съ той, ни съ другой стороны, никакихъ претензій къ нимъ. На это я замѣтилъ ему, что, какъ мнѣ кажется, онъ плохо освѣдомленъ о положеніи вещей, потому что наши претензій не только не устранены, но что вотъ уже четыре года, какъ онъ въ такомъ положеніи. Онъ, вѣроятно, былъ удивленъ услышаннымъ и оборвалъ разговоръ.

«Я приказалъ Нессельроде послать вамъ полный очеркъ всего восточнаго вопроса, который въ подробностяхъ покажетъ вамъ положеніе дѣла. Нужно непременно поговорить объ этомъ, и я убѣдился и рѣшился, наконецъ, твердо заговорить съ ними; я сомнѣваюсь, чтобы это оказалось дѣйствительнымъ, но если насъ не послушаютъ, я рѣшилъ приказать занять княжества, ни одной ногой не ступая на турецкую территорию. Мы лишь съ трудомъ сдерживаемъ сербовъ, и, если это продолжится, произойдетъ открытый мятежъ»¹⁾).

¹⁾ Любопытно, что въ дальнѣйшихъ переговорахъ императора Николая съ герцогомъ Веллингтономъ государь коснулся извѣстныхъ сторонъ восточнаго вопроса, напоминающихъ собою нѣсколько содержаніе извѣстныхъ бесѣдъ съ лордомъ Сеймуромъ въ 1853 году, а именно—слабости государственнаго органа Турціи, которая грозитъ скорымъ ея разрушеніемъ, и что востому слѣдовало бы предусмотрѣть возможность подобной случайности.

— Умиреть ли Турція отъ внутренняго истощенія или отъ внѣшняго наслѣдствія— все равно; благоразуміе требуетъ не дожидаться открытія ея наслѣдствія, чтобы узнать наслѣдниковъ. Я готовъ объясниться объ этомъ съ Англіею,—сказалъ императоръ Николай.

Веллингтонъ отвѣчалъ:

— Вопросъ легче было бы разрѣшить, если бы въ наслѣдствѣ послѣ султана Махмуда было два Константинополя. Я согласенъ, что Турція очень болѣна, но эта болѣзнь продолжается уже болѣе трехъ столѣтій.

Такимъ образомъ, оказывается, что одинъ и тотъ же вопросъ и въ одиначковой постановкѣ привелъ въ началѣ и въ концѣ царствованія императора Николая къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Переменялись собесѣдникъ государя, мѣнялась и политическая обстановка! Во Франціи уже не царствовалъ болѣе Карлъ X, и монархія Бурбоновъ преобразилась во вѣрную имперію, съ Наполеономъ III во главѣ.

Начатыя Веллингтономъ личные переговоры съ государемъ затѣмъ продолжались, при чемъ Николай Павловичъ спросилъ фельдмаршала: какъ ему вести бесѣду, «en diplomate» или «en ami». Веллингтонъ избралъ послѣдній способъ, выразивъ надежду, что его величество выскажетъ откровенно свои мысли и дозволить своему собесѣднику высказаться также вполне свободно. Обмѣнъ мыслей на этой почвѣ привелъ къ заключенію петербургскаго протокола, подписаннаго 23-го марта (4-го апрѣля) 1826 года графомъ Нессельроде, княземъ Ливеномъ и герцогомъ Веллингтономъ. Протоколъ установилъ соглашеніе между Англіею и Россіею съ цѣлью примиренія между Портою и греками.

Условія примиренія постановлены были слѣдующія: Порта удерживаетъ свою верховную власть надъ Греціею, которая платитъ ей однажды на всегда опредѣленную дань; турецкія земли въ Моревѣ и въ Архипелагѣ отходятъ къ грекамъ за извѣстный выкупъ; Греція должна управляться властями, избранными самимъ народомъ и утвержденными Портою, но пользуется независимостью внутренняго управления, свободой совѣсти и торговли.

Въ протоколѣ положено было, что, если предложенное посредничество не будетъ принято Турціею, то, все-таки, Россія и Англія будутъ держаться установленнаго между ними соглашенія, какъ основанія для примиренія Порты съ греками, которое должно совершиться при ихъ участіи, общемъ или единоличномъ,—пользуясь всеми благоприятными обстоятельствами для воздѣйствія на обѣ стороны, съ цѣлью привести ихъ къ примиренію на упомянутыхъ основаніяхъ. Постановлено было также, что протоколъ имѣетъ быть сообщенъ дворямъ: вѣнскому, парижскому и берлинскому.

Петербургскій протоколъ былъ первымъ дипломатическимъ актомъ, совершеннымъ въ царствованіе императора Николая Павловича; онъ приобрѣлъ значеніе всемірной важности, потому что соглашеніе, подписанное 23 го марта, послужило краеугольнымъ камнемъ освобожденія Греціи изъ-подъ мусульманскаго ига.

Во время переговоровъ съ герцогомъ Веллингтономъ императоръ Николай не скрылъ отъ фельдмаршала, что Оттоманской Портѣ по-

Отмѣтимъ еще одинъ анекдотическій эпизодъ изъ разговоръ герцога Веллингтона съ государемъ. Фельдмаршалъ коснулся событій 14-го декабря и позволилъ себѣ обратиться къ своему царственному собесѣднику со страннымъ вопросомъ: „Sire, avez-vous eu bien peur ce jour là“, — и получилъ отвѣтъ:— „Autant que vous, monsieur le maréchal, à Waterloo avant l'arrivée des Prussiens“.

Переписка герцога Веллингтона за время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1826 году помѣщена въ изданіи: „Despatches, correspondance and memoranda of. Field Marshal Arthur Duke of Wellington“, London 1868, V. 3.

важно предъявить ультиматумъ. Дѣйствительно, 24-го марта (5-го апрѣля) 1826 года Россія потребовала въ Константинополѣ отъ Порты исполненія слѣдующихъ трехъ пунктовъ. Порта должна была: 1) вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи и возстановить тамъ порядокъ, опредѣленный въ договорахъ и существовавшій до 1821 года, когда, вслѣдствіе волненій въ княжествахъ, она произвела одностороннія и противорѣчащія трактатамъ перемирія; 2) немедленно освободить сербскихъ депутатовъ, задержанныхъ въ Константинополѣ, и даровать сербскому народу всѣ тѣ преимущества, которыя выговорены въ его пользу 8-ю статьею Букарестскаго трактата, и, 3) отправить своихъ полномоченныхъ къ русской границѣ для возобновленія переговоровъ, веденныхъ барономъ Строгановымъ съ 1816 по 1821 годъ, по поводу русско-турецкихъ отношеній, и для заключенія новаго соглашенія, которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей.

Отоманская Порта въ ту пору никакъ не ожидала столь рѣшительнаго шага со стороны Россіи, и требованія императора Николая встали ее врасплохъ. Въ Турціи полагали, что внутреннія затрудненія не дадутъ государю возможности думать о внѣшней войнѣ, и грозный ультиматумъ заставилъ встрепетаться совѣтниковъ султана! Князь Меттернихъ, обрадованный тѣмъ, что императоръ Николай разграничилъ русско-турецкій вопросъ отъ греческаго, предписалъ австрійскому интернунцію въ Константинополѣ, барону Оттенфельсу, совѣтовать Портѣ смириться и удовлетворить требованія, предъявленные петербургскимъ кабинетомъ. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали представители и другихъ европейскихъ державъ. Турція выжала добрымъ совѣтомъ и уступила требованіямъ Россіи, а затѣмъ 1-го (13-го) іюля 1826 года открыты были переговоры между русскими и турецкими полномоченными, которые съѣхались въ пограничномъ городѣ Аккерманѣ.

Уполномоченными назначены были, съ нашей стороны, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ и тайный совѣтъ Рибопьеръ, а со стороны турокъ — Мегмедъ-Гади и Ибрагимъ-Афетъ.

Извѣстіе о заключеніи петербургскаго протокола встрѣчено было княземъ Меттернихомъ менѣе сочувственно, чѣмъ русскій ультиматумъ; онъ былъ внѣ себя отъ негодованія и заявилъ нашему послу Татищеву, что «континентальный союзъ, на которомъ покоились тишина и благоденствіе Европы, пересталъ существовать». Затѣмъ Меттернихъ тщетно старался поколебать рѣшимость императора Николая и запугать его тѣмъ, что покровительство, оказываемое освобожденію Греціи, потворствуетъ революціи. Всѣ инсинуаціи и обвиненія австрійскаго канцлера,

направленныя противъ ненавистнаго ему Каннинга, также не произвели ожидаемаго дѣйствія¹⁾; государь продолжалъ съ твердостью идти по намѣченному пути и заявилъ австрійскому послу въ Петербургѣ, графу Лебцельтерну, не только о своемъ желаніи утвердить «великій союзъ», но прибавилъ: «Вы можете смѣло увѣрить его императорское величество, что, какъ только онъ будетъ нуждаться въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ. Императоръ Францъ всегда найдетъ во мнѣ усерднаго и вѣрнаго союзника и искренняго друга».

Но всѣ заявленія императора Николая о неизбежности «великаго союза» не успокоили разгнѣваннаго князя Меттерниха; онъ продолжалъ упорствовать въ своей дипломатической оппозиціи новому теченію. приданному государемъ восточнымъ дѣламъ, стараясь, по мѣрѣ силъ, вредить политическимъ начинаніямъ Россіи.

Возрѣнія князя Меттерниха нашли себѣ поддержку и отголосокъ въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ по поводу новой восточной политики Россіи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Онъ писалъ государю:

«Все, что вамъ сказала фельдмаршалъ Веллингтонъ о греческомъ вопросѣ, нисколько не удивило меня, и я заранѣе былъ увѣренъ, что въ этомъ и заключалась дѣйствительная цѣль его путешествія. Я съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю данныхъ, которыя вы обѣщали мнѣ, дорогой братъ, и которыя графъ Нессельроде долженъ прислать мнѣ; во всякомъ случаѣ, турецкій вопросъ и наше положеніе въ отношеніи турокъ—вещь щекотливая и изъ крайне сложныхъ. Я не оспариваю, что покойный императоръ, при своей довѣрчивости, былъ жестоко обманутъ и проведенъ образомъ дѣйствій нашихъ друзей, какъ вы называете ихъ; помимо того, онъ хотѣлъ казаться таковымъ, но, въ сущности, я не могу допустить этого, и я много разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ такія вещи, которыя доказывали обратное. Покойный императоръ былъ доволенъ подобнаго рода направленіемъ дѣла, чтобы такимъ образомъ получить возможность избѣгнуть необходимости имѣть дѣло съ турками, потому, что одно занятіе княжествъ, даже безъ нарушенія неприкосновенности турецкой территоріи, само по себѣ является враждебнымъ дѣйствіемъ въ отношеніи ихъ, и оно, несмотря на всѣ увѣренія, которыми обставили бы эвакуацію послѣ удовлетворенія всѣхъ неудовольствій, повлекло бы за собою страшный толчокъ и сотря-

¹⁾ Приведемъ здѣсь одинъ изъ отзывовъ Меттерниха о Каннингѣ:

„Ce n'est pas un incendiaire, mais dès qu'un incendie éclate, on est sûr de le trouver entre le feu et les pompes“.

Генцъ не оставалъ отъ австрійскаго канцлера въ брани, расточаемой противъ Каннинга, называя его „un pitoyable ministre“.

сеніе во всей Европѣ; почитайте нѣсколько то, что уже пишутъ объ этомъ во всѣхъ либеральныхъ газетахъ, французскихъ и нѣмецкихъ, и высказываемое ими желаніе, чтобы вы заняли княжества,—это служитъ не двусмысленнымъ доказательствомъ того, что за этимъ скрывается что-либо болѣе серьезное, и что выжидаютъ, чтобы вы сдѣлали этотъ шагъ, вслѣдствіе котораго въ Европѣ разразится Богъ вѣсть какое событіе, повторяю, болѣе чѣмъ серьезное, и, вотъ, вмѣсто того, чтобы всецѣло располагать собою для противодѣйствія тому, что произойдетъ въ Европѣ, вы увидите свои силы парализованными, и вотъ на что они рассчитываютъ для своего успѣха. Помимо того, къ чему васъ приведетъ занятіе княжествъ, и въ чемъ заключается цѣль, которой вы хотите достигнуть? Стѣсняетъ ли васъ то небольшое количество турецкихъ войскъ, которое находится тамъ? Я не думаю этого. Для того ли, чтобы возстановить вашу торговлю на Черномъ морѣ? Или для того, чтобы тѣмъ испугать турокъ? Я не думаю, чтобы вы могли достигнуть этой двойной цѣли, потому что при существованіи этихъ двухъ предположеній вы постоянно будете имѣть противъ себя англичанъ; я допускаю, что ваша торговля на Черномъ морѣ возродится и распространится до Константинополя—достигнете ли вы этимъ вашей цѣли? Не думаю, потому что англичане закроютъ выходы въ Архипелагъ, надъ которымъ они владычествуютъ, такъ какъ ничто не можетъ помѣшать имъ въ этомъ. Что касается турокъ, то они не столь страшны, какъ это думаютъ; въ дѣйствительности, они фанатики и, слѣдовательно, настойчивы и усмотрятъ въ этомъ, что то, чего они опасались, какъ разъ случилось, и будутъ думать, что ихъ хотѣли обмануть; ихъ будутъ поддерживать въ этой мысли наши друзья, и, несмотря на свою слабость, они будутъ твердо держаться; поэтому я не думаю, что цѣль, которую вы ставите себѣ, будетъ достигнута. Помимо того, я увѣренъ, что разъ княжества будутъ заняты, вы увидите въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ, который произведетъ тамъ болѣе дѣйствительную оккупацию и который уничтожитъ послѣдній выходъ для торговли, который имѣется у насъ, и кто можетъ знать, что Карлъ-Юаннъ не будетъ увлеченъ или къ какимъ-либо враждебнымъ мѣропріятіямъ; поэтому-то необходимо, чтобы вы усилили ваши сухопутныя войска со стороны Финляндіи, и менѣе чѣмъ тремя или четырьмя дивизіями пѣхоты вамъ нельзя будетъ обойтись вслѣдствіе протяженія береговъ, на которые аягличане, гдѣ имъ вздумается, могутъ высадить шведскія войска. Вотъ четыре дивизіи, въ Грузіи у васъ двѣ, одна—въ Крыму и шесть—которые вы предназначаете для занятія княжествъ; итакъ, тринадцать дивизій въ расходѣ, а остальное останется для наблюденія за Европой. Вы мнѣ пишете кромѣ того, что ваши финансы въ неудовлетворительномъ положеніи; какъ же вы хотите тогда начать военныя дѣйствія,

разъ для веденія войны нужно: денегъ, денегъ и денегъ, и, конечно, ужь не въ княжествахъ вы найдете ихъ. Помимо того, я слышалъ это отъ покойнаго императора, державшагося принципа, что все вниманіе должно быть обращено въ сторону Европы, и что, если она спокойна, можно оставаться спокойными, и что пушечный выстрѣлъ, сдѣланный по туркамъ, перевернетъ вверхъ дномъ всю Европу. Я прибавлю къ этому то, что покойный Уваровъ говорилъ постоянно покойному императору, что начать войну—въ его власти, но что окончить ее—зависитъ отъ обстоятельствъ и событій, а я не думаю, чтобы его можно было заподозрить въ боязливости или трусости, такъ какъ онъ далъ доказательства самой блестящей храбрости. Вотъ мои убѣжденія, дорогой братъ, такіа, каковы они у меня въ сердцѣ и умѣ; я предаю вамъ ихъ всецѣло, дѣлайте съ ними, что вамъ угодно, и, несмотря на свои взгляды, я готовъ дѣйствовать и исполнять ваши приказанія, отстранивъ всякія разсужденія и какъ будто бы объ этомъ не было и рѣчи¹⁾.

II.

Въ то время какъ графъ Паскевичъ-Эриванскій побѣдоносно кончалъ наши расчеты съ Персією, на Востокѣ произошли важныя событія, которыя сдѣлали неизбѣжнымъ разрывъ Россіи съ Оттоманскою Портою, несмотря на недавнее заключеніе Аккерманской конвенціи.

21-го мая (2-го іюня) 1827 года эскадра подъ начальствомъ генералъ-адъютанта адмирала Сенявина вытянулась на Кронштадтскій рейдъ. Адмиралъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ «Азовъ». Императоръ Николай осматривалъ эскадру три раза.

30-го мая (11-го іюня) государь утвердилъ наставленіе адмиралу Сенявину, въ которомъ указывалось, что, по прибытіи эскадры изъ Кронштадта въ Портсмутъ, ему предстоитъ (по предварительному сношенію съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ, княземъ Ливеномъ), отдѣлить особую эскадру изъ 4 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 2 бриговъ подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Логина Петровича Гейдена; эта эскадра должна была отправиться въ Средиземное море для оказанія защиты русской торговлѣ въ Архипелагѣ. Указанная здѣсь скромная цѣль вскорѣ расширилась, благодаря измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ.

9-го (21-го) іюня императоръ Николай, въ сопровожденіи князя Меншикова, неожиданно прибылъ къ 12-ти часамъ ночи на корабль «Азовъ». Ночнымъ сигналомъ приказано было сняться съ якоря; въ 5 часовъ

¹⁾ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ къ императору Николаю Павловичу 4-го (16-го) марта 1826 года изъ Варшавы.

утра весь флотъ былъ подѣ парусами. За Красной Горкой государь произвелъ флоту маневръ и затѣмъ, послѣ молебна, простился съ адмираломъ и, пересѣвъ на свою яхту, возвратился въ Петергофъ.

Когда эскадра Сенявина прибыла въ Портсмуть, петербургскій протоколъ преобразился въ международный договоръ, заключенный между Англіею, Франціею и Россіею 24-го іюня (6-го іюля) и названный Лондонскимъ договоромъ. Цѣлью новой конвенціи или договора было остановить пролитіе крови и предотвратить всякаго рода бѣдствія, неразлучныя съ продолженіемъ порядка вещей, существовавшего тогда на Востокѣ. Греціи же грозили тогда новыя бѣдствія. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, турецкое правительство рѣшилось просить помощи у египетскаго паши Мегмета-Али. Послѣдній согласился снарядить флотъ и съ войсками отправить подѣ начальствомъ своего сына Ибрагима-паши въ Грецію, задавшись цѣлью истребить христіанское населеніе Морей; исполненіе этого чудовищнаго плана обратило бы Грецію въ пустыню, и возстаніе прекратилось бы само собою. Императоръ Николай намѣренъ былъ ни въ какомъ случаѣ не допустить турокъ до осуществленія этой варварской мѣры, и стараніями русской дипломатіи явился договоръ, обезпечившій постановленія петербургскаго протокола. Австрія, оставшись вѣрною своей туркофильской политикѣ, отказалась присоединиться къ какимъ бы то ни было дипломатическимъ мѣропріятіямъ противъ Оттоманской Порты. Но три союзныя державы рѣшились согласно договору предложить Портѣ посредничество, съ цѣлью привести ее къ соглашенію съ греками на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Посредничество будетъ предложено немедленно по ратификаціи договора, посредствомъ совокупной деклараціи, за подписью посланниковъ въ Константинополь; 2) въ то же время будетъ предложено враждующимъ сторонамъ заключить перемиріе, необходимое для открытія переговоровъ; 3) основаніемъ соглашенія Порты съ греками должно служить возстановленіе Греціи подѣ верховнымъ владычествомъ султана; Греція будетъ платить ему ежегодную подать, размѣръ которой опредѣлится съ общаго согласія.

Въ секретныхъ статьяхъ того же договора постановлено было: 1) объявить Портѣ, что порядокъ вещей, существующій на Востокѣ уже шесть лѣтъ, вынуждаетъ союзныя державы принять мѣры къ сближенію съ греками, при помощи установленія коммерческихъ съ ними сношеній. 2) Если греки или Порта откажутся отъ заключенія перемирія, то союзныя державы объявятъ отказавшейся сторонѣ или обѣмъ сторонамъ, что онѣ сообща примутъ мѣры къ прекращенію этой вражды, не принимая, впрочемъ, участія во взаимныхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ враждующихъ сторонъ. Въ этомъ смыслѣ державы пошлутъ инструкціи своимъ адмира-

ламъ, начальствующимъ надъ ихъ эскадрами въ моряхъ Леванта. 3) Если мѣры окажутся недостаточными, чтобы побудить Порту принять предложенія союзныхъ державъ, или же если греки не согласятся на постановленныя въ ихъ пользу въ договорѣ условія, то державы все-таки будутъ продолжать дѣло замиренія на основаніяхъ, установленныхъ ими по взаимному соглашенію, и поэтому онѣ уполномочиваютъ своихъ представителей въ Лондонѣ согласиться насчетъ дальнѣйшихъ мѣръ, какія могутъ оказаться необходимыми.

День подписанія конвенціи совпалъ со днемъ рожденія императора Николая, и по этому случаю князь Ливенъ писалъ графу Нессельроде: «Съ этого дня будетъ считаться возрожденіе одного изъ христіанскихъ народовъ, и его благословенія придадутъ новый ореолъ годовщинѣ, столь священной для насъ».

На депешѣ, возвѣщавшей государя о подписаніи Лондонскаго договора, императоръ Николай собственноручно написалъ: «Да будетъ тысячу разъ благословенъ Богъ и будемъ надѣяться, что все пойдетъ къ лучшему».

Прямымъ послѣдствіемъ Лондонскаго договора явилось неожиданное происшествіе: 8-го (20-го) октября 1827 года турецко-египетскій флотъ былъ истребленъ въ Наваринской бухтѣ соединенными флотами трехъ союзныхъ державъ, которыми, какъ старшій, командовалъ англійскій вице-адмиралъ Кодрингтонъ. Подъ его начальствомъ командовали: русскою эскадрою контръ-адмиралъ графъ Гейденъ, а французскою— контръ-адмиралъ де-Риньи. Громадный перевѣсъ въ силахъ находился на сторонѣ турокъ; они располагали 65 судами при 2.106 орудіяхъ, между тѣмъ какъ союзники могли ввести въ дѣло только 28 судовъ при 1.298 орудіяхъ. Несмотря на эту несоразмѣрность въ силахъ, побѣда все-таки осталась на сторонѣ христіанскаго флота¹⁾.

¹⁾ 24-го октября (5-го ноября) 1827 года Рибоьеръ писалъ изъ Бульгере графу Палену (управляющему Новороссійскими губерніями):

„8-го (20-го) числа при Наваринѣ произошло страшное сраженіе между союзными эскадрами и турецко-египетскимъ флотомъ. Когда это извѣстіе было получено здѣсь, то повергло Порту въ оцѣпенѣніе. Единственная мѣра, принятая до сихъ поръ, заключается въ томъ, чтобы не допустить русскимъ, французскимъ и англійскимъ судамъ выйти въ море. Я боюсь, какъ бы не задержали мою корреспонденцію; вотъ уже пять дней, какъ я не имѣю извѣстій изъ Смирны, хотя я ожидаю сообщеній отъ адмирала Гейдена и мои коллеги ожидаютъ извѣстій отъ своихъ адмираловъ. Порта легко можетъ принять противъ насъ какія-либо рѣшительныя мѣры. Я считаю свое положеніе пѣсколько опаснымъ. Не выпускайте ни одного судна изъ Одессы до полученія отъ меня извѣстій и сообщите о томъ въ Петербургъ Грейгу и графу Витгенштейну. Прощайте, дорогой Паленъ. Дай Богъ, чтобы этотъ кризисъ скоро миновалъ. Обнимаю васъ и прошу меня не забывать“.

За годъ передъ тѣмъ султанъ Махмутъ былъ вынужденъ уничтожить янычаръ, лишивъ себя арміи въ самую критическую минуту, переживаемую Оттоманской имперіей. За янычарами послѣдовалъ флотъ: морскія силы Порты были сокрушены. Одно изъ главныхъ препятствій, которое предстояло преодолѣть Россіи, въ случаѣ войны съ Турціею, было устранено, вопреки намѣренію державъ, подписавшихъ Лондонскій договоръ съ цѣлью связать сѣвернаго исполина союзомъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы воспрепятствовать ему самостоятельный образъ дѣйствій—такъ разсуждаетъ объ этомъ событіи графъ Мольтке ⁴⁾.

По полученіи этого письма, графъ Паленъ отправилъ немедленно изъ Одессы, 30-го октября (11-го ноября) 1827 года, нижеслѣдующее всеподданнѣйшее донесеніе:

„Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю письмо полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, тайнаго совѣтника Рибоньера, сейчасъ мною полученное, о важномъ сраженіи, происшедшемъ при Наваринѣ между соединенными и турецко-египетскимъ флотами, въ которомъ сей послѣдній совершенно истребленъ. Свѣдѣніе сіе доставлено сюда партикулярнымъ образомъ шкиперомъ коммерческаго судна, бѣжавшаго изъ пролива, который объявляетъ, что поводомъ сраженія было дерзкое поведеніе начальниковъ турецкаго флота, которые не принимали никакихъ миролюбивыхъ предложеній со стороны союзниковъ, желали дѣйствовать военною силою и даже стрѣляли въ парламентаровъ, изъ коихъ одинъ, племянникъ англійскаго адмирала, убитъ. Шкипера коммерческихъ судовъ, прибывшихъ въ Одессу изъ пролива въ четыре дня, присовокупляютъ, что флотъ вашего императорскаго величества, бывъ въ самомъ пылу сраженія, болѣе всѣхъ отличился, но что корабль „Азовъ“ пострадалъ нѣсколько.

„При семъ всеподданнѣйше доношу вашему императорскому величеству, что о приостановленіи отправленія въ Константинополь коммерческихъ судовъ подъ российскимъ флагомъ сдѣлано отъ меня надлежащее распоряженіе по всѣмъ вѣрненнымъ мнѣ портамъ, съ дружескимъ предвареніемъ о томъ и судовъ подъ англійскимъ и французскимъ флагами.

„О настоящемъ случаѣ увѣдомлены мною главнокомандующій 2-ю арміею и вице-адмиралъ Грейгъ“. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2, № 2599).

Наваринское сраженіе сопровождалось слѣдующимъ случаемъ въ Рени, о которомъ донесъ 3-го (15-го) ноября 1827 года командиръ военной бригады:

„Сего числа въ 5 часовъ по полудни турецкое судно, проходя мимо бригады, было, по заведенному порядку, спрашиваемо: откуда и куда слѣдуетъ? Имѣя ходъ сильный и будучи въ полномъ своемъ грузу, почти промчалось мимо мнѣ вѣрненнаго поста, крича гвалтомъ: „Война, война! Гибель русскимъ“.

„Сображая сіи дерзости съ полученными отъ галацкой агенціи извѣстіями, за нужное считаю о томъ увѣдомить“.

Галацкія извѣстія заключались въ томъ, что въ Браиловѣ былъ читанъ султанскій фирманъ, чтобы всѣ военные чины были въ готовности и при своихъ постахъ, и чтобы цѣпь выставить со стороны Молдавіи, по обоимъ берегамъ Серета, дабы наблюдать, съ которой стороны послѣдуетъ наденіе.

⁴⁾ Der Russisch-Türkische Feldzug 1828 und 1829. Berlin 1845.

Хотя султанъ писалъ своему визирю: «Соберись съ духомъ, ибо Аллахъ вѣдаетъ, опасность велика», но тѣмъ не менѣ Махмудъ не упалъ духомъ и не склонился къ уступкамъ; онъ рѣшился не иначе, какъ только съ оружіемъ въ рукахъ потерять то, что было приобрѣтено его предками цѣною крови. Сначала представители союзныхъ державъ опасались, что извѣстіе о Наваринскомъ погромѣ возбудитъ въ Константинополѣ взрывъ мусульманскаго фанатизма, подобный тому, который проявился въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ въ 1821 году; но ничего подобнаго не случилось. Конечно, нечего и говорить о тѣхъ радостныхъ чувствахъ признательности, которыя овладѣли христіанскимъ населеніемъ Востока при извѣстїи о жестокомъ пораженїи, нанесенномъ его вѣковымъ притѣснителемъ. Но, хотя обычный въ такихъ случаяхъ религіозный фанатизмъ не заявилъ себя послѣ Наварина новою рѣзнею, однако же, тревога, овладѣвшая посольскими дворцами въ Константинополѣ вслѣдъ за этимъ событіемъ, не лишена была нѣкотораго основанія. Турецкое населеніе взялось за оружіе, и воинственные клики слышались повсюду. Что же касается султана, то, по свидѣтельству нашего посла Рибоьера, Наваринское дѣло раздражило Махмуда до того, что онъ задумалъ было, безъ объявленія войны, умертвить всѣхъ пословъ, въ возмездіе за уничтоженіе турецкаго флота. Вмѣшательство Хозревъ-паши и визиря спасло представителей союзныхъ державъ отъ вѣрной гибели. Когда же драгоманъ Порты осмѣлился грозить Рибоьеру семибашеннымъ замкомъ, посоль отвѣтилъ ему: «скажите тѣмъ, кто васъ послалъ, что времена подобныхъ нарушеній международнаго права прошли безвозвратно; что я никому не совѣтую переступить мой порогъ, что я вооружу всѣхъ своихъ и буду защищаться до послѣдней капли крови, и что если осмѣлятся посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камнѣ не останется въ Константинополѣ: государь и Россія сьумѣютъ отомстить за это».

«Лицо драгомана, послѣ этихъ словъ, — писалъ Рибоьеръ, — отъ страха сдѣлалось смѣшно до крайности»¹⁾).

Послы снова принялись за безплодные переговоры съ Портою; на сдѣланный ими вопросъ, намѣрена ли Турція считать «событіе въ Наваринѣ» поводомъ къ войнѣ, Рейсъ-эффенди отвѣчалъ уклончиво: «Когда женщина не разрѣшилась еще отъ бремени, невозможно сказать, кого родитъ она—мальчика или дѣвочку?» Наконецъ, султанъ объявилъ посламъ союзныхъ державъ послѣднія уступки, которыя онъ намѣренъ сдѣлать грекамъ; общаемыя милости заключались въ слѣдующемъ: не требовать съ нихъ за шесть протекшихъ лѣтъ по-

¹⁾ Записки графа Александра Ивановича Рибоьера. „Русскій Архивъ“. 1877 года, стр. 23.

головной подати, которую они не заплатили, не требовать вознаграждения за понесенные убытки и со дня изъявленія покорности освободить ихъ отъ всѣхъ податей на годъ.

Представители Россіи, Англіи и Франціи признали себя неудовлетворенными подобными уступками, а Порта, съ своей стороны, замолкла. Дипломатамъ оставался одинъ исходъ, потребовать паспорта и покинуть Константинополь ¹⁾. Послѣднимъ выѣхалъ Рибопьеръ; онъ тщетно поджидалъ въ Бужь-дере попутнаго вѣтра для выхода въ Черное море и, наконецъ, 5-го (17-го) декабря рѣшился отплыть въ Триестъ.

Впечатлѣніе, которое произвело въ Европѣ извѣстіе о Наваринской побѣдѣ, было неодинаково; оно подверглось самой разнообразной оцѣнкѣ.

Императоръ Францъ называлъ Кодрингтона и его сподвижниковъ не иначе, какъ убійцами, а Меттернихъ былъ твердо убѣжденъ, что Наваринскій погромъ открываетъ собою эпоху всеобщаго замѣшательства и хаоса. «Событіе 20-го октября является началомъ новой эры въ Европѣ»,—писалъ Меттернихъ. Гнѣвъ австрійскаго канцлера дошелъ до того, что по прочтеніи одного письма графа Нессельроде къ нашему послу въ Вѣнѣ, онъ сказалъ: «такъ думали и говорили Карно и Дантонъ».

Во Франціи отнеслись къ пораженію турокъ болѣе сочувственнымъ образомъ. Въ своей тронной рѣчи Карлъ X упоминалъ даже о Наваринѣ какъ о событіи, которое покрыло славою французское оружіе и служить блестящимъ залогомъ согласія между тремя державами.

Въ Англіи извѣстіе о неожиданной побѣдѣ принято было съ смущеніемъ; правительство даже думало о томъ, чтобы предать Кодрингтона суду. Торійская партія находила, что истребленіе турецкаго флота оставляетъ Турцію въ беззащитномъ положеніи противъ Россіи. Въ рѣчи Георга IV при открытіи парламента, Наваринская битва названа была «непріятнымъ событіемъ». Общественное мнѣніе страны было, однако, на сторонѣ Кодрингтона; либеральная партія видѣла въ событіи 8-го октября первый шагъ къ тому, чтобы освободить европейскую политику отъ реакціоннаго характера, принятаго ею послѣ 1815 года. «Наваринская битва,—какъ превосходно замѣтилъ о ней одинъ изъ французскихъ публицистовъ,—была выиграна не правительствами, а народами. Побѣдный кликъ на водахъ Архипелага былъ первымъ, на который въ теченіе послѣдняго времени могли отозваться всѣ народы съ общимъ одинаковымъ сочувствіемъ! Наварин-

¹⁾ 22-го ноября 1827 года Рибопьеръ писалъ графу Витгенштейну изъ Перы: „Наконецъ дѣла наши съ Портою приняли оборотъ рѣшительный; истощивъ бесполезно всѣ средства убѣжденія, я и сотоварищи мои: французскій и англійскій послы, выѣзжаемъ отсюда“. Письмо Рибопьера получено было въ Тульчинѣ 7-го декабря. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2, № 2578).

скіе выстрѣлы возвѣщали наступленіе новой эпохи—эпохи торжественнаго воцаренія общественнаго мнѣнія, этой могучей силы, которая владычествуетъ на морѣ и на сушѣ, повелѣваетъ арміями и флотомъ, увлекаетъ за собою самихъ монарховъ, заставляя ихъ преклоняться предъ ея побѣдами и присвоивать себѣ завоеванные ею лавры»¹⁾.

Въ Россіи извѣстіе о Наваринской побѣдѣ было принято совершенно инымъ образомъ. Императоръ Николай пожаловалъ вице-адмиралу Кудрингтону орденъ Св. Георгія 2-й степени²⁾. Мысли, высказанныя въ рескриптѣ, данномъ на его имя 8-го (20-го) ноября 1827 года, могутъ служить вѣрнымъ выраженіемъ чувствъ восторга и признательности, проявившихся повсюду въ Россіи, по случаю пораженія, нанесеннаго туркамъ.

«Вы одержали побѣду,—писалъ императоръ Николай,—за которую цивилизованная Европа должна быть вамъ вдвойнѣ признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшіе ей смѣлые маневры говорятъ міру не объ одной лишь степени рвенія, проявленнаго тремя великими державами въ дѣлѣ, безкорыстіе котораго еще болѣе отгнѣняетъ его благородный характеръ; они доказываютъ также, что можетъ сдѣлать твердость противъ численнаго превосходства, искусно руководимое мужество противъ слѣпой отваги, на какія бы силы послѣднія ни опиралась. Ваше имя принадлежитъ отнынѣ потомству. Мнѣ кажется, что похвалами я только ослабилъ бы славу, окружающую его, но я ощущаю потребность предложить вамъ блистательное доказательство благодарности и уваженія, внушаемыхъ вами Россіи. Въ этихъ видахъ посылаю вамъ прилагаемый орденъ Св. Георгія. Русскій флотъ гордится тѣмъ, что заслужилъ подъ Навариномъ ваше одобреніе. Мнѣ же особенно пріятно завѣрить васъ въ чувствахъ питаемаго къ вамъ уваженія»³⁾.

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 12-го (24-го)

¹⁾ Е. Теокистовъ, „Борьба Греціи за независимость“. С.-Петербургъ. 863 г., стр. 169.

²⁾ Контръ-адмиралу де-Риньи императоръ Николай пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго.

³⁾ Графа Гейдена императоръ Николай наградилъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала. Въ числѣ отличившихся русскихъ моряковъ находились капитанъ 1-го ранга М. П. Лазаревъ, будущій начальникъ Черноморскаго флота, равно какъ и лейтенантъ П. С. Нахимовъ и мичманъ В. А. Корниловъ—все имена, стяжавшія себѣ впоследствии всемірную извѣстность. „Вообще въ теченіе этой кампаніи выказались блестящія дарованія Лазарева—въ управленіи эскадрой, состоявшею по большей части изъ полусгнившихъ судовъ и неопытной команды,—въ образованіи отличныхъ офицеровъ, въ умѣннн уснавать въ молодыхъ людяхъ достойныхъ себѣ приемниковъ и приобрести уваженіе и пріязнь лучшихъ моряковъ англійскаго флота“. (Исторія вмѣшательства Россіи, Англійи и Франціи въ войну за независимость Греціи. С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 29).

ноября 1827 года, императоръ Николай сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку совершившихся тогда на Востокѣ событій:

«Я не удивился этому (т. е. извѣстiю о Наваринскомъ сраженiи), такъ какъ, по моему мнѣнiю, оно является вполне естественнымъ слѣдствiемъ условiй договора¹⁾, ставившихъ наши эскадры въ неизбежную необходимость прибѣгнуть къ подобной крайности, коль скоро турки будутъ продолжать поддаваться австрiйскимъ наущенiямъ; все, что мы дѣлали подъ видомъ союза, было лишь сквернымъ фарсомъ (*une pauvre farce*), продолжая же упорствовать въ своихъ идеяхъ разрушенiя, турки поставили бы насъ въ необходимость разрушить весь нашъ союзный договоръ изъ страха крайнихъ осложненiй. И, вотъ, предусмотрѣнный случай произошелъ: парламентары были убиты, слѣдствiемъ чего явилось уничтоженiе флота, а пораженная Европа получила доказательство, насколько наши рѣшенiя покончить съ этимъ дѣломъ были серьезны, искренни, и насколько искренно и сердечно было единенiе нашихъ трехъ дворовъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ исторiи не встрѣчается другаго примѣра: три флота изъ наиболѣе разнообразныхъ соединились и сражались вмѣстѣ подобно братьямъ одного и того же народа».

Далѣе Николай Павловичъ писалъ, «что, дѣйствуя въ подобномъ случаѣ столь же рѣшительно противъ грековъ, мы докажемъ, что въ этомъ дѣлѣ мы не являемся ни греками, ни турками, но что настойчиво продолжаемъ прилагать всѣ наши усилiя, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу (*cette infâme lutte*) съ той и съ другой стороны, и что мы желаемъ лишь порядка и спокойствiя».

«Прежде чѣмъ эта цѣль, столь сильно и съ столь давнихъ поръ желанная,—продолжалъ онъ,—не будетъ достигнута, очень возможно, все въ силу тѣхъ же причинъ, что слѣдствiемъ этого явится война; я уже знаю, что императоръ австрiйскiй, подъ первымъ впечатлѣнiемъ отъ досады, вызванной полученiемъ этого извѣстiя, сказалъ: «Если бы я слѣдовалъ только своему чувству, я двинулъ бы 100.000 человекъ, чтобы покорить Морю, но я чувствую, что не могу сдѣлать этого!» Сказанное, въ соединенiи съ другими данными, побуждаетъ насъ къ величайшей осмотрительности».

Насколько политическiе взгляды цесаревича не сходились съ возрѣнiями императора Николая, можно видѣть изъ разсужденiй Константина Павловича, по поводу Наварина, высказанныхъ имъ въ письмѣ отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1827 года²⁾.

¹⁾ Лондонскiй договоръ 24-го iюня (6-го iюля) 1827 года.

²⁾ Повидимому генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, также не слишкомъ сочувствовалъ обороту, данному въ то время вашей политикѣ въ Восточномъ вопросѣ, если судить по слѣдующему отрывку его записокъ:

«Что касается Наваринской побѣды,—писалъ цесаревичъ,—то, признавая храбрость и доблесть нашего флота и изъ глубины сердца поздравляя его съ этимъ, я въ то же время могу лишь сожалѣть и о причинахъ, и о результатахъ, и о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ этой морской побѣды. Англичанинъ, какъ истый Макіавель, счумѣлъ воспользоваться положеніемъ русскаго и француза, которые, во всякомъ случаѣ, будучи прижаты къ стѣнѣ, не могли сдѣлать ничего другаго, какъ принять предложеніе сражаться, чтобы не навлечь на себя обвиненіе въ робости или трусости. Русскій попалъ въ это положеніе по своему чистосердечію, французъ—по своей глупости, и одинъ англичанинъ дѣйствовалъ для своихъ выгодъ, уничтожая флотъ, безразлично какой, но который могъ бы вызывать въ немъ хоть нѣкоторыя опасенія, такъ какъ онъ принялъ за правило не относиться съ пренебреженіемъ ни къ одному челну на водѣ. Простите, дорогой братъ, что я вамъ излагаю эти мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются вамъ человѣкомъ, удѣлъ котораго — ничтожество, но я долженъ былъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ что бы то ни было; таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не прикажете поступать иначе».

Такимъ образомъ, изъ словъ цесаревича оказывалось, что Наваринское сраженіе разыгралось въ пользу одной Англій, въ ущербъ прочимъ союзникамъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности оказалось, что Наваринскій погромъ повергъ англійскихъ политиковъ и даже самое общество въ полное смущеніе, возбудивъ опасеніе, что Англія сыграла въ руку Россіи!

Императоръ Николай не оставилъ безъ возраженія столь рѣзкую оцѣнку своей восточной политики, сдѣланную братомъ, и написалъ ему

„Посреди стеченія взаимныхъ неудовольствій и недовѣрчивости, Еврону вдругъ поразило неожиданное извѣстіе о кровавой Наваринской битвѣ. Нашъ флотъ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ сражался противъ оттоманскаго, сжегъ его, захватилъ турецкія суда и матросовъ. Какъ было изъяснить, что этотъ лютой бой, истребившій соединенныя морскія силы Турціи и Египта, произошелъ единственно отъ недоразумѣнія и не долженъ имѣть никакого вліянія на прерваніе добраго согласія между сказанными кабинетами и Константинопольскимъ дворомъ? Нужно ли прибавлять, что такое странное изъясненіе трудно было Портѣ понять и еще труднѣе съ нимъ согласиться. Съ этого времени отношенія къ намъ Турціи стали еще хуже; наша торговля подверглась новымъ притѣсненіямъ, данныя въ Аккерманѣ обѣщанія остались неисполненными и, наконецъ, явный разрывъ былъ неминуемъ. Начались приготовленія къ войнѣ“.

29-го ноября (11-го декабря) 1827 года: «Наваринское дѣло, какъ оно ни было пагубно для турокъ, является только естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ договора, задолго до этого объявленнаго Портѣ и объявленнаго потому, что это было единственнымъ средствомъ прекратить порядокъ вещей, несовмѣстимый съ законнымъ порядкомъ въ этой части вселенной¹⁾. Турція не могла покончить одна борьбу, позорную, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Англія покончила бы ее своими собственными средствами и такъ какъ это удобно ей; я не могъ потерпѣть этого, такъ какъ это значило бы добровольно уступить ей право дѣлать тамъ то, что ей заблагоразсудится въ исключительныхъ цѣляхъ не блага дѣла вообще, а блага ея интересовъ. Поэтому было необходимо принудить ее обязаться передъ лицомъ всей Европы отказаться отъ какихъ бы то ни было видовъ на исключительныя преимущества въ этихъ странахъ: вотъ смыслъ договора 6-го іюля. Франція примкнула къ нему изъ недовѣрчивости и тѣмъ лучше: такимъ образомъ онѣ обѣ связаны; мы являемся во всемъ этомъ противовѣсомъ или антитодомъ; слѣдствіемъ этого будутъ не республика или республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ и грековъ; послѣднихъ же мы вскорѣ, въ свою очередь, заставимъ образумиться, и восстановленіе въ этихъ краяхъ свободы торговли—обстоятельство слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы я могъ довѣрить попеченіе о немъ англичанамъ или даже самому другу Меттерниху (l'ami Metternich). Теперь, если войнѣ суждено произойти, она будетъ крайне прискорбнымъ и даже весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ безразсудства турокъ, но здѣсь уже мнѣ невозможно что бы то ни было предусмотрѣть заранее.

Ясное и убѣдительно изложеніе русской политики на востокѣ, сдѣланное Николаемъ Павловичемъ, не склонило, однако, цесаревича къ признанію справедливости начинаній своего державнаго брата. Константинъ Павловичъ остался ярымъ противникомъ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига. Греческое дѣло онѣ признавалъ всецѣло якобинскимъ дѣломъ и вся его политическая мудрость сводилась къ афоризму: «Il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi»²⁾, онѣ слу-

¹⁾ Оцѣнка политическаго значенія Наваринскаго боя, сдѣланная императоромъ Николаемъ, сходится вполне съ мнѣніемъ Джона Росселя, сказавшаго: «Я рѣшительно того мнѣнія, что эта блистательная побѣда была необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора. Кроме того, я полагаю, что это была одна изъ самыхъ честныхъ побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой-либо державы отъ начала міра».

²⁾ Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю, отъ 7-го (19-го) декабря 1827 года.

жилъ исходной точкой всѣхъ политическихъ разсужденій цесаревича по Восточному вопросу. Въ 1825 году Меттернихъ не напрасно радовался при мысли о возможности воцаренія Константина Павловича; австрійскій канцлеръ тогда же предугадалъ, что въ такомъ случаѣ политическія дѣла пошли бы по знакомому старому руслу, а вѣнскому кабинету оставалось бы только торжествовать побѣду, расточая похвалы великодушію и умѣренности преемнику Александра I. А теперь случилось нѣчто невообразимое: даже графъ Нессельроде заговорилъ, какъ утверждалъ Меттернихъ, языкомъ Карно и Дантона!!

Опасенія императора Николая относительно возможности войны, благодаря безразсудству турокъ, оказались справедливыми. Султанъ не удовольствовался отъѣздомъ пословъ изъ Константинополя, но дальнѣйшими своими мѣропріятіями прямо вызвалъ Россію на войну. 8-го (20-го) декабря 1827 года Порта обнародовала гатти-шерифъ, въ которомъ турецкое правительство указывало на Россію, какъ на своего явнаго, непримиримаго врага¹⁾. По словамъ сего воззванія къ правосѣрнымъ, Россія обвинялась въ томъ, что она вызвала возстаніе грековъ; единственно по ея ухищреніямъ Англія и Франція заняли враждебное положеніе въ Портѣ; она нарочно возбудила противъ нея внутреннихъ и вѣнскихъ враговъ, чтобы воспрепятствовать введенію преобразованій, которыя должны были возвратить Турціи прежнюю силу; наконецъ, Порта объявляла, что она вовсе не обязана исполнять исторгнутый у нея Аккерманскій договоръ. На этомъ основаніи Порта признавала войну съ Россією религіозною и призывала всѣхъ магометанъ ваяться за оружіе и стать подъ ея знамена.

Вслѣдъ затѣмъ русскіе подданные были изгнаны изъ турецкихъ владѣній, Босфоръ закрылся для торговыхъ судовъ, и начались сношенія съ Персіей, съ цѣлью уговорить шаха продолжать войну съ Россією.

Султанскій гатти-шерифъ разсланъ былъ всѣмъ пашамъ и губернаторамъ Оттоманской имперіи. Русскій генеральный консулъ въ Букарестѣ, Минчіаки, представилъ его главнокомандующему второй арміи, графу Витгенштейну, при письмѣ отъ 24-го января (5-го февраля) 1828 года, и копія этого документа препровождена была генералъ-адъютантомъ Киселевымъ въ Петербургъ при рапортѣ отъ 1-го (13-го) февраля.

¹⁾ Султанская прокламація начиналась прямымъ обращеніемъ къ Россіи: „Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, что какъ всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, такъ и невѣрные суть равномѣрно смертельные враги мусульманъ, и что иначе дворъ російскій есть непримиримый врагъ народа мусульманскаго и Оттоманской имперіи“.

Вызывающій образъ дѣйствій Турціи привелъ къ большому политическому кризису. «Крайне трудно было предвидѣть его развязку,—писать въ то время генераль-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову,—фактъ тотъ, что императоръ спокоенъ, выжидаетъ дальнѣйшаго хода событій, готовится ко всему, что они могутъ представить наиболѣе затруднительнаго и постоянно останется прямодушнымъ и умѣреннымъ. Если это и не понравится нѣкоторымъ кабинетамъ, за то народы будутъ рукоплескать этому, а послѣднее имѣетъ большое значеніе въ дѣлахъ нашего времени»¹⁾).

Россіи оставалось одно—принять вызовъ, дерзко брошенный ей Портою. 14-го (26-го) апрѣля 1828 года въ Петербургѣ обнародованы были: манифестъ о войнѣ съ Турціею, декларація русскаго правительства²⁾, приказъ россійскимъ войскамъ и манифестъ о рекрутскомъ наборѣ (по два рекрута съ 500 душъ).

Увѣдомляя графа Витгенштейна о принятыхъ рѣшеніяхъ, императоръ Николай повелѣвалъ ему приступить съ 25-го апрѣля (7-го мая) къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Турціи. Графу Паскевичу также повелѣно было считать съ 25-го апрѣля войну съ Турціею начатою.

Указомъ 12-го апрѣля сенаторъ Абакумовъ назначенъ былъ главноуправляющимъ продовольственнымъ частью арміи, назначенной къ переходу въ предѣлы Турціи³⁾. Въ этомъ указѣ сообщалось еще слѣдующее распоряженіе: «Для управленія княжествами Молдавіею и Вала-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 35, стр. 275. (А. Х. Бенкендорфъ графу М. С. Воронцову, 12-го марта 1828 года).

²⁾ Въ деклараціи, обнародованной тогда русскимъ правительствомъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія заключительныя ея строки, свидѣтельствующія о безкорыстныхъ видахъ, отличавшихъ политику императора Николая:

„Принужденная употребить силу для защиты правъ своихъ, Россія, вопреки разглашеніямъ Порты, не имѣетъ ненависти къ сей державѣ, не умышляетъ ея разрушенія. Если бы намѣренія нашего правительства были устремлены къ войнѣ непримиримой и къ сокрушенію Турецкой имперіи, оно давно бы воспользовалось однимъ изъ безчисленныхъ, непрестанно представляющихся, случаевъ къ разрыву. Россія не имѣетъ и видовъ честолюбія; довольно предметовъ для заботливой попечительности ея правительства въ обширныхъ странахъ ему подвластныхъ“.

Нельзя сказать, чтобы русскій officialный переводъ деклараціи, подлинникъ которой написанъ на французскомъ языкѣ, отличался бы точностію. Достаточно привести для сравненія по-французски послѣднія вышеприведенныя слова деклараціи: „Assez de pays et de peuples reconnaissent ses lois; assez de soins s'attachent à l'étendue de ses domaines“.

³⁾ Въ силу указа 12-го апрѣля генераль-интендантъ второй арміи генераль-майоръ Мельгуновъ, оставаясь въ своемъ званіи, долженъ былъ состоять подъ начальствомъ главноуправляющаго Абакумова.

хію, состоящими подъ нашимъ покровительствомъ, мы утвердили особыя правила, которыя съ занятіемъ оныхъ войсками нашими и будутъ приведены въ дѣйствіе; всѣ же прочія земли, кон оружіемъ нашимъ заняты будутъ, поступаютъ въ завѣдываніе главноуправляющаго продовольствіемъ арміи».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

X¹⁾.

Самовластіе Наполеона.—Объявленіе Россією войны съ Швеціею.—Впечатлѣніе, произведенное объявленіемъ на русское общество.—Н. Н. Муравьевъ и С. Н. Глинка.—Появленіе „Русскаго Вѣстника“ и политическое его значеніе.—Цѣнзурныя предупрежденія.—Заслуги С. Н. Глинки.—Приглашеніе императора Александра на свиданіе съ Наполеономъ.—Записка князя А. Чарторыжскаго и письмо государю императрицы Маріи Теодоровны.—Отвѣтъ Александра матери.—Отъѣздъ императора въ Эрфуртъ.—М. М. Сперанскій и его прошлое.—Эрфуртское свиданіе.

къ началу 1808 года Наполеонъ достигъ вершины своего могущества и славы; всѣ преклонялись передъ нимъ, и онъ считалъ себя обладателемъ полъ-міра.

— Скажите вашему государю, — говорилъ онъ князю Никитѣ Григорьевичу Волконскому²⁾, — что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ посорить. Если мы въ союзѣ — міръ будетъ принадлежать намъ. Свѣтъ — это яблоко, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получитъ половину. Для этого нужно только быть согласными, и дѣло сдѣлано.

На эти слова, переданныя кн. Волконскимъ, императоръ Александръ отвѣчалъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1900 г. № 9.

²⁾ Посланному къ Наполеону съ особымъ порученіемъ.

— Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ ему придетъ охота взять и другую ¹⁾.

И дѣйствительно Наполеонъ межевалъ Европу по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на трактаты и на народное право. Въ февралѣ 1808 г. онъ занялъ Римъ и присоединилъ къ Франціи Сѣверную Италію; устраивалъ престолы для своихъ родственниковъ, объявилъ своею собственностію множество казенныхъ помѣстій въ Германіи, изъ которыхъ онъ составилъ аренды для своихъ генераловъ и государственныхъ дѣятелей. Въ сердцѣ Германіи онъ учредилъ Вестфальское королевство для своего брата Иеронима; въ значительнѣйшихъ крѣпостяхъ Пруссіи стояли французы и въ финансовомъ отношеніи она управлялась французскими чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ гофъ-интенданта Дарю. Приморскіе города Германіи и всѣ ея порты были заняты французами, а морской берегъ устья французскою таможенною стражею, для строгаго соблюденія континентальной системы. Во всей Германіи французская полиція строго слѣдила за всякою попыткою общества сбросить съ себя такое иго. Понятно, что вся Германія ненавидѣла Наполеона и желала освободиться отъ его оковъ.

Возстаніе въ Испаніи пробудило всеобщія надежды; всѣ вострепнулись, желали ей успѣха и съ жадностію ловили всѣ извѣстія, тайно доставляемыя англичанами вмѣстѣ съ товарами. Умы Германіи были возбуждены: извѣстный Конекбу сосредоточивалъ на своемъ журналѣ вниманіе соотечественниковъ. Профессоръ Арндъ своею сатирою «Аистъ съ дѣтьми», направленною противъ Наполеона и Рейнскаго союза, возбудилъ во всѣхъ сословіяхъ ненависть къ повелителю Франціи, а своею книгою «Духъ времени», обратилъ вниманіе лучшихъ людей на то постыдное положеніе, въ которомъ находится Германія относительно ея завоевателя. Прусскій министръ Штейнъ и австрійскій Стадіонъ образовали тайное общество «Тугендбундъ» (добродѣтельный союзъ), цѣль котораго состояла въ освобожденіи Германіи отъ чужеземнаго яга. Всѣ государя Германіи тайно покровительствовали Тугендбунду, къ которому присоединились лучшие офицеры и между прочимъ знаменитый Блюхеръ, Гнейзенау, профессора и студенты, все дворянство и образованные граждане. Даже среди французскихъ войскъ занимавшихъ гарнизоны, стало обнаруживаться неудовольствіе, такъ что Наполеонъ, не полагаясь на роптавшія войска, принужденъ былъ смѣнить нѣсколькихъ генераловъ. При постоянномъ стремленіи Наполеона къ увеличенію своего могущества,—говоритъ Шлоссеръ ²⁾, это движеніе должно было рано или поздно погубить его. Капризный про-

¹⁾ „Русскій Арх.“, 1874 г., т. I, стр. 1048.

²⁾ Шлоссеръ „Всеобщая исторія“, изданіе 1873 г., т. VI, 540.

изволь, которому подвергались его вассальныя государства, непослѣдовательность его дѣйствій, то въ либеральномъ духѣ, то въ совершенно деспотическомъ, постыдный эгоизмъ, съ которымъ онъ рѣшалъ судьбы народовъ не въ ихъ интересахъ, а въ интересахъ своей особы и Франціи— все это возстановило и ожесточило не только подвластные ему народы, но даже братьевъ и зятѣвъ его, которыхъ онъ надѣлялъ коронами».

Въ этомъ отношеніи русское общество не только не отставало, но, можно сказать, превосходило прочіе народы въ своей ненависти къ Наполеону. Оно приписывало ему, какъ это и было въ дѣйствительности, всю тяжесть своего положенія, испытаннаго въ прошедшія и продолжающіяся войны. Къ довершенію этой тяжести, 16-го марта 1808 г. появилась декларация о разрывѣ мира съ Швеціею, заключившемъ союзъ съ Англіею—державою намъ непріязненною.

«На сихъ дняхъ,—сказано было въ декларациі—получено достоверное извѣстіе, что 20-го февраля (3-го марта) министръ его императорскаго величества въ Стокгольмѣ, по повелѣнію короля, арестованъ; что по такому же повелѣнію вся миссія російская собрана въ одинъ домъ и въ немъ заключена; что монархъ сей дозволилъ себѣ даже опечатать всѣ архивы и дѣла нашего министерства и что вся миссія російская содержится подъ воинскою стражею.

«Симъ поступкомъ нанесено вопіющее оскорбленіе преимуществамъ и достоинству престола. Не Россія только, но всѣ державы Европы симъ оскорбляются. Все дипломатическое сословіе въ Стокгольмѣ пребывающее, ощутило въ полной мѣрѣ сію обиду и въ то же время предъявило свое негодованіе на столь безпримѣрное насиліе, однимъ турецкимъ обычаемъ приличное.

«Его императорское величество могъ воздать за сей поступокъ праведное возмездіе; но императоръ всероссійскій призналъ за благо вмѣсто того повелѣть своему министерству усугубить внимательность и благопріятство къ послу шведскому, въ С.-Петербургѣ пребывающему, и принять всѣ попеченія, чтобы онъ могъ отбыть, когда пожелаетъ безъ малѣйшаго безпокойства и непріятности какъ здѣсь, такъ и въ пути его.

«Его императорское величество возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую войска російскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областью, російскимъ оружіемъ покоренною, и навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи¹⁾.

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXX, № 22899 и № 22911.

Вслѣдъ за тѣмъ 20-го марта послѣдовалъ указъ Сенату ¹⁾, чтобы всѣ англійскіе мануфактурные товары, какой бы націи ни принадлежали, въ призъ ли взятые, или въ другихъ земляхъ находящіеся, запретить къ привозу въ Россію какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ; чтобы русскіе корабли, находящіеся въ Англии, пришли безъ всякаго товарнаго груза и въ случаѣ привоза англійскихъ товаровъ къ какому-либо порту или на сухопутную границу, выслать ихъ изъ портовъ въ двѣ недѣли, а отъ пограничныхъ таможенъ въ три дня, въ ближайшее заграничное мѣсто.

Объявленіе войны Швеціи было встрѣчено не только несочувственно, но и съ нѣкоторымъ ропотомъ. Всѣ страшились навязанныхъ Россіи войнъ съ Швеціею и Англиею, имѣя на рукахъ еще двѣ: съ Турціею и на Кавказѣ съ Персіею и горцами. Большинство сомнѣвалось въ томъ, чтобы войны эти при постоянномъ вмѣшательствѣ Наполеона привели къ какимъ-нибудь конечнымъ результатамъ.

— Сеявинъ,—говорили тогда,—съ русскимъ флотомъ побѣдоносно дѣйствовалъ въ Архипелагѣ и въ іюнѣ 1807 года одержалъ побѣду, которою навелъ трепетъ на Константинополь. Но эта побѣда не имѣла послѣдствій изъ-за тильзитскаго мира, вслѣдствіе котораго наши военныя дѣйствія противъ турокъ были приостановлены.

Всѣ были увѣрены, что и теперь Наполеонъ, желая только ослабить Россію, не допуститъ ее къ какимъ-либо пріобрѣтеніямъ, а безъ нихъ новая война являлась только бременемъ и разстройствомъ.

«Надобно сказать,—пишетъ С. Аксаковъ ²⁾,—что шведская война не возбуждала сочувствія въ публикѣ. Мы начали ее вслѣдствіе тильзитскаго мира по приказанію Наполеона, и это оскорбляло нашу народную гордость. По превосходству нашихъ силъ и по храбрости войскъ, мы конечно должны были завоевать Финляндію, но и самая побѣда была безславна. Кровное родство нашей царствующей императрицы, всѣми искренно любимой, съ королевою шведскою, еще болѣе возбуждало не-расположеніе къ этой войнѣ. Я живо помню грустное и горькое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня военный парадъ, устроенный около памятника Петра Великаго по случаю какой-то побѣды.

«Какое было видѣть эти торжества и слушать благодарственное пѣніе: «Тебѣ Бога хвалимъ» нашей кроткой императрицѣ, горячо любившей свою сестру, шведскую королеву. Я и теперь вижу ее блѣдную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, подавленную тягостью своего державнаго сана, стоящую у подножія исполинскаго монумента.....»

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXX, № 22908.

²⁾ Встрѣча съ мартинистами С. Аксакова. „Русская Бесѣда“ 1859 г. № 1, стр. 44.

Надо припомнить при этомъ, что императрица Елизавета Александровна и безъ того была опечалена недавнею потерей малолѣтней своей дочери Маріи, на которой она сосредоточивала всю любовь и заботы. «Сочувствіе къ императрицѣ съ видимо увеличивающимися опасностями и лишениями пробудило русское общество, и любовь къ отечеству «при мѣтно возростала»¹⁾.

Росту этому не мало содѣйствовалъ Сергій Николаевичъ Глинка, не допускавшій соперниковъ съ собою въ патриотизмъ, въ ненависти его къ Наполеону и ко всему французскому. Онъ и Николай Николаевичъ Муравьевъ основали въ Москвѣ двѣ частныя военныя школы. Военныя были тогда нужнѣе всего. «Муравьевъ взялся образовать молодыхъ дворянъ для пополненія ими великаго недостатка офицеровъ, чувствуемаго въ генеральномъ штабѣ и по части артиллерійской и инженерной. Преподавая имъ высшія математическія науки, онъ вселялъ въ нихъ и высокія чувства народной гордости. Глинка захотѣлъ быть просвѣтителемъ донскихъ казаковъ и принялся за умъ и сердце пылкихъ, дикихъ мальчиковъ. Довольно грубымъ, но пламеннымъ и имъ понятнымъ языкомъ вливалъ онъ въ нихъ любовь къ познаніямъ и къ великому ихъ русскому отечеству»²⁾.

«Кто,—спрашиваетъ Ф. Вигель,—нынѣ рѣшится на столь славные и безкорыстные подвиги? Кто хвалить ихъ, или помнить ихъ? Или лучше кто знаетъ ихъ?» Вспоминая ихъ патриотическую заслугу, мы должны припомнить также и то, что С. Н. Глинка не ограничивалъ свою дѣятельность одною школою, но одновременно съ этимъ предпринялъ и изданіе журнала.

Громадный успѣхъ выданной въ концѣ 1807 года брошюры графа Ростопчина «Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ»³⁾, дышавшей ненавистью къ французамъ и насмѣшкою надъ ихъ подражателями и поклонниками, навелъ С. Н. Глинку на мысль предпринять изданіе «Русскаго Вѣстника». Поддерживаемый одобреніемъ многихъ⁴⁾, онъ

¹⁾ Воспоминанія Бутенева. „Русскій Арх“. 1881 г. кн. III (1) стр. 48 и 49.

²⁾ Записки Ф. Вигеля, кн. III стр. 140.

³⁾ Вотъ полное заглавіе брошюры: „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ ефремовскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева“. О значеніи этой брошюры мы говоримъ въ статьѣ: „Наши мистики-сектанты“ „Русская Старина“ 1894 г., т. 82, № 9, стр. 198 и 199.

⁴⁾ „Простите мнѣ,—писалъ Д. П. Троицкій В. Н. Каразину 25-го января 1808 г.—что я, получивъ почтенное письмо ваше, отъ 9-го декабря, умедлилъ, по болѣзни моей, отвѣчать на оное въ свое время. Издатель „Русскаго Вѣстника“ мнѣ и самому знакомъ, и я, зная цѣну его талантовъ, не сомнѣваюсь, что періодическое сочиненіе, имъ предприняемое, заслужитъ справедливое одобреніе публики. Всѣ выходящія вновь русскія книги я получаю здѣсь

рѣшился привести свою мысль въ исполненіе. Въ № 102 «Московскихъ Вѣдомостей» 21-го декабря 1807 года, появилось объявленіе объ изданіи журнала «Русскій Вѣстникъ», ставившаго себѣ задачей защиту всего отечественнаго и порицаніе рабскаго поклоненія иностранному ¹⁾). Нѣкоторые находили предпріятіе это и смѣлымъ и труднымъ.

На другой день по выходѣ «Московскихъ Вѣдомостей» съ объявленіемъ объ изданіи «Русскаго Вѣстника» графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ С. Н. Глинкѣ ²⁾).

«Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя «Сумбеки» и «Натальи боярской дочери» ³⁾), увидѣлъ я обнародованіе ваше о Россійскомъ Вѣстникѣ: хвалю столь же благородное намѣреніе, сколько дивлюсь смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленіе слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ; но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ изступленіе. Конечно, васъ читать будутъ многіе—всѣ благомысляще и любящіе законы, отечество, государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для нихъ прошедшее не нужно, ибо они сами настоящимъ

(въ С.-Петербургѣ) изъ книжной лавки; но вамъ угодно было предупредить меня доставленіемъ мнѣ билета. За такое дружеское вниманіе приноса вамъ искреннюю благодарность, возвращая при семъ заплаченные вами за меня деньги“. (Изъ собранія моихъ автографовъ).

¹⁾ „Въ книжной лавкѣ, - сказано было въ объявленіи, — на Никольской улицѣ во флигелѣ Заиконоспаскаго монастыря, у книгопродавца Филиппа Свѣрчкова, принимается подписка на журналъ подъ названіемъ „Русскій Вѣстникъ“, который состоятъ будетъ изъ 12-ти книжекъ, выдаваемыхъ ежемѣсячно по одной. Содержаніемъ сего журнала будетъ все то, что непосредственно относится къ отечественному, какъ-то: о воспитаніи русскихъ, ихъ образѣ жизни и обыкновеніяхъ; о свойствахъ князей славянскихъ и русскихъ, о свойствахъ бояръ и проч. знанія людей, что все основано на историческихъ доводахъ. Издатель, желая по возможности соединять полезнае съ пріятнымъ, будетъ предлагать почтеннымъ читателямъ русскія историческія повѣсти, многіе историческіе любопытные отрывки, которые никогда еще не были напечатаны; замѣчанія о всемъ русскомъ, достойномъ памяти каждаго патриота. Въ семъ же журналѣ будутъ помѣщаемы политическія извѣстія касательно токмо до Россіи и извѣстія о добродѣтельныхъ дѣваніяхъ, общепользныхъ заведеніяхъ, открытіяхъ и проч.

„Цѣна подписная за всѣ 12-ть книжекъ 12-ть рублей здѣсь въ Москвѣ Первая книжка сего журнала выйдетъ въ январѣ 1808 года. Особы, желающія подписаться на сей журналъ, благополучь адресоваться къ помянутому книгопродавцу Свѣрчкову, отъ котораго и получать билетъ на вышеозначенный журналъ“.

²⁾ Письмо къ издателю. 22-го декабря 1807 г. „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г. № 1, стр. 68.

³⁾ Авторомъ которыхъ былъ С. Н. Глинка.

служать примѣромъ. А какъ заставить любить по-русски отечество тѣхъ, кои его презирають, не знаютъ своего языка и только по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранные? Какъ сдѣлаться терпимымъ у раздѣтыхъ по модѣ барынь и барышень?—упрашивайте, убѣждайте, стыдите,—ничего не подѣйствуетъ.

«Для сихъ отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранные за наше гостепримство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и русскіе къ нимъ пристають. Я не удивлюсь, если со временемъ найдется какой-нибудь безстыдный враль, который станетъ намъ доказывать, что мы не люди и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными по ихъ благоусмотрѣнію, что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка... и безъ ихъ поваровъ ѣли бы траву и желуды.

«Принимая живое участіе въ успѣхѣхъ вашего сочиненія, совѣтую приучать слегка къ забытой русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей; совѣтую подлинныя сочиненія наши назвать переводами; разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англійскимъ эпиграфами и картинкой, представляющей невинную въ нашемъ вкусоу насмѣшку.

«Вотъ совѣты, кои русскій старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что опытность его и долгое обращеніе съ людьми увѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои ее ищутъ въ словаряхъ для перевода».

Встрѣтившись въ домѣ А. С. Небольсиной съ С. Н. Глинкой тотъ же графъ Ростолчинъ сказалъ ему:

— Отважное ваше предпріятіе удивляетъ меня.

— Что же тутъ удивительнаго?—отвѣчалъ С. Н. Глинка. Издатель «Русскаго Вѣстника» хочетъ въ Россіи говорить о Россіи. Я видѣлъ народъ русскій въ земской моей службѣ, и ознакомился съ духомъ его, я прислушивался къ душевному его голосу.

Глинка предпринялъ издавать «Русскій Вѣстникъ» тогда, когда, по словамъ Вигеля, «москвичамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимо умножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патриотъ, безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда

находились, журналъ его, при всемъ несовершенствѣ своемъ, былъ полезенъ, даже благодѣтельнъ для провинціи»¹⁾).

— Предлагаю вамъ себя въ сотрудники,—сказалъ графъ Ростопчинъ, выслушавъ Глинку,—только съ условіемъ: запальчивое перо мое часто бываетъ заносчиво; удерживайте, останавливайте меня. Готовьтесь на-вѣстрять слухъ къ слушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь нянчить и водить на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ Пора духу русскому пріосаняться.—Шопотъ—дѣло оплетницъ.

Итакъ съ началомъ изданія «Русскаго Вѣстника» была объявлена литературная война повелителю Франціи.

Мы будемъ имѣть случай нѣсколько разъ встрѣчаться съ редакторомъ «Русскаго Вѣстника» и потому скажемъ нѣсколько словъ объ его характерѣ и дѣятельности.

Сергѣй Николаевичъ Глинка принадлежалъ къ даровитой семьѣ Глинокъ, смоленскихъ дворянъ, и «самъ отличался необыкновенными качествами ума и еще болѣе души»²⁾).

Воспитаникъ 1-го кадетскаго корпуса въ блестящій періодъ директорства принца Ангальта, Сергѣй Николаевичъ дослужился въ военной службѣ только до чина майора и желая быть независимымъ и имѣть возможность заниматься литературою, которую страстно любилъ, вышелъ въ отставку.

Поселившись въ Москвѣ, онъ провелъ тамъ большую часть своей жизни и былъ извѣстенъ всѣмъ жителямъ первопрестольной столицы какъ оригиналъ и чудакъ.

— Какъ не знать Глинку,—говорили москвичи,—это тотъ, что по Дѣвичьему полю разгуливаетъ, да себя бьетъ по спинѣ палкой.

Высокій и красивый, но неопрятный, нервный и разсѣянный, онъ былъ въ постоянномъ отсутствіи, забывалъ все окружающее, вѣчно носился со своими мечтами и мыслями, говорилъ самъ съ собою и даже декламировалъ въ слухъ, сидя на извожничьихъ дрожкахъ или бродя пѣшкомъ. Часто онъ не зналъ самъ куда и зачѣмъ идетъ: поворачивалъ то влѣво, то вправо, дѣлалъ зигзаги, возвращался назадъ и оттого въ значительное время проходилъ небольшое пространство. Такая неправильность въ движеніи подала поводъ къ остротѣ, сказанной Н. И. Гречемъ. Пріѣхавъ въ первый разъ въ Москву и познакомившись съ ея улицами, онъ сказалъ Н. А. Полевому:

— Знаете ли, Николай Алексѣевичъ: я думаю, Москву строилъ Сергѣй Николаевичъ Глинка.

¹⁾ Записки Ф. Вигеля, ч. III стр. 140.

²⁾ Записки Ксеноф. Алексѣев. Полеваго „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г. № 6, стр. 539.

И въ самомъ дѣлѣ пѣшія прогулки Глинки напоминали зигзаги московскихъ улицъ и кривыхъ переулковъ. Вѣчно чѣмъ-нибудь озабоченный, всегда торопящійся, онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе чловѣка-суетливаго, и лишь немногіе цѣнили высокую его душу и блестящія дарованія.

Владѣя превосходно французскимъ языкомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣлъ французовъ и въ особенности Наполеона. Ненависть эта была глубокая, но вполне искренняя и чистосердечная. «У Глинки,—говоритъ К. А. Полевой¹⁾,—не было ничего ложнаго и убѣжденія его были всегда искренни; только подвижная природа его духа была способна къ измѣнчивости... Одно было въ немъ неизмѣнно: благородство, возвышенность души, которая и заставляла его презирать наружнымъ и дорожить только тѣмъ, что почиталъ онъ истиннымъ и согласнымъ съ достоинствомъ чловѣка. Онъ былъ христіанинъ въ истинномъ значеніи слова. Никогда и никого не обидѣлъ онъ и самъ всегда прощалъ и забывалъ обиды». Душа его была всегда чистая и младенческая. Безкорыстіе его и благотворительность доходили до безразсудства: живя бѣдно и тѣсно, онъ раздавалъ деньги просящимъ безъ разбора и самъ часто оставался безъ гроша.

С. Н. Глинка былъ вполне русскій чловѣкъ, преданный отечеству и любившій Россію до мозга костей. Эта любовь ко всему русскому, какъ извѣстно, подала поводъ А. Ѳ. Воейкову въ его поэмѣ «Домъ сумасшедшихъ» написать:

Нумеръ третій: на лежанкѣ
Истнй Глинка воссѣдитъ;
Передъ нимъ „духъ русскій“ въ селянкѣ
Не закупорень стоитъ.
„Книга Коричая“ отвергата
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены²⁾.

Такой чловѣкъ, какъ С. Н. Глинка, не могъ, конечно, оставаться празднымъ зрителемъ совершающихся событій и долженъ былъ чувствовать неотразимую потребность высказаться, что онъ и сдѣлалъ, предпринявъ изданіе «Русскаго Вѣстника». Онъ шелъ прямо, открыто, не боялся насмѣшекъ потому, что не боялся ничего въ мірѣ.

— Я прихожу въ трепетъ,—говорилъ онъ,—только въ одномъ случаѣ: когда вижу ребенка на открытомъ окнѣ четвертаго этажа.

Сильные міра не страшили его, онъ никогда и ничего не искалъ у и хъ, а напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, показывалъ свой

¹⁾ Въ своихъ запискахъ, „Историч. Вѣст.“ 1887 г. № 6, стр. 542 и 543.

²⁾ „Русская Старина“ 1874 г. Т. ЕХ, стр. 590.

независимый характеръ. Въ «Мысляхъ про себя» ¹⁾ С. Н. Глинка между прочимъ писалъ: «Слава Богу у насъ миръ: да будетъ онъ продолжителенъ и на Руси и въ чужихъ земляхъ. Сколько же лѣтъ льется кровь человѣческая! О честолюбіе, честолюбіе! долго ли ты будешь вертѣть и свертывать головы чадамъ Адамовымъ? Что лучше любви и совѣта, за что бы, кажется, ссориться? Свѣтъ просторенъ, милости просимъ—всякому есть мѣсто».

Наступившіе миръ и тишину онъ считалъ непродолжительными и сознавалъ, что безъ крупной войны съ Наполеономъ Россія не обойдется, а потому, измѣнивъ нѣсколько первоначальную программу «Русскаго Вѣстника», онъ положилъ въ основу его «возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ».

Первоначальная цѣль изданія была напомнить русскимъ ихъ исторію, ихъ подвиги. «Надобно вспомнить,—говоритъ М. А. Дмитриевъ ²⁾,—надобно знать то время, чтобы понять всю важность появленія «Русскаго Вѣстника». Теперь о нашей старинѣ твердятъ безпрестанно, а тогда—многіе въ первый разъ услышали изъ «Русскаго Вѣстника» о царѣцѣ Натальѣ Кирилловнѣ, о бояринѣ Матвѣевѣ, о Зотовѣ, воспитателѣ Петра Великаго, и въ первый разъ увидѣли ихъ портреты. Кто первый, такъ сказать, натвердилъ намъ объ этихъ людяхъ, тотъ, конечно, заслуживаетъ и самъ остаться въ памяти».

Политическая обстановка захватывала и увлекала Глинку, и онъ мало-по-малу возненавидѣлъ Наполеона. Несмотря на противодѣйствіе поклонниковъ французскаго языка, ихъ модъ и обычаевъ, «Русскій Вѣстникъ» появился какъ разъ въ-время и имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ. Многіе и очень многіе чувствовали, что пора оглянуться на себя, пора воскресить забытое русское.

— Если неисповѣдимыми Творческими судьбами,—говорилъ Глинка,—назначено когда-нибудь возгорѣться войнѣ между Россією и Франціей, то Россія явится во всеоружіи.

«Въ 1806 году,—продолжалъ онъ ³⁾,—учрежденіе милиціи было для всѣхъ странною новостью; никто не зналъ своей должности, никто не зналъ, какого рода эта служба; теперь она' будетъ обыкновеннымъ дѣломъ: оружіе готово, служба извѣстна, чиновники собраны; въ прошедшую войну французы познакомились съ нашими бородатыми ратниками, они видѣли, что это не германскіе филантропы».

«Въ 1807 году русскіе въ первый разъ узнали истинную силу свою, силу народнаго духа и любви къ царю и отечеству. Думать надобно,

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г. № 3, стр. 250.

²⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти.

³⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г. № 3, стр. 404.

что самъ Наполеонъ, привыкшій къ чрезвычайностямъ, удивился, услыша, что въ десять дней 620.000 ратниковъ были собраны и готовы выступить въ поле по первому мановенію; что всѣ русскіе дворяне, способные носить оружіе, вооружились и миллионы золота принесены на алтарь отечества».

Увлекаясь все болѣе и болѣе, С. Н. Глинка увѣрялъ, что Наполеонъ вовсе не страшень, что паденіе прусской монархіи произошло не отъ чего другаго, какъ отъ измѣны.

— Теперь,—говорилъ онъ,—поднялась завѣса, и всѣ узнали, что прусскимъ кабинетомъ управлялъ Талейранъ, что прусскими силами располагалъ Талейранъ; что онъ нарочно поссорилъ сіе королевство со всѣми державами: съ Австрією, Россією, Швецією и Англією. Теперь извѣстно, что измѣна генераловъ и комендантовъ (сего благодаря Бога въ Россіи еще не случилось и долго не случится) не менѣе геройскаго мужества и быстроты Наполеона способствовали завоеванію Пруссіи.

«Прежде,—писалъ Глинка,—лучшими войсками почитались прусскія и саксонскія. Геній Карнс изобрѣлъ новую тактику, которой должна уступить тактика Фридриха Великаго; но русскіе, конечно, воспользуются открытіемъ республиканцевъ и, сообразя его съ своимъ мужествомъ, составятъ новое превосходное военное искусство».

«Теперь по самому вѣрному исчисленію Россія имѣетъ 670.000 регулярныхъ войскъ, болѣе 100 т. казаковъ и около 100 т. ратниковъ остается за укомплектованіемъ всѣхъ армій: шведской (т. е. дѣйствующей въ Швеціи), польской, турецкой, грузинской и сибирской. Не угнетая чужихъ земель, не разоряя себя, Россія можетъ содержать въ мирное время миллионъ войска»¹⁾.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 г. была напечатана статья Шлѣцера «Взглядъ на прошедшее, настоящее и будущее»²⁾. Говоря о быстрыхъ политическихъ перемѣнахъ того времени и видя, что война съ береговъ Нѣмана перенеслась въ Испанію, авторъ предсказывалъ, что «дымъ огней бивачныхъ отталкиваетъ Европу въ туманный бытъ среднихъ вѣковъ и что послѣдній приютъ наукамъ остается только въ Америкѣ».

«Не думаетъ ли Шлѣцеръ,—писалъ редакторъ «Русскаго Вѣстника», что Россію такъ же легко завоевать, какъ Пруссію или Ганноверъ? Не думаетъ ли, что новая дорога черезъ Саксонію и Польшу облегчаетъ вторженіе въ наши предѣлы? Не воображаетъ ли, что несчастное для русскихъ сраженіе подъ Фридрихландомъ дало надъ нами большую поверхность французамъ и что смѣлый Наполеонъ вошелъ бы въ польскія границы наши? Я полагаю напротивъ, что со всѣмъ честолю-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г. № 3, стр. 404—407.

²⁾ „Вѣстн. Европы“, 1808 г. № 3.

біемъ, со всею предприимчивостію, герой Маренгскій не захочеть вновь попытать военнаго счастья своего противъ русскихъ, ибо въ продолженіе прошедшаго похода онъ всегда былъ близокъ къ гибели и чѣмъ далѣе заходилъ, тѣмъ опасность его становилась ужаснѣе, неизбѣжнѣе. Послѣ Фридландскаго сраженія Наполеонъ могъ бы то же сказать, что и Пирръ послѣ своихъ побѣдъ въ Италіи: «Еще одна побѣда, и мы погибли», что и исполнилось бы, если бы Австрія въ 1807 году двинулась въ тылъ Наполеону. Послѣ Фридландскаго сраженія одно великодушіе Александра I остановило потоки крови человеческой и если бы этого не было, то Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы Наполеонъ и «великая армія великой націи».

Въ слѣдующемъ № 4 «Русскаго Вѣстника» появилась статья: «Неизмѣнность духа россіянъ», въ которой доказывалось, что галлы (французы), находясь подъ державою римлянъ, подчинились имъ и смѣшались съ ними настолько, что, по выраженію аббата Дюбо: «едва-ли галлы были въ галлахъ».

Русскіе же во времена владычества татаръ, съ помощію Бога, вѣры и единодушія свергли иго, «которое бы можетъ быть въ полвѣка преобразило другой народъ; но русскіе остались русскими».

«Если, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, снова будетъ война между Россіею и Франціею, то въ отечествѣ нашемъ будутъ приняты мѣры къ отраженію властолюбиваго завоевателя».

Книжки «Русскаго Вѣстника» читались на расхватъ, возбуждали народный духъ и разжигали нерасположеніе не только къ Наполеону, но и къ представителямъ его въ Россіи, да и вообще ко всѣмъ французамъ.

«На театрѣ,—писалъ императору князь Алексѣй Куракинъ ¹⁾,—россійскими актерами представлена была на-дняхъ извѣстная комедія «Бригадиръ». Я достовѣрно узналъ, что при всѣхъ тѣхъ мѣстахъ сей пьесы, гдѣ рѣчь идетъ о сынѣ, возвратившемся изъ-за границы, объ его странностяхъ и странностяхъ французовъ, каждый разъ были столь чрезмѣрные рукоплесканія, что мѣшали актерамъ играть, и что случившіеся тогда въ театрѣ французы не могли онаго на свой счетъ не обратить».

Императоръ Александръ I, по ненависти къ Наполеону, долженъ былъ въ тайнѣ сочувствовать такому направленію общества, но, считая это рановременнымъ, не поощрялъ его и въ то же время не запрещалъ, а ограничивался молчаніемъ. Еще за долго до Отечественной войны, разговаривая о Наполеонѣ съ сестрою своею, великою княгинею Маріею Павловною, Александръ I сказалъ ей:

¹⁾ Бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 10-го сентября 1808 г. Арх. III отд.

— Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt au tard, l'un ou l'autre doit se retirer ¹⁾).

Послѣ такихъ словъ государь долженъ былъ одобрять поступки левъ, такъ или иначе содѣйствовавшихъ развитію патріотизма.

Смѣлый голосъ С. Н. Глинки и направленіе его журнала цѣнились многими... «Искренно скажу вамъ,—писали ему изъ Казани ²⁾»,—что вашъ «Русскій Вѣстникъ» ходитъ съ удовольствіемъ по рукамъ многихъ. Старикъ русскіе всѣ благодарятъ... только нѣкоторые молодые повѣсы читаютъ его со скукою, не находя картинокъ заграничныхъ модъ, маленькаго пустаго романа, для траты имъ несноснаго времени и острыхъ эпиграммъ и эпиграммъ для насмѣшекъ».

Журналъ С. Н. Глинки пробудилъ и литературу; она очнулась и стала понемногу сознать, что не все хорошо за границей, а есть кое-что и въ Россіи.

«Никогда и никакой журналъ,—писалъ князь Шаликовъ ³⁾»,—не исключая даже и «Англійскаго Зрителя», не соответствовалъ такъ хорошо своему названію, какъ «Русскій Вѣстникъ»; никогда и никакой издатель не имѣлъ цѣли благороднѣйшей и полезнѣйшей. Въ немъ все русское—не по однимъ только русскимъ сочиненіямъ, но потому, что онъ сообщаетъ читателямъ своимъ о добродѣтеляхъ, заслугахъ предковъ и современниковъ, государей и правителей, людей общественныхъ и частныхъ; о полезныхъ заведеніяхъ, объ историческихъ наметникахъ, которые существуютъ или должны существовать. Это оружейная палата и нравственныхъ сокровищъ, которыми сердце каждаго россиянина должно радоваться, возвышаться и наслаждаться. Отважный ея архитекторъ (т. е. С. Н. Глинка) имѣетъ неотъемлемое право на живѣйшую благодарность соотечественниковъ настоящихъ и будущихъ».

Не всѣ, однакоже, раздѣляли такое мнѣніе. Въ ту эпоху всеобщаго поклоненія Наполеону русская литература принуждена была подчиняться политическимъ условіямъ. Не императоръ Александръ, а его ближайшіе сподвижники, административные дѣятели порицали направленіе «Русскаго Вѣстника». Министръ народнаго просвѣщенія писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, что въ журналахъ нашихъ возникаютъ нелѣпыя разсужденія отъ неразумѣющихъ государственныхъ политическихъ соотношеній ⁴⁾. Къ числу такихъ неразу-

¹⁾ Намъ обонимъ нѣтъ мѣста въ Европѣ: одному изъ насъ, рано или поздно, должно уступить. (Пол. соб. соч. князя П. А. Вяземскаго, Т. VIII, 123).

²⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1808 г. № 5.

³⁾ Въ своемъ журналѣ «Аглая» 1808 г. ч. II, стр. 56—60.

⁴⁾ Дѣло главнаго цензурнаго комитета 19-го февраля 1808 г. Историческія свѣдѣнія о русской цензурѣ, стр. 13.

мѣющихся былъ отнесенъ и Глинка, въ особенности когда появилась статья, въ которой онъ говорилъ, что «въ продолженіе прошедшаго похода Наполеонъ всегда былъ близокъ къ гибели».

Указаніе же на то, что Наполеонъ покорилъ Пруссію только при помощи наемны и подкупа, вызвало полное неудовольствіе со стороны правительства.

«Таковыя выраженія не приличны и предосудительны настоящему положенію,—писалъ министръ народнаго просвѣщенія ¹⁾,—въ какомъ находится Россія съ Франціей. Почему строжайшимъ образомъ предписать цензурному комитету, дабы воздержался позволять въ періодическихкихъ и другихъ сочиненіяхъ оскорбительныя разсужденія и проходить бы изданія съ наибольшою строгостію по матеріямъ политическимъ, которыхъ близко не могутъ видѣть сочинители и, увлекаясь одною мечтою своихъ воображеній, пишутъ всякую всячину въ терминахъ неприличныхъ».

Всѣмъ учебнымъ округамъ предписано было, чтобы цензура не пропускала никакихъ «артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія». Наконецъ, въ декабрѣ 1808 года было объявлено Сенату высочайшее повелѣніе ²⁾, чтобы всякую книгу или сочиненіе, которыя «кто-либо изъ членовъ, полагая всѣ правительства въ государствѣ, пожелалъ бы издавать, и начальство о томъ представляло бы, нигдѣ не печатать безъ того, чтобы оныя прежде не были разсмотрѣны въ цензурахъ университетскихъ округовъ и отъ нихъ получили дозволеніе къ напечатанію».

Послѣ такихъ распоряженій, «цензура изъ благородной и снисходительной сдѣлалась строгою, придирчивою» ³⁾.

«Недавно,—писалъ И. И. Дмитріевъ А. И. Тургеневу ⁴⁾,—они (цензоры) не пропустили хронологическихъ таблицъ подполковника Свѣчина, бывшаго въ послѣдней нашей войнѣ съ французами, за то, что онъ помѣстилъ въ нихъ выигранными нами баталіи при Пултускѣ, Прейсигъ-Эйлау и проч.».

При такихъ условіяхъ, заслуги С. Н. Глинки усиливаются тѣмъ, что онъ не остановился и продолжалъ свою дѣятельность.

По словамъ князя П. А. Вяземскаго, Сергій Николаевичъ раздѣлялъ съ г-жею Стааль славу угрожать перомъ своимъ всепобѣждающему мечу Наполеона и тревожить его самоувѣренность и честолюбіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ и политическомъ отношеніи «Русскій Вѣстникъ» имѣлъ «всю важность событія, какъ противодѣй-

¹⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, стр. 29.

²⁾ Отъ 6-го декабря 1808 г. Полн. Собр. Законовъ. Т. XXX, № 23383.

³⁾ Записки Н. И. Греча, стр. 270.

⁴⁾ Отъ 21-го іюля 1809 г. изъ Москвы „Русскій Арх.“. 1867, стр. 1077.

ствіе владычеству Наполеоновои Франціи и какъ воззваніе къ единомыслию и единодушію предчуемой уже въ воздухѣ грозы 1812 года. Сей журналъ имѣлъ неоспоримое и весьма сильное значеніе»¹⁾.

— Ну, слава Богу,—говорили москвичи,—порадовалъ насъ «Русскій Вѣстникъ»; душа у насъ пріосанилась, русская наша честь устояла.

Глинка ликовалъ. Вскорѣ, узнавъ, что въ Москву пріѣхалъ А. Л. Нарышкинъ, начальникъ театровъ, Сергій Николаевичъ, какъ служившій при московскомъ театрѣ сочинителемъ и переводчикомъ, отправился къ нему и засталъ его за чтеніемъ «Русскаго Вѣстника».

— Я непременно,—сказалъ Нарышкинъ,—представлю твой «Русскій Вѣстникъ» государю. Продолжай, братъ, свое дѣло; ты крѣпко отстаиваешь нашу Русь святую, за то тебѣ всѣ и говорятъ спасибо. Вчера я былъ въ Англійскомъ клубѣ, и твоя послѣдняя книжка, въ которой ты повѣстилъ о Тильзитскомъ мирѣ, ходила изъ рукъ въ руки.

Между тѣмъ зоркіе глаза Наполеона и его представителей въ Россіи не упускали ничего изъ вида. Французскій посолъ въ Петербургѣ, Коленкуръ, приказалъ перевести нѣсколько статей изъ «Русскаго Вѣстника» и въ то время, когда Нарышкинъ вошелъ въ кабинетъ императора Александра съ журналомъ, вошелъ туда же и Коленкуръ съ жадностью на «Русскій Вѣстникъ» и съ переводомъ статьи о Тильзитѣ.

— Вы видите,—отвѣчалъ Александръ Коленкуру,—что я не зналъ о существованіи этого журнала. Но я не мѣшаю въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ: это дѣло цензуры.

Такой отвѣтъ не воспрепятствовалъ, однако же, тому, что С. Н. Глинка «по политическимъ обстоятельствамъ» былъ отчисленъ отъ Московскаго театра. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ,—выдержалъ я, будущій первый ратникъ московскаго ополченія, борьбу съ Наполеономъ»²⁾.

Политическія обстоятельства въ 1808 году были въ такомъ состояніи, что Александръ и Наполеонъ далеко не питали искренней дружбы другъ къ другу, но и не находили возможнымъ обнаружить взаимнаго нерасположенія. Оба монарха стремились къ господству въ Европѣ, и оба не исполняли взаимныхъ обѣщаній, данныхъ въ Тильзитѣ. Наполеонъ нарушалъ ихъ, не стѣсняясь, тамъ, гдѣ затрогивались его политическіе интересы и властолюбіе; Александръ остался въ союзѣ съ прусскимъ королемъ и поддерживалъ тайныя сношенія съ Англіей, тѣмъ болѣе, что Россія очень страдала отъ континентальной системы и ненавидѣла Наполеона, не исключая и вдовствующей императрицы.

¹⁾ Сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 87.

²⁾ Записки С. Н. Глинки, изд. 1895 г., стр. 237 и 238.

Наполеонъ, при всей тонкости поведенія Александра, не могъ сомнѣваться въ томъ, что отношенія Россіи къ Франціи постепенно ухудшаются, и потому передъ отъѣздомъ въ Испанію счелъ необходимымъ личнымъ свиданіемъ вновь скрѣпить дружбу и пригласилъ къ тому русскаго императора.—Онъ былъ увѣренъ «въ силѣ своего личнаго вліянія на Александра, по опыту зная, что его разговоръ и манеры производятъ непреодолимое очарованіе» ¹⁾. Пользуясь этимъ, французскій императоръ надѣялся уничтожить замыслы Австріи, которая была намѣрена, воспользовавшись враждебнымъ настроеніемъ Германіи противъ Наполеона, разстроить планы Россіи и Франціи относительно Турціи.

Кромѣ скрѣпленія дружбы съ Россіею, Наполеону необходимо было торжествомъ свиданія обезпечить себѣ свободу дѣйствій и произвести впечатлѣніе на самихъ французовъ, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на предпріятія въ Испаніи.

Слухъ о предстоящемъ свиданіи двухъ императоровъ вызвалъ всеобщее безпокойство. Одинъ изъ пруссаковъ, Шладенъ, представилъ императору Александру I письмо, въ которомъ предостерегалъ его отъ софизмовъ, лжи и обмана Наполеона. Въ Россіи предполагаемое свиданіе встрѣчено было съ большимъ несочувствіемъ и опасеніемъ. Князь А. Чарторыйскій подалъ императору Александру записку, а императрица Марія Ѳеодоровна письмомъ упрашивала сына отказаться отъ свиданія.

«Я думаю,—писалъ кн. Чарторыйскій ²⁾,—что ваши теперешнія отношенія къ французскому правительству кончатся для вашего императорскаго величества самымъ гибельнымъ образомъ. У Наполеона только одна цѣль, которую онъ преслѣдуетъ непрерывно, съ тѣхъ поръ какъ управляетъ Франціею,—эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы унижать, поработать и уничтожать всѣ существующія правительства для того, чтобы его собственная власть и его династія стали непоколебимыми. Онъ не можетъ не желать униженія Россіи. Это государство не можетъ не внушать ему недовѣрія.

«Пока Россія будетъ подчиняться его желаніямъ, пока она будетъ помогать исполненію его плановъ,—онъ можетъ быть оставить ее въ покоѣ. Но съ минуты, когда онъ замѣтитъ нѣкоторое противодѣйствіе съ ея стороны, онъ постарается сломить ее открытою силою.

«Затруднительнѣе и досаднѣе всего, въ нашемъ положеніи, то, что, уступая во всемъ волѣ Наполеона, Россія служитъ лишь интересамъ

¹⁾ Шлоссеръ. Всемирная исторія. Изд. 1872 г., т. VI, стр. 540, 542.

²⁾ Въ запискѣ императору Александру отъ 26-го іюня 1808 г. Сборникъ Императорс. Русск. Историческаго общест. Т. VI, 372.

этого завоевателя; она увеличиваетъ его средства и уменьшаетъ въ значительно большей пропорціи свои собственные; она лишаетъ себя возможности противустоять Наполеону, когда онъ со временемъ заблагоразсудитъ нанести ей послѣдній ударъ; послѣднее же онъ не замедлитъ сдѣлать, какъ только будетъ увѣренъ въ успѣхѣ».

Князь Чарторыйскій обращалъ вниманіе Александра на постоянное вѣроломство Наполеона и указывалъ на поступокъ его съ Пруссіею, «которая такъ вѣрно служила его интересамъ»; на Испанію—«государь которой былъ его вѣрнѣйшимъ союзникомъ», и наконецъ на Россію, когда онъ, въ Тильзитѣ, предложилъ условія, которыя могли показаться умѣренными, но которыя на самомъ дѣлѣ были очень тяжелы. Наполеону было не выгодно, чтобы Россія пользовалась покоемъ; ему нужно было привести въ упадокъ ея торговлю и финансы, и онъ потребовалъ разрыва съ Англіею; онъ желалъ, чтобы войска наши были раздроблены и обезсилены, чтобы обращенная къ нему граница была обнажена—и онъ вовлекъ Россію въ войну съ Швеціею, а обѣщаніемъ относительно Турціи склонилъ на продолженіе съ нею непріязненныхъ дѣйствій.

Наполеонъ достигъ своихъ желаній и могъ свободно распоряжаться въ Испаніи. Онъ зналъ, что Россія не въ состояніи препятствовать ему.

«Гдѣ войска,—спрашивалъ Чарторыйскій ¹⁾,—которыя ваше Величество претивоставили бы ему, гдѣ достаточное количество ихъ? Если бы даже вы могли пополнить ихъ экстреннымъ наборомъ, гдѣ возьмете денегъ, чтобы вооружить, кормить и платить имъ жалованье?

«Финансы ваши находятся въ ужасающемъ упадкѣ, ибо источники богатства народнаго иссякаютъ, такъ что ежели дѣла пойдутъ тѣмъ же путемъ и о поправленіи ихъ не будутъ стараться, вы, конечно, не будете въ состояніи ему сопротивляться, когда онъ задумаетъ разорвать съ вами сношенія» ²⁾.

А этотъ разрывъ князь Чарторыйскій предвидѣлъ въ недалекомъ будущемъ. Онъ почти съ буквальною точностію предсказалъ послѣдующій ходъ событій и поведеніе Наполеона, но не могъ предсказать, какъ поведетъ себя Александръ.

Чарторыйскій говорилъ, что лишь только Наполеонъ повончить съ Испаніею, какъ обратитъ свои взоры на Австрію.

¹⁾ Тамъ же, стр. 38.

²⁾ Въ это же самое время извѣстный прусскій министръ баронъ Штейнъ такъ отзывался о Россіи: «Управляемая податливимъ, нѣжнымъ государемъ, который уналь духомъ отъ многихъ неудачъ въ предпріятіяхъ, столь же небрежно повинутыхъ, какъ и небрежно задуманныхъ, который дѣйствуетъ посредствомъ безмозглаго, неумѣлаго, развращеннаго чиновничества, такая страна, съ массою народа, находящагося въ рабствѣ, не долго выдержитъ борьбу противъ просвѣщенной Европы». («Русскій Арх.», 1880 г. т. II, 426). Эти слова указываютъ, насколько Европа мало знала Россію и ея государя.

— Онъ боится этой державы,—говорилъ Чарторыйскій,—и не забудетъ, что отъ нея одной зависѣло погубить его, когда онъ былъ по ту сторону Вислы ¹⁾. Австрія одна только на континентѣ служить ему помѣхой, и онъ не замедлитъ отдѣлаться отъ этой послѣдней преграды и заставить ее дорого заплатить за честь быть въ состояніи внушать ему безпокойство.

Тогда, обезпеченный съ этой стороны, Наполеонъ станетъ говорить съ Россіею другимъ языкомъ и не устоятъ передъ искушеніемъ довершить свою славу и сдѣлаться единственнымъ властителемъ Европы.

— Возможно ли успокоиваться мыслью,—продолжалъ тотъ же Чарторыйскій,—что человекъ, котораго въ его быстрой карьерѣ никакое чувство, никакое постороннее обстоятельство никогда не могло совратить съ пути, если того требовали расчеты его самолюбія, человекъ, который поступалъ совершенно также со всѣми государствами и государями, что этотъ человекъ,—говорю я,—вдругъ остановится на нашихъ границахъ и разомъ перемѣнитъ характеръ и образъ дѣйствія. Да я и не понимаю, въ силу чего сдѣлалъ бы онъ единственное исключеніе для Россіи.

Ожидать послѣдняго было невозможно и тѣмъ болѣе, что къ тому времени, при существующей политической системѣ, русская казна и частныя лица будутъ уже достаточно разорены, а недовольство и броженіе внутри государства достигнуть извѣстнаго размѣра. «Однимъ словомъ, какъ скоро Наполеонъ будетъ увѣренъ, что не встрѣтитъ противодѣйствія, могущаго остановить его, и что онъ въ состояніи нанести рѣшительный ударъ и можетъ не сомнѣваться въ успѣхѣхъ—тогда, государь, готовьтесь къ развязкѣ и катастрофамъ, подобнымъ тѣмъ, свидѣтелемъ каковыхъ вы были у другихъ.

«Мудрости вашего величества,—писалъ въ заключеніи кн. Чарторыйскій,—надлежитъ судить о томъ, какого образа дѣйствій надобно держаться въ виду настоящаго положенія дѣлъ и тѣхъ слѣдствій, коихъ отъ него необходимо ожидать.

«Все, о чемъ прошу я—это чтобы ваше величество не было ослѣплено касательно своего положенія и чтобы, вникнувши въ него, вы имѣли присутствіе духа нужное, чтобы принять рѣшеніе спокойное, обдуманное и твердое, не для того, чтобы изо-дня-въ-день выпутываться изъ тѣхъ затрудненій, которыя принесла минута, но для того образа дѣйствій, котораго нужно будетъ держаться долго и послѣдовательно, чтобы защитить васъ отъ тѣхъ неисчислимыхъ несчастій, коими вамъ угрожаетъ будущность».

¹⁾ Во время войны съ Россіею въ 1807 году. То же самое, какъ мы видѣли, говорилъ и С. Н. Глинка.

То же или почти то же писала сыну и императрица-мать. Опасаясь вѣроломства и даже насилія со стороны Наполеона, она уговаривала Александра не ѣхать на свиданіе, не быть соучастникомъ кровожадныхъ его намѣреній. Она указывала на внутреннее положеніе Россіи, на всеобщее недовольство, на погубленную торговлю и на ненависть къ французамъ. Цѣны на предметы первой необходимости,—говорила она¹⁾,—возросли столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначуще голоду, чувствуется недостатокъ въ соли, финансы близки къ банкротству, ассигнаціи потеряли половину своей стоимости, а звонкая монета ходитъ по чрезмѣрному курсу. «Такъ какъ произведенія страны остаются у насъ на рукахъ, денежныхъ оборотовъ болѣе не происходитъ и, слѣдовательно, рудники, заводы, мануфактуры падутъ; само государство, вслѣдствіе потерь таможенного дохода, видитъ свои средства значительно уменьшившимися, а между тѣмъ расходы постепенно растутъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, одновременно угнетающихъ и деревенскаго жителя и дворянина—однимъ словомъ, нѣтъ ословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено».

Императрица Марія Ѣеодоровна старалась доказать, что не Александръ, а Наполеонъ нуждается въ свиданіи, что дѣла его идутъ плохо, что кумиръ шатается, ищетъ поддержки молодаго друга, и потому предпринимать поѣздку къ нему позорно. «Убѣдитесь, дорогой Александръ,—писала императрица,—что всѣ въ нашемъ государствѣ, которые уважаютъ, любятъ васъ и которымъ дорога ваша слава, носятъ въ своемъ сердцѣ величайшую печаль объ этомъ свиданіи, которое чернитъ вашу репутацію и кладетъ на нее неизгладимое пятно, за которое когда-нибудь даже грядущія поколѣнія будутъ упрекать васъ, каково бы ни было ваше дальнѣйшее царствованіе... Не оскорбляйте вашего народа во всемъ томъ, что для него священно и дорого въ вашей августѣйшей особѣ, признайте его любовь въ удрученномъ настроеніи данной минуты и не преклоняйте добровольно своего чела, украшеннаго прекраснѣйшимъ изъ вѣнцовъ, передъ кумиромъ счастья; но кумиромъ проклятымъ на стоящимъ и грядущимъ поколѣніями; остановитесь на краю бездны».

Это рѣзкое письмо матери должно было произвести тяжелое впечатлѣніе на Александра, тѣмъ болѣе, что въ душѣ своей онъ не могъ не сознать, что въ письмѣ есть много правды. Но опираясь на выносливость русскаго человѣка, на его терпѣніе, безграничную преданность своимъ монархамъ и любовь къ родинѣ,—Александръ предпочелъ пользу государственную всѣмъ частнымъ невздамъ и лишеніямъ. Онъ пони-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 25-го августа 1808 г. Полный текстъ этого письма напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1899 г., № 4, стр. 1—17.

малъ, что ропотъ, слышимый въ обществѣ, относился гораздо менѣе къ нему, чѣмъ къ виновнику всѣхъ бѣдствій—Наполеону; что ропотъ этотъ вызываетъ все большую и большую ненависть къ капризному завоевателю, и въ концѣ-концовъ русскій народъ—этотъ богатырь—проснется, этотъ медвѣдь перестанетъ сосать лапу и подыметъ, чтобы съ ожесточеніемъ защищать свою берлогу, когда врагъ вздумаетъ отнять ее отъ него. Но для этого, по мнѣнію государя, надо было время, чтобы злоба накипѣла и ненависть усилилась. Не скрывая отъ себя неизбежность борьбы съ Наполеономъ, ненавидя его болѣе, чѣмъ каждый изъ его подданныхъ, Александръ желалъ однако же отдалить еще на нѣкоторое время нависавшую грозу, желалъ обмануть своего противника и тѣмъ дать себѣ возможность вступить достойно въ борьбу съ «этимъ страшнымъ колоссомъ», какъ называлъ онъ Наполеона.

«Нужно,—писалъ Александръ въ отвѣтъ матери ¹⁾,—чтобы Франція могла думать, что ея политическіе интересы могутъ сочетаться съ политическими интересами Россіи. Съ того момента, какъ у нея не будетъ этого убѣжденія, она будетъ видѣть въ Россіи лишь врага, пытаться уничтожить котораго будетъ входить въ ея интересы... Если какая-нибудь надежда на миръ на континентѣ вѣроятна, то развѣ не путемъ единенія между Россіей и Франціей можно надѣяться осуществить ее?»

Заставить Наполеона относиться съ довѣріемъ къ Россіи, а самимъ готовиться къ войнѣ—вотъ что было теперь задачей Александра. «Но мы,—говорилъ онъ,—должны работать надъ этимъ среди глубочайшей тайны, а не разглашая на площадяхъ о нашихъ вооруженіяхъ, нашихъ приготовленіяхъ и не гремя публично противъ того, къ кому мы питаемъ недовѣріе».

Руководимый этимъ, Александръ не считалъ возможнымъ отказаться отъ свиданія. «Я удовольствуюсь,—писалъ императоръ своей матери,—сказавъ, что было бы преступно съ моей стороны, еслибъ я пріостановился осуществленіемъ того, что считаю полезнымъ для интересовъ имперіи, подъ вліяніемъ разговоровъ, которые позволяютъ себѣ въ обществѣ, безъ малѣйшаго знанія дѣла, не углубляясь въ сущность обстоятельствъ, не желая даже узнать побудительныхъ причинъ моего образа дѣйствій. Поступить иначе значило бы измѣнить своему долгу, чтобы погнаться за грустнымъ преимуществомъ, оказаться въ согласіи съ этимъ «что скажутъ?» данной минуты, столь же шаткимъ, какъ и люди, порождающіе его. Въ своемъ образѣ дѣйствій въ области политики я могу слѣдовать лишь указаніямъ своей совѣсти, своего лучшаго

¹⁾ Подлинное письмо напечатано въ „Русской Старинѣ“, 1889 г., № 4, стр. 17—24.

убѣжденія, никогда не покидающаго меня желанія быть полезнымъ своему отечеству. Вотъ, матушка, то, что я счелъ своимъ долгомъ написать вамъ, въ отвѣтъ на ваше письмо. Признаюсь, что мнѣ тяжело видѣть, что въ то время, когда я имѣю въ виду лишь интересы Россіи, чувства, руководящія моимъ образомъ дѣйствій, могутъ быть такъ превратно понимаемы».

2-го сентября 1808 г. императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ. Въ его свитѣ, между прочими, находились: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ, кн. А. Н. Голицынъ и М. М. Сперанскій по дѣламъ внутренняго управленія.

М. М. Сперанскій сталъ извѣстенъ императору Александру съ 1797 г., когда онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи о снабженіи Петербурга припасами, а Сперанскій былъ правителемъ канцеляріи этой комиссіи.

Михайлъ Михайловичъ родился 1-го января 1772 года и происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его, Михайлъ Васильевичъ, былъ священникомъ въ с. Черкутинѣ, Владимірскаго уѣзда, и не имѣлъ никакой фамиліи. Первоначальное образованіе М. М. Сперанскій получилъ сначала во Владимірской, а потомъ въ Суздальской семинаріи.

Въ то время въ духовныхъ училищахъ существовалъ обычай давать ученикамъ фамиліи смотря по способностямъ, характеру или достоинствамъ. Существуетъ преданіе, что М. Сперанскій получилъ свою фамилію отъ латинскаго слова «спесъ» (spes—надежда, vregans—надѣющийся) по необыкновеннымъ его успѣхамъ въ наукахъ и по характеру, возбуждавшимъ въ профессорахъ большія надежды относительно будущей его судьбы¹⁾.

Въ 1788 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи въ Александро-Невскомъ монастырѣ главной семинаріи съ болѣе обширнымъ курсомъ. Въ эту семинарію прислались ученики изъ другихъ семинарій лучшіе по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Въ числѣ присланныхъ въ январѣ 1790 года былъ и 18-ти лѣтній Сперанскій. Въ Александро-Невской семинаріи онъ изучилъ основательно языки латинскій и греческій, а французскій, нѣмецкій и англійскій — у частныхъ учителей, у которыхъ бралъ уроки на собственный счетъ.

По окончаніи курса въ семинаріи митрополитъ Гавріилъ опредѣлялъ Сперанскаго при главной семинаріи учителемъ математики, которую онъ особенно любилъ.

Однажды Ѳ. В. Булгаринъ спросилъ Сперанскаго, почему онъ предпочитаетъ математику другимъ предметамъ?

¹⁾ Записки Д. П. Рунича. „Русское Обзорѣніе“, 1890 г., № 8, стр. 679.

— Потому, — отвѣчалъ онъ, — что положительныя истины только въ одной математикѣ.

19-го августа 1792 г. Сперанскому поручено было преподавать физику и краснорѣчіе, а 8-го апрѣля 1795 г. его назначили префектомъ той же семинаріи. Это назначеніе считалось особенно важнымъ потому, что въ рукахъ префекта было все нравственное управленіе семинаріи.

Одновременно съ занятіями служебными Сперанскій соединялъ еще и одно частное: онъ поступилъ домашнимъ секретаремъ къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину и съ разрѣшенія митрополита Гавріила переѣхалъ къ нему въ домъ, съ обязательствомъ исправно продолжать свои лекціи въ семинаріи¹⁾.

Съ кончиною императрицы Екатерины II, князь Куракинъ, 4-го декабря 1796 г., былъ назначенъ генераль-прокуроромъ и предложилъ Сперанскому поступить на службу въ его канцелярію. Сперанскій колебался и долгое время не могъ рѣшить вопроса, вступить ли ему въ монашество или перейти на гражданскую службу. Другъ его П. А. Словцовъ разрѣшилъ колебанія слѣдующимъ стихотвореніемъ²⁾:

Полно, другъ, съ фортуною считаться
И казать ей философскій взоръ;
Время съ разсужденіемъ разстаться,
Если счастье катитъ на дворъ.
Лучше съ свѣтомъ въ вихрь тебѣ пуститься
И крутиться по стенамъ честей,
Чѣмъ въ пустыню съ Прологомъ забиться
И посокнуть съ горя безъ людей.
Вѣтеръ вѣетъ вамъ благополучный:
Для чего жъ сидѣть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застигнетъ буря на пути?
Правильно ты вѣсилъ свѣта муку,
Тяжесть золотыхъ его цѣпей;
Но ты ввѣсилъ ли монаховъ скуку,
И сочелъ ли, сколько грузу въ ней?
Пестра мантия съ златыми расны
Хоть закроетъ стать твою и ходъ;
Но закроетъ ли глаза невластны
Отъ плутовокъ-набожныхъ красоть,
Кои въ церковь съ полными грудями
Ходятъ показаться женихамъ,
И, предъ образомъ курясь духами,
Отъ сердець приемятъ ениміамъ?

¹⁾ О томъ, какъ поступилъ Сперанскій секретаремъ къ кн. Куракину, существуетъ много легендарныхъ и разнорѣчивыхъ показаній, которыя всѣ отвергаются М. А. Корфомъ и приводится имъ наиболѣе достовѣрный. См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I.

²⁾ „Русская Старина“, 1872 г., т. V, 469.

Трудно отъ заразы ихъ защищаться,
Хоть себя крестъ-на-крестъ ограда;
Вѣчно сердце станеть биться,
Панагія хоть и на груди.

Панагія, другъ, не крѣпки латы,
И блестяща матра вѣдь не шлемъ;
Ежели шалунъ-амуръ крылатый
Гранеть въ архипастырскій теремъ.

Полно, другъ мой, мыслями встаться;
Полно, сидя съ книгой, умъ копить;
Время, время съ пристанью разстаться
И по вѣтру парусъ распустить.

Какъ гальотъ твой по зыблѣмъ помчится,
Такъ причаль за бортъ и мой челнокъ.
Если валъ девятый и случится,
То ударъ мнѣ съ боку, чай, легокъ...

20-го декабря того же года Сперанскій подалъ митрополиту прошеніе о поступленіи въ статскую службу, на чтѣ и получилъ разрѣшеніе 24-го числа. 2-го января 1797 года Сперанскій поступилъ въ канцелярію генераль-прокурора съ чиномъ титулярнаго совѣтника. «Такимъ образомъ,—писалъ онъ архимандриту Евгенію¹⁾,—вѣсы судьбы моей, столь долго колебавшись, наконецъ, кажется, пріостановились; не знаю, надолго ли; но это не наше дѣло, а дѣло Промысла, въ путяхъ коего я доселѣ еще не терялся».

Служебная карьера Сперанскаго быстро шла впередъ и черезъ полтора года съ небольшимъ онъ уже былъ коллежскимъ совѣтникомъ и экспедиторомъ (начальникомъ отдѣленія) генераль-прокурорской канцеляріи. 8-го декабря 1799 г. Сперанскій былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ, какъ мы уже сказали, правителемъ канцеляріи по снабженію столицы припасами, и ему назначено жалованье въ 2.000 рублей.

Въ мартѣ 1801 года ему повелѣно было быть при тайномъ совѣтникѣ Трошинскомъ, съ званіемъ статсъ-секретаря и жалованьемъ въ 2.000 р. «Получаемое же имъ до сего,—сказано въ указѣ Сенату²⁾,—по должности правителя канцеляріи комиссіи о снабженіи резиденціи припасами жалованье по двѣ тысячи рублей на годъ, обратитъ ему въ пенсію по смерти». Черезъ мѣсяць съ небольшимъ М. Сперанскій былъ назначенъ экспедиторомъ по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ³⁾.

Съ образованіемъ министерствъ въ 1802 году, было высочайше по-

¹⁾ Впоследствии митрополиту, отъ 26-го января 1797 г. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 47.

²⁾ Отъ 10-го марта 1801 г. Арх. Сената. Высочайшіе указы. Кн. 236.

³⁾ Указъ Сенату 23 го апрѣля 1801 г. Тамъ же, кн. 237.

велѣно, «для составленія канцелярій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, находиться въ оной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ, статсъ-секретарямъ Оленину и Сперанскому»¹⁾).

Получивъ въ свое управленіе вторую экспедицію—государственного благоустройства—Михаилъ Михайловичъ сталъ дѣятельно трудиться на поприщѣ преобразованій.

«Всѣ проекты новыхъ постановленій,—говорить М. А. Корфъ²⁾),—писалъ Сперанскій и писалъ такъ, какъ никто до него. Отчеты министра государю,—тоже плодъ пера Сперанскаго—стали впервые печататься въ общее свѣдѣніе и, восхитивъ въ то время всѣхъ, чѣмъ-то новымъ и небывалымъ въ нашей администраціи, еще и теперь могутъ по методѣ ихъ составленія назваться образцовыми». Наконецъ, министерство внутреннихъ дѣлъ предприняло, въ 1804 году, изданіе оффиціального журнала подъ заглавіемъ «С.-Петербургскаго», наблюденіе за которымъ было поручено М. Сперанскому³⁾).

Представляя проектъ изданія «С.-Петербургскаго журнала», М. Л. Магницкій, бывший его редакторомъ, просилъ, чтобы подобно прочимъ оффиціальнымъ изданіямъ⁴⁾, было ему оказано пособіе по 5.000 руб. въ годъ. Ему было обѣщано, но на самомъ дѣлѣ до ноября 1808 года ничего не выдавалось, а между тѣмъ малое число подписчиковъ и увеличившіяся цѣны на бумагу и печатаніе ставили издателя въ затруднительное положеніе и не окупали затраченнаго труда. Магницкій вновь просилъ о выдачѣ ему обѣщаннаго пособія, и императоръ Александръ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракину спросить мнѣніе М. Сперанскаго⁵⁾, какъ лица, которому было поручено наблюдать за изданіемъ журнала⁶⁾. Сперанскій призналъ, что ежегодное по-

¹⁾ Указъ Сенату 8-го сентября 1802 г. Тамъ же, кн. 252.

²⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, 99.

³⁾ Указаніе графа М. А. Корфа, будто бы Сперанскій былъ редакторомъ этого журнала, не совсемъ вѣрно.

⁴⁾ Таковы были изданія министерствъ народнаго просвѣщенія и военносудопутныхъ силъ.

⁵⁾ Письмо кн. А. Б. Куракина М. М. Сперанскому 12-го ноября 1808 г. № 7791 (изъ нашего собранія автографовъ).

⁶⁾ „Вашему превосходительству извѣстно,—писалъ кн. Куракинъ М. М. Сперанскому, 22-го декабря 1807 г.,—что „С.-Петербургскій Журналъ“, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемый, былъ обыкновенно просматриваемъ министромъ, прежде его печатанія. Имѣя, по новости моей, въ недавно занимаемомъ мною мѣстѣ, надобность заняться множествомъ различныхъ предметовъ управленія, не могу я избрать свободнаго времени для сего упражненія. А по сему уваженію и представляю я его императорскому величеству, не угодно ли будетъ поручить оное вамъ. Государь императоръ соизволилъ на таковое распоряженіе, и я, имѣя честь сообщить высочайшую

собіе въ 5.000 руб. вполнѣ необходимо ¹⁾). Въ этомъ періодическомъ изданіи, сверхъ отчетовъ, помѣщались важнѣйшіе правительственные акты и статьи ученаго содержанія, оригинальныя и переводныя, и въ немъ старинный нашъ приказный языкъ видимо сталъ облекаться въ новыя формы ²⁾).

Но, возвратимся, однако же, назадъ и скажемъ, что въ 1803 году Сперанскому было поручено составить планъ общаго образованія судебныхъ и правительственныхъ учреждений имперіи, а въ 1806 году императоръ Александръ близко узналъ Сперанскаго, когда графъ Кочубей, во время своихъ частыхъ болѣзней, посылалъ его вмѣсто себя съ докладомъ къ государю.

Сперанскій былъ богато одаренъ природою и организаторскимъ умомъ; онъ легко и скоро работалъ, не зная усталости и умѣвъ преодолевать всѣ трудности предложенныхъ ему задачъ. Это былъ именно такой человѣкъ, который былъ нуженъ Александру для осуществленія преобразовательныхъ плановъ и котораго такъ долго и тщетно искалъ императоръ. Сперанскій, можно сказать, былъ единственный человѣкъ, который могъ понять мысли и желанія Александра, цѣнившаго его очень

волю сію, долгомъ поставлю васъ увѣдомить, что въ разсужденіи выбора актовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ журналѣ помѣщаемыхъ, буду а каждый разъ съ вами сноситься ³⁾. (Изъ нашего собранія автографовъ).

¹⁾ Письмо М. М. Сперанскаго князю А. Б. Куракину, отъ 19-го ноября 1808 г. (то же).

²⁾ По вниманію, которое было обращено на это изданіе и „по тому уваженію, что содержаніе его дѣйствительно быть можетъ полезно“, князь Алексѣй Куракинъ, вступившій вмѣсто графа Кочубея въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обратился ко многимъ лицамъ съ просьбою „содѣйствовать его распространенію (письмо князя Куракина петербургскому губернатору П. С. Посевьеву 30-го декабря 1807 г. № 849). Съ своей стороны издатели въ концѣ 1807 года напечатали объявленіе, въ которомъ говорилось:

„Планъ изданія сего („С.-Петербургскаго Журнала“) остается на прежнемъ основаніи, т. е. въ первомъ отдѣленіи помѣщаются будутъ акты министерства внутреннихъ дѣлъ, въ порядкѣ и нѣкоторой системѣ расположенныя; а во второмъ—издаваться будутъ переводы и извлеченія изъ лучшихъ авторовъ объ экономіи политической, государственномъ управленіи вообще и исторіи писавшихъ. Сверхъ того, послѣднее отдѣленіе вмѣщать будетъ, сколько можно чаще, отрывки изъ исторіи россійской, блистательнѣйшія черты мужества, любви къ отечеству и великихъ дѣяній, копии гѣтописи наши столь обильны. Оно заключаемо будетъ разными примѣчательнѣйшими извѣстіями изъ актовъ министерства внутреннихъ дѣлъ почерпаемыми, а нѣкоторая часть сей послѣдней статьи посвятится на сохраненіе почтенныхъ именъ и дѣяній разныхъ состояній и лицъ, изъ достоянія своего на пользу общую жертвующихъ“.

высоко: Искусный и изящный редакторъ своихъ произведеній ¹⁾, ловкій и смѣтливый исполнительъ отдаваемыхъ приказаній, умѣвшій налету ловить каждое слово, М. Сперанскій былъ человекомъ пріятнымъ, вкрадчивымъ, легко и ясно излагающимъ свой докладъ.

«Умъ его, — пишетъ кн. П. А. Вяземскій ²⁾, — не былъ умъ глубокой, сосредоточивающей, а легко поддаливый на всѣ стороны, умъ, охотно и свободно объемлющий все, что представлялось глазамъ его. Онъ также могъ быть министромъ финансовъ, министромъ народнаго просвѣщенія, какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вездѣ, и тутъ и тамъ, былъ бы онъ на мѣстѣ и, болѣе или менѣе, отличался бы своею служебною дѣятельностью. Но энциклопедическія свойства ума его призваны были на поприще ему именно болѣе всего приличное. Государь угадалъ его и съ полною довѣренностью приблизилъ къ себѣ. Онъ облекъ его сначала совѣщательною властью; никакого управленія не далъ онъ въ руки ему; но при себѣ, въ кабинетѣ своемъ, давалъ ему голосъ по всѣмъ частямъ управленія. Вскорѣ сей голосъ велейный возобладавъ надъ всѣми другими голосами. Не имѣя министерства ему присвоеннаго, не будучи министромъ, Сперанскій былъ то, что въ старину называли первымъ министромъ.

«Какъ бы то ни было, Сперанскій былъ для Александра неопцѣнной находкой. Нѣкоторые изъ дѣятелей стараго времени, еще оставшіеся на лицо, имѣли болѣе опытности, болѣе государственнаго вѣса, можетъ быть ближе знали Россію, нежели Сперанскій, такъ сказать однимъ шагомъ постунившій изъ семинаріи въ среду государственныхъ дѣлъ. Но молодой государь извѣрился въ достоинствѣ старыхъ дѣятелей. Онъ требовалъ молодыхъ силъ, новыхъ стихій. Онъ хотѣлъ вино новое влить въ мѣхи новые, а вино преобразованій, новыхъ учрежденій, новыхъ порядковъ бродило въ то время и просилось наружу».

— Если бы у меня, — говорилъ графъ А. А. Аракчеевъ, — была треть ума Сперанскаго, я былъ бы великимъ человѣкомъ ³⁾.

Сперанскій съ первыхъ поръ очаровалъ государя, который тогда же сталъ давать ему различныя порученія.

¹⁾ Строгий до педантизма Ив. Ив. Дмитріевъ такъ характеризуетъ Сперанскаго: „всѣ проекты новыхъ постановленій и ежегодные отчеты по министерству внутреннихъ дѣлъ (при Кочубѣ) были имъ писаны. Послѣдніе не только имѣли достоинство новыя, но и со стороны методическаго расположенія весьма рѣдкаго и полный въ нашихъ приказныхъ бумагахъ, историческаго наложенія по каждой части управленія, по искусству въ слоги, могутъ послужить руководствомъ и образцами (Взглядъ на мою жизнь И. И. Дмитріева. Издан. 1866 г., стр. 197).

²⁾ Литературныя, критическія и біографическія очерки. По поводу записокъ гр. Зенфта. Соч. князя П. А. Вяземскаго. Т. VII, стр. 434 и 435.

³⁾ „Русская Старина“, Т. V, стр. 470.

Сближеніе шло быстрыми шагами и въ октябрѣ 1807 года, отправляясь въ Витебскъ для осмотра первой арміи, государь взялъ Сперанскаго съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ Михайлъ Михайловичъ оставилъ министерство внутреннихъ дѣлъ и сохранилъ за собою только званіе статсъ-секретаря.

Такимъ образомъ въ четыре съ половиною года семинаристъ достигъ до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ описываемое нами время, имѣлъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени, пожизненную пенсію въ 2.000 рублей и аренду въ 12.000 рублей на 12 лѣтъ. Было чему позавидовать, и о Сперанскомъ заговорили въ обществѣ; его называли выскочкою и неодобрительно смотрѣли на быстроту его возвышенія. Зависть породила множество противниковъ, число которыхъ еще болѣе увеличилось, когда Сперанскій въ свитѣ государя отправился въ Эрфуртъ.

Наполеонъ желалъ удивить великолѣпіемъ своего царственнаго гостя. Онъ пригласилъ въ Эрфуртъ, въ качествѣ гостей, четырехъ вассальныхъ королей: саксонскаго, вюртембергскаго, баварскаго и вестфальскаго, пригласилъ 27 герцоговъ и князей Рейнскаго союза съ ихъ супругами, до 50 лицъ, выдающихся по своему положенію въ обществѣ и въ администраціи, и болѣе 30 генераловъ. «Такимъ образомъ обѣ звѣзды первой величины (Александръ и Наполеонъ) были окружаемы многими звѣздами величины средней и уменьшенной» ¹⁾.

Изъ Парижа прибыла въ Эрфуртъ труппа актеровъ и актрисъ, танцоровъ и танцовщицъ; изъ Тюильрійскаго дворца привезли мебель, гобелены и посуду. Маршалъ Ланнъ былъ высланъ на берегъ Нѣмана для встрѣчи императора Александра, а на большой дорогѣ изъ Веймара встрѣтилъ его и самъ Наполеонъ.

День въѣзда русскаго императора въ Эрфуртъ былъ теплый и ясный. Александръ ѣхалъ въ открытой коляскѣ съ Нарышкинымъ. При приближеніи къ городу замѣтили на шоссе облако пыли, а за тѣмъ и скакавшихъ на встрѣчу всадниковъ: Наполеонъ ѣхалъ привѣтствовать своего царственнаго гостя.

При встрѣчѣ Наполеонъ спрыгнулъ съ лошади, а императоръ Александръ вышелъ изъ экипажа: государи обнялись и пошли по шоссе пѣшкомъ. За ними, шагомъ, слѣдовали свиты. Въ виду городскихъ воротъ, изъ которыхъ высыпала масса народа, монархи сѣли въ коляску и отправились, при громадномъ стеченіи народа, въ украшенный флагами и вѣнками городъ ²⁾.

¹⁾ Политическій, статистическій и географическій журналъ 1808 г. Т. VI, стр. 126 и 127.

²⁾ „Русская Старина“, Т. X, стр. 631.

Такимъ образомъ было положено начало іудейской обоюдной дружбѣ—говорить современникъ ¹⁾).

Среди переговоровъ, праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ и своимъ ухаживаніемъ за Александромъ Наполеонъ удивлялъ даже и свою свиту. Императоръ Наполеонъ,—писалъ его пажъ ²⁾),—очень внимателенъ къ русскому императору, и въ первый разъ моей жизни мнѣ довелось видѣть, что онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы поправиться. Онъ постоянно уступаетъ дорогу государю Россіи».

Мы не коснемся подробностей того, какъ два императора старались обмануть другъ друга—это не относится къ нашей задачѣ. Скажемъ только, что Наполеонъ всѣми силами старался очаровать Александра, но послѣдній былъ хитрѣе очарователя и, оказывая воѣ наружные знаки дружбы, продолжалъ питать не только недовѣріе, но и ненависть ³⁾).

Подъ давленіемъ цензуры, русскіе газеты и журналы, точно также, какъ и иностранные, были переполнены извѣстіями объ искрѣнной дружбѣ двухъ императоровъ.

«Въ Эрфуртѣ,—говорилось въ одномъ изъ нашихъ журналовъ ⁴⁾),—узы, соединяющія ихъ, сдѣлались еще крѣпче и неразрушимѣе. За исключеніемъ часовъ, которые были употреблены на государственныя дѣла, ихъ видѣли непремѣнно вмѣстѣ за столомъ, во время прогулокъ, въ превосходныхъ спектакляхъ, на блестящемъ смотрѣ войскъ, на пышной оленьей охотѣ»...

Но оглядываясь назадъ, смотря на дѣйствительность, тотъ же журналъ не могъ не высказать грустнаго положенія дѣлъ и малой надежды на хорошее будущее.

— Неоспоримо то,—говорилъ онъ,—что нынѣшнее время влечетъ за собою многоразличныя удрученія и болѣе даетъ поводу къ слезамъ, нежели къ веселой улыбкѣ. Настоящій вѣкъ зрѣтъ великія событія, быстро одно за другимъ стремящіяся; судьба никогда съ столь неблагоприятнымъ расположеніемъ не играла коронами владѣтелей, равно какъ и очастіемъ народовъ. Многія государства кружатся еще въ политическомъ вихрѣ: Европа находится въ переломѣ, а съ нею и весь міръ политическій и гражданскій. Человѣчество, сѣтующее о пролитіи крови многихъ тысячъ, теперь можетъ надѣяться, что золотое сіяніе новой

¹⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта, изд. 1867 г., стр. 223.

²⁾ Письма пажа Наполеона. „Русскій Вѣстн“. 1891 г. № 9, стр. 315.

³⁾ Шлоссеръ. Всемирная исторія. Т. VI, 543. Такимъ образомъ слова кн. П. А. Вяземскаго и М. Корфа, будто бы Александръ во время Эрфуртскаго свиданія и послѣ него былъ въ періодѣ высшаго увлеченія Наполеономъ, оказываются несправедливыми.

⁴⁾ Политическій, статистическій и географическій журналъ 1808 г. Т. VI, стр. 180 и 181.

утренней зари, при всей умножившейся мрачности видовъ, не исчезнетъ и что утомленному свѣту, наконецъ, возвращено будетъ спокойствіе.

Надежды эти не осуществились. Эрфуртское свиданіе ¹⁾ не принесло Россіи никакой пользы, а напротивъ того навязало ей новую войну съ Австріею.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Подробности переговоровъ и результаты свиданія изложены въ сочиненіяхъ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, М. И. Богдановича „Исторія царствованія императора Александра I“, С. М. Соловьева „Императоръ Александръ I“ и друг.

Оккупационный корпусъ во Франціи.

Изъ собственноручнаго всеподд. письма Барклай-де-Толли.

3-го сентября 1815 г. Шалонъ.

Изъ рапорта моего о составленіи корпуса графа Воронцова и его корпуснаго штаба, соизволите усмотрѣть, что я предписалъ ему явиться къ вашему величеству для полученія наставленій и что имѣеть обо всемъ относиться прямо къ вашему величеству. Я надѣюсь, что достойный сей генераль будетъ оправдать довѣренность вашего величества; но онъ чувствуетъ, что можетъ быть въ очень критическомъ положеніи, пока не будетъ имѣть разрѣшенія до какой степени простирается повиновеніе его къ фельдмаршалу Веллингтону, какъ-то напри-мѣръ коли захотятъ раздробить корпусъ его, отдѣляя части подъ начальство чужестраннаго генерала, или коли захотятъ отдать крѣпости, кои, какъ я полагаю, заняты будутъ нашими войсками, въ другія руки.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XV ¹⁾.

Второй день сраженія при Ваграмѣ. — Поведеніе Наполеона во время боя. — Анекдотъ. — Совѣтъ Наполеона на полѣ сраженія. — Савари. — Эрцгерцогъ Карлъ и его поведеніе во время боя. — Паника во французской арміи. — Посылка Наполеономъ А. И. Чернышева курьеромъ въ Петербургъ. — Сраженіе при Голлабруннѣ. — Заключеніе перемирія. — Отъѣздъ Левенштерна въ Вѣну.

акъ какъ ночи въ то время года были весьма коротки, то и отдыхъ нашъ былъ непродолжителенъ. На слѣдующій день мы поспѣшили присоединиться къ Наполеону; я наблюдалъ только за нимъ, такъ какъ орудійные выстрѣлы представляютъ мало интереснаго.

Мы вскорѣ увидѣли императора, окруженнаго гвардіей, близъ Рашдорфа. Онъ шелъ пѣшкомъ въ синемъ сюртукѣ; не найдя ночью своего сѣраго, онъ надѣлъ первый попавшійся ему подъ руку сюртукъ своего адъютанта.

Австрійцы повели атаку, и вскорѣ началась общая канонада.

Наполеонъ развѣзжалъ по всей линіи, слѣдя съ особеннымъ вниманіемъ за дѣйствіями праваго крыла. Войска лѣваго фланга, сражавшіяся до тѣхъ поръ безъ всякаго успѣха, видимо мало интересовали его. Массена, командовавшій этимъ флангомъ, посылалъ къ нему адъютанта за адъютантомъ, извѣщая объ опасности, которая ему угрожала, но Наполеонъ по-прежнему не обращалъ никакого вниманія и даже отвѣчалъ одному изъ этихъ посланныхъ, прискакавшему съ просьбою о подкрѣпленіи:

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1900 г. № 9 (сентябрь).

— Скажите маршалу, что у меня нѣтъ войскъ въ карманѣ.

При этомъ онъ выворотилъ карманъ, показавъ ему, что онъ былъ пустъ—и присовокупилъ: «каждый долженъ сражаться по мѣрѣ своихъ силъ».

Но минуто спустя, узнавъ объ успѣхѣ, одержанномъ Даву на правомъ флангѣ, Наполеонъ подскакалъ въ галопъ къ гвардейской артиллеріи и съ сіяющимъ лицомъ скомаандовалъ: «гвардейская артиллерія, впередъ!».

Лористону было поручено вести ее въ бой; за нею послѣдовала гвардейская кавалерія, и вскорѣ въ окрестностяхъ Адлерклау былъ открытъ огонь изъ 60 орудій.

Въ этомъ случаѣ, точно такъ же, какъ и въ сраженіи при Аспернѣ, я убѣдился, что только одни недоброжелатели могли обвинять Наполеона въ отсутствіи личной отваги. По моему мнѣнію, онъ держалъ себя на полѣ битвы такъ, какъ подобаешь человѣку гениальному, какъ подобаешь главнокомандующему, слѣдующему за движеніями непріятеля и руководящему дѣйствіями своей собственной арміи. Наполеонъ слѣдилъ всегда туда, гдѣ его указанія были нужнѣе всего.

Онъ простоялъ бы все время на ближайшей возвышенности, если бы могъ дѣлать оттуда свои распоряженія и руководить ходомъ сраженія; когда же того требовали военныя дѣйствія, онъ шелъ туда, гдѣ была величайшая опасность, съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ удалился бы съ этого мѣста, если бы это оказалось нужно.

Онъ смѣло шелъ на встрѣчу опасности, но не гордился этимъ.

Позади его было убито нѣсколько лошадей; онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія, и никто не посмѣлъ указать ему на это.

Когда Даву одержалъ верхъ надъ австрійцами, коими командовалъ князь Розенбергъ, и когда положеніе Массены улучшилось благодаря поддержки, оказанной ему Лористономъ, то Наполеонъ объявилъ, что сраженіе имъ выиграно.

Герцогъ де-Бассано сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ; мы отошли въ сторону, и онъ предложилъ мнѣ выпить остатки своего коньяку, сказавъ:

— Теперь мы можемъ выпить; ваше дѣло,—дѣло военныхъ, окончено, теперь начнется наше дѣло, и вы увидите, что Наполеонъ справится съ нимъ такъ же энергично.

Поле битвы представляетъ то огромное преимущество, что оно равняетъ людей. Герцогъ де-Бассано былъ вѣроятно совершенно инымъ человѣкомъ въ своемъ кабинетѣ въ Парижѣ, нежели на полѣ битвы при Ваграмѣ.

Наполеонъ сошелъ съ лошади; лицо его сіяло. Его мамелюкъ разостлалъ на открытомъ воздухѣ небольшой коврикъ, на который импера-

торъ легъ. Барабаны конно-гренадеръ были сложены пирамидою, чтобы защитить его отъ солнца. День былъ прекрасный, жаркій, солнце палило. Чтобы лошади не растоптали императора, возлѣ него было поставлено четыре гренадера, мы же всѣ, генералы, министры и офицеры, стояли молча вокругъ его ложа, на которомъ побѣдитель тотчасъ крѣпко уснулъ.

Когда къ намъ подошелъ полковникъ легкой конницы, д'Орейля, (d'Ogeilly), состоявшій на австрійской службѣ и взятый въ плѣнъ французами, то Дюрокъ разбудилъ императора. Наполеонъ, не вставая, просилъ полковника подойти къ нему и спросилъ Дюрока, говорить ли онъ по-французски. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ обратился къ плѣнному по-италиански и бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ на этомъ языкѣ, разспрашивая его преимущественно объ эрцгерцогѣ Карлѣ; затѣмъ отпустилъ его, поклонившись и поручивъ Савари позаботиться о немъ.

Затѣмъ онъ всталъ, окинулъ взоромъ армию, увидѣлъ, что эрцгерцогъ началъ отступать, и, обернувшись къ намъ съ веселымъ лицомъ, потребовалъ обѣдъ. Мигомъ подлетѣли фургоны, и были раскинута двѣ прекрасныя палатки; въ одну изъ нихъ императоръ вошелъ съ Бертье и Шампаньи.

Мы не отходили отъ его палатки и стояли около нея такъ близко, что даже прислонились головою къ канатамъ, конми она была натянута. Всѣ болтали, громко смѣялись, повидимому, никто не стѣснялся. Французы дали понять намъ, что Наполеонъ любилъ въ подобныхъ случаяхъ шумное веселье своего главнаго штаба, который предпочелъ бы лучше остаться безъ хлѣба, нежели быть лишеннымъ права посмѣяться и пошутить. Французскій лагерь никоимъ образомъ не походитъ на лагерь другихъ націй. Шутка заставляетъ француза позабыть все на свѣтѣ.

Никогда не забуду, что Монтескье, весьма милый молодой человекъ, сказалъ въ этотъ день довольно неумѣстную шутку, за которую остроумная, но язвительная графиня Фюнфкирхенъ, рожденная Шенпингъ ¹⁾, отплатила ему нѣсколько дней спустя.

Въ Вьнѣ продавались носовые платки съ планомъ города и его окрестностей. У Монтескье былъ такой платокъ, и онъ сказалъ, что это была прекрасная выдумка, ибо, находясь на полѣ битвы, можно было высморкаться въ Вьнѣ: всѣ засмѣялись.

Графиня Фюнфкирхенъ, которой передали эти слова, сказала въ присутствіи всей блестящей французской молодежи, собиравшейся у нея:

¹⁾ Она вышла впоследствии замужъ за графа Эстергази.

— Мы всё находимъ эти платки чрезвычайно удобными, ибо, находясь въ Вѣнѣ, мы пишемъ на Шёнбруннѣ¹⁾.

Это острое слово, сказанное въ присутствіи Флага, Уденара, Порталеса и самого Монтескье, не было передано Наполеону, который нашелъ бы его вѣроятно не столь смѣшнымъ. Умъ и остро сказанное слово извиняютъ въ глазахъ француза все: они не переносятъ только смѣшного; быть смѣшнымъ для нихъ убійственно.

Пока готовили обѣдъ, всё постарались достать бумаги, чтобы написать роднымъ въ Парижъ, такъ какъ курьеръ, везшій извѣстіе объ этой великой побѣдѣ во Францію и въ прочія государства, долженъ былъ отправиться съ поля битвы. Красавцу Чернышеву было поручено отвезти это извѣстіе въ Петербургъ.

Наполеонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Бертье и Шампаньи. На травѣ была разостлана скатерть; намъ былъ поданъ вмѣстѣ съ маршаломъ Дюрокомъ прекрасный обѣдъ и превосходное бургундское вино. Въ это время къ намъ подъѣхали Даву и Нансуги (Nansouty), командовавшіе тяжелой кавалеріей. Наполеонъ тотчасъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ палатку, далъ имъ приказанія, и они уѣхали; имъ не предложили ни куска хлѣба. Въ лагерѣ люди становятся эгоистами; всякъ для себя, а Богъ для всѣхъ.

Генераль Савари былъ далеко не такъ приятенъ въ обхожденіи, какъ оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ. Когда одинъ плѣнный офицеръ не сумѣлъ или не хотѣлъ сказать Савари, гдѣ находился во время сраженія эрцгерцогъ Карлъ, то онъ ударилъ его нѣсколько разъ хлыстомъ въ грудь, крича: «Отвѣчайте же, отвѣчайте!». Къ счастью, число офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ французами, было столь незначительно, что генералу Савари не представилось случая повторить эту грубую выходку, которая при данныхъ обстоятельствахъ была низостью.

Графъ Виттъ былъ приглашенъ въ императорскую палатку, чтобы служить переводчикомъ, но такъ какъ онъ плохо понималъ по-нѣмецки и вовсе не говорилъ на этомъ языкѣ, то Дюрокъ просилъ меня замѣнить его, что я и исполнилъ къ удовольствію Наполеона, который побранилъ Бертье за то, что молодые офицеры генеральнаго штаба не изучали нѣмецкаго языка.

— Русскіе учатся же по-турецки,—сказалъ онъ,—и они правы: всегда полезно умѣть объясниться со своими сосѣдами.

Отступленіе австрійцевъ совершилось въ такомъ порядкѣ, что трофеи, забранные французами, фигурировали только въ ихъ бюллетеняхъ. Австрійцы потеряли всего одиннадцать орудій и нѣсколько сотъ чело-

¹⁾ Въ Шёнбруннѣ была главная квартира Наполеона.

вѣкъ отсталыхъ. Ихъ кавалерія сдерживала французскія колонны такъ, что австрійская армія спокойно отступила въ Моравію.

Эрцгерцогъ Карлъ дѣйствовалъ геройски. Всѣ говорили единогласно, что только его присутствіе воодушевляло армію. Его всегда можно было видѣть тамъ, гдѣ была наибольшая опасность; пока онъ находился во главѣ войска въ Маркграфъ-Нейзаиделѣ, онъ отражалъ съ успѣхомъ всѣ атаки французовъ.

Въ два часа дня онъ поскакалъ къ центру своей позиціи и приказалъ флангу, тѣснимому Макдональдомъ, отступить.

Моментъ былъ критическій. Если бы эрцгерцогъ двинулся впередъ съ резервомъ Гогенцоллернскихъ гренадеръ, находившихся въ центрѣ, и атаковалъ резервы французской арміи при Рашдорфѣ, то, будучи поддержанъ кавалеріей Лихтенштейна, онъ безъ сомнѣнія могъ бы отразить движеніе Даву, направленное на его крайній лѣвый флангъ. Ему слѣдовало прорваться сквозь центръ французской арміи, что было вполне возможно. Такъ какъ еще было рано, всего два часа по полудни, то вѣроятно эрцгерцогъ Іоаннъ подоспѣлъ бы во-время, чтобы рѣшить побѣду въ пользу австрійцевъ.

Этотъ маневръ могъ вполне удался, ибо эрцгерцогъ Іоаннъ не встрѣтилъ по пути французовъ и ему не пришлось преодолевать никакихъ препятствій; онъ умѣлъ даже взять въ тылу французской арміи нѣсколько плѣнныхъ, а его уланы обратили въ бѣгство французское войско, шедшее съ острова Лобау.

Это вызвало такую панику, которая могла бы быть пагубной для французской арміи. Я былъ не только ея свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ, такъ какъ я бѣжалъ вмѣстѣ съ другими; этотъ эпизодъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ описанія.

Весело пообѣдавъ подлѣ палатки Наполеона, графъ Виттъ, Горголи и я рѣшили возвратиться въ Вѣну, взять необходимыя вещи и коляску, чтобы ѣхать за Наполеономъ, который преслѣдовалъ австрійскую армію по пятамъ. Мы сѣли на лошадей, намѣреваясь отправиться сперва на островъ Лобау, а затѣмъ въ Вѣну.

Едва успѣли мы проѣхать съ четверть версты, какъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ коарръ ерга у французской арміи, и появленіе австрійскихъ уланъ, которыхъ въ тотъ самый моментъ гнали по дорогѣ, какъ стадо барановъ, подняло цѣлое облако пыли и навело такую панику на отсталыхъ и обозъ, что солдаты опрометью пустились бѣжать по направленію къ мостамъ, перекинутымъ черезъ рѣку, и подняли тревогу въ резервѣ и артиллерійскихъ паркахъ.

Вначалѣ мы не были этимъ встревожены, но вскорѣ нѣсколько бейторовъ изъ императорскихъ конюшенъ догнали насъ въ галопъ, крича: «спасайся кто можетъ, непріятель напалъ на главную квартиру импера-

тора»; эти слова вызвали страшную панику, и мы были увлечены толпою бѣжавшихъ. Никто не зналъ, откуда угрожала опасность: беспорядокъ былъ невообразимый, со всѣхъ сторонъ раздавались ружейные выстрѣлы. Солдаты грабили экипажи генераловъ, фургоны, повозки маркитантокъ; ничье имущество не было пощажено, дисциплины болѣе не существовало.

Во время этого переполоха у меня слетѣлъ къ несчастью со шляпы султанъ; не желая бросить его, мнѣ съ трудомъ удалось остановить мою черкесскую лошадь, которая взбѣсилась отъ происходившаго вокругъ шума. Горголи и Виттъ успѣли, между тѣмъ, ускакать; будучи отдѣленъ отъ нихъ вслѣдствіе этой неожиданной остановки, я очутился одинъ среди бѣжавшихъ солдатъ.

Какая-то маркитантка громко кричала, видя, что солдаты грабятъ ея повозку; я поспѣшилъ къ ней на помощь, но едва дорого не заплатилъ за этотъ человѣколюбивый поступокъ. Стрѣлки, грабившіе ея повозку, наставили на меня въ упоръ ружья и крикнули: «Убирайтесь къ чорту, или мы васъ убьемъ». Я повернулъ лошадь и оставилъ ихъ въ покоѣ.

Беспорядокъ увеличивался все болѣе и болѣе. Не имѣя возможности ѣхать быстро, я рѣшилъ ѣхать шагомъ и ожидать спокойно результата этой паники. По всей вѣроятности, думалъ я, она вызвана появленіемъ эрцгерцога Іоанна; но гдѣ же онъ? ничего не было видно, кромѣ дыма и пыли, но со всѣхъ сторонъ слышались крики ужаса и смятенія.

Когда я подѣзжалъ къ острову, то мнѣ попался на встрѣчу французскій генералъ. Видя, что я былъ спокойнѣе прочихъ, онъ сталъ расспрашивать меня и не могъ понять, что означало это бѣгство послѣ одержанной побѣды?

Я предложилъ ему подобный же вопросъ.

— Развѣ императоръ находится въ опасности?—спросилъ онъ.

— Не знаю, находится ли онъ въ опасности въ настоящую минуту, — отвѣчалъ я, — но знаю навѣрно, что ему не угрожало никакой опасности двадцать минутъ тому назадъ, такъ какъ я имѣлъ честь обѣдать за оберъ-гофмаршальскимъ столомъ, возлѣ его палатки.

Этотъ отвѣтъ успокоилъ его.

— Это негодянъ, — воскликнулъ онъ, — и я прикажу стрѣлять въ нихъ картечью, чтобы заставить ихъ остановиться.

Онъ такъ и сдѣлалъ; это еще болѣе увеличило всеобщее смятеніе. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано не пропускать никого черезъ мосты, то бѣжавшіе столпились на берегу и были вынуждены остановиться. Когда пыль улеглась, то всѣ увидѣли, къ своему величайшему изумленію и стыду, что каждый изъ насъ испугался своего сосѣда и своей тѣни.

Трудно себѣ представить, какія послѣдствія могло бы имѣть смѣлое движеніе, совершенное эрцгерцогомъ Іоанномъ во-время. Ему трудно найти оправданіе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ такъ медленно.

Этотъ эпизодъ врѣзался мнѣ въ память и когда, во время достопамятной кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ, я имѣлъ счастье дѣйствовать успѣшно противъ аррьергарда французской арміи, то я всегда вспоминалъ панику, коей я былъ свидѣтелемъ, я старался скрыть свои движенія отъ непріятеля, для чего велѣлъ волочить по землѣ пучки сѣна, которые вздымали цѣлое облако пыли.

Когда мнѣ удалось, наконецъ, послѣ многихъ усилій присоединиться къ моимъ товарищамъ, бывшимъ на островѣ Лобау, то мы поспѣшили отправиться въ Вѣну, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія и слѣдовать на другой день за главной квартирой.

По пріѣздѣ въ Вѣну, я отправился къ князю Людвигу Лихтенштейну, который былъ прикованъ къ постели, страдая отъ послѣдствій ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи при Абенсбергѣ. За нимъ ухаживали жена его брата Маврикія Лихтенштейна и красавица г-жа Шпехтъ.

Меня засыпали вопросами, но всѣ были возмущены тѣмъ, что я былъ хотя наружно на сторонѣ непріятеля. Дамы обошлись со мною весьма любезно, но не принимали никакихъ оправданій. Одинъ только князь Людвигъ былъ на моей сторонѣ. Кто изъ военныхъ,—говорилъ онъ,—любя свое дѣло и имѣя возможность изучить его въ наилучшей современной школѣ, не воспользовался бы подобнымъ случаемъ?

Я не былъ лицомъ официальнымъ, или политическимъ дѣятелемъ; я былъ только любопытнымъ. Одно и то же чувство привело меня на валы г. Вѣны съ австрійскимъ ружьемъ въ рукахъ и заставило меня раздѣлать съ французской арміей всѣ опасности.

Чернышевъ готовился ѣхать курьеромъ въ Петербургъ; мы помогали ему въ сборахъ. Онъ влюбился въ Вѣнѣ въ одну молоденькую и хорошенькую особу, и я сочинилъ по его просьбѣ сентиментальное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, которое было послано ей съ посыльнымъ и возымѣло свое дѣйствіе; она назначила Чернышеву свиданіе; они поклялись другъ-другу въ вѣчной любви, а два часа спустя, онъ уже мчался по большой дорогѣ.

Послѣ отъѣзда Чернышева, Виттъ, Горголи и я, не теряя ни минуты, отправились къ французской арміи и были свидѣтелями кровопролитнаго сраженія при Голлабруннѣ (Hollabrunn).

По пути намъ было оказано всевозможное вниманіе. Наполеонъ далъ по этому поводу самыя точныя приказанія. Онъ кокетничалъ тѣмъ, что оказывалъ хорошій приемъ русскимъ офицерамъ, чтобы доказать этимъ искренность его союза съ императоромъ Александромъ.

Въ наше распоряженіе были предоставлены самыя лучшіе дома,

возлѣ которыхъ стояла почетная стража; этапные начальники доставляли намъ фуражъ, чтобы мы не терпѣли недостатка ни въ чемъ.

Австрійцы, отступая передъ французами, заняли позицію при Знаймѣ (Znaum). Съ той и съ другой стороны началась жаркая перестрѣлка. Каменный мостъ черезъ Тау (la Tau), защищаемый венгерскими гренадерами и усѣянный убитыми и ранеными, переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Черезъ него трудно было перейти; многіе изъ этихъ несчастныхъ были раздавлены и обезображены колесами артиллеріи. Я видѣлъ войну со всѣми ея ужасами.

Во время сраженія князь Иванъ Лихтенштейнъ былъ посланъ къ Наполеону, чтобы начать переговоры о перемиріи. Императоръ изъявилъ свое согласіе и приказалъ прекратить сраженіе.

Какъ только разнеслось извѣстіе о перемиріи, всѣ стали поздравлять другъ-друга съ благополучнымъ исходомъ кампаніи.

Наполеонъ произвелъ тотчасъ смотръ корпусамъ Массены и Даву. Шелъ проливной дождь. Тутъ же, на полѣ сраженія, многимъ были пожалованы ордена, чины, званія графовъ и бароновъ.

Полковой командиръ 1-го кирасирскаго полка, полковникъ Бергеймъ былъ произведенъ въ генералы. У него была нанята заранѣе квартира въ Знаймѣ, и онъ пригласилъ насъ отобѣдать. Мы съ удовольствіемъ приняли это предложеніе, такъ какъ съ утра ничего не ѣли и промокли до костей.

Перемѣнивъ бѣлье и платье и сытно пообѣдавъ, мы поѣхали къ маршалу Массенѣ, командовавшему войскомъ въ Знаймѣ. Онъ принялъ насъ весьма любезно и тотчасъ распорядился, чтобы намъ приготовили хорошее помѣщеніе: мы отдохнули какъ слѣдуетъ. Кампанія была непродолжительна, но довольно тяжела.

На слѣдующій день, рано утромъ, Наполеонъ произвелъ смотръ еще тремъ армейскимъ корпусамъ и возвратился въ Вѣну.

Арміи былъ данъ день отдыха; мы рѣшили воспользоваться этимъ, чтобы съѣздить въ замокъ Фрейнъ (de Frein) къ графу Мнишекъ, наняли мѣстныхъ телѣжки и переѣхали демаркаціонную линію, чтобы добраться до замка.

Насъ не задержали ни на французскихъ, ни на австрійскихъ аванпостахъ, какъ будто бы въ самое мирное время; между тѣмъ не дагѣ какъ наканунѣ здѣсь люди рѣзали другъ-друга.

Въ четверти версты отъ замка, мы встрѣтили графа и графиню Мнишекъ (рожденную княгиню Любомірскую), которая ѣхала изъ главной квартиры эрцгерцога Карла. Они страшно перепугались, увидавъ, какъ, они полагали, трехъ французскихъ офицеровъ, которые бросились къ ихъ коляскамъ, дѣлая знакъ, чтобы они остановились. Но когда они узнали насъ, то радости и удивленію не было предѣла; не говоря уже

о томъ, что они были хорошо знакомы съ нами, но мы служили имъ охраной, чѣмъ въ этотъ моментъ отнюдь нельзя было пренебрегать.

Въ замкѣ мы отлично пообѣдали. Графиня была женщина весьма любезная; время пролетѣло быстро. Къ ночи мы возвратились въ Знаймъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, доставъ не безъ труда почтовыхъ лошадей, я отправился вмѣстѣ съ графомъ Виттомъ въ Вѣну.

На станціяхъ нигдѣ нельзя было достать лошадей, такъ что намъ пришлось ѣхать на тѣхъ же клячахъ до Горнъ-Нейбурга (Horn-Neubourg), и почтальонъ считалъ за чудо, что онѣ выдержали этотъ большой переѣздъ.

Окрестныя деревни были разграблены и разорены; дорога была переполнена войскомъ, въ особенности гвардіей, которая возвращалась къ побѣдителямъ въ Шёнбруннъ.

Въ Голлабруннѣ къ намъ присоединился князь Иванъ Лихтенштейнъ, ѣхавшій въ главную квартиру Наполеона. Онъ также нигдѣ не могъ достать лошадей, и ему пришлось прожить въ Голлабруннѣ довольно долго. Жандармы, уважая насъ, какъ русскихъ офицеровъ, розыскали намъ лошадей, и мы уѣхали, оставивъ австрійскаго парламентаря въ довольно затруднительномъ положеніи.

Пріѣхавъ въ Шпицъ (Spitz), дунайское мостовое укрѣпленіе близъ Вѣны, мы узнали, къ нашему величайшему изумленію, что полководцемъ снесло мосты минутой спустя послѣ того, какъ Наполеонъ переѣхалъ черезъ рѣку. Дежурная коляска и фургонъ съ туалетными принадлежностями императора и съ его бѣльемъ утонули на его глазахъ.

Намъ съ трудомъ удалось выпросить у генерала, командовавшаго мостовымъ укрѣпленіемъ, небольшую барку съ двумя матросами гвардейскаго экипажа въ качествѣ гребцовъ. Переправа была довольно опасна, такъ какъ рѣка была очень бурная. Мы взяли въ свою лодку адъютанта генерала Лористона, полковника Лагрене, который былъ весьма признателенъ намъ за это, такъ какъ мы имѣли болѣе сильную протекцію, нежели онъ; слово «русскій офицеръ» было нѣчто въ родѣ талисмана. Впослѣдствіи я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ этимъ полковникомъ въ Петербургѣ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ Лористономъ.

Мы прошли пѣшкомъ по острову, образуемому Дунаемъ, который простирается болѣе, нежели на одну французскую милю.

Я былъ очень утомленъ и такъ какъ отъ Шпаца до Вѣны было еще далеко, то я рѣшилъ провести ночь въ плохомъ кабачкѣ; но судьба и тутъ благоприятствовала намъ, ибо въ тотъ моментъ подѣхала коляска, присланная за однимъ изъ секретарей принца Невшательскаго, который находился еще по ту сторону рѣки. Намъ не стоило особеннаго труда

подкупить кучера, давъ ему нѣсколько наполеондоровъ, и онъ согласился отвезти насъ.

Рискнувъ совершить опасную переправу, мы явились въ Вѣну первые послѣ заключенія перемирія; поэтому насъ закидали вопросами и всякаго рода просьбами.

XVI.

Желаніе Австріи продолжать военныя дѣйствія.—Графъ Эстергази и полковникъ Горголи.—Возвращеніе Левенштерна въ Россію.—Принцъ Евгений Богарнэ и герцогъ Альбертъ.—Свиданіе Левенштерна съ польскими генералами.—Прибытіе его въ главную квартиру кн. Голицына.—Посылка курьеромъ къ государю.—Кн. Лобановъ-Ростовскій.—Генералъ Боуръ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Графъ Аракчеевъ.—Представленіе государю.

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій можно было ожидать скорого заключенія мира. Австрійцы были удручены. Въ Вѣнѣ не знали, слѣдовало ли радоваться перемирію или горевать. Самолюбію и доброму имени австрійцевъ былъ нанесенъ страшный ударъ; хотя они привыкли къ пораженіямъ, но возлагали всѣ свои надежды на эту войну, предоставили всѣ свои средства въ распоряженіе правительства и безъ сомнѣнія были въ правѣ ожидать болѣе доблестныхъ и благоприятныхъ результатовъ.

Перемиріе предвѣщаетъ обыкновенно скорое заключеніе мира; австрійцы этого опасались: армія горѣла нетерпѣніемъ еще разъ сразиться съ французами. Между тѣмъ изъ Парижа прибылъ князь Меттернихъ въ сопровожденіи князя Павла Эстергази. Наполеонъ дозволилъ имъ пробыть нѣсколько дней въ Вѣнѣ, чтобы устроить ихъ личныя дѣла и затѣмъ отправиться къ своему монарху въ Моравію.

Я былъ знакомъ съ княземъ Эстергази ранѣе и съ удовольствіемъ встрѣтился съ нимъ. Мнѣ показалось, что онъ пламенно желалъ продолженія войны.

Мы часто видѣлись съ нимъ у нашего общаго друга, кавалера О'Гара (chevalier O'Hara); князь убѣждалъ меня написать русскому императору, изобразить ему истинное положеніе австрійской арміи и дать ему понять, какими обширными средствами она располагала и какъ горячо всѣ желали, чтобы война кончилась не такъ скоро. Онъ обѣщавъ доставить мнѣ точный списокъ австрійскихъ вооруженныхъ силъ, ихъ положенія въ данную минуту и т. д., взялся сберечь эту депешу отъ любопытныхъ глазъ до пріѣзда своего въ Венгрію и отправить ее оттуда на свои собственныя средства въ Петербургъ.

Князь Эстергази льстилъ себя надеждою, что если императору Александру будетъ извѣстно, какими средствами располагала еще Австрія, то онъ рѣшится быть можетъ дѣйствовать совмѣстно съ этой державою, и такимъ образомъ будетъ подготовленъ союзъ, который рано или поздно неминуемо долженъ быть заключенъ и который могъ, въ данное время, приостановить побѣдоносное шествіе побѣдителя.

Хотя я былъ готовъ сдѣлать ему пріятное и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ, изъ расположенія къ нему, тѣмъ болѣе, что это вполнѣ согласовалося съ моими убѣжденіями, но такъ какъ на меня не было возложено никакого официальнаго порученія, то я не рѣшался приступить къ составленію депеши, но предложилъ ему повидаться и переговорить съ полковникомъ Горголи. Его положеніе, какъ флигель-адъютанта русскаго императора, облеченнаго особыми полномочіями, давало ему право сдѣлать подобный шагъ.

Свиданіе ихъ было обставлено всевозможными предосторожностями. Горголи также отказался писать императору, но обѣщалъ все передать его величеству немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ. Не знаю, воспользовался ли онъ своимъ положеніемъ для того, чтобы коснуться столь щекотливаго вопроса.

Мы условились встрѣтиться еще разъ на слѣдующій день, но французская полиція видимо была предупреждена о нашихъ свиданіяхъ, такъ какъ князь Эстергази былъ въ ту же ночь высланъ изъ Вѣны подъ надежнымъ конвоемъ, и мы узнали объ его отъѣздѣ только на слѣдующій день: онъ все-таки успѣлъ написать кавалеру О'Гара записочку, которую передалъ привратнику и въ которой онъ умолялъ насъ не забывать его плановъ.

Между тѣмъ въ Шенбруннѣ дѣятельно велись переговоры. Я предвидѣлъ, что скоро будетъ заключенъ миръ, и рѣшилъ возвратиться въ Россію.

Я получилъ отъ принца Невшательскаго курьерскую подорожную и открытое предписаніе ко всѣмъ военнымъ властямъ съ приказаніемъ оказать мнѣ содѣйствіе и пропустить меня безпрепятственно чрезъ демаркаціонную линію и сквозь ряды австрійской арміи безъ малѣйшей задержки: послѣднее преимущество было выговорено для курьеровъ въ особой конвенціи. Я первый проѣхалъ этимъ прямымъ путемъ. Чернышевъ и Горголи не успѣли воспользоваться этой мѣрою.

Многія знатныя лица, проживавшія еще въ Вѣнѣ, увѣренныя въ моей осторожности, поручили мнѣ отвезти въ главную квартиру австрійскаго императора письма, адресованныя на имя эрцгерцога Карла, графа Стадона, бывшаго въ ту пору министромъ иностранныхъ дѣлъ, и другихъ лицъ. Я тщательно запряталъ ихъ въ сапоги и въ цѣлости доставилъ по назначенію.

Но никому не было известно, что я везъ набальзамированное тѣло моей дорогой и несчастной Наташи, которую я хотѣлъ похоронить въ склепѣ ея предковъ, по близости отъ моего дома.

Люди, одаренные чувствительнымъ сердцемъ, поймутъ безъ словъ все то, что я испыталъ: образъ ангела, составившаго счастье моей жизни, не разставался со мною точно такъ же, какъ ея бездыханное тѣло.

Я ѣхалъ день и ночь и прибылъ безъ всякихъ приключеній къ французскимъ аванпостамъ, находившимся въ окрестностяхъ Вишау (Wischau).

Французскіе гусары конвоировали меня до перваго поста, занятаго австрійскими гусарами, откуда, послѣ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей, мнѣ было разрѣшено ѣхать въ Брюннъ и Ольмюцъ. Въ Брюннѣ я передалъ нѣкоторыя изъ порученныхъ мнѣ писемъ, а въ Ольмюцѣ видѣлся съ графомъ Стадіономъ, который задержалъ меня нѣсколько часовъ.

Эрцгерцогъ Карлъ уѣхалъ уже изъ арміи къ своему дядѣ въ Тешенъ. Я остановился въ этомъ городѣ, чтобы повидать герцога Тешенскаго, Альберта, и сообщить ему о томъ, въ какомъ видѣ я нашелъ его роскошный дворецъ въ Вѣнѣ, въ которомъ жилъ въ то время принцъ Евгенийъ Богарне, принявшій меня какъ нельзя болѣе любезно въ самомъ кабинетѣ герцога.

Принцъ Евгенийъ, зная, что я пройду чрезъ австрійскую армію, сказалъ мнѣ:

— Вы увидите вѣроятно достопочтеннаго герцога Альберта, такъ скажите ему, что я щажу его домъ изъ уваженія къ нему, и что я занялъ его кабинетъ только для того, чтобы почерпнуть въ немъ его мудрость. Я строжайшимъ образомъ запретилъ что-либо грабить. Вы можете удостовѣриться въ томъ, что мое приказаніе строго соблюдается.

Однако это приказаніе не было распространено на погреба и чердаки, и герцогъ Альбертъ, въ общемъ весьма благодарный принцу Евгению, увѣрялъ меня, что пребываніе послѣдняго въ его дворцѣ обошлось ему тысячу флориновъ въ день, хотя его великолѣпныя японскія вазы и были пощажены.

Эрцгерцогъ Карлъ не принялъ меня: послѣ понесенныхъ имъ пораженій онъ не хотѣлъ никого видѣть.

Проѣхавъ сквозь главныя силы австрійской арміи, я очутился близъ армейскаго корпуса эрцгерцога Фердинанда, столь блестяще начавшаго кампанію въ Польшѣ. Его начальникъ штаба, графъ Фикельмонъ, далъ мнѣ пропускъ; я подѣхалъ къ австрійскимъ аванпостамъ неподалеку отъ Кракова; полковникъ, командовавшій войсками въ этомъ пунктѣ,

нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, никакъ не хотѣлъ взять въ толкъ, что можно было ѣхать на Вѣну для того, чтобы отправиться къ польской арміи. Онъ принялъ меня за шпиона, ѣхавшаго по подложному документу, арестовалъ меня и донесъ о случившемся. Я воспользовался этой остановкою, чтобы нѣсколько отдохнуть; четыре часа спустя полковникъ получилъ самыя точныя и строгія приказанія, и я поѣхалъ далѣе.

У Кракова я наткнулся на казацкіе ведеты. Ихъ появленіе доставило мнѣ несказанное удовольствіе! Я расцѣловалъ перваго казака, подѣхавшаго ко мнѣ, какъ брата. Меня отвезли подъ надежнымъ конвоемъ въ главную квартиру графа Сиверса, командовавшаго войскомъ въ Краковѣ, который принялъ меня съ распростертыми объятіями, это былъ мой старый товарищъ, прослужившій вмѣстѣ со мною нѣсколько лѣтъ въ одномъ полку. Онъ предложилъ мнѣ отдохнуть у него, пока для меня готовили прекрасный обѣдъ. Въ Краковѣ же находилась главная квартира князя Понятовскаго; онъ помѣщался въ одномъ домѣ съ графомъ Сиверсомъ.

Мнѣ не извѣстно, какими побужденіями руководствовался графъ Сиверсъ, стараясь воспрепятствовать моему свиданію съ княземъ Понятовскимъ; какъ бы то ни было, не желая дѣлать ему непріятное, я подчинился его желанію. Но князь Понятовскій, ровно ничего не знавшій о томъ, что происходило въ Вѣнѣ, пожелалъ видѣть меня и послалъ ко мнѣ своего адъютанта, графа Артура Потоцкаго, съ просьбою зайти къ нему. Когда я отвѣчалъ на это отказомъ, извиняясь, какъ умѣлъ, то князь прислалъ своего начальника штаба, генерала Фишера, съ которымъ онъ разрѣшилъ мнѣ переговорить; когда ему было передано все то, что я сказалъ генералу, то князь счелъ, вѣроятно, что мнѣ извѣстно гораздо больше, ибо онъ прислалъ ко мнѣ графа Замойскаго и князя Генриха Любомірскаго, которые, ссылаясь на свое прежнее знакомство со мною, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, пригласили меня отобѣдать вмѣстѣ съ ними у маркизы Велепольской. Я отказался и отъ этого приглашенія, зная, что мнѣ придется встрѣтиться тамъ съ княземъ Понятовскимъ; но былъ на завтракѣ у графа Замойскаго, гдѣ я встрѣтилъ генерала Домбровскаго и графа Потоцкаго; они сдѣлали видъ, что попали къ Замойскому случайно, точно такъ же, какъ и генераль Фишеръ, князь Генрихъ Любомірскій и графъ Артуръ Потоцкій. Я былъ насторожѣ, такъ какъ моимъ словамъ видимо придавали значеніе; говоря о политическихъ дѣлахъ, я взвѣшивалъ каждое слово и не жалѣлъ краснорѣчія, описывая бывшія сраженія. Я позволилъ себѣ нѣсколько мистифицировать ихъ, сказавъ, что во Франціи можно ожидать второй имперіи. Я и не подозревалъ, говоря это, что нѣсколько лѣтъ спустя мой вымыселъ станетъ истиною. Мои слова поразили этихъ

господь какъ ударъ грома; образовались кружки, бесѣда оживилась, и въ концѣ концовъ присутствующіе рѣшились просить меня отвезти письмо къ князю Адаму Чарторыйскому, жившему въ Петербургѣ.

Пока я завтракалъ, а эти господа спорили, графъ Артуръ Потоцкій ходилъ нѣсколько разъ къ князю Понятовскому; я не обращалъ вниманія и твердо разыгрывалъ свою роль, охотно распространяясь обо всемъ, касавшемся военнаго дѣла и сраженій, коихъ я былъ свидѣтелемъ, и не проронивъ ни слова обо всемъ остальномъ; впрочемъ, это была единственная роль, подходившая мнѣ, ибо въ сущности я ничего не зналъ и могъ бы передать лишь то, что болтали въ главной квартирѣ.

Наше свиданіе окончилось обмѣномъ всевозможныхъ вѣжливостей; на прощанье графъ Замойскій приказалъ положить мнѣ въ карету нѣсколько бутылокъ превосходнаго стараго токайскаго вина. Я отправился въ главную квартиру князя Сергѣя Голицына, въ Тарновъ.

Въ Тарновѣ я остановился у генералъ-лейтенанта князя Владиміра Долгорукова, который приказалъ увѣдомить о моемъ пріѣздѣ князя Голицына. Князь пригласилъ къ себѣ, принялъ меня, не знаю по какой причинѣ, съ большою таинственностью, заперся со мною въ кабинетѣ и продержалъ меня цѣлый часъ.

Всѣ подробности, которыя я сообщилъ ему о положеніи французскихъ и австрійскихъ войскъ и вообще о текущихъ дѣлахъ, показали ему столь интересными, что онъ заявилъ, что я долженъ ѣхать курьеромъ въ Петербургъ и отвезти депешу императору, которую онъ приказалъ мнѣ передать въ собственныя его руки, и въ которой отозвался обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ. Князь предложилъ дать мнѣ денегъ на путевыя издержки, но я отъ этого рѣшительно отказался, желая окончить этотъ интереснѣйшій эпизодъ моей жизни, не будучи никому обязанъ материально.

Отобѣдавъ съ княземъ, я посѣтилъ передъ отъѣздомъ княгиню Чарторыйскую, съ которой былъ хорошо знакомъ въ Вѣнѣ и которая проживала въ то время въ Тарновѣ. Я также везъ ей письма. У нея я имѣлъ удовольствіе встрѣтить ея дочерей, княгиню Любомірскую, супругу князя Генриха, и княгиню Сангушко, которыя обошлись со мною какъ нельзя болѣе любезно. Всякій человѣкъ, пріѣзжавшій изъ главной квартиры Наполеона, возбуждалъ такое любопытство, что и я сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія.

Снабженный княземъ Голицынымъ депешами, я ѣхалъ не останавливаясь и прибылъ вскорѣ въ Львовъ, гдѣ находились главныя квартиры князя Лобанова-Ростовскаго и генерала Меллера-Закомельскаго. Я посѣтилъ того и другаго. Князь Лобановъ былъ обиженъ тѣмъ, что онъ былъ подчиненъ князю Голицыну, коего распоряженія строго крити-

коваль. Онъ говорилъ со мною докторальнымъ тономъ, желая произвести на меня впечатлѣніе человѣка весьма свѣдущаго, но это ему ни мало не удалось, такъ какъ, поскольку я могъ судить о немъ, онъ показался мнѣ человѣкомъ надменнымъ, спѣсивымъ и неспособнымъ мыслить логично.

Лобановъ разсказалъ мнѣ подробно, какое участіе онъ принималъ въ заключеніи Тильзитскаго мира, и о томъ, какъ любопытствовали поляки видѣть большой крестъ Почетнаго Легіона, полученный имъ за участіе при заключеніи этого злосчастнаго договора; любопытство поляковъ доходило до того, что лакею князя Лобанова платили за то, чтобы дотронуться до этого креста, какъ до какой-то святыни. По этому факту можно судить, какъ легко было Наполеону наэлектризовать народъ, который, не выдавъ еще его, былъ готовъ помогать этому честолюбивому завоевателю.

У генерала Меллера-Закомельскаго я встрѣтилъ генерала Боура, игравшаго нѣкогда столь видную роль при князѣ Потемкинѣ, а впоследствии при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Въ то время когда я съ нимъ встрѣтился, его положеніе было очень шатко: уволенный въ отставку, не имѣя состоянія, обремененный долгами, онъ кое-какъ изворачивался, что, къ сожалѣнію, не всегда ему удавалось и вредило его репутаціи, которая и безъ того уже была подорвана. Последняя его исторія, поставившая въ весьма непріятное положеніе великаго князя Константина Павловича, нанесла Боуру окончательный ударъ и хотя петербургскіе нравы были довольно легки, однако императоръ приказалъ ему выѣхать изъ столицы и уволил его въ отставку.

Я встрѣтилъ этихъ господъ у графини Потоцкой; они сидѣли за столомъ, за которымъ пировали. Генераль Боуръ встрѣтилъ меня съ большимъ стаканомъ токайскаго въ рукахъ и предложилъ мнѣ выпить вина, на что я согласился весьма неохотно, такъ какъ я еще не обѣдалъ. Онъ представилъ меня графинѣ и всей остальной компаніи. Это была настоящая оргія въ избранномъ обществѣ; человѣкъ, съ совершенно свѣжей головою, былъ тутъ некстати. Поэтому я пробылъ у графини недолго и, поговоривъ съ генераломъ Меллеромъ, вскорѣ удалился.

Проѣхавъ таможию въ Радзивиловѣ, я на вѣки простился съ ангеломъ, мною утраченнымъ (женою), и, проливъ горючія слезы, направился одинъ въ Житомиръ, гдѣ губернаторъ Комбурлей, увидавъ меня въ то время, когда мнѣ смѣняли лошадей, пригласилъ меня отобѣдать. Недурно было покрѣпиться, такъ какъ силы начинали оставлять меня; превосходный обѣдъ, коимъ угостилъ меня г. Комбурлей, пришелся какъ нельзя болѣе

встать. Уѣхавъ изъ Житомира, я уже не останавливался нигдѣ до самаго Петербурга.

У петербургской заставы меня задержали и отвезли прямо къ графу Аракчееву.

Графъ, котораго многіе изображаютъ человѣкомъ грубымъ и даже звѣрскимъ, принялъ меня весьма вѣжливо и даже любезно, и хотя не проронилъ ни одного лишняго слова, но все сказанное имъ не оставляло въ слушательѣ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что можно было отъ него ожидать.

Онъ потребовалъ у меня депешу, присланную императору; я отказался отдать ее, сказавъ, что князь Голицынъ поручилъ мнѣ передать эту депешу его величеству въ собственныя руки.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—императоръ васъ приметъ, но пока вы должны передать мнѣ депешу. Такова воля его величества.

Я долѣе не колебался; отдалъ ему депешу, онъ надписалъ на конвертѣ карандашемъ мое имя и часъ моего приѣзда. Затѣмъ велѣлъ подать карету и поѣхалъ во дворецъ. Прощаясь со мною, Аракчеевъ велѣлъ мнѣ не отлучаться изъ дома, оставить свой адресъ въ его канцеляріи и особенно настоятельно повторилъ:

— Не выходите изъ дома, такъ какъ императоръ каждую минуту можетъ потребовать васъ.

Я остановился въ гостиницѣ «Демуть», приказалъ подать себѣ хорошій обѣдъ и, подкрѣпившись, проспалъ безъ просыпа 18 часовъ.

На слѣдующій день поутру, графъ Аракчеевъ прислалъ мнѣ сказать съ фельдъегеремъ, чтобы я явился къ 11-ти часамъ въ Зимній дворецъ. Я заѣхалъ предварительно къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому и къ генералу Уварову, коимъ я привезъ пакеты съ бумагами и письма. Имъ очень хотѣлось слышать отъ очевидца подробный рассказъ о блестящей кампаніи, которой я совершенно случайно былъ свидѣтелемъ.

Въ 11-ть часовъ утра я былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ; всемогущій въ то время графъ Аракчеевъ, вышелъ изъ кабинета его величества, подошелъ прямо ко мнѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на клоны царедворцевъ, взялъ меня подъ руку и сказалъ:

— Войдите въ генераль-адъютантское зало и какъ только французскій посланникъ выйдетъ изъ кабинета государя, идите, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

Мое сердце сильно забилося: я не робокъ отъ природы, но въ этотъ моментъ у меня захватило дыханіе. При видѣ изумленныхъ и ошеломленныхъ лицъ всѣхъ тѣхъ, которые видѣли, какъ привѣтливо обошелся со мною такъ называемый первый министръ, я пришелъ въ себя. Я не былъ никому изъ нихъ знакомъ: мундиръ отставнаго под-

полковника драгунскаго полка, который я носилъ, ничего не объяснял; всѣ были страшно заинтригованы знать, кто я такой, но никто не рѣшился спросить меня о томъ; ихъ удивленіе превратилось въ величайшее изумленіе, когда изъ царскаго кабинета вышелъ герцогъ Виченскій (Коленкуръ), а я вошелъ въ кабинетъ такъ просто, какъ будто я издавна къ этому привыкъ.

Признаюсь, въ тотъ моментъ, когда я вступилъ въ кабинетъ императора, мнѣ было не по себѣ. Не то чтобы я боялся, это тягостное чувство, благодаря Бога, мнѣ было неизвѣстно, но я испытывалъ какую-то робость и волненіе; которыя трудно передать. Я чувствовалъ, какъ будто я подходилъ къ обожаемой женщинѣ, которой мнѣ хотѣлось понравиться: я дрожалъ какъ влюбленный. Это былъ третій императоръ, видѣнный мною въ теченіе шести мѣсяцевъ: два первые не произвели на меня никакого впечатлѣнія; австрійскій императоръ казался смущеннымъ болѣе меня въ тотъ моментъ, когда я былъ ему представленъ, а императоръ французовъ не внушилъ мнѣ никакого почтенія; я осматривалъ его пристально и съ любопытствомъ, какъ вещь необыкновенную.

Къ русскому императору я приблизился съ совершенно инымъ чувствомъ. Его обширная неограниченная власть, которой онъ никогда не злоупотреблялъ, его красивое лицо и фигура, достойная Аполлона, мысль, что я нахожусь въ присутствіи моего монарха, властителя моей судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго обольстительнаго человѣка нашего времени, произвела на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ хотѣлось понравиться ему, впрочемъ не изъ какихъ-либо личныхъ видовъ, что я и доказалъ впослѣдствіи; я внимательно слѣдилъ за моею походкой, за всѣми моими жестами и словами. Императоръ, отличительною чертою котораго было желаніе нравиться, конечно не старался объ этомъ въ моемъ присутствіи, но его прекрасное лицо, спокойныя, исполненныя достоинства манеры, его привѣтливая улыбка, доброта и благосклонность, съ какою онъ обратился ко мнѣ,—сразу успокоили меня и придали мнѣ необходимую увѣренность.

Какъ бы желая дать мнѣ время оправиться отъ моего смущенія, императоръ предложилъ мнѣ сначала нѣсколько вопросовъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ порученіемъ, на меня возложеннымъ.

Затѣмъ, взявъ меня за руку, онъ подвелъ меня къ окну и сказалъ:

— Вы были свидѣтелемъ весьма достопамятныхъ событій?

— Да, ваше величество,—отвѣчалъ я,—но я долженъ повергнуть себя къ стопамъ вашего величества и просить у васъ прощенія за то, что я осмѣлился быть свидѣтелемъ этихъ событій, не испросивъ на то предварительно позволенія вашего величества.

— Вы напрасно думаете, что я этимъ недоволенъ, — возразилъ императоръ, — это именно и вызвало во мнѣ желаніе познакомиться съ вами: къ тому же немного найдется людей, готовыхъ подвергнуть себя опасности для того, чтобы приобрести опытъ; это преимущество, конемъ я надѣюсь, вы дадите мнѣ со временемъ случай воспользоваться.

Видя столь неожиданный и милостивый приемъ, я вполне успокоился.

Тогда императоръ началъ спрашивать меня, и признаюсь, мнѣ никто не предлагалъ вопросовъ съ большимъ знаніемъ дѣла, мѣстности и главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Каждый вопросъ былъ сдѣланъ имъ съ известной цѣлью; мнѣ не было предложено ни одного вопроса, который можно бы назвать пустымъ или заданнымъ единственно изъ любопытства!

Прежде нежели войти въ кабинетъ, я далъ себѣ слово говорить лишь о тѣхъ событіяхъ, коихъ я былъ очевидцемъ, поэтому осмѣлился сказать ему:

— Позвольте мнѣ, государь, имѣть счастье изложить вашему величеству факты, коихъ я былъ очевидцемъ, и высказать свое сужденіе, хотя бы оно и оказалось ошибочнымъ; ваше величество со свойственной вамъ мудростью поймете ошибки, которыя я могу сдѣлать по недостатку опытности.

Подробно рассказавъ весь ходъ Ваграмской битвы, о коей вѣроятно уже докладывалъ государю Чернышевъ, знавшій всѣ подробности этого дѣла, я закончилъ свое повѣствованіе рассказомъ о паникѣ, которую нѣсколько уланъ нагнали на резервъ французской арміи. Этотъ фактъ былъ совершенно неизвѣстенъ императору: Чернышевъ, находившійся въ тотъ моментъ при Наполеонѣ, не могъ рассказать ему объ этомъ. Рассказавъ всѣ подробности этого любопытнаго факта, я передалъ ему слова, сказанныя мнѣ по этому поводу Наполеономъ.

— Будьте такъ любезны, — сказалъ онъ, — не передавайте императору Александру объ этомъ случаѣ.

Императоръ видимо былъ удивленъ и даже пораженъ моимъ рассказомъ.

— То, что вы рассказываете, въ высокой степени любопытно, — сказалъ онъ; — значитъ, и у французовъ есть свои слабыя стороны?

Послѣ минутной задумчивости онъ присовокупилъ весьма серьезно:

— Я запрещаю вамъ рассказывать въ городѣ объ этомъ фактѣ.

Не распространяясь о причинахъ этого запрещенія, которыя я легко могъ угадать, императоръ спросилъ меня, какъ держали себя наши молодые люди въ главной квартирѣ и во время военныхъ дѣйствій.

Я отдалъ полную справедливость блестящему мужеству Горголи и

молодаго Чернышева и удивительному, не по лѣтамъ, умѣнію послѣдняго держать себя, съ большимъ тактомъ и искусствомъ, благодаря чему онъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе даже среди этой блестящей массы военныхъ лицъ.

Я не хотѣлъ вредить Горголи: поэтому не сказалъ, что онъ блисталъ единственно своимъ мундиромъ и храбростью, не обладая никакими внутренними достоинствами; впрочемъ, онъ все же хорошо сыгралъ свою роль, а по части фехтованія и всевозможныхъ гимнастическихъ упражненій у него не было равнаго.

Я упомянулъ мимоходомъ о нѣскольکو двусмысленномъ поведеніи князя Гагарина и вызвалъ къ нему сочувствіе императора, рассказавъ о его паденіи въ ровъ; графа Витта я горячо похвалилъ, чѣмъ его величество, повидимому, остался доволенъ. Я сказалъ императору, что если кто-либо изъ насъ умѣлъ наблюдать и пользоваться обстоятельствами, то это можно сказать въ особенности про графа Витта.

— Какъ,—возразилъ императоръ,—Виттъ былъ съ вами? Мнѣ объ этомъ никто не говорилъ. Какъ онъ держалъ себя во время сраженія?

— Прекрасно, ваше величество, онъ не рисковалъ жизнью болѣе, чѣмъ слѣдовало въ нашемъ положеніи, но я могу увѣрить, что, поступая такъ, онъ нисколько не боялся опасности.

— Я очень радъ этому,—отвѣчалъ императоръ;—я радъ за него и за себя, такъ какъ я всегда считалъ его прекраснымъ офицеромъ.

Затѣмъ императоръ спросилъ меня, былъ ли я уже у французскаго посланника, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ мнѣ отправиться къ нему тотчасъ и передать ему привезенныя мною письма, прибавивъ:

— Вы даже можете ему сказать, что вы только-что были у меня, и, перемѣнивъ разговоръ, его величество выразилъ мнѣ свое соболѣзнованіе по случаю кончины моей жены, которая была фрейлиной высочайшаго двора.

Прощаясь со мною, императоръ въ столь любезныхъ и лестныхъ выраженіяхъ предложилъ мнѣ поступить на службу, что я не понимаю, какъ у меня хватило духа отказаться. Но я имѣлъ глупость сдѣлать это, объяснивъ свой отказъ плохимъ состояніемъ своего здоровья. Тогда императоръ, взявъ меня за руку, сказалъ:

— Будемъ надѣяться, что ваше здоровье возстановится, и тогда, если вы пожелаете служить, прошу васъ обратиться прямо ко мнѣ, чтобы получить назначеніе.

Я благодарилъ за столь милостиво данное мнѣ позволеніе и вышелъ изъ кабинета ошастливленный тѣмъ, что я сумѣлъ хотя на мгнове-

ніе понравится монарху, которому, какъ въ то время уже можно было предвидѣть, было суждено играть выдающуюся роль въ исторіи.

XVII.

Неумѣнне воспользоваться предстоящимъ счастьемъ.—Генераль Уваровъ.— Похороны жены.— Жлнзнь въ Петербургѣ.— Графиня Тизенгаузенъ.— М. А. Нарышкина.— Отъѣздъ въ деревню и возвращеніе въ Петербургъ.— Графъ де-Брѣ и его семейство.— Графиня Ливенъ.— Графиня Анна Орлова-Чесменская.— Коленкуръ.— Нерасположеніе общества къ французамъ.— Бняглия Кутузова.— Живнъ въ деревнѣ.— Возвращеніе въ Петербургъ.

Истинная причина моего отказа, которую мнѣ слѣдовало высказать императору откровенно, такъ какъ онъ сѣумѣлъ бы извинить ее, заключалась въ родственныхъ чувствахъ. Я еще не опустилъ тѣло моей жены въ склепъ нашихъ предковъ, я не видалъ еще ея родителей и не передалъ имъ о послѣднихъ минутахъ жизни ихъ любимой дочери. Я счелъ бы себя оскорбившимъ всѣ сыновнія чувства, если бы я избралъ какую-либо новую карьеру, не исполнивъ по отношенію ихъ всего того, что я считалъ своимъ долгомъ.

Такова была истинная причина моего отказа. Скромность помѣшала мнѣ высказать ее императору; я поступилъ неблагоразумно, такъ какъ, его величества конечно оцѣнили бы мои чувства.

Я слышалъ впослѣдствіи отъ генераль-адъютанта Уварова, пользовавшагося особою благосклонностью государя, что его величество остался такъ доволенъ мною, что если бы я согласился на его предложеніе, то онъ хотѣлъ зачислить меня полковникомъ въ Кавалергардскій полкъ, назначивъ меня флигель-адъютантомъ, и былъ неприятно пораженъ моимъ отказомъ.

Все въ этомъ свѣтѣ зависитъ отъ случая. Моя будущая карьера зависѣла отъ этого момента. Я сдѣлалъ неловкость, вотъ и все. Счастье давалось мнѣ въ руки, надобно было имъ пользоваться. Побужденіе, коимъ я руководствовался, безъ сомнѣнія было похвально, но о людяхъ судятъ по ихъ дѣйствіямъ.

Генераль Уваровъ жестоко упрекалъ меня за то, что я не сѣумѣлъ воспользоваться счастьемъ, которое давалось мнѣ въ руки.

Я воображалъ, что еще успѣю имъ воспользоваться, исполнивъ мои обязанности супруга и сына; но я испыталъ на себѣ, что надобно ковать желѣзо, пока оно горячо.

Я уѣхалъ въ Ревель, гдѣ я встрѣтился съ отцомъ, и мы оплакали

вмѣстѣ потерю моей молодой супруги, которую онъ нѣжно любилъ, какъ свою родную дочь.

Мой зять, графъ Павелъ Тизенгаузенъ тотчасъ навѣстилъ меня; мы заплакали съ нимъ, не стараясь даже сдерживать своихъ слезъ, и отправились вмѣстѣ къ моему тестю и тещѣ, коихъ горе было такъ же велико, какъ мое.

Лакей, которому я поручилъ привезти драгоценныя останки, прибылъ наконецъ, испытавъ по пути всевозможныя препятствія со стороны мѣстныхъ властей Псковской губерніи. Его даже обвиняли въ томъ, будто онъ убилъ свою госпожу, и заковали въ кандалы. Нелѣпость властей дошла до того, что они предположили, будто убійца позаботился набальзамировать тѣло своей жертвы: объ этомъ было послано донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ, который доложилъ о томъ императору; его величество, предупрежденный мною, приказалъ освободить моего лакея и предать тѣло моей жены землѣ съ подобающими почестями.

Нѣсколько дней спустя мы уѣхали въ Вальдау (Waldau), гдѣ находится семейный склепъ Тизенгаузеновъ и гдѣ мы отдали послѣдній долгъ моей бѣдной Наташѣ. Простившись съ нею на вѣки, я удалился отъ ея могилы, чувствуя, что жизнь моя разбита.

Я давно не имѣлъ ни времени, ни охоты заняться моими дѣлами, которыя, во время моего отсутствія, въ силу разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, пришли въ совершенное разстройство.

Мое положеніе было весьма затруднительное; меня поддерживала только надежда, что мнѣ удастся измѣнить его къ лучшему. Я былъ молодъ, дѣятеленъ; меня спасла моя рѣшительность.

Я отправился въ свои помѣстья, чтобы переговорить съ управляющимъ и выяснить мое денежное положеніе; я былъ доволенъ его управленіемъ и обсудилъ вмѣстѣ съ нимъ и съ моимъ повѣреннымъ, какіе произвести обороты, чтобы произвести уплату долговъ. Я продалъ серебряную посуду и брилліанты моей жены и реализировалъ такимъ образомъ довольно значительный капиталъ, который я положилъ въ свой портфель, и со своимъ состояніемъ подъ мышкой отправился въ Петербургъ съ намѣреніемъ поступить въ военную службу, которую всегда страстно любилъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, то оказалось, что благосклонное расположеніе ко мнѣ охладѣло; я былъ принятъ милостиво, но я уже являлся просителемъ; мнѣ приходилось просить какъ милости то, что мнѣ недавно предлагали, и Богъ вѣсть, согласились ли бы мнѣ дать то, что я просилъ.

Война со Швеціей была побѣдоносно окончена, война съ Турціей еще продолжалась, но въ ней нельзя было пріобрѣсти опытности или отличиться, поэтому я рѣшилъ выждать время и прозябать въ Петер-

бургѣ до тѣхъ поръ, пока мнѣ не представится благопріятнаго случая вступить на службу.

Я меблировалъ себѣ хорошенькую квартиру, приобрѣлъ прекрасную карету и четверку лошадей, вещь, необходимую въ Петербургѣ для того, кто намѣревается бывать въ хорошемъ обществѣ, ибо прежде всего не слѣдуетъ казаться бѣднякомъ.

Я завелъ многочисленныя знакомства; моя невѣстка, графиня Тизенгаузенъ ввела меня въ интимный кружокъ своей матери, супруги фельдмаршала Кутузова, коей я былъ принятъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Пять замужнихъ дочерей дѣлали ея домъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Петербургѣ.

Князь Четвертинскій представилъ меня своей сестрѣ, красавицѣ, Нарышкиной, женщиѣ очаровательной и любезной, въ обществѣ которой императоръ отдыхалъ отъ бремени правленія.

У г-жи Нарышкиной собиралось самое изысканное мужское общество. Надобно было быть принятымъ у нея въ домѣ, чтобы быть вхожимъ въ другіе дома. Для того, чтобы прослыть человѣкомъ хорошаго тона, надобно было быть влюбленнымъ въ нее.

Она держала себя безупречно, была очаровательна, умѣла войти въ залу, какъ никто. Всѣ женщины подражали ей; мамыши говорили своимъ дочерямъ:

— Вы очень хорошо вошли сегодня въ нашу ложу, я приняла васъ за Нарышкину,—и всѣ поздравляли счастливицу.

На своихъ роскошныхъ балахъ она очаровывала всѣхъ своею любезностью. На этихъ балахъ всегда присутствовалъ великій князь Константинъ Павловичъ, и, несмотря на свой угрюмый суровый видъ, онъ держалъ себя безупречно. Обаяніе, которое придаетъ ежедневное общеніе и дружба очаровательнаго и могущественнаго монарха, у котораго не можетъ быть соперника, окружало эту красавицу какимъ-то ореоломъ.

Такова была красавица Марія Антоновна въ 1810 г.; хотя въ ея жизни и были впоследствии ошибки, но я пройду ихъ молчаніемъ; упоминать о нихъ было бы жестоко, оправдать ихъ невозможно!

Оберъ-камергеръ Нарышкинъ жилъ открыто: у него собиралось все лучшее общество; о Нарышкинѣ можно сказать словами г-жи де-Сталь, что онъ желалъ, чтобы у него каждый день былъ праздникъ.

Графиня Бобринская, двоюродная сестра моей покойной жены, приняла меня какъ нельзя лучше, а ея супругъ, вспомнивъ морское сраженіе въ Ревелѣ, которое онъ показалъ мнѣ въ то время, когда мнѣ было всего 12 лѣтъ, дотога полюбилъ меня, что не могъ обходиться безъ меня. Онъ навѣщалъ меня каждый день, и мы развѣзжались по городу вмѣстѣ; впрочемъ, эта тѣсная дружба нерѣдко была для меня стѣснительна.

Графъ былъ оригиналъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ бурно провелъ молодость въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ истратилъ огромныя суммы денегъ.

Императрица Екатерина, заботившаяся объ его воспитаніи, коимъ такъ плохо руководилъ Рыбасъ, приказала заплатить всѣ его долги; но велѣла ему жить безвыѣздно въ Ревелѣ, назначивъ на его содержаніе 1000 р. с. ежемѣсячно. Я познакомился съ нимъ въ этомъ мѣстѣ его ссылки.

При вступленіи на престолъ императора Павла секвестръ, наложенный на имѣнія Бобринскаго, былъ снятъ, и ему было предоставленъ для жительства бывший дворецъ князя Орлова.

Я уѣхалъ изъ Петербурга съ намѣреніемъ привести въ порядокъ дѣла. Несмотря на удовольствіе, доставляемое охотою, которую я страстно любилъ, и чтеніе книгъ, жизнь въ имѣніи показалась мнѣ довольно однообразной. Воспоминаніе о тихомъ семейномъ счастьѣ, какое я испыталъ въ замкѣ Разикъ, не могло изгладиться изъ моего ума. Я боялся остаться одинъ со своими мыслями, поэтому, пробывъ въ имѣніи полгода, возвратился въ Петербургъ значительно поправившись и съ большимъ противъ прежняго увлеченіемъ окунулся въ вихрь свѣтской жизни.

У меня былъ такой же превосходный экипажъ, какъ у г-жи Нарышкиной, и четверка вороныхъ лучше ея лошадей, что возбудило въ городѣ много толковъ. Я имѣлъ даже глупость содержать любовницу, скорѣе ради моды, нежели по склонности.

Въ концѣ концовъ эта жизнь вторично мнѣ надоѣла, и я снова укатилъ въ мое имѣніе, пріѣхавъ въ Ревель въ іюнкѣ мѣсяцѣ, въ сезонъ морскихъ купаній и заключенія контрактовъ.

Ревельское общество очень веселилось. Устраивались балы, спектакли, всевозможныя общественныя увеселенія; частныя лица давали прехорошенькіе вечера.

Утомившись вскорѣ этой шумной жизнью, я отправился въ имѣніе и старался наверстать потерянное время, занявшись чтеніемъ и серьезнымъ изученіемъ хорошихъ военныхъ сочиненій. Я жилъ совершеннымъ отшельникомъ и если, впоследствии, имѣлъ возможность сдѣлать что-либо полезное на войнѣ, то я обязанъ этому свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ мною во время этого добровольнаго заточенія.

Поздней осенью я возвратился въ Петербургъ, глубоко во всемъ разочарованный.

Постоянная праздность, вѣроятно, испортила бы меня въ конецъ, и я рѣшилъ отправиться въ Италію, Францію и Англію, въ ожиданіи того, когда обстоятельства будутъ благоприятствовать моему поступленію на службу.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Злосчастныя обстоятельства, которыхъ нельзя было предвидѣть, разрушили всѣ эти планы. Мое паденіе было ужасное... ¹⁾

Мало-по-малу я бросилъ играть; однако, продолжалъ бывать въ свѣтѣ.

Общество, которое я встрѣчалъ въ домѣ графа де-Брэ (de Bray), баварскаго посланника, было весьма интересное. Карты были изгнаны изъ его дома.

Въ домѣ де-Брэ можно было всегда встрѣтить г-жу Левенштернъ, мать г-жи де-Брэ, ея сестру, графиню Ливенъ, и двухъ незамужнихъ ея сестеръ; рѣдко можно было встрѣтить болѣе дружное семейство.

Г-жа де-Брэ очаровывала всѣхъ своею простотою, добротою, образованіемъ и умѣніемъ держать себя въ обществѣ, а ея сестра, графиня Ливенъ, прельщала всѣхъ своимъ невиннымъ кокетствомъ, пикантнымъ умомъ, красотою и интересомъ, который внушаетъ добродѣтельная женщина, когда знаешь, что она никогда не любила или не смѣла сознаться себѣ въ томъ, что почти одно и то же.

Она вышла замужъ совсѣмъ молоденькою: родители избрали ей супруга, котораго она не любила; къ счастью, она рѣдко видѣла графа, который ее ни въ чемъ не стѣснялъ. Несмотря на то, что она была очень молода, ея поведеніе было безупречно, хотя искушеній было не мало.

M-me Elise, младшая сестра г-жи де-Брэ, вышла замужъ за графа де-Боозе; что же касается m-me Annette, то она по всей вѣроятности никогда не выйдетъ замужъ; она ухаживаетъ за матерью и представляетъ собою примѣръ добродѣтельной дочери и нѣсколько оригинальничаетъ; величайшее ея качество, въ моихъ глазахъ, заключается въ томъ, что она обожаетъ сестеръ.

Въ этомъ очаровательномъ обществѣ ко мнѣ вернулось спокойствіе духа, которое было необходимо для того, чтобы составить новый планъ жизни.

Мужчины, посѣщавшіе домъ де-Брэ, были почти все иностранцы. Особенно часто бывалъ у него герцогъ Виченскій (Коленкуръ), французскій посланникъ; кромѣ того, я встрѣчалъ у него де-Реневаля, Рюминья, Прево, Лейарда, Сень-Жене, барона Будберга, Чернышева и Левашева; послѣдній былъ страстно влюбленъ въ г-жу де-Брэ и усердно ухаживалъ за ней. У нихъ бывали также: графъ Гохбергъ изъ Бадена Вацдорфъ изъ Саксоніи, генералъ Винцентъ (Vincent) и баронъ Либельтернъ.

Я ужиналъ обыкновенно очень рано у моего дяди, стараго графа Владиміра Орлова, и въ 11 часовъ вечера являлся въ домъ баварскаго

¹⁾ Левенштернъ проигралъ въ карты почти все свое состояніе.

посланника, гдѣ оставался до двухъ часовъ утра. Мы бесѣдовали, читали какую-нибудь вновь вышедшую книгу. Оттонъ Левенштернъ, обладавшій рѣдкимъ талантомъ къ живописи, набросалъ намъ на память портреты членовъ нашего кружка. Такимъ образомъ мы проводили время весьма пріятно.

Однажды вечеромъ, всѣмъ присутствующимъ было предложено рассказать какую-нибудь исторію; послѣднею была рассказана сказка, въ которой главную роль играли привидѣнія. Дамы перепугались; мы сдѣлали видъ, что раздѣляемъ ихъ страхъ. Онѣ усѣлись тѣснѣе; мы послѣдовали ихъ примѣру. Взгляды, которые я бросалъ время отъ время на сосѣдній кабинетъ, въ которомъ не было огня, такъ напугали дамъ, что онѣ не рѣшались встать и удалиться, хотя уже было поздно. Мы хотѣли распрощаться, но онѣ такъ настоятельно просили насъ остаться, что намъ пришлось уступить; ихъ страхъ разсѣялся только тогда, когда подозрительный кабинетъ былъ освѣщенъ; тогда дамы удалились, въ сопровожденіи своихъ горничныхъ.

На слѣдующій день мы много смѣялись по этому поводу и дали другъ другу слово не говорить болѣе о привидѣніяхъ.

У старухи графини Орловой, сестры моей тещи, я встрѣчалъ ежедневно графиню Анну Орлову-Чесменскую, ея племянницу, богатѣйшую невѣсту въ Россіи. Рѣдко можно было встрѣтить женщину столь некрасивую собою и вмѣстѣ съ тѣмъ изящную.

Она была любезна, сострадательна и щедра, но твердо рѣшила не выходить замужъ; она не могла помириться съ мыслию, что ея руки могли исхать ради ея богатства. Она могла бы внушить самыя нѣжныя чувства, и я первый могъ бы отъ души полюбить ее, если бы она позволила это, такъ какъ я чувствовалъ къ ней большую симпатію.

Къ старику графу Орлову сѣзжались: графиня Орлова, супруга графа Григорія, г-жа Новосильцева, Давыдова, графиня Панина, всѣ три дочери графини Орловой, генералъ Сакенъ, адмиралъ Чичаговъ и Грейгъ, Алексѣй Орловъ. Въ его домѣ рѣдко бывали иностранцы, а французы вовсе не приглашались.

Неудовольствіе русской аристократіи по поводу союза съ Франціей возникло во время заключенія тильзитскаго договора; этого неудовольствія не скрывали, и оно имѣло вліяніе на общественныя отношенія французовъ и членовъ Рейнскаго союза.

Однажды у французскаго посланника былъ маскарадъ. Всѣ приглашались въ маскахъ, домино и т. п. Дипломатическій корпусъ и всѣ иностранцы подчинились этому распоряженію, но русскіе воспользовались этимъ случаемъ, чтобы доказать французскому посланнику, что они не имѣли ни малѣйшаго желанія быть ему пріятны. Они всѣ явились въ бальныхъ костюмахъ.

Увидавъ городскіе туалеты дамъ, герцогъ Виченскій съ трудомъ могъ скрыть свою досаду; но, не имѣя возможности выказать своего неудовольствія всему обществу, онъ постарался не показывать своего озлобленія, и вечеръ прошелъ благополучно.

Всѣ члены Рейнскаго союза и прочіе союзники Наполеона явились въ роскошныхъ костюмахъ; роскошь ихъ наряда бросалась особенно въ глаза по сравненію съ простотою туалета прочихъ приглашенныхъ.

Только г-жа Влодекъ, жена камергера, желая сдѣлать пріятное амфитріону, явилась въ прекрасномъ костюмѣ, заказанномъ въ Парижѣ ея поклонникомъ.

Г-жа Влодекъ, внучка княгини Вяземской, была хороша собою, честолюбивая и большая кокетка: она разошлась съ мужемъ. Ея дочь общается быть настоящей красавицей.

Хотя нравы въ столицѣ очень распушены, тѣмъ не менѣе все общество негодовало на г-жу Влодекъ за ея костюмъ; она слишкомъ выставляла напоказъ свою связь, и кажется, даже гордилась названіемъ любовницы французскаго посланника.

За послѣднее время я совсѣмъ пересталъ бывать въ домѣ г-жи Кутузовой, которая не заслуживала столь равнодушнаго къ ней отношенія, относясь ко мнѣ съ участіемъ; она сдѣлала даже мнѣ честь и навѣстила меня однажды, когда я былъ боленъ, и вообще выказывала мнѣ постоянно вниманіе.

Кутузова была женщина чрезвычайно умная; она прекрасно говорила по-французски, но съ весьма оригинальнымъ акцентомъ.

Въ молодости у нея было много поклонниковъ; было замѣтно, что она съ трудомъ мирилась съ тѣмъ, что время брало свое.

Весьма снисходительная къ ошибкамъ другихъ и любезная съ тѣми, кто ухаживалъ за ея дочерьми, она нападала на мужей, которые ихъ ревновали.

Не знаю, почему ей пришла въ голову фантазія показать въ ея интимномъ кругу, что я былъ ея любовникомъ. Такъ какъ это мнѣ вовсе не нравилось и могло повредить мнѣ въ глазахъ молодыхъ женщинъ, то я рѣшилъ изобличить ея выдумку, но сдѣлавъ это довольно грубо.

Г-жа Кутузова пригласила къ обѣду, запросто, двухъ своихъ пріятельницъ, княгиню К., графиню З. и меня.

Эти двѣ дамы славилась своими легкими нравами; у каждой изъ нихъ завѣдомо былъ любовникъ, изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, которыхъ онѣ щедро надѣляли деньгами. Поэтому я былъ крайне удивленъ, очутившись одинъ въ обществѣ этихъ трехъ дамъ.

Мнѣ тотчасъ пришло на умъ, что г-жа Кутузова хотѣла этимъ показать, что я для нея то же, что означенные гвардейскіе офицеры для

этих дамъ. Я былъ не дурень собою и пользовался успѣхомъ у женщинъ, такъ, что это могло быть пріятно ей, но не мнѣ.

Я покраснѣлъ отъ досады при одной этой мысли, однако, не потерявшись, подошелъ къ хозяйкѣ дома, рассыпался передъ нею въ извиненіяхъ, по поводу того, что я не могу отобѣдать у нея, и въ присутствіи дамъ сказалъ ей, что это день ангела дѣвицы St.-Claire, танцовщицы, у которой я общалъ быть непременно и, зная снисходительность присутствующихъ дамъ въ сердечныхъ дѣлахъ, я увѣренъ, онѣ извинятъ меня за то, что я рѣшился столь откровенно высказать имъ причину, лишающую меня возможности провести время въ ихъ обществѣ. Затѣмъ, не ожидая отвѣта, я уѣхалъ.

Очень довольный моей дерзостью, я пообѣдалъ въ ресторани, не подумавъ даже ѣхать къ St.-Claire...

Я рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, поселиться въ моемъ имѣніи Разикъ и заняться хозяйствомъ.

Живя въ уединеніи, я предался серьезнымъ размышленіямъ по поводу общества, столь цивилизованнаго, въ то же время столь испорченнаго, и убѣдился, что жизнь въ Разикѣ слѣдовало предпочесть суетной жизни на берегахъ Невы.

Въ деревнѣ природа доставляла мнѣ простыя, спокойныя и всѣмъ доступныя удовольствія; въ Петербургѣ я гонялся за мнимыми развлеченіями, которыя доставались всегда съ трудомъ.

Въ большомъ свѣтѣ вѣжливость замѣняетъ чувство; лицемѣріе—добродѣтель; показное расположеніе—дружбу; самая любовь бываетъ обманчива и почти всегда легкомысленна.

Я прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ почти въ полнѣйшемъ уединеніи. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ была охота. Я ничего не умѣю дѣлать вполнину, поэтому я предался ей со страстью; если бы я сдѣлался убійцею, навѣрно я убивалъ бы каждый день.

Меня навѣщали иногда мои добрые сосѣди, и я освѣжался подъ вліяніемъ ихъ честной бесѣды и чистоты ихъ нравовъ.

Политическій горизонтъ Европы и въ особенности Россіи въ то время серьезно омрачился. Я рѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, чтобы быть ближе къ центру событій. Но я ѣхалъ въ столицу съ твердой рѣшимостью не подвергать жалкіе остатки своего состоянія случайностямъ азартной игры и сдержалъ данное себѣ слово.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Почаевская лавра въ 60-хъ годахъ.

Въ срединѣ 60-хъ годовъ, главнымъ начальникомъ Юго-Западнаго края, получена была, для свѣдѣнія, записка, изображающая порядки Почаевской лавры (Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи).

Неизвѣстный ея составитель удостовѣряетъ, что въ Почаевѣ, по-прежнему, чувствуется Иосаатъ Кунцевичъ; несмотря на тридцатилѣтіе, истекшее со времени упраздненія въ ней униі, иконы и кресты остаются латинскіе; Евангелія и потиры употребляются униатскіе; въ церкви, во время служенія, раздаются звонки. По старому обычаю совершается водосвященіе «на крыжахъ».

(Блюдо съ освѣщаемою водою устанавливается на спинѣ наиболее усердной богомолки, стоящей среди церкви на четверенькахъ,—на колѣняхъ и локтяхъ).

Молебны, въ память изгнанія французовъ изъ предѣловъ имперіи и по поводу тысячелѣтія Россіи—не совершаются. Въ день Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, послѣдній намѣренно замалчивается и въ торжественномъ служеніи поминается Александръ Свирскій.

На соборахъ пренія ведутся иноками на польскомъ языкѣ.

Для богомольцевъ, стекающихся въ Почаевъ со всѣхъ концовъ, не устроено помѣщеній: женщины и дѣти валяются подъ открытымъ небомъ.

Святая вода въ пузырькахъ пускается въ обращеніе при посредствѣ мѣстныхъ евреевъ и берется изъ колодца, гдѣ поятъ скотину.

Монахи не стѣсняются ѣсть мясо и, на глазахъ богомольцевъ, рѣжутъ куръ.

Нравственность обитателей лавры болѣе чѣмъ сомнительна; они изобличаются даже въ перевозѣ контрабанды изъ-за границы (Почаевъ почитается серьезнымъ складочнымъ мѣстомъ), а самъ отецъ-намѣстникъ, какъ извѣстно (?), поддерживалъ сношенія кое съ кѣмъ изъ мятежниковъ...

Краски, несомнѣнно, сгущены, но картина, все же, отражала въ себѣ дѣйствительность, отошедшую въ область преданій, которымъ вѣрится съ трудомъ.

Сообщ. Алексѣй Мердеръ.

Письмо Д. И. Писарева редакторамъ «Вѣстника свободныхъ мнѣній»¹⁾.

Господа редакторы!

Сегодня имѣлъ я удовольствіе прочесть 2-й выпускъ вашего журнала «Вѣстникъ свободныхъ мнѣній», и, признаюсь, чтеніе это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Я, какъ студентъ, какъ вашъ товарищъ, горячо сочувствую всѣмъ общимъ интересамъ университета, съ радостью, съ любовью подмѣчаю всякое проявленіе жизни, общественности, которая такъ отрадно развертывается въ послѣднее время. Къ такимъ проявленіямъ жизни безспорно относится вашъ журналъ, и я вполне сочувствую ему. Появленіе его во мнѣ, какъ и во всѣхъ насъ, возбудило живой интересъ; но, прочтя № 1 и оглавленіе 2-го, мы (насъ было много читавшихъ вмѣстѣ) принуждены были замѣтить, что благородный жаръ вашъ увлекъ васъ слишкомъ далеко и заставилъ забыть необходимую, внѣшнюю осторожность, которую даже въ наше время должно прикрывать смѣлыя, благородныя идеи. Въ насъ говорила не трусость, не чувство смиренья—нѣтъ! то была любовь къ общему дѣлу, но любовь предусмотрительная, любовь къ свободѣ, но къ свободѣ дѣйствительной, которой мы не хотѣли терять, изъ-за памфлетовъ и смѣлыхъ злословій.

Бояться за себя было нечего: мы не редакторы, не сотрудники, слѣдовательно, никакъ не могли подпасть подъ начальственную опалу; къ тому же, безопаснѣе было бы молчать. Боялись за университетъ, за права его, за дѣятельность, за будущность; боялись, что изъ-за какого-нибудь смѣ-

¹⁾ Письмо это должно быть отнесено къ 1858 или 1859 году. По всей вѣроятности, это былъ одинъ изъ рукописныхъ журналовъ, издававшихся студентами: (см. „Изъ педагогической автобіографіи Л. Н. Модзалевскаго“ С.-Пб. 1899 г., стр. 18).

лаго слова, не разобравши дѣла, закроютъ и «Вѣстникъ» и «Сборникъ»¹⁾, запретятъ всякія сходки, будутъ препятствовать сближенію студентовъ, погубятъ, однимъ словомъ, все, что зародилось теперь, все, чѣмъ мы гордимся и чему радуемся, и погубятъ надолго, ежели не навсегда. Какъ товарищи, мы сочли долгомъ сообщить вамъ наше опасеніе, предостеречь васъ, надѣясь, что въ этомъ дѣйствии вы не найдете ничего оскорбительнаго и страннаго, и поймете, оцѣните его по достоинству. Модзалевскій²⁾, котораго такъ строго и несправедливо судить ваша лѣтопись, былъ органомъ нашего мнѣнія. За что же чернить его вашъ сотрудникъ, за что его имя стоитъ рядомъ съ именемъ доносчика, котораго можно было простить, но котораго поступокъ всегда останется низостью и пятномъ на его репутаціи. Я со своей стороны увѣренъ, что между вами произошло недоразумѣніе, что вы невольно, не понявъ истиннаго смысла опроверженія Модзалевскаго, очернили его въ глазахъ тѣхъ изъ насъ, кто не имѣетъ чести знать его лично: кто его знаетъ,—не повѣритъ и сочтетъ вашъ отзывъ, происходящій вѣроятно отъ ошибки, за личность и за клевету.—Во всякомъ случаѣ, онъ показываетъ нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, не совмѣстную съ вашимъ заглавіемъ, гдѣ, надѣюсь, слово «свободныхъ» должно понимать не только, какъ либеральныхъ, но въ болѣе обширномъ и высокомъ. Въ чемъ же обвиняете вы его? Въ недостаткѣ сочувствія? Чѣмъ же объяснить вмѣшательство его въ ваши дѣла? Желаніемъ выказаться передъ начальствомъ? Но его опроверженія не предполагалось показывать Фицтуму³⁾; съ бумагой этой въ рукахъ попался не Модзалевскій, а другой, въ присутствіи всѣхъ насъ передъ лекціей Срезневскаго⁴⁾. Ежели вы позрѣваете Модзалевскаго, то подозрѣвайте всѣхъ насъ въ предательствѣ! Мы сумѣемъ защититься. За что же вы показываете именно на него, не останавливаясь на разборѣ его убѣжденій, съ которыми вы можете не соглашаться, но которыхъ вы не имѣете права выводить изъ низкихъ и недостойныхъ его побужденій. Въ отзывѣ вашемъ вы говорите,

¹⁾ „Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета“; его вышло всего 2 выпуска: 1-й въ 1857, а 2-й — уже въ 1860 г.; въ этомъ послѣднемъ было помѣщено „сочиненіе студента Дмитрія Писарева“ — „Вильгельмъ Гумбольдтъ“ (стр. 65 — 171)

²⁾ Левъ Николаевичъ Модзалевскій (род. 14-го февраля 1837 г., † 12-го мая 1896 г.) въ 1859 г. окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ со степенью кандидата Историко-филологическаго факультета. Онъ былъ однимъ изъ студентовъ-редакторовъ „Сборника“ и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ и начинаніяхъ той эпохи. (См. „Изъ педагогической автобіографіи Л. Н. Модзалевскаго“ С.-Пб. 1899 г.). Д. И. Писаревъ былъ младше Модзалевскаго на два курса.

³⁾ Александръ Ивановичъ Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ († 1873 г.), навѣстный въ свое время инспекторъ студентовъ Петербургскаго Университета.

⁴⁾ Изманъ Ивановичъ.

что Модзалевскій и нашимъ, и вапимъ, что въ началѣ статьи своей онъ мститъ вашему журналу, а потомъ всходитъ на точку зрѣнья вѣрноподаннаго.... Это неправда. Это-то и заставляетъ насъ предполагать, что существуетъ недоразумѣнье: объяснимся. Съ начала до конца своего опроверженія Модзалевскій постоянно остается вѣренъ своей основной идеѣ. Вотъ его идея: онъ, какъ и всѣ мы, читавшіе № 1-й вашего «Вѣстника», сочувствуетъ ему или, по крайней мѣрѣ, стремленію къ дѣятельности и общественности, которое руководитъ вами, господа, въ вашемъ вполне благородномъ предпріятіи. Но, сочувствуя стремленію, онъ находитъ, что оно выразилось въ формѣ, отчасти опасной, отчасти недостойной его. Онъ любитъ свободу, но понимаетъ ее не въ томъ, чтобы писать эпитафіи и памфлеты; онъ смотритъ на нее съ высшей, болѣе серьезной точки зрѣнія и для сохранения ея готовъ пожертвовать внѣшнимъ, пустымъ словомъ или болѣе или менѣе острой статейкой. Если въ этомъ можно видѣть болѣе хладнокровія и благородія, нежели неосторожной, ни къ чему не ведущей пылкости и увлеченія, то уже нельзя, надѣюсь, найти и слѣдовъ низкопоклонства и подлости, въ которой вы обвиняли Модзалевскаго. Согласитесь, господа: ставить себя на одну доску, съ одной стороны, съ господами, нагльпывающими стишонки на памятники и публичныя зданія, съ другой,— съ школьниками, показывающими учителю кукишъ въ карманѣ (я говорю о статьѣ противъ Фицтума),—недостойно васъ и не входитъ въ ваше предназначеніе. Вы увлеклись, и нашъ долгъ былъ предостеречь васъ, указать на опасность, которую вы навлекали не на себя, не на меня, не на каждого изъ насъ порознь, а на привилегіи, права и вольности университета. Отъ лица подписавшихъ опроверженіе Модзалевскаго осмѣлюсь поблагодарить васъ за исключеніе изъ 2-го № эпитафіи, какъ за доказательство уваженія вашего къ нашему обществу, дружескому совѣту.

Но за что же, повторяю я, за что возставать противъ Модзалевскаго, который былъ органомъ нашего мнѣнія? Скажете, что васъ не поняли ваши товарищи, что они недостойны васъ, что вы ошиблись въ нихъ, нашли въ нихъ низкопоклонниковъ и трусовъ! На какомъ основаніи вы скажете это, не знаю; но во всякомъ случаѣ это будетъ справедливѣе нападокъ вашихъ на Модзалевскаго. Несмотря на свою неосновательность, они могутъ повредить ему во мнѣніи 1-го курса, во мнѣніи тѣхъ, которые его не знаютъ, и которые, не разобравъ и не понявъ, въ чемъ дѣло, увидятъ его фамилію рядомъ съ фамиліею, слишкомъ хорошо извѣстною всѣмъ и каждому. И что же общаго нашли вы въ этихъ двухъ поступкахъ? Одинъ дѣйствуетъ эгоистически, стараясь заслонить себя другими, въ трусости и малодушія выдаетъ общіе священные интересы, а Модзалевскій говоритъ правду въ глаза, правду, которой слѣдуютъ многие, если не

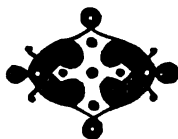
большинство. Виновать ли онъ, ежели его слова, сказанныя съ благородною цѣлью, понимаются и перетолковываются превратно?

Надѣюсь, впрочемъ,—хотя такая надежда можетъ показаться смѣлою,—что добросовѣстное и вполне безпристрастное объясненіе мое измѣнить мнѣніе редакціи «Вѣстника свободныхъ мнѣній» объ этомъ поступкѣ, потому что настолько уважаю господъ редакторовъ, чтобъ считать отзывъ тотъ невольною ошибкою, которую они не замедлятъ исправить.

Въ противномъ случаѣ, ежели это (чего не смѣю думать) не ошибка,—то клевета, ни на чемъ не основанная, не очернить чести Модзалевскаго и рушится сама-собою, хотя первое время, быть можетъ, найдетъ вѣру между тѣми, кто его не знаетъ. Считаю себя вполне въ правѣ писать это защищеніе или, вѣрнѣе, объясненіе, во 1-хъ потому, что имѣю цѣлью оправдать противъ несправедливыхъ, незаслуженныхъ обвиненій товарища, пользующагося общимъ уваженіемъ, во 2-хъ потому, что часть этихъ обвиненій падаетъ и на меня, какъ на подписавшаго опроверженіе и вполне раздѣляющаго его мнѣніе. Такимъ образомъ, я защищаю здѣсь собственныя убѣжденія и доказываю ихъ вѣрность и благородство. Пишу безъ согласія и вѣдома Модзалевскаго.

Скрываю свою фамилію, чтобъ не навлечь и на себя обвиненія въ низкопоклонствѣ и желаніи выказаться, которымъ могутъ объяснить это письмо, ежели бы оно было подписано.

Филологъ.

На могилу Леонида Николаевича Майкова.

Чувство грусти, овладѣвающее вами всякій разъ, какъ вы провождаете прахъ любимаго вами человѣка къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія или стоите надъ его свѣжей могилой,— чувство весьма понятное и многимъ знакомое. Оно бываетъ тѣмъ сильнѣе и безотраднѣе, чѣмъ глубже кажется вамъ пропасть, отдѣляющая васъ отъ пережитаго человѣка; мысль о такой уtratѣ жутко щемитъ сердце и обращается нерѣдко въ источникъ невыносимыхъ страданій, особливо, если погребенный вами братъ унесъ съ собою все, что лишь при его земномъ существованіи было для васъ источникомъ радости, наслажденій и пр. Сознаніе потери его порождаетъ въ васъ чувство одиночества, приводящее часто къ унынію, отчаянію, смягчить которое не въ состояніи ничто земное, оставленное имъ, какъ знакъ своего земного существованія. Остыла рука, закрылись вѣки любимаго человѣка, и у васъ самихъ какъ бы остыло сердце и душа закрылась для наслажденія жизни...

Но бываютъ и такіе любимые люди, смерть которыхъ, погружая васъ въ глубокую печаль, въ то же время миритъ съ собой, какъ съ неизбѣжной, всѣмъ общей необходимостью, и надгробныя рыданія и слезы являются лишь невольной данью человѣческой слабости; бываютъ люди, которые живутъ для васъ и за могилой и она не кажется уже такою страшною пропастью, въ которую нельзя заглянуть безъ содроганья. Мы говоримъ о такого рода земныхъ гостяхъ, которые не уносятъ съ собою всего, что давали намъ при жизни, но оставляютъ на землѣ, какъ бы въ наслѣдіе намъ, лучшую часть своего существа, именно ту «часть себя большію», которая даетъ имъ право на

безсмертіе. Такое наслѣдіе нетлѣнно и, само собою разумѣется, что его оставляютъ потомству главнымъ образомъ люди, посвятившіе свой вѣкъ служенію обществу, человѣчеству на поприщѣ науки и искусства, ибо нигдѣ, какъ на этихъ поприщахъ, нельзя выразить полнѣе и ярче себя, свой умъ и душу.

Наслѣдіе такихъ людей—труды ума и сердца, въ какой бы формѣ они ни выражались, тѣмъ цѣннѣе для насъ, скорѣе привлекаютъ къ себѣ и ближе единятъ насъ съ творцами ихъ, чѣмъ ярче отображается въ нихъ душа ихъ авторовъ, чѣмъ чище и благороднѣе она. Душа автора, залегая въ его твореніяхъ, въ нихъ живетъ и оживляетъ всѣхъ, кто къ нимъ прикасается; идеи, оставленныя авторомъ, обращаются въ завѣты для тѣхъ, кто умѣетъ находить и чувствовать ихъ, и сочувствовать имъ. Мало того, въ дорогіе завѣты обращаются и тѣ недосказанныя, иной разъ неясно выраженные или случайно брошенные мысли и замѣчанія, которыя всегда можно найти въ твореніяхъ талантовъ несомнѣнныхъ.

Вотъ это-то, именно эти завѣты и составляютъ то посредствующее звено, которое сближаетъ, порою, связываетъ насъ съ прошедшимъ свой жизненный путь человѣкомъ. Чѣмъ обширнѣе, богаче и разнообразнѣе его завѣты, чѣмъ задушевнѣе они высказаны, тѣмъ глубже и крѣпче западаютъ они въ памяти тѣхъ, къ кому обращены. Прибавлять послѣ этого къ сказанному, что любимые люди этой категоріи не умираютъ для насъ, но живутъ въ нашей душѣ и мысляхъ, кажется, излишне.

Слѣдуя ихъ завѣтамъ, которые являются нерѣдко призывомъ къ дѣятельности, творчеству, и исполняя ихъ, мы тѣмъ самымъ приближаемся къ оставившимъ намъ ихъ, являемся, такимъ образомъ, продолжателями начатаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ себя какъ бы нелишними единицами въ человѣчествѣ.

Велики и счастливы тѣ люди, которые при жизни своей успѣли снискать себѣ искреннія симпатіи за свой умъ и сердце, а сколя во гробъ, благословили насъ на честный трудъ, вѣру въ который они сумѣли внушить своей земною дѣятельностью! Изъ-за могилы мы слышимъ ихъ ободряющій голосъ: онъ звучитъ для насъ въ ихъ завѣтахъ.

Надъ свѣжей еще могилой одного изъ такихъ людей, именно—Леонида Николаевича Майкова, мы и хотимъ сказать теплое слово и, хотя бы этимъ, отблагодарить почившаго наставника за тѣ добрые завѣты, чтó оставилъ онъ намъ, молодежи. Въ чемъ заключаются они, мы еще скажемъ, а пока позволимъ себѣ познакомить читателя въ краткихъ чертахъ, какъ съ личностью покойнаго, такъ и съ средой и обстановкой, которыя воспитали этого далеко незауряднаго чловѣка.

Леонидъ Николаевичъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамилиі Майковыхъ. Рѣдкое родословное древо, въ лѣсу другихъ цвѣтущихъ или уже отцвѣтшихъ на русской нивѣ, было такъ плодovито и полезно для нашей культуры, какъ древо Майковыхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ родѣ, кажется, не проходило столѣтій въ нашей исторіи, чтобы фамилія Майковыхъ не выдвигала изъ своей среды человѣка, одареннаго замѣчательными способностями, умомъ сильнымъ и свѣтлымъ, далеко опережавшимъ современниковъ своей про н и ц а т е л ь н о с т ь ю.

Такъ, въ XV-мъ столѣтіи изъ этой фамиліи вышелъ преподобный Нилъ Сорскій, тотъ самый знаменитый подвижникъ, который, не удовлетворившись строгостью нашихъ русскихъ монастырей, отправился на Аѳонъ и уже оттуда привезъ новый, еще болѣе строгій скитскій уставъ; какъ на особенность этого устава, укажемъ 'настоячивое проведеніе идеи о необходимости духовнаго дѣланія, нравственнаго самосовершенствованія. Насколько высоко было христіанское мировоззрѣніе преподобнаго, мы можемъ судить и по сочиненіямъ его и по тому отзыву, который онъ далъ въ извѣстномъ дѣлѣ Матвѣя Башкина. Нилъ Сорскій держался болѣе гуманныхъ взглядовъ по отношенію къ еретикамъ, чѣмъ его современники: «возставая противъ коста и казни еретиковъ, преподобный поучаетъ въ своемъ христіанскомъ смиреніи, что къ обращенію ихъ должны быть прилагаемы исключительно мѣры кротости и убѣжденія».

Изъ послѣдующихъ представителей фамиліи Майковыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе нѣкоторые дѣятели XVIII вѣка. Такъ извѣстно, что въ первой половинѣ этого вѣка, ярославскій помѣщикъ Иванъ Степановичъ Майковъ былъ однимъ изъ первыхъ, восхитившихся идеей нашего перваго актера Волкова о созданіи театра въ Ярославлѣ, и подъ самымъ этимъ городомъ, въ Полушкиной рошѣ, въ домѣ Майковъ, возникъ «праотецъ русскихъ публичныхъ театровъ». Судьбамъ было угодно, чтобы имя Майковыхъ повторилось еще разъ въ исторіи русскаго театра: такъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Аполлонъ Александровичъ былъ директоромъ императорскихъ театровъ.

Еще болѣе примѣчательною личностью былъ дядя Аполлона Александровича—Василій Ивановичъ Майковъ¹⁾. Это былъ большой любитель литературы, театра и вообще искусства. Онъ писалъ для театра, дружилъ съ актерами, художниками и т. п.; въ литературѣ онъ извѣстенъ своими баснями и особенно комической поэмой: «Елисей или раздраженный Вахъ». Не вдаваясь въ подробную оцѣнку его дѣятельности, отмѣтимъ лишь, что онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды современ-

¹⁾ Сынъ упомянутаго выше И. С. Майкова.

ныхъ ему писателей своимъ, хотя небольшимъ, но несомнѣннымъ талантомъ, съ значительной долей самобытности. Говоря словами Леонида Николаевича, посвятившаго своему предку обширную монографію, Василій Ивановичъ былъ «однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности, которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка и которое раздѣляли съ нимъ всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ писателей».

Кстати напомнимъ, что писателями (впрочемъ, незамѣчательными) были и племянники Василя Ивановича: только-что упомянутый Аполлонъ Александровичъ и Михаилъ Александровичъ (бывшій, между прочимъ, директоромъ Демидовскаго училища высшихъ наукъ). Но болѣе крупныхъ и—скажемъ прямо—выдающихся работниковъ на поприщѣ литературномъ дала эта «фамилія талантовъ» (выраженіе П. А. Плетнева) въ нашемъ вѣкѣ, ближе къ нашему времени. Мы имѣемъ въ виду трехъ братьевъ Майковыхъ—Аполлона, Валерьяна и Леонида Николаевичей—сыновою художника Николая Аполлоновича Майкова.

Вмѣсто всякой характеристики послѣдняго, мы позволимъ себѣ напомнить нѣсколько словъ И. А. Гончарова, сказанныхъ объ этомъ талантливомъ живописцѣ-самоучкѣ: «трудно полнѣе и безупречнѣе, чище прожить жизнь, какъ прожилъ ее Майковъ, сначала въ качествѣ воина, потомъ артиста, наконецъ, просто человѣка». Измѣнивъ гусарской саблѣ, ради кисти и палитры и женившись на Евгеніи Петровнѣ, урожденной Гусятниковой — извѣстной писательницѣ ¹⁾, Николай Аполлоновичъ вполне предался мирнымъ занятіямъ: своему искусству и воспитанію дѣтей. Авторъ «Обломова»—старый другъ семьи Майковыхъ, преподававшій двумъ старшимъ сыновьямъ Николаю Аполлоновича словесность, такъ описываетъ это семейство: «Домъ его (Николая Аполлоновича) кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ, всѣ толпились въ не обширныхъ, не блестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусствъ». Отмѣтимъ кстати, что увлеченіе литературой и искусствомъ было настолько сильнымъ и живымъ въ домѣ Майковыхъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ этомъ домѣ «издавался» рукописный журналъ, а затѣмъ и альманахъ, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ супруговъ Майковыхъ и двухъ старшихъ сыновей ихъ, и болѣе близкіе къ нимъ люди, напр.: И. А. Гончаровъ, В. Г. Бенедиктовъ, И. И. Бороздина,

¹⁾ Она писала подъ псевдонимами: Е. Подольская, Е. М—ва и др.

В. А. Солоницынъ и др. И вотъ въ такой-то обстановкѣ, подъ вліяніемъ родовыхъ литературныхъ традицій и руководствомъ людей, всецѣло проникнутыхъ и жившихъ стремленіемъ къ наукѣ, искусству и всему изящному, воспитались и выросли три замѣчательныхъ таланта. Считая излишнимъ говорить что-либо о такихъ извѣстныхъ всему интеллигентному міру лицахъ, какъ Аполлонъ и Валеріанъ Николаевичи Майковы, переходимъ къ младшему сыну Николая Аполлоновича ¹⁾— Леониду Николаевичу, который родился 28-го марта 1839 года. Само собою разумѣется, что онъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и что литературно-артистическая атмосфера, наполнявшая домъ Майковыхъ, въ эпоху дѣтскаго и юношескаго возрастовъ нашего будущаго академика, имѣла громадное значеніе, какъ въ выработкѣ изящнаго вкуса, такъ и въ ранней литературной дѣятельности Леонида Николаевича; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что онъ выступилъ въ печати, будучи еще студентомъ. Окончивъ первоначальное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ того времени—пансіонѣ извѣстнаго педагога Сюзора и затѣмъ въ С.-Петербургской 2-й гимназій, Леонидъ Николаевичъ поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета на историко-филологическій факультетъ. Время пребыванія Майкова въ университетѣ совпало чуть-ли не съ лучшей эпохой въ исторіи нашей университетской жизни. На послѣдней, какъ всѣмъ извѣстно (а многимъ и памятно) сильно отразилось то возбужденіе въ нашемъ обществѣ и тотъ необычайный подъемъ духа, которые были вызваны подготовительными работами къ великимъ реформамъ. «Разслабляющее»— по выраженію Никитенко—направленіе министерства А. С. Норова сходило на нѣтъ, частные пристава въ роли лекторовъ стали удаляться съ университетскихъ кафедръ, и въ университетѣ, двери котораго широко были открыты для всѣхъ жаждавшихъ науки, безъ различія пола и возраста, закипѣла жизнь, родились надежды... Съ особенной силой это было замѣтно на молодежи С.-Петербургскаго университета, при попечителѣ кн. Щербатовѣ и ректорѣ Плетневѣ. Съ лихорадочной поспѣшностью студенты спѣшили откликнуться на громко раздававшіеся призывы: «впередь!» и, готовые совершить подвигъ, съ жаромъ бросались на науку, избирали специальности и отдавали имъ всѣ свои силы и энергію; напомнимъ, что для полученія медали писались нерѣдко обширныя диссертациа, изъ которыхъ нѣкоторыя даже до сихъ поръ не потеряли своей научной цѣнности.

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ, у Николая Аполлоновича былъ еще сынъ Владиміръ Николаевичъ, также причастный къ литературѣ: онъ издавалъ пользовавшійся въ свое время хорошей славой дѣтскій журналъ „Подснежникъ“ (1858—1861).

Собираясь въ кружки, студенты образовывали изъ себя цѣлыя научныя общества, члены которыхъ, не довольствуясь лишь самообразованиемъ и участіемъ въ журналахъ и изданіяхъ того времени, мечтали о созданіи собственныхъ ученыхъ органовъ. Проектъ одного изъ нихъ нашелъ скоро себѣ глубокое сочувствіе въ лицѣ такихъ почтенныхъ людей, какъ П. А. Плетневъ и С. Т. Аксаковъ, и въ 1857-же году появился первый выпускъ студенческаго сборника, подъ заглавіемъ: «Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго университета», гдѣ находимъ цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ статей ученаго содержанія, а также нѣсколько цѣнныхъ и понынѣ историко-литературныхъ замѣтокъ. Черезъ два года появился и второй выпускъ «Сборника», съ той же программой... Что жъ дѣлалъ Майковъ?

Его съ раннихъ лѣтъ уравновѣшенному характеру, поражавшему сверстниковъ своею ровностью, было чуждо беспокойное исканіе какой-либо специальности, сомнѣніе въ своей пригодности для общества и т. п.; наблюдательный умъ его и семейныя традиціи подсказали ему, какъ поступать съ собой: Леонидъ Николаевичъ сознавалъ всю важность и необходимость общаго образованія и, при громадной силѣ воли, настойчивости и способностяхъ, еще на студенческой скамьѣ, какъ говорить одинъ изъ его товарищей—П. Н. Полевой, «успѣлъ достигнуть въ этой области блестящихъ результатовъ»¹⁾. Но, какъ мы уже замѣтили, семейныя традиціи не могли не имѣть на него своего воздѣйствія: его особенно влекло къ литературѣ, и вотъ онъ примыкаетъ къ кружку, интересовавшемуся историко-литературными вопросами, и печатаетъ рядъ замѣтокъ въ студенческомъ «Сборникѣ», «Библиографическихъ Запискахъ», «Зарѣ» и др. Работая въ области историко-литературной, Леонидъ Николаевичъ, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ и къ тѣмъ новымъ направленіямъ, которыя происходили въ изученіи послѣдней въ его время. Мы имѣемъ въ виду изученіе народной словесности.

Интересъ къ народности, съ особенной силой охватившій въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ наше общество, скоро выдвинулъ изъ среды послѣдняго цѣлый рядъ молодыхъ талантливыхъ работниковъ, которые своими изслѣдованіями и собираніями матеріаловъ усилѣми сдѣлать эпоху какъ въ изученіи нашей народной словесности, такъ и нашей этнографіи. Много этому способствовали научныя экспедиціи, снаряжавшіяся въ разные концы нашего отечества, ученые статистическія и этнографическія работы, плодотворная дѣятельность нашего географическаго общества и пр., но много значило и то, что за изученіе быта нашего народа и памятниковъ его творчества взялись такіе талантливые

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1900, май.

и преданные своему дѣлу работники, какъ Аванасьевъ, Буслаевъ, Миллеръ, Рыбниковъ, Якушкинъ, недавно скончавшійся Шейнъ... и, наконецъ, Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Работа послѣдняго: «О былинахъ Владимірова цикла», написанная имъ для полученія магистерской степени, сразу поставила юношу - ученаго въ рядъ съ лучшими изслѣдователями нашего былиннаго эпоса. Работа Майкова, правда, не произвела переворота въ изученіи нашего эпоса, ибо нѣкоторые изъ основныхъ взглядовъ Леонида Николаевича на историческое происхожденіе нашихъ былинъ существовали у насъ далеко до него; но она имѣла и имѣетъ громадное значеніе по своему строго-научному, убѣдительному характеру. «Главною моею заботою было собрать какъ можно болѣе положительныхъ данныхъ, избѣгая всякихъ гадательныхъ выводовъ»,— писалъ Леонидъ Николаевичъ въ предисловіи къ своей диссертаци. И дѣйствительно, въ ту пору нашей науки, при тѣхъ сравнительно скудныхъ историческихъ данныхъ, которыми располагалъ ученый, Майковъ не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія своей диссертацией, какъ по количеству добытыхъ имъ матеріаловъ, такъ и по ясности, послѣдовательности и строгой научности проводимыхъ въ ней взглядовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она была необходима, какъ противовѣсъ тѣмъ крайнимъ увлеченіямъ бродившей у насъ миеологической теоріей происхожденія народнаго эпоса, которыя начали появляться въ трудахъ нашихъ ученыхъ. Свѣтлый умъ Майкова не могъ мириться съ туманными выводами и мечтаніями нѣмецкихъ теоретиковъ и для своихъ выводовъ онъ искалъ обоснованія въ положительныхъ историческихъ данныхъ. Наблюденія его надъ былинами Владимірова цикла и кропотливыя лѣтописныя изысканія привели его къ предположенію, что былины, какъ особый родъ эпоса, существовали въ нашей народной поэзіи уже въ XII вѣкѣ и что содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности. Такая точка зрѣнія нашла себѣ много послѣдователей въ свое время и имѣетъ ихъ и понынѣ.

Диссертация «О былинахъ Владимірова цикла» была защищена Леонидомъ Николаевичемъ въ 1863 году. Въ это время ему было 24 года, онъ уже три года, какъ окончилъ университетъ, состоялъ нѣкоторое время преподавателемъ гимназіи Человѣколюбиваго общества и успѣлъ побывать за границей.

Возвращаясь ко времени окончанія Леонидомъ Николаевичемъ университетскаго курса (1860 г.), мы должны отмѣтить 1861 годъ поступленіемъ нашего молодаго ученаго на государственную службу.

Здѣсь кстати, кажется намъ, будетъ привести любопытныя строки изъ воспоминаній о Леонидѣ Николаевичѣ П. Н. Полевого. Вотъ, что говоритъ онъ о своемъ сотоварищѣ:...«Леонидъ какъ бы обманулъ наши ожиданія. Мы всѣ пророчили ему карьеру ученаго, а послѣ защиты

имъ диссертациі на степень магистра даже ожидали, что онъ, вотъ, вотъ, займетъ кафедру словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ... Нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что, при его способностяхъ и связяхъ, ему очень легко было бы добиться этой ближайшей цѣли. Но онъ благоразумно уклонился отъ профессуры, потому что она, очевидно, не могла его удовлетворить, и пошелъ иною дорогой, которая, не отдаляя его отъ науки, въ то же время не уединяла его и отъ общественной дѣятельности, къ которой онъ чувствовалъ несомнѣнное призванье»¹⁾. Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1861 года, Леонидъ Николаевичъ вступилъ «въ число чиновниковъ, положенныхъ при петербургской таможенѣ, по 2-му разряду, съ назначеніемъ въ департаментъ внѣшней торговли», и въ томъ же году былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря. Такъ началъ свою служебную дѣятельность будущій вице-президентъ высшаго въ Россіи ученаго учрежденія и такими въ точности приведенными строками начинается формуляръ его,—одинъ изъ любопытнѣйшихъ послужныхъ списковъ, какіе намъ приходилось видѣть. Уже одинъ этотъ лежащій передъ нами длинный, сухой перечень постепенныхъ повышеній и различныхъ служебныхъ отправленій покойнаго краснорѣчиво говоритъ и о той широтѣ и разнообразіи занятій Леонида Николаевича и, вмѣстѣ, о тѣхъ выдающихся способностяхъ, которыми надо было обладать ему для успѣшнаго прохожденія своего общественнаго поприща. Не безынтересно, поэтому, прослѣдить, хотя-бы по формуляру, тотъ сложный путь, по которому таможенный чиновникъ 2-го разряда дошелъ до такого высокаго поста на службѣ совсѣмъ иного рода и занялъ выдающееся мѣсто въ мірѣ ученомъ. Но личность покойнаго, его жизнь и дѣятельность была далеко не такова, чтобы укладывалась въ рамки чиновничьяго формуляра. Онъ вмѣстѣ съ братомъ-поэтомъ могъ сказать своему біографу: «Вся моя біографія не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями жизни, въ осмысленіи приобретаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній». Формуляръ не скажетъ намъ, какая высокая нравственная сила поднимала покойнаго по тѣмъ ступенямъ, которыя такъ шаблонно и мертво отмѣчаются въ рамкахъ послужнаго списка. Вотъ эту-то силу мы и попытаемся выяснитъ въ своемъ очеркѣ, а пока, по установившемуся обычаю, расскажемъ вкратцѣ о внѣшнихъ фактахъ жизни Леонида Николаевича по формуляру его и прочимъ, имѣющимся у насъ матеріаламъ, въ числѣ которыхъ есть запасъ и личныхъ впечатлѣній.

¹⁾ См. выше.

Итакъ, въ 1861 году Леонидъ Николаевичъ—чиновникъ министерства финансовъ по департаменту внѣшней торговли; въ 1864 году мы видимъ его уже помощникомъ секретаря Центрально-статистическаго комитета; въ комитетѣ этомъ, постепенно повышаясь въ чинахъ и должностяхъ, Майковъ прослужилъ до 1882 года. За это время онъ былъ младшимъ, затѣмъ старшимъ редакторомъ комитета, наконецъ, членомъ и дѣлопроизводителемъ статистическаго совѣта. Съ переходомъ Леонида Николаевича на другую службу, комитетъ потерялъ въ лицѣ его одного изъ самыхъ видныхъ и полезныхъ своихъ работниковъ. Не говоря о томъ, что онъ съ рѣдкой добросовѣстностью и щепетильной точностью исполнялъ свои обязанности, какъ редакторъ нѣкоторыхъ отдѣловъ «Статистическаго временника Россійской имперіи», издававшагося комитетомъ, онъ «съ полнымъ успѣхомъ», какъ говорится въ формулярѣ, выполнялъ и тѣ многоразличныя порученія, которыя часто возлагалъ на него комитетъ. Такъ, въ 1869 году онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ производствѣ переписи жителей столицы, спустя два года командировается для статистическихъ изысканій для московской политехнической выставки; въ 1872 году онъ участвуетъ на международномъ статистическомъ конгрессѣ, а въ слѣдующемъ командировается въ Вѣну для участія въ постоянной комиссіи международнаго статистическаго конгресса; не разъ завѣдывалъ Леонидъ Николаевичъ и дѣлами комитета.

Но помимо исполненія обязанностей по службѣ въ комитетѣ и статистическихъ работъ, Леонидъ Николаевичъ продолжалъ свои ученые занятія въ области интересовавшихъ его наукъ и принималъ дѣятельное участіе въ обществахъ и комиссіяхъ, членомъ которыхъ состоялъ. Такъ, онъ вступилъ въ 1864 году въ члены Императорскаго географическаго общества и скоро, благодаря своей неутомимой энергіи и обширной эрудиціи, обратилъ на себя вниманіе; по крайней мѣрѣ, спустя три года общество поручаетъ ему вмѣстѣ съ А. Ѳ. Гильфердингомъ редакцію отдѣла этнографіи въ отчетѣ за 25-ти лѣтній періодъ существованія этого общества; еще ранѣе онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи различнаго рода инструкцій для тѣхъ или другихъ этнографическихъ изслѣдованій, напечаталъ въ «Запискахъ» общества свои «Великорусскія заклинанія» и пр. Особенно же много поработалъ онъ для общества, когда по смерти А. Ѳ. Гильфердинга (1871 г.) былъ избранъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія. Прошло немного лѣтъ, и Майковъ, говоря словами историка этого общества—П. П. Сененова, «сдѣлался однимъ изъ самыхъ выдающихся корифеевъ Общества». Неоднократно получая въ свое завѣдываніе редакцію «Запискъ» общества, Леонидъ Николаевичъ сумѣлъ придать этому изданію (обую строго-научную фізіономію, давая мѣсто цѣлому ряду пѣнныхъ

работъ по этнографіи и географіи; его энергіи «Записки» были обязаны тѣмъ, что ихъ страницы были полны памятниковъ народнаго творчества и наблюдений надъ бытомъ инородцевъ Россіи; нерѣдко Леонидъ Николаевичъ украшалъ это изданіе и собственными статьями. Кромѣ того онъ приложилъ немало труда на исправленіе и составленіе «этнографической карты Европейской Россіи», участвовалъ въ изданіи «Географическо-статистическаго словаря» Семенова и былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ отдѣла географическаго общества на московской антропологической выставкѣ 1878 года; упомянемъ наконецъ, что его инициативѣ, главнымъ образомъ, обязана была своимъ возникновеніемъ и «Живая Старина».

Какъ видимъ, Леонидъ Николаевичъ не даромъ «заслужилъ всеобщее уваженіе среди общества своею разнообразною и плодотворною дѣятельностью въ цѣлѣ географическихъ наукъ», и общество сочло своимъ долгомъ наградить его въ 1893 году «за особенно выдающіеся труды» золотою медалью.

Не мало потрудился Майковъ и какъ членъ археографической комиссіи, въ которую былъ избранъ въ 1876 году. Замѣтимъ, что занятія въ архивахъ, для своихъ ученыхъ трудовъ, Леонидъ Николаевичъ началъ довольно рано; такъ, еще въ 1868 году ему было разрѣшено принять участіе въ занятіяхъ комиссіи для разбора синодальнаго архива, и намъ по опыту извѣстно, что покойный хорошо былъ знакомъ съ петербургскими, московскими и даже нѣкоторыми провинціальными архивами...

Мало-по-малу имя Леонида Николаевича Майкова стало появляться въ многоразличныхъ изданіяхъ подъ статьями ученаго характера. Кромѣ упомянутыхъ выше органовъ, Леонидъ Николаевичъ печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Древней и Новой Россіи», «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ» и ми. другихъ. Не желая утомлять читателя перечнемъ произведеній Леонида Николаевича, какъ въ виду того, что приблизительно полный уже существуетъ ¹⁾, такъ и потому, что это не составляетъ нашей задачи, скажемъ коротко, что имя Леонида Николаевича Майкова, какъ солиднаго разносторонняго ученаго съ громадною эрудиціей, стало извѣстно всему ученому міру, у насъ и за границей ²⁾, и Императорская публичная бібліотека не замедлила пригласить его въ 1882 году на должность помощника дирек-

¹⁾ „Историч. Вѣстникъ“, 1900, май (статья В. Е. Рудакова).

²⁾ Иностранные ученые пользовались трудами Л. Н. для своихъ сочиненій о Россіи (напр. А. Rambaud); составители лексиконовъ помѣщали на страницахъ своихъ изданій біографію его; наконецъ, въ 1885 г. французы пожаловали его званіемъ „officier de l'Instruction publique“.

тора библиотеки. Этотъ выборъ правленія библиотеки можно смѣло называть счастливымъ. Мы не говоримъ, сколько услугъ оказалъ Леонидъ Николаевичъ библиотекѣ своими административными способностями и присущей ему энергіей и трудолюбіемъ: высказаться объ этомъ представляемъ лицамъ, близко знающимъ всѣ тайныя пружины такого колоссальнаго дѣла, какъ завѣдываніе нашей богатой сокровищницей; мы хотимъ сказать лишь два слова о громадномъ чисто нравственномъ значеніи Леонида Николаевича, какъ библиотекаря.

Напомнимъ, что въ этотъ же годъ поступилъ, въ качествѣ помощника завѣдующаго русскимъ отдѣленіемъ библиотеки, Владиміръ Ивановичъ Саитовъ, имя котораго такъ хорошо извѣстно лицамъ, имѣющимъ дѣло съ названнымъ отдѣленіемъ, что распространяться о немъ считаемъ излишнимъ. И вотъ, благодаря этимъ-то двумъ лицамъ и создались, дѣйствительно, «чрезвычайно» благоприятныя (какъ говорится въ одномъ воспоминаніи о Леонидѣ Николаевичѣ) условія для пользующихся услугами библиотеки. Подъ непосредственнымъ «надзоромъ», или—вѣрнѣе сказать—подъ крыломъ этимъ двухъ отиѣнныхъ знатоковъ литературы и библиографіи скоро образовалась, какъ говаривалъ покойный, цѣлая «семинарія» молодыхъ людей—будущихъ и уже признанныхъ ученыхъ. Съ отеческимъ вниманіемъ эти два чело-вѣка выслушивали нужды молодежи и, поражая своими библиографическими познаніями, не только слѣшили каждый, по своей специальности, удовлетворить обращающихся къ нимъ въ просимомъ, но съ величайшей предупредительностью (часто даже отрываясь подолгу отъ своихъ прямыхъ библиотечарскихъ занятій), казалось, считали своей обязанностью сообщать имъ драгоценныя свѣдѣнія и указанія по могущимъ представиться вопросамъ въ томъ или другомъ изслѣдованіи начинающаго.

Помимо указаній чисто научнаго характера, эти лица давали молодежи цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, ободряли колеблющихся, брали даже на себя трудъ просматривать и поправлять работы начинающихъ, проводили ихъ въ печать и т. д. и т. д., словомъ, свои обязанности библиотечарей они превращали уже въ настоящее безкорыстное и мудрое руководство.

Нерѣдко (если не всегда) знакомство членовъ «семинаріи» Майкова и Саитова, начинавшееся съ послѣдними среди шкафовъ Публичной библиотеки, переходило въ квартиры этихъ библиотечарей, и нужно ли прибавлять, что въ ихъ кабинетахъ, украшенныхъ прекрасно составленными собственными библиотеками, молодежь находила и радушный приѣмъ, и горячее сочувствіе всякому доброму начинанію и скорую дѣйствительную помощь. Отдѣленія Публичной библиотеки и кабинеты Майкова и Саитова можно было уподобить аудиторіи, съ той лишь раз-

ницей отъ аудиторій высшихъ учебныхъ заведеній, что въ ней не было нелюбимыхъ профессоровъ, не было неинтересующихся преподаваемымъ, но она представляла тѣсно сплоченный кружокъ молодыхъ людей, преданныхъ своему дѣлу и съ искренней любовью и довѣрjemъ относившихся къ своимъ безкорыстнымъ наставникамъ... Трудно выразить и точно опредѣлить всю цѣну такому любвеобильному и—къ слову скажемъ—трезвому отношенію къ своему дѣлу истиннаго бібліотекаря! его можетъ чувствовать и чувствовать во все продолженіе своей дѣятельности тотъ, кому выпадало счастье пользоваться такимъ отношеніемъ.

Отправленіе Леонидомъ Николаевичемъ своихъ обязанностей, какъ помощника директора Публичной бібліотеки, было лишь одной стороною его общественной дѣятельности. Не забудемъ, что, съ новымъ назначеніемъ, Леонидъ Николаевичъ не прекращалъ своей службы въ центрально-статистическомъ комитетѣ; кромѣ того, онъ предсѣдательствовалъ въ отдѣленіи этнографіи въ географическомъ обществѣ и принималъ участіе въ работахъ археографической комиссіи. Къ этимъ разнообразнымъ занятіямъ, черезъ три мѣсяца по поступленіи Леонида Николаевича въ Публичную бібліотеку, присоединились еще другія: въ январѣ 1883 года онъ былъ назначенъ редакторомъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Надо отмѣтить, что въ редакціи этого журнала Леонидъ Николаевичъ не былъ новичкомъ. Еще въ 1867 году онъ помѣстилъ на страницахъ его замѣтку по поводу Глазуновскаго изданія сочиненій Фонвизина, а въ слѣдующемъ А. Н. Георгіевскій, вновь назначенный редакторъ «Журнала министерства», пригласилъ Леонида Николаевича въ число своихъ помощниковъ по редакціи этого органа. Дѣло въ томъ, что А. Н. Георгіевскій, получивъ въ завѣдываніе журналъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, задумалъ сдѣлать въ изданіи его кое-какія преобразованія и придать ему тотъ научный характеръ, какой онъ имѣлъ еще во времена Уварова. «Для выполненія новой программы»—говоритъ компетентный авторъ статьи о покойномъ, помѣщенной на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія»¹⁾—Георгіевскому нужны были сотрудники, и въ числѣ первыхъ, къ кому онъ обратился, былъ и Леонидъ Николаевичъ, оставшійся помощникомъ редактора и при преемникѣ Георгіевскаго Е. М. Феоктистовѣ.

Обязанности редактора Леонидъ Николаевичъ несъ въ продолженіе семи лѣтъ, но участвовалъ въ «Журналѣ» своими трудами до самой смерти, и его-то 33-хъ лѣтнее постоянное сотрудничество придало журналу въ значительной мѣрѣ тотъ характеръ, который онъ теперь

¹⁾ „Журналъ минист. народн. просвѣщенія“, 1900, май.

имѣть; такъ что покойный по праву могъ смотрѣть на журналъ, какъ на часть себя, «какъ на свое дитя». Особенной чертой въ редакторскихъ способностяхъ Майкова слѣдуетъ признать его замѣчательное умѣнье привлекать и удерживать въ числѣ сотрудниковъ журнала выдающихся лицъ ученаго міра, а также находить и въ средѣ молодежи лицъ, способныхъ поддерживать основное направленіе журнала; Леонидъ Николаевичъ особенно старался, чтобы «Журналъ» служилъ «представителемъ гуманитарныхъ знаній въ Россіи», и на страницахъ этого изданія за послѣднія десятилѣтія мы находимъ цѣлый рядъ драгоценныхъ по своей научности статей историческаго, историко-литературнаго, филологическаго, философскаго и т. п. содержанія. Въ числѣ авторовъ находимъ имена: В. Г. Васильевскаго, А. Д. Грановскаго, В. И. Герье, В. И. Ламанскаго, О. Э. Миллера, И. И. Срезневскаго и цѣлой плеяды молодыхъ ученыхъ. Вниманіе Леонида Николаевича Майкова къ послѣднимъ было слишкомъ велико, чтобы его можно было обойти молчаніемъ: онъ давалъ имъ самый широкій просторъ высказаться на страницахъ редактированнаго изданія, и молодые, начинающія силы съ охотой притекали къ Леониду Николаевичу, зная, что найдутъ въ лицѣ его и компетентнаго судью и опытнаго редактора. Не говоря о томъ, что Леонидъ Николаевичъ подвергалъ строгой критикѣ содержаніе присылаемыхъ статей, онъ особенно зорко слѣдилъ и за наложеніемъ редакторскій карандашъ Майкова самымъ тщательнымъ образомъ исправляя тѣ стилистическія погрѣшности, которыя составляютъ столь обычное явленіе въ трудахъ начинающаго.

Самъ Леонидъ Николаевичъ усердно работалъ въ отдѣлѣ ученой критики, каковой отдѣлъ всегда составлялъ предметъ его особенной заботы. Кромѣ того, онъ помѣщалъ, наряду съ изслѣдованіями и рецензіями, отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ и учреждений, некрологи и т. п. небольшія по объему статьи. Болѣе же обширныя изслѣдованія онъ помѣщалъ въ другихъ изданіяхъ, ибо, повторяемъ, считалъ болѣе «приличнымъ» давать мѣсто на страницахъ редактированнаго имъ журнала другимъ работникамъ.

Время службы Леонида Николаевича въ Публичной библиотекѣ и завѣдыванія «Журналомъ министерства народнаго просвѣщенія» было эпохой самой кипучей дѣятельности покойнаго, порою полного расцвѣта его духовныхъ силъ. Съ величайшей добросовѣстностью и энергіей отправляя свои многоразличныя служебныя обязанности, Леонидъ Николаевичъ являлся однимъ изъ первыхъ и самыхъ дѣятельныхъ работниковъ въ тѣхъ обществахъ и комиссіяхъ, членомъ или предсѣдателемъ которыхъ состоялъ, и, несмотря на тѣ громадныя затраты времени, которыя онъ жертвовалъ для другихъ, умѣлъ находить время и силы и для своихъ личныхъ научныхъ нуждъ. Цѣлый рядъ статей и изслѣдо-

ваній по разнообразнымъ вопросамъ (главнымъ образомъ, историко-литературнымъ), напечатанныхъ имъ въ 80-хъ годахъ, заключало собой капитальное изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова и обширная біографія этого поэта. Беззавѣтно преданный труду, Леонидъ Николаевичъ отдавалъ ему всѣ свои силы и скучалъ и томился безъ него, когда навѣщавшія болѣзни заставляли его на время откладывать въ сторону перо и книги. Любовь къ труду и наукѣ—вотъ та сила, которая водила Майковымъ въ его научной и общественной дѣятельности и приводила къ своего рода подвигамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ до поразительности кропотливыя изысканія его при своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, изысканія, которыхъ не могли нерѣдко удовлетворить сокровища нашей Публичной библиотеки и заставляли прибѣгать даже къ иностраннымъ библиотекамъ, казеннымъ и частнымъ архивамъ, наконецъ то безконечно строгое требованіе ко всему, что выходило изъ-подъ пера его, не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны, все это мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ самой искренней сознательной вѣрой въ свой трудъ, согрѣтой любовью къ своему дѣлу. Потрудитесь хотя бы перелистать вышедшее въ 1887 году, подъ редакціей Леонида Николаевича Майкова и В. И. Саитова, объемистое трехтомное изданіе сочиненій Батюшкова, и вы убѣдитесь, что для такого детальнаго, до щепетильности точнаго изученія произведеній поэта и его личности, для такого всесторонняго обслѣдованія каждаго вопроса, мало богатыхъ и при томъ разнообразныхъ свѣдѣній, мало и таланта, въ принадлежности котораго у этихъ двухъ редакторовъ нельзя сомнѣваться, нужна любовь и живая любовь, нужна ревность по дѣлу. Не даромъ въ свое время такъ восторженно было принято это изданіе Академіей наукъ, выразившей, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, желаніе видѣть въ такомъ изданіи сочиненія нашего великаго поэта, а самъ издатель получалъ десятки писемъ отъ видныхъ дѣятелей на ученомъ поприщѣ, писемъ, единодушно выражавшихъ восторгъ и одобреніе. Съ радостью привѣтствовала это изданіе и печать и вотъ что между прочимъ говорить одинъ изъ солидныхъ рецензентовъ (проф. Буличъ): «Изданіе сочиненій Батюшкова въ примѣчаніяхъ по всѣмъ тремъ томамъ его даетъ такой обширный комментарий къ нимъ, что нельзя не поздравить читателя этой книги... Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непременно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. Иногда этотъ комментарий походитъ на тонкую работу ювелира... Невольно представляется намъ въ лицѣ Леонида Николаевича Майкова идеальный комментаторъ эпохи возрожденія, какъ изображенъ онъ въ известномъ портретѣ Эразма Роттердамскаго, сдѣланномъ кистью Гольбейна, съ

тонко сжатыми губами, съ пронизательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ книгу, съ перомъ въ длинныхъ изящныхъ пальцахъ»...

Да и не въ одномъ этомъ изданіи сказались отличительныя выдающіяся качества Леонида Николаевича: возьмите любую его статью, изслѣдованіе, хотя бы рецензію, и вы тотчасъ почувствуете, что имѣете дѣло съ тонкимъ, изящнымъ ювелиромъ; онъ являлся таковымъ во всѣхъ своихъ работахъ, не говоря уже объ этюдахъ популярнаго характера, которые можно встрѣтить, какъ образецъ изящной ученой прозы, и въ хрестоматіяхъ. Составляетъ ли Леонидъ Николаевичъ какую-либо біографію, хотя бы некрологъ, онъ съ видимымъ удовольствіемъ, съ любовью слѣдитъ за каждымъ шагомъ интересующаго его лица, самымъ тщательнымъ образомъ присматривается къ самонаибольшимъ фактамъ, осторожно взвѣшиваетъ ихъ, и то, что поверхностный изслѣдователь отбрасываетъ, какъ ненужную и излишнюю мелочь, въ изящныхъ рукахъ Майкова обращается въ любопытную подробность прекрасно гармонирующую съ болѣе крупными фактами или живописно иллюстрирующую послѣдніе. Составляетъ ли онъ отчетъ о дѣятельности какого-либо ученаго общества или учрежденія, и сухія оффиціальныя данныя въ изложеніи Майкова обращаются въ высшей степени интересные и поучительные очерки. Пишетъ ли Леонидъ Николаевичъ рецензію, его чувство мѣры и тактъ никогда не позволяютъ ему издѣваться надъ чьимъ-либо хотя бы и неблестящимъ трудомъ, но безъ излишняго апломба, хотя «съ сознаніемъ собственнаго достоинства», онъ даетъ тонкія замѣчанія и дѣлаетъ важныя поправки, выказывая всегда основательное и всестороннее знакомство съ предметомъ. Извѣстно, что многія рецензіи его (если не большинство) и повнынѣ служатъ необходимымъ приложеніемъ къ разобраннѣмъ имъ трудамъ и что Леонидъ Николаевичъ, всегда—какъ мы уже замѣтили—относившійся съ особеннымъ вниманіемъ къ ученой критикѣ, счелъ не лишнимъ одну изъ такихъ рецензій включить въ сборникъ своихъ «Очерковъ» по исторіи литературы XVII и XVIII вѣка ¹⁾).

Шло время, и Леонидъ Николаевичъ, постепенно повышаясь по табели о рангахъ и получая одинъ за другимъ знаки высочайшаго благоволенія, еще болѣе возвышался въ глазахъ ученаго міра. «Генералъ отъ литературы»—какъ называли Майкова нѣкоторые изъ его молодой «семинаріи»—скоро былъ признанъ имъ и Академіей наукъ, давшей ему въ 1891 г., «во вниманіе его высокихъ заслугъ на литературномъ поприщѣ», званіе ординарнаго академика; черезъ два года, въ 1893 году,

¹⁾ Нерѣдко рецензіи Майкова представляли прямо-таки художественное произведеніе (ср. напр. его критическую статью: „Какъ понимать басню Крылова „Водолазы“—шедевръ нашей ученой полемической литературы).

по смерти академика Я. К. Грота, Майковъ назначается вице-президентомъ Академіи. Многосложныя работы Леонида Николаевича, по порученію Академіи, изъ коихъ главною онъ самъ считалъ подготовленіе изданія сочиненій Пушкина, поглощали все вниманіе и время его и принудили постепенно отказаться почти отъ всѣхъ ранѣ занимаемыхъ имъ должностей. Еще въ 1890-мъ году, будучи экстраординарнымъ академикомъ, Леонидъ Николаевичъ отказался отъ обязанностей редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», а въ слѣдующемъ году долженъ былъ оставить званіе правителя дѣлъ археографической комиссіи (отъ имени ея Леонидъ Николаевичъ, между прочимъ, въ 1887 году присутствовалъ на VII-омъ Археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ) и помощника директора Публичной бібліотеки.

Назначеніе Майкова вице-президентомъ Академіи наукъ было горячо привѣтствовано и печатью, и обществомъ и, конечно, его молодой семинаріей, хотя ей съ одной стороны было и печально разставаться съ нимъ какъ съ бібліотекаремъ-руководителемъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же году оставилъ службу въ бібліотекѣ и В. И. Саитовъ ⁴⁾. Вотъ, между прочимъ, телеграмма, отправленная послѣднимъ отъ имени «семинаріи» Леониду Николаевичу въ день назначенія его вице-президентомъ: «Вспоминая сегодня то незабвенное время, когда вы были помощникомъ директора Публичной бібліотеки, или вѣрнѣе, душою этого учрежденія, моя молодая семинарія и я, проникнутые къ вамъ чувствомъ глубочайшаго уваженія и признательности, за постоянное истинно просвѣщенное участіе и содѣйствіе дѣломъ и словомъ всякому начинающему заниматься наукой, пьемъ за ваше здоровье, дорогой Леонидъ Николаевичъ, и привѣтствуемъ васъ, какъ новаго желаннаго вице-президента. Примите отъ насъ самыя теплыя искреннія пожеланія долгой и счастливой жизни на пользу наукъ и русскому обществу». (Далѣе слѣдуютъ подписи).

И на новомъ служебномъ поприщѣ Леонидъ Николаевичъ остался тѣмъ же трудолюбивымъ, добросовѣстнымъ работникомъ, каковымъ былъ и раньше, а доступность, отзывчивость его и сердечное вниманіе ко всѣмъ, имѣвшимъ въ немъ нужду, какъ увидимъ, проявлялись еще рѣзче. Пока же отмѣтимъ, что тотчасъ по вступленіи своемъ въ обязанности вице-президента, онъ горячо занялся дѣлопроизводствомъ въ Правленіи Академіи наукъ, кромѣ того предсѣдательствовалъ въ Литературной комиссіи, въ Археографической комиссіи, участвовалъ въ трудахъ Историческаго общества и пр., и, наконецъ, продолжалъ свои обширныя историко-литературныя занятія, изъ которыхъ самымъ любимымъ занятіемъ Леонида Николаевича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовав-

⁴⁾ Съ недавняго времени Владиміръ Ивановичъ, какъ извѣстно, вновь стоитъ на службѣ въ бібліотекѣ, въ прежней должности.

шимъ наибольшаго напряженія, было собраніе матеріаловъ для біографіи и изданія сочиненій Пушкина и подготовленіе самаго изданія. Къ Пушкинскимъ днямъ 1-й томъ сочиненій великаго поэта, подъ редакціей Леонида Николаевича и при ближайшемъ участіи В. И. Саитова, Академіей Наукъ былъ изданъ. Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ въ свѣтъ этого изящнаго и капитальнаго изданія, еще такъ свѣжо въ памяти всѣхъ интересовавшихся новинками юбилейной литературы, что говорить объ этомъ считаемъ излишнимъ. Напомнимъ лишь одно, что несмотря на всѣ тѣ строгія, иной разъ, придирчивыя требованія, которыя предъявлялись къ академическому изданію, всѣми единогласно признавалось, что изданіе это достойно имени великаго поэта и что оно даже превосходитъ своими достоинствами изданія сочиненій Батюшкова и Державина—эти два и пока единственныя образцово комментированныя изданія нашихъ классиковъ. Къ Пушкинскимъ днямъ Л. Н. выпустилъ въ свѣтъ и томикъ собранныхъ имъ въ разное время матеріаловъ для біографіи Пушкина, и томикъ этотъ представлялъ лучшій изъ сборниковъ, которые только появились тогда «на блѣдномъ фонѣ» юбилейной литературы. Покойнымъ организована была и Пушкинская выставка, привлекавшая, за время своего существованія (май 1899 г.), въ залы Академіи наукъ, гдѣ она находилась, немало посѣтителей; вскорѣ по закрытіи ея былъ изданъ подъ редакціей Леонида Николаевича и Б. Л. Модзалевскаго—ближайшаго помощника его по устройству выставки—и альбомъ послѣдней. Первый томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, какъ извѣстно, разошелся въ весьма короткій срокъ, и Академія сочла необходимымъ переиздать его. Леонидъ Николаевичъ собралъ, при близкомъ содѣйствіи В. И. Саитова, всѣ болѣе или менѣе цѣнныя замѣчанія критики по поводу выпущеннаго имъ перваго тома, и взвѣсивъ ихъ, а также воспользовавшись кое-какими вновь найденными матеріалами, приступилъ къ поправкамъ и дополненіямъ, которыя и закончилъ какъ разъ . . . ко дню своей кончины. Итакъ, изученіемъ Пушкина Леонидъ Николаевичъ началъ свое учено-литературное поприще, имъ же и закончилъ.

Леонидъ Николаевичъ скончался 7-го апрѣля въ началѣ одиннадцатаго часа утра; смерть наступила мгновенно, для многихъ она была неожиданностію, хотя лица, близко стоявшія къ покойному, да и самъ Леонидъ Николаевичъ, предчувствовали скорый роковой исходъ тяжкой болезни, надломившей сильно его здоровье еще въ 1897 году.

11-го апрѣля состоялись похороны Леонида Николаевича, въ присутствіи многочисленной толпы ученыхъ, литераторовъ и молодежи; мы рочемъ, — по остроумному замѣчанію одного изъ сопровождавшихъ ихъ чальную колесницу—собравшихся отдать послѣдній долгъ покойному

«для вице-президента было достаточно, но для Леонида Николаевича маловато».

На кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря «могилъ священныхъ рядъ» увеличился еще одной для многихъ дорогой могилой ..

Вотъ вкратцѣ вѣщніе факты жизни Л. Н. Майкова. Но мы хотѣли бы присоединить къ сказанному еще нѣсколько словъ о личности этого замѣчательнаго покойника, какъ ученаго, писателя и человѣка, и о характерѣ трудовъ, имъ оставленныхъ.

Пробѣгая работы Леонида Николаевича, разбросанныя по многимъ періодическимъ изданіямъ и лишь частью собранныя въ двухъ томахъ его «Очерковъ» (не считая тома, посвященнаго матеріаламъ, собраннымъ имъ о Пушкинѣ), вспоминая свои личныя бесѣды съ нимъ и лицами, его хорошо знавшими, мы пришли къ убѣжденію, что, несмотря на все разнообразіе служебной и литературной дѣятельности покойнаго, она несомнѣнно носитъ одну общую черту, даже болѣе—въ ней замѣчается какъ бы строгая программа, въ которой не трудно отыскать и основныя пункты. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на его первыя студенческія работы, на характеръ ихъ и присмотримся ко всей его послѣдующей дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, какія строки находимъ въ одной статьѣ Майкова-студента о Грибоѣдовѣ, напечатанной имъ въ «Студенческомъ Сборникѣ» 1860 года: «Скудость обнародованныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о жизни Грибоѣдова препятствуетъ разъясненію важнаго въ его біографіи вопроса: какъ развилось и окрѣпло его дарованіе и чтó способствовало этому развитію? Предлагаемъ нѣсколько указаній, хотъ отчасти разъясняющихъ этотъ вопросъ»¹⁾. Какъ видимъ, Л. Н. стѣдуетъ на скудость обнародованныхъ матеріаловъ и основываетъ свою жалобу на невозможности точно опредѣлить процессъ постепеннаго развитія таланта интересующаго его писателя. Если мы обратимся ко всей его послѣдующей учено-литературной дѣятельности, то увидимъ, что она главнымъ образомъ и была направлена къ возможно болѣшему обнародованію матеріаловъ. Не говоримъ о тѣхъ статьяхъ Майкова, которыя представляютъ не что иное, какъ комментированное изданіе какого-либо еще неизвѣстнаго документа,—возьмемъ даже хотя бы рецензіи его, которыя онъ писалъ почти исключительно по поводу новыхъ изданій сочиненій какого-либо автора или собраній сырыхъ матеріаловъ, документовъ и пр., мы и тутъ увидимъ, что рецензіи его главнымъ образомъ сводились къ указанію незамѣченныхъ, малоизвѣстныхъ или совершенно неизвѣстныхъ матеріаловъ, источни-

¹⁾ Въ этой статьѣ Л. Н. сообщилъ содержаніе 3-хъ-актной комедіи Грибоѣдова: „Студентъ“, сатирическое стихотвореніе „Лубочный театръ“ и письмо поэта къ П. А. Катенину.

ковъ и т. п.; дагѣ, мы можемъ указать не болѣе 2—3 небольшихъ изслѣдованій Майкова, въ которыхъ читатель не найдетъ какихъ-либо новыхъ данныхъ, и рѣшительно не въ состояннн указать ни одной болѣе крупной работы Леонида Николаевича, въ основаніе которой не было бы положено до него еще не открытыхъ или не обнародованныхъ рукописныхъ матеріаловъ. Итакъ, ознакомленіе публики съ новыми матеріалами и ихъ тщательный комментарий—вотъ главный пунктъ въ дѣятельности Майкова, какъ ученаго и вотъ его наиболѣе важная заслуга русской публикѣ. Конечно, этимъ стремленіемъ къ свѣжимъ новымъ даннымъ можно объяснить и его любовь къ архивнымъ занятіямъ, участіе въ трудахъ Археографической коммисіи и симпатіи къ дѣятельности Статистическаго комитета, съ которымъ покойный не порывалъ связей долгое время. Вторымъ стремленіемъ Майкова, рука объ руку шедшимъ съ только-что сказаннымъ, было выше отмѣченное желаніе его уяснить себѣ и передать читателю тотъ историческій, часто весьма сложный процессъ постепеннаго развитія чьей-либо дѣятельности и дарованій, точное опредѣленіе котораго ведетъ къ правильному пониманію какъ біографіи заинтересовавшаго его человѣка, такъ и его произведеній, если онъ писатель. И эту цѣль Леонидъ Николаевичъ никогда не упускалъ изъ виду при составленіи своихъ тщательныхъ комментариевъ къ сочиненіямъ того или другого писателя, характеристикъ, біографій, даже некрологовъ. Біографіи, вышедшія изъ-подъ пера Майкова, не простое нанизываніе фактовъ, не небрежно спитые лоскутки формулара, съ кое-гдѣ вставленными шаблонными фразами о добродѣтеляхъ или иныхъ душевныхъ качествахъ «покойнаго», но результатъ долгаго вдумчиваго изученія не только описываемаго имъ дѣятеля, но и той среды, обстановки и тѣхъ именно причинъ, которыя «способствовали или препятствовали» развитію его умственныхъ и нравственныхъ силъ. Осторожной, опытной рукой Л. Н. искусно группируетъ факты въ біографіи того или другого дѣятеля, не пренебрегая даже мельчайшими подробностями въ его жизни, категорически разрѣшаетъ спорные вопросы, проникаетъ, такъ сказать, въ самую душу интересующаго его лица и умѣетъ находить въ ней качества, отличныя отъ подобныхъ въ другихъ людяхъ. Всего лучше можно убѣдиться въ этомъ, ближе познакомившись съ составленной имъ біографіей К. Н. Батюшкова, приложенной къ сочиненіямъ поэта. вмѣсто всякаго разбора этой біографіи, мы позволимъ себѣ привести отзывъ о ней, принадлежащій брату покойнаго ученаго—поэту А. Н. Майкову. Самъ—«старый ювелиръ», А. Н., какъ извѣстно, былъ не только отличнымъ цѣнителемъ поэтическихъ произведеній, но и глубокимъ знаткомъ вообще литературы и искусства; во всякомъ случаѣ отзывъ его объ изданіи сочиненій Батюшкова, равно какъ и о біографіи послѣдняго, справедливо считается

однимъ изъ лучшихъ. Итакъ, вотъ что между прочимъ писалъ поэтъ издателю: «Сожалѣю, что стѣсненъ въ отзывѣ моемъ о біографіи: писалъ ее очень ужъ мнѣ близкій человѣкъ Главное, что у него (Л. Н.) прослѣжено, это—развитіе, поднятіе все выше и выше поэтической творческой силы въ поэтѣ и постепенное и постоянное расширение горизонта его зрѣнія. Вотъ этого-то внутренняго интереса изображаемаго лица я не видалъ ни въ одной русской біографіи. Итакъ,—заключаетъ А. Н. свой отзывъ—къ драгоценнымъ воспоминаніямъ и признаніямъ, чѣмъ я обязанъ вашему брату, я долженъ и могу присоединить радость, сказавъ, что «доволенъ и своимъ братомъ» ¹⁾.

Къ этому отзыву поэта, судившаго произведеніе своего брата со стороны внутренней, должно прибавить замѣчаніе, касающееся чисто внѣшней стороны дѣла; это—въ высшей степени изящная, художественная отдѣлка изложенія, тотъ строгій, чистый стиль, которымъ вообще отличаются произведенія нашихъ ученыхъ старой школы, какъ на примѣръ, Ѳ. И. Буслаева. Само собою разумѣется, что для подобнаго рода работъ нужно имѣть сильное, именно то самое «художественное чутье» (выраженіе самого Леонида Николаевича), которое помогаетъ талантливому изслѣдователю находить интересное тамъ, гдѣ заурядный ученый видитъ лишь скучный фактъ; кромѣ того, имѣя въ виду читателя, изслѣдователь обязанъ имѣть и надлежащее чувство мѣры, которымъ, какъ извѣстно, Леонидъ Николаевичъ обладалъ въ высшей степени.

Итакъ, всего сказаннаго о характерѣ учено-литературной дѣятельности Майкова, полагаемъ, достаточно, дабы убѣдиться, что эти два нами отмѣченные въ ней пункта (т. е. собраніе матеріаловъ и изученіе ихъ путемъ тщательныхъ комментаріевъ, а также стремленіе охватить изучаемый предметъ со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, углубиться въ него, идти «дальше переплетовъ»), были основными и составляли общую черту, проходящую красной нитью черезъ всю его сорока-лѣтнюю трудовую жизнь. Въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, если остановимся на занятіяхъ Майкова, неизмѣвшихъ, собственно, прямого отношенія къ литературѣ—его специальности. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить интересъ его къ занятіямъ въ области чистой исторіи, географіи, наконецъ, этнографіи, статистики и проч., какъ не стремленіемъ ближе изучать сложный процессъ «постепеннаго развитія и окрѣпленія» нашей культуры и тѣхъ причинъ, [которыя «способствовали или препятствовали этому развитію»? А разъ человѣкъ серьезно задается подобными цѣлями, то само собою понятно, что его уже не могутъ удовлетворить только свѣдѣнія, уже давно добытыя наукой, какъ бы обшир-

¹⁾ „Русская Старина“ 1887, XI, 561—562.

ны они ни были, и онъ принужденъ будетъ искать новыхъ данныхъ, новыхъ матеріаловъ. Майковъ то и дѣлалъ. Правда, для этого нужна была эрудиція, нуженъ былъ постоянный неослабѣвающій интересъ, любовь къ наукамъ, но не служить ли вся прекрасная трудовая жизнь покойнаго и его работы яснымъ доказательствомъ, что и въ томъ и другомъ у Леонида Николаевича недостатка не было. Своей обширной и основательной эрудиціей онъ, какъ мы имѣли случай отмѣтить, поражалъ своихъ сверстниковъ еще будучи студентомъ, и къ пополненію и расширенію ея стремился всю свою жизнь, до послѣднихъ дней интересуясь всѣми новинками науки, литературы и искусства.

Исполненіемъ вотъ этого-то своего постоянного стремленія, а также, конечно, служебныхъ и прочихъ обязанностей, быть можетъ, и не рисковано будетъ объяснить и сравнительно небольшое количество оставленныхъ имъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Автору этихъ строкъ да и вообще членамъ своей семинаріи, Леонидъ Николаевичъ не разъ говорилъ: «не пишите много», «не будьте полу-писателемъ», «не стоитъ быть полу-писателемъ», и т. п., давая этимъ понять, что не слѣдуетъ, зарываясь въ специальность, оставлять заботы о пополненіи своего общаго образованія. Да и въ выбранной специальности Л. Н. требовалъ отъ занимающагося по возможности полнаго и основательнаго изученія; онъ всегда убѣждалъ «не прятаться въ любимый уголокъ», не сидѣть въ немъ по годамъ, но стараться работать во всѣхъ областяхъ изучаемой науки. Что, занимаясь по рецептамъ Майкова, можно было добиться блестящихъ результатовъ, въ томъ убѣждала насъ дѣятельность самого наставника, работавшаго во всѣхъ отдѣлахъ исторіи нашей литературы, начиная съ народной словесности, кончая произведеніями писателей, умершихъ на его глазахъ.

Но съ особенной любовью онъ относился къ памяти нашего великаго поэта, работая надъ его твореніями и біографіей со студенческой скамьи. За 40 лѣтъ своей дѣятельности Леонидъ Николаевичъ успѣлъ не только изучить все, что выходило въ печати о Пушкинѣ, но и почерпнуть немало новыхъ данныхъ изъ различныхъ архивовъ и частныхъ собраній; мало того, ему удалось приобрести въ собственность значительное количество Пушкинскихъ рукописей, во время же подготовительныхъ работъ по изданію перваго тома сочиненій поэта онъ основательно изучилъ всѣ понадобившіяся ему рукописи Пушкина, какія только возможно было гдѣ-либо отыскать.

Зорко слѣдя за Пушкинской литературой, онъ, такъ сказать, ловилъ каждое вновь появляющееся въ печати данное о поэтѣ, каждый вариантъ какаго-либо его произведенія и съ глубочайшей благодарностью принималъ новыя сообщенія отъ лицъ, спѣшившихъ подѣлиться своими на-
мѣтками съ этимъ замѣчательнымъ цѣнителемъ и знатокомъ поэта. Не

могу забыть, въ какое оживленіе приходилъ этотъ добрый, обыкновенно спокойный старикъ, всякій разъ, какъ я приходилъ къ нему съ извѣстіемъ о найденныхъ мною тѣхъ или другихъ рукописныхъ матеріалахъ, касающихся Пушкина, или рукописяхъ самого поэта. Съ величайшимъ стараніемъ и любовью онъ разсматривалъ каждую строку документа и, подвергнувъ тщательному обследованію, заносилъ на свои бумаги; когда же я отдавалъ въ печать добытый мною матеріалъ, Леонидъ Николаевичъ самъ вызывался дѣлать исправленія и дополненія къ моимъ замѣткамъ и даже держалъ корректуры. Впрочемъ, заговоривъ объ отношеніяхъ Леонида Николаевича къ моимъ замѣткамъ о Пушкинѣ, я долженъ сказать, что Майковъ вообще внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ-подъ пера членовъ его семинаріи. Я храню, какъ драгоценный памятникъ такихъ отношеній покойнаго, всѣ тѣ мои статьи и замѣтки, на которыхъ еще такъ недавно опытная и добрая рука Леонида Николаевича заносила свои замѣчанія и поправки, устраняя не только ошибки и промахи въ содержаніи работы, но сглаживая и стилистическія неровности. Этотъ строгій и точный ученый требовалъ строгости и точности и въ выраженіи своихъ мыслей, письменномъ-ли, устномъ-ли.

Но подобными отношеніями Майкова пользовался, разумѣется, не одинъ лишь пишущій эти строки; ими пользовались всѣ, кто прибѣгалъ къ содѣйствію покойнаго. Леонидъ Николаевичъ никогда не занималъ профессорской катедры, но въ его кабинетѣ всегда можно было встрѣтить и студентовъ, и кандидатовъ, и магистрантовъ и т. п. Больной и здоровый, свободный и занятый—онъ никогда не отказывалъ въ ласковомъ приѣмѣ, мудромъ совѣтѣ, наставленіи и ободреніи. Но особенное вниманіе Майкова, которымъ онъ удостоивалъ молодежь, не ограничивалось лишь удовлетвореніемъ ея духовныхъ потребностей: оно шло далѣе и переходило границы чисто-дѣловыхъ, литературныхъ сношеній. Въ великую заслугу Майкова, по отношенію къ молодежи, нужно поставить то, что онъ не смотрѣлъ на нее съ высоты своего величія: въ обращеніи съ нимъ мы забывали, что передъ нами генералъ «высокопоставленный», но видѣли въ немъ просто умнаго, сердечнаго человѣка, какимъ долженъ быть всякій гуманный ученый. Порой онъ даже снисходилъ къ слабостямъ, свойственнымъ молодымъ людямъ, извинялъ, но никогда не потакалъ. Онъ сближался съ нами, молодыми людьми, вникалъ въ нашу частную семейную жизнь, и нерѣдко, лучше сказать, всегда его доброе сердце откликалось на всѣ наши нужды. Если онъ узнавалъ, что кто-либо изъ его семинаріи находится въ тѣхъ или иныхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, нуждается ли въ какомъ-либо «мѣстечкѣ», должности, заработкѣ, словомъ, терпитъ матеріальную нужду, Леонидъ Николаевичъ спѣшилъ на помощь, употребляя всю силу своего высокаго положенія, знакомствъ, связей, вліянія въ «сферахъ» и т. п.

Пусть не всегда его старания оканчивались желаннымъ успѣхомъ (что было очень рѣдко), пусть даже (какъ нѣкоторымъ казалось) онъ не былъ въ своихъ хлопотахъ за другихъ особенно настойчивъ, но, во-первыхъ, и нельзя предъявлять требованій къ «даятелю доброхотному», а во-вторыхъ—Леонидъ Николаевичъ все же успѣлъ сдѣлать слишкомъ много добра, чтобы имѣть право на искреннюю признательность и заставить пожалѣть его нѣсколько преждевременную смерть. А что почившій ученый сдѣлалъ много добра не для одной только молодежи, въ этомъ читатель легко убѣдится, если вспомнить Леонида Николаевича, какъ предсѣдателя комиссіи для вспоможенія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, учрежденной при Академіи наукъ по Высочайшему указу 13-го января 1893 года. Майковъ былъ первымъ предсѣдателемъ этой комиссіи, которой на первыхъ же шагахъ своего существованія предстояла тяжелая работа. Такъ много нужды было въ семьѣ русскихъ писателей и ученыхъ, что комиссія еще не открыла своихъ дѣйствій, какъ на ея имя въ Академіи наукъ была получена не одна сотня прошеній. Отъ предсѣдателя и членовъ требуется большая осторожность и терпѣніе выслушивать просьбы и вопли, нужно умѣнье обходиться съ просителями. Леонидъ Николаевичъ за время предсѣдательства, выражаясь шаблонно, блестяще выполнялъ свою миссію. На своемъ сложномъ жизненномъ пути, по которому онъ дошелъ до степеней высокихъ, онъ видѣлъ много людей, много честныхъ работниковъ и паразитовъ общества, а присутствующая ему проникательность помогала ему оразу почти безошибочно опредѣлять, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; кромѣ того благодаря непрерывному сорокалѣтнему общенію съ тружениками мысли и пера, онъ приобрѣлъ обширное знакомство изъ этого міра: не говоря о столичныхъ писателяхъ и ученыхъ, которыхъ онъ зналъ въ лицо, ему знакомо было немало и провинціальныхъ сѣятелей просвѣщенія, приславшихъ ему свои труды, или просившихъ помощи и содѣйствія. Но всего этого было недостаточно. Стоя во главѣ благотворительнаго дѣла, важно было съумѣть избѣжать какого-либо «особаго» направленія, пристрастія и т. п. Но отъ этого спасла Леонида Николаевича его полная, мудрая безпартийность. «Для него»,—какъ говорится въ одномъ воспоминаніи ¹⁾,—«не было никакихъ трафаретныхъ литературныхъ дѣятелей: ни либераловъ, ни консерваторовъ, ни радикаловъ, ни ретроградовъ, для него существовали только слѣды, оставленные литераторомъ или ученымъ въ литературѣ или наукѣ, и только по этимъ своимъ слѣдамъ писатель или его семья находили въ Майковѣ поддержку и опору». Чтобы имѣть болѣе полное представленіе о Майковѣ, какъ предсѣдателѣ названной комиссіи, нужно присоединить къ только-что указаннымъ его качествамъ—его обширному личному знакомству съ людьми изъ ученаго и литера-

¹⁾ „Сѣверный Курьеръ“ 1900 г. № 169.

турнаго міра, его умѣнью распознавать людей, его безпартійность—и известную уже намъ сердечную доброту, отзывчивость и доступность покойнаго, которому были чужды какія бы то ни было формальности въ дѣлѣ оказанія помощи ея стоящимъ, хотя бы онъ находился во главѣ оффиціальнаго учрежденія. Пустой формальностью было, напр., вывѣшенное на дверяхъ его квартиры объявленіе о приемныхъ дняхъ в часахъ Леонида Николаевича по дѣламъ комиссіи: проситель шелъ къ предсѣдателю, когда ему заблагоразсудится, не обращая вниманія на вывѣшенное росписаніе, ибо былъ увѣренъ, что Майковъ не откажетъ ни въ приѣмѣ, ни въ содѣйствіи. И проситель, чему мы сами были не разъ свидѣтелями, не ошибался. Бывали даже случаи (и нерѣдко), что Леонидъ Николаевичъ не только удовлетворялъ нужды своихъ просителей, но даже обращался за нихъ и въ другія учрежденія, если комиссія не въ состояніи была оказать широкой помощи; бывали случаи, что сострадательный добрый предсѣдатель, дабы избавить бѣднаго человѣка, въ минуту крайней необходимости, отъ долгихъ ожиданій «казенной» помощи, помогалъ изъ собственныхъ средствъ.

Но и такое исполненіе своихъ оффиціальныхъ обязанностей по дѣлу «вспоможенія», казалось, не удовлетворяло Майкова. Этотъ истинный другъ литературы былъ искреннимъ другомъ и ея труженниковъ: онъ самъ шелъ на встрѣчу нуждающимся, не дожидаясь, когда къ нему обратятся за помощью. «Бывало увидить онъ въ газетѣ»—говорить авторъ выше цитованнаго воспоминанія,—«сообщеніе о бѣдственномъ положеніи какой-нибудь осиротѣлой семьи литератора,—сейчасъ же справка, а за ней и скорая помощь»... Участіе Леонида Николаевича къ бѣдному русскому писателю не покидало покойнаго въ буквальномъ смыслѣ до послѣднихъ его дней. Такъ, известно, что незадолго до своей кончины, въ началѣ страстной недѣли (а умеръ Леонидъ Николаевичъ въ Великую пятницу), онъ дрожащимъ отъ болѣзни почеркомъ писалъ письмо одному изъ своихъ родственниковъ, живущему въ Москвѣ, прося его какъ можно скорѣе навести справки о какомъ-то литераторѣ, котораго Леонидъ Николаевичъ не хотѣлъ оставить безъ пособія къ наступавшему Свѣтлому празднику ¹⁾, самъ же Леонидъ Николаевичъ встрѣтилъ этотъ праздникъ въ сферахъ отъ земли далекихъ.....

Но клевета никого не щадить, и на честное имя этого добраго человѣка раздавались частенько хулы и нареканія за его якобы «тенденціи» въ распредѣленіи пособій и т. п. вздоръ. Нареканія были и на предсѣдателя, и на всю комиссію, пускались въ ходъ даже гнусныя подметныя письма. Но всѣ эти нареканія и нашептыванія, повторяемъ,

¹⁾ См. „Моск. Вѣдомости“ 1900 г., № 134.

были ложь и клевета, которыя возмущали и раздражали честную и любящую душу этого скромнаго и искренняго друга бѣднаго литератора. Для насъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго, было и остается несомнѣннымъ, что душа его — одна изъ тѣхъ прекрасныхъ душъ, которая можетъ съ гордостью сказать, покидая землю:

„Я все земное совершила:

Я на землѣ любила и жила“.

Существованіе Майкова было дѣйствительно жизнью, которая прошла въ трудѣ, любовью осмысленномъ, любовью согрѣтомъ. Последнюю-то и завѣщаль намъ покойный. Своими произведеніями онъ завѣщаль намъ любовь къ наукѣ, свою жизнь — любовь къ честному, добросовѣстному труду, свою личность и благороднымъ обхожденіемъ — любовь къ человѣку. Въ этомъ заключаются и всѣ завѣты Майкова, исполненіе которыхъ укажетъ ихъ послѣдователямъ и всѣ обязанности истинно-просвѣщеннаго человѣка.

На этомъ мы и разстанемся пока съ Леонидомъ Николаевичемъ, въ полной увѣренности, что люди, болѣе насъ знавшіе покойнаго, перомъ болѣе, чѣмъ наше, искуснымъ изобразить достойнымъ образомъ и жизнь и личность ученаго, проникнутаго живою и дѣятельною любовью къ наукѣ и созидателю ея — человѣку. Такой трудъ будетъ и прекрасенъ и желателенъ, ибо мы, собственно, не біографію Леонида Николаевича писали и не оцѣнку его заслугъ передъ наукой и обществомъ дѣлали, а просто хотѣли лишь сказать — и именно на страницахъ того журнала, гдѣ еще въ нынѣшнемъ году красовалась подпись покойнаго ¹⁾, — теплое слово надъ еще свѣжей могилой этого замѣчательнаго человѣка.

Ив. Кубасовъ.

Лѣто 1900 года.

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1900, январь.

**Высочайшая благодарность митрополиту кievскому и галицкому
Евгенію за его трудъ.**

Рескриптъ императора Александра I митрополиту Евгенію.

28-го августа 1825 года.

Я съ удовольствіемъ получилъ составленное вами описаніе Кіево-Софійскаго древнѣйшаго въ Россіи собора и Кіевской іерахіи.

Сей вашъ трудъ вновь удостовѣряетъ меня, что вы, назидая во спасеніе паству, вамъ ввѣренную, споспѣшествуете въ то же время къ распространенію познаній церковной нашей исторіи.

Мнѣ пріятно изъявить вамъ за сіе мою совершенную признательность и благоволеніе.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ благооклоненъ.

Къ исторіи Отечественной войны 1812 г.

(Письма князя П. И. Шаховскаго и графа Витгенштейна къ настоятелю Псково-Печерскаго монастыря ¹⁾).

(1812—1827 г.)

I.

Письмо графа Витгенштейна къ псковскому губернатору Петру Ивановичу кн. Шаховскому.

„ „ октября 1812 г. м. Ушачи.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ письма вашего отъ 8-го сего октября, что почтенные жители города Пскова, какъ истинные и ревностные сыны отечества, горя усердіемъ ко благу онаго, 7-го числа со всѣмъ духовенствомъ ходили съ иконами ²⁾ крестнымъ ходомъ и молили всецѣдраго Создателя о дарованіи мнѣ милостивой еще помощи на одолѣніе общаго и алчнаго врага нашего. Почему долгомъ поставляю какъ вамъ, такъ и всѣмъ гражданамъ Пскова, принестъ чувствительнѣйшую за то благодарность отъ лица всѣхъ войскъ мнѣ вѣрренныхъ, а притомъ увѣдомляю васъ съ тѣмъ, чтобы вы и имъ всѣмъ сообщили, что молитвы ихъ Всевышнимъ услышаны и я какъ чрезъ оныя, такъ и подъ покровительствомъ благословенія ихъ иконы Святаго Благовѣрнаго Великаго князя Гавріила ³⁾ Псковскаго чудотворца, разбивъ совершенно

¹⁾ Настояція письма, какъ представляющія весьма важное историческое значеніе, заимствованы изъ книги, издавннй въ 1893 г. подъ заглавіемъ „Первоклассный Псково-Печерскій монастырь“. Р е д.

²⁾ Первенствующими иконами тутъ были Псково-Печерскія чудотворныя: въ особенности Успенія и Умиленія Божіей Матери, а также Одигитріи и другія.

³⁾ Эта икона бы ла поднесена графу 5-го сентября 1812 г. отъ псковскихъ гражданъ.

непріятеля подъ Полоцкомъ, то самое 7-е число ночью овладѣлъ штурмомъ симъ городомъ; потомъ перейдя за Двину, гоню его авангардами моими къ городу Лепелю; а самъ съ корпусомъ нахожусь въ мѣстечкѣ Ушачь, 43 версты отъ Полоцка, взявъ до сего времени въ плѣнъ до 50 штабъ и оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ три полковника, и около 3.000 нижнихъ чиновъ, 22 знамя всего Баварскаго корпуса, 9 пушекъ, до 70 артиллерійскихъ ящиковъ, наполненныхъ пушечными снарядами, и большую часть обоза баварцевъ отрѣзалъ отъ корпуса маршала Гувіона Сентъ-Сира, и съ помощію Божіею надѣюсь нанести имъ большой вредъ. Теперь сіи два непріятельскіе корпуса разбиты такъ, что они уже не въ состояніи со мною драться безъ весьма большаго ихъ подкрѣпленія.

II.

Письма псковскаго гражданскаго губернатора Петра Ивановича вн. Шаховскаго къ настоятелю первокласснаго Псково-Печерскаго монастыря архимандриту Венедикту.

1.

12-го февраля 1813 г. Псковъ.

По окончаніи крестнаго хода во Псковѣ сходственно распоряженій моихъ 6-го числа прошедшаго октября мѣсяца, въ которомъ ваше высокопреподобіе, первенствуя столь ревностно оной совершали, входилъ я со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ моимъ къ государю императору, испрашивая монаршаго соизволенія:

1-е) Чтобы въ память побѣды надъ врагомъ, угрожавшимъ городу вторженіемъ въ предѣлы онаго, дозволено было учредить ежегодно особое церковное и гражданское празднество, и каждый годъ утвердить сей крестный ходъ на всегда во Псковѣ.

2-е) О возведеніи Псково-Печерскаго монастыря въ достоинство первокласснаго, а Елизаровскаго во второклассные, со всѣми къ тому принадлежащими доходами, прибавленіемъ служителей и прочихъ, подобаемыхъ почестей.

3-е) Просилъ объ освобожденіи отъ всѣхъ дѣлъ во Псковѣ 11-е февраля и 27-е ноября.

Я столько былъ счастливъ, что на все оное послѣдовало высокомонаршее соизволеніе и утвержденіе собственною его императорскаго величества рукою тако: «предложить отъ меня Псковскимъ жителямъ

учредить сіе празднество и ходы въ день Рождества Христова, Спасителя нашего, что будетъ приличіе; на возведеніе-жъ монастырей въ первоклассныя и второклассныя Я согласенъ, равноѣрно и на освобожденіе отъ всѣхъ дѣлъ во Псковѣ 11-го февраля и 27-го ноября».

Предложивъ о семъ градскимъ жителямъ, покорнѣйше прошу и о вашемъ по сему мнѣнію извѣстить поспѣшнѣйше для всеподданнѣйшаго моего о томъ государю императору донесенія.

О всѣхъ таковыхъ по представленію моему послѣдовавшихъ высоконаршнихъ къ намъ благотвореніяхъ съ живѣйшею радостію извѣщая васъ, сердечно поздравляю, и стараться буду болѣе и болѣе на всегда вамъ быть полезнымъ.

2.

12-го февраля 1813 г. Псковъ.

Промыслъ Всевышняго сердцеѣдца, взирающаго на благія намѣренія и на истинное усердіе сыновъ церкви, ниспослалъ нынѣ щедроты своя на обоихъ насъ съ вами, достопочтеннѣйшій отецъ архимандритъ. Государь императоръ соизволилъ утвердить всеподданнѣйшее представленіе мое по желанію вашему соорудить церковь во Псково-Печерскомъ монастырѣ на счетъ монастырскихъ суммъ и другихъ вещей, въ монастырѣ хранящихся, но остающихся безъ всякаго употребленія. Въ храмѣ семъ его императорское величество всемилостивѣйше дозволилъ по предложенію моему поставить обелискъ въ честь генерала-отъ-кавалеріи графа Витгенштейна, удержавшаго предѣлы Псковскіе отъ нашествія врага невредимыми.

Августѣйшій государь нашъ собственноручно удостоилъ написать тако: «согласенъ, препоруча хорошему архитектору сдѣлать рисунки и наблюдать за сею работою».

Возблагодаривъ Создателя за ниспосланіе къ намъ таковой высоконаршей милости, одобреніемъ и высочайшимъ соизволеніемъ на приведеніе въ дѣйство сего нашего предположенія, съ живѣйшею радостію о семъ вамъ сообщаю, и покорнѣйше прошу:

1-е) Тотчасъ приказать снять рисунокъ съ мѣста въ монастырѣ, гдѣ предполагается соорудить церковь съ окрестностями и прислать оной ко мнѣ, за подписаніемъ вашимъ.

2-е) Сообщить мнѣ ваше мнѣніе, въ которомъ именно мѣстѣ церкви приличіе полагаете вы поставить обелискъ для графа Витгенштейна.

3-е) Извѣстите меня, на какую сумму полагаете вы возможнымъ соорудить сію церковь и обелискъ на счетъ того имущества церковнаго, хранящагося въ вѣдомствѣ вашемъ.

По полученіи всего онаго немедленно приступлю я къ окончатель-

ному по сему предмету положенію и начавъ при святой помощи Божіей сіе столь пріятное сердлу моему основаніе, будемъ просить Всемогущаго, дабы благословилъ все оное благополучнымъ и вождельнымъ окончаніемъ.

Поздравляя васъ отъ всей души моей съ успѣхомъ столь радостнаго событія, стократно считаю себя счастливымъ, испросивъ у всемилостивѣйшаго государя соизволеніе на столь похвальный и богоугодный подвигъ чувствъ вашихъ.

III.

Письма графа Витгенштейна настоятелю Псково-Печерскаго монастыря архимандриту Венедикту.

1.

8-го сентября 1813 г. м. Бульа.

Письмо вашего преосвященства отъ 21-го апрѣля съ препровожденіемъ при ономъ святаго артуса и иконы Умиленія Божія Матери, я получилъ только въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ. Принимая все оное съ благоговѣніемъ яко благословеніе вашего преосвященства, я не въ силахъ выразить чувствъ моей къ вамъ благодарности, какъ за сей столь для меня лестный даръ и наипачѣ за постановленіе въ новоотроющейся церкви во имя Софіи Премудрости Божіей обелиска въ память слабыхъ заслугъ моихъ, оказанныхъ отечеству. Таковое ваше намѣреніе и предпріятіе отношу я болѣе къ собственнымъ вашимъ чувствамъ истиннаго патриотизма; я же счастливымъ себя почту, если когда-либо могу быть въ состояніи вамъ за сіе заслужить; но пока прошу васъ принять увѣреніе, что неограниченная моя благодарность останется на всегда запечатлѣна въ сердцѣ моемъ и пребудетъ вѣчно въ памяти моей.

Пользуясь столь хорошимъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ, смѣю просить вашего преосвященства о продолженіи онаго и о неоставленіи вашими святыми молитвами о томъ, которой съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію пребудетъ навсегда и проч.

2.

20-го апрѣля 1816 г. Митава.

Предложивъ войскамъ, подъ начальствомъ моимъ въ 1812-мъ году сражавшимся, принять участіе въ сооруженіи ризы къ иконѣ Псково-

Печерской Божіей Матери и въ украшеніи храма ея, я съ чувствомъ искренняго обрадованія видѣлъ, что ревность и усердіе ихъ ознаменовались въ священномъ семъ дѣлѣ съ такою же силою, какъ показанныя мужество и храбрость при защитѣ любезнѣйшаго отечества. Три раза доставили они мнѣ удовольствіе препроводить на сей предметъ къ вашему высокопреподобію сумму, составившую всего 25.188 р. 38 к. ассигнаціями. Нынѣ получа отъ нѣкоторыхъ полковъ, не участвовавшихъ еще въ пожертвованіяхъ, товарищами ихъ дѣланныхъ, сумму 3.231 р., я удѣлилъ изъ оной 1.000 р. Псковскому собору въ знакъ глубочайшей приверженности нашей къ священному тѣлу святаго великаго князя Гавріила, покоющагося (емуса) въ ономъ. Остальные же затѣмъ съ особливимъ удовольствіемъ имѣю честь препроводить къ вашему высокопреподобію вмѣстѣ съ книгою, заключающею имена всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ достохвальномъ дѣлѣ семъ, и важность пожертвованія каждаго, прося васъ покорнѣйше хранить оную при монастырѣ. Меня же какъ о полученіи оной, такъ и денегъ почтить увѣдомленіемъ вашимъ. Вмѣстѣ съ симъ отнесся къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода князю Голицыну съ просьбою объ удаленіи всѣхъ затрудненій къ сооруженію храма въ монастырѣ, вашему высокопреподобію подвѣдомственнымъ, по доставленіи вамъ скорѣйшаго на то разрѣшенія. Симъ отвѣтствуя на почтеннѣйшее письмо вашего высокопреподобія, я приношу вамъ за оное искреннѣйшую мою благодарность и поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ съ отличнымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

3.

13-го декабря 1818 г. м. Тульчинъ.

Получивъ письмо ваше отъ 30-го сентября, въ коемъ увѣдомляете вы о успѣхахъ новостроющейся церкви, душевно радуюсь, что благое предначинаніе сіе приближается къ желаемому совершенству; что скоро наконецъ настанетъ время, когда въ храмѣ, созданномъ усердіемъ благочестивыхъ сановниковъ вѣры и воиновъ, мужественно подвизавшихся въ защиту отечества, услышатся теплыя молитвы къ Всевышнему о пріявшихъ славную смерть въ битвахъ съ врагами благоденствія. Да оставшіеся въ живыхъ, умиляясь сердцемъ передъ алтаремъ сооруженнымъ въ ознаменованіе чудеснаго спасенія, покровительствомъ Божиимъ содѣланнаго, благодарятъ Всемогущаго, избравшаго ихъ орудіемъ святой своей воли. Поручая себя молитвамъ вашего священства и всей христіанской братіи Богоспасаемаго монастыря вашего, остаюсь съ достожднымъ почитаніемъ.

4.

27-го іюля 1827 г. м. Тульчинъ.

Получивъ отзывъ вашего высокопреподобія отъ 8-го числа сего мѣсяца, объ освященіи въ 29 день іюня, сооруженнаго въ Печерскомъ монастырѣ во имя св. Архангела Михаила храма, по совершеніи при семъ священнодѣйствіи панихиды надъ положившими за вѣру и отечество животъ свой православными воинами, я поставляю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ за всѣ подъятыя вами въ столь благомъ дѣлѣ труды и попеченія привести вамъ особенную мою благодарность. Мнѣ весьма желательно при первомъ удобномъ случаѣ лично сподобиться поклоненія сему святому храму и повторить вновь за содѣянная вами къ благолѣпному сооруженію онаго, истинную свою признательность.

Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопреподобія почтеннѣйшій слуга графъ Витгенштейнъ.

Софья Петровна Свѣчина.

(Ея жизнь и переписка).

VII ¹).

Оселившись во Франціи, Свѣчиной тѣмъ легче было ородниться со своимъ новымъ положеніемъ, что, какъ мы видѣли выше, она еще въ Петербургѣ имѣла возможность близко познакомиться съ французами и со многими изъ нихъ была даже въ дружескихъ отношеніяхъ. Къ тому же, весь строй ея воспитанія располагалъ ее ко Франціи, и, по ея словамъ, она чувствовала себя французенкой съ тѣхъ поръ, какъ стала сознавать себя. Впослѣдствіи она признавалась, что ея сердце принадлежитъ Франціи, что она до такой степени «французенка сердцемъ», что иногда это даже стѣсняло ее. Во время предпринятаго ею изъ Франціи путешествія по Италіи она писала, что «воспоминанія о Франціи портятъ для нея все то, чего они не даютъ». Но, при всемъ томъ—она не закрывала глазъ и на отрицательныя стороны французскаго характера. Такъ, она писала о Франціи, что тамъ все доводятъ до крайности, что, на-ряду съ проявленіями благороднѣйшей преданности, встрѣчаются самыя чудовищныя преступленія. «Прежде чѣмъ перейти въ дѣйствіе, это свойство (наклонность къ крайностямъ) бываетъ присуще и чувствамъ, и Франціи,—писала Свѣчина,—часто напоминала мнѣ тотъ берегъ Аравіи, который не производитъ ничего другаго, кромѣ ядовъ и цѣлебныхъ травъ». «Во Франціи,—писала она въ другомъ случаѣ,—болѣе всего щадятъ свое самолюбіе и свои деньги, а все остальное—товаръ болѣе ходкій».

Личныя достоинства Свѣчиной не замедлили превратить ея го-

¹) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1900 г.

станую въ то, что у насъ привыкли опредѣлять однимъ словомъ или, вѣрнѣе, однимъ понятіемъ: «салонъ».

Однако «салонъ» Свѣчиной, по словамъ Фаллу, не былъ ни замкну-тымъ кружкомъ, ни литературной партіей, ни какой-либо отдѣльной школой. «Свѣчина,—пишетъ онъ, набрасывая блестящую характери-стику, объясняющую роль и значеніе Свѣчиной,—Свѣчина содрогнулась бы, еслибы передъ нею произнесли слово «ученикъ». Ей въ одинаковой степени были чужды какъ желаніе господствовать, такъ и способность подслуживаться. Единственно лишь ни съ чѣмъ не сравнимое превос-ходство ея и неизмѣнная ласковость обхожденія способствовали обра-зованію неосязаемыхъ узъ, соединявшихъ вокругъ нея столько умовъ и установившихъ между ними своего рода общину, въ которой она являлась душою, а не проповѣдникомъ. Не руководясь другими побуж-деніями, кромѣ любви ко всякому душевному подъему, совершенно чуждая какъ зависти, такъ и честолюбія, она удивительно умѣла при-способляться къ самымъ различнымъ характерамъ, къ самымъ несход-нымъ между собою умамъ, отъбывать хорошія стороны однихъ, извинять слабыя стороны другихъ. Натуры, которыя никогда не встрѣтились бы въ другомъ мѣстѣ, инстинктивно группировались вокругъ этого олице-творенія неисчерпаемой доброты, гдѣ каждый находилъ для себя или средство душъ, или помощь, или источникъ силъ».

«Что составляло особенно отличительное свойство Свѣчиной, такъ это то, что у нея всѣ качества, всѣ душевныя достоинства и всѣ способности были распредѣлены съ полной уравнивошанностью. Она въ одинаковой степени являлась восторженной и разсудительной, потому что,—рѣдкое преимущество,—она была въ равной мѣрѣ надѣлена ра-зумомъ и воображеніемъ, потому что она думала столь же глубоко, какъ и чувствовала, и, часто являясь мужчиной по уму, сердцемъ неизмѣнно оставалась женщиной; потому что, наконецъ, ея личное самоотреченіе не было ни притворнымъ, ни даже выработаннымъ. Прежде всего—она жила въ другихъ, потомъ въ общественныхъ собы-тіяхъ и думала о самой себѣ лишь послѣ того, какъ подумала о всѣхъ; она чувствовала отвращеніе къ эгоизму, не ощущая потребности осу-ждать его, потому что столько богатства и обаянія умѣла находить въ противоположномъ чувствѣ. Ея душа все относила къ Богу, никогда не отрѣшаясь ни отъ одного изъ интересовъ человѣчества. Ея умъ непре-станно стремился къ новому расширенію знаній, но она любила науку ради науки, безъ какихъ-либо притязаній по отношенію къ самой себѣ, не добиваясь ничего инаго какъ только наслажденій, которыя давали ей различныя открытія, приводившія ее въ восторгъ.

«У нея не было предразсудковъ ни въ области религіозныхъ убѣж-деній, ни въ области политическихъ взглядовъ. Равнымъ образомъ у

нея не было ихъ въ области искусствъ или литературы. Ея вкусы были проникнуты классицизмомъ, но классицизмомъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, а не тѣмъ, который начинается съ Буало и Поппе, для того, чтобы завершиться официальной литературой имперіи, и который не имѣетъ ничего общаго съ широтою Гомера или Виргилія, Софокла или Карнейя. Она была отзывчива какъ къ мужественнымъ и дикимъ красотамъ Данте и Шекспира, такъ и къ утонченному совершенству писателей XVII вѣка; она понимала Гёте и Шиллера и въ качествѣ повѣствователей о сокровенныхъ страданіяхъ ихъ родины и времени, и въ качествѣ писателей чисто политическихъ. Какъ всякій человекъ вѣрныхъ и просвѣщенныхъ взглядовъ, она придавала значеніе мастерству и формѣ; туманность страшила ее: она вызывала въ ней такое же безпокойство, какъ нерѣшительность въ характерѣ или умѣ; она боялась открыть въ ней отсутствіе духовной прямоты, которой она болѣе всего дорожила. Думая при этомъ, что не слѣдуетъ судить ни слишкомъ быстро, ни слишкомъ часто, она охотно пропускала мимо себя потокъ увлеченій и моды; ея похвалы, какъ и ея порицанія въ отношеніи современныхъ знаменитостей оставались сдержанными; она никогда не допускала излишества ни въ восторгахъ, ни въ критикѣ. Она смотрѣла на все, что украшаетъ жизнь, и на умственные развлечения какъ на законное наслажденіе, какъ на отдыхъ, который, если пользоваться имъ въ мѣру, восстанавливаетъ и снова закаляетъ силы. Искусство и поэзія отнюдь не были для нея истинными первосвященниками сердца, мысли и слова, а являлись въ ея глазахъ,—когда оказывались достойными этого,—прислужниками Бога и его второстепенныхъ предназначеній относительно міра.

«Она вступала въ разговоры и высказывалась съ большимъ увлеченіемъ по вопросамъ философіи, исторіи и политики, хотя, вообще, избѣгала затрогивать эти вопросы въ ихъ отвлеченной или схоластической формѣ.

«Нѣтъ ни одного выдающагося сочиненія, появившагося за первую половину настоящаго столѣтія на какомъ-либо изъ главныхъ языковъ Европы, котораго бы она не изучила съ перомъ въ рукахъ; несмотря на это, она крайне рѣдко вставляла въ разговоръ выраженія, позаимствованныя изъ иностраннаго языка или изъ области техническихъ утонченностей. Будучи христіанкой, она по праву придерживалась философіи, которую отождествляла съ христіанствомъ и которую неизмѣнно сводила къ нему. Это была философія аскетическая по отношенію къ святымъ или кандидатамъ въ святые, но для общества вообще—это была философія живая, практическая, путеводная нить исторіи и воплощенный кодексъ нравственности, сводъ обязанностей для стоящихъ во главѣ народовъ, а для остальныхъ классовъ общества—непрерывный трактатъ

о воспитаніи. Она не допускала, чтобы теологія на вѣки заключила христіанина въ рамки естественной исторіи въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она была извѣстна во времена Эомы Кэмпійскаго или въ какое бы то ни было другое столѣтіе; напротивъ того, она думала, — какъ это провозгласилъ Лейбницъ, и чего церковь никогда не отрицала, — что необходимо широко ввести въ сферу христіанства совмѣстимыя съ нимъ научныя завоеванія, сдѣланныя изъ года въ годъ. Она уважала всѣ усилія человѣческаго генія, нисколько не думая при этомъ, чтобы онъ могъ обойтись безъ христіанскихъ догматовъ; она не думала, чтобы можно было изучить человѣка самого по себѣ, создать творца изъ творенія, и, безъ Бога живаго и личнаго, придти къ тому, что понимаютъ подъ естественной религіей, и что въ болѣе позднее время назвали натурализмомъ. Она не допускала, чтобы вся небесная механика какого-нибудь Ламанда или Лапласа могла бы дать въ конечномъ результатѣ, безъ Бога, полное пониманіе началъ, на которыхъ покоится міровая система. Но никогда ни одно открытіе, усовершенствованіе или пресупбіаніе по пути развитія, каково бы оно ни было, не встрѣчало съ ея стороны, съ первыхъ же поръ, равнодушія, а тѣмъ болѣе враждебности.

• Въ области политики она являлась глубоко убѣжденной и непоколебимой сторонницей монархическихъ принциповъ, но въ то же время была насторожѣ противъ всякихъ поползновеній къ неограниченному владычеству. Она видѣла въ монархіи систему, основанную на началахъ, наиболѣе благоприятныхъ развитію народа, потому что они наиболѣе отвѣчаютъ порядку вещей, установленному самимъ Богомъ въ кругу семьи и церковной іерархіи; она видѣла въ ней строй, при которомъ справедливость побуждаетъ силу, строй, при которомъ и справедливость и умѣренность являются не переходящими элементами, а строгими обязанностями и непреложнымъ долгомъ. Она не вѣрила въ божественное право въ узкомъ смыслѣ этого слова. Она требовала для власти два существенныхъ условія для силы и плодотворности: во-первыхъ, — отождествленіе себя съ народомъ, самоуправленіе котораго воплощается и представляется монархомъ, во-вторыхъ, — освященіе вѣковъ, непрерывное сплетеніе судебъ народа съ судьбами государева рода, въ которомъ народъ уважалъ бы и прославлялъ самого себя, придавая своему собственному повиновенію характеръ достоинства высшаго порядка, привѣтствуя въ своемъ государѣ неоспоримаго начальника, а не властелина. Все, что выходило за эти рамки, нисколько не увлекало Свѣчину, и она чувствовала отвращеніе ко всему, что являлось произвольнымъ, насильственнымъ или лицемернымъ: она считала это оскорбленіемъ человѣческой совѣсти, духовной жизни и прочнаго процвѣтанія народовъ.

«Опираясь на эти великіе принципы, она спокойно взирала на события и на людей; она не легко становилась на сторону побѣдителей, но и отказывалась воспламеняться притворно по прихоти каждаго изъ побѣжденныхъ; въ предвзятыхъ анаемахъ и соглашеніяхъ она не находила никакого удовольствія ни для себя, ни для другихъ. Она была не въ состояніи усвоить какое-либо положеніе или примкнуть къ какому-либо дѣлу, отождествляя ихъ съ собою въ интересахъ самолюбія или условности. Она встрѣчала и любила эмигрантовъ всѣхъ послѣдовательно смѣнявшихся французскихъ правительствъ, сторонниковъ аристократіи, буржуазіи и даже республики. Но, каковы бы ни были ихъ умъ, таланты или ихъ честность, они постоянно представлялись ей нѣсколько подозрительными съ того мгновенія, какъ рѣчь заходила о социальномъ строѣ, народившемся или развившемся въ ихъ отсутствіе. Прежде всего и чего бы это ни касалось, она хотѣла изслѣдовать, взвѣшивать, повѣрять; она пыталась и прекрасно умѣла различать намѣренія по дѣйствіямъ; она опасалась, чтобы ея взгляды, постоянно ощущавшіе потребность въ одобреніи совѣсти, не были бы унесены вихремъ возвращенія данной минуты. Она стремилась проникнуть въ самый духъ своего времени, въ его дѣйствительныя теченія и настроенія, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у нея было совершенно опредѣлившееся мнѣніе, она все еще искала разговора съ тѣми, кто придерживался противоположныхъ взглядовъ. „Къ чему было бы жить,—говорила она,—еслибы постоянно приходилось слышать лишь звукъ своего собственнаго голоса».

«Неоднократно ея друзья возставали противъ этой привычки къ терпимости и пытались требовать отъ нея рѣшеній или гнѣва, болѣе отвѣчающихъ ихъ собственнымъ чувствамъ; тогда она останавливалась, улыбаясь или пригрустнувши, въ зависимости отъ важности причинъ, приводившихъ къ раздору, но никогда при этомъ она не допускала поколебать себя. Иногда даже ей приходилось подвергаться довольно живымъ упрекамъ и долгому недовольству со стороны лицъ, которыя, не будучи въ состояніи примкнуть ни къ этой ясности въ возвращеніяхъ, ни къ этой гуманности въ чувствахъ, не понимали, насколько, въ извѣстныхъ случаяхъ, справедливость можетъ стоять выше обыденнаго правосудія. Правосудіе держится буквы, примѣняетъ законъ и можетъ сдѣлаться фарисейскимъ, тогда какъ справедливость, болѣе свободная, болѣе великодушная, болѣе христіанская по существу, являлась въ глазахъ Свѣчиной лучшей политикой для великихъ душъ.

«Мелкіе личные счеты замолкали передъ ея спокойствіемъ и, въ особенности, передъ ея добротою, постоянно остававшеюся неизмѣнною, и, въ свою очередь, ея друзья, въ концѣ концовъ, почти не замѣчая этого, допускали внушить себѣ безпристрастіе, относительное и кратко-

временное. Такимъ образомъ ея гостиная становилась постепенно нейтральной территоріей въ центрѣ самаго Парижа, нейтральной не по отношенію къ чувству или идеѣ, а по отношенію къ страстности, исключительной поглощенности и несдержанности. Одинъ лишь упрекъ былъ способенъ задѣть ее и иногда оскорблялъ ее—это тогда, когда ей говорили: «вы не можете чувствовать того или другаго, какъ мы,—вы иностранка». Тогда, въ близкомъ кругу, она повторяла это неблагодарное слово, не жалуясь, никого не называя, но со слезами на глазахъ.

Не воодушевленія отправлялись искать у Свѣчиной, хотя она была столь богата имъ, — воодушевленіе посылается Богомъ, и если не носишь въ себѣ хоть зародыша его, никто не въ состояніи вдохнуть его; но она удивительно умѣла будить мысль, справедливость, развивать проникательность, терпѣніе; и все это запечатлѣвалось у нея ни съ чѣмъ несравнимою сердечностью. Она рѣдко давала то, что можно назвать совѣтомъ, безусловнымъ рѣшеніемъ для даннаго случая; ея скромность побуждала ее признавать себя неспособной принимать на себя прямую отвѣтственность; во всякомъ случаѣ, она никогда не проявляла инициативы и скорѣе избѣгала, чѣмъ искала откровенныхъ изліяній. Но когда раскрывали ей свою душу, она протягивала вамъ свою руку и уже никогда болѣе не отнимала ея. Она не обращалась къ вамъ съ воззваніями, не выставила себя образцомъ или руководителемъ; она не указывала: ступайте такъ, а говорила кротко — пойдемте вмѣстѣ, и такимъ образомъ, не имѣя притязаній на это, она часто направляла тѣхъ, за которыми, какъ казалось, слѣдовала сама.

«Подъ воздѣйствіемъ этой кроткой воли, которую прямота и гуманность дѣлали всемогущей, нельзя было колебаться долго: или нужно было удалиться отъ нея, или же подчиниться ея вліянію, дѣйствовавшему незамѣтно для всѣхъ, безъ столкновеній, безъ явныхъ противорѣчій и безъ запальчивости языка. Еслибы каждый могъ углубиться въ самого себя, чтобы прослѣдить тамъ вліяніе другаго на свой образъ мыслей, на происхожденіе своихъ рѣшеній, чтобы такимъ образомъ выяснитъ себѣ отчетливо измѣненія, которымъ подверглась его душа, не отрекаясь отъ своего собственнаго «я»,—сколько нашихъ современниковъ нашли бы въ самихъ себѣ, въ своемъ характерѣ, въ главныхъ поступкахъ своей жизни слѣды своихъ сношеній со Свѣчиной».

Сопоставляя это свидѣтельство Фаллу съ тѣмъ умственнымъ и духовнымъ богатствомъ, которымъ была надѣлена Свѣчина, нельзя не признать справедливости словъ г. Д. Мордовцева, что «Россія въ правѣ сожалѣть, что Свѣчина не была ей ничѣмъ полезна».

«И когда захочешь выяснитъ,—продолжаетъ Фаллу свою характеристику Свѣчиной, — каковы были средства, при содѣйствіи которыхъ проявлялось и распространялось на самыя различныя области эт

вліяніе, непрерывно возраставшее въ теченіе тридцати лѣтъ, и возраставшее при томъ въ эпоху, наиболѣе располагавшую сбросить всякое вліяніе, — то невольно поражаешься, открывая, что эти средства состояли, въ особенности, въ томъ, что она не изыскивала и не прибѣгала ни къ какимъ средствамъ. Даже манера Свѣчиной разговаривать совершенно не рассчитывала на эффектъ. Застѣнчивость никогда не была побѣждена въ ней. Ея рѣчь была обыкновенно въ началѣ неувѣренна и почти непонятна; необходимо было, чтобы возбужденіе отъ разговора, интересъ темы увлекли ее. Въ ея разговорахъ не было ни малѣйшихъ попытокъ къ парадоксальности, ни малѣйшей погони за краснорѣчіемъ, а одна лишь правда во всемъ, правда въ языкѣ и мысли, безъ отягощенія ихъ украшеніями, но и безъ изгнанія послѣднихъ. Полное отсутствіе всякихъ притязаній даже составляло въ этомъ отношеніи ея главную оригинальность.

«За исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ, когда природа беретъ верхъ, когда самые смиренные ощущаютъ потребность излить свою душу, моментовъ непроизвольной непосредственности, которые она постоянно умѣла сдерживать и ограничивать, она не блистала, не поражала; ее любили, инстинктивно восторгались ею задолго до того, какъ могли отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно плѣняло и покоряло въ ней.

«Она никогда не устраивала для своихъ друзей того, что можно было бы назвать вечеромъ, обѣдомъ, но она любила собрать вокругъ небольшого круглаго стола нѣсколько лицъ, чувствовавшихъ себя счастливыми отъ возможности встрѣтиться вмѣстѣ возлѣ нея. Тогда изящно сервировался столъ, и она сама наблюдала за всѣмъ съ предупредительной внимательностью, присущей ей во всякомъ случаѣ. Ея гостиная была открыта днемъ и вечеромъ и почти постоянно украшалась или цвѣтущими растеніями, или какимъ-либо художественнымъ произведеніемъ, которое ея друзья временно предоставляли ей для обозрѣнія, при чемъ художники считали отличіемъ для себя видѣть свои произведенія выставленными у нея. Отъ великолѣпнѣйшаго Эрмитажа у нея сохранилась любовь къ блестящему освѣщенію. Вечеромъ, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ ея жизни, ея гостиная блистала лампами и свѣчами, и при входѣ въ нее первое впечатлѣніе, которое получалось, было впечатлѣніе чего-то свѣтскаго. И, дѣйствительно, эта внѣшность предназначалась для свѣта; Свѣчина хотѣла, чтобы общество находило у нея утонченное изящество, входящее въ его привычки и нравящееся легкомысленной сторонѣ его наклонностей. Но затѣмъ быстро замѣчалося, что, за исключеніемъ внѣшности, все прочее принадлежитъ Богу. Такое же точно первое впечатлѣніе получалось и отъ происходившихъ у нея разговоровъ.

«Первоначально—ничего строго серьезнаго или сложнаго; напротивъ

того, разговоръ у нея въ гостиниѣ, какъ и всюду, сначала бывалъ баналенъ, поверхностенъ или вялъ. Но вскорѣ затѣмъ токъ мысли освѣжалъ или оживлялъ эту атмосферу: умное, кстати сказанное слово, проблескъ ума, проявленіе сердечности измѣняли сцену и придавали ей возвышенный характеръ; наконецъ, рѣчь обращалась на что-либо серьезное, что не было предусмотрено или подготовлено къ-либо. И вотъ такимъ-то образомъ много свѣтскихъ людей, легкомысленныхъ по убѣжденіямъ или неустойчивыхъ, которые насторожились бы противъ чего-либо умышеннаго и замкнулись бы въ себя передъ нападеніемъ,— поддавались обаянію искренности и неожиданности. Сколько посѣтителей, являвшихся къ Свѣчиной изъ одного любопытства или самолюбія, находили возлѣ нея то, зачѣмъ не приходили, и выходили отъ нея иными, чѣмъ пришли.

«Во всѣ времена Парижъ, столица Европейскаго общества, насчитывалъ у себя различные салоны, политическіе, литературные, артистическіе. Салонъ Свѣчиной не пренебрегалъ, но и не претендовалъ ни на одинъ изъ этихъ оттѣнковъ, а являлся, непредназначенно и безъ тщеславія, христіанскимъ центромъ. Свѣчина не приписывала себѣ никакой миссіи; она слишкомъ хорошо знала, что миссіи не импровизируются, а ниспосылаются лишь свыше, но несомнѣнно, что свою неисчерпаемую доброту она связывала съ чувствомъ долга. Она думала, что это обязательный выкупъ со стороны происхожденія, состоянія и ума. Ничтожнѣйшія земныя преимущества являлись въ ея глазахъ орудіями Провидѣнія, въ пользованіи которыми всѣ, безъ исключенія, обязаны отдать строгій отчетъ. У нея вовсе не было предумышленнаго честолюбія имѣть «салонъ», но такъ какъ этотъ салонъ образовался самъ собою, подъ воздѣйствіемъ той притягательной, скрытой, произвольной силы, которая таилась въ ней, точно въ магнитѣ, то даже ея скромность не могла ввести ее въ заблужденіе относительно лежавшей на ней отвѣтственности. Не сознавая всего того добра, которое она дѣлала, она въ то же время была слишкомъ проникательна и обладала слишкомъ большою опытностью въ области человѣческаго сердца, чтобы не замѣчать значенія, которое придавали ей столько различныхъ сердецъ и умовъ, чтобы не понимать, что она должна была, насколько это могло зависѣть отъ нея, приближать къ Богу все то, что приближалось къ ней. Вскорѣ это обратилось для нея въ нравственную обязанность, и, съ тѣхъ поръ, ни ея страданія, доходившія до пытки, ни ея склонности, заставлявшія ее сожалѣть о занятіяхъ и уединеніи, не вліяли уже на ея преданность идеѣ, которой она служила; она кончила тѣмъ, что стала смотрѣть на себя, какъ на часоваго, получившаго приказъ, которому онъ долженъ оставаться вѣренъ вплоть до самой своей смерти.

«Подобный взглядъ самъ по себѣ объясняетъ ея неистощимое терпѣніе. Въ ней никогда нельзя было подмѣтить проявленія горячности или скуки; то она находилась лицомъ къ лицу съ людьми, напыщенными высокоумнымъ тщеславіемъ, читавшими ей лекціи по вопросамъ, по которымъ она сама могла бы поучить ихъ; то ей приходилось сталкиваться со знаменитостями науки и полемики, упрямо завладѣвавшими ея вечеромъ и посвящавшими его самимъ себѣ, предаваясь безконечному развитію своихъ любимыхъ темъ. Въ другой разъ случалось, что, когда шелъ разговоръ, наиболѣе отвѣчавшій ея наклонностямъ, дверь распахивалась, чтобы пропустить какого-либо празднаго свѣтскаго человѣка или кого-либо изъ круга скромныхъ знакомыхъ, чуждыхъ большаго свѣта и всѣхъ сюжетовъ общаго разговора; но никогда ни эта несносность, ни эта тираннія, ни эти несвоевременныя вторженія не вызывали съ ея стороны ни малѣйшаго проявленія недовольства; никогда скромный человѣкъ не приносился въ жертву важному, скучный—пріятному, бѣдный—богатому. Одна дама, носительница громкаго имени, въ теченіе пятнадцати лѣтъ надѣдала ея гостиной и ея друзьямъ. Она, какъ бомба, раздражалась на какую бы то ни было тему, забрасывала вопросами, не выслушивая отвѣтовъ, и, какъ только докладывали о ней, служила сигналомъ къ всеобщему бѣгству; и никогда она не встрѣтила пріема неровнаго или менѣе пріятливаго. Свѣчина непоколебимо отстраняла всѣ попытки, направленные противъ этой дамы, отвѣчая кротко: «что вы хотите, всѣ могутъ заблуждаться; она — несчастлива, и у нея нѣтъ никого кромѣ меня». Эта дама умерла отъ старости, и въ послѣдніе дни ея жизни Свѣчина навѣщала ее и проводила долгіе часы у ея смертнаго ложа.

«Женщины, вообще мало доступныя вліянію женщины же, были преисполнены довѣрія и податливости въ отношеніи къ Свѣчиной. Наиболѣе юныя изъ нихъ тоже не ускользали изъ-подъ ея вліянія. Въ Свѣчиной не было того, что способно порождать враждебность между женщинами. Она никогда не вызывала чувства соперничества, потому что никогда нельзя было подмѣтить въ ней искушенія выставить себя за счетъ другой или затмить кого бы то ни было.

«Эта женщина, отдававшаяся, какъ только оказывалось возможнымъ, самымъ серьезнымъ занятіямъ и, какъ она сознавалась иногда сама, погружавшаяся въ метафизику, какъ въ ванну, превращалась въ олицетвореніе граціи и оживленія, какъ только въ ея гостиную входила молодая женщина. Красота, изящество, свѣжесть возраста и его побужденій составляли для Свѣчиной очарованіе, которое не было ни притворнымъ, ни проявленіемъ угодливости. Все, что начинало свой жизненный путь, въ особенности представлялось ей достойнымъ уваженія и требующимъ поддержки. Ея вкусъ въ области туалета, какъ и всемъ прочемъ, былъ

тонокъ и правилень; она, туалетъ который, крайне простой, никогда не разнообразился и состоялъ лишь изъ платьевъ изъ темныхъ матерій неизмѣнно одного и того же фасона, она не осуждала любви къ туалетамъ у другихъ, если ихъ туалеты гармонировали съ обстановкой даннаго случая. Молодыя дамы любили показываться ей вечеромъ, передъ баломъ, во всемъ блескѣ своихъ нарядовъ. Свѣчиной искренно восторгаться ими, хвалить ихъ языкомъ, не представлявшимъ ничего банальнаго и незамѣтно отбѣившимъ то, что казалось ей излишнимъ. Часто случалось, что послѣ мимолетнаго появленія вечеромъ молодая женщина возвращалась утромъ, но не въ пріемный часъ, вся во власти самыхъ серьезныхъ думъ, прося совѣтовъ совершенно инаго рода, чѣмъ тѣ, которые ей требовались наканунѣ. Въ такія-то минуты больныя или заблудшія сердца раскрывались передъ Свѣчиной со всею искренностью; тогда-то она осторожно и капля по каплѣ проливала въ нихъ свѣтъ, истину, жизнь, то подрѣзая зло въ самомъ его корнѣ, то приостанавливая его развитіе, то заживляя прежнія раны, или указывая средства, наиболѣе дѣйствительныя для того, чтобы предотвратить ихъ послѣдствія или поправить послѣднія. Одинъ Богъ знаетъ, что происходило на этихъ свиданіяхъ, что незамѣтно дѣлалось для него и для его славы среди тайны этихъ изліяній, очень часто кончавшихъ слезами то, что начиналось легкомысленной болтовней въ гостиной. Вотъ почему столько молодыхъ душъ любили ее, какъ духовную мать».

Свѣчина же, въ свою очередь, черпала въ этихъ задушевныхъ соприкосновеніяхъ знаніе человѣческаго сердца, почти граничившее съ волшебствомъ. Одно слово, жестъ, взглядъ, отдѣльное выраженіе, молчаніе, незамѣтныя для прочихъ, служили для нея цѣлымъ откровеніемъ; она уже знала то, чего ей никогда не говорили, а иногда даже то, что пытались скрыть отъ нея. Она знала науку душъ точно такъ же, какъ ученые знаютъ науку тѣла.

VIII.

Избравъ Францію для постоянного жительства, Свѣчина оставалась въ ней до конца своей жизни. Она только два раза уѣзжала изъ нея на продолжительное время, и то была вынуждена къ этому внѣшними обстоятельствами. Такъ, въ 1823 году она отправилась въ двухлѣтнее путешествіе по Италіи. Причины, побудившія ее предпринять это путешествіе, были чисто семейнаго свойства. Къ этому времени, ея пріемная дочь, Надя Стаелинъ стала уже взрослой дѣвушкой, и графъ

Реймондъ Сегюръ, сынъ одной изъ пріятельницъ Свѣчиной, влюбился въ нее. Ему отвѣчали взаимностью, и рѣчь зашла о бракѣ. Нессомнѣнно, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы не подумали, что она съ своей стороны способствовала сближенію молодыхъ людей, Свѣчина стала упрекать себя, что не замѣтила во-время зарождавшихся симпатій влюбленныхъ, и, въ надеждѣ поправить дѣло, уѣхала въ Италію.

Во время этого путешествія она впервые увидѣла Римъ. Онъ произвелъ на нее огромное впечатлѣніе, дѣйствуя одновременно и на ея мысль и на жившее въ ней чувство прекраснаго. «Конечно,—писала она,—я не оставалась равнодушной ко всему, что видѣла въ Италиі, но какъ далеко все это отъ живаго, глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня Римъ! Это царь городовъ, это—міръ, совершенно отличный отъ того, который мы знаемъ, гдѣ все непохоже на то, что поражало насъ въ другихъ мѣстахъ; его красоты и его контрасты носятъ столь возвышенный характеръ, что ничто не подготовляетъ къ намъ, ничто не можетъ заставить отгадать или даже предчувствовать ихъ силу. Все, чего не хватаетъ Риму, лишь увеличиваетъ производимое имъ впечатлѣніе. Не хотѣлось бы видѣть, что его поля обрабатываются, что его почти пустынные предмѣстья снова заселяются, или что обитаемая часть города расширяется; необходимо, чтобы Римъ, съ лежащимъ на немъ отпечаткомъ ветхости, выглядѣлъ нѣсколько грустнымъ, потому что иначе видъ его не гармонировалъ бы съ его разрушеннымъ могуществомъ и павшимъ величіемъ. Идеи здѣсь становятся шире, чувства—болѣе религиозными, сердце умиротворяется. Едва осмѣливаешься страдать при видѣ мѣстъ, напоминающихъ о столькихъ страданіяхъ, ни ощущать упадокъ силъ тамъ, гдѣ было обнаружено столько мощи.... Это чарующее разнообразіе видовъ, этотъ возростающій на каждомъ шагу интересъ! Мнѣ казалось, что я въ какомъ-то новомъ мірѣ, и я была права, потому что Римъ совмѣщаетъ въ своей обширной оградѣ все, что въ другомъ мѣстѣ нужно искать далеко—и городъ, и деревню, и шумъ толпы, и самое безмолвное уединеніе.... Здѣсь предстаютъ взору всѣ эпохи исторіи, отдѣльно и не смѣшиваясь одна съ другою: кажется, что каждая изъ нихъ хотѣла положить свой отпечатокъ на памятникахъ, оставшихся отъ нея, имѣть свой, присущій ей горизонтъ и, такъ сказать, свою особую атмосферу. Здѣсь ощущаешь потребность жить въ прошломъ, которое какъ-то странно покоряетъ свойственную человѣку склонность бросаться въ будущее; онъ борется съ этими двумя вѣчностями, и настоящее, отъ котораго онъ все-таки не можетъ ускользнуть, болѣе чѣмъ когда-либо представляется ему переходящимъ и жалкимъ».... Зеленъ, постоянно бьющіе фонтаны, изобиліе статуй, мрамора, красивыя линіи созданий архитектуры, опоясывающія горизонтъ горы, кажущіяся какъ-бы прозрачными,—все это красоты, которыя можно найти только въ

Римъ, и о которыхъ ничто не можетъ дать представленія. Еслибъ можно было отрѣшиться отъ впечатлѣній, которыхъ нельзя пересаживать, и которыя прикрѣпляютъ насъ къ мѣсту, породившему ихъ, то, конечно, сюда бы хотѣлось перенести свой очагъ, и я нисколько не удивляюсь, что Римъ во всё вѣка являлся отечествомъ тѣхъ, которые болѣе не имѣли отечества, настоящими Елисейскими полями всѣмъ тѣней власти и общественнаго существованія».

Обозрѣвая художественныя сокровища Рима, Свѣчина, при ея религіозности, естественно пришла къ заключенію о тѣсной связи, существующей между религіей и искусствомъ. «Чѣмъ только живопись не обязана религіи и религіи христіанской! Что она представляла бы собою безъ нея? она имѣла бы Давидовъ, Теньеровъ, Вувермановъ, быть можетъ, Тиціана; но были ли бы у нея Рафаэль, Микель-Анджело, Доминиканъ, Гвидо, Герчино? Если отнять у живописцевъ религіозные сюжеты, что останется у нихъ? Холодная исторія, бездушнѣйшая аллегорія, битвы, мертвая природа, лица безъ выраженія или же грустное подспорье въ видѣ бурныхъ страстей, столь несомвѣстимыхъ съ человѣческими красотой и достоинствомъ?»

Второе путешествіе, поѣздка въ Петербургъ въ 1834 году, было вызвано опадой, неожиданно постигшей Свѣчина. Ему было приказано возвратиться въ Россію и поселиться въ какомъ-либо отдаленномъ городѣ безъ права въѣзда въ Петербургъ и въ Москву. Подобная строгая мѣра мотивировалась различными недостаточно опредѣленными причинами, относившимися къ дѣятельности Свѣчина въ царствованіе императора Павла. Въ сущности же, по словамъ біографа Свѣчиной, эта опала являлась дѣломъ враговъ Свѣчина, которые никакъ не могли простить ему положенія, занятаго имъ въ вопросѣ, приведшемъ къ событіямъ 11-го марта 1801 года.

Полученное изъ Петербурга предписаніе произвело на Свѣчиныхъ потрясающее впечатлѣніе. Самъ Свѣчинъ не хотѣлъ вѣрить ему и думалъ, что это какое-либо недоразумѣніе. Тѣмъ не менѣе, они рѣшили безропотно и безпрекословно подчиниться приговору, и Свѣчинъ лишь обратился съ письмомъ къ государю, прося отсрочить пріѣздъ въ Россію до весны. «Краснорѣчіе этого письма,—писала Свѣчина,—заключалось въ словѣ «ничего» по отношенію къ состоянію моего мужа, въ цифрѣ семьдесятъ семь по отношенію къ его возрасту, въ суровой правдѣ относительно расшатанности и состоянія моего здоровья и въ нашемъ непоколебимомъ рѣшеніи всѣмъ пожертвовать для того, чтобы повиноваться».

Просимая отсрочка была дана, и Свѣчина рѣшила воспользоваться ею, чтобы отправиться въ Петербургъ и лично отстаивать интересы

мужа. Это путешествіе продолжалось съ августа 1834 года по мартъ 1835 года и увѣчалось полнымъ успѣхомъ: ихъ оставили въ покоѣ.

Въ слѣдующемъ году ее ожидали два новыхъ удара: смерть ея приемной дочери, графини Сегюръ d'Агсо и смерть мужа ея сестры князя Гагарина. Все это не могло не распатывать еще болѣе ея и безъ того слабого здоровья, но въ то же время еще сильнѣе понуждало ея мысль обращаться къ Богу. Въ свою религіозную жизнь она стала вносить постепенно такую чисто аскетическую суровость, которой даже не могло подозрѣвать большинство лицъ, сталкивавшихся съ нею.

У себя въ домѣ она устроила небольшую церковь. На ея украшеніе она обратила массу драгоценностей изъ камней, добываемыхъ въ Россіи, цоколь же серебряной статуи Божіей Матери былъ украшенъ ея фрейлинскимъ шифромъ. Эта церковь сдѣлалась любимымъ убѣжищемъ Свѣчиной: каждую свободную минуту она удалялась туда, чтобы отдаться религіознымъ размышленіямъ.

Домашняя церковь Свѣчиной была освящена самимъ парижскимъ архіепископомъ, и въ ней часто раздавалось слово знаменитыхъ католическихъ проповѣдниковъ того времени. Шуваловъ и Гагаринъ изъ чувства благодарности тоже оказывали предпочтеніе церкви Свѣчиной. «Молодыя дѣвушки, выросшія у нея на глазахъ, хотѣли принять благословеніе на бракъ подъ ея покровительствомъ». Наконецъ, домашней церкви Свѣчиной было суждено сыграть извѣстную роль и въ дѣлѣ окатоличенія нѣкоторыхъ православныхъ. По словамъ ея біографа, «отступничество, возвратъ къ католицизму, еще боявшіеся свѣта дня, обращались къ этой маленькой церкви, соединявшей одновременно и всю пышность новѣйшаго искусства, и почти таинственность катакомбъ».

Вообще постепенно Свѣчина сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго стали группироваться окатоличенные русскіе. Вліяніе, которое она оказывала, было тѣмъ сильнѣе, что, какъ уже упомянуто выше, оно проявлялось въ совершенно незамѣтной формѣ: вліяла не она лично, не путемъ личнаго, непосредственнаго вмѣшательства въ дѣло, а вліяла вся атмосфера ея салона, впечатлѣніе, которое она производила на каждого всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ. Въ этомъ отношеніи, Фаллу, коснувшись роли Свѣчиной въ окатоличеніи князя Гагарина, очень мѣтко охарактеризовалъ значеніе ея салона въ области служенія католицизму. «Пріѣхавъ во Францію, — пишетъ онъ, — князь Гагаринъ зналъ, какъ и многіе русскіе, что католическая церковь и папство играли очень большую роль въ исторіи, но такъ же, какъ и многіе изъ его соотечественниковъ, онъ воображалъ, что оба эти великія установленія — мертвы, и что только небольшой кружокъ отсталыхъ умовъ, по привычкѣ и рутинѣ, продолжалъ называть и считать себя католиками. Салонъ Свѣчиной обнаружилъ передъ нимъ совершенно обратное.

Къ своему величайшему удивленію, онъ увидѣлъ, что католицизмъ, какъ доктрина, еще очень живучъ и свободно воспринимается умами, которые нельзя было назвать ни уснувшими, ни поработченными. Заходила ли рѣчь о какомъ-либо политическомъ событіи, о новой книгѣ, о рѣчи, произнесенной въ палатѣ, о выдающемся процессѣ, о газетной или журнальной статьѣ, иногда даже о театральной пьесѣ, наконецъ о какомъ-либо изъ тѣхъ многочисленныхъ сюжетовъ, случайныхъ и, повидимому, незначительныхъ, которые постепенно привлекаютъ вниманіе и даютъ пищу разговору,—князь Гагаринъ замѣчалъ, что тонъ разговора былъ почти постоянно живой, оживленный, проникнутый убѣжденностью; что каждый вносилъ въ него свою личную окраску, защищалъ свое мнѣніе, которое не всегда было мнѣніемъ другимъ. При этомъ онъ не могъ не замѣтить, что среди безконечнаго разнообразія предметовъ разговора и собесѣдниковъ, среди разнообразія положеній, возраста и партій,—всѣ эти умы были проникнуты одной общей доктриной, обнимавшей собою совокупность всего, и что эта доктрина была католическая вѣра. Вглядываясь ближе, вдумываясь глубже въ свои наблюденія, онъ не могъ не замѣтить, что эта доктрина, свободно воспринятая, не только царилла надъ умами, но и властвовала также надъ волею, что она не только сказывалась въ разговорѣ, но и въ поведеніи, и что у большинства поступки отвѣчали словамъ. Сама Свѣчина являлась наиболѣе трогательнымъ и яркимъ примѣромъ сказаннаго. Съ этого момента католическая церковь, не представляясь еще въ образѣ истины, уже рисовалась воображенію въ видѣ властной царицы, не сошедшей въ могилу, не отрекшейся отъ своихъ правъ, но господствующей надъ умами, очень просвѣщенными, надъ сердцами, умѣющими цѣнить свободу. Заставляя познать въ такой формѣ существованіе, силу и красоту доктрины и проявленій католицизма,—салонъ Свѣчиной и подготавливалъ любить ихъ: подобное вліяніе особенно сильно сказалось на умѣ князя Гагарина».

Къ чести Свѣчиной слѣдуетъ сказать, что когда, въ апрѣлѣ 1842 года, Гагаринъ объявилъ ей о своемъ рѣшеніи перейти въ католичество, а затѣмъ позднѣе, въ 1843 году, готовился принять монашество, Свѣчина не только не подталкивала его къ осуществленію его намѣреній, но высказалась за промедленіе въ принятіи имъ окончательныхъ рѣшеній, чтобы не поступить опрометчиво, не провѣривъ строго самого себя. За то, потомъ, она платила ему какимъ-то восторженнымъ преклоненіемъ съ отгѣнкомъ чисто материнской любви. «Въ тотъ моментъ, когда я теряю васъ,—писала она ему, вслѣдъ за принятіемъ имъ монашества,—я усыновляю васъ, особенно сильно привязываюсь къ вамъ». Она видѣла въ немъ олицетвореніе всѣхъ познаній, носителя благодати, и сознаніе этого наполняло ее «невыразимымъ» счастьемъ. «Изъ всѣхъ,

бого я уважаю и люблю,—писала какъ-то Свѣчина Гагарину, вспоминая и «благословляя» «счастливымъ» день его воссоединенія съ католическою церковью,—никто не пользуется большими уваженіемъ и любовью, чѣмъ вы; только мысль о томъ, что вы ни въ комъ не нуждаетесь, слишкомъ потворствуетъ моей лѣни, и когда вы соблаговоляете,—выраженіе не черезчуръ сильное,—соблаговоляете интересоваться тѣмъ, что я дѣлаю или чего не дѣлаю, вы не только проливаете утѣшеніе въ мое сердце, но вы оживляете меня, какъ оживляетъ милостивый Господь Богъ».

Они расходились лишь во взглядахъ на способы и возможность окатоличенія Россіи. Но и это различіе обуславливалось почти исключительно разницею въ ихъ возрастъ и болѣе житейской опытностью Свѣчиной. Остановившаяся въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гагарину на его планахъ окатоличенія Россіи, она писала между прочимъ: «когда, дорогой другъ, въ пылу своихъ надеждъ, вы осмѣливаетесь заходить въ своихъ мысляхъ до обращенія нашей бѣдной страны, я думаю про себя, что Богъ не забудетъ столь высокаго честолюбія, но, тѣмъ не менѣе, я отношусь съ недовѣріемъ къ возможности осуществленія этихъ желаній. Души, возвращающіяся одна по одной,—вотъ моя программа: нѣтъ кажется, что ихъ мы постоянно будемъ находить. Каботажная торговля нѣчто иное! Подвигаетесь медленно, мало-по-малу, но все-таки подвигаетесь, и этого достаточно, чтобы обогатиться». Въ другомъ случаѣ, касаясь тѣхъ же плановъ Гагарина объ обращеніи въ католичество всего славянскаго міра, она тоже выражала сомнѣніе въ ихъ осуществимости. «Допуская даже,—писала она,—что наступитъ очередь вашихъ бѣдныхъ славянскихъ расъ, я вполне увѣрена, что очередь нашей страны будетъ послѣдняя». Основаніе къ этому она видѣла между прочимъ и въ томъ, что императоръ Николай Павловичъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, могъ увидѣть въ католической церкви нѣчто «въ общемъ незаконное, чудовищное и несовмѣстимое съ отправленіемъ его власти». «Впрочемъ,—прибавляла она, очевидно будучи не въ силахъ совершенно отказаться отъ надежды на осуществленіе мечтаній Гагарина или же, быть можетъ, не желая совершенно разрушить его иллюзіи,—впрочемъ, во время, въ которое мы живемъ, все совершается быстро. Неизвѣстное недавно предстало передъ нами въ столь непредугаданной формѣ, насъ захватило врасплохъ нѣчто до такой степени неожиданное, что, по аналогіи, наши предположенія могутъ оказаться обманутыми въ пользу добра, точно такъ же, какъ они были обмануты въ пользу зла»¹⁾.

Каждый новый случай принятія кѣмъ-либо католичества, каждое

¹⁾ Письмо, изъ котораго взяты приведенныя строки, относится къ апрѣлю 1848 года.

новое «завоеваніе» наполняло сердце Свѣчной радостью. Каждый прозедитъ могъ разсчитывать найти у нея не только нравственную, но и матеріальную поддержку.

Въ перепискѣ Свѣчиной имѣется указаніе, что на нее какъ будто возлагали порученія обращаться въ католичество то или другое изъ намѣченныхъ лицъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ она сообщала: «Насколько только оказывается возможнымъ, я встрѣчаюсь и, какъ могу, вліяю на этого бѣднаго Б; я нахожу его настроеніе лучшимъ; главное было бы знать, какъ взяться за него: въ немъ нѣтъ ничего недоступнаго истинѣ, но только онъ ускальзываетъ изъ рукъ Промысла точно вода. Что же касается адмирала, то я чувствую себя возлѣ него такой сокрушенной, такой смущенной, такой неловкой и робкой, что я могла бы только испортить дѣло, если только есть что портить. Я совершенно непригодна для этой задачи, и положительно необходимо, чтобы меня освободили отъ нея».

Въ одномъ изъ писемъ Свѣчиной къ Гагарину сохранились слѣды участія, которое она принимала въ вопросѣ объ окатоличеніи Тургенева. «Я была такъ поражена мѣстомъ вашего письма, касавшимся Тургенева, — писала она 22-го іюня 1844 года, — что немедленно переписала и послала его ему. Повидимому, онъ тронуть вполне искреннимъ участіемъ, которое моя сестра и я проявляемъ по отношенію къ нему; но мнѣ кажется, что наступить моментъ потребовать отъ совѣсти вступить въ непосредственныя сношенія — хотя бы въ области словопреній — съ какимъ-нибудь другомъ Бога. Выборъ нужно предоставить ему самому: благодать пользуется, какъ средствомъ, всѣмъ и всѣми, но только почти постоянно ей угодно, чтобы выборъ былъ сдѣланъ самопроизвольно, хся бы отъ этого онъ былъ сдѣланъ менѣе правильно и менѣе удачно».

При взглядахъ Свѣчиной на католицизмъ, она не могла не озабочиваться тѣмъ, что столь близкій ей человѣкъ, какъ ея мужъ, остается чуждъ тому, что такъ всецѣло заполняло ее. И, дѣйствительно, она дѣлала попытки приобщить его къ своему религіозному міровоззрѣнію. Но попытки эти оставались безуспѣшными. Между тѣмъ годы текли, и, повидимому, мысль, что мужъ можетъ умереть схизматикомъ, вселяла въ душу Свѣчиной мертвящій холодъ. «Все для меня, — писала она въ концѣ 1847 года, — становится мрачнымъ и очень серьезнымъ, и не безъ внутренняго содроганія приближаюсь я къ угрозѣ, на которую всегда смотрѣла съ ужасомъ. Здоровье, силы моего мужа видимо слабѣютъ, а ничто не измѣнилось въ его душевномъ настроеніи. Помимо его преклоннаго возраста есть много другихъ симптомовъ, тревожащихъ меня. Я увѣрена, что значеніе ихъ не ускальзываетъ отъ него, но это висколько не волнуетъ и не вліяетъ на него: онъ противопоставитъ этимъ предупрежденіямъ свою обычную кротость; ровность его характера

остается неизмѣнною, такъ же неизмѣнно и его стараніе никого не оскорбить; но въ то же время я замѣчаю въ немъ и удручающее равнодушіе, и упорную предубѣжденность, и до сихъ поръ непоколебимую волю не прибѣгать ни къ одному изъ средствъ, которыя предлагаютъ ему, чтобы просвѣтить его. Отецъ Равиньянъ произвелъ на него хорошее и пріятное впечатлѣніе, но исключительно лишь въ качествѣ свѣтскаго чловека, преисполненнаго изящества и вѣжливости. Все, что я сдѣлала, чтобы эта вѣрная оцѣнка привела къ какому-нибудь дѣйствительно хорошему результату, было бесполезно, какъ и всѣ мои попытки, прямыя и косвенныя,—отъ молитвы до каждаго случая, за который ухватывалась мысль, бывшая постоянно насторожѣ.» По своей скромности, не приписывая своей молитвѣ никакой силы, она въ то же время чувствовала, что сама ея скорбь молится «тою горячею молитвою, въ которую уходитъ вся душа». Но и это не помогало, и страшная для нея мысль подтачивала все ея существо.

Къ тяжелому сознанію религіозной разобщенности съ мужемъ присоединился рядъ утратъ дорогихъ и близкихъ людей, слѣдовавшихъ черезъ небольшіе сравнительно промежутки времени. Въ 1844 году умерла графиня Эдлингъ. Вскорѣ затѣмъ умеръ де-ла-Бурдоннъ, съ которымъ ее связывали двадцать лѣтъ дружбы. Въ 1849 году скончалась графиня Нессельроде, ея вѣрный другъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Только глубокая религіозность и горячая вѣра поддерживали Свѣчину и отражались на томъ, какъ она относилась къ ударамъ судьбы, къ «глубокимъ проваламъ», которые дѣлались вокругъ нея. «Таковъ ужъ удѣлъ старости—быть осужденнымъ видѣть, какъ все исчезаетъ,—писала она какъ-то. Съ чловечествомъ происходитъ то же самое, что и съ развалинами: не всѣ онѣ—дѣло времени, и развалины, явившіяся дѣломъ рукъ чловеческихъ, придаютъ образовавшейся пустотѣ особенно безотрадный и опустошенный видъ. Я болѣе и не считаю своихъ потерь, до такой степени онѣ слѣдуютъ быстро одна за другою,—потерь, причиняемыхъ то смертію, то отсутствіемъ, то забвеніемъ, то перемѣнами. Богъ отнимаетъ отъ меня все, и часто на то, что оставляетъ, проливаетъ много горечи, но, несмотря на это, я постоянно чувствую себя все болѣе счастливой, все болѣе искренно довольной, потому что чувствую, что Онъ становится на мѣсто всего того, что отнимаетъ отъ меня». Въ несчастьи она была даже склонна видѣть какую-то особенную милость со стороны неба; но и въ этомъ случаѣ ея скромность не позволяла ей примѣнить къ самой себѣ слова, какъ-то написанныя ею въ утѣшеніе кого-то изъ своихъ друзей, «что Господь соизмѣряетъ испытаніе съ добродѣтелью испытываемаго».

Наконецъ, 13-го ноября 1850 года скончался самъ Свѣчинъ. Смерть его послѣдовала внезапно и мгновенно отъ удара, какъ разъ въ тотъ

моментъ, когда Свѣчина принималась за чтеніе для него газеты. Неожиданность разразившагося надъ нею удара должна была еще болѣе усилить впечатлѣніе, произведенное на нее самымъ фактомъ смерти мужа. А впечатлѣніе это было крайне сильное: первое время она просто не понимала происходившаго вокругъ нея, а потомъ ее чуть не силою пришлось удалить отъ тѣла покойнаго.

Смерть мужа произвела постепенно рѣзкую переѣну въ жизни Свѣчиной: изъ году въ годъ она сокращала свои пріемные часы, затягивала лѣтомъ свое пребываніе внѣ Парижа и ежегодно, на ноябрь и декабрь мѣсяцы, удалялась въ какой-либо монастырь и проводила тамъ время въ полномъ уединеніи.

Вскорѣ Свѣчину постигло новое испытаніе: разразилась Крымская война. Война эта была вдвойнѣ тягостна для нея, такъ какъ она затрогивала одновременно и ея патріотизмъ, и чувство ея привязанности къ Франціи. «Для всѣхъ,—часто говорила она по этому поводу—это война, для меня же—это война междоусобная». Отъѣздъ изъ Парижа русскаго посла естественно долженъ былъ повлечь за собою, по взглядамъ Свѣчиной, и отъѣздъ всѣхъ русскихъ. Но она уже была не въ силахъ послѣдовать этому примѣру, высказывая, что ея уже преклонный возрастъ и болѣзни, сами по себѣ, должны располагать къ снисходительности по отношенію къ ней. Но, тѣмъ не менѣе, она сочла долгомъ удалиться, на время войны, въ монастырь, и побужденія, руководившія ею при этомъ, были, повидимому, по достоинству оцѣнены въ Петербургѣ.

Къ этому времени Свѣчиной было уже 74 года. Какое впечатлѣніе производила еще ея личность, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ отзывовъ о ней извѣстнаго историка Токвиля. «Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше послѣднее письмо,—писалъ онъ въ іюлѣ 1856 года. — Какъ всегда, я нашелъ въ немъ доказательство привязанности, утѣшающей и укрѣпляющей. Я никогда не читаю написаннаго вами, чтобы не испытывать этого двойнаго ощущенія. Причина этого заключается, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ васъ встрѣчаешь душу, легко воспринимающую впечатлѣнія, и умъ, осторожный и питающійся вѣрными принципами. Вотъ въ этомъ-то и заключаются ваше обаяніе и ваша сила». Нѣсколько позднѣе, въ концѣ того же 1856 года, онъ снова писалъ ей: «Позвольте же мнѣ высказать со всею горячностью, которую можно вкладывать въ то, что говоришь издалека и письменно,—что нѣтъ никого, чья судьба интересовала бы меня болѣе, чѣмъ ваша, и кому бы я отъ болѣе полноты сердца желалъ всевозможныхъ благъ, трогających такую душу, какъ ваша, и такъ превосходящихъ способности и даже желанія столь многихъ. Вы любите и знаете цѣну этого благороднаго употребленія жизни. Господь уже надѣлилъ васъ величайшимъ даромъ, который онъ мо-

жетъ ниспослать людямъ, и единственное, чего можно желать, это того, чтобы вы подольше сохранили пользованіе этимъ даромъ».

Но послѣднее пожеланіе Токвиля не исполнилось: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Свѣчиной не стало. Она скончалась 28-го августа (9-го сентября) 1857 года, и ея послѣдніе дни были, по справедливому замѣчанію ея біографа, «въяпомъ, объясненіемъ и проявленіемъ сущности всей ея жизни».

Дѣйствительно, въ теченіе болѣе двухъ недѣль для нея не было никакихъ сомнѣній въ конечномъ исходѣ ея болѣзни. Все ея тѣло отъ горчичниковъ и тому подобныхъ средствъ представляло одну сплошную язву. Она почти ничего не ѣла, бессонница, боли окончательно подтачивали ея физическія силы. А она находила въ себѣ достаточно нравственной энергіи, чтобы, изъ боязни огорчить близкихъ, скрывать отъ нихъ свое настоящее положеніе. Ея приемы продолжались по-прежнему. Она давала обѣды, чтобы тѣмъ вѣрнѣе ввести всѣхъ въ заблужденіе. Сама же она, глубоко убѣжденная, что тамъ, на одрѣ смерти, она обрящетъ «истину», занималась приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и различными распоряженіями относительно своихъ собственныхъ похоронъ, требуя прежде всего строгой простоты.

Какъ оца относилась къ ожидавшей ея участи, лучше всего видно изъ ея отвѣта одному другу, престарѣлой маркизѣ Меллеръ, сказавшей, что она уходитъ отъ нея лишь для того, чтобы помолиться объ ея здоровьѣ. «Благодарю, мой добрый другъ, благодарю,—возразила Свѣчина, — но не просите Бога, чтобы Онъ послалъ мнѣ однимъ днемъ жизни болѣе или однимъ страданіемъ менѣе».

II.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жестокое обращеніе стат. совѣт. Паниной съ своими дочерьми.

(Къ характеристикѣ нравовъ).

1.

Письмо Варвары, Анны и Екатерины Паниныхъ къ А. Н. Тепловой.

24-го марта 1804.

Потерявъ надежду и терпѣніе, тѣмъ болѣе для бѣдныхъ моихъ сестеръ, страдающихъ со мною, я осмѣлилась, и можетъ быть прогнѣвляю Бога, просить у васъ, любезная Анна Николаевна, той помощи, въ коей повидимому никто въ свѣтѣ участія не приѣмлетъ. Ты одна, въ которой мы полагаемъ теперь надежду; повѣрьте, повѣрьте самому Богу, что жизнь наша намъ кажется постылою. Съ каждымъ днемъ, гнѣвъ нашей родительницы увеличивается, такъ что нерѣдко, вмѣсто гоненія словеснаго, иногда мы бываемъ наказываемы всячески, не упоминая о пощечинахъ, ежечасно почти то та, то другая получаетъ; но за что сей гнѣвъ, за что столь сильное обращено немилосердіе на насъ, мы того совсѣмъ не постигаемъ. Сверхъ сего, мы переведены на чердакъ, и тамъ въ одной комнатѣ заперты ключемъ,—словомъ, мы не можемъ никакъ утѣшать тоску свою слезами, одно только утѣшеніе, что мы всѣ четыре сестры неразлучно, и потому наше заключеніе временемъ облегчаетъ тоску нашу. Неужели наша родительница не есть мать наравнѣ съ прочими? тутъ что-то скрывается непостижимое для насъ, или можетъ быть въ жизни нашей опредѣлено страдать свыше мѣръ человѣческихъ. Извините, матушка, длинному моему съ вами объясненію, оное невольное, и я не могла разстаться съ перомъ, найдя случай написать къ вамъ мое и сестеръ моихъ страданіе. Сдѣлайте милость, употребите ваши силы, чтобы мы были заключены въ какой ни есть монастырь, тамъ мы избавимся мучительной жизни, и будемъ со слезами молиться Богу за наши и родителей нашихъ прегрѣшенія. Богъ милосердъ! Онъ нашу молитву услышитъ, и ненависть къ намъ родительская обратится совре-

менемъ въ ту любовь, которая у нихъ при нашемъ рожденіи была. Ради Бога, не оставьте нашей просьбы. Создатель васъ наградитъ своею милостію за спасеніе невинныхъ. Мы увѣрены, что вы насъ не оставите, потому что вы насъ знаете съ той стороны, съ какой съ ребячества съ нами были знакомы. Прощайте, матушка Анна Николаевна, сохраните жизнь несчастнымъ вашимъ преданнымъ.

Р. S. Податель сего письма есть одинъ, который сжалился на наши слезы и взялъ на себя комиссію доставить вамъ письмо наше; ради Бога пришлите съ нимъ отвѣтъ. Скажите, что намъ дѣлать и чего надѣяться?

2.

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ « » августа 1804 г.

Ея величество вдовствующая государыня императрица, получа свѣдѣніе, что живущая въ Москвѣ статская совѣтница Панина, урожденная княжна Юсупова, поступая жестоко съ людьми своими, содержать и дочерей своихъ почти безъ одежды на чердакѣ, томить ихъ голодомъ и наказываетъ тѣлесно, что сосѣдніе дома присылаютъ имъ тайно пищу, что жестокости сіи нѣсколько разъ доходили до свѣдѣнія полиціи и что Панина обязываема была подписками исправиться, но не исправилась,—изволила приказать свѣдѣніе сіе сообщить министерству внутреннихъ дѣлъ.

Вслѣдствіе сего отъ министерства поручено было московскому гражданскому губернатору о всемъ томъ безъ огласки, но достовѣрнымъ образомъ развѣдать.

Губернаторъ доноситъ нынѣ, что онъ во-первыхъ видѣлся для сего съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бантышемъ-Каменскимъ и, по знакомству его съ домомъ Панина, навѣдывался у него о всемъ выпечисанномъ. Онъ сказалъ ему, что дѣйствительно дочери Паниной находятся въ жалкомъ положеніи, что она держитъ ихъ въ заперти и никуда не вывозитъ и не отпускаетъ, но что болѣе сего, онъ ничего ему сказать не можетъ. Послѣ сего, губернаторъ приказывалъ прилежнѣйше и скромнымъ образомъ узнать о всѣхъ поступкахъ Паниной частному приставу той части, гдѣ она живетъ. Сей донесъ, что она имѣетъ при себѣ трехъ совершеннолѣтнихъ дочерей, коихъ содержитъ въ отдѣленной комнатѣ за замкомъ, и оттуда никуда ихъ не выпускаетъ, для услуги же находится при нихъ одна небольшая дѣвочка. Столъ имъ идетъ особый и весьма нужный (плохой), кушанье иногда подаютъ со стола матери, который также посредственный, а иногда готовятъ для нихъ щи да кашу. Сосѣдніе жъ дома присылаютъ ли имъ пищу, того

не замѣчено. Что жъ касается до людей, то ихъ содержитъ она порядочно и истязанья никакого имъ нѣтъ. А мужъ ея хотя живетъ съ нею, но по слабости своей и тихому нраву ни въ какія домашнія распоряженія не входитъ.

Губернаторъ, не остановясь на семь, искалъ подтвержденія тому по дѣламъ полиціи и нашелъ, что по жалобѣ крестьянъ Паниной на жестокіе поступки ея съ ними данъ былъ 19-го февраля 1797 года высочайшій указъ бывшему военному губернатору Архарову и велѣно было сдѣлать о томъ изслѣдованіе. По слѣдствію нашлось все то справедливымъ, и потому мужъ ея обязанъ былъ подпискою надзирать за дѣянiami жены своей и удерживать въ приличныхъ полу ея распоряженіяхъ; при чемъ истребовано обѣщаніе объ освобожденіи содержавшихъ въ разныхъ деревняхъ человекъ до десяти узниковъ. О всемъ томъ донесено было покойному государю императору, и по сему случаю послѣдовалъ генералу Архарову другой указъ отъ 8-го марта, того жъ 1797 года, чтобъ за дѣянiami Паниной и другой участвовавшей съ нею въ жестокостяхъ боровской помѣщицы Головиной имѣть наблюденіе, и при первомъ случаѣ, гдѣ та или другая окажетъ дѣйствіе злости своей, взявъ ее безъ огласки изъ дома, засадить въ какой-либо женскій монастырь.

На подлинномъ докладѣ рукою Кочубея написано: «Высочайше повелѣно передать на разсмотрѣніе военному губернатору, поручивъ (ему) защитить дочерей и укротить мать».

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

II 1).

коло этого времени прибылъ къ австрійскому двору въ Коморнъ прусскій генералъ фонъ-Кнезебекъ и высказался передъ Меттернихомъ въ томъ смыслѣ, что Австрія можетъ навѣрное разсчитывать на Пруссію, если война возобновится. По словамъ Кнезебека, въ бездѣтельности Пруссіи до этихъ поръ виноватъ король, на котораго поѣздка въ Петербургъ произвела самое невыгодное вліяніе; нерѣшительность его объявлялась-де также и выставленіемъ 18-ти или 20-ти-тысячнаго русскаго корпуса на прусской границѣ и признаніемъ собственнаго безсилія. Теперь же, въ виду возбужденія въ сѣверной Германіи, король самъ понимаетъ-де, какія опасности грозятъ Пруссіи со стороны Наполеона, а потому желаетъ возобновленія австро-французской войны и рѣшилъ присоединиться къ Австріи даже въ томъ случаѣ, если Россія, по-прежнему, останется въ союзѣ съ Франціею. Меттернихъ не замедлилъ принять содѣйствіе Пруссіи, однако спросилъ, какими средствами она располагаетъ, на что Кнезебекъ отвѣчалъ, что прусскій король предоставитъ свои войска въ полное распоряженіе Австріи. Тогда рѣшено было допустить Кнезебека къ военнымъ переговорамъ съ фельдцейхмейстеромъ графомъ Бельгардомъ, которому императоръ, въ видѣ руководства на счетъ того, какъ держаться относительно Пруссіи, приказалъ воспользоваться ея помощію, однако не допускать осуществленія ея намѣренія выпутаться чрезъ Австрію изъ опаснаго положенія. Кёнигсбергскій

1) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1900 г.

дворъ боялся слишкомъ рано обнаружить передъ Наполеономъ свои переговоры съ Австрією; поэтому Кнезебекъ держалъ себя крайне осторожно. Даже получивъ приглашеніе ко двору на обѣдъ, онъ не испросилъ аудіенціи у императора, имѣя въ виду выступить въ роли официальнаго лица лишь по объявленіи войны. Только послѣ увѣреній со стороны Меттерниха, что ему нечего бояться компрометтаціи, онъ сталъ ходатайствовать, чтобы ему псзволено было лично вручить императору свои вѣрительныя грамоты, да и то лишь въ виду настоятельнаго требованія Меттерниха, чтобы онъ представилъ хоть какіе-нибудь кредитивы.

Будучи принятъ императоромъ очень милостиво, Кнезебекъ не услышалъ отъ него ничего такого, чего не говорили ему ранѣе Стадіонъ и Меттернихъ. Графу Бельгарду онъ выразилъ желаніе, чтобы австрійское правительство дало Пруссіи какой-нибудь поводъ, который оправдывалъ бы передъ Наполеономъ сосредоточеніе ея войскъ въ Силезіи. Тогда барону Весенбергу дано было предписаніе выразить фонъ-деръ-Гольцу безпокойство Австріи по поводу передвиженія прусскихъ войскъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, конфиденціально объяснить ему причину такого представленія. Несмотря на эти переговоры, Кнезебеку не вѣрилось, чтобы австрійскій дворъ дѣйствительно стремился къ войнѣ; ему, по его наблюденіямъ, казалось, что съ заключеніемъ мира медлятъ только потому, что еще ожидаютъ вѣстей изъ Петербурга, куда, какъ онъ думалъ, посланъ кто-нибудь. Поэтому онъ рѣшилъ держаться насторожѣ и ограничиться наблюденіемъ за тѣмъ, что происходитъ въ арміи. И въ самомъ дѣлѣ, при всемъ вліяніи военной партіи, которую сильно поддерживала императрица, не менѣе вѣса имѣли и голоса, раздававшіеся въ пользу мира; голосовъ этихъ было такъ много, что можно было ожидать побѣды мирнаго теченія. Въ пользу мира горячо ратовалъ и извѣстный публицистъ Фридрихъ Генцъ, незадолго передъ тѣмъ не менѣе горячо настаивавшій на войнѣ. Въ письмахъ своихъ къ тогдашнимъ вліятельнымъ лицамъ онъ старался доказать, что только скорое заключеніе мира можетъ спасти монархію отъ вѣрной гибели.

Вѣсти изъ французской главной квартиры были тоже благопріятны для мира. Говорили, что мужество и выносливость австрійской арміи внушили французскимъ генераламъ уваженіе къ ней и что они желаютъ скорѣйшаго прекращенія кровопролитія. Въ пользу упроченія мирнаго настроенія говорили и другія обстоятельства. Въ однихъ только вѣнскихъ госпиталяхъ находилось 43.000 французовъ. Въ бою 5-го и 6-го іюля изъ строя вышло 30.000 человекъ и было частью перебито, частью ранено 28 генераловъ. Хотя оказавшіеся въ войскахъ пробѣлы и могли бы, конечно, быть пополнены путемъ новаго набора, однако новобранцы не замѣнили бы привычныхъ къ боямъ солдатъ, которыхъ лишилась французская армія въ этомъ походѣ. А тутъ пронеслась еще

вѣсть объ англійской экспедиціи, цѣль которой была неизвѣстна. Кромѣ того, французовъ не могло не тревожить господствовавшее во всѣхъ слояхъ населенія сѣверной Германіи броженіе, тѣмъ болѣе, что и среди союзныхъ германскихъ войскъ обнаружилось сильное недовольство. Изъ Испаніи тоже шли дурныя вѣсти, и потому неудивительно, что во французской главной квартирѣ скорое заключеніе мира представлялось желательнымъ.

При всемъ томъ, переговоры на мирномъ конгрессѣ въ Альтенбургѣ тянулись очень медленно. Шампанья настаивалъ на своемъ требованіи, чтобы пренія велись на основѣ «*uti possidetis*», на что Австрія не могла согласиться. Наполеонъ смотрѣлъ на Австрію крайне враждебно и полагалъ, что онъ можетъ стать спокойнымъ на ея счетъ лишь послѣ совершеннаго ея ослабленія, въ чемъ впоследствии и сознался однажды князю Шварценбергу. Но австрійскій дворъ не считалъ еще себя до такой степени обезсиленнымъ, чтобы безусловно подчиниться противнику, и готовъ былъ продолжать борьбу до послѣдней капли крови. Примирительныя попытки, однако, не прекращались, такъ какъ миръ все-таки представлялся лучшимъ исходомъ. Послали въ Вѣну графа Бубна съ письмомъ отъ императора; въ письмѣ изложена была жалоба на медленность переговоровъ въ конгрессѣ и на поставляемыя Шампанья невозможныя условія. Бубна явился въ Шёнбруннъ, былъ милостиво принятъ Наполеономъ и принципъ «*uti possidetis*» былъ отброшенъ, послѣ чего графъ Бубна вернулся къ австрійскому двору съ ультиматумомъ Наполеона: императоръ французовъ требовалъ отъ Австріи уступки на Иннѣ и на итальянской границѣ областей съ населеніемъ въ 1.600.000, а въ Галиціи съ двумя милліонами душъ и, кромѣ того, уступки Триеста съ австрійскимъ Литоралемъ.

Требованіе это вновь подняло воинственный духъ при австрійскомъ дворѣ; однако, въ концѣ концовъ дворъ рѣшился соблюдать сдержанность. Бубна былъ вторично командированъ въ Вѣну, но засталъ тамъ положеніе дѣлъ уже значительно измѣнившимся. Наполеонъ не только настаивалъ на своемъ ультиматумѣ, но требовалъ еще и уступки Фиуме и всего венгерскаго Литорала, причѣмъ снова возбудилъ вопросъ объ отреченіи императора Франца въ пользу великаго герцога Вюрцбургскаго. Казалось, что войны не миновать. Между тѣмъ, изъ всѣхъ частей монархіи стали поступать тревожныя извѣстія объ измѣнившемся настроеніи населенія, истомленнаго военными передрыгками и взывавшаго о мирѣ. Печальны были также вѣсти изъ Богеміи и Моравіи, куда навѣрное ожидалось вступленіе русскихъ войскъ. Въ такомъ случаѣ, области эти были бы совершенно отрѣзаны отъ Венгріи и не могли бы добывать себѣ ни нужныхъ бумажныхъ денегъ, ни необходимой соли, которая и безъ того уже непомерно вздорожала. Относительно Россіи

нельзя было уже и сомнѣваться, что она стремится овладѣть Галиціей; правительственный президентъ во Львовѣ, Кортумъ, доносилъ, что князь Голицынъ приказалъ опускать во всѣхъ паспортахъ наименованіе «императорско-королевскій». Численность русскаго корпуса опредѣлена теперь въ 40.000 человекъ, писалъ онъ, прибавляя, что, сверхъ того, на границу будетъ приведено 60.000 человекъ. Говорили, что къ Галиціи уже идутъ дивизія въ составѣ четырехъ полковъ и нѣсколько казачьихъ сотенъ.

Въ виду всего этого, 23-го сентября въ Тотисѣ, гдѣ находился австрійскій дворъ, созванъ былъ большой совѣтъ; сама императрица Марія-Людовика отказалась отъ своего сопротивленія миру. Князь Лихтенштейнъ и графъ Бубна были отправлены въ Шёнбруннъ съ надлежащими полномочіями для непосредственныхъ мирныхъ переговоровъ. Графъ Стадіонъ, котораго Наполеонъ ненавидѣлъ, окончательно сложилъ съ себя должность, и вмѣсто него министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Меттернихъ. Переговоры приняли благопріятное направленіе, и 14-го октября Шампаньи и князь Лихтенштейнъ подписали мирный договоръ. Лихтенштейнъ не считалъ, однако, дѣла вполне оконченнымъ, пока договоренныя условія не будутъ утверждены императоромъ Францемъ; но Наполеонъ успѣшилъ оповѣстить вѣнское населеніе пушечными выстрѣлами о состоявшемся мирѣ, какъ-бы желая отрѣзать австрійскому двору всякое отступленіе. Императору Францу не оставалось ничего иного, какъ принять выработанныя въ Шёнбруннѣ условія, чтобы не выставить себя передъ всѣмъ міромъ нарушителемъ спокойствія.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ было вообще таково, что Наполеонъ не могъ не желать при помощи мира съ Австріею развязать себѣ руки. Ему надо было принимать серьезныя мѣры въ Испаніи; притомъ и Россія внушала ему кое-какія опасенія. Увеличеніе герцогства Варшавскаго въ силу шёнбрунскаго мира должно было вызвать въ Петербургѣ неудовольствіе противъ Наполеона, и хотя императоръ Александръ не сдѣлалъ вначалѣ никакихъ возраженій противъ этого мира, однако союзъ между обоими монархами подвергся серьезному испытанію, и Наполеонъ едва-ли обманывалъ себя на этотъ счетъ. По отношенію къ петербургскому кабинету онъ сталъ проявлять величайшую предупредительность, желая во что бы ни стало скрыть отъ всѣхъ, что дружба его съ Россіей можетъ хоть сколько-нибудь поколебаться. Близжайшее будущее было еще слишкомъ неопредѣленно, чтобы онъ не желалъ самымъ тщательнымъ образомъ поддерживать хорошія отношенія къ императору Александру. Онъ уклонялся отъ всякихъ попытокъ австрійскихъ государственныхъ людей разрознить его съ Россіей, такъ какъ еще слишкомъ мало довѣрялъ Австріи, чтобы заходить съ

нею черезчуръ далеко. Притомъ, Австрія вышла изъ войны настолько ослабленною, что сама вынуждена была искать опоры во Франціи, такъ какъ иначе ей не на кого было бы опереться. На безсильную Пруссію разсчитывать было нечего; Россія, все еще находившаяся въ союзѣ съ Франціею, угрожала на нижнемъ Дунаѣ жизненнымъ интересамъ монархіи. Для Наполеона такое положеніе было чрезвычайно выгодно: онъ могъ натравливать Австрію на Россію и тѣмъ самымъ предотвратить ихъ сближеніе между собою, а тѣмъ временемъ онъ пріобрѣталъ досугъ для завершенія испанскихъ дѣлъ.

Мысль о сближеніи съ Франціею постепенно распространялась и въ Австріи, какъ ни многочисленны и ни вліятельны были противники Наполеона. Все чаще и настойчивѣе дѣлались указанія на то, что Австрія всегда жертвовала имуществомъ и кровью общему дѣлу, а въ рѣшительную минуту была покидаема ея союзниками. Печать все громче высказывалась въ томъ смыслѣ, что прочнаго мира можно достигнуть только въ союзѣ съ Франціею, а убѣжденіе въ томъ, что противъ такого военнаго генія, какъ Наполеонъ, всякія военныя предпріятія все равно будутъ бесплодны,—было всеобщимъ. При этомъ многіе надѣялись, что въ союзѣ съ Наполеономъ Австрія можетъ вновь возстановить свои размѣры и могущество, потому что если она и вытѣснена съ запада, то для нея открыты широкія перспективы на востокъ: владычество ея могло бы распространиться вдоль Дуная до береговъ Чернаго моря. Наиболѣе ревностнымъ сторонникомъ мира былъ Меттернихъ. Хотя въ своихъ докладахъ императору онъ и продолжалъ выставлять Наполеона воплощенною революціей и разрушителемъ, стремящимся къ всемірному владычеству, тѣмъ не менѣе считалъ необходимымъ связать судьбы монархіи съ дѣятельностью этого «демона-разрушителя». Въ виду недостаточной еще въ ту пору ясности положенія, о союзѣ не могло пока быть и рѣчи, но зародышъ такого союза уже крылся въ той системѣ, которой, повидимому, вознамѣрился держаться Меттернихъ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, котораго винили въ интригахъ, веденныхъ, какъ говорили, имъ противъ Стадіона, съ цѣлью занять его мѣсто, пользовался въ Австріи лишь малымъ сочувствіемъ. Наполеонъ тоже дурно отзывался о немъ, такъ какъ еще прежде пыталъ къ нему нерасположеніе, зная, что Меттернихъ былъ однимъ изъ главныхъ инициаторовъ прежнихъ коалицій и особенно послѣдней войны. Императору навѣрное было извѣстно и объ отношеніяхъ, которыя Меттернихъ, состоя посломъ при тюльрійскомъ дворѣ, вѣроятно, поддерживалъ съ Тальраномъ, Фуше и ихъ враждебными Наполеону сторонниками. Тѣмъ не менѣе, назначеніе Меттерниха министромъ иностранныхъ дѣлъ не встрѣтило протеста со стороны Наполеона; чѣмъ этотъ дипломатъ успѣлъ сдѣлать себя возможнымъ при дворѣ импера-

тора французовъ—о томъ нѣтъ свѣдѣній, но несомнѣнно, что во времени назначенія его на министерскій постъ неудовольствіе Наполеона противъ него нѣсколько сгладилось. Назначеніе же министромъ именно Меттерниха объясняется тѣмъ, что онъ, хотя бы и не особенно удобный Франціи, былъ все же наиболѣе выдающимся въ ряду современныхъ ему государственныхъ дѣятелей въ Австріи. Еще состоя посланникомъ въ Берлинѣ, а затѣмъ посломъ въ Парижѣ, онъ, конечно, счумѣлъ обратить на себя вниманіе императора Франца. Его депеши, въ которыхъ событія всегда излагались съ широкой общей точки зрѣнія, свидѣтельствуютъ о талантѣ, проницательности и государственномъ умѣ. Кромѣ того, онъ всегда проявлялъ большую ловкость въ руководствѣ переговорами, а при гибкости его характера ему легко удавалось приспособляться къ измѣнявшимся обстоятельствамъ, что должно было считаться особенно цѣннымъ при тогдашнемъ положеніи качествомъ. При такихъ данныхъ, было естественно, что императоръ Францъ остановилъ свой выборъ на Меттернихѣ, который и счумѣлъ вскорѣ приобрести довѣріе своего монарха.

III.

Шенбрунскій миръ былъ самымъ невыгоднымъ изъ всѣхъ, какіе заключала до тѣхъ поръ Австрія. Имъ завершился печальный періодъ, принесшій монархіи однѣ потери; послѣдняя же война нанесла ей прямо неисцѣлимые раны. Потеря государственныхъ средствъ была безмѣрна и расходы на вооруженія и содержаніе арміи громадны. Отошедшіе къ непріятелю запасы изъ разныхъ складовъ представляли очень значительную сумму; введенные непріятелемъ налоги и поборы опредѣляются въ 16.764.999 франковъ, а расходы на содержаніе этаповъ и госпиталей при выступленіи французовъ, равно какъ платежи, наложенные на венгерскіе комитаты и города, исчислены въ 23.513.346 франковъ. Въ одной нижней Австріи убытки отъ разграбленія и всякихъ поврежденій составили 96.322.654 франка. Относительно прочихъ областей свѣдѣній, къ сожалѣнію, нѣтъ.

По официальной вѣдомости французскаго главнаго штаба, на продовольствіе французской арміи во время занятія австрійскихъ земель потребовалось 57.260.000 фр., а къ этой суммѣ надо еще прибавить громадныя расходы, причиненныя поставкою подводъ и другими видами натуральной повинности. Сельское населеніе испытывало крайнюю нужду въ полевыхъ продуктахъ, отобранныхъ непріятелемъ, и власти

были вынуждены закупить для поселянъ одного хлѣба на 146 милліоновъ гульденовъ. Громадные убытки нанесены были и торговлѣ, вслѣдствіе отрѣзанія сношеній съ имперскими землями, а потери по случаю паденія кредита и множества банкротствъ даже невозможно и опредѣлить цифрами. Паденіе цѣны банковыхъ билетовъ повело къ вздорожанію всѣхъ товаровъ и подорвало благосостояніе народа. Поступленіе податей, уменьшившееся уже вслѣдствіе захвата непріятелемъ нѣсколькихъ провинцій, сократилось еще болѣе вслѣдствіе обусловленной шенбрунскимъ миромъ уступки территорій. Австрія, какъ извѣстно, потеряла Зальцбургскій районъ съ Берхтесгаденомъ (64,75 геогр. кв. миль), графство Герцъ съ Монфальконе, городъ Триестъ съ его областью, Вилахскій округъ Каринтіи (94,24 геогр. кв. миль), Крайну съ частями Хорватіи (64,80 геогр. кв. миль), шесть округовъ хорватской Военной границы (233,82 геогр. кв. миль), Фиуме со всѣмъ венгерскимъ Литораломъ, австрійскую Истрію съ зависѣвшими отъ нея островами и всѣ земли, расположенныя на правомъ берегу Савы, такъ что тальвегъ этой рѣки сдѣлался границею французскихъ владѣній. Монархіи пришлось отказаться отъ энклавъ въ Граубюнденѣ и Рацумѣ и уступить нѣсколько богемскихъ энклавъ саксонскому королю. Весьма чувствительна была потеря всей западной Галиціи, уступленной герцогству Варшавскому, вмѣстѣ съ подлежащею позднѣйшему опредѣленію областью вокругъ Кракова и съ восточно-галицкимъ Замосцьскимъ округомъ. Отъ восточной Галиціи отошла еще къ Россіи область съ населеніемъ въ 400.000 жителей, въ которую, однако, не былъ включенъ городъ Броды. Отграниченіе этой территоріи было предоставлено позднѣйшему соглашенію съ Россіей. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ урѣзокъ, площадь Австріи, равнявшаяся послѣ люневильскаго мира 12.582,94 геогр. кв. милямъ, сократилась до 9.484,82 геогр. кв. миль, а численность народонаселенія, доходившая послѣ смерти императора Іосифа II до 24.370.000 душъ, равнялась теперь, по показанію Меттерниха, 22.700.000, а по другимъ свѣдѣніямъ даже всего 22.370.000 душъ. Соответственно всѣмъ этимъ потерямъ, и состояніе австрійскихъ финансовъ стало вполнѣ безотраднымъ. Кромѣ того, подорваны были еще оборонительныя средства монархіи, лишившейся своихъ военныхъ границъ. Еще по пресбургскому миру Австрія утратила свой главный оплотъ, Тироль, съ потерей котораго всякому непріятелю становилось нетрудно вторгнуться въ долину Дуная. Потеря Тироля подорвала положеніе Австріи въ Италиі, такъ какъ находящуюся тамъ армію непріятель могъ атаковать съ фланга и съ тыла. Но утрата этой области до нѣкоторой степени возмѣщалась для Австріи обладаніемъ Каринтіей и Крайною, а также приобрѣтеніемъ Зальцбурга. Австрія все еще господствовала надъ дорогою въ Италию. Теперь же утратилась и эта выгода, такъ какъ по шенбрунскому миру

австрійцы должны были уступить Вилахскій округъ Каринтіи и всю Зальцбургскую область. Оборонительнымъ средствамъ монархіи нанесенъ былъ еще дальнѣйшій ударъ отнятіемъ Инскаго и половины Гаусрукскаго районовъ, такъ какъ волѣдствіе ихъ уступки Вѣна очутилась ближе къ границѣ и, такимъ образомъ, подвергалась ближайшей опасности при всякой войнѣ, потому что германскихъ государей, вассаловъ Наполеона, нельзя было не считать непріятелями.

Помимо огромныхъ невыгодъ съ военной точки зрѣнія, утрата Зальцбурга, названныхъ частей Каринтіи и Верхней Австріи была крайне тяжела и въ экономическомъ отношеніи. Съ утратою Зальцбурга и Берхтесгадена Австрія лишалась богатыхъ солеваренъ. Область эта была богата лѣсами, превосходными лугами и цвѣтущимъ скотоводствомъ; средній за десять лѣтъ совокупный доходъ съ нея считался въ 1.091.809 гульденовъ, а доходъ съ Вилахскаго округа Каринтіи въ 2.100.000 гульд. Верхняя Австрія изобиловала лошадьми, рогатымъ скотомъ и овцами и имѣла много фабрикъ; въ Каринтіи и Крайнѣ находились богатые рудники. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ Крайнѣ знаменитый ртутный рудникъ въ Идріи, дававшій ежегодно отъ 5 до 6 тысячъ метрцентнеровъ ртути. Центнеръ продавался въ Австріи по 143, а за-границу по 167 гульденовъ. Весьма цѣнную статью отпускной торговли составлялъ крайнскій строительный лѣсъ; кромѣ того, въ Крайнѣ добывалось ежегодно отъ 28 до 29 тысячъ центнеровъ свинца. Хорошій доходъ давали и находившіяся въ Крайнѣ и Каринтіи государственныя земли. Все это было теперь потеряно.

Еще болѣе тяжела была для Австріи утрата австрійскаго и венгерскаго Литорала съ двумя главными приморскими торговыми городами, Триестомъ и Фіуме, а также всѣхъ морскихъ портовъ. По уступкѣ 283,½ кв. миль изъ состава хорватско-славонскихъ земель, Венгрія оказалась открытою для всякаго непріятельскаго вторженія; укрѣпленіе новой границы потребовало бы колоссальныхъ денежныхъ жертвъ и чрезвычайно долгаго времени. Съ потерей же Триеста и Фіуме монархія лишилась морского пути для вывоза своего сырья и промышленныхъ продуктовъ и потеряла выгоды отъ непосредственнаго ввоза колониальныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно уничтожена была и транзитная торговля, оживлявшая внутреннія области Австріи. Словомъ, едва-ли было бы возможно выразить въ цифрахъ размѣры тяжкаго ущерба, нанесеннаго Австріи несчастною войной въ экономическомъ, финансовомъ, торговомъ, политическомъ и военномъ отношеніяхъ. Вѣнскій (шёнбрунскій) миръ разрушилъ немало надеждъ на возрожденіе Австріи, которыя она питала послѣ люневильскаго мира, когда начала-было быстро развиваться ея морская торговля. Для австрійцевъ было лишь слабымъ утѣшеніемъ, если четвертою статьею вѣнскаго мира

постановлялось, что ввозной и отпускной торговлѣ въ Фиуме не будетъ ставиться никакихъ препятствій и Австріи обѣщаны были въ венгерскихъ морскихъ портахъ меньшія транзитныя пошлины, чѣмъ всѣмъ другимъ государствамъ. Вопросъ о распространеніи льготъ и на другіе порты рѣшено было отложить до дальнѣйшихъ переговоровъ. Впрочемъ, Шампанья заявилъ по поводу 4-й статьи, что она касается лишь отдѣльныхъ таможенныхъ льготъ и что подробности могутъ быть выработаны только послѣ выдѣленія таможенныхъ сборовъ изъ суммы расходовъ по содержанию порта. Впослѣдствіи оказалось, что 4-я статья никогда не была осуществлена.

Изъ состава Галиціи, въ уступленной герцогству Варшавскому области числилось 1.336.983 жителя, а вмѣстѣ съ территорією, отошедшею къ Россіи, Австрія лишилась 1.736.983 душъ (публицистъ Генцъ опредѣляетъ эту потерю даже въ 1.900.000 душъ). Значительную выгоду представляло для австрійцевъ то, что важный торговый городъ Броды остался за монархією. Вообще, со стороны Франціи не только не было проявлено особаго интереса по вопросу о территоріи, подлежащей уступкѣ въ пользу Россіи, но Шампанья даже открыто заявлялъ, что для Франціи нѣтъ никакого расчета увеличивать владѣнія Россіи и что Наполеону и безъ того очень непріятно, что обстоятельства вынуждаютъ его обезпечить за русскими Молдавію и Валахію. Какъ ни характерно было это заявленіе, въ смыслѣ обрисовки франко-русскихъ отношеній, однако оно не могло, конечно, вознаграждать Австрію за потерю западной Галиціи, богатой хлѣбомъ, горнозаводскими произведеніями, табакомъ и солью. Знаменитыя солеварни въ Величкѣ поступили въ совмѣстное владѣніе Австріи и герцогства Варшавскаго, вслѣдствіе чего Австрія могла впредь пользоваться лишь частью доходовъ отъ этихъ солеваренъ, дававшихъ, по меньшей мѣрѣ, 4.601.161 гульденъ въ годъ. Въ стратегическомъ отношеніи для Австріи было важно оставленіе за нею лѣваго берега Вислы. Если бы онъ былъ у нея отнятъ, герцогство Варшавское пріобрѣло бы прочную базу для дѣйствій на востокъ; оно могло бы укрѣпить оба берега и соединить ихъ мостовыми укрѣпленіями.

По статьѣ 10-й Наполеонъ обязался даровать полную амнистію жителямъ Тироля и Форарльберга за ихъ участіе въ возстаніи во время послѣдней войны; такое же обязательство принялъ на себя и австрійскій императоръ по отношенію всѣхъ жителей оставшейся во владѣніи Австріи части Галиціи, участвовавшихъ въ послѣднемъ возстаніи. Жителямъ герцогства Варшавскаго, имѣвшимъ владѣнія въ австрійской Галиціи, дано было право безпрепятственно и безпошлино извлекать изъ этихъ владѣній доходы. Такимъ образомъ, созданъ классъ такъ-называемыхъ «смѣшанныхъ подданныхъ», отнюдь не желательный съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ онъ слишкомъ часто подаетъ по-

воды къ различнымъ осложненіямъ и затрудненіямъ. И дѣйствительно статья 10-я долго потомъ служила источникомъ разнообразныхъ пререканій. Затрудненія вызывались также и статьею 6-ю, особенно тѣми ея постановленіями, которыя касались управленія подлежащими возврату Австріи провинціями и находившимися въ нихъ государственными имуществами.

На основаніи 9-й статьи Австрія приняла на себя обязательство уплачивать непокрытые проценты по всѣмъ тѣмъ капиталамъ, которые заняты были государствомъ и сословіями отъ подданныхъ и корпорацій Франціи, королевства Италіи и великаго герцогства Бергъ, или которые были вложены въ банкъ, въ лотереи и другія общественныя учрежденія. По поводу этой статьи Шампаньи далъ австрійскимъ представителямъ увѣреніе, что на ея выполненіи настаивать не будутъ; она-де включена Франціею въ договоръ единственно съ цѣлью показать французамъ, голландцамъ и итальянцамъ, что Наполеонъ не забылъ объ ихъ интересахъ.

Взаимныя признанія Австріею новаго положенія дѣлъ въ Италіи, Испаніи и Португаліи, Франція статьею 14-ю гарантировала австрійскія владѣнія въ томъ видѣ, какой приданъ былъ имъ шёнбрунскимъ миромъ. Эта гарантія очень удивляла современниковъ, такъ какъ имъ было непонятно, противъ кого собственно гарантируютъ Австрію: ужъ не противъ ли замысловъ русскаго императора на Польшу? Но вѣдь въ послѣднюю войну императоръ Александръ вовсе не спѣшилъ нападеніемъ на Австрію. Если ужъ можно опасаться чего-нибудь по отношенію къ Галиціи, то скорѣе всего со стороны герцогства Варшавскаго; въ такомъ случаѣ, почему же не дано обоюдной гарантіи?

Дальнѣйшія статьи мира касаются амнистіи, которую должны даровать объ договаривающіяся стороны, обмѣна плѣнными, сроковъ для передачи архивовъ, плановъ и пр., и установленія границъ уступленныхъ областей. Шёнбрунскій миръ былъ распространенъ также и на союзниковъ Франціи: королей испанскаго, голландскаго и неаполитанскаго, а также на всѣ государства Рейнскаго союза. Только Россія не была включена въ гласный договоръ.

Мы уже видѣли, что мирныя условія были настолько тяжелы, что ставили Австрію почти на краю пропасти; но еще тяжелѣе были постановленія особыхъ секретныхъ статей договора. Первою изъ этихъ статей постановлялось, что мирный договоръ долженъ считаться общимъ и для союзницы Франціи, Россіи; а потому во 2-й статьѣ говорилось: «Е. в. императоръ австрійскій, въ виду уменьшенія его владѣній и стремясь устранить все, что могло бы породить безпокойство и недовѣріе между обоими государствами, а также засвидѣтельствовать свои мирныя намѣренія, обязывается сократить кадры своихъ войскъ на столько,

чтобы общая численность войскъ всѣхъ родовъ оружія и иныхъ не превышала 150.000 человекъ въ продолженіе морской войны». Въ видахъ устраненія поводовъ къ нарушенію въ будущемъ добрыхъ отношеній между Франціею и Австріею, австрійскій императоръ, статьею 3-й, обязывался не удерживать на своей службѣ французскихъ офицеровъ, политическихъ и гражданскихъ агентовъ, родившихся на бывшей территории Франціи, пьемонтцевъ или жителей бывшихъ венеціанскихъ владѣній, и высылать ихъ изъ предѣловъ Австріи. Статья 4-я обязывала австрійскаго императора утвердить всѣ обязательства, принятые на себя, во время оккупации, австрійскими провинціями, которыя были заняты французскими войсками. Статья 5-я возлагала на австрійскаго императора обязанность уплатить сумму, которая останется неуплаченною изъ 200 милліонной контрибуціи, наложенной на различныя, занятые французскими арміями, области; но, чтобы облегчить эту уплату, императоръ французовъ изъявлялъ согласіе уменьшить контрибуцію до 85 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ 30 милліоновъ должны быть внесены ранѣе очищенія Вѣны французскими войсками, а остальная сумма уплачена тогда же векселями на Гамбургъ, Лейпцигъ, Амстердамъ, Аугсбургъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Базель и Парижъ, съ ежемѣсячнымъ ихъ погашеніемъ. Въ статьѣ 6-й (последней) было оговорено, что настоящая секретная конвенція имѣетъ такую же силу, какъ если бы статья ея были дословно внесены въ подлинный мирный договоръ. Конвенція эта подписана была княземъ Лихтенштейномъ и Шампаньи 14-го октября 1809 г.

Изъ перечня статей означенной конвенціи ясно, что онѣ довершали нанесенный Австріи войною ударъ. Помимо унижительнаго для всякаго государства воспрещенія развивать свои вооруженныя силы сообразно собственной потребности въ охранѣ, на Австрію, сильно урѣзанную территориально, возлагалась еще совершенно непосильная для нея въ то время уплата 85 милліоновъ военной контрибуціи. Австрійская казна была почти пуста, и свѣдущіе люди утверждали, что она отнюдь не будетъ въ состояніи вынести это бремя. Но монархія нуждалась въ мирѣ во что бы ни стало и не могла не принять поставленныхъ ей условій, хотя императоръ Францъ и былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что его представители при переговорахъ согласились на 5-ю статью секретной конвенціи. Графъ Меттернихъ, съ своей стороны, былъ особенно недоволенъ недостаточною точностью статей мирнаго договора, которая должна была впоследствии подать поводъ къ различнымъ истолкованіямъ ихъ; кромѣ того, къ числу недостатковъ договора должно быть отнесено еще то, что онъ, подобно почти всѣмъ другимъ мирнымъ трактатамъ, оставлялъ много вопросовъ открытыми. Рядъ переговоровъ, непосредственно слѣдовавшихъ за прекращеніемъ этой несчастной для

Австріи войны, завершился состоявшимся 7-го (19-го) марта 1810 г. соглашеніемъ между Австріею и Россіей относительно областей Галиціи, уступленныхъ Россіи, и лишь впоследствии завязались дальнѣйшіе переговоры о вопросахъ, оставшихся открытыми.

На этомъ оканчивается введеніе, предпосланное Демеличемъ его книгѣ. Мы изложили это введеніе съ возможною полнотою, находя, что оно съ большою обстоятельностью обрисовываетъ картину претерпѣннаго Австріею разгрома и тѣхъ условій, при которыхъ графъ Меттернихъ принялъ въ свои руки завѣдываніе вѣдѣннею политикою монархіи. Теперь мы перейдемъ къ очерку той поры дѣятельности этого министра, описанію которой авторъ посвятилъ I томъ своего труда.

IV.

Назначеніе графа Меттерниха министромъ иностранныхъ дѣлъ состоялось 7-го (19-го) октября 1809 года. Мы уже знаемъ, что онъ стремился если не къ союзу, то къ сближенію съ Франціей, въ надеждѣ обезпечить монархіи періодъ спокойствія, которымъ она могла бы воспользоваться для возстановленія своихъ распатанныхъ финансовъ, преобразованія арміи и подъема внутреннихъ вспомогательныхъ источниковъ государства. Онъ хотѣлъ поставить Австрію въ возможность собраться съ силами и приготовиться ко дню окончательнаго разчета съ Франціей. Конечно, день этотъ былъ очень далекъ. При жизни Наполеона Меттернихъ и не рассчитывалъ на перемиріе обстоятельствъ, а потому въ сношеніяхъ съ нимъ рѣшилъ держаться политики лавированія, уклончивости и лести. По отношенію къ внутреннимъ дѣламъ, графъ признавалъ главнѣйшею задачей правительства упорядоченіе финансовъ и потому совѣтовалъ величайшую бережливость въ расходахъ. Однако общее положеніе дѣлъ въ Европѣ казалось ему настолько шаткимъ, что онъ уже и тогда старался подготовить средства, необходимыя на случай вѣдѣнныхъ осложненій. Полная беззащитность монархіи представлялась ему тѣмъ болѣе нежелательною въ такое время, когда онъ старался войти въ тѣсныя сношенія съ Франціей: онъ зналъ, что безсильный союзникъ никому не нуженъ. Большія тревоги причинялъ вѣдѣнному кабинету и франко-русскій союзъ, который признавался еще нерасторгнутымъ и могъ угрожать Австріи опасностями, такъ какъ обѣимъ союзнымъ державамъ приписывались завоевательные замыслы. Поэтому Меттернихъ поставилъ себя задачей нарушить узы, соединявшія французскій и русскій дворы, и, если ока-

жется возможнымъ, стать въ союзѣ на мѣсто Россіи. Въ этомъ онъ успѣха не имѣлъ: разрывъ между Франціею и Россіею послѣдовалъ отчасти изъ-за Польши, призракъ который появился на политическомъ горизонтѣ, частью изъ-за французской торговой системы, угрожавшей Россіи матеріальнымъ урономъ, а вовсе не подъ вліяніемъ новой австрійской политики. Императоръ Александръ и его правительство уже тогда были убѣждены въ неизбежности войны съ Франціею, а потому для нихъ было желательно сближеніе съ Австріею, и графъ Меттернихъ ошибался, если думалъ, что онъ можетъ оказать вліяніе на рѣшенія Россіи. Что касается Франціи, то отношенія съ нею не налаживались сразу: вопросъ объ очищеніи занятой австрійской территоріи, уплата военной контрибуціи и другіе второстепенные вопросы служили поводомъ къ крайне тягостнымъ пререканіямъ, во время которыхъ неразъ обнаруживались слѣды неуглешейся еще взаимной ненависти между побѣдителями и побѣжденными. Графъ Меттернихъ изо всѣхъ силъ старался поддерживать возможное согласіе между сторонами, спѣшилъ выполнить постановленныя условія мира и дать вѣшнимъ отношеніямъ монархіи то направленіе, котораго требовало измѣнившееся положеніе дѣлъ. Пришлось упразднить немало союзовъ и обязательствъ и возстановить упраздненные, что вызывало въ разныхъ мѣстахъ неудовольствіе противъ Австріи.

Весьма щекотливымъ вопросомъ оказались отношенія къ св. престолу. Папская область была упразднена, и мѣстопребываніе папы оставалось въ Вѣнѣ неизвѣстнымъ. Представитель Австріи при папскомъ престолѣ, Лебцельтернъ, покинулъ Римъ еще въ началѣ франко-австрійской войны, и такимъ образомъ сношенія съ папою прекратились. Между тѣмъ, для Австріи было какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ въ высшей степени желательно имѣть представителя при папѣ, такъ какъ она, подобно Франціи, всегда стремилась заручиться первенствомъ у папы, ради поддержки имъ ихъ интересовъ. Политическое вліяніе въ чужихъ краяхъ частью созидалось, частью упрочивалось чрезъ духовныя миссіи, и уже по одному этому для вѣнскаго кабинета не могло быть удобно, что папа можетъ очутиться въ полной власти Наполеона, давленію котораго даже и онъ, пожалуй, долженъ былъ бы въ концѣ концовъ уступить. Отъ этого могли бы возникнуть опасности какъ для католической церкви вообще, такъ и для политики Австріи. Въ сущности, монархіи нечего было опасаться за папу, потому что онъ считалъ Наполеона главою иллюминатства и франмасонства, этихъ величайшихъ враговъ церкви, и, кромѣ того, приписывалъ ему намѣреніе вызвать расколъ. Спасенія онъ ожидалъ въ то время только отъ Австріи, гдѣ и императорскій домъ, и населеніе были глубоко преданы католической церкви. Но Австрія была надолго обезсилена и не могла оказать ему

поддержки. Притомъ, она была вынуждена признать соединеніе церковной области съ Франціею, такъ что не имѣла возможности аккредитовать своего агента при папѣ, на что не согласился бы Наполеонъ, а еслибы даже и согласился, то, конечно, поставилъ бы такія условія, которыхъ нельзя было бы принять. Дальнѣйшее пребываніе папскаго нунція въ Вѣнѣ тоже становилось неудобнымъ. Въ виду такихъ затрудненій, Меттернихъ избралъ средній путь: съ согласія императора Франца, онъ сообщилъ нунцію, что онъ можетъ оставаться въ Вѣнѣ, въ качествѣ агента папы, но безъ всякаго дипломатическаго характера.

Прерваны были также дипломатическія сношенія и съ Англіею, что являлось естественнымъ слѣдствіемъ шёнбрунскаго мирнаго договора. Рѣшено было, однако, въ тайнѣ продолжать сношенія съ Англіею и хотя австрійскій посоль въ Лондонѣ, графъ Штарембергъ, былъ отозванъ, однако тамъ остался, въ качествѣ частнаго лица, входившій въ составъ посольства баронъ Рейгерспергъ. Въ объясненіе того, что онъ оставленъ въ Лондонѣ, было заявлено, что, въ виду его преклонныхъ лѣтъ и слабаго здоровья, поѣздка на континентъ въ суровую пору года могла бы быть для него вредна. Рейгерспергу было поручено отъ времени до времени сообщать вѣнскому кабинету, но съ величайшею осторожностью, о важнѣйшихъ событіяхъ въ Англии, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать понятія англійскимъ государственнымъ людямъ, какъ тяжело было императору австрійскому противъ воли уступить силѣ обстоятельствъ. Заключеніе мира произвело въ Лондонѣ тяжелое впечатлѣніе: Англія лишилась на континентѣ сильной поддержки въ ея ожесточенной борьбѣ за преобладаніе на морѣ. Поэтому лондонскій кабинетъ не хотѣлъ нарушать сношеній съ Австріею и неоднократно посылалъ въ Вѣну тайныхъ агентовъ. Наиболѣе же ревностнымъ посредникомъ между обѣими державами служилъ бывшій ганноверскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Гарденбергъ, имѣвшій въ Австріи помѣстья и не покидавшій предѣловъ монархіи какъ въ продолженіе войны, такъ и по заключеніи мира. Подобно тому какъ съ Англіею, Австрія осталась въ тайныхъ сношеніяхъ также и съ палермскимъ дворомъ, такъ что имѣла возможность получать свѣдѣнія о событіяхъ на югѣ Италиі и на Средиземномъ морѣ. Демеличъ находить, что было бы ошибочно заключить по этимъ поступкамъ вѣнскаго кабинета, будто онъ вѣлъ нечистую игру, стремясь воспользоваться періодомъ отдыха для подготовленія втайнѣ новыхъ коалицій противъ Франціи. По мнѣнію автора, графъ Меттернихъ искреннѣйше желалъ сближенія съ Франціею, но не рѣшался отказаться отъ бывшихъ союзниковъ Австріи, потому что не имѣлъ еще яснаго представленія о намѣреніяхъ Наполеона, опасался неожиданностей и не хотѣлъ, чтобы Австрія оказалась одинокою. Прежнія дружественныя отношенія къ Пруссіи нисколько не измѣнились вслѣдствіе вѣнскаго

мира, тѣмъ болѣе, что берлинскій дворъ, смотрѣвшій на будущее съ большою тревогой, искалъ главной опоры въ Австріи. Ненарушенными остались также и отношенія Австріи къ государствамъ Скандинавскаго полуострова; только датскій дворъ былъ такъ преданъ французскому, что австрійскому посланнику въ Копенгагенѣ, Биндеру, случалось бывать въ неприятномъ положеніи; официальнаго признанія его посланникомъ онъ удостоился лишь послѣ заключенія вѣнскаго мира. Наконецъ, отношенія вѣнскаго двора къ Турціи были удовлетворительны, несмотря на всѣ колебанія его политики по отношенію къ Портѣ, замѣчавшіяся еще ранѣе и продолжавшіяся при новой системѣ Меттерниха.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, отношенія монархін къ прочимъ европейскимъ державамъ непосредственно послѣ окончанія послѣдней войны ея съ Франціей. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ выступалъ осторожно, какъ-бы нащупывая твердую точку опоры, зорко присматриваясь и озираясь. Мостовъ за собою онъ не сжигалъ, потому что ему самому не было извѣстно, не придется ли вернуться назадъ съ намѣченнаго пути.

V.

При вступленіи графа Меттерниха въ должность министра центръ тяжести внѣшней политики Австріи находился въ ея отношеніяхъ къ Франціи и Россіи, причемъ отношенія ея къ Наполеону обусловливали собою ея приемы относительно петербургскаго кабинета. Франція была всемогуща на континентѣ и противовѣса ей не было; Англія господствовала только на морѣ и безъ сильнаго союзника на континентѣ не могла рѣшающимъ образомъ противиться предпріятіямъ Наполеона. Отъ Россіи, занятой своими завоевательными войнами, Австрія не могла ожидать многого, а Пруссію нельзя было вовсе принимать въ расчетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, надолго нечего было ожидать переменъ, и графу Меттерниху оставалось только надѣяться на то, что сила, получившая такое распространеніе, какъ Франція, уже въ самой себѣ несетъ зародышъ распаденія, если сосредоточивается въ одномъ лицѣ. Положеніе Австріи было затруднено еще и тѣмъ, что франко-русскій союзъ фактически еще существовалъ и хотя уже видимо распадался, но считаться съ нимъ все-таки надо было. Какъ ни страстно желали въ Вѣнѣ расторженія этого союза, но, съ другой стороны, тамъ опасались окончательнаго разрыва и столкновенія между обоими колос-

сами, что могло бы имѣть для Австріи лишь гибельныя послѣдствія: прервалось бы мирное собраніе внутреннихъ силъ, явилась бы необходимость новыхъ жертвъ и, во всякомъ случаѣ, правительство было-бы вынуждено принять то или другое рѣшеніе. При такихъ условіяхъ, Австріи не оставалось ничего другого, какъ прежде всего присоединиться къ Франціи, соглашеніе съ которою представлялось наилучшимъ залогомъ мира. Являлось только сомнѣніе въ томъ, пожелаетъ ли Наполеонъ дружески сблизиться съ государствомъ, которое онъ стремился почти совсѣмъ раздавить безпощадною войной и тяжкими условіями продиктованнаго имъ мира. Тѣмъ не менѣе, Меттернихъ, хотя и не безъ колебаній, рѣшилъ идти намѣченнымъ путемъ, искать сближенія съ Наполеономъ, не обнаруживая, однако, передъ нимъ раньше времени своихъ намѣреній. Изъ того времени, когда онъ состоялъ еще посломъ при тюрингійскомъ дворѣ, ему было памятно, какъ ловко умѣли тамъ изъ какого-нибудь частнаго заявленія выводить обязательства, которыхъ другая сторона и въ мысляхъ не имѣла принимать на себя. Поэтому Меттернихъ положилъ не показывать Наполеону, насколько въ Вѣнѣ считаютъ желательнымъ союзъ съ Франціей, пока императоръ французовъ самъ не выскажется на этотъ счетъ и не обмолвится на счетъ условій, которыя онъ поставитъ Австріи. Что касается Россіи, австрійскій министръ старался стать съ нею въ хорошія отношенія. Онъ опасался, что измѣненное положеніе Европы легко можетъ увлечь петербургскій кабинетъ къ необдуманнѣйшимъ дѣйствіямъ, и полагалъ, будто своимъ вліяніемъ онъ сумѣлъ бы удержать его отъ этого. Кромѣ того, онъ надѣялся добиться окончанія Россіею турецкой войны.

Среди такихъ сомнѣній и надеждъ послѣдовало почти одновременно возобновленіе дипломатическихъ сношеній Австріи съ обѣими державами: въ Парижъ поѣхалъ князь Шварценбергъ, а въ Петербургъ генералъ графъ Сень-Жюльенъ. Шварценбергъ получилъ званіе посла, Сень-Жюльену же не было присвоено опредѣленнаго дипломатическаго характера. Меттернихъ, очевидно, хотѣлъ сперва выждать, какое званіе дано будетъ будущему представителю Россіи при австрійскомъ дворѣ; напротивъ того, въ Парижѣ онъ находилъ нужнымъ поставить представительство Австріи въ условія, соответствующія величію монархіи и тому положенію, которое она занимала среди европейскихъ державъ. Уже самый выборъ князя Шварценберга на посольскій постъ въ Парижѣ показывалъ, какое значеніе приписывалъ этому посту вѣнскій дворъ. Шварценбергъ принадлежалъ къ числу наиболѣе блестящихъ родовитыхъ фамилій Австріи и уже въ силу одного этого наиболѣе годился въ представители при дворѣ Наполеона, который, какъ извѣстно, любилъ видѣть себя окруженнымъ членами выдающихся старинныхъ дворянскихъ домовъ. Храбрый воинъ и видный генералъ, князь Швар-

ценбергъ считался свѣтскимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, и если кругозоръ его былъ не особенно широкъ, то все же онъ былъ искуснымъ дипломатомъ и годился для роли вѣрнаго истолкователя воззрѣній графа Меттерниха. По убѣжденіямъ, онъ держался, правда, старыхъ традицій, но умѣлъ сообразоваться и съ новыми требованіями. Генераль Сень-Жюльенъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ ниже его. При всей преданности своему монарху, онъ не обладалъ ни дарованіями, ни знакомствомъ съ дипломатическою рутиной, и, сверхъ того, былъ весьма поверхностно освѣдомленъ относительно политическаго положенія Европы и отношеній, существовавшихъ между отдѣльными государствами. Въ Петербургъ онъ былъ назначенъ по волѣ императора, а не по желанію Меттерниха, который предпочелъ бы послать туда болѣе дѣльнаго дипломата, именно графа Сень-Венсента; выборъ императора остановился на Сень-Жюльенѣ въ виду того, что этотъ генераль состоялъ во время послѣдняго похода при дѣйствовавшемъ въ Галиціи австрійскомъ корпусѣ и потому имѣлъ случай войти въ болѣе или менѣе близкія отношенія съ русскими высшими военными лицами. Полагали, что эти отношенія могутъ оказать ему помощь въ его дипломатической дѣятельности.

Князь Шварценбергъ былъ принятъ во Франціи съ большою торжественностью. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи, встрѣтилъ его въ Парижѣ въ высшей степени любезно и предупредительно, разспрашивалъ его о его здоровьѣ, о Меттернихѣ и объ австрійскомъ императорскомъ домѣ, особенно же объ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, о которой онъ, по его словамъ, слышалъ, что она обладаетъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, никогда не была больна и получила прекрасное воспитаніе. 14-го (26-го) ноября князь Шварценбергъ получилъ приглашеніе на торжественную аудіенцію къ Наполеону. На обычную рѣчь австрійскаго посла императоръ отвѣтилъ съ радушностью, которая показалась Шварценбергу заранѣе подготовленною. Онъ сказалъ, что признаетъ назначеніе графа доказательствомъ добрыхъ намѣреній австрійскаго императора и хорошимъ знакомъ для отношеній, которыя онъ желаетъ установить съ его величествомъ. При прощаніи Наполеонъ прибавилъ болѣе громкимъ голосомъ: «Примите во вниманіе, что это уже четвертый разъ», на что Шварценбергъ отвѣтилъ съ поклономъ: «Ваше величество, это послѣдній разъ».

По всему было видно, что Наполеонъ желалъ примириться съ Австріею надолго. Австрійскій посоль быстро занялъ при французскомъ дворѣ и въ парижскомъ обществѣ одно изъ самыхъ видныхъ положеній, такъ что отгѣснилъ на второй планъ русскаго представителя, князя Куракина, котораго при дворѣ Наполеона начали обходить почестями и приглашеніями. Такъ, напр., приглашеніе на придворныя охоты въ

Фонтенебло послано было ему лишь послѣ того, какъ члены дипломатическаго корпуса давно уже были тамъ въ сборѣ. Предоставленный въ его пользованіе Вилларъ—Наполеонъ неожиданно подарилъ графу Лобб⁴⁾, помолвленному съ дочерью австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта графа Арберга. Говорять, Наполеонъ сказалъ при этомъ: «Если князь Куракинъ желаетъ имѣть дачу, то пусть купить ее себѣ». Приглашенія на балъ у королевы голландской Куракину вовсе не было послано. Онъ, кажется, жаловался на это; по крайней мѣрѣ, какъ полагаетъ Шварценбергъ, принцесса Боргезе сообщила Куракину, по внушенію свыше, что она внесла его въ свой списокъ приглашенныхъ, представленный на учрежденіе императора, причемъ въ самомъ любезномъ тонѣ прибавила: «Его величество знаетъ, что вы принадлежите къ моимъ поклонникамъ». Означенный списокъ былъ опубликованъ въ «Мониторѣ» съ самымъ опредѣленнымъ замѣчаніемъ, что онъ одобренъ императоромъ. Что касается отношеній князя Шварценберга къ его русскому сотоварищу по дипломатическому корпусу, то въ нихъ отчетливо отражался характеръ взаимныхъ отношеній между обоими правительствами: при всей дружественной предупредительности съ обѣихъ сторонъ, бесѣды ихъ носили печать нѣкоторой принужденности и натянутости. Возможно, что князь Шварценбергъ, вслѣдствіе неудачи своей мисси въ Петербургѣ, питалъ противъ Россіи еще большее неудовольствіе, чѣмъ Меттернихъ, и держалъ себя по отношенію къ князю Куракину болѣе или менѣе холодно; Куракинъ же, съ своей стороны, не умѣлъ найти надлежащей манеры отношенія къ австрійскому послу. Онъ былъ видимо смущенъ, потому что, съ одной стороны, онъ не хотѣлъ дать почувствовать, что прежнія отношенія Россіи къ Австріи измѣнились вслѣдствіе послѣдней войны, а съ другой онъ былъ удрученъ успѣхами Шварценберга. Произшедшая въ политической атмосферѣ Парижа перемѣна начинала тревожить его и вызывать въ немъ дурныя предчувствія. Такое настроеніе не могло, конечно, не отразиться на характерѣ собесѣдованій, которыя иногда происходили между русскимъ дипломатомъ и австрійскимъ посломъ, причемъ, при всей вѣншней вѣжливости, въ словахъ обоехъ нерѣдко чувствовалось намѣреніе уколоть собесѣдника.

Само собою разумѣется, что донесенія князя Шварценберга вызывали въ Вѣнѣ большое удовольствіе. Тѣмъ не менѣе, франко-русскія отношенія крайне тревожили вѣнскій дворъ, такъ какъ турецкій вопросъ все еще могъ удержать обѣ державы съ союзѣ, несмотря на то, что онѣ, казалось, отдалялись одна отъ другой изъ-за другихъ вопросовъ. Графъ Меттернихъ чрезвычайно опасался раздѣла Турціи. Возбужденіе этого

⁴⁾ Жоржъ Мутонъ, графъ Лобо (Lobau), франц. маршалъ, † 1838.

вопроса было для него нежелательно даже и въ томъ случаѣ, если бы его пригласили участвовать въ его разрѣшеніи. Расчлененіе Турціи могло повести лишь къ увеличенію владѣній Франціи и Россіи, чего, конечно, не могла желать Австрія, особенно въ ея тогдашнемъ положеніи. Да и вообще, всякое осложненіе должно было въ ту пору нанести вредъ Австріи, помѣшавъ ей собраться съ силами, почему Меттернихъ и желалъ больше всего сохраненія спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ.

По нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ, вытекавшимъ изъ различныхъ условій вѣнскаго мира, Австрія тоже встрѣчала въ Парижѣ, затрудненія, такъ какъ ни Наполеонъ, ни его министръ Шампаньи не выполняли многихъ изъ любезно данныхъ ими обѣщаній. Все это лишало вѣнскій кабинетъ возможности относиться къ будущему вполне спокойно. Неприятно подѣйствовало въ Вѣнѣ также и назначеніе туда французскимъ посломъ генерала Андреоси, который уже занималъ однажды этотъ постъ съ 1808 по 1809 г. и оставилъ по себѣ крайне нехорошее воспоминаніе. Новое назначеніе его въ Вѣну казалось признакомъ того, что Наполеонъ пренебрегаетъ господствующими при австрійскомъ дворѣ чувствами и нисколько не склоненъ къ предупредительности. Поэтому князю Шварценбергу было предписано сдѣлать все, что только возможно, чтобы назначеніе Андреоси было отмѣнено. Благодаря стараніямъ Шварценберга, кандидатура Андреоси была дѣйствительно оставлена и посломъ въ Вѣну назначенъ былъ графъ Отто, который и былъ принятъ, несмотря на то, что Меттернихъ желалъ бы видѣть представителемъ Франціи другое лицо. Меттернихъ всѣми силами стремился устранять всякіе поводы къ возбужденію неудовольствія въ Парижѣ, откуда зорко слѣдили за всѣмъ происходившимъ въ Вѣнѣ, раздражаясь даже такими пустыми случайностями, какъ скандалъ, произошедшій въ концѣ ноября въ одномъ изъ вѣнскихъ театровъ при представленіи патріотической пьесы, вызвавшей горячія манифестаціи среди публики. Недовольнъ былъ тюрльрійскій дворъ также и гостепримствомъ, которое оказано было въ австрійской столицѣ графу Раумовскому и Поццо-ди-Борго, которые завели тѣсныя связи въ вѣнскомъ высшемъ обществѣ. Оба эти лица считались ожесточенными противниками Наполеона и главными инициаторами послѣдней войны. По распоряженію Меттерниха, въ Австріи приняты были внутреннія мѣры въ предотвращеніе новыхъ поводовъ къ неудовольствіямъ съ Франціею. Установлена была, между прочимъ, строгая театральная цензура, съ цѣлью не допускать на сценѣ никакихъ намековъ на современные событія. «Вильгельмъ Телль» Шиллера, въ силу полицейскаго предписанія, подвергнутъ былъ коренной передѣлкѣ: изъ драмы этой были исключены всѣ мѣста, которымъ могло бы быть придано отношеніе къ послѣднимъ событіямъ въ Тироли. Воспрещено было также всякое упоминаніе имени Австріи, а такъ какъ

въ драмѣ все-таки говорится о странѣ, нѣкогда принадлежавшей Австріи, но съ теченіемъ времени утраченной ею, то полиція, вопреки данному ей полномочию, не осмѣлилась собственною властью разрѣшить искалъченнаго «Вильгельма Телля» къ представленію и препроводила это дѣло на усмотрѣніе графа Меттерниха, который и позволилъ поставить драму въ такомъ видѣ на сцену. Въ угоду французскому правительству, подстроено было такъ, что графъ Поццо-ди-Борго вскорѣ уѣхалъ изъ Австріи; но графъ Разумовскій, не занимавшій официального положенія, остался въ Вѣнѣ, такъ какъ французскій кабинетъ и самъ не настаивалъ болѣе на его удаленіи отсюда. Такимъ образомъ, вѣнскій кабинетъ дѣлалъ все, что было можно, ради сближенія съ Франціей; по отношенію же къ Россіи онъ держалъ себя совершенно иначе. Онъ не могъ простить ей того, что она, прежняя союзница Австріи, отняла у послѣдней часть ея территоріи. Въ Вѣнѣ полагали, что Россія идетъ на буксирѣ Франціи и всю ея политику считали результатомъ страха передъ Наполеономъ. Думали, что Россія способна на что угодно, лишь-бы сохранить за собою милость императора французовъ, а императора Александра считали нерѣшительнымъ монархомъ, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться, такъ какъ онъ, будто-бы изъ страха передъ Наполеономъ, либо совершенно подчинится послѣднему, либо предприметъ съ отчаянія самыя безумныя дѣйствія. Меттернихъ ненавидѣлъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Румянцова, признавая его рабски преданнымъ Наполеону и ожесточеннѣйшимъ врагомъ Австріи. Быть можетъ, онъ опасался также его соперничества при французскомъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не довѣрялъ ему и остерегался вступать съ нимъ въ конфиденціальныя сношенія. Таковы были возрѣнія и чувства руководителя австрійской политики въ моментъ возобновенія дипломатическихъ сношеній съ Россіею; съ тѣми же возрѣніями явился въ Петербургъ и представитель Австріи, графъ Сентъ-Жюльенъ, цѣликомъ проникшійся господствовавшимъ въ вѣнской государственной канцеляріи настроеніемъ и смотрѣвшій на русскую политику ея глазами. Изъ донесеній его видно, что и онъ считалъ императора Александра государемъ, не имѣющимъ общаго плана, а графа Румянцова сановникомъ, который имѣетъ единственную цѣль удержаться на своемъ посту и потому старается противодѣйствовать измѣненію системы. Между тѣмъ, именно измѣненію ея были бы рады въ Вѣнѣ. Австрія имѣла въ Россіи многихъ вліятельныхъ сторонниковъ, группировавшихся вокругъ императрицы-матери, которая, изъ ненависти къ Наполеону, относилась враждебно къ господствовавшей правительственной системѣ. Первою задачей австрійскаго представителя было войти въ сношенія съ этою группой, потому что въ такое время, когда намѣренія Наполеона еще не были извѣстны, точка опоры въ Петербургѣ имѣла бы для Австріи огром-

ную цѣну. При всемъ томъ, Сень-Жюльену предписано было, даже если бы ему удалось приблизиться къ императрицѣ-матери, дѣйствовать осторожно, не выходя изъ роли наблюдателя. Что касается русскаго правительства, то оно отнеслось къ Австріи радушно: при русскомъ дворѣ проявлялось въ ту пору тѣмъ большее желаніе сблизиться съ монархіею, что и внутреннее положеніе имперіи побуждало дворъ къ разрыву съ Франціей. Вслѣдствіе французской торговой системы и происшедшаго въ слѣдствіе ея прекращенія сношеній съ Англіею, Россія угрожало матеріальное разореніе. Денегъ въ обращеніи не было, ассигнаціи стояли очень низко, торговля и земледѣліе пришли въ упадокъ, и дворянство, а за нимъ и прочія сословія, жаждали переменъ системы. Сочувствіе къ Австріи проявлялось открыто всюду, не исключая и арміи. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ графъ Сень-Жюльенъ встрѣтилъ въ Петербургѣ отличный приемъ; однако въ Вѣнѣ это истолковано было лишь въ смыслѣ желанія русскаго правительства очистить свою совѣсть передъ Австріею послѣ недавнихъ дѣйствій противъ нея. Сень-Жюльену казалось даже, будто императоръ Александръ живо чувствуетъ, какъ много онъ виноватъ въ несчастіяхъ Австріи. И дѣйствительно, императоръ какъ-бы желалъ оправдать передъ австрійскимъ представителемъ свои поступки во время послѣдней войны. Въ первой же, данной Сень-Жюльену аудіенціи, Александръ, высказавъ въ теплыхъ словахъ удовольствіе по поводу возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Австріею, сказалъ ему, что передъ начатіемъ войны открыто заявлялъ князю Шварценбергу о своихъ обязательствахъ передъ Наполеономъ. Онъ пояснилъ, что въ то время хотѣлъ добиться въ Парижѣ заключенія тройственнаго союза, чѣмъ предотвращено было-бы много бѣдствій, но что совѣты его не были приняты. Разрывъ съ Франціей императоръ считалъ неизбежнымъ, хотя не рассчитывалъ на вызовъ со стороны Наполеона. Говоря съ Сень-Жюльеномъ, какъ-бы съ представителемъ союзной державы, онъ открыто изложилъ ему свою систему, сказавъ, между прочимъ: «Я буду избѣгать всего, что могло бы повести къ столкновенію съ Наполеономъ, такъ какъ этотъ человекъ, при его дарованіяхъ и поистинѣ необыкновенномъ военномъ геніи, долженъ былъ бы одержать верхъ въ такомъ столкновеніи. Вѣдь война — единственное ремесло, которое онъ знаетъ». Но катастрофа представлялась императору отнюдь не близкою; французы — полагалъ онъ — будутъ еще нѣсколько лѣтъ отвлечены событіями въ Испаніи и выйдутъ изъ кровопролитной борьбы ослабленными; Россія же тѣмъ временемъ успѣетъ собраться съ силами, чтобы принять навязанную ей борьбу. Въ заключеніе, императоръ сдѣлалъ Сень-Жюльену, какъ-бы по секрету, дружеское предостереженіе поступать съ крайнею осторожностію, такъ какъ Наполеона легко раздражить.

Графъ Сень-Жюльенъ объяснялъ эти слова императора, единственно его страхомъ передъ Наполеономъ, что было вполне естественно при его предвзятомъ взглядѣ на русскія дѣла. Отъ людей, стоявшихъ тогда во главѣ управленія Россією, онъ не ожидалъ ничего, и перемѣна системы казалась ему мыслимою лишь при особенно крупныхъ событіяхъ. Повидимому, онъ вовсе не понималъ истинныхъ намѣреній графа Меттерниха. Будучи мало освѣдомленъ относительно направленія общей политики Европы, Сень-Жюльенъ видимо полагалъ, будто въ Вѣнѣ только для того хотятъ войти въ связь съ петербургскими противниками союза съ Франціей, чтобы въ случаѣ, если бы вліяніе перешло въ ихъ руки, сблизиться чрезъ ихъ посредство съ Россією, чего нельзя было достигнуть при тогдашней правительственной системѣ. Между тѣмъ, Меттернихъ преслѣдовалъ совершенно инныя цѣли: на связь съ Россіей онъ согласился бы лишь въ случаѣ крайней надобности. До тѣхъ же поръ онъ, скорѣе, опасался совмѣстной дѣятельности Наполеона съ Россією въ турецкихъ дѣлахъ, причемъ онъ не сомнѣвался, что въ этомъ вопросѣ императоръ французовъ можетъ навѣрное рассчитывать на согласіе русскаго правительства. Это мнѣніе Меттерниха было отчасти подтверждено рѣчью Наполеона въ законодательномъ собраніи, въ которой онъ оправдывалъ завоеванія Россіи на Дунаѣ и заявлялъ, что не питаетъ зависти ни къ чему такому, что выгодно для его могущественной союзницы. Такое заявленіе заставляло Меттерниха опасаться, что разрѣшенія восточнаго вопроса слѣдуетъ ожидать въ самомъ скоромъ времени. Въ этомъ онъ ошибался: разрѣшеніе означеннаго вопроса не могло входить тогда въ намѣренія ни Наполеона, ни русскаго двора. Какъ ни старались обѣ державы скрыть отъ міра возникавшій между ними разрывъ, обѣ онѣ считали его, въ сущности, уже состоявшимся и ни та, ни другая сторона не помышляла уже о совмѣстной дѣятельности. И въ правящихъ кругахъ Россіи, и въ обществѣ желали окончанія турецкой войны; желаніе это раздѣлялось и графомъ Румянцовымъ, который, однако, рассчитывалъ достигнуть этой цѣли безъ слишкомъ большихъ жертвъ. Прежде всего, онъ, наравнѣ съ императоромъ Александромъ, желалъ приобрѣсть для Россіи Молдавію и Валахію, и стремленіе его войти въ соглашеніе съ Австрією было искренно. Но соглашенію препятствовали почти непреодолимыя трудности. Помимо глубокаго нерасположенія Австріи къ русскимъ государственнымъ людямъ и другихъ причинъ, препятствіемъ къ сближенію служила уже одна русско-турецкая война, сильно вредившая австрійской торговлѣ. Многія неудобства, проистекавшія для австрійскихъ подданныхъ въ дунайскихъ княжествахъ изъ распоряженій русскихъ военныхъ властей, очень раздражали вѣнскій дворъ. Притомъ, петербургскій кабинетъ не обнаруживалъ особенной уступчивости въ вопросѣ объ установленіи новой

границы Галиціи, что тоже не нравилось въ Вѣнѣ. Какъ бы то ни было, актъ объ уступкѣ и установленіи границъ былъ все-таки подписанъ во Львовѣ 7-го (19 го) марта 1810 года генералами Бельгардомъ и Вурмзеромъ со стороны Австріи и генераломъ Дохтуровымъ и статскимъ совѣтникомъ Анштетомъ со стороны Россіи, и вскорѣ послѣ того конвенція ратификована императоромъ Александромъ.

Графъ Сень-Жюльенъ былъ чрезвычайно недоволенъ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ, видя, что ему ни въ какомъ отношеніи не удастся выполнить возложенныя на него задачи. Ему затрудненъ былъ даже доступъ къ императору, а императрица-мать приказала передать ему, что она не можетъ принять его, въ виду его дипломатическаго характера. Въ виду этого, неудивительно, что Сень-Жюльенъ находилъ свое пребываніе въ Петербургѣ совершенно излишнимъ и былъ бы весьма доволенъ, если бы его отозвали оттуда. Но его не отзывали, и онъ поневолѣ продолжалъ служить орудіемъ австрійской дипломатіи, главная цѣль которой въ ту пору заключалась въ томъ, чтобы разсѣять всякое неудовольствіе императора Александра противъ Австріи: вѣнскій кабинетъ опасался, какъ бы русскій императоръ не бросился со страха въ объятія Наполеона и тѣмъ самымъ не разстроилъ австрійскихъ плановъ.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приглашеніе В. Н. Каразина къ кн. Е. Р. Дашковой.

Письмо Е. Константиновича къ В. Н. Каразину.

9-го іюля 1801 года.

Милостивый Государь, Василій Назарьевичъ!

Ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова проситъ васъ къ себѣ и назначаетъ вамъ по собственной своей волѣ избрать время къ ней пріѣхать по утру ль, часу отъ 7-го по 10-й, или вечеромъ въ тѣ же часы, въ который день вамъ будетъ угодно, только чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А жительство она имѣетъ на Аглицкой набережной, поворота отъ Исакиевскаго моста налѣво въ домѣ кн. Голицина, гдѣ живетъ и Дмитрій Павловичъ Татищевъ, онъ ея двоюродный братъ. Она имѣетъ желаніе съ вами что-то особенно поговорить, пожалуйста не оставьте просьбы ея втунѣ; она будетъ здѣсь еще дней 20.

А я васъ всепокорно прошу, ежели вы при деньгахъ, то сдѣлайте милость доставьте по обѣщанію вашему достальныя.

Честъ имѣю навсегда быть и остаться къ вамъ съ моимъ почтеніемъ покорный слуга Ефимъ Константиновичъ.

Р. С. Я пробуду здѣсь еще дней 15.

Бареццо Барецци или Посевинъ?

Библиографическая замѣтка.

Въ 1605 г. появилось въ Венеци краткое сочиненіе, о «названномъ» Дмитріѣ подѣ заглавіемъ: *Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno Imperio, conseguita dal Serenissimo Giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fù coronato l'ultimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. In Venezia, appresso Barezzo Barezzi, 1605* ¹⁾. Оно быстро распространилось и уже въ слѣдующемъ 1606 г., кромѣ новаго итальянскаго изданія, появились переводы на латинскій, нѣмецкій, испанскій и французскій языки. Изъ Москвы и изъ Кракова молва о Дмитріѣ проникала во всѣ европейскіе центры. Въ Прагѣ, при цесарскомъ дворѣ, ему прочли австрійскую невѣсту. Генрихъ IV плѣнился разсказами объ его приключеніяхъ. Римскіе кардиналы мечтали о крестовомъ походѣ новаго царя противъ турокъ, а во Флоренціи разсчитывали на выгодную торговлю съ отдаленнымъ Сѣверомъ.

Хотя на обложкѣ этой «*Relatione*» и красуется имя Барецци, однако уже Чіампи ²⁾, а вслѣдъ за нимъ князь Оболенскій ³⁾, высказали мнѣ-

¹⁾ Повѣствованіе о замѣчательномъ и какъ-бы чудесномъ завоеваніи отцовской имперіи, совершенномъ Лесвѣйшимъ Юношею Дмитріемъ, великимъ княземъ Московскимъ, въ 1605 году. Съ описаніемъ его вѣнчанія и всего, что онъ сдѣлалъ послѣ своего вѣнчанія, состоявшагося въ послѣднее число іюля, до сего дня. Собралъ изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій Бареццо Барецци. Въ Венеци, у Бареццо Барецци, 1606.

²⁾ *Esame critico... della storia di Demetrio*, стр. 4, 5.

³⁾ Иностранныя сочиненія и акты, № 4, стр. III, IV. На это изданіе, а именно на итальянскій текстъ, я буду постоянно ссылаться.

нѣ, что авторомъ настоящаго труда былъ ни кто иной, какъ извѣстный іезуитъ Антоній Поссевинъ. Эта догадка очень правдоподобна и, по моему личному убѣжденію, она даже совершенно вѣрна. Моею задачею будетъ только дальнѣйшее ея обоснованіе, а также разборъ нѣкоторыхъ возраженій.

Первыя двѣ главы «Повѣствованія» служатъ какъ бы вступленіемъ и содержать бѣглый очеркъ сношеній между Москвою и Римомъ. Объ этомъ предметѣ въ связи съ судьбами всего христіанства Поссевинъ часто разсуждалъ, и здѣсь выступаетъ обычное его міросозерцаніе, его собственныя взгляды на пожеланія и стремленія Григорія XIII-го, на призваніе Россіи, на послѣдствія духовнаго единенія. Къ тому же большая часть очерка посвящена дѣятельности самого Поссевина сперва въ Швеціи, а потомъ въ Россіи и Польшѣ. Сообщаются такого рода свѣдѣнія, которыми въ то время врядъ-ли кто могъ обладать, если самъ не былъ причастенъ къ тѣмъ же дѣламъ. Между тѣмъ, по сравненію съ перепискою Поссевина оказывается, что наша «Relatione» ее отчасти воспроизводитъ, излагая тѣ же факты и тѣ же мысли, только въ сокращенномъ видѣ. Внутрителенъ даже недосмотръ, который вкрался въ первую главу: Канобіо названъ Alessandro вмѣсто Gian-Franco — та же самая ошибка встрѣчается въ письмѣ Поссевина къ комскому кардиналу отъ 14-го апрѣля 1581 г. ¹⁾. Заключительныя слова 2-й главы сжато и наглядно изображаютъ послѣдствія, которыя самъ Поссевинъ неоднократно приписывалъ своему пребыванію на Сѣверѣ: миръ между Россіею и Польшею, присоединеніе Ливоніи съ 33-мя крѣпостями къ королевству Польскому, основаніе епископства Венденскаго, учрежденіе двухъ коллегій, въ Ригѣ и Дерптѣ, наконецъ семинаріи для русскихъ въ Вильнѣ.

Далѣе слѣдуетъ исторія названнаго Димитрія. Про нее можно сказать вообще, что она составлена по письмамъ Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, полковыхъ священниковъ при польскомъ отрядѣ Димитріевскаго войска. Необходимо, однакожь, оговориться. Оба іезуита были въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ съ своими собратьями, но ихъ переписка начинается только со времени Московскаго похода; кромѣ того она дошла до насъ не въ полномъ составѣ ²⁾. Поэтому все, что говорится о происхожденіи Димитрія, объ его спасеніи въ Угличѣ и появленіи въ Польшѣ (гл. III, IV, V), должно быть признано какъ

¹⁾ Pierling, Bathory et Possevino, стр. 54. Въ письмѣ и въ Повѣствованіи есть та же хронологическая ошибка на счетъ Канобіо и Кленке.

²⁾ Переписка Чижовскаго и Лавицкаго находится частью въ Ватиканскомъ архивѣ, частью въ нашихъ рукахъ. Эти послѣднія письма будутъ приводиться безъ всякой ссылки.

всходящее изъ еще не установленнаго источника. Въ самомъ разсказѣ о походѣ есть та или другая черта, которая могла находиться въ недодешшихъ до насъ письмахъ, но для чего положительнаго доказательства не имѣется. Таковъ, на примѣръ, разсказъ о доставленіи въ Путивль Курской иконы Божіей Матери (гл. IV).

Начиная съ VI гл., сходство между повѣствованіемъ и его источниками уже ощутительно и, къ счастью, можно указать на самыя письма, изъ которыхъ сдѣланы заимствованія, и на двойкій способъ усвоенія, котораго попеременно придерживался авторъ. Располагая матеріаломъ, не связаннымъ строгимъ единствомъ, гдѣ событія раскрывались по мѣрѣ того какъ они происходили, и гдѣ они перемеживались съ посторонними соображеніями, составитель нашей «Relatione» то сводилъ въ одну главу произвольно разбросанныя данныя, то просто вставлялъ въ собственный разсказъ отдѣльныя части, отличающіяся болѣе цѣльнымъ характеромъ. Такимъ образомъ, VI и VII гл., о переправѣ чрезъ Днѣпръ, о первыхъ военныхъ успѣхахъ Димитрія и объ его пораженіи при Добрыничахъ, составлены по письму отъ 10-го ноября 1604 г. и по нѣкоторымъ другимъ ¹⁾. За то VIII гл. почти дословно воспроизводитъ выдержки изъ писемъ Чижовскаго и Лавицкаго къ Стриверію отъ 8-го и 17-го марта 1605 г. ²⁾. Здѣсь находится извѣстіе о появленіи Гришки Отрепѣева въ Путивль и о продѣлкахъ монаховъ, подосланныхъ Борисомъ Годуновымъ. Въ IX гл. собрано изъ разныхъ писемъ кое-что о благочестіи Димитрія, о его замыслахъ и предначертаніяхъ. Особенно слышатся отголоски писемъ 9-го мая ³⁾ и 15-го іюня. Смерть Бориса Годунова передается въ X-й главѣ по письму Чижовскаго къ Стриверію отъ 13-го мая 1605 г. Письмо 15-го іюня того же іезуита очевидно послужило для XI и XII гл., которыя содержатъ описаніе военной хитрости Запорскаго подъ Кромами и побѣдоноснаго шествія Димитрія изъ Путивля въ Москву. Последняя XIII-я гл. опять болѣе своднаго свойства. До какой степени авторъ поддавался своимъ источникамъ, можно видѣть изъ того, что въ другомъ трудѣ, изданномъ въ Венеціи въ 1606 г. ⁴⁾ въ тѣхъ же условіяхъ какъ «Relatione», письмо Лавицкаго отъ 8-го августа 1605 г. напечатано цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій.

¹⁾ Полный текстъ письма 10-го ноября 1604 г. напечатанъ Даровскимъ, «Кгаж», 1898, № 47, стр. 16. Другая редакция находится въ Ватиканскомъ архивѣ, отдѣлъ Боргесе, III, 90, b, fol. 800.

²⁾ Pierling, Roma et Démétrius, стр. 203, 204 № 3,4.

³⁾ Ibidem, стр. 205, № 5.

⁴⁾ Avvisi e Lettere ultimamente giunte... raccolte da Barezzo Barrezi, Cremonese in Venetia, appresso Barezzo Barezi, 1606.

Изъ всего выше сказаннаго вытекаетъ слѣдующій общій выводъ: «Повѣствованіе», появившееся подъ именемъ Бареццо Барецци, составлено частью по письмамъ Поссевина, частью по перепискѣ Чижовскаго и Лавицкаго, частью по неизвѣстнымъ источникамъ, которые, вѣроятно, также іезуитскаго происхожденія. Невольно возникаетъ вопросъ: кто могъ располагать такимъ матеріаломъ въ Венеціи, въ 1605 г., въ эпоху самаго разгара Московскихъ происшествій? Кто ближе стоялъ къ дѣлу и къ его участникамъ, Барецци или Поссевинъ?

Въ этомъ отношеніи про Барецци ровно ничего неизвѣстно. Возможно, что онъ былъ въ сношеніяхъ даже съ польскими іезуитами, но объ этомъ исторія упорно молчитъ. Относительно же Поссевина дѣло обстоитъ совершенно иначе. Преклонныя лѣта не мѣшали ему развивать неутомимую дѣятельность. Въ 1605 г. онъ занимался въ Венеціи изданіемъ обширнаго философскаго труда ¹⁾ и печаталъ его въ типографіи того же самаго Барецци, подъ именемъ котораго появилась «Relatione». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ оставшихся по немъ бумагъ, онъ часто переписывался съ иностранными іезуитами, между прочимъ и съ польскими, а именно, съ Савицкимъ, первымъ духовникомъ Дмитрія, и съ Деціемъ Стриверіемъ, который въ то время управлялъ орденомъ Иисуса въ Польшѣ. Оба эти отца получали извѣстія изъ Москвы. Савицкій по собственному почину былъ въ сношеніяхъ съ полковыми священниками Дмитріевскаго войска, а въ рукахъ Стриверія, какъ ближайшаго начальника, сосредоточивались ихъ доклады. Только девять писемъ Савицкаго и два письма Стриверія къ Поссевину сохранились и дошли до насъ ²⁾. Они служатъ доказательствомъ, что итальянскому іезуиту сообщались не только извлеченія, но самыя письма Чижовскаго и Лавицкаго. У Стриверія встрѣчается даже точное указаніе о пересылкѣ письма 15-го іюня 1605 г. ³⁾, содержаніе котораго и воспроизводится въ X, XI и XII гл. Впрочемъ Поссевинъ получалъ и непосредственно извѣстія отъ полковыхъ священниковъ ⁴⁾.

Личность Дмитрія сильно заинтересовала бывшаго представителя Григорія XIII при Московскомъ дворѣ, и онъ въ значительной степени увлекся юнымъ католическимъ царемъ. Будущность Россіи представлялась его пылкому, южному воображенію въ совершенно новомъ видѣ;

¹⁾ Apparatus ad Philosophiam, Venetiis, apud Baretium, 1605.

²⁾ Письма Савицкаго и Стриверія находятся въ нашемъ распоряженіи.

³⁾ 1605, 12-го іюля, Стриверіи Поссевину.

⁴⁾ Ciampi, *Esame critico*, стр. 50. Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 24, fol. 246. Въ этихъ двухъ источникахъ, въ письмѣ Поссевина къ Фердинанду Тосканскому и въ его докладѣ Павлу V, содержатся и слѣдующія въ текстѣ подробности о Вибліи и о провѣдѣ чрезъ Римъ.

казалось возможнымъ исполненіе его завѣтной объединительной мысли, ибо онъ отнюдь не сомнѣвался ни въ искренности Димитрія, ни въ его происхожденіи отъ Ивана Грознаго, ни въ прочности его правленія. По своему обыкновенію, онъ не довольствовался пустыми соображеніями, но сейчасъ же горячо принялся за дѣло.

Во время Московскаго похода, вѣроятно въ Путивлѣ, Лавицкій какъ-то завелъ рѣчь о Поссевинѣ передъ Димитріемъ. Было что разсказывать о появленіи иезуита въ Кремлѣ, о пререканіяхъ съ Иваномъ Грознымъ, о заключеніи Заполскаго перемирія. И вотъ Димитрій изъявляетъ желаніе получить изъ рукъ бывшаго посредника между Москвою и Польшею Священное Писаніе на славянскомъ языкѣ. Чижевскій передаетъ эту просьбу въ Венецію и начинаются хлопоты. Поссевинъ имѣлъ экземпляръ Острожской Библии, врученный ему самимъ княземъ Константиномъ, но этого перевода онъ не долюбивалъ, другаго подъ рукою, да и вообще, не было, а славянская типографія во Флоренціи представлялась пока только мечтою. Поэтому онъ предпочелъ выслать Димитрію другія книжицы духовнаго содержанія и, пользуясь удобнымъ случаемъ, обратился къ нему съ письменными совѣтами въ видѣ желаній: сыновнія отношенія къ королю Сигизмунду III, союзъ съ Польшею, укрощеніе Карла Шведскаго, походъ противъ турокъ, посвященіе Россіи Божьей Матери—вотъ какія предложенія почтительно внушались благочестивому царю. Сохранился въ нашихъ рукахъ черновикъ этого посланія, помѣченный изъ Венеціи 10-мъ числомъ іюля мѣсяца 1605 г. Дальнѣйшая его участь остается неизвѣстною.

Въ слѣдующемъ 1606 году Поссевинъ былъ проѣздомъ въ Римъ и дѣлалъ докладъ о Димитрѣ Павлу V. Исходной точкой служило ему опять упованіе на новаго царя. Свои давнишніе планы онъ все еще почиталъ за самыя подходящія, а при данной обстановкѣ за удобно примѣняемые и съ надеждой на успѣхъ. По его мнѣнію, суть задачи сводилась къ широкому распространенію образованія и къ усвоенію надлежащей вѣротерпимости. Онъ многого ожидалъ отъ взаимнаго сближенія, обоюднаго знакомства и обмѣна мыслей, разсчитывая, безъ сомнѣнія, на выгодныя для своей стороны послѣдствія.

При такомъ отношеніи къ Димитрію, можно было бы предположить безъ дальнѣйшихъ розысканій, что Поссевинъ не только самъ вдумывался въ исторію юнаго царя, но и сообщалъ ее другимъ. На дѣлѣ это подтверждается провѣркою. Давно уже напечатано посланіе къ Фердинанду Тосканскому съ разсказомъ о Димитрѣ. Въ флорентійскомъ архивѣ есть еще два неизданныя письма къ герцогу Урбинскому, Франческу II, того же содержанія¹⁾. Другимъ лицамъ, въ Венеціи,

¹⁾ Флоренція, Государственный Архивъ, Отдѣлъ Urbino, Classe I, Divisione G, fol. CLXXI, CCXIX.

дѣлались изустныя сообщенія. Такъ, 9-го марта 1605 г., французскій посоль, Кане-де-Френъ, писалъ своему начальнику въ Парижъ: «Такъ какъ вы интересуетесь московскими новостями, то я вамъ скажу, милостивый государь, что отецъ Поссевингъ получилъ письма изъ Кракова, отъ 14-го февраля, въ которыхъ его извѣщаютъ, что молодой князь Димитрій сразился съ своимъ непріятелемъ и совершенно его разбилъ, при чемъ было убито десять московскихъ воеводъ и до 40.000 человекъ, такъ что разныя области передаются побѣдителю. Вотъ военная новость, могущая, если она оправдается, повліять на сѣверныя страны, ибо увѣряютъ, что этотъ Димитрій усердный католикъ». Въ маѣ мѣсяцѣ Кане-де-Френъ снова упоминаетъ о доставленныхъ Поссевину письмахъ изъ Польши ¹⁾).

Итакъ несомнѣнно, что въ 1605 г. бывшій папскій представитель при Иванѣ Грозномъ пересылался изъ Венеціи съ польскими іезуитами и чрезъ ихъ посредство получалъ свѣдѣнія о Димитріѣ. Несомнѣнно также, что, пользуясь этимъ матеріаломъ, онъ охотно, перомъ и словомъ, распространялъ извѣстія о московскомъ переворотѣ. Въ виду такой подготовки, чтобы составить повѣствованіе о всемъ случившемся, Поссевину стоило только привести подробности въ порядокъ и облечь ихъ въ литературную форму. Такое предпріятіе не могло ему не улыбаться, а что онъ дѣйствительно за него взялся, на это есть, кромѣ внутреннихъ, и кое-какія виѣшнія указанія.

Въ Краковѣ проживалъ тогда флорентійскій агентъ Серниджи, горячій поклонникъ Димитрія, котораго онъ особенно расхваливалъ за его склонность къ итальянцамъ. Неизвѣстное лицо поручило Серниджи перевести на латинскій языкъ сочиненіе о Димитріѣ, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ увѣдомляетъ объ этомъ, 22-го января 1606 г., тосканскаго канцлера Велисарія Ванти: «Повѣствованіе (Relatione), сдѣланное Поссевиномъ въ Венеціи, приближается къ истинѣ». Упрекнувъ потомъ автора за пропуски, восхваливъ самоотверженіе Мвишка, онъ признается, что сдѣлаетъ переводъ «на польскій ладъ, то-есть поспѣшно» ²⁾). Очевидно, Серниджи не сомнѣвался въ авторствѣ Поссевина, этотъ фактъ представлялся ему какъ общеизвѣстный и всѣми признанный, и, конечно, онъ имѣлъ въ виду именно нашу «Relatione», ибо другой въ Венеціи не появлялось.

Заслуживаетъ также вниманія инаго рода указаніе, которое можно назвать вещественнымъ. Въ ватиканскомъ архивѣ находится свитокъ

¹⁾ Lettres et Ambassades de Messire Philippe Canaye Seigneur de Fresne, т. II, стр. 526, 578. Письмо 13-го февраля 1605 г., на которое ссылается Кане, написано Савицкимъ. Онъ говоритъ, что въ битвѣ участвовало 40.000 человекъ. Кане ошибочно считаетъ ихъ убитыми.

²⁾ Флоренція, Государственный Архивъ, Отдѣлъ Medici, filza 933, fol. 427.

безъ опредѣленнаго нумера и съ слѣдующею надписью: «*Possevinii Epistolae, 1596—1600—1602—1611*»¹⁾. Многообъщающей надписи не вполне соответствуетъ содержаніе свитка. Въ немъ заключаются теперь разнородныя бумаги, между которыми выдѣляется особая пачка, на обложкѣ которой читаются слова: «*Acta in negocio et casu Demetrii Magni Moscoviae Ducis. Extat intus relatio recuperati Magni Ducatus et pleraque a nostris Patribus missa ad P. Possevinum*»²⁾. Здѣсь опять разочарованіе. Подлинниковъ никакихъ нѣтъ; нѣтъ также іезуитскихъ посылокъ, а осталась только «*Relatio*» и то не въ полномъ видѣ, всего на всего шесть главъ (VII, VIII, IX, XI, XII, XIII) на семи листкахъ. Однако, въ совокупности съ надписью, и эти уцѣлѣвшія странички имѣютъ для насъ значеніе. Такимъ образомъ, съ одной стороны устанавливается связь между Повѣствованіемъ и Поссевиномъ, ибо имъ пересмотрѣны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собственноручно исправлены упомянутыя листки. Съ другой стороны, подтверждается фактъ сношеній Поссевина съ польскими іезуитами и полученія отъ нихъ извѣстій о Дмитріѣ.

Но какъ бы ни были вѣски приведенныя доказательства, не слѣдуетъ скрывать существующихъ противъ нихъ возраженій. Во-первыхъ, Поссевинъ никогда не перечисляетъ Повѣствованія между своими произведеніями и какъ бы отъ него отрекается. Сообщая новыя данныя о Дмитріѣ герцогу Урбинскому, онъ ихъ выдаетъ за дополненіе напечатанной въ Венеціи «*Relatione*», и высланной по его же настоянію Франческу II, но о собственномъ авторствѣ ни полслова³⁾.

Далѣе, въ рѣдчайшемъ первомъ изданіи Повѣствованія, Бареццо Барецци самъ выступаетъ не то авторомъ, не то отвѣтственнымъ лицомъ. Въ вступительномъ письмѣ, посвящая свой трудъ Пьеру Калпони, онъ обѣщаетъ заняться впоследствии исторіею доблестнаго рода своего покровителя и прибавляетъ: «Впрочемъ, благоволите пока довольствоваться моею доброю волею и принять въ видѣ залога вамъ мною вручаемаго это удивительное Повѣствованіе, которое я выпускаю въ свѣтъ подъ вашимъ знаменитымъ именемъ»⁴⁾. Двусмысленнаго намека здѣсь

¹⁾ Тотъ же свитокъ носилъ сперва надпись: *Epistolae Regis Poloniae ad P. Possevinum, legatum pontificium*.

²⁾ Акты, касающіеся Дмитрія, великаго князя Московскаго. Внутри есть повѣствованіе о завоеванномъ великомъ княжествѣ и большая часть посланнаго нашими отцами отцу Поссевину. „Нашими“ іезуиты называютъ своихъ братьевъ; надпись написана однимъ изъ нихъ, вѣроятно, самимъ Поссевиномъ.

³⁾ Упомянутое выше письмо 20-го января 1606 г. fol. CXXIX.

⁴⁾ Калпони былъ флорентинскій уроженецъ (*Litta, Famiglie celebri italiane, tavola XII*), но жилъ въ Венеціи, гдѣ и сдѣлалъ духовное завѣщаніе (Венеція, Государственный Архивъ, Sezione notarile, Busta 785, № 391).

отрицать нельзя, но твердаго, положительнаго утверженія все-таки нѣтъ. Письмо написано такъ осторожно и неясно, что поддается различнымъ толкованіямъ.

Дѣло въ томъ, что Бареццо Барецци, родомъ изъ Кремоны, по своему званію типографщикъ, ничѣмъ себя не заявилъ въ ученое мѣрѣ. Удѣлѣвшія его письма всѣ дѣловаго характера и, какъ уже было замѣчено выше, никакихъ слѣдовъ не осталось его сношеній съ польскими іезуитами, да вообще врядъ-ли онъ интересовался Россією и русскими дѣлами. Но если онъ самъ по этой части не былъ компетентенъ, то, въ качествѣ издателя, онъ удобно могъ заслонять или прикрывать Поссевица. Именно въ ту эпоху, то-есть въ 1605 и 1606 годахъ, обстоятельства сложились въ Венеціи такъ, что со стороны Поссевина требовалась крайняя осторожность. Время было тревожное. Римскій интердиктъ, какъ громовой ударъ, поразилъ республику Св. Марка. Правительство возстало противъ этой карательной мѣры, іезуиты подчинились требованіямъ Павла V, и Поссевинъ усердно отстаивалъ папскія права. Къ этому времени относятся его мелкія полемическія оочиненія, издававшіяся подъ вымышленными именами Giovanni Filoteo di Asti, Paola Anofesto и проч. Всѣмъ извѣстна отъменно чуткая подозрительность государственныхъ учрежденій въ Венеціи. Не удивительно, что Поссевинъ не пожелалъ публично выступать съ исторією о Димитріѣ⁴⁾. Московскій переворотъ клонился тогда, по мнѣнію многихъ и самого автора Повѣствованія, въ пользу Рима, а между Римомъ и Венецією велась ожесточенная борьба. Въ виду возможныхъ придиорокъ, удобнѣе было предоставить отвѣтственность за печатаемый трудъ хорошо извѣстному типографщику, чѣмъ ярому стороннику Павла V.

Такимъ образомъ, авторство Поссевина представляется несомнѣннымъ. Тѣмъ не менѣе это произведеніе нельзя считать непосредственнымъ источникомъ—это только передѣлка писемъ Чижовскаго и Лавицкаго съ примѣсью нѣкоторыхъ постороннихъ свѣдѣній.

П. Пирлингъ.

⁴⁾ Въ первой главѣ Повѣствованія на итальянскомъ языкѣ даже просто говорится о „священникѣ“, бывшемъ въ Швеціи. Между тѣмъ, въ испанскомъ переводѣ (Valladolid, 1606) Поссевинъ названъ по имени. Очевидно, въ Венеціи придерживались болѣе осторожности.

Изъ воспоминаній Михайловекаго-Данилевскаго.

1824 годъ ¹⁾.

Назначеніе Михайловекаго-Данилевскаго бригаднымъ командиромъ.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Графъ Сакенъ и генералъ Ротъ.—Градѣжскъ и Кременчугъ.—Товарищество въ полкахъ.—Лагерь подъ Лубнами.—Смотръ начальника штаба 1-й арміи барона Толля.—Возвращеніе на зимнія квартиры.—Графъ Комаровскій и баронъ И. И. Дибичъ.—Назначеніе генерала Лисаневича начальникомъ Кавказской линіи.—Положеніе Малороссіи.—Д. П. Троицкскій.—Поэтъ А. Родзянко.—Письма къ Данилевскому А. Ф. Воейкова, Свинына и Муханова.

Первые два мѣсяца 1824 года посвящены были мною исключительно изученію фронтальной службы, которую я хотѣлъ узнать во всѣхъ подробностяхъ ея. Я нанялъ для сего двухъ фельдфебелей гвардейскихъ полковъ, съ которыми по утру и послѣ обѣда по нѣскольку часовъ занимался ружейными приѣмами, маршированіемъ и всѣми отѣнками учебнаго шага. Сверхъ того я бралъ у одного офицера ежедневно уроки въ ученіяхъ ротномъ, баталіонномъ, линейномъ и наконецъ въ егерскомъ и жалонерномъ. Чтобы болѣе усовершенствоваться по сей части, я ѣздилъ на ученія, которыя съ утра до вечера производились въ разныхъ частяхъ столицы; ибо никогда еще государь и великіе князья и слѣдовательно всѣ ихъ окружавшіе, болѣе нежели въ сіе время, не обращали вниманія на фронтальную службу. Тайны сей науки, которую Пушкинъ называлъ въ посланіи своемъ къ Орлову «наукою царей», открылись вскорѣ предо мною, и по прошествіи немногихъ недѣль я

¹⁾ См. „Рус. Старину“ сентябрь 1900 г.—Воспоминанія Михайловекаго-Данилевскаго за 1823 годъ напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1892 г. № 7 и 8.

одѣлалъ въ ней столь быстрые успѣхи, что былъ уже въ состояніи вступать въ состязаніе съ знатоками сего дѣла. Я собиралъ также постановленія и приказы, касавшіеся до службы, ибо хотя и нашелъ много печатныхъ уставовъ и законовъ, но происходившія въ нихъ ежедневно почти измѣненія дѣлали ихъ непонятными безъ рукописныхъ прибавленій. Въ семь занятіи мнѣ много способствовалъ назначенный въ одно время со мною бригаднымъ начальникомъ князь Любомирскій, который столько же, какъ и я, былъ новъ въ семь дѣлъ.

Между тѣмъ, надобно было отправляться къ мѣсту моего назначенія. Бригада моя расположена была въ Полтавской губерніи около городовъ Золотоноши и Градижека, и мнѣ предоставлено было право, какъ всякому бригадному начальнику, избирать для мѣстопробыванія любой изъ сихъ двухъ городовъ. Я выбралъ Золотоношу, по громкому ея названію, но узнавъ, что въ ней нѣтъ ни одного порядочнаго дома, я долженъ былъ поселиться съ 14-мъ егерскимъ полкомъ въ запатномъ городѣ Градижекѣ, разстояніемъ въ 25-ти верстахъ отъ Кременчуга. Я послалъ туда моихъ верховыхъ лошадей и библіотеку, состоявшую изъ четырехъ тысячъ книгъ, которую я собиралъ съ дѣтства; съ симъ сокровищемъ я надѣялся пріятно проводить время.

Въ мартѣ мѣсяцѣ я откланялся двору, то есть, обѣимъ императрицамъ, двумъ великимъ князьямъ и великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Всѣ были довольно милостивы, особенно великій князь Николай Павловичъ; онъ два раза меня обнялъ; великая княгиня Елена Павловна меня удивила и въ сей разъ своимъ умомъ. Насъ представлялось ей шестеро, а именно двое сенаторовъ, Мавринъ и баронъ Бюллеръ, находившіяся нѣкогда резидентомъ нашимъ при Регенсбургскомъ сеймѣ, генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, пріѣхавшій изъ Грузіи и настоящій азіатецъ, попечитель Петербургскаго учебнаго округа, одинъ камеръ-юнкеръ и я. Изъ сего видно, что мы были всѣ люди разныхъ сословій и понятій, но великая княгиня говорила съ каждымъ изъ насъ порознь о тѣхъ предметахъ, которые были свойственны званію каждаго изъ насъ: съ барономъ Бюллеромъ—о конституціи, бывшей въ Германской имперіи, съ Мавринымъ—о Сенатѣ, съ княземъ Мадатовымъ—о Кавказѣ и горскихъ народахъ, съ попечителемъ университета—объ академіяхъ Россійскихъ и иностранныхъ и такъ далѣе.

Я не могъ откланяться государю. Его величество былъ боленъ рожеею на ногѣ и сильною лихорадкою, почему ежедневно выходили бюллетени о его здоровьѣ; журналистъ Свишнякъ намѣренъ былъ помѣщать ихъ въ своихъ «Отечественныхъ Запискахъ», но не получилъ на то позволеніе цензуры. Выдавши почти ежедневно въ теченіе одиннадцати лѣтъ Александра, который и на мою жизнь имѣлъ рѣшительное вліяніе, я душевно жалѣлъ, что не могъ передъ отъѣздомъ пред-

ставиться ему, слышать голосъ его и излить предъ нимъ чувства мои. Въ послѣдній разъ моей жизни я видѣлъ его издали, на Невскомъ проспектѣ, когда онъ ѣхалъ въ саняхъ въ одну лошадь; никогда образъ «Благословеннаго» не изгладится изъ души моей.

Я простился съ Петербургомъ безъ прискорбiя отъ того, что видѣнныя мною при дворѣ и въ кругу большаго свѣта двуличiе и притворство поселили во мнѣ омерзѣнiе къ высшему сословию людей; думаю, что къ сему способствовало также оскорбленное мое самолюбiе, ибо въ послѣднiе годы я былъ вовсе неупотребляемъ. Самое горестное утро я провелъ, прощаясь съ хладнымъ мраморомъ, покрывающимъ прахъ отца моего, матери, сестры и незабвеннаго моего Павлуши; я обнялъ памятникъ сего ангела и, стоя одинъ посреди унылаго Волковскаго кладбища, занесеннаго ужаснымъ снѣгомъ, плакалъ горькими слезами. Оставивши семейство мое до весны въ столицѣ, я выѣхалъ изъ оной 22-го марта, почти въ тотъ день, когда за семнадцать лѣтъ передъ тѣмъ я отправился въ первый разъ въ чужiе края. Какой переворотъ въ моей жизни съ тѣхъ поръ! да и теперь какая происходила со мною переменъ! Съ береговъ Невы я переселялся на Днѣпръ, изъ столицы сѣвера—въ заштатный городокъ, изъ адъютантовъ государевыхъ я сдѣлался начальникомъ двухъ армейскихъ полковъ и, обращавшись со времени Отечественнiй войны въ кругу отличнѣйшихъ людей нашего вѣка, ѣхалъ заниматься фронтовою службою, или, какъ говорить Дмитрiевъ въ одномъ прекрасномъ посланiи своемъ, я летѣлъ маршировать.

По причинѣ дурной дороги я въ восьмой день прибылъ въ Могилевъ, главную квартиру первой армiи. Главнокомандующiй графъ Сакенъ, начальникъ штаба Толль, начальникъ артиллерiи князь Яшвилъ и генераль-полицiймейстеръ Эртель приняли меня самымъ обязательнымъ образомъ и угощали обѣдами. На другой день моего приѣзда было воскресенье; вотъ какъ его проводятъ обыкновенно въ главной квартирѣ: по утру въ девять часовъ мы были у развода, а оттуда всѣ пошли къ главнокомандующему поздравить его съ праздникомъ. Въ сей день огромныя залы его дома наполняются офицерами всѣхъ родовъ войскъ, находящихся въ Могилевѣ, коихъ число простирается до трехъ сотъ. Генералы вошли въ кабинетъ, гдѣ мы сѣли и около получаса бесѣдовали о различныхъ предметахъ; туда же явился и губернаторъ съ губернскимъ предводителемъ, оба въ мундирахъ. Послѣ сего графъ Сакенъ, въ сопровожденiи генералитета, вышелъ въ залу, гдѣ принималъ вѣстовыхъ, а потомъ разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, во множествѣ наполнявшихъ залу. Можно легко себя представить, что тотъ, кто былъ генераль-губернаторомъ Парижа и удивлялъ парижанъ умомъ своимъ и ловкостью, обошелъ кругъ стоявшихъ тутъ офицеровъ съ важностию и съ приличiемъ. Въ два часа я пошелъ по его приглашенiю

къ нему обѣдать; за столомъ находилось человѣкъ пятьдесятъ, угощеніе было прекрасное, веселые разговоры и шутки содѣлывали вкусный столъ его еще пріятнѣйшимъ. Графъ превышалъ всѣхъ не токмо однимъ званіемъ, но умомъ и свѣдѣніями, онъ между прочимъ говорилъ съ такою ученостью, какъ профессоръ, объ новооткрытыхъ островахъ въ Океанѣ и о тѣхъ, которые образуются въ ономъ посредствомъ раковинъ и животныхъ; послѣ стола мы сѣли за карты, главнокомандующій, князь Яшвилъ, полковникъ Глинка и я, и играли въ бостонъ по рублю до полуночи, не вставая съ мѣста.

Изъ Могилева я поѣхалъ въ Житомиръ, гдѣ находилась квартира генерала Рота, командира третьяго пѣхотнаго корпуса, къ коему принадлежала моя бригада. Сей хитрый человѣкъ принялъ меня съ видомъ искренности, но онъ не могъ меня обмануть, ибо я его давно зналъ; лукавство было написано на безобразномъ лицѣ его; врядъ-ли находился у насъ генералъ менѣе его любимый, по причинѣ дерзости его и страсти къ сплетнямъ. Здѣсь и въ Могилевѣ я началъ встрѣчаться съ старинными армейскими товарищами, напоминавшими мнѣ походы мои, я началъ видѣть другихъ людей, другой образъ жизни и слышать сужденія, различныя отъ петербургскихъ,—казалось, что я переселился въ иной свѣтъ. Такъ какъ Житомиръ былъ первый городъ, гдѣ я по выѣздѣ моемъ изъ столицы на нѣсколько времени остановился, и давно не живалъ въ провинціяхъ, то и самая тишина и безлюдность меня поразили; сидя близъ окна, я не видалъ въ день болѣе пяти экипажей, да и то дрожекъ, а не каретъ. Это, конечно, замѣчаніе мелочное, но оно на меня дѣйствовало не столько по сравненію съ Петербургомъ, сколько потому, что представляло мнѣ картину предстоявшей мнѣ мирной жизни.

Впрочемъ, это имѣло для меня нѣкоторую прелесть, обращая воображеніе мое къ Геттингенскому счастливому времени.

Недалеко отъ Житомира находилось арендное имѣніе графа Каподистрія, приносившее сорокъ тысячъ годоваго дохода, которыя онъ отсылалъ въ Грецію на вспоможеніе соотечественникамъ своимъ.

Изъ Житомира я ѣздилъ въ гости за двадцать верстъ къ помѣщику Корженевскому, старинному пріятелю отца моего; мой незабвенный родитель оставилъ мнѣ добрымъ своимъ именемъ немалое наслѣдство. Миръ праху его! Не получилъ я послѣ него богатствъ, которыя можно двадцать разъ стяжать и прожить, но онъ оставилъ только хорошую по себѣ память; она была мнѣ полезна и въ Россіи, и въ чужихъ краяхъ. Жалѣю, что я лишился его такъ рано, и что не могъ порадовать его своею службою.

10-го апрѣля я выѣхалъ въ Лубны, гдѣ находилась квартира начальника седьмой пѣхотной дивизіи, генерала Лисаневича, моего непосредственнаго командира. Я нашелъ въ немъ одного изъ самыхъ почтен-

ныхъ и любезныхъ людей, каковыхъ я встрѣчалъ въ моей жизни. Черезъ часъ послѣ перваго нашего свиданія мы сдѣлались съ нимъ пріятелями, а по прошествіи нѣсколькихъ дней друзьями, потому что я еще никогда не находилъ человѣка, съ которымъ бы я болѣе, нежели съ нимъ, соглашался во мнѣніяхъ на счетъ религіи, правительства, воспитанія, войны и подобныхъ важныхъ предметовъ. Проведя съ нимъ четыре дня, я отправился въ прекраснѣйшее утро изъ Лубенъ къ бригадѣ моей въ Градижекъ, куда пріѣхалъ 16-го апрѣля, и гдѣ началась новая эпоха моей жизни.

Градижекъ—одинъ изъ самыхъ дурныхъ городовъ Россіи; онъ заключаетъ въ себѣ четыре или пять домовъ, крытыхъ тесомъ, прочіе покрыты соломою; жители его состоятъ изъ казаковъ, евреевъ и крестьянъ; болѣе тамъ никто не обитаетъ, общества нѣтъ никакого, и нѣтъ ни одной кареты. Я нашелъ здѣсь мои книги и бумаги и обрадовался имъ какъ стариннымъ друзьямъ. Въ Градижекѣ расположенъ былъ штабъ 14-го егерскаго полка, коего комадиромъ былъ подполковникъ Иноземецъ, заслуженный офицеръ, находившійся въ походѣ въ Италіи съ Суворовымъ; мнѣ совѣстно было принять рапортъ отъ толь престарѣлаго воина. Честныя правила его и благородныя свойства скоро меня съ нимъ сблизили и въ продолженіе двухъ-лѣтняго моего съ нимъ служенія мы были искренними пріятелями. По утрамъ я бывалъ на разводѣ и на ученіяхъ, и въ первое время, когда я собирался командовать, накануне вытверживалъ урокъ свой, какъ актеръ роль передъ представленіемъ; но вскорѣ мнѣ не нужны сдѣлались приготовленія, ибо я ознакомился практически съ своимъ ремесломъ. Часовъ въ десять я возвращался домой и оставался одинъ почти весь день. У меня былъ садикъ, въ которомъ я нашелъ четыре молодыхъ акаціи; подъ тѣнью ихъ я ставилъ столъ, кресла, книги и бумаги, и располагался на весь день. Находясь такимъ образомъ въ совершенномъ уединеніи, я часто клалъ перо на столъ и предавался мечтамъ; мнѣ ничто не мѣшало, потому что хотя садикъ мой и выходилъ на улицу, однакоже по ней не только не бывало проѣзжихъ, но въ день проходило не болѣе пяти человѣкъ пѣшкомъ. По вечерамъ я ѣздилъ верхомъ по берегу Днѣпра, гдѣ уже не встрѣчалъ ни слѣда человѣческаго. Въ сіе время одному изъ моихъ баталіоновъ приказано было содержать караулъ въ Кременчугѣ, куда я и переѣхалъ 24-го апрѣля.

По пріѣздѣ моемъ, ко мнѣ явились чиновники полиціи, почты, суда, казначейства и училища, а общество купцовъ и городской голова поднесли мнѣ хлѣбъ-соль. Кременчугъ—одинъ изъ самыхъ красивыхъ и торговыхъ уѣздныхъ городовъ; я нашелъ въ немъ все, что нужно для потребностей жизни: лавки, снабженныя товарами, двѣ аптеки, нѣсколько врачей, огромный общественный садъ и пріятное общество.

Итакъ думалъ я, послѣ долгаго странствованія въ жизни, я пріѣхалъ на постоянное жилище и къ постояннымъ законамъ опредѣленнымъ занятіямъ. Но гдѣ найду наконецъ пріютъ, въ какой странѣ міра будетъ собственный кровъ мой, подъ которымъ небомъ буду воздѣлывать собственную ниву?—это для меня было еще загадка, а въ ожиданіи времени, когда она для меня разрѣшится, я положилъ заняться исполненіемъ моихъ обязанностей, какъ слуга государевъ службою, и какъ отецъ семейства—устроеніемъ благосостоянія дѣтей,—вотъ двѣ цѣли, которыя я для себя предопредѣлилъ на время пребыванія моего въ арміи.

Въ первыхъ числахъ мая я назначилъ инспекторскіе смотры моей бригадѣ. 3-го числа я осматривалъ въ Кременчугѣ первый баталіонъ 14-го егерскаго полка, подъ командою маіора Полторацкаго, 5-го—въ Градижкѣ того же полка второй баталіонъ, подъ командою маіора Кокараки, а потомъ я отправился въ Золотоношу, гдѣ расположенъ былъ 13-й егерскій полкъ. Не доѣзжая сего города 30-ть верстъ, я остановился въ селѣ Ирклевѣ, принадлежавшемъ помѣщику Требинскому; съ его отцомъ покойный родитель мой былъ друженъ тому лѣтъ шестьдесятъ назадъ. Меня приняли какъ роднаго, показывали письма батюшки и по просьбѣ хозяевъ, брата коихъ штабсъ-капитана Данила Максимовича Требинскаго я взялъ еще въ Петербургѣ къ себѣ въ адъютанты, я остался у нихъ двое сутокъ и потомъ отправился въ Золотоношу. Здѣсь я производилъ три дня смотры 13-му егерскому полку, состоявшему подъ командою подполковника Акиннина, первымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Лисецкій, а вторымъ маіоръ Жирковъ. Во время смотровъ я входилъ во всѣ подробности вооруженія и обученія солдатъ, дѣлалъ маневры, заставлялъ стрѣлять въ цѣль и преимущественное вниманіе обращалъ на офицеровъ, полагая, что отъ нихъ зависитъ исправное состояніе полковъ въ мирное время и слава на войнѣ. За малымъ исключеніемъ, я нашелъ отличнѣйшихъ офицеровъ, прекраснаго поведенія, доброй нравственности и надежныхъ, если бы по мановенію государя надлежало намъ идти противъ враговъ отечества. Я вѣнчилъ себѣ за особенную честь служить съ такими товарищами. Слѣдующій примѣръ можетъ обнаружить, сколь велико было согласіе между офицерами 13-го егерскаго полка. Не задолго передъ моимъ пріѣздомъ умеръ капитанъ Авилевъ; сослуживцы его, большею частію люди недостаточные, жившіе однимъ скуднымъ жалованьемъ, сложились между собою, чтобы на могилѣ его соорудить памятникъ. Узнавъ о семъ благородномъ поступкѣ, я послалъ двадцать пять рублей, прося принять и меня, какъ принадлежавшаго къ сему полку, въ число складчиковъ; на другой день оба баталіонные командиры пришли благодарить меня отъ имени всѣхъ офицеровъ.

Окончивъ инспекторскіе смотры и сдѣлавъ о нихъ мое донесеніе—

ніе, я отправился въ Черниговъ, на встрѣчу моему семейству, которое засталъ въ семь городѣ въ совершенномъ здоровьѣ 29-го мая, и съ нимъ вмѣстѣ возвратился въ Кременчугъ.

Въ исходѣ іюля назначено мнѣ было съ моею бригадою идти въ лагерь при Лубнахъ, гдѣ положено было собраться всей седьмой дивизіи. Къ намъ должна была присоединиться первая конно-егерская дивизія и нѣсколько ротъ артиллеріи, ибо въ семь году императору угодно было, чтобы во всей арміи маневры производимы были пѣхотою совокупно съ конницею и артиллеріею. Сія мѣра была отменно благоразумна, потому что давно уже сіи три рода войскъ не упражнялись вмѣстѣ въ движеніяхъ, и большей части нашихъ офицеровъ, пріобыкшихъ къ пѣхотнымъ строямъ, не извѣстны были маневры конницы и артиллеріи. Около 20-го іюля полки начали выступать въ походъ, а я дня черезъ три послѣдовалъ за ними въ Лубны, маленькій городокъ, который лежитъ на высококомъ прелестномъ мѣстѣ. Если бы онъ находился въ чужихъ краяхъ, то безъ сомнѣнія окрестности его давно бы были изображены на холстѣ и на бумагѣ живописцами и рѣзчиками. По недостатку палатокъ на дивизію, поставили въ лагерь три полка, мою бригаду и Симбирскій пѣхотный полкъ, и мнѣ поручили командовать всѣмъ лагеремъ, расположеннымъ верстахъ въ трехъ отсюда. Бывая въ ономъ ежедневно нѣсколько разъ для ученій и хозяйственныхъ распоряженій, я имѣлъ случай коротко ознакомиться съ офицерами, въ которыхъ нашелъ людей честныхъ, усердныхъ служивыхъ, особливо штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ хорошаго поведенія и довольно образованныхъ, хотя о европейскомъ просвѣщеніи настоящаго времени не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія. Вообще корпусъ офицеровъ превзошелъ мои ожиданія; хотя я между ими и узналъ нѣсколькихъ шалуновъ и преданныхъ пьянству, но подверженныхъ сей несчастной страсти я нашелъ въ двухъ командуемыхъ мною полкахъ, то-есть въ числѣ восьмидесяти офицеровъ, не болѣе трехъ или четырехъ, которымъ я приказалъ подать въ отставку. Впрочемъ трудно искоренить пьянство между военными, потому что порокъ сей происходитъ отъ климата, отъ непросвѣщенія и отъ того, что офицеры, кромѣ лагернаго времени, живутъ во весь годъ порознь, въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ скука, протекающая отъ уединенія, праздности и недостатка въ воспитаніи, и слѣдовательно въ занятіяхъ, заставляетъ прибѣгать къ крѣпкимъ напиткамъ.

Мы стояли въ лагерѣ мѣсяць. Въ первыя двѣ недѣли мы почти ничѣмъ другиму не занимались кромѣ церемональнаго марша тихимъ и скорымъ шагомъ. Солдатъ обучали сему ежедневно часовъ шесть или семь, рѣдко бывали баталіонныя ученія, а полковыя только два раза, съ порокомъ же кромѣ маневровъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже, не

было ни одного ученья, потому что порохъ доставляли въ полки въ весьма небольшомъ количествѣ, въ которомъ каждый мѣсяцъ надлежало посылать отчеты. Армія стояла сотни милліоновъ, отпускали суммы на вещи едва-ли нужныя, какъ напримѣръ на этишкеты и другія мелочи, а скупились на порохъ. Отъ сего происходило, что солдаты отмѣнно дурно стрѣляли, ибо ихъ рѣдко обучали сему, и хотя и предписано было ежемѣсячно заставлять стрѣлять и объ успѣхахъ цѣльной стрѣльбы представлять по данной формѣ вѣдомости; но что же случалось? Вѣдомости отправляемы были отъ полковъ съ означеніемъ, сколько человекъ попали въ сердце щита и въ круги, близъ онаго лежащіе, а солдаты не брались за ружье, потому что полковые командиры, боясь большой отвѣтственности въ употребленіи пороха, берегли оный и не расходовали его. Не возможно, чтобы подобныя упущенія, въ столь важной части производившіяся, ускользнули отъ вышшаго начальства, и чтобы оно не знало, что представляемые ему донесенія о цѣльной стрѣльбѣ были не что иное, какъ вымышленныя; не менѣе того отъ него поступали выговоры или похвалы полковымъ командирамъ, у которыхъ показывалось въ рапортахъ большее или меньшее число попадавшихъ въ цѣль застрѣльщиковъ.

10-го августа прибыла въ Лубны первая конно-егерская дивизія подъ начальствомъ генерала Засса и нѣсколько ротъ артиллеріи, назначенныхъ маневрировать вмѣстѣ съ нами. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ генералъ Бороздинъ, который надъ всѣми войсками принялъ команду. На другой день онъ производилъ всему сводному корпусу смотръ, заключавшійся, по существовавшему обыкновенію, въ церемоніальномъ маршѣ. Отъ собранія столь многаго числа войскъ въ Лубнахъ сдѣлалось очень шумно, чему также способствовала подоспѣвшая ярмарка, балы, которые были по два раза въ недѣлю во все продолженіе маневровъ, и любезность и хлѣбосоольство генерала Бороздина.

До пріѣзда его мнѣ было много свободнаго времени; большею частью проводилъ я досуги съ Лисаневичемъ. Мы ходили съ нимъ ежедневно гулять пѣшкомъ по полямъ и лѣсамъ, или ѣзжали верхомъ часовъ по пяти, по картиннымъ окрестностямъ Лубенъ. Когда я оставался одинъ, читалъ Плутарха въ нѣмецкомъ переводѣ Кальтвассера; экземпляръ сего перевода, у меня находящійся, для меня тѣмъ драгоцѣненъ, что онъ былъ свѣряемъ съ греческимъ подлинникомъ покойнымъ другимъ моимъ геттингенскимъ профессоромъ Геде, извѣстнымъ классическимъ путешествіемъ своимъ по Англіи; во многихъ мѣстахъ находятся поправки, его рукою сдѣланныя. Читая жизнеописанія древнихъ, нерѣдко восклицалъ я: какіе мы пигмеи въ сравненіи съ мужами древности! У насъ обыкновенно въ арміи только и слышны жалобы, что не награждаютъ, не даютъ чиновъ и знаковъ отличія, что содержаніе, нами полу-

чаемое, весьма ограниченное, и повторяютъ: изъ чего намъ служить? какъ будто военная служба особенно въ генеральскихъ чинахъ, есть барщина, за которую надлежитъ ожидать деньги и награды. Различіе, которое въ семь отношеніи существуетъ между древними и нами, происходитъ большею частью отъ того, что они со словомъ отечество сопрягали другія мысли, нежели мы.

Къ 15-му августа назначенъ былъ къ намъ пріѣздъ начальника главнаго штаба первой арміи Толля, въ которомъ всѣ ожидали видѣть строгаго инспектора, а что хуже, дерзкаго человѣка. Мнѣ непонятенъ былъ сей страхъ, особенно въ генералахъ, который мнѣ казался малодушіемъ, не приличнымъ ни нашему званію, ни военному ремеслу; оный извинялся только тѣмъ обстоятельствомъ, что они были люди безъ состоянія и существовали однимъ жалованьемъ. Вотъ анекдотъ, которому бы я не повѣрилъ, ежели бы я не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Часа за два до пріѣзда Толля прискакалъ жандармъ съ запискою, въ которой сказано было, что Толль ни у одного генерала не намѣревается обѣдать, кромѣ какъ у корпуснаго командира. Это заставило насъ отъ всего сердца захотѣть. Толль по пріѣздѣ своемъ оправдалъ слышную о немъ славу, потому что не только не сказалъ ни слова полковымъ командирамъ, но даже генераламъ, собравшимся для его встрѣчи. Я тутъ же стоялъ, и мимо меня онъ прошелъ въ молчаніи, что меня не удивило, потому что послѣ всего, видѣннаго мною въ свѣтѣ, меня, кажется, ничто удивить не можетъ; но поведеніе его, особенно со мною, показалось мнѣ отъиънно смѣшнымъ, потому что въ продолженіе многихъ лѣтъ я находился съ нимъ въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ, дѣлалъ ему одолженія и имѣю отъ него множество писемъ, въ которыхъ онъ называетъ меня другомъ своимъ. Я бросилъ на него презрительный взглядъ; онъ началъ потомъ ласкаться, но сердце мое уже отъ него отъвертилось. Онъ извинялся, что не будетъ у меня въ гостяхъ, говоря, что взялъ за правило не посѣщать дивизіонныхъ и бригадныхъ генераловъ, и къ довершенію ребяческихъ своихъ поступковъ, просилъ меня отвезти къ Аннѣ Павловнѣ портретъ жены его, которая съ нею была дружна въ Петербургѣ.

Онъ пробылъ въ Лубнахъ три дня; въ первый осматривалъ войско специальнымъ смотромъ, то-есть мы ходили церемональнымъ маршемъ повзводно, сперва тихимъ, послѣ скорымъ шагомъ, а въ заключеніе во взводныхъ баталіонныхъ колоннахъ, что продолжалось часовъ семь. Когда начальники дивизій, бригадъ и полковъ подъѣзжали къ нему, то онъ никому изъ нихъ кромѣ меня не говорилъ ни слова, между тѣмъ какъ въ подобныхъ случаяхъ самъ императоръ удостоивалъ разговоромъ подъѣзжавшихъ къ нему начальниковъ. Послѣ обѣда стрѣляли въ цѣль, а на другой день мы производили маневръ, состоявшій въ томъ-

что пять полковъ нашей дивизіи атаковали Лубны, а я съ однимъ полкомъ ихъ защищалъ. Послѣ сего Толль уѣхалъ, сдѣлавшись надменностію своею предметомъ посмѣшища. Я не понималъ, какъ могъ вести себя такимъ образомъ человекъ, который долгое время находился при Александрѣ и видѣлъ очаровательное его обращеніе. Мы остались съ Бороздинымъ и маневрировали восемь дней, въ продолженіе коихъ я командовалъ авангардомъ.

Такимъ образомъ прошелъ августъ мѣсяцъ; 26-го Бороздинъ уѣхалъ, и всѣ войска пошли на кантониры-квартиры. Это былъ день моего рожденія; я пошелъ въ церковь и отслужилъ панихиду по покойныхъ родителямъ моимъ, во время которой, переносясь мысленно въ гѣта моего дѣтства, я заливался слезами. Вскорѣ я возвратился въ Кременчугъ, гдѣ по прекращеніи всѣхъ занятій по службѣ, ибо полки отдыхали, я началъ вести семейную жизнь, потому что по произволу могъ располагать своимъ временемъ, не давая въ ономъ никому отчета, а независимость составляла въ моихъ глазахъ всегда первѣйшее благо. Сверхъ того и честолюбіе мое было удовлетворено, ибо званіе генерала въ арміи отиѣнно уважается; въ Петербургѣ придворные шуты пользуются нерѣдко большимъ отличіемъ, нежели генералы; видя къ себѣ знаки почтенія войскъ, командуемыхъ мною, и жителей мѣсть, гдѣ они были расположены, я находилъ весьма справедливымъ изреченіе Кесара, что пріятнѣе быть первымъ въ деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ.

Все дѣло мое осенью и зимою состояло въ томъ, чтобы надзирать, исполнялось ли въ полкахъ все предписываемое высшимъ начальствомъ, отправлять по командѣ срочныя донесенія и передавать въ полки предписанія главнокомандующаго, корпуснаго и дивизіоннаго генераловъ. Сверхъ того встрѣчались довольно часто судныя дѣла, по нѣкоторымъ изъ коихъ предоставлено было безъ аппелляціи произносить приговоры бригаднымъ начальникамъ, какъ напримѣръ за первый побѣгъ изъ службы, по окончаніи суда приказать виновнаго прогнать три раза черезъ комплектный баталіонъ, то-есть черезъ тысячу человекъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ чрезъ Кременчугъ генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій, и такъ какъ онъ былъ первый человекъ, котораго я видѣлъ по удаленіи моемъ изъ столицы, то я съ удовольствіемъ слушалъ рассказы его о придворныхъ сплетняхъ, изъ которыхъ усмотрѣлъ, что тамъ существовала прежняя, или, лучше сказать, вѣчная дворамъ свойственная подлость. Я отъ него узналъ, что государь отправился на Сибирскіе горные заводы въ сопровожденіи одного генерала Дибича. Возвышеніе сего пруссака было отиѣнно быстрое, но должно отдать ему справедливость, что онъ отлично служилъ на войнѣ и что, будучи восемь лѣтъ начальникомъ главнаго штаба арміи, онъ приобрѣлъ всеобщую любовь и привязанность, хотя при семъ нельзя не

пожалѣть, что онъ не русскій и даже не родился въ Россіи. Онъ въ молодости вывезенъ былъ изъ Берлина, гдѣ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и опредѣленъ въ Семеновскій полкъ, изъ коего по счастію его вышелъ въ Генеральный штабъ по слѣдующему случаю. Надобно знать, что генералъ Дибичъ имѣетъ весьма невыгодную наружность, а какъ ротѣ Семеновскаго полка, которой онъ былъ командиромъ, надлежало идти въ караулъ въ королевѣ Прусской во время пребыванія ея въ Петербургѣ въ 1809-мъ году, то вмѣсто его, по причинѣ его невидной фигуры, назначили другаго офицера красиваго въ караулъ. Обиженный сямъ Дибичъ вышелъ изъ гвардіи въ Генеральный штабъ, что послужило къ его счастію, потому что, находясь во время скоро воспослѣдовавшей съ французами войны оберъ-квартирмейстеромъ корпуса графа Витгенштейна, онъ имѣлъ случай обнаружить отличныя свои дарованія, возведшія его на высокую степень почестей, и которыя, если бы онъ остался въ Семеновскомъ полку, были бы скрыты, потому что онъ не имѣлъ бы случая оныхъ показать, служа въ фронтѣ и командуя баталіономъ или даже и полкомъ.

Графъ Комаровскій сказывалъ мнѣ еще, что государь не взялъ съ собою въ настоящее путешествіе генерала Чернышева, одного изъ своихъ любимцевъ, по слѣдующей причинѣ. Чернышевъ, какъ баловень фортуны, былъ заранѣе увѣренъ, что онъ назначенъ будетъ сопровождать императора, и сказалъ въ одномъ домѣ, что ему повѣздки уже наскучили и что ему теперь предстоитъ путешествіе въ Азію. Сіе доведено было до свѣдѣнія его величества, почему и посовѣтовано Чернышеву остаться въ Европѣ, конечно, къ величайшему его сожалѣнію.

Въ исходѣ октября мѣсяца я принялся за кредитъ. Я посвятилъ сему сочиненію нѣсколько лѣтъ моей молодости и, благодаря свойственному юности очарованію, я надѣялся найти въ немъ для себя безсмертіе.

Я положилъ издать его на русскомъ языкѣ, но, не занимавшись нѣсколько лѣтъ сямъ предметомъ, трудно мнѣ было вникать въ нить великихъ истинъ государственнаго хозяйства, на которыхъ долженъ былъ быть основанъ государственный кредитъ, а не на расчетахъ банкировъ. Переводя сочиненіе мое съ французскаго на русскій языкъ, мнѣ казалось, что я перелагалъ мысли другаго автора, а не мои собственныя—плодъ многолѣтнихъ трудовъ и бдѣній: до такой степени я сдѣлался чуждъ сему занятію.

Но кажется, судьбѣ не угодно, чтобы я сіе сочиненіе привелъ къ окончанію, потому что я едва обработалъ три главы, какъ извѣстился, что добраго моего дивизионнаго генерала Лисаневича, съ которымъ я подружился, какъ съ роднымъ, назначили начальникомъ Кавказской линіи. Конечно, нельзя было найти челоуѣка, способнѣе его занимать сіе

важные истре. Онъ двадцать лѣтъ служилъ на Кавказѣ, былъ ужасногъ гвардейцу парадному парадить и заслужилъ себе славу; но я думаю, что къ сему имени его исключеніемъ участіи самостоятелна и то обстоятельство, что онъ не любилъ и не впередъ звалъ фронтную службу, которая, такъ сказать, сдѣлалась болѣею вынужденна. Онъ часто мнѣ говаривалъ, что онъ не достигалъ, какъ иные высшее благородное военное искусство заключить въ гнѣзды предѣлы маршировки, вытѣиванія кауѣва и носка, равенства султановъ и тригички рамцовъ, отпикетовъ и аннушій. Онъ даже смѣлолся въ командирскіе слова въ время бывшихъ смотровъ генерала Толка, что самыя послѣднія было замѣчно и безъ сомнѣнія доведено до высочайшаго слѣдствія. Вотъ копія съ письма, писаннаго ко мнѣ Лисавенчукомъ по случаю назначенія его на Кавказъ, совсѣмъ для него неожиданнаго: «О переводѣ моемъ на Кавказскую линію я также читалъ сегодня въ Пивалцѣ; я самъ не знаю, какъ это случилось, и хотя чести больше и ность сей важнѣе теперешняго, но за всѣмъ тѣмъ для меня большое разстройство, какъ въ финансахъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ: вотъ генеръ какъ дѣлать съ нами, не случайными людьми, и не спрося переводить».

На мѣсто Лисавенча, къ которому я сохранию всю мою жизнь искреннѣйшее уваженіе, назначили начальникомъ седьмой дивизіи генерала Ушакова. Я спокойно ожидалъ его пріѣзда, мнѣ всѣ части вѣрнейшей мнѣ бригады въ совершенной исправности, но почелъ однакоже нужнымъ объѣхать полки и сдѣлать мнѣ инспекторскій смотръ, что, къ крайнему моему сожалѣнію, отвлекло меня отъ моего кредита.

Частые разѣзды мои ознакомили меня со многими помѣщиками, между прочими и съ фамиліею Родзянокъ, просвѣщеннѣйшемъ во всей Малороссіи, но это семейство напитано было, какъ и всѣ прочія, ненавистью къ Россіи; слѣдовательно, при всемъ гостепримствѣ хозяевъ и занимательной бесѣдѣ, которую я тамъ находилъ, потому что это одинъ домъ въ Малороссіи, гдѣ я слышалъ разговоры о словесности и наукѣ, мнѣ тамъ надлежало спорить и защищать насъ отъ упрековъ ихъ. Я не всегда могъ сохранить должное равнодушіе.

Я не находилъ въ Малороссіи ни одного человѣка, съ которымъ мнѣ удавалось говорить, выгодно къ Россіи расположеннымъ; во всѣхъ господствовалъ явный духъ оппозиціи. У нихъ есть пословица: «онъ всѣмъ хорошъ, да москаль», то-есть русскій и слѣдственно есть злой или опасный человѣкъ. Такая ненависть происходила отъ нарушенія правъ Малороссіи, отъ упадка кредита и промышленности, отъ возвышенія налоговъ, которые въ Малороссіи произвели повсемѣстную бѣдность, и отъ дурнаго устройства судебныхъ мѣстъ, гдѣ совѣсть была продажная.

Крестьяне находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, они сто-

нали подѣ тягостію налоговъ, для взиманія конихъ, особенно для сбора накопившихся въ значительномъ количествѣ недоимокъ, употребляли самыя жестокія мѣры, напримѣръ лѣтошъ клали подѣ рубашку крапиву, а зимою выводили несчастныхъ казаковъ на улицу, снімали обувь и обливали голыя ноги водою, отъ чего происходили ужасныя мученія, или земская полиція выламывала окна и печи у тѣхъ казенныхъ крестьянъ, на которыхъ числились недоимки.

Я не нашелъ въ Малороссіи ни одной отрасли промышленности, которая бы въ чемъ-либо дѣлала успѣхи, или то, что англичане называютъ improvement.

Хлѣбопашество и рукодѣлія были въ дѣтствѣ, овцеводство, могущее быть источникомъ изобилія подѣ ея благословеннымъ небомъ, почти было не извѣстно, торговля едва существовала на мелочныхъ ярмаркахъ, а о наукахъ и художествахъ не стоитъ упоминать. Въ просвѣщеніи малороссіане не находились едва-ли на высшей степени, на какой они были при гетманахъ. На пространствѣ, гдѣ расположена была моя бригада, находились между прочимъ три помѣщика; одинъ изъ нихъ Требинскій, имѣвшій тысячу душъ, былъ неграмотенъ и могъ только съ нуждою подписать свое имя; другой Болюбаншъ,—помѣщикъ болѣе пяти сотъ душъ—жилъ въ такой неопрятности, что нечистоты его комнатъ никакое перо описать не можетъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ его горницъ, вмѣсто стеколъ, вклеена была бумага; наконецъ третій—Лисенко, столь распутнаго поведенія, что, заставъ однажды моихъ егерей въ питейномъ домѣ, съ ними подрался, былъ ими связанъ и веденъ верстъ шесть большою дорогою до ближайшей деревни, послѣ сего онъ имѣлъ еще духъ придти ко мнѣ съ жалобою. Сіи примѣры могутъ дать понятіе о свойствахъ малороссійскаго дворянства, изъ коего исключить должно тѣхъ, которые воспитывались въ столицахъ, или во время службы своею находились въ кругу умныхъ людей, но число такихъ весьма ограничено: масса народа, не исключая дворянства, погружена была въ невѣжество. Большая скупость, которую я замѣтилъ между помѣщиками, препятствовала частымъ ихъ свиданіямъ, слѣдовательно тренію мыслей и взаимному сообщенію оныхъ. Странно, что они, находясь на сей низкой степени образованности, вовсе не гостепріимны, что я испыталъ на опытѣ, хотя гостепріимство есть черта отличительная не просвѣщенныхъ народовъ. Я замѣтилъ еще, что при каждомъ удобномъ случаѣ малороссіане осуждали правленіе Александра и выхваляли царствованіе Екатерины. Къ распространенію сего мнѣнія способствовалъ преимущественно жившій не далеко отъ Лубенъ, бывшій министръ юстиціи, Трощинскій, старикъ лѣтъ восьмидесяти, почитавшійся въ Малороссіи оракуломъ. Свойственно пожилымъ людямъ вспоминать съ удовольствіемъ о своей молодости и вѣкѣ, въ которомъ они

дѣйствовали, равно министрамъ, находящимся въ удаленіи отъ двора, превозносить то время, когда они были въ силѣ. Сіе самое происходило и съ Трошинскимъ, который на счетъ царствованія Александра безмѣрно выхвалялъ правленіе Екатерины, а малороссіане, между коими онъ считался почетнѣйшимъ помѣщикомъ, служили ему отголоскомъ, забывая, что на Екатерину они бы могли роптать за уничтоженіе старинныхъ привилегій своихъ. Онъ и подражатели его не имѣли никакого понятія о нравственности нашего времени въ сравненіи съ развратомъ вѣка Екатерины, они не постигали великости подвиговъ россиянъ въ XIX-мъ вѣкѣ и не знали благородства души Александра, покорителя Парижа и повелителя Европы. Это были причины, по коимъ я ни одного раза не посѣтилъ Трошинскаго, не взирая на многократныя его приглашенія, ибо, находясь въ Малороссіи не частнымъ человѣкомъ, а начальникомъ войскъ Александровыхъ, мнѣ нельзя было слушать въ молчаніи хуленія противъ государя, котораго я обожалъ. Сверхъ того, домъ Трошинскаго служилъ въ Малороссіи средоточіемъ для либераловъ; тамъ напримѣръ находились безотлучно одинъ изъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, сосланный впоследствии на каторгу, и Бестужевъ-Рюминъ, кончившій жизнь на висѣлицѣ.

Я познакомился въ Малороссіи съ однимъ изъ отличныхъ нашихъ поэтовъ Аркадіемъ Родзянкою, который былъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ и обширною памятью, но, къ сожалѣнію, за незнаніемъ другихъ языковъ кромѣ французскаго, свѣдѣнія его ограничивались понятіями, почерпнутыми изъ писателей вѣка Людовика XVI-го. Открытія англичанъ и нѣмцевъ въ области наукъ и фантазіи для него были чужды, не упоминая уже о древнихъ, которые въ Россіи извѣстны по однимъ переводамъ.

Въ исходѣ ноября мѣсяца, командиръ одного полка моей бригады писалъ ко мнѣ, что онъ мимо меня получилъ въ тайнѣ отъ дивизионнаго начальника предписаніе, съ коего ниже слѣдуетъ копія. Для меня удивительно было, почему сіе дѣлалось въ тайнѣ отъ насъ, бригадныхъ генераловъ.

Вотъ содержаніе сей бумаги: «Въ слѣдствіе повелѣнія корпуснаго командира предписываю сколь возможно послѣпшнѣе донести мнѣ, сколько нижнихъ чиновъ со времени разрѣшенія долговременныхъ отпусковъ не возвратились изъ оныхъ въ срокъ и по какимъ причинамъ, сколько предано суду во время отпусковъ, или послѣ оныхъ по послѣдствіямъ отпусковъ происшедшимъ; не было ли кромѣ того отъ гражданскихъ начальниковъ какихъ-либо предосудительныхъ отзывовъ на счетъ поведения отпускныхъ нижнихъ чиновъ. Обо всѣхъ таковыхъ доставить именной списокъ, съ означеніемъ просрочки или вины, за которую преданъ суду, или же отзыва гражданского начальства о предосудительныхъ по-

ступкахъ отпускныхъ; равно донести въ какой мѣрѣ вообще сбережены состоящія на нихъ казенныя вещи; охотно ли по возвращеніи принялись они за службу, не стоило ли особыхъ трудовъ выправлять и приучать ихъ къ фронту и какъ они въ семь отношеніи замѣчены господами бригадными командирами, въ особенности сохранили ли они въ полномъ смыслѣ духъ покорности и повиновеніе къ начальству».

Въ теченіе сего года я сохранилъ дружественную переписку съ нѣкоторыми изъ нашихъ писателей, и помѣщая копиі съ писемъ переводчиковъ Виргилія и Делиля и издателя «Русскаго Инвалида», Воейкова и издателя «Отечественныхъ Записокъ» Свинына, для того что душа литераторовъ видна яснѣе въ пріятельскихъ письмахъ, нежели въ печатныхъ ихъ произведеніяхъ. Переписка людей, занимающихся словесностію, составляетъ весьма занимательную отрасль литературы европейскихъ народовъ; у насъ же отрасль сія вовсе еще не существуетъ.

Первое письмо Воейкова.

«Съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочиталъ письмо ваше отъ 3-го іюня. Отъ него повѣяло какою-то знакомою стариною, какимъ-то роднымъ московскимъ духомъ. Признаюсь, грѣшенъ, завидую всѣмъ вырвавшимся изъ холоднаго Петербурга. Вы заплатили дань здоровьемъ желѣзному климату,—и наслаждаетесь прекрасною природою, на берегахъ живописнаго Днѣпра, красавца между русскими рѣками. Лѣнитесь, отдыхайте, но не забывайте музъ и чаще призывайте ихъ въ уютную свою хижину: онѣ любятъ независимость и уединеніе, еще больше такую прекрасную душу, какъ ваша, открытую всему доброму, всему изящному».

Второе письмо ея же отъ 23-го августа 1824.

«Вы, нѣкогда, по благосклонности своей обѣщали украсить мои «Новости» отрывками изъ любопытныхъ записокъ своихъ. Я не смѣлъ до сихъ поръ беспокоить васъ напоминаніями и помня слова Спасителя: «въ терпѣніи стяжите души ваша», терпѣлъ и дождался. Теперь вы живете въ завидномъ уединеніи, въ краю благословеннаго Юга, имѣете досугъ пересмотрѣть, обдумать, переправить ваши сочиненія, занимательныя для современниковъ, еще занимательнѣйшія для потомства; теперь безъ угрызенія совѣсти и не боясь быть докучливымъ, напоминаю вамъ о данномъ словѣ, прошу и умоляю.

«Сынъ Отечества» былъ бы пасынкомъ, еслибъ такіе, какъ вы, писатели, славные спутники и сподвижники Александра и Кутузова, не

обогащали оной своими драгоценными гостинцами. Надобно признаться: Гречъ родился подъ счастливою звѣздою: самъ за перо не принимается, а журналъ его полонъ, хорошо идетъ и расходится. Въ два года (1820 и 1821), въ которые былъ я его сотрудникомъ, Гречъ не разразился ни одною строчкою, исключая обыкновенныхъ выписокъ изъ иностранныхъ вѣдомостей и ругательствъ, которыми пристрастно и несправедливо осыпалъ онъ всѣ новыя русскія книги, которыя имѣли несчастіе ему не понравиться.

«Позвольте льстить себя надеждою, что вы не откажете мнѣ въ моей пожорнѣйшей просьбѣ и въ ожиданіи благопріятнаго отвѣта съ искреннимъ уваженіемъ и душевною преданностію быть» и проч.

Третье письмо отъ него же.

«Хотя учитель мой Делиль и говоритъ «promettre c'est donner, espérer—c'est jouir», однако же я лучше вѣрю своему земляку, сочинителю оперы «Мельникъ»; и онъ вотъ что распѣваетъ:

„На посулъ

„Какъ на стулъ

„Посидя, да не поѣшь

„Такъ животь не будетъ свѣжъ.

«Привода вашему превосходительству въ оправданіе свое сіи стихи, осмѣливаюсь напомнить объ обѣщаніи вашемъ украсить «Новости Литературы» вашими любопытными записками изъ славной придворной, или лучше сказать при-царской жизни».

Письмо издателя «Отечественныхъ Записокъ», Свиньина, отъ 8-го декабря 1824 года.

«Письмо ваше отъ 21-го прошлаго ноября несказанно меня обрадовало; ибо постоянно люблю васъ, почитаю и можетъ быть болѣе многихъ, такъ называемыхъ пріятелей вашихъ, знаю вамъ пѣву и дорожу вашею дружбою! Послѣ сего можете повѣрить, съ какимъ удовольствіемъ я разбиралъ ваше милое письмо и превозмогъ связность вашего почерка. Такъ точно, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, я сдѣлалъ прошедшимъ лѣтомъ самое пріятное, самое занимательное и полезное для себя путешествіе, и признаюсь, что возвратился съ новымъ самолюбіемъ, съ новымъ правомъ любить свое отечество. Вамъ извѣстно, что я спустился по Волгѣ, отъ Рыбинска до Астрахани болѣе 3.500 верстъ, осмотрѣвъ на семъ пути все, что ни есть любопытнаго: Елтонское озеро, древній Сарай, Рыгъ, пески, Дубовку и Качальню,

камыцкія кочевья и пр.: Каспійскимъ моремъ проплылъ болѣе 1.000 верстъ, посѣтивъ всѣ значительнѣйшіе рыбныя промысла: Ембу, Мангишлякъ и вышелъ на берегъ въ Гурьевскомъ городкѣ, откуда чрезъ Уральскъ, Оренбургъ и Троицкую крѣпость пробрался въ нѣдра Уральскихъ горъ, и слѣдя въ разныхъ мѣстахъ походы завоевателя Сибири, достигъ благополучно до самаго сѣвернаго населенія Урала — Богословскихъ заводовъ. Назадъ возвратился черезъ Пермь, Вятку и т. д. И подъ конецъ такую почувствовалъ необходимость облегчить голову, сердце и воображеніе, обремененныя различными впечатлѣніями, что старался какъ можно скорѣе достигнуть своего кабинета, дабы излить на бумагу все, что видѣлъ и слышалъ.

«На будущій годъ намѣренъ посѣтить Донъ, Кавказъ, Крымъ и южную часть Россіи, при чемъ надѣюсь обнять васъ въ Кременчугѣ и между тѣмъ, прошу васъ, милый Александръ Ивановичъ, снабдить меня вашими замѣчаніями о тѣхъ краяхъ, коротко вамъ знакомыхъ. Я собираю также всѣ свѣдѣнія о путешествіяхъ государя. Сдѣлайте милость, багюшка, сообщите ваши записки по сему предмету, такъ какъ онѣ есть у васъ, а мое уже дѣло будетъ избрать изъ нихъ все то, что можетъ быть помѣщено въ печати.

«Почитаю обязанностію самою преданнѣйшею, самою священною препроводить при семъ билетъ на полученіе «Отечественныхъ Записокъ» въ слѣдующемъ 1825 году, а если возможно безъ большихъ хлопотъ, то не раздадите ли нѣсколько билетовъ на изданіе сіе въ вашемъ краю, удостовѣривъ гг. подписчиковъ, что они не будутъ сожалѣть о 30 рублѣхъ, на сіе ими кинутыхъ, ибо надѣюсь сдѣлать «Отечественныя Записки» весьма любопытными въ слѣдующемъ году, имѣвъ случай, кромѣ своихъ собственныхъ замѣчаній, собрать важныя историческія матеріалы, какъ-то: Замѣчанія Остермана на записки Манштейна, Бесѣду Ермака Тимофеевича съ именитымъ человѣкомъ Строгоновымъ и пр. и пр. Все будетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вы совершенно отгадали, что Булгаринъ скрежещетъ уже при одномъ слухѣ о сихъ сокровищахъ. Въ нынѣшнемъ номерѣ увидите огромную филиппику его противу меня, то-есть повтореніе старыхъ замѣчаній на «Отечественныя Записки», кои онъ сыскалъ въ сихъ годахъ сего изданія».

Въ заключеніе писемъ сего года помѣщаю копію съ письма, писаннаго ко мнѣ Мухановымъ, намѣревающимся издавать военный журналъ. Я съ нимъ никогда до того не былъ въ перепискѣ, и письмо сіе хотя не важно само по себѣ, но включаю оное здѣсь потому, что Мухановъ сей попался въ заговоръ, ужаснувшемъ Россію въ 1826 году.

«Намѣреваясь издавать на будущій годъ военный журналъ и имѣя уже значительное число матеріаловъ, я не осмѣливаюсь вступить на попріе сіе, не исходатайствовавъ предварительно содѣйствія и покро-

вительства военныхъ людей, постигшихъ всю важность военныхъ наукъ. Обращаюсь къ вашему превосходительству, какъ къ просвѣщенному и многоученому соотечественнику, съ покорнѣйшей просьбой украсить періодическое изданіе сіе вашими сочиненіями. Я получилъ весьма лестные отзывы почти отъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ нашихъ военныхъ писателей.

«Прежнее благорасположеніе вашего превосходительства ко мнѣ, а особенно высокое просвѣщеніе и любовь къ наукамъ, убѣждаютъ меня, что вы поощрите предпріятіе, имѣющее цѣлью распространеніе военныхъ познаній въ арміи».

Я окончилъ 1824 годъ самымъ веселымъ образомъ, по утру часа съ два я занимался службою, потомъ чтеніемъ, а вечеромъ игралъ въ карты: въ ноябрѣ мѣсяцѣ начались въ такъ называемомъ собраніи балы, и я давалъ у себя нѣсколько вечеринокъ, на которыхъ бывало до пятидесяти и болѣе гостей. Единообразіе такого пріятнаго образа жизни прерывалось только повѣздками по расположенію моей бригады, а повѣздки сія я могу назвать прогулками, по исправности полковъ и пріязни ко мнѣ офицеровъ, которымъ я съ моей стороны старался дѣлать всякаго рода угожденія.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паша).

LXXIII¹⁾.

Маневры турецкихъ войскъ.—Поляки эмигранты въ Константинополь.—Ихъ интриги.—Лагерный сборъ у Маслака.—Причисленіе казаковъ и драгунъ къ гвардіи султана.—Формированіе двухъ новыхъ полковъ: казачьяго и драгунскаго.—Сераскиръ Риза-паша.

Мой младшій сынъ, Музаферъ-бей былъ назначенъ адъютантомъ сераскира Фуада-паши. Нѣсколько дней спустя послѣ того какъ нашъ полкъ пришелъ въ Константинополь, ему былъ произведенъ въ присутствіи султана смотръ, за которымъ слѣдовали маневры. Войскомъ командовалъ Гуссейнъ-Авни-паша, я же командовалъ лѣвымъ крыломъ, которое въ началѣ маневровъ находилось въ авангардѣ.

Казаки и драгуны удостоились похвалы. По окончаніи церемоніальнаго марша, я получилъ позволеніе подойти къ султану и поцѣловать его ноги; онъ похвалялъ меня и мои эскадроны и тутъ же пожаловалъ мнѣ Меджидіе 2 степени. Казаки и драгуны заняли караулы Дауда-паши и на ученіяхъ и парадахъ служили примѣромъ для остальной турецкой кавалеріи. Мои сыновья были отличные кавалеристы и ввели въ наши эскадроны всѣ приемы, принятые во Франціи.

Злосчастное польское возстаніе приходило къ концу. Военныя дѣйствія мало-по-малу ослабѣвали, сами же повстанцы прятались или бѣжали за границу.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1900 г.

Однимъ изъ первыхъ прѣхалъ въ Стамбулъ Хлѣбовскій, художникъ довольно извѣстный въ Парижѣ, и Сабіенскій: ни тотъ, ни другой не участвовали въ возстаніи, они выѣхали изъ Польши до начала мятежа получивъ паспорта, слѣдовательно, не были эмигрантами. Они привезли съ собою семь слишкомъ милліоновъ рублей и отдали ихъ на храненіе Антону Аллеону. Это придало имъ большой вѣсъ; Сабіенскій хотѣлъ получить разрѣшеніе на постройку желѣзной дороги изъ Стамбула въ Адрианополь. Но это ему не удалось, такъ какъ за фирманъ надобно было заплатить звонкой монетою, а онъ привезъ свои милліоны кредитными рублями. Хлѣбовскій, талантливый художникъ, сдѣлался придворнымъ живописцемъ султана и быстро разбогатѣлъ.

Вскорѣ по прѣздѣ этихъ господъ прибылъ Эаддей Оржеховскій, докторъ медицины, извѣстный подъ именемъ барона Окша; затѣмъ явился мой племянникъ, генералъ Эдмундъ Ружицкій, командовавшій отрядомъ въ Польшѣ, и вмѣстѣ съ нимъ цѣлая свита дипломатовъ и военныхъ.

Я не понималъ, для чего прѣхали эти господа, но какъ полякъ, командовавшій польскимъ отрядомъ, я представилъ ихъ садръ-азаму, турецкимъ министрамъ и сановникамъ. Ихъ принимали дружелюбно во вниманіе къ полезной и исправной службѣ казаковъ и драгунъ.

Послѣ перваго же свиданія съ этими господами, прѣхавшими изъ Польши, я сказалъ своимъ друзьямъ:

— Это дипломаты и обманщики перваго сорта, они все лгутъ и не смѣютъ взглянуть порядочному человѣку прямо въ глаза; съ ними надобно быть осторожнымъ.

Мнѣ очень не понравилось то обстоятельство, что послѣ обѣда, на которомъ прѣзжіе поляки присутствовали у насъ вмѣстѣ съ Сеферъ-пашею, генераломъ Косцельскимъ и генераломъ Тачановскимъ, Окша выразилъ желаніе поговорить наединѣ со мною и Косцельскимъ, заявивъ, что Тачановскій не долженъ слышать нашего разговора. Я сказалъ ему, что я не охотникъ до заговоровъ и что если они не хотятъ говорить открыто, то я не желаю слушать ихъ. Подозрѣвая, что тутъ кроется какая-нибудь интрига, я пригласилъ къ себѣ вмѣстѣ съ ними всѣхъ прочихъ офицеровъ.

Когда они собрались, я представилъ имъ прѣзжихъ и сказалъ послѣднимъ:

— Ваши планы и намѣренія мнѣ не извѣстны, да я и не желаю знать ихъ, но я прошу васъ уважать гостепримство турецкаго правительства и монарха, которому мы служимъ; прошу васъ пощадить наше положеніе, наше доброе имя и нашу честь; прошу не распространять въ войскѣ никакихъ прокламацій, не затѣвать заговоровъ. Если вы хотите чего-нибудь отъ насъ, говорите прямо, будьте увѣрены,

что я сдѣлаю для васъ все возможное. Если вы хотите, чтобы кто-либо изъ нашихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ шелъ въ Польшу, и если они на это согласятся, то они получать отпуска, паспорта, деньги на дорогу. Дѣйствуйте честно, открыто, какъ поступали наши предки, и вы встрѣтите съ нашей стороны полную готовность содѣйствовать вамъ, но Боже васъ упаси склонять солдатъ къ дезертирству и къ такимъ поступкамъ, которые могутъ опозорить польское имя.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого собранія въ Стамбуль прїѣхалъ капитанъ Рихардъ Бервинскій, которому согласно съ его желаніемъ я разрѣшилъ отправиться къ Окшѣ и предложить свои услуги тайному правительству, что онъ и сдѣлалъ въ присутствіи Краевскаго; но такъ какъ всѣмъ было извѣстно о нашихъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, то Окша не открылъ ему своихъ плановъ, а напротивъ сказалъ, что народное правительство желаетъ, чтобы казачья организація осталась неприкосновенною въ ея теперешнемъ положеніи.

Генералъ Эдмундъ Ружицкій уѣхалъ въ Молдавію, а оттуда въ Парижъ; я далъ ему рекомендательное письмо къ моимъ пріятелямъ румынамъ, вслѣдствіе чего эмиссаръ тайнаго правительства Михаилъ Мрозвицкій получилъ для поляковъ болѣе ста казацкихъ мундировъ. По отъѣздѣ Ружицкаго до меня дошли слухи, что Окша сошелся съ нѣкоторыми фанатиками-католиками и, дѣйствуя именемъ Божиимъ и подкупомъ, занялся провсками, которые имѣли цѣлю деморализовать казаковъ и драгунъ и разстроить ихъ организацію.

Въ Адамъ-Кіюй, у подошвы Алемъ-Дага, въ поселеніи, предоставленномъ кн. Владиславомъ Чарторыйскимъ въ распоряженіе поляковъ, былъ присланъ управителемъ нѣкто Сомовскій и инструкторомъ Лискевичъ, бывший офицеръ русской службы.

Дезертиры изъ казаковъ и драгунъ находили въ этомъ поселеніи пріютъ и покровительство отцовъ лазаристовъ и французскаго посольства, которые давали имъ статское платье и отправляли ихъ на французскихъ судахъ за Дунай, въ Молдавію. Католическая пропаганда пользовалась этимъ, чтобы вырвать этихъ поляковъ со службы бусурманамъ и открыть дорогу если не на небо, то на новыя испытанія и несчастія.

Дезертировъ ловили, судили и подвергали позорному наказанію.

Враги нашей организаціи были изобрѣтательны на выдумки. Въ нашемъ полку былъ молодой офицеръ Девернь, добрый малый и хорошій служака, но человекъ довольно легкомысленный; онъ перешелъ въ мусульманство и принялъ такъ же, какъ и я, имя Мехмедъ-Садыка. Не помню на какое юбилейное торжество меня просили прислать отрядъ казаковъ на церковный парадъ, который долженъ былъ происходить передъ ко- столомъ св. Бенедикта и при этомъ настоятельно просили, чтобы этимъ отрядомъ командовалъ Девернь, какъ офицеръ красивый и изъ себя

видный. Я съ удовольствіемъ изъявилъ на это согласіе.—Передъ церемоніей католики прочли Деверню наставленіе и убѣдили его во время парада исповѣдываться и приобщиться св. Тайнъ на глазахъ мусульманъ, а затѣмъ написали въ газетахъ, что Мехмедъ-Садыкъ ренегатъ, что онъ возвратился въ лоно католической апостольской церкви, исповѣдывался и приобщался. Всѣ офицеры были крайне возмущены этой исторіей. Они не обвиняли Деверню за переходъ въ мусульманство, смотря на это какъ на дѣло совѣсти, но его обратный переходъ въ католическую вѣру возбудилъ ихъ справедливое негодованіе; они сочли это оскорбленіемъ ихъ монарха, ихъ мундира. Вѣдному Деверню пришлось подать въ отставку; полкъ лишился хорошаго офицера, а газеты трубили о переходѣ Мехмедъ-Садыка въ католичество. Я упоминаю объ этихъ двухъ случаяхъ, чтобы показать, какимъ образомъ патріотическая партія старалась подорвать мое вліяніе и какими средствами она дѣйствовала противъ меня.

Изъ казармъ, гдѣ стояли войска, мнѣ донесли, что Равскій, Рыгъ, Марквартъ и Пясецкій составили проектъ какого-то адреса, который они предполагали разослать по полкамъ, чтобы собрать подъ ними подписи; въ этомъ адресѣ говорилось о желаніи офицеровъ отдаться въ распоряженіе народнаго правительства и объ увольненіи всѣхъ поляковъ со службы. Этотъ адресъ былъ страшною безсмыслицей, а съ точки зрѣнія военной даже преступленіемъ. Настоящее войско, имѣющее законнаго, всѣми признаннаго монарха, признавало власть тайнаго революціоннаго правительства и готово было подчиниться ему; это былъ настоящій бунтъ. Прошеніе объ увольненіи въ отставку для того, чтобы отправиться въ Польшу, поданное въ тотъ моментъ, когда мятежъ затихалъ — походило на насмѣшку. Я пытался доказать это офицерамъ, но они не обратили вниманія на мои слова. Въ заговорѣ приняли участіе лучшіе офицеры, которыхъ Окша и его агенты дотого обили съ толку разными обѣщаніями, что они ничего не хотѣли слушать. Тогда я попросилъ Бервинскаго переговорить съ Окшей. Онъ отправился къ нему вторично съ Краевскимъ. Окша отрекся отъ всякаго участія въ этой манифестаціи, увѣрялъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно, что онъ понимаетъ, какъ важно сохранить неприкосновенною организацію казаковъ и драгунъ, и наконецъ обѣщалъ переговорить съ офицерами и выяснитъ все дѣло. Послѣднее предложеніе ясно показывало, что между нимъ и офицерами существовали какія-то сношенія, коль скоро онъ считалъ возможнымъ быть посредникомъ между ними и ихъ командиромъ, который въ теченіе столькихъ лѣтъ горячо заботился объ ихъ благосостояніи и чести.

Въ тотъ же день полковникъ Киркоръ донесъ мнѣ объ адресѣ, составленномъ офицерами, о его содержаніи и о собранныхъ подъ нимъ

подписяхъ; присовокупивъ, что ему не предлагали еще подписать этого адреса, но что онъ подпишетъ его непременно, такъ какъ этотъ адресъ призываетъ офицеровъ идти въ Польшу участвовать въ возстаніи.

— Намъ пора уже вернуться на родину,—говорилъ онъ,—довольно кочевали мы на чужбинѣ, усѣявъ своими трупами всѣ этапы пройденнаго нами пути.

Онъ былъ не въ духѣ, жаловался на офицеровъ, говоря, что они скрываютъ съ нимъ и составляютъ тайнѣ какой-то заговоръ.

Въ то время въ Стамбулѣ находился черкъ Абди-паша, назначенный сердарь-экремомъ командующимъ 3-мъ корпусомъ, къ которому принадлежалъ нашъ полкъ; онъ относился весьма недоброжелательно къ полякамъ и къ Польшѣ и не долюбивалъ въ особенности меня. Мой сынъ сообщилъ мнѣ, что Абди-пашѣ донесли о броженіи, начавшемся въ казачкомъ и драгунскомъ полкахъ и что онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы разстроить нашу организацію. Я тотчасъ сѣлъ на лошадь и отправился въ конакъ Фуада-паши; я засталъ у него въ приемной маршала Абди-пашу, и такъ какъ я имѣлъ право входить въ кабинетъ Фуадъ-паши безъ доклада, то я воспользовался этимъ, прошелъ къ нему и рассказалъ ему подробно всю сущность дѣла. Мнѣ удалось отстоять нашу организацію, но я не могъ ничего сказать въ оправданіе офицеровъ, написавшихъ вышеупомянутый адресъ. Фуадъ-паша былъ возмущенъ этимъ и сказалъ:

— Если они будутъ упорствовать на томъ, чтобы подать этотъ адресъ, то это будетъ равносильно бунту противъ правительства; этого нельзя допустить, этотъ поступокъ нельзя извинить даже патриотизмомъ, въ особенности послѣ того какъ полякамъ дозволено идти туда, куда ихъ влечетъ чувство, поэтому я запрещаю вамъ принимать адресъ; ихъ слѣдовало бы строго наказать, но я позволяю вамъ представить мнѣ объ увольненіи ихъ въ отставку. Этимъ только и можно спасти организацію, а ее необходимо спасти, прошу васъ объ этомъ.

Я отъ всего сердца поблагодарилъ его за это рѣшеніе; когда мы вышли въ общую залу, то маршалъ Абди-паша подалъ Фуадъ-пашѣ рапортъ; прочитавъ первыя слова этого рапорта, Фуадъ-паша бросилъ его, сказавъ:

— Мнѣ все извѣстно, я уже сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія; это дѣло надобно считать оконченнымъ.

Послѣ этого нечего было говорить; наша организація была спасена.

Пріѣхавъ домой, я засталъ у себя вышеупомянутыхъ четырехъ офицеровъ съ адресомъ, котораго я не принялъ; не дотронувшись до него, я сказалъ:

— Гг. офицеры, которые пожелають признать власть другаго

правительства, имѣютъ право заявить о томъ и могутъ получить отставку.

Я тотчасъ послалъ въ сѣраскеріатъ просьбу объ увольненіи этихъ четырехъ офицеровъ, на что въ тотъ же день послѣдовало согласіе.

Дивизионный генералъ Гуссейнъ-Даудъ-паша, родомъ также черкесь, имѣвшій сношенія съ поляками, говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что Окша подсылалъ нѣкоторыхъ лицъ къ маршалу Абди-пашѣ съ просьбою, нельзя ли какъ-нибудь уничтожить нашу организацію.

Нѣсколько дней спустя послѣ исторіи съ адресомъ мнѣ было приказано отправиться въ Битаглию вмѣстѣ съ маршаломъ, которому правительство дало для этого путешествія отдѣльное судно. За два дня до моего отъѣзда, на русскомъ пароходѣ, прибылъ изъ Одессы нѣкто Лапа; по словамъ однихъ, онъ занимался поддѣлкою фальшивыхъ ассигнацій, по словамъ другихъ, Лапа былъ сильно скомпрометтированъ въ послѣднемъ возстаніи. Съ парохода онъ отправился прямо къ Окшѣ, который жилъ въ домѣ такъ называемаго народнаго агентства, гдѣ поляки устроили ему овацію.

Полковникъ Франкини приказалъ кавасамъ арестовать его и доставить въ канцелярію русскаго посольства; онъ имѣлъ на это полное право, такъ какъ этотъ господинъ прибылъ на русскомъ пароходѣ, съ чужимъ паспортомъ; за нимъ слѣдили уже на пароходѣ, какъ за подозрительной личностью, и онъ скрылся съ парохода у Окши, слѣдовательно, русскія власти имѣли право арестовать его. «Народное агентство» страшно переполошилось, наняло какихъ-то бѣдняковъ-поляковъ, чтобы отнять Лапу изъ рукъ полицейскихъ; поляки, напоенные допьяна, напали на заплѣвъ, которые вели арестованнаго грека, побили заплѣвъ и при этомъ сами были ранены. Когда Лапу не удалось отнять силою, то Окша бросился хлопотать объ его освобожденіи къ Али-пашѣ и къ самому Фуадъ-пашѣ; ему отвѣчали, что русское правительство было въ правѣ такъ поступить и что Высокая Порта не можетъ мѣшаться въ это дѣло. Изъ отвѣтовъ, данныхъ Лапою на допросъ, можно было заключить, что онъ былъ едва-ли не самый главный агентъ повстанцевъ. Окша писалъ по этому поводу какіе-то запросы, посланія, разсылалъ телеграммы, въ которыхъ говорилъ, что это дѣло можетъ повести къ новой войнѣ между Турціей и Россіей, что возстаніе вспыхнетъ съ новой силой и т. п.

Когда же этотъ дипломатическій пухъ лопнулъ, какъ мыльный пузырь, то изъ костела св. Бенедикта и изъ «Народнаго агентства» прислали просить меня чрезъ моихъ пріятелей, генерала Косцельскаго и доктора Дроздовскаго, нельзя ли какъ-нибудь спасти Лапу, воспользовавшись моими пріязненными отношеніями съ драгоманомъ русскаго посольства, полковникомъ Богуславскимъ, человѣкомъ благороднымъ, въ

истинномъ значеніи этого слова. Надобно было спасти человѣка и поляка, поэтому я ни минуты не колебался и послалъ къ полковнику поручика Горенштейна. Такъ какъ взведенное на Лапу обвиненіе въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій не подтвердилось, то Богуславскій рѣшилъ, что его можно отпустить. Лапу привели ко мнѣ; просили дать ему казачій мундиръ и, взявъ его съ собою въ Витатлію, выпроводить за границу.

Я согласился исполнить все, о чемъ меня просили, такъ какъ я не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго, но лишь только мы вступили на пароходъ, куда ранѣе былъ посланъ съ чаушемъ переодѣтый казакомъ Лапа, какъ на пароходъ явился маршалъ Абди-паша и сдѣлалъ мнѣ отъ имени Фуада-паши и, какъ онъ увѣрялъ, по его приказанію, выговоръ за то, что я осмѣлился принять на военное судно бѣглеца-преступника изъ союзнаго Турціи государства, и приказалъ мнѣ тотчасъ свести его на берегъ и предать въ руки полиціи.

Я отвѣчалъ, что это не мое дѣло, что я отошлю его туда, откуда онъ явился, и тогда съ нимъ могутъ дѣлать, что хотять.

Круто повернувшись, маршалъ сказалъ: «дѣлайте, какъ знаете». Я отослалъ Лапу съ моимъ младшимъ сыномъ, который провожалъ меня на пароходъ. Какая его постигла участь, я не знаю.

По возвращеніи изъ Витатліи, я отправился къ Фуадъ-пашѣ, чтобы объясниться по поводу этого дѣла, но онъ прервалъ меня съ первыхъ же словъ, сказавъ:

— Я не сержусь, вы поступили такъ, какъ подсказывало вамъ сердце, я сдѣлалъ бы, вѣроятно, то же самое на вашемъ мѣстѣ. Къ тому же русское посольство не предъявило по этому поводу никакихъ жалобъ. Весь этотъ шумъ подняли поляки, которые донесли мнѣ обо всемъ.

Когда я вернулся въ Стамбуль, члены «народнаго агентства» уже начали развѣжаться. Восстаніе въ Польшѣ было почти подавлено. Предводители его отправились по своему обыкновенію на западъ, въ Швейцарію, Парижъ, Брюссель, даже въ Лондонъ. Въ Польшѣ былъ восстановленъ порядокъ. Народное дѣло погибло. Положеніе было еще хуже, нежели въ 1831 г.

Въ тотъ годъ (1863) войска отбывали лагерный сборъ близъ Маслака, куда пришло 24 батальона пѣхоты, 22 эскадрона кавалеріи и 12 батарей артиллеріи. Войскомъ командовалъ маршалъ Гуссейнъ-Авни-паша; пѣхотой командовалъ дивизионный генералъ Дели-Османъ-паша; я командовалъ кавалеріей, а Рамишъ-паша—артиллеріей. Начальникомъ штаба былъ бригадный генералъ Махмудъ-паша. Ученья, смотры и маневры продолжались полтора мѣсяца. Султанъ пріѣзжалъ въ лагерь вѣсколько разъ въ недѣлю. Я составлялъ по порученію Фуада-паши

планы маневровъ, и султанъ лично выразилъ мнѣ однажды свое удовольствіе по поводу хорошаго состоянія кавалеріи.

Во время маневровъ было произведено примѣрное сраженіе двухъ отрядовъ, изъ коихъ однимъ командовалъ сердарь-экремъ, а другимъ Фуадъ-паша. Казаки и драгуны отличились на маневрахъ; по окончаніи ихъ, султанъ пожаловалъ имъ 25 тысячъ піастровъ на ремонтъ лошадей и благодарилъ наше войско. Это было причиною зависти, которую питалъ ко мнѣ много лѣтъ Гуссейнъ-паша. Его непріязненное ко мнѣ отношеніе выразилось впервые при полученіи извѣстія о кончинѣ Киркора и о назначеніи на его мѣсто полковника Рустемъ-бея, не поляка. Я былъ противъ этого и, основываясь на данныхъ намъ привилегіяхъ, требовалъ, чтобы на мѣсто Киркора былъ назначенъ Туранъ-бей—Госциминскій. Каймакамъ сераскира, Гуссейнъ-Авни-паша, сообщая мнѣ о его назначеніи, сказалъ:

— Ваше превосходительство хотите создать изъ своихъ полковъ новое Румынское княжество.

— Нѣтъ, г. маршалъ,—отвѣчалъ я,—я хочу сохранить польско-славянскую организацію полка и сообразоваться съ фирманомъ султана и съ привилегіями, данными военнымъ министерствомъ.

Съ этихъ поръ между нами установились непріязненные отношенія; несмотря на это, когда Фуадъ-паша выразилъ желаніе, чтобы казакіе и драгунскіе эскадроны, какъ лучшая кавалерія турецкаго войска, были причислены къ гвардіи и имѣли главную квартиру въ Адрианополѣ, второй столицѣ Турецкой имперіи, то Гуссейнъ-паша не протестовалъ противъ этого.

Такимъ образомъ казаки и драгуны были переведены изъ Битаглии въ Адрианополь. Въ это время въ Турцію прибыло много польской молодежи, которая хотѣла записаться въ наши полки. Эти молодые люди принимали участіе въ послѣднемъ возстаніи. Я устроилъ для нихъ при эскадронахъ, находившихся въ Стамбулѣ, военную школу, назначивъ завѣдующимъ ею моего младшаго сына, который долженъ былъ оставить мѣсто адъютанта при сераскирѣ вслѣдствіе непріятностей, которыя ему дѣлалъ Гуссейнъ-Авни-паша.

Занятія въ школѣ шли весьма успѣшно, но къ несчастью въ это время въ Стамбулѣ свирѣпствовала сильнѣйшая холера; въ двухъ эскадронахъ, въ которыхъ было не болѣе 220 ч., заболѣло и умерло въ теченіе двухъ сутокъ болѣе 40 человекъ солдатъ.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ эпидемія утихла. Два эскадрона драгунъ, подъ командою маіора Монастырскаго, ушли въ Байрейтъ. Въ то же время возвратились многіе изъ нашихъ офицеровъ, уволенные въ отставку въ началѣ возстанія. Мнѣ удалось принять ихъ обратно въ полкъ тѣми же чинами.

Въ это время Фуадъ-паша вздумалъ сформировать еще одинъ казачій и одинъ драгунскій полкъ.—Кадры новыхъ полковъ были составлены изъ старыхъ эскадроновъ; наша школа могла доставить для нихъ достаточное количество хорошихъ офицеровъ.

Вновь сформированные эскадроны были представлены султану, который остался доволенъ ими и велѣлъ сераскиру написать представленіе объ увеличеніи численности нашего войска, на одну дивизію для того, чтобы получить на это ираде султана, какъ вдругъ Фуадъ-паша и Гуссейнъ-Авни-паша совершенно неожиданно были смѣщены.

Хотя Риза-паша, назначенный сераскиромъ, обѣщалъ выхлопотать это ираде и приказалъ сохранить сформированные мною кадры, и приобрести для новыхъ эскадроновъ двѣсти лошадей, но вслѣдствіе тревожныхъ вѣстей, полученныхъ изъ Румыніи, правительство было вынуждено сосредоточить войско подъ Шумлюю, возложивъ командованіе имъ на сердарь-экрема, который потребовалъ, чтобы ему прислали казаковъ и драгунъ. Намъ было приказано выступить какъ можно скорѣе.

Въ Турціи существуетъ обычай, что войска, уходящія изъ столицы, собираются передъ своимъ выступленіемъ на площадь передъ сераскеріатомъ и дефилируютъ передъ сераскиромъ. Въ этой церемоніи участвовало три эскадрона казаковъ и одинъ эскадронъ драгунъ. Во время этой церемоніи майоръ Мурадъ, подражая туркамъ, скомандовалъ по-турецки. Риза-паша, который былъ на площади окруженный маршалами, дивизионными и бригадными генералами, поспѣшно подошелъ къ нему и сказалъ: «командуйте по-своему», и эскадроны дефилировали по нашей командѣ. Обратясь къ намъ, Риза-паша сказалъ:

— Двухъ полковъ кавалеріи, какъ бы они ни были хороши, слишкомъ мало для Турціи, они не имѣли бы значенія въ такомъ войскѣ, какъ наше. Я хочу, чтобы Турція имѣла кадры христіанскаго войска, но чтобы ими командовали на ихъ родномъ языкѣ, хотя они и считаются въ настоящее время подданными султана.

Это были мудрыя слова; остальные согласились съ нимъ, и эскадроны выступили изъ Стамбула подъ своимъ христіанскимъ, польскимъ знаменемъ.

LXXIV.

Послѣдствія польскаго возстанія 1863 г.—Омеръ-паша и императоръ Францъ-Иосифъ.—Князь Карлъ Гогенцоллеръ.—Географическія карты Румынскаго королевства.—Пронски берлинскаго кабинета.—Бюро барона Окши.

Однимъ изъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, какія имѣло для Польши возстаніе 1863 г., было то развращающее вліяніе, какое оно оказало на характеръ польскаго народа. Политика тайнаго правительства вы-звала въ полякахъ много новыхъ несимпатичныхъ чертъ характера. Поляки были фантазеры, мечтатели, люди непрактичные, вовсе не пригодные къ политической дѣятельности, но при всемъ томъ это были люди благородные, истинные шляхтичи, которые дѣйствовали всегда прямо, открыто и дорожили своей честью и своимъ добрымъ именемъ. Въ польскомъ обществѣ встрѣчалось такъ мало людей двуличныхъ, которые преслѣдовали бы свои корыстныя цѣли, что въ польскомъ словарѣ даже не существуетъ слова для обозначенія подобныхъ людей, и ихъ называютъ іезуитами.

Поляки ревностные католики и готовы, для защиты католицизма, жертвовать деньгами и жизнью, но они не терпятъ іезуитовъ, представителей самаго могущественнаго духовнаго ордена католической церкви, за то, что іезуиты считаютъ позволительными всѣ средства, которыя ведутъ къ достиженію цѣли. Отдавая должное ихъ уму, поляки всегда сторонились отъ іезуитовъ. Таковы были убѣжденія поляковъ въ 1831 г., въ то время, когда они отважились съ неравными силами возстать противъ русскаго правительства; они остались вѣрны себѣ и по окончаніи возстанія, уповая болѣе на Бога, нежели на свой разумъ. Каждый полякъ мечталъ быть королемъ, гетманомъ, предводителемъ войска, народа, былъ увѣренъ, что онъ обладаетъ всеми необходимыми для этого качествами и счумѣетъ въ случаѣ надобности занять любое мѣсто. Но, давая волю своимъ мечтамъ, полякъ не думалъ достигнуть при этомъ никакихъ эгоистическихъ цѣлей, а хотѣлъ только послужить Польшѣ и общему дѣлу.

Въ 1848 г., польское общество, притиснутое подъ гнетомъ строгихъ мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ, сбитое съ толку подлостью и недобросовѣстностью Австріи и коварствомъ Пруссіи, не рѣшилось дѣйствовать честно и открыто и начать возстаніе, а пустилось съ отчаянія въ тайныя козни и происки, подъ вліяніемъ которыхъ выросло цѣлое поколѣніе дотого свыкшееся съ этими интригами, что онѣ стали ихъ второю натурою.

Поляки 1831 г. мало-по-малу сошли со сцены, перемерли; новое

поколѣніе дѣйствовавшее во время возстанія 1863 г., состояло изъ людей совершенно иного склада. Безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ были также одушевлены высокими цѣлями, желаніемъ служить отечеству, жертвовать для него своими силами, но всѣ эти добрые порывы были заглушены главарями возстанія, которые, прикрываясь знаменемъ демократіи и республики, дѣйствовали какъ іезуиты, но не обладали ихъ умомъ и тактомъ. Ложь, интриги, страсть къ наживѣ были отличительными чертами такихъ людей, какъ напримѣръ Ѳаддей Оржеховскій или баронъ Окша и ему подобные, бывшіе съ 1863 г. членами тайнаго правительства.

Пруссаки стерли съ лица земли польское шляхетство, австрійцы натравили поляковъ въ войну, сами же поляки горѣли желаніемъ погубить Россію, которая послѣ Крымской войны протянула имъ по-братски руки и предлагала имъ, какъ братьямъ-славянамъ, идти съ нею совмѣстно и составить единую могущественную державу. Несчастные поляки не вняли голосу правды, и Господь жестоко покаралъ ихъ за это, ибо онъ создалъ насъ прежде всего славянами и хотя въ насъ выработались съ теченіемъ времени тѣ отличительныя черты, которыя создали изъ насъ особый польскій народъ, но мы должны вѣчно помнить о нашемъ общеславянскомъ происхожденіи.

Большая перемѣна произошла послѣ 1831 г. и среди казаковъ; вначалѣ, выражаясь по-казацки, въ нашихъ полкахъ была всякая сволочь, всякій сбродъ, по крайней мѣрѣ это были люди храбрые, рѣшительные, не боявшіеся трудовъ и лишеній боевой жизни и жаждавшіе славы. Поэтому при совмѣстной боевой жизни изъ нихъ выработалось съ теченіемъ времени превосходное войско, которое много выиграло отъ того, что въ него вступили такіе люди, какъ Францискъ Киркоръ, Рихардъ Бервинскій, Ромеръ, Мехмедъ-бей Люборадскій и т. д. Среди пшеничныхъ зеренъ попадались, разумѣется, и плевелы, но гдѣ же ихъ вѣтъ? Къ несчастію, эти порядочные люди состарѣлись, умерли, ихъ смѣнила молодежь, люди, вышедшіе изъ школы Замойскаго, и, что еще хуже, многія высшія должности стали замѣщаться исключительно по протекціи, и между казаками развились мало-по-малу интриги, доносы, съ помощью которыхъ младшіе старались подставить ногу старшимъ и занять ихъ мѣсто. Въ отвѣтъ на вопросъ, почему же казаки допустили въ свою среду этотъ новый нежелательный элементъ, можно только сказать, что нельзя было выбирать, такъ какъ не было людей.

О молодежи, которая присоединилась къ нашему войску послѣ возстанія 1863 г., нельзя сказать ничего дурнаго, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя были агентами барона Окши и которыхъ онъ прислалъ къ намъ съ цѣлью разстроить нашу организацію. Но такъ какъ въ нашихъ полкахъ было уже много болгаръ и иныхъ славянъ, которые были

опорою нашего войска, то этимъ агентамъ не удалось исполнить возложенную на нихъ миссію.

Эскадроны, пришедшіе со мною изъ Стамбула, были настоящимъ войскомъ, въ полномъ значеніи этого слова; тѣ же, которые остались въ Адрианополѣ съ полковникомъ Туфанъ-беемъ, были хуже ополченцевъ; одѣтые кое-какъ, не вымуштрованные, они мало подходили на солдатъ. Когда мой адъютантъ Рихардъ Бервинскій, посланный мною впередъ, прибылъ въ Адрианополь съ извѣстіемъ, что я веду эскадроны и что войско должно, по моему приказанію, выступить вмѣстѣ съ нами изъ города черезъ три дня, то Туфанъ-бей пришелъ въ полнѣйшее отчаяніе, а Арифъ-бей (Фарнези) сказалъ, что войско врядъ-ли будетъ въ состояніи выступить изъ Адрианополя и черезъ три мѣсяца. Когда адъютантъ рапортовалъ мнѣ объ этомъ, то я невольно воскликнулъ: гдѣ же мои прежніе казаки и драгуны?

Офицеры встрѣтили меня въ мундирахъ турецкаго армейскаго полка, желая этимъ показать, что они турецкіе офицеры, а не поляки. Я слышалъ впоследствии, что это было сдѣлано по наущенію Фарнези, въ надеждѣ, что Туфанъ-бей будетъ за это мною смѣщенъ, его мѣсто займетъ Хаджи-Юсуфъ, а Фарнези будетъ произведенъ въ подполковники. Хитрый италіанецъ зналъ, что меня ничто такъ не можетъ огорчить, какъ пренебреженіе польско-славянской народностью.

Въ полковой кассѣ и въ администраціи полка царствовалъ величайшій беспорядокъ, по поводу чего полковнику былъ сдѣланъ мною строжайшій выговоръ; въ тотъ же день солдатамъ были розданы новые мундиры и выдано жалованіе. Охотники были приведены къ присягѣ въ присутствіи мѣстнаго вали и другихъ должностныхъ лицъ и консуловъ. Затѣмъ солдатамъ на площади передъ казармами было произведено ученіе; за нимъ слѣдовалъ для офицерства обѣдъ, танцы и фейерверкъ, а на третій день, къ великому конфузу Фарнези, мы выступили изъ Адрианополя.

Этотъ, самъ по себѣ, незначительный случай, это послѣднее выступленіе вернуло войску его прежній казакскій духъ. Бодро и весело пришли мы въ Шумлу, но Туфанъ-бей, по наущенію Фарнези, вступилъ въ городъ въ турецкомъ арнаутскомъ мундирѣ; я арестовалъ его за это и самъ повелъ эскадроны къ Омеру-пашѣ, а нѣсколько дней спустя подалъ ему рапортъ, въ которомъ говорилъ, что тотъ, кто пренебрегаетъ мундиромъ своего полка и не желаетъ носить его, не можетъ командовать полкомъ. Сардаръ-экремъ нашелъ мой взглядъ вполне правильнымъ и отослалъ немедленно полковника Госциминскаго въ Стамбулъ, а оттуда на Ливанъ, куда онъ былъ назначенъ военнымъ комиссаромъ при ливанскомъ губернаторѣ. Полковникъ Госциминскій принадлежалъ къ числу тѣхъ офицеровъ, которыхъ, не-

известно почему, называютъ въ русской арміи бурбонами. Онъ не обладалъ ни умомъ, ни образованіемъ, и не долженъ бы дослужиться далѣе какъ до фельдфебеля, но благодаря моей рекомендаціи и протекціи дослужился до чина полковника, и мнѣ пришлось горько раскаяться въ томъ, что я оказывалъ поддержку и покровительство подобнымъ полякамъ. Къ несчастью, такъ относился ко мнѣ не одинъ Госциминскій; за весьма малымъ исключеніемъ точно также поступали относительно меня всѣ поляки, благодаря моей протекціи сдѣлавшіеся офицерами и пашами. Но я объ этомъ не сожалѣю, такъ какъ я дѣлалъ это не для нихъ, а для Польши. Я горевалъ лишь о томъ, что къ намъ не пріѣзжали съ родины люди честные, благородные, кои въ Польшѣ навѣрно еще не перевелись; за отсутствіемъ же таковыхъ, приходилось брать то, что было подъ рукою.

Я сознавалъ печальный упадокъ, происшедшій въ польскомъ обществѣ, но меня утѣшала мысль о начавшемся пробужденіи болгаръ и иныхъ славянъ, изъ коихъ въ нашу казацкую организацію шли не какіе-нибудь отребья, а сыновья хорошихъ знатныхъ семействъ. Всѣ они были молодцы, какъ на подборъ; отрадно было слышать, какъ болгары и прочіе славяне распѣвали въ нашемъ лагерѣ казацкія пѣсни, одни—отплясывая трепака, другіе—ударяя въ бубны, третьи—отплясывая оберташъ. Поляки сплотили славянъ; какже было не надѣяться на то, что все пойдетъ съ Божьей помощью какъ слѣдуетъ.

Подъ Шумлюю собралось до 20-ти тысячъ человекъ войска, но такъ какъ на обоихъ берегахъ Дуная свирѣпствовала холера и зараза проникла въ нѣкоторые полки, имѣвшіе зимнія квартиры на берегу Дуная, то сардаръ-экрема не сосредоточилъ войско въ одномъ большомъ лагерѣ, и нѣсколько маленькихъ лагерей было разбросано на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Это было сдѣлано весьма благоразумно.

Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ сардаръ-экрема была его заботливость о солдатахъ, объ ихъ здоровьи и благосостояніи. Онъ отличался этимъ отъ всѣхъ прочихъ турецкихъ главнокомандующихъ, которые заботились только о себѣ, а солдатъ предоставляли на волю судьбы; поэтому солдаты любили Омера-пашу, несмотря на то, что онъ не былъ турокъ и что всѣ ученые, мектебли, занимавшіе въ то время три-четверти офицерскихъ мѣстъ, были его заклятыми врагами, что происходило изъ желанія подмладиться къ своему ближайшему начальнику, маршалу Гуссейнъ-Авни-пашѣ, который ненавидѣлъ Омера-пашу изъ религіознаго фанатизма и изъ зависти къ достигнутому имъ высокому сану. Казаки и драгуны расположились лагеремъ близъ деревни Марашъ, въ прекрасномъ дубовомъ лѣсу, въ 15-ти верстахъ отъ Шумлы. По близости отъ лагеря находились деревни, населенныя болгарами, турками, черкесами и татарами.

Мы усердно несли въ это время всѣ обязанности военно-полевой службы и достигли въ нихъ такого совершенства, что сардарь-экремъ, нѣсколько разъ въ недѣлю прїѣзжавшій къ намъ въ лагерь, былъ вполне доволенъ польско-славянской кавалеріей, т. е. казаками и драгунами. Въ этихъ занятіяхъ и въ приличныхъ нашему сословію развлеченіяхъ, какъ-то: музыкѣ, танцахъ, пѣсняхъ, охотѣ, время летѣло незамѣтно; быстро подошла осень, но лѣто не пропало даромъ, такъ какъ изъ нашихъ эскадроновъ выработалось за это время прекрасное войско.

Наше прощанье съ сардаромъ-экремомъ было такъ торжественно, что при этомъ невольно у всѣхъ навернулись на глаза слезы; самъ сардарь-экремъ былъ растроганъ; вспомнивъ свои юныя лѣта и славянство, которому онъ былъ преданъ до глубины души, онъ сказалъ мнѣ и чорбаджию Аеанасію Стояновичу, глядя на наши сотни:

— Это настоящее славянское войско; дай Богъ, чтобы у насъ было побольше такого войска; поляки оказали великую услугу султану и славянамъ.

Мы не подозрѣвали въ тотъ день, что мы видѣли сардарь-экрема въ послѣдній разъ; вскорѣ послѣ этого онъ уѣхалъ изъ Шумлы для поправленія своего здоровья за границу, гдѣ имѣлъ довольно забавное столкновение съ императоромъ австрійскимъ. Омеръ-паша ваялъ съ собою прекрасныхъ арабскихъ лошадей, приведенныхъ изъ Багдада; въ томъ числѣ былъ превосходный гнѣдой жеребецъ и рыжая кобыла; драгоманъ австрійскаго посольства, Майеръ, знатокъ и любитель лошадей, хотѣлъ купить ихъ для австрійскаго императора, Франца Іосифа. Омеръ-паша не соглашался продать ихъ, но былъ готовъ предложить ихъ императору въ подарокъ. Ведя по этому поводу переговоры съ гр. Прокичемъ, Омеръ-паша заявлялъ, что онъ отдастъ жеребца съ однимъ условіемъ, что онъ будетъ приглашенъ къ императорскому столу; а кобылу подарить въ томъ случаѣ, если ему будетъ пожалованъ одинъ изъ высшихъ австрійскихъ орденовъ.

Омеръ-паша, какъ извѣстно, дезергированъ изъ австрійскаго войска и этимъ хотѣлъ возстановить свою честь. Переговоры продолжались нѣсколько недѣль; наконецъ сардарь-экрему было обѣщано, что желаніе его будетъ исполнено. Махмудъ-паша (Фрейндъ), взявъ жеребца и кобылу, отправились съ Майеромъ въ Вѣну, куда прибылъ и сардарь-экремъ изъ своей поѣздки въ Италію и во Францію. Императоръ Францъ-Іосифъ осмотрѣлъ лошадей. Сардарь-экремъ на другой же день послѣ прїѣзда въ Вѣну представлялся императору, а на третій день былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ. Когда сардарь-экремъ сѣлъ за столъ своего бывшаго монарха, въ тотъ моментъ жеребца повели на царскую конюшню. На слѣдующей день австрійскій дезертиръ Михаилъ Латачъ

(Омерь-паша) получил австрійскій орденъ, и гнѣдая кобыла Омера-паша появилась на конюшнѣ императора австрійскаго.

Въ то время, когда мы стояли лагеремъ подъ Шумлюю, вновь избранный румынскій князь, принцъ Карлъ Гогенцоллернскій проѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Рушуга въ Варну, чтобы представиться султану, какъ своему верховному властителю. Въ Шумлѣ стояло лагерь турецкое войско подъ командою сардарь-экрема, который по своему званію и по занимаемому имъ мѣсту равнялся великому коронному гетману, и Гогенцоллернъ, ленникъ султана, не счелъ нужнымъ заѣхать въ лагерь, чтобы привѣтствовать сардарь-экрема и войска своего монарха.

Сардарь-экремъ былъ весьма обиженъ этимъ и говорилъ мнѣ съ сердцемъ:

— Я хотѣлъ послать тебя на встрѣчу князю и пригласить его въ лагерь, но пусть его встрѣтитъ нѣмецъ Мехмедъ-Али-паша и ты дай ему конвой изъ взвода казаковъ; только прикажи выбрать самыхъ усатыхъ, бородатыхъ, чтобы у нѣмца поджилки задрожали отъ страха. Охъ, ужъ мнѣ эти нѣмцы; они всячески стараются пролѣзть въ Турцію, горе намъ!

Призвавъ къ себѣ вновь нареченнаго бригаднаго генерала Мехмедъ-Али-пашу, родомъ нѣмца, но воспитаннаго въ Турціи, и давъ ему подробную инструкцію, Омерь-паша сказалъ: «Скажи князю, что я уѣхалъ на охоту съ Садыкъ-пашою, Чайковскимъ, и съ его офицерами-поляками».

Я былъ весьма удивленъ этой манифестаціи со стороны князя Карла, который выказалъ этимъ свою нелюбовь къ славянамъ и полякамъ, между тѣмъ какъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ я получилъ письмо моей доброй пріятельницы Гортензіи Корну, молочной сестры императора Наполеона III, которая отзывалась съ большою похвалою о князѣ, о его способностяхъ и чувствахъ, и писала, что такого именно короля нужно было бы имѣть Польшѣ, но такъ какъ судьбѣ это не было угодно, то она просила меня употребить все вліяніе, какимъ я пользовался у турецкаго правительства, чтобы помочь князю преодолѣть тѣ трудности, какія могли встрѣтиться ему въ Стамбулѣ.

Гортензія Корну была другомъ Наполеона; онъ часто съ нею совѣтовался несмотря на то, что императрица Евгенія старалась подчинить мужа своему исключительному вліянію. Гортензія находилась издавна въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ домою Гогенцоллерновъ, родственниковъ Наполеона по матери, и князь Карлъ былъ ей въ значительной степени обязанъ своимъ вступленіемъ на румынскій престолъ; онъ былъ ея политическимъ любимцемъ.

Вскорѣ послѣ этого въ Стамбулѣ пріѣхали Александръ Голеско и князь

Иванъ Гика, съ тѣмъ чтобы добиться утвержденія князя Карла на румынскомъ престолѣ; я былъ съ ними давно и дружески знакомъ и поэтому высказалъ имъ все то, что писалъ Гортензін Корну; затѣмъ я познакомилъ князя Гика съ великимъ визиремъ Мехмедомъ-Ружди-пашою и такъ успѣлъ повліять на него лично и чрезъ моего пріятеля Антона Аллеона, что значительно ускорилъ фактъ признанія князя.

Прибывъ въ Сливны, гдѣ мы должны были стоять гарнизономъ, я вступалъ въ дружескія сношенія съ болгарами. Они показывали мнѣ двѣ географическія карты, изготовленныя въ Букарестѣ по припадѣ туда князя Гогенцоллернокаго. На одной изъ нихъ было изображено королевство Румынское, въ границы коего входили Молдавія, Валахія и вся Бессарабія до Днѣстра, Добруджа по такъ называемый Трояновъ валь, который тянется отъ Дуная до Чернаго моря, часть Баната и Буковины.

На другой картѣ къ Румынскому королевству была присоединена южная Болгарія до Малыхъ Балканъ, такъ что граница его доходила до самаго Стамбула. Это королевство было окрашено въ зеленый цвѣтъ—цвѣтъ надежды; болѣе слабой зеленой краской были покрыты Македонія, Албанія, Эпиръ, Фессалія съ обозначеніемъ мѣстъ стоянки римскихъ легионовъ; только Стамбулъ съ частью бывшей Фракіи былъ окрашенъ красной краскою, а славянскія земли: Сербія, Боснія, Черногорія и Герцоговина—желтой краскою.

Эти карты распространялись политическими обществами, существовавшими въ Румыніи. Говорятъ, будто подобные планы возникли еще во времена князя Кузы и встрѣтили поддержку со стороны братьевъ Братіано, но карты эти появились только по вступленіи на престолъ князя Гогенцоллерна, при чемъ, приверженцы князя Кузы думали облегчить князю Куза возможность возвратиться въ Румынію; другіе, сторонники-иностранцы князя Карла, думали, что они его заставятъ этимъ вступить на путь, который привелъ бы къ созданію Румынскаго королевства. Въ Берлинѣ, какъ мнѣ утверждали, все это было извѣстно, и тамъ одобряли распространеніе этихъ географическихъ картъ, желая знать, какое онѣ произведутъ впечатлѣніе въ Румыніи и за границею, въ особенности же въ славянскихъ земляхъ.

Одновременно съ выходомъ въ свѣтъ этихъ картъ появились въ румынскомъ войскѣ прусскіе инструкторы и вмѣстѣ съ тѣмъ началось преобразование арміи этого княжества по образцу прусскаго войска: въ арміи было введено прусское вооруженіе и исключено все французское и въ особенности все русское.

Румынъ нельзя винить въ томъ, что имъ хотѣлось видѣть Румынію королевствомъ; это вполне естественно; и я искренно удивлялся тому, что нѣкоторые румынскіе патріоты, искренно радѣвшіе о благѣ своей

родины, не тяготѣли къ принцу Гогенцоллернскому и не поддерживали его всѣми силами, такъ какъ онъ одинъ могъ поставить Румынію на степенъ государства независимаго и могущественнаго. Благоразумно поступаютъ тѣ, кто дѣйствуетъ съ нимъ заодно, и крайне неразумны всѣ тѣ, которые составляютъ ему оппозицію, доказывая этнмъ, что они такъ же мало одарены политическимъ чутьемъ, какъ и поляки.

Въ этомъ дѣлѣ ясно обнаружилось все коварство Берлинскаго кабинета. Въ то время какъ онъ способствовалъ распространенію на берегахъ Дуная вышеописанныхъ географическихъ картъ и перевооруженію румынскаго войска, прусскіе инструкторы, находившіеся при турецкомъ войскѣ, коимъ все было извѣстно, открыли турецкимъ военнымъ и гражданскимъ властямъ всѣ тайны промки, происходившіе въ Болгаріи, и склоняли ихъ къ принятію репрессивныхъ мѣръ, чтобы этнмъ вызвать въ болгаряхъ озлобленіе; въ то же время, чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ они поселяли въ болгаряхъ тревогу и опасенія предъ грознымъ призракомъ мусульманства, указывая имъ на Букарестъ, какъ на путеводную звѣзду, которая должна была излить на нихъ свѣтъ свободы и возродить ихъ къ новой жизни подъ защитою и покровительствомъ цивилизованныхъ и высоко нравственныхъ нѣмцевъ.

Поляки, какъ это ни покажется странно, помогали имъ въ этомъ.

Али-паша, заурядный дипломатъ и еще болѣе заурядный человѣкъ, былъ крайне встревоженъ возникновеніемъ общества «молодой Турціи», къ которому принадлежали самыя умныя и дѣятельныя лица турецкаго общества, по своему образу мыслей и патриотизму бывшія его противниками. Онъ не смѣлъ открыто преслѣдовать это общество, но рѣшилъ слѣдить за его дѣятельностью чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ и обратился съ этой цѣлью къ Владиславу Йордану, который считался агентомъ князя Чарторыйскаго. Йорданъ отъ подобнаго порученія отказался, но посоветовалъ Али-пашѣ обратиться къ его пріятелю Оржеховскому (баронъ Окша), которому и удалось при помощи одного изъ своихъ товарищей выкрасть у бея Суби-эффенди всѣ бумаги тайнаго общества.

Хотя самъ Суби-эффенди былъ серьезно скомпрометтированъ этими документами, но Али-паша не преслѣдовалъ его, а весь его гнѣвъ обрушился на Усіа-бея (впослѣдствіи паша), который въ самомъ началѣ царствованія султана Абдуль-Азиса былъ его первымъ секретаремъ и, какъ искренній и горячій патриотъ, находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Али-пашою.

Немало лицъ погибло по этому поводу въ тюрьмѣ и изгнаніи, а Окша въ награду получилъ разрѣшеніе основать бюро справокъ или шпіонства. На вознагражденіе агентамъ этого великомочнаго бюро и на прочіе расходы было ассигновано по 8-ми тысячъ франковъ ежемесячно. Въ числѣ дѣятельныхъ агентовъ, которыхъ это бюро имѣло въ

провинціи, назову Владислава Мошинскаго; въ Стамбулѣ подъ руководствомъ Окши возникло бюро гг. Пришибыльскаго, Миловича и Садовскаго; такимъ образомъ развилась цѣлая система шпионства, захватившая въ свои сѣти не только Болгарію, но и всѣ прочія земли Балканскаго полуострова. Каждый полякъ, не служившій въ драгунахъ или казакахъ, заподозрѣвался жителями въ шпионствѣ; поэтому въ Болгаріи и въ Босніи всѣ стали избѣгать поляковъ, а въ Сербіи ихъ не пускали въ публичныя собранія и выселяли изъ городовъ. Такова была услуга, оказанная барономъ Окшею Польшѣ и польскому дѣлу. Зато эти польскія бюро какъ нельзя болѣе способствовали тайнымъ прусскимъ прусскихъ инструкторовъ и нѣмецкой политики.

Я отослалъ обѣ вышеописанныя карты Румыніи сардарь-окрему и писалъ ему, что болгаре отиудь не желаютъ присоединиться къ Румыніи и хотятъ остаться вѣрными подданными султана, но имѣютъ мечту получить національную церковь и національное войско.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій протокъ, д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсамова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Школьная ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, къ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣ.—III. Живописныя и матеріалы къ біографіямъ distinguished русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія: Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только черезъ лица, подписавшіяся въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по поступленіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призванныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ въ слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXI-я.

Н О Я Б Р Ъ .

1900 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.). Н. К. Шильдера.	237—255	XIII. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій). (Изъ воспоминаній Л. И. Костевецкаго).	441—457
II. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.	257—275	XIV. Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго - Даниловскаго. 1825 годъ. Сообщ. Н. К. Шильдера.	459—475
III. Екатерина II и Василій Васильевичъ Наховскій. 1791—1793. В. А. Вильбасова.	277—299	XV. Изъ быта духовенства въ XVIII и въ началѣ XIX в. Сообщилъ М. Р.	477—481
IV. Изъ записокъ стараго преобращенца. 1850 годъ. Князь Н. К. Изеротдьярскяго.	301—322	XVI. Изъ дневника П. Г. Дювона. 1837 годъ.	483—491
V. Приготовленіе по приказанію Наполеона I английск. и русск. фальшивыхъ ассигнацій и банковыхъ билетовъ.	323—330	XVII. Записная книжка „Русской Старины“: Къ портрету К. П. Брюллона (стр. 236).—Къ пребыванію имп. Екатерины II въ м. Пропойскѣ. Сообщилъ К. Рюмаголь (276).—О вывозѣ изъ Петербурга архива и вещей Академіи наукъ въ 1812 г. Сообщ. Акад. К. С. Веселовскій (300).—В. С. Сошниковъ и его библиографія (362).—Просьба чиновника о пособіи (398).—Высочайше пожалованная графу Николаю Петровичу Шереметеву медаль съ его изображеніемъ (458).—Объ улучшеніи быта Курляндскихъ поселенъ (476).—Письмо Г. Р. Державина къ В. П. Карамзину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ обществѣ (482).—Объ изданіи сочиненій Н. Ф. Гербурова (492).—	
VI. Записки генерала В. И. Левашинтерна.	331—361	XVIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VII. Двѣ народныя пѣсни объ императорѣ Александрѣ II. Н. Н. Селифонтова.	363—366		
VIII. Къ исторіи освобожденія крестьянъ. (Шеремиса Г. Ростовцева съ прилож. Е. П. Оболенскаго) Сообщ. княгиня М. Р. Оболенская.	367—378		
IX. Меттернихъ и его вѣтхая политика. А. П. Рѣдчина.	379—397		
X. Графъ А. А. Арачесевъ и П. И. Сумароковъ. (Изъ изданія, переписки) 1812—1816 гг.	399—408		
XI. Софья Петровна Свѣчина. (Ея жизнь и переписка). П.	409—428		
XII. Двѣ записки М. М. Сперанскаго по политическ. дѣламъ. Сообщ. Н. Д.	429—440		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ К. П. Брюллона. Грав. И. И. Хелжицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 29.

1900.

Digitized by Google

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1900 г.

Очеркъ жизни и научной дѣятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Е. Шмурло. Юрьевъ 1900 г.

Съ именемъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, — какъ справедливо говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — неразрывно связывается представление о крупномъ выдающемся талантѣ, о видномъ ученомъ, чья память съ благодарностью будетъ поминута каждаго, кому дороги и близки успѣхи русской науки. Безкорыстному служенію этой наукѣ Бестужевъ-Рюминъ посвятилъ, можно сказать, всю свою жизнь, и вотъ почему его біографія такъ неразрывно связана съ его дѣятельностью, какъ ученаго.

По своему своему облику и складу мыслей типичный представитель той эпохи, которую недавно принято называть «эпохою сороковыхъ годовъ», Константинъ Николаевичъ до конца дней сохранилъ пламенную вѣру въ конечное торжество свѣтаныхъ идеаловъ, благородную жажду просвѣщенія, гуманное отношеніе къ личности, чарующую прелесть души, оттаививой на все прекрасное, изящное и благородное, — на-ряду съ этикой вѣчно колебавшіеся, нерѣшительный, всю жизнь проводить онъ въ борьбѣ съ обуревавшими сомнѣніями, съ вѣбриемъ въ самого себя. Его колебанія и нерѣшительность происходили отъ недоверія къ своимъ силамъ, отъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

Несомнѣнно, въ русской исторіографіи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ займетъ особое, лично ему принадлежащее мѣсто, и это мѣсто онъ себя завоевалъ не только путемъ вдумчивой, упорной работы, но и совокупностью тѣхъ особенностей, которыя опредѣляютъ его физіономію, какъ человѣка, и поэтому изученіе дѣятельности Бестужева-Рюмина, какъ ученаго, много потеряетъ, если будутъ упущены изъ вниманія данныя его личной жизни.

Хотя близость времени и недостатокъ наличнаго матеріала мѣшаютъ дать обстоятельную біографію и оцѣнку дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина, тѣмъ не менѣе разсматриваемый нами трудъ Е. Ф. Шмурло, — въ основу котораго положены печатный и рукописный матеріалъ: часть письма Константина Николаевича, его дневникъ и литературные труды, въ числѣ которыхъ нашлось нѣсколько еще неопубликованныхъ, частью же личнаго воспоминанія, а также сообщенія и замѣчанія лицъ, хорошо знавшихъ покойнаго и близкихъ къ нему, — трудъ, посвящій скромное названіе «очерка», — являющій отвѣтъ на самыя строгія требованія критики.

Очеркъ г. Шмурло состоитъ изъ предисловія, девятнадцати главъ текста и трехъ при-

ложеній: I, систематическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина; издавна, въ которыхъ вошли труды К. Н. Бестужева-Рюмина, и III, указатели: а) личныя; б) историческія; в) литературныя, въ себѣ очередь подраздѣляющіяся на: 1) сочиненія К. Н. Бестужева-Рюмина, 2) сочиненія другихъ авторовъ и 3) періодическія изданія и обзоры; г) указатель утвержденныхъ и д) географическій.

И. К. Ш.

Матеріалы по исторіи Россіи. Сборникъ указовъ и другихъ документовъ, касавшихся управленія и устройства Оренбургскаго края. 1734 годъ. Томъ I. Изъ архивныхъ документовъ Тургайской областинаго правленія составилъ А. Н. Бромисловъ. Оренбургъ. 1900 г.

Архивъ Тургайскаго областного правленія держитъ въ себѣ важныя и цѣнныя документа касавшіеся устройства и управленія Оренбургскаго края вообще и, въ частности, киргизскихъ степей, входящихъ нынѣ въ составъ Тургайской и Уральской областей.

Хотя хранящимся въ этомъ архивѣ документами пользовались уже многіе *) для историческихъ своихъ трудовъ, они все-таки далеко еще не исчерпаны.

Желая сохранить хотя отчасти, на продолжительное время, богатый исторический матеріалъ, заключающійся въ архивѣ, и не съ тѣмъ избавить лицъ, занимающихся историческими работами, отъ нелегкаго труда изученія старинныхъ рукописей, — не легко поддающихся чтенію, редакція Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостей въ 1900 году начала печатать на страницахъ своихъ важнейшіе историческіе документа, касающіяся устройства и управленія Оренбургскаго края.

Разсматриваемый нами первый томъ издания составляетъ отдѣльное отдѣленіе Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостей за 1900 г. и заключаетъ въ себѣ 117 документовъ, относящихся къ 1734 году.

Нельзя не быть признательнымъ А. Н. Бромислову за обнародованіе этихъ документовъ, но мы посоветовали бы ему въ будущемъ

*) Архивъ этотъ, между прочимъ, послужилъ главнымъ источникомъ И. И. Гизелю въ составленіи его названнаго труда «Исторія Оренбургскаго края»; г. А. Лешину для его «Исторіи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей»; а также пользовался имъ В. Н. Витковский въ своемъ капитальномъ, какъ извѣстно, изданіи Академіи Наукъ, труды «Исторія Оренбургскаго края въ прежнихъ границахъ до 1758 года», и многіе др.

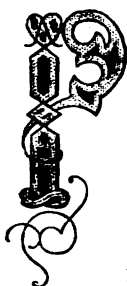
КАРЛЪ ПАВЛОВИЧЪ БРЮЛЛОВЪ.
(Съ современнаго дагеротипа).

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

III ').

Иѣвившись на войну съ Оттоманской Портою, императоръ Николай пожелалъ принять личное участіе въ предстоявшихъ на Дунаѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду продолжительнаго можетъ быть отсутствія изъ столицы, государь призналъ необходимымъ установить на это время нѣкоторыя особыя мѣры по управленію имперією.

Съ этою цѣлью, 24-го апрѣля (6-го мая) 1828 года, учреждена была временная верховная коммиссія, которая состояла изъ трехъ лицъ: графа В. П. Кочубея, графа П. А. Толстаго и князя А. Н. Голицына. Въмѣстѣ съ тѣмъ особымъ секретнымъ указомъ на имя членовъ этой коммиссіи объявлялось, что въ случаѣ кончины императора, на основаніи манифеста отъ 28-го января 1826 года, великій князь Михаилъ Павловичъ «облекается саномъ и властью правителя государства», а въ случаѣ отсутствія его изъ Петербурга и до его прибытія повелѣвалось коммиссіи издать манифестъ отъ лица наслѣдника, «сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія для приведенія къ вторичной ему присяги», а также завѣдывать дѣлами управления и посылать указы и повелѣнія отъ имени новаго императора. Порядокъ управления на время отсут-

') См. „Русскую Старину“, октябрь 1900 г.

ствія государя установленъ былъ особымъ наказомъ, даннымъ на имя членовъ комиссіи ¹⁾).

Кромѣ того было еще разработано особое постановленіе объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора, въ виду отъѣзда въ армію вмѣстѣ съ государемъ и начальника главнаго штаба графа Дибича. Управляющій военнымъ министерствомъ графъ Чернышевъ долженъ былъ на это время управлять также и главнымъ штабомъ. 24-го апрѣля 1828 г. послѣдовалъ на его имя особый указъ, въ которомъ устанавливался порядокъ для хода дѣлъ какъ по военному министерству, такъ и по главному штабу ²⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ П. А. Толстой назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Петербургѣ.

Передъ отъѣздомъ въ армію императоръ Николай обратился съ слѣдующими трогательными прощальными словами къ цесаревичу Константину Павловичу:

«Позвольте мнѣ, дорогой Константинъ, принести вамъ здѣсь заранѣе мои поздравленія съ приближающимся днемъ вашего ангела; пусть божественное Провидѣніе осыплетъ васъ во всемъ всѣми своими благословеніями; пусть вы останетесь въ отношеніи ко мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же; и въ эту торжественную минуту, когда, быть можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ, вѣрьте, что я служилъ вамъ съ такою же преданностью и что я испущу послѣднее дыханіе съ тѣмъ же чувствомъ нѣжности и признательности къ вамъ, которыя постоянно руководили мною во всѣ мгновенія моей жизни; если такова въ самомъ дѣлѣ воля Божія, я покину жизнь съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что я не могъ быть болѣе полезнымъ моему дорогому отечеству. Подумайте же тогда о моей бѣдной женѣ, объ этомъ ангельскомъ существѣ, которому я обязанъ всѣми счастливыми моментами моей жизни за эти послѣднія одиннадцать лѣтъ; не откажите замѣнить для нея отца и друга; продолжайте оказывать ваше расположеніе моимъ дорогимъ дѣтямъ и въ особенности бѣдному несчастному, которому придется замѣнить меня! (surtout au pauvre malheureux qui devra me remplacer). Однимъ словомъ, знайте тогда, что въ мірѣ однимъ существомъ, преданнымъ вамъ, станетъ меньше. Благословите меня и не

¹⁾ Государственный архивъ. Разрядъ II, № 1.

²⁾ Архивъ канцеляріи военнаго министерства: дѣло объ образѣ управленія по военной части во время отсутствія государя императора изъ С.-Петербурга въ 1828 году.

откажете въ прощеніи моихъ, конечно, невольныхъ прегрѣшеній въ отношеніи васъ» ¹⁾).

Отвѣчая на это письмо 5-го (17-го) мая 1828 года, цесаревичъ писалъ:

«Что касается конца вашего письма, дорогой братъ, я не сѣмью передать вамъ глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія, которое оно произвело на меня. Пусть милосердый Богъ позволить вамъ испытать всѣ блага земли, предохранивъ васъ, дорогой братъ, отъ всякаго зла,—я не могу допустить другой столь грустной мысли. Я осмѣливаюсь ожидать отъ Его милосердія, что Его благословенія будутъ постоянно сопутствовать какъ вамъ, такъ и нашей дорогой Александрѣ и всѣмъ вашимъ дѣтямъ, и что вы всѣ соединитесь снова въ совершенномъ мирѣ и спокійствіи. Вы такой хорошій мужъ и отецъ, что было бы вполне справедливо, чтобы вы долго вкушали семейное счастье, которымъ столь заслуженно наслаждаетесь. Если, тѣмъ не менѣе, мои благословенія необходимы вамъ, дорогой братъ, они всецѣло принадлежатъ вамъ, и я, конечно, не колеблюсь дать вамъ ихъ, не потому, чтобы я считалъ себя въ правѣ поступать такъ, а просто по сердечной преданности и истинной привязанности».

IV.

До послѣдней минуты императоръ Николай не терялъ еще надежды обойтись безъ кровопролитія и полагалъ возможнымъ достигнуть цѣли однимъ занятіемъ Придунайскихъ княжествъ. По крайней мѣрѣ, судя по письму государя къ цесаревичу отъ 17-го февраля 1828 г., отправленному уже послѣ полученія въ Петербургѣ турецкаго гатти-шерифа, государь выражалъ еще подобную надежду и писалъ брату, что съ помощью Божіею достаточно будетъ одного занятія княжествъ.

Въ этомъ смыслѣ даны были государемъ указанія генераль-адъютанту Киселеву, находившемуся въ это время въ Петербургѣ; на сдѣланныя имъ возраженія по поводу отсутствія денегъ и воловъ, ему отвѣчали, что только стоитъ перейти Дунай, и тогда турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ настолько увѣрены были въ несомнѣнномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить ли его за Россією или же отдать какой-нибудь другой державѣ? Счастливое окончаніе Персидской войны вызвало вѣроятно подобное ослѣпленіе. Еще ранѣе были также вспышки въ другомъ родѣ. Такъ напримѣръ князь Меншиковъ въ днев-

¹⁾ Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу: отъ 19-го апрѣля (1-го мая) 1828 г. изъ С.-Петербурга.

никѣ своемъ 1827 года пишетъ: «11-го ноября былъ съ докладомъ у государя. Онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что ежели будетъ война съ турками, то чтобы я готовился ѣхать въ Николаевъ къ адмиралу Грейгу, на волю котораго полагаетъ идти въ Босфорскій заливъ и жечь Константинополь. Государь полагаетъ самъ быть при сухопутной арміи».

Когда графъ Витгенштейнъ узналъ о томъ, что въ началѣ желаютъ ограничиться однимъ занятіемъ княжествъ, фельдмаршалъ очень огорчился подобнымъ рѣшеніемъ, утверждая, что нужно дѣйствовать съ энергіею, а не ошупью; мысли свои онъ поспѣшилъ изложить въ письмѣ къ графу Дибичу отъ 11-го (23-го) марта 1828 года. Но уже было поздно поправить дѣло, и неудачно задуманный и подготовленный походъ неизбежно привелъ къ неудовлетворительному результату ¹⁾.

Полное разочарованіе смѣнило скорѣ иллюзіи, съ которыми приступили тогда къ войнѣ съ Турціею. Къ тому же, сверхъ ожиданія, султанъ твердо рѣшился не дѣлать уступокъ и принялся, по мѣрѣ силъ, отстаивать свои права съ оружіемъ въ рукахъ.

Еще съ 1821 года, въ царствованіе императора Александра, когда разрывъ съ Оттоманскою Портою представлялся вѣроятнымъ, въ главномъ штабѣ его величества, равно какъ и въ штабѣ второй арміи, накопилось немало плановъ войны съ Турціею; изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ записка генераль-адъютанта барона Дибича: о дѣйствіяхъ противъ турокъ ²⁾. Она не осталась безъ вліянія на войну съ Портою, осуществившуюся уже въ царствованіе преемника Александра I-го.

Предположеніе, выработанное въ 1821 году генераль-адъютантомъ Дибичемъ, отличалось большою смѣлостью. Будущій Забалканскій герой полагалъ тогда возможнымъ покончить съ Турціею въ теченіе одной кампаніи, а именно: начавъ войну 1-го марта, перейти Балканы уже въ концѣ мая, въ іюнѣ занять Адрианополь и до 1-го августа овладѣть Царьградомъ, при содѣйствіи флота. Одновременно съ этими рѣшительными операціями въ Европейской Турціи, генераль Ермоловъ долженъ былъ занять Эрзерумъ и угрожать Трапезунду ³⁾.

¹⁾ Воен.-учен. арх., отд. II, № 5322.

²⁾ Собственноручная записка генераль-адъютанта барона Дибича: о дѣйствіяхъ противъ турокъ, отъ 7-го іюля 1821 года. Военно-ученый архивъ, отд. 4, № 198.

³⁾ Въ 1821 году генераль-адъютантъ Дибичъ писалъ:

„Твердость вашего императорскаго величества въ точнѣйшемъ наблюденіи объявленнаго въ Лайбахѣ вѣщанія своего въ полной мѣрѣ должна была доказывать всей Европѣ, что миролюбіе ваше превосходитъ даже желаніе прекратить дѣйствіе единовѣрцевъ. Но усилившіеся беспорядки по всей Турціи и извѣстная черта въ характерѣ азіатскихъ владѣльцевъ: что ском-

Въ 1828 году не предполагалось совершить подобнаго ординаго по- лета. Трудно узнать въ совѣтники императора Николая прежняго сто- ронника рѣшительныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Про- грамма предстоявшей кампаніи была гораздо скромнѣе; судя по сохра- нившейся перепискѣ того времени, полагали ограничиться занятіемъ княжествъ, переправой черезъ нижній Дунай и взятіемъ придунайскихъ крѣпостей. Кромѣ того признано было необходимымъ, при самомъ от- крытіи военныхъ дѣйствій, направить Черноморскій флотъ съ десан- томъ для овладѣнія Анапою; эта задача была поручена контръ-адми- ралу князю А. С. Меншикову.

Повидимому, все еще надѣялись, что турки въ-время образумятся и, по открытіи военныхъ дѣйствій, не замедлятъ предложить миръ, который наше правительство склонно было заключить на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы не возбудить противъ себя своихъ европейскихъ союзниковъ. Вме- стѣ съ тѣмъ, откладывая до послѣдней возможности объявленіе войны, руководствуясь общими политическими соображеніями, чтобы не ка- заться зачинщикомъ, явилось другое зло: мы дали Портъ время для приготовленія къ войнѣ, для созданія арміи, замѣнившей собою яны- чаръ, и для вооруженія крѣпостей. О мирѣ же турки и не думали по- мыслить.

Но эти невзгоды, вызванныя ошибочными расчетами, оказались недостаточными. Невмѣрныя трудности, сопряженныя съ войною на Балканскомъ полуостровѣ, были еще усилены той особенной обстанов- кой, при которой предполагалось начать операціи на Дунаѣ. Импера-

ность противъ нихъ возрождаетъ всегда болѣе наглости,—въ скоромъ времени могутъ принудить насъ къ началю военныхъ дѣйствій. Предусмотритель- ность вашего императорскаго величества въ политическихъ дѣлахъ ожи- даетъ конечно самую крайность къ совершеннѣйшему убѣжденію всѣхъ въ твердомъ миролюбіи вашемъ... но великое терпѣніе ваше въ пользу общаго спокойствія Европы не можетъ, ~~можетъ~~, остановить нужныя приготовления, дабы тогда, когда самая крайность заставитъ начать военныя дѣйствія, быть въ совершенной готовности рѣшительнымъ и безостановочнымъ ходомъ оныхъ окончить войну въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи въ одной кампаніи; ибо опыты прежнихъ временъ доказываютъ несчастныя послѣдствія медленности, происходящей отъ постепеннаго приведенія дѣйствующихъ войскъ или отъ лишняго раздѣленія оныхъ во время самыхъ дѣйствій... Нынѣшняя война противъ турокъ, по мнѣнію моему, требуетъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій. Уже одни политическіе виды заставляютъ желать, чтобы мы овладѣли Царь- градомъ прежде всякой другой державы“.

Залогомъ успѣха войны Дибичу казалось тогда: „Быстрое наступленіе достаточныхъ силъ, которыя поражаютъ и дѣятельностью и скоростью всѣхъ противостоящія войска, конхъ сообщенія сохраняются слѣдующими непо- средственно за ними другими войсками нашими, которымъ ввѣряется бло- када крѣпостей и устройство земли“.

торь, сопутствуемый своимъ начальникомъ главнаго штаба, графомъ Дибичемъ, долженъ былъ находиться среди войскъ второй арміи, не принимая однако главнаго начальства надъ нею. Громадная главная квартира предназначалась къ слѣдованію съ государемъ; она состояла изъ военной свиты и дипломатовъ, русскихъ и иностранныхъ. Фельд-маршалу графу Витгенштейну предписано было командовать по-прежнему армію, имѣя при себѣ своего начальника штаба генераль-адъютанта Киселева.

Великій князь Михаилъ Павловичъ, носившій званіе генераль-фельдцейхмейстера и генераль-инспектора по инженерной части, долженъ былъ также отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Все это изобиліе начальствующихъ лицъ и вызываемое присутствіемъ ихъ разнообразіе мнѣній, столкновеніе интересовъ и преслѣдованіе часто противоположныхъ цѣлей должно было до крайности стѣснить самостоятельность дѣйствій главнокомандующаго, препятствуя проявленію всякой съ его стороны инициативы. Указанныя здѣсь обстоятельства предвѣщали въ будущемъ мало утѣшительнаго и не замедлили отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на ходъ военныхъ дѣйствій.

Двинутая противъ Турціи на Балканскій полуостровъ вторая армія состояла изъ 3-го, 6-го и 7-го пѣхотныхъ корпусовъ и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, находившихся подъ начальствомъ генераловъ: Рудзевича, Рота, Воинова и Бороздина. По строевому рапорту отъ 15-го апрѣля 1828 года, она могла выставить въ поле 113.920 человекъ при 384 орудіяхъ ¹⁾. Эту армію предположено было еще усилить гвардейскимъ корпусомъ, который съ 1-го (13-го) апрѣля началъ постепенно выступать изъ Петербурга, но не могъ явиться на театръ военныхъ дѣйствій ранѣе августа мѣсяца.

Графъ Дибичъ заблаговременно отправился въ главную квартиру второй арміи; 24-го апрѣля онъ послалъ изъ Кишинева свое первое донесеніе къ государю. Такимъ образомъ еще до вступленія русскихъ войскъ въ княжества, графъ Витгенштейнъ не остался безъ руководителя и наставника.

«25-го числа»,—писалъ графъ Дибичъ,—«воспослѣдуетъ переходъ черезъ Прутъ. Чрезмѣрно затруднительныя переправы замедлятъ нѣсколькими днями обложеніе Браилова, такъ что при самомъ удобномъ случаѣ оно не можетъ воспослѣдовать ранѣе 29-го числа. Начатіе осады Браилова зависѣть будетъ отъ возможности достать дѣсь и другіе мѣстные предметы; осадная же артиллерія при помощи части упряжи по-

¹⁾ Генераль-адъютантъ Киселевъ признавалъ эти силы недостаточными, такъ какъ, по его мнѣнію, занятіе княжествъ потребуетъ въ теченіе войны отъ 30 до 40.000 человекъ.

движнаго магазина выступила уже изъ Тирасполя и можетъ прибыть во-время».

Императоръ Николай покинулъ Петербургъ 25-го апрѣля. На другой день, вслѣдъ за государемъ, отправилась въ Одессу императрица Александра Ѳеодоровна и великая княжна Марія Николаевна, въ сопровожденіи министра двора князя Волконскаго. Что же касается великаго князя Михаила Павловича, то онъ выѣхалъ изъ Петербурга 22-го апрѣля, ранѣе прочихъ членовъ царской семьи. Великій князь наследникъ Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ прочими августѣйшими дѣтьми оставлены были на попеченіи императрицы Маріи Ѳеодоровны.

До отъѣзда государя, отправился въ путь оберъ-церемоніймейстеръ графъ Станиславъ Потоцкій, назначенный во время похода исправлять должность гофмаршала высочайшаго двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланы были въ армию весь багажъ съ палатками, конюшнею и кухнею. Мѣстомъ сбора свиты государя назначенъ былъ Измаилъ; здѣсь ей предстояло ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ числѣ генералъ-адъютантовъ, предназначенныхъ сопровождать государя во время похода, обращали на себя вниманіе знаменитый стратегъ баронъ Жюмнини и состоящій при особѣ его величества принцъ Евгений Виртембергскій, герой войнъ 1812 — 1814 годовъ. Въ дипломатахъ также не было недостатка; назовемъ здѣсь: графа Нессельроде, графа Матусевича, французскаго посла графа Мортемора, посланниковъ: ганноверскаго графа Дернберга и датскаго графа Блоше, австрійскаго генерала принца Гессенъ-Гамбургскаго, прусскаго генерала графа Ностица, Кистера и др. Изъ своихъ статсъ секретарей императоръ Николай назначилъ состоять при себѣ Дмитрію Васильевичу Дашкову, какъ близко знакомому съ восточными дѣлами по своей прежней служебной дѣятельности въ Константинополѣ, въ званіи совѣтника посольства въ 1821 году ¹⁾.

При выѣздѣ изъ Петербурга, государя сопровождалъ нѣкоторое время принцъ Оранскій, отъѣзжавшій за границу. Когда они разстались, Николай Павловичъ взялъ къ себѣ въ коляску генералъ-адъютанта Бенкендорфа, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ на многіе годы неизмѣннымъ спутникомъ государя во всѣхъ его безчисленныхъ поѣздкахъ по Россіи и за границую. Этотъ порядокъ продолжался до 1837 года, когда Бенкендорфъ, по болѣзненному своему состоянію, долженъ былъ впредь

¹⁾ Суда по именованному списку «лицамъ имѣющимъ быть при главвой квартирѣ», подписанному генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, число ихъ (включая сюда прислугу, писарей, мастеровыхъ и пр.) простиралось до 300 чело-вѣкъ. При главной квартирѣ должны были состоять: дивизионъ л.-гв. Казачьяго полка, взводъ л.-гв. Жандармскаго полускадрона, Казачій его высочества на-слѣдника полкъ и 6 фуhrштатскихъ ротъ. Лошадей верховыхъ, упряжныхъ, обонныхъ насчитывалось до 550-ти.

отказаться отъ чести сопровождать монарха. Съ тѣхъ поръ мѣсто Бенкендорфа въ коляскѣ государя занялъ графъ А. Ѳ. Орловъ.

Желая скорѣе явиться среди своей арміи, императоръ Николай ѣхалъ день и ночь и останавливался только не на долго въ Могилевѣ, Елизаветградѣ и Вознесенскѣ для осмотра войскъ. Испорченные продолжительными дождями дороги весьма затрудняли переѣзды. Тѣмъ не менѣе съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) мая государь имѣлъ уже ночлегъ въ Тирасполѣ. «Мы задыхались отъ жары»,—пишетъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ.—7-го мая государь переѣхалъ по мосту черезъ Прутъ въ Водулай-Исаки, направляясь къ Браилову. Со времени Петра Великаго, императоръ Николай былъ первый изъ русскихъ монарховъ, вступившихъ на Оттоманскую территорию.

Въ Россіи съ безпокойствомъ взирали на отѣздъ государя въ армію и на тѣ опасности, которыя неминуемо ожидали его среди непривѣтливой вражеской земли. Приведенное ниже письмо генераль-адъютанта Храповицкаго ¹⁾ служить отголоскомъ тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя овладѣли многими изъ современниковъ этой эпохи.

«Государь»,—писалъ Храповицкій,—«Всемогущій видитъ сердце мое, надѣюсь, что услышитъ и молитвы наши и сохранить васъ для блага Россіи. Но для сего необходимо содѣйствіе ваше. Не только Россія, но почти весь міръ знаетъ неустрашимость и твердость вашу: Россія спасена ими! За что жъ, подвергая себя опасностямъ, страшить всѣхъ искренно любящихъ оную видѣть ее въ бѣдствіи. Такъ, Государь! это будетъ неминуемое послѣдствіе потери вашей, отъ чего избави насъ Всемогущій Богъ. Ваше императорское величество неоднократно не только дозволяли, но даже требовали отъ меня говорить вамъ истину съ откровенностію, пользуясь симъ, смѣю васъ увѣрять, что это общій голосъ вашихъ вѣрноподанныхъ, здѣсь находящихся, и никакому сомнѣнію не подвержено, что мнѣніе сіе раздѣляетъ и остальная часть вамъ подвластныхъ ²⁾».

Если отѣздъ императора Николая въ армію вызвалъ тревогу и разнообразную оцѣнку, то на самую войну смотрѣли также съ различной точки зрѣнія.

Цесаревичъ стоялъ какъ бы во главѣ оппозиціи, являясь безусловнымъ сторонникомъ мира и политическихъ преданій конца царствованія императора Александра. За нимъ слѣдовала цѣлая фаланга государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, не сочувствовавшая начи-

¹⁾ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генераль-адъютантъ съ 30-го августа 1816 года.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо генераль-адъютанта Храповицкаго отъ 30-го мая 1828 года изъ Петербурга Военно-ученый архивъ, отд. I, № 959.

наніямъ Николая Павловича и порицавшая направленіе, данное государемъ русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ. Даже такой практической умъ, какъ генераль-адъютантъ Закревскій, не понялъ печальной необходимости для Россіи силою оружія возстановить насущные жизненные интересы Имперіи, попорченные турецкимъ правительствомъ. Въ перепискѣ своей съ генераль-адъютантомъ Киселевымъ онъ высказывался противъ войны, называя нашихъ, какъ онъ говоритъ, «дипломатиковъ» недалновидными. «Дай Богъ»,—писалъ Закревскій, 9-го февраля 1828 года,—«чтобы всѣ ваши заботы остались безъ цѣли, чѣмъ имѣть войну, не приносящую никакой пользы Россіи, а болѣе сдѣлаетъ вреда по слабому ея состоянію»¹⁾.

Если Закревскій высказывалъ Киселеву такое мнѣніе, оно конечно принадлежало не ему одному, и критика доходила безъ сомнѣнія до свѣдѣнія государя; тѣмъ болѣе велика заслуга его передъ исторіею, что онъ не внялъ подобнымъ возгласамъ, а привелъ въ исполненіе свои планы, какъ онъ ихъ понималъ. Если въ подробностяхъ осуществленіе этой политики и подлежить критикѣ, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространено на основныя политическія начала, которыми въ этомъ вопросѣ руководствовался императоръ Николай.

Бенкендорфъ съ своихъ запискахъ пишетъ: «Молодежь восхищалась предстоявшими ей опасностями и славою, но масса публики смотрѣла на начало новой войны довольно равнодушно и безъ всякой примѣси какого-нибудь національнаго чувства. Турція—этотъ испоконный врагъ Россіи и христіанства,—уже слишкомъ часто была укрощаема нашими войсками и уже слишкомъ ослабѣла, чтобы внушать какое-либо опасеніе или даже ненависть. Никто не сомнѣвался въ новыхъ лаврахъ, а на жертву людьми и деньгами смотрѣли единственно какъ на неизбежное зло, требуемое нашею народною честью и интересами нашей торговли».

V.

Согласно предначертаніямъ императора Николая, войска 6-го корпуса генерала Рота и 7-го корпуса генерала Воинова совершили 25-го апрѣля (7-го мая) переправу черезъ Прутъ въ трехъ пунктахъ: въ Скулянахъ, Фальчи и Водулай-Исаки. Затѣмъ, войска безъ выстрѣла за-

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О. т. 78, стр. 304. Въ этомъ же письмѣ генераль-адъютантъ Закревскій упоминаетъ о безденежьи. Тотъ же аргументъ выставился также цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ перепискѣ его съ братомъ.

няли Яссы, Галацъ, Букарестъ и Краіову ¹⁾, въ то время какъ 7-й корпусъ приступилъ къ обложенію Браилова. Главное начальство надъ войсками, предназначенными для осады этой крѣпости, по повелѣнію государя, ввѣрено было великому князю Михаилу Павловичу.

Одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, тайный совѣтникъ графъ Паленъ немедленно вступилъ въ исправленіе должности полномочнаго предсѣдателя дивановъ обохъ княжествъ.

Затѣмъ, предстояло совершить переправу черезъ Дунай. Для этой цѣли предназначался 3-й корпусъ генерала Рудзевича, который сосредоточенъ былъ въ Болградъ и готовился перейти черезъ нижній Дунай у Сатунова. Но «безпримѣрное»,—какъ писали тогда,—весеннее разлитіе Дуная задержало исполненіе этой операціи на цѣлый мѣсяць ²⁾, предоставивъ туркамъ драгоценное время для сосредоточенія войскъ въ Шумлѣ и подготовки театра военныхъ дѣйствій къ предстоявшему вторженію русской арміи.

Въ виду невозможности немедленно приступить къ переправѣ черезъ нижній Дунай, явилось предположеніе о переправѣ черезъ Дунай у Гирсова или же у Туртукая ³⁾. Приступлено было къ мѣстнымъ разслѣдованіямъ, которыя привели къ тому, что предпочтеніе отдано было Туртукаю. Однако, затрудненія, встрѣченныя при первыхъ же подготовительныхъ къ тому мѣрахъ, побудили главный штабъ арміи снова возложить всѣ надежды на Сатуновскую переправу ⁴⁾. Къ тому же, въ виду господствующаго положенія русскаго флота въ Черномъ морѣ и полнаго обезпеченія морскаго подвоза продовольствія, переправа че-

¹⁾ Въ высочайшемъ приказѣ отъ 10-го (22-го) мая 1828 года объявлено было особенное благоволеніе его величества командиру 2-й бригады 4-й уланской дивизіи генералъ-маіору Гейсмару, за быстрое движеніе къ Букаресту отряда, ему ввѣреннаго, и предохраненіе тѣмъ сего города отъ нашествія неприятеля.

²⁾ 1-го мая 1828 года графъ Дибичъ писалъ государю:

„Послѣднія извѣстія о возможности къ переправѣ на нижнемъ Дунаѣ неудовлетворительны; вода ни мало не убyla и покрываетъ берегъ отъ пяти до десяти верстъ на два и на три аршина“. Въ донесеніи же отъ 15-го мая 1828 года, графъ Дибичъ пишетъ о безпримѣрномъ въ семь году разлитіи Дуная. (Военно-ученый архивъ, Отд. 2, № 2518).

³⁾ Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 16-го (28-го) мая 1828 года, изъ Одессы.

⁴⁾ Изъ безчисленныхъ затрудненій, встрѣченныхъ при подготовленіи переправы у Туртукая, здѣсь достаточно указать на то, что 30-го мая 1828 года генералъ Ротъ доносилъ генералъ-адъютанту Киселеву, что для устройства предположеннаго здѣсь моста нельзя достать якорей, канатовъ и смолы. Поэтому даже 22 лодки, собранныя на р. Аржисѣ для употребленія при первоначальной переправѣ, оставались неосмоленными. Заготовленіе лѣса сопряжено было также съ величайшими затрудненіями.

резъ нижній Дунай представлялась все-таки болѣе цѣлесообразнымъ предпріятіемъ, несмотря на сопряженную съ нимъ потерю драгоценнаго времени, чѣмъ внезапная переимѣна намѣченной заранѣе операціонной линіи.

7-го (19-го) мая въ полночь императоръ Николай прибылъ къ Браилову. Государь остановился въ загородномъ домѣ паши брайловскаго, расположенномъ почти въ срединѣ блокаднаго лагеря; здѣсь, при входѣ, ожидали его великій князь Михаилъ Павловичъ, графъ Дибичъ, главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ; генералъ-адъютантъ Киселевъ, генерала-адъютантъ Воиновъ и весь главный штабъ второй арміи.

На другой день императоръ Николай въ сопровожденіи громадной свиты объѣхалъ верхомъ мѣстность вокругъ крѣпости и всѣ войска блокаднаго корпуса, которыя восторженно встрѣтили своего молодаго царя, явившагося ободрить ихъ и раздѣлить съ ними труды и опасности предпріятого похода. Въ этомъ же день государь отослалъ обратно въ крѣпость всѣхъ турецкихъ плѣнныхъ, захваченныхъ съ самаго начала блокады, наградивъ ихъ еще деньгами.

Очевидецъ, увидавшій подъ Браиловымъ впервые императора Николая, описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него государемъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Императоръ Николай Павловичъ былъ тогда 32-хъ лѣтъ, высокаго роста, сухощавъ, грудь имѣлъ широкую, руки нѣсколько длинныя, лицо продолговатое, чистое, лобъ открытый, носъ римскій, ротъ умѣренный, взглядъ быстрый, голосъ звонкій, подходящій къ тенору, но говорилъ нѣсколько скороговоркой. Вообще онъ былъ очень строенъ, ловокъ. Въ движеніяхъ не было замѣтно ни надменной важности, ни вѣтренной торопливости; но видна была какая-то неподдѣльная строгость. Свѣжесть лица и все въ немъ выказывало желѣзное здоровье и служило доказательствомъ, что юность не была изнѣжена и жизнь сопровождалась трезвостью и умѣренностію. Въ физическомъ отношеніи онъ былъ превосходнѣе всѣхъ мужчинъ изъ генералитета и офицеровъ, какихъ только я видѣлъ въ арміи, и могу сказать по истинѣ, что въ нашу просвѣщенную эпоху величайшая рѣдкость видѣть подобнаго человѣка въ кругу аристократіи»¹⁾).

Но, несмотря на желѣзное здоровье, которымъ, безспорно, обладалъ императоръ Николай Павловичъ, утомительный переѣздъ и климатическая переимѣна произвели на него неблагоприятное дѣйствіе. Уже наканунѣ государь чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ и, вернув-

¹⁾ Записки Юсыфа Петровича Дубецкаго. „Русская Старина“ 1895 года, т. 83.

шись домой, съ объѣзда позиціи и лагеря, онъ занемогъ лихорадкою, отъ которой оправился только на третій день. Тревожныя опасенія, вызванныя этимъ неожиданнымъ событіемъ въ главной квартирѣ арміи, были весьма велики, но, — какъ замѣчаетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ, — благодаря крѣпкому сложенію государя и чрезвычайной умѣренности въ пищѣ, онъ скоро оправился.

Дѣйствительно, 10-го (22-го) мая обрадованная войска снова увидѣли среди себя неутомимаго монарха. Въ этотъ день государь лично раздавалъ отличившимся солдатамъ Георгіевскіе кресты.

Трудность добыванія матеріаловъ для заготовленія туровъ и фашинь замедлила нѣсколько открытіе осадныхъ работъ. Къ разсвѣту 13-го (25-го) мая окончена была большая батарея, вооруженная 12-ю осадными и 12-ю батарейными орудіями и заложенная въ 200 саженьяхъ отъ крѣпости. Когда батарея была окончена, государь, на разсвѣтѣ, пришелъ на нее, чтобы лично удостовѣриться въ ея дѣйствиіи. Непріятель, замѣтивъ на ближайшемъ къ крѣпости возвышеніи скопленіе большого числа людей, въ числѣ которыхъ находился государь со свитою, направилъ туда свои выстрѣлы и стрѣлялъ такъ мѣтко, что многія ядра ударялись въ подошву этой высоты, а нѣкоторыя даже перелетали черезъ нее и попадали въ стоявшихъ тутъ верховыхъ лошадей. «Намъ стояло продолжительныхъ усилій и много трудовъ уговорить государя оставить это мѣсто, сдѣлавшееся цѣлью непріятельскаго огня», — пишетъ очевидецъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

Въ тотъ же день императоръ Николай заботливо обошелъ раненыхъ и больныхъ, роздалъ имъ деньги и вникалъ въ малѣйшія подробности, касательно пищи солдатъ и попеченія о нихъ.

Затѣмъ, государь оставилъ блокадный корпусъ подъ Браиловымъ. Въ Водулай-Исаки Николай Павловичъ вышелъ изъ коляски и, желая показать собою примѣръ исполненія законовъ, подвергся окуриванію и дезинфекціи, установленнымъ для прибывающихъ изъ княжествъ.

14-го (26-го) мая государь прибылъ въ Бендеры, гдѣ встрѣтился съ императрицею Александрою Теодоровной. На другой день ихъ величества продолжали вмѣстѣ путь въ Одессу и по прибытіи въ этотъ городъ 16-го (28-го) мая остановились въ домѣ новороссійскаго генераль-губернатора графа Воронцова ¹⁾.

Не долго, однако, государь пользовался отдыхомъ: ночью съ 17-го

¹⁾ „Эта побѣдка, со всѣми ея удобствами, такъ отличалась отъ обыкновенныхъ путешествій государя, скакавшаго всегда день и ночь, и безъ кухни, что показалась мнѣ настоящею прогулкою“, — пишетъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.

на 18-е (30-е) мая, онъ отправился въ Измаиль. Къ этому времени здѣсь совершилось важное событіе. Запорожскіе казаки, которые нѣкогда бѣжали за Дунай и нашли себѣ здѣсь пріютъ, возвратились снова въ нѣдра прежняго своего отечества. 12-го (24-го) мая измаильскій комендантъ, генераль-маіоръ Тучковъ 1-й, донесъ объ этомъ генераль-адъютанту Киселеву.

«Сѣчь запорожская, съ давнихъ поръ во владѣніи турецкомъ существовавшая,—писалъ Тучковъ,—преклонясь подъ власть государя императора, совершенно тамъ уничтожилась. Новый и прежній кошевые, оба писаря, всѣ атаманы и есаулы, съ двумя бунчугами, тремя знаменами, со всею церковною утварью, съ двумя священниками, съ султанскими привилегіями и дарованными имъ грамотами, съ войсковою канцеляріею, съ тысячею человекъ казаковъ прибыли въ границы наши. Кошевой Іосифъ Гладкій, имѣющій достоинство двухъ бунчужнаго паши, съ десятью человекъ атамановъ, съ двумя бунчугами, тремя знаменами, находятся въ здѣшнемъ карантинѣ, а прочіе неподалеко отъ Килии на лодкахъ и завтра или послѣ завтра придутъ сюда»¹⁾.

Успѣшному исходу этого дѣла мы обязаны были генералу Тучкову, который съумѣлъ искусно завести съ Гладкимъ сношенія и пробудить въ его душѣ чувства преданности и любви къ законному государю и къ покинутой имъ родинѣ.

По прибытіи въ Измаиль, императоръ Николай, 19-го (31-го) мая осмотрѣвъ въ карантинѣ запорожцевъ, возвратившихся въ родное свое пепелище, простилъ имъ все прошедшее и пожаловалъ Гладкому золотую медаль съ своимъ изображеніемъ. Запорожцы поверглись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь принявъ отъ кошеваго грамоты и регалии, жалованныя Сѣчи турецкими султанами, сказалъ: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю». Слова эти Николай Павловичъ повторилъ потомъ всему составу Сѣчи, присовокупивъ: «Я знаю, что вы за люди»²⁾. Казаки поклялись вѣрою и правдою служить Россіи противъ турокъ и вскорѣ блистательнымъ образомъ подтвердили данное ими слово.

Осмотрѣвъ измаильскія укрѣпленія и флотилію, императоръ Николай отправился въ Болградъ къ сосредоточенному здѣсь 3-му корпусу генерала Рудзевича. За государемъ послѣдовала и его главная квартира. Парадъ происходилъ 20-го мая (1-го іюня), на равнинѣ между городомъ и лагеремъ. Войска представились въ великолѣпномъ видѣ, и государь остался ими вполне довольнымъ. Вечеромъ происходила заря съ церемоніею.

¹⁾ Военно-ученый архивъ, Отд. 2, № 2754.

²⁾ Осипъ Михайловичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи. «Русская Старина» 1881 г., т. 30, стр. 384.

Изъ лагеря подъ Болградомъ императоръ Николай отправился въ сопровожденіи графа Дибича и генерала Рудзевича къ мѣсту, предназначенному для совершенія переправы черезъ Дунай, впереди селенія Сатунова. Въ это время въ императорскую главную квартиру изъ-подъ Браилова вызванъ былъ главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ и генераль-адъютантъ Киселевъ. По прибытіи главнокомандующаго, за подписью графа Дибича отданъ былъ 24-го мая (5-го іюня) слѣдующій приказъ:

«Его императорское величество, прибывъ къ дѣйствующей арміи, высочайше предоставляетъ въ присутствіи своемъ въ оной г. главнокомандующему генераль-фельдмаршалу графу Витгенштейну всю власть и права, присвоенныя ему учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи».

Но этимъ приказомъ не уничтожилось многовластіе въ арміи; оно продолжало фактически существовать силою самой обстановки и оказывало въ продолженіе всей кампаніи 1828 года неблагоприятное вліяніе на ходъ военныхъ операцій. Нерѣдко, въ счастливую пору войны, забывали совершенно о главнокомандующемъ; арміею распоряжался графъ Дибичъ, его мнѣніе преобладало въ совѣтахъ, и только при неудачѣ вспоминали о существованіи графа Витгенштейна; на престарѣлаго фельдмаршала сыпались тогда незаслуженные упреки за его бездѣятельность и непредусмотрительность. Ко всей этой ненормальной обстановкѣ, тормозившей правильный ходъ дѣлъ, присоединилось еще въ скоромъ времени убѣжденіе, что война предпринята съ недостаточными силами для достиженія какихъ-либо рѣшительныхъ результатовъ въ виду рѣшенія турокъ не заключать мира. Уже 9-го (21-го) іюня императоръ Николай признался цесаревичу Константину Павловичу, что съ каждымъ днемъ приходится все болѣе убѣждаться въ настоятельной необходимости (*nécessité absolue*) подкрѣпленій и въ невозможности, по недостатку силъ, дать кампаніи рѣшительный оборотъ (*nous sommes beaucoup trop faibles pour pousser la campagne vigoureusement*).

Что же касается до переправы черезъ Дунай, то задуманное предпріятіе было весьма рискованное. Генераль Рудзевичъ въ день, назначенный для совершенія перехода, сказалъ Киселеву, предъ началомъ боя, что переправа невозможна и не исполнится; генераль Сухтеленъ также признавалъ успѣхъ безнадежнымъ. Дѣйствительно, мѣстныхъ условій могли навести на размышленія. Для того, чтобы войска добрались до мѣста, избраннаго для переправы, вынуждены были приступить къ постройкѣ гати на протяженіи болѣе пяти верстъ. На эту работу ежедневно высылали 2.000 нижнихъ чиновъ и до 2.000 обывателей. Въ виду подобныхъ приготовленій неудивительно, что турки обратили

вниманіе на дѣйствія своего противника и съ своей стороны приступили къ устройству укрѣпленій на высотахъ праваго берега Дуная, примыкавшихъ съ восточной стороны къ крѣпости Исакчи. Наконецъ, послѣ немовѣрныхъ усилій, гать была доведена 25-го мая (7-го іюня) до самаго Дуная; затѣмъ, приступили къ заложению 25-ти-орудійной батареи на самомъ краю берега, въ виду турецкихъ укрѣпленій, появившихся на противоположной сторонѣ рѣки.

Въ это время императорскій лагерь раскинуть былъ въ Сатуновѣ, который самъ по себѣ походилъ на цѣлый городокъ. По словамъ Бенкендорфа, сверхъ всей свиты и иностранныхъ пословъ и генераловъ, въ немъ находились для его охраненія и вмѣстѣ какъ резервъ, два пѣхотныхъ полка, десять артиллерійскихъ ротъ, три эскадрона жандармовъ, столько же гвардейскихъ казаковъ, сотня казаковъ Атаманскаго полка и цѣлый армейскій казачій полкъ. Маркитанты, рестораторы и торговцы всякаго рода увеличивали еще многолюдство лагеря. «Вся эта команда, съ которою нелегко было управиться, состояла подъ моимъ начальствомъ. Въ первые дни часто приходилось сердиться и браниться; потомъ все обошлось и дѣло устроилось къ удовольствію государя и всѣхъ жителей этой кочевой столицы.

«По вечерамъ огни турецкой арміи живописно обрисовывали позицію, занимаемую турками, которая, будучи примкнута съ одной стороны къ крѣпости Исакчи, а съ другой къ глубокому болоту, возвышенностію своею и протяженіемъ какъ бы смѣялась надъ всѣми нашими приготовленіями. Наша позиція, напротивъ, между гнѣющими камышами и среди болотъ была совершенно подавлена господствовавшими надъ ними непріятельскими высотами, а наши лагерные огни горѣли укутанные во туманѣ.

«Государь продолжалъ дѣятельно ускорять минуту переправы. Понтоны и большія барки, приготовленные для плавучаго моста, ждали у устья маленькой рѣчки сигналъ ко входу въ Дунай. Гребныя флотиліи, наша и новыхъ русскихъ подданныхъ запорожцевъ, приблизились, противъ теченія, къ мѣсту переправы. Батарея на берегу была вооружена орудіями; полки, которымъ слѣдовало идти въ головахъ колоннъ, подошли къ плотинѣ, и всѣ малыя суда находились между камышами и кустами, покрывавшими нашъ берегъ».

Обсуждая подробности переправы черезъ Дунай, императоръ Николай, по свидѣтельству Киселева, обнаруживалъ въ особенности желаніе сохранить людей, чтò составляло замѣчательную черту въ характерѣ молодаго и твердаго государя ¹).

¹) Заблотскій-Десятовскій: „Графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и его время“. С.-Петербургъ, 1862, т. I. стр. 275.

Переправу предположено было произвести 27-го мая (8-го июня), и для этой цѣли императоръ Николай собственноручно написалъ диспозицію, согласно которой и произошло дѣло ¹⁾. Переходъ совершился при личномъ присутствіи государя, прибывшаго съ разсвѣтомъ на оконечность плотины; турки, занимавшіе въ числѣ до 10.000 человекъ выгодную позицію на высотахъ противоположнаго берега, были отброшены, укрѣпленія ихъ заняты, и дальнѣйшая безпрепятственная переправа войскъ 3-го корпуса обезпечена. Этотъ успѣхъ русская армія заплатила потерю 112-ти человекъ убитыми и ранеными

Турки, сбитые съ своей укрѣпленной позиціи, обратились въ бѣгство въ Базарджикъ, отчасти же бросились въ Исакчу. Успѣху выполненнаго русскими войсками смѣлаго предпріятія много содѣйствовали запорожцы, явившіеся къ мѣсту боя на 40 лодкахъ. Охотники ихъ, сверхъ того, отыскиали заблаговременно на правомъ берегу Дуная мѣсто удобное для высадки переправившихся войскъ, отправившись наканунѣ на непріятельскую сторону. Особенное отличіе выказалъ также генераль-адъютантъ Киселевъ. Государь поздравилъ его генераль-лейтенантомъ и сказалъ ему:

— Ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ благородною откровенностію Киселевъ,— это наши четыре казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ на другомъ берегу Дуная.

Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ ²⁾.

Фельдмаршалу графу Витгенштейну государь подарилъ одну изъ пушекъ, найденныхъ въ турецкихъ укрѣпленіяхъ.

28-го мая (9-го июня) императоръ Николай лично отправился на турецкій берегъ, не дождавшись наводки моста, доставленнаго изъ Измаила, къ устройству котораго приступлено было немедленно по совершеніи переправы. Къ удивленію своей ближайшей свиты, государь потребовалъ для переправы черезъ Дунай лодку атамана Гладкаго. По свидѣтельству генераль-адъютанта Бенкендорфа: «Въ виду еще не сдавшейся и защищаемой сильнымъ гарнизономъ крѣпости, государь сѣлъ въ шлюпку запорожскаго атамана. Гладкій самъ стоялъ у руля, а двѣнадцать его казаковъ гребли. Этимъ людямъ, такъ недавно еще нашимъ смертельнымъ врагамъ и едва за три недѣли передъ тѣмъ, оставившимъ непріятельскій станъ, стоило лишь ударить нѣсколько лишнихъ разъ веслами, чтобы сдать туркамъ, подъ стѣнами Исакчи, русскаго самодержца, ввѣрившагося имъ въ сопровожденіи всего только двухъ

¹⁾ Военно-ученый архивъ. Отд. I, № 968.

²⁾ Заблотскій-Десятковскій: „Графъ П. Д. Киселевъ“, т. I, стр. 277.

генераловъ. Но атаманъ и его казаки были въ восторгѣ отъ такого знака довѣрія и съ жаромъ кричали: «мы, батюшка царь, твои и не только наша дружина, но и всѣ наши товарищи».—Государь благополучно присталъ къ турецкому берегу».

Здѣсь императоръ Николай былъ встрѣченъ графомъ Витгенштейномъ и Киселевымъ. Въ сопровожденіи ихъ, государь осмотрѣлъ позицію, занятую турками 27-го мая, и затѣмъ возвратился на русскій берегъ съ тѣми же запорожскими казаками.

Императоръ Николай вполне призналъ заслуги, оказанныя запорожцами въ дѣлѣ переправы, и наградилъ Гладкаго чиномъ полковника и Георгіевскимъ крестомъ 4-го класса; сверхъ того государь назначилъ ему десять знаковъ отличія военнаго ордена для раздачи отличившимся подъ начальствомъ его казакамъ. Не были также забыты четыре запорожца, которые 26-го мая переправились въ лодкахъ черезъ Дунай, для отысканія удобнѣйшаго мѣста для высадки войскъ, и переночевали на непріятельскомъ берегу; государь пожаловалъ имъ знаки отличія военнаго ордена, повелѣвъ перевести ихъ въ гвардію ¹⁾).

Въ виду предполагавшагося дальнѣйшаго наступленія, императорскій лагерь перенесенъ былъ на правый берегъ Дуная. 30-го мая (11-го июня) въ то время, когда государь объѣзжалъ нашу передовую цѣпь, изъ Исакии явились два турецкіе парламентаря съ извѣстіемъ, что комендантъ Эюбъ-паша готовъ сдать ввѣренную ему крѣпость. Вскорѣ комендантъ и Гассанъ-паша, искавшій убѣжища въ крѣпости, по разсѣяніи войскъ его въ сраженіи 27-го числа, явились къ государю съ изъявленіемъ покорности. Крѣпость была немедленно занята нашими войсками; гарнизонъ же получилъ позволеніе свободнаго выхода съ оружіемъ, оставивъ однако въ нашихъ рукахъ весь военный матеріалъ. Въ крѣпости найдено было 85 орудій, 19 знаменъ и богатые продовольственные припасы. Паши удалились въ Константинополь и были обезглавлены по приказанію султана.

¹⁾ 3-го іюня 1828 года изъ лагера при Бабадагѣ, графъ Дибичъ сообщилъ графу Чернышеву слѣдующее высочайшее повелѣніе относительно запорожцевъ:

„Государь императоръ, одобривъ представленіе генераль-лейтенанта Инзова о водвореніи въ Аккерманскомъ цинутѣ перешедшихъ къ намъ запорожцевъ, соизволилъ поручить ему надлежащія по сему предмету соображенія, а между тѣмъ высочайше повелѣть соизволилъ помянутыхъ запорожцевъ наименовать Дунайскимъ казачьимъ полкомъ и пожаловать имъ знамя съ надписью: „За храбрость и усердіе, оказанныя при переходѣ черезъ Дунай 27-го мая 1828 года“. Въ заключеніе графъ Дибичъ просилъ приказать изготовить въ Петербургѣ знамя, на-подобіе пожалованнаго 1-го Казачьему полку.

Съ занятіемъ Исакчи, русская армія могла безпрепятственно продолжать наступленіе по Добруджѣ къ Троянову валу.

Относительно переправы черезъ Дунай 27-го мая, графъ Мольтке въ сочиненіи своемъ о русско-турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ ¹⁾, останавливается на критической оцѣнкѣ совершеннаго тогда русскими войсками подвига. По его словамъ:

«Руссіе по теченію нижняго Дуная не могли избрать для наводки моста другаго пункта, какъ Сатуново. Тѣмъ не менѣе мѣстныя условія были здѣсь такого рода, что казалось почти невыполнимымъ совершить переправу открытою силой. Доступъ къ лѣвому берегу былъ возможенъ только послѣ устройства гати, продолжавшагося нѣсколько недѣль и отстранявшаго всякое сомнѣніе на счетъ цѣли работы. Еще съ большими затрудненіями было сопряжено дебушированіе на противоположномъ берегу, гдѣ турки имѣли достаточно времени укрѣпиться на командующихъ высотахъ. Близъ турецкой крѣпости присутствіе значительнаго непріятельскаго корпуса, закрытое расположеніе 15-ти орудій большого калибра, въ сферѣ самаго дѣйствительнаго пушечнаго выстрѣла которыхъ находилась оконечность гати, проведенной вдоль лѣваго берега, равно какъ самое теченіе рѣки,—все это должно было сдѣлать совершенно невозможною наводку моста, хотя при нѣкоторомъ только сопротивленіи обороняющагося. Едва-ли можно было рассчитывать на бѣгство 10.000 человекъ въ виду горсти высадившихся казаковъ и егерей.

«Поэтому, смотря по одержанному успѣху, переходъ черезъ Дунай 3-го корпуса составляетъ блистательно удавшееся отважное предпріятіе. Но развѣ можно было на этомъ основывать первое важное предпріятіе кампаніи? Можетъ быть, было бы проще испытать высадку при помощи лодокъ и плотовъ, вмѣсто столь сомнительной наводки моста?

«Матеріалы для подобнаго предпріятія, которые конечно слѣдовало заготовить въ обширныхъ размѣрахъ, могли быть доставлены съ удобствомъ и въ достаточномъ числѣ изъ Прута и провезены мимо Исакчи, такъ какъ эта крѣпость нисколько не господствуетъ надъ главнымъ рукавомъ Дуная. Высадка могла быть выполнена въ Ренни, или же въ

¹⁾ „Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 und 1829“, dargestellt durch Freiherr von Moltke, Major im königlich Preussischen Generalstabe. Berlin 1845. Французскій переводъ этого сочиненія появился въ 1854 году; въ Россіи же къ переводу классическаго сочиненія Мольтке приступлено было только въ 1873 году, и оно появилось подъ заглавіемъ: „Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ“. Сочиненіе графа Мольтке съ нѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ, С.-Петербургъ 1876. Переводъ, прерванный Восточною войною 1877 года, былъ оконченъ лишь въ 1883 году (Кампанія 1829 года).

любомъ другомъ пунктѣ въ то время, когда турки не были бы нисколько подготовлены встрѣтить ее силою, какъ въ Сатуновѣ. Бригаду пѣхоты съ легкою батареей можно было переправить на правый берегъ въ 10 минутъ времени, при помощи 70-ти паромовъ и сравнительно небольшомъ числѣ плотовъ; затѣмъ уже осталось бы только продолжать усиливать этотъ отрядъ. При томъ можно бы было ввести противника въ заблужденіе демонстраціями, между тѣмъ какъ въ нечаянности нападенія именно заключалась вѣроятность успѣха. Предпріятіе подѣ Сатуновомъ и удалось только при помощи высадки на лодкахъ запорожскихъ казаковъ. По утверженіи же русскаго отряда на правомъ берегу Дуная и обложенія Исакчи, можно бы было приступить еще къ наводкѣ судоваго моста для болѣе легкаго и удобнаго сообщенія. Но при подобномъ образѣ дѣйствій особенную важность заслуживаетъ то обстоятельство, что переходъ черезъ Дунай можетъ быть произведенъ одновременно съ переходомъ черезъ Прутъ, между тѣмъ какъ постройка моста у Сатунова задержала переправу черезъ Дунай болѣе, чѣмъ на четыре недѣли.

«Если же не хотѣли иначе перейти черезъ Дунай, какъ по мосту, то, съ военной точки зрѣнія, все-таки представляется вопросъ, отчего подготовительныя мѣры къ постройкѣ его не были приняты ранѣе? Еще и прежде было извѣстно, что Дунай ежегодно наводняетъ свои низкіе берега до конца мая (средины іюня), и нельзя было выжидать до середины лѣта осушенія этой мѣстности. Если же даже принять въ соображеніе, что политическія условія не позволяли объявлять войны ранѣе середины (конца) апрѣля, то никто не могъ препятствовать русскимъ сосредоточить необходимое число судовъ на своихъ собственныхъ рѣкахъ, давно уже освобожденныхъ отъ льда, и провести по собственной землѣ фашинную гать къ берегамъ Дуная. Всѣ эти приготовленія можно было бы произвести скрыто и затѣмъ немедленно приступить къ постройкѣ моста. Вторженіе въ Валахію, обложеніе Браилова и наступленіе въ Добруджу обратились бы тогда въ одновременныя предпріятія, которыя поддерживали бы одно другое. Выполненныя же отдѣльно и въ разное время, они только возбудили зависть Европы, разбудили усыпленныхъ турокъ и доставили имъ безцѣнное время для окончанія своихъ вооруженій»¹⁾.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Графъ Мольтке: „Русско-турецкая кампанія въ Европейской Турціи 1828 и 1829 годовъ“. Съ вѣмецкаго перевелъ Н. Шильдеръ, стр. 87.

Къ портрету К. Ш. Брюллова.

Прилагаемый при настоящей книжкѣ портретъ Карла Павловича Брюллова гравированъ по фотографическому снимку съ дагерротипа, сдѣланнаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ концѣ 30-хъ или началѣ 40-хъ годовъ. Фотографическій снимокъ былъ любезно доставленъ намъ, для воспроизведенія, владельцемъ его А. П. Соколовымъ при содѣйствіи В. А. Брюллова, каковыхъ лицъ и просимъ принять нашу искреннюю признательность.

Ред.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XI ¹⁾.

Первые самостоятельные шаги Сперанскаго на поприщѣ преобразованій.— Мнѣніе И. И. Дмитріева о необходимости ихъ.— Записка Маркова.— Указъ 3-го апрѣля о камергерахъ и камеръ-юнкерахъ.— Новые правила о чинопроизводствѣ.— Впечатлѣніе, произведенное ими на общество.— Всеобщій ропоть.— Способы протеста.— „Рыцари Льва“.— Неудовольствіе противъ Сперанскаго.

На одномъ изъ многочисленныхъ баловъ, бывшихъ въ Эрфуртѣ во время свиданія двухъ императоровъ, Александръ подошелъ къ М. М. Сперанскому и спросилъ его: какова ему кажется Германія?

— Постановленія въ нѣмецкой землѣ лучше нашихъ,— отвѣчалъ Сперанскій,—но люди у насъ умнѣе.

— Это и моя мысль,—замѣтилъ государь, пожавъ ему руку, и мы по возвращеніи въ Россію объ этомъ предметѣ поговоримъ ²⁾.

Разговоры эти начались тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ и привели къ безотраднымъ заключеніямъ: административная машина была распатана вполнѣ и во всѣхъ частяхъ.

«При первомъ обзорѣ всѣхъ частей моего министерства (юстиціи),—

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1900 г.

²⁾ Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. № 9, стр. 104.— Въ соч. Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ, его жизнь и царствованіе“ (т. II, стр. 251) дана нѣсколько иная редакція этому разговору.

пишетъ И. И. Дмитріевъ ¹⁾),—я уже видѣлъ, что многого недостаетъ къ успѣшному ходу этой машины: излишнія инстанціи, служащія только къ проволочкѣ дѣлъ и въ пользу ябедническихъ изворотовъ; недостаточное назначеніе суммъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, особенно же палатъ гражданскихъ и уголовныхъ; опредѣленіе чиновниковъ къ должностямъ большею частію на удачу, по проискамъ или черезъ покровительство; неравенство въ жалованьѣ и производствѣ въ чины: палатскіе предсѣдатели оставались, и за выслугою узаконеннаго срока, по нѣскольку лѣтъ безъ повышенія, между тѣмъ какъ молодые люди, числящіеся только въ службѣ при министерствахъ, летѣли изъ чина въ чинъ, даже и безъ выслуги лѣтъ и награждаемы были знаками отличія.

«Съ тою же безпечною опредѣляемы были въ Сенатъ оберъ-прокуроры и оберъ-секретари, первые большею частію молодые люди изъ придворной или военной службы, благовоспитанные, но неопытные и поваженные къ изощренію себя болѣе въ снисканіи выгодныхъ связей и покровительства, для полученія знаковъ отличій. Послѣдніе поступали также отовсюду, испещрены были второстепенными орденами, но нѣкоторые изъ нихъ не умѣли порядочно составить даже и неважнаго опредѣленія».

Другой современникъ такъ рисовалъ картину внутренняго положенія Россіи:

«Столицы императорскія,—писалъ онъ ²⁾),—вмѣщая въ себѣ верховныя власть, безпрестанно наполняются людьми, ищущими пріобрѣсти чины, между тѣмъ какъ губерніи остаются безъ чиновниковъ. Роскошь, питающаяся праздною и бездѣліемъ, распространилась, и нравы поколебались въ чистотѣ своей, кою отличался благочестивый народъ русскій. Въ такомъ положеніи дворяне не могутъ обратить на пользу государственную того великаго права, которое даровано имъ отъ государей русскіихъ, чтобы избрать между собой исполнителей правосудія и блюстителей общаго благоустройства.

«Земскіе чины, избираемые отъ дворянства, составляя послѣднюю бѣднѣйшую и необразованную часть онаго, могутъ ли соответствовать цѣли ихъ назначенія? Какъ можетъ непроевѣщенный скудный умъ земскаго судьи вникнуть во всѣ обстоятельства дѣла, когда, вызванный изъ деревни своей, изъ среды глубокаго невѣжества, онъ постановляется истолкователемъ законовъ и защитникомъ утѣсенныхъ. Можетъ ли грубая душа его восчувствовать всю важность его званія, когда,

¹⁾ „Взглядъ на мою жизнь“, изданіе 1866 г., стр. 183 и 184.

²⁾ Записка Маркова, служившаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, представленная графомъ Н. С. Мордвиновымъ графу Арачеву (рукоп.).

томимый бѣдностью и нуждою, онъ не стыдится требовать платы за малѣйшее отправленіе его должности.

«Сіе внутреннее разстройство порядка не простираетъ ли гораздо долѣе своего зла. Ободренный дружбою земскихъ судовъ клеветникъ, грабитель, утѣснитель не торжествуетъ ли среди своихъ злодѣяній? Такимъ образомъ судьи, избранные отъ дворянства и почтенные довѣренностью своихъ товарищей, первые попускаютъ насильству и обидѣ. Но дворяне, нанося толикой вредъ внутреннему управленію государства, черезъ оставленіе губерній, приносятъ ли какую пользу отечеству, пребываямъ ихъ во множествѣ въ столицѣ? Нѣтъ! Молодые дворяне, едва достигнувъ юношескихъ лѣтъ, оставляютъ ученіе, только-что начатое, стремятся въ службу безъ всякой охоты заниматься дѣлами и, предаваясь отъ праздности всѣмъ забавамъ большаго города, скоро становятся бесполезными какъ для себя, такъ и для общества. Если и найдется какой-нибудь скромный любитель просвѣщенія, который, въ удаленіи отъ происковъ, посвятилъ себя наукамъ, то первое его вступленіе въ общество заставляетъ его уже сожалѣть о толь благородномъ намѣреніи, ибо въ Россіи уваженіе размѣрено по чинамъ и чины одни доставляютъ мѣсто, а слѣдовательно и власть, безъ которой мертвъ и самый гений».

Мы имѣли случай указать на ту массу чиновниковъ, которые были причислены къ разнымъ министерствамъ и учрежденіямъ до уѣзднаго суда включительно и которые, ничего не дѣлая, получали чины, ордена и обременяли правительство ¹⁾. «Адресъ-календарь,—писалъ позже В. Н. Каразинъ князю Н. И. Салтыкову ²⁾,—едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, наполняетъ теперь 700 слишкомъ, безъ включенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ, бесполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рышущіе по бульварамъ, но дѣти, учащіяся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ-трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы».

Чины даромъ и скорѣе всего можно было получать только въ Петербургѣ, и вотъ причины наплыва въ столицу дворянъ всѣхъ возрастовъ. Одни, добившись штабъ-офицерскаго чина, отправлялись въ провинцію хвастаться и кичиться имъ передъ своими сосѣдами, жили безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ и были очень счастливы, если подъ ста-

¹⁾ См. главу VII „Русскій жизнь“. „Русская Старина“ 1899 г. № 6, стр. 490 и 491.

²⁾ Въ письмѣ отъ . . . мая 1815 г. Арх. Государст. Совѣта, дѣла комитета 1826 г., № 267.

рость выбирались уѣздными предводителями дворянства. Другіе съ нетерпѣніемъ высиживали въ Петербургѣ сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ. «Такіе люди, обыкновенно достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой, поселялись въ Петербургѣ, умножали въ немъ число потребителей и короее, пристойное общество, которое знатная слѣсь называла среднимъ состояніемъ. Отецъ и сыновья этой категоріи жили праздно и весело, проводя время по большей части въ англійскомъ клубѣ и проживая доходы съ имѣній».

Придворное вѣдомство особенно поражало обиліемъ ничего не дѣлающаго люда, и на нихъ-то и было обращено первое вниманіе.

Еще со времени царствованія Елизаветы Петровны, а потомъ и при Екатеринѣ II придворное званіе камеръ-юнкера и камергера давало право на чинъ: первое V, а второе IV класса. Императоръ Александръ смотрѣлъ неблагоклонно на придворныя званія, если съ ними не были соединены другія обязанности, признавалъ ихъ годными только для внѣшняго блеска, для придворныхъ выходовъ и баловъ, а потому и называлъ ихъ полотерами.

По совѣщаніи съ Сперанскимъ, государь рѣшилъ положить предѣлъ такому тунеядству, и 3-го апрѣля 1809 года появился указъ Сенату, на дѣлавшій много шума.

«Поощреніе къ службѣ, — говорилось въ немъ ¹⁾, — и возбужденіе всѣхъ силъ и способностей къ труду и дѣятельности на пользу общую составляетъ одно изъ важнѣйшихъ попеченій правительства. Сему существенному и необходимому правилу настоящее положеніе чиновъ при дворѣ нашемъ въ званіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ не соответствуетъ. Неудобства, отъ сего происходящія, тѣмъ болѣе ощутительны, что молодые люди, въ сіи званія опредѣляемые, большею частію принадлежатъ къ знатнѣйшимъ домамъ русскаго дворянства, рожденіемъ, воспитаніемъ, способами имуществва предопредѣлены быть надеждою отечества, посредствомъ тѣхъ заслугъ и личныхъ достоинствъ, коими предки ихъ, стяжавъ славу своему имени, предали имъ ее въ залогъ сохраненія и умноженія, завѣщавъ имъ искать почестей въ дѣлахъ, а не въ званіяхъ, и, въ подвигѣ отечественныхъ пользъ, предшествовать всѣмъ другимъ состояніямъ».

На этомъ основаніи повелѣвалось всѣмъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоявшимъ въ дѣйствительности на военной и гражданской службѣ, прискаты таковую въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или быть уволенными въ отставку. Званія эти, вновь жалуемые, повелѣно считать отличіями, не приносящими никакого чина съ тѣмъ, что каждое лицо, принимаемое ко двору, обязано нести дѣйствительную службу въ

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ т. XXX, № 23559.

какомъ-либо другомъ вѣдомствѣ и проходить ее наравнѣ съ прочими дворянами.

Каждый,—сказано было въ указѣ,—долженъ воспитывать и готовить себя къ тому роду службы, къ которому чувствуетъ наклонность, и идти по избранному имъ пути. Такимъ образомъ каждый родъ службы получить вполнѣ подготовленныхъ исполнителей, «минутными побужденіями не развлекаемыхъ, но полагающихъ истинную честь и уваженіе въ отличномъ и непрерывномъ исполненіи того званія, къ коему они себя одновременно опредѣлили».

—Этимъ указомъ,—говоритъ Вигель,—съ своею знатію похристосовался государь въ день Свѣтлаго Воскресенія. Между нею произвелъ онъ нѣкоторый ропотъ. Камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, сверхъ придворной, велѣно избрать себѣ другой родъ службы, точно такъ, какъ отъ вольноотпущенныхъ требуется, чтобы они избрали себѣ родъ жизни. Нѣсколько трудно было для превосходительныхъ и высокородныхъ присканіе мѣсть, соотвѣствующихъ ихъ чинамъ.

Понятно, повтому, что указъ произвелъ огромное впечатлѣніе и вызвалъ многочисленныя толки. Въ скромныхъ гостиныхъ и въ великолѣпныхъ салонахъ только и разговаривали объ указѣ. Общество раздѣлилось на двѣ части: одни встрѣтили указъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ,—это были старые служаки, не ожидавшіе, что и на нихъ будетъ скоро гоненіе, но много терпѣвшіе отъ выскочекъ начальниковъ, пользовавшихся преимуществомъ чинопроизводства не по заслугамъ, а по рожденію и протекціи ¹⁾).

Вся же аристократія и лица, имѣвшія связи, вздрогнули и преисполнились негодованіемъ за то, что осмѣлились прикоснуться къ тому, что они считали своею привилегіею, своимъ правомъ ²⁾).

«Постановленіе, что придворное званіе не даетъ чина,—по мнѣнію В. И. Бакуниной ³⁾),—пресѣкло лестную дорогу дворянамъ, лишало права награждать дѣтей за службу отцовъ и приближать ихъ къ себѣ; унизило и достоинство двора. Придворный мундиръ сдѣлался театральнымъ платьемъ, никакой цѣны не имѣющимъ за порогомъ дворца».

Теперь не только надежда на быстрое возвышеніе въ будущемъ была потеряна, но требованіе прискаты себѣ мѣсто въ теченіе двухъ мѣсяцевъ касалось и настоящихъ интересовъ.

Всеобщая скорбь овладѣла сердцами настоящихъ и будущихъ придворныхъ; она еще болѣе усилилась, когда черезъ четыре мѣсяца, и

¹⁾ „Разночинцы тому обрадовались,—говоритъ Вигель,—особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образованіемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но до того не смѣли имъ завидовать“ („Записки“, ч. III, 68).

²⁾ Записки Свербеева, т. I, 47.

³⁾ „Русская Старина“ 1885 г., № 9, стр. 344.

именно 10-го августа, появился новый указъ, которымъ повелѣно было всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, не предъявившихъ желанія поступить въ дѣйствительную службу, числить въ отставкѣ.

Въ глазахъ аристократіи новый законъ принялъ характеръ политической катастрофы, и всѣ заговорили, что подобныя мѣры ведутъ къ паденію государства. И кто же осмѣлился шатать его?—Сперанскій, дерзкій поповичъ, дозволившій себѣ такъ позорно заклеивать всѣхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и указывать имъ путь, по которому они должны слѣдовать въ будущемъ. Обвиняли во всемъ невовводителя, котораго «послѣ такой неслыханной наглости, конечно, нельзя было не признать человѣкомъ самымъ опаснымъ, стремящимся къ уровненію всѣхъ состояній, къ демократіи, и, оттуда къ ниспроверженію всѣхъ основъ Имперіи» ¹⁾). Въ революціонныхъ поступкахъ обвиняли и самого императора Александра даже и такіе люди, которые считали себя воспитанными и вполне образованными, какъ напримѣръ Вигель.

«Спрашивается послѣ этого,—говоритъ онъ:—не самъ ли государь возбуждалъ подданныхъ своихъ къ идеямъ о равенствѣ и свободѣ? Какъ никто не умѣлъ тогда замѣтить, что отъ одинаго удара волшебнаго царскаго прутника исчезъ существовавшій у насъ дотогѣ призракъ аристократіи. Сперанскому хотѣлось республики, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но чего же хотѣлось Александру? Неужели представительнаго монархическаго правленія? Оно нигдѣ безъ высшихъ привилегированныхъ сословій не существовало. Ему хотѣлось турецкаго правленія, гдѣ одинъ только оттоманскій родъ пользуется наслѣдственными правами и гдѣ сынъ верховнаго визиря родится простымъ туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платитъ подать» ²⁾).

Эти слова указываютъ, что, несмотря на высокое понятіе о своемъ образованіи, Вигель былъ близорукъ и, будучи сыномъ своего вѣка, придерживался кастовымъ предрассудкамъ. Онъ называлъ Сперанскаго «дьячкомъ», «великимъ преобразователемъ Россіи» и отрицалъ всю пользу преобразованій. На Сперанскаго посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія въ иллюминатствѣ, революціонномъ направленіи, въ ненависти къ дворянству и т. п. Всѣ эти рассказы не смущали его. Полагаясь на расположеніе къ себѣ императора и твердо вѣря въ его поддержку, Сперанскій, съ чистыми и благородными побужденіями, смѣло шелъ по скользкому пути административнаго преобразователя, не заглядывая вдаль и не предвидя ожидающей его опасности стать въ положеніе одинокаго человѣка, лишеннаго поддержки. Теперь онъ еще твердо вѣрилъ

¹⁾ Жизнь графа Сперанскаго, М. А. Корфа, т. I, 174.

²⁾ Записки Вигеля, ч. III, стр. 68 и 69.

въ прочность и неизбежность того устоя, на который опирался. Онъ не страшился рассказовъ и порицаній его, какъ человѣка, вышедшаго изъ ничтожества, ненавистника дворянства, недоброжелательнаго и завидующаго лицамъ знатнаго происхожденія, человѣка съ республиканскимъ направленіемъ.

И вотъ среди этихъ рассказовъ появился указъ 6-го августа 1809 г., поразившій даже и тѣхъ, кто защищаль Сперанскаго.

То былъ указъ Сенату, которымъ устанавливались правила о производствѣ гражданскихъ чиновниковъ въ чинъ коллежскаго ассессора и выше ¹⁾. Мѣра эта была вызвана необходимостью обновить администрацію какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ. До сихъ поръ Россія управлялась малограмотнымъ чиновничьимъ міромъ, во многихъ мѣстахъ государства извѣстнымъ подъ именемъ міроѣдовъ и вышедшимъ «можно сказать, изъ ничтожества».

Дѣти знатныхъ лицъ и богатыхъ дворянъ со дня рожденія записывались въ гвардейскіе полки сержантами или прямо получали званіе камеръ-юнкеровъ. Пользуясь такими льготами, обратившимися съ теченіемъ времени въ обычай, молодые люди знатнѣйшихъ фамилій легко достигали высшихъ чиновъ, пренебрегали образованіемъ и проводили жизнь въ свѣтской суетѣ, безъ всякихъ серьезныхъ занятій. Сыновья менѣе знатныхъ дворянъ, приписываясь къ разнымъ учрежденіямъ, даже и губернскимъ, также ничего не дѣлали. За нихъ работали люди бѣдные, такъ называемые чиновники-дѣльцы, изучившіе въ совершенствѣ канцелярскій рутинный порядокъ, но часто невѣжды по образованію.

«Въ другихъ земляхъ,—писалъ А. С. Пушкинъ ²⁾,—молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе на службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ правилъ; всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрить, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе».

Такія лица получали прямо высшія мѣста и, къ справедливому огорченію дѣйствительно заслуженныхъ чиновниковъ, приносили вредъ, а не пользу.

— Нынѣ,—говорилъ О. П. Козодавлевъ,—всякій ищетъ мѣста въ

¹⁾ Указъ Сенату 6-го августа 1809 г., Полн. Собр. Зак., № 23771.

²⁾ Записка А. С. Пушкина. Исследования и статьи М. И. Сухомлинова, т. III, 239.

статской службѣ не для того, чтобы исполнить долгъ свой и быть государству полезнымъ, а единственно, чтобы выйти въ чины я, перемѣняя мѣста, возвышаться чинами.

Погоня за ними была всеобщей страстью и въ такой модѣ, что Сенатъ всякую пятницу производилъ чиновниковъ цѣлыми сотнями. Императрица Екатерина II пыталась прекратить скорый переходъ изъ чина въ чинъ, но попытки ея не увѣнились успѣхомъ, не подняли умственного уровня и не облагородили чиновниковъ. Для производства въ чины до коллежскихъ ассесоровъ она установила опредѣленные сроки выслуги ¹⁾, а императоръ Павелъ распространилъ эти сроки до статскихъ совѣтниковъ ²⁾. Законъ этотъ послужилъ только къ тому, что по истеченіи срока производились люди неспособные и не имѣвшие никакихъ знаній. Къ этому надо прибавить, что вельможи и временщики изобрѣтали для покровительствуемыхъ ими лицъ особыя мѣста, гдѣ, по ихъ мнѣнію, не требовалось вовсе знаній. Такъ, напримѣръ, заемный и ассигнаціонный банки были тогда наполнены чиновниками почти безграмотными: отъ нихъ требовалось только знаніе подписать свою фамилію на ассигнаціяхъ. Про такихъ чиновниковъ одинъ изъ писателей прошлаго вѣка выразился, что они, возвышаясь на степени, забыли совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не природные, и что по спискамъ ихъ всегда можно справиться, кто и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди ³⁾. Подобные люди были общимъ посмѣшищемъ, игрушкою своихъ подчиненныхъ и вели вѣренныя имъ учрежденія къ разстройству.

Такое положеніе дѣлъ побудило правительство при обнародованіи въ 1803 году указа «Объ устройствѣ училищъ» постановить, чтобы черезъ пять лѣтъ никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ курса въ общественномъ или частномъ училищѣ ⁴⁾.

«Разумъ сего постановленія состоялъ въ томъ, чтобы разнымъ частямъ гражданской службы доставить способныхъ и ученіемъ образованныхъ чиновниковъ» ⁵⁾. Учрежденіе четырехъ новыхъ университетовъ и многихъ гимназій дозволяло надѣяться, что дворянство и лица свободныхъ состояній посмѣшатъ воспользоваться средствами, предоставленными имъ правительствомъ для воспитанія дѣтей. Но надежды не

¹⁾ Указъ 16-го декабря 1790 г., Полное Собр. Законовъ, № 16930.

²⁾ Указъ 9-го декабря 1799 г., тамъ же, № 19219.

³⁾ Записка О. П. Козодавлева. Сборникъ документовъ изъ арх. Собств. его величества канцеларіи, выпускъ VII, стр. 245—247.

⁴⁾ Указъ Сенату 24-го января 1803 г., Полное Собр. Законовъ, т. XXVII, № 20597.

⁵⁾ Указъ 6-го августа 1809 г., тамъ же, № 23771.

оправдались: дворянство не шло на встрѣчу правительству и не отдавало своихъ дѣтей ни въ гимназіи, ни въ университеты. Прошло шесть лѣтъ, указъ 1803 года не имѣлъ своего дѣйствія, и пришлось употребить принудительныя мѣры.

«Государь и безъ того уже не слишкомъ благоволилъ къ своимъ русскимъ подданнымъ. Сперанскій,—по несправедливому предположенію Вигеля,—воспользовался тѣмъ, чтобы ихъ представить ему какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно, можно творить добро. вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилъ онъ въ глазахъ его число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ»¹⁾.

Въ концѣ лѣта 1809 года, императоръ Александръ, проѣзжая по Петербургской сторонѣ съ Каменнаго острова въ Петергофъ, былъ опрокинутъ и повредилъ себѣ ногу настолько серьезно, что принужденъ былъ оставаться въ Петергофѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не выходя изъ комнаты. Это время было употреблено на обсужденіе указа о правилахъ производства въ чины по гражданской службѣ. Вопросъ этотъ разрабатывался императоромъ Александромъ и Сперанскимъ настолько секретно, что о предстоящемъ обнародованіи указа знали только одинъ Аракчеевъ, который и поторопился выхлопотать нѣсколькимъ лицамъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника.

6-го августа 1809 года, въ день Преображенія Господня, указъ этотъ былъ обнародованъ.

«Давы,—сказано было въ немъ,—положить, наконецъ, преграду исканіямъ чиновъ безъ заслугъ, а истиннымъ заслугамъ дать новое свидѣтельство нашего уваженія, признали мы нужнымъ постановить слѣдующее:

1) Съ изданія сего указа никто не будетъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора, хотя бы и выслужилъ положенное число лѣтъ въ титулярныхъ совѣтникахъ, если сверхъ отличныхъ одобреній своего начальства не предъявитъ свидѣтельство отъ одного изъ состоящихъ въ Имперіи университетовъ, что онъ обучался въ ономъ съ успѣхомъ наукамъ гражданской службы свойственнымъ или что представъ на испытаніе заслужилъ на ономъ одобреніе въ своемъ знаніи.

2) Порядокъ производства въ чины до коллежскихъ ассесоровъ остается на прежнемъ основаніи.

3) Тѣ, кои до изданія сего указа произведены будутъ или нынѣ состоятъ въ чинѣ коллежскаго ассесора, могутъ быть производимы до статскихъ совѣтниковъ на прежнемъ основаніи, но не иначе какъ когда

¹⁾ Воспоминанія Вигеля, ч. III, стр. 70.

съ полною выслугою положенныхъ лѣтъ соединены будутъ самыя достовѣрныя свидѣтельства объ отличномъ усердіи и дѣлахъ, особенное одобреніе заслужившихъ. Простое исполненіе должности ни въ какомъ случаѣ, хотя бы оно и долѣе положенныхъ лѣтъ простиралось, не даетъ права на производство.

4) Напротивъ, тѣ изъ восьмиклассныхъ чиновниковъ, кои, находясь въ службѣ, при отличномъ одобреніи ихъ начальства, предъявляютъ свидѣтельство объ успѣшномъ ихъ ученіи, или испытаніи въ російскомъ университетѣ, имѣютъ быть производимы въ слѣдующіе чины до статскаго совѣтника, не взирая на лѣта службы и хотя бы они короткое время въ настоящемъ чинѣ находились.

5) Въ статскіе совѣтники никто не можетъ быть произведенъ по однимъ лѣтамъ службы. — Къ производству сему потребно совокупное представленіе слѣдующихъ удостоеній: а) свидѣтельство о томъ, что представляемый чиновникъ по крайней мѣрѣ десять лѣтъ продолжалъ службу непрерывно съ усердіемъ; б) что въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ онъ дѣйствительно въ какомъ-либо мѣстѣ совѣтникомъ, прокуроромъ, правителемъ канцеляріи или начальникомъ какой-либо положенной по штату экспедиціи; в) сверхъ сего онъ долженъ представить аттестатъ университета объ успѣшномъ ученіи или испытаніи его въ наукахъ гражданской службѣ свойственныхъ; г) долженъ представить одобреніе начальства, въ коемъ онъ служить, изображающее именно какія онъ оказалъ отличныя заслуги.

6) Въ прегражденіе того, чтобы чины, при отставкѣ даваемые, не были предлогомъ къ неправильному ихъ достиженію при обратномъ въ службу вступленіи, постановляется, чтобы чиновники, получившіе слѣдующіе чины при отставкѣ, принимаемы были паки на службу не иначе, какъ тѣми самими чинами, какіе имѣли они до отставки.

7) Производство чиновниковъ медицинскихъ и служащихъ на окраинахъ Имперіи оставлено на правилахъ особо для того установленныхъ.

8) Чины гражданскіе въ обѣихъ военныхъ коллегіяхъ и подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ, служащія при полкахъ и разныхъ командахъ, подходятъ подъ выше начертанный порядокъ».

Къ указу были приложены: «Порядокъ, коимъ полагается производить испытанія въ университетахъ желающимъ вступить въ дальнѣйшее производство по гражданской службѣ» ¹⁾ и «Способы ученія для моло-

¹⁾ Порядокъ испытанія въ университетахъ былъ слѣдующій: „Предметы испытанія: I. Наука и словесныя: Грамматическое познаніе російскаго языка и правильное на ономъ сочиненіе. Познаніе по крайней мѣрѣ одного языка иностраннаго и удобность перелгать съ онаго на російскій.

II. Правовѣдѣніе. Основательное познаніе права естественнаго, права Римскаго и права Гражданскаго, съ приложеніемъ сего послѣдняго къ

дыхъ людей службою обязанныхъ».—Эти способы заключались въ томъ, что молодые люди, не оставляя должностей, могли слушать въ университетахъ лекціи, специально для нихъ открываемыя въ лѣтніе мѣсяцы.

Прочитавъ указъ Сенату и довольно обширную программу испытаній, чиновный міръ пришелъ въ отчаяніе; многіе не слышали даже названія предметовъ, знанія которыхъ отъ нихъ требовалось.

«Какой способъ,—писала В. И. Бакунина¹⁾,—имѣютъ бѣдные дворяне, желающіе служить въ гражданской службѣ, учиться языкамъ, римскимъ правамъ, философіи, физикѣ и проч.—По этимъ экзаменамъ всѣ мѣста должны быть заняты семинаристами подобными Сперанскому».

Легіоны чиновниковъ «съ чадами и домочадцами» вопіяли противъ Сперанскаго.

«Хотя я былъ ребенкомъ, пишетъ К. Масальскій²⁾, но очень живо помню, російскому законодательству. — Свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ частяхъ права общаго, какъ-то: экономіи государственной и законовъ уголовныхъ».

III. Науки историческія. Основательное познаніе отечественной исторіи. — Исторія всеобщая, древняя и новая съ частями къ ней принадлежащими, какъ-то: съ географіею и хронологіею. — Сюда же принадлежать первоначальныя основанія статистики, особенно Россійскаго государства.

IV. Науки математическія и физическія. — Знаніе по крайней мѣрѣ начальныхъ основаній математики, какъ-то: ариметики и геометріи и общія свѣдѣнія въ главныхъ частяхъ физики.

„Образъ испытанія. Въ каждомъ университетѣ долженъ быть установленъ особенный комитетъ изъ ректора и трехъ профессоровъ для испытанія. — Желающій является въ сей комитетъ, представляетъ аттестаты мѣста, гдѣ онъ обучался, буде ихъ имѣеть, и получаетъ назначеніе часовъ испытанія. — Испытаніе производится лично въ комитетѣ по вопросамъ, кои напередъ въ надлежащемъ количествѣ должны быть изготовлены, и изъ коихъ профессоры, безъ всякаго выбора, предлагаютъ желающему на разрѣшеніе.

„Въ словесныхъ наукахъ онъ долженъ тутъ же на данную матерію написать небольшое сочиненіе и сдѣлать переводъ. — Въ математическихъ—сдѣлать на доскѣ выкладку или разрѣшить нѣсколько проблемъ съ доказательствами. — Въ прочихъ оставляется ему на волю отвѣчать словесно или письменно, но не выходя изъ залы испытанія. — Испытаніе можетъ быть продолжаемо въ нѣсколько пріемовъ, но никогда менѣе четырехъ разъ не должно быть совершаемо.

„Кандидаты, оказавшіеся безъ нужныхъ познаній, получаютъ отказъ и имя ихъ вносится въ журналы комитета для справокъ впредь. — Кандидатамъ, оказавшимъ довольные въ наукахъ успѣхи, отъ правленія университетскаго, по донесенію комитета, выдается аттестатъ въ надлежащей формѣ. Сей аттестатъ кандидатъ представляетъ своему начальству, которое и вноситъ его въ послужной списокъ и каждый разъ, когда впоследствии дѣло настоять будетъ о производствѣ его въ восьмиклассный чинъ, представляетъ и аттестатъ соей въ свѣрженной копіи, вмѣстѣ съ послужными его списками“.

¹⁾ „Русская Старина“, 1885 г. № 9, стр. 399.

²⁾ Дружескія письма графа М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, пзд. 1862 г. стр. 8.—См. также Воспоминанія О. Булгарина, т. V, стр. 319.

какой гвалтъ и шумъ поднялся между всѣми коллежскими и титулярными совѣтниками всей Россійской имперіи, когда состоялся указъ 6-го августа 1809 г. — Ропотъ былъ такой, особенно между необразованными подъячими, родственниками и пріятелями ихъ, какъ будто грозила гибель отечеству въ родѣ новаго нашествія Батяи. — Сатиры, каррикатуры, эпиграммы сыпались на Сперанскаго, какъ изъ мѣшка, или миеологическаго рога изобилія.

Велики чудеса Сперанскій намъ явилъ,
Науками вдругъ дворянъ всѣхъ задавилъ ¹⁾.

— Указъ объ экзаменахъ, — говорилъ Н. М. Карамзинъ, — былъ осыпанъ вездѣ язвительными насмѣшками.

Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ указъ могъ относиться къ чиновникамъ, уже находившимся на службѣ, ибо, — говорили они, — законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и «воспріемлетъ свое дѣйствіе со дня публикаціи и имѣетъ силу только на будущее время» ²⁾. Многіе ожидали разъясненія въ этомъ отношеніи, но отказъ императора производить безъ экзамена ³⁾ убѣдилъ, что указъ распространяется и на находившихся на службѣ до его обнародованія.

«Итакъ служба моя кончена, — замѣчаетъ съ грустью Г. И. Добрынинъ ⁴⁾. — Я старѣе многихъ въ моемъ отечествѣ университетовъ и вѣкомъ ⁵⁾ и службою. — Долговременная опытность не обманываетъ меня, что я для ищущихъ правосудія, — пока въ мірѣ семъ продолжится неправда — могу быть полѣзенъ больше, нежели профессоръ всѣхъ наукъ, который никогда не посылаетъ ни мѣсячныхъ, ни третнихъ, ни полугодовыхъ, ни годовыхъ вѣдомостей о томъ, какую онъ и кому сдѣлалъ пользу».

Всѣ видѣли въ правилахъ о чинопроизводствѣ большую несправедливость, въ особенности дворяне, потому что ихъ «стремленіе къ чинамъ по службѣ сильно задерживалось» ⁶⁾.

Отъ Юрика до днесь дворянъ не утѣснили,
За то Россію всѣ владычицей считали.

¹⁾ Современная эпиграмма. „Кіевская Старина“ 1889 г., № 4.

²⁾ Императорскій Московскій университетъ въ воспоминаніяхъ М. П. Третьякова. „Русская Старина“ 1892 г. № 7, стр. 129.

³⁾ Когда принцъ Ольденбургскій представилъ къ проиводству въ статскіе совѣтники своего правителя канцеларіи Геттуна, то государь отвѣчалъ принцу собственноручнымъ письмомъ, что не можетъ нарушить государственнаго закона („Историч. Вѣст.“ 1880 г. № 3, стр. 485).

⁴⁾ Въ своихъ запискахъ, изд. 1872 г., стр. 334.

⁵⁾ „По ученому — возрастомъ, — замѣчаетъ Добрынинъ; — но мнѣ уже безъ мада 40 лѣтъ, какъ я выросъ и болѣе не расту“.

⁶⁾ Воспоминанія профессора Роммеля. — „Южный Сборникъ“, 1859 г. № 9, стр. 27.

Коль грамотѣ кто зналъ, доволенъ былъ и тѣмъ,
Но правда и законъ былъ общій всѣмъ.

Геройство, подвигъ, трудъ—трофей совидали

И въ общемъ счастье всё свое считали...

Гдѣ Вѣна, гдѣ Парижъ,—хотя того не знали,

Но быть подпорою всё отечества желали.

А снятъ по повскій днесъ, какъ мыльный шаръ летая

У счастья подъ рукою, цѣны трудамъ не зная,

Науки вводить онъ, невѣжей бывши самъ.

Гдѣ гибель общая, онъ ищетъ счастья тамъ,

Искусственнымъ мечомъ Россію поражая.

Худой политикъ бывъ и дѣлъ совсѣмъ не зная,

Невѣднѣя завѣсь у всѣхъ онъ хочетъ снять ¹⁾.

Противъ снятія завѣсы невѣднѣя и въ особенности противъ обратнаго дѣйствія закона возставалъ и Н. М. Карамзинъ. «До нынѣ,—писалъ онъ ²⁾),—дворяне и не дворяне въ гражданской службѣ искали у насъ чиновъ или денегъ.—Первое побужденіе невинно, второе—опасно, ибо умѣренность жалованья производить въ корыстолюбивыхъ охоту издоимства. Теперь, не зная ни физики, ни статистики, ни другихъ высшихъ наукъ, для чего будутъ служить титулярные и коллежскіе совѣтники? Лучшіе, т.-е. честолюбивые, возьмутъ отставку; худшіе, т.-е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живаго и мертваго. Ужь видимъ и примѣры.

«Вмѣсто сего новаго постановленія, надлежало бы только исполнять сказанное въ уставѣ университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельства о своихъ знаніяхъ. Отъ начинающихъ всего можно требовать, но кто уже давно служить, съ тѣмъ, по справедливости, нельзя дѣлать новыхъ условий для службы: онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ статскаго совѣтника, ему обѣщанный закономъ; а вы нарушаете сей контрактъ государственный. И вмѣсто всеобщихъ знаній должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя: юнкеровъ иностранной коллегіи испытывайте въ статистикѣ, исторіи, географіи, дипломатикѣ, языкѣхъ; другихъ только въ знаніи отечественнаго языка и права русскаго, а не римскаго, для насъ бесполезнаго; третьихъ въ геометріи, буде они желаютъ быть землеобрами, и т. д. Хотѣтъ лишняго или не хотѣтъ должнаго—равно предосудительно».

Слѣдуя по пути отрицанія, Н. М. Карамзинъ называлъ указъ объ

¹⁾ Мысли унылаго дворянина. „Кіевская Старина“ 1889 г. № 4, стр. 194.

²⁾ Въ запискѣ „О древней и новой Россіи“. — Записка эта въ полномъ видѣ напечатана только нынѣ въ сочиненіи А. Н. Пылина: „Общественное иженіе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 1900 г. См. стр. 510.

экзаменахъ несчастнымъ и говорилъ, что въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ отъ чиновниковъ требуютъ только необходимыя спеціальныя свѣдѣнія: отъ инженера—инженерную науку, отъ судьи—знанія законовѣдѣнія и проч.

«У насъ же,—говорить онъ,—и предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Θεокрита, секретарь Сената—свойства оксигена и всѣхъ газовъ ¹⁾, вице-губернаторъ — Пиеагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — римскія права, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги не освобождаютъ отъ долга знать вещи совѣтъ для насъ чуждыя и бесполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлю».

Безполезными считались и лекціи въ университетахъ. Такъ какъ они по указу начинались въ 2 часа по полудни, когда чиновники оканчивали служебныя занятія и слушатели приходили въ университетъ усталые, голодные и оставались тамъ до шести часовъ вечера, нельзя было ожидать успѣха отъ такихъ занятій, а по мнѣнію извѣстнаго сардинскаго посланника де-Местра, русскихъ чиновниковъ и вовсе учить не слѣдовало. Охотникъ до высказыванія своихъ мнѣній тамъ, гдѣ его и не спрашивали, де-Местръ писалъ графу Разумовскому ²⁾:

«Въ Россіи нѣтъ ничего такого, что бы дѣлало науку необходимою или иначе—оно не есть единственное и необходимое условіе для достиженія нѣкоторыхъ отличій. Въ той части Европы (т. е. Россіи), гдѣ науки менѣе всего полезны, ихъ хотятъ ввести и при томъ всѣ разомъ. Это доказываетъ полное непониманіе природы человѣческой. Прежде чѣмъ преподавать науки, надо вселить въ народѣ стремленіе къ нимъ. Правительство обязано предлагать науку подданнымъ, которые ее требуютъ, но оно не должно, да и не можетъ навязывать ее тѣмъ, которые въ наукѣ не нуждаются. Напрасно правительство поставитъ тотъ или другой разрядъ познаній опредѣленнымъ условіемъ для достиженія того или другаго отличія: покуда не восчувствуется необходимость науки, надъ закономъ этимъ будутъ только смѣяться и ученые чины станутъ пустыми названіями, цѣна которымъ будетъ всѣмъ извѣстна.

«Самымъ великимъ несчастіемъ будетъ то, что сущностью науки никто не будетъ обладать, а научною гордынею заразятся всѣ. Всѣ сдѣлаются упрямыми, непокойными, боязливыми, недовольными, какъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи слова Карамзина не справедливы. По программѣ испытаній на греческаго языка, на химію не требовалось.

²⁾ Министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому въ іюлѣ 1810 г. Васильчиковъ: „Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 225.

будто въ самомъ дѣлѣ что-либо знаютъ, такъ что правительство послѣ всѣхъ усилій и огромныхъ расходовъ достигнетъ только того, что образуетъ пл о х и х ъ л ю д е й и д у р н ы х ъ п о д д а н н ы х ъ».

Несмотря на подобную угрозу, указъ объ экзаменахъ не былъ отмененъ и волей-неволей потянулись въ университетъ даже чиновники-старцы.

Сперанскій вздумалъ учить ужъ стариковъ
И хочеть дѣлать онъ изъ мужи пауковъ.
Великъ онъ сталъ теперь, хотя и сынъ поповскій;
Но, къ сожалѣнью, въ немъ разумъ не отцовскій.
Громаду свѣта онъ желаетъ переимѣнить
И чтобъ въ хаосѣ томъ на вѣкъ себя затмить.

Въ Московскомъ университетѣ собралось человекъ до ста совершенно неподготовленныхъ для слуханія лекцій по предметамъ, указаннымъ въ программѣ. Какъ быть? Какъ получить свидѣтельство университета? Скоро способъ этотъ былъ найденъ. Онъ состоялъ въ томъ, что экзаменаторы стали давать, за условленную плату, private уроки и легко пропускать на экзаменахъ.

«Такъ какъ въ Россіи все продажно,—писалъ А. С. Пушкинъ ¹⁾,—то и экзаменъ сдѣлался новою отраслью промышленности для профессоръ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли пробѣжать стороной».

По словамъ профессора Роммеля, экзаменъ наносилъ ударъ чивольбю, но былъ слабымъ средствомъ къ распространенію знаній и только давалъ профессорамъ возможность наживаться и поднять свое значеніе ²⁾.

Уклонясь отъ экзаменовъ, молодежь стала поступать въ военную службу, люди достаточные пріобрѣтали аттестаты при помощи подкуповъ профессоровъ, а тѣ, которые средствъ не имѣли, принуждены были съ грустью отказаться отъ дальнѣйшаго производства и смотрѣли неприязненно на товарищей, заручившихся аттестатами.

Г. И. Добрынинъ съ насмѣшкою рассказываетъ одинъ случай, въ которомъ, по его мнѣнію, ученость не помогла и «статская служба противъ учености постояла». Одинъ учитель написалъ въ прошеніи: «прошу ваше императорское величество на сіе прошеніе рѣшеніе учинить». Полоцкое намѣстническое правленіе возвратило ему просьбу съ надписью, что онъ ошибся въ титулѣ и чтобы онъ впредь писалъ: «прошу вашего императорскаго величества». Учитель ссылался на правила грамматики, доказывалъ падежами, склоненіями и спряженіями, но чи-

¹⁾ Въ запискѣ о народномъ воспитаніи.

²⁾ „Южный Сборникъ“ 1859 г., № 9, стр. 27.

новники, «лишенные права быть статскими совѣтниками», вторично подтвердили ему черезъ полицію, чтобы онъ въ челобитныхъ держался предписанной закономъ формы, а не правилъ грамматическихъ.

Конечно, это былъ глухой протестъ противъ указа, породившаго много курьезовъ. Въ числѣ ихъ былъ и слѣдующій:

Въ конторѣ опекунства Новороссійскихъ иностранныхъ переселенцевъ былъ переводчикъ губернской секретарь Карлъ Олей. Онъ до такой степени былъ пораженъ указомъ, что рѣшился, во-первыхъ, принять мѣры къ тому, чтобы не оставаться въ одномъ чинѣ, а во-вторыхъ, написать прошеніе на высочайшее имя. Олей не скрывалъ отъ государя, что указъ «привелъ многихъ дворянъ и другаго состоянія служащихъ людей въ уныніе». Онъ находилъ, что чиновники, имѣющіе 9-й классъ, достигли уже такого возраста, что «не могутъ или не состоятельны учиться», что «вкоренившаяся въ нихъ стыдливость» запрещаетъ имъ находиться въ числѣ учениковъ и потому, лишась надежды получить когда-либо штабъ-офицерскій чинъ, ищутъ частную службу, или же поселяются въ своихъ деревняхъ; тѣ же, которые не могутъ сдѣлать ни того, ни другаго, «хотя и служатъ, но служатъ безъ ревности потому, что производство болѣе въ чины, нежели окладъ, ихъ интересовалъ. Слѣдовательно, служба вашего императорскаго величества лишается въ первыхъ двухъ случаяхъ чиновниковъ, а въ послѣднемъ бывшаго въ дѣлахъ успѣха».

«Но позвольте всеподданнѣйше доложить вашему императорскому величеству,—прибавлялъ Олей,—что при всѣхъ сихъ неудобствахъ, упомянутый высочайшій указъ ни мало не мѣшаетъ гордымъ и отечество свое любящимъ сынамъ Россіи замѣнить другимъ средствомъ недостатокъ своего ученія. Часть оныхъ, въ которой найдутся и служащіе уже въ воинской службѣ, намѣрена составить корпусъ волонтеровъ, подъ названіемъ «Рыцарей Льва» и пролить кровь свою въ Турціи, за любезнаго государя и отечество свое, и просили меня предводительствовать ими, хотя познанія мои по части тактики довольно ограничены»¹⁾).

По произведенному слѣдствію оказалось, что Олей собиралъ ша йку «безпутныхъ людей, изъ русскихъ и нѣмцевъ, коихъ онъ обязывалъ присягою и подписками уйти съ нимъ въ Крымъ и оттуда пробраться къ туркамъ»; что Олей приметъ мѣры къ тому, чтобы возвратить туркамъ Крымъ и сдѣлаться тамъ королемъ. Несмотря на всю сумосбродность такой идеи, въ числѣ давшихъ подписку и присягу быть вѣрными Олею нашлось нѣсколько чиновниковъ, потерявшихъ надежду быть произведенными въ слѣдующіе чины. Предпріятіе это, конечно, не удалось,

¹⁾ Арх. Государств. Совѣта, дѣла Комитета 1807 года, дѣло 1810 г. № 2.

но оно свидѣтельствуесть о томъ настроеніи, въ которомъ находилось тогдашнее общество.

Въ концѣ 1809 года по Петербургу ходила молитва, обращенная къ императору Александру, въ которой неизвѣстный авторъ писалъ:

«Государь! Мы сынове Россіи зовемъ къ тебѣ	Отче нашъ,
Милосердъ, любезенъ ты намъ и кротокъ .	Иже еси
Во всѣ времена Россіи какъ бы	на небесѣхъ,
Въ теперешнее время царствованія твоего	да святится имя твое;
На насъ титулярныхъ и коллежскихъ со- вѣтниковъ	да приидеть царствіе твое;

А съ тѣми, кои по открытіи университе- товъ не могли учиться	да будетъ воля твоя,
Тогда мы прославимъ съ благоговѣніемъ имя твое	яко на небеси
Станемъ прославлять оное	и на земли;
Рвеніемъ и трудами мы у тебя изыскиваемъ.	хлѣбъ нашъ насущ- ный

Престарѣвъ мы въ службѣ, ожидаемъ чи- новъ, коихъ	даждь намъ днесь,
А почему мы не учились и что не умѣемъ, въ томъ насъ прости	и остави намъ долги наша,

Вѣдь прежде просты были наши предки, не много они учились и не все знали . . .	яко же и мы
Отъ недоумѣнія нашего просты будучи . .	оставляемъ
И за сямъ не токмо	должникомъ нашимъ;
Въ учебные классы	не введи насъ
И не поручая насъ профессорамъ	во искушеніе;
И отъ университетскаго ректора	избави насъ отъ лу- каваго.

«На одномъ публичномъ маскарадѣ, бывшемъ въ то время, одна маска произвела общій хохотъ вмѣсто негодованія на Сперанскаго, что было предметомъ шума и городскихъ сплетней на цѣлую недѣлю и даже больше. Какой-то острякъ, безъ сомнѣнія, какъ Кутейкинъ фонъ-Визина, убоявшійся бездны премудрости и потерявшій всякую надежду выдержать экзаменъ въ какой-либо наукѣ, кромѣ чинованія и взяточ- ности, нарядился въ старинный, фантастическій, каррикатурный мун- иръ, я, на-подобіе извозчика, прицѣпилъ къ воротнику, на спицѣ сво-

ей, четвероугольный картонъ, на которомъ крупнѣйшими буквами было написано слѣдующее:

№ 1.200.301.

Вѣчнаго цеха.

ТИТУЛЯРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.

«Замѣтивъ необыкновенное волненіе публики, полиція учтиво попросила этого господина снять со спины свою острогу»¹⁾).

Трудно сказать, обращали ли подобные протесты на себя вниманіе правительства или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ явилась необходимость выяснить: всѣ ли чиновники безусловно должны подвергаться экзамену, или будутъ допущены исключенія. Переписка по этому дѣлу тянулась довольно долго и, наконецъ, въ январѣ 1811 года, послѣдовало разъясненіе въ указѣ министру народнаго просвѣщенія²⁾. По этому указу были изъяты отъ экзаменовъ: академики, профессора, адъюнкты, доктора, магистры, лекторы, кандидаты и студенты въ продолженіе ихъ службы по учебной части. Старшіе учителя гимназій причислялись къ этому же разряду. «Но когда оставляютъ они учебное заведеніе,—сказано въ указѣ,—и вступаютъ въ общую гражданскую службу, тогда сохраняютъ въ ней настоящіе только ихъ чины; въ послѣдующіе же производятся не иначе, какъ на основаніи общихъ правилъ, въ указѣ 6-го августа 1809 г. постановленныхъ». Эта оговорка породила еще большее число недовольныхъ, и многіе видѣли въ этомъ не дѣйствительную оцѣнку знаній, а льготы учебному вѣдомству. Далѣе въ указѣ говорилось, что аттестаты иностранныхъ академій и университетовъ не принимаются во вниманіе и не замѣняютъ аттестатовъ, выдаваемыхъ изъ русскихъ университетовъ; свидѣтельства же о посѣщеніи только публичныхъ курсовъ въ университетахъ не имѣютъ никакого значенія. Директоры и смотрители училищъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ не состояли въ званіяхъ профессоровъ и докторовъ, подчинялись указу 6-го августа, точно такъ же, какъ и всѣ чиновники, оставившіе учебную службу.

«Исключеніемъ изъ сихъ общихъ правилъ,—добавлялось въ указѣ,—могутъ быть устанавливаемы личныя изъятія, не иначе какъ по особымъ уваженіямъ къ людямъ, снискавшимъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями ихъ и трудами отличную славу».

Несмотря на всѣ протесты и оспариванія пользы отъ предпринятой мѣры, указъ 6-го августа произвелъ несомнѣнно полезное дѣйствіе: старинныя подъячіе стали постепенно отодвигаться въ ряды низшей адми-

¹⁾ Дружескія письма графа М. Сперанскаго П. Г. Масальскому, изд. 1862 г., стр. 8 и 9.

²⁾ Отъ 14 ноября 1811 г. Арх. Сената, копія съ высочайшихъ повелѣній, кн. 308, листъ 65.

нистраціи, а молодые люди подумывать о будущемъ и готовиться къ экзамену, стараясь, впрочемъ, всѣми средствами отдѣлаться отъ него»

Гораздо позже, и именно въ 1816 году, князь П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу ⁴⁾: «Нельзя ли какъ-нибудь поступить простѣе и вѣхъ мнѣ въ чинъ ассесорскій верхомъ на стихахъ моихъ, а въ рукахъ съ свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ профессоровъ, что я учился у нихъ? Право, мнѣ что-то больно вытягиваться передъ черною доскою и мѣломъ чертить по ней $a+b$, или отвѣчать наобумъ на безумные вопросы. Поговори объ этомъ съ кѣмъ слѣдуетъ, а я здѣсь (въ Москвѣ), между тѣмъ не прочь сдѣлать, что потребно будетъ, если здѣшніе парики подадутся не много».

Такимъ образомъ указъ 6-го августа безспорно заставилъ всѣхъ учиться, но современники, переносившіе на себѣ всю тягость его, видѣли въ немъ униженіе дворянства и чиновничества, обвиняли во всемъ Сперанскаго, бранили его и приписывали ему, какъ бы стороннику Наполеона, прямое участіе во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ невзгодахъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Отъ 27-го сентября 1816 г. „Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“. Изд. графа С. Д. Шереметева, 1899 г., стр. 52.

Въ пребываніи императрицы Екатерины II въ м. Пропойскѣ.

Какъ извѣстно, въ 1787 году императрица Екатерина II предприняла путешествіе въ Тавриду и въ нынѣшней Могилевской губерніи держала путь на Мстиславль, Кричевъ, Пропойскъ, Чечерскъ, Гомель. Подробности пребыванія императрицы въ Мстиславлѣ, гдѣ произнесъ свою знаменитую рѣчь незабвенный Георгій Конисскій, достаточно извѣстны. Теперь мнѣ доставлена копія записи о пребываніи императрицы въ Пропойскѣ, пожалованномъ, по присоединеніи края къ Россіи, кн. Голицыну.

Запись эта сдѣлана на мѣдной доскѣ, которая раньше была прикрѣплена къ дереву, гдѣ императрицей были вырѣзаны цифра 20 и инициалы мѣсяца, но затѣмъ снята и теперь хранится въ домѣ владѣльца мѣстечка г. Муромцева.

Дерево это уцѣлѣло и до настоящаго времени, но инициалы съ теченіемъ времени изгладились, хотя слѣды ихъ замѣтны и теперь.

Память о пребываніи императрицы въ Пропойскѣ сохраняется населеніемъ и доселѣ.

Привожу текстъ записи:

«Императрица Екатерина II, во время достопамятнаго путешествія въ Тавриду, изволила посѣтить оберъ-камергера князя Голицына въ м. Пропойскѣ. Кн. Голицынъ, въ ожиданіи высокой путешественницы, выстроилъ (на самомъ берегу Сожа, противъ устья Прони) замокъ, обнесенный палисадомъ, гдѣ 20-го января 1787 года угощалъ государню обѣдненнымъ столомъ. При этомъ случаѣ находились штатсъ-дама гр. Скавронская, кам.-фрейлины: Протасова и гр. Чернышева; графъ Ангальтъ, И. Г. Чернышевъ, оберъ-штаб. Нарышкинъ; оберъ-кам. Шуваловъ; гофмей. Безбородко; гофмар. кн. Барятинскій; тайн.-совѣтники: Стрѣкаловъ, гр. Скавронскій, гр. Штакельбергъ, Чертковъ, Нелединскій-Мелецкій, Валуевъ, Салтыковъ и Ребиндеръ; флигель-адъютанты: Мамоновъ, Левашовъ и Львовъ; камеръ-юнк.: графъ Головкинъ, Бибиковъ и Кочубей; лейбъ-медики Рожерсонъ; иностранные министры: гр. Сегюръ, Фицгербертъ, Кобенцель и принцъ де-Линь.

«Весь поѣздъ состоялъ изъ 14 большихъ каретъ и 126 крытыхъ саней. При отъѣздѣ императрица изволила сказать: «Еслибъ теперь была весна, я посадила бы здѣсь молодое дерево на память хозяину, но при 8-ми градусахъ мороза я вырѣжу на этой липѣ только дѣвѣ моего пребыванія».

Сообщилъ Е. Романовъ.

Екатерина II и Василий Васильевичъ Каховскій.

1791—1793.

Въ нашемъ собраніи бумагъ екатерининскаго времени находится связка указовъ императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому, младшему брату генераль-аншефа М. В. Каховскаго.

Кто не знаетъ екатерининскихъ дѣятелей братьевъ Каховскихъ? Они потрудились, какъ въ заселеніи Новороссійскаго края и устройствѣ Могилевской губерніи, такъ въ приобрѣтеніи Крыма, порабоженіи Польши, и въ цѣломъ рядѣ войнъ, отъ семилѣтней до второй турецкой. Екатерина II знала и цѣнила труды ихъ; современники признавали ихъ Сципіонами ¹⁾. Но ни военныя заслуги, ни гражданскія доблести братьевъ Каховскихъ не пробудили до настоящаго времени должнаго къ нимъ вниманія: не только біографія, даже родословная Каховскихъ еще не разработана. Вотъ почему не многимъ, вѣроятно, извѣстно, что жена Михаила Каховскаго была матерью знаменитаго Ермолова ²⁾ и что декабристъ Каховскій, Петръ Андреевичъ, одинъ изъ пяти, казненныхъ чрезъ повѣшеніе, вовсе не былъ въ родствѣ съ ними. Братья Каховскіе, бывшіе въ чести при Екатеринѣ II, подверглись опалѣ при Павлѣ I, и вполнѣ невинная переписка молодого А. П. Ермолова съ своимъ братомъ Александромъ Михайловичемъ Каховскимъ была причиною ссылки обоихъ.

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XII, 79.

²⁾ Марья Денисовна Давыдова была въ первомъ бракѣ за М. В. Каховскимъ, а во второмъ за П. А. Ермоловымъ.

Сыновья порѣчскаго воеводы, Смоленской губерніи, Василя Осиповича, Каховскіе воспитывались въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Старшій, Михаилъ Васильевичъ ¹⁾, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ не безъ отличія: полѣвка спустя, въ 1800 г., гр. А. Г. Орловъ писалъ гр. С. Р. Воронцову, что «знакомъ съ нимъ съ Прусской войны—въ одномъ корпусѣ служили» ²⁾. Онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, когда началась первая турецкая война. Вѣроятно, во время этой войны узнала его Екатерина; по крайней мѣрѣ, война еще не окончилась, когда императрица обратилась къ нему съ секретнымъ указомъ, въ которомъ, 28-го мая 1772 г., объявляла уже, «что рѣшили мы нынѣ на присоединеніе къ имперіи нашей нѣкоторыхъ польскихъ земель и что мы поручаемъ вамъ одну изъ новоучрежденныхъ губерній». Каховскому поручалось отправиться въ несуществующую еще, лишь намѣченную въ проектѣ Могилевскую губернію, задолго до раздѣла Польши, когда «дѣло не доведено до совершеннаго окончанія», и потому Екатерина предписываетъ ему ѣхать въ польскія еще земли «подъ предлогомъ распоряженія справедливой и соразмѣрной репортиціи въ поставкѣ провіанта и фуража, будто бы для отвращенія чрезъ то, какъ всякихъ отъ небольшихъ detachmentовъ случающихся иногда продерзностей и наглостей, такъ и неравныхъ отъ земскихъ комиссаровъ сборовъ, отягощающихъ и оскорбляющихъ мелкое дворянство, и чтобы тѣмъ самымъ доставлять по обывательскимъ жалобамъ справедливое правосудіе» ³⁾. Каховскій долженъ былъ все это «содержать въ секретѣ» и секретно же собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія для устройства Могилевской губерніи, которой онъ назначался губернаторомъ, когда самой губерніи еще и не существовало. Для выполненія этого деликатнаго дѣла Каховскому данъ былъ особый наказъ, довольно подробный, состоящій изъ 33 статей, но составленный по широкимъ взглядамъ и общимъ тенденціямъ, обличающимъ близкое участіе Екатерины въ написаніи наказа. Приводимъ изъ него нѣсколько статей:

«Вы всячески стараться будете, чтобы съ вступленіемъ новыхъ провинцій подъ скипетръ нашъ, въ оныхъ пресѣклись всякія угнетенія, притѣсненія, несправедливости, разбои, смертоубійства, а въ изслѣдованіи дѣлъ мерзкаго пытки, обвиняющія виноватаго, какъ невиннаго, и всякія суровыя казни и наказанія, однимъ словомъ: мы желаемъ, чтобы не токмо сіи провинціи силою оружія были намъ покорены, но чтобы всѣ сердца людей въ оныхъ живущихъ добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и челоуѣколюбивымъ управленіемъ Россійской имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли

¹⁾ Род. 1734, ум. 1800.

²⁾ Арх. кн. Воронцова, XXVII, 25.

³⁾ П. З. С., № 13308.

почитать отторженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію» (ст. 9).

«Мы уже единожды на всегда во всей Россійской имперіи за правило постановили, что въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ, запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣрѣ (см. 494, 495 и 496 статьи Наказа комиссіи уложенія 1767 года). Вы во всей точности имѣете во вѣренной вамъ нынѣ губерніи сохранить сіи статьи, какъ коренныя, основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго смысла» (ст. 10).

«Дѣла вы имѣете производить на Россійскомъ языкѣ, то-есть всѣ издаваемые отъ васъ, какого бы званія ни были, приговоры, рѣшенія или повелѣнія, присовокупляя къ тому переводы, гдѣ оны нужны будутъ и припечатывая ихъ губернской печатью» (ст. 31).

Каховскій оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи, какъ спокойный администраторъ, какъ устроитель новаго порядка вещей въ странѣ, взволнованной долгою борьбою, окончившеюся пораженіемъ. Онъ умѣлъ успокоить, если не примирить боровшіеся элементы, утишить, если не прекратить политическія страсти, утишить, по крайней мѣрѣ, настолько, что подчиненныя его власти староства и гмины преобразились въ одну губернію, раздѣленную на уѣзды. И не только о вѣренной ему Могилевской губерніи заботился Каховскій: онъ начертилъ планъ и привелъ въ исполненіе дѣлю сѣтъ дорогъ въ Бѣлоруссіи, что обезпечило ему благодарность всего населенія—поляковъ, русскихъ, евреевъ. Екатерина цѣнила труды Каховскаго, принимая его предложенія, защищая его отъ навѣтовъ, одобряя его распоряженія. Императрица писала, между прочимъ, Панину:

«Графъ Никита Ивановичъ! Гр. Алек. Потемкинъ сказывалъ мнѣ, что вы желаете знать, цесарскій камергеръ Вальшъ по моему ли приказанію задержанъ въ Могилевѣ, или его не пропустилъ губернаторъ Каховскій? На сіе вамъ имѣю сказать, что я не токмо не приказала, но и не знала, что Вальшъ ѣдетъ съ Анжеліевымъ, а задержалъ его губернаторъ самъ собою для того, что онъ ему подозрителенъ показался. Онъ же въ самомъ дѣлѣ таковъ и есть же и не имѣя пашпорта ни откуда, а что онъ о всѣхъ поступкахъ Анжеліевыхъ извѣстенъ и о его пребываніи во Франціи, гдѣ онъ переряжался въ мѣщанскую одежду, брови вычернилъ и Георгіевской крестъ снималъ, и потихоньку видѣлся съ Дегильономъ и съ Жерардомъ, секретаремъ сего, да у бригадира Шоази жилъ, о семъ и сумнѣнія нѣтъ, и кажется, что сей камергеръ сущій авантюрьеръ. Вотъ вамъ вся сказка»¹⁾.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1873, I, 592.

Восемь лѣтъ пробылъ Каховскій въ Могилевѣ, и въ 1780 г. перенесъ свою дѣятельность на югъ, въ Крымъ, гдѣ онъ сблизился съ Потемкинымъ, который, подобно Екатеринѣ, оцѣнилъ его способности, какъ военныя, такъ и гражданскія. Покидая Могилевъ, Каховскій устроилъ въ немъ своего младшаго брата, Василя Васильевича, предсѣдателемъ губернской палаты.

Каховскій долго и много потрудился не только для приобрѣтенія Крыма, но и для устройства его, какъ части Россійской имперіи. Его «Краткое примѣчаніе о полуостровѣ Таврическомъ и островѣ Тамани» ¹⁾ до настоящаго времени не утратило своего значенія. Хотя оно и было представлено имъ, въ 1792 году, президенту военной коллегіи графу Н. И. Салтыкову, но авторъ обращаетъ преимущественно вниманіе на географическое положеніе и на экономическое значеніе Крыма. Съ военной точки зрѣнія опредѣлено только его значеніе, какъ крѣпости, ограждающей югъ Россіи: «счастливое положеніе сего полуострова натура не только всѣмъ полезнымъ одарила и украсила, но и укрѣпила такъ, что съ весьма малымъ числомъ войскъ прикрываетъ онъ не малую часть полуденныхъ границъ Россійской имперіи. Приступъ же для покушающагося завладѣть сею обширною крѣпостью, самой натурой устроенною, столько для него труденъ, сколько невозможно подобную ей руками человѣческими сдѣлать». Въ этомъ именно смыслѣ, извѣщая императора Іосифа II о приобрѣтеніи Крыма, Екатерина II называла Таврической полуостровъ «придаваемымъ», принесеннымъ ею Россіи ²⁾.

Потемкинъ много требовалъ, но и награждалъ щедро. Въслѣдъ за приобрѣтеніемъ Крыма, въ 1784 году, Каховскій былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы; въ 1785 г. получилъ звѣзду ордена св. Александра Невскаго; съ 1786 г. находился въ Екатеринославской арміи ³⁾ и, по его желанію, младшій братъ, Василій Васильевичъ, сдѣланъ правителемъ Екатеринославскаго намѣстничества; въ 1789 г. онъ назначенъ шефомъ мушкетерскаго Херсонскаго полка ⁴⁾; съ 1791 г. онъ генералъ-аншефъ Таврическаго корпуса ⁵⁾ и, въ этомъ званіи, 22-го іюня 1791 г., имъ взята штурмомъ Анапа ⁶⁾. Смерть кн. Потемкина вызвала Каховскаго въ Молдавію, такъ какъ рескриптомъ отъ 13-го октября 1791 г. онъ былъ назначенъ командующимъ надъ арміею и Черноморскимъ флотомъ ⁷⁾. Здѣсь кромѣ чисто военныхъ заботъ, какъ, напр., выводъ

¹⁾ „Чтенія“, 1863, II, 56.

²⁾ Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot. Ar n e t h, 221.

³⁾ Сборникъ, XXVII, 382.

⁴⁾ Сборникъ, XLII, 45.

⁵⁾ „Русск. Архивъ“, 1874, II, 262.

⁶⁾ „Русск. Архивъ“, 1865, 829.

⁷⁾ Архив. Гос. Сов., I, 894.

войскъ изъ Молдавіи и Тавриды ¹⁾, на него же было возложено и заселеніе земель, прибрѣтенныхъ отъ Порты ²⁾. Въ это время, вслѣдъ за подписаніемъ мира съ Турціею, Екатерина обратила все свое вниманіе на Польшу. Она сердилась, что «Каховскій о варшавскихъ обстоятельствеахъ ничего не пишетъ» изъ Яссъ, находила, что онъ поступаетъ «по-дурачки» ³⁾, и уже 1-го апрѣля 1792 г. избрала его, «яко генерала въ искусствѣ, храбрости и усердіи къ службѣ совершенно испытаннаго» ⁴⁾, начальникомъ войскъ, назначенныхъ въ Польшу для уничтоженія конституціи 3-го мая. Каховскій дѣйствовалъ настолько успѣшно, что уже 16-го іюня Екатерина писала ему: «съ Божіею помощію, устремляйтесь прямо на Варшаву» ⁵⁾. Онъ устремился такъ послѣшно, что уже отъ 11-го августа писалъ императрицѣ изъ «лагеря подъ Варшавою» ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, 8-го декабря 1792 г., Каховскій былъ отозванъ изъ Польши, «ради употребленія въ другомъ мѣстѣ» ⁷⁾, и замѣненъ барономъ Игельстромомъ. Екатерина наградила Каховскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго и назначила его генералъ-губернаторомъ пензенскимъ и нижегородскимъ, чѣмъ онъ и оставался до конца ея царствованія.

Графъ А. Н. Марковъ, конечно, былъ правъ, находя, что *Kakhovsky est très loin d'être un Turenne* ⁸⁾, но и такое сравненіе ставить уже Каховскаго весьма высоко; гр. П. В. Завадовскій называетъ Каховскаго «Россійскимъ Сципіномъ» ⁹⁾. Такъ отзывались современники о М. В. Каховскомъ, какъ военачальникѣ.

Его братъ, В. В. Каховскій, стяжалъ себѣ почетную память на поприщѣ гражданскомъ.

Вслѣдъ за прибрѣтеніемъ Крыма, онъ былъ назначенъ, въ 1786 г., вѣроятно, по указанію брата, губернаторомъ Таврической области, откуда, въ 1788 г., былъ переведенъ въ Екатеринославъ ¹⁰⁾. Собственно города Екатеринослава тогда еще не существовало—онъ былъ едва лишь намѣченъ на планѣ. Лѣтъ полтора ста предъ тѣмъ, по заказу польскаго правительства, французскій инженеръ Бопланъ выстроилъ, въ 1635 г., на правомъ берегу Днѣпра крѣпость Кайдакъ; казаки вскорѣ разрушили ее и образовали два селенія—Старые и Новые Кайдаки. Въ 1786 г..

¹⁾ Сборникъ, XLII, 241.

²⁾ П. С. З., № 17018.

³⁾ Сборникъ, XLII, 213.

⁴⁾ Сборникъ, XLVII, 247.

⁵⁾ Сборникъ, XLVII, 399.

⁶⁾ Сборникъ, XLVII, 450.

⁷⁾ Сборникъ, XLII, 473.

⁸⁾ Арх. кн. Воронцова, XX, 30.

⁹⁾ Арх. кн. Воронцова, XII, 79

¹⁰⁾ Храповицкій, 159.

кн. Потемкинъ, готовясь къ встрѣчѣ императрицы Екатерины II и желая ознаменовать таврическое путешествіе устройствомъ новыхъ городовъ, проектировалъ построить на мѣстѣ Кайдаковъ городъ, назвавъ его, въ честь императрицы, Екатеринославомъ. Въ 1787 г. Екатерина лично заложила здѣсь Преображенскій соборъ, а въ 1788 г., когда Каховскій былъ назначенъ екатеринославскимъ губернаторомъ, императрица высказывала лишь увѣренность, что «хорошъ будетъ по мѣстоположенію Екатеринославъ»¹⁾).

Екатеринославская губернія занимала въ то время обширную степную площадь. Она граничила съ Польшею, Очаковскою степью по Бугу, съ Лиманомъ, Азовскимъ моремъ, съ Кіевскимъ, Черниговскимъ, Харьковскимъ, Воронежскимъ и Кавказскимъ намѣстничествами и съ поселеніями Донскихъ казаковъ. На эту обширную территорію издавна призывались правительствомъ инородческіе поселенцы и, кромѣ собственно русскихъ и малороссіянъ, въ губерніи находились цѣлыя поселенія сербовъ, арнаутовъ, болгаръ, грековъ, албанцовъ, армянъ. «Знаешь ли,—спрашивала Екатерина въ 1793 г. Храповицкаго,—какими людьми тамошній край наполненъ? C'est un tas d'aventuriers. Tous les jours j'entend des nouvelles histoires»²⁾).

Вотъ въ какой мѣстности и среди какого населенія суждено было В. В. Каховскому развивать свою дѣятельность и прилагать свои административныя способности. По своему служебному положенію, онъ вѣдалъ всѣ функціи государственной, общественной и частной администраціи; не только промышленныя и торговые, даже судебныя, военныя и церковныя интересы подлежали его вѣдѣнію. Онъ заботился о заселеніи губерніи инородцами, о карантинахъ и таможнякъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ, о финансовомъ положеніи всѣхъ учрежденій въ губерніи, о фабрикахъ и заводахъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и устриваемыхъ еще, о состояніи войскъ, расквартированныхъ въ его губерніи и проходящихъ чрезъ нее, и нѣтъ такого вопроса, который императрица не поручала бы его вниманію, если этотъ вопросъ такъ или иначе касался Екатеринославской губерніи³⁾. Не только по протоколамъ Совѣта, но, еще лучше, изъ помѣщаемыхъ ниже указовъ и рескриптовъ императрицы, видна вся разносторонняя дѣятельность Каховскаго, называемаго губернаторомъ, въ отличіе отъ брата, титулуемаго всегда генераломъ. Оцѣнить эту дѣятельность можно, однако, лишь по результатамъ, къ которымъ она приводила, по взглядамъ, Каховскимъ высказываемымъ, и по мѣрамъ, имъ принимаемымъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны отношенія Каховскаго къ духоборамъ и къ тур-

¹⁾ Храповицкій, 60.

²⁾ Храповицкій, 422.

³⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. 2, стр. 52, 101, 146, 229, 308, 365, 709.

баевской катастрофѣ, о чемъ упомянуто въ прилагаемыхъ документахъ, впервые появляющихся въ печати.

Первый русскій квакеръ, отставной унтеръ-офицеръ, человекъ грамотный, проповѣдовалъ, въ 1730—1740 г., въ селѣ Охочемъ, Бѣлгородской губерніи, что «власти ненужны, всѣ люди равны, іерархія и священство суть выдумки, церковь и образа излишни, монашество есть искаженіе природы человѣческой, помѣщичья кабала есть позоръ для людей, царь и архіереи суть такіе же люди, какъ и всѣ». Онъ и его послѣдователи признавали самихъ себя храмомъ Божиимъ, находя, что въ каждомъ изъ нихъ присутствуетъ св. Троица—память (Богъ Отець), разумъ (Богъ Сынъ) и воля (Богъ Духъ Святыи). Они вели жизнь «воздержную и добропорядочную», трезвую и трудолюбивую. Народъ видѣлъ въ нихъ «людей Божіихъ», какъ они и сами себя называли; архіерей екатеринославскій Амвросій, находя, что они противятся духу истины, прозвалъ ихъ духоборцами. Одинъ изъ этихъ культурныхъ пионеровъ, Силуянъ Колесниковъ, преподавалъ духоборцамъ важную практическую истину: онъ научилъ духоборцевъ екатеринославскихъ по видимости неуклонно покоряться постановленіямъ церкви и правительства, гдѣ имъ ни привелось бы жить: въ Турціи — султану и магометанской религіи, въ Польшѣ—властямъ польскимъ и католической религіи, въ Россіи—царю и православію. Вслѣдствіе этого, духоборцы не подвергались преслѣдованію, пока одинъ изъ ихъ законоучителей, по имени Капустинъ, не воспретилъ духоборцамъ и такой наружной обрядности. Вотъ почему только въ 1791 г. екатеринославскіе духоборцы подверглись гоненію губернатора Каховскаго.

Какъ только администрація обратила вниманіе на духоборцевъ, какъ только главнѣйшіе изъ нихъ были арестованы, они изъ темницы подали губернатору Каховскому пространную записку, въ которой довольно обстоятельно, хотя и тяжелымъ языкомъ¹⁾, объясняли основы своего ученія, правила своей жизни, и которую заканчивали слѣдующею просьбою: «Припадая къ стопамъ вашего превосходительства, доложиться смѣемъ, яко истинно къ выполненіямъ всѣхъ требованій отъ начальствъ всепоспѣшнѣйши были мы одинъ другому пособствовать въ томъ за первѣйшъ долгъ и знакъ христіанства считать за слово Божіе научились. Сами, въ полкахъ бывши пикинерскихъ, служили и нынѣ нѣкнкихъ дѣти наши на службѣ ея императорскаго величества стоятъ. Въ нужномъ разѣ, хотя бы и теперь самой жизни нашей востребовалось, истинно вѣрнопокориѣйшими ея императорскому величеству бывше, до послѣднія капли крови себя не пощадили бы, творя все сіе Господа

¹⁾ „Въ языкѣ предъ всякимъ сильно мы военны, а на бумагѣ тожъ не угравившіесь; пясцы дороги, да въ темницѣ сидящимъ намъ и исвать ихъ неудобно; чего для мало стройно есть показаніе сіе наше“.

ради (Ефес., VI, 5, 6, 7). Откуда и видимъ себя предъ ея величествомъ и начальству ея в малѣйше не преступившимися. Все же дѣло наше касается о спасеніи душъ нашихъ и совершенно есть духовное; а потому всепокорнѣйше просимъ ваше превосходительство милостиво пріять показаніе и прошеніе сіе наше, взнестъ оное на разсмотрѣніе вышему начальству, и симъ явить милостивое къ намъ вашего превосходительства благоволеніе»¹⁾).

Представленіе Екатеринославской духовной консисторіи было разсмотрѣно въ нижней расправѣ Павлоградскаго уѣзда; арестованные духоборцы были допрошены, и Екатеринославская верхняя расправа приговорила: «по силѣ уложенія гл. 1-й ст. 1-й и воинскаго 3-го артикула, подсудимыхъ казнить смертію—сжечь; но до точнаго о томъ разсмотрѣнія по указу 1754 года сентября 30-го дня наказавъ ихъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя на лицахъ указанные знаки, сослать всѣхъ ихъ на каторжную работу»²⁾). Всѣ эти ужасы не были, однакъ, приведены въ исполненіе и екатеринославскимъ судьямъ не удалось опозорить царствованіе Екатерины II: изъ помѣщаемаго ниже рескрипта, отъ 27-го августа 1792 г. видно, что императрица, узнавъ о судѣ надъ духоборцами, приказала «значущіяся по дѣлу семейства въ числѣ тридцати семи душъ отправить къ намъ, препоруча сей транспортъ надежному офицеру, котораго снабдить деньгами». И лишь по смерти Екатерины II, уже при Павлѣ I, духоборцы подверглись казни: по указу отъ 28-го августа 1799 г. духоборцы были закованы въ ножныя оковы и сосланы въ Екатеринбургъ на тяжчайшія работы, «дабы сіи духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божиимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сіе какъ слѣдуетъ то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленные на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе»³⁾).

Какъ же относился Каховскій къ духоборцамъ? Это лучше всего видно изъ писемъ его къ В. С. Попову: «Ученіе духоборцевъ и изъ-являемой образъ мышленія, по сужденію моему, не должны быть терпимы не только въ здѣшней губерніи, но и во всемъ государствѣ. Я сужу, что если бы они поселены были въ Колѣ или на Новой Землѣ, то и оттуда со временемъ ядъ свой распространить могутъ». По сужденію нашему, это равносильно приговору Екатеринославокой верхней расправы—сжечь. Любопытенъ мотивъ такого сужденія Каховскаго, высказанный имъ въ другомъ письмѣ: «Не слѣпая вѣра, не безразсудная набожность и не жестокость моего сердца—непорочный образъ ихъ

¹⁾ „Чтенія“ 1871, II, 79.

²⁾ „Русск. Архивъ“, 1865, 818.

³⁾ Собраніе постановленій по части раскола, изд. мин. вн. дѣлъ, Сиб. 1858 г.

жизни и проповѣдуемое ими человѣколюбіе обязуютъ меня донести объ нихъ то, что я думаю». Непорочный образъ жизни и чesлвѣколюбіе, какъ порочныя явленія, заслуживающія истребленія, не опечатка. Въ другомъ письмѣ повторяется этотъ же мотивъ: «Образъ ихъ жизни основанъ на честиѣйшихъ правилахъ, и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а отъ благихъ дѣлъ чають они только спасенія. Похвальныя правила. Но всѣ ереси и послѣдовавшія отъ нихъ кровопролитія не возростали ли подъ видами кротости, человѣколюбія и благочестія?»¹⁾

Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляется Каховскій въ турбаевской катастрофѣ. Если въ духоборческомъ вопросѣ мы видимъ въ немъ не столько спокойнаго администратора, сколько тупаго стародумца, то въ «дѣлѣ о турбаевскихъ преступникахъ» онъ дѣйствуетъ какъ гуманный и умный губернаторъ.

Турбаевская катастрофа—одно изъ многихъ явленій насильнаго закрѣпощенія малороссійскаго посполитства казацкою старшиною, стремившеюся захватомъ земель и порабощеніемъ свободныхъ людей, посполитовъ и казаковъ, попасть въ ряды благороднаго россійскаго дворянства²⁾. Турбаи—свободное войсковое село, лежавшее на территоріи Миргородскаго полка. Во время прутскаго похода, въ 1711 г., миргородскій полковникъ Даниилъ Апостолъ, завладѣлъ Турбаями, приписавъ ихъ къ своимъ маестностямъ. Какъ ни грубо и нагло было такое насиліе, но бѣдные казаки не могли тягаться съ своимъ всесильнымъ полковникомъ. Преемникъ Апостола, его личный врагъ, полковникъ Капнистъ тою же полковничьею властью возвратилъ казакамъ ихъ турбаевское село. Началась тяжба. Право на Турбаи перешло въ концѣ XVIII ст. къ шестинедѣльной правнучкѣ Апостола, Екатеринѣ Битяговской. Достигнувъ совершеннолѣтія, Битяговская уступила, по купчей, свои права на Турбаи, двумъ братьямъ Базилевскимъ, людямъ состоятельнымъ и, потому, вліятельнымъ. Благодаря подкупамъ, всѣ судебныя инстанціи высказывались противъ турбаевцевъ, въ пользу Базилевскихъ. Сенатъ взглянулъ на дѣло иначе и въ іюнѣ 1788 г. постановилъ рѣшеніе, которымъ признавались казачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ казачьи компуты. Несомнѣнно, что Капнистъ внесъ всѣхъ, но у

¹⁾ „Русск. Архивъ“, 1865, 819, 820.

²⁾ Въ харьковскомъ историческомъ архивѣ хранится огромное дѣло „О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убійство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Павлу и сестрѣ ихъ Маріи Базилевскыямъ“. Подробное извлеченіе изъ него напечатано А. Л. Ефименко въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. т. XXXII, подъ заглавіемъ, „Турбаевская катастрофа“.

кого же теперь сохранились документы съ доказательствомъ своихъ казачьихъ правъ? Нижній голтвинскій земскій судъ явился въ Турбаи только въ июнѣ 1789 г., чтобы привести въ исполненіе рѣшеніе Сената. Судъ сопровождала воинская команда; представителемъ губернской власти явился совѣтникъ кievскаго намѣстническаго правленія. Всѣ эти «власти» расположились въ усадьбѣ Базилевскихъ, чѣмъ сразу подорвали свое значеніе въ глазахъ турбаевцевъ. Мало того: пріѣхавшія власти глумились надъ турбаевцами, говоря, что если кого и отберутъ отъ Базилевскихъ, то лишь на самое короткое время. Турбаевцы рѣшились не поддаваться. Они всѣ, въ числѣ 2.000 человекъ, объявили себя казаками и стояли твердо на своихъ правахъ. 8-го іюля, въ первый же день разбирательства, видя въ судьяхъ друзей Базилевскихъ, турбаевцы бросились въ усадьбу и убили всѣхъ «господъ»—Степана, Павла и Марію Базилевскихъ; должностныхъ же лицъ взяли подъ арестъ. На другой день, власти должны были выдать турбаевцамъ судебное постановленіе о признаніи ихъ казаками и удостовѣреніе, что это постановленіе сдѣлано и выдано добровольно. По требованію же турбаевцевъ, судъ приложилъ свои печати ко всему движимому имуществу, оставшемуся послѣ убитыхъ Базилевскихъ. Затѣмъ судъ и всѣ власти были отпущены на свободу.

Кн. Потемкинъ, какъ новороссійскій генераль-губернаторъ, считалъ необходимымъ выкупить турбаевцевъ у наслѣдниковъ убитыхъ Базилевскихъ и переселить всѣхъ, посполитовъ и казаковъ, на свои заднѣпровскія земли. Эта мѣра была одобрена императрицею, какъ видно изъ помѣщаемаго ниже указа отъ 7-го января 1792 г., и задерживалась только правосудіемъ. Это «только» стоило многихъ трудовъ Каховскому, которому было поручено это дѣло.

Каховскій лично посѣтилъ Турбаи, куда въ теченіе уже трехъ лѣтъ власти не являлись. На запросъ губернатора о зачинщикахъ и убійцахъ, турбаевцы отвѣчали, что «въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны». Уговорами, поѣздками въ Турбаи и мѣрами кротости, Каховскій достигъ, однако, цѣли: турбаевцы выслали къ нему своихъ выборныхъ, и шестнадцать подсудимыхъ турбаевцевъ сидѣли уже въ тюрьмѣ, въ Градижскѣ, когда турбаевцы дали совершенно иной ходъ дѣлу: они разбили градижскую тюрьму и освободили заключенныхъ. Тогда Каховскій прибѣгъ къ военной помощи, но такъ спокойно, безъ всякаго насилія, и такъ быстро, что описаніе этихъ его дѣйствій назидательно и для нашего времени:

«Ни Каховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ Бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ

казаковъ, совѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобы все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто-бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами «съ пристойною обывателямъ ласкою». У Каховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности, незамѣтно, вожаковъ, «огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣтамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ». Нелегко было сдѣлать все такъ, какъ хотѣлъ Каховскій, но секундъ-маіоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ «потребовалъ его съ ласковостью» въ лагерь, будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиру самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими «и разными подобными симъ предлогами», онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять чловѣкъ, на которыхъ ему было указано Каховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-маіоръ Карповъ «своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили», т. е. новый взрывъ «турбаевской отчаянности». Революціонная Турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились»¹⁾).

Въ январѣ 1794 г. судъ былъ оконченъ. Изъ 2.000 жителей преданы были суду 411 чловѣкъ, изъ нихъ 228 оправданы судомъ и 183 подверглись различнымъ наказаніямъ, при чемъ «смертныя приговоры были отмѣнены, наказанія смягчены». Въ маѣ того же 1794 г. турбаевцы были выселены: крестьяне въ Таврическую область, казаки за Бугъ, «въ приобрѣтенную отъ Порты Оттоманской область». Каховскій сознавалъ, что выселеніе было самымъ тяжкимъ наказаніемъ для турбаевцевъ. «Видя самъ село Турбаи—пишетъ Каховскій—и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжело имъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія».

Авторъ «Турбаевской катастрофы», подробно ознакомившійся съ дѣломъ, хранящимся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ, такъ

¹⁾ „Кіевская Старина“, XXXII, 394.

характеризуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ Каховскаго: «Благодаря Каховскому дѣло распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, на-ряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія «мѣсть и особь», ведшихъ турбаевское дѣло» ¹⁾).

Помѣщаемыя ниже указы императрицы Екатерины II къ екатеринославскому губернатору В. В. Каховскому обнимаютъ время двухъ лѣтъ, отъ 20-го октября 1791 по 24-е іюня 1793 гг. Едва-ли можно допустить, что Екатерина ни прежде 20-го октября 1791 г., ни позже 24-го іюня 1793 г. ничего не писала Каховскому. Она знала его меньше старшаго брата, Михаила Васильевича; но знала давно. Еще въ 1778 г., когда онъ былъ полковникомъ и занималъ ничтожный постъ совѣтника моголевскаго губернскаго правленія, Екатерина два раза писала графу Стакельбергу, посланнику въ Варшавѣ, поручая ему обратить вниманіе на дѣло Каховскаго съ графомъ М. К. Огнискимъ, великимъ гетманомъ литовскимъ, чтобы «Каховскій не остался безъ надлежащаго удовольствія въ дѣлѣ его» ²⁾. Надо полагать, что со временемъ будутъ найдены и другіе указы и рескрипты императрицы къ В. В. Каховскому.

В. Бильбасовъ.

Указы Екатерины II—В. В. Каховскому.

1 ³⁾).

Секретно.

Господинъ Генераль-Маіоръ и Екатеринославскій губернаторъ Каховскій! Вы получили отъ Генерала-Маіора Попова увѣдомленіе о вѣ-
скомъ Полякѣ Заблоцкомъ, который по зломыслию своему дѣлаетъ
вредныя разглашенія, и который бываетъ иногда въ Новомиргородѣ.
Подтверждаемъ вамъ обратить секретное вниманіе на сего вреднаго
человѣка и строгимъ окомъ надзирать за его поступками, не позволяя
ему пребыванія въ губерніи вамъ ввѣренной, и въ случаѣ появленія

¹⁾ „Кіевская Старина“, XXXII, 392.

²⁾ „Русская Старина“ III, 317, 319.

³⁾ Имянный циркулярный указъ отъ 29-го января 1791 г. относительно обращения мѣдной монеты въ губерніи и промѣна оной на бавковыл ассигнаціи напечатанъ въ П. С. З. подъ № 16940 и дважды перепечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1872, 553 и 1887, II, 146.

его въ оной выслать за границу съ прещеніемъ жесточайшаго наказанія по законамъ за ослушаніе въ томъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Октября 20-го 1791 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Полученъ 30-го октября въ Яссахъ).

2.

Получивъ увѣдомленіе, что взятыя въ Анапѣ четырьѣ сообщника извѣстнаго шиха Мансура ¹⁾ отправлены изъ Тавриды въ Кременчукъ, повелѣваемъ вамъ прислать ихъ сюда немедленно подъ надежнымъ присмотромъ, со всѣми тѣми свѣдѣніями, какіе объ нихъ тамо имѣются.

Екатерина.

Ноября 1-го 1791 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ 29-го ноября 1791 г. въ Екатеринославѣ. Отправленіе учинено и донесено декабря 1-го дня съ прапорщикомъ Югумцовымъ).

3.

Видѣвъ изъ рапорта вашего отъ 25-го минувшаго декабря, какое предположеніе здѣлано покойнымъ Генераль-Фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ вслѣдствіе указа нашего ему даннаго въ 24-й день Іюля 1789-го года относительно жителей села Турбаева учинившихъ своевольство и смертное убійство помѣщикамъ своимъ, Мы находимъ нужнымъ предписать вамъ, чтобъ означенное предполо-

¹⁾ Самъ Мансуръ давно уже былъ плѣненъ, и 6-го іюля его видѣла Екатерина II въ Царскомъ Селѣ. (Храповицкій, 366.) До настоящаго времени не опредѣлена даже личность этого авантюриста: самъ онъ подписалъ одинъ изъ своихъ манифестовъ шейхъ Оганъ-Оглы; кавказскіе сторонники называли его Мансуромъ, т. е. побѣдоносцемъ; по документамъ же туринскаго архива это былъ католическій монахъ Giovanni-Batista Voetti (Ottino, *Curiosità e Ricerche di Storia Subalpina*). Первымъ извѣстіямъ объ успѣхахъ авантюриста въ Курдистанѣ и Арменіи Екатерина не придавала никакого значенія, не довѣряла имъ и писала кн. Потемкину: „О имамѣ Мансурѣ почитаю за сказку“ (Сборникъ, XLII, 365); но уже въ указѣ посланнику Булгакову, отъ 15 ноября 1785 г., скачочный Мансуръ обратился въ „извѣстнаго бродягу“ (Ibid XLVII, 149), въ „извѣстнаго обманщика“, за поражение котораго бригадиръ Апраксинъ награжденъ орденомъ (Ibid., XXVII, 358). Въ 1786 г. Екатерина называла уже его *le premier acteur d'une farce héroïque* (Ibid, 379). Въ концѣ 1787 г. императрица писала, что собранная Мансуромъ орда *a été étrillé, chassé, dispersé, tué ou pris; imam Mansour lui-même ayant tout perdu s'est sauvé vers Soudjak* (Ibid., XXIII, 435); а между тѣмъ въ это именно время онъ утвердился въ Абхазіи, объявивъ себя властителемъ всего Кавказа, и болѣе трехъ лѣтъ тревожилъ русскія войска, пока, въ 1791 г., не былъ взятъ въ плѣвъ въ Анапѣ.

В. В.

Достоверныя свѣдѣнія о личности Мансура въ „Исторіи войны и мядчества русскихъ на Кавказѣ“ т. II.

Ред.

женіе покойнаго Генерала-Фельдмаршала выполнено было во всей его силѣ и точности. Что же касается до денегъ потребныхъ на заплату владѣльцамъ села Турбаева за покупаемыхъ у нихъ людей, тридцати одной тысячи пяти сотъ рублей, оныя повелѣваемъ взять изъ доходовъ Екатеринославскаго намѣстничества. И по исполненіи всего того не оставьте намъ донести.

Е к а т е р и н а.

Генваря 7-го 1792-го г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 года).

Князь Григорій Александровичъ! Приѣмля за благо ваши распоряженія къ пресѣченію своевольства произшедшаго отъ жителей села Турбаева, которое долженствуетъ быть причислено къ губерніи Екатеринославской, Мы совершенно удостовѣрены, что вы тутъ такимъ образомъ учредите, дабы спокойствіе и порядокъ возстановлены, каждому справедливость и ему законно принадлежащее доставлены, а виновные сему мятежу и смертоубійству при семъ случаѣ учиненному, по законамъ наказаны были. Въ слѣдствіе чего вы можете приказать объявить прибѣгающимъ съ повинною, чтобы они въ доказательство своему раскаянію выдали убійцовъ и начинщиковъ неспокойства. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Е к а т е р и н а.

24-го іюля 1789 года. Въ Царскомъ Селѣ.

4.

По случаю пребыванія нынѣ въ городѣ Екатеринославѣ, имѣете доставить къ намъ немедленно копію съ плана сего города, какимъ образомъ онъ выстроится предполагать, что по оному исполнено и что еще недостроено, присовокупя къ тому подробное описаніе окружностей и свѣдѣній о числѣ казенныхъ и партикулярныхъ домовъ, въ нихъ жителей всякаго состоянія и всего того, что до сего города касается.

Е к а т е р и н а.

7-го Генваря 1792 года. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

5.

Извѣстясь чрезъ рапортъ вашъ о пришедшихъ изъ Константинополя къ Херсонскому Порту пяти мореходныхъ купеческихъ судахъ, Мы одобряемъ ту осторожность, которую вы предписали Херсонскимъ Карантину и Таможнѣ наблюдать относительно сихъ судовъ, привезенныхъ на нихъ товаровъ, такожъ шиперовъ оныхъ и самихъ хозяевъ,

предоставляя вашему благоразумію и впредь въ подобныхъ случаяхъ равную имѣть предосторожность.

Е к а т е р и н а.

7-го Генваря 1792 года. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 года).

6.

Въ 29-й день минувшаго декабря между нашими и турецкими полномочными въ Яссахъ подписанъ на желаемыхъ нами кондиціяхъ мирный договоръ, который вскорѣ подтвержденъ будетъ и Государскими взаимными высочайшими ратификаціями. Принося за то благодареніе Наше вышнему, Мы поспѣшаемъ возвѣститъ васъ о семъ благополучномъ произшествіи, вѣдая, что оное вамъ, какъ и всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ будетъ пріятно.

Е к а т е р и н а.

8-го Генваря 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

7.

По содержанію рапорта вашего съ представленіемъ вѣдомостей о разныхъ суммахъ состоящихъ въ вѣденіи вашемъ, которые розданы въ займы, Мы иного предписать не находимъ, какъ чтобы тѣ изъ нихъ, коимъ сроки уже миновали, старались вы узаконеннымъ образомъ съ кого слѣдуетъ взыскать въ казну безъ продолженія времени; а другіе розданные по закладнымъ на условленное число лѣтъ, въ теченіи оныхъ согласно съ обязательствами займщиковъ взыскивать безъ упущенія и объ успѣхѣ въ томъ доносить намъ; равно какъ и о тѣхъ, съ коихъ взысканіе не надежно. Предоставляя впредь обо всѣхъ сихъ суммахъ здѣлать вамъ нужное и обстоятельное предписаніе, пребываемъ вамъ благосклонны.

Е к а т е р и н а.

9-го Генваря 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ Генваря 20-го дня 1792 г.).

8.

Препровождая симъ дошедшее къ Намъ прошеніе отъ секундъ-майора Ефима Веселинова объ отрицаніи свояченицы его майорши Шаховой отъ разбирательства совѣстнаго суда, о правѣ малолѣтнаго сына его Григорія къ наслѣдію въ имѣніи оставшемся послѣ деда его Григорія, полковника Рашкевича, соизволяемъ, чтобы по сему его Веселинова прошенію призвана была свояченица его майорша Шахова къ разбирательству совѣстнаго суда, которой имѣеть то между ими дѣло разсмо-

трѣтъ и рѣшить на основаніи правилъ сего суда, въ учрежденіяхъ Нашихъ о управленіи губерній изображенныхъ.

Е к а т е р и н а.

Генваря 19-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

9.

Препровождая симъ дошедшую къ Намъ жалобу отъ константиноградскаго купца Степана Пракофьева на екатеринославской совѣстной судъ о продолжающемся въ немъ болѣе трехъ лѣтъ его дѣлѣ съ купцами Скопинымъ и Остроуховымъ въ расчетахъ по общимъ ихъ торгамъ, соизволяемъ, чтобы вы побудили какъ тотъ судъ, такъ и прибѣгнувшихъ къ разбирательству оного, кончить ихъ дѣло безъ продолженія времени на основаніи правилъ сего суда въ учрежденіяхъ о управленіи губерній изображенныхъ и прочихъ нашихъ узаконеній.

Е к а т е р и н а.

Генваря 19-го 1792 г. С.-Петербургъ.

10 ¹⁾.

Давъ указъ Сенату Нашему о присоединеніи къ губерніи, вами управляемой, земель новопробрѣтенныхъ отъ Порты Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащихъ и о препорученіи вашему попеченію заселенія оныхъ приходящими изъ заграницы жителями, сообразно состоянію ихъ на основаніи плана о губерніи Екатеринославской, всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ:

1) Обозрѣть сію страну, раздѣлить оную на уѣзды, назначить города по способности, и о томъ Намъ и Сенату Нашему представить ваше мнѣніе съ планами.

2) Употребить всемѣрное стараніе о скорѣйшемъ заселеніи сей земли, отвоя оную какъ для казенныхъ слободъ, такъ и для помѣщиковъ небольшими участками, и отнюдь не свыше положеннаго по плану губерніи Екатеринославской количества, и обязывая притомъ получающихъ сіи участки населять оныя безъ потерянія времени.

3) Наблюсти, чтобъ казенныя селенія не были смѣшаны съ помѣщичьими.

4) Арнаутскія и волонтирскія команды, при арміи бывшія, покойный князь Потемкинъ-Таврическій предполагалъ поселить на сей землѣ изъ которыхъ и составилася ²⁾ бы на первый случай родъ войскъ поселенныхъ, вы немедленно, по сношенію съ командующимъ арміею генераломъ Каховскимъ имѣете принять мѣры къ произведенію сего въ

¹⁾ П. С. З., № 17018.

²⁾ „Изъ которыхъ не оставался“—очевидно, опечатка въ П. С. З., т. XXIII, стр. 302.

дѣйство, и какъ нужно прежде всего способствованіе водворенію ихъ, то по недостатку потребнаго тамъ на строеніе лѣса, постарайтесь нынѣ же заготовить имъ изъ Молдавіи. Генераль-аншефъ Каховскій и въ семь вамъ подастъ помощь, приказавъ бывшему молдавскому портарю (капитану) Гаюсу, заготовляющему лѣса для флота, доставить довольное онаго количество и для домовъ на лѣвый берегъ Днѣстра.

5) Молдавскіе бояре, въ подданство наше вступившіе, заслуживаютъ къ полученію тамо земель особенное уваженіе.

6) Предохраненіе границъ Нашихъ отъ опасной болѣзни долженствуетъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ вниманія вашего.

Увѣрены Мы, впрочемъ, что по извѣстному вашему къ службѣ Нашей усердію не упустите вы лично къ точнѣйшему исполненію воли Нашей.

Екатерина.

Генваря 26 дня 1792 г. С.-Петербургъ.

11.

Прилагая при семь копію съ даннаго отъ Насъ Сенату Нашему указа ¹⁾ о немедленномъ собраніи и препровожденіи къ вамъ всѣхъ турецкихъ военноплѣнныхъ въ разныхъ губерніяхъ находящихся, повелѣваемъ вамъ, какъ сихъ доставляемыхъ къ вамъ изъ другихъ губерній, такъ и обрѣтающихся въ вѣренной вамъ Екатеринославской, раздѣляя для удобности на партіи препровождать въ ближайшія къ границамъ мѣста, по сношенію объ оныхъ съ командующимъ арміею Нашею генераломъ Каховскимъ, или кто отъ него къ приему и раздѣннѣ взаимныхъ плѣнныхъ назначенъ будетъ, дабы оттуда могли оные во свояси отправлены быть какъ удобнѣе моремъ ли или сухимъ путемъ. О числѣ же употребленныхъ денегъ на содержаніе и отправленіе сихъ

¹⁾ Указъ сенату, отъ 12-го февраля 1792 г., объ отправленіи турецкихъ военноплѣнныхъ, воспріавшихъ Христіанскій законъ, въ ихъ отечество: „Въ заключенномъ нынѣ съ Портою Оттоманскою мирномъ договорѣ, на которой и взаимныя государскія ратификаціи уже раздѣнены, постановлена на обѣ стороны совершенная свобода съ возвращеніемъ въ отечество всѣхъ военноплѣнныхъ и невольниковъ мужскаго или женскаго рода, какого бы степени или достоинства ни нашлись въ обѣихъ имперіяхъ, исключая тѣхъ, кои изъ магометанъ въ Имперіи Россійской добровольно приняли законъ христіанскій, а христіане, кои въ Оттоманской Имперіи приняли законъ магометанской. Вслѣдствіе чего и повелѣваемъ Сенату Нашему по примѣру бывшему въ 1775 г. учинить надлежащія распоряженія, и предписать, куда слѣдуетъ, о немедленномъ собраніи всѣхъ турецкихъ военноплѣнныхъ, въ разныхъ губерніяхъ находящихся, и о препровожденіи оныхъ къ Екатеринославскому губернатору генераль-маіору Каховскому, которому о дальнѣйшемъ ихъ во свояси отправленіи дано отъ насъ особое повелѣніе“. П. С. З., № 17023.

военноплѣнныхъ донести намъ и Сенату Нашему для возвращенія ихъ въ ту сумму, изъ коей они заимствованы будутъ.

Е к а т е р и н а.

Февраля 12-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Крюковѣ февраля 25 дня 1792 г.).

12.

Опредѣленные вамъ отъ покойнаго Генерала-Фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго за труды по строенію города Екатеринослава сверхъ настоящаго вашего жалованья по три тысячи рублей на годъ, позволяемъ вамъ получать и впредь изъ суммъ на то строеніе назначенныхъ. А сверхъ того изъ особливаго благоволенія Нашего къ усерднымъ трудамъ вашимъ по бытности въ арміи при помянутомъ Генералъ-Фельдмаршалѣ понесеннымъ и въ награжденіе оныхъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ двенадцать тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ казначействъ нашихъ данъ отъ насъ указъ дѣйствительному тайному совѣтнику и Генералу-Прокурору, князю Вяземскому. Увѣрены Мы, что вы усугубите раченіе ваше на пользу службы Нашей, и пребываемъ вамъ благосклонны.

Е к а т е р и н а.

Февраля 22-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Крюковѣ февраля 25-го дня 1792 г.).

13.

Утвердя подписаніемъ нашимъ планы города Екатеринослава в разныхъ въ ономъ зданій, повелѣваемъ вамъ немедленно доставить къ Намъ свѣдѣніе обо всѣхъ денежныхъ суммахъ какъ наличныхъ, такъ и ежегодно вступающихъ въ губерніи Екатеринославской, дабы потому на производство тѣхъ строеній могли Мы назначить потребное число денегъ.

Е к а т е р и н а.

Февраля 23-го дня 1792 г. С.-Петербургѣ.

(Полученъ въ Дубоссарахъ апрѣля 1-го дня 1792 г.).

14.

Приемля за благо представленіе ваше о перенесеніи карантинна и таможня изъ Херсона въ Очаковъ, повелѣваемъ здѣлать благовременныя къ сему распоряженія и Намъ представить штаты карантинновъ, таможенъ и заставъ, которые на границахъ губерніи Екатеринославской нужными вы находите съ смѣтами суммъ на полагаемыя въ оныхъ строенія потребныхъ. По полученіи отъ васъ свѣденія и доходахъ губерніи и наличныхъ въ оной суммахъ, не оставимъ Мы удовлетворить сіи надобности, вамъ же позволяемъ обо всемъ, что до пользы и бла-

госостоянія ввѣреннаго вамъ намѣстничества касается прямо доносить Намъ.

Е к а т е р и н а.

Февраля 23-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

(Полученъ въ Дубоссарахъ апреля 1-го дня 1792 г.).

15.

Возложа на васъ населеніе и благоустройство земли новопріобретенной Нами отъ Порты Оттоманской за нужное находимъ особливому вашему поручить попеченію переведенныхъ на оную изъ-за Днестра Армянъ. Покойный князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій назначилъ бытъ городу Армянскому подъ именемъ Григоріополь у самаго Днестра между долинъ Чорной и Черницы, включая и обѣ оныя въ городской выгонъ. Мы утверждая сіе назначеніе повелѣваемъ:

Первое, отвѣсть помянутую округу, между долинъ Чорной и Черницы лежащую, со владѣніемъ обвѣихъ оныхъ, подъ городъ Армянскій, который и именовать Григоріополь.

Второе, сдѣлать планъ сему городу и расположа оный сообразно роду жизни и упражненію трудолюбиваго сего народа представить его Намъ.

Третіе, между тѣмъ преподавать армянамъ всѣ зависящія отъ васъ вспомошествованія къ водворенію ихъ тамъ, произвожденію ремеслъ и открытію фабрикъ, которыя они завѣсть намѣрены. Архіепископъ армянскій Іосифъ можетъ вамъ въ семъ способствовать, такъ какъ онъ и прежде къ тому былъ употребляемъ.

Четвертое, обо всѣхъ ихъ надобностяхъ и просьбахъ, узаконеніямъ Нашимъ непротивныхъ, имѣете Намъ представить, стараясь дабы не только всѣ перешедшіе въ предѣлы Наши сохранены были, но чтобы и находящіеся за границею ихъ единоземцы, видя ихъ благоденствующихъ, къ Намъ присоединялись.

Пятое, объ исполненіи сего и прочихъ Нашихъ препорученій ожидаемъ Мы частыхъ отъ васъ донесеній.

Е к а т е р и н а.

Февраля 23-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

(Полученъ въ Дубоссарахъ апреля 1-го дня 1792 г. Объявленъ архіепископу Іосифу 2-го, а обществу армянскому 4-го апрѣля).

16.

На послѣдней почтѣ получили Мы увѣдомленіе, что живущая давно уже въ Парижѣ княгиня Варвара Шаховская, урожденная баронесса Строганова, безъ вѣдома Нашего и несогласно съ волею Нашею выдала дочь свою замужъ за князя Аремберга, и что она съ нимъ и съ до-

черью выѣхала изъ Парижа и вѣроятно ѣдутъ они въ Россію ¹⁾. А какъ сей князь Арембергъ участвовалъ въ двухъ извѣстныхъ бунтахъ противъ законной власти воздвигнутыхъ наглостію и своевољествомъ, одномъ французскомъ, а другомъ брабантскомъ, гдѣ едва ли и нынѣ еще показаться смѣетъ, то и повелѣваемъ на границахъ Имперіи Нашей лежащихъ въ губерніи вамъ ввѣренной взять мѣры, дабы выше-реченный князь Арембергъ отнюдь въ Россію пропущенъ не былъ; обѣимъ же княгинямъ не запрещается возвратиться въ отечество; но въ случаѣ естли жена его не пожелаетъ съ нимъ растаться, оставить ей на волю воспріять съ мужемъ своимъ обратный путь. О чемъ и прочихъ пограничныхъ губерній начальникамъ даны отъ Насъ надлежащія повелѣнія.

Е к а т е р и н а.

Марта 2-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургъ.

(Полученъ 11-го апреля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

17.

Молдавскимъ Господарямъ Александру Маврокордато и Емануилу Росетти, которые во время минувшей войны Нашей съ Портою Оттоманскою, убѣгая гоненія турецкаго ²⁾, притекли подъ защиту Нашу и нынѣ по прекращенія той войны желаютъ остаться въ предѣлахъ Имперіи Нашей, Росетти по глубокой его старости въ Херсонѣ или Николаевѣ, а Маврокордато въ Москвѣ или гдѣ онъ лучше для себя избереть пребываніе, повелѣваемъ опредѣленное имъ отъ Насъ содержаніе каждому по тысячѣ рублей на мѣсяць, выдать обѣимъ съ того самаго времени, какъ сія дача имъ пресѣчена; да и впредь Росетти остающемуся на пребываніи въ губерніи вамъ ввѣренной, изъ доходовъ оной производить исправно и безъ задержанія. А что касается до Господаря Маврокордато, оному по полученіи отъ васъ увѣдомленія гдѣ онъ избереть мѣсто своего пребыванія и куда ему безпрепятственно выѣхать позволить, не оставимъ по способности избраннаго имъ жительства ассигновать таковую выдачу мѣсячнаго содержанія, въ чемъ вы его и обнадежить можете.

Е к а т е р и н а.

Марта 4-го дня 1872 года. Въ С.-Петербургъ.

(Получено 11-го апреля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

¹⁾ См. любопытное письмо императрицы московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому, помѣщенное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, 565.

²⁾ Во время второй турецкой войны только престарѣлый Росетти, въ-всегда бывший министръ Али-бей египетскаго („Арх. Гос. Совѣта“, I, 1, 378). бѣжалъ въ Россію; Маврокордато же переселился въ Россію задолго до начала войны, въ 1784 г., и вопросъ о выдачѣ его выставлялся Портою, какъ одинъ изъ поводовъ къ объявленію Турціею войны Россіи въ 1787 г. („Русскій Архивъ“, 1866, 1576).

18.

Давъ повелѣніе объ отправленіи чрезъ Константинопольскій проливъ въ Черное море судовъ, бывшихъ въ Средиземномъ морѣ флотиліи Нашей со всѣми тѣми Нашими единовѣрцами, которые въ областяхъ Нашихъ селиться желаютъ, назначаемъ Мы для обитанія ихъ Аджибей ¹⁾ съ окрестностію, а потому и считаемъ за нужное вамъ предписать, чтобы приняли вы благовременно мѣры къ ихъ тамо водворенію съ наблюденіемъ притомъ пользы и выгоды общей и ихъ собственной. Но еслии некоторые изъ нихъ восхотятъ поселиться въ Тавридѣ, для таковыхъ указали Мы отвести землю близъ Балаклавы, присоединя ихъ къ обществу грековъ, тамъ жительствующихъ. О числѣ прибывающихъ поселенцовъ и о всѣхъ распоряженіяхъ, какія вы по сему учините, будемъ Мы ожидать въ свое время подробныхъ донесеній.

Екатерина.

Марта 20-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

(Полученъ апреля 1-го дня въ Дубоссарахъ).

19.

Для обезпеченія Лимана Днѣстровскаго указали Мы генералу Каховскому отправить во оный до тридцати лодокъ изъ построенныхъ въ Фалчѣ, посадя на нихъ одинъ изъ приморскихъ гренадерскихъ полковъ и поруча сію команду бригадиру Лецпану ²⁾ съ тѣмъ, чтобы онъ по прибытіи въ Лиманъ избралъ удобное мѣсто на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Аккермана, и тамъ расположился, дондеже о построеніи въ той странѣ крѣпости дастся Наше повелѣніе. Вамъ же предписываемъ о преподаваніи сему отряду всѣхъ нужныхъ способствованій.

Екатерина.

Марта 22-го дня 1792 г. С.-Петербургъ.

20.

Секретно.

Дошло до свѣдѣнія Нашего, что нѣкто французъ по имени Бассевиль ³⁾ съ нѣкоторыми другими подобными ему предприемлютъ путь къ Россіи. Примѣтами оный Бассевиль росту средняго, нмѣющій лице смуглое и рябоватое, глаза большіе, волоса курчавые, въ бѣлой шинели и круглой шляпѣ. Какъ пребываніе сего челоуѣка и сотоварищей его въ Имперіи Нашей почитается вреднымъ и не долженствуетъ быть тер-

¹⁾ Хаджибей, основанный татарскимъ бекомъ Хаджи, переименованъ въ 1795 г. въ Одессу.

²⁾ Бернардо, въ Россіи Борясь Борисовичъ, 1760—1827, дослужившійся до высокаго военнаго чина—генерала-отъ-инфантеріи. Въ „Энциклопедіи военныхъ и морскихъ наукъ“ онъ не упоминаетъ.

³⁾ Подъ 13-мъ апрѣля 1792 г. у Храповицкаго записано: „Ищутъ француза Бассевиль; объ немъ писано изъ Берлина“ (395).

пимо, то и повелѣваемъ вамъ, въ случаѣ прибытія сихъ людей на границу Нашу, входъ имъ въ предѣлы Имперіи Нашей воспретить съ объявленіемъ, дабы они немедленно отъ оныхъ удалились.

Е к а т е р и н а.

Марта 26-го дня 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.
(Получень 2-го маія 1792 г. въ Дубоссарахъ).

21.

Польскіе вельможи графъ Потоцкій ¹⁾, графъ Ржевускій ²⁾ и многіе другіе, прибѣгшіе къ Намъ съ испрашиваніемъ покровительства противу новой введенной въ Польшѣ конституціи, отправляются нынѣ въ Елисаветградъ для пребыванія тамо нѣкотораго времени. Прикажите отвезти для нихъ лучшія квартиры и оказывая имъ всякое уваженіе, пецись объ ихъ выгодахъ и безопасности доколѣ они тамо останутся.

Е к а т е р и н а.

Апрѣля 20-го дня 1792 г. С.-Петербургѣ.
(Получень въ Дубоссарахъ маія 2-го дня 1792 г.)

22.

Препровождая при семь пункты просительные турковъ, въ Николаевѣ поселиться желающихъ ³⁾, съ Нашимъ рѣшеніемъ, повелѣваемъ вамъ объявить имъ оное, и обще съ оберстеркригсъ-комисаромъ Фалѣвымъ и бригадиромъ Селихъ-Агою ⁴⁾, въ Николаевѣ пребывающими, соотвѣтственное сему учинить распоряженіе; нужную въ построеніи домовъ помощь преподать имъ чрезъ снабженіе матерьялами и мастеровыми людьми; деньги 20.000 на ссуду опредѣленные истребовать изъ Екатеринославской казенной палаты; льготы имъ полагается десять лѣтъ, по прошествіи коихъ подвергаются они одинакому отправленію всѣхъ обязанностей гражданъ равнаго съ ними состоянія; объ исполненіи сего и о числѣ оставшихся въ Николаевѣ турковъ имѣете вы Намъ въ свое время увѣдомить.

Е к а т е р и н а.

Апрѣля 27-го дня 1792 г. С.-Петербургѣ.

¹⁾ Феликсъ, 1750—1805 г., маршалъ тарговицкой конфедераціи; сторонникъ Россіи. Въ 1792 г. Екатерина II говорила, что „онъ 30 лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ“ (Храповицкій, 392).

²⁾ Северинъ, коронный гетманъ, краковскій воевода (Сборникъ, XLII, 233, 239, XLVII, 256, 429; Храповицкій, 422).

³⁾ П. С. З., № 17039.

⁴⁾ Возведя его въ бригадиры въ 1790 г., Екатерина II приказывала „за нимъ и его корреспонденцію чрезъ жидовъ съ пруссаками и поляками прилежное око имѣть“ (Сборникъ, XLII, 66).

Пункты просительные турокъ въ Николаевѣ поселиться желающихъ:

1.

Каждому хозяину, вступившему въ подданство Ея Императорскаго Величества, дать домъ съ лавкою, землю для хутора или саду, на торговлю сто левовъ.

Изъ Турціи же переселиться желающихіе требуютъ, чтобъ на заведеніе и торговлю опредѣлить сумму и давать смотря по состоянію человѣка съ возвратомъ чрезъ десять лѣтъ.

2.

Свободно отправлять богослуженіе и построить для онаго мечеть.

3.

Судиться законами російскими, но судьи чтобъ изъ самихъ турковъ выбирались.

4.

Рекрутъ съ нихъ не брать.

5.

Постоевъ въ домахъ ихъ не ставить.

6.

Пользоваться всѣми выгодами наравнѣ съ природными Россіянами.

7.

Имаму Мустафѣ Ефендію опредѣлить жалованье по шести сотъ рублей въ годъ, да помощнику его триста.

Высочайшее на оныя рѣшеніе:

1.

Для поселенія ихъ особою слободою отвести землю въ предмѣстїи Николаева.

Для садовъ дать также приличное количество земли, и доколѣ она съ помощію казенною успѣютъ построить себѣ дома и лавки отвести имъ на пребываніе изъ казенныхъ домовъ.

На ссуду ихъ для торговли опредѣляется на первый случай двадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ снабжать ихъ чрезъ десять лѣтъ безъ процентовъ, смотря по состоянію человѣка.

2.

Богослуженіе отправлять свободное, мечети же представить планъ и смѣту.

3.

Удовлетворить ихъ въ семъ сообразно съ высочайшими о управленіи губерній учрежденіями.

4.

Отъ поставки рекрутъ увольняются.

5.

Для постоевъ построить казармы.

6.

Сіе право имъ жалуются какъ скоро на вѣрность подданства учинять присягу.

7.

Жалованье сіе имъ опредѣляется, зависѣтъ же имъ отъ муфтія таврическаго.

Екатерина.

Апрѣля 27-го 1792 г. Въ С.-Петербургѣ.

О вывозѣ изъ Петербурга архива и вещей Академіи наукъ 1812 г.

Секретное предложеніе министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго—Комитету правленія Императорской Академіи наукъ.

7-го сентября 1812 года.

По случаю предосторожности, принимаемой правительствомъ для удаленія изъ столицы нужнѣйшихъ бумагъ и драгоценныхъ вещей, я препоручалъ члену Комитета академику Фуссу предварительно сообразить средства къ исполненію сего по Академіи. Нынѣ назначено, дабы не упустить времени удобнаго къ отправленію вещей водою, отправить оныя безъ замедленій, почему предлагаю Комитету сдѣлать распоряженіе о немедленной укладкѣ нужнѣйшихъ бумагъ изъ Академическаго Архива, самыхъ драгоценныхъ вещей, въ Кабинетахъ Академіи находящихся и восковаго изображенія Петра I со всѣми вещами къ Кабинету онаго принадлежащими, и увѣдомить меня сколько ящиковъ займутъ сіи вещи и сколько въ оныхъ примѣрно полагать можно вѣсу.

Графъ Алексѣй Разумовскій.

Сообщилъ Н. С. Веселовскій.

Изъ записокъ стараго преображенца.

1850 годъ ¹).

IX.

Царскія милости полку.—Увеличеніе мясной порціи нижнимъ чинамъ.—Генералъ Катенинъ.—Назначеніе командиромъ гвардейской пѣхоты генералъ-адъютанта Сумарокова.—Его попеченіе о солдатѣхъ.—Городскіе караулы.—Генералъ Набоковъ и его отношенія къ подчиненнымъ. — Репетиція разводовъ. — Посадка деревьевъ въ Красносельскомъ лагерѣ. — Происшествіе на маневрахъ. — Празднованіе 150-ти лѣтія Преображенскаго полка и 25-ти лѣтія со дня зачисленія въ полкъ императора Николая I.

Въ исторической жизни Преображенскаго полка 1850 годъ отличался тѣмъ, что въ этомъ году полкъ былъ какъ-то особенно щедро взысканъ расположеніемъ и вниманіемъ лицъ царской фамиліи, чрезвычайною заботливостью государя и наконецъ тѣмъ, что въ этомъ же году праздновался юбилей пятидесятилѣтія и другой юбилей двадцатипятилѣтія со времени зачисленія императора Николая I шефомъ полка.

Уже 3-го января, объявлено было намъ, что наслѣдникъ цесаревичъ прислалъ командиру полка своего адъютанта, тотчасъ по разрѣшеніи супруги своей, повелѣвъ объявить полку, что Богъ далъ ему сына, нареченнаго Алексѣемъ, который и зачисленъ въ Преображенскій полкъ. «Въ минуту торжественную для отца и супруга, его императорское высочество удостоилъ вспомнить полкъ и подѣлиться съ нимъ своею радостью» ²).

¹) См. „Русскую Старину“ 1893 г., т. LXXX, № 11.

²) Приказъ Преображенскому полку 3-го января 1850 г.

24-го января, государыня императрица Александра Θεодоровна вручила полковому командиру статуетку императора Николая, пожалованную ею Преображенскому полку съ тѣмъ, чтобы она хранилась въ ротѣ его величества ¹⁾).

Въ томъ же приказѣ 24-го января объявлена и другая царская милость не только къ Преображенскому полку, но и всей гвардіи. По личному почину государя, улучшено полковое хозяйство, въ его существеннѣйшей отрасли, — въ продовольствіи солдатъ. Всемиловитѣйшимъ манифестомъ определено: «съ 1-го января 1850 года производить нижнимъ чинамъ мясныя порціи, вмѣсто прежняго фунта, — строевымъ, въ недѣлю, — по два съ половиною, и нестроевымъ, — по фунту съ четвертью».

Въ запискахъ о 1848 годѣ я имѣлъ случай говорить, что, при прежней мясной порціи, солдатъ просто голодалъ, такъ какъ говядину клали въ котель рубленною и солдаты уже за обѣдомъ выѣдали все мясо такъ, что къ ужину оставалась одна жижа. Вообще, цѣль прежняго хозяйства можно было выразить короче извѣстною поговоркою: «Снаружи шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ». Финансовыя основанія были повидимому очень несложны: 1) въ каждой ротѣ была основная сумма. Эта сумма служила обезпеченіемъ отъ денежной несостоятельности, была резервнымъ капиталомъ, на случай дороговизны и другихъ кризисовъ. Нормальная цифра основной суммы въ каждой ротѣ была 400 рублей, но ихъ постоянно затрогивали. 2) Съѣстная сумма расходовалась на ежедневное продовольствіе, наконецъ, была еще 3) образная сумма, очень скудная; она складывалась изъ пожертвованій на масло для лампадъ ротнаго иконостаса и 4) экономическая сумма, составлявшаяся изъ разныхъ остатковъ и расходовавшаяся безотчетно ротнымъ командиромъ.

Вотъ и всѣ ротныя финансы; полковые были сложнѣе, суммы разнообразнѣе, но такъ какъ благосостояніе солдатъ непосредственно зависѣло отъ ротнаго хозяйства, то я на немъ только и остановлюсь. Начиная отъ высшаго начальства до ротнаго, всѣ стремились къ экономіи. Даже фельдфебели, когда «они собирались вкулъ и, совѣтъ сотворша между собою», судили о сребренникахъ, то солдатскому желудку приходилось плохо. Финансовыя комбинаціи, экономія, урѣзываніе, выгадываніе были развиты до геніальнаго совершенства. Мѣра 1850 года придавала этимъ комбинаціямъ необыкновенное вдохновеніе и онѣ воспарили высоко. Если я не выпиываю цѣликомъ длинный приказъ 24-го января, то это только потому, что слышалъ отъ компетентныхъ людей, будто бы полковые приказы, изданные 40 лѣтъ тому назадъ, не такая

¹⁾ То же 24-го января 1850 г.

рѣдкость, чтобы могли заинтересовать публику. Слѣдовательно, хотя въ данномъ приказѣ проглядываетъ, и очень типично, хозяйственная система прежнихъ лѣтъ, я ограничусь его сущностью. Восхваляя въ восторженныхъ выраженіяхъ безпредѣльную милость государя, командиръ полка обращалъ вниманіе ротъ на то, что, не говоря уже о значительномъ улучшеніи пищи, въ будущности предвидится еще и значительная экономія. Прилагался приблизительный расчетъ и вотъ что онъ вычислилъ:

По прежнему положенію, полагая по одному фунту въ недѣлю на строевого солдата за исключеніемъ трехъ постовъ, на 180 человекъ за 37 недѣль причитается мяса 166 пудовъ 20 фунтовъ, что, по тогдашней цѣнѣ, по 2 руб. 56 коп. за пудъ, составляетъ 426 руб. 24 коп. Между тѣмъ употреблено было каждою ротою въ теченіе 37 недѣль мяса по 1 пуду 10 фунтовъ въ сутки=231 пудъ 10 фунтовъ,=592 рублямъ. Стало быть, передерживали (то-есть, тратилось изъ основной суммы) 165 руб. 76 коп.

По новому положенію: строевымъ по 2 $\frac{1}{2}$ фунта въ недѣлю на человека за исключеніемъ четырехъ постовъ (?) за 35 $\frac{1}{2}$ недѣль причитается мяса 399 пудовъ 15 фунтовъ = 1.022 руб. 34 к. Предполагается употребить въ тѣ же 35 $\frac{1}{2}$ недѣль, полагая въ сутки по 1 пуду 30 фунтовъ на роту,—311 пуд. 20 фун. = 797 руб. 44 коп. Останется въ экономіи 224 руб. 90 коп.

Если же предположить для суточной варки по 1 пуду 20 фунтовъ, то составитъ годовой расходъ мяса 267 пудовъ=683 руб. 52 к., тогда будетъ въ экономіи 338 р. 82 к.

Совершенно тѣмъ же путемъ расчетъ доказываетъ, что довольствіе нестроевыхъ доставить 55 р. 68 к. экономіи ¹⁾.

Вслѣдствіе этихъ 'исчисленій предписывалось: «заботиться какъ улучшеніемъ сѣстныхъ солдатскихъ артелей, такъ и тѣмъ, чтобы основныя суммы по возможности и не упустительно привести въ опредѣленный для нихъ размѣръ, а потомъ уже стараться, чтобы нижніе чины могли бы въ послѣдствіи пользоваться полученіемъ на руки части денегъ, какія будутъ имъ для того предоставляться, не причисляя оныхъ по-прежнему къ сѣстнымъ суммамъ».

Далѣе, послѣ строгаго предписанія, чтобы мясо покупалось всегда самое лучшее, командиръ полка говорить: «Во время бывшаго похода, бралось въ роту по два пуда говядины на двѣ варки, утреннюю и вечернюю, пища была всегда хороша. Слѣдовательно, теперь, при мень-

¹⁾ При этомъ расчетѣ цѣна мяса полагалась вездѣ 2 руб. 56 к. за пудъ.

шемъ количествѣ людей и когда пища варится на обѣдъ и ужинъ вмѣстѣ, будетъ достаточно пуда двадцати фунтовъ. На этомъ основаніи, въ видѣ опыта, предписываю, въ продолженіе двухъ недѣль въ ротахъ 1-го баталіона варить полтора пуда, а во второмъ баталіонѣ, гдѣ прикомандированные портные ¹⁾, — пудъ тридцать фунтовъ и по прошествіи срока мнѣ доложить, начиная съ 26-го числа».

«Въ заключеніе я долгомъ считаю объявить ротнымъ командирамъ, что только строгимъ и близкимъ наблюденіемъ за хозяйствомъ можно достигнуть исполнѣнія цѣли и намѣренія высшаго начальства, отечески пекущагося о благосостояніи всѣхъ вообще нижнихъ чиновъ».

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». И въ самомъ дѣлѣ, фактъ изумительный!

Государь, всемилостивѣйшимъ манифестомъ, повелѣваетъ улучшить пищу солдатъ, что, при тогдашней тяжелой службѣ и безотрадной, 25-ти лѣтней военной кабалѣ, было истиннымъ благодѣяніемъ. Вдругъ полковая политическая экономія прибираетъ дѣло въ свои руки и стремится «урѣзать и выгадать», да еще и какимъ способомъ? Полковое начальство выступаетъ блюстителемъ церковныхъ обрядовъ и налагаетъ на солдатъ лишній постъ въ году! Да, дѣло ясное. Самъ расчетъ заявляетъ, что, до 1850 года, солдаты соблюдали только три поста: рождественскій, великій и петровскій. Теперь прибавляется и успенскій; онъ и даетъ полторы недѣли, нужныя, чтобы загнать экономію! Какъ не назвать эти соображенія гениальными. Вѣдь и бѣсы изгоняются только молитвою и постомъ, да кромѣ того и гигиена говоритъ, что переѣзна пища полезна для организма. А впереди пополненіе основныхъ суммъ и далѣе выдача экономіи на руки!

Между тѣмъ, правительство и высшее начальство, какъ справедливо говорилъ приказъ 24-го января, въ самомъ дѣлѣ—отечески пеклись о нижнихъ чинахъ.

Послѣ кончины великаго князя Михаила Павловича, командованіе гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами принялъ наслѣдникъ цесаревичъ, а на его мѣсто, командаромъ гвардейской пѣхоты, назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Сергій Павловичъ Сумароковъ. Въ іюнѣ 1850 года, наслѣдникъ, усматривая изъ донесеній, что въ нѣкоторыхъ полкахъ солдаты продовольствуются солониною и свищиною, замѣтилъ, что «при нынѣшнихъ средствахъ такіе продукты могли бы и не употребляться». Съ своей стороны, генераль Сумароковъ, кажется, плохо вѣрилъ въ практическую мудрость полковыхъ распоряженій и въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ командировалъ отъ себя адъютантовъ и медиковъ для

¹⁾ На каждаго прикомандированнаго отпускалось по 3 коп. въ день, ста-
ло быть, рота, въ которой они временно состояли, ничего не теряла.

повѣрки пищи. Вотъ что, между прочимъ, оказалось въ Преображенскомъ полку:

«Въ ротѣ его величества гречневая каша не хороша и масло немного горькое. Въ ротахъ 1-ой, 2-ой и 3-ей щи не имѣли достаточнаго навару: масло вообще найдено горькое, застарѣлое. Въ ротѣ его свѣтлости (2-ой гренадерской) щи вкуснѣе, но масло застарѣлое. Въ 4-ой фузилерной ротѣ щи не имѣли навару; каша была ячная, чрезвычайно затхлая и масло къ ней очень горькое и застарѣлое. Въ 5-ой ротѣ щи не имѣли навару, а вмѣсто каши была лапша съ довольно горькимъ масломъ. Въ 6-ой ротѣ щи были довольно наварны и масло въ кашѣ горькое». Хлѣбъ же, вообще, былъ свѣжій, довольно хорошо выпеченный, но съ пескомъ. Все это поставлялось навидѣ командиру л.-г. Преображенскаго полка.

Повѣрка Сумарокова произошла въ июнѣ, слѣдовательно черезъ полгода послѣ обнародованія благодѣтельнаго манифеста государя. Въ приказѣ командира пѣхоты упомянуты всѣ роты полка, въ городѣ расположенныя, такъ что это полный и вѣрный снимокъ съ продовольствія солдатъ въ данную минуту, и читающіе вѣроятно вспомнятъ записанное мною подъ рубрикою 1848 года о сравнительномъ участіи въ хозяйствѣ ротныхъ командировъ и фельдфебелей. Приходъ Сумарокова былъ громовымъ ударомъ. Гласность по всему корпусу крайне неприятна. Въ ротахъ поднялась суета, ротные командиры, возмущенные такою неожиданностью, напустились на фельдфебелей. Горькое масло, затхлая каша и тому подобныя неудобоваримости живо исчезли съ ротныхъ кухонь, но плохой наваръ, то-есть недостаточное количество мяса,—это уже затрогивало самого Катенина. Онъ успѣшилъ поскорѣе отказать отъ экспериментовъ съ «приблизительнымъ расчетомъ». Объявляя по полку о приказѣ Сумарокова, онъ заканчивалъ словами: «строжайше подтверждаю г. г. ротнымъ командирамъ обратить вниманіе на сію важную часть (т. е. на продовольствіе); причемъ предписываю въ 1-омъ баталіонѣ варить не менѣе одного пуда тридцати фунтовъ, а во второмъ,—не менѣе двухъ пудовъ. Баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ, лично удостовѣряться въ доброкачественности пищи; мною же лично будутъ посылаемы медики и офицеры для освидѣтельствованія».

Это значило, что опытъ съ «приблизительнымъ расчетомъ» не удался и что солдаты все-таки будутъ сытнѣе кушать, хотя лишній постъ, повидимому все-таки остался неприкосновеннымъ, но и за то спасибо Сумарокову; онъ выказался тутъ лучшимъ другомъ солдата и особенно преображенскаго.

Угроза Катенина, лично посылать офицеровъ и медиковъ для освидѣтель-

ствованія, является уже какъ-то черезчуръ важною. Очень понятно, что Сумароковъ не имѣлъ физической возможности лично перепробовать пищу въ 12-ти полкахъ гвардейскаго корпуса, но полковому командиру, имѣвшему подъ своимъ начальствомъ 12-ть ротъ, а въ то время даже всего шесть, было бы и проще и легче лично самому пробовать пищу, да еще—какъ можно чаще, такъ какъ расположеніе ротъ было у него подъ рукою. Генераль Сумароковъ могъ бы по справедливости замѣтить это преобразженскому командиру, но Катенинъ подобнаго замѣчанія нисколько не боялся. Онъ искалъ довѣрія и расположенія однихъ высочайшихъ начальниковъ и однихъ ихъ только и боялся; со всѣми же другими онъ держалъ себя довольно гордо и независимо.

Впрочемъ, въ 1850 г. мысли генерала не могли сосредоточиваться на контролѣ ротной пищи и вообще на полковыхъ дѣлахъ. Въ полку начинали поговаривать о томъ, что назначеніе Катенина дежурнымъ генераломъ главнаго штаба есть только вопросъ времени, да и самъ онъ едва скрывалъ, что хлопоты командованія полкомъ ему тягостны. Здоровье все плохо служило. При выступленіи полка изъ Вильно генераль уѣхалъ въ отпускъ на три недѣли, а въ маѣ мѣсяцѣ удалился въ Царское Село, тоже по болѣзни, и возвратился къ полку въ лагерь, 28-го іюня.

Теперь посмотримъ на службу нашу въ Петербургѣ,—на «службу въ гарнизонѣ», такъ какъ про нее я еще не говорилъ. Въ ней самое видное мѣсто занимали караулы. Полкъ, наряженный въ караулъ, дѣлился на двѣ части: караулы 1-го отдѣленія,—самые многочисленные и преимущественно въ центрѣ города. Второе отдѣленіе включало караулы на окраинахъ Петербурга. Обязанности караульнаго начальника, какъ ихъ теперь понимаютъ, заключаются: 1) въ храненіи денежныхъ ящиковъ, 2) въ соблюденіи арестантовъ и 3) въ занятіи постовъ. Стало быть, надзоръ долженъ главнымъ образомъ сосредоточиваться внутри караульнаго дома, но въ прежнее время было совершенно противное, то-есть караульный начальникъ и весь караулъ не сходили съ платформы. Тогдашній уставъ требовалъ, чтобы, при появленіи каждаго генерала, караулъ, по звонку часоваго, выскакивалъ къ ружьямъ, строился и отдавалъ честь. Кромѣ того, о проѣздѣ лицъ царской фамиліи и высшихъ начальниковъ надобно было доносить по командѣ.

Господа офицеры раздѣляли по-своему всѣ караулы на «спячки и горячки»; къ первымъ причисляли всѣ караулы 2-го отдѣленія: Петропавловскую крѣпость, три заставы (Московскую, Нарвскую и Шлисельбургскую), Галерный портъ, Артиллерійскую лабораторію и 2-ой военно-сухопутный госпиталь. Къ тому же разряду «спячекъ» относили нѣкоторые караулы 1-го отдѣленія, расположенные внутри дворовъ или за рѣшетками, напримѣръ: Коммиссаріатское депо (теперь—Петербург-

ское окружное интенданство), Голландію, Новое-адмиралтейство и проч. Эта странная классификація карауловъ сейчасъ разъяснится сама собою. Возьмемъ, на примѣръ, Галерный портъ; туда отъ Таврическихъ казармъ считали болѣе 10-ти верстъ пути, такъ что преображенцы, выступивъ изъ казармъ въ часъ развода, то-есть 12-ть часовъ, смѣняли старый караулъ не ранѣе какъ въ четвертомъ часу. Понятно, что послѣ такого перехода, напоминавшаго походъ или добрую военную прогулку, весь караулъ, начиная съ офицера, тотчасъ послѣ разстановки часовыхъ, погружался въ глубокой сонъ и приходилъ въ себя только вечеромъ, а по пробитіи зори опять отходилъ ко сну. Это было тѣмъ болѣе удобно, что въ Галерномъ порту и караулить-то было нечего. Я стоялъ тамъ часто, но никогда не зналъ и не помню, что именно я тамъ охранялъ. Были, правда, какіе-то сарай и при нихъ часовые, но я не могъ никогда добиться, что заключалось внутри: кажется какой-то старый корабельный хламъ.

Помню, что былъ одинъ постъ, около лѣска, куда солдаты, особенно зимою, боялись становиться, увѣряя, что по ночамъ тамъ гнѣздилась нечистая сила. По этому можно судить о характерѣ захолустья. Насчетъ выбѣганья въ ружье, въ Галерномъ порту офицеръ могъ также быть совершенно спокойнымъ, такъ какъ въ этой труппѣ появленіе не только генерала, но и вообще прохожаго, было событіемъ необычнымъ. Караулъ Галернаго порта заслуживалъ, по преимуществу, названіе «спячки».

До каждой изъ трехъ заставъ разстояніе отъ нашихъ казармъ было развѣ не многимъ менѣе похода въ Галерный портъ. И наружныхъ постовъ тамъ было немного: у фронта, и у шлагбаума, гдѣ, кромѣ часоваго, находился еще другой солдатъ, но безъ ружья. Онъ подскакивалъ ко всякому проѣзжающему и возглашалъ: «стой! позвольте спросить: откуда и куда изволите ѣхать?» На это проѣзжіи или отдавалъ свой письменный видъ или самъ шелъ въ караульный домъ росписываться. Затѣмъ, солдатъ возвращался съ проѣзжающимъ и командовалъ часовому: «Бомъ-двысы!» и экипажъ проѣзжалъ. Если же проѣзжіи появлялся на городскомъ извозницкѣ или на вопросъ сторожеваго отвѣчалъ, что «ѣдетъ съ дачи» тотъ пропускался безпрепятственно. Списки проѣзжающихъ за подписью караульнаго офицера, по окончаніи караула, отсылались въ ордонансъ-гаузъ, при чемъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность каждому караульному офицеру, тотчасъ же послѣ смѣны, являться въ тотъ же ордонансъ-гаузъ, для повѣрки списковъ. Легко себѣ представить, что усталому офицеру, пришедшему домой въ шестомъ часу по полудни, такая обязанность была просто невыносима. Къ счастью, въ ордонансъ-гаузѣ проживалъ нашъ общій благодѣтель, писарь Лысовъ. Вмѣстѣ съ рапортами посылался Лысову, въ особомъ паке-

тикѣ, традиціональный «полтинничекъ», послѣ чего казакъ привозилъ отъ Лысова отвѣтъ такого содержания:

«Имѣю счастье извѣстить дрожайшую особу вашего благородія, что рапорты получены и вы завтрашній день безпокоиться не извольте»

На подлинномъ всегда было подписано: «вашего благородія наивсепокорнѣйшій слуга писарь Лысовъ».

Кто не присылалъ «полтинничка», тотъ ѣздилъ и послѣ смѣны и на другой и на третій день, да еще наживалъ страшныхъ хлопотъ, потому что въ рапортахъ о проѣзжающихъ заключались обильнѣйшіе материалы для всякихъ придирокъ. На стѣнахъ караульнаго дома каждой заставы висѣли три или четыре табели въ рамкахъ подъ стекломъ. То были длиннѣйшіе списки опальныхъ, которымъ въ разное время былъ воспрещенъ вѣздъ въ столицу. Но вѣдъ каждому изгнаннику стоило только остановиться за версту отъ заставы, сѣсть на городского извозчика и объявить, что «онъ ѣдетъ съ дачи», и его бы пропустили безъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Поэтому не удивительно, что офицеръ, послѣ утомительной военной прогулки до заставы небрежно просматривалъ списки опальныхъ и махалъ на нихъ рукою, обезпеченный выдачей «полтинничка» и тѣмъ, что на заставахъ, особенно зимою, шляпы съ бѣлымъ или чернымъ султаномъ и съ витомъ кокардой ¹⁾, появлялись рѣдко, офицеръ, — говорю по опыту, — поддавался усыпительному вліянію мѣстной обстановки и отправлялся на покой.

Въ тѣхъ «спячкахъ», какія находились въ самомъ городѣ, сонъ могъ однако же быть нарушенъ самымъ неприятнымъ образомъ. Вотъ что, на примѣръ, случилось 19-го апрѣля 1850 года:

«Прапорщикъ князь Трубецкой 3-й, за то, что, будучи вчерашняго числа въ караулѣ, въ Новомъ-адмиралтействѣ, при проѣздѣ государя императора, сидя въ караульной комнатѣ, задремалъ, не вышелъ къ караулу и встрѣтилъ его императорское величество уже въ солдатской караульной, — арестовывается на недѣлю, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ».

Князь Трубецкой 3-й, братъ графини Морни, съ малыхъ лѣтъ вращался при дворѣ, гдѣ каждая личность его семейства была *persona gratissima*. Его «усыпленіе» породило смѣхъ и разговоры въ царской фамилии. Одна изъ высочайшихъ особъ сказала въ семейномъ кругу:

— Imaginez! l'Empereur est venu hier inspecter un corps de garde ou il a trouvé Troubetzkoy, dormant du sommeil des innocents! ²⁾.

¹⁾ Тогдашняя форма генераловъ.

²⁾ Представьте! Императоръ пришелъ вчера проинспектировать одну гауптвахту, гдѣ нашелъ Трубецкаго, спящаго крѣпкимъ сномъ.

— Il ne l'était pas pourtant! ¹⁾—замѣтилъ одинъ изъ великихъ князей.

Въ караулахъ, окрещенныхъ нами терминомъ «горячекъ», спать было некогда, но и заняться чѣмъ бы то ни было тоже некогда. Если кто бралъ въ руки, напримѣръ, книгу, то легко могло бы случиться выскакнуть на платформу столько же разъ, сколько строчекъ на читаемой страницѣ.

Вотъ форма донесенія, въ случаѣ неудачнаго пропуска начальства: «его императорскому высочеству наследнику цесаревичу командиру гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Отъ стоящаго въ караулѣ NN гауптвахты NN полка (чинъ и фамилія).

«Вашему императорскому высочеству и мѣю счастье донести, что сего числа въ такомъ-то часу, караулъ опоздалъ выдти въ ружье такому-то начальнику, или случилось то-то и т. д. Караульный офицеръ NN».

Разъ, полковая канцелярія получила, для пересылки по командѣ, подобное донесеніе отъ прапорщика Полозова, стоявшаго на Сѣвнѣй площади: «сего числа, въ такомъ-то часу, изволилъ проѣзжать мимо вѣреннаго мнѣ караула генераль-адъютантъ Н....; караулъ, хотя и вышелъ въ ружье, но честь отдать не успѣлъ. Въ то время какъ я занять былъ составленіемъ рапорта, изволилъ проѣхать начальникъ дивизіи; караулъ хотя и вышелъ, но не успѣлъ даже взять «на плечо» и проч.

Дѣло было въ томъ, что гдѣ-то въ Коломнѣ освящали общественное зданіе и всѣ власти ѣхали по Садовой такъ быстро и послѣдовательно, что на платформѣ не умолкалъ звонъ и перезвонъ и караулъ въ переполохѣ пропустилъ безъ подобающей чести множество важныхъ особъ.

Ну какъ же не назвать такіе караулы горячками!

Опишу, насколько помню, характеры караульнаго быта. Являлись мы, обыкновенно, съ настроеніемъ, соответственнымъ значенію караула. Если то была «горячка», то выходилъ, бывало, на платформу и до сумерекъ остаешься на улицѣ. Во все это время, при появленіи каждой шляпы и каски, внушительнаго вида, офицеръ и старшій унтеръ-офицеръ подбѣгали къ угламъ платформы и склонялись вилообразно, засматривая съ разныхъ сторонъ въ экипажъ или въ фізіономію проѣзжающаго. Къ несчастію и офицеры гвардейской кавалеріи тоже имѣли шляпы съ бѣлыми султанами, и при щегольской сбруѣ рысаковъ и блестящемъ экипажѣ часто случалось, по словамъ Хлестакова, принять и прапорщика за турецкаго посланника. Отдохнуть или согрѣться можно было однимъ только способомъ: барабанъ съ платформы вносили въ

¹⁾ Онъ не ожидалъ его однако же!

караульную, и это официально значило, что офицеръ отлучился по законной причинѣ, а этихъ причинъ было всего одна извѣстная во всѣхъ канцонахъ и училищахъ. Къ этому средству прибѣгнулъ и Трубецкой, чтобы вздремнуть въ Новомъ-адмиралтействѣ, когда онъ не успѣлъ выскочить благовременно на платформу.

Да и выскакивать-то нужно еще было такъ, чтобы каждый солдатъ былъ въ наличности и попалъ бы на свое ружье, иначе нельзя было и выстроиться. А тутъ отлучится солдатъ, и не скажется, или старшій унтеръ-офицеръ не успѣлъ сдѣлать расчетъ: вотъ и беспорядокъ и арестъ! Только сильный морозъ (болѣе 10°) освобождалъ отъ выскакиванья въ ружье; при дождѣ же было хуже, чѣмъ когда-либо, потому что въ такомъ случаѣ ружья вносились въ караульную и по звонку надобно было выходить рядами, брать на походъ «на плечо!» и выстраиваться. Если случилось бы вывести не тѣмъ флангомъ, то могъ произойти скандалъ и по командѣ «стой! во фронтъ!» — караулъ повертывался къ начальнику спиною. Такъ и было разъ при Жерковѣ. Караульный начальникъ А. А. Назимовъ, прикомандированный въ полкъ изъ моряковъ и ходившій, пока, во флотскомъ мундирѣ, не зналъ еще тонкостей караульной службы. Жерковъ подѣхалъ, часовой зазвонилъ, и Назимовъ вывелъ караулъ, но не тѣмъ флангомъ, такъ что онъ повернулся тыломъ къ командиру полка и только самъ начальникъ караула въ флотскомъ мундирѣ и въ треугольной шляпѣ, надѣтой по фронту, обратился лицомъ къ генералу. Жерковъ такъ расхохотался, что не могъ и распечь порядочно, только проговорилъ: «Назимовъ, морякъ!... помиуйте, что вы дѣлаете! Зачѣмъ же вы ихъ ко мнѣ спиною оборотили!»

Когда наступали благодѣтельные сумерки, отправившись, бывало, въ свою комнату. Въ болѣе части карауловъ офицеръ имѣлъ одну комнату и рѣдко гдѣ бывало ихъ двѣ. На Сѣнной площади, въ обоихъ адмиралтействахъ, въ арсеналѣ, словомъ, при очень многихъ караулахъ, содержались арестованные и чаще всего въ одной комнатѣ съ караульнымъ офицеромъ. И такъ, войдешь въ свой уголъ, потрешь окоченѣвшія руки, съ обычнымъ шипѣниемъ и поскакиваньемъ изыбшаго человѣка, сядешь за трактирный обѣдъ и это первый благодѣтельный моментъ караульнаго быта. Счастьемъ можно было назвать, если удавалось заснуть часокъ послѣ обѣда, потому что арестованные пользуются случаемъ и пристають съ разными просьбами или же старшій унтеръ-офицеръ является съ вопросами и съ докладами. Съ горя возьмешь какой-нибудь романъ (о серьезномъ чтеніи не могло быть и рѣчи), но и легкое чтеніе имѣло результатомъ частое клеванье носомъ въ книгу. Въ 9-ть часовъ вечера—зоря,—опять надобно на улицу и ждать, пока барабарщикъ, обязанный почему-то ходить кругомъ караула съ зоревою музыкою, не кончитъ своей прогулки. Тогда вызывали караулъ, читали молитву, и послѣ новаго

расчета караула наступалъ второй благодѣтельный моментъ. Послѣ зори, по уставу, люди надѣвали шинели, а офицеры—сюртуки, что, при тогдашнихъ узкихъ мундирахъ, было сущимъ наслажденіемъ. Тутъ распивался чай, и наступало сравнительно спокойное время ночи, хотя и оно не проходило безъ визитовъ плацъ-адъютанта, плацъ-майора, втораго коменданта и проч. На другой день, послѣ утренней зори, то-есть чуть свѣтъ приходилось опять одѣваться въ мундиръ и выходить на улицу, жадно ожидая смѣны, при чемъ каждая минута казалась часомъ. Въ бойкихъ караулахъ, то-есть въ «горячкахъ», ночью никто не раздѣвался,—это было бы слишкомъ рискованнымъ дѣломъ,—а только ослабляли шарфъ, надѣвали мягкіе сапоги и приносили съ собою подушку, такъ какъ безъ нея, на черствомъ караульномъ креслѣ можно было повредить себѣ фізіономію, и это я говорю не для краснаго словца, а потому, что я самъ не разъ наживалъ себѣ такимъ образомъ волдыри. Впрочемъ, о подушкахъ придется поговорить подробнѣе. Любимѣйшими офицерскими караулами были дворцы: Зимній, Константиновскій (Мраморный дворецъ) и Михайловскій (вел. кн. Елены Павловны). Въ Зимнемъ дворцѣ, на старшемъ караулѣ находились три офицера, а въ теченіе дня набиралась цѣлая компанія. Кромѣ того, во всѣхъ дворцахъ офицерамъ подавался придворный обѣдъ, ужинъ, чай и кофе; солдаты тоже продовольствовались роскошнымъ образомъ на счетъ двора. Въ караульной комнатѣ Зимняго дворца меня съ перваго же разу поразили великолѣпные англійскіе часы, очень старинные, въ простомъ деревянномъ гнѣздѣ съ подставкой. Часы эти шли какъ хронометръ и отличались звонкимъ отчетливымъ боемъ. Они стояли на консолѣ, привѣшанномъ къ стѣнѣ, около окна, въ офицерской караульнѣ. По преданію, часы эти были собственностью императора Павла I-го и стояли въ его кабинетѣ, но государь одинъ разъ опоздалъ на вахтъ-парадъ, разгнѣвался на часы и велѣлъ отправить ихъ на гауптвахту, гдѣ они и остались подъ вѣчнымъ арестомъ.

Дворцовые караулы мы любили еще и потому, что всѣ они помѣщались во дворахъ, за рѣшетками, и выбѣгать приходилось рѣдко, а въ главныхъ караулахъ Зимняго дворца—почти никогда. Но именно эта безопасность убавкивала, и прорывались случаи совершенно необычайные. Случилось, наприимѣръ, что временно командовавшій корпусами, генералъ Набоковъ игралъ въ карты у Ланскаго (командира Конногвардейскаго полка) и, кончивъ партію, поздно ночью, шель гнѣшкомъ изъ Конногвардейскихъ казармъ по Морской и потомъ мимо дворца на набережную. Набоковъ ходилъ всегда въ армейскомъ мундирѣ, при каскѣ своего гренадерскаго полка и въ шинели, такъ что часовые, у дома генералъ-губернатора и на углу дворца, не обратили на генерала вниманія,—«не свой-де-офицеръ, такъ сойдетъ съ рукъ!» и даже полѣни-

лись окликнуть: «кто идетъ!» Корпусному командиру это, разумѣется, не понравилось; онъ вошелъ въ большой дворъ дворца и направился къ платформѣ главнаго караула. Тамъ—та же исторія,—ни оклика,—ни чести. Генераль разсердился еще хуже и пошелъ прямо въ офицерскую караульню. Надобно замѣтить, что Набоковъ терпѣть не могъ младшихъ офицеровъ. Онъ не кланялся имъ на улицѣ, когда они отдавали честь, называлъ ихъ не иначе, какъ «господианъ кавалеръ!» и, если прапорщикъ или поручикъ являлся къ нему по службѣ, Набоковъ живо отгонялъ и отсылалъ къ ближайшему начальству. «Помилюйте, батюшка»,—говорилъ генераль,—«старшій офицеръ посовѣстится, побойтся, а прапорщику... да что ему терять? Пожалуй и въ лицо ударить!» И вотъ этотъ самый Набоковъ вошелъ въ офицерскую комнату и видитъ, что двое изъ караульныхъ офицеровъ спятъ на диванахъ крѣпкимъ сномъ, да еще на собственныхъ подушкахъ, которыхъ генераль не любилъ такъ же, какъ и прапорщиковъ.

Въ караулѣ стоялъ Прусскій полкъ, и начальникомъ караула былъ капитанъ Винклеръ I-й, почему-то прозванный товарищами «папашею». При появленіи Набокова, капитанъ растерялся и забылъ о спящихъ офицерахъ, такъ что корпусный командиръ самъ началъ ихъ будить, но каково было изумленіе и негодованіе Набокова, когда, обезпокоенный имъ, спящій офицеръ дернулъ ногою и закричалъ соннымъ, сердитымъ голосомъ: «Пошелъ къ чорту, папаша!»

Набоковъ отшатнулся и грозно спросилъ Винклера: «Кто этотъ офицеръ?»

— Поручикъ фонъ-дерь-Бриггенъ!—отвѣчалъ несчастный «папаша».

При словѣ «поручикъ» генераль отскочилъ къ двери, какъ будто его ужалила змѣя и крикнулъ во всю силу голоса:

— Такъ что же вы стоите, извольте разбудить ихъ!

Но офицеры и безъ того проснулись отъ страшнаго возгласа главнаго командира и получили такую головомойку, какая не снилась имъ пять минутъ тому назадъ. Вотъ официальный рассказъ объ этомъ происшествіи.

«24-го сентября (1850 года) г. командующій корпусами, осматривая въ ночи съ 11 на 12 число сего сентября караулы, изволилъ замѣтить, что часовые, стоявшіе у дома генераль-губернатора и у Зимняго дворца, не окликнули его высокопревосходительство. На главной гауптвахтѣ, когда г. генераль-адъютантъ Набоковъ изволилъ придти въ офицерскую комнату, то нашелъ двухъ младшихъ караульныхъ офицеровъ гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III-го полка поручика фонъ-дерь-Бриггена и подпоручика Диммерта, лежащими на диванахъ и спящими такъ крѣпко, что ихъ едва можно было разбудить и даже одинъ изъ нихъ имѣлъ свою кожаную, съ бѣлою наволочкою подушку,

хотя, впрочемъ, оба они были одѣты по формѣ. Старшій же караульный офицеръ, капитанъ того же полка Винклеръ I-й, хотя также былъ одѣтъ по формѣ и вообще въ исправности, но, на одѣланный его высокопревосходительствомъ вопросъ: «какой пароль?»—не зналъ его. По вызовѣ караула, онъ не былъ расчитанъ, и одинъ рядовой, будучи уволенъ старшимъ унтеръ-офицеромъ, не замѣненъ другимъ, почему при выходѣ караула одно ружье осталось въ сошкѣ».

Послѣ трехъ дворцовыхъ карауловъ самые сносные были все-таки такъ называемыя «спячки», потому что, хотя до нихъ и было четыре часа ходьбы, но зато такой караулъ можно назвать блаженствомъ въ сравненіи съ «горячками». Арестованные были тамъ неслышанною рѣдкостью, также какъ и вызовъ подъ ружье. Пообѣдать и заснуть до зари можно было безпрепятственно. На зѣрю,—хочешь выходи, хочешь вѣтъ, никто не увидитъ. Ночью можно было смѣло разстегнуть и даже снять сюртукъ, а въ такомъ благодатномъ караулѣ, какъ, напримѣръ, комиссаріатское депо, гдѣ ворота на ночь запирались, офицеръ располагался просто какъ дома. Утромъ можно было не вставать до свѣта, одѣться и выпить чаю неторопясь. Даже можно было заняться графическимъ искусствомъ и увѣковѣчить свою стоянку прочнымъ памятникомъ. Такихъ памятниковъ было множество: на окнахъ, на столахъ, на стѣнахъ, даже на часовыхъ футлярахъ—вездѣ пестрѣли рисунки и надписи. Большинство состояло изъ не разгаданныхъ вѣжныхъ именъ: «Annetta», «Marie» и проч. Но были начертанія гораздо опредѣлительнѣе и осмысленнѣе. Одна надпись свидѣтельствовала о суровости нрава и даже мстительности автора:

«Ко—въ ужасная свинья; если гдѣ встрѣтите, совѣтую побить!»

Другая надпись прекрасно выражала горькую скуку заключенія:

Я здѣсь бывалъ,
И такъ зѣвалъ,
Что просто прелесть:
Чуть не сломалъ челюсть!»

На стеклахъ караульной Нарвской заставы видно было вырѣзанное лаконическое изліяніе пылаго темперамента:

— Варинька, душка!.. Ухъ, какъ я тебя расцѣлю!

Всѣ эти памятники мечтаній и ощущеній молодости, повидимому, свидѣтельствуютъ, что даже и въ спячкахъ все-таки можно было бодрствовать. Но я стою на своемъ и утверждаю, что авторы надписей вѣроятно выходили изъ ближайшихъ казармъ. Иначе офицеръ долженъ былъ благодарить судьбу, если ему удавалось выспаться. Я всегда очень любилъ серьезное чтеніе, особенно историческія книги, но никогда не могъ заняться ими въ караулѣ. Даже написать письмо, сколько-нибудь требующее обдуманности, я считалъ дѣломъ невозможнымъ. Одинъ изъ

преображенскихъ товарищей моихъ, покойный Константинъ Михайловичъ Ушаковъ, рассказывалъ, что, смѣняя, разъ, на заставѣ караульнаго офицера, онъ засталъ его за письмомъ:

— Какъ это у васъ достаетъ терпѣнія заниматься здѣсь корреспонденціею?—спросилъ Ушаковъ.

— Да я, вѣдь, рѣдко когда за нее принимаюсь... отвѣчалъ весело офицеръ, а вотъ деньги понадобились, такъ я только по этому случаю пишу къ родителямъ...

— Тѣмъ хуже, стало быть, письмо длинное?—перебилъ Ушаковъ.

— Ну, нѣтъ-съ,—поправилъ офицеръ,—я этакъ не очень распространяюсь... у меня все къ одному выходитъ: «Любезные родители, денегъ не дадите ли, а не то—чорта не хотите ли!»

Въ заключеніе очерка караульной службы, остается описать репетицію развода ¹⁾. Разумѣется, опущу пункты и §§ тогдашняго устава, то-есть шаблоны, по которымъ репетиція производилась, а отмѣчу только самыя характерныя черты учебной практики. Вся репетиція, вообще, была истязаніемъ для офицеровъ и солдатъ. Особенно несносно было выравниваніе. Несмотря на одиночныя и всякія ученія, рѣдкій солдатъ умѣлъ ровняться самъ по себѣ, и надобно было выкрикивать почти каждого по фамиліи. Начальникъ, прильнувъ головою къ фланговому человѣку, голосилъ: «такой-то впередъ!.. Не отваливайся!.. такой-то еще на волосъ впередъ!.. такіе-то чуть-чуть назадъ... самую малость!» и проч

Баталіонъ приходилъ въ манежъ за часъ до прибытія старшаго начальника, и во все это время ровняли. Приѣзжалъ начальникъ и почти всегда замѣчалъ, что плохо выровнены. Тогда опять всѣ набрасывались и отъ множества нянекъ дитя-солдатъ и въ самомъ дѣлѣ былъ безъ глазу, потому что терпѣливо ждалъ, чтобы его выдвинули или осадилъ, и сонно исполнялъ, что велятъ. Начинались, наконецъ, ружейныя приемы. Тутъ все должно было замереть и никто вигугу. Чуть гдѣ-либо раздавался глухой кашель, невольно вырываясь изъ простуженной груди, начальникъ энергически кричалъ: «Не кашлять!» а въ случаѣ повторенія страшно набрасывался на всѣхъ изъ-за одного: «Смирно, не кашлять! Что это за гадость такая завелась!» Далѣе, по командѣ: «господа оберъ- и унтеръ-офицеры, на середину марш!»—начиналось выравниваніе шага этихъ господъ, шествующихъ со всѣхъ пунктовъ на середину. Не обходилось безъ того, чтобы ихъ не повернули разъ десять взадъ и впередъ. Уровнять шагъ унтеръ-офицерскихъ ногъ съ офицерскими то же,

¹⁾ Предполагаю общезвѣстнымъ различіе между разводомъ съ церемоніею и разводомъ безъ церемоніи, такъ какъ все это существуетъ и въ настоящее время.

что согласить тактъ слоновой походки съ конскою, однако, добивались и этого. Потомъ офицеровъ учили являться поодиначкѣ, салютовать и рапортовать государю. Суетливость, неловкость и неизбѣжные, часто смѣшныя промахи выставляли напоказъ офицеровъ самымъ неприятнымъ для нихъ образомъ. Чтобы не подвергать себя глумленію, мы часто практиковались сами по себѣ, рапортуя одинъ другому. Это было и веселѣе да чуть-ли не полезнѣе, чѣмъ на репетиціи. Шутникъ-товарищъ кричалъ даже строже начальства: «отставъ, скверно, вѣдь ты себя же по носу задѣлъ!» Приемъ повторялся, но опять неудачно: «Отставъ опять... Чортъ тебя знаетъ, какъ ты ухитришься... теперь меня чуть не огрѣлъ... Стой, подожди... Ты сначала скажи: влюбленъ ты въ кого или нѣтъ».

Салютующій обижался:

— Что ты мнѣ чепуху городишь, когда дѣло надобно дѣлать. Стану я тебѣ рассказывать, въ кого я влюбленъ.

— Да, нѣтъ же... ты пойми, что начихать я хочу на твою Дульцинею, а только когда ты салютуешь, ты вообрази, что это ты передъ «ней».

Что же вы думаете, а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ иногда выходило такъ хорошо, что самъ учитель радовался и говорилъ:

— Ну, вотъ это такъ... иди-ка ты да опять подходи, только смотри не забудь... опять вообрази!..

Послѣ сбора на середину, адъютантъ командовалъ: «первый взводъ!» и тогда баталіонъ двигался въ сторону и разставлялся по карауламъ, при чемъ всѣ ворочались направо, и каждый караулъ отходилъ настолько, чтобы оставить мѣсто своему караульному офицеру и унтеръ-офицеру. Это построение доставалось съ $\frac{1}{2}$ великимъ трудомъ добивались, чтобы каждый караульный, каждый человекъ въ караулѣ двигался съ такимъ расчетомъ, чтобы вернуться во фронтъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Размѣръ шага и поворотовъ во фронтъ долженъ былъ быть совершенно одинаковъ; повороты же во фронтъ производились быстро, съ болѣе громкимъ, отрывистымъ счетомъ. На зрителя все это производило престранное впечатлѣніе. На репетиціяхъ солдаты считали громко, и этотъ счетъ постепенно порывался рѣзкимъ, періодическимъ вскрикиваніемъ, и глазу казалось, будто множество клапановъ быстро и послѣдовательно запирались по всей линіи фронта. Эта часть продѣлывалась, пока не выходило «чисто». Потомъ, командовали: «Господа оберъ-и унтеръ-офицеры на свои мѣста марш!» и опять начиналось топотанье, уравниваніе такта съ безпрестаннымъ остановленіемъ, пока наконецъ не раздавалось: «повзводно на право-ди!» Взводы зѣхали, при чемъ ихъ разъ пятнадцать ворочали на прежнее мѣсто и повторяли то же самое. Главный тренчикъ состоялъ въ томъ, чтобы караулы, приходившіеся противъ середины, гдѣ стоялъ государь, были

бы подобраны на славу. Когда всё были измучены и запарены до крайности,—тутъ-то и начинался церемоніальный маршъ: тихимъ, скорымъ, вольнымъ и даже бѣглымъ шагомъ,—сначала шли фронтомъ, а подъ конецъ рядами. Последнее прохожденіе было совершенною каторгой. Длинную линію, вытянутую рядами, водили безъ конца вокругъ громаднаго прямоугольника манежа. Но объ этомъ довольно и такъ какъ караульная служба и разводы составляли значительную часть дѣятельности полка въ зимнее время, то могу смѣло закончить годичный кругъ практическаго обученія.

Въ 1850 году все шло своимъ порядкомъ, и служебныя занятія какъ зимнія, такъ и лагерныя не представляютъ ничего новаго и, по-прежнему,—малополезны.

Но въ лагерной жизни, въ этомъ году, выдается одинъ фактъ изъ ряду вонъ. Государь велѣлъ во всемъ лагерѣ гвардіи развести сады. Мысль прекрасная и въ санитарномъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Преображенскомъ полку это дѣло возложено было на Веймарна 1-го, и онъ успѣшно выполнилъ порученіе. Все пространство между расположеніями баталіоновъ и часть лагеря между солдатскими палатками и заднею линіею были засажены деревьями. Деревья по обѣ стороны этой линіейки или дороги превратили ее въ аллею; офицерскія палатки очутились въ рощицѣ, а бараки вышли какъ разъ на заднюю аллею. Особенно хорошо былъ обсаженъ оврагъ, отдѣляющій 2-й баталіонъ отъ 3-го; тамъ, между деревьями рассажены были клумбы съ цвѣтами. Тутъ же Веймарнъ распорядился поставить гранитный камень съ мраморною на немъ доскою, и на ней было написано золотыми буквами: «Садъ разведенъ въ командованіе полкомъ генераль-адъютанта Катенина» (годъ и число). Доска эта поразила всѣхъ своимъ сходствомъ съ надгробнымъ камнемъ, и потому ее, впоследствии, убрали и забросили въ хламъ. Катенинъ отдалъ Веймарну благодарность по полку за устройство лагернаго сада: «трудъ истинно добросовѣстный и прекрасный»—какъ справедливо говорилъ приказъ. Я оставался въ полку до начала 1865 года и уже могъ пользоваться выгодами этой благодѣтельной мѣры. Тѣнь, чистота воздуха, загородный и деревенской характеръ, приданный всей мѣстности разросшимися садами, сдѣлали изъ унылаго, сожженнаго солнцемъ лагеря — красивый, прохладный и даже роскошный паркъ.

На маневрахъ 1850 года тоже случилось происшествіе изъ ряду выходящее; оно стѣдитъ подробнаго писанія, потому что тутъ характерно выступаетъ личность императора Николая 1-го. Необходимо замѣтить, что на двухстороннихъ маневрахъ строго наблюдалось, чтобы части, идущія въ атаку, отнюдь не сходились грудь съ грудью, а останавливались бы на пятьдесятъ шаговъ одна отъ другой и брали къ ногѣ.

Происшествіе 5-го августа 1850 года произошло именно отъ несоблюденія правила своевременной остановки. Это былъ послѣдній день маневровъ, когда, по обыкновенію, маневрирующія стороны сосредоточивались, и, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря происходило генеральное сраженіе, то-есть подобіе его, и тѣмъ все и кончилось. 5-го августа наша сторона, бывшая въ отступленіи, послѣ полудня вдругъ дала отпоръ противнику, и вся линія перешла въ наступленіе. Преображенскій полкъ, на всѣхъ маневрахъ, всегда почти, ходилъ въ глубокомъ резервѣ. Зато, въ послѣдній день онъ выступалъ въ роли священной фаланги, рѣшающей участь войны, и производилъ эффектную, сомкнутую атаку. Такъ было и на этотъ разъ. Не знаю, по какому случаю, Катенинъ исправлялъ должность бригаднаго командира, а на его мѣстѣ передъ полкомъ явился старый полковникъ Мусинъ-Пушкинъ. Когда колонны пошли въ атаку, онъ ѣхалъ при второмъ баталіонѣ, шедшемъ тоже въ колоннѣ къ атакѣ, съ цѣпью застрѣльчиковъ впереди. Изъ офицеровъ въ цѣпи находились покойный Раѣевъ и я. Пушкинъ командовалъ: «четвертый и пятый взводы на-руку!» (начало штурма), при чемъ застрѣльчики, по уставу, очистили мѣсто передъ фронтомъ колонны и пошли по флангамъ. Мы всѣ слышали, какъ послѣ команды «на-руку!» Пушкинъ первый крикнулъ «ура!», но по этому сигналу, колонна обыкновенно пускалась бѣгомъ на противника, при чемъ строй терялся и все смѣшивалось въ толпѣ, бѣжавшей и кричавшей до тѣхъ поръ, пока барабаны не ударяли отбой. Все это было прекрасно и безопасно на одностороннихъ маневрахъ противъ мнимаго непріятеля, гдѣ весь этотъ сумбуръ терялся въ пространствѣ, но, если уже противникъ изображался живыми людьми, слѣдовало разсчитать, когда начать атаку и когда остановить ее. Пушкинъ этого не разсчиталъ, и слѣдовательно онъ одинъ, а никакъ не баталіонный командиръ Шульгинъ, былъ причиною того, что мы сошлись буквально лицомъ къ лицу съ баталіономъ Финляндскаго полка, стоявшимъ неподвижно на мѣстѣ. Солдаты, разгоряченные наступленіемъ, не на шутку сѣпились съ противникомъ; слышались зловѣщій визгливый стукъ штыковыхъ клинковъ и крики офицеровъ, черезъ силу унимавшихъ расходившихся солдатъ. Среди этой суматохи, вдругъ раздался вблизи конскій топотъ и всѣмъ знакомый, звонкій, все заглушающій голосъ Царя. Онъ поспѣшно скакалъ къ намъ съ своею огромною свитою, гдѣ находилось множество иностранцевъ. Лошадь государя отшатнулась-было отъ шумящей толпы, но онъ далъ ей шпоры и самъ первый втиснулся въ самую середину схватки. Никогда не забуду лица государя въ эту минуту. Оно такъ исказилось гнѣвомъ, что стало просто неузнаваемымъ. Онъ пожелтѣлъ, глаза налились кровью и сверкали, нижняя губа и подбородокъ выдвинулись впередъ и судорожно дрожали: «Что вы дѣлаете!»—грозно

кричалъ императоръ, съ трудомъ протискиваясь и безпрестанно вонзая шторы въ бока оторопѣлой лошади,—своихъ братьевъ рѣзать хотите что-ли!.. Назадъ, олухи, угорѣлыя кошки!..

Солдаты переднихъ взводовъ послѣшно подались назадъ, но встрѣченные напоромъ остальной, толкавшей за ними массы, опять хлынули подъ ноги царскаго коня. Государь принялъ это за колебаніе исполнять приказъ и совершенно вышелъ изъ себя:

— Назадъ!.. говорю я вамъ! крикнуть онъ измѣнившимся отъ гнѣва, но твердымъ и громкимъ голосомъ.—Первому, кто посмѣетъ выскочить впередъ,—расколю голову!..

Съ этимъ словами государь выдернулъ саблю, но на этотъ разъ толпа, пораженная ужасомъ, отхлынула назадъ всею массою, но къ несчастію одинъ ефрейторъ изъ 4-го взвода, какъ впоследствии оказалось, самый смиренный, трезвый и отличнѣйшій солдатъ, былъ въ эту минуту стиснуть смятенными товарищами и буквально выброшенъ или выдавленъ ими передъ колонну. Императоръ съ размаху рѣзнулъ его по каскѣ саблею, но въ это время офицеры уже овладѣли оцѣпенѣвшими отъ ужаса баталіонами, успѣли раздвинуть ихъ и устроить порядокъ. Пораженный государемъ солдатъ спѣшилъ спрятаться въ ряды; онъ остался невредимъ, спасенный шишакомъ каски, шишакъ этотъ оканчивался четырьмя бронзовыми лапками, лежавшими крестообразно на кожаномъ колпакѣ каски. Царская сабля ударила по передней лапкѣ, разрубила, но къ счастью, не совершенно, потому что лапка выгнулась и вдавилась въ колпакъ, такъ что ударъ, ослабленный движеніемъ во внутрь бронзы и кожи, не дошелъ до головы. Послѣ этой страшной минуты, государь, немного успокоившись, отѣхалъ на нѣсколько шаговъ, медленно вложилъ саблю въ ножны, потомъ вдругъ быстро вернулся къ баталіону и проговорилъ уже совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Кого изъ преображенцевъ я ударилъ,—выйди впередъ!..

Всѣ машинально и хоромъ зашептали: «выйди впередъ кого государь ударилъ!» Только одинъ Катенинъ, по обычаю, вытянулъ свою особую ноту. Дрожа отъ испуга и суеты, онъ усиливался казаться покойнымъ и твердилъ какимъ-то глухимъ басомъ:

— Виновный передъ государемъ, выходи впередъ!.. главное дѣло, съ покорностью, съ полною покорностью!

Но солдатъ уже давно вышелъ впередъ. Государь смотрѣлъ на него пристально.

— Хорошъ!.. Хорошъ!..—проговорилъ императоръ, возвышая голосъ съ гнѣвною ироніею.

Но, видя краткое и добродушное лицо солдата, спросилъ тихо и съ участіемъ:

— Что я тебя больно ушибъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ ободренный ефрейторъ.

Государь бросилъ недоувѣрчивый взглядъ и подъѣхалъ къ нему ближе:

— Точно ли правду говоришь?

— Точно такъ, ваше величество.

Но въ это время государь успѣлъ уже осмотрѣть каску и увѣриться, что ударъ дѣйствительно былъ безвредный. Едва успѣлъ онъ отъѣхать, какъ всѣ начальники налетѣли козыремъ на несчастный нашъ баталіонъ. Начались розыски и распеканціи. Катенинъ грозно допрашивалъ: Кто первый крикнулъ «ура!»». Всѣ единодушно отвѣчали ему, что первый крикнулъ «ура!» полковникъ Пушкинъ. Но Катенинъ слѣшилъ огрadyть своего любимца. Хотѣлъ ли онъ явно пренебречь единодушнымъ заявленіямъ всѣхъ офицеровъ или сдѣлалъ видъ, что недослышалъ, только онъ страшно напустился на Шульгина, ни въ чемъ не причастнаго, такъ какъ въ минуту происшествія, баталіономъ руководилъ самъ командующій полкомъ, старшій и по чину и по мѣсту. Однако нашелся таки благородный человекъ, рѣшившійся передъ всѣмъ фронтомъ и передъ Катенинымъ обличить и укорить настоящаго виновника. Отъ свиты отдѣлился генераль-адъютантъ Кавелинъ, извѣстный своею прямою и честностію, не боявшійся говорить правду и самому государю. Кавелинъ подъѣхалъ къ Пушкину и запальчиво сказалъ ему:

— Будь я на мѣстѣ государя, я васъ первыхъ, полковникъ, посадилъ бы на хлѣбъ и на воду, потому вы одни всему причиною!

Однако вопреки этого правдиваго приговора во всемъ обвиненъ былъ Шульгинъ и посаженъ подъ арестъ. Тотчасъ послѣ происшествія, кончились маневры. Государь, сильно разгнѣванный этимъ несчастнымъ безпорядкомъ, велѣлъ нашему 2-му баталіону отомкнуть штыки, взять ружья прикладами вверхъ и отмаршировать домой тихимъ шагомъ! Последнее повелѣніе было физически невозможно выполнить, такъ какъ мы находились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря, но ружья все время несены были прикладами вверхъ, и въ этомъ странномъ положеніи мы прошли вдоль лагеря, подъ градомъ насмѣшекъ и остротъ встрѣчныхъ полковъ и отрядовъ.

На другой день, 6-го августа, наступалъ полковой праздникъ, начавшійся самымъ мрачнымъ образомъ. Государь въ лагерь не пріѣхалъ, такъ что обѣднѣя и парадъ совершились безъ него. Погода, какъ нарочно, была пасмурная, дождливая. Всѣ мы невольно повѣсили головы, ожидая дальнѣйшихъ ударовъ грома изъ-подъ нависшихъ тучъ.

Но вмѣсто бури блеснуло солнце. Въ серединѣ дня государь прислалъ флигель-адъютанта поздравить полкъ съ праздникомъ, при чемъ велѣлъ выразить свое желаніе, чтобы всѣ были веселы. Съ той минуты

веселье пошло обычнымъ порядкомъ, и праздникъ закончился «джонкою», окончательно затопившею горе.

Полкъ возвратился въ Петербургъ 15-го августа, и тотчасъ по приходѣ начались репетиціи парада, назначеннаго на 22-ое число, по случаю столѣтидесяти-лѣтняго юбилея полка.

Въ этотъ день полки Преображенскій и Семеновскій, какъ первенцы русской арміи, а Московскій и Литовскій, какъ первыя двѣ отрасли Петрова корня, должны были получить новыя знамена. Государь велѣлъ выписать съ этою цѣлю четыре куска богатой, шелковой китайской матеріи, на которыхъ искусно и красиво вытиснены и раскрашены были приличные гербы, надписи и прочее. Новыя знамена и принадлежности къ нимъ какъ-то: длинныя древки изъ букового дерева, золоченые гвозди и тому подобное было въ готовности уже 20-го числа. Вообще этотъ день прошелъ въ приготовленіяхъ, и воѣмъ досталось на долю порядочно хлопотъ и суеты. Двадцать перваго числа, въ 9 часовъ утра, была репетиція парада, а въ полдень состоялась и церемонія прибаванія новыхъ знаменъ къ древкамъ, въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго дворца. Государь вбилъ первый гвоздь, за нимъ по порядку всѣ лица императорской фамиліи, высшіе сановники и начальники, наконецъ Катенинъ и за нимъ всѣ офицеры. Радуюсь при воспоминаніи, что и мой гвоздикъ закрѣпилъ эти знамена, уже теперь дожившія до третьяго царствованія, и не они ли собирали вокругъ себя преображенцевъ въ послѣднюю славную борьбу за освобожденіе народовъ? Каждый изъ насъ спѣшилъ взять на память отрѣзку отъ Георгіевской ленты и нѣсколько гвоздей. Офицеры рѣшили, въ воспоминаніе этого событія, заказать картину, изображающую ту минуту, когда Николай I-й вбивалъ первый гвоздь въ древко, кругомъ его, — портреты присутствовавшихъ и всѣхъ офицеровъ полка, бывшихъ на торжествѣ. Эту картину офицеры поднесли Катенину, но въ началѣ была рѣчь только о томъ, чтобы она хранилась у Катенина пожизненно, а по смерти его должна была сдѣлаться достояніемъ полка. Однако кончилось тѣмъ, что картина была поднесена Катенину въ безусловный даръ.

Двадцать втораго августа былъ парадъ; на немъ государь передалъ полкамъ новыя знамена. Привожу рѣчь его слово въ слово:

— Поздравляю васъ съ новыми знаменами! Слушать меня и не перебывать ¹⁾). Со времени знаменитаго вашего основателя прошло 150 лѣтъ. Во все это время Преображенскій полкъ служилъ постоянно вѣрно, постоянно усердно, постоянно отлично. Всѣ государи были довольны вашею службою. Я васъ благодарю за эту службу и увѣренъ,

¹⁾ То-есть не кричать «ради стараться!» и «ура!»

что Преображенскій полкъ, какъ всегда былъ, такъ и всегда будетъ желѣзною стѣною русскаго царства!»

Торжествомъ прибаванія знаменъ, парадомъ и рѣчью государя ограничилось празднованіе юбилея, и остается только прибавить, что по этому случаю было въ полку экстренное производство, и всѣ старшіе въ чинахъ были повышены, при чемъ и я изъ прапорщиковъ произведенъ въ подпоручики.

1850 годъ начался и кончился самымъ нагляднымъ и характернымъ проявленіемъ любви, довѣрія и расположенія государя къ преображенцамъ. Это я сказалъ вначалѣ, долженъ повторить и въ концѣ. Императоръ Николай имѣлъ обычай говорить безъ приготовления. Рассказывали, что онъ имѣлъ теплую вѣру въ слова Спасителя, переданныя Евангелистомъ Лукою:

«Не пецтытеся, како или что отвѣщаете или что речете: Святый бо духъ научить вы въ той часъ, яже подобаетъ рещи». Этотъ обычай говорить по вдохновенію придавалъ словамъ государя прямодушный и энергическій характеръ. Если его рѣчь въ день юбилея знаменательна въ исторіи Преображенскаго полка, то еще важнѣе, еще знаменательнѣе высказался императоръ пять мѣсяцевъ спустя.

14-го декабря 1850 года исполнилось 25 лѣтъ со дня зачисленія Николая Павловича шефомъ полка. Передо мною,—длиннѣйшій полковой приказъ, по этому случаю сочиненный. Не мѣшаетъ замѣтить, что Преображенскіе полковые приказы носились къ наследнику цесаревичу каждый вечеръ и прочитывались ему кѣмъ-либо изъ приближенныхъ. Вотъ почему, неприятныя случайности, въ родѣ столкновенія 5-го августа, писались кратко и сжато, а такія событія, какъ юбилей и высочайшія милости, описывались пространно, витѣвато и съ необыкновеннымъ пафосомъ. Но я устрою всѣ лепестки краснорѣчія приказа 14-го декабря и упомяну только о томъ, что дѣйствительно того стоитъ.

Въ этотъ день всѣ генералы и офицеры, въ то время въ полку состоявшіе и всѣ служившіе въ немъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, представлялись государю. Императоръ оказалъ:

— А васъ, преображенцы, благодарю въ особенности. Вы знаете, какииъ особенно страннымъ случаемъ мы еще болѣе связаны вмѣстѣ¹⁾, а потому составляемъ общую семью, и моя семья вся принадлежитъ вамъ, какъ вы всѣ принадлежите мнѣ.

Потомъ государь, показывая на себя, на цесаревича и на сыновей его, прибавилъ:

— Вотъ вамъ и три поколѣнія! Теперь вы знаете, кому служить.

¹⁾ То-есть днемъ 14-го декабря 1825 года.

Служите имъ такъ, какъ вы служили мнѣ; надѣюсь, что и дѣти ваши будутъ служить такъ, какъ вы мнѣ служите!

Полкъ въ лицѣ офицеровъ отвѣчалъ громкимъ восторженнымъ «ура!». Полковой приказъ на этотъ разъ вѣрно назвалъ слова государя: «ми-лостивыми и достопамятными».

Въ тотъ же день императоръ пожаловалъ каждой ротѣ по экземпляру своего портрета.

Настроение всѣхъ преображенцевъ было въ высшей степени веселое и радостное.

Князь Н. К. Имеретинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приготовленіе по приказанію Наполеона I англійскихъ и русскихъ фальшивыхъ ассигнацій и банковыхъ билетовъ ¹⁾).

20-го марта 1853 года, передъ свадьбой императора Наполеона III, герцогъ Бассано ²⁾ писалъ одной личности, вѣроятно Макарду:

«Мнѣ предстоитъ сдѣлать вамъ довольно странное сообщеніе, и вы сами должны рѣшить, заслуживаетъ ли оно того, чтобы довести до свѣдѣнія президента.

«Вотъ въ чемъ дѣло:

«Теперь оказывается, что въ 1810 и позднѣе въ 1812 году, передъ походомъ въ Россію, его величество (Наполеонъ I) приказалъ поддѣлать довольно значительное количество англійскихъ и русскихъ банковыхъ билетовъ. Поддѣлка эта, руководимая министромъ полиціи, была окружена величайшею тайнственностію и гравированіе досокъ поручено нѣкому Лалю, искусному граверу при главномъ военномъ управленіи. Нѣсколько времени спустя, но когда именно, съ точностію неизвѣстно, г. Лаль представилъ одному изъ братьевъ императора подробный отчетъ о томъ участіи, которое онъ принималъ въ этой операціи; рассказъ его имѣлъ такое заглавіе: «Извлеченіе изъ журнала гравировальной работы, порученной мнѣ особымъ отдѣленіемъ тайнаго кабинета его императорскаго величества».

По смерти Лали собственная его рукопись этого отчета найдена

¹⁾ Извлеченіе изъ „Histoire intime du second empire“, par le V-te de Beaumont Vassy.

²⁾ Герцогъ Бассано, бывшій французскимъ посломъ въ Брюссель, въ 1852 году перемѣнилъ дипломатическую должность на званіе оберъ-камергера и прежде чѣмъ оставить вышеупомянутый городъ, успѣлъ оказать семейству Бонапартовъ странную, но весьма значительную услугу, сдѣлавшуюся впрочемъ излишней благодаря позднѣйшимъ открытіямъ и разъясненіямъ.

въ числѣ его бумагъ, вмѣстѣ съ письмомъ герцога Ровиго и другимъ, отъ помощника директора военнаго управленія, касавшіяся вышеупомянутыхъ мною обстоятельствъ. Эти три документа достались въ руки одной изъ наслѣдницъ г. Лаля, племянницъ его, дѣвицы Монто, и несмотря на тайну, которую она соблюдала добросовѣстно по этому предмету, существованіе бумагъ не осталось безъизвѣстнымъ. Лица, враждебныя имперіи, предлагали ей не разъ значительныя суммы денегъ съ тѣмъ, чтобы она согласилась вручить имъ эти документа, которые они хотѣли предать гласности. Но дѣвица Монто, руководимая вполне заслуживающими одобренія чувствами чести и безкорыстія, не согласилась на ихъ вѣроломныя замыслы, и несмотря на свои, весьма ограниченныя средства, постоянно отказывалась отъ дѣлаемыхъ ей выгодныхъ предложеній. Она рѣшилась никогда не выпускать изъ рукъ попавшихъ къ ней случайно документовъ иначе, какъ для того, чтобы передать ихъ въ цѣлости наслѣднику императора. Она желаетъ исполнить теперь свое намѣреніе и просила меня доставить принцу эти бумаги.

«Исполняя ея порученіе, я препровождаю вамъ при семъ тѣ три документа, о которыхъ идетъ рѣчь. Если вамъ хватитъ времени пробѣжать ихъ, то вы убѣдитесь, какъ важно было, чтобы заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія не дошли до враговъ принца и его императорскаго величества.

«Отдавая эти бумаги, г-жа де-Монто и не помышляетъ о вознагражденіи; она не сдѣлала по этому поводу ни малѣйшаго намека, но я считаю долгомъ извѣстить васъ о томъ положеніи, въ какомъ она находится. Она не имѣетъ никакихъ средствъ и живетъ однимъ трудомъ, занимая въ настоящее время мѣсто воспитательницы при дѣтяхъ князя Шиме (Chimay). Это личность весьма почтенная и достойная во всѣхъ отношеніяхъ».

Къ этому письму были приложены три вышеупомянутые документа. Въ первомъ, помѣченномъ 12-го августа 1812 г., полковникъ Муріель, помощникъ директора главнаго военнаго управленія, жалуется г. Лалю на его внезапное удаленіе отъ мѣста и требуетъ доказательствъ того, что онъ не исполняетъ принятыхъ на себя обязательствъ, по собственному приказу правительства.

Второй—заключаетъ въ себѣ удостовѣреніе отъ министра полиціи, герцога Ровиго, въ томъ, что г. Лалю поручено изготовить весьма секретныя бланки для императорскаго кабинета и что онъ имѣетъ приказаніе не сообщаться ни съ кѣмъ, исключая лицъ, необходимыхъ для исполненія работы.

Въ третьемъ, въ видѣ дневника, изложенъ отчетъ фактовъ, происшедшихъ по поводу работы, порученной ему особымъ отдѣленіемъ тайнаго кабинета его величества. Отчетъ этотъ, написанный для одного

изъ братьевъ Наполеона I, вѣроятно для короля Іосифа, начинается такъ:

«Не мое дѣло вникать въ дѣла настоящаго правительства и разбирать причины, побудившія его принять подобную мѣру, чтобы нанести своимъ исключительнымъ врагамъ ударъ, который долженъ былъ совершенно подорвать ихъ финансы, парализовать со временемъ главную силу ихъ военныхъ дѣйствій и принудить ихъ уважать независимость Франціи, предоставивъ ей прочный миръ, приобретенный цѣною доблести ея безчисленныхъ воиновъ, сражавшихся въ то время подъ предводительствомъ императора, августѣйшаго брата вашего и величайшаго изъ полководцевъ Европы. Мое положеніе въ эту эпоху вынуждало меня подчиняться повелѣніямъ правительства и отвергать съ негодованіемъ всѣ предложенія, имѣвшія цѣлью предупредить враговъ Франціи о тѣхъ средствахъ, которыя были пущены въ ходъ противъ нихъ».

Послѣ такого предисловія Лаль начинаетъ свой рассказъ:

Въ началѣ 1810 г. онъ имѣлъ мѣсто перваго гравера при главномъ военномъ управленіи, занимался своимъ дѣломъ уже десять лѣтъ и, подобно всѣмъ граверамъ этого заведенія, окончивъ свое дѣло въ управленіи, работалъ утромъ и вечеромъ на волю.

Однажды къ нему явилась неизвѣстная личность съ предложеніемъ сдѣлать граверную работу съ доски, представлявшей въ выполненіи своемъ большія трудности; оригиналъ ея былъ сдѣланъ въ совершенствѣ въ Лондонѣ и къ нему приложенъ текстъ, тщательно гравированный на мѣдной доскѣ. Сочиненіе это попало, — говорилъ незнакомецъ, — въ руки одному парижскому книгопродавцу, который желалъ дополнить его, а такъ какъ нѣкоторыя мѣдныя доски затерялись, то нужно было съ величайшей точностью скопировать оригиналъ. Лаль взялся за работу и, сдѣлавъ черезъ недѣлю первые оттиски, вручилъ ихъ вышеупомянутому человѣку, который былъ, повидимому, восхищенъ работой, заплатилъ и исчезъ.

Недѣли двѣ спустя, тотъ же незнакомецъ явился снова къ Лалю и предложилъ ему отправиться къ книгопродавцу — владѣтелю вышеупомянутаго произведенія. Лаль дѣйствительно послѣдовалъ за нимъ и немало былъ удивленъ, когда, поровнявшись съ министерствомъ полиціи, спутникъ предложилъ ему войти туда.

Введенный въ небольшую залу и оставленный тамъ своимъ провожатымъ, онъ провелъ одинъ около часу, размышляя о своемъ приключеніи. Наконецъ, звонокъ возвѣстилъ ему, что онъ скоро будетъ принимать. Его позвали, и, пройдя нѣсколько комнатъ, онъ очутился въ кабинетѣ начальника отдѣленія тайной полиціи, съ которымъ почтительно раскланялся, принявъ его за самого министра Фуше.

— Я готовъ къ услугамъ вашего превосходительства, — сказалъ

онъ,—не угодно ли вамъ будетъ объяснить мнѣ, для какой цѣли я приведенъ сюда?

— Я не министръ,—отвѣчалъ улыбаясь начальникъ отдѣленія,—но имѣю отъ него порученіе переговорить съ вами насчетъ работы, которую вамъ хотятъ поручить, и которая потребуетъ съ вашей стороны величайшей скромности. Она будетъ поручена одному вамъ, и вы будете отвѣчать за точность ея выполнения. Я навелъ справки о вашей нравственности и не упустилъ ни одного случая удостовѣриться въ томъ, что вы обладаете всѣми необходимыми качествами для той работы, которую правительство хочетъ поручить вамъ. Вамъ предстоитъ теперь оправдать возлагаемыя на васъ ожиданія: усердіе и скромность, вотъ чтò должно руководить вашимъ поведеніемъ. Вы будете повѣреннымъ великой государственной тайны, должны остерегаться всякаго собесѣдника, который хотѣлъ бы проникнуть ее и немедленно предупредить насъ. Это дѣло потребуетъ отъ васъ полнѣйшаго безкорыстія и чтобы вы не жертвовали интересами государства на пользу его враговъ, которые не замедлятъ соблазнять васъ заманчивыми обѣщаніями, но навѣрно оставятъ васъ, когда придетъ время давать намъ отчетъ въ вашей измѣнѣ.

— Благодарю васъ за ваши добрые совѣты,—возразилъ Лаль,—и прошу сообщить мнѣ, о какой работѣ идетъ рѣчь.

Тогда г. Демаре ¹⁾ вынулъ изъ конторки огромную связку билетовъ англійскаго банка, положилъ на столъ оттискъ, гравированный Лалемъ, и сказалъ, что гравюра эта была представлена министру, сличена съ оригиналомъ и ее нашли совершенно тождественной во всѣхъ подробностяхъ.

— И такъ,—прибавилъ г. Демаре,—мы имѣемъ доказательство, что вы можете подражать этимъ билетамъ; они гравированы на мѣди и представляютъ на глазъ менѣ трудности въ выполненіи, нежели страница, гравированная вами. Работа эта займетъ много времени и составляетъ только начало операцій, которыя повлекутъ за собою еще новыя; вы одни будете исполнять всю гравировальную работу для тайнаго кабинета его величества, и въ доказательство большаго довѣрія, вамъ поручаютъ рекомендовать намъ рѣзчика на мѣди, который въ отношеніи искусства и нравственности соединялъ бы всѣ необходимыя качества для подобной операціи.

Лаль избралъ рѣзчика, который работалъ для него, пользовался отъ личной репутаціей и отличался несообщительнымъ характеромъ. Онъ ввелъ его къ г. Демаре и удалился, чтобы не присутствовать при ихъ совѣщаніи. Три дня спустя, въ восемь часовъ вечера явился къ нему

¹⁾ Начальникъ отдѣленія въ министерствѣ тайной полиціи.

рѣзчикъ, по имени Мало, въ сопровожденіи государственнаго комиссара, г. Террасона, которому былъ порученъ надзоръ за работой. Онъ избралъ себѣ кабинетъ рядомъ съ той комнатою, гдѣ Лаль занимался гравировальной работой, и принесъ туда на слѣдующій день печатный станокъ. Станокъ этотъ предназначался для напечатанія оттисковъ съ досокъ, гравированныхъ Лалемъ, чтобы избѣгать такимъ образомъ многочисленныхъ разсылокъ, которыя заставили бы потратить много времени на поправку этихъ досокъ. Къ станку придѣлали цѣпь и привѣсили большой висячій замокъ, вручивъ ключъ отъ него г. Мало.

Лаль занималъ въ предмѣстьи Сентъ-Жакъ небольшой двухэтажный домикъ съ садомъ и былъ въ немъ единственнымъ жильцомъ. Три окна перваго этажа приходились противъ улицы des Ursulines и были недоступны для глазъ сосѣдей. Передняя и спальня Лали выходили въ садъ, смежный съ садомъ глухо-лѣвыхъ. Второй этажъ былъ расположенъ совершенно также: тотъ же видъ, то же уединеніе. Эта квартира была отягчено приспособлена для той работы, которую въ ней хотѣли предпринять.

Дѣло подвигалось быстро. По настоятельнымъ требованіямъ правительства Лаль подвигалъ его насколько хватало силъ. Сначала онъ не могъ гравировать съ особенной безопасностью, не получивъ еще разрѣшенія министра, которое онъ требовалъ не разъ. Наконецъ, герцогъ Ровиго, замѣнившій Фуше, узнавъ объ этой работѣ, далъ ему дозволеніе, ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ.

Лаль награвировалъ уже шестую доску, что по отпечатаніи должно было дать множество фальшивыхъ билетовъ, какъ однажды часовъ въ девять вечера явился къ нему Террасонъ, приказавъ взять съ собою портфель съ шестью мѣдными досками, гравированіе которыхъ было уже окончено, и слѣдовать за нимъ. Она направились оба къ Монпарнасскому бульвару; ночь была такъ темна, что Лаль не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить своему спутнику, что бульваръ въ это время очень пустъ.

— Что, если на насъ нападутъ,—прибавилъ онъ,—и отнимутъ мой портфель.

— Успокойтесь,—отвѣчалъ Террасонъ,—за нами слѣдуютъ три дюжикъ молодца, готовыхъ помочь въ случаѣ надобности: неужели вы думаете, что я отважился бы выйти въ такой поздній часъ, если бы за мною не слѣдили?

— Они прошли такимъ образомъ по бульвару до 25 номера; это было недалеко отъ Вожарардской улицы.

— Замѣтите хорошенько,—сказалъ Террасонъ,—какимъ образомъ нужно звонить у дверей этого дома.

Онъ дернулъ звонокъ два раза черезъ равные промежутки времени и затѣмъ звонилъ не переставая около десяти минутъ. Тогда человекъ

высокаго роста открылъ имъ и заперъ тотчасъ же за ними дверь. Дойдя до конца длиннаго корридора, агентъ принялъ тѣ же предосторожности; вторая дверь открылась, и, пройдя небольшой садикъ, они вошли въ большую комнату, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ находился и отдѣльный кабинетъ директора Фена, брата секретаря императора. Лаля представили директору, который принялъ его благосклонно, пригласивъ пойти съ нимъ въ типографію. Она служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней для типографщиковъ и служителей дома; кровати были подъемныя и казались спрятанными въ шкалахъ. Они прошли во вторую комнату, гдѣ Лаль съ удивленіемъ увидѣлъ Мало, кончавшаго собирать станки, которые должны были быть въ дѣлѣ на слѣдующій день. Это былъ дѣйствительно человекъ въ высшей степени скромный, счумѣвшій сохранить тайну даже отъ товарища. Директоръ познакомилъ Лаля со всѣми привратниками, велѣлъ впускать его во всякое время ночи, а самому ему совѣтовалъ въ точности соблюдать условный знакъ, для того, чтобы быть впущену въ дверь. Въ этомъ домѣ царствовала величайшая тишина и благонадежность служащихъ была примѣрная. Типографщики получали по девяти франковъ въ день и готовый столъ. Это были люди женатые, хорошаго поведенія и большею частію пожилые. Лаль довольствовался жалованіемъ, назначеннымъ ему министромъ и равнявшимся двойной суммѣ того, что онъ получалъ въ качествѣ перваго гравера при военномъ управленіи; кромѣ того, ему была обѣщана награда, которую ему не удалось получить вслѣдствіе дальнѣйшихъ событій. Ознакомившись вполне съ привычками и всѣми частностями дома, онъ простился и воротился домой, въ сопровожденіи того же Террасона и его агентовъ.

Эта секретная типографія была безъ сомнѣнія превосходно организована и скрыта, и правительство могло бы считать ее въ безопасности отъ всякаго посторонняго глаза; но при этомъ расчетъ оно забыло своихъ собственныхъ агентовъ, и это составляетъ довольно комическую сторону этого таинственнаго приключенія. Въ то время существовалъ одинъ частный приставъ, по имени Масонъ, слышій за самаго ловкаго человека въ мірѣ; ему былъ порученъ специальный надзоръ за рынками, но, вслѣдствіе излишняго усердія, отъ котораго Талебранъ всегда предостерегалъ своихъ подчиненныхъ, онъ простиралъ свои заботы далѣе; между тѣмъ, агенты Масона предупредили его, что на Монпарнасскомъ бульварѣ подъ № 25 существуетъ подозрительная типографія, куда входятъ часто, судя по одеждѣ, люди достаточные, впускаютъ иныхъ съ министерскою портфелью подъ-мышкой и куда, наконецъ, въ продолженіе дня приносятъ слишкомъ большое количество състныхъ припасовъ, судя по числу лицъ, входящихъ и выходящихъ изъ

этого дома. Поэтому приставъ рѣшилъ произвести въ немъ обыскъ и захватить все, что тамъ находится.

Правительство, со своей стороны, было предувѣдомлено, что уже нѣсколько дней вокругъ сада бульварной типографіи бродятъ неизвѣстныя личности; объ этомъ было доложено министру, и приняты мѣры предосторожности къ уничтоженію всякаго замысла, направленнаго противъ безопасности дома.

Однако, благодаря глубокимъ соображеніямъ пристава Масона, въ одинъ прекрасный вторникъ въ два часа ночи раздался условный звонокъ. По обыкновенію первый привратникъ тотчасъ же отперъ дверь; его схватили за горло. Храбро защищаясь, онъ кричалъ: «Помогите!» Во всемъ домѣ поднялась тревога; рабочіе захватили немедленно все, что было подъ руками.

У второй входной двери они замѣтили, что два агента пробрались тайкомъ въ окошечко, выходившее на корридоръ. Эти люди вышибли маленькое окно и проникли въ кухню, сообщавшуюся съ потаенной лѣстницей, которая вела въ типографію. Рабочіе тотчасъ же схватили ихъ и повалили на землю. Между тѣмъ, г. Фенъ, слыша постоянный стукъ во входную дверь, велѣлъ отпереть ее и былъ схваченъ за горло приставомъ Масономъ. Несчастный директоръ едва могъ говорить. Онъ заклиналъ пристава прочесть бумагу, которую онъ держалъ въ рукахъ; но суровый чиновникъ не хотѣлъ ничего слушать и кричалъ своимъ многочисленнымъ агентамъ, чтобы они призывали вооруженную силу, окружавшую садъ и домъ.

Осажденные не уступали, упорно отстаивая каждый шагъ; палочные удары сыпались со стороны полицейскихъ агентовъ; служащіе при домѣ отвѣчали имъ, вооружась въ минуту нападенія кухонными орудіями; съ той и съ другой стороны многіе были ранены и полъ обогреть кровью. Наконецъ, приставъ Масонъ, прочитавъ охранный листъ и узнавъ подписи императора и министра полиціи, сдался безусловно; блѣдный и трепещущій, онъ сталъ тотчасъ самымъ миролюбивымъ человѣкомъ въ мірѣ. Разсыпаясь въ извиненіяхъ передъ г. Феномъ, онъ приказалъ своимъ агентамъ собраться и отослалъ сопровождавшую его вооруженную силу; затѣмъ, сконфуженный и пристыженный, онъ вернулся въ полицейскую префектуру, изъ которой не долженъ былъ бы и выходить безъ приказанія. Призванный на слѣдующій день къ министру, онъ чуть не лишился мѣста.

Какое странное и любопытное приключеніе—правительство поймано на мѣстѣ преступленія собственными, слишкомъ ловкими агентами!

Скоро дѣло не ограничилось поддѣлкой англійскихъ банковыхъ билетовъ. Лаль рассказываетъ, что послѣ приостановки этой первой работы, его снова призывали въ министерство полиціи, гдѣ г. Демаре

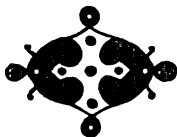
объявилъ, что ему хотятъ поручить важную работу, требующую такой же тайны, какъ и первая; она будетъ сложнѣе, но представить то удобство, что ее можно будетъ раздробить на части, такъ чтобы второстепенные участники дѣла не поняли въ чемъ оно заключается. Этотъ разъ приходились поддѣлать русскіе ассигнаціи и банковые билеты. Эти цвѣтныя бумажки были плохо гравированы, типографическія буквы ихъ дурны, но подписи чрезвычайно сложныя; за то ихъ можно было гравировать крѣпкой водкой, и при томъ довольно быстро.

Принялись за дѣло. Когда десять гравированныхъ досокъ выходило изъ рукъ Лаля, то ихъ относили въ типографію г. Мало, въ Вожирардской улицѣ, № 26, близъ военнаго провіантскаго магазина, въ обширномъ зданіи, нанятомъ министерствомъ, и гдѣ помѣстили двадцать три станка для гравированія на мѣди; работа производилась ежедневно до одиннадцати часовъ вечера. Типографская печатня, управляемая г. Феномъ, находилась по сосѣдству съ Мало, все еще въ помѣщеніи Монпарнаскаго бульвара, подвергшагося нѣкогда нападенію полиціи.

Менѣе нежели въ три мѣсяца было награвировано болѣе семисотъ досокъ; число оттисковъ должно быть значительно,—говоритъ Лаль,—такъ какъ работа продолжалась до эпохи неудачъ французской арміи въ Россіи; готовыя бумажки бросали на полъ въ комнату, наполненную пылью, и переворачивали во всѣхъ направленіяхъ кожанной метелкой; такимъ образомъ, онѣ дѣлались мягкія, принимали пепельный оттѣнокъ и выглядели, какъ бы перешедшія черезъ многія руки; затѣмъ ихъ складывали въ связки и отсылали тотчасъ же въ министерство.

Когда настала французская кампанія, безпокойство Лаль усиливалось съ каждымъ новымъ успѣхомъ союзниковъ.

— Каково было бы мое положеніе со взятіемъ столицы,—говоритъ онъ,—тѣ, кто извлекъ наиболѣе выгодъ изъ этого предпріятія, покинули Францію; я же, руководившій двумя операціями, остался среди иностранцевъ, враговъ моего отечества, которые ежеминутно могли схватить меня и послать гравировать въ Сибирь. Благодаря Бога, ничего подобнаго не случилось.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XVIII ¹).

1812 годъ. — Передъ началомъ военныхъ дѣйствій. — Поступленіе Левенштерна на службу. — Назначеніе состоять при главнокомандующемъ. — Секретная доставка помѣщиками продовольствія французамъ. — Назначеніе Левенштерна разслѣдовать это дѣло. — Вступленіе Наполеона въ предѣлы Россіи. — Намѣреніе Барклай задержать непріятеля у Вильны. — Оставленіе этого города. — Первый плѣнный графъ Сегюръ. — Посылка Левенштерна къ императору Александру. — Планъ отступленія.

Война между Россіей и Франціей казалась неизбѣжной! Ее желалъ всякій благомыслящій русскій человѣкъ: личное спокойствіе, состояніе, родственныя связи съ радостью приносились въ жертву для спасенія народной чести и сверженія деспотическаго ига Наполеона.

Всѣ спѣшили взяться за оружіе! Я былъ не изъ послѣднихъ и безъ сожалѣнія разстался съ эшикурейскою жизнью, которую я велъ въ Петербургѣ, для того, чтобы посвятить себя службѣ отечеству и монарху.

Военный министръ, Барклай-де-Толли, въ чрезвычайно лестномъ письмѣ предложилъ мнѣ поступить на службу въ тотъ самый моментъ, когда я собирался просить его о томъ же. Министръ писалъ мнѣ, что представляется случай воспользоваться познаніями, прибрѣтенными мною во время кампаніи, которую я совершилъ съ французской арміей, и что его величество приказалъ ему предложить мнѣ поступить вновь

¹) См. „Русскую Старину“ октябрь 1900 г.

на службу. Я принялъ это предложеніе не колеблясь, былъ принять маіоромъ же и отправился въ главную квартиру арміи, въ Вильно.

Я выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ друзей, полковникомъ барономъ фонъ-дёръ Паленомъ; министръ приказалъ выдать намъ курьерскія подорожныя и разрѣшилъ остановиться на короткое время въ Ревелѣ, чтобы повидаться съ родными и привести въ порядокъ дѣла.

Дороги были въ ужасномъ состояніи; намъ пришлось бороться съ снѣгами, которые начинали таять, съ замерзшими рѣками, однимъ словомъ, намъ пришлось перенести всевозможныя невзгоды и утомленіе, вслѣдствіе которыхъ баронъ Паленъ, человекъ атлетическаго сложенія, заболѣлъ въ Вильно и пропустилъ самую интересную часть кампаніи 1812 года.

Двѣ недѣли спустя послѣ моего поступленія въ полкъ, появился указъ, коимъ повелѣвалось принимать офицеровъ на службу тѣми же чинами, какими они были уволены въ отставку. Я былъ уволенъ съ чиномъ подполковника; но, будучи принятъ на службу до этого указа, я потерялъ съ самаго начала войны старшинство, коимъ воспользовались всѣ лица, принятые на службу послѣ меня.

Начало было довольно печальное. Съ тѣхъ поръ меня преслѣдовали всевозможныя неудачи, и, какъ будетъ видно далѣе, я приобрѣлъ цѣною двухъ ранъ то, что досталось безъ всякаго труда товарищамъ, бывшимъ въ одномъ положеніи со мною.

Вскорѣ прибылъ въ Вильно государь въ сопровожденіи многочисленной свиты, канцлера графа Румянцова, графа Аракчеева и графа Армфельда. Великій князь Константинъ (Павловичъ), пріѣхавшій ранѣе, командовалъ гвардейской кавалеріей.

Вслѣдствіе присутствія въ Вильно императора съ его многочисленной свитою, а также нѣсколькихъ армейскихъ корпусовъ и свиты генерала Барклая-де-Толли въ этомъ городѣ царствовало большое оживленіе.

Императоръ назначилъ меня состоять при особѣ главнокомандующаго; это удовлетворяло всѣ мои желанія. Рѣшивъ добросовѣстно исполнять всѣ обязанности, сопряженныя съ моей новой должностью, я избѣгалъ всего, что могло меня отъ этого отвлечь, и совершенно пересталъ бывать въ свѣтѣ.

Это самоотверженіе снискало мнѣ довѣріе главнокомандующаго, который съ самаго начала войны давалъ мнѣ нѣсколько секретныхъ порученій. Въ скоромъ времени стало извѣстно чрезъ агентовъ тайной полиціи, что на нашей польской границѣ совершались большія злоупотребленія, что нѣкоторыя лица, движимыя жаждою наживы, доставляли французской арміи большое количество продовольствія.

Императоръ повелѣлъ главнокомандующему послать для разслѣдованія этого дѣла надежнаго офицера. Барклай назначилъ меня, и я отпра-

вился въ путь два часа спустя по полученіи приказанія, снабженный самыми обширными полномочіями. Всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ было приказано оказывать мнѣ содѣйствіе. Я долженъ былъ по разслѣдованіи отсылать виновныхъ въ главную квартиру, не обращая вниманія на ихъ чины и занимаемое ими положеніе. Въ мое распоряженіе были предоставлены фельдъегеря для препровожденія главныхъ виновныхъ. Я испугался вначалѣ обширныхъ полномочій, какія мнѣ были даны, тѣхъ слезъ, какія будутъ пролиты по моей винѣ, и того несчастія, которое мнѣ предстояло навлечь на нѣкоторыхъ лицъ.

И дѣйствительно, какъ только стало извѣстно свойство возложеннаго на меня порученія, какъ въ губерніи Гродненской и въ Бѣлостокской области—центрѣ вышеупомянутыхъ злоупотребленій, распространился ужасъ.

Я вошелъ прежде всего въ сношеніе въ Гродно съ губернаторомъ Ланскимъ, а въ Бѣлостоку съ Щербининымъ и отправился прямо въ Крынки и Дрогочинъ на Бугѣ, предполагая, что тамъ именно былъ очагъ всѣхъ этихъ мошенническихъ продѣлокъ, которыя при данныхъ обстоятельствахъ слѣдовало причислить къ категоріи государственныхъ преступленій и измѣны. Я замѣтилъ вокорѣ, что въ томъ лабиринтѣ, въ который я вступилъ, мнѣ придется наткнуться на большія затрудненія для того, чтобы обнаружить истинныхъ виновныхъ и не смѣшать ихъ съ невинными.

Весьма многіе, прельстившись надеждою на большую наживу, занялись въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ вышеупомянутою торговлею; нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ тайно уѣхали за границу; остальные старались провести меня. Таможенные чиновники, сильно скомпрометтированные, но привыкшіе въ подобныхъ случаяхъ кончать дѣло съ комиссіями миролюбиво, сложились и предложили мнѣ 5.000 дукатовъ; еврей-факторы польскихъ помѣщиковъ предложили мнѣ 4.000 дукатовъ, если я замну это дѣло. Я прогналъ ихъ и преслѣдовалъ ихъ очень энергично, такъ какъ всѣ эти лица были мнѣ хорошо извѣстны.

Въ силу данныхъ мнѣ полномочій, я потребовалъ, чтобы графъ Паленъ прислалъ мнѣ два эскадрона Мариупольскихъ гусаръ. Какъ только они прибыли, я въ ту же ночь приказалъ арестовать всѣхъ таможенныхъ чиновниковъ и всѣхъ казаковъ, стоявшихъ по берегу Буга, и занялъ всю линію гусарами; съ этого момента мошенническая торговля прекратилась сама собою. На границѣ появились тысячи головъ быковъ и тысячи мѣшковъ съ пшеницею. Они не были пропущены. Тогда нашему правительству удалось скупить ихъ по дешевой цѣнѣ. За быка, стоимшаго у насъ 10—12 дукатовъ, платили по ту сторону Буга 25 — 30 дукатовъ. Выгода была слишкомъ значительна, чтобы не соблазнить людей алчныхъ.

Предпочитая дѣйствовать медленно, чтобы вслѣдствіе излишней поспѣшности не обвинить невинныхъ, я образовалъ комиссію подъ моимъ

предсѣдательствомъ. Выборъ членовъ этой комиссіи былъ весьма удаченъ. Большое содѣйствіе оказали мнѣ въ этомъ случаѣ Вѣлостокское городское управленіе и дрогочинскій городничій Тигорскій. Комиссія работала нѣсколько недѣль день и ночь; наконецъ, задача, возложенная на меня, была окончена.

На моихъ глазахъ происходили раздрающія семейныя сцены: отцы семействъ были разлучены со своими женами и дѣтьми; несчастные евреи, соблазвившіеся единственно жаждою наживы, были закованы въ кандалы и не понимали, почему ихъ обвиняють въ измѣнѣ; всего было арестовано 27 человекъ, изъ числа которыхъ болѣе виновныхъ я отослалъ съ фельдъегерями въ главную квартиру, а остальныхъ отправилъ туда же подъ конвоемъ.

Все время, пока я пребылъ въ этой мѣстности, я жилъ во дворцѣ князя Адама Чарторыйскаго. Этотъ дворецъ походилъ тогда на настоящую главную квартиру; въ него стекалось иной разъ отъ 200 до 300 человекъ, являвшихся по моему приказанію за 400—500 верстъ. Всѣ эти люди хотѣли ѣсть и пить и проливали слезы; мнѣ было очень тяжело. Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ былъ прекрасный садъ замка, въ которомъ я гулялъ, терзаемый горемъ и заботами; меня тяготило сознаніе, что мнѣ приходилось быть исполнителемъ столь строгихъ, хотя и справедливыхъ мѣръ.

Исполнивъ возложенное на меня порученіе и отправивъ главныхъ виновныхъ, я поспѣшилъ возвратиться въ главную квартиру, куда и прибылъ въ тотъ моментъ, когда начались уже военныя дѣйствія.

Наполеонъ перешелъ Нѣманъ близъ Ковно; я не зналъ объ этомъ и едва не былъ взятъ по пути въ плѣнъ французскими развѣдчиками.

Петербургскій кабинетъ успѣлъ обнародовать манифестъ и сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія; тѣмъ не менѣе переправа Наполеона черезъ Нѣманъ произвела такое впечатлѣніе, какое производитъ извѣстіе, коего никто не ожидаетъ. Но генераль Барклай-де-Толли, понимая, что нельзя было терять ни минуты, а какъ можно поспѣшнѣ сосредоточить силы, разослалъ немедленно своихъ адъютантовъ съ приказаніями ко всѣмъ корпуснымъ командирамъ, чтобы они начали свои движенія въ указанныхъ заранѣе направленіяхъ.

13-го іюня императоръ Александръ объявилъ арміи о началѣ военныхъ дѣйствій, и съ этой минуты она была одушевлена однимъ чувствомъ, однимъ желаніемъ—отомстить неприятелю за то, что онъ осквернилъ священную почву отечества.

Всѣ извѣстія, которыя мы получили изъ авангарда, коимъ командовалъ князь Шаховской, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что неприятель сосредоточилъ свои силы съ намѣреніемъ взять съ бою позицію при Вильно.

Императоръ оставилъ уже этотъ городъ и перенесъ свою главную квартиру въ Свенцяны. Главнокомандующій собирался также уѣхать изъ Вильно, но намѣревался, повидимому, оказать непріятелю энергичное сопротивленіе и извѣстилъ даже о томъ императора.

Войскамъ, бывшимъ въ его распоряженіи, было приказано стать лагеремъ въ окрестностяхъ города и произвести рекогносцировки. Барклай былъ вѣренъ себѣ: его видѣли всегда спокойнымъ, но онъ былъ мало сообщителенъ. По ночамъ онъ созывалъ свой штабъ и разсылалъ насъ въ разныхъ направленіяхъ; эти поѣздки были безконечны. Главнокомандующій посылалъ ежечасно донесенія императору. На меня была возложена обязанность писать эти донесенія. Поэтому я могу утверждать, какъ вещь мнѣ вполне извѣстную, что въ то время не былъ еще рѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оказать непріятелю сопротивленіе или же надобно отступить.

Не зная на что рѣшиться, главнокомандующій призвалъ меня и приказалъ мнѣ написать его величеству, что позиція не представляла дѣйствительно никакихъ благопріятныхъ шансовъ, и что онъ покидаетъ Вильно; императоръ одобрилъ рѣшеніе генерала.

Но мысль оставить столицу Литвы въ рукахъ непріятеля была удручающая. Барклай горевалъ объ этой необходимости, но, при его твердомъ характерѣ, у него хватило смѣлости доказать императору необходимость этой мѣры и послѣдшаго ея выполненія.

Сѣстные припасы, мосты и все, что слѣдовало разорить, было разорено.

16-го іюня, въ часъ по полудни, главная квартира оставила Вильно. Въ тотъ же самый моментъ король Неаполитанскій атаковалъ нашу легкую кавалерію на равнинѣ передъ городомъ. Во время блестящей атаки, произведенной нашими гвардейскими казаками, на 10 гусарскій полкъ, близъ загороднаго дома генерала Беннигсена, былъ взятъ въ плѣнъ эскадронный командиръ графъ Сегюръ. Это былъ первый изъ того безчисленнаго легіона плѣнныхъ, которые были нами взяты впоследствии.

Мнѣ было поручено отвезти императору вѣсть объ оставленіи нами Вильны. Его величество, выслушавъ ее спокойно, сказалъ:

— Это очень большая жертва, мы принесемъ еще большія, но я твердо увѣренъ въ томъ, что мы достигнемъ впоследствии результатовъ, которые покроютъ насъ славой.

Когда я передалъ императору, что гвардейскіе казаки взяли въ плѣнъ графа Сегюра, его величество велѣлъ мнѣ сказать генералу Барклаю, что онъ намѣренъ дать каждому взятому въ плѣнъ офицеру два дуката на первыя надобности.

— При смятеніи неизбѣжномъ въ первый моментъ эта помощь мо-

жетъ ему быть полезной; впоследствии,—присовокупилъ императоръ,—будутъ приняты мѣры для ихъ содержанія.

Императоръ относился заботливо ко всѣмъ человѣческимъ нуждамъ, онъ никогда ничего не забывалъ и когда надобно было сдѣлать добро, то онъ входилъ въ малѣйшія потребности.

Главкомандующій поручилъ мнѣ передать упомянутые два дуката графу Сегюру, который съ презрѣніемъ отказался взять ихъ и такъ какъ я не хотѣлъ брать ихъ обратно, то онъ далъ эти деньги донскому казаку, который былъ назначенъ состоять при немъ. Этотъ же казакъ взялъ его въ плѣнъ и отобралъ у него часы и кошелекъ. Тогда казакъ вынулъ изъ кармана часы и кошелекъ и сказалъ:

— Я сохранию часы на память и буду гордиться ими на Дону; дукаты я возьму, такъ какъ это царскія деньги, а кошелекъ возвращаю вамъ.

Сегюръ былъ пораженъ: я посовѣтовалъ ему взять кошелекъ, и мы разстались. Главкомандующій, коему я рассказалъ о безкорыстїи казака, далъ ему Георгія, который былъ вполне имъ заслуженъ.

Грандіозный планъ отступленія арміи возникъ въ тотъ самый моментъ, когда мы покинули Вильно. До тѣхъ поръ никто не осмѣливался думать объ этомъ, а тѣмъ менѣе предложить императору отступление какъ возможный планъ кампанїи, ибо того, кто осмѣлился бы предложить покинуть Вильно, сочли бы измѣнникомъ; но когда въ присутствїи императора дерзнули принять подобное рѣшеніе, то всѣ стали считать его необходимымъ и слѣдовательно вполне естественнымъ.

Какую внутреннюю борьбу долженъ былъ пережить Барклай прежде, нежели рѣшиться на шагъ, который долженъ былъ встрѣтить осужденіе всей Россїи и произвести огромное впечатлѣніе въ Европѣ. Одинъ только императоръ поддержалъ Барклая въ этомъ рѣшенїи, которое не только не уменьшило безграничное довѣріе къ нему монарха, но еще болѣе увеличило его.

Наполеонъ не заблуждался на счетъ тѣхъ трудностей, какія ему предстояло преодолѣть, чтобы побѣдить Россію. Онъ употребилъ для этого огромное количество войска; въ началѣ кампанїи онъ дѣйствовалъ съ осторожностью и какъ бы ошупью. Но, увидавъ, что онъ не встрѣчаетъ препятствій въ своемъ дальнѣйшемъ движенїи, Наполеонъ переступилъ намѣченную себѣ цѣль и вмѣсто того, чтобы расположить главныя силы арміи въ Смоленскѣ и опереть свои фланги на Ригу, Динабургъ и Кіевъ, организовать въ тылу Польшу, онъ увлекся и двинулся на Москву, которая сдѣлалась могилою его арміи и его славы.

Его нетерпѣніе и самонадѣянность внушили ему мысль окончить въ одну кампанію задачу, которую онъ съ трудомъ могъ бы покончить въ двѣ кампанїи.

Мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ развитіе этой великой драмы, но

я заранее прошу у читателей извиненія, если я буду часто говорить о себѣ; общаваъ всегда говорить правду, я могу и смѣю говорить только о томъ, что я видѣлъ своими собственными глазами.

XIX.

Неутомимая дѣятельность Барклая-де-Толли. — Великій князь Константинъ Павловичъ. — Усиленные труды Левенштерна. — Интриги противъ него. — Начальникъ штаба маркизъ Паулуччи. — Генералъ-квартирмейстеръ Мухинъ. — Назначеніе А. П. Ермолова начальникомъ штаба. — Положеніе Барклая-де-Толли въ арміи.

Съ самаго начала войны на меня были возложены весьма разнообразныя порученія. Я переносилъ ихъ бремя съ удовольствіемъ и чувствовалъ, что мои физическія и нравственныя силы возрастали соразмѣрно съ предстоявшимъ трудомъ; это дало мнѣ возможность съ честью исполнить мои обязанности и приобрѣсти полное довѣріе главнокомандующаго. Всѣ его планы, всѣ его мысли излагались на бумагу мною и представлялись затѣмъ императору.

Обсуждая свое положеніе, я видѣлъ, что я былъ поставленъ на такую нравственную высоту, на которой хотя голова и могла у меня закружиться, но за то я могъ всего достигнуть.

Я работалъ день и ночь, чтобы оправдать довѣріе Барклая и вполнѣ заслужить его.

Согнувшись надъ планами и картами, я изучалъ ихъ въ то время, когда мои товарищи отдыхали отъ своихъ дневныхъ трудовъ; я же рѣдко отдыхалъ гдѣ-либо кромѣ пріемной главнокомандующаго. Да и могъ ли я поступить иначе? Этотъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ также никогда не отдыхалъ; работая постоянно, даже ночью, онъ поручалъ мнѣ редактировать его мысли, излагать ихъ, и курьеры немедленно везли написанное къ его величеству.

Никто не подозрѣвалъ, какъ мы были дѣятельны по ночамъ, ибо на слѣдующее утро Барклай былъ первый на лошади, присутствуя при выступленіи различныхъ корпусовъ изъ лагеря и буквально обучая ихъ тому, какъ надобно поступать, чтобы избѣжать тѣсноты, путаницы и замѣшательства.

— Не думайте, — говорилъ онъ мнѣ однажды, — что мои труды мелочны; порядокъ во время марша составляетъ самую существенную задачу главнокомандующаго; только при этомъ условіи возможно намѣтить заранее движеніе войска. Вы видѣли вчера, какой безпорядокъ и

смятеніе царствовали въ лагерѣ генерала Тучкова 1-го; предположите, что въ этотъ моментъ показался бы непріятель; какія это могло бы имѣть послѣдствія? пораженіе раньше сраженія! Я отдалъ приказъ выступить въ 5 часовъ утра, а въ 7 часовъ артиллерія и обозъ еще оспаривали другъ у друга, кому пройти впередъ; гѣхота же не имѣла мѣста пройти. Предположите теперь, что я рассчитывалъ бы на этотъ отрядъ въ извѣстный часъ и что это промедленіе разстроило бы мою комбинацію, какой бы это могло имѣть результатъ? быть можетъ, непоправимое бѣдствіе. Въ настоящее время, когда я даю себѣ трудъ присутствовать при выступленіи войскъ, начальники отдѣльныхъ частей по неволѣ также должны быть при этомъ; понявъ мои указанія, какъ слѣдуетъ браться за дѣло, они воспользуются въ послѣдствіи его плодами. Пусть люди доставляютъ себѣ всякія удобства, я ничего не имѣю противъ этого, но дѣло должно быть сдѣлано. Послѣ пяти или шести уроковъ, подобныхъ сегодняшнему, вы увидите, что армія пойдетъ превосходно.

Я наслаждался этой необыкновенной дѣятельностью; она приносила мнѣ пользу душевную и тѣлесную; но мнѣ приходилось иногда исполнять и такія порученія, которыя не доставляли мнѣ особеннаго удовольствія; между прочимъ мнѣ было поручено передать выговоръ великому князю Константину Павловичу, который провелъ свою кавалерію по мосту вмѣсто того, чтобы вести ее въ бродъ, что задержало маршъ всей пѣхоты и артиллеріи.

Великій князь, сошедши съ лошади, былъ окруженъ своимъ штабомъ; онъ принялъ меня предупредительно, какъ встрѣчали въ то время адъютантовъ главнокомандующаго; я попросилъ его отойти въ сторону и безъ дальнѣйшихъ околичностей передалъ ему это непріятное порученіе. Великій князь былъ благодаренъ мнѣ за мою скромность, просилъ передать его извиненіе главнокомандующему и приказалъ посадить подъ арестъ генерала Арсеньева, который былъ въ головѣ колонны и увлекъ своимъ примѣромъ остальныхъ. Съ тѣхъ поръ великій князь относился ко мнѣ всегда весьма благосклонно и очень часто приказывалъ своему адъютанту полковнику Н. Чечерину писать мнѣ и спросить, отъ имени его высочества, можетъ ли онъ, ложась спать, раздѣться. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ всегда утвердительный, и я сопровождалъ его обыкновенно какою-либо шуткою, что очень забавляло великаго князя.

Однажды, въ знаменитомъ, но слишкомъ невинномъ лагерѣ при Дриссѣ, бивуаки гвардейской кавалеріи находились весьма близко къ главной квартирѣ. Главнокомандующій прилеге отдохнуть, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы навѣстить своихъ друзей кавалергардовъ—полковниковъ Левенвольде и Левашева. Они были рады видѣть меня, и мы распили нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Я былъ нѣсколько разгоряченъ этимъ нектаромъ, который при данныхъ обстоятельствахъ

показался мнѣ вкуснѣе обыкновеннаго; но въ ту же минуту за мною явился ординарецъ съ извѣстіемъ, что меня требуетъ главнокомандующій. Я побѣжалъ и получилъ приказанія написать донесеніе императору. Удалившись въ свою хату, я написалъ то, что было приказано и снесъ прочесть черновикъ генералу. Онъ одобрилъ и приказалъ какъ можно скорѣе перебѣлать письмо, дать ему для подписи и отослать съ фельдъегеремъ.

Когда я вернулся къ себѣ, то шампанское, выпитое мною, взяло свое, у меня закружилась голова, и я былъ не въ состояніи переписать письмо, набросанное мною десять минутъ передъ тѣмъ. Я уже испортилъ нѣсколько листовъ бумаги и сталъ переписывать письмо вновь, но къ моему величайшему отчаянію, замѣчалъ, что слово «Ваше Величество» было всякій разъ написано криво. Дѣло было ночью, мои товарищи спали; впрочемъ, я недостаточно былъ убѣжденъ въ ихъ скромности, чтобы довѣрить имъ тайну корреспонденціи, которая была мнѣ поручена. Совершенно потерявъ голову, такъ какъ письмо должно было быть подписано главнокомандующимъ до его отхода ко сну, я не зналъ, что дѣлать, какъ вдругъ ко мнѣ вошелъ капитанъ Тимротъ, бывшій въ то время адъютантомъ принца Георгія Ольденбургскаго. Онъ былъ славный малый, человекъ обязательный, скромный, и хотя плохо зналъ французскій языкъ, но все же достаточно для того, чтобы переписать письмо. Я высказалъ ему свое затрудненіе; онъ вполне понялъ меня и принялся за дѣло. Часъ спустя письмо было переписано и отправлено. Вѣроятно, ни генералъ Барклай, ни императоръ не подозрѣвали, что оно было написано человѣкомъ, выпившимъ лишній бокалъ шампанскаго, и переписано другимъ человѣкомъ, который никогда въ жизни не писалъ ни слова по-французски.

Однако, непрестанный и чрезмѣрный трудъ вскорѣ отразился на моемъ здоровьи. Я страшно страдалъ отъ рожи, сдѣлавшейся у меня на верхней губѣ. Главнокомандующій заставилъ меня совершать переходы въ его экипажѣ и самъ внимательно ухаживалъ за мною. Рожа прошла только тогда, когда я отроостилъ себѣ усы, которые я ношу съ тѣхъ поръ постоянно.

Вниманіе ко мнѣ главнокомандующаго и особое довѣріе, коимъ онъ меня удостоивалъ, должны были возбудить зависть, что на самомъ дѣлѣ и случилось. Многіе изъ товарищей начали завидовать мнѣ, они не могли помириться съ тѣмъ, что имъ была неизвѣстна сущность многихъ вопросовъ первостепенной важности и ихъ подробности. Мысль, что я являюсь посредникомъ между главнокомандующимъ и монархомъ, была для нихъ невыносима, и противъ меня образовался цѣлый заговоръ.

Въ то время я весьма мало этимъ интересовался. Я никогда не любилъ интригъ или, лучше сказать, никогда не могъ постигнуть этого искус-

ства. Впослѣдствіи я испыталъ на себѣ, что раны, наносимыя имъ, бываютъ опаснѣе тѣхъ ранъ, которыя наноситъ непріятель, когда стоишь къ нему лицомъ къ лицу.

Генерала Лаврова смѣнилъ въ должности начальника штаба маркизъ Паулуччи. Выборъ того и другаго былъ не особенно удаченъ.

Маркизъ Паулуччи, человѣкъ, одаренный большимъ умомъ, былъ слишкомъ вспыльчивъ, горячъ и безалаберенъ, чтобы исполнять такія обязанности, гдѣ каждый шагъ долженъ быть строго обдуманъ; кромѣ того онъ не обладалъ однимъ качествомъ, необходимымъ для начальника штаба русской арміи: онъ не говорилъ по-русски. Въ одну недѣлю онъ все перепуталъ, доказательство того, что для исполненія его обязанностей было мало одного ума; человѣкъ гениальный можетъ быть главнокомандующимъ, хотя бы онъ не зналъ ни слова по-русски; начальнику штаба нѣтъ надобности быть гениемъ, но онъ долженъ обладать качествами, коихъ не было ни у Паулуччи, ни у Лаврова. Одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ пылкій, необузданный, другой былъ разбитъ параличемъ, не могъ ни ходить, ни ѣздить верхомъ. Непостижимо, какимъ образомъ выборъ императора могъ пасть на людей, столь мало пригодныхъ къ исполненію такихъ сложныхъ обязанностей.

Генералъ-квартирмейстеръ Мухинъ также былъ посредственностью. Всѣ его прошлыя заслуги заключались въ томъ, что онъ составилъ прекрасную карту Крыма; но, обладая искусствомъ хорошаго чертежника, онъ не обладалъ ни образованіемъ, ни соображеніемъ, словомъ это была мокрая курица въ полномъ смыслѣ слова: необузданный Паулуччи мигомъ сбиль его окончательно съ толка.

Генералъ Барклай поручилъ мнѣ изложить императору, насколько подобное положеніе дѣлъ было неудобно; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ составить краткія характеристики главныхъ генераловъ арміи, и самъ набросалъ ихъ въ общихъ чертахъ. Положеніе главнокомандующаго сдѣлалось столь критическимъ, что этотъ достойный человѣкъ, не желавшій никому вредить, былъ вынужденъ высказать императору всю правду: приходилось дѣйствовать энергично, что онъ и сдѣлалъ, не щадя личностей. Генералы Лавровъ и Паулуччи были послѣдовательно смѣнены; ихъ мѣсто занялъ Ермоловъ, а на мѣсто генерала Мухина былъ назначенъ полковникъ Толь, весьма достойный, образованный и безстрашный молодой человѣкъ, характера твердаго и рѣшительнаго.

Занимая весьма непродолжительно мѣсто начальника штаба, маркизъ Паулуччи относился ко мнѣ весьма доброжелательно, и я не могъ нахвалиться имъ; генералъ Ермоловъ, напротивъ того, возненавидѣлъ меня съ самаго начала. Какая была тому причина, мнѣ не извѣстно. Мои завистники и недоброжелатели прикнули къ нему, и съ этого момента подняли голову и начали дѣйствовать съ намѣреніемъ погубить меня.

Я узналъ впоследствии, что генераль Ермоловъ, желая быть популярнымъ, относился враждебно ко всѣмъ тѣмъ, кто носилъ иностранную фамилію: этимъ объясняется и недоброжелательное отношеніе его ко мнѣ. Къ тому же его предмѣстники лишились своей должности при моемъ посредствѣ, и онъ не хотѣлъ, по его словамъ, пригрѣть на сердцѣ столь опасную змѣю, которая была еще болѣе опасна по своей скромности; дѣйствительно, я былъ могилею тайнъ и если уже маркизу Паулуччи не удалось ничего вывѣдать у меня при всей его хитрости и заигрываніи, то генераль Ермоловъ, разумѣется, могъ еще менѣе на это рассчитывать, такъ какъ, обладая несомнѣнными достоинствами, огромной энергіей и непоколебимой волей, онъ былъ двоедушень и жестокъ и не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. По словамъ самого императора, сердце Ермолова было такъ же черно, какъ его сапогъ: такъ отозвался объ немъ его величество въ разговорѣ со своимъ любимцемъ, командиромъ Семеновскаго полка полковникомъ Криднеромъ.

Съ самаго пріѣзда генерала Ермолова, интриги такъ приумножились, что это напугало самыхъ смѣлыхъ людей.

Всякій имѣлъ что-нибудь противъ Барклая, самъ не зная почему. Въ заговоръ вошли графъ Армфельдъ, ловкій интриганъ, и маркизъ Паулуччи, котораго снѣдало честолюбіе и который всѣхъ высмѣивалъ. Всѣ дѣйствія главнокомандующаго критиковались; генераль Ермоловъ лицемѣрно пожималъ плечами и, дѣлая ему всевозможныя неприятели старался добиться того, чтобы постъ главнокомандующаго сталъ ему нестерпимъ. Генераль Беннигсенъ, герцогъ Александръ Виртембергскій, принцы Ольденбургскіе обсуждали безъ всякаго стѣсненія мнимыя ошибки, сдѣланныя Барклаемъ, и его мнимую неспособность. Они заразили духомъ критики большинство генераловъ, которыхъ, въ довершеніе бѣды, поддерживалъ великій князь Константинъ Павловичъ, коего Ермоловъ быстро счумѣлъ обойти.

Императоръ, которому всѣ эти происки были извѣстны, не измѣнилъ своего взгляда на Барклая и, желая прекратить интриги, рѣшилъ уѣхать изъ арміи, предоставивъ Барклаю такія неограниченныя полномочія, какими еще никогда не пользовался главнокомандующій.

Тогда надобно было видѣть, какъ переднія и пріемныя комнаты и даже дворъ дома, занимаемаго Барклаемъ и опустѣваемаго послѣднее время, наполнились тѣми же лицами, которыя такъ открыто критиковали всѣ его дѣйствія.

Барклай не измѣнилъ даже своего обращенія съ ними: онъ попрежнему былъ спокоенъ, невозмутимъ и со всѣми вѣжливъ.

XX.

Отступление русской армии.—Аррьергардное дѣло князя Шаховскаго.—Посылка Левенштерна парламентеромъ къ королю Неаполитанскому.—Генераль Себастьяни и его политическія соображенія.—Графъ Мануччи и его супруга.—Возвращеніе Левенштерна въ главную квартиру.—Интриги противъ него.

До сраженія, происходившаго близъ Вильны, непріятель шелъ впередъ какъ бы ошупью; занявъ же этотъ городъ, онъ началъ дѣйствовать болѣе рѣшительно; такимъ образомъ онъ атаковалъ энергично аррьергардъ князя Шаховскаго, который, отступая, храбро сопротивлялся въ надеждѣ достигнуть лѣса, гдѣ онъ былъ бы защищенъ отъ нападенія французовъ; но для этого приходилось преодолѣть большія усилія; остальная же армія, идя въ ущельи, не могла ничѣмъ помочь ему.

Главнокомандующій отрядилъ изъ войска, конвоировавшаго его главную квартиру, три эскадрона Каргопольскихъ драгунъ, одинъ батальонъ Петербургскихъ гренадеръ, два орудія и послалъ ихъ на помощь Шаховскому. Командованіе этимъ отрядомъ было поручено мнѣ. Я подоспѣлъ въ-время; положеніе Шаховскаго становилось критическимъ; непріятель начиналъ тѣснить наши фланги съ намѣреніемъ отрѣзать князю отступление къ лѣсу; гвардейскіе казаки, отличавшіеся изумительной храбростью и смѣтливостью готовились погибнуть, когда мои драгуны съ ихъ блестящими касками показались на опушкѣ лѣса; влѣво отъ нихъ шли гренадеры и орудія, открывшія немедленно огонь картечью.

Я только показалъ непріятелю мои силы; запретивъ отряду двинуться на шагъ далѣе, въ надеждѣ, что противникъ, не имѣя возможности видѣть, кто слѣдовалъ за мною, остановится; такъ и случилось. Князю Шаховскому удалось сосредоточить свои войска и продолжать свой путь на слѣдующій день.

Въ ту же ночь я возвратился со своимъ отрядомъ въ главную квартиру. Наша армія продолжала отступать; главная квартира императора перешла изъ Свенцянь въ Видзы; а главная квартира главнокомандующаго находилась въ девяти верстахъ отъ этого города.

Аррьергардъ, коимъ командовалъ генераль баронъ Корфъ, имѣлъ 23-го іюня сильную стычку съ непріятельскимъ авангардомъ, находившимся подъ командою генераловъ Себастьянц и Субервика. Это была первая серьезная встрѣча нашей регулярной кавалеріи съ непріателемъ; она сражалась превосходно.

Маркизъ Паулуччи отправился на поле сраженія; главнокомандующій приказалъ мнѣ сопровождать его. Паулуччи велѣлъ выдвинуть, какъ нельзя болѣе кстата, батарею, которая сразу остановила натискъ

непріятеля; храбрость и разумная распорядительность графа Кутайсова, коего поддержали наши храбрые Елизаветградскіе гусары, рѣшили участь этого сраженія, самымъ блестящимъ моментомъ котораго было, какъ всегда, далеко прокатившееся «ура!» нашихъ гвардейскихъ казачковъ.

Во время этой атаки я увидѣлъ одного молодаго офицера, распростертаго безъ движенія на землѣ. Такъ какъ онъ еще дышалъ, то я приказалъ подобрать его; это былъ молодой князь Гогенлоэ, эскадронный командиръ виртембергской легкой конницы.

Я позаботился о немъ, далъ ему бѣлья; раны его были перевязаны и въ скоромъ времени зажили; десять дней спустя онъ могъ отправиться во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ ему указано было жить.

Между тѣмъ мои противники не сидѣли сложа руки; такъ какъ мои успѣшныя дѣйствія еще болѣе поддержали лестное мнѣніе, которое составилъ обо мнѣ главнокомандующій, то они думали день и ночь о томъ, какъ бы сдѣлать меня бесполезнымъ, и съ этой цѣлью придумали подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ удалить меня съ его глазъ, рассчитывая совершенно вѣрно, что когда я уѣду, то Барклай поручить кому-либо другому все то, что я исполнялъ.

Генераль Ермоловъ предложилъ главнокомандующему послать меня парламентаремъ къ королю Неаполитанскому. Порученіе было щекотливое; для этого требовался офицеръ смысленный, наблюдательный. Барклай не колеблясь возложилъ на меня это порученіе; я не имѣлъ причины жаловаться на это и, получивъ надлежащія инструкціи, я уѣхалъ.

Порученіе, данное мнѣ, было на взглядъ весьма лестное; оно имѣло тройкую цѣль: я долженъ былъ потребовать экипажи князя Гогенлоэ, котораго выдали за родственника вдовствующей императрицы съ тою цѣлью, чтобы не получить отказа; кромѣ того, мнѣ было поручено составить себѣ понятіе о положеніи, въ какомъ находилась французская армія, и наконецъ, для того чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ движенія, которое корпусъ графа Витгенштейна совершалъ влѣво, и скрыть отъ нихъ это движеніе, мнѣ приказано было дать понять имъ, что противъ французской арміи оперировалъ въ данное время именно корпусъ графа Витгенштейна. Съ этой цѣлью письмо, которое я везъ, было подписано «Витгенштейнъ».

Я доѣхалъ вскорѣ до нашего арріергарда, коимъ командовалъ храбрый и доблестный молодой генераль графъ Кутайсовъ. Онъ просилъ главнокомандующаго назначить меня къ нему для того, чтобы помочь ему въ исполненіи весьма труднаго и важнаго дѣла, но главнокомандующій отказалъ, сказавъ, что онъ не можетъ обойтись безъ меня. Я былъ благодаренъ графу Кутайсову за его просьбу и еще болѣе былъ благодаренъ генералу Барклаю за его отказъ.

Французскій авангардъ находился въ шестидесяти верстахъ отъ нашей главной квартиры; Кутайсовъ былъ въ 30 верстахъ отъ нея.

Прибывъ къ Кутайсову со всевозможной поспѣшностью, я засталъ у него Потемкина, Шепинга и другихъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Онъ далъ мнѣ свѣжую лошадь, польскаго улана и трубача ввидѣ конвоя.

Встрѣтивъ французскій патруль изъ двѣнадцати человекъ гусарь, я предложилъ имъ знаками остановиться, но они не обратили на это ни малѣйшаго вниманія, такъ же точно, какъ и на сигналъ, поданный трубачемъ, а повернули лошадей и поскакали въ лагерь, чтобы дать знать о моемъ появленіи.

Между тѣмъ я подѣхалъ къ ихъ ведетамъ, которые поспѣшили мнѣ на встрѣчу, держа пики наперевѣсъ и обнаживъ сабли. Желая показать имъ, что я ѣхалъ не съ враждебными намѣреніями, я спѣшился и пошелъ имъ на встрѣчу. Офицеръ спросилъ меня, что мнѣ надобно? Я показалъ ему данное мнѣ письмо. Не сказавъ ни слова, онъ приказалъ окружить меня, не спускать съ меня глазъ и помчался галопомъ въ лагерь съ донесеніемъ. Вскорѣ подѣхали къ намъ генералъ графъ Себастьяни и гусарскій генералъ Субервиѣ. Эти господа также сошли съ лошадей; освѣдомившись о возложенномъ на меня порученіи, они предложили мнѣ войти въ находившійся по близости кабакъ, чтобы обождать тамъ отвѣтъ короля Неаполитанскаго.

По приказанію генерала Себастьяни намъ былъ поданъ прекрасный завтракъ. и мы бесѣдовали два часа о текущихъ событіяхъ. Въ это время я видѣлъ, какъ возвращались фуражиры, везшіе цѣлые снопы ржи; ихъ лошади были худы, какъ клячи. Я заключилъ изъ этого, что ихъ кавалерія была уже истощена и дойдетъ вскорѣ до полного изнуренія.

Я старался какъ можно убѣдительно дать понять французамъ, что я посланъ графомъ Витгенштейномъ. Но генералъ Себастьяни не обратилъ на это особеннаго вниманія. Это былъ человекъ весьма умный, пріятной наружности и очень предупредительный; немного фатоватый, большой краснбай и страшный болтунъ.

Все то, что я донесъ о нашемъ разговорѣ съ нимъ главнокомандующему и императору, чрезвычайно заинтересовало ихъ, и они воспользовались тѣмъ, что онъ такъ необдуманно высказалъ мнѣ.

Король Неаполитанскій пріѣхалъ довольно скоро, окруженный многочисленнымъ и блестящимъ штабомъ. Мюрать былъ очень хорошъ собою; у него былъ прекрасный типъ лица, и онъ такъ прекрасно усвоилъ себѣ самыя изысканныя манеры, что тотъ, кто не зналъ объ его происхожденіи, легко могъ принять его за прирожденнаго дворянина. Онъ прочиталъ мое письмо, приказалъ немедленно написать отвѣтъ и спросилъ меня: «гдѣ я оставилъ императора». Я отвѣчалъ ему, что мнѣ не

известно, гдѣ находится его величество, такъ какъ я посланъ къ нему графомъ Витгенштейномъ.

— Ба,—сказалъ онъ,—мы знаемъ лучше васъ, гдѣ находится графъ Витгенштейнъ.

Я отвѣчалъ, что такъ какъ я пріѣхалъ не съ цѣлью убѣждать его, то король можетъ думать что угодно.

— Какимъ образомъ случилось,—продолжалъ король,—что двѣ націи, созданныя для того, чтобы любить другъ друга, стали врагами?

— Причина этого та,—отвѣчалъ я,—что каждая изъ этихъ націй создана для того, чтобы быть хозяйкою у себя дома; намъ слѣдовало бы посѣщать другъ друга только на почтовыхъ, а не съ такою многочисленною свитою, какая окружаетъ въ настоящую минуту ваше величество.

Мюрать улыбнулся, и я замѣтилъ также улыбку одобренія на лицѣ его штабныхъ. Онъ продолжалъ:

— Наше вторженіе въ ваши области не отвратило еще васъ отъ войны?

— Напротивъ, это возбуждаетъ нашъ патріотизмъ; къ тому же протестанства у насъ, благодаря Бога, достаточно, и мы отступаемъ лишь для того, чтобы лучше разбѣжаться и прыгнуть.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ король,—хорошій опытъ покажетъ вамъ, чтѣ влечетъ за собою потеря областей; но тогда уже будетъ поздно.

Освѣдомившись затѣмъ о князѣ Гогенлоу, онъ приказалъ Себастіани позаботиться обо мнѣ, но не велѣлъ отпускать меня прежде, нежели будетъ совершенно предполагаемое имъ движеніе. Я протестовалъ противъ этого приказанія; но это было напрасно.

За моимъ трубочемъ и ординарцемъ зорко слѣдили; генералъ Себастіани предложилъ мнѣ сѣсть на лошадь и сопровождать его; король остался на мѣстѣ; тогда началось передвиженіе войскъ. Себастіани сталъ во главѣ бригады генерала Субервика, полка польскихъ гусаръ, полка виртембергской легкой конницы и двухъ эскадроновъ довольно плохихъ прусскихъ уланъ. Жаль было смотрѣть на эту кавалерію по сравненію съ нашей. Самые сильные взводы имѣли 7 или 8 рядовъ; но французы видимо гордились этимъ. Эти эскадроны издавали смрадный запахъ; всѣ лошади были изранены сѣдлами и походили на знаменитаго Донъ-Кихота.

Передъ этой массой кавалеріи шелъ небольшой авангардъ; мы направились къ Видзы, гдѣ я ночевалъ наканунѣ. Прежде нежели вступить въ этотъ маленькій городишко, генералъ Себастіани вытащилъ изъ кармана двѣ звѣзды и прицѣпилъ ихъ къ своему мундиру, вѣроятно, для того, чтобы внушить почтеніе нѣсколькимъ жалкимъ евреямъ, которые одни оставались еще въ городѣ.

Я ужиналъ наканунѣ въ одной изъ гостиницъ этого города съ генераломъ Всеволожскимъ, командовавшимъ Елизаветградскимъ гусарскимъ полкомъ. Себастиани зашелъ въ ту же самую гостиницу. Я призвалъ хозяина гостиницы и сталъ спрашивать его. Вдругъ мнѣ пришла мысль убѣдить генерала Себастиани въ томъ, что я дѣйствительно былъ посланъ графомъ Витгенштейномъ. Я предложилъ генералу спросить хозяина, узнаетъ ли онъ меня и ужиналъ ли я у него наканунѣ. Хозяинъ отвѣчалъ утвердительно.

— Продолжайте,—сказалъ я Себастиани,—и спросите его, съ кѣмъ я ужиналъ?

— Съ гусарскимъ генераломъ,—отвѣчалъ трактирщикъ.

— А его имя,—спросилъ генераль.

— Я не припомню хорошенько,—отвѣчалъ хозяинъ,—но его имя начиналось съ В... Вен... Витг..., не помню хорошенько, но помню, что онъ щедро заплатилъ мнѣ.

Услыхавъ это, генераль Себастиани, со свойственнымъ французамъ легкомысліемъ, не сомнѣвался болѣе въ истинѣ рассказанной мною ему и королю Неаполитанскому басни и заявилъ, что благодаря счастливой случайности онъ убѣдился въ этомъ какъ разъ во-время. Потребовавъ чернилъ и бумаги, онъ поспѣшилъ написать донесеніе королю, проклиная всѣхъ шпионовъ евреевъ, которые сообщили ему ложныя свѣдѣнія.

Я посмѣивался исподтишка надъ его легковѣріемъ. Такъ какъ въ этомъ заключалась самая трудная часть возложеннаго на меня порученія, то я былъ очень счастливъ, что она удалась сверхъ ожиданія. Графъ Витгенштейнъ могъ такимъ образомъ опередить непріятеля на два или на три марша! Это только и требовалось. На войнѣ выигранное время есть уже половина побѣды.

При мнѣ привели во французской лагеръ нѣсколько русскихъ дезертировъ, и мнѣ было весьма прискорбно слышать, какъ они говорили, что бѣжали потому, что умирали отъ голода. Генераль Себастиани былъ въ восторгѣ отъ этого признанія, но когда я обратился къ этимъ несчастнымъ съ крупной бранью, то они вскочили на ноги, стали въ почтительную позу и воскликнули: виноваты! Я узналъ впоследствии, что это были литовцы.

Генераль Себастиани болталъ безъ умолка, наслаждаясь повидимому своей собственной рѣчью; изъ его болтовни я узналъ планъ Наполеона: оставить одинъ армейскій корпусъ оперировать на Двинѣ и идти съ остальными силами на Смоленскъ и Москву.

Эта болтливость не пропала даромъ: я поспѣшилъ, по возвращеніи, довести объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, который приказалъ мнѣ немедленно изготвить донесеніе императору, изложивъ въ немъ тѣ доводы, на основаніи которыхъ я предполагалъ, что Наполеонъ не

пойдетъ на Петербургъ. Нынѣ всѣ думаютъ, что они поняли сразу намѣренія императора французовъ, но въ то время, о которомъ я говорю, мнѣнія по этому поводу очень расходились.

Генераль Себастьяни хотѣлъ убѣдить меня въ томъ, что въ Россіи умы давно уже волнуются. Изъ этого было видно, какъ мало ему былъ знакомъ духъ нашего народа, и какъ велика была ошибка Наполеона, когда онъ думалъ, что русскіе будутъ способствовать его видамъ и намѣреніямъ.

Предполагая дать русскому народу свободу, онъ не подумалъ о томъ, что народъ не имѣлъ яснаго представленія объ этомъ словѣ. Русскіе не желаютъ переменъ: ихъ преданность императору внушается имъ религіей и тѣсно связана съ ихъ преданностью стариннымъ обычаямъ. Поэтому коварныя обѣщанія Бонапарта не произвели никакого впечатлѣнія на населеніе. Крестьяне не вѣрили въ эти братскія увѣренія; они видѣли, что ихъ жилища заняты непріателемъ, ихъ жены и дочери изнасилованы, церкви осквернены, и поэтому всякій брался за оружіе. Страданія народа усиливались съ каждымъ днемъ, его отчаяніе дошло вскорѣ до крайнихъ предѣловъ. Русское дворянство выказало при этихъ обстоятельствахъ такую преданность монарху и отечеству, которая вѣчно будетъ служить къ его чести. И жертвы, принесенныя народомъ, превзошли ожиданія правительства. Таково было въ ту эпоху настроеніе умовъ; какъ видно, оно совершенно не соотвѣтствовало надеждамъ французовъ.

Я высказалъ эти соображенія генералу Себастьяни, который сдѣлался вдругъ серьезнымъ. Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ спросилъ, какой губерніи я уроженецъ. Я отвѣчалъ, что я эстляндецъ. Тогда онъ сказалъ, что тайные агенты Наполеона не дошли еще до насъ, но что Курляндія уже волнуется, и выразилъ надежду, что мы въ концѣ концовъ также сблизимся съ Европою. Я притворился, будто не понимаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать; тогда онъ развилъ мнѣ свои мысли, которыя клонились ни болѣе ни менѣе къ тому, чтобы отдѣлить Прибалтійскія губерніи отъ Россіи, образовать изъ нихъ герцогство или влючить ихъ въ королевство Польское!

— А что же вы сдѣлаете съ Петербургомъ?—спросилъ я,—его въ карманъ не положишь.

— Конечно,—отвѣчалъ онъ,—Петербургъ сдѣлается торговымъ портомъ, вотъ и все; онъ возвратится такимъ образомъ къ своему первоначальному назначенію.

Кровь бросилась мнѣ въ голову, я уже не могъ говорить долѣе въ томъ ироническомъ тонѣ, который я принялъ вначалѣ, и сказалъ съ живостью:

— Генераль, вы жестоко ошибаетесь; Петербургъ будетъ по-преж-

нему резиденціей нашихъ монарховъ, наши губерніи будутъ служить ему оплотомъ; мы предпочтемъ остаться Азіей вмѣстѣ съ Россіей скорѣе, нежели сдѣлаться Европою съ кѣмъ бы то ни было. Разрѣшите мнѣ, генераль, вернуться къ арміи; ваша бесѣда не можетъ нравиться мнѣ, ни быть для меня поучительною; мы теряемъ оба время, а намъ предстоитъ еще много дѣла: вамъ для того, чтобы выполнить ваши планы, а намъ для того, чтобы помѣшать ихъ выполнению.

Генераль Себастьяни окончилъ разговоръ столь гнусными словами, что я не хочу повторять ихъ въ этихъ запискахъ; но я счелъ долгомъ передать ихъ главнокомандующему, который въ свою очередь сообщилъ ихъ императору. Мнѣ говорилъ объ этомъ въ 1817 г. графъ Петръ Паленъ, которому передала о томъ великая княгиня Екатерина Павловна, со словъ императора, но я не буду забѣгать впередъ; этотъ эпизодъ будетъ рассказанъ въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, мнѣ было разрѣшено уѣхать; я увезъ нѣсколько экземпляровъ извѣстнаго бюллетена, обнародованнаго въ Волковскѣ и который только-что былъ полученъ генераломъ Себастьяни изъ главной квартиры.

Я подѣхалъ къ нашимъ аванпостамъ подъ французскимъ конвоемъ, изнемогая отъ усталости.

Казакъ разрушилъ всѣ мосты, такъ что мнѣ пришлось переправиться черезъ небольшую рѣчку вплавь. Къ счастью, я ѣхалъ на одной изъ великолѣпныхъ лошадей князя Гогенлоэ, которую король неаполитанскій разрѣшилъ мнѣ взять; это была легкая и въ то же время сильная гнѣдая лошадь; виртембергскій офицеръ графъ Гревеницъ, сопровождавшій меня, оказалъ мнѣ истинную услугу, приказавъ срѣзать откосы, чтобы сдѣлать доступными берега этой проклятой илистой рѣчки. Добравшись до противоположнаго берега, я раздѣлся донага, чтобы высушить свою одежду. Казакъ поподчивалъ меня водкой, и я крѣпко уснулъ.

Два часа спустя, меня разбудили ружейные выстрѣлы; непріятель пытался овладѣть переправою; я вскочилъ на лошадь, чтобы догнать главную квартиру.

Остановившись ненадолго возлѣ отряда графа Кутайсова, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, я поспѣшилъ затѣмъ въ замокъ Бельмонтъ, принадлежавшій графу Мануччи. Главнокомандующій только-что уѣхалъ оттуда, оставивъ въ замкѣ своего адъютанта, молодого Клингера, и роту гренадеръ Семеновскаго полка, чтобы конвоировать хорошенькую и пикантную графиню Мануччи, которая была, повидимому, вполне намъ предана. Она была такъ любезна, что усадила меня въ свою карету и отвезла въ главную квартиру.

Ея мужъ остался въ замкѣ, рѣшивъ выждать дальнѣйшихъ событій.

Онъ предложилъ намъ штукъ тридцать рогатаго скота, за что мы были ему весьма благодарны; но я слышалъ впоследствии отъ одного еврея, что онъ припряталъ вдвое большее количество скота въ лѣсъ, чтобы было чѣмъ угостить французовъ.

Главнокомандующій-принялъ меня какъ нельзя болѣе благосклонно, велѣлъ немедленно написать его величеству подробное донесеніе обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ, и обѣщалъ доложить императору обо всемъ сдѣланномъ мною. Но случилось какъ разъ обратное. Генералъ Ермоловъ, назначенный на мѣсто маркиза Паулуччи, успѣлъ уже повредить мнѣ въ глазахъ императора, и флигель-адъютантъ его величества полковникъ, баронъ Вольцогенъ, передалъ мнѣ впоследствии, что государь сказалъ:

— Я не особенно доволенъ выборомъ, сдѣланнымъ Барклаемъ, ибо Левенштернъ совершилъ въ 1809 году походъ съ французами и, какъ знать, не завязались ли у него сношенія съ ними: въ переживаемое нами время нельзя никому довѣрять.

Эта мысль не могла быть высказана великодушнымъ и добрымъ императоромъ, по его собственному побужденію, она была внушена ему генераломъ Ермоловымъ, который придумалъ вѣрнѣйшее средство, чтобы погубить меня; это средство удалось ему: добро, дѣлаемое человѣкомъ, забывается, а зло, даже предполагаемое, не забывается никогда.

Но такъ какъ главнокомандующій по-прежнему былъ благосклоненъ ко мнѣ, то меня не могли удалить силою; поэтому генералъ Ермоловъ измышлялъ, подъ разными предлогами, всевозможныя порученія, которыя,—по его словамъ,—я одинъ только и могъ исполнить.

Онъ и вся его клика надѣялись, какъ я уже сказалъ, что главнокомандующій отвыкнетъ понемногу работать со мною и что въ одно изъ моихъ отсутствій имъ удастся уговорить его взять вмѣсто меня другое лицо. И этотъ планъ удался, но я на это не сѣтовалъ, такъ какъ мнѣ гораздо болѣе нравилось ѣздить на аванпосты и присутствовать при сраженіяхъ, нежели высидивать по цѣлымъ часамъ въ кабинетѣ; но мои недоброжелатели и не подозрѣвали этого.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Ермоловъ, обогранный кровью, точно такъ же, какъ и я. при всѣхъ покаялся мнѣ во всемъ на батарее, которую мы отбили вмѣстѣ съ нимъ у неприятеля. Прежде, нежели я расскажу, какимъ образомъ произошло это примиреніе, запечатлѣнное кровью, я скажу, что Ермоловъ, чтобы отдѣлаться отъ Барклая, хотѣлъ навлечь на него подозрѣніе, и я игралъ въ этомъ случаѣ только роль фитиля, коимъ зажигаютъ фейерверкъ.

Главнокомандующій и я носили иностранныя фамиліи; въ этомъ видѣли преступленіе съ нашей стороны; между тѣмъ, мы были душою истинно русскіе люди. Барклай доказалъ это блестящимъ образомъ въ

роли главнокомандующаго, а я, болѣе скромно, обагривъ свою шпагу кровью непріятели.

XXI.

Движеніе къ Дриссѣ.—Приказъ императора Александра по арміи.—А. П. Ермоловъ и его отношенія къ Барклаю.—Побѣда при Кобрянѣ.—Отступленіе отъ Витебска.

27-го іюня армія стянулась въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, по плану, предложенному и выполненному генераломъ Пфулемъ; но этотъ лагерь съ самаго начала былъ признанъ бесполезнымъ и безцѣльнымъ.

Позиція была сильная, но она уже не годилась для русской арміи, хотя была бы превосходнымъ стратегическимъ пунктомъ, если бы Наполеонъ двинулъ свои войска на Псковъ и въ Лифляндскую губернію.

Графъ Витгенштейнъ, получивъ приказаніе оперировать съ однимъ корпусомъ на нашемъ правомъ флангѣ и прикрывать Двину, Ригу и дорогу въ Петербургъ, началъ у Дриссы свою блистательную карьеру, покрывшую его славою.

Такъ какъ отступленіе русской арміи могло имѣть пагубное вліяніе на нравственное состояніе и на духъ солдатъ, то сочли нужнымъ успокоить войско, доказывая ему, что отступленіе совершалось только для того, чтобы сосредоточить различныя корпуса въ одномъ пунктѣ. Съ этой цѣлью императоръ Александръ отдалъ 27-го іюня, въ день Полтавской битвы, слѣдующій дневной приказъ:

«Русскіе воины! Наконецъ, вы достигли той цѣли, къ которой стремились. Когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей Имперіи, вы были на границѣ, для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія арміи нашей временнымъ и нужнымъ отступленіемъ удерживаемо было кипящее ваше мужество—остановить дерзкій шагъ непріятели. Нынѣ всѣ корпуса первой нашей арміи соединились на мѣстѣ предназначеномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти награду за понесенныя труды.

«Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ васъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разли враговъ своихъ; вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній за вѣру, честь, отечество и семейства ваши. Правду вашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ свое благословеніе».

Послѣ того, какъ была произведена большая рекогносцировка и у императора состоялся совѣтъ, было рѣшено оставить окопы и отступить къ Полоцку.

Армія жестоко обвиняла генерала Пфуля, даже было произнесено слово «измѣна», а между тѣмъ планъ этого генерала былъ превосходно задуманъ. Онъ соорудилъ Дрисскій лагерь въ предположеніи, что будетъ занятъ 80-ю резервными батальонами, а арміи Барклая и князя Багратиона, свободныя въ своихъ движеніяхъ, должны были оперировать на его флангахъ.

Такъ какъ соединеніе 1-ой и 2-ой армій еще не совершилось, а восьмидесяти батальоновъ не оказалось на лицо, вслѣдствіе этого не удался и весь первоначальный планъ кампаніи.

4-го іюля армія двинулась двумя колоннами къ Полоцку.

Въ окрестностяхъ этого города императоръ покинулъ насъ, уѣхавъ въ Москву.

Передъ отъѣздомъ государь пріѣхалъ проститься съ генераломъ Барклаемъ. Онъ засталъ его за работою въ конюшнѣ,—ему было вездѣ хорошо, лишь бы быть поближе къ арміи.

Проведя съ Барклаемъ около часа, императоръ простился съ нимъ и обнялъ его. Его величество былъ очень взволнованъ; я былъ въ тотъ день дежурный и одинъ присутствовалъ при этой сценѣ, которая глупо растрогала меня.

Сѣвъ въ дорожную коляску, императоръ обернулся еще разъ и сказалъ Барклаю:

— Прощайте, генералъ, еще разъ прощайте; надѣюсь, до свиданія. Поручаю вамъ свою армію; не забудьте, что у меня второй нѣтъ: эта мысль не должна покидать васъ.

Слова—знаменательныя въ устахъ монарха и достаточно объясняющія осмотрительность, съ какою дѣйствовалъ главнокомандующій, возбудившій этимъ противъ себя всеобщее неудовольствіе. Пѣсни, сочиненныя по этому поводу въ отрядѣ генерала Беннигсена, были распространены въ арміи и забавляли людей праздныхъ и тѣхъ тунеядцевъ, которые всегда пристраиваются къ главной квартирѣ; пѣсни эти покажутъ, какъ насмѣшка коснулась челоуѣка весьма почтеннаго и самаго искренняго патріота своего времени.

Послѣдующія событія доказали, что система дѣйствій, принятая по волѣ императора, которому главнокомандующій подчинился во всѣхъ своихъ военныхъ операціяхъ, спасла Россію и Европу: въ самомъ дѣлѣ, всѣ ужасы и бѣдствія, постигшіе французскую армію, не исключая пожара Москвы, не имѣли бы никакихъ благоприятныхъ для насъ послѣдствій, если бы мы не сохранили въ цѣлости прекрасно организованную армію, которой мы впослѣдствіи могли воспользоваться.

Послѣ отъѣзда императора, положеніе Барклая сдѣлалось еще болѣе тягостнымъ; но зато оно сдѣлалось и болѣе почетнымъ. На немъ одномъ лежало все бремя дальнѣйшей судьбы Россіи! Никто лучше его не понималъ этой великой и священной отвѣтственности. Если его противники и клеветники, оскорблявшіе его при жизни, потревожатъ его прахъ, то они увидятъ, что въ немъ не было ничего, кромѣ самаго безкорыстнаго патріотизма и величайшаго самоотверженія.

Всѣ мысли генерала Барклая были заняты осуществленіемъ столь желаннаго соединенія первой арміи со второй, коей командовалъ князь Багратіонъ.

Барклай, и въ присутствіи императора, горько жаловался на распоряженія князя Багратіона и атамана Платова; но онъ всегда хвалилъ графа Палена и генерала Дохтурова, кои, совершивъ изумительные переходы и сражаясь ежедневно, успѣли соединиться и выйти изъ крайне опаснаго положенія. Впослѣдствіи, Барклай, видя честное поведеніе Багратіона, измѣнилъ о немъ мнѣніе и сталъ относиться къ нему болѣе сочувственно.

8-го іюля армія достигла до Полоцка и, продолжая свое отступленіе, 11-го іюля уже была въ Витебскѣ.

Тутъ генералъ Тормасовъ порадовалъ насъ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной при Кобринѣ. По этому случаю былъ отслуженъ молебенъ, на которомъ присутствовалъ главнокомандующій. Окруженный пятью генералами въ голубыхъ лентахъ и всѣмъ штабомъ, онъ стоялъ впереди этой блестящей свиты и первый получилъ благословенный хлѣбецъ.

Вѣсть о побѣдѣ, одержанной генераломъ Тормасовымъ, была возвѣщена арміи 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ.

Въ Витебскѣ главнокомандующій занялъ позицію влѣво отъ города, приказалъ 4-му и 5-му корпусамъ переправиться черезъ Двину, а 1-му кавалерійскому корпусу идти по дорогѣ въ Бешенковичи.

Графъ Остерманъ двинулся по направленію къ Островно, чтобы задержать слишкомъ поспѣшное движеніе непріятели, выиграть время и дать такимъ образомъ 2-й арміи возможность нагнать насъ.

Авангардъ графа Остермана встрѣтилъ 13-го іюля авангардъ Мюрата и опрокинулъ его въ первый моментъ, но гвардейскіе гусары, слишкомъ увлекшись преслѣдованіемъ непріятели, наскочили на его резервъ и были имъ отброшены; мы потеряли въ этой стычкѣ 6 орудій.

Главнокомандующій послалъ меня по утру къ графу Остерману узнать, въ какомъ онъ находится положеніи. Легко было видѣть, что если бы графъ Остерманъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, то его корпусъ былъ бы вскорѣ уничтоженъ, не принеся никакой пользы. По мнѣнію этого храбрѣйшаго генерала, все военное искусство заключается

въ томъ, чтобы вести людей въ огонь безъ оглядки и идти въ опасность первому.

Онъ не слушалъ совѣтовъ состоявшихъ при немъ генераловъ, двухъ Бахметевыхъ и Окунева, который былъ впоследствии убитъ, но выказалъ готовность сообразоваться съ мнѣніемъ человѣка, посланнаго главнокомандующимъ; Бахметевы были настолько благоразумны, что, отбросивъ самолюбіе, просили меня указать генералу все то, что они считали полезнымъ въ данную минуту.

Мой сотоварищъ, Сеславинъ, помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Графъ Остерманъ поручилъ намъ руководить дѣйствіями на его флангахъ, рѣшивъ самъ командовать центромъ. Подчиненные ему генералы только этого и желали, такъ какъ при полномочіяхъ, данныхъ Сеславиному и мнѣ, они получили возможность дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, однимъ словомъ, могли вести сраженіе болѣе правильно, не компрометируя успѣха до тѣхъ поръ, пока не подошелъ бы корпусъ Тучкова, или, лучше сказать, дивизія Коновницына, коему я передалъ лично приказаніе главнокомандующаго идти на помощь графу Остерману.

Сеславинъ командовалъ лѣвымъ крыломъ, а я правымъ; это дало мнѣ возможность предоставить гвардейскимъ гусарамъ случай отплатить неприятельской кавалеріи за испытанную ими по утру неудачу. Французы шли по большой дорогѣ и повиданному намѣревались атаковать нашихъ гусаръ. Тогда я велѣлъ двинуть впередъ два 12 ф. орудія, которыя дѣйствовали столь успѣшно, что наши гусары, смущенные по утру своей неудачею, рѣшились атаковать ихъ и со своей обычной отвагою разсѣяли неприятельскую кавалерію, которая пришла въ замѣшательство отъ нашихъ выстрѣловъ, и опрокинули ее. Такимъ образомъ имъ удалось прекратить наступательное движеніе французовъ на нашъ правый флангъ.

Сеславинъ на лѣвомъ флангѣ дѣйствовалъ также успѣшно. День, начавшійся такъ неудачно, окончился благополучно въ томъ смыслѣ, что графу Остерману не пришлось отступить; порядокъ былъ восстановленъ еще до заката солнца и когда войска отдохнули, то Сеславинъ могъ, по приказанію главнокомандующаго, отступить къ корпусу Тучкова и занять указанную ему позицію.

Я былъ очень удивленъ тѣмъ, что генералъ Коновницынъ все еще не появлялся. Отправившись тотчасъ по окончаніи сраженія къ главнокомандующему, чтобы довести ему о подробностяхъ, я надѣлся встрѣтить Коновницына по пути. Я ѣхалъ такъ быстро, какъ только могла меня нести измученная лошадь, но я проѣхалъ десять верстъ, а Коновницына все не было. Это обстоятельство начинало тревожить меня, такъ какъ я общалъ графу Остерману, что его отрядъ отдохнетъ подъ прикрытіемъ отряда Коновницына.

Наконецъ, я встрѣтилъ его дивизію, расположившуюся у большой дороги въ безпорядкѣ какъ бы для отдыха. Я поспѣшно спросилъ у егерей, оторые курили лежа и сидя во рвахъ: «Гдѣ вашъ генералъ?»

Ко мнѣ подошелъ князь Шаховской.

— Ради Бога,—сказалъ я,—что вы тутъ дѣлаете? гдѣ генералъ Коновницынъ? Ему уже слѣдовало бы быть на позиціи, указанной ему пять или шесть часовъ тому назадъ. Графъ Остерманъ рассчитываетъ на него и, если онъ его не найдетъ, то одинъ Богъ знаетъ, что изъ этого можетъ произойти.

Во время этого разговора подѣхалъ самъ Коновницынъ; на энергичные упреки, съ коими я обратился къ нему, онъ отвѣчалъ, что онъ тщетно ожидалъ извѣстій отъ графа Остермана и, не получивъ ихъ, рѣшилъ остановиться, чтобы не подвергать свое войско опасности.

— Но, генералъ,—возразилъ я,—вамъ слѣдовало розыскать графа Остермана; таковъ былъ смыслъ приказанія, переданнаго вамъ мною сегодня утромъ; вы должны были занять позицію въ четырехъ или пяти верстахъ позади его корпуса, для того чтобы поддержать его. Я немедленно доведу обо всемъ главнокомандующему; пошлите къ графу Остерману адъютанта, чтобы онъ зналъ, гдѣ васъ найти, и займите какую-либо позицію вправо или влево отъ большой дороги, чтобы не zagrożждать ее войскомъ.

Я былъ страшно возмущенъ. Проговоривъ все это съ живостью, я поклонился и собирался ѣхать; но князь Шаховской остановилъ меня и, понимая, что мое донесеніе могло повредить генералу Коновницыну, просилъ не дѣлать ему неприятели и не говорить, что я нашелъ его съ войскомъ на большой дорогѣ. Въ это время къ намъ подошелъ Коновницынъ, онъ далъ мнѣ честное слово въ томъ, что онъ готовъ поддержать корпусъ Остермана и подойдетъ во-время и что я могу быть спокоенъ, что приказаніе, переданное мною, будетъ исполнено.

Этотъ храбрый генералъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Поэтому я рѣшилъ, не колеблясь, умолчать обо всемъ; и мнѣ не пришлось въ этомъ раскаяться, такъ какъ на слѣдующее утро Коновницынъ подкрѣпилъ корпусъ Остермана и кромѣ того оказалъ неприятелю столь энергичное сопротивление, что главнокомандующій осыпалъ его похвалами въ присутствіи своего штаба.

Съ этихъ поръ генералъ Коновницынъ относился ко мнѣ съ большимъ расположеніемъ въ то время, когда онъ достигъ виднаго положенія въ нашей арміи.

Я проѣхалъ въ этотъ день 60 верстъ на одной и той же лошади. Мнѣ посчастливилось встрѣтить по пути семью поляковъ, которые рѣшили при приближеніи французовъ переселиться въ Подольскую губернію; за ними ѣхалъ большой фургоны, нагруженный вещами и пери-

нами. Они позволили мнѣ растянуться въ этомъ фургонѣ, и я доѣхалъ такимъ образомъ до Витебска, вполне отдохнувъ отъ утомленія, испытаннаго мною въ этотъ день.

Между тѣмъ армія заняла позицію въ окрестностяхъ Витебска; ея правый флангъ опирался на Двину. Несмотря на то, что наши силы были менѣе значительны, главнокомандующій возмѣля смѣлую мысль принять сраженіе; съ этою цѣлью уже были сдѣланы всѣ надлежащія распоряженія, какъ вдругъ извѣстіе, полученное имъ отъ князя Багратиона, побудило его въ виду непріятеля снять лагерь и продолжать отступление.

Это былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ маневровъ Барклая; это рѣшеніе отличалось большимъ благоразуміемъ и смѣлостью, нежели можно думать.

Графъ Петръ Паленъ, прикрывавшій отступление, выказалъ при этомъ такія выдающіяся способности, которыя показали чего можно было ожидать отъ него впредь. Онъ сражался весь день противъ соединенныхъ силъ короля Неаполитанскаго и вице-короля Италіанскаго, и такимъ образомъ далъ главнокомандующему возможность совершить отступление въ изумительномъ порядкѣ: непріятель былъ нѣкоторое время въ полной неизвѣстности относительно того, въ какомъ направленіи ушла русская армія.

Зрѣлище было величественное; армія, стоя подъ ружьемъ на высотахъ, господствовавшихъ надъ полемъ битвы, гдѣ сражался графъ Паленъ, была безмолвной свидѣтельницей доблестнаго подвига, совершавшагося на ея глазахъ.

Я былъ посланъ къ графу Палену, чтобы передать ему совершенное удовольствіе главнокомандующаго; мнѣ было приказано остаться при немъ до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ свое движеніе на Порадзки, и сообщить ему о ходѣ событий. Вечеромъ, графъ Паленъ, пройдя со своимъ отрядомъ въ полномъ порядкѣ черезъ Витебскъ, оставилъ городъ во власть непріятеля.

Графъ Паленъ недомогалъ, но не сходилъ съ лошади нѣсколько дней подъ рядъ, однако въ концѣ концовъ онъ все же былъ вынужденъ ко всеобщему сожалѣнію уѣхать изъ арміи и едва не умеръ отъ горячки.

На слѣдующій день я едва не попалъ какимъ-то чудомъ въ плѣнъ: мы сражались весь день и могли немного отдохнуть только съ наступленіемъ ночи.

Графъ Паленъ предложилъ мнѣ выпить для подкрѣпленія своего знаменитаго нью, но у насъ не было чѣмъ закусить. Къ счастью для нашихъ отошавшихъ желудковъ, въ это время подоспѣлъ полковникъ Потемкинъ, предложившій намъ пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ.

Потемкинъ, весьма храбрый на полѣ битвы, былъ сибаритъ на бивуакѣ; онъ предложилъ намъ такой обѣдъ, который сдѣлалъ бы честь и въ Петербургѣ. Превосходныя блюда и десерты были поданы на прекрасной фарфоровой посудѣ и запиты прекраснымъ виномъ.

Пообѣдавъ, мы легли отдохнуть; я легъ возлѣ моихъ лошадей на дворѣ, довольный тѣмъ, что у нихъ было въ изобиліи фуража и соломы. Я уснулъ, не предупредивъ брата о томъ, гдѣ я находился.

На слѣдующій день, непріятель атаковалъ рано утромъ наши аванпосты и отбросилъ ихъ изъ деревни, въ которой я спалъ еще глубокимъ сномъ. Графъ Паленъ и братъ не тревожились обо мнѣ, воображая, что я уѣхалъ впередъ. Вдругъ я услышалъ въ концѣ деревни ружейные выстрѣлы; я поспѣшно разбудилъ людей, мы быстро осѣдлали лошадей и вскочили на нихъ; у воротъ моего двора стояло уже два французскихъ кавалериста. Закричавъ «ура!», я бросился на нихъ; моему примѣру послѣдовали казаки и двое денщиковъ, бывшихъ со мною. Непріятель вообразилъ, что онъ попалъ въ засаду, и ускакалъ во весь опоръ; мы же со своей стороны ускакали еще болѣе поспѣшно. Французскіе егеря, понявъ скорѣй свою ошибку, преслѣдовали меня; но тутъ подоспѣли казаки, которые меня освободили.

Я посмѣялся надъ этимъ приключеніемъ, но далъ себѣ слово не попадаться болѣе въ подобную западню. Пробывъ три дня съ графомъ Паленомъ, я возвратился въ главную квартиру.

Такъ какъ я былъ свидѣтелемъ трехдневнаго сраженія подъ Витебскомъ, то главнокомандующій поручилъ мнѣ написать о немъ донесеніе; за которое я удостоился похвалы даже генерала Ермолова, воспользовавшагося случаемъ сказать генералу Барклаю, что меня слѣдуетъ всегда посылать къ авангарду, такъ какъ никто не можетъ написать столь обстоятельное и толковое донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ: это была похвала Іуды!

Я никогда не имѣлъ пристрастія къ кабинетнымъ занятіямъ, и если бы мои враги могли читать въ моемъ сердцѣ, то они увидѣли бы, что, лишивъ меня этихъ занятій, они оказали бы мнѣ огромную услугу; съ той минуты какъ меня перестали употреблять по письменной части, я могъ располагать собою и былъ всегда тамъ, гдѣ раздавались выстрѣлы.

Я долженъ отдать справедливость полковнику Закревскому, который также былъ адъютантомъ генерала Барклая, что несмотря на свои близкія отношенія къ Ермолову, онъ никогда не вмѣшивался ни въ какія интриги. Занятый исключительно своимъ дѣломъ, онъ не любилъ происковъ и, не зная французскаго языка, относился равнодушно къ тому, что мнѣ поручали работу, которую онъ самъ не могъ дѣлать; онъ предпочиталъ даже, чтобы эту работу дѣлалъ по-прежнему я, а не мой

замѣститель, молодой чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, весьма неопытный и незнакомый съ техническими военными выраженіями, все преимущество котораго передо мною заключалось въ томъ, что онъ былъ племянникъ Барклая.

По возвращеніи моемъ въ главную квартиру, моимъ постояннымъ товарищемъ на бивуакѣ, въ баракахъ и хижинахъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ фонъ-Вольцогенъ, человекъ тяжеловѣсный, но развитой и всегда прекрасно освѣдомленный обо всемъ происходившемъ. Онъ также пользовался довѣріемъ главнокомандующаго и руководилъ втайнѣ дѣлами главной квартиры.

Генераль Ермоловъ, завидовавшій всѣмъ, въ особенности иностранцамъ, не могъ равнодушно видѣть того, что главнокомандующій выслушивалъ мнѣніе Вольцогена и даже вызывалъ его на откровенность, въ каковыхъ случаяхъ Вольцогенъ смѣло высказывалъ свой взглядъ, къ величайшему неудовольствію начальника штаба.

Ермоловъ рѣшилъ подставить ему ногу, и это ему удалось; Вольцогенъ былъ устраненъ отъ дѣлъ. Онъ былъ этимъ не особенно огорченъ, такъ какъ главнокомандующій по-прежнему относился къ намъ весьма благосклонно.

Послѣ сраженія подъ Витебскомъ я не писалъ болѣе никакихъ донесеній, и Вольцогенъ не видалъ болѣе картъ и плановъ главнокомандующаго.

Зная добрый, честный и добродушный характеръ Барклая, можно было ожидать, что мы еще появимся на сценѣ; это было даже весьма возможно; наши противники предвидѣли эту опасность; во избѣжаніе ея рѣшили удалить насъ окончательно.

Съ Вольцогеномъ, флигель-адъютантомъ, пользовавшимся покровительствомъ вдовствующей императрицы, которая получала черезъ него всѣ свѣдѣнія изъ дѣйствующей арміи, было труднѣе бороться. Поэтому я сдѣлался первою жертвою.

Въ настоящее время я говорю о прошломъ хладнокровно, но, переносясь въ ту эпоху моей жизни, и прочитавъ не только то, что мною написано, но все, что будетъ изложено далѣе, читатель пойметъ, какъ много можетъ перенести честный человекъ, когда его совѣсть чиста.

XXII.

Соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ.—Встрѣча Барклая-де-Толли съ Баграціономъ.—Военный совѣтъ.—Бой подъ Смоленскомъ.

Продолжая отступление, мы подошли къ Смоленску, этому воображаемому ключу къ Москвѣ, который скорѣе можно сравнить съ откры-

тыми дверьми постоялаго двора; въ этомъ городѣ стоялъ небольшой отрядъ подъ командою генерала, барона Винцингероде; 20-го іюля генералъ Барклай перенесъ туда свою главную квартиру.

Полковникъ Вольцогенъ былъ посланъ къ князю Багратиону, чтобы ускорить движеніе второй арміи; несмотря на все противодѣйствіе Наполеона, обѣ арміи соединились 22-го іюля.

Когда князь Багратионъ пріѣхалъ въ первый разъ къ Барклаю въ сопровожденіи блестящей свиты, въ которой я замѣтилъ генераловъ Васильчикова, графа Воронцова, артиллерійскаго генерала Левенштерна, Паскевича, Раевского и другихъ, то я убѣдилъ генерала Барклая выѣхать къ нему на встрѣчу въ полной парадной формѣ, съ шляпою въ рукахъ и сказать Багратиону, что онъ самъ ѣхалъ къ нему.

Во всѣхъ вопросахъ, касавшихся общественныхъ отношеній, генералъ Барклай охотно принималъ мои совѣты: еще въ Петербургѣ онъ привыкъ совѣтоваться со мною, поэтому и теперь не противорѣчилъ и сдѣлалъ такъ, какъ я ему подсказалъ.

Князь Багратионъ не ожидалъ подобной любезности, которая произвела на него и на его свиту огромное впечатлѣніе. Генералъ Барклай, хотя моложе князя Багратиона по службѣ, былъ уже главнокомандующимъ двухъ соединенныхъ армій и могъ, не роняя своего достоинства, оказать ему подобную любезность. Онъ пожалъ мнѣ руку въ знакъ благодарности за то, что я подалъ ему, эту мысль; это было для меня тѣмъ болѣе лестно, что онъ былъ не особенно способенъ къ изліянію своихъ чувствъ.

Свиданіе продолжалось не болѣе получаса.

Съ этого момента, генералъ Барклай принялъ главное начальство надъ обѣими соединенными арміями и хотя князю Багратиону не могло быть пріятно находиться подъ начальствомъ чловѣка, который былъ моложе его по службѣ, но онъ подавилъ въ себѣ это вполнѣ понятное чувство и честно исполнилъ свой долгъ, что всегда послужитъ къ его славѣ.

25-го іюля, оба главнокомандующіе съѣхались къ генералу Барклаю-де-Толли на военный совѣтъ, на который были приглашены великій князь Константинъ, генералъ Ермоловъ, графъ Сенъ-Приестъ и полковникъ Толь.

Было предложено произвести атаку на Рудню съ цѣлью воспользоваться разбросанностью французскихъ отрядовъ. Барклай колебался, не зная на что рѣшиться; надобно сознаться, я первый разъ въ жизни не одобрялъ его образа дѣйствій. Онъ волновался, утомлялъ армію ненужными движеніями и перемѣною позицій, которыя приходилось совершать по грязнымъ и непроходимымъ дорогамъ, ожидалъ появленія непріятеля то на правомъ, то на лѣвомъ берегу, но не имѣлъ о немъ точныхъ

свѣдѣній; развѣдочная служба, столь усовершенная въ теченіе войны, была поставлена въ то время весьма неудовлетворительно.

Однако, Барклай рѣшился поставить корпусъ генерала Раевского въ Смоленскѣ и по дорогѣ въ Красное, гдѣ генераль Невѣровскій былъ атакованъ вскорѣ превосходными силами. Этотъ храбрый генераль оказалъ неприятелю геройское сопротивленіе: его отступленіе можетъ служить примѣромъ для всѣхъ подобнаго рода военныхъ операцій. Ему наградю былъ чинъ генераль-лейтенанта, пожалованный ему императоромъ; онъ получилъ этотъ чинъ вскорѣ послѣ графа Петра Палена, заслужившаго это отличіе своимъ молодецкимъ поведеніемъ подъ Витебскомъ.

Атаманъ Платовъ и графъ Паленъ атаковали 27-го іюля на пути къ Руднѣ корпусъ Себастьяни, опрокинули его и взяли много плѣнныхъ; въ томъ числѣ оказался командиръ 10-го гусарскаго полка; всѣ бумаги генерала Себастьяни были перехвачены.

Главная квартира расположилась въ Выдрѣ. Совершивъ нѣсколько безполезныхъ переходовъ и имѣвъ нѣсколько стычекъ съ неприятелемъ, армія сосредоточилась въ Смоленскѣ, какъ вдругъ мы узнали, что Наполеонъ, совершивъ великолѣпнѣйшее за весь походъ движеніе, успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ. Его операціонный планъ начиналъ выясняться. Князь Ваграціонъ временно отдѣлился отъ первой арміи и сталъ на Московскою дорогѣ. Барклай рѣшилъ держаться въ Смоленскѣ, который рѣшено было защищать до послѣдней крайности.

Смоленскъ былъ обложенъ. Наша армія стояла на правомъ берегу Днѣпра; ея правое крыло опиралось въ рѣку, а лѣвое въ предмѣстья города, который съ 4-го августа былъ занятъ корпусомъ генерала Раевского.

Когда генераль Раевскій, по выдержаніи нѣсколькихъ атакъ Нея, получилъ приказаніе присоединиться ко 2-ой арміи, то генераль Дохтуровъ и принцъ Евгенийъ Виртембергскій смѣнили его съ отрядомъ въ 30.000 человекъ.

Для сообщенія города съ арміей имѣлось три моста, изъ коихъ одинъ деревянный на Петербургскою дорогѣ, а два другіе—понтонные.

5-го августа всѣ французскія колонны развернулись въ виду города.

Наполеонъ надѣялся, что мы выступимъ изъ Смоленска и сразимся съ нимъ въ открытомъ полѣ, но, видя, что мы стягивали свои силы, онъ далъ сигналъ къ атакѣ.

Главнoкомандующій объѣхалъ всѣ пункты, коимъ угрожала опасность, и остановился на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на возвышенности возлѣ церкви, маскировавшей батарею съ 12-ю орудіями, коею командовалъ полковникъ Нилусъ. Онъ приказалъ открыть огонь; неприятель отвѣчалъ на него энергично; это былъ настоящій адъ. Гене-

ралъ Барклай, неподобный въ подобныхъ случаяхъ, повидимому, вовсе не думалъ объ опасности, коей онъ подвергался, и отдавалъ приказанія съ величайшимъ хладнокровіемъ.

Между этой батареей и корпусомъ Понятовскаго, которому позабыли послать подкрѣпленіе, находилась рѣка. Непріятель, не упускавшій случая воспользоваться каждою сдѣланною нами оплошностью, переправилъ въ бродъ кавалерію, которая пыталась окружить главнокомандующаго и овладѣть батареей, находившейся въ полуверстѣ отъ лагеря.

Къ счастью, я замѣтилъ это во-время; взявъ конвой генерала, всѣхъ его адъютантовъ и ординарцевъ, мы кинулись на встрѣчу смѣлымъ кавалеристамъ, которые были нами опрокинуты и обращены въ бѣгство, такъ какъ ихъ было весьма немного; при этомъ особенно отличился ординарецъ главнокомандующаго, поручикъ Кавалергардскаго полка Башмаковъ. Другой ординарецъ, Григорій Орловъ, былъ посланъ въ лагерь за полкомъ польскихъ уланъ, который главнокомандующій приказалъ мнѣ поставить такъ, чтобы онъ могъ прикрыть батарею Нилуса.

Городъ уже пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; предмѣстья были объяты пламенемъ.

Столь удачно начавшаяся оборона Смоленска давала поводъ надѣяться, что и въ послѣдующіе дни всѣ попытки непріятеля овладѣть имъ окончатся неудачею. Однако, генералъ Барклай опасался, что Наполеонъ, выдвинувъ впередъ правый флангъ, овладѣетъ дорогою въ Москву, которую вторая армія одна не въ состояніи была бы оборонять.

Поэтому было рѣшено оставить Смоленскъ.

Въ 6 часовъ вечера, Наполеонъ сформировалъ колонны для атаки города, намѣреваясь проникнуть въ него силою. Потери непріятеля были огромны; картечь причинила ему немало вреда.

Въ полночь съ 5-го на 6-е августа, я былъ посланъ съ приказаніемъ оставить городъ; ночь была великолѣпная; непріятель вступилъ въ Смоленскъ съ развернутыми знаменами и съ музыкою.

Генералъ Корфъ, командовавшій нашимъ арріергардомъ, посылалъ имъ въ догонку ядра и гранаты, то это не помѣшало непріятелю занять городъ, который былъ уже объятъ пламенемъ.

Наполеонъ въ ту же ночь перенесъ туда свою главную квартиру. Съ высотъ, на которыхъ мы стояли, мы могли видѣть все, что дѣлалось въ городѣ. Сердце обливалось кровью отъ всего видѣннаго, но мы не теряли бодрости духа; армія начинала вѣрить въ храбрость и способность Барклая; всякій чувствовалъ инстинктивно, что онъ одинъ могъ въ данную минуту вывести насъ изъ затруднительнаго положенія.

Главнокомандующій провелъ ночь подъ открытымъ небомъ. Онъ весь

день ничего не ѣлъ; я предложилъ ему немного простокваши; это было его единственной пищею.

Армія выступила въ ночь, чтобы занять позицію на Дорогобужской дорогѣ и возстановить сообщеніе съ княземъ Багратиономъ. Это движеніе было изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ во всю кампанію.

Барклай рискнулъ выполнить его въ виду такого человѣка, какъ Наполеонъ, на сторонѣ коего было то преимущество, что онъ располагалъ внутренней линіей. Это движеніе, совершенное въ ночь съ 6-го на 7-е августа въ виду непріятеля, дѣлаетъ величайшую честь военному таланту генерала Барклая. Никогда еще наша армія не подвергалась большей опасности.

Прежде, нежели продолжать описаніе этого кровопролитнаго дня, я долженъ упомянуть, что генераль Ермоловъ сдѣлалъ еще одну попытку удалить меня изъ арміи, но она не удалась.

Странное было мое положеніе! Днемъ я подвергался опасности со стороны непріятеля, а вечеромъ велъ шахматную игру съ иными противниками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. С. Сопиковъ и его библиографія.

Всеподданнѣйшая записка статсъ-секретаря А. Оленина.

14-го іюня 1816 г.

Въ прошломъ 1812 г. по всеподданнѣйшему моему изустному представленію о пользѣ, какую можетъ принести для любителей россійской словесности полная россійская библиографія, которую по 12-ти лѣтнихъ въ сей части трудахъ предполагалъ издать помощникъ бібліотекаря при Императорской публичной бібліотекѣ г. Сопиковъ, ваше императорское величество всемилостивѣйше повелѣть мнѣ соизволили сообщить министру народнаго просвѣщенія, чтобъ онъ приказалъ выдать заимообразно г. Сопикову 9.000 руб. изъ суммъ, принадлежащихъ департаменту министерства просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы г. Сопиковъ сію сумму выплатилъ соразмѣрнымъ числомъ экземпляровъ, полагая каждый для казны въ 12 руб. за три тома.

Г. Сопиковъ, ободренный сею милостію, усугубилъ труды свои и розысканія съ тѣмъ, чтобы издать уже самую полную русскую библиографію. Сіе было причиною, что, вмѣсто предполагаемыхъ имъ при первой смѣтѣ трехъ томовъ, онъ не можетъ нынѣ сочиненія своего кончить менѣе пяти томовъ, изъ коихъ четвертый имѣю счастье представить при семъ во всемилостивѣйшее вниманіе вашего императорскаго величества. Необходимое увеличеніе сего сочиненія естественно требуетъ излишнихъ издержекъ противъ прежде предположенной смѣты на первые три тома, почему я и осмѣливаюсь, въ пользу россійской словесности, всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о всемилостивѣйшемъ пожалованіи Сопикову, для вящаго его ободренія къ новымъ трудамъ, изъ суммы Кабинета вашего величества 4.500 руб. для нужнаго ему вспоможенія при отпечатаніи послѣднихъ двухъ томовъ, ибо книга его скоро продаваться не можетъ, слѣдственно и оборотовъ большихъ ему нельзя дѣлать. Если же не благоудно будетъ пожаловать ему сію сумму, то по крайней мѣрѣ всемилостивѣйше дозволить выдать оную заимообразно, на прежнемъ основаніи изъ тѣхъ же суммъ департамента министерства просвѣщенія.

Рукою Аракчеева написано: «Высочайше повелѣно объявить повелѣніе объ отпускѣ сихъ денегъ изъ Кабинета, 14-го іюня 1816 г.»

Двѣ народныя пѣсни объ императорѣ Александрѣ II.

Въ июльской книжкѣ «Русской Старины» была напечатана пѣснь на кончину императора Александра II, записанная въ области Войска Донскаго графинею М. А. Голенищевую-Кутузовою, со словъ слѣпца, пѣвшаго ее подѣ звуки мѣстнаго струннаго инструмента.

Печатаая эту пѣснь, г. Кульманъ указываетъ вообще на важность научнаго анализа современной народной пѣсни, несмотря на недостатки ея формы, и совѣтуетъ записывать ее *sine iga*. Затѣмъ, г. Кульманъ останавливаетъ вниманіе читателя на томъ, что напечатанная пѣснь касается такого выдѣляющагося событія, которое несомнѣнно произвело сильное впечатлѣніе на народъ; и личность Царя-Освободителя, и трагическая его смерть,—говорить онъ далѣе,—должны были сохраниться въ народной памяти.

Исходя изъ этихъ же, совершенно правильныхъ, возрѣній, я счелъ нужнымъ записать двѣ пѣсни мѣстнаго стихотворца изъ крестьянъ Костромскаго уѣзда, Челпановской волости, деревни Космыниной, старика 65-ти лѣтъ, Дмитрія Степанова Ваулина, касающіяся только-что названныхъ сюжетовъ, а именно: кончины императора Александра II и благодарной о немъ памяти со стороны освобожденныхъ имъ отъ крѣпостнаго состоянія людей.

Объ эти пѣсни были записаны мною со словъ самого ихъ автора, читающаго ихъ на-распѣвъ, на былинный ладъ; записаны онѣ были съ помощью пишущей машины, чтобы дать возможность самому автору, лучше справляющемуся съ печатнымъ прифтомъ, чѣмъ съ письменнымъ, исправить всѣ неточности по звуковой части и въ особенности въ своеобразномъ мѣстномъ удареніи на нѣкоторыхъ слогахъ.

Объ пѣсни, съ согласія автора, посылаю въ распоряженіе редакціи журнала «Русская Старина».

Н. Селифоновъ.

I.

Плачевная пѣснь о смерти Царя-Освободителя.

Собиралася туча страшная
 Врановъ черныхъ, кровожадныхъ,
 Пригласивъ къ себѣ крысъ подземныхъ и подпольныхъ,
 Ни на пирь—на балъ, ни на кресъбины;
 Подкопать корень вѣтви масличной,
 Совѣщать совѣтъ злой, губительной
 И коварной онъ и вредительной:
 На убійство—зло ясна-сокола,
 Легкокрылова, быстроорова.
 Такъ совѣтуютъ враны черные:
 Вы послушайте всѣ подземныя
 Твари низкія, подкопѣнныя,
 Не сладка намъ кровь ягнать-телятъ,
 Ни вкусны тѣла несмысленныхъ.
 Мы убьемте ясна-сокола
 Легкокрылова, быстроорова.
 Насладимся кровью сладкою.
 Отвѣчали имъ подземные:
 Мы попробовавъ попыталися,
 На жизнь сокола покушались,
 Ни одинъ разокъ, а ужъ нѣсколько,
 Подъ Ево гнѣздо подкопалися,
 Да и взорвали тепло гнѣздышко.
 А не пришлось убить ясна-сокола,
 Ясна-сокола, орла пѣряща,
 И со орлицею, со Царицею,
 Со младымъ птенцамъ златокрылымъ.
 И дѣла наши въ прахъ распалися.

* * *

Враны черные озлоблялися,
 Очи яхонтомъ загоралися,
 На отчаянность покушалися,
 Таковымъ рѣчамъ выяснялися:
 Обостримъ клювы, наточимъ когти,
 Мы взлетимъ стаяй всѣ подъ облакй,
 Нападемъ дружно на Высокова,
 Растерзаемъ плоть и прольемъ мы кровь неповинную,
 Обагримъ ея мать-сырѹ землю;
 Земля приметъ кровь росой сладостной.
 Отвѣчали имъ вновь подземные:
 Ни боится Онъ клювовъ точеныхъ, когтей острехъ;
 Ни страшны Ему враги сильные и могучіе;
 Ни боится Онъ саблей востріехъ, мечей стальныхъ;
 Ни летать въ Него пули мѣткія.
 У враговъ Его руки трясутся;

Лишь съ Нимъ встрѣтятся—напугаются,
 Въ мѣткихъ выстрѣлахъ ошибаются.
 Комисаровъ былъ,—тогъ вступается;
 Пуля въ воздухъ возвивается.
 Мы придумаемъ смерть неслышанну,
 Человѣкамъ недомысленну:
 Уготовимъ бомбы страшныя,
 Съ огнемъ лютымъ, громомъ трясущимъ,
 Потрясающимъ мать сырѣ землю.
 Мы возьмемъ бомбы себѣ подруки;
 Обернемъ мы ихъ въ платки бѣлые
 И пойдемъ гулять какъ съ арбузами.
 Лишь съ Великимъ повстрѣчаемся,
 Мы подбросимъ ихъ къ Его ножонкамъ
 И ударимъ ей объ сырѣ землю.
 Разорветъ бомбу пламя адское,
 Загремитъ тутъ громъ грозой майскою;
 Напугаетъ трескъ мертвецовъ въ гробахъ,
 Перебьетъ стекла, что вблизи въ домахъ.
 Очутится Онъ кругомъ въ молніяхъ,
 Опалитъ Ему сны перышки,
 Подшибетъ Ему рѣзвы ноженьки,
 Оборветъ и плоть, какъ мучитель злой.
 Тогда хлынетъ кровь, какъ ведромъ плеснуть,
 И со стономъ падетъ мученикъ,
 Съ восклицаніемъ: „помогите Мнѣ!“
 А помочь Ему тогда—нѣкому:
 Костромскихъ крестьянъ—ужь не будетъ тамъ
 Комисарова и Сусанна,
 Защищать Особъ Державныхъ.
 Улеглись въ лонѣ матери.

* * *

Какъ придумали, такъ и сдѣлали.
 Какъ корабль съ жемчужомъ злотымъ море поглотило,
 Какъ облакѣ закрыли дневное свѣтло,
 Какъ вихри погасили яркое паникадило,
 Жизнь Царя и Защитителя,
 Всѣхъ крестьянъ Освободителя,
 Царя бѣлаго, правосуднаго—
 Александра втораго, благаго и премудраго!

II.

Нерукотворный памятникъ Царю-Освободителю.

Утихли бури—и волны перестали возносить гласъ,
 Миръ и тишина царствуетъ посреди насъ.

Сіяетъ намъ свобода, какъ свѣтлая зари.
 Любите Отечество и Царя.
 Не давайте врагамъ Царствія потворъ,
 И тѣмъ устроимъ Свободителю памятникъ—превыше горъ.

А для тавныхъ великихъ дѣлъ,
 Что Господь намъ повелѣлъ?
 Не нуженъ ни инструментъ, ни топоръ;
 Изліяйте чистыя сердца,
 Они дороже капитала,
 Употребимъ ихъ вмѣсто матеріалу.

Онъ нашъ Свободитель и Отецъ!
 И устроимъ памятникъ изъ сердецъ,
 Коего крестъ сіяніемъ въ облакахъ
 Передастъ память младенцамъ у нянюшекъ на рукахъ.
 И да будетъ сіе во вѣкъ и во вѣкъ,
 Пока существуетъ міръ и человѣкъ!

И уже старъ, мнѣ жить не долго,
 Отойду туда жъ, гдѣ Онъ.
 Тамъ, быть можетъ, и увижу
 Я Его пресвѣтлый тронъ;
 Тамъ вѣдамъ и честь, и славу
 Предъ Небеснымъ Царемъ.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ .

[Переписка І. И. Ростовцева ¹⁾ съ княземъ Е. П. Оболенскимъ ²⁾].

І.

Письмо Е. П. Оболенскаго—І. И. Ростовцеву.

Февраля 8-го 1859-г.

Отрадно было мнѣ, другъ Іаковъ, получить твои добрыя строки отъ 25-го января, но отраднѣе всего: это было одобреніе, котораго удостоилъ государь дѣйствія нашего комитета. Я не могъ скрыть и думаю, не долженъ былъ скрывать, отъ нѣкоторыхъ членовъ комитета, столь лестное для нихъ одобреніе, и, вѣроятно, ты не обвинишь меня въ нескромности. Все же, что честно, чисто и свято, должно найти отголосокъ въ сердцѣ государя. Каждый долженъ это знать; но одобреніе, какъ знакъ сочувствія къ честнымъ и добросовѣстнымъ трудамъ, всегда будетъ дорого и отрадно для cadaго честнаго гражданина нашей православной Руси.

Теперь вновь повторю тебѣ о моемъ сожалѣніи, что засѣданія комитета лишены той гласности, которая сообщала ихъ совѣщаніямъ ту нравственную силу, которая простирается отъ лучшей нравственной опоры,—общественнаго мнѣнія. Ты поймешь, что никакое эгоистическое направленіе не найдетъ отголоска въ мнѣніи общественномъ; безсознательно и сознательно, оно явитъ всегда сочувствіе къ тому, что честно и благородно. Для примѣра скажу тебѣ мысль, высказанную однимъ изъ членовъ комитета, который, кажется въ первый разъ, воз-

¹⁾ Впослѣдствіи графа и предсѣдателя редакціонныхъ комиссій.

²⁾ Декабристомъ. Князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій былъ въ то время въ Калугѣ.

высилъ свой голосъ въ одномъ изъ закрытыхъ засѣданій. Разсуждали объ оцѣнкѣ земли, усадьбы: этотъ предметъ, столь близкій къ интересамъ вещественнымъ, вызвалъ пренія довольно жаркія; почтенный членъ долго слушалъ, наконецъ всталъ и попросилъ позволенія сказать свое слово; всѣ умолкли.

«Господа,—сказалъ онъ,—мы всѣ находимся въ томъ положеніи, въ какомъ находится отецъ, который готовитъ приданое для возлюбленной своей дочери невѣсты: наша невѣста—крестьяне наши; пусть они отойдутъ отъ насъ, съ добрымъ приданнымъ, пусть помнить, что мы имъ отдали все, что могли удѣлить; поступивъ такимъ образомъ мы заслужимъ ихъ любовь и благодарность: теперь или никогда, дворянство должно стать на ту степень, которая ей указана и общественнымъ его положеніемъ, и вниманіемъ, которое обращено на его дѣйствія, и высокимъ довѣріемъ, которымъ оно почтено».

Эти слова нашли глубокое сочувствіе во всѣхъ членахъ комитета, которыхъ убѣжденія давно уже были высказаны; другіе съ недоумѣніемъ смотрѣли на того, который повидимому принадлежалъ къ партіи другой. На вопросъ, какимъ образомъ вы измѣнили тому мнѣнію, которое вы высказывали прежде, его отвѣтъ былъ слѣдующій:

«Господа, я здѣсь учился, и многому научился. Я пришелъ сюда съ убѣжденіемъ, что я долженъ отстаивать интересы дворянства; здѣсь я увидѣлъ и теперь сознаю вполне, что я избранъ для защиты не только вещественныхъ интересовъ дворянства, но и его чести: мое слово было въ защиту чести дворянскаго сословія».

Вотъ слова, которыя остались въ стѣнахъ, заключавшихъ комитетъ, и мнѣ были сообщены изустно. Немногіе могли ихъ слышать, и этотъ чистый отголосокъ не принесъ своего плода. Не безызвѣстно должно тебѣ быть, что большинство нашего дворянскаго сословія еще далеко отъ того просвѣщенія, для котораго вопросы, нынѣ затронутые, составляютъ въ смыслѣ политическомъ terra incognita. Я слышалъ отъ нѣкоторыхъ близко знакомыхъ съ ихъ бытомъ, что и журнальная полемика объ этомъ вопросѣ не много приноситъ плода. Читая статью дѣльную, когда дойдетъ до порицанія крѣпостнаго права, журналъ бросается подъ столъ, но при всемъ томъ идея освобожденія постепенно разъясняется и мракъ разсѣвается. Но я такъ распространюсь объ одномъ предметѣ, что могу тебѣ наскучить. Но не могу не высказать того, что лежитъ на сердцѣ: государь далъ намъ свободное слово, онъ же вызвалъ своимъ высокимъ довѣріемъ всѣ нравственныя силы дворянства, для разрѣшенія высоко нравственнаго вопроса, отъ котораго зависитъ вся будущность нашего отечества. Теперь происходитъ борьба нравственныхъ силъ съ интересами вещественными. Гласность борьбы даетъ перевѣсъ силамъ нравственнымъ, которыя не боятся

свѣта. Но довольно. Теперь обращусь къ той части твоего письма, которая относится къ твоимъ трудамъ по комитету. Читая со вниманіемъ твои замѣчанія, не могу не сказать, что твои замѣчанія вѣрны, и въ доказательство могу тебѣ сообщить, что члены нашего комитета, по зрѣломъ обдуманіи вопроса о выкупѣ усадебъ отдѣльно отъ пахотной земли, пришли къ убѣжденію, что ихъ не должно отдѣлять и вѣроятно представляютъ выкупной проектъ въ этомъ смыслѣ: не сговариваясь съ тобою, оно пришло къ одной и той же мысли. Благодарю тебя, что ты меня знакомишь съ различными воззрѣніями на вопросъ, въ высшей степени интересный, но позволь мнѣ выразить тебѣ мою мысль о нынѣшнемъ состояніи нашей православной Руси. Она мнѣ представляется въ томъ хаотическомъ броженіи всѣхъ жизненныхъ ея силъ, которое предшествуетъ постепенному гармоническому ихъ устройству, въ чинѣ и порядкѣ, имъ предназначенномъ. Свѣтъ гласности проникъ въ эту хаотическую массу, сообщилъ ей движеніе, а свѣтомъ мысли одѣляютъ ее стихійныя силы: каждая изъ нихъ принимаетъ постепенно свой чинъ и мѣсто. Пройдутъ годы, и наша земля украсится всѣмъ богатствомъ ея жизненныхъ силъ, настанетъ время и наши администраторы, какъ звѣзды на тверди небесной, будутъ лишь блюстителями чина и порядка, а земля, мыслию оплодотворенная, дастъ плодъ свободнаго развитія, не стѣсняемый ничѣмъ кромѣ законовъ собственнаго развитія, которому положены предѣлы, за которые оно перейти не можетъ. Какова поэзія, любезный другъ, какъ поэту, сообщаю я мало поэтическую мысль. Затѣмъ, въ заключеніе, скажу тебѣ, что мои письма къ тебѣ составляютъ твою исключительную собственность; пусть читаютъ ихъ всѣ тѣ, которыхъ ты уважаешь. Перешли ихъ и въ Римъ, пусть и первенецъ твой знаетъ, что 30-лѣтняя разлука не уменьшила теплоту чувства, которое хранилъ и будетъ хранить тебя искренно любящій и уважающій Е. Оболенской.

На верху этого письма находится собственноручная надпись императора Александра II: «читалъ съ удовольствіемъ. Дай Богъ, чтобы его мечты сбылись».

II.

Письма I. И. Ростовцева—Е. П. Оболенскому.

1.

Январь 1859 г.

Наконецъ, посылаю тебѣ, другъ Евгеній Петровичъ, залежалое письмо.

Я все надѣялся отослать его къ тебѣ съ кѣмъ-нибудь отъѣзжавшимъ прямо въ Калугу, но доселѣ ни одного случая не представилось, и

потому я рѣшился послать его въ Москву, а оттуда въ Калугу съ нарочнымъ.

Письмо это и не стоило бы, можетъ быть, такой возни, но, во-первыхъ, я общалъ его тебѣ прислать, во-вторыхъ, мнѣніемъ твоимъ, какъ мнѣніемъ друга и человека, я дорожу.

Цебриковъ ¹⁾ устроенъ окончательно (казначеемъ общества донской желѣзной дороги, между Дономъ и Волгою, отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ жалованья, съ постояннымъ жительствомъ въ Петербургѣ).

Пощлуй Свистунова; очень, очень радуюсь, что онъ утвержденъ ²⁾.

Цѣлую твоихъ дѣтей, низко кланяюсь твоей супругѣ и твоей сестрицѣ и крѣпко тебя обнимаю.

Твой, всегда, Іаковъ Ростовцовъ.

Поздравляю тебя съ праздникомъ и съ новымъ годомъ.

2.

6-го января 1859 г.

Сейчасъ получилъ письмо твое отъ 1-го января, безцѣнный другъ мой Евгений; душевно благодарю тебя за то удовольствіе, которое ты мнѣ имъ доставилъ; посылаю тебѣ въ подлинникѣ письмо ко мнѣ генерала-маіора Лермонтова, въ которомъ ты прочтешь судъ надъ тобою.

Касательно мнѣнія твоего объ извлеченіи (?) изъ моихъ писемъ отвѣчу тебѣ, другъ мой, по пунктамъ:

1) Мысль объ учрежденіи уѣздныхъ начальниковъ и генераль-губернаторовъ не моя (что видно и изъ писемъ моихъ); я опредѣляю только характеръ этихъ лицъ, еслибъ они были учреждены. Дай Богъ, чтобы Россія надобности въ нихъ (особенно въ г. губ.) ³⁾, не имѣла.

2) Чтобы ты имѣлъ бѣльшее понятіе какъ о выкупѣ, такъ и вообще о ходѣ нашего святаго дѣла, препровождаю тебѣ по дружеской тайнѣ три послѣднія мои записки, составленныя мною для соображеній четырехъ членовъ комиссіи главнаго комитета (Ланской, Панинъ, Муравьевъ и я).

3) Прошу тебя, но отнюдь не официально, а частно и дружески: вниши членамъ вашего комитета, чтобы они просили у министра внутреннихъ дѣлъ дозволеніе разсуждать о выкупѣ усадебъ съ пахотной и луговой землей (выкупъ усадебъ обсуживали бы на основаніи

¹⁾ Одинъ изъ декабристовъ.

²⁾ Петръ Николаевичъ Свистуновъ, декабристъ. По возвращеніи его въ Россію онъ былъ утвержденъ членомъ калужскаго комитета по крестьянскому вопросу.

³⁾ Генераль-губернаторахъ.

высочайшаго рескрипта, отдѣльно). Я ручаюсь, что это имъ будетъ разрѣшено.

О трехъ моихъ запискахъ сообщи мнѣ твое мнѣніе.

Не имѣю времени писать тебѣ болѣе; крайне тороплюсь на крещенскій парадъ, въ которомъ и мои кадетики участвуютъ.

Обнимаю, обнимаю тебя, мой голубчикъ, мой другъ сердечный.

Всегда, непремѣнно твой Іаковъ Ростовцовъ.

Приложеніе.

Письмо В. Лермонтова—І. И. Ростовцеву.

4-го января 1859 г. Москва.

Вслѣдствіе милостиваго письма ко мнѣ вашего превосходительства отъ 26-го прошлаго декабря, спѣшу имѣть честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія вашего, что штабсъ-капитанъ Черногубовъ былъ мною командированъ въ г. Калугу, тотчасъ по полученіи письма вашего, и только вчера вечеромъ вернулся оттуда обратно. Конвертъ вашъ переданъ по адресу въ собственные руки, а отвѣтъ при семъ представляю. Штабсъ-капитанъ Черногубовъ исполнилъ порученіе вашего превосходительства полный благодарности за довѣріе и лестное знакомство, которое вы изволили ему доставить. Онъ возвратился въ восторгѣ отъ Евгенія Петровича, обворожившаго его своимъ ласковымъ приѣмомъ.

За ваши же безцѣнные ласки ко мнѣ и къ моему семейству, достойнѣйшій Іаковъ Ивановичъ, я никогда не въ силахъ выразить моею вамъ благодарности. Скажу только, что теплыя слова ваши падаютъ на воспримчивое сердце полное къ вамъ безграничной преданности и признательности.

Дозвольте вмѣстѣ съ симъ принести вамъ и добрѣйшему ангелу Вѣрѣ Николаевнѣ задушевное мое и обѣихъ семей моихъ искреннѣйшее поздравленіе съ сегодняшнимъ днемъ вашего ангела и наступившимъ новымъ годомъ. Множествомъ наилучшихъ вамъ желаній преисполнены мы всѣ; но главнѣйше молимъ Господа, да сохранитъ Онъ васъ для насъ, на безсчетныя годы и да ниспослетъ вамъ утѣшеніе во всѣхъ благихъ дѣлахъ вашихъ, которыми такъ сильно занято ваше ангельское сердце. Въ корпусѣ у меня все благополучно, и весело, и здорово.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью

имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Всеволодъ Лермонтовъ.

3.

25-го января 1859 г. Петербургъ.

Душевно благодарю тебя, любезный мой другъ Евгений, за письмо отъ 18-го января.

Оно меня очень порадовало; оно порадовало не только меня, но и самого государя. Почтенныя дѣйствія вашего Калужскаго комитета государь, съ большимъ чувствомъ, принялъ къ сердцу.

И дѣйствительно, если бы всѣ помѣщики нашего добраго отечества перевели немедленно крестьянъ своихъ на оброкъ, то самая главная часть вопроса была бы рѣшена удовлетворительно.

Очень я жалѣю, что присутствіе при совѣщаніяхъ комитетовъ постороннихъ посѣтителей правительство должно было прекратить. Это произошло отъ того, какъ мнѣ объяснили, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ слушатели поддерживали мнѣнія и сужденія депутатовъ ретроградныхъ и производили тамъ чрезвычайно вредное вліяніе на ходъ святаго вопроса.

Утѣшительно было бы—еслибъ всѣ комитеты и всѣ постороннія лица, въ нихъ присутствующія, подобны были честнымъ калужанамъ.

Посылаю тебѣ еще, что обѣщаль. Прошу тебя не давать бумагамъ моимъ огласки, можешь прочесть ихъ твоимъ самымъ близкимъ людямъ и, потомъ, пришли мнѣ твое о нихъ мнѣніе, для моего назиданія.

И отчетъ мой (отъ 18-го ноября), любезный другъ Евгений, я писалъ также собственно для тебя. Получивъ отвѣтъ твой, отъ 1-го января, я и мое письмо, и твое письмо вручилъ государю, по моей личной любви къ нему, какъ къ человѣку.

Все это прочли и моя жена, и мой сынъ Миша, твои добрые знакомцы.

Государь, ты, жена и два мои сына, вотъ пять человѣкъ, замѣняющіе для меня общественное мнѣніе.

Отчетъ мой, все-таки, твоя исключительная принадлежность: дозволю мнѣ сообщить копию съ вашихъ двухъ писемъ въ Римъ, старшему моему сыну, твоему заочному любимцу; онъ составляетъ со мною одно существо, и мы носимъ одно гражданское имя; могу ли я дать ихъ иногда прочесть и людямъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу.

Учрежденіе временныхъ генераль-губернаторовъ и начальниковъ уѣздовъ—предложеніе не мое: я въ письмахъ моихъ къ государю развивалъ только мои убѣжденія о значеніи этихъ лицъ, если бъ они

окончательно были введены въ мѣстное управленіе; и предлагалъ только учрежденіе мировыхъ судей.

Спасибо тебѣ за участіе въ сынѣ Николаѣ; ему нѣсколько лучше.

Обнимаю тебя, мой голубчикъ, твой навсегда другъ Іаковъ Ростовцовъ.

4.

24-го февраля 1859 г. Петербургъ.

Любезный другъ Евгений. Посылаю тебѣ еще нѣсколько документовъ по крестьянскому дѣлу.

Государю угодно собрать, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, крестьянскій комитетъ для обсужденія окончательныхъ рѣшеній: дозволить ли комитетамъ литографировать свои записки и допускать въ засѣданія свои посѣтителей, а также не слѣдуетъ ли облегчить цензуру статей объ освобожденіи крестьянъ.

Какъ человѣкъ, допущеніе этихъ мѣръ я признаю и полезнымъ, и справедливымъ, а какъ предсѣдатель комиссій о составленіи Положеній для крестьянъ—необходимымъ, ибо для меня надобно свѣту, свѣту и свѣту. Огня у меня много, а свѣту мало.

Помолись за меня, любезный другъ Евгений, мнѣ необходима сильная помощь Божія, чтобы сдѣлаться достойнымъ такого важнаго призванія, для котораго я не сознаю въ себѣ достаточнаго умѣнья. Обнимаю тебя, мой голубчикъ. Іаковъ Ростовцовъ.

Послѣднее письмо твое еще у государя.

5.

9-го марта 1859 г.

Возвращаю тебѣ письмо твое отъ 8-го февраля ¹⁾, другъ Евгений, возвращаю его тебѣ какъ подарокъ.

А подаркомъ тебѣ называю я его потому, что на немъ—собственно ручная надпись государя. Обнимаю тебя, другъ мой. Хотя не все, но хотя кое-что удалось сдѣлать для вашего комитета, и касательно выкупа, и касательно литографирования и дозволенія присутствовать нѣкоторымъ лицамъ при засѣданіяхъ. Главная опора всего дѣла—самъ государь; любви его нѣтъ границъ.

Засвидѣтельствуй мое почтеніе и супругѣ твоей и сестрицѣ и поцѣлуй дѣтокъ. Всегда всѣмъ сердцемъ твой Іаковъ Ростовцовъ.

¹⁾ См. выше.

6.

9-го апрѣля 1859 г.

Не могу тебѣ выразить, бѣдный другъ Евгений, съ какимъ чувствомъ горя прочелъ я полученное мною сегодня, скорбное письмо твое ¹⁾. Да подкрѣпить тебя Господь добра и испытаній. И я, другъ, прошелъ этими несчастіями и сочувствую тебѣ вдвойнѣ: и какъ другъ, и какъ отецъ.

Молитва и смиреніе—вотъ единственное лѣкарство отъ несчастій.

Передай мое глубокое сожалѣніе твоей супругѣ. Обнимаю тебя крѣпко и жарко. Твой навсегда Іаковъ Ростовцовъ.

О Г. Рейне отвѣчу тебѣ; конечно сдѣлаю все, что могу: дай навести справки, кажется, сдѣлать будетъ можно, но только нельзя принять въ Сиротскій корпусъ, тамъ воѣ вакансіи принадлежатъ Опекунскому Совѣту.

7.

5-го мая 1859 г.

Сегодня получилъ я письмо твое отъ 29-го апрѣля, другъ Евгений; не скрою отъ тебя, что оно огорчило меня и чрезвычайно удивило. Какъ тебѣ могла придти мысль, добрый другъ, чтобы я желалъ письма твоего г. Герцену? Еслибъ я самъ желалъ этого, неужели же, съ самаго перваго съ тобою свиданія, я этого тебѣ не сказалъ? Неужели между нами я искалъ бы посредниковъ? Ты все-таки не совѣмъ меня знаешь, мой добрый и постоянный другъ.—Все, что бы ты ни написалъ г. Герцену—все было бы и запоздало и бесполезно; отъ клеветъ своихъ на меня онъ, разумѣется, никогда не отречется; этимъ онъ уничтожилъ бы весь свой авторитетъ, да и къ чему мнѣ все это?

Я чистъ въ своей совѣсти и Богъ меня оправдаетъ; я вѣрую въ будущую жизнь и считаю жизнь настоящую только ея вступленіемъ.—Вотъ это, и единственно это, меня поддерживало и поддерживаетъ; а твое возвращеніе и твоя дружба разлили и новый свѣтъ и новое тепло на мое существованіе.

Все, что ты мнѣ пишешь, свалилось на меня, какъ бомба; все это произошло отъ почтеннаго гр. И. П. Кововницына; онъ считаетъ себя мнѣ обязаннымъ за спасеніе своего сына и, думая мнѣ сдѣлать приятное, заварилъ всю эту кутерьму.

Онъ видѣлся съ другомъ твоимъ, а своимъ зятемъ почтеннымъ На-

¹⁾ О кончинѣ одного изъ дѣтей Е. П. Оболенскаго.

рышкинымъ ¹⁾); узналъ отъ него, что я прежде, чѣмъ писалъ къ В. К. Н. П. ²⁾), предупредилъ тебя объ этомъ, и, ревнуя о восстановленіи истины, возымѣлъ сильное желаніе сдѣлать фактъ этотъ извѣстнымъ. Три раза онъ меня упрасивалъ дозволить ему переговорить объ этомъ, лично, съ г. Нарышкинымъ; три раза я его отъ этого отклонялъ, говоря, что ни тебѣ, ни мнѣ не пріятны всякія сношенія съ г. Герценомъ и что я никакой надобности въ этомъ не имѣю. Даже въ послѣднее наше свиданіе, недѣль шесть тому назадъ, когда онъ возобновилъ свою атаку, я не былъ согласенъ; когда же онъ сказалъ: «а если самъ Евгеній Петровичъ этого захочетъ?», я отвѣчалъ: «если самому ему это вздумается», я не въ правѣ его отговаривать; онъ прибавилъ, «но Е. П., разумѣется прежде, чѣмъ писать, пришлетъ вамъ проектъ письма своего». Я отвѣчалъ: «конечно, по дружбѣ ко мнѣ, онъ это сдѣлаетъ». И, тутъ же, я окончательно повторилъ, что не желаю этой переписки.

Признаюсь тебѣ, другъ мой, что, будучи весь, т. е. всецѣло, погруженъ въ святое дѣло, крестомъ на меня возлегшее, я совсѣмъ и забылъ о разговорѣ моемъ съ графомъ И. П. К., вдругъ отъ тебя письмо...

Ради самого Господа, другъ Евгеній, брось все это; согласно твоему разрѣшенію и убѣжденію своему, я, прочитаю оба письма твои, тутъ же оба разорвалъ и сжегъ.

И да не будетъ объ нихъ никогда и помину; прошу тебя только не гнѣвайся на графа И. П. Коновницына; онъ хотѣлъ только добра.

Да остается дружба наша чистою, теплою безъ лигатуры.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ письма твоего ко мнѣ поговорю съ тобою при моемъ свиданіи. Обнимаю тебя отъ всей преданной тебѣ души и молю Бога, да утѣшитъ Онъ растерзанное твое сердце.

Твой, навсегда I. Ростовцовъ.

Графу И. П. Коновницыну письмо это извѣстно; я нарочно приглашалъ его къ себѣ.

8.

9-го іюля 1859 г.

Любезный другъ Евгеній; очень радъ, что могъ исполнить твое желаніе; К. Оболенскіе ³⁾ назначены мною, куда просились: т. е. Модестъ въ 7-ю конно-артиллерійскую бригаду, а Александръ въ кавалерію.

Сынъ мой, меньшей, недѣли три тому назадъ выѣхалъ изъ Петербурга на Донъ, въ Ростовъ; я далъ ему большой пакетъ, чтобъ онъ изъ

¹⁾ Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ.

²⁾ Къ великому князю Николаю Павловичу. Здѣсь говорится о письмѣ, которое было написано Я. И. Ростовцевымъ 13-го декабря 1826 года.

³⁾ Племянники Евгенія Петровича Оболенскаго.

Москвы переслалъ его въ Калугу, къ тебѣ; вчера я получилъ отъ него письмо, что онъ былъ въ Москвѣ, не раскрывая своего портфеля, а раскрывъ его въ Ростовѣ, нашелъ въ немъ и твой пакетъ — и очень, бѣдный, извиняется и проситъ въ своей разсѣянности прощенія, — но пакетъ къ тебѣ изъ Ростова уже отосланъ

Опасаясь, что пакетъ этотъ долго пропутешествуетъ, не припоминаю, что имѣлъ я тебѣ писать, но знаю навѣрное, что отсылалъ тебѣ журналы комиссіи.—Прошу твоего увѣдомленія: съ котораго № ты не получалъ журнала комиссіи?—Всѣ ихъ я тебѣ немедленно вышлю.

Обнимаю тебя, добрый другъ.

Искренно тебя любящій и уважающій І. Ростовцовъ.

9.

29-го іюля 1859 г.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Евгеній Петровичъ, за участіе въ просьбѣ М. Я. Беккеръ; надѣюсь, что просьба эта исполнима, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ предполагають.

Должность оберъ-провіантмейстера не по чину кап. Селивачева, но ему (какъ мнѣ уже обѣщали) будетъ предложено мѣсто помощника.

Дополнительные журналы нашихъ засѣданій я тебѣ уже послалъ; сынъ послалъ также.—У тебя нѣсколько номеровъ будетъ вдвойнѣ. Высылать ко мнѣ обратно не стоитъ.

Часто о тебѣ и о горѣ твоемъ вспоминаю: да утѣшить тебя Создатель и да уврачууетъ страждущую твою душу. Потрудись передать мое уваженіе и мое сочувствіе твоей супругѣ; обнимаю тебя; прости, что пишу и мало и рѣдко, мнѣ писанье набило оскомину.

Прощай, помолись за меня; труда много, но еще болѣе борьбы, и со всѣхъ сторонъ.

Другъ твой І. Ростовцовъ.

10.

11-го августа 1859 г.

Отъ всей души благодарю тебя, другъ Евгеній, за дружескій твой подарокъ; ты весь со своимъ духомъ въ немъ вылился. Благодарю тебя также и за сочувствіе твое къ моимъ, по истинѣ, тяжелымъ работамъ. Не боюсь труда физическаго, боюсь отвѣтственности передъ Богомъ, государемъ и отечествомъ; не боюсь и интригъ и клеветъ; сознаю вполне, что все это необходимо, когда до такой высокой степени затронуты самые живые интересы; но все это, вмѣстѣ взятое, не можетъ не имѣть вліянія, болѣе или менѣе, и на духъ: чувствую, что несу крестъ, но несу его религиозно, со смиреніемъ и съ надеждою; если бы крестъ

этотъ и задавилъ меня, то и радъ и счастливъ буду подъ нимъ погибнуть во благо Россіи.

Дружескія письма твои служатъ мнѣ какъ промежутки покоя душевнаго; лѣчи меня ими время отъ времени; прости, если отвѣты мои не довольно часты; ты, конечно, ни къ чему другому ихъ не отнесешь, какъ единственно къ недостатку времени и частому, скажу прямо, отвращенію отъ пера.

Обнимаю и еще, и еще благодарю тебя, душа моя; ты не ошибся, сказавъ, что дружба наша усилилась; да, ты мнѣ нуженъ, какъ человѣкъ, меня знающій и какъ человѣкъ, безъ заднихъ мыслей, меня любящій. Такъ да будетъ и впредь, нескончанно, съ обѣихъ сторонъ.

Твой навсегда I. Ростовцовъ.

11.

23-го сентабря 1859 г.

Спасибо тебѣ, любезный другъ Евгеній, за твое послѣднее письмо. Не взыщи за мои нескорые и очень короткіе отвѣты; въ настоящее время я очень занятъ.

Не считаю нужнымъ увѣрять тебя въ моей благодарности и за твое дружеское сочувствіе къ моимъ трудамъ и къ моимъ тревоженіямъ; ты чувствуешь благодарность мою самъ, а я только молюсь Богу и крестъ свой несу религиозно. О Квиткѣ я просилъ; посылаю тебѣ данную мнѣ товарищемъ министра государственныхъ имуществъ о дѣлѣ его справку; прошу у тебя отвѣта: можемъ ли мы, я ты и я, продолжать о немъ ходатайствовать?

Съ рекомендованнымъ тобою мнѣ Серно-Соловьевичемъ я познакомился; онъ у меня былъ и мы съ нимъ побесѣдовали; я нашелъ въ немъ образованнаго и пріятнаго человѣка; по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имъ очень довольны.

Посылаю тебѣ цѣлую бібліотеку нашихъ трудовъ; критикуй ихъ и мысли твои сообщи мнѣ; не знаю еще: какъ бы громаду эту тебѣ переслать исправно; авось будетъ случай, а то рѣшусь уже послать по почтѣ.

Обнимаю тебя, другъ любезный; очень желалъ бы съ тобою свидѣться, а когда это будетъ—знаетъ одинъ Богъ.

I. Ростовцовъ.

12.

18-го ноабря 1859 г.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ Евгеній; я третій мѣсяцъ боленъ. Занятія мои въ это время не только не уменьшались, но усиливались, а болѣзнь меня изнуряла, такъ что я или работалъ, или лежалъ

и отлеживался, чтобы имѣть возможность работать. Прости, что и теперь не пишу, а диктую; но грустно оставлять тебя долго безъ дружескаго привѣта.

Въ это время мы лишились добраго Валеріана Голицына, даже и объ его смерти я тебя не увѣдомилъ. Онъ умеръ почти внезапно, почти одинъ, но умеръ твердо и истиннымъ христіаниномъ. При смерти и въ особомъ письмѣ онъ поручилъ мнѣ жену и дѣтей своихъ, и конечно я употреблю всѣ силы, чтобы оправдать святую его довѣренность.

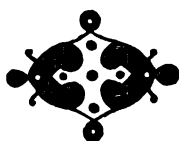
О твоёмъ Квиткѣ я зачалъ хлопотать снова, просилъ о немъ, и лично, и письменно М. Н. Муравьева; очень былъ бы радъ, если бы сподобился тебѣ угодить.

Въ моемъ святомъ трудѣ по пословицѣ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Какъ бы всѣ мы были счастливы, еслибъ только одно чувство справедливости, уваженія къ человѣчеству и любви къ родинѣ всѣхъ насъ одушевляло и соединяло; безъ посторонней лягушки трудъ этотъ былъ бы легокъ; но все-таки не крушись: надежда на Бога меня одушевляетъ; духомъ я не упалъ; молю Господа, чтобъ и не упалъ бы; помолись и ты за меня.

Цѣлую руку твоей почтенной супруги и обнимаю тебя и твоихъ дѣтокъ.

Другъ твой, навсегда І. Ростовцовъ.

Сообщ. княгиня М. Г. Оболенская.

Меттернихъ и его внѣшняя политика.

VI 1).

отношенія между Австрією и Турціей были издавна весьма шатки и полны взаимнаго недоверія, а со времени пресбургскаго мира Порта даже прямо стала опасаться, что въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до раздѣла Турціи, вѣнскій кабинетъ присоединится къ Франціи и Россіи. Лишь передъ войною 1809 г., когда франко-австрійскія отношенія видимо начали разстраиваться, въ Константинополѣ, въ виду вѣроятности столкновения между обѣими державами, обнаружилось нѣкоторое доверіе къ австрійской политикѣ на Востока и сознаніе, что собственные интересы монархіи требуютъ сохраненія Турціи. При всемъ томъ, турецкіе государственные люди относились къ будущему съ большою тревогой, опасаясь, что Наполеонъ, какъ только расправится съ Австрією и подчинитъ себѣ Испанію, вмѣстѣ съ Россіей нападетъ на Турцію, съ цѣлью уничтожить ее. Поэтому Порта цѣпко держалась за Англію, посоль которой въ Константинополѣ дѣятельно домогался вовлечь Порту въ коалицію противъ Франціи и предлагалъ тройственный союзъ съ Австріей, обѣщая за это исходатайствовать у своего правительства денежную помощь Турціи въ 300.000 фунтовъ стерл. Какъ ни нуждался Диванъ въ деньгахъ, однако боязнь разрыва съ Францією побудила его отклонить эту помощь. Тогда англійскій посоль предложилъ проектъ, прямо противоположный прежнему: онъ вызвался подготовить соглашеніе между Турцією и Россіей. Проектъ этотъ не встрѣтилъ, однако, сочувствія ни въ Константинополѣ, ни въ Вѣнѣ, гдѣ, въ виду возростающей враждеб-

1) См. „Русскую Старину“ октябрь 1900 г.

ности Россіи къ Австріи, никакъ не могли желать прекращенія войны на Дунаѣ. Порта, въ свою очередь, хотя и жаждала мира, однако не вѣрила, чтобы того же серьезно желалъ и петербургскій кабинетъ. Она полагала, что если Россія даже и согласится на миръ, то развѣ только въ тѣхъ видахъ, чтобы, развязавъ себѣ руки, оказать Наполеону дѣятельную помощь противъ Австріи, а по разгромѣ послѣдней броситься, вмѣстѣ съ Франціей, на Оттоманскую имперію. Впрочемъ, несмотря на эти предположенія, тайные переговоры о мирѣ все-таки велись, потому что и Россія стремилась положить конецъ кровопролитію. Узнавъ объ этихъ переговорахъ, англійскій посолъ, конечно, оставилъ свои попытки мирнаго посредничества между Турціей и Россіей, такъ какъ миръ, который былъ бы заключенъ помимо его, не входилъ въ его расчеты. Изъ мирнаго совѣтника онъ сразу обратился въ самаго горячаго сторонника войны, въ надеждѣ хоть замедлить заключеніе мира. Онъ снова началъ проповѣдывать оборонительный союзъ съ Австріею, но тутъ пришла вѣсть о заключеніи между Франціей и Австріей цнаймскаго перемирія и въ Портѣ снова пробудилось прежнее недовѣріе къ Австріи, вслѣдствіе чего о тройственномъ союзѣ по мысли англійскаго посла не могло уже быть и рѣчи. Къ тому же, австро-турецкія отношенія осложнились еще и изъ-за сербскаго вопроса. Вслѣдствіе невыносимаго гнета мусульманъ, въ Сербіи, какъ извѣстно, вспыхнуло возстаніе, въ началѣ мѣстное, но затѣмъ принявшее характеръ національнаго возмущенія противъ самого султана, такъ какъ сдѣланы были попытки распространить мятежъ на Боснію и Герцеговину. Вождь движенія, Кара-Георгій, тѣснимый двинутыми противъ него турецкими войсками, очутился въ крайне тяжеломъ положеніи. Хотя сербы и получали изъ Россіи боевые припасы и оружіе, но хлѣба оттуда получать не могли, и потому Кара-Георгій вынужденъ былъ искать благосклонности Австріи, которая незадолго передъ тѣмъ воспретила вывозъ зерна въ Сербію. Переговоры велись, съ австрійской стороны, чрезъ барона Зимбшена, командовавшего войсками въ Петервардейнѣ. Баронъ предложилъ сербскому народному вождю покровительство Австріи, подъ условіемъ отдачи ей, въ видѣ залога, Вѣлграда. Вся переписка по этому вопросу попала, однако, въ руки русскаго агента при Кара-Георгіѣ, Родофиникина; онъ переслалъ ее къ русскому послу въ Вѣну, а тотъ немедленно сообщилъ эти бумаги, для просмотра, графу Стадіону. Нетрудно представить себѣ, какъ непріятно было это случайное разоблаченіе австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ; ему не оставалось ничего другого, какъ заявить, что правительство ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ и что барону Зимбшену, дѣйствовавшему по собственному почину, будетъ поставлена на видъ неумѣстность его поступка. По поводу этого эпизода, въ Вѣнѣ стали косо смотрѣть на Кара-Георгія, заподозрѣвъ его въ слишкомъ

близкихъ сношеніяхъ съ Родофиникинымъ, но не прекратили съ нимъ переговоровъ. Турціи же австрійское правительство сообщило только о желаніяхъ сербовъ, а на счетъ занятія сербскихъ крѣпостей заявило, что Австрія имѣетъ право занять ихъ, въ виду того, что всѣ ея жалобы на вторженіе боснійскихъ разбойничьихъ шаекъ въ земли венгерской короны оставались донынѣ безплодными. При этомъ было пояснено, что съ временнымъ занятіемъ этихъ крѣпостей Австріи будетъ легче склонить возставшихъ сербовъ къ покорности султану. Что касается сербовъ, то имъ было заявлено, что австрійскій императоръ готовъ быть посредникомъ, на справедливыхъ условіяхъ, между ними и султаномъ.

Этотъ поворотъ въ австрійской политикѣ былъ уже дѣломъ Меттерника, занявшаго мѣсто Стадіона. Меттерникъ не желалъ вовлечь монархію въ новыя осложненія въ такую минуту, когда возобновленіе войны съ Франціею представлялось слишкомъ вѣроятнымъ. Возобновленіе войны послужило бы сигналомъ для начала военныхъ дѣйствій со стороны Россіи въ Галиціи, а на этотъ случай Австріи необходимо было сохранить въ полной силѣ свое вліяніе въ Константинополѣ, чтобы воспрепятствовать Портѣ въ заключеніи мира съ Россіей. Чтобы совершенно привлечь Диванъ на сторону Австріи, ему надо было указать на опасности, которыми угрожала ему Франція, которая, обладая теперь Далмаціею, легче можетъ напасть на Турцію; надо было внушить Портѣ убѣжденіе, что обѣимъ державамъ приходится теперь отражать общаго врага. Для приобрѣтеній же въ Сербіи, входящей въ сферу интересовъ Австріи и потому желательной для послѣдней, минута была неудобна; а если ужъ Сербія не можетъ быть захвачена Австріею, то пусть ужъ лучше остается турецкимъ владѣніемъ, потому-что въ случаѣ обращенія ея въ такъ-называемое независимое княжество она сдѣлалась бы ареною русскихъ и французскихъ интригъ. Такъ думали въ Вѣнѣ. Положеніе дѣлъ въ Бѣлградѣ не было, однако, благоприятно для вѣнскаго кабинета. По отъѣздѣ отсюда Родофиникина, Россія имѣла тамъ все-таки больше приверженцевъ, чѣмъ слабая австрійская партія, что объяснялось недовѣріемъ сербовъ къ колеблющейся политикѣ Австріи, которое поддерживалось также и противорѣчивыми мѣрами командовавшихъ на границѣ австрійскихъ генераловъ.

Извѣстіе о заключеніи шенбрунскаго мира чрезвычайно встревожило Порту: въ Константинополѣ, какъ и въ Петербургѣ, опасались, что въ секретныхъ статьяхъ мирнаго договора обусловленъ раздѣлъ Турціи. Несмотря на всѣ успокоительныя заявленія по этому поводу изъ Вѣны, Порта беззащитна, особенно когда между Австріею и Россіей возобновлены были дипломатическія сношенія. Она не видѣла ничего невозможнаго въ томъ, что вѣнскій кабинетъ, соединившись съ обѣими имперіями, поставитъ Турцію лицомъ къ лицу съ могущественною коалиціей.

Изъ Вѣны, разумѣется, старались разсѣять и это опасеніе, ссылаясь на то, что нельзя же было не послать въ Петербургъ австрійскаго представителя послѣ заключенія мира, который касался также и Россіи. Кромѣ того, вѣнскій кабинетъ указывалъ Портѣ на то, что монархія сама нуждается въ спокойствіи и далека отъ всякой мысли о новыхъ потрясеніяхъ. Вообще, Меттернихъ употреблялъ всѣ силы, чтобы заручиться расположеніемъ Порты; предполагая, что Наполеонъ имѣеть въ виду поставить на очередь восточный вопросъ, онъ стремился предотвратить возможность его соглашенія съ Турціей, сближеніе которой съ Франціей, конечно, лишило бы Австрію всякаго вліянія на Востокъ. Поэтому руководитель австрійской политики усиленно старался внушить въ Константинополь убѣжденіе въ солидарности политическихъ интересовъ монархій и Оттоманской имперіи. Въ числѣ опасностей, угрожавшихъ имъ обѣимъ, онъ указывалъ, между прочимъ, на созданіе новаго королевства Иллирійскаго, откуда могла быть оказана помощь инсургентамъ на Балканскомъ полуостровѣ и нанесенъ ударъ какъ Турціи, такъ и Австріи. Изъ вниманія къ Портѣ, Австрія отклонила предложенія сербскаго предводителя Кара-Георгія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не считала возможнымъ предоставить сербовъ самимъ себѣ, опасаясь, чтобы они не подчинились въ такомъ случаѣ вліянію Россіи и Франціи. Для того же, чтобы Сербія могла ожидать дѣятельной помощи только отъ Австріи, Меттерниху надо было показать ей близость отношеній монархіи къ Портѣ, передъ когоруо она и ходатайствовала объ устраненіи непорядковъ и злоупотребленій, вызвавшихъ сербское возстаніе. Домогаясь въ Константинополь уступокъ въ пользу сербовъ, Меттернихъ, одновременно съ этимъ, старался снискать расположеніе и сербскихъ инсургентовъ, успокоивал ихъ чрезъ посредство сербскаго торговаго люда, которому былъ готовъ даже предоставить нѣкоторыя льготы по вывозу товаровъ.

Постоянно возобновлявшіяся дружественныя увѣренія вѣнскаго кабинета дѣлали въ Константинополь свое дѣло, однако по отношенію къ желаніямъ сербовъ Диванъ требовалъ, прежде всего, безусловнаго подчиненія послѣднихъ, не желая вступать съ ними въ переговоры, какъ равный съ равными, и изъявляя лишь готовность даровать общую амнистию и допустить собраніе податей самими сербами. Это не отвѣчало, однако, тому, чего ожидали сербы отъ австрійскаго посредничества: они рассчитывали получить собственную территорію въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ позднѣе образовалось Сербское княжество, и приобрѣсть нѣкоторую политическую самостоятельность, причемъ желали присылки къ нимъ австрійскаго консула и назначенія сербскаго консула въ Вѣну, съ тѣмъ, чтобы сношенія съ Портою производились чрезъ австрійскаго интернуція въ Константинополь. Желанія эти не отвѣчали ни усвоенной Австріею точкѣ зрѣнія, ни воззрѣніямъ Порты, и потому достигнуть со-

глашенія на такой основѣ было немислимо. Притомъ, сербскій вопросъ не имѣлъ тогда первенствующаго значенія въ глазахъ турецкаго правительства; при всемъ сочувствіи Дивана къ стремленію Австріи возстановить въ Сербіи спокойствіе, онъ, однако, гораздо болѣе желалъ добиться посредничества вѣнскаго кабинета въ Петербургѣ, чтобы высвободиться изъ-подъ гнета тягостной войны, связывавшей Турцію въ виду неопредѣленности и опасностей общаго политическаго положенія въ Европѣ. Все это тѣмъ болѣе затрудняло австрійскую дипломатію, что инструкции Меттерниха были, повидимому, не совсѣмъ точно выполняемы австрійскимъ представителемъ въ Константинополь, Штюрмеромъ, вслѣдствіе чего возникли-было натянутыя отношенія между послѣднимъ и представителями другихъ государствъ при Портѣ. Пронстекавшія изъ этого пререканія Меттерниху удалось уладить лишь въ маѣ 1810 года.

VII.

Къ этому времени, несмотря на свое недолгое еще пребываніе во главѣ дѣлъ, графъ Меттернихъ уже достаточно опредѣленно выказалъ свою манеру дѣйствій. Ощупью, осторожно начиналъ онъ свою трудную, ответственную карьеру, поступая уклончиво и изворотливо. Онъ не былъ дѣятелемъ, вышедшимъ изъ большого національнаго движенія, и не былъ выразителемъ совокупныхъ чувствъ, мыслей и стремленій своего времени, даже едва-ли понималъ ихъ основную сущность. Не въ его характерѣ было отдаваться великимъ, движущимъ міръ идеямъ и бороться за нихъ на жизнь и смерть. Талантъ его заключался, скорѣе, въ быстромъ схватываніи условій и въ приспособленіи къ нимъ. Для Австріи, которая уже по самой природѣ своей не можетъ быть государствомъ смѣлой инициативы, онъ былъ, во всякомъ случаѣ, человѣкомъ, наиболѣе способнымъ провести ее сквозь рядъ грозившихъ ей со всѣхъ сторонъ опасностей. Весьма вѣроятно, что онъ отлично понималъ трудность выпавшей на его долю задачи и нерѣдко самъ сомнѣвался въ удачномъ выполненіи ея. Всего болѣе заботъ внушалъ ему въ эту пору франко-русскій союзъ, несмотря на то, что между Россією и Франціей, по всѣмъ признакамъ, уже произошло охлажденіе.

Въ началѣ 1810 г. въ Парижѣ распространился слухъ, что Россія дѣлаетъ въ Лондонѣ усилія, чтобы установить сближеніе Франціи съ Англіей. Успѣхъ этого предпріятія казался, правда, маловѣроятнымъ, въ виду рѣшительной враждебности Англіи къ Наполеону. Съ другой стороны, все упорнѣе становились слухи о предстоящей вскорѣ войнѣ

*

между Франціей и Россіей, чему Меттернихъ, впрочемъ, не вѣрилъ, приписывая распространеніе этихъ слуховъ полякамъ, которымъ было выгодно поддерживать тревогу и сѣять раздоры между державами, въ надеждѣ вызвать войну, обѣщавшую повлечь за собою увеличеніе герцогства Варшавскаго. Но, и не вѣря въ войну, Меттернихъ зорко прислушивался и присматривался къ малѣйшимъ движеніямъ въ Парижѣ: всякая вѣсть оттуда о томъ или другомъ актѣ вѣжливости тюильрійскаго двора по отношенію къ тогдашнему австрійскому послу, князю Шварценбергу, вызвала въ Вѣнѣ извѣстное нервное возбужденіе. Вдругъ пришло извѣстіе о предстоящемъ расторженіи брака Наполеона и о начатіи секретныхъ переговоровъ въ Петербургѣ о вступленіи его въ бракъ съ русскою великою княжною. Это тѣмъ болѣе смутило вѣнскій дворъ, что еще ранѣе, на конгрессѣ въ Альтенбургѣ, затронуть былъ, между прочимъ, вопросъ о бракосочетаніи Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею Маріей-Луизой, хотя въ то время не было еще и рѣчи о разводѣ императора французовъ. Установленіе семейной связи между австрійскимъ императорскимъ домомъ и Наполеономъ признавалось въ Вѣнѣ въ высшей степени желательнымъ, какъ залогъ благосклонности и поддержки со стороны всецарящаго владыки Европы, тогда какъ бракосочетаніе его съ русскою великою княжною угрожало упроченіемъ франко-русскаго союза. Поэтому понятно, какъ велика была тревога, вызванная при австрійскомъ дворѣ означеннымъ извѣстіемъ. Въ сущности, тревога эта была лишена основанія, такъ какъ Наполеонъ былъ не изъ тѣхъ людей, на рѣшенія которыхъ могутъ вліять родственныя чувства. Дѣйствительно, тюильрійскимъ кабинетомъ былъ вскорѣ разосланъ всѣмъ французскимъ миссіямъ за-границею циркуляръ, въ которомъ сообщалось о состоявшемся разводѣ Наполеона, съ добавленіемъ, что императоръ не привялъ пока никакого рѣшенія относительно избранія себѣ новой супруги. Въ циркулярѣ было пояснено, что на кого бы ни палъ выборъ—на дочь ли частнаго человѣка, или на иноземную принцессу—новый брачный союзъ императора ни въ чемъ не измѣнитъ существующихъ отношеній Франціи къ другимъ державамъ, такъ какъ его величество желаетъ видѣть въ своей будущей супругѣ лишь мать наследника престола. Извѣстно, что Наполеонъ, который велъ переговоры о сватовствѣ одновременно и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ, остановилъ наконецъ свой выборъ на эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, когда убѣдился, что русскій дворъ дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ уклончиво. Въ Вѣнѣ это встрѣчено было съ такою радостью, что Меттернихъ даже упустилъ передъ заключеніемъ брачнаго договора удостовѣриться по документамъ въ томъ, что первый бракъ Наполеона надлежащимъ образомъ расторгнутъ уже церковью, ограничившись словеснымъ увѣреніемъ въ томъ французскаго представителя, графа Отто. Упущеніе

это пришлось исправить путемъ дипломатической переписки. Рѣшено было, что эрцгерцогиня Марія-Луиза поѣдетъ въ Парижъ въ сопровожденіи графа Меттерниха, который считалъ необходимымъ лично переговорить съ Наполеономъ, чтобы узнать его дѣйствительныя намѣренія и затѣмъ осуществить свою политическую систему. Но въ Парижѣ проектъ этотъ встрѣтили съ неудовольствіемъ: въ поѣздкѣ Меттерниха усмотрѣли признакъ недовѣрія австрійскаго императора относительно участи его дочери. Только согласіемъ самого Наполеона, быть можетъ тоже желавшаго видѣть руководителя австрійской политики, разрѣшилось въ желательномъ вѣнскому двору смыслѣ вызванное поѣздкою Меттерниха недоразумѣніе.

1-го апрѣля Марія-Луиза прибыла съ Меттернихомъ въ Парижъ. Гражданское бракосочетаніе ея съ Наполеономъ состоялось въ Сенъ-Клу, а церковное вѣнчаніе 2-го апрѣля въ Парижѣ. Въ Австріи событіе это возбудило большія надежды: миръ считался теперь обезпеченнымъ надолго, и будущее рисовалось въ привлекательномъ свѣтѣ. Курсъ на биржѣ поднялся, и дѣловой міръ заранѣе радовался возможности постепенно покрыть понесенныя потери. Много хорошаго ожидали въ политическихъ сферахъ также и отъ пребыванія въ Парижѣ графа Меттерниха, на время отсутствія котораго управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ ввѣрено было его отцу, князю Меттерниху. Графъ, въ своемъ докладѣ императору Францу, изложилъ передъ тѣмъ сущность подлежащей ему въ Парижѣ задачи. Прежде всего, онъ развилъ тѣ соображенія, которыя побудили императора дать согласіе на бракосочетаніе эрцгерцогини Маріи-Луизы съ Наполеономъ. Путемъ этого брака имѣлось въ виду обезпечить миръ для монархіи, а если возможно, то и для Европы.

Графъ Меттернихъ ставилъ себѣ задачею добыть для Австріи средства, при помощи которыхъ она могла бы, заново вооружившись, поставить себя въ готовность для отпора всякому вѣншему врагу какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Въ этихъ видахъ, онъ желалъ склонить Францію къ отмѣнѣ секретныхъ статей шёнбрунскаго мира, подрывавшихъ внутреннія силы монархіи. Цѣлью его было добиться возвращенія Австріи нѣсколькихъ торговыхъ пунктовъ на Адриатическомъ морѣ и дозволенія ей пользоваться торговымъ путемъ на Литораль для ввоза и вывоза товаровъ. Въ случаѣ, еслибы достигнуть этого не удалось, Меттернихъ надѣялся добиться хотя бы точнаго опредѣленія условій австрійской торговли, особенно транзитной. Одною изъ первыхъ потребностей Австріи было также заключеніе, на благоприятныхъ условіяхъ, займа, а для этого она, въ виду паденія ея кредита, безусловно нуждалась въ поддержкѣ Франціи. Главные денежные центры континента находились подъ влияніемъ послѣдней, и Наполеонъ

могъ либо парализовать, либо дѣятельно поддержать обращеніе Австріи къ денежному рынку. Определеннаго полномочія графу Меттерниху дано не было; императоръ Францъ выразилъ ему свое полнѣйшее довѣріе, поручивъ ему постараться достигнуть вообще всего, что только возможно, для блага и выгоды монархіи.

Уже первое свиданіе Меттерниха съ Наполеономъ могло бы убѣдить австрійскаго министра въ томъ, насколько слабы шансы на успѣхъ его миссіи. Меттернихъ, заговоривъ о неудовольствіи, которое все еще питаетъ противъ Франціи австрійское населеніе, объяснялъ это обстоятельство угнетающимъ финансовымъ положеніемъ, отъ котораго Австрія могла бы избавиться при восстановленіи дружественныхъ отношеній съ Франціей, и по этому поводу затронулъ вопросъ о возвращеніи Австріи Фиуме. Наполеонъ тотчасъ же изъявилъ на это готовность и даже пообѣщаль отдать значительную часть Литорала, но замѣтилъ, что предварительно ему нужно придти къ соглашенію съ Англією, для успѣха переговоровъ съ которою онъ видитъ наилучшее средство въ обладаніи адриатическимъ побережьемъ. При такой оговоркѣ обѣщаніе его, конечно, утрачивало всякую цѣну, такъ какъ соглашеніе съ Англією было надолго еще невысказано. Дѣйствительно, изъ Лондона получено было косвеннымъ дипломатическимъ путемъ несомнѣнно вѣрное извѣстіе, что Англія остается воинственною. Въ маѣ въ моряхъ сѣверной Европы появился британскій флотъ въ составѣ 600 судовъ, съ видимою цѣлью либо поддержать противниковъ Франціи въ Швеціи, либо овладѣть Балтійскимъ моремъ на тотъ случай, если бы Россія снова сблизилась съ Англією. Событіе это обратило на себя усиленное вниманіе Наполеона; онъ немедленно распорядился установленіемъ бдительнаго военнаго надзора за берегами Эльбы и Эйдера и укрѣпленіемъ сѣвернаго берега Германіи. Само собою разумѣется, что онъ не могъ не сознать всей бесполезности мирныхъ переговоровъ съ Англією, которыми обусловливалъ данное Меттерниху обѣщаніе.

Нѣсколько иначе вышло съ церковнымъ вопросомъ, улаженіе котораго тоже входило въ задачу Меттерниха; полного успѣха нельзя было ожидать и въ этомъ вопросѣ, въ виду слишкомъ рѣзкаго различія между точками зрѣнія Наполеона и папы Пія VII, но существовала надежда хоть на нѣкоторое соглашеніе. По шёнбруннскому миру непосредственныя сношенія Вѣны съ папою безъ согласія Наполеона были, какъ извѣстно, невозможны; между тѣмъ, сношенія эти были въ высшей степени желательны для Австріи съ точки зрѣнія правильнаго хода церковныхъ дѣлъ. Поэтому Меттерниху предстояло склонить Наполеона къ примиренію на тѣхъ или другихъ условіяхъ съ папскимъ престоломъ и предоставленію послѣднему хотя бы прежняго права имѣть пословъ при иностранныхъ дворахъ и принимать у себя пословъ съ ихъ

стороны. Церковный вопросъ, какъ доносилъ Меттернихъ въ Вѣн тронуть былъ самымъ Наполеономъ. Послѣ неоднократныхъ бесѣдъ между ними по этому поводу, рѣшево было отправить къ папѣ, пребывавшему тогда въ Савонѣ, австрійскаго уполномоченнаго. Для этого избранъ былъ бывший представитель Австріи при Ватиканѣ, Лебцельтернъ. Онъ отправился въ Савону подъ предлогомъ ходатайства передъ папою о нѣкоторыхъ, желательныхъ для церковнаго управленія Австріи уступкахъ, подробности которыхъ были изложены въ письмѣ Меттерниха. Этимъ путемъ имѣлось въ виду предотвратить ухудшенія существовавшихъ между Наполеономъ и папою отношеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скомпрометтировать папу въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительная миссія Лебцельтерна потерпѣла неудачу. Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ желалъ достигнуть соглашенія съ папою, однако, не отступая отъ своей точки зрѣнія на папскую власть. Роль Лебцельтерна была тѣмъ затруднительнѣе, что какъ папа, такъ и Наполеонъ упорно стояли каждый на своемъ. Императоръ французовъ соглашался оставить за папою титулъ римскаго епископа, но требовалъ, чтобы, въ случаѣ отказа папы въ рукоположеніи епископовъ, право назначенія викаріевъ было предоставлено императору. Если папа пожелалъ бы снова водвориться въ Римъ, онъ долженъ отказаться отъ своей верховной власти, которая, напротивъ, будетъ сохранена за нимъ, если онъ мѣстомъ своего жительства изберетъ Авиньонъ. Наконецъ, папа долженъ принять присягу на вѣрность положеніямъ галиканской церкви. Таковы были первоначальныя требованія Наполеона; впоследствии, въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ, онъ нѣсколько смягчилъ ихъ. Такъ, онъ изъявилъ готовность допустить возвращеніе папы въ Римъ безъ совершеннаго лишенія верховной власти, но съ извѣстнымъ ограниченіемъ ея: прежде всего, папа долженъ признать верховное господство Франціи надъ Римомъ, но зато можетъ сохранить внѣшніе признаки независимости—право имѣть и принимать посланниковъ. Императоръ соглашался также обезпечить папу доходомъ, независимымъ отъ какаго бы ни было иноземнаго вліянія. Папѣ, сверхъ того, предоставлялось самому избирать себѣ совѣтниковъ, но о правѣ его созывать священную коллегію Наполеонъ не хотѣлъ и слышать. Другими словами, императоръ желалъ оставить папу почти въ полномъ подчиненіи. На такія условія Пій VII не находилъ возможнымъ согласиться; особенно рѣшительно отвергъ онъ предложенное ему содержаніе, хотя бы оно даже выплачивалось изъ особо учрежденнаго съ этою цѣлью фонда; онъ находилъ, что такой фондъ былъ бы непремѣнно образованъ изъ секвестрованныхъ имѣній упраздненныхъ духовныхъ орденовъ. Какъ ни старался Лебцельтернъ убѣдить его, что папство не въ силахъ бороться съ могущественнымъ императоромъ, Пій VII оставался непреклоненъ: примѣрка меттерни-

ховской системы вынужденныхъ уступокъ силѣ видимо не была удачна. Согласно внушеніямъ Меттерниха, Лебцельтернъ пробовалъ соблазнить папу блескомъ и величіемъ такого поступка: указать на осложненія, возникшія для церкви изъ разрыва съ Наполеономъ, и призвать отлученнаго отъ церкви императора вновь въ ея лоно, съ выраженіемъ увѣренности, что онъ будетъ впредь послушнѣйшимъ сыномъ церкви и исправить нанесенный имъ папскому престолу вредъ. Но папа не поддался на это ухищреніе и на доводы дипломата возразилъ, что если Наполеонъ хочетъ сблизиться съ церковью, то пусть сперва заявитъ о томъ, и что если онъ хоть однимъ какимъ-нибудь дѣяніемъ засвидѣтельствуетъ свою добрую волю, то вопросъ объ его отлученіи нетрудно будетъ уладить. Миссія Лебцельтерна, и безъ того уже трудная, была еще болѣе затруднена полученными въ Савонѣ извѣстіями о распущеніи итальянскихъ монашескихъ орденовъ и о сляніи ватиканскихъ архивовъ съ архивомъ парижскимъ. Говорили также, что нѣсколько оставшихся въ Римѣ прелатовъ высланы оттуда. Все это только увеличивало несговорчивость папы. Однако потомъ Пій VII нѣсколько успокоился и, наконецъ, заговорилъ въ примирительномъ тонѣ, всѣми силами стараясь, впрочемъ, оградить свою независимость отъ власти Наполеона. По всей вѣроятности, онъ началъ проникаться довѣріемъ къ Австріи, рассчитывая въ ея посредничествѣ найти для себя гарантію. И все-таки въ письмѣ папы къ Меттерниху, которое было прочитано Лебцельтерну въ послѣдней его аудіенціи и въ которомъ папа высказался по церковному вопросу, было мало такого, что давало бы надежду на примиреніе. На словахъ Пія VII пояснилъ при этомъ австрійскому посланцу, что, при всемъ желаніи примиренія, онъ не находитъ возможнымъ поступиться лежащимъ на немъ священнымъ долгомъ оградить неприкосновенность правъ церкви. «Я убѣжденъ—прибавилъ онъ,— что Наполеонъ вовсе не имѣетъ охоты мириться. Кто поручится въ томъ, что все, условленное сегодня, не будетъ опрокинуто императоромъ завтра, если ему покажется, что того требуютъ его интересы или если имъ овладѣетъ страсть?» Въ заключеніе, папа пригрозилъ даже поднятіемъ большого шума, если императоръ не прекратитъ своихъ нападокъ на религію и папскую власть, но, подъ конецъ прощальной бесѣды, сталъ говорить въ болѣе спокойномъ тонѣ. Лебцельтернъ вынесъ изъ этой аудіенціи увѣренность, что соглашеніе еще возможно, если только Наполеонъ серьезно желаетъ его; тѣмъ не менѣе, австрійское посредничество не дало никакого фактическаго результата, потому что Наполеонъ не усмотрѣлъ въ переданныхъ ему заявленіяхъ папы признаковъ склонности къ примиренію. Въ политическомъ отношеніи, послѣдствіемъ австрійскихъ переговоровъ по церковному вопросу было то, что Наполеону стало ясно, какъ мало могъ бы онъ рассчитывать на поддержку

Австрія, если бы дѣйствительно задумалъ совершенно упразднить папство.

Пребываніемъ своимъ въ Парижѣ Меттернихъ воспользовался, конечно, и для того, чтобы возможно ближе ознакомиться съ характеромъ отношеній Франціи къ прочимъ державамъ. Отношенія ея къ Пруссіи казались тогда нѣсколько улучшившимися; Наполеону, въ головѣ котораго все болѣе созрѣвали въ ту пору замыслы относительно Россіи, дѣйствительно нужно было показывать Пруссіи извѣстную дружественность, тѣмъ болѣе, что это могло бы помочь ему и въ успѣхѣхъ относительно испанскихъ дѣлъ. Въ Россіи же настроеніе было уже, повидимому, таково, что, по словамъ Меттерниха, со стороны Австріи требовалось величайшее благоразуміе, чтобы хотя лишь отсрочить разрывъ съ Наполеономъ. Такому настроенію особенно способствовало состоявшееся глѣтомъ присоединеніе Голландіи и выборъ герцога Понте-Корво въ наслѣдники шведскаго престола. По крайней мѣрѣ, вся дипломатія признавала это послѣднее событіе за враждебный по отношенію къ Россіи актъ. Это отчасти подтверждалось и вѣстями изъ Петербурга, свидѣтельствовавшими о существованіи тамъ большихъ опасеній. Кромѣ того, вѣсти эти какъ бы указывали на то, что съ Россіею можно будетъ заговорить теперь объ условіяхъ мира съ Портою. Французское правительство всѣми силами старалось, впрочемъ, успокоить Россію насчетъ происходившаго. Шампаньи говорилъ Нессельроде, замѣнившему заболѣвшаго князя Куракина, что присоединеніе Голландіи было вызвано необходимостью, такъ какъ королевство Голландія стало прямо складочнымъ мѣстомъ для англійскихъ товаровъ и король явно потворствовалъ англичанамъ. Меттернихъ видѣлъ, однако, что разрывъ между Наполеономъ и Александромъ I неизбеженъ, и усиленно старался подготовить союзъ Австріи съ Франціей, соображая тѣмъ временемъ, въ какомъ размѣрѣ можетъ быть оказана монархіею помощь Наполеону и какую цѣну слѣдуетъ потребовать за это. Но торговаться съ Наполеономъ было нелегко, какъ и показало состоявшееся разрѣшеніе занимавшаго Австрію вопроса объ облегченіи ея торговли. 30-го августа между Франціею и Австріей заключенъ былъ, правда, торговый договоръ, но настолько выгодный для Франціи и такъ мало удовлетворявшій домогательства австрійскаго правительства, что, по настояніямъ изъ Вѣны, послу князю Шварценбергу пришлось хлопотать въ Парижѣ объ отсрочкѣ ратификаціи этого соглашенія, подъ тѣмъ предлогомъ, будто оно непременно встрѣтитъ сильную оппозицію въ венгерскомъ сеймѣ. Представленія на этотъ счетъ были, однако, встрѣчены Наполеономъ съ неодобреніемъ; онъ сказалъ, что такъ какъ австрійскій императоръ затягиваетъ ратификацію, то торговый договоръ долженъ отнынѣ считаться несостоявшимся. Такъ дѣло это и осталось несдѣланнымъ. Немногого удалось Меттерниху добиться также

и въ финансовыхъ вопросахъ. Онъ имѣлъ въ виду исходатайствовать для Австріи облегченіе по части уплаты контрибуціи, наложенной по шёнбрунскому миру, а также позволеніе Наполеона на заключеніе займа въ предѣлахъ Франціи и союзныхъ съ нею государствъ. Для осуществленія задуманной финансовой системы, Австріи нужно было 30 п на погашеніе неуплаченной еще части контрибуціи 10 милліоновъ. Австрійское финансовое управленіе надѣялось добыть эти суммы въ Амстердамѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и Генуѣ или также и въ Парижѣ, а сдѣлать это безъ позволенія Наполеона было невозможно. Меттерниху, удалось получить отъ императора французовъ согласіе на начатіе переговоровъ о займѣ въ 30 милліоновъ; остальные же 10 милліоновъ надѣялись въ Вѣнѣ добыть частнымъ путемъ. Но и полученное отъ императора согласіе не помогло дѣлу: начатые съ банкирскими домами переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Такимъ образомъ, Меттернихъ не достигъ въ Парижѣ благополучнаго разрѣшенія столь настоятельнаго для Австріи финансоваго вопроса. Къ успѣхамъ же его миссіи слѣдуетъ отнести, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ уступокъ, то, что ему удалось склонить Наполеона къ отмѣнѣ второй секретной статьи шёнбрунскаго мирнаго договора. Въ силу этой статьи, Австрія, какъ извѣстно, не имѣла права въ продолженіе всей морской войны содержать болѣе 150.000 чел. войскъ всѣхъ родовъ оружія. Отмѣнивъ эту статью, Наполеонъ написалъ своему тестю, императору Францу, что желаетъ этимъ доказать ему свое довѣріе и глубокое уваженіе.

Говоря вообще и оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя затрудненія, простекавшія изъ австро-французскихъ переговоровъ по поводу выполненія отдѣльныхъ условій шёнбрунскаго мира, усилія Меттерниха въ Парижѣ привели все-таки къ тому, что между Франціею и Австріею послѣдовало извѣстное сближеніе. Правда, многое въ ихъ отношеніяхъ осталось нерѣшеннымъ, и сторонамъ предстояло еще устранить кое-какія сомнѣнія и трудности, но обѣ державы, въ силу обстоятельствъ, стали на болѣе или менѣе дружескую ногу по отношенію одна къ другой. Главною побудительною причиною такого оборота были созрѣвшіе умыслы Наполеона относительно Россіи.

Когда началась австро-французская война 1809 г., сношенія Австріи съ Россіею, какъ извѣстно, прекратились, хотя ни съ той, ни съ другой стороны не послѣдовало объявленія войны. Императоръ Александръ не считалъ себя состоящимъ въ войнѣ съ Австріею и, передъ отъѣздомъ австрійскаго посла Шварценберга изъ Петербурга, сказалъ ему, что желаетъ успѣха австрійскому оружію, а графу Сень-Жюльену онъ заявлялъ, что, посылая русскую армію въ Галицію, поступаетъ противъ убѣжденія и чувствъ. Россія участвовала въ войнѣ лишь въ качествѣ вспомогательной силы Франціи и хотя она и овладѣла частью Га-

лиціи, однако de jure существовавшія до тѣхъ поръ отношенія и обязательства оставались въ силѣ. Австрія, въ продолженіе всей войны, оказывала гостепрѣимство русскимъ подданнымъ, жившимъ на ея территоріи, и по заключеніи Австріею мира съ Франціей Россія перестала быть вспомогательною силою Наполеона. Поэтому австрійское правительство признавало, что съ окончаніемъ войны должны были возобновиться тѣ отношенія, которыя существовали до нея. Эту точку зрѣнія Австрія и выставила тотчасъ по возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ русскимъ дворомъ. Но, прежде всего, въ Вѣнѣ желали, чтобы прекратилась война Россіи съ Турціею. Взять на себя прямое посредничество въ этомъ дѣлѣ Австрія не находила, однако, возможнымъ, такъ какъ была слишкомъ слаба въ военномъ отношеніи и, слѣдовательно, не могла бы придать своему посредничеству надлежащаго вѣса. Отношеніе Наполеона къ турецкому вопросу представлялось загадочнымъ. Съ одной стороны, онъ проявлялъ сочувствіе Портѣ, что вызывало опасенія насчетъ того, не стремится ли онъ поддержать рознь на нижнемъ Дунаѣ, а съ другой—въ рѣчи своей, произнесенной въ законодательномъ корпусѣ, онъ категорически оправдывалъ завоеваніе дунайскихъ княжествъ русскими. Изъ этого въ Вѣнѣ заключали, что проектъ раздѣла Турціи еще не оставленъ. Поэтому вѣнскій кабинетъ ограничился въ Петербургѣ осторожнымъ сообщеніемъ, что Диванъ не станетъ противиться примиренію на справедливыхъ основаніяхъ; да и это сообщеніе предписано было графу Сенъ-Жюльену сдѣлать въ такой формѣ, будто оно основано на его собственныхъ свѣдѣніяхъ и дѣлается какъ бы въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ могъ донести въ Вѣну, можно ли ожидать вскорѣ возстановленія мира. Какъ ни желала мира сама Россія, на скорое заключеніе его надежды было мало, такъ какъ петербургскій кабинетъ не хотѣлъ отказаться отъ дунайскихъ княжествъ, а Порта не желала и слышать объ ихъ уступкѣ. Въ сущности, отношенія между Россіей и Австріей были благоприятны: петербургскій кабинетъ, стараясь достигнуть забвенія недавняго прошлаго, склонялся къ сближенію; Австрія тоже, при всей сдержанности, высказывалась—по крайней мѣрѣ, на словахъ—въ пользу мира и дружбы. Въ Петербургѣ уже начали относиться къ будущимъ отношеніямъ съ нѣкоторымъ довѣріемъ, какъ вдругъ, для всѣхъ неожиданно, явилась вѣсть объ австро-французскомъ бракѣ. Это сразу измѣнило настроеніе Петербурга: надежды на сближеніе и довѣріе смѣнились сильнымъ неудовольствіемъ. Чувство это, впрочемъ, тщательно скрывали въ придворныхъ кругахъ, гдѣ, напротивъ, дѣлали видъ, будто радуются состоявшемуся наконецъ примиренію между Франціей и Австріей, которое-де не только упрочиваетъ миръ, но и даетъ императору Александру возможность установить однородныя отношенія между тремя державами. Въ этомъ смыслѣ высказался и

князь Куракинъ передъ Шварценбергомъ, заявляя ему, что Наполеонъ вовсе и не просилъ руки великой княжны Анны Павловны. Въ сущности, заявленіе это вполне соответствовало фактамъ, такъ какъ Колленкуръ пытался только освѣдомиться, склоненъ ли императоръ Александръ выполнить данное имъ Наполеону въ Эрфуртѣ обѣщаніе. Постоянная уклончивость Александра въ вопросѣ о бракѣ императора французовъ съ великою княжною должна была убѣдить, наконецъ, Наполеона въ его нежеланіи согласиться на этотъ бракъ, послѣ чего онъ и рѣшилъ искать руки австрійской эрцгерцогини. Какъ бы то ни было, Россія одною изъ первыхъ поздравила австрійскій дворъ съ состоявшимся брачнымъ союзомъ, возложивъ принесеніе поздравленій на графа Шувалова, находившагося тогда съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣнѣ. Австрія, съ своей стороны, старалась успокоить Россію указаніемъ на то, что бракосочетаніе эрцгерцогини Маріи-Луизы является обезпеченіемъ мира. Вѣнскій кабинетъ далъ понять въ Петербургѣ, что миновало то время, когда Австрія стремилась защищать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ; отнынѣ-де она видитъ залогъ своего благополучія въ сохраненіи тѣхъ государствъ, существованіе которыхъ представляетъ для нея интересъ. Изолированное положеніе ея послѣ войны заставляетъ-де ее вступить въ дружественныя отношенія, прежде всего, съ Франціею, а затѣмъ и съ сосѣдними государствами. Подобныя увѣренія, конечно, не могли разсѣять неудовольствія Россіи, и самъ Меттернихъ опасался, что Россія будетъ впредь настроена по отношенію къ Австріи враждебно. Въ настоящую минуту опасаться было, разумѣется, еще нечего; такъ какъ вниманіе русскаго правительства было поглощено войною на Дунаѣ, то вѣнскій кабинетъ ожидалъ, что Россія, въ ближайшемъ будущемъ, будетъ продолжать «нерѣшительную и малодушную политику», какъ выражался Меттернихъ. Стремясь удержать Россію въ состояніи «ничтожества и пассивности», онъ предпринялъ противъ нея глухую интригу въ лондонскомъ кабинетѣ, со стороны котораго опасался попытки сблизиться съ Россіей (отъ петербургскаго кабинета онъ даже не ожидалъ почина въ этомъ отношеніи). Между тѣмъ, въ Петербургѣ австро-французская система внушала съ каждымъ днемъ все большее безпокойство. Помимо австро-французскаго брачнаго союза, поѣздка Меттерниха въ Парижъ уже сама по себѣ давала русскому кабинету поводъ предположить, что въ Парижѣ могутъ быть заключены важныя и далеко идущія сдѣлки. Заявленія изъ Вѣны о томъ, что въ виду имѣется обсужденіе лишь вопросовъ, касающихся общей пользы, только усиливали подозрѣнія.

Въ началѣ 1810 г. русскій генераль графъ Шуваловъ привезъ въ Вѣну собственноручное письмо императора Александра къ императору Францу; при этомъ, въ бесѣдахъ съ графомъ Меттернихомъ, онъ затро-

нудъ вопросъ о Сербіи. Одобривъ посредничество Австріи въ Константинополь, графъ Шуваловъ заявилъ, что Россія тоже стоитъ за возвращеніе сербовъ подъ власть Порты, но что императоръ Александръ желаетъ обезпеченія ихъ отъ фанатизма мусульманъ. Россія—говорилъ Шуваловъ—не имѣетъ ни малѣйшихъ поползновеній на Сербію. Изъ этого Меттернихъ вывелъ заключеніе, что Россія готова пожертвовать Сербіею, съ цѣлью получить за это Молдавію и Валахію. На этотъ разъ результатомъ миссіи графа Шувалова было, впрочемъ, лишь заключеніе двухъ конвенцій: о выдачѣ дезертировъ и о пропускѣ чрезъ Австрію экипажа тѣхъ русскихъ судовъ, которыя не могли выйти изъ испанскихъ портовъ и которыя пришлось продать Франціи.

Весьма продолжительные переговоры между Австріею и Россіей велись еще и по вопросу о русскомъ долгѣ въ 12 милліоновъ. Сумму эту должно было русское военное управленіе за поставки, сдѣланныя во время похода 1805 г. По конвенціи отъ 1-го (13-го) августа 1808 г., уплата должна была совершиться посредствомъ четырехъ одинаковыхъ ежегодныхъ вносовъ, начиная съ 3-го (15-го) января 1809 г.; сдѣланъ былъ, однако, только первый вносъ въ милліонъ, а остальная часть долга еще не была уплачена. Сверхъ оставшихся за Россіею 11 милліоновъ, Австріи слѣдовало получить съ нея еще 1.303.492 гульдена за содержаніе тѣхъ русскихъ войскъ, которыя оставались въ Галиціи по истеченіи срока, установленнаго мирнымъ договоромъ 1809 г. Петербургскій кабинетъ отказался отъ уплаты этого долга, ссылаясь на то, что война упраздняетъ всѣ обязательства, тогда какъ съ русской стороны неоднократно было заявлено, что Россія и Австрія не находятся въ состояніи войны. Разногласія на этотъ счетъ переведены были Россіею постепенно на почву высшей политики. Графъ Румянцевъ предписалъ намекнуть въ Вѣнѣ, что Россія готова возобновить условленные вносы, если Австрія формально заявитъ, что она никакими статьями не обязана воевать съ Франціей противъ Россіи и впредь не имѣетъ намѣренія принимать на себя такихъ обязательствъ. Вѣнскій кабинетъ рѣшительно отказался сдѣлать подобное прямое заявленіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ увѣреніе въ томъ, что на Австріи не лежитъ никакихъ обязательствъ, могущихъ послужить либо въ пользу какой-либо державы, либо во вредъ ей. Послѣ этого со стороны Россіи предложено было, вмѣсто уплаты деньгами, произвести земельный обмѣнъ, но Австрія, соглашаясь на это въ принципѣ, разошлась съ русскою дипломатіей въ подробностяхъ и переговоры объ уплатѣ долга не двигались впередъ.

Что касается правильныхъ дипломатическихъ сношеній между обѣими державами, то они восстановлены были формально по подписаніи конвенціи относительно уступки галиційской территоріи. Посланникомъ

въ Вѣну назначенъ былъ графъ Штакельбергъ, а въ Петербургъ, по желанію императора Александра, графъ Сенъ-Жюльенъ, съ званіемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Тѣмъ не менѣе, взаимное нерасположеніе обоихъ кабинетовъ нисколько не уменьшилось. Въ Петербургѣ были убѣждены, что Меттернихъ ведетъ въ Парижѣ переговоры о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза; но, при всемъ томъ, въ виду охлажденія Россіи къ Наполеону, ея изолированнаго положенія, печальнаго состоянія финансовъ и торговли, большая и вліятельная партія стояла за возобновленіе старыхъ отношеній къ Австріи, т. е. союза съ нею. Къ графу Сенъ-Жюльену петербургскій кабинетъ относился очень дружелюбно, и Румянцевъ постоянно возобновлялъ съ нимъ бесѣды о тройственномъ союзѣ, хотя въ осуществленіе его вѣрилъ такъ же мало, какъ и вѣнскій кабинетъ. Затрогивая этотъ вопросъ, онъ, очевидно, желалъ только заставить австрійскаго посланника высказаться на счетъ того, далеко ли зашло сближеніе Австріи съ Франціей. Что касается императора Александра, то онъ признавалъ тогда добросовѣстность Австріи и увѣрялъ, что ничего такъ страстно не желаетъ, какъ окончанія турецкой войны, чтобы, по заключеніи мира, посвятить себя заботамъ объ экономическомъ и финансовомъ подъемѣ Россіи. Но Меттернихъ, а за нимъ и вполнѣ полагавшійся на его сужденія императоръ Францъ, смотрѣли на Россію иными глазами. Меттернихъ напрягалъ всѣ силы своего ума, чтобы совершенно поколебать въ императорѣ всякое сочувствіе къ Россіи, и мысли объ отношеніяхъ къ послѣдней подробно изложилъ въ докладѣ, представленномъ Францу послѣ парижской поѣздки. Рѣзко осуждая петербургскій кабинетъ за его политику, онъ пространно доказывалъ, что вся эта политика обусловлена лишь страхомъ и стремленіемъ къ завоеваніямъ. Императора Александра онъ осуждалъ какъ соучастника въ несчастномъ для Австріи исходѣ послѣдней войны, которая, будто бы, вызвана была его происками, причемъ онъ не постѣснялся принять «выброшенный ему кусокъ земли его прежняго союзника». Докладъ дышалъ ненавистью къ Россіи; тѣмъ не менѣе, Меттернихъ, не желая выходить изъ роли государственнаго человѣка, смотрящаго на вещи объективно, излагалъ императору, что ради высшихъ интересовъ Австріи могла бы подать руку примиренія «вѣроломной» сосѣдкѣ. Но—прибавлялъ онъ—какую выгоду представлялъ бы союзъ съ державой, которая и донныи не сходитъ съ избраннаго ею, подъ вліяніемъ страха, пути и которая теперь, кромѣ Наполеона, боится еще и Австріи—съ державой, которая, при нерѣшительности ея императора и бездарности его совѣтниковъ, представляется неспособною къ принятію важнаго рѣшенія? Меттернихъ не только не ожидалъ ничего хорошаго отъ тогдашняго петербургскаго кабинета, въ составѣ котораго

находился ненавистный ему Румянцевъ, но не вѣрилъ и въ будущее, отвергая возможность измѣненія правительственной системы въ Россіи къ лучшему. Въ виду всего этого, онъ рѣшительно возставалъ противъ интимныхъ переговоровъ съ Россіей, очевидно, не знающей замысловъ Наполеона, тогда какъ Австрія является въ выгодномъ положеніи единственной державы, въ точности знакомой съ его планами. При такомъ положеніи дѣлъ Австріи было бы невыгодно связывать себя на будущее переговорами съ русскимъ правительствомъ. Согласно этому убѣжденію, Меттернихъ, бесѣдуя въ концѣ октября съ графомъ Шуваловымъ, увѣрялъ его въ миролюбіи императора Франца и въ томъ, что между Франціей и Австріей существуетъ лишь фамиліная связь, а не политическій союзъ, но отклонилъ предложеніе русскаго посланнаго относительно заключенія договора, посредничества въ турецкомъ вопросѣ и отторженія Молдавіи и Валахіи отъ Турціи. Отклоняя договоръ, Меттернихъ хотѣлъ, однако, продолжать переговоры о русскомъ двѣнадцатимилліонномъ долгѣ. Вообще же, въ присылкѣ графа Шувалова въ Вѣну онъ видѣлъ не что иное, какъ стремленіе Россіи склонить Австрію къ заключенію оборонительнаго союза, съ цѣлью заручиться ея помощью въ виду приближающейся опасности. По его мнѣнію, расчетъ Россіи состоялъ въ томъ, чтобы за спиною Австріи и къ ущербу ея интересовъ, продолжать свои завоеванія въ Турціи. Императоръ Францъ, согласившись съ доводами своего министра, повелѣлъ отклонить союзъ съ Россіей и выдѣлить этотъ вопросъ изъ ряда другихъ предметовъ, по которымъ велись переговоры, причемъ пожелалъ, чтобы графу Шувалову было особенно указано на нежеланіе Австріи допустить занятіе русскими Молдавіи и Валахіи.

О миссіи графа Шувалова Румянцевъ говорилъ въ Петербургѣ съ графомъ Сень-Жюльеномъ, причемъ заявленія его не совпадали съ догадками Меттерниха. По словамъ Румянцева, Шувалову не было поручено искать ни какого-нибудь обязывающаго договора, ни оборонительнаго или наступательнаго союза, а было внушено лишь заручиться нейтралитетомъ Австріи на случай войны, да и то вызванной нападеніемъ на Россію. Румянцевъ говорилъ, что онъ надѣется на скорое окончаніе турецкой войны, прибавляя, что тогда миръ будетъ обезпеченъ надолго и что императоръ Александръ не имѣетъ въ виду начинать новую войну. Сень-Жюльенъ, съ своей стороны, выразилъ увѣренность, что всякое предложеніе Россіи, подсказанное дружественными чувствами, навѣрное будетъ благопріятно встрѣчено вѣнскимъ кабинетомъ. Но изъ Вѣны прислана была ему инструкція, не отвѣчавшая его увѣренности: ему предписывалось слѣдить за возникающими въ публикѣ слухами о русско-австрійскихъ переговорахъ и, въ случаѣ, еслибы эти слухи дошли до французскаго посла, увѣрить его самымъ положительнымъ обра-

зомъ, что вѣнскій кабинетъ никогда не пойдетъ на соглашеніе, могущее повредить дружбѣ съ Франціею. Вообще же Сенъ-Жюльену внушалось, чтобы онъ не выходилъ изъ роли наблюдателя и держался пассивно. Австрія-де желаетъ сохранить свою независимость; она не связана обязательствами ни съ кѣмъ, а потому хочетъ оставаться свободною и по отношенію къ Россіи.

Что касается переговоровъ о другихъ, еще не разрѣшенныхъ вопросахъ, то Меттернихъ желалъ перенести ихъ въ Вѣну; онъ, очевидно, хотѣлъ удалить ихъ изъ-подъ непосредственнаго вліянія Румянцева, которому не довѣрялъ, и отстранить отъ нихъ Сенъ-Жюльена, на скудныхъ дипломатическія дарованія котораго не возлагалъ большихъ надеждъ.

Тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ стали распространяться тревожные слухи изъ Парижа. Увѣряли, что не пройдетъ и года, какъ разразится война. Переговоры о заключеніи русскаго займа въ Голландіи разстроились. Составленная петербургскимъ кабинетомъ конвенція относительно герцогства Варшавскаго была отклонена Наполеономъ еще въ іюнѣ. Говорили, будто Наполеонъ сказалъ персидскому посланнику, что онъ вскорѣ задастъ Россіи такую задачу, что шаху уже нечего будетъ бояться русскаго сосѣдства; по слухамъ, слова эти были переданы русскому правительству толмачемъ персидскаго посольства, грекомъ по національности. Наконецъ, безпокойство вызвано было также и избраніемъ герцога Понте-Корво въ наслѣдники шведскаго престола, хотя вскорѣ убѣдились, что Наполеонъ не только не знаетъ объ этомъ избраніи, но и былъ очень удивленъ имъ. При такихъ обстоятельствахъ, во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества все болѣе проявлялось тяготѣніе къ Англіи, къ сближенію съ которой побуждали не только печальное состояніе русскихъ финансовъ и торговли, но и крупныя политическія вопросы. Дипломатическія переговоры съ Лондономъ, въ сущности, не были совершенно прерваны и переписка между русскимъ и англійскимъ правительствами велась при посредствѣ неофициальнаго лица. Англія была не прочь примкнуть къ Россіи. Русское правительство, уступая общественному мнѣнію, отказалось отъ обязательства сжигать секвестрованные англійскіе товары, обязавшись только строжайше слѣдить за контрабанднымъ ввозомъ ихъ. Въстѣ съ тѣмъ, оно воспретило ввозъ товаровъ французскихъ, и представленіе, сдѣланное по этому поводу французскимъ, посломъ, было оставлено безъ послѣдствій, что не могло не способствовать дальнѣйшему охлажденію между Франціею и Россіею. И тѣмъ шире становилась пропасть между обѣими державами, тѣмъ дѣятельнѣе старался петербургскій кабинетъ войти въ соглашеніе съ Австріею. Въ декабрѣ графу Шувалову снова было поручено начать въ Вѣнѣ переговоры, которые, однако, начаты были теперь не съ

Меттернихомъ, а съ его довѣреннымъ, Лебцельтерномъ. Переговоры эти не привели ни къ какому результату, и вообще графъ Шуваловъ произвелъ на Лебцельтерна такое же впечатлѣніе, какое ранѣе вынесъ изъ бесѣды съ нимъ Меттернихъ: онъ показался ему слабосильнымъ дипломатомъ и еще болѣе слабосильнымъ по части логики; его манера вести переговоры казалась утомительною, такъ какъ онъ часто повторялся и высказывалъ неидущія къ дѣлу умозаключенія. Послѣдняя бесѣда Лебцельтерна съ графомъ Шуваловымъ, столь же бесплодная, какъ и всѣ предшествовавшія, происходила 7-го января 1811 г. Графъ Шуваловъ, впрочемъ, и самъ понималъ, что ему не удалось приобрести въ Вѣнѣ вліяніе, и хотѣлъ ходатайствовать въ Петербургѣ о дозволеніи съѣздить въ Парижъ для посѣщенія матери, если будетъ признано, что его присутствіе въ Вѣнѣ препятствуетъ соглашенію съ Австріей. Объ отъѣздѣ его вѣнскій кабинетъ, конечно, нисколько не пожалѣлъ бы.

Русскій посолъ графъ Штакельбергъ правильнѣе Шувалова понималъ положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ и счумѣлъ заслужить тамъ большее довѣріе. Онъ сознавалъ, что если соглашеніе съ Австріею вообще мыслимо, то сперва надо положить конецъ войнѣ съ Турціей; поэтому онъ употреблялъ всѣ силы, чтобы склонить петербургскій кабинетъ къ скорѣйшему заключенію несуроваго мира съ Портой. Въ концѣ года Сень-Жюльенъ доносилъ изъ Петербурга, что Россія, вѣроятно, ограничится требованіемъ границы по Пруту; быть можетъ, это было послѣдствіемъ настояній Штакельберга. Но какъ ни пріятна была эта вѣсть въ Вѣнѣ, она не могла измѣнить настроенія вѣнскаго кабинета. Союзу съ Россіей, прежде всего, препятствовало сомнѣніе въ ея силѣ, что собственно и побудило Меттерниха броситься въ объятія Наполеона. Даже наиболѣе горячіе сторонники Россіи въ Австріи не предполагали въ ту пору, что побѣда въ столкновеніи съ императоромъ французовъ можетъ остаться на ея сторонѣ. Самое большее, чего могли тогда ожидать, было то, что въ случаѣ, если война затянется, окончательное истощеніе Наполеона освободитъ наконецъ Европу отъ его тяжкаго преобладанія. Но Меттернихъ, постоянно ссылавшійся на отсутствіе устойчивости въ характерѣ императора Александра, не вѣрилъ, чтобы онъ могъ долго выдерживать войну, а потому и предпочелъ болѣе надежнаго союзника. не находя возможнымъ подвергать Австрію, послѣ испытаннаго ею въ 1809 г. разгрома, новымъ случайностямъ, которыя грозили бы ей неизбѣжною гибелью.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Просьба чиновника о пособіи.

Въ 1840-хъ годахъ въ департаментѣ министерства юстиціи служилъ чиновникъ С—вовъ, бывшій прежде придворнымъ пѣвчимъ и лишившійся голоса.

С—вовъ былъ балагуръ, надъ которымъ иногда подшучивалъ директоръ Карніолинъ-Пинскій; къ серьезному труду онъ былъ не способенъ, но писалъ стихи. Жалованья онъ получалъ 35 руб. сер.

Разъ С—вовъ подалъ директору слѣдующую докладную записку:

Тридцать пять я получаю
Ежемѣсячно рублей,
И на нихъ располагаю
Вотъ какъ живнiю моей:

Десять стоятъ мнѣ квартира,
Двадцать стоятъ хлѣбъ и соль,
Пять выходятъ для трактира
Итого въ остаткѣ ноль.

Такъ нельзя ли, ваше превосходительство,—продолжалъ С—вовъ уже прозою,—прибавить мнѣ что-нибудь на сапоги.

Просьба его была исполнена, и пособіе выдано.

Графъ А. А. Аракчеевъ и П. И. Сумароковъ ¹⁾.

(Ихъ взаимная переписка).

1812—1816 гг.

1.

Графъ А. А. Аракчеевъ—П. И. Сумарокову.

15-го мая 1812 г., Вильно.

Письмо вашего превосходительства, отъ 28-го апрѣля, я здѣсь удовольствіе имѣлъ получить, и принося за оное мою благодарность, повторяю мою просьбу о неоставленіи вашемъ добрыхъ моихъ крестьянъ, коихъ я люблю какъ дѣтей своихъ, и во время проѣзда вашего по губерніи, посѣтить мой Грузинской монастырь, хотя и безъ игумена, но онъ будетъ и въ отсутствіи своемъ утѣшаться посѣщеніемъ такихъ любезныхъ гостей. Что касается до рекрутъ, то слава Богу, дѣло окончено: справедливость конечно отъ начальника такого, какъ вы, соблюдется впредь, чѣмъ самымъ и буду доволенъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

2.

Графъ А. А. Аракчеевъ—П. И. Сумарокову.

1-го августа 1812 г., С.-Петербургъ.

Получилъ я, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, изъ деревни моей донесеніе, что приказано весь хлѣбъ во владѣльческихъ запасныхъ мага-

¹⁾ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ былъ въ то время новгородскимъ губернаторомъ.

зейнахъ за 13 лѣтъ, перемоловши въ муку, доставить къ 1-му числу будущаго сентября въ Новгородъ.

А по сему случаю обращаюсь съ моимъ рѣзсужденіемъ къ вашему превосходительству, прося покорно удостоить меня отвѣтомъ:

1) Съ учрежденія магазейновъ 13-й годъ есть нынѣшній, слѣдовательно хлѣбъ въ магазейны поступить долженъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, то какъ же его требовать, когда онъ еще на поляхъ и не выросъ.

2) За прочія 12-ть лѣтъ хлѣбъ не можетъ быть весь на лицо въ магазейнахъ, ибо въ Новгородской губерніи всегда онъ долженъ быть выдаваемъ крестьянамъ на прокормленіе себя и на засѣвъ полей.

3) Если требуется хлѣбъ изъ магазейновъ со всей губерніи отъ всѣхъ жителей, то оныхъ считалось по старой ревизіи болѣе 283.000 душъ, а за 13-ть лѣтъ составляетъ на всякую душу $6\frac{1}{2}$ четвериковъ ржи, что составитъ со всей губерніи 239.000 четвертей.

4) Если же требуется хлѣбъ изъ однихъ дворянскихъ магазейновъ, то и оныхъ составляетъ число душъ по губерніи болѣе 159.000, слѣдовательно съ онаго числа будетъ ржи за 13-ть лѣтъ болѣе 129.000 четвертей.

5) Главнокомандующій же арміею, по рапорту вашего превосходительства государю императору отъ 16-го іюля, требуетъ отъ Новгородской губерніи только муки 58.476 четвертей, каковая потребность гораздо менѣе требуемой изъ магазейновъ въ Новгородъ.

6) Въ ономъ же рапортѣ ваше превосходительство сами доносите государю императору, что по неустройству сельскихъ магазейновъ и онаго числа вы взять изъ оныхъ находите невозможнымъ, а въ то же почти время требуете съ насъ за всѣ 13-ть лѣтъ хлѣбъ въ казну.

7) Если мы хлѣбъ отдадимъ весь, то чѣмъ будемъ кормить своихъ крестьянъ, и они, не имѣя хлѣба, должны будутъ по неволѣ выйти изъ послушанія и разбѣжаться изъ своихъ селеній.

8) Если сіе требованіе хлѣба сдѣлано за всѣ 13-ть лѣтъ въ такомъ смыслѣ, что-де не у всѣхъ хлѣбъ находится въ магазейнахъ, то и взять весь хлѣбъ у тѣхъ, у кого есть оный, дабы дополнить то количество, которое требуется въ армію;—на сіе я оставляю сдѣлать рѣзсужденіе вашему превосходительству, есть-ли тутъ уравнительность и справедливость, оставляя виновныхъ безъ взысканія, а исполняющихъ государственныя заведенія наказывать или лучше сказать разорять до конца.

9) Наконецъ еще, дворяне, поставляя людей на временную службу, должны и имъ давать хлѣбъ на прокормленіе,—что также составляетъ знатное количество.

Я покорно прошу ваше превосходительство, по всѣмъ онымъ пунк-

тамъ взойти въ подробное разсмотрѣніе, и если нужно будетъ, то я никакъ не обижусь, если вы вѣдумаете и письмо мое въ оригиналѣ куда угодно представить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

3.

Графъ А. А. Аракчеевъ—П. И. Сумарокову.

29-го августа 1812 г., С.-Петербургъ.

Потребовавъ къ себѣ въ С.-Петербургъ изъ деревни моей управляющаго оною крестьянина Ивана Дмитріева, узналъ отъ него, что всѣ люди, слѣдующіе на службу съ деревень моихъ, числомъ 93 человѣка сданы, и съ ними вмѣстѣ отдано въ казну на каждого человѣка по 95 рублей, а за всѣхъ 8.835 рублей. О чемъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство.

Но какъ комитетъ внутренняго ополченія увидѣлъ, что во всѣхъ губерніяхъ съ дворянства берутъ за провіантъ только на три мѣсяца, а въ Новгородской на годъ, то онъ и сообщилъ во всѣ губерніи, дабы за провіантъ не брать болѣе какъ за три мѣсяца, а взятые деньги зачесть помѣщикамъ въ число подушнаго сбора, или возратить оныя, какъ кто пожелаетъ. Почему и прошу ваше превосходительство слѣдующія моимъ крестьянамъ въ возвратъ деньги 3.378 рублей, приказать выдать. Документъ (омъ) же для вашего превосходительства прилагаю при семь копію съ комитетскаго журнала.

Крестьянинъ мой Иванъ Дмитріевъ доноситъ мнѣ, что дано ему повелѣніе, дабы онъ изъ крестьянскаго магазейна доставилъ въ городъ Старую Руссу 600 четвертей муки и 290 четвертей овса. Крестьянинъ мой исполняетъ оное, но просилъ въ Новгородѣ какъ у губернскаго предводителя, такъ и во всѣхъ мѣстахъ, чтобъ ему приказали дать расчесть, по какому расположенію приходить на мою отчину столько хлѣба, ибо во всѣхъ дѣлахъ нужны правила и порядокъ, безъ коихъ ничего и существовать не можетъ. Но ему въ ономъ было отказано.

Крестьянинъ мой Иванъ Дмитріевъ докладывалъ мнѣ еще о слѣдующемъ распоряженіи: выше было сказано, что изъ деревень моихъ везутъ хлѣбъ черезъ Новгородъ въ Старую Руссу, но въ то же время дано повелѣніе, дабы крестьяне взяли по 1¹/₂ четверику муки въ Новгородѣ, отвезли бы оную въ свои деревни и перепекли въ сухари.

Я обо всѣхъ оныхъ распоряженіяхъ вносилъ записку въ Комитетъ гг. министровъ, гдѣ не только я, но и всѣ министры не вѣрятъ сему распоряженію, ибо оное можно только дѣлать для разоренія крестьянъ.

По всѣмъ симъ причинамъ и болѣе потому, что война нынѣшняя должна будетъ продолжиться долгое время, то и нужно крестьянъ, не какъ господину, но какъ чиновнику Россійской Имперіи сберегать на будущее время. Почему я прошу покорно ваше превосходительство приказать, по нахожденію меня нынѣ въ С.-Петербургѣ, обо всѣхъ сборахъ и нарядахъ съ моей отчины повелѣніе давать на имя мое, какъ помѣщика деревень, доставляя оныя по почтѣ, по коимъ уже я буду давать свои повелѣнія въ мои деревни. Въ семъ смыслѣ далъ я повелѣніе управляющему моими деревнями крестьянину Ивану Дмитріеву, съ коего и копію при семъ прилагаю. Послѣ онаго если земская полиція или гг. дворянскіе уѣздные или губернской предводители будутъ посылать прямо въ деревни мои приказанія, то они не скоро будутъ удовлетворены; а для нихъ кажется все равно отправлять ихъ повелѣнія на имя мое въ С.-Петербургѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

4.

Графъ А. А. Аракчеевъ—П. И. Сумаркову.

9-го сентября 1812 г., С.-Петербургъ.

Письмо ваше отъ 2-го сентября я получилъ, а какъ въ ономъ изволите доказывать и одобрять сами, вами же самимъ сдѣланныя распоряженія, то мнѣ и не оставалось болѣе ничего, какъ оное въ оригиналѣ представить государю императору.

Его императорское величество изволилъ увидѣть, что подтвержденное его величествомъ положеніе, о приѣмѣ съ Новгородскихъ дворянъ, за провіантъ на три мѣсяца, вмѣсто двѣнадцати, вы не одобряете, тогда, когда оное отъ государя приказано исполнить; а равнымъ образомъ онъ изволилъ увидѣть удобныя и точныя распоряженія о хлѣбѣ, взятомъ изъ магазейновъ и отдаваемомъ на сухари изъ провіантскихъ магазейновъ. Надобно полагать, видно, что нельзя было сдѣлать сего замѣну, но неравенству муки, которая, кажется, во всѣхъ магазейнахъ должна быть равна.

Наконецъ изволилъ видѣть и форму даваемыхъ повелѣній о сборѣ лошадей, которой ни начала, ни конца не видно. Начала не видно потому, что не написано, по чьему повелѣнію оное производится, а конца потому, что никто не подписалъ, а я вашему превосходительству прилагалъ ясный указъ въ копіи.

Касательно моего ратника, то вы, милостивый государь, не имѣете права возвращать онаго ко мнѣ въ отчину, а обязаны, если онъ что сдѣлалъ противное, поступить съ нимъ по законамъ.

Наконецъ заключаю тѣмъ, что деньги за лошадей извольте приказать внести изъ тѣхъ денегъ, которыя остаются за провіантъ, и которыя бы должно возвратитъ въ отчину по волѣ государя императора, а собирать вновь съ крестьянъ я не велѣлъ.

Касательно же, что вы положили на всѣхъ новгородскихъ дворянъ по 10-ти процентовъ пени, то оной власти вы не имѣете; о чемъ я и взойду въ докладъ въ Комитетъ гг. министровъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

5.

П. И. Сумарковъ—графу А. А. Аракчеву.

11-го сентября 1812 г. Новгородъ.

Ваше сіятельство не рѣдко удостоивали меня своими письмами, а сегодня съ курьеромъ изволили уже прислать ко мнѣ строгое и не принадлежащее до меня повелѣніе.

Я до сего времени сохранялъ всевозможное терпѣніе, но нынѣ считаю уже необходимостію объяснить слѣдующее:

1) Писать ко мнѣ такъ строго и такимъ повелительнымъ образомъ никто кромѣ государя и Сената не можетъ.

2) Письмо вашего сіятельства безъ номера и безъ объявленія воли государя императора я принять къ исполненію не могу.

3) Бумагу, которую вы изволите называть и безъ начала и безъ конца какъ никогда отъ меня не выданную и какъ написанную не знаю еѣмъ, и до меня не касающуюся, равно и подлинное письмо губернскаго предводителя, какъ до меня не принадлежащее, имѣю честь къ вашему сіятельству препроводить обратно.

4) Ратника вашего я обратилъ въ вашу отчину и назадъ взять не могу.

5) Въ расчетъ денегъ вмѣсто провіанта за лошадей я не имѣю ни времени, ни обязанности входить, и ваше сіятельство можетъ то приказать одѣлать вашему старостѣ.

6) Копію съ рескрипта на имя г. Барклая-де-Толли какъ никѣмъ не скрѣпленную и до нашей губерніи совсѣмъ не принадлежащую, я оставилъ у себя, но исполненія по оной у насъ быть не можетъ, ибо его превосходительство генералъ-лейтенантъ баронъ Меллеръ-Закомельскій по волѣ государя императора лошадей требуетъ, и оныя вскорѣ отъсюду, не исключая ничьего селенія, непременно сведутся.

7) Если въ селеніяхъ вашего сіятельства осмѣлится кто-нибудь сдѣлаться ослушнымъ предписаніямъ правительства, то я тотчасъ прикажу наказатъ виновнаго по всей строгости законовъ.

Наконецъ заключаю, что я готовъ ваше сіятельство почитать, но обидныхъ, или повелительныхъ писемъ, кромѣ начальства, ни отъ кого не приму, почему и прошу ваше сіятельство впредь писать ко мнѣ нѣсколько поучтивѣе и такъ, какъ слѣдуетъ къ человѣку служащему и благородно и для чести.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

6.

Графъ А. А. Аракчеевъ—П. И. Сумарокову.

14-го сентября 1812 г. С.-Петербургъ.

На просьбу мою о приказаніи вашемъ прислать ко мнѣ прямо приказы о нарядахъ повинностей, слѣдуемыхъ на часть моей отчины, вы, милостивый государь, письмомъ вашимъ отъ 11-го сентября изволили мнѣ отказать, въ чемъ я и не могу имѣть никакой претензіи; но при самомъ семъ случаѣ, вы, милостивый государь, публично изволили сказать: «что если графу Аракчееву доставлять таковыя свѣдѣнія, то придется послѣднему капралу обо всемъ относиться». А какъ вы въ письмѣ вашемъ конечно изволили забыть сіе помѣстить, то я счелъ долгомъ моимъ васъ, милостивый государь, о семъ увѣдомить.

Вашъ, милостивый государь, покорный слуга графъ А. Аракчеевъ.

7.

Графъ А. А. Аракчеевъ—Николаю Сергѣевичу Свѣчину ¹⁾.

14-го сентября 1812 г. С.-Петербургъ.

Дружескія ваши письма и расположеніе обязываютъ меня часъ отъ часу болѣе и болѣе васъ уважать, а можетъ быть Всевышній окончивъ наши нынѣшнія горькія времена и не разорить моего Грузина, то я уже поклялся Богомъ, тотчасъ идти на покой, и жить на берегахъ Волхова, съ дорогимъ сосѣдомъ Николаемъ Сергѣевичемъ.

Примите, милостивый государь, равномѣрно трудъ на себя свидѣтельствовать мое высокопочитаніе ея высокопревосходительству дражайшей вашей супругѣ, а моей милостивой государынѣ, благодарю любезнаго друга за принятіе ратника, а деньги прошу приказать выдать моему головѣ, который имѣетъ уже мое приказаніе, онѣ пойдутъ также въ казну на другія дѣла.

¹⁾ Въ то время новгородскій губернский предводитель дворянства.

Еще, любезный другъ, слышимъ мы, всѣ новгородскіе дворяне, здѣсь живущіе, что еще требуютъ ратниковъ, но не видимъ нигдѣ онаго приказанія. Вамъ извѣстно, что въ комитетѣ ополченія я старшій, но мы и всѣ трое сего приказанія ни откуда не получали; если же оное приказаніе прямо послѣдовало въ губернію отъ государя, то нужно оное сообщить въ комитетъ внутренняго ополченія.

Теперь, любезный другъ, объясню вамъ случившіяся со мною происшествія по Новгороду. Не знаю, не вѣдаю за что вашъ и мой губернаторъ меня ненавидитъ, ругаетъ, сказываютъ, при всѣхъ, и куетъ и вѣшаетъ меня. Я бы остался все отъ него терпѣть, если бы онъ не любя меня, со мною бы и дѣло захотѣлъ имѣть однимъ, но какъ г.г. губернаторы обыкновенно вездѣ, прогнѣваясь на дворянина, стараются оный гнѣвъ изъяснить на бѣдныхъ крестьянахъ того господина, то вотъ что беспокоитъ меня чрезмѣрно. И я прибѣгаю съ моею просьбою: сдѣлай дружбу, во-первыхъ, отбери отъ него, что за причина, что онъ не взлюбилъ мою фізіономію. Кажется, я помѣстье свое въ губерніи нажилъ не фаворитствомъ, не откупамъ и не интригами, а службою, и послѣ того ничего отъ государя не бралъ и не возьму никогда, дабы болѣе было и оставалось въ казнѣ у государя, къ награжденію г.г. губернаторовъ; а во-вторыхъ, убѣди его справедливыми резонами, на христіанской заповѣди основанными, дабы онъ не любя меня не дѣлалъ ничего изъ-за меня бѣднымъ крестьянамъ моимъ, ибо это будетъ обонимъ намъ грѣшно, что они за меня будутъ терпѣть горе.

Сдѣлай одолженіе найди свободную минуту и увѣдомь меня обо всемъ. А я на вѣки съ истиннымъ почтеніемъ пребуду и проч.

8.

П. И. Сумароковъ—графу А. А. Аракчееву.

17-го сентября 1812 г.

Ваше сіятельство съ нарочно присланнымъ изволили удостоить меня письмомъ отъ 14-го сентября, на которое поспѣшаю имѣть честь донести слѣдующее: весьма неблагородно переносить вѣсти изъ одного дома въ другой, а еще презрительнѣе передавать оныя съ украшеніями. Я не отрицаю существа сказаннаго мною, и вся сила разговора остается та же, кромѣ слова *капра*, вмѣсто коего было слово послѣдній дворянинъ. Отказы мною въ удовлетвореніи вашего сіятельства невозможнымъ могутъ при семъ случаѣ послужить ручательствомъ за меня, что я въ дѣяніяхъ моихъ не изгибенъ, откровененъ, смѣю говорить правду и не въ состояніи отречься отъ рѣчей моихъ. Сіе послѣднее

писаніе вашего сіятельства открываетъ мнѣ непримиримаго въ васъ врага. Я знаю, милостивый государь, что вы вельможа, много значите при дворѣ, можете сдѣлать мнѣ вредъ, и что конечно не упустите перваго случая оказать мнѣ оный, но я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я, держась пословицы «хоть голъ да правъ», болѣе дорожу честію, нежели моимъ мѣстомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

9.

П. И. Сумарковъ—графу А. А. Аракчееву.

25-го января 1816 г. С.-Петербургъ.

Сіе письмо чрезмѣрно удивитъ ваше сіятельство, ибо оно идетъ отъ человѣка вамъ неприятнаго, но вы, милостивый государь, удивитесь еще болѣе, когда увидите, что я васъ-то и избираю орудіемъ къ достиженію себѣ правосудія.

И сіе не ложное для васъ доказательство, что я при самой враждѣ, храню къ правотѣ, равно и къ достоинствамъ вашимъ, уваженіе. Дѣло касается до истины, до правосудія государя, до возданія честности. Вы, милостивый государь, вельможа, облечены въ довѣренность монарха и потому отстраненная личность должна уже уступить мѣсто свое благородству. Теперь, ваше сіятельство, примите терпѣніе выслушать мои слова.

Восемь лѣтъ былъ я губернаторомъ въ двухъ губерніяхъ, въ обѣихъ любимъ, похваляемъ отъ Сената, отъ министерствъ, отъ покойнаго принца Ольденбургскаго и отъ самого государя; слылъ я насчету исправныхъ, безпристрастныхъ, доставилъ въ казну до пяти милліоновъ чистаго несомнѣннаго пріобрѣтенія, никогда ничего не просилъ, никогда ничего не получалъ, не имѣю даже въ петельѣ украшенія. Не обижался предпочтеніемъ младшихъ, служилъ только для одной чести, ея въ душѣ моей гордился и твердо всегда надѣялся, что правительство въ должное мнѣ воздаяніе и къ поощренію тѣмъ другихъ, даруетъ по крайней мѣрѣ неимущему состоянія при преклонныхъ моихъ годахъ пропитаніе.

Надежда меня обманула; я вопреки чаянію моему отверженъ отъ служенія, какъ недостойный, безъ всякой моей вины, и все рвеніе, всѣ заслуги, вся честность помрачились одною минутою. Тайна въ томъ удивила столицу, многіе изъ благомыслящихъ скорбѣли за меня въ сердцахъ своихъ. Новгородская губернія со слезами со мною разсталась. А я, имѣвшій много средствъ, особливо же въ 1812 г., къ непозволительному

обогащенію остался съ чистымъ сердцемъ и съ чистыми руками бѣдѣе всякаго секретаря и, съ роптаніемъ, къ обманувшей меня судьбѣ честию взываю!!!!

Да позволено мнѣ будетъ послѣ сего спросить, что я сдѣлалъ и чѣмъ заслужилъ такое примѣрное наказаніе? Никто не упрекнетъ меня въ упущеніяхъ, ни въ слабости управленія, ниже въ притѣсненіяхъ. Жалобъ, доносовъ, худыхъ отъ начальствъ представленій на меня и обо мнѣ не было; даже въ указѣ, отрѣшающемъ меня отъ должности, вины моея не объявлено. Наконецъ вы сами, милостивый государь, и при невыгодномъ ко мнѣ расположеніи, какъ помѣщикъ новгородскій, конечно, вмѣстѣ съ другими изволите отдать мнѣ справедливость и сказать, что посылаемый сенаторъ открылъ нѣчто обо мнѣ. Нѣтъ при всемъ его недоброхотствѣ, при всемъ его желаніи мнѣ повредить, ни Сенатъ, ни Совѣтъ не нашли моихъ прослугъ, и я по огорченіи паки былъ отправленъ къ своему мѣсту. При строгихъ моихъ правилахъ я виновнымъ быть не могъ. Добрая о мнѣ молва гласить до сихъ поръ о моемъ поведеніи.

Я пятый мѣсяцъ здѣсь какъ образецъ невинности и для большаго при недостаткѣ разоренія. Не мѣста уже, ниже минувшихъ меня почестей ожидаю. Весь предметъ мой заключается только въ томъ, чтобъ государь императоръ, по лишеніи меня своей довѣренности, благоволилъ воззря на недостаточное мое состояніе, вознаградить мою честность пожалованіемъ того содержанія, каковое я въ Новгородѣ получалъ. Прибѣгалъ я о семъ ко многимъ; но потребныя къ тому лишь пять минутъ длятъ только мое огорченіе и предѣла къ терпѣнію не открываютъ. Нѣтъ заступниковъ, нѣтъ путей къ надеждѣ, чужая скорбь не больна, и я подобно страдальцу при благотворной купели, нерѣдко Всевышнему повторяю: «Человѣка не имамъ!»

Вотъ, ваше сіятельство, почему я предпочелъ благороднаго противника. Я слишкомъ гордъ въ душѣ, чтобъ униженіемъ себя обезславить, слишкомъ правъ, чтобъ питаться надеждою, и наконецъ въ полной мѣрѣ справедливъ, чтобъ предполагать благородство въ васъ превыше гнѣва.

Дѣло мое честно, ясно, кратко, требуетъ не ходатайства по страсти, а твердаго въ сужденіяхъ и при самомъ недоброхотствѣ къ противнику своему человѣка. А сего, если я не ошибаюсь, и довольно къ призванію васъ, милостивый государь, угодить истинѣ. «Аще убо принесеши даръ твой ко олтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать вѣчтс на тя. Остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ принеси даръ твой. Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ твой предъ челоуѣки, яко да видятъ ваши добрыя дѣла».

Вотъ слова Спасителя, вотъ готовая пища сердцу христіанина, и вотъ имѣю я честь приложить записку ¹⁾ о подвигахъ моихъ.

Не ошибусь я послѣ сего въ предположеніи моемъ и самая чвстая признательность, поселясь въ душѣ моей, вмѣсто нынѣшнихъ мрачныхъ къ вамъ, милостивый государь, чувствъ, не постыдится указать предъ всѣми благороднаго и великодушнаго въ васъ врага. Окажется ли тому противное? и тогда ваше сіятельство, а не я, отдадите совѣсти своей отчетъ. Есть Богъ, есть смерть и есть судъ Царя царей!

Итакъ все затруднительное мое домогательство состоитъ только въ томъ, чтобъ его императорскому величеству объяснено было мое положеніе. Честность ему любезна, и она пострадать не можетъ.

Обыкли говорить искренно, я надѣюсь, что чистый языкъ пріятнѣе для вашего сіятельства поддѣланныхъ ласкательствъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть и проч.

¹⁾ Записки при письмѣ не оказалось.

Софья Петровна Свѣчина.

(Ея жизнь и переписка).

IX ¹⁾.

Ръ своей перепискѣ (1812—1857 г. г.) съ графиней Эдлингъ, съ графиней Нессельроде, съ княземъ Гагаринымъ и съ другими изъ своихъ близкихъ друзей Свѣчина касалась современнаго положенія Россіи и различныхъ вопросовъ, занимавшихъ тогда общественное мнѣніе Россіи и вообще Европы. Съ этой стороны ея письма представляютъ несомнѣнный интересъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что политическихъ вопросовъ она касалась главнымъ образомъ въ своей перепискѣ съ графиней Нессельроде, женою графа Карла Васильевича Нессельроде, бывшаго государственнаго канцлера. Переписка ея съ гр. Нессельроде заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что въ современномъ ей обществѣ существовало мнѣніе, будто она черезъ посредство своего друга оказывала вліяніе на принятіе русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ мѣропріятій ²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1900 г.

²⁾ Графиня Марья Дмитріевна Нессельроде статсъ-дама, кавалерственная дама, жена государственнаго канцлера, урожденная графиня Гурьева, дочь бывшаго министра финансовъ. По свидѣтельству графа М. А. Корфа, графиня Нессельроде „по необыкновенному уму своему и высокому просвѣщенію и особенно по твердому, желѣзному характеру была, конечно, одною изъ примѣчательнѣйшихъ, а по общественному своему положенію и вліянію на высшій петербургскій кругъ одною изъ значительнѣйшихъ нашихъ дамъ въ царствованіе императора Николая“. Интересныя подробности объ этой замѣчательной личности содержатся въ запискахъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. См. „Русскую Старину.“ Апрель 1900 г., стр. 48—50.

Упомянутый выше Гагаринъ—князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, сынъ

Въ письмахъ Свѣчиной къ графинѣ Эдлингъ, относящихся къ 1813—1814 годамъ, разсѣяно много данныхъ для характеристики настроенія русскаго общества въ этотъ достопамятный періодъ русской исторіи, когда императоръ Александръ, не ограничиваясь изгнаніемъ изъ своей страны вторгнувшася въ нее непріятеля, перенесъ свою непримиримую борьбу съ Наполеономъ за предѣлы Россіи и выступилъ въ соблазнительной роли спасителя Европы. Письма Свѣчиной за это время свидѣтельствуютъ между прочимъ о крайней нервности и напряженности русскаго общественнаго мнѣнія.

Происходившія тогда событія, при всей неизвѣстности ихъ конечнаго исхода, повидимому, производили на всѣхъ самое подавляющее впечатлѣніе. «Что это за время, въ которое мы живемъ!—воскликала Свѣчина въ сентябрѣ 1813-го года.—«Горе отцамъ!» какъ говоритъ священное писаніе. Въ этомъ несчастномъ вѣкѣ почти нѣтъ существа, которое не трепетало бы или не страдало».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Свѣчина рисуеъ впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о перемиріи, заключенномъ 23-го мая 1813 г. въ Пойшвицѣ послѣ Бауценскаго сраженія. «Въ первые дни перемирія заставило замолчать всѣхъ пророковъ; они ходили съ опущенными головами, съ подрѣзанными крыльями, смущенные, что не предусмотрѣли этого великаго событія. Но, вслѣдъ затѣмъ, они опять усвоили тонъ угрозы и вдохновенія. Есть англійская пьеса, озаглавленная *All in the wrong* ¹⁾. Одинъ умный человѣкъ говорилъ мнѣ, что, повидимому, вся Европа разыгрываетъ эту комедію, въ которой всѣ дѣйствующія лица, отъ перваго до послѣдняго, съ увлеченіемъ громоздятъ ошибку на ошибку. У меня слишкомъ слабая душа для того, чтобы я могла переносить долго, въ какомъ бы то ни было отношеніи, состояніе напряженной надежды; напротивъ того, когда всѣ отчаиваются, самая неопредѣленность и быстрота событій доставляютъ мнѣ нѣкоторое утѣшеніе».

Въ Москвѣ, какъ передавали Свѣчиной, извѣстіе о перемиріи повергло всѣхъ въ ужасъ, и всѣ строительныя работы по возстановленію зданій были приостановлены.

Продолженіе перемирія служило поводомъ для возбужденія новаго безпокойства. «Что слѣдуетъ думать о продолженіи перемирія?—писала Свѣчина.—Извѣстіе объ этомъ содержится, какъ рассказываютъ, въ полученномъ письмѣ лорда Каткарта. Съ другой стороны, увѣряютъ, будто императоръ сообщаетъ князю Горчакову совершенно обратное».

члена Государственнаго Совѣта и племянникъ князя Григорія Гагарина, женившася на младшей сестрѣ Свѣчиной. Онъ принялъ католичество 7 апрѣля 1842 года, а 31 іюля 1843 г. принялъ послушаніе.

¹⁾ Всѣ не правы.

Повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественное мнѣніе заранѣе подготовляли къ тѣмъ или инымъ извѣстіямъ. Но дѣлали это какъ будто не очень искусно, и пріемъ этотъ, при нервности и напряженномъ состояніи общества, приводилъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ, чѣмъ предполагалось. По крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ Свѣчина писала: «Мы провели здѣсь два дня въ очень сильномъ безпокойствѣ, обусловленномъ единственно туманностью и таинственностью, которыми прикрывали извѣстія, которыя послѣ того, какъ знаешь ихъ, не представляютъ ничего столь тревожнаго; но здѣсь, какъ я думаю, и повсюду, есть масса людей, которые переходятъ безпрестанно отъ пророчествъ въ духѣ Іереміи къ невѣрію Ѳомы. Но, право, для собственнаго спокойствія другихъ, слѣдовало бы брать другіе примѣры изъ священнаго писанія! Довольно странно таки, что не хотятъ научиться сомнѣваться при наличіи неизвѣстности; впрочемъ, уже не въ первый разъ недовѣріе возводится въ своего рода догматъ. Нетерпимость въ области политическихъ взглядовъ проявляется болѣе чѣмъ когда-либо: говоришь—худо, и молчишь—худо; перестанешь бранить—худо, не будешь преувеличивать похвалъ—тоже худо и т. д.... Здѣсь ходятъ два или три разсказа объ орлахъ, слѣдующихъ, паря въ небѣ, за останками фельдмаршала ¹⁾). Я не знаю, были ли послѣ Геродота басни, которыя пользовались бы ббльшимъ успѣхомъ. Вполнѣ правы тѣ, которые говорятъ, что людямъ свойственна потребность вѣрить; но у нихъ есть еще другая потребность—безпрестанно стремиться къ ббльшей степени безразсудства, чѣмъ та, которая была предназначена имъ».

Нервность и напряженное состояніе общества усиливались, какъ оказывается, и неаккуратнымъ доставленіемъ съ театра военныхъ дѣйствій извѣстій о раненыхъ и убитыхъ. «Не знаю,—писала по этому поводу Свѣчина,—почему такъ мало аккуратности въ присылкѣ списковъ убитыхъ и раненыхъ; неизвѣстность—мучительна, и царящая при этомъ несвязность является пыткой внаго рода».

При такихъ условіяхъ извѣстіе о разрывѣ Австріи съ Наполеономъ и о присоединеніи ея къ коалиціи должно было подѣйствовать особо ободряющимъ образомъ. По этому поводу Свѣчина писала: «Рѣшеніе, принятое Австріей, наполняетъ всѣхъ радостью. Говорятъ, что никто не проявляетъ такой дѣятельности, какъ лѣннинецъ, разъ только овъ примется за дѣло; быть можетъ, австрійцевъ осѣнятъ мысль наверстать потерянное время. Если эта мысль придетъ имъ въ голову, то имъ придется помучиться, чтб, впрочемъ, они въ достаточной степени заслужили.

¹⁾ Когда тѣло Кутузова перевозили въ Россію изъ Бунцлау, гдѣ онъ скончался, въ народѣ распространился слухъ, что во все время переезда надъ гробомъ фельдмаршала не переставалъ парить орелъ.

Вотъ наконецъ Лебцельтернъ освобожденъ отъ роли козлища отпущенія, которую его заставили разыгрывать такъ долго. Даже вся авторитетность г-жи де-Стааль не заставитъ меня признать, что публика постоянно является умнымъ человѣкомъ; но я твердо убѣждена, что часто она является добрымъ малымъ, и что, приведенная въ хорошее расположеніе духа, она забываетъ на слѣдующій день о предметахъ своихъ вчерашнихъ ненависти и отвращенія. При всѣхъ великихъ событіяхъ, возбуждающихъ сомнѣнія, необходима предварительно искупительная жертва, съ тѣмъ, чтобы объявить потомъ, отпуская ее, что божество умиловлено. Въ настоящую минуту чрезмѣрные трусы опустили голову и поджали хвостики; противоположная имъ партія уже присутствуетъ на торжествѣ освобожденія Европы, тогда какъ предстоитъ еще написать первые стихи трагедіи. Какъ всегда, лишь люди одной и той же партіи еще понимаютъ другъ друга, но партія партію понимаетъ такъ же, какъ во время смѣшенія языковъ».

Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной подъ Кульмемъ, тоже должно было приподнять общее настроеніе.

«Послѣднія извѣстія, полученныя изъ арміи и возвѣщающія побѣду, одержанную лично нашимъ дорогимъ императоромъ,—писала Свѣчина,—оживили надежды, какъ-то особенно приунывшія вслѣдствіе безпрестанныхъ переходовъ отъ страха къ надеждѣ. Дай Богъ, чтобы столько усилій и самопожертвованія увѣнчались покоемъ, который, во всякомъ случаѣ, окажется купленнымъ столь дорогой цѣпою».

Повидимому, въ то время всѣ желали прежде всего — спокойствія. «Слово «слава» уже не волнуетъ меня болѣе,—писала Свѣчина, и ея слова не могутъ не быть признаны отголоскомъ общаго настроенія. —Струна моей души, которую оно заставляло звучать, навѣрно лопнула, и я, точно милостыни, просила бы какъ для міра, такъ и для самой себя, немножко спокойствія, хотя бы оно и выглядѣло совершенно сѣренькимъ».

При всемъ томъ время въ Петербургѣ, повидимому, летѣло очень быстро. «Въ Петербургѣ,—писала Свѣчина,—по-прежнему умудряются пожирать свое время безъ удовольствія и безъ пользы; это настоящій грабежъ, и то, что я спасаю отъ разграбленія, еще болѣе заставляетъ меня сожалѣть о томъ, что потеряно».

Между прочимъ въ одномъ изъ писемъ Свѣчиной къ графинѣ Эдлингъ, относящемся къ концу 1813 года, сохранилось любопытное указаніе объ энтузіазмѣ, который проявляли въ то время австрійцы по отношенію ко всему русскому. Такъ, она сообщала своему другу со словъ графа де-ла-Гарда, писавшаго ей изъ Вѣны, что «увлеченіе австрійцевъ русскими достигло своего апогея: даже обѣденныя тарелки, все à la cosaque».

Однако, и вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ не только не

уничтожило отмѣченной выше розни во мнѣніяхъ, а напротивъ того еще болѣе усилило ее.

«Никогда еще,—писала Свѣчина 7-го мая 1814-го года,—Петербургъ не подраздѣлялся на столько различныхъ мнѣній, и никогда еще каждая отдѣльная партія не была болѣе требовательна и болѣе нетерпима по отношенію къ чужимъ взглядамъ; все здѣсь носитъ на себѣ отпечатокъ фанатизма, вслѣдствіе котораго даже то, что хорошо само по себѣ, выражается въ нелѣпость или же возмутительную строгость. То самое, что, казалось бы, съ перваго взгляда, должно бы заставлятъ опасаться задѣтъ столь напряженное настроеніе, то самое побуждаетъ не обращать на него никакого вниманія; щадя его цѣною совѣсти—опускаешься и при этомъ добиваешься лишь порицанія самого себя, а отнюдь не общаго расположенія, послѣдней иллюзіи благородныхъ сердець».

Х.

Свѣчина была восторженной поклонницей императора Александра. Ее увлекала, такъ сказать, героическая сторона его образа дѣйствій, и—по крайней мѣрѣ, въ письмахъ,—она уже не вдавалась въ оцѣнку его личности и мотивовъ, руководившихъ имъ. Такимъ образомъ, она скорѣе преклонялась передъ его поступками, имѣвшими мировое значеніе, чѣмъ передъ его личностью вообще.

Вскорѣ послѣ занятія Парижа союзными войсками она писала графинѣ Эдлингъ, повидимому, въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ сообщалось между прочимъ и о зарождавшемся вліяніи баронессы Крюденеръ: «Я всецѣло раздѣляю ваше восхищеніе нашимъ дорогимъ императоромъ. Боже мой, какое счастье имѣть возможность хвалить справедливо! Никто не знаетъ про самого себя, что онъ представляетъ собою, пока не бываетъ испытанъ превратностями жизни, и, быть можетъ, счастье болѣе необходимо, чѣмъ страданія, чтобы закалить душу и развить въ ней всю энергію, къ которой она способна. Эта памятная эпоха, я увѣрена, окажетъ явное вліяніе на императора; теперь, вотъ, онъ выше всѣхъ людей по славѣ, а тогда, подъ вліяніемъ религіи, онъ превзойдетъ самого себя. Онъ постоянно желалъ лишь добра, а отнынѣ онъ отважится на все, чего онъ могъ желать. Будемъ надѣяться, что мы на зарѣ самаго прекраснаго дня для Россіи».

«То, что вы сообщаете мнѣ о государѣ,—писала она уже позднеѣ, въ концѣ февраля 1815-го года,—доставляетъ мнѣ большое удовольствіе; наконецъ-то со всѣхъ сторонъ ему воздаютъ должное. Дай Богъ, чтобы онъ осуществилъ удачно благородное и великодушное предпріятіе, заро-

дышать котораго таился въ событіяхъ, по которое онъ развилъ и которому покровительствовалъ съ такимъ успѣхомъ».

Затѣмъ, очевидно намекая на не всегда одинаковое отношеніе къ Александру народной массы, Свѣчина прибавляетъ: «не нужно скрывать отъ себя, что одно лишь счастье, удача дѣлаетъ большія массы справедливыми, и что толпа преклоняется лишь передъ успѣхомъ».

Въ концѣ этого письма она снова возвращается къ «главному адвокату по дѣламъ Европы» (*les affaires de l'Europe, dont l'Empereur est vraiment l'avocat général*) и пишетъ: «Какъ нужно быть благодарными и насколько нашъ дорогой императоръ заслуживаетъ этого! Какъ я довольна, что постоянно провидѣла въ его душѣ то, что онъ обнаруживаетъ теперь съ такою славой, и славой, столь прекрасною и столь чистую! Онъ дѣйствительно герой человѣчества, и поэтому-то онъ будетъ героемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Мнѣ кажется, точно въ его образѣ дѣйствій я вижу осуществленіе моей мечты о нравственномъ достоинствѣ, а въ этомъ соединеніи религіозныхъ чувствъ и либеральныхъ воззрѣній нахожу наконецъ столь давно желанное сходство съ идеаломъ, который носила у себя въ душѣ, и который, до настоящаго времени, можно было считать созданиемъ экзальтированнаго воображенія. Нашъ обожаемый Александръ даетъ мнѣ возможность дышать свободнѣе, онъ приковываетъ всѣ мои мысли. Значить, возможно, сидя на тронѣ, въ сутолокѣ всевозможныхъ интересовъ, всевозможныхъ бушующихъ страстей,—оставаться человѣкомъ, христіаниномъ, философомъ, возможно преслѣдовать разумнѣйшій и великодушнѣйшій планъ и вкладывать въ его исполненіе все, что есть на землѣ самаго прекраснаго, отъ благороднѣйшей справедливости до самой трогательной скромности! И этотъ молодой и чудный мудрецъ — нашъ государь! Мой другъ, русскіе слишкомъ счастливы, если постоянно они столь же живо будутъ чувствовать всю цѣну его».

На сколько высоко она сама цѣнила его еще прежде, чѣмъ торжество надъ Наполеономъ окружило его ореоломъ славы, видно изъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее несчастнымъ случаемъ съ Моро, пораженнымъ ядромъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора Александра.

«Я не въ состояніи выразить вамъ впечатлѣніе, которое произвело на меня несчастье, поразившее въ лицѣ Моро все правое дѣло. Какой сюжетъ для высокопарныхъ рѣчей чудовища, и какъ воспользуется онъ имъ, чтобы поразить воображеніе французовъ!—Но когда я только подумаю, что тотъ же ударъ могъ поразить императора, и что мы избѣжали такой громадной опасности, признаюсь вамъ, я уже не смѣю болѣе жаловаться. Когда онъ подобнымъ образомъ рискуетъ собою, онъ возбуждаетъ во мнѣ не только нѣжное безпокойство, но и сильный, настоящій гнѣвъ, болѣе сильный, чѣмъ все, что я могу испытывать. Его увлекаетъ совершенно ложное представленіе объ истинной храбрости, и я, проводя-

щая свою жизнь въ прощеніи превратныхъ идей, въ данномъ случаѣ не ощущаю ни малѣйшей снисходительности».

Заслуживаютъ между прочимъ вниманія совѣты, которые Свѣчина давала графинѣ Эдлингъ, тогда еще Стурдзѣ, какъ эксплуатировать расположеніе къ ней императора Александра. «Вниманіе, которое императоръ оказываетъ вамъ,—писала она ей,—тоже можетъ оживлять вашу признательность, хотя для того, чтобы сказать изъ глубины души, что онъ лучшій государь въ мірѣ, для этого нѣтъ необходимости танцовать съ нимъ. Если его расположеніе къ вамъ предоставляетъ вамъ возможность оказать какую-либо услугу, то воспользуйтесь этимъ, но только съ большой осмотрительностью: являешься крайне отвѣтственнымъ за малѣйшее пользованіе вліяніемъ, которое можешь оказывать. Въ особенности, никогда не пользуйтесь имъ для того, чтобы льстить тщеславію, которое нужно подавлять въ себѣ, а не развивать его еще болѣе въ другихъ».

XI.

Восторгаясь императоромъ Александромъ, Свѣчина преклонялась также, но, пожалуй съ большей сердечностью, передъ личностью императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ перепискѣ Свѣчиной съ Эдлингъ неоднократно затрогивался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ августѣйшихъ супруговъ, и въ такихъ именно случаяхъ отъѣвы Свѣчиной объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ дышали особой теплотою.

Свѣчина называла императрицу доброй, деликатной; она постоянно «представлялась ей самымъ интереснымъ существомъ, особенно надѣленнымъ тѣмъ очарованіемъ, которое является отблескомъ прекрасной души». Она считала ее олицетвореніемъ «самыхъ святыхъ и самыхъ плѣнительныхъ чаръ добродѣтели». Она писала о ней, что умѣетъ «страдать съ благороднымъ спокойствіемъ и полной покорностью судьбѣ». Чувства Свѣчиной возрастали, когда она узнавала, что императрицу постигали какія-нибудь огорченія.

Въ 1813 году императоръ Александръ перенесъ свою главную квартиру въ Германію. Императрица желала бы сопровождать его, но обстоятельства военнаго времени вполне естественно не позволили этого; и ей пришлось удовольствоваться тѣмъ, чтобы, выѣхавъ изъ Петербурга въ самомъ концѣ 1813 года, издали слѣдовать за государемъ. Такимъ образомъ она перебывала въ Римѣ, Веймарѣ, Берлинѣ и другихъ германскихъ столицахъ. Какъ уже упомянуто выше, Стурдза сопровождала императрицу въ этомъ путешествіи и дѣлилась со Свѣчиной всѣми своими впечатлѣніями. Между прочимъ она сооб-

пила Свѣчиной о какомъ-то пробѣлѣ въ перепискѣ императрицы, относящемся ко времени послѣ взятія Парижа. Пробѣлъ этотъ сильно огорчалъ Свѣчину, такъ какъ помѣшалъ императрицѣ «вкусить во всей полнотѣ и чистотѣ радость отъ столь счастливыхъ событій».

Послѣ занятія Парижа союзниками, императрица Елизавета Алексѣевна желала отправиться туда, но императоръ Александръ по различнымъ соображеніямъ призналъ это неудобнымъ. Это рѣшеніе государя, сильно огорчившее императрицу, тоже послужило для обѣихъ молодыхъ женщинъ поводомъ обмѣняться самыми сочувственными отзывами о государынь.

За то какой восторженностью проникнуто письмо Свѣчиной, написанное ею въ отвѣтъ на извѣстіе отъ Стурдзы о первомъ свиданіи императора Александра съ императрицей Елизаветой Алексѣевной послѣ реставраціи. «Какъ все то, что вы пишете мнѣ о свиданіи, тронуло меня! Сколько сладкихъ умилительныхъ слезъ оно заставило меня пролить! Болѣе чѣмъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца мои мысли были сосредоточены на этомъ событіи, и я, забѣгая впередъ надеждами и желаніями, поджидала момента, который долженъ былъ осуществить ихъ. У меня примѣшивались къ этому и опасенія, такъ какъ на моей палитрѣ преобладаетъ черная краска. Но за то съ какимъ восторгомъ я стираю сегодня эту гадкую черную краску, чтобы всецѣло насладиться полнымъ довѣріемъ, которое возбуждаетъ во мнѣ содержаніе вашего письма! Мнѣ кажется, что это столь желанное соединеніе является единственнымъ торжествомъ, которое еще оставалось одержать добродѣтели; что такимъ образомъ зло побѣждено въ своихъ послѣднихъ укрѣпленіяхъ и въ послѣдней изъ своихъ формъ, и для Россіи занялась заря новаго дня милостей и благословеній... Развѣ несчастная Европа не достаточно удовлетворена за счетъ Европы преступной, и развѣ не наступилъ часъ примиренія? Мое сердце, мой другъ, преисполнено волненія и радости! Если помимо своей воли бываешь пораженъ, подавленъ или огорченъ торжествомъ злыхъ, то торжество добродѣтели подкрѣпляетъ нашу вѣру, усиливаетъ наше воодушевленіе и дѣлаетъ насъ соучастниками внутренняго удовлетворенія тѣхъ, которые одерживаютъ эту побѣду. Въ эти мгновенія чувствуешь себя счастливымъ и сильнымъ единственно потому, что встрѣчаются существа, настойчивость которыхъ завоевала имъ силу и счастье».

XII.

Событіе 14-го декабря 1825 г. произвело на Свѣчину потрясающее впечатлѣніе, а образъ дѣйствій въ этотъ день императора Николая сразу при-

влекъ ее на сторону юнаго государя. По этому поводу она писала: «Я не нахожу выражений, чтобы передать все, что состояніе нашей бѣдной страны заставило меня выстрадать съ начала этихъ ужасныхъ событій; въ эти четыре мѣсяца я пережила въ мысляхъ о ней болѣе, чѣмъ въ тѣ тридцать три года, которые я провела въ ней; ея несчастья, ея опасности составляли мою единственную мысль, всецѣло поглощавшую меня. Какой ужасъ увидѣть въ себѣ при подобныхъ условіяхъ пробужденіе всей силы патриотизма! Этотъ столь зловѣщій заговоръ, эти преступленія, задуманныя исподтишка и съ видомъ хладнокровія, и теперь еще наполняютъ меня леденящимъ ужасомъ! Какіе новички на этомъ страшномъ поприщѣ: они начинали тѣмъ, чѣмъ наиболѣе преступные кончаютъ. Нашъ юный государь и его чудное поведеніе являются единственнымъ утѣшеніемъ въ столькихъ бѣдствіяхъ. Передаваемые рассказы о трогательныхъ чертахъ его характера получаютъ особую цѣну при воспоминаніи о его спокойной храбрости». При этомъ она останавливалась мысленно на той огромной задачѣ, которая выпала на долю новаго государя. «Сколько ему предстоитъ дѣла,—писала она,—и какая необходимость для него начать работу съ возведенія фундамента! Чтобы руководить современными поколѣніями, придется обуздывать ихъ образъ дѣйствій неприятный и недостаточный; что же касается нарождающихся поколѣній, то ими нужно овладѣть при посредствѣ воспитанія и ожидать прочныхъ результатовъ лишь отъ медленной и мудрой обработки. При этомъ особенное несчастіе въ томъ, что нѣтъ народныхъ элементовъ. Большинство людей болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ остальные, испили отъ зараженныхъ источниковъ. Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что сила заключается главнымъ образомъ въ доктринахъ, а не въ людяхъ».

Въ императорѣ Николаѣ Свѣчина видѣла, повидимому, прежде всего человека идеи, сознательно и стойко служившаго ей, такъ сказать, воплощавшаго ее въ самомъ себѣ. Съ этой именно стороны она оцѣнивала и положеніе, занятое государемъ по отношенію къ іюльской революціи и событіямъ, разыгравшимся въ связи съ нею во Франціи въ 1830 году.

«Не вдаваясь въ лабиринты политики,—писала она графинѣ Нессельроде 13-го ноября 1830 г. изъ Парижа,—не заносясь въ области, въ которыхъ не обращаютъ вниманія на все, что сильно волнуетъ совѣсть и душу, а сообразуются лишь съ общими и отдаленными интересами,—какъ я благодарна нашему императору за его великодушное негодованіе, даже за тѣ затрудненія, которыя пришлось встрѣтить, чтобы заставить уступить его благородную непоколебимость! «Одно изъ несчастій нашего времени,—говорила мнѣ престарѣлая герцогиня Дюра,—что ни одинъ король не умѣетъ умереть». Другое несчастье, превосходящее

это,—что ни одинъ король не имѣть болѣе вѣры въ свою собственную власть; другое, еще болѣе обычное заблужденіе,—это не смотрѣть на королей, какъ на солидарныхъ между собою, не относить къ себѣ взаимно опасности и оскорбленія, предметомъ которыхъ они служатъ. Ихъ ошибки тоже являются предупрежденіемъ: впрочемъ, все служить урокомъ, начиная съ опасностей и кончая провинностями. Хорошо, что находится государь, показывающій съ высоты престола душу, опечаленную и разгнѣванную видомъ большихъ безпорядковъ; если день опасности настанетъ для него, ему не придется, по крайней мѣрѣ, отказываться отъ неблагоразумныхъ словъ. Вотъ это-то нравственное порицаніе всего, что происходитъ здѣсь, я и вижу главнымъ образомъ въ приказаніи русскимъ выѣхать изъ Франціи. Думать, что можно спастись избѣгая соприкосновеній, которыя встрѣчаются повсюду,—было бы чѣмъ-то дѣтскимъ; но высказать порицаніе, преградить дорогу, на которую указываютъ, какъ на дурную, это—мудрое внушеніе, сдѣланное своимъ и, въ то же время, торжественное признаніе, передъ лицомъ всей Европы, принциповъ, которые считаешь консервативными.

Образъ дѣйствій императора Николая Павловича во время холеры 1830 г. окончательно упрочилъ мнѣніе о немъ Свѣчиной. «Какъ я благодарю Бога,—писала она 3-го декабря 1830 г.,—какъ я благодарю Его ежедневно и за опасности, отъ которыхъ Онъ только-что спасъ нашего императора, и за благородную мысль, которая побуждаетъ его пренебрегать ими! Что составляетъ мою гордость, является также и моимъ утѣшеніемъ; мое самое обычное стремленіе—стараться, чтобы его узнали во всѣхъ подробностяхъ его истинной храбрости, полного самоотверженія, и иногда мнѣ выпадаетъ счастье слышать, какъ имъ искренно восхищаются. Я не могу не передать вамъ словъ Елены ¹⁾, сказанныхъ ею при извѣстии объ отъѣздѣ императора въ Москву. Это извѣстіе растрогало насъ всѣхъ до слезъ, и тогда-то она воскликнула дрожащимъ голосомъ: «Вотъ какимъ образомъ предупреждаютъ революціи!» Эти слова настолько поражаютъ своимъ чувствомъ и справедливостью, что я счастлива, повторяя ихъ».

Повидимому, къ тому же она возвращается и въ своемъ слѣдующемъ письмѣ отъ 11-го декабря. «Какое глубокое волненіе вызвалъ во мнѣ этотъ чудный поступокъ императора! Подобныя вдохновенія, въ особенности, когда они осуществляются такимъ образомъ, можно почерпать лишь въ своей собственной душѣ. Изо дня въ день или, скорѣе, изъ испытанія въ испытаніе я проникаюсь къ императору чувствомъ, котораго не знала прежде, чувствомъ, столь нѣжнымъ, подъ влияніемъ котораго долгъ, покорность, и безъ того хорошіе сами по

¹⁾ Дочь графини Нессельроде воспитывавшаяся у Свѣчиной въ Парижѣ.

себѣ, облагораживаются и возвышаются до восторга и преданности; это величайшее и прекраснѣйшее воплощеніе принципа власти, и я безпрестанно благодарю его за то, что онъ далъ живую точку опоры столькимъ дѣйствительнымъ неоспоримымъ убѣжденіямъ».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, 21-го августа 1833 года, Свѣчина коснулась значенія путешествія по Европѣ, предпринятаго тогда императоромъ Николаемъ. «Газеты съ такого давняго времени и такъ много говорили объ отъѣздѣ нашего императора,—писала она,—что я, по привычкѣ сомнѣваться во всемъ, что онѣ утверждаютъ, узнавъ объ этомъ путешествіи, была поражена болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы о немъ со всѣмъ не говорили. Ему придали характеръ конгресса, а между тѣмъ кажется, что именно этого-то и хотѣли избѣжать, остановившись на отдѣльныхъ свиданіяхъ. Дай Богъ, чтобы императоръ извлекъ изъ всего этого полное знаніе людей и обстоятельствъ! Еще только шесть мѣсяцевъ, какъ я надѣялась, что въ случаѣ, если дѣло пойдетъ о вооруженіи противъ общаго врага—революціоннаго начала—государства сѣвера и востока Европы въ первый разъ явятъ собою примѣръ соглашенія, исключающаго возможность проявленія всякаго отдѣльнаго честолюбія и тщеславія, соглашенія, которое, безъ всякихъ возраженій, побуждало бы приносить въ жертву даже личные интересы. Быть можетъ, устойчивость, сохраненіе всего того, что отождествляетъ собою современный міръ,—достижимо только этою цѣною. Но для этого нужно положительно знать, въ чемъ заключаются обязанности лицъ, стоящихъ во главѣ народовъ, въ чемъ выражается вліяніе, которое они должны оказать на ихъ судьбы, и до какой степени, чтобы отдалить грозное будущее, слѣдуетъ подавлять эти сладостныя и настойчивыя стремленія, приглашающія наслаждаться настоящимъ. Старые короли хотятъ умереть въ своихъ столицахъ; ихъ молодые наслѣдники надѣлены, быть можетъ, въ большей степени страстями и нетерпѣніемъ, чѣмъ принципами. При такомъ положеніи вещей, конечно, невѣроятно, чтобы нашъ императоръ подчинился вліянію государей, которыхъ онъ собирается посѣтить».

17-го декабря 1837 года произошелъ пожаръ Зимняго дворца. Въ разсказахъ объ этомъ событіи, сообщенныхъ Свѣчиной въ Парижъ по-видимому графиней Нессельроде, сохранилась слѣдующая любопытная подробность. Когда огонь настолько разбушевался, что спасеніе дворца было признано невозможнымъ, императоръ Николай отправился въ квартиру графа Нессельроде, выходящую окнами какъ разъ противъ дворца, и оттуда, прижавшись лбомъ къ стеклу окна, въ сумрачной неподвижности смотрѣлъ на бѣдствіе, «прекратить которое не могло никое могущество, даже его власть». Присутствовавшіе хотѣли и не осмѣливались отвлечь его отъ этого тяжелаго зрѣлища. Наконецъ, юная великая княжна Ольга подошла къ нему, приблизилась къ его уху и

проговорила: «папа, вѣдь это мнѣ грустно, чѣмъ если бы горѣла хижина,—потому что это будетъ возстановлено».

Касаясь въ своемъ письмѣ къ графинѣ Нессельроде пожара Зимняго дворца, Свѣчина писала между прочимъ: «Весь этотъ промежутокъ времени я жила гораздо болѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ Парижѣ; мнѣ кажется, точно я переживаю эту роковую ночь, изъ оконъ вашей квартиры слѣжу за разрушительнымъ бѣдствіемъ и оплакиваю причиняемыя имъ опустошенія. Какая быстрота бываетъ свойственна злу во всѣхъ его видахъ: достаточно одного мгновенія, чтобы разрушить, а сколько нужно времени, чтобы создать, залѣчить, возстановить и поправить! Я все еще не могу насытиться всѣми подробностями, послѣдовательно узнаваемыми здѣсь; я читаю все, вплоть до самыхъ незначительныхъ статей, и это послѣ вашихъ обѣихъ реляцій! Дѣйствительно, кажется, что громадная непредусмотрительность, почти небрежность привели къ этому ужасному событію; но въ то-же время это—неизбѣжное слѣдствіе долгаго періода спокойствія и безопасности; люди считаютъ себя вооруженными противъ опасности—давностью и узнаютъ о ней только тогда, когда она разразится. Я нисколько не удивляюсь тому, что вы сообщаете мнѣ о петербургскихъ толкахъ. Когда масса бываетъ возбуждена горемъ или гнѣвомъ, она постоянно торопится воплотить свою ненависть, обвинить кого-либо; это—слѣпое побужденіе, прежде всего ощущающее потребность въ жертвѣ. Повидимому, въ данномъ случаѣ тяжесть подобнаго настроенія всей публики нанесъ князь Волконскій; но въ высшей степени достойно императора, что онъ смягчаетъ рану, удвоивая великодушіе, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ бы право проявить недовольство».

Преклоненіе Свѣчиной передъ личностью императора Николая Павловича было настолько устойчиво, что не могло быть поколеблено даже тѣми строгими мѣрами, которыя принимались имъ противъ ксендзовъ, совращавшихъ въ католичество православныхъ. А насколько эти мѣры оказывались дѣйствительными и достигавшими своей цѣли, видно изъ ея нѣкоторыхъ писемъ къ Ермолову. Такъ, между прочимъ, она сообщаетъ объ обязательствѣ, данномъ католическими священниками въ Россіи не пріобщать къ католичеству даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы они были призваны съ этою цѣлью къ одру умирающаго. Что это обязательство не являлось пустымъ словомъ, доказывается слѣдующими строками Свѣчиной. Ксендзы «до такой степени сознаютъ опасность для себя лично и опасность окончательно погубить дѣло католицизма въ странѣ, что очень хорошіе католическіе священники не считаютъ возможнымъ, въ случаѣ приглашенія ихъ православнымъ къ смертельному одру, явиться по зову и пріобщить желающаго къ католицизму, справедливо опасаясь тѣхъ послѣдствій, которыя подобный поступокъ по-

влекъ бы для нихъ самихъ и для ихъ единовѣрцевъ. Это положеніе ужасно, въ особенности, потому, что заставляетъ колебаться въ пониманіи долга. Истинная смѣлость, заключающаяся въ томъ, чтобы дѣйствовать не обращая ни на что вниманія, можетъ представляться лично заинтересованному ксендзу—безразсудствомъ, а его преступное малодушіе—благоразуміемъ.... Православный почти ничего не выигрываетъ, примыкая къ католицизму въ своей родине, потому что съ того момента, какъ онъ возвращается въ нее, будучи извѣстенъ или слыша за православнаго, католическій священникъ уже въ силу одного этого не можетъ вступать съ ними въ сношенія въ качествѣ священнослужителя. Конечно, при условіи, что онъ умалчиваетъ о своемъ имени и его лицо незнакомо, ничто не помѣшаетъ ему пойти и отъисповѣдаться гдѣ угодно, но, все-таки, и такимъ образомъ онъ дѣйствуетъ не только за собственный рискъ и страхъ, но и съ опасностью для того, кто его выслушиваетъ; къ тому же, всѣ эти уловки непримѣнимы во время болѣзни, когда уже не представляется возможности скрыть свое имя и прибѣгнуть къ помощи наладокъ».

Въ 1845 году императоръ Николай совершилъ путешествіе по Италіи, сопровождая въ Палермо больную императрицу, и, возвращаясь изъ Неаполя, остановился въ Римѣ. Здѣсь, по словамъ Фаллу, онъ съ глубокимъ волненіемъ выслушалъ отеческіе упреки со стороны папы Григорія XVI, выступившаго въ защиту положенія католиковъ, проживающихъ въ Россіи. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе это должно было произвести на Свѣчину! По этому поводу она писала князю Гагарину 24-го апрѣля 1845 года: «Я посылаю вамъ сообщеніе изъ Рима, носящее отпечатокъ истины. Не присылайте мнѣ его обратно, такъ какъ я наизусть знаю его. Какъ мы должны благодарить Бога! Я опасаюсь только одного, чтобы императоръ, вынеся изъ своего свиданія съ папою и даже изъ своего проѣзда черезъ Римъ пріятное и полезное впечатлѣніе, не усмотрѣлъ бы изъ послѣдующихъ комментаріевъ, два мѣсяца спустя, что онъ былъ оскорбленъ. Какъ люди мало знакомы съ этой христіанской строгостью, столь возвышенной, столь прекрасной, столь поучительной даже въ своихъ суровостяхъ!»

Черезъ нѣсколько дней она снова вернулась къ этому предмету, высказывая опасеніе, чтобы впечатлѣніе, произведенное на государя папою, не было парализовано послѣдующими событіями. «Я никогда не сомнѣвалась,—писала она,—что императоръ вынесъ изъ Рима хорошія впечатлѣнія; но съ тѣхъ поръ создалось столько крайне неблагоприятныхъ условій, а въ самое послѣднее время явилось еще это краковское возстаніе, въ которомъ, повидимому, участвовало такъ много членовъ католическаго духовенства; между тѣмъ это постоянно подвергаетъ императора опасности все болѣе отождествлять духъ мятежа съ духомъ

церкви, которая противоположаетъ ему самыя сильныя въ мірѣ преграды. Когда я говорю вамъ, что римскія впечатлѣнія были хороши, то не обманывайтесь насчетъ значенія, которое я придаю имъ: хорошее впечатлѣніе на императора произвелъ лично самъ папа. Одно это было очевидно и, къ несчастью, ни въ чемъ не измѣняло сужденія кардинала Ламбручини ¹⁾ «*neга tutto, promette poco, e faга niente* (онъ все отрицаетъ, мало общается и ничего не сдѣлаетъ).

Въ перепискѣ Свѣчиной упоминается между прочимъ о попыткѣ, сдѣланной ею въ 1830 году, побудить императора Николая принять участіе въ Шатобріанѣ и оказать ему матеріальную поддержку. Достигнуть этого она предполагала при содѣйствіи графини Эдлингъ. По этому поводу она писала ей въ концѣ 1830 года: «Поговоримъ о судьбѣ одного несчастнаго, который послѣ многихъ колебаній, ошибокъ и неудачъ, повидимому, находится теперь въ положеніи, граничащемъ съ крайностью; рѣчь идетъ о Шатобріанѣ. Онъ какъ разъ изъ числа тѣхъ, которые, какъ говоритъ г-жа Стааль, бросаютъ своихъ друзей въ море для того, чтобы имѣть потомъ удовольствіе выловить ихъ на удочку. Но снисхожденіе къ генію и къ бурнымъ натурамъ, потому что онѣ слабы и постоянно оказываются увлеченными за предѣлы ихъ воли! Шатобріанъ никогда не переступалъ извѣстныхъ границъ; его поведеніе въ данномъ случаѣ, его крайне бѣдственное положеніе заставляютъ вѣрить этому, а въ вѣкъ, въ который мы живемъ, можно уважать людей, которые еще уважаютъ двѣ или три вещи. Шатобріанъ могъ бы, долженъ былъ бы быть обеспеченнымъ теперь; можно даже упрекать его за обратное; но возьмемъ фактъ такимъ, какимъ онъ есть—жестокимъ, очень жестокимъ. Чтобы не приносить своей присяги, онъ отказался отъ пѣрства, а вмѣстѣ съ пѣрствомъ и отъ двѣнадцати тысячъ франковъ, которыя оно давало ему. Знаете ли что остается ему? Капиталь въ шестнадцать—двадцать тысячъ, который ему остался долженъ его книготорговецъ. Эта сумма уйдетъ на кой-какіе долги, на его путешествіе въ Швейцарію, или, быть можетъ, хватить на нѣсколько мѣсяцевъ жизни. А потомъ? Съ этимъ-то «потомъ», неразрѣшимой задачей, я и обращаюсь къ вамъ, дорогой другъ, и оно, навѣрно, пробудитъ вашу заботливость и, быть можетъ, вызоветъ и что-нибудь большее—намѣреніе, совѣтъ, неожиданную надежду. Вотъ какая мысль пришла мнѣ въ голову. Императоръ, увѣдомленный о положеніи человѣка, состоящаго кавалеромъ его орденовъ, человѣка, котораго очень отличалъ, императоръ Александръ, идеи котораго, въ сущности, монархическія, и совѣсть котораго осталась вѣрна несчастнымъ государямъ, императоръ, остановивъ свой взглядъ на подобномъ человѣкѣ,

¹⁾ Государственный секретарь при папѣ Григоріѣ XVI.

не задастся ли мыслию придти къ нему на помощь. Нельзя ли было бы внушить ему эту мысль? Прежде всего считаю необходимымъ сказать вамъ, что эта мысль пришла въ голову мнѣ одной, что никто не знаетъ о ней. Шатобрианъ настолько чуждъ всему этому, что въ случаѣ, если бы оказалось возможнымъ дѣйствовать, я попросила бы васъ подождать, чтобы дать мнѣ время позондировать его и узнать, приметъ ли онъ милость, исходящую отъ иностраннаго государя».

Мысль Свѣчиной была доведена до свѣдѣнія императора Николая. Онъ отвѣтилъ, что если бы ему пришлось проявить участіе къ судьбѣ французскихъ легитимистовъ, то онъ, съ своей стороны, предпочелъ бы графа де-ла-Феррона, посла Карла X при русскомъ дворѣ.

На этомъ все остановилось, и возбужденный Свѣчиной вопросъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій ни для Шатобриана, ни для де-ла-Феррона.

Смерть императора Николая Павловича при всякихъ обстоятельствахъ поразила бы Свѣчину. При тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ она произошла, она произвела на нее особо сильное впечатлѣніе. Свои мысли и чувства по поводу этого событія она высказала въ письмѣ къ принцессѣ Маріи Баденской, герцогинѣ Гамильтонъ, отъ 19-го марта 1855-го г.: «Едва я вздохнула свободнѣй (послѣ смерти близкаго друга графини Строгоновой), какъ, точно громовой ударъ, разразилась смерть императора, подавляя своею внезапностью, важностью момента, въ который она обрушилась, и значеніемъ потери, которую понесла страна. Никогда возможность конца этого великаго царствованія не представлялась моей мысли, и, конечно, я не думала, что мнѣ предопредѣлено увидѣть, на протяженіи сорока лѣтъ, борьбу двухъ императоровъ Александровъ съ двумя императорами Наполеонами. Каждый день все новыя, болѣе величественныя и болѣе трогательныя извѣстія переносятъ насъ къ этому смертному одру, на которомъ были поданы столь великіе примѣры. Вотъ гдѣ предстала міру возвышенность души императора Николая, подобно тому какъ она предстала ему самому въ день его восшествія на престолъ. Сожалѣнія страны очень глубоки, но кажется также, что и довѣріе къ новому государю единодушно, что онъ одинаково отвѣчаетъ желаніямъ всѣхъ классовъ общества, и что нашъ столь преданный народъ переходитъ отъ одного государя къ другому почти не измѣняя степени расположенія. Несмотря на громадное значеніе событія, положеніе вещей, въ сущности, не измѣнилось, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ преслѣдуемые интересы остаются тѣ же. Однимъ лишь полнымъ и всеобщимъ непониманіемъ не только того, что готовится будущее, но даже того, что представляетъ собою настоящее, однимъ этимъ только и можно объяснить весь хаосъ послѣдовательныхъ гипотезъ и предположеній, среди которыхъ живешь; непрерывно переходятъ отъ мира къ войнѣ и отъ войны къ миру и не болѣе обращаютъ вниманія на свои соб-

ственныя заключенія, чѣмъ на чужія мнѣнія. Но такъ какъ болѣе легко вѣрится тому, чего хочется, то, подѣ влияніемъ непреодолимаго стремленія, все возвращаются къ мысли о мирѣ, къ надеждѣ на него».

XIII.

Свѣчина была горячей сторонницей греческаго движенія и строго осуждала бездѣйствіе державъ. Всѣ ея симпатіи къ императору Александру не могли заставить ее смотрѣть на это иначе. Въ этомъ отношеніи она раздѣляла чувства большинства русскихъ людей того времени, сочувствовавшего героической борьбѣ греческаго народа за свою независимость. «Предоставленіе грековъ на произволъ ихъ судьбы,—писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—на всегда останется неизгладимымъ пятномъ; никогда еще благородіе вѣка не заслуживало осужденія въ такой степени. Правительства отступаютъ передъ предпріятіемъ, быть можетъ, рискованнымъ, но выдвигаемымъ впередъ крайнею необходимостью, какъ мы отступаемъ передъ требующимися жертвами. Ну, и что же происходитъ? То, что Богъ исторгаетъ отъ насъ то, чего мы не даемъ. Я нисколько не была бы удивлена, если бы слѣдствіемъ столь постыднаго бездѣйствія явилась война; я была бы очень рада этому, потому что надо желать, чтобы всѣ поступали хорошо; но, съ другой стороны, я желала бы, чтобы греки, дѣйствуя все лучше и лучше, обошлись бы безъ всѣхъ».

«Эта греческая борьба,—писала она въ другомъ случаѣ графинѣ Эдлингъ,—столь чудная, столь героическая, возбуждающая въ васъ столь справедливыя, столь святыя надежды,—является также предметомъ и моихъ горячихъ пожеланій. Въ этомъ мѣрѣ люди бываютъ столь разсѣяны, столь поглощены своими личными интересами, что интересы общіе, затрогивающіе главнымъ образомъ умъ, не находятъ себѣ подходящей пищи; однимъ этимъ можно объяснить, какимъ образомъ все то, что судить по самому себѣ, не увлечено настолько, чтобы отдавать все вниманіе усиліямъ, самымъ чистымъ, самымъ похвальнымъ въ принципѣ, которыя дѣлались когда-либо въ интересахъ святаго дѣла. Либералы Европы большею частью отталкиваютъ и возмущаютъ меня; либералы религіи и національной независимости въ Греціи представляются мнѣ достойными всякаго восхищенія. Грустные и опасные раздоры, быть можетъ, личное честолюбіе портятъ иногда столь благородное движеніе, но гдѣ же въ этомъ мѣрѣ несовершенства искать чего-нибудь безъ обличка и тѣни? Я всегда думала, что никакое дѣло здѣсь, на землѣ, не можетъ быть поддерживаемо долгое время, если имѣтъ несчастіе видѣть постоянно людей тамъ, гдѣ слѣдовало бы искать только принциповъ.

Самоотверженіе лорда Байрона и его преждевременная смерть, конечно, тронули васъ: было естественно, чтобы великій поэтъ умеръ тамъ, гдѣ поэзія какъ бы трепещетъ жизнью; но, повидимому, какъ мнѣ говорилъ кто-то, Провидѣніе не признало его характеръ достойнымъ подавать столь чудные примѣры».

Подобное же замѣчаніе относительно Байрона она сдѣлала и въ другомъ письмѣ. «Я не знала лорда Байрона,—писала она,—но оплакивала его: вѣроятно, въ такомъ же положеніи было большинство. Дѣлаемое вами замѣчаніе представляется мнѣ очень справедливымъ: строгая добродѣтель одна лишь достойна быть приобщенной къ героическимъ успѣхамъ, все равно какъ для того, чтобы воспѣвать несчастія Сіона, требуются невинные голоса».

XIV.

Несмотря на всю свою приверженность къ католицизму, Свѣчина трезво смотрѣла на польскій вопросъ и на разыгравшееся возстаніе 1830-го года. Косвенно она даже порицала образъ дѣйствій императора Александра, обусловившій возможность тѣхъ затрудненій, съ которыми Россіи пришлось столкнуться въ 1830-мъ году.

11-го декабря 1830-го года она писала между прочимъ графинѣ Нессельроде: «Перейдемъ теперь къ этой неблагодарной Польшѣ, поглощающей въ настоящее время всѣ наши мысли. Извѣстіе объ отложеніи Литовскаго корпуса, повторяемое сегодня «*Journal des débats*»,— снова возбуждает мое безпокойство. Я не видѣла никого, кто бы могъ опровергнуть его. Въ случаѣ, если мятежь распространился бы на все королевство,—если онъ не пойдетъ дальше,—то для подавленія его потребовались бы значительныя силы. Въ общемъ, по-моему, для Россіи существуетъ только одинъ дѣйствительно страшный врагъ—это революціонный духъ, единственный врагъ, котораго не могутъ поразить штыки; съ этимъ—никакихъ соглашеній, ни мира, ни перемирія, и для достиженія этого мѣры побужденія не являются ни необходимыми, ни полезными; главное, чтобы власть высказывалась и придерживалась одного и того же направленія, чтобы она предупреждала о томъ, чего хочетъ, и не оживляла бы грустныхъ воспоминаній о царствованіи императора Александра, царствованіи, которое, въ отношеніи направленія общественнаго мнѣнія, было раздѣлено, разбито на двѣ части, изъ которыхъ первая подготовила стремленія и опасности второй».

«Все это очень серьезно и очень печально,—писала она снова черезъ нѣсколько дней,—но это развитіе энергіи и готовности къ жертвамъ, само по себѣ являющееся прекраснѣйшимъ изъ зрѣлищъ, почти столь

же полезно народамъ, какъ и отдѣльнымъ личностямъ: такимъ образомъ тѣ и другіе узнаютъ все то, что они должны, и все то, что они могутъ сдѣлать. Самоотверженіе Москвы великолѣпно. По крайней мѣрѣ, въ такой же степени я восторгаюсь преданностью Курляндін. Съ момента, когда покорность уступаетъ мѣсто неблагодарному и безразсудному возбужденію, остается прибѣгнуть къ оружію. Дай Богъ, чтобы матеріальная сила проявила справедливость! Кто знаетъ, быть можетъ, на равнинахъ Польши будетъ рѣшаться судьба Европы! При современномъ положеніи вещей невозможно, чтобы въ концѣ концовъ мы не восторжествовали, но, кто знаетъ, какія опасности, какія затрудненія могутъ быть созданы намъ. Въ вѣкъ, въ который мы живемъ, достаточно одной искры, чтобы воспламенить все».

Но, осуждая поляковъ, Свѣчина принимала мѣры, чтобы выдѣлить въ сознаніи графини Нессельроде тѣхъ, которые не раздѣляли заблужденій большинства. По этому поводу она писала въ томъ же письмѣ: «Если я страдаю и трепещу за Россію, въ то же время непоколебимо полагаясь на нее, то какъ же должны страдать добросовѣстные люди, имѣющіе два отечества! Я знаю здѣсь поляковъ, которые являются настоящими образцами чести, вѣрности и благородной выдержки; таковы Левъ Потоцкій и Лабенскій. Увѣряю васъ, что каждый изъ нихъ, по своему, можетъ заслуживать изученія, какъ воплощеніе такта и деликатности».

Когда наконецъ борьба разгорѣлась, Свѣчина вѣрила въ успѣхъ русскихъ, считая ихъ дѣломъ—правымъ дѣломъ. „Вотъ наша борьба началась,—писала она графинѣ Нессельроде 25-го января 1831-го года;—по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ шансы на сторонѣ права и справедливости, не такихъ, какими ихъ представляетъ страсть, а такими, какими ихъ должны бы обрисовать на всегда благодарность, безпристрастіе и нѣсколько взглядовъ, брошенныхъ вокругъ себя. Въ настоящее время нетерпимость къ какому бы то ни было подчиненію такъ велика, что нѣтъ средства, которое представлялось бы достаточно быстро дѣйствующимъ, чтобы отдѣлаться отъ того, что является обязательнымъ; пути права и благоразумія какъ бы воспрещены, и въ этотъ вѣкъ раціонализма задачи разрѣшаются при помощи пушечныхъ выстрѣловъ. О, какое гадкое время! Я бы еще переносила все это, если бы иногда не хотѣли заставить меня видѣть въ этомъ прогрессъ!»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Свѣчина отмѣчаетъ лихорадочный интересъ, съ которымъ относились во Франціи къ разыгравшемуся польскому возмущенію: «Вы не можете повѣрить,—писала она,—съ какимъ нетерпѣніемъ, отъ любопытства и сочувствія къ полякамъ, ожидаютъ здѣсь извѣстій объ открытіи военныхъ дѣйствій; право, я думаю, что вопросъ о бельгійскомъ королѣ, котораго никакъ не могутъ найти, не болѣе занимаетъ

всѣхъ, и что, думая о происходящемъ совершенно иначе, чѣмъ мы, дума-
ють о немъ не менѣе, чѣмъ мы сами».

Въ началѣ 1846-го года общественное мнѣніе Франціи было глубоко
взволновано слухами, распущенными недоброжелателями Россіи о побѣгѣ
нѣсколькихъ католическихъ монахинь изъ русскаго монастыря, въ
которомъ ихъ будто-бы насильно хотѣли заставить принять православіе,
а потомъ, когда онѣ отказались отъ этого, подвергли, по тѣмъ же слу-
хамъ, самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Главной изъ нихъ, извѣстной подъ
именемъ Макрины, удалось перебѣжать русскую границу, и она добралась
до Италіи, гдѣ отдалась подъ покровительство папы Григорія XVI,
помѣстившаго ее въ одинъ изъ католическихъ монастырей

И въ этомъ случаѣ Свѣчина критически отнеслась къ распускав-
шимся вздорнымъ слухамъ и пыталась сознательно разобраться въ нихъ,
чтобы смыть съ Россіи всякое пятно. «Графиня Строганова,—писала
Свѣчина графинѣ Нессельроде 17-го апрѣля 1846 г.,—только-что по-
лучила письмо отъ васъ, а я передала ей отвѣтъ, присланный мнѣ вами
по поводу преслѣдованія монахини. Все это дѣло—настоящій лабиринтъ,
и съ тѣхъ поръ какъ имъ занимаются, послѣднее слово далеко еще не
сказано. Нельзя себѣ составить никакого представленія о раздражитель-
ности, которую вызываетъ обсужденіе этого вопроса за или противъ.
Съ своей стороны, будучи убѣждена, что страшно много зла было сдѣлано
несчастнымъ католикамъ, и что невозможно, чтобы, при безконечно
громадномъ числѣ случаевъ, насиліе не примѣшалось какъ-нибудь къ
глухому и систематическому преслѣдованію,—я всегда говорила очень
громко, рискуя задѣть многихъ щепетильныхъ людей, что во всей этой
исторіи очень многія подробности показались мнѣ невѣроятными и что
даже общая совокупность ея можетъ быть подвержена оспариванію.
Боже меня храни, чтобы я подозрѣвала въ лжи монахиню. Всѣ
тѣ, которые видѣли ее, свидѣтельствуютъ, что ея наружность, ея раны,
ея благочестивая и спокойная простота сами по себѣ являются убѣдитель-
ными доказательствами; но въ этомъ могутъ быть преувеличенія, слухи,
передаваемые въ формѣ лично пережитыхъ фактовъ, подобіе грѣзъ,
принимающихъ въ взволнованномъ и разгоряченномъ воображеніи весь
обликъ дѣйствительности, не говоря уже,—такъ какъ имѣешь дѣло съ
необразованной личностью,—о путаницѣ въ воспоминаніяхъ, которыя
возстановляешь, какъ можешь. Когда въ столь запутанныхъ вопросахъ
доискиваешься истины, то рискуешь не понравиться всѣмъ крайнимъ
партіямъ, такъ трудно прощающимъ свободное и добросовѣстное изслѣ-
дованіе, и по необходимости приходится пренебрегать ихъ порицаніемъ;
но внутри самого себя постоянно находишься среди двухъ огней: стра-
хомъ—не достаточно живо принять сторону жертвъ, и опасеніемъ—быть
несправедливой по отношенію къ власти. Впрочемъ, въ настоящую ми-

нугу, когда я пишу вамъ, Россію оставили на время въ покоѣ, и теперь Австрія несетъ на себѣ бремя всеобщаго негодованія ¹⁾. Правда, что извѣстія, приходящія изъ Галиціи—ужасны, различныя подробности ихъ заставляютъ содрогаться, и надо признать, что подавленіе политическихъ преступленій куплено очень дорого, цѣною поощреній, которыя оказывали малѣйшимъ попыткамъ потрясенія общественнаго строя. Я была счастлива видѣть, что въ русской Польшѣ поступали какъ разъ наоборотъ, и что, вмѣсто премировавія рѣзни, примѣрно наказывали крестьянъ приводившихъ плѣнныхъ».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Около этого времени Австрія, вслѣдствіе волненій, возникшихъ въ Галиціи, присоединила къ себѣ Краковскую республику, и ходили слухи, будто австрійское правительство, для достиженія этой цѣли, само возбудило произошедшія волненія.

Двѣ записки М. М. Сперанекаго

по

ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

—
I.

О видахъ Франціи по брачному союзу съ Австріею ¹⁾.

Союзъ Франціи съ Австріею, во множествѣ разныхъ побочныхъ отношеній, представляетъ два главные вида и рождаетъ двѣ противоположныя системы вѣроятностей.

Первая состоитъ въ томъ, чтобъ посредствомъ сего союза достигнуть всеобщаго мира.

Вторая, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобъ во Франціи и въ Европѣ сильнѣе утвердить власть Наполеона.

Каждое изъ сихъ предположеній имѣетъ свой рядъ послѣдствій, и слѣдовательно, чтобъ опредѣлить послѣдствія сіи, надлежитъ прежде всего изыскать, которое изъ сихъ двухъ предположеній можетъ быть вѣроятнѣе.

Предположеніе первое, система всеобщаго мира.

Вѣроятности сей системы могутъ быть основаны на слѣдующихъ причинахъ:

1) Нельзя отрицать, чтобъ Наполеонъ не признавалъ мира для себя и для Франціи необходимымъ. Война съ Англіею не можетъ для него имѣть никакой выгодной цѣли. Все, что можно было посредствомъ сей войны восхитить и завладѣть въ Европѣ, все взято. Осталась Пруссія, которую и въ мирѣ взять можно; Данія, которая для него не

¹⁾ Записка эта должна относиться къ 1810 году.

можетъ быть прелестна; Швеція, которую взять трудно, а ослабить для самой Франціи вредно. Австрія и Россія, кои побѣдить можно, но коими завладѣть никогда конечно не представлялось никому возможнымъ. Какая же для Франціи можетъ быть цѣль войны съ Англіею?

2) Между тѣмъ тяжесть сей войны не можетъ быть не ощутительна. Не всегда можно войну питать войною. Не вѣчно можно взимать съ народовъ покоренныхъ тяжкіе поборы и дополнять ими внутренніе доходы. Счеты финансовъ могутъ быть весьма блистательны; но ни въ какой странѣ нѣсколько лѣтъ 'сряду одними внутренними доходами нельзя содержать милліонъ валичнаго войска, истощать сокровища на покореніе Испаніи, удовлетворять жадности корыстолюбивыхъ генераловъ, держать сильную и напряженную полицію, и проч. и проч.; словомъ, ограбивъ все, нельзя Франціи жить въ войнѣ съ собственными ея способами. Слѣдовательно, и для нея, и для императора миръ отъ одного года къ другому долженъ быть необходимѣе.

3) Извѣстно, что Наполеонъ всегда дорожилъ союзомъ съ Россіею и старался даже націю свою увѣрять въ твердости сего союза болѣе, нежели можетъ быть самъ ему вѣрилъ. Причиною сему было сверхъ личныхъ его выгодъ то, что союзъ съ Россіею служилъ для націи его залогомъ и надеждою мира. О семъ твердилъ онъ во всѣхъ публичныхъ рѣчахъ своихъ; но не твердилъ бы онъ сего, если бы не былъ убѣжденъ, что Франція желаетъ мира и что миръ сей необходимъ.

4) Извѣстно, что война испанская, начатая противъ совѣтовъ Талейрана, была и причиною его паденія. Извѣстно, что война сія была въ Англіи поставляема главною причиною къ отверженію всѣхъ мирныхъ предложеній. Извѣстно также, что покореніе Испаніи безъ Америки не можетъ имѣть для Франціи никакой полезной цѣли. Народъ суевѣрный и къ фанатизму склонный можетъ оказать въ крайности великую твердость духа; но въ мирѣ народъ сей ни къ чему полезному не способенъ. Полвѣка по крайней мѣрѣ нужно, чтобъ изъ лѣнивцовъ я святошь сдѣлать народъ трудолюбивый, тогда какъ цѣлые вѣки народъ сей жилъ въ праздности насчетъ американскихъ своихъ обладаній. Американскихъ владѣній получить Франціи нельзя; всѣ вѣроятности напротивъ есть, что при помощи Англіи изъ нихъ составитя особенный независимый народъ. Какая же будетъ цѣль Испаніи? Завести флотъ? Но какъ завести его безъ золота Америки? Скоро ли? и куда съ нимъ дѣваться? Въ самое счастливое время испанскій флотъ не составлялъ и 10-й доли англійскаго. Между тѣмъ, покоривъ Испанію, по бѣдности народа, по истощенію самой войны, по расточенію и переселенію значительныхъ домовъ, должно будетъ Франціи долгое время на собственный свой счетъ содержать тамъ и дворъ и войско; то-есть, умножать тѣ самые налоги, кои и безъ того уже только тяготятъ Францію. Изъ сего

видно, что истинный интересъ Франціи состоитъ въ томъ, чтобъ отстраниться отъ сего тягостнаго обладанія. Но какъ отступить съ честію? Поведеніе Талейрана и вліяніе его на разводъ и бракъ указываютъ истинный къ сему путь. Подъ кровомъ новаго родства можно будетъ со всею пристойностію возвратить Испанію Бурбонамъ. Симъ въ одно время достигнутся многія важныя цѣли: 1) сложится съ рукъ война и вся тяжесть бесплоднаго и убыточнаго обладанія; 2) возвратятся американскія области, коихъ золото паки потечетъ чрезъ Испанію во Францію; 3) отнимется у Англіи предлогъ къ отверженію мира; 4) Англія потеряетъ цѣль войны, когда удостовѣрится, что на твердой землѣ не только нѣтъ у нея союзниковъ, но и быть ихъ не можетъ по новому союзу Австріи.

Если миръ и не совершится, то всѣ вещи придутъ въ тотъ порядокъ, въ коемъ, по мнѣнію Талейрана, имъ всегда быть надлежало, то есть, испанскій король останется данникомъ Франціи,—система самая благородная, коей издавна короли французскіе слѣдовать не переставали и которая особенно тогда будетъ удобна, когда Франція при возвращеніи Испаніи Бурбонамъ выговоритъ себѣ часть ея по Ебрѣ.

5) Къ симъ уваженіямъ присоединяется и то, что всѣ генералы, все, что составляетъ теперь новый французскій дворъ, должно желать безъ сомнѣнія мира, чтобъ наслаждаться плодами побѣдъ, заводить и устроить новые дома. Самъ Наполеонъ, обезпечивъ себя новымъ союзомъ со стороны Австріи, соединивъ всѣ партіи въ свою пользу, усиливъ моральную свою власть во Франціи, будетъ желать мира по самому уваженію воинской своей славы, коей умножить ему нельзя, а потерять всегда можно. Юлій Кесарь, Карль V, Фридрихъ Великій—всѣ кончили тѣмъ, что отвращались той самой войны, которая была причиною ихъ возвышенія.

Собравъ воедино всѣ сіи уваженія, можно въ нихъ найти великую степень вѣроятности, что новый союзъ принять системою перехода отъ войны къ миру.

Предположивъ сіе, послѣдствія, отъ сего возникающія, могутъ быть слѣдующія:

1) Партія, питающая къ Англіи войну, лишится въ публичномъ мнѣніи главной своей опоры, когда Испанія возвратится въ прежнее ея положеніе, и слѣдовательно, усилится партія, желающая мира.

2) Въ семъ порядкѣ вещей должно будетъ только найти для короля испанскаго пристойное помѣщеніе. Иллирійскія провинціи, Пруссія и герцогство Варшавское представляютъ къ сему способы.

3) Иллирійскія провинціи не представляютъ довольно важности, чтобъ составить изъ нихъ новое царство. Вѣроятно даже, что Австрія секретнымъ трактатомъ выговорила себѣ Триестъ и Фіумъ, безъ коихъ

она быть почти не можетъ. Легкость, съ кою статья сія поставлена въ публичномъ трактатѣ, даетъ сіе подозрѣніе.

4) Слѣдовательно, осталась Пруссія и Варшава. Движеніе войскъ къ Магдебургу обнаруживаетъ уже само собою виды на сію сторону. Но ни Пруссія, ни Варшава въ раздѣленіи ихъ не могутъ составить государства довольно сильнаго, на коемъ бы Франція въ сей сторонѣ могла опереться. Слѣдовательно, должно допустить ихъ соединеніе. Но здѣсь могутъ быть два предположенія: 1) Варшавское герцогство можетъ быть присоединено къ Пруссіи, и тогда оснуется въ сей части довольно сильное государство, оставивъ даже нѣкоторую часть владѣнія королю прусскому, или же 2) возстановится королевство Польское изъ герцогства Варшавскаго и части Пруссіи. Первое предположеніе было бы для насъ сносно, и можно бы попустить его, особливо, когда вмѣстѣ съ тѣмъ развяжутся намъ руки на миръ съ Англіею. Второе предположеніе менѣе представляетъ вѣроятности потому, что имъ равно были бы угрожаемы австрійскія владѣнія въ Галиціи, какъ и наши въ Польшѣ. Но взаимнѣ того, сіе послѣднее предположеніе для провинцій нашихъ было бы самымъ рѣшительнымъ вызовомъ къ ихъ возмущенію.

Такимъ образомъ первое изъясненіе настоящаго союза влечетъ съ собою съ предположеніемъ мира тягостную для насъ вѣроятность отложенія польскихъ нашихъ провинцій.

Второе изъясненіе настоящаго союза состоитъ въ томъ, что всеобщій миръ не состоится по недостатку ли желанія со стороны Франціи, или по упорству Англіи, и слѣдовательно, союзъ послужитъ только къ утвержденію моральной власти Наполеона во Франціи и къ нѣкоторой обезпеченности со стороны Австріи.

Изъясненіе сіе менѣе имѣетъ вѣроятности потому самому, что виды его болѣе ограниченны и менѣе свойственны настоящей политикѣ Франціи.

Но, принявъ сіе изъясненіе, нѣтъ причины предполагать, чтобъ бывъ заняты въ Испаніи, вдругъ послѣ тягостной и убыточной войны, Наполеонъ обратился къ устроенію Польскаго королевства, къ устроенію, которое требуетъ и войскъ и денегъ, когда должно вмѣстѣ съ тѣмъ отторгнуть часть Пруссіи. Безъ отторженія сего, возстановленіе Польши не имѣло бы цѣли, ибо Варшавское герцогство и при семъ именованіи не менѣе есть провинція французская. Не можетъ предположеніе сіе имѣть мѣста и потому, что французскій императоръ не захочетъ, конечно, дать намъ правильный предлогъ отстать отъ тягостной его системы; а отстать намъ будетъ должно, когда вынуждены мы будемъ противъ него защищать польскія свои провинціи отъ возмущенія.

Изъ всего сего происходятъ слѣдующія вѣроятности:

1) Союзъ Франціи съ Австріею можетъ приблизить миръ.

II) Но, съ приближеніемъ и даже съ заключеніемъ мира, Россія угрожается отложеніемъ польскихъ ея провинцій.

III) Если мира не будетъ, то нѣтъ основанія ожидать въ сей сторонѣ какихъ-либо важныхъ перемѣнъ.

Такимъ образомъ Россія, получивъ морской миръ, должна готовиться къ войнѣ.

Вмѣсто одного представлятъ ей четыре слѣдующіе непріятеля: 1) Польша, 2) Швеція, 3) Порта, 4) Персія.

Франція станетъ тогда въ самомъ выгодномъ и счастливомъ положеніи. Отворивъ всѣ пути своей торговлѣ, воспользовавшись всѣми выгодами мира, она не вмѣшается въ войну, будетъ производить ее не людьми и не деньгами, но вліяніемъ и подущеніемъ, будетъ еще увѣрять Россію въ своей дружбѣ, а между тѣмъ пользоваться ея ослабленіемъ и, возбуждая ея домашнихъ непріятелей, будетъ опокійно слѣдовать всегдашней своей политикѣ, чтобы вытѣснить Россію изъ чреды Европейскихъ державъ.

Изъ всѣхъ непріятелей, коихъ Россія въ семъ вещей положеніи имѣть можетъ, самый заботливый безъ сомнѣнія есть въ Польшѣ; но одинъ сей непріятель, обложенный со всѣхъ сторонъ силами Россіи, возстать не осмѣлится. Онъ долженъ будетъ искать и ожидать содѣйствія.

Франція можетъ и должна ему содѣйствовать, но не иначе, какъ подъ рукою; нѣтъ причины предполагать, чтобъ, едва окончивъ свою войну, вздумала она сдѣлать крестовый походъ для освобожденія Польши. Она должна предполагать, что и безъ усилій единымъ ея поущеніемъ и благопріятствомъ народъ сей самъ слезитъ съ себя иго. Заключивъ, впрочемъ, съ Англіею миръ, доколѣ будетъ онъ ей нуженъ, она не можетъ желать быть съ нами въ открытой враждѣ: ибо Англія всегда будетъ грозить ей новыми своими связями на тверди.

Но не бывъ во враждѣ открытой, она тѣмъ не менѣе будетъ вести съ нами войну, столько же для нея удобную, какъ и беззаботную. Чего стоить ей возбудить противъ насъ Швецію и Порту?

Швеція, стѣсненная Россіею, и нынѣ уже получила отъ Франціи такой миръ, какой только послѣ знатныхъ военныхъ успѣховъ ожидать могла. Свобода торговли почти неограниченная и возвращеніе Помераніи есть, такъ сказать, задатокъ дальнѣйшихъ союзовъ. Сдѣлавъ ей нѣкоторое пособіе въ финансахъ и обольстивъ надеждою сильной диверсіи въ Польшѣ, какъ скоро дѣла тамъ возмутятся, она легко заведетъ ее въ финляндскую войну, которая во всѣхъ предположеніяхъ не можетъ насъ не озаботить.

Дѣла наши съ Портою въ сей эпохѣ могутъ быть въ двухъ положеніяхъ, или застанутъ они насъ въ войнѣ съ нею, или въ мирѣ.

Первое предположеніе несравненно вѣроятнѣе послѣдняго. Никогда,

ни въ какомъ предположеніи, не могло и не можетъ быть въ видахъ Франціи усиливать Россію. Въ внушенія, какія о приобрѣтеніи Молдавіи, посредственно и непосредственно, къ намъ доходятъ, суть одинъ только предлогъ оттянуть силы наши отъ настоящаго мѣста опасности, взнурить и войска и финансы, а потомъ, когда дѣло дойдетъ до мира, то та же самая Франція, подъ благовиднымъ названіемъ посредничества, вступитъ въ покровительство Портѣ и никогда не допуститъ совершить миръ на условіяхъ, нами предлагаемыхъ, развѣ бы силы наши стояли предъ самымъ Константинополемъ, о чемъ и думать, конечно, не возможно.

Такимъ образомъ, если Франція, при морскомъ мирѣ, застанетъ войну нашу съ Портою неоконченною, то окончить ее никакъ не допуститъ; къ сему будетъ она имѣть всѣ способы. Она снабдежитъ турокъ своимъ покровительствомъ; Англія въ семъ съ нею также соединится, такъ какъ и теперь, не взирая на всю вражду, въ семъ пунктѣ они совершенно сходны. Она заставитъ Австрію сдѣлать противъ насъ движеніе, обѣщавъ и даже отдавъ ей на семъ условіи Сербію. Извѣстно, впрочемъ, что Молдавія и Валахія всегда были провинціями грековъ, управляющихъ турецкимъ диваномъ. Допустятъ ли люди сіи безъ самой очевидной крайности исхитить у себя изъ рукъ столь знатную добычу?

Второе положеніе, въ коемъ турецкія дѣла могутъ находиться, есть миръ. Если бы миръ сей и совершился, то трудно ли будетъ Франціи возжечь новую войну въ такомъ правительствѣ, которое всегда движется по внѣшнимъ вліяніямъ. Одни частныя вторженія въ Молдавію разныхъ пашей, столь мало Портѣ покорныхъ, могутъ уже принудить насъ содержать тамъ большія силы и среди мира быть въ войнѣ.

Такимъ образомъ, трехъ непріятелей Россія имѣетъ всегда готовыхъ.

Дѣла персидскія хотя сами-по-себѣ и не важны, но въ видахъ Франціи весьма для нея полезны тѣмъ, что истощаютъ наши финансы, и, слѣдовательно, мирныя обліженія хотя бы съ сей стороны и открылись, но, вѣроятно, долго продлятся или и совсѣмъ не кончатся. Персіянамъ приобрѣсть отъ насъ нечего, но и бояться нѣтъ никакой причины; ибо никогда не можемъ мы въ сей сторонѣ сдѣлать большихъ усилій. Благоразуміе настоящаго начальника Грузіи не допуститъ насъ тамъ до потери; но то же благоразуміе свяжетъ ему руки на всякое смѣлое предпріятіе.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ:

- 1) Что слабое наше мѣсто во всѣхъ предположеніяхъ есть Польша.
- 2) Что укрѣпить сію часть нельзя отдѣльно и безъ связи дѣлъ ея съ другими.

Приведа, такимъ образомъ, все дѣло сіе къ двумъ означеннымъ простымъ истинамъ, нужно опредѣлить время и способы, какъ предупре-

дѣла опасность. Предметъ сей самъ-собою дѣлится на три части: 1) дѣла польскія; 2) дѣла турецкія; 3) дѣла шведскія.

По быстротѣ, съ кою Наполеонъ производитъ всѣ свои предпріятія, немного пройдетъ времени, какъ новый планъ его придетъ въ движеніе. Вѣроятно, что между тѣмъ, какъ войска его придвигаются къ прусскимъ и польскимъ предѣламъ ¹⁾, помышляютъ уже съ свойственною тамъ дѣятельностью и о сближеніяхъ съ Англіею посредствомъ австрійскихъ сношеній.

Положеніе, въ коемъ мы съ Англіею стоимъ, есть таково, что Франція и Австрія могутъ тамъ все уже распорядить, какъ мы ничего и знать не будемъ. Между тѣмъ, всякій поступокъ Франціи съ Англіею долженъ быть для насъ истиннымъ ключемъ будущаго ея поведенія.

Въ Вѣнѣ мы также не имѣемъ никого, кто бы могъ намъ дать вѣрныя извѣстія. Графъ Шуваловъ и молодъ, и неопытенъ, чтобъ можно было на него положиться.

Въ чемъ состоятъ источники наши въ Парижѣ? Въ послѣ (посланникѣ), коего всегда и вездѣ обманывали и проводили.

Такимъ образомъ, сколько мнѣ извѣстно, мы стоимъ совершенно во мракѣ; а первое средство ко спасенію есть освѣтить и узнать опасность. Для сего не довольно предполагать ее вообще; должно еще знать съ вѣроятностью, гдѣ и какими степенями она постигнуть насъ можетъ.

Посему первый шагъ въ настоящихъ обстоятельствахъ есть прояснить ихъ точнымъ надзоромъ трехъ вѣрныхъ и надежныхъ людей, коихъ для сего имѣть нужно въ Парижѣ, въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ.

Отъ свѣдѣній, кои они доставить могутъ, зависѣтъ будутъ и тѣ порученія, кои имъ въ тайнѣ дать можно. Но людей сихъ имѣть непременно нужно.

Второе дѣйствіе, вмѣстѣ съ симъ идущее, есть опредѣлить сколь можно основательный планъ нашего поведенія въ томъ предположеніи, что Польша будетъ восстановлена и наши провинціи тайно или явно будутъ угрожаемы.

Планъ сей долженъ быть такъ составленъ, чтобъ наружное его дѣйствіе представлялось въ видѣ обыкновеннаго учрежденія и лучшаго распорядка въ нашихъ губерніяхъ; а истинная цѣль его открыться должна только въ случаѣ нужды ²⁾.

¹⁾ Паденіе нашего курса на сихъ дняхъ произошло отъ сильнаго перевода иностранныхъ капиталовъ. Капиталисты предполагаютъ, что война въ сей странѣ между Франціею и Россіею за Польшу и Пруссію неизбежна.

²⁾ Повидимому, записка эта не окончена.

II.

О видахъ французскаго правительства по управленію Польши.

Августъ 1810 г.

Принужденное положеніе политической нашей системы есть таково, что всё происшествія внѣшнія, пользамъ нашимъ хотя мало противныя, производятъ въ мнѣніи публичномъ самое сильное потрясеніе.

Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, при первомъ слухѣ о брачномъ союзѣ съ Австрією, казалось, французы уже дѣлили нашу Польшу, вступали въ Кіевъ и грозили самой столицѣ. Два мѣсяца прошло въ покоѣ, и страхи исчезли.

Нынѣ другое происшествіе по тѣмъ же самымъ причинамъ пока ихъ возбудило. Вліяніе Франціи въ выборѣ наслѣдника шведскаго престола принято самымъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ неминуемой войны, отторженія Финляндіи и проч. и проч. Страхъ сей самъ въ себѣ столько же неоснователенъ, какъ и предъидущій. Мѣсяцъ пройдетъ, и онъ безъ сомнѣнія исчезнетъ.

Но есть другой страхъ, основанный на причинахъ несравненно болѣе вещественныхъ; страхъ, коего мѣру должно искать не въ народныхъ слухахъ, но въ свѣдѣніяхъ кабинета.

И послыку происшествія сіи хотя подъ другими признаками, но съ точностію изображены въ извѣстныхъ бумагахъ, изъ Парижа полученныхъ,—то я счелъ долгомъ представить воспоминанію вашего величества нѣкоторыя изъ нихъ черты, поколику онѣ могутъ относиться къ настоящему дѣлу положенію.

Основанія французской сѣверной политики по изложенію сего плана состоятъ кратко въ слѣдующемъ:

I. Одержатъ сильное вліяніе въ Швеціи ¹⁾.

II. Продолжить войну между Турцією и Россією, вмѣшаться въ заключеніе мира, а потомъ и по заключеніи его стараться возбудить новую войну ²⁾.

¹⁾ Il ne faut rien négliger pour s'assurer de la Suède. (Ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, чтобы укрѣпиться въ Швеціи).

²⁾ Prolonger la guerre entre les turcs et les russes, se réserver la médiation dans le traité et faire reprendre les armes aux turcs, en leur promettant les moyens de reconquérir les provinces qu'ils auront été forcés d'abandonner (Продолжить войну между турками и русскими, предоставить себѣ посредничество въ договорѣ и заставить турокъ опять взяться за оружіе, обѣщая имъ средства къ завоеванію провинцій, которыя они были принуждены оставить).

III. Усилить герцогство Варшавское или возстановить Польшу.

Итакъ Швеція, Порта и Польша представляютъ главные пункты дѣйствія и на каждомъ пунктѣ нужно опредѣлить наше поведеніе.

I. Швеція.

Судьба Швеціи совершилась. Въ планѣ полагаемо было достигнуть сего постепенно *point ne pas alarmar la Russie et préciser sa paix avec l'Angleterre* (чтобы не встревожить Россіи и не ускорять миръ съ Англіей). Происшествія заставили отступить отъ сей постепенности; но дабы успокоить насъ въ сихъ страхахъ, безъ сомнѣнія усугубятъ всѣ оказательства дружбы. Ихъ должно принять съ учтивою холодностію. Податливость означала бы слабость; а явное огорченіе увѣрило бы въ согласіи съ Англією. Между тѣмъ:

- 1) Усугубить надзоръ въ Финляндіи и для сего
- 2) Дать особенную инструкцію генераль-губернатору и войти въ переписку съ Троилемъ.
- 3) Паспорты и сообщенія поставить на общихъ правилахъ.
- 4) Обласкать пасторовъ.
- 5) Зимой сдѣлать путешествіе въ Або.

Съ семи способами при настоящемъ положеніи Швеціи нельзя ничего бояться для Финляндіи. Швецы одни завоевать ее не могутъ, а возмутить (Финляндію?) противно было бы всякому вѣроятію.

II. Дѣла Турецкія.

Есть весьма примѣчательное мѣсто о дѣлахъ турецкихъ въ извѣстномъ планѣ: *Des liaisons étroites et publiques contractées avec la Suède peuvent engager la cour de Pétersbourg à terminer avec la même rapidité ses différends avec la Turquie et l'Angleterre afin d'employer de plus grandes forces à retenir la Suède sous le joug* ¹⁾.

Сообщая сію мысль съ основаніемъ плана: *prolonger la guerre de Turquie* (продолжить турецкую войну), должно по всей достовѣрности ожидать, что будутъ насъ всемѣрно стараться затруднить въ окончаніи дѣлъ турецкихъ. Здѣсь будутъ внушать: 1) что стыдно для насъ и подозрительно для Наполеона отступать отъ прежнихъ нашихъ требованій; 2) что миръ негоціаціями въ теченіе зимы вѣрно можетъ быть одержанъ; а въ Константинополѣ будутъ представлять тому противное. Въ

¹⁾ Тѣсныя общественныя связи, заключенныя съ Швецією, могутъ побудить Петербургскій дворъ прекратить съ такою же быстротою несогласія съ Турцією и Англією, дабы употребить большія силы, чтобы удержать Швецію подъ игомъ.

планѣ сказано: il faut dès à présent reprendre les négociations avec la Porte, essayer de tirer le Sultan de son apathie etc. ⁴⁾.

Къ симъ затрудненіямъ кои Франція поставитъ миру, присоединятся и собственныя наши.

1) Что дѣлать, если визирь перейдетъ Балканы? Неужели зимовать и ожидать другой кампаніи? Это совершенно значило бы впасть во французскую политику.

2) Можно съ великою вѣроятностію утверждать, что приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи будетъ для насъ даже пагубно:

1) Потому что оно дастъ намъ границу слишкомъ обширную и всегда впаденіямъ подверженную.

2) Вооружаетъ противъ насъ всѣхъ грековъ, управляющихъ Диваномъ.

3) Вводитъ въ расчеты съ Австрією, которую надобно всевозможно щадить и съ нею сходиться.

Миръ, на сихъ основаніяхъ заключенный, будетъ ни что другое, какъ продолжительная война.

Изъ сего слѣдуетъ, что истинное поведеніе наше по дѣламъ турецкимъ могло бы быть устроено на слѣдующихъ правилахъ:

1) Открыть теперь же не формальныя, но скрытныя сношенія о мирѣ.

2) Послѣднимъ терминомъ мира постановить не Дунай, но Прутъ или Сереть съ однимъ рукавомъ Дуная и съ нѣкоторыми побочными выгодами.

3) Между тѣмъ здѣсь стараться увѣрить, что мы никакъ не отступаемъ отъ прежнихъ притязаній и готовы сдѣлать еще кампанію такъ, чтобъ миръ заключенъ былъ внезапно.

4) Въ слѣдъ по заключеніи мира дать новое и вещественное доказательство прилѣпенія нашего къ французской системѣ: 1) учрежденіемъ торговли нашей на будущую навигацію такъ, чтобы отъ насъ все могли вывозить, но къ намъ сколь можно менѣе доставлять; 2) означеніемъ, особливо у прусскаго двора, что система наша остается неизмѣнною ⁵⁾.

III. Польша.

C'est en Pologne que la France trouvera toujours ses plus utiles auxiliaires pour abaisser la puissance Russe et pour sauver la Turquie

⁴⁾ Нужно сейчасъ же возобновить переговоры съ Портой, стараться вывести султана изъ его апатіи и т. д.

⁵⁾ Les premiers symptômes d'un rapprochement secret entre les cours de Londres et de Pétersbourg doivent se manifester en Prusse (Первые признаки тайнаго сближенія между дворами Лондонскимъ и Петербургскимъ должны проявиться въ Пруссіи).

et la Suède du jong, dont elles sont menacées. (Въ Польшѣ Франція всегда найдетъ самыя удобныя средства къ уменьшенію русскаго могущества и спасенію Турціи и Швеціи отъ ига, которое имъ угрожаетъ).

Слѣдовательно, должно только опредѣлить: 1) Эпоху, когда начнется дѣйствіе въ Польшѣ; 2) Которому изъ двухъ плановъ будутъ слѣдовать: соединенію ли Варшавы съ Саксоніею посредствомъ Шлезіи, или же возстановленію Польши во всѣхъ ея частяхъ.

1) О началѣ дѣйствія.

Есть ли какая-нибудь вѣроятность, чтобъ теперь, когда вліяніе надъ Швеціею только еще возникаетъ, теперь, когда мы вліяніе сіе можемъ еще разнымъ образомъ затруднять и разстроивать, питая въ Стокгольмѣ партіи тѣми же средствами, кои Франція употребляетъ ⁴⁾, чтобъ теперь, когда турецкія наши дѣла всегда могутъ быть окончены или брошены и силы наши обратятся въ Польшу, при заботливости дѣлъ испанскихъ, Наполеонъ открылъ дѣйствія его въ Польшѣ; сіе было бы противно двумъ главнымъ его правиламъ: 1) чтобъ не начинать ничего, не удостовѣрившись въ успѣхѣ; 2) не давать намъ никакого предлога къ соединенію съ Англіею. Открыть движеніе въ Польшѣ подъ какимъ бы то предлогомъ ни было есть ничто другое, какъ принудить насъ оставить настоящую систему.

Посему нѣтъ, кажется, ни малѣйшей вѣроятности, чтобъ движеніе открылось нынѣ.

Но вѣроятность сія еще болѣе уменьшится, когда кончимъ мы дѣла турецкія и кончимъ такъ, что и возбудить ихъ будетъ не возможно.

2) О планѣ дѣйствія.

Изъ двухъ плановъ на Польшу первый столько же удобенъ, сколько второй затруднителенъ. Первый ничего болѣе не предполагаетъ, какъ низверженіе Пруссіи, а второй—жестокую войну, къ коей Франція по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ не можетъ приступить, доколѣ не окончатъ совершенно испанскія свои дѣла.

Изъ сего слѣдуетъ:

⁴⁾ On ne peut nier que cela ne soit une entreprise difficile, même pour la France, de tirer la Suède d'une position pareille, de réunir la nation contre la Russie, d'étouffer dans les Diètes et dans le Sénat l'esprit de faction que les troubles civils ont fait naître et que le cabinet de Pétersbourg a toujours soigneusement entretenus. (Нельзя утаить, что это трудное предпріятіе даже для Франціи—вывести Швецію изъ подобнаго положенія, соединить народъ противъ Россіи, подавить на сеймахъ и въ Сенатѣ духъ партіи, народившейся черезъ внутреннія смуты и который Петербургскій кабинетъ старательно поддерживаетъ).

1) Что доколѣ шведскій престолъ совсѣмъ не утвердится, нельзя предполагать никакого движенія въ Польшѣ.

2) Что чѣмъ скорѣе кончимъ мы турецкія наши дѣла, тѣмъ болѣе удалимъ начало сихъ предпріятій, особливо когда не дадимъ сами повода къ подозрѣніямъ оязи съ Англією.

И такъ, мы имѣемъ время приготовиться въ Польшѣ; но времени сего терять не должно.

И прежде и теперь всѣ мѣры, къ сему относящіяся, дѣлятся на два рода: на предварительныя и рѣшительныя.

Мѣры предварительныя, прежде представленныя, состояли въ томъ, чтобъ въ Вильнѣ образовать совѣщательную комиссію, коея цѣлью должно быть: 1) привлечь довѣренность лучшихъ людей; 2) представить націи основаніе къ той надеждѣ, что вѣрностію можетъ она улучшить свое состояніе простѣе и надежнѣе, нежели возмущеніемъ.

Если составъ сей комиссіи кажется затруднителенъ, то по крайней мѣрѣ слѣдующія распоряженія нынѣ же принять должно:

1) Литовскимъ губерніямъ въ нуждахъ ихъ показать всевозможное снисхожденіе.

2) Какъ въ числѣ просьбъ ихъ есть предметы, коихъ по первому воззрѣнію рѣшить нельзя: то принявъ поводомъ самыя сіи просьбы, учредить въ Вильнѣ комитетъ для ихъ разсмотрѣнія и членовъ сего комитета привлечь къ довѣреннымъ сообщеніямъ.

3) Усилить полицію:

1) Опредѣленіемъ лучшихъ губернаторовъ.

2) Снабженіемъ ихъ лучшею инструкцією.

3) Установленіемъ здѣсь центрального сношенія между разными отдѣленіями тайной полиціи, какъ-то: губернаторовъ, дочтѣ-директора и разныхъ чиновниковъ, коихъ туда посылать и тамъ содержать должно.

Что принадлежитъ до мѣръ рѣшительныхъ, то онѣ не могутъ быть основаны какъ на двухъ сильныхъ страстяхъ: на надеждѣ все получить и на страхѣ все потерять. Съ очевидностію можно доказать, что сихъ страстей въ Польшѣ Франція не можетъ сильнѣе возбудить, какъ Россія.

Сообщилъ Н. Д.

Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій).

(Изъ воспоминаній Я. И. Костенецкаго).

Первая встрѣча Костенецкаго съ Бестужевымъ.—Семейство Шнитниковыхъ.—Самоубійство Юльги Нестерцовой.—Вторичное свиданіе съ Марлинскимъ.—О. Сенковский.—П. Каменскій.—Графъ Паскевичъ и его отношеніе къ декабристамъ.—Творчество Вестужева.—Отношенія его къ женщинамъ и къ жителямъ Дербента.—Письма Вестужева.

Въ разное время, во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, помѣщались статьи объ этомъ замѣчательномъ нашемъ писателѣ, которыя набросали много характеристическихъ чертъ для будущей его біографіи; но все же, я полагаю, не лишнимъ будетъ сдѣлать извѣстными для публики и еще нѣкоторыя подробности изъ жизни этой благородной личности. Во время моей кавказской службы, я имѣлъ съ Бестужевымъ нѣсколько свиданій, пользовался его ко мнѣ расположеніемъ, и въ «Мои хъ воспоминаніяхъ» есть нѣсколько страницъ, въ которыхъ я описалъ мое съ нимъ знакомство. Изъ этихъ-то «Воспоминаній» я дѣлаю теперь выписки для помѣщенія въ «Русской Старинѣ».

По пріѣздѣ моемъ въ Дербентъ ¹⁾, пошелъ я отыскивать квартиру Александра Александровича Бестужева, служившаго рядовымъ въ Дербентскомъ линейномъ баталіонѣ, чтобы передать ему письмо, книги и пашку, данныя мнѣ въ Тифлисѣ, для доставленія къ нему меньшимъ

¹⁾ Въ іюнь мѣсяцѣ 1833 года. Я. К.

его братомъ Павломъ Бестужевымъ ¹⁾, а въ особенности, чтобы познакомиться съ этимъ знаменитымъ нашимъ писателемъ тогдашняго времени, сочиненія котораго приводили меня, да и всю читающую тогдашнюю публику въ такой поэтической восторгъ. Бестужевъ квартировалъ въ одномъ изъ порядочныхъ татарскихъ домовъ въ городѣ, не далеко отъ крѣпости. Войдя на дворъ, я спросилъ у встрѣтившагося мнѣ какого-то русскаго человѣка, дома ли Бестужевъ? Я получилъ въ отвѣтъ, что онъ дома и теперь отдыхаетъ—послѣ обѣда—но скоро встанетъ, и просилъ меня обождать на галлерей, довольно большой и открытой, въ которую выходила дверь изъ комнаты квартиры. На галлерей стояло два стула. Сѣвъ на одинъ изъ нихъ, я началъ думать о предстоящемъ мнѣ свиданіи съ такимъ знаменитымъ писателемъ и очень смущался тѣмъ, что и какъ буду я говорить съ нимъ. До сихъ поръ я еще не былъ знакомъ ни съ однимъ литераторомъ, и вотъ мнѣ предстояло теперь знакомство съ однимъ изъ первыхъ писателей и человѣкомъ, славнымъ какъ своими сочиненіями, такъ и своимъ несчастіемъ!...

Не болѣе какъ черезъ полчаса вышелъ ко мнѣ Бестужевъ, въ персидскомъ халатѣ и шелковой на головѣ шапочкѣ. Это былъ мужчина довольно высокаго роста и плотнаго тѣлосложенія, брюнетъ, съ небольшими сверкающими карими глазами и съ самымъ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица. Здѣсь замѣчу, что всѣ гравированные его портреты, какіе мнѣ случалось видѣть, нисколько на него не похожи: они изображаютъ его какимъ-то суровымъ человѣкомъ, тогда какъ лицо у него было самое доброе и симпатичное. Я отрекомендовался ему, отдалъ письмо отъ его брата, книги и пашку, за что онъ пріятливо поблагодарилъ меня, и потомъ вступилъ со мною въ самую дружескую бесѣду. И въ голосѣ его, и въ выраженіи лица, и въ тонѣ разговора, было какое-то чарующее обаяніе! На меня повѣяло какимъ-то самымъ теплымъ, задушевнымъ чувствомъ; робость моя вдругъ исчезла, и я началъ говорить съ нимъ, какъ-бы съ самымъ искреннимъ моимъ другомъ, и чистосердечно и откровенно рассказалъ ему подробно исторію моего несчастія. Онъ искренно сожалѣлъ и о моей погибшей теперь

¹⁾ Павелъ Александровичъ, во время декабрьскихъ событій, измѣнившихъ счастливое теченіе жизни четырехъ его братьевъ: Николая, Александра, Петра и Михаила, былъ еще въ Артиллерійскомъ училищѣ и чрезъ нѣкоторое уже время посланъ былъ офицеромъ на службу на Кавказъ, по подвѣдѣнью, какъ говорили, въ сочиненіи какихъ-то стиховъ. Тамъ онъ участвовалъ во вятинѣ Ахалдиха, изобрѣлъ особаго рода прицѣлъ, за что награжденъ орденомъ св. Анны, и, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ адъютантомъ въ штабѣ великаго князя Михаила Павловича. Выйдя въ отставку, женился на дочери помѣщика Владимірской губерніи, занимался хозяйствомъ въ деревнѣ жены, гдѣ и умеръ въ началѣ 40-хъ годовъ. Примѣчаніе И. Свѣзева.

молодости, и о моемъ горестномъ и не заслуженномъ положеніи, но утѣшалъ меня и ободрялъ къ перенесенію всѣхъ предстоящихъ трудностей и въ жизни, и въ службѣ ¹⁾), и сообщалъ мнѣ самыя утѣшительныя свѣдѣнія какъ о моемъ командирѣ полка ²⁾), такъ и о многихъ офицерахъ его, которыхъ онъ всѣхъ хорошо зналъ, бывавши вмѣстѣ съ ними въ экспедиціяхъ. Такъ проговорили мы съ нимъ до вечера.

— У меня здѣсь есть хорошіе знакомые,—сказалъ онъ мнѣ:— семейство здѣшняго коменданта Шнитникова ³⁾). Онъ и жена его—отличные и добрые люди. Не хотите ли, я васъ съ ними познакомлю? И когда я изъяснилъ ему на это мое удовольствіе, то онъ прибавилъ: Я у нихъ всегда обѣдаю и провожу вечеръ. Скоро пора мнѣ идти къ нимъ—пойдемте вмѣстѣ!

Сказавъ это, онъ ушелъ въ свою комнату и чрезъ нѣсколько минутъ возвратился. Взглянувъ на него, я былъ грустно пораженъ его костюмомъ. Вмѣсто халата, въ которомъ онъ былъ красивъ, я вдругъ увидѣлъ его въ солдатской шинели, которая, хотя и была изъ тонкаго сѣраго сукна, и особаго, довольно красиваго, самимъ же Бестужевымъ изобрѣтеннаго фасона, но все же оца живо напоминала тяжкое его положеніе и дѣлала наружность его вовсе уже не поэтичною.

Крѣпость находится выше города, и мы шли къ ней по довольно крутой и узкой каменистой улицѣ. Крѣпость очень не велика, и въ ней, кромѣ укрѣпленій и казармъ, былъ домъ для квартиры коменданта. Комендантъ, майоръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка Федоръ Александровичъ Шнитниковъ, принялъ меня очень привѣтливо. Это былъ человекъ лѣтъ сорока, средняго роста, блондинъ, съ большими выразительными глазами. Лицо его было всегда очень серьезное, даже строгое, а между тѣмъ онъ имѣлъ очень доброе сердце и замѣчательный умъ: онъ много читалъ и тѣмъ довольно образовалъ себя. Скоро вышла къ намъ жена его, Таисія Максимовна, еще молодая, красивая, очень милая и любезная женщина. У нихъ было пятеро дѣтей ⁴⁾). Вечеръ провели очень

¹⁾ Я былъ изъ Московскаго университета сосланъ рядовымъ въ Куринскій егерскій полкъ. Я. К.

²⁾ Полковникъ Францъ Карловичъ Ключи-фонъ-Клюгенау. Я. К.

³⁾ Умеръ въ 1836 году, отъ раны въ грудь при штурмѣ Койсубулинской деревни Ашильты. См. записки мои объ Аварской экспедиціи на Кавказѣ 1837 года. Стр. 75.—Я. К.

⁴⁾ Черезъ долгое время по смерти Федора Александровича, Таисія Максимовна вышла замужъ за архитектора тайн. сов. Свѣзева, такъ какъ всѣ четыре сына ея воспитывались, на казенный счетъ, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а дочь—въ Патріотическомъ институтѣ. Два старшіе брата участвовали съ отличіемъ въ венгерской кампаніи, а по окончаніи ея старшій Николай поступилъ въ Николаевскую академію, откуда, какъ офицеръ генеральнаго штаба, былъ командированъ въ осажденный Севастополь. За дѣя-

пріятно, и уже поздно возвращался я на свою квартиру. Эти Шитниковы были самые добрѣйшіе и гостепріимные люди! Они принимали у себя каждаго проѣзжаго какъ роднаго, и хлѣбосольство ихъ извѣстно было на всемъ Кавказѣ. Изъ напечатанныхъ писемъ Вестужева видно дружеское расположеніе къ нему Шитникова, въ которомъ, къ счастью своему, Вестужевъ нашелъ въ своемъ изгнаніи такого умнаго и преданнаго ему человѣка.

На другой день къ обѣду пошли мы съ Вестужевымъ опять къ Шитниковымъ, гдѣ за столомъ увидѣлъ я такой огромный арбузъ, что попросилъ позволенія его смѣрять, и когда разрѣзали его пополамъ, то онъ имѣлъ въ діаметрѣ, безъ преувеличенія, до трехъ четвертей аршина. Послѣ обѣда отправился я къ Вестужеву, и послѣ отдыха, передъ вечеромъ, пошли мы гулять за городъ, на южную его сторону, гдѣ на русскомъ кладбищѣ посѣтили еще свѣжую могилу, недавно передъ тѣмъ умершей дѣвушки, дорогой сердцу Вестужева. Во все время этой прогулки онъ былъ очень грустенъ. Я зналъ уже о трагической смерти этой дѣвушки, понималъ эту грусть, искренно ему сочувствовалъ, и мы молча возвратились домой пить чай.

Смерть этой близкой Вестужеву дѣвушки составила одно изъ горестныхъ и важныхъ событій въ его жизни. Она была дочь унтеръ-офицера Дербентскаго же линейнаго баталіона, и въ одно изъ своихъ посѣщеній застрѣлилась въ квартирѣ Вестужева. Но она жила еще три дня и на допросѣ рассказала подробно, какъ она сама себя нечаянно застрѣлила, играя съ пистолетомъ. По этому обстоятельству началось судебное слѣдствіе. Въ то время командиромъ Дербентскаго линейнаго баталіона былъ подполковникъ Васильевъ, человѣкъ простой, необразованный, грубый, чуть ли не изъ бурбоновъ, которому очень хотѣлось поставить Вестужева въ уровень съ солдатами и заставить его жить въ казармѣ, а такъ какъ начальникъ его, комендантъ Шитниковъ, не позволялъ ему такого обращенія съ Вестужевымъ, то Васильевъ очень его не любилъ. Офицеры баталіона, большая часть которыхъ была также вродѣ Васильева, и съ которыми поэтому Вестужевъ не могъ сблизиться, тоже не были расположены къ нему, а съ нѣкоторыми, изъ-за женщинъ, онъ былъ просто во враждебныхъ отношеніяхъ. Поэтому дѣло о смерти дѣвушки, которое, при другихъ обстоятельствахъ, могло

тельное участіе въ составленіи устава о воинской повинности, произведенъ въ генераль-майоры генеральнаго штаба. Второй Александръ—статскій совѣтникъ и четвертый, по рожденію, Михаилъ, — оба, по выходѣ изъ артиллеріи, служили въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а третій — Иванъ, въ чинѣ поручика, въ Севастополѣ, командовалъ ротой, раненъ на Малаховомъ курганѣ и умеръ, подобно отцу, геройскою смертію. Примѣчаніе И. Свѣзева.

быть окончено и безъ всякаго шума, приняло очень важное значеніе на всемъ Кавказѣ. Васильевъ, желая въ этомъ дѣлѣ обвинить Бестужева, поручилъ производство слѣдствія офицеру, не расположенному къ нему и готовому исполнить всякую волю своего командира. Бестужевъ, видя пристрастныя дѣйствія, жаловался коменданту; тотъ назначилъ другаго слѣдователя; между комендантомъ и баталіоннымъ командиромъ пошли пререканія, доходившія, разумѣется, до свѣдѣнія высшаго начальства, и дѣло это слѣдователи начали тянуть то въ ту, то въ другую сторону; однакожь оно не поступило на судебное разбирательство, потому что не было обнаружено никого другаго, кромѣ самой дѣвушки, виновнаго въ ея смерти. Но оно сдѣлалось извѣстнымъ государю, и Бестужевъ, который за отличіе въ экспедиціи 1832 года противъ Кази-Муллы, былъ представленъ къ именному знаку военнаго ордена св. Георгія, не получилъ его. Такое лишеніе заслуженной награды, сожалѣніе о потерѣ любимой дѣвушки и досада на враждебное расположеніе къ нему нѣкоторыхъ людей сильно и долго его огорчали. Былъ ли сколько-нибудь въ смерти дѣвушки виновенъ Бестужевъ или нѣтъ—я не знаю. Съ нимъ я совѣстился говорить о такомъ щекотливомъ для него предметѣ, а въ обществѣ говорили разное, но почти всѣ, сколько-нибудь порядочные и знавшіе это дѣло люди его оправдывали, и можно положительно сказать, что только одна мелочная и низкая злоба Васильева набросила на Бестужева въ этомъ дѣлѣ тѣнь подозрѣнія ¹⁾.

¹⁾ Разсказъ этотъ не вполне точенъ, и мы помѣщаемъ здѣсь выписку изъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Дербентской полиціи (№ 839 и 1.232).

Въ 8 часовъ вечера 23 февраля 1833 г., А. А. Бестужевъ сидѣлъ за чаемъ у шт.-кап. Жукова, который жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ, этажемъ выше. Въ это время въ его квартиру вошла дѣвица Ольга Нестерцова и, не заставши его дома, попросила денщика Жукова, Аксена Сысоева, который часто бывалъ въ комнатѣ Бестужева и прислуживалъ ему, чтобы онъ попросилъ Александра Александровича сойти на нѣсколько минутъ внизъ. Нестерцова приходила къ Бестужеву часто, знали объ этомъ всѣ, даже ея мать, которую она увѣрала, что ходитъ къ Бестужеву, потому что взялась шить ему бѣлье. Бестужевъ явился на зовъ и засталъ Нестерцову сидѣвшей на его кровати. Спустя четверть часа послѣ входа Бестужева, между нимъ и Нестерцовой завязался разговоръ, принявшій скоро оживленный характеръ. Собесѣдники много хохотали, Нестерцова, въ порывѣ веселости, соскакивала съ кровати, прыгала по комнатѣ и потомъ бросалась опять на кровать. Она „весело рѣзвилась“, по ея собственному выраженію; но вдругъ комната оглушилась выстрѣломъ, и Бестужевъ услышалъ отчаянные возгласы: „помогите! умираю!“

Выстрѣлъ произошелъ изъ пистолета, который постоянно лежалъ за подушкой; Бестужевъ всталъ его туда, чтобы быть постоянно готовымъ защищаться отъ разбойниковъ, число которыхъ въ то время въ Дербентѣ значительно увеличилось отъ бывшаго голода. Бестужевъ говорилъ, что, не страшась опасности въ бою, онъ содрогался при мысли, что можетъ быть испод-

Простившись съ Бестужевымъ и Шнитниковыми съ самымъ искреннимъ къ нимъ расположеніемъ, на третій день по прѣздѣ, выѣхалъ я изъ Дербента въ поле.

Знакомство мое съ Бестужевымъ, хотя и кратковременное, поселило во мнѣ самое искреннее расположеніе къ этому превосходному чловѣку. Мнѣ очень хотѣлось увидѣться съ нимъ еще когда-нибудь, а я уже давно ожидалъ случая, какъ бы мнѣ съѣздить въ Дербентъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ (1834 года), отправлялась туда изъ Темирханъ-Шуры команда, которая должна была отвезти въ Дербентскую крѣпость плѣнныхъ лезгинъ, и мнѣ захотѣлось попасть въ эту команду. Кромѣ того, туда же отправлялся нашъ переводчикъ мирза, съ которымъ я былъ друженъ, училъ его по-русски, а у него учился по-арабски и татарски,

тишка убить какимъ-нибудь презрѣннымъ воромъ. Пистолеть этотъ лежалъ обыкновенно между подушками и стѣной, Бестужевъ обращался съ нимъ неосторожно: при малѣйшемъ шумѣ ночью онъ выводилъ курокъ и нерѣдко въ такомъ положеніи клалъ его на мѣсто. Весьма вѣроятно, что въ такомъ положеніи пистолеть былъ и въ то время, когда Нестерцова рѣзвилась. Она могла такъ налечь на подушку, что курокъ опустился и произошелъ выстрѣлъ. Нестерцова ранила себя въ правое плечо,—въ то мѣсто, гдѣ плечевая кость соединяется съ лопаткой. Въ испугѣ Бестужевъ схватилъ свѣчу, но уронилъ ее,—она погасла; онъ побѣжалъ къ хозяину за огнемъ. Когда онъ воротился и приблизился къ Нестерцовой, то она лежала уже безъ чувствъ. Наскоро осмотрѣвъ ее и увидѣвши въ чемъ дѣло, Бестужевъ побѣжалъ позвать свидѣтелей и попросилъ дать знать о случившемся коменданту крѣпости майору Шнитникову. По зову Бестужева въ его комнату очень скоро явились штаб-капитаны Кирсановъ и Жуковъ, доктора Рождественскій и Тимошеевъ, священникъ Демьяновичъ и другіе.

Нестерцова успѣла уже очнуться и рассказывала, что всему причиной она одна, что выстрѣлъ произошелъ единственно оттого, что она „рѣзвилась“, прыгала и бросалась на подушки, совсѣмъ не подозревая, что за ними лежалъ пистолеть. Затѣмъ она рассказывала, что Бестужевъ стоялъ отъ нея поодаль, около печки и при выстрѣлѣ бросился было къ ней, но уронилъ свѣчу и убѣжалъ изъ комнаты. Что произошло затѣмъ, она не помнила. Все это Нестерцова рассказывала нѣсколько разъ и всѣмъ совершенно одинаково, даже въ бреду, до самой смерти, которая послѣдовала на третій день, она твердила, „что она сама всему виновата и чтобы не обвинали въ ея смерти Бестужева“.

Между тѣмъ комендантъ Дербентской крѣпости нарядилъ слѣдствіе, и на мѣсто происшествія явились секретарь городского суда Терновъ, депутатъ отъ военной стороны поручикъ Коробаковъ и уѣздный докторъ Поповъ.

Были допрошены: Нестерцова, Бестужевъ, Сысоевъ, офицеры, которые вошли въ комнату Бестужева, спустя $\frac{1}{4}$ часа послѣ происшествія, и мать Нестерцовой. Показанія всѣхъ этихъ лицъ и вообще все слѣдствіе не выяснили главной сути дѣла. Слѣдователи ограничились только тѣмъ, что представилось ихъ главамъ: докторъ осмотрѣлъ больную и нащелъ ее въ очень плохомъ состояніи, она была такъ раздражительна, что не было воз-

и который предлагалъ мнѣ для этой поѣздки свою верховую лошадь. Когда я пришелъ къ полковому командиру Клюки-фонъ-Клюгенау—просить позволенія отправиться въ Дербентъ для свиданія съ Бестужевымъ, то онъ отпустилъ меня охотно и при этомъ просилъ передать Бестужеву отъ него поклонъ и желаніе когда-либо съ нимъ увидѣться. И вотъ 3-го февраля выѣхалъ я съ мирзой и съ командой въ Дербентъ. Прежде всего я отправился въ квартиру Бестужева. Онъ очень обрадовался моему пріѣзду и просилъ меня остановиться у него на квартирѣ. Съ нимъ вмѣстѣ въ то время жилъ гваркаръ Дербентскаго же батальона Борисъ Нероновичъ Поповъ, еще молодой человекъ, очень скромный и даже застѣнчивый. Съ этимъ Поповымъ я помѣстился въ первой, довольно большой комнатѣ, а за нею во второй, нѣ-

возмоности обстоятельно осмотрѣть рану; найдено было, что подушки, по которымъ проскользнула пуля, нѣсколько обожжены порошкомъ. Разспросы продолжались не долго:—Нестерцова показала, что она сама причиною всему несчастью, что Бестужевъ совсѣмъ не причастенъ этому дѣлу.

Показанія всѣхъ другихъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и матери Нестерцовой, совершенно подходили къ тому, что показали Нестерцова и Бестужевъ. Такимъ образомъ слѣдствіе было кончено, и Терновъ 24-го февраля уже донесъ маіору Шнитникову все въ подробностяхъ. Дѣло этимъ могло быть и покончено, но о происшествіи узналъ также и батальонный командиръ Бестужева, подполковникъ Васильевъ. Васильевъ не любилъ Бестужева и дѣлалъ ему всевозможныя притѣсненія, а главное былъ недоволенъ тѣмъ, что комендантъ произвелъ слѣдствіе по дѣлу его солдата прежде него. Васильевъ былъ человекъ весьма дурной нравственности и находился вполнѣ подъ вліяніемъ своей жены, первой сплетницы въ городѣ. Васильевъ вздумалъ произвести слѣдствіе во второй разъ и поручилъ его произвести подпоручику Рославцеву. Послѣдній, находясь въ контрактѣ съ Терновымъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы обвинить Бестужева.

Рославцевъ сталъ распространять повсюду слухъ, что Бестужевъ убилъ Нестерцову, но произведенное имъ же слѣдствіе не подтвердило этого, и комендантъ Шнитниковъ, не находя Бестужева виновнымъ, предписалъ предать дѣло это волѣ Божіей; подполковникъ Васильевъ получилъ строгое замѣчаніе отъ главнокомандующаго, а подпоручикъ Рославцевъ—строгий выговоръ за пристрастное веденіе дѣла.

26-го февраля Нестерцова скончалась; сохранился автографъ Дюма, написанный по случаю ея смерти, на ея могилу—вотъ онъ:

Elle atteignait vingt ans—elle aimait--était belle.

Un soir elle tomba, rose brisée aux vents—

Oh terre de la mort, ne pèse pas sur elle,

Elle a si peu pesé sur celle des vivants.

(Она достигала двадцати лѣтъ—она любила—была прекрасна.

Однажды вечеромъ упала роза, надломленная вѣтромъ,—

О! земля смерти, не тяготѣй надъ нею,

Она такъ мало тяготѣла надъ землею живыхъ).

Ред.

сколько меньшей, помѣщался самъ хозяинъ. Того же дня пошли мы всѣ къ коменданту Шнитникову, который также былъ очень радъ моему прїѣзду—и вотъ въ этомъ-то небольшомъ кружкѣ людей добрыхъ, умныхъ и ко мнѣ расположенныхъ, въ обществѣ человѣка, корифея тогдашней нашей беллетристики, котораго я, сколько почиталъ какъ писателя, столько же и любилъ какъ человѣка, провелъ я болѣе двухъ недѣль, незабвенныхъ для меня во всю жизнь мою.

Трудно теперь припомнить все, о чемъ мы съ нимъ тогда говорили, да и въ дневникѣ моемъ, къ сожалѣнію, мало записано, но бесѣды наши были самыя интересныя, и Бестужевъ всегда умѣлъ оживлять ихъ или острымъ и веселымъ словомъ, или занимательнымъ рассказомъ.

Въ это время только-что начала издаваться Сенковскимъ знаменитая «Библиотека для чтенія». Сенковскій, въ числѣ литераторовъ, приглашенныхъ участвовать въ этомъ журналѣ, помѣстилъ и Марлинскаго, не спрося предварительно его не то согласія.

— Такая наглость Сенковского,—говорилъ Бестужевъ,—мнѣ очень не понравилась, и когда онъ потомъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, просилъ присылать статьи мои для помѣщенія въ журналъ, то, чтобы наказать его, я согласился на это не иначе, какъ съ платою за каждый печатный листъ по тысячѣ рублей ассигнаціями, и Сенковскій принялъ это условіе.

Такъ дорого цѣнились тогда сочиненія Марлинскаго ¹⁾.

Однажды Бестужевъ, лежа противъ меня на кровати и читая «Библиотеку для чтенія», вдругъ спросилъ не знаю ли я, кто это такой П. Каменскій, котораго статью онъ только-что прочиталъ въ журналѣ и которая ему очень понравилась. А какъ Павелъ Каменскій былъ моимъ товарищемъ по университету и тогда находился тоже на Кавказѣ, то я и рассказалъ ему все, что зналъ объ этомъ довольно талантливомъ писателѣ своего времени.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ я какъ-то Бестужева,—по какому случаю вы именуется Марлинскимъ? Есть ли это только вапъ псевдонимъ, или же настоящая ваша теперешняя фамилія? Вѣдь говорятъ, что когда васъ перевели изъ Сибири на Кавказъ, то будто перевели Марлинскаго, а Бестужева какъ бы тамъ оставили?

Такъ дѣйствительно говорили тогда въ обществѣ. Бестужевъ сильно расхохотался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—къ счастью, эта выдумка какъ-то не пришла никому на мысль, и я вездѣ по спискамъ именуюсь Бестужевымъ;

¹⁾ И Смирдинъ за рассказъ Бестужева Поѣздка въ Ревель заплатилъ ему не менѣе 500 р. Я. Б.

Марлинскій же есть псевдонимъ, который я далъ себѣ въ память небольшого Марлинскаго дворца и пруда въ Петергофѣ ¹⁾.

Разъ какъ-то сидѣли мы долго за ужиномъ у Шнитниковыхъ и пріятно бесѣдовали. Рядомъ съ Таисіей Максимовной сидѣлъ лѣкарь Поповъ. Она нечаянно уронила на полъ свой носовой платокъ, который, разумѣется, слѣдовало поднять Попову. Онъ и самъ сознавалъ эту необходимость, но, по конфузливости своей, никакъ не рѣшался этого сдѣлать, и все поглядывалъ на платокъ, и все собирался поднять его, но медлил до того, что всѣ мы замѣтили его намѣреніе, и ожидали, какъ-то онъ сдѣлаетъ эту услугу, а Таисія Максимовна едва удерживалась отъ смѣха. Наконецъ Поповъ рѣшается поднять платокъ, быстро наклоняется... и хватъ лбомъ объ столъ! Тутъ уже мы не выдержали и залились смѣхомъ, а бѣдный Поповъ, очень сконфуженный и раскраснѣвшійся, подалъ молча платокъ хозяйкѣ. Послѣ ужина ушли мы на квартиру, и Поповъ, все время не сказавшій ни слова, по приходѣ домой, тотчасъ раздѣлся и легъ на кровать. Но роковой платокъ и тутъ преслѣдовалъ его. Ему понадобился носовой платокъ, и какъ его онъ не находилъ возлѣ себя, то въ разсѣянности закричалъ: «Денщикъ! подай мнѣ носъ!» Мы опять покатались со смѣху, а Вестужевъ сказалъ: Да развѣ вы, Б. Н., потеряли носъ? Вѣдь, кажется, отъ коменданта вы ушли съ носомъ?

Этотъ лѣкарь Поповъ, человѣкъ по наружности маленькій и слабенькій, былъ замѣчательнъ необыкновенною силою зубовъ. Однажды по утру входитъ къ намъ солдатъ, которому хотѣлось вычистить солдатское ружье Вестужева, показываетъ ружье, въ которомъ сильно былъ загнанъ желѣзный шомполъ съ пыжемъ, и говоритъ, что этого шомпола онъ никакъ не можетъ вытащить изъ ружья. Шомполь выходилъ изъ ружья четверти на двѣ. Вестужевъ былъ человѣкъ сильный, онъ схватилъ обѣими руками шомполь, здоровый солдатъ крѣпко держалъ ружье за прикладъ, но сколько они ни употребляли силъ, шомполь не подавался. Тогда Поповъ сказалъ: «А дайте-ка мнѣ, я попробую!» Съ этими словами онъ взялъ ружье, стиснулъ ложу межъ колѣнъ, взялъ желѣзный шомполь въ зубы и вытащилъ его изъ ружья... Мы остолбенѣли отъ изумленія, а Поповъ только сплюнулъ, и зубы его не пострадали нисколько. Такой силы зубовъ я болѣе не встрѣчалъ ни у кого...

¹⁾ Вестужевъ началъ свое литературное поприще въими критическими статьями, помѣщавшимися въ „Сынъ Отечества“, подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Не помню, въ какой-то статьѣ онъ назвалъ Вѣлинскаго недоучившимся студентомъ, за то этотъ недоучившійся студентъ мстилъ Вестужеву своими нападками на его литературную дѣятельность и много замедлил расходъ напечатаннаго по смерти Вестужева, четвертаго изданія „Полнаго собранія его сочиненій“. Примѣч. И. Свѣзева.

Когда я прибылъ на Кавказъ, меня необыкновенно удивило то очень невыгодное мнѣніе о князѣ Паскевичѣ, какое имѣли о немъ всѣ знавшіе его офицеры, которое было совершенно противоположно тому, какое составилось въ Россіи объ этомъ полководцѣ, по газетнымъ извѣстіямъ объ его подвигахъ. Паскевича считали виновникомъ удаленія съ Кавказа Ермолова; поэтому всѣ тѣ, которые любили этого незабвеннаго военачальника — а любили его всѣ подчиненные — уже не были расположены къ Паскевичу, да и Паскевичъ началъ свое командованіе корпусомъ съ того, что сталъ гнать приверженцевъ Ермолова и приближать къ себѣ людей не всегда достойныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Паскевичъ не расположилъ къ себѣ всѣхъ, бывшихъ сосланными на Кавказъ, декабристовъ, на которыхъ онъ взглянулъ не сострадательнымъ, а начальническимъ окомъ. Почти всѣ декабристы, большая часть которыхъ находилась въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку, пользовались снисхожденіемъ своихъ начальниковъ, обращавшихся съ ними, какъ съ людьми благородными и образованными. Паскевичу это очень не понравилось. Онъ донесъ объ этомъ государю, слѣдствіемъ чего были даны предписанія командирамъ полковъ строго смотрѣть за декабристами, употреблять ихъ на дѣйствительную службу, не позволять имъ имѣть никакихъ сношеній съ офицерами, и проч., а полковой командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка, извѣстный полковникъ Безобразовъ, за допущеніе декабристамъ проживать внѣ полка, былъ даже на три дня арестованъ. Такая строгость, разумѣется, отразилась частію и на Бестужевѣ, и это-то обстоятельство и не расположило его къ Паскевичу. Онъ всегда отзывался о немъ очень невыгодно и часто говорилъ:

— Можетъ быть, мнѣ удастся пошатнуть пьедесталъ, на который поставилъ его случай!

Бестужевъ не любилъ говорить о своихъ сочиненіяхъ, да и вообще разговоры его были большею частію шуточные и веселые, рѣдко серьезные. При мнѣ онъ ничего не писалъ, но часто, когда его посѣщала какая-либо мысль, которую боялся забыть впослѣдствіи, онъ садился къ письменному столу и записывалъ ее. Слышавъ отъ многихъ, что онъ пишетъ новый романъ, подъ названіемъ «Вадимъ», я спросилъ его объ этомъ. Онъ сказалъ, что дѣйствительно думаетъ о новомъ романѣ, но что онъ только въ проектѣ и еще почти ничего не написано ¹⁾. —

¹⁾ Бестужевъ, въ счастливыя еще времена петербургской жизни, бывая у родныхъ, часто выходилъ изъ-за стола, когда, при разговорѣ, приходила ему удачная мысль или остроумное выраженіе, и записывалъ ихъ на первомъ попавшемся подъ руку кусочкѣ бумаги. На такихъ отдѣльныхъ листочкахъ, присланныхъ сестрѣ Бестужева, Еленѣ Александровнѣ, вмѣстѣ съ вещами, оставшимися послѣ покойнаго, написано было начало повѣсти Вадимъ. По просьбѣ ея И. М. Свйазевъ подобралъ эти листочки и составилъ нѣчто цѣлое. Подъ

Однажды, поздно вечеромъ, пошли мы съ нимъ въ крѣпость, на ужинъ къ Шнитниковымъ. Ворота крѣпости были уже заперты, и надобно было подождать довольно долгое время, пока принесли ключи. Ночь была теплая и чудная, мѣсяцъ ярво освѣщалъ окрестность. Пониже крѣпости лежалъ въ ночномъ безмолвіи, протянувшись къ морю, городъ, и возлѣ него, на необозримое пространство, разстилалось море, мѣрно и вѣчно рокочущее своими гнѣвающимися волнами. Такая ночь и такой видъ воодушевили Бестужева, и я въ первый еще разъ слышалъ его серьезную и пламенную рѣчь. Онъ рассказывалъ мнѣ содержаніе своего романа, излагалъ нѣкоторыя его сцены и вообще былъ въ самомъ восторженномъ настроеніи... а я и восхищался чудно рисуемыми сценами романа, и плѣнялся вдохновеніемъ поэта, съ пылающимъ взоромъ, обращеннымъ къ морю, мысленно унесшимся въ поэтическія страны фантазіи и вымысла!... Теперь я забылъ совершенно и содержаніе романа, и его подробности, но очень помню видъ вдохновеннаго поэта, на минуту увлекшагося своими поэтическими мечтами...

Разъ какъ-то купались мы съ Бестужевымъ въ морѣ. Я мылся у берега, а онъ, какъ хорошій пловецъ, пустился вдаль и мощными руками разсѣкалъ гнѣвныя волны. Я былъ тогда еще очень юнъ, воображеніе мое легко воспламенялось... и вотъ я залюбовался зрѣлищемъ игры поэта съ морскою волною! Поэтъ, какъ бы съ любовію, то сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ, то волна, какъ бы рѣзаясь съ нимъ, лѣтѣла его своими нѣжными и изумрудными струями...

Бестужевъ былъ въ это время, какъ я уже сказалъ, человекъ съ крѣпкимъ и здоровымъ организмомъ, съ страстнымъ сердцемъ, и потому могъ ли онъ оставаться равнодушнымъ къ женщинамъ? И какъ такой красивый ¹⁾ и очаровательный мужчина нравился почти каждой женщинѣ, то въ предметахъ своей страсти онъ никогда не имѣлъ недостатка. Однажды на мой вопросъ, какое сходство между Бестужевымъ и кружевомъ, онъ отвѣчалъ: «и то и другое нравится женщинамъ». И дѣйствительно, много было женщинъ, увлекшихся то его мужественностію, то его обаятельнымъ умомъ, то его славомъ, наконецъ его отвагою и рѣшительною предпримчивостію, и я увѣренъ, что на другой сценѣ дѣйствія, при другой обстановкѣ, Бестужевъ сдѣлался бы настоящимъ Донъ-Жуаномъ. Да и на Кавказѣ не мало было у него обожательницъ; даже строгія азіатки, жены ревнивыхъ и кровожадныхъ мужей, знавшія, что за каждую ихъ невѣрность имъ угрожаетъ неизбѣжная смерть, и тѣ соблазнялись этимъ

вышесказаннымъ названіемъ начало этой повѣсти было помѣщено въ первомъ № Отечественныхъ Записокъ, когда право на изданіе этого журнала приобрѣлъ А. А. Краевскій отъ П. П. Свинына. Примѣч. И. Свіязева.

¹⁾ Не такъ чтобы очень. Онъ самъ называлъ носъ свой башмакомъ! Примѣч. И. Свіязева.

милымъ Искендеръ-бекомъ, какъ обыкновенно Бестужева называли всѣ азіаты. Не разъ случалось ему, съ кинжаломъ въ рукѣ, ночью, тайкомъ пробираться по дербентской стѣнѣ и плоскимъ крышамъ домовъ, къ какой-нибудь съ нетерпѣніемъ ждущей его, юной персіянкѣ...

Разумѣется, все это были мимолетныя увлеченія. Наконецъ явилась женщина, которая много соотвѣтствовала и его страстному темпераменту, и его уму, и которую онъ полюбилъ всею душою. Это была Александра Ивановна Н., жена одного поручика. Мужъ ея былъ какой-то мизерный, маленькій человѣчекъ, грубый, необразованный, вѣчно пьяный и вѣчно играющій въ карты, слѣдовательно, часто оставляющій свою жену совершенно одинокою и скучающей. Александра Иванова была молодая женщина, не болѣе двадцати двухъ, трехъ лѣтъ, очень красивая собою, съ черными глазами, такими же роскошными волосами, средняго роста, бѣла и румяна, какъ русская красавица. Къ тому же, очень развитая, по-тогдашнему, женщина и самаго милаго и пріятнаго характера. И вотъ эта-то счастливица была предметомъ самой нѣжной и пылкой страсти нашего романиста-несчастливца, которому судьба не дозволила наслаждаться законнымъ семейнымъ счастіемъ, и эта-то женщина предалась ему вполнѣ и безраздѣльно. Ни страхъ супружеской казни за измѣну, ни страхъ препятствій и опасностей, ничто не могло удержать ее отъ свиданій съ своимъ возлюбленнымъ, и когда мужъ заиграется гдѣ-нибудь долго въ карты ночью, она переодѣнется бывало въ его костюмъ, и среди непроницаемой тьмы, по кривымъ и узкимъ улицамъ, какъ кошка, пробирается въ знакомую ей квартиру...

Эти ночныя похождения молодой и прекрасной женщины, разумѣется, не всегда могли быть безопасны, но для свиданій, несмотря на отчаянную смѣлость Бестужева, не представлялось въ Дербентѣ никакого другаго болѣе безопаснаго убѣжища. Какъ хорошенькая женщина, Александра Ивановна была обожаема всѣми молодыми офицерами баталіона; въ особенности, одинъ изъ нихъ прапорщикъ А*... грузинъ, былъ сильно ею очарованъ и сильно преслѣдовалъ ее изъясненіями въ своей страсти, но, разумѣется, безъ успѣха, что его сильно раздражало. Однажды этотъ офицеръ, бывши дежурнымъ по батальону, шелъ ночью съ фонаремъ и съ солдатами обходомъ по дербентскимъ улицамъ. Вдругъ, мимо его хотѣлъ пройти какой-то офицеръ, не говоря ему ни слова. — Кто идетъ? — закричалъ дежурный прислонившемуся къ стѣнѣ офицеру и, не получая отвѣта, подносить къ лицу его фонарь... и, къ изумленію своему, вмѣсто офицера, видитъ Александру Ивановну въ офицерскомъ платьѣ! А*, сильно огорченный холодностію къ нему этой женщины, увидѣвъ ее теперь въ своихъ рукахъ беззащитною и будучи къ тому подгулявши, присталъ къ ней съ своими нахальными требованіями, угрожая, въ противномъ случаѣ, отвести ее съ солдатами на гаупт-

вахту и, слѣдовательно, сдѣлать извѣстнымъ ея мужу и всѣмъ ночное ея куда-то путешествіе въ офицерскомъ платьѣ... Несчастливая жертва плакала, просила его и умоляла отпустить, но пьяный грузинъ былъ неумолимъ и никакъ не хотѣлъ упустить такого благопріятнаго случая. Въ отчаяніи бѣдная женщина употребляетъ въ дѣло послѣднюю свою защиту—женскую хитрость. Она дѣлаетъ видъ, какъ будто соглашается исполнить его просьбу. По знаку офицера, бывшіе при немъ солдаты, удаляются въ сторону, и когда страстный А* хотѣлъ уже притануть ее въ свои объятія, она дала ему такую полновѣсную оплеуху, отъ которой онъ полетѣлъ кубаремъ на землю, а она, какъ испуганная кошка, бросилась бѣжать въ противоположную отъ солдатъ сторону и такимъ образомъ успѣла спастись отъ нагага и пьянаго нахала. Разумѣется, Александра Ивановна рассказала объ этомъ происшествіи Бестужеву, который дотога былъ этимъ взбѣшенъ, что поклялся наказать негодяя по-кавказски. Когда А*, который на другой день и самъ уже раскаивался въ своемъ гнусномъ поступкѣ, узналъ объ этомъ грозномъ замыслѣ Бестужева, то онъ дотога струсилъ, что тотчасъ же уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и выхлопоталъ себѣ переводъ въ нашъ Куринскій полкъ, гдѣ онъ, познакомившись со мною, самъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ происшествіи.

Команда, съ которою я прибылъ въ Дербентъ, давно уже ушла обратно въ Темирханъ-Шуру, но мирза оставался въ Дербентѣ, и съ нимъ я предполагалъ возвратиться въ полкъ. Наканунъ назначеннаго мирзой дня нашего выѣзда изъ Дербента, ужинавши у Шнитниковыхъ, я объявилъ имъ, что завтра долженъ ѣхать и потому хотѣлъ проститься съ ними; но Шнитниковы, въ особенности Таисія Максимовна, начали меня упрашивать погостить еще у нихъ, и на возраженіе мое, что когда уѣдетъ мирза, мнѣ не съ кѣмъ будетъ возвратиться въ полкъ, Ѳедоръ Александровичъ сказалъ, что для этого онъ найдетъ мнѣ всегда спутниковъ, и какъ мнѣ не было никакой особенной надобности спѣшить въ полкъ, а между тѣмъ мнѣ было такъ отрадно проводить время въ кругу умныхъ, добрыхъ и расположенныхъ ко мнѣ людей, то я и согласился остаться въ Дербентѣ еще нѣсколько дней.

— Ну, хорошо,—сказалъ я, обращаясь къ Таисіи Максимовнѣ,—до сихъ поръ былъ я гостемъ Александра Александровича, а теперь буду уже вашимъ гостемъ.

— Очень вамъ за это благодарна,—возразила мнѣ эта милая женщина,—мы постараемся, чтобы вы у насъ не скучали и какъ можно пріятнѣе провели время, и по этому случаю у насъ завтра же будетъ данъ для васъ балъ.

На другой день вечеромъ собралось у Шнитниковыхъ почти все дербентское русское, разумѣется, военное общество. Оно состояло изъ

трехъ или четырехъ молодыхъ офицеровъ и столькихъ же молоденькихъ дамъ, въ числѣ которыхъ была и Александра Ивановна съ своимъ ничтожнымъ мужемъ, такъ что съ хозяевами, Бестужевымъ, Поповымъ и мною, набралось всего человекъ десять или двѣнадцать. Музыки не было, потому что ея не было и въ Дербентѣ, и ее замѣнилъ органъ, подъ который мы и отплясывали французскія кадрили, вальсы и мазурку. Все общество было весело и оживлено. Гостепріимные хозяева умѣли занять каждаго гостя и настроить его къ веселію, а въ особенности молодая хозяйка всѣхъ занимала и старалась каждаго угостить и развеселить. Бестужевъ былъ очень веселъ, прекрасно танцевалъ и, какъ всегда, смѣшилъ всѣхъ своими разсказами, остротами и каламбурами. Я тоже на этотъ разъ былъ, какъ говорится, въ ударѣ. Уже болѣе трехъ лѣтъ не доводилось мнѣ танцевать и быть въ подобномъ обществѣ; меня восхищало это давно невиданное явленіе, и шумъ танцевъ, и смѣхъ, и наряды дамъ, радушіе и привѣтливость хозяевъ, и, наконецъ, нѣчто необъяснимое, что дѣлаетъ иногда общество безъ всякой причины веселымъ, а иногда, при всѣхъ усиліяхъ веселиться—скучнымъ, все это повліяло на мое расположеніе духа. Я сбросилъ съ себя, навѣянную тяжкими обстоятельствами, почти всегдашнюю мою душевную мрачность, почувствовалъ себя какъ бы въ родномъ мнѣ кругѣ людей и, будучи какъ бы виновникомъ этого вечера, я, даже нисколько не усиливаясь, былъ натурально веселъ и поэтому, кажется, былъ пріятель и всему обществу. Со всѣми дамами я шутилъ, болталъ и въ особенности, найдя въ Александрѣ Ивановнѣ очень милую и умную женщину, я болѣе всего занимался ею. Послѣ всевозможныхъ танцевъ до усталости, послѣ всевозможнаго угощенія, послѣ вкуснаго ужина, наконецъ, далеко за полночь, поблагодаривъ радужныхъ хозяевъ, все общество разошлось по домамъ, и мы втроемъ, послѣ всѣхъ уже, тоже отправились на квартиру, гдѣ скоро и заснули крѣпкимъ сномъ довольства и усталости.

Еще дорогой я замѣтилъ молчаливость Бестужева ему не свойственную, но приписывалъ это усталости, такъ какъ я и Поповъ мало говорили. На другой день, я опять замѣтилъ въ немъ какое-то непріятное расположеніе духа, молчаливость и какъ бы недовольство мною. Это меня сильно удивило и даже нѣсколько смутило, и я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что это значить, Александръ Александровичъ, вы какъ будто мною недовольны?

— Да, это правда,—отвѣчалъ онъ.—Вы вчера уже слишкомъ ухаживали за Александрой Ивановной, а это, какъ вы знаете, не мотъже мнѣ нравиться.

Меня это очень удивило, потому что у меня даже и въ мысляхъ

не было никакого серьезнаго волокитства за этой, хотя и прелестной женщиной, но уже принадлежавшей другому, и тѣмъ болѣе человѣку, такъ мною любимому, а только я, какъ говорится, любезничалъ съ нею, что для ревниваго глаза любовника показалось можетъ быть и досаднымъ или подозрительнымъ. Я посѣщилъ искренно объ этомъ объясниться, и тотчасъ же было восстановлено между нами опять прежнее дружеское расположеніе.

Вестужевъ зналъ очень хорошо персидскій и татарскій языки, на которыхъ говорилъ совершенно свободно; поэтому онъ былъ знакомъ почти со всѣмъ народонаселеніемъ Дербента и по своей благотворительности никогда не отказывалъ въ помощи и словомъ и дѣломъ всякому нуждающемуся азіатцу. Съ болѣе образованными жителями онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, которые часто его посѣщали и всегда находили особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Разъ при мнѣ посѣтили его четверо или пять знатнѣйшихъ и ученыхъ персіянъ, которымъ онъ, усадивши на диваны и предложивши имъ трубки и сладости, началъ потомъ рассказывать какую-то очень занимательную восточную повѣсть, которую они слушали съ большимъ вниманіемъ и восторгомъ. Вообще всѣ жители Дербента очень его уважали и любили, и когда онъ, по производствѣ въ прапорщики, уѣзжалъ изъ Дербента къ новому своему мѣсту служенія, то почти все городское народонаселеніе провожало его и верхомъ и пѣшкомъ, верстъ за двадцать отъ города, до самой рѣки Самура, стрѣлая на пути изъ ружей, пуская ракеты, зажигая факелы; музыканты били въ бубны и играли на своихъ инструментахъ, другіе пѣли, плясали... и вообще вся толпа старалась всячески выразить свое расположеніе къ любимому своему Искендеръ-беку.

Прогостивъ нѣсколько дней у Вестужева и Шнитниковыхъ, наконецъ, я долженъ былъ проститься съ этими, дорогими для меня людьми. Фѣдоръ Александровичъ нарядилъ для меня конвой, и я, верхомъ на казачьей лошади, перемѣняя ее на каждомъ казачьемъ кордонѣ, прибылъ благополучно въ Темирханъ-Шуру 23-го февраля.

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видался съ Вестужевымъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ произведенъ въ прапорщики и уѣхалъ на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ въ 1837 году, во время высадки нашего отряда на кавказскій берегъ, занятый непріателемъ, находясь въ передовой цѣпи, былъ убитъ. Тѣло его не нашли между убитыми, а на одномъ изъ убитыхъ черкесовъ найдены были его пистолеты и кольцо, и поэтому сначала долго думали, что быть можетъ онъ взятъ въ плѣнъ.

Я помню это кольцо Вестужева: оно было древнее, серебряное, очень толстое и большое, на верху котораго очень искусно была спле-

тена изъ серебряной проволоки корзинка, въ которую, вѣроятно, былъ вдѣланъ какой-нибудь камень. Кольцо это было найдено на Куликовомъ полѣ, и онъ всегда носилъ на большомъ пальцѣ правой руки, по обычаю черкесовъ, которые всегда носятъ на этомъ пальцѣ желѣзное кольцо, служащее имъ пособіемъ при взводѣ ружейнаго или пистолетнаго курка.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого же года, по случаю бывшаго тогда въ Темирханъ-Шурѣ множества больныхъ, былъ командированъ въ нее изъ Дербента знакомый уже мнѣ лѣкарь Поповъ, котораго я пригласилъ помѣститься со мной въ моей землянкѣ. Разумѣется, главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ съ Поповымъ былъ Бестужевъ, тогда уже выѣхавшій изъ Дербента на восточный черноморскій берегъ. Коснувшись разговора объ Александрѣ Ивановичѣ, Поповъ сознался мнѣ, что онъ былъ всегда очень неравнодушенъ къ этой женщинѣ, а теперь просто съ ума по ней сходитъ.

— Ну, какъ мнѣ, Яковъ Ивановичъ, поступить въ этомъ случаѣ,— обратился онъ съ вопросомъ ко мнѣ?—Александръ Александровичъ пишетъ часто письма къ Александрѣ Ивановичѣ, которыя и пересылаетъ ко мнѣ для доставленія ей. Въ нихъ онъ высказываетъ ей всю свою любовь, грусть свою о разлукѣ съ нею и проситъ ее любить и не забывать его. Писемъ этихъ у меня нѣсколько, но я никакъ не могу рѣшиться передать ихъ ей. Съ одной стороны дружба моя къ Бестужеву заставляеть меня въ точности исполнить его порученіе, но съ другой... вѣдь я самъ люблю ее до безумія!.. Я желалъ бы, чтобы она забыла свою прежнюю любовь, и вдругъ, я же долженъ поддерживать въ ней это чувство, передавая ей письма ея возлюбленнаго! Это для меня ужасно, и я до сихъ поръ не знаю, на что рѣшиться...

При этомъ Поповъ прочиталъ мнѣ пять или шесть этихъ писемъ. Я былъ восхищенъ ихъ прелестью, гдѣ и сильная страсть и сильная грусть, надежды и отчаяніе пылаго сердца были выражены такъ увлекательно, такъ поэтично и такъ искренно!..

— Знаете ли, что я вамъ посоветую сдѣлать съ этими письмами,— сказалъ я, обращаясь къ Попову?

— А что?

— Отдайте ихъ мнѣ!..

Разумѣется, Поповъ принялъ это за шутку и не отдалъ мнѣ писемъ. Что онъ съ ними потомъ сдѣлалъ—не знаю. Отдалъ ли онъ ихъ по принадлежности, или оставилъ у себя, но во всякомъ случаѣ письма эти остались неизвѣстными, и очень жаль будетъ, если они никогда не появятся въ печати.

Бестужевъ былъ очень остороженъ въ своей перепискѣ, и, живя на Кавказѣ, онъ даже избѣгалъ всякаго политическаго разговора, поэтому

онъ не давалъ мнѣ слова вести со мною переписку, боясь, чтобы я, по своей откровенности, не могъ бы иногда подвергнуть или его, или себя неприятностямъ; да къ тому же, мы скоро удалились одинъ отъ другаго на огромное разстояніе: я къ Каспійскому, онъ къ Черному морю, и на такомъ разстояніи, въ то время, почти невозможна была переписка. Разъ только, когда Антоновичъ ¹⁾ былъ съ батальономъ въ Дербентъ и, познакомясь съ Вестужевымъ, гостилъ у него, онъ переслалъ мнѣ, не помню чрезъ кого, единственное ко мнѣ письмо Вестужева, которое я до сихъ поръ свято сохраняю, и котораго содержаніе слѣдующее:

«2-го апрѣля (1834 года). Сердце пополамъ рвется, покидая добрыхъ товарищей несчастія—и тѣмъ злѣе, что знаешь, въ какихъ они когтяхъ. Терпите, благородный, добрый мой другъ Яковъ Ивановичъ — что же дѣлать! Авось мы когда-нибудь всплывемъ на свѣжую воду—Богъ великъ царь милостивъ! Антоновичъ теперь у меня и проситъ извиненія, что не пишетъ вамъ ничего откровенно—не такіе нынѣ годы, чтобы душу открывать какъ табакерку. Ваше письмо изъ Кизляра надѣлало проказъ: вслѣдъ вамъ посланъ былъ адъютантъ Клейнмихеля Пушкинъ, который нашелъ, что вы были скромны и правы, но господа провожатые виновны въ упущеніи по службѣ, и эта нескромность ваша стоитъ будетъ многимъ и чиновъ, и мѣстъ. Вотъ что значить писать письма! Не вините же послѣ сего вашего пріятеля. Пишу къ вамъ это въ науку для переду, а не для того, чтобы вы горевали о неумышленной вигѣ своей. Вы молоды, жизнь передъ вами, а не за плечами, какъ у меня!! Я завтра выѣзжаю ²⁾. Скучно. Будьте скромны. Пишите только по вѣрному случаю; и то о своихъ нуждахъ, не болѣе. Мы должны беречь другъ друга и отказывать въ этомъ единственномъ, невинномъ улажденіи. Душу мою вы знаете, но кто будетъ судить душу кромѣ друзей? а вздорная строка навяжетъ кучу подозрѣній. Не имѣйте никакихъ при себѣ писемъ. Обнимаю васъ какъ брата, дай Богъ свидѣться скорѣе и въ счастливыхъ пеленкахъ. Вашъ Александръ Б.»

Въ этомъ письмѣ Вестужевъ намекаетъ на событіе, вслѣдствіе письма моего въ Москву, съ дороги на Кавказъ, къ товарищу моему Почекѣ, о снисхожденіяхъ, дѣлаемыхъ намъ, т. е. мнѣ и Антоновичу, на этапномъ пути нашемъ, нѣкоторыми воинскими начальниками; письмо это попало въ руки добрымъ людямъ, и хотя мы не имѣли никакой неприятности, но бывшіе снисходительными къ намъ воинскіе начальники пострадали, къ нашему сожалѣнію, и совершенно невинно.

¹⁾ Платонъ Александровичъ, впоследствии генералъ-лейтенантъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа. Я. Б.

²⁾ Изъ Дербента на восточный Черноморскій берегъ.

Я. К.

**Высочайше пожалованная графу Николаю Петровичу Шереметеву
медаль съ его изображеніемъ.**

Письмо министра юстиціи графу Дмитрію Николаевичу Шереметеву.

Іюля 7-го 1820 г. № 5605.

Г. министръ финансовъ отвеся ко мнѣ, что его императорское величество высочайшимъ именнымъ указомъ, въ 25-й день апрѣля 1803 г. даннымъ, повелѣтъ соизволилъ вручить въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената покойному родителю вашему, г. дѣйствительному тайному совѣтнику, оберъ-камергеру графу Николаю Петровичу Шереметеву, въ залогъ общей признательности къ изыщному дѣянію его въ пожертвованіи до 2.500.000 рублей на заведеніе въ Москвѣ Страннопріимнаго дома для призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ, золотую медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета его, а на другой — съ приличною надписью.

Вслѣдствіе чего, по высочайше апробованнымъ въ послѣдствіи времени рисункамъ и абдукамъ изготовлена нынѣ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ помянутая золотая медаль, которую оны, г. министръ финансовъ, имѣлъ счастье представлять государю императору и его величеству высочайше повелѣтъ соизволилъ препроводить оную къ вашему сіятельству, какъ къ наслѣднику учредителя дома для призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ.

Получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ г. министра финансовъ сію золотую медаль, я, во исполненіе означеннаго высочайшаго повелѣнія, имѣю честь препроводить при семъ оную къ вамъ, прося о полученіи ея меня увѣдомить.

Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

1825 годъ ¹⁾.

I.

Занятія по службѣ.—Поѣздка въ Житомиръ.—Отъѣздъ изъ Кременчуга въ Бобруйскъ.—Флота капитанъ Завадовскій.—Пріѣздъ въ Бобруйскъ.—Особый отрядъ войскъ въ Бобруйскѣ.—Дорога изъ Бобруйска въ Либаву.—Воспоминанія о войнѣ 1812 года.—Генералъ Жомини.—Пріѣздъ въ Курляндію.—Жалобы купечества.—Стѣсненіе торговли.—Плутовство таможенныхъ чиновниковъ.—Возвращеніе въ Бобруйскъ.—Смотръ великаго князя Николая Павловича.—Бобруйская крѣпость.—Генералъ Лисаневичъ.—Отъѣздъ въ Лубны.—Прибытіе въ Полтаву.—Отзывъ государя о Раевскомъ.—Анекдотъ о Лористонѣ.—Фальшивыя ассигнаціи.—Графъ Аракчеевъ.—Возвращеніе изъ Полтавы въ Кременчугъ.

Наступилъ 1825 годъ, но въ моемъ положеніи не произошло перемѣны. Занятія военнаго въ мирное время не представляютъ никакой пищи ни для ума, ни для воображенія. Январь и февраль мѣсяцы я провелъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по расположенію моей бригады, то-есть на пространствѣ между Кременчугомъ и Золотоношею, осматривая постройку мундировъ, ранцевъ, киверовъ и входя во всѣ подробности службы, которую я занимался съ возможнымъ усердіемъ и охотою. Въ сіе время я представлялъ бригаду новому дивизионному начальнику Ушакову, человѣку благородному, съ которымъ я вскорѣ подружился. Онъ совершенно былъ другихъ свойствъ, нежели Лисаневичъ; этотъ въ полномъ смыслѣ слова

¹⁾ См. „Русск. Старину“ октябрь 1900 г.

былъ дитя природы, возросшій въ военныхъ станахъ, устарѣлый въ войнахъ съ народами почти дикими, коихъ свободная и независимая жизнь была его идеаломъ, въ то время, какъ Ушаковъ учился у французскихъ гувернеровъ, служилъ въ гвардіи и провелъ вѣкъ на паркетѣ домовъ петербургскихъ вельможъ. Онъ даже и по-русски говорилъ неправильно, а объяснялся обыкновенно по-французски; это легко, потому что на семь языкъ на каждый предметъ есть готовые фразы, стоитъ только ихъ вытвердить, между тѣмъ, какъ должно имѣть хорошей запасъ мыслей, чтобы говорить пріятно на нашемъ отечественномъ языкѣ. Сколько Лисаневичъ бѣгалъ комнатной жизни, любилъ бродить по полямъ, по цѣлымъ днямъ не сходить съ необузданной лошади и углубляться въ уединеніе и мракъ лѣсовъ, столько же Ушаковъ боялся оставаться вдвоемъ со мною, ибо въ такихъ случаяхъ воображеніе его скоро истощалось, и карты сдѣлались нашимъ постояннымъ занятіемъ: мы проводили за вистомъ съ утра до вечера.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я ѣздилъ къ корпусному командиру въ Житомиръ, гдѣ слѣдующее происшествіе составляло предметъ общаго разговора. Одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Волынской губерніи, князь Сангушко, находившійся въ 1812 году въ службѣ Наполеона, принялъ грубо одного русскаго офицера, пріѣзжавшаго къ нему въ имѣніе за покупкою лошадей, и даже велѣлъ его выслать изъ своего помѣстья. Офицеръ принесъ на сіе жалобу цесаревичу Константину Павловичу, который отправилъ фельдъегеря въ деревню князя Сунгушки съ приказаніемъ его взять, отвезти въ губернской городъ Житомиръ и посадить въ полицію на недѣлю подъ стражу. Можно легко себѣ представить, сколь сіе взволновало честолюбивые польскіе умы.

Я тутъ услышалъ, что императрица Елисавета Алексѣевна была отчаянно больна, и что она намѣрена была проводить лѣто въ полу-денномъ краю Россіи, ибо за границу рѣшительно ѣхать не желала. Во время поѣздки моею въ Житомиръ, зима была весьма суровая, а потому я нигдѣ дорогою, даже и въ Кіевѣ, не останавливался.

По возвращеніи въ Кременчугъ, я получилъ предписаніе выступить съ бригадою Минской губерніи въ крѣпость Бобруйскъ, гдѣ для производства крѣпостныхъ работъ въ нынѣшнемъ году назначалася наша дивизія. Бригада моя отправилась въ походъ въ началѣ апрѣля мѣсяца, но я не могъ съ нею слѣдовать, потому что 25-го марта Богъ даровалъ мнѣ сына Евгенія. Крещеніе происходило 12-го апрѣля, воспріемниками были старшій братъ его Иванъ и супруга генерала Гельфрейха.

Я выѣхалъ 8-го мая изъ Кременчуга, оставя въ ономъ на нѣкоторое время мое семейство по причинѣ дурной погоды. Я не могу вспомнить безъ удовольствія о ласкахъ, оказанныхъ мнѣ въ семь городѣ въ про-

долженіе годичнаго моего тамъ пребыванія. Всѣ жители наперерывъ старались мнѣ угождать и сниоживать мою пріязнь. Передъ отъѣздомъ моимъ принесли мнѣ акrostихъ на мое имя, сочиненный какимъ-то неизвѣстнымъ кременчугскимъ поетомъ; изъ стиховъ его видно, что Аполлонъ не улыбнулся ему въ минуту его вдохновенія, не менѣе того, я съ признательностью принялъ сей шитическій трудъ, вотъ онъ:

„Давно умолкли звуки брани,
Орелъ двуглавый тихо спитъ;
Но ты докогда мечъ еще не въ длани
И вновь нейдешь враговъ разить,
Лучше здѣсь, средь насъ, среди покою,
Еще пробудь, твоихъ друзей
Въ кругу—оживленныхъ тобою:
Скажи зачѣмъ искать честей,
Бъ тебѣ мы преданы безъ лести,
И чтимъ тебя въ душѣ своей,
И насъ не оставляй для звука чести“.

Особенно я былъ друженъ съ флота капитаномъ Завадовскимъ, однимъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ морскихъ офицеровъ, который, между прочимъ, совершилъ путешествіе къ Южному полюсу съ капитаномъ Беллингагаузенемъ и доходилъ до полюса далѣе Кука. Къ сожалѣнію, путешествіе сіе не издано въ свѣтъ по непростительной причинѣ, будто бы издержки, которыя для того потребны, слишкомъ значительны. На память безцѣнной для меня дружбы г. Завадовскаго, челоувѣка столь же честнаго, сколь просвѣщеннаго, я вырѣзалъ на своемъ глубокѣйшую дорогу, по которой онъ странствовалъ.

Побѣдка моя до Бобруйска была неприятная, по причинѣ дождей и дурной погоды; я ѣхалъ на Лубны, Черниговъ и переправился чрезъ Днѣпръ въ Лоевъ; вскорѣ потомъ я увидѣлъ Березину, которая едва не содѣлалась безсмертнѣйшею рѣкою въ Европѣ. Наконецъ, въ шестой день я прибылъ въ Бобруйскъ, гдѣ назначено намъ было провести все лѣто и осенью возвратиться въ Кременчугъ. Бригада моя расположена была лагеремъ на самомъ берегу Березины. Здѣсь начались для меня безпрерывныя военныя занятія, то-есть разводы, ученія и смотры, а въ свободное время надобно было играть въ карты.

Я нашелъ въ Бобруйскѣ также особый отрядъ войскъ, состоявшій изъ двухъ піонерныхъ и одного сапернаго батальона и одной бригады 10-й пѣхотной дивизіи, подъ командой генерала Нагеля и подъ главнымъ начальствомъ великаго князя Николая Павловича. Мы замѣтили въ сихъ войскахъ многія отмѣны противъ нашихъ въ маршировкѣ, въ ружейныхъ приѣмахъ, въ заряданіи и въ одеждѣ. Сіи перемѣны заимствованы были отъ цесаревича изъ Варшавы: странно, что мы брали образцы съ польскихъ войскъ, которыя всегда русскими были побѣж-

даемы. Въ семь отрядѣ существовалъ великій педантизмъ въ отношеніи къ мелочной гарнизонной службѣ, напримѣръ: генералы и офицеры ходили безпрестанно въ шарфахъ, не снимая оныхъ даже въ театрѣ и на балахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они находились въ крѣпости. Ежели кто пріѣзжалъ къ нимъ въ гости и случался въ чинѣ старше козынна, то немедленно представляли ему ординарца и вѣстового, когда же приходило время бить зорю, то спрашивали о семъ позволенія у гостя, хотя бы онъ сидѣлъ за картами или въ дружеской бесѣдѣ. Обращая такимъ образомъ исключительное вниманіе на гарнизонную службу и на ученія, которыми безпрерывно въ семь отрядѣ занимались, не смотрѣли вовсе на сбереженіе здоровья солдатъ. Меня увѣряли, что въ продолженіе пяти лѣтъ, какъ находились здѣсь піонерные батальоны, перемѣнился въ нихъ комплектъ людей, то-есть, что изъ солдатъ, пришедшихъ сюда за пять лѣтъ, не оставалось въ мое время въ живыхъ ни одного. Даже колодники, осужденные къ крѣпостнымъ работамъ за государственныя и другія преступленія, въ числѣ коихъ я видѣлъ профессоръ и студентовъ Виленскаго университета, по воскресеньямъ учились маршировать. Обо всѣхъ происшествіяхъ, сколь бы они мелочны ни были, какъ, напримѣръ, о пріѣзжавшихъ въ Бобруйскъ и отъѣзжавшихъ изъ онаго, посылались великому князю Николаю Павловичу еженедѣльные рапорты, а что они читались его высочествомъ, тому я во время пребыванія моего въ Бобруйскѣ видѣлъ слѣдующее доказательство. Комендантъ написалъ въ рапортѣ своемъ въ статьѣ о проѣзжающихъ, что прибыли крестьяне князя Милорадовича; недѣли черезъ двѣ пришла бумага изъ Петербурга за подписаніемъ великаго князя, что комендантъ въ рапортѣ своемъ сдѣлалъ ошибку, что князя Милорадовича нѣтъ въ Россіи, а есть графъ, слѣдовательно, его высочество читалъ сей рапортъ.

Въ исходѣ мая мѣсяца мое семейство прибыло въ Бобруйскъ, а 18-го іюня я отправился оттуда въ Либаву, Курляндской губерніи, чтобы тамъ купать дѣтей въ морѣ, ибо въ 1822 году я уже испыталъ дѣлительность морскихъ ваннъ. Въ первый день я пріѣхалъ въ Минскъ, для меня незабвенный городъ по особенной благосклонности, оказанной мнѣ императоромъ Александромъ во время возвращенія нашего съ Ахенскаго конгресса. Изъ Минска мы слѣдовали на Вильну, Ковну и Тельшъ, по дорогѣ самой утомительной потому, что на пространствѣ восьмисотъ верстъ взору не представляется почти ничего кромѣ песковъ и дремучихъ лѣсовъ. Проѣзжая безлюдныя мѣста сіи, должно согласиться въ справедливости словъ гвардейскаго французскаго солдата, взятаго въ плѣнъ въ 1812 году, который, смотря на скучную и мертвую природу въ Литвѣ, сказалъ: *et ces gens là nomment cela patrie*. Нельзя мнѣ было часто не вспоминать дорогою отечественной войны, особенно

же между Минскомъ и Ковною. Можно ли напримѣръ русскому сердцу не забиться сильнѣе въ Молодечнѣ, гдѣ Наполеонъ издалъ свой двадцать девятый бюллетень, который безъ сомнѣнія дойдетъ до потомства? Берега Нѣмана произвели на меня также сильное впечатлѣніе; укрѣпленія, сдѣланныя неприятелемъ на лѣвомъ берегу сей рѣки, для прикрытія переправы своей неподалеку отъ Ковны, находились еще въ довольно хорошемъ положеніи. Въ самой Ковнѣ мнѣ показывали домъ, гдѣ жилъ Наполеонъ нѣсколько дней; когда всеокрушающее время уничтожитъ домъ сей, то мѣсто, на которомъ онъ нынѣ стоитъ, будетъ привлекать любопытныхъ и въ самомъ позднемъ потомствѣ. Я ходилъ на берега Нѣмана, гдѣ былъ понтонный мостъ, по которому неприятели переправлялись. Увѣряютъ, что на противоположащемъ берегу на горѣ стоялъ самъ Наполеонъ и обозрѣвалъ съ онаго несмѣтную армію свою, переходившую въ предѣлы Россіи; тогда конечно душою его овладѣла мысль о всемірной монархіи, отъ которой онъ въ то время былъ весьма близокъ.

Воспоминаніе о недавно минувшемъ величіи Наполеона тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на меня, что я во всю дорогу читалъ записки графа Ласказаса, составленныя имъ на островѣ Святой Елены, въ которыхъ заключаются самыя мудрыя разсужденія о войнѣ, о политикѣ и о свѣтѣ; особенно же онѣ имѣютъ то отличительное и единственное достоинство, что въ нихъ поднимаютъ, такъ-сказать, завѣсу, за которою отъ взора нашего скрыты были во многихъ отношеніяхъ монархи, поступки ихъ, домашняя ихъ жизнь, словомъ все мірское величіе. Въ семъ сочиненіи Наполеонъ бесѣдуетъ на ужасной скалѣ съ малымъ числомъ приближенныхъ своихъ, подобно тому, какъ бы онъ уже переселился въ царство мертвыхъ.

Въ Тельшѣ я встрѣтился съ бригаднымъ генераломъ графомъ Сухтеленемъ, который имѣлъ случай видѣть незадолго предъ тѣмъ славнаго военнаго писателя генерала Жюмни, возвращавшагося изъ Петербурга въ Парижъ. Жюмни сказывалъ ему, что во время настоящаго пребыванія его въ нашей столицѣ императоръ приказалъ ему составить замѣчанія о военныхъ границахъ Россіи. Жюмни нѣсколько мѣсяцевъ занимался семъ сочиненіемъ, и когда оно было готово, то государь пригласилъ его въ Царское Село, гдѣ съ шести часовъ утра его величество слушалъ чтеніе его во весь день до глубокаго вечера. Въ немъ изложены всѣ предположенія могущихъ произойти войнъ Россіи съ Европейскими державами, напримѣръ: съ Пруссіею въ союзѣ съ австрійцами или безъ содѣйствія сихъ послѣднихъ, или съ обоими сими государствами вмѣстѣ, и разсмотрѣно, какъ вести оборонительныя или наступательныя дѣйствія въ какомъ-либо изъ могущихъ встрѣтиться слу-

чаевъ. Государь, по выслушаніи сего весьма важнаго и любопытнаго сочиненія, оставилъ оное у себя въ кабинетѣ.

Пріятно было мнѣ увидѣть Курляндію, ибо губернію сію по просвѣщенію ея жителей, по плодородности земли, по выгодному ея положенію при морѣ, я почитаю богатою жемчужиною въ Россійской коронѣ; къ тому же признаки европейской образованности, какъ-то: исправныя дороги и трактиры, опрятность жителей, чистые и красивые ихъ домики, хорошо воздѣланныя поля встрѣчаются съ самаго вѣзда въ ея границы. Едва я прибылъ въ Либаву, какъ черезъ полчаса явились къ намъ нѣсколько жителей, сохранившихъ въ памяти дружбу, оказанную нами имъ въ 1822 году, но не протекло и десяти минутъ послѣ перваго нашего свиданія, какъ всѣ единодушно начали жаловаться на упадокъ торговли и повсемѣстную бѣдность, отъ того происшедшую, равно и на притѣсненія, дѣлаемыя правительствомъ. Сія жалобы я слышалъ непрерывно въ теченіе шестинедѣльнаго моего пребыванія въ Либавѣ. Какой-то ревизоръ былъ туда присланъ по подозрѣнію отъ министра финансовъ, что тамъ находится на большую сумму контрабандныхъ товаровъ. Сей чиновникъ, которому даже начальникомъ главнаго штаба было представлено право требовать отъ военнаго вѣдомства столько войскъ, сколько ему будетъ нужно для произведенія обысковъ, между прочимъ велѣлъ однажды баталіону окружить кладбище и разрывалъ гробницы, основываясь въ семъ безчеловѣчномъ поступкѣ на слухахъ, что будто тамъ сокрыты запрещенные товары; но поискъ сей, вооружившій противу себя жителей, остался безплоденъ. Ревизоръ между прочимъ подкупилъ нѣсколько жидовъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ бездѣльникъ, наказанный публично за плутовство свое, съ тѣмъ чтобы они подбрасывали въ погреба купцовъ запрещенные къ ввозу въ Россію иностранные товары, дабы подъ симъ предлогомъ имѣть возможность опечатать ихъ дома. Негодованіе купцовъ противъ такихъ безчестныхъ мѣръ превосходило всякое описаніе, и я слышалъ отъ нѣкоторыхъ почетнѣйшихъ изъ нихъ, что они намѣревались оставить Россію, дабы переселиться въ Пруссію, что многими уже въ Ригѣ сдѣлано было.

Я былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ забавныхъ случаевъ, ясно доказывающихъ, сколь мало правительство пеклось о благѣ купечества и торговлѣ вообще. Курляндія изобилуетъ, какъ извѣстно, хлѣбомъ, коимъ завалены всѣ ея житницы по причинѣ малаго требованія на оный изъ чужихъ краевъ. Весною одинъ норвежскій корабельщикъ привезъ въ Либаву грузъ сельдей, продалъ ихъ, купилъ хлѣбъ и съ онымъ возвратился въ Норвегію. Въ концѣ іюля мѣсяца онъ снова пріѣхалъ въ Либаву съ грузомъ подобнымъ первому и съ тѣмъ же намѣреніемъ, то есть вновь купить хлѣба. Кажется, что таковому корабельщику не токмо не надобно бы было поставлять преградъ въ его торгѣ, но слѣдовало

-бы наградить его премією; напротивъ того, едва онъ вошелъ въ гавань и объявилъ о своемъ намѣреніи записаться хлѣбомъ, какъ таможня запретила ему продавать сельди, имъ привезенныя, и обложила его пенею въ сорокъ рублей серебромъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что корабельщикъ, дважды въ одинъ годъ приходящій въ Россійской портъ съ товаромъ, долженъ записаться въ купеческую гильдію. Норвежець протестовалъ противу сего и, когда я выѣхалъ изъ Либавы, это дѣло было еще не рѣшено, потому что онъ ожидалъ отъ шведскаго посланника при нашемъ дворѣ отвѣта на жалобу, имъ принесенную.

Другой корабль при мнѣ же вошелъ въ Либаву, претерпѣвши въ теченіе трехъ сутокъ сильную бурю, отъ которой одежда и бѣлье на людяхъ промокли. По прибытіи ихъ, таможенные чиновники тотъ же часъ поспѣшили на корабль, опечатали оный, какъ слѣдовало, но въ то же время не позволили матросамъ вынуть изъ сундуковъ чистаго бѣлья.

Извѣстно, что корабельщики обязаны, по прибытіи своемъ въ гавань, подавать объявленіе о всѣхъ товарахъ, грузъ ихъ составляющихъ. У одного шкипера была съ собою жена съ дитятемъ, и когда таможенные чиновники повѣряли опись груза, имъ представленную, то его подвергли денежной пенѣ за то, что въ объявленіи его пропущена была колыбель, въ которой спалъ его младенець.

У приходящихъ корабельщиковъ отбирали даже напитки, сыръ, плоды и подобные припасы, привозимые ими для собственнаго употребленія. Такимъ образомъ взяли у одного изъ нихъ въ таможню нѣсколько дюжинъ бутылокъ рому и обязались возвратитъ ему оный, когда онъ будетъ выходить изъ гавани. Сіе было выполнено, но капитанъ, уже будучи въ открытомъ морѣ, откупорилъ бутылки и вмѣсто рома нашелъ въ оныхъ воду.

Подобныя поступки озлобили дотого иностранныхъ шкиперовъ, что я самъ отъ нихъ слышалъ, гуляя по гавани, что они обѣщались никогда болѣе не возвращаться въ Россійскіе порты. Симъ неустройствамъ должны быть причиною законы и особенно превратное толкованіе оныхъ тѣми людьми, которые должны производить ихъ въ дѣйствіе, то-есть таможенными чиновниками, число коихъ такъ велико и получаемое ими жалованье столь мало, что крайность вынуждаетъ ихъ прибѣгать къ злоупотребленіямъ, и вмѣсто того, чтобы ихъ уменьшать, правительство прибавляло ихъ во время моего пребыванія въ Либавѣ. Число ихъ простиралось до восьмидесяти, а количество приходившихъ ежегодно кораблей до двухъ сотъ, въ то время какъ въ Гамбургѣ, куда ежегодно приходитъ восемь тысячъ кораблей, число сихъ чиновниковъ не превышало тридцати. Служащіе въ таможняхъ всѣ воруютъ; у нихъ книга, куда они записываютъ сей неопозволительный доходъ и потомъ въ извѣстные сроки раздѣляютъ оный между собою, и ежели выходить какіе-

либо доносы, то это случается отъ тѣхъ, которые при семъ раздѣлѣ почитаютъ себя обиженными. Это было тогда и въ Либавѣ, гдѣ одинъ изъ объѣздчиковъ, полагая себя не достаточно награжденнымъ, доказалъ, что открытая контрабанда ревизорами министерства финансовъ перевезена была въ ночное время на собственныхъ лошадяхъ управлявшаго таможеню.

Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Либаву, я сдѣлался сильно боленъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ выздоровленія моего, дабы скорѣе оставить сей городъ, въ которомъ въ продолженіе шести недѣль я не видалъ ни одного веселаго или довольнаго лица. Въ половинѣ августа мы выѣхали изъ Либавы въ Бобруйскъ, куда пріѣхали въ день моего рожденія, 26-го августа, который по стеченію множества неприятныхъ обстоятельствъ я встрѣтилъ самымъ грустнымъ образомъ. Какое-то тайное предчувствіе сказало мнѣ, что сей годъ будетъ для меня несчастливъ, что и подлинно сбылося, ибо нѣсколько жестокихъ ударовъ сильно меня поразили.

Въ началѣ сентября мы собирались выступить изъ Бобруйска въ наши кантонирь-квартиры въ Полтавской губерніи, какъ получили повелѣніе оставаться въ крѣпости до пріѣзда великаго князя Николая Павловича, который долженствовалъ вскорѣ прибыть въ Бобруйскъ для осмотра укрѣплений, строившихся подъ главнымъ его вѣдѣніемъ. Его высочество пріѣхалъ 8-го сентября и прожилъ въ Бобруйскѣ дней съ десять, во время которыхъ обходился со мною весьма милостиво и ежедневно удостоивалъ своего разговора; помня прежнее его ко мнѣ благорасположеніе, особенно оказанное въ Берлинѣ въ 1815 году, гдѣ онъ нѣсколько разъ былъ въ моей комнатѣ, я обращался съ нимъ очень свободно; могъ ли я думать тогда, что менѣе нежели черезъ три мѣсяца онъ будетъ императоромъ? Осмотрѣвши нашу дивизію, въ которой онъ преимущественно былъ доволенъ находившимся въ моей бригадѣ 13-мъ егерскимъ полкомъ, онъ многократно меня благодарилъ.

Необыкновенныя знанія великаго князя по фронтовой части насъ изумили; иногда, стоя на полѣ, онъ бралъ въ руки ружье и дѣлалъ ружейные приемы такъ хорошо, что врядъ-ли лучшій ефрейторъ могъ съ нимъ сравняться, и показывалъ также барабанщикамъ, какъ имъ надлежало бить. При всемъ томъ его высочество говорилъ, что онъ въ сравненіи съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ ничего не знаетъ; каковъ же долженъ быть сей, спрашивали мы другъ друга.

15-го сентября, въ день коронаціи Александра Павловича, былъ большой парадъ для освященія новаго нагорнаго укрѣпленія, названнаго Фридрихъ-Вильгельмъ, въ честь короля прусскаго. Для меня было тѣмъ пріятнѣе присутствовать при семъ освященіи, что я вспомнилъ, какъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1817 году, я гулялъ съ императоромъ

Александромъ по валу Бобруйска, и какъ его величество, смотря на высоту, на которой находится теперь укрѣпленіе Фридриха-Вильгельма, сказалъ мнѣ, что должно гору сію укрѣпить, ибо въ случаѣ осады крѣпости непріятель вѣрно воспользуется оною для постановленія своихъ батарей; такимъ образомъ я былъ въ Бобруйскѣ, когда возродилась первая мысль построить нагорное укрѣпленіе, и въ то время, когда, по совершенномъ онаго окончаніи, поднялся на немъ императорскій штандартъ, пріивѣтствуемый пушечными выстрѣлами и громкими «ура!»

Вскорѣ послѣ сего парада великій князь уѣхалъ изъ Бобруйска и наша дивизія начала трогаться изъ онаго обратно въ Малороссію; моеи бригадѣ назначено было выступить послѣдней 24-го и 26-го сентября, почему по выходѣ другихъ бригадъ я остался свободнымъ и употребилъ два дня, чтобы осмотрѣть крѣпость и нагорное укрѣпленіе Фридриха-Вильгельма. Оно отдѣлано съ необыкновеннымъ щегольствомъ и при построеніи его руководствовались преимущественно правилами французскаго генерала Шастелу. Мнѣ пріятно было увидѣть въ корпусѣ нашихъ инженерныхъ офицеровъ отличныхъ по знаніямъ и по поведенію молодыхъ людей; къ сожалѣнію только, что они большею частію иностранцы; неужели, думалъ я, русскіе годны только идти на приступъ? Въ казематахъ я нашелъ нѣсколько профессоровъ и студентовъ Виленскаго университета и даже учениковъ изъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, содержавшихся по тому поводу, что за нѣсколько времени открыли въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, заговоръ отторгнуть ихъ отъ Россійской державы. Сіи молодые люди участвовали въ семъ заговорѣ, и тѣмъ оправдалось мнѣніе мое, что ничто столько, какъ учрежденіе Виленскаго университета, въ которомъ всѣ науки преподаются на польскомъ языкѣ, не способствуетъ къ поддержанію закоренѣлой вражды поляковъ противъ Россіи. Истребите въ семъ учебномъ заведеніи польскій языкъ, введите въ употребленіе русскій, и мало-помалу весь Литовскій край пріобыкнетъ изъясняться и думать по-русски.

Около сего времени я получилъ горестное для меня извѣстіе, что бывшій начальникъ нашей дивизіи и другъ мой генераль Лисаневичъ, назначенный за годъ назадъ на Кавказъ, погибъ тамъ отъ руки убійцы. Вотъ нѣкоторыя черты изъ его жизни:

Дмитрій Тихоновичъ Лисаневичъ родился отъ небогатыхъ родителей Воронежской губерніи въ 1780 году и ничему не былъ ученъ кромѣ русской грамоты. Онъ вступилъ въ службу 1793 году въ бывшій кубанскій корпусъ и, находясь двадцать лѣтъ безотлучно на Кавказѣ и въ Грузіи, развилъ тамъ вскорѣ необыкновенныя способности свои и ознаменовалъ служеніе свое блистательнѣйшими подвигами. Всѣ чины получены имъ за отличіе и черезъ четырнадцать лѣтъ со вступленія его въ службу, то-есть въ 1807 году, его пожаловали полковникомъ, а

черезъ три года генераль-маіоромъ. Таковому скорому производству въ арміи мало примѣровъ. Презрѣніе опасностей и неустрашимость, оказанныя имъ вездѣ, особенно же при штурмѣ Гавжи, при покореніи Имеретіи и при нападеніи на непріятельскій лагерь при Ахалкалакѣ поставили его на-ряду съ Симоновичемъ и Котляревскимъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ семи отличными офицерами первымъ помощникомъ всѣхъ главнокомандующихъ, находившихся въ Грузіи, начиная отъ князя Циціанова до Ртищева, и многіе изъ нихъ обязаны ему за награды, ими тамъ полученныя. Въ царствованіе императора Александра Павловича на него перваго возложенъ былъ орденъ святаго Георгія четвертой степени, но лучшимъ свидѣтельствомъ его доблести былъ страхъ его имени, поселенный имъ въ варварскихъ народахъ, съ коими онъ непрерывно двадцать лѣтъ сражался и которымъ онъ сдѣлался дотогу ужасенъ, что они прозвали его дели-маіоромъ или бѣшеннымъ маіоромъ и имъ пугали дѣтей.

Онъ выучился нѣкоторымъ азіатскимъ языкамъ, на которыхъ онъ свободно объяснялся, почему иногда бывалъ употребляемъ въ переговорахъ съ непріятелями. Находясь однажды два мѣсяца при ханѣ карабагскомъ Ибраимѣ, онъ приобрѣлъ въ такой степени довѣренность его, что сей ханъ, по убѣжденію его, троекратно отсылалъ съ отказомъ пріѣзжавшихъ къ нему пословъ отъ Баба-хана.

Мнѣніями своими, основанными на знаніи народовъ и края, онъ имѣлъ дѣятельное вліяніе и на ходъ дипломатическихъ дѣлъ, особенно оказалъ важныя услуги при заключеніи мира съ Персією въ 1813 году.

Человѣкъ съ его свойствами, исполненный увѣренія, что для желѣзной воли его невозможнаго не существовало, не могъ быть не честолюбивъ, а потому ему прискорбно было, что онъ не участвовалъ въ отечественной войнѣ и въ заграничныхъ походахъ. Въ то время онъ отражалъ нападеніе персіянъ на наши предѣлы и, сколь подвиги его ни были блистательны, но по причинѣ важныхъ событій, въ Россіи и въ Германіи происходившихъ, они не могли обратитъ на себя общаго вниманія. Когда же заключенъ былъ миръ съ Персією въ 1813 году, то онъ отправился въ Петербургъ и по случаю возгорѣвшейся войны въ 1815 году его вызвали въ главную армію, гдѣ онъ получилъ начальство надъ 12-ю пѣхотною дивизією и оставался съ нею до 1818 года во Франціи. Онъ объѣхалъ большую часть сего государства подъ чужимъ именемъ, и хотя всю жизнь свою проводилъ съ азіатами и почти не понималъ по-французски, но, не взирая на то, способности ума его были столь рѣдкія, что онъ узналъ основательно Францію, законы ея и внутреннее ея управленіе. Великія политическія явленія нашего вѣка, какъ-то: свободное книгопечатаніе, суды присяжныхъ, публичное судопроизводство и представительное правительство не остались ему чужды,

онъ былъ ими восхищенъ. Въ непродолжительномъ времени онъ приобрѣлъ дружбу достойнаго своего начальника графа Воронцова и пріязнь родителя его графа Семена Романовича, который любилъ оригинальную бесѣду его, исполненную множествомъ анекдотовъ и воспоминаніями о происшествіяхъ, почерпнутыми изъ необыкновенной его памяти. По возвращеніи Лисаневича въ Россію въ 1819, году его назначили начальникомъ седьмой пѣхотной дивизіи, изъ которой онъ переведенъ былъ въ 1824 году командиромъ войскъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, гдѣ въ слѣдующемъ году, при усмиреніи бунта горскихъ народовъ, палъ 22-го іюля отъ руки гнуснаго чеченца.

Онъ былъ врагъ роскоши и нѣги и всѣхъ изобрѣтеній ихъ и велъ самый простой образъ жизни, какъ настоящій сынъ природы. Съ начала моего съ нимъ знакомства мнѣ странно было видѣть, какъ во время нашихъ прогулокъ онъ ѣдалъ иногда незрѣлые плоды и даже листья древесные. Для сна онъ не имѣлъ опредѣленныхъ часовъ, иногда вставая часу въ третьемъ утра. На лошади онъ былъ неумолимымъ и, чуждый правилъ манежа, не зналъ управлять мунштукомъ, но за то на черкесскомъ сѣдлѣ и съ уздечкою онъ уподоблялся наѣзднику и мѣтко стрѣлялъ съ лошади, когда она неслась во весь опоръ. Онъ не терпѣлъ долго оставаться въ комнатахъ и когда, командуя бригадою въ его дивизіи, мнѣ случалось жить съ нимъ вмѣстѣ въ Лубнахъ, то онъ ежедневно приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, уводилъ меня съ собою въ лѣсъ или въ поле или на лугъ, говоря: «мнѣ въ домахъ душно». Какъ часто проводили мы вдвоемъ верхомъ часовъ по шести и болѣе, странствуя по прелестнымъ окрестностямъ Лубенскимъ и по живописнымъ берегамъ Сулы. Въ сихъ прогулкахъ онъ мнѣ раскрывалъ душу свою добрую и возвышенную, и я имѣлъ счастье приобрести его дружбу, я говорю счастье, не потому, что, имѣвъ случай знать многихъ именитыхъ людей нашего вѣка, я мало находилъ изъ нихъ таковыхъ, которые были осыпаны столь щедро, какъ Лисаневичъ, дарами природы. Умъ его былъ образованъ опытами и размышленіемъ, а память его можно назвать удивительною. Лишенный возможности, по причинѣ службы своей на азіатскихъ предѣлахъ Россіи, читать сочиненія, касающіяся до политики и до военнаго искусства, не менѣе того свѣдѣнія его о сихъ предметахъ были самыя основательныя. Любимою его мечтою было совершить походъ въ Индію, для каковаго предмета онъ собралъ много разнаго рода свѣдѣній, и ежели примемъ въ уваженіе его знаніе нравовъ, обычаевъ и языковъ азіатскихъ народовъ, твердость его характера, непоколебимую волю, презрѣніе опасностей и наконецъ тѣлесную крѣпость, чуждую вліянію непогодъ, то конечно не многіе болѣе его были къ сему способны.

Въ послѣдніе годы его жизни все вниманіе его было обращено на

дѣтей его, и когда я скажу, что трудно найти было отца нѣжнѣе и даже страстнѣе его, то конечно слова мои подтвердятъ общіе наши съ нимъ сослуживцы, видѣвшіе его въ кругу его дѣтей, изъ коихъ послѣ него осталось малолѣтнихъ одна дочь и три сына. Ежели они, достигнувъ зрѣлаго возраста, будутъ имѣть случай прочесть сіи строки, то пусть оживится въ нихъ память родителя ихъ, для большей славы котораго не доставало только обширнаго круга дѣйствій, гдѣ бы безъ сомнѣнія явились во всемъ блескѣ необыкновенныя его способности.

25-го сентября я выѣхалъ изъ Бобруйска въ Лубны, гдѣ мнѣ надобно было прожить нѣсколько дней. Я не имѣлъ духа посѣтить прекрасныя Лубенскія окрестности, гдѣ я за годъ передъ тѣмъ проводилъ счастливые часы съ генераломъ Лисаневичемъ; мнѣ казалось, что тѣмъ его меня будетъ вездѣ преслѣдовать. Въ Лубнахъ я получилъ предписаніе ѣхать въ Полтаву, чтобы присутствовать въ казенной палатѣ при торгахъ на провіантъ войскамъ, расположеннымъ въ Малороссіи. Въ Полтавѣ я сдѣлался нездоровъ и переѣхалъ жить къ военному губернатору князю Репнину, который отвелъ мнѣ комнату подлѣ своего кабинета, и коего гостепріемствомъ я не могу довольно нахвалиться.

Я слышалъ отъ него нѣсколько анекдотовъ, которые здѣсь помѣщаю. Когда за два мѣсяца передъ тѣмъ, государь Александръ Павловичъ ѣхалъ въ Таганрогъ, то князь Репнинъ встрѣтилъ его величество въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и былъ приглашенъ къ столу. За обѣдомъ зашла рѣчь о генералѣ Раевскомъ, который находился въ немилости. Государь сказалъ между прочимъ, говоря о Кіевскомъ дворцѣ, въ которомъ Раевскій жилъ, и который истребленъ пожаромъ:

— Вотъ каково, по-пріятельски дашь домъ, а его сожгутъ.

Сей отзывъ о генералѣ, оказавшемъ незабвенныя заслуги Россіи въ отечественную войну, кажется, слишкомъ строгимъ, но оный оправдать можно тѣмъ обстоятельствомъ, что государю безъизвѣстно было, что домъ Раевского былъ средоточіемъ тѣхъ несчастныхъ вольнодумцевъ, которые мечтали преобразовать Россію.

Князь Репнинъ, будучи генералъ-губернаторомъ Саксоніи, разговаривалъ однажды въ Дрезденѣ съ плѣннымъ французскимъ генераломъ Лористономъ, который, жалѣя о крови человѣческой, проливаемой въ тогдашнюю войну, сказалъ, что онъ соболѣзнуетъ о кончинѣ князя Кутузова, «ибо, — присвокупилъ Лористонъ, — если бы онъ былъ живъ, то мы навѣрное бы имѣли миръ, потому что Кутузовъ настоялъ бы въ ономъ, я заключаю сіе изъ переговоровъ моихъ съ нимъ въ Тарутинѣ, во время которыхъ я убѣдился, что фельдмаршалъ искренно желалъ мира». Изъ словъ сихъ видно, до какой степени Кутузовъ уловилъ въ свои сѣти посланнаго Наполеономъ.

Я слышалъ также отъ князя Репнина, что онъ за три года предъ

тѣмъ открылъ до десяти фабрикъ въ различныхъ городахъ Россіи, какъ-то въ Харьковѣ, въ Казани, въ Вяткѣ, въ Могилевѣ и другихъ, гдѣ дѣлали фальшивыя ассигнаціи. Въ Могилевѣ отравили ядомъ адъютанта его, посланнаго для розысканій по сему предмету. Число людей, занимавшихся симъ ремесломъ, было очень значительно, и князь увѣрялъ меня, что у него есть доказательства, что чиновники ассигнаціоннаго банка были заодно съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій, что они получали отъ нихъ восемь-сотъ рублей за тысячу рублей фальшивыхъ бумажекъ, что чиновники банка во время сожиганія ассигнацій, производимыхъ ежегодно съ 1811-го года, сожигали фальшивыя ассигнаціи, вымѣниваемые ими у поддѣльвателей; что по привезеніи сихъ послѣднихъ въ Петербургъ, трое изъ самыхъ главныхъ были въ тюрьмѣ отравлены ядомъ, и что дѣло по сему предмету уже пять лѣтъ производится въ Сенатѣ; въ заключеніе князь смѣючись сказалъ, что онъ еще надѣется за открытіе фабрикъ сихъ получить выговоръ.

Въ Полтавѣ былъ общій разговоръ о томъ, что въ имѣніи графа Аракчеева зарѣзали наложницу его Настасью Андреевну, съ которою онъ жилъ тридцать лѣтъ, и жалкая участь временщиковъ—всѣ радовались сему несчастному приключенію. Я неоднократно упоминалъ въ запискахъ моихъ о немъ и теперь, доходя до окончанія царствованія Александра, изображаю того человѣка, который былъ его наперсникомъ.

Безъ блистательныхъ подвиговъ, безъ особенныхъ дарованій отъ природы, не учившійся ничему кромѣ русскаго языка и математики, даже безъ тѣхъ наружныхъ пріятностей, которыя иногда невольно привлекаютъ къ человѣку, графъ Аракчеевъ умѣлъ однако же одинъ изъ пятидесяти милліоновъ подданныхъ приобрести неограниченное довѣріе такого государя, который имѣлъ умъ образованнѣйшій, обращеніе очаровательное, и котораго свойства состояли преимущественно въ скрытности и проникательности.

Аракчеевъ былъ ненавидимъ за свои безчеловѣчные поступки съ солдатами и за дерзкое поведеніе съ офицерами. Жестокость его съ нижними чинами простиралась до того, что онъ однажды схватилъ гренадера за усы и оторвалъ оные вмѣстѣ съ мясомъ. При смотрѣ Екаторинославскаго гренадерскаго полка, который онъ былъ посланъ инспектировать, онъ назвалъ при всѣхъ знамена сего полка, столько прославившагося своею храбростію, Екатерининскими юбками. Можно вообразить, съ какимъ негодованіемъ должны были слушать офицеры вѣка Екатерины слова сіи, произнесенныя человѣкомъ, не бывавшимъ никогда на войнѣ.

Удалась въ Грузино, онъ соорудилъ тамъ великолѣпный домъ, насадилъ прелестный садъ и такъ обстроилъ крестьянъ, что село сіе по красотѣ своей, а особенно по существующему въ ономъ необыкновенному

порядку почитается въ Россіи образцовымъ. Оно было столь многими описано, что я объ немъ болѣе не распространюсь.

Александръ употребилъ на службу любимца родителя своего и поручилъ ему артиллерию, которую онъ совершенно преобразовалъ и сдѣлалъ ее первую въ Европѣ, чѣмъ навсегда приобрѣлъ себѣ признательность Россіи. Послѣ Тильзитскаго мира его назначили военнымъ министромъ, на семь поприщѣ онъ оказалъ необыкновенную и непопулярную строгость сдѣлавшую его ужасомъ арміи. Онъ ввелъ въ разныхъ частяхъ управленія, особенно въ комиссаріатскомъ и провіантскомъ департаментахъ, гдѣ искони были вѣковыя злоупотребленія, порядокъ и устройство, до того въ оныхъ неизвѣстныя и которые по нынѣ въ оныхъ существуютъ. При учрежденіи Государственнаго Совѣта онъ поступилъ въ предсѣдателя военнаго департамента онаго, но такъ какъ по сему званію почти не было никакихъ занятій, то государь, который со времени его министерства возымѣлъ къ нему безпредѣльное довѣріе, поручалъ ему разнаго рода дѣла. Во время отечественной войны и заграничныхъ походовъ онъ былъ неразлученъ съ его величествомъ, хотя въ сраженіяхъ онъ находился всегда внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, не взирая на носимый имъ военный мундиръ. По возвращеніи арміи изъ-за границы ему поручили трудный подвигъ образовать военныя поселенія, которыя онъ устроилъ превосходно, хотя, по обыкновенію своему поступаая съ неумолимою строгостію, онъ навлекалъ на себя упреки и нерѣдко проклятія поселянъ, которыхъ надлежало обращать въ военные.

Графъ Аракчеевъ отличался отъ всѣхъ тѣхъ, которые были при дворѣ, своею молчаливостію и уединеннымъ образомъ жизни. Онъ вставалъ въ четыре часа утра и, употребивши нѣсколько времени на устройство домашняго своего хозяйства, въ которомъ у него былъ примѣрный порядокъ, и на чтеніе періодическихъ сочиненій, онъ принимался за дѣла государственныя въ шесть часовъ, когда все еще въ Петербургѣ покоилось во снѣ. Онъ обѣдалъ въ два часа одинъ или съ докторомъ своимъ и рѣдко съ какимъ-нибудь стариннымъ знакомымъ; званыхъ же обѣдовъ у него почти никогда не бывало, столь его составляли три умѣренныя блюда. Потомъ онъ опять садился за работу, а иногда по вечерамъ игралъ въ бостонъ по десяти копѣекъ съ нѣкоторыми пріятелями своей молодости, изъ круга коихъ онъ никогда не выходилъ. Въ девять часовъ уже бывалъ въ постели, и сему образу жизни онъ ни подъ какимъ предлогомъ не измѣнялъ; въ театрѣ, на балахъ и въ обществахъ его никто не видалъ.

Трудолюбіе его было безпримѣрное, онъ не зналъ усталости и, отказавшись отъ удовольствій свѣта и его разсѣянностей, онъ исключительно жилъ для службы, чего и отъ подчиненныхъ своихъ требовалъ. Впрочемъ, онъ не во всѣхъ поступкахъ своихъ былъ стойкимъ; онъ имѣлъ

у себя любовницъ, изъ коихъ извѣстнѣе прочихъ была Пукалова, поведеніемъ своимъ и корыстолюбіемъ напоминавшая распутную Дю-Барри и женщинъ, подобныхъ тѣмъ, какихъ представляетъ правленіе развратнаго Людовика XV-го. Отличительная черта въ характерѣ Аракчеева состояла въ желѣзной волѣ; онъ не зналъ никакихъ препонъ своему упрямству, не взиравъ ни на какія свѣтскія приличія, и все должно было ему покоряться, хотя въ дѣлахъ онъ на себя не принималъ отвѣтственности, говоря часто, что онъ не что иное какъ исполнитель высочайшихъ повелѣній. По сей причинѣ онъ былъ совершенно недоступенъ; домъ его въ Петербургѣ уподоблялся крѣпости, куда имѣлъ входъ только тотъ, кого онъ приглашалъ. Тысячи имѣли въ немъ нужду, ибо всѣ дѣла государственныя шли чрезъ его руки, и никто къ нему не былъ допускаемъ, а ежели кому удавалось какимъ-нибудь случаемъ изложить ему свою нужду, то лаконическій и обыкновенно дерзкій отвѣтъ бывалъ послѣдствіемъ долговременныхъ усилій до него дойти.

Можно легко себя представить, что таковыя поступки сдѣлали его для всѣхъ ненавистнымъ, и такъ какъ онъ отъ природы не получалъ возвышенныхъ чувствъ и ученіемъ не былъ приготовленъ къ занятію того важнаго мѣста, на которое судьба его возвела, то нѣтъ сомнѣнія, что странное поведеніе его, приличное визирямъ востока, внушено ему было презрѣніемъ къ человѣчеству, ибо все безъ изыятія передъ нимъ изгибалось. Я его почти ежедневно нѣсколько лѣтъ видалъ во дворцѣ; при появленіи его въ такъ называемой секретарской комнатѣ, гдѣ собирались адъютанты государевы и докладчики, происходило вдругъ такое молчаніе, какъ въ церкви. Аракчеевъ становился въ углу близъ окна; всѣхъ взоры на него устремлялись, но весьма немногіе удостоивались какого-нибудь привѣтствія съ его стороны. На мрачномъ лицѣ его рѣдко, очень рѣдко показывалась улыбка, и надобно было видѣть тогда, съ какою жадностью ее ловили. Онъ во дворцѣ какъ бы выходилъ изъ обыкновеннаго круга подданныхъ и имѣлъ какую-то особенную сферу. Тѣ, которыхъ онъ приглашалъ въ Грузино, гдѣ онъ бывалъ отменно гостеприименъ, почитались счастливыми, особенно Провидѣніемъ покровительствуемыми; люди, облеченные въ первыя государственныя званія, посѣщали туда съ радостію новобрачныхъ, несмотря ни на лѣта свои, ни на время года. Вотъ примѣръ его обращенія съ вельможами. Однажды пріѣхалъ онъ къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину, который былъ нѣкогда генераль-прокуроромъ и слѣдовательно управлялъ всею Россією, и сказалъ, что онъ желаетъ играть въ бостонъ съ княземъ Лопухинымъ, бывшимъ тогда предсѣдателемъ Совѣта. Немедленно за симъ послѣднимъ посылають гонца, и восьми-десяти-лѣтній князь Лопухинъ, получа сие приглашеніе, оставляетъ гостей, находившихся въ его домѣ, скачетъ къ князю Куракину и садится играть съ графомъ Аракчеевымъ. Чрезъ

часть сей послѣдній говорить, что ему время спать, и, отдавши карты своему доктору, съ нимъ всегда неразлучно, самъ уѣзжаетъ.

Иные хвалили его безкорыстіе, но оно, по моему мнѣнію, не было въ немъ добродѣтелью, а просто благоразуміемъ, ибо, не имѣвши никакого родоваго имѣнія, онъ получилъ по службѣ болѣе двухъ тысячъ душъ, жилъ въ казенномъ домѣ и пользовался казеннымъ экипажемъ не только въ городѣ, но даже и для частыхъ поѣздокъ своихъ въ Грузино, слѣдовательно, чего же ему было болѣе желать. Говорили также, что онъ не честолюбивъ, основываясь на томъ, что онъ былъ одинъ въ Россіи, который не принималъ знаковъ отличія, но въ подобномъ отказѣ я напротивъ того видѣлъ признакъ честолюбія, что онъ презиралъ орденами въ такое время, когда всѣ военные были ими безъ мѣры украшены и что для сходства ихъ съ Чупятовымъ не доставало имъ только Марокскихъ лентъ и звѣздъ. Государь хотѣлъ пожаловать его при взятіи Парижа въ генералъ-фельдмаршалы, но онъ рѣшительно отказался отъ сего чина. Онъ также отправилъ обратно орденъ святаго Андрея Первозваннаго, а оставилъ у себя только рескриптъ на оный. Увѣряютъ, что сіе имъ сдѣлано было по той причинѣ, что за Аустерлицкое сраженіе ему хотѣлось получить Георгіевскій крестъ, который тогда во множествѣ и безъ всякаго разбора раздавали, но такъ какъ ему онаго не было назначено, то онъ съ тѣхъ поръ обѣщался не принимать никакихъ знаковъ отличія, за исключеніемъ однакоже портрета государева. Сія самая высшая награда пожалована была въ царствованіе Александра только воспитателю его, князю Салтыкову, избавителю Россіи князю Смоленскому и графу Аракчееву, который и при семъ случаѣ оказалъ одну изъ странностей, нерѣдко въ его жизни встрѣчающихся. Портретъ сей присланъ былъ ему какъ и прочимъ съ брильянтовыми украшениями, но онъ драгоцѣнные камни возвратилъ назадъ, а оставилъ у себя только одно изображеніе монарха.

Впрочемъ, императоръ давалъ ему такія награды, каковыхъ ни одинъ подданный не удостоивался получать. Старшій полкъ пѣхоты, Ростовскій, былъ названъ по его имени, чему тогда не было примѣра: императоръ въ садъ Грузина подарилъ чугуныя ворота и туда же приоталъ яхту совсѣмъ вооруженную и съ великими издержками въ Грузино перевезенную. Экипажъ морской на семъ суднѣ содержимъ былъ насчетъ казны. Знамена полка его имени поставлены были тоже въ церковь Грузина, въ которой графъ Аракчеевъ воздвигъ памятникъ императору Павлу съ изваяніемъ сего монарха, передъ коимъ лежитъ распростертый воинъ, произносящій слѣдующія слова: «Духъ мой чистъ передъ тобою и сердце право». У подножія монумента вырыта могила для графа Аракчеева. Лестнице, чѣмъ всѣ сіи награды и подарки, была къ нему безпредѣльная довѣренность Александра, который его одного

во все свое царствованіе въ письмахъ своихъ называлъ «другомъ, вѣрнымъ своимъ другомъ». Однакоже сей государь, всѣми обожаемый, не могъ обратить къ нему сердца подданныхъ своихъ, которые исполнены были истинною ненавистью къ сему временщику, хотя при могуществѣ его ему стоило бы такъ мало, чтобы заставить себя любить, между тѣмъ какъ крутымъ нравомъ своимъ и дерзостью своею онъ довелъ себя до того, что хотя на него и не смѣли роптать явно, но едва имя его произносилось въ дружеской бесѣдѣ, какъ оно было покрываемо поруганіями.

По возвращеніи моемъ изъ Полтавы въ Кременчугъ въ исходѣ октября мѣсяца, я три недѣли почти не выходилъ изъ прекраснаго моего кабинета, откуда былъ виденъ весь городъ и на нѣсколько верстъ открывалось теченіе Днѣпра.

Не предвидя никакихъ перемѣнъ, я поѣхалъ 23-го ноября по расположенію моей бригады. Отличное состояніе, въ которомъ мною найдены войска, радостная и дружеская встрѣча офицеровъ и прекраснѣйшая погода сдѣлали мнѣ сію поѣздку очень пріятною.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ улучшеніи быта Курляндскихъ поселянъ.

Рескриптъ императора Александра маркизу Пауллучи.

31-го августа 1814 г.

Маркизь Филиппъ Осиповичъ! При приведеніи въ дѣйствіе положенія о правахъ и повинностяхъ Лифляндскихъ крестьянъ, нахожу я нужнымъ утвердить постановленіе и для благосостоянія Курляндскихъ поселянъ.

Для достиженія сего повелѣваю вамъ учредить комиссію изъ Курляндскаго дворянства подъ предѣдательствомъ вашимъ, составя оную изъ шести членовъ, коими назначаю, по представленію вашему: тайнаго совѣтника Шепинга изъ Борнемюнде, камергера графа Медема изъ Елея, пильтенскаго ландрата и члена комиссіи о составленіи законовъ Шлипенбаха изъ Сексатена, камеръ-юнкера Маятейфеля изъ Цильдена, уѣзднаго предводителя дворянства Фелькерзама изъ Штейнерзе и уѣзднаго же предводителя дворянства и члена комиссіи о составленіи законовъ Фиркса изъ Ногаллена.

Комиссіа сія по соображеніи всѣхъ относящихся къ сему предмету обстоятельствъ съ настоящимъ положеніемъ въ Курляндіи, обязана будетъ составить планъ, по коему повинности курляндскихъ крестьянъ къ взаимной пользѣ опредѣлены быть должны, и представить оный на утвержденіе мое.

Предоставляя вамъ приведеніе сего въ дѣйствіе, я надѣюсь, что начертаніе означеннаго плана согласно представленію вашему произведено будетъ въ теченіе двухъ или не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

Изъ быта духовенства въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Многомъ приводилось слушать рассказы про былую жизнь духовенства: какъ вели себя начальствующіе, какъ трусили подчиненные, въ какихъ своеобразныхъ формахъ выражалась эта трусость; какъ представлялись вполне законными и необходимыми взятки; какіе устраивались торжественные проходы и встрѣчи «именитыхъ особъ», и какія рѣчи и оды говорились при этихъ случаяхъ. Слушая эти истинныя повѣствованія, радуешься, что все прежнее неовозвратно исчезло или, по крайней мѣрѣ, близко къ исчезновенію. Между тѣмъ сколько любопытныхъ и живыхъ рассказовъ представляютъ намъ болѣе или менѣе старинные семинарскіе дневники, стихотворенія, а главное, слѣдственные дѣла, хранящіяся въ архивахъ консисторій.

Приведемъ первоначально нѣкоторыя хранящіяся въ частныхъ рукахъ письма и «цидули». Въ прежнихъ семинаріяхъ учениковъ реторики и піитики много практиковали «въ писаніи привѣтственныхъ рѣчей и писемъ къ знатымъ персонамъ», включая иногда въ число этихъ «персонъ» и городничихъ; практиковали въ акростихахъ, обращенныхъ къ ихъ высокопреподобіямъ и высокопреосвященствамъ; практиковали даже въ умѣньи написать поздравительное письмо къ родителямъ, и доброуспѣшный риторъ или піитъ, руководствуясь правилами о «фигурахъ» словъ, мѣтній, чувствованій и даже умолчаній, могъ весьма легко наполнять цѣлыя страницы отборнѣйшими и громогласными фразами. Письма эти, пропитанныя схоластикой, характеризуются отсутствіемъ личности пишущаго; а отсюда авторъ подобныхъ посланій, поздравляя съ праздникомъ отца, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ можетъ поздравить и милостивца городничаго. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма 1820 г. ученика реторики къ отцу священнику, оригинальнаго по самой вышности.

Титулъ: «Его Высокоблагословенію, дражайшему моему родителю», на-

черченъ хитрѣйшимъ образомъ: буквы украшены тѣнями, кругомъ титула виньетки изъ цвѣтовъ. Далѣе читаемъ: «нынѣ явилось неизреченное богатство благодати Божіей! Нынѣ открылась истина, могущая оправдать насъ во грѣхахъ и утвердить въ вѣрѣ православія! Настало время спасенія нашего! Насталъ день благополучія! Се въ оный день, родившійся Спаситель Христосъ возставилъ падшее человѣческое естество, истребилъ нечестіе и пороки, доселѣ обладавшіе сердцами нашими, и открылъ путь къ горнему блаженству. О, великое и неизреченное благоволеніе Божіе! О, неисчерпаемый источникъ щедротъ, обильною струею текущій въ предѣлы смертныхъ!.. Я, только восхищенный симъ торжествомъ, никакъ не могу удержаться, чтобы не поздравить васъ съ родившимся днесь Спасителемъ,—да рожденный нынѣ въ Вилелемѣ Іудейскомъ младенецъ искупитель Христосъ продолжитъ лѣта ваши въ покоѣ и радости и да удостоитъ васъ славы царствія своего! Послушный и покорный сынъ (такой-то)».

Вотъ другое письмо 1810 года, писанное семинаристомъ по тому же поводу, но уже не къ родителю, а къ какому-то высокоблагородію. «Ваше высокоблагородіе, милостивѣйшій мой благотворитель! Не протекло всеу древняго волхва Валаама чудное прореченіе. Не сдѣлалось тщетнымъ удивительное его предсказаніе. Возсіяетъ,—предрекъ онъ,— звѣзда отъ Іакова, и возстанетъ человѣкъ отъ Израиля. Нынѣ всеконечно усовершенствовано сіе предвѣднїе. Нынѣ дѣйствительно исполнилось; окончено въ сей всерадостнѣйшій день, въ день вождельнѣйшій. Ибо днесь звѣзда та возсіяла. Днесь возникъ тотъ сіятельный лучъ, который озарилъ глубокую тьму невѣдѣнія людей, во тьмѣ и сѣни сѣдащихъ. Что жъ мы изъ сего понимаемъ? Кого изъ сего созерцаемъ? Созерцаемъ сына Божія. Онъ-то звѣзда отъ Іакова, онъ-то человѣкъ отъ Израиля! Онъ-то лучъ, насъ озаряющій! Объ немъ-то предсказано: Онъ облекся въ брѣнную плотъ нашу. Себя умалилъ. Зракъ раба пріялъ... Богъ смирился—мы вознесемъ. Богъ бываетъ человѣкъ—человѣка примираетъ съ Богомъ. Небесная совокупляются съ земными—земная съ небесными... Рай отверстъ! Херувимъ отступаетъ! Ангелы играютъ! Человѣцы веселятся!.. Разсуждая о толикихъ причинахъ радости, пребылъ бы я неблагодарнымъ, когда бы не поздравилъ васъ, ваше высокоблагородіе, съ оною. Посему будучи убѣждаемъ столь знаменитымъ торжествомъ, съ духомъ преисполненнымъ высокопочитанія и преданности, изъявляю вашему высокоблагородію, вамъ, толико благотворительной особѣ, достолюбезное поздравленіе: и къ виновнику онаго возношу смиренный гласъ, да подастъ вамъ пріятнѣйшую весну здравія и благоденствія. Онъ да сохранитъ, да утвердитъ, да ошастливитъ, да усовершенствуетъ, да усугубитъ, да увѣнчаетъ и да благословитъ

всѣ ваши дѣла, касающіяся до благосостоянія вашей жизни. Ученикъ высшаго реторическаго класса (такой-то)».

Письма и пидули, писанныя въ первой половинѣ XVIII вѣка, интересны во внѣшнемъ отношеніи, кромѣ оригинальности слога, титулами; во внутреннемъ,—тѣми обстоятельствами, подъ влияніемъ которыхъ они писались. Вотъ письмо священника къ своему родному брату, протопопу. Авторъ письма томится въ консисторскомъ заключеніи болѣе полугодя, подъ карауломъ, за желѣзною рѣшеткою за слѣдующее преступленіе: онъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ выплатить 1 р. 60 к. на содержаніе семинаріи. Консисторскія власти положили держать его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не заплатитъ требуемой суммы. Все, что у него было, взято имъ при отправленіи въ заключеніе и истрачено; ни ѣсть, ни пить нечего, одежда изветшала. Голодный и въ лохмотьяхъ, священникъ пишетъ просительное письмо къ своему брату. Въ этомъ письмѣ не замѣтно ни гнетущаго горя, ни жалобы на судьбу,—до такой степени оно официально, до такой степени писавшій не привыкъ, или не сумѣлъ выговорить задушевное слово. «Государь братецъ, честный отецъ протопресвитеръ, Іоаннъ Іоанновичъ! Желаю вамъ, государь мой, купно съ честною вашею супругою и благословенными вашими дѣтьми множество лѣтъ здравствовать. Покорно васъ, государь мой, прошу, пожалуй не оставь: которыя нынѣ требуются съ насъ на семинарію деньги, и то, пожалуй, заложи своими. А мы вашему благословію заплатимъ по времени съ почтеніемъ; и также нынѣ имѣемъ въ деньгахъ великую нужду. И такъ остаюсь вашъ, государь мой, многогрѣшный богомолецъ, села Резоватова попъ Петръ Тимофѣевъ, низменно кланяюсь. Іюля 27-го дня 1750 года».

Мы видѣли цѣлую тетрадь писемъ и пидулей 1749 года архимандрита Царевоконстантиновскаго монастыря ⁴⁾, члена консисторіи Павла, въ послѣдствіи перваго ректора Владимірской семинаріи. Письма эти, какъ и письмо свящ. Тимофѣева приложены къ дѣлу слѣдующаго содержания: «Дѣло духовной консисторіи по отношенію секретаря оной регистратора Ивана Павлова о чиненіи архимандритомъ Павломъ взятокъ». Оно заключаетъ въ себѣ до 700 листовъ. Всѣ письма архимандрита, числомъ 16, писаны во время великаго поста. Въ годовые праздники поднесенія всякаго рода властямъ были необходимы; даже въ приходорасходныхъ книгахъ монастырей отчисляемы бывали на этотъ предметъ особыя суммы. Но такъ какъ суммы эти были не малыя, то для прикрытія ихъ настоящаго назначенія, обыкновенно писалось въ книгахъ напр. такъ: «послано такому-то 6 мѣшковъ пшеничной муки для пріема стран-

⁴⁾ Нынѣ приходская церковь въ с. Добромъ, въ 6 верстахъ отъ города Владиміра.

ны хъ». И такъ приношенія къ праздникамъ, къ Пасхѣ, составляли обычай; даже во время гоненій на взяточниковъ приносились подарки ввидѣ христосованія. Но получающему приношенія не желалось, чтобы приносители являлись къ нему ежегодно съ одинаковыми подарками. Этихъ-то неудобствъ и старается избѣжать архимандритъ Павелъ. Онъ пишетъ постомъ назидательныя поздравительныя письма съ святою четырьдесатницею ко всѣмъ начальникамъ духовныхъ правленій, и всѣ эти письма, повидимому, преисполнены братской простотой и добродушіемъ. Самый подозрительный слѣдователь не найдетъ въ нихъ ничего сомнительнаго. Одно только обращаетъ вниманіе: всѣ они, хотя писаны къ различнымъ лицамъ, тождественны въ фразахъ. Что можетъ быть, на примѣръ, невиннѣе такого письма: «Въ Богу пречестнѣйшій, духовнаго Арзамаскаго управленія управитель отецъ Геласій, многолѣтню вамъ, съ товарищами здравствовать желаю! Достигше святыхъ четырьдесатницы великаго поста, яже есть мать цѣломудрія, со угодники житія челоувческаго. Благоугожденіе призначливой моеи къ вамъ пріязни съ сею четырьдесатницею поздравляю, желаю всеусердно, дабы самъ подвигоположникъ Христосъ Господь, подавшій образъ послѣдовать стопамъ его, сподобилъ вашу пречестность душеполезныя поста сего дни благополучно совершити, и его же пречистымъ страстямъ образу поклонитися, тридневное изъ мертвыхъ узрѣтъ воскресеніе и радостно оное праздновати. Усердно желая, усугубляю мое паки къ вамъ благословеніе и, пребывая, остаюсь пречестности вашей братъ, архимандритъ Павелъ Томилоскій». Въ письмѣ Гороховскому управителю разница только въ титулѣ: «Въ Богу пречестная мосць, отче Иосифъ, Гороховскаго духовнаго управленія управитель, мой благодѣтель, и проч.». Балахнинскому сдѣлано въ титулѣ прибавленіе и самое письмо нѣсколько переименовано: «Въ Богу превелебнѣй мосць, отче іерей, града Балахны, мой ласковый благодѣтель! Достигше святыхъ четырьдесатницы великаго поста, еже есть мать цѣломудрія со угодники житія челоувческаго. Благоугожденіе при толикой къ вамъ пріязни, вашему превелебію поздравительную воздаю ратуляцію, желаю всеусердно, дабы самъ подвигоположникъ Христосъ, и т. д. Призначливости моеи усугубляя благословеніе, пребываю вашего превелебія богомолецъ и проч.».

Дѣйствительно, въ письмахъ архимандрита Павла, кромѣ изысканной учтивости и назидательности, ничего особаго не находится. Но если просмотрѣтъ приписки, прилагаемыя къ каждому изъ этихъ посланій, характеръ ихъ измѣняется. Архимандритъ начинаетъ приписки эти всегда одними и тѣми же словами: «тутъ же прошу», какъ будто запятовавъ добавить въ концѣ письма неважныя вещи, которыя сначала и на умъ ему не приходили; но оказывается наоборотъ: письма были писаны единственно ради постскриптумовъ; въ неважныхъ-то припискахъ

и заключалась вся суть. Такъ Балахнинскому управителю онъ приписываетъ: «Тутъ же прошу лошадь бурую, о которой я васъ просилъ, не замедля прислать ко мнѣ во Владиміръ, за что васъ благодарить и служить одолжаюсь. Тутъ же прошу десятка два сазановъ и другой рыбы приславъ, прислать мнѣ».

Починковскому управителю:

«Тутъ же превелебія вашего прошу пожаловать потрудиться мѣхъ лисій хорошій мнѣ исходатайствовать и сему моему писарю вручить. За что вамъ во всякихъ подобающихъ случаяхъ всемѣрно заслужить одолжаюсь. Тутъ же Петру попу, товарищу духовнаго правленія, посылаю благословеніе и прошу прискаты масла льнянаго и орѣховаго, да рыбы постараться,—стерлядей и прочей, и сазановъ, и прислать ко мнѣ во Владиміръ, за что благодарить одолжаюсь»¹⁾. Приношенія назначены всѣмъ неотлагаемо-обязательныя, и вѣроятно, отецъ архимандритъ на свѣтломъ праздникѣ будетъ ѣдить на бурой лошади, въ красивой шубѣ и вкушать отъ различныхъ маселъ, стерлядей и сазановъ.

Сообщилъ М. Р—ъ.

¹⁾ Когда разбираешь эти письма, приходитъ на память порученіе ректора Кіевской семинаріи пріятелю сотнику: „не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина; то при случаѣ приславъ бы и проч. (Соч. Гоголя изд. Кулиша. Вій, т. I, стр. 413).

**Письмо І. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи,
произнесенной въ Филотехническомъ обществѣ.**

5-го марта 1814 г.

Извините, что на пріятное письмо ваше, пущенное отъ 12-го Февраля, по сіе время за нездоровьемъ моимъ не отвѣчалъ. Приложенный при ономъ отчетъ вашъ и рѣчь Филотехническаго общества, произнесенную вами въ Харьковѣ, съ крайнимъ вниманіемъ прочелъ. Отдаю всю справедливость истинному патриотизму вашему и прямому усердію къ истинному благу отечества, и прошу Бога, чтобъ возбудилась такая ревность и въ прочихъ сынахъ отечества, а особливо въ правителяхъ частей государственныхъ, а безъ того едва-ли успѣховъ ожидать можно будетъ. Сіе однако не мѣшаетъ за ваши благія намѣренія сохранять къ вамъ душевное мое почтеніе, съ которымъ навсегда пребываю вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга.

Изъ дневника П. Г. Дивова ¹⁾.

1837 годъ.

К

онецъ 1836 года ознаменовался волненіями въ Европѣ. Въ Португаліи не удержалась конституція, данная ей бразильскимъ императоромъ донъ-Педро. Нѣсколько интригановъ ниспровергли ее, возстановивъ конституцію, провозглашенную въ 1820 г., и королева, донна Марія, несмотря на поддержку, оказанную ей ея вторымъ супругомъ, принцемъ Кобургскимъ, братомъ короля бельгійскаго, была вынуждена подписать условія, предъявленные ей бунтовщиками. Англія какъ будто намѣревалась принять сторону королевы, но не рѣшалась сдѣлать это открыто.

Испанія была раздираема междоусобіями, объята полнѣйшей анархіей. Сотни солдатъ было достаточно для того, чтобы низвергнуть власть королевы Христины и возстановить конституцію 1812 г. Донъ-Карлосъ, зять королевы и претендентъ на престоль, прошелъ побѣдоносно со своимъ войскомъ съ сѣвера Испаніи на югъ.

Англія дѣйствовала и въ этомъ случаѣ нерѣшительно, и, хотя поддерживала интересы королевы и ея дочери, наслѣдницы престола, но все же дѣйствовала не достаточно энергично. Въ новыхъ порядкахъ, возникшихъ въ Испаніи, Франція видѣла нарушение утвержденной ею конституціи и долго колебалась прежде, нежели назначить къ испанскому двору новаго посланника.

Французское правительство задержало отряды, которые готовились ядти на защиту королевы, и какъ-будто собиралось даже вмѣстѣ съ Англіей отдѣлиться отъ четвертаго союза.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1900 г.

Во Франціи было произведено въ истекшемъ году нѣсколько покушеній на жизнь Людовика-Филиппа. Въ Парижѣ въ него стрѣляли въ то время, когда онъ проѣзжалъ по улицамъ въ экипажѣ; въ провинціи революціонеры пытались вызвать мятежъ, чтобы возстановить республику, и всѣ были изумлены, когда племянникъ Наполеона I, сынъ его пріемной дочери Гортензіи, вздумалъ провозгласить себя императоромъ подъ именемъ Наполеона.

Это смѣлое предпріятіе, затѣянное въ Страсбургѣ, было подавлено въ самомъ началѣ. Французское правительство великодушно простило этого 23-хъ-лѣтняго безумца и осудило его на 10-ти-лѣтнее изгнаніе въ Америку. Война Франціи съ Алжиромъ еще не окончена; для взятія Константины, въ которой заперлись недовольные, послано большое войско.

Англія заинтересована въ поддержаніи законнаго правительства въ Испаніи и Португаліи, но не хотѣла дѣйствовать открыто ни въ пользу королевы Христины, ни въ пользу донны Маріи.

Однако, великобританское правительство послало нѣсколько линейныхъ кораблей въ испанскіе и португальскіе порты, подъ предлогомъ охранить имущество великобританскихъ подданныхъ, живущихъ въ этихъ странахъ. Въ Англіи, въ дѣлахъ внутренняго управленія произошли серьезные безпорядки; основы англійской конституціи потрясены, и Европѣ придется быть свидѣтельницею борьбы между вигами и торіями. Увидимъ, каковъ будетъ ея исходъ.

Австрія, въ истекшемъ году, была занята коронованіемъ императора королемъ венгерскимъ въ Прагѣ. Правительство было озабочено подавленіемъ мятежа на границѣ Босніи; даровавъ Турціи нѣкоторые преимущества въ торговомъ отношеніи, оно тѣмъ самымъ упрочило свои отношенія къ Оттоманской Портѣ. Эта держава (Австрія) поддерживала дружественныя отношенія съ Россіей и часто дѣйствовала согласно съ Пруссіей.

Бельгія сблизилась съ Франціей, вслѣдствіе брака одной изъ дочерей Людовика-Филиппа и во многомъ подчинялась вліянію Тюльрійскаго двора. Ея недоразумѣнія съ Нидерландами уменьшились, но еще не прекращены окончательно.

Голландія поглощена своей торговлею, но въ то же время зорко слѣдитъ за всѣми шагами Бельгіи и Лондонскаго двора.

Пруссія держится, повидимому, тѣхъ же взглядовъ, какъ и оба императорскія правительства въ особенности во всемъ, что касается обузданія либеральныхъ принциповъ и ограниченія свободы прессы, но эта дружба можетъ быть прочна только въ правленіи нынѣ царствующаго короля, отца русской императрицы: ибо королевскій принцъ, наследникъ прусскаго престола, является поборникомъ иной политики и

увлекается тѣми принципами, которые господствуютъ нынѣ въ Европѣ и которые могутъ оказаться пагубными для его собственнаго существованія.

Данія дѣлала все возможное, чтобы подавить либеральныя стремленія своего народа, уже освоившагося съ введеннымъ въ этой странѣ представительнымъ образомъ правленія. Эта держава, утративъ, съ потерей Норвегіи, свое морское могущество, никогда не будетъ по-прежнему въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей и всегда будетъ готова дѣйствовать противъ нея въ союзѣ съ Швеціей.

Швеція, несмотря на свое прекрасное управленіе, также страдаетъ отъ внутреннихъ смуть; на ея подданныхъ дурно влияетъ примѣръ норвежцевъ, которые волнуются, не желая подчиняться королевской власти, и хотятъ отложиться и образовать независимое королевство.

Италія стремится свергнуть монархическую власть. Пьемонтъ, Папскія владѣнія, Неаполь, Тоскана кишатъ преобразователями (въ особенности изъ среды врачей и адвокатовъ), которые считаютъ себя призванными ввести въ Италію представительный образъ правленія. Къ счастью, всѣ царствующіе нынѣ монархи готовы содѣйствовать подавленію этихъ революціонныхъ стремленій, иначе Италіи пришлось бы, вѣроятно, подобно Франціи, испытать всѣ ужасы революціи.

Мы не станемъ болѣе распространяться на счетъ современнаго положенія Европы, гдѣ отъ сѣвера до юга происходитъ всеобщее броженіе, а развитіе промышленности идетъ въ разрѣзъ съ интересами Англии и Франціи. Железныя дороги сблизили всѣ страны, всюду стали изготовлять тѣ предметы, которые вывозились доселѣ исключительно изъ Франціи и Англии; это наноситъ большой ущербъ производительности этихъ двухъ странъ.

Америка со своей стороны стремится захватить рынки и конкурировать съ Англійей.

Въ Индіи владычество англичанъ весьма непрочно. Обученные англичанами военному искусству, индусы возстанутъ современемъ противъ своихъ угнетателей и создадутъ въ Индіи новый порядокъ вещей, что отразится, безъ сомнѣнія, и на Китаѣ.

Перейдемъ теперь къ нашей внутренней политикѣ.

Въ настоящее и въ предшествовавшее царствованіе, Россія совершенно измѣнила свою фizioномію. Вслѣдствіе преобразованій въ администраціи, ея образъ правленія во многомъ приблизился къ представительному образу правленія, и либеральныя идеи въ значительной степени пріобрѣли у насъ право гражданства.

Желаніе усовершенствовать гражданскій и уголовный сводъ законовъ вызвало на свѣтъ множество новыхъ, частью удачныхъ, частью мертворожденныхъ проектовъ. Была сдѣлана попытка подвести права

и привилегіи, коими пользуются нѣкоторыя области Россіи, подъ общіе законы Имперіи и согласовать съ ними эти привилегіи. Надъ разработкою этихъ вопросовъ трудились вмѣстѣ со Сперанскимъ депутаты отъ Курляндіи, Эстляндіи и Лифляндіи; предполагалось измѣнить шведскіе законы, дѣйствовавшіе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ подъ названіемъ Литовскаго статута, и надъ этимъ также усиленно работали.

При дворѣ пользовались вліяніемъ тѣ же лица, какъ и прежде. Тайная полиція была подчинена графу Бенкендорфу, военнымъ министромъ былъ графъ Чернышевъ, министромъ финансовъ графъ Канкринъ, морскимъ министромъ князь Меншиковъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде. Всѣ они видятъ императора обязательно одинъ разъ въ недѣлю. Министръ юстиціи Дашковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ не имѣли доклада у императора и посылали ему свои заключенія послѣ утвержденія ихъ Комитетомъ министровъ, въ коемъ они засѣдали. Такъ же точно былъ поставленъ и предсѣдатель Государственнаго Совѣта графъ Новосильцевъ. Графъ Адлербергъ и тайный совѣтникъ Танъевъ имѣли сношеніе непосредственно съ самимъ императоромъ, и ихъ мнѣніе имѣетъ въ его глазахъ большой вѣсъ. Статсъ-секретари Лонгиновъ и Вилламовъ, работающіе съ императрицею, имѣютъ рѣшающій голосъ при разборѣ просьбъ и въ дѣлахъ, касающихся благотворительныхъ заведеній, коими завѣдуетъ государыня. Оба графа Вильгорскіе по-прежнему были главными распорядителями по части танцевъ, поѣздовъ и разныхъ увеселеній. Министръ двора князь Волконскій видитъ императора и всю императорскую фамилію ежедневно и имѣетъ большое вліяніе на раздачу наградъ и милостей. Благодаря ему расходы двора значительно упорядочились и сократились.

Императоръ, послѣ своего паденія въ Пензенской губерніи, сдѣлался весьма раздражителенъ.

Великій князь Михаилъ хворалъ и провелъ большую часть года за границею.

Графъ Орловъ, не занимая никакой опредѣленной должности, пользуется довѣріемъ большаго двора. Съ нимъ часто совѣтуются.

Составители Энциклопедическаго словаря перессорились съ главнымъ редакторомъ Гречемъ. Причина ссоры была цензура. Издатель Плюшаръ былъ вынужденъ, по требованію сотрудниковъ, нарушить заключенное съ Гречемъ условіе.

Столицею охватила строительная горячка; владѣть домомъ считается нынѣ доходнѣе, нежели владѣть имѣніемъ, и страховыя общества дѣлаютъ хорошія дѣла. Курсъ держится все тотъ же, серебряный рубль стоитъ 3 р. 57 к. или 58 к.

Пронесся слухъ, будто сенаторамъ будетъ увеличено жалованіе съ

4.000 до 12.000 р. Я сомнѣваюсь въ этомъ, въ виду состоянія нашихъ финансовъ и предпринимаемыхъ императоромъ построекъ.

Января 3-го. Министромъ финансовъ получено высочайшее повелѣніе препроводить отнынѣ къ императору всѣ дѣла, касающіяся казенныхъ имуществъ; онъ будетъ получать впредь всѣ резолюціи по этимъ дѣламъ изъ канцеляріи его величества. Черезъ день послѣ этого приказа былъ полученъ отъ статсъ-секретаря Танѣева запросъ, въ которомъ сдѣланъ выговоръ министру за то, что онъ запоздалъ присылкою бумагъ. Министръ финансовъ былъ этимъ обиженъ и, кажется, хочетъ подать въ отставку.

Января 8-го. Въ Сенатѣ читанъ указъ объ упраздненіи управленія казенными имуществами и о переходѣ этой отрасли управленія въ канцелярію его величества. Докладчикомъ по дѣламъ казенныхъ имуществъ назначенъ генераль Киселевъ, онъ будетъ завѣдывать этими дѣлами вмѣстѣ съ совѣтомъ, который сосредоточитъ въ себѣ власть бывшаго директора и власть министра финансовъ. Членами совѣта назначены сенаторы: Княжнинъ, Фроловъ, Кочубей и кн. Голицынъ.

Января 22-го. Я посѣтилъ вечеромъ полковника Юрьевича, состоящаго при наслѣдникѣ цесаревичѣ; онъ показывалъ мнѣ альбомъ его высочества. Это вещь любопытная; въ немъ набросаны его высочествомъ проекты обмундированія солдатъ и офицеровъ по-казацки; встрѣчаются также карикатуры. Я слышалъ отъ Юрьевича, что въ этомъ году для путешествія наслѣдника составленъ слѣдующій маршрутъ: 1) великій князь будетъ проѣзжать ежедневно 150 в.; 2) ему разрѣшается останавливаться въ каждомъ губернскомъ городѣ 3 дня; 3) онъ долженъ посѣтить сначала губерніи: Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Казанскую и т. д., заѣхавъ на обратномъ пути на Нижегородскую ярмарку; откуда онъ отправится въ Воскресенскъ, гдѣ состоятся большіе маневры. Я подаль Юрьевичу мысль пригласить художника, чтобы набросать виды тѣхъ мѣстъ, которыя остановятъ на себѣ особое вниманіе наслѣдника цесаревича; кажется, онъ одобрилъ эту мысль.

Императоръ сдѣлалъ на-дняхъ выговоръ лейбъ-медикамъ Рауху и Крейтону, пользующимъ императрицу. Они подали оба въ отставку.

Января 27-го. Произошла дуэль между Пушкинымъ, извѣстнымъ писателемъ, и конногвардейцемъ Дантесомъ, французомъ, приемнымъ сыномъ голландскаго посланника, барона Геккерена. Пушкинъ смертельно раненый прожилъ 30—40 часовъ послѣ дуэли. Трудно себѣ представить, какой переполохъ вызвала его кончина. Молодежь, до крайности возмущенная этимъ, толпою устремила въ его домъ; даже купцы рѣшили отдать покойному послѣдній долгъ. Было бы отрадно видѣть это всеобщее сочувствіе, если бы это была только дань, отдаваемая его

таланту, но, къ сожалѣнью, оно является скорѣе выраженіемъ сочувствія тѣмъ либеральнымъ идеямъ, какія онъ проповѣдывалъ (?)

Февраля 1-го. Всѣмъ полкамъ гвардіи приказано выступить по очереди изъ столицы и расположиться на квартирахъ по Московскому шоссе. Это дѣлается, какъ говорятъ, съ цѣлью провѣтрить казармы и подраздѣлить офицерскія квартиры.

Февраля 12-го. На-дняхъ, принцъ Карлъ прусскій, разговаривая съ императоромъ о разныхъ вопросахъ военнаго дѣла, сказалъ, между прочимъ, что въ Берлинѣ потребовалось всего 12 часовъ на то, чтобы собрать войска и произвести большой парадъ. Императоръ сказалъ, что въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго и что ему достаточно этого срока для того, чтобы произвести парадъ не только съ частями, стоящими въ Петербургѣ, но и съ войсками, которыя стоятъ въ 20 и болѣе верстахъ отъ города. Парадъ состоялся, и въ немъ участвовали войска, стоящія въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ.

Февраля 14-го. Въ Аничковскомъ дворцѣ былъ китайскій маскарадъ; маскированные должны были изображать китайскаго императора, его дѣтей и дворъ. Вице-канцлеръ и посланникъ Татищевъ изображали врача и повара. Одинъ австрійскій вельможа, гр. Пальфи, изображалъ китайскаго императора. Отъ природы большой шутникъ, онъ потѣшалъ царскую фамилію.

Февраля 21-го. При дворѣ былъ балъ, на которомъ присутствовали всѣ министры, даже министры юстиціи и финансовъ. Говорятъ, будто его величество хочетъ смѣнить ихъ, въ особенности министра внутреннихъ дѣлъ Блудова; на его мѣсто полагаютъ назначить оренбургскаго генераль-губернатора Перовскаго.

На-дняхъ разжалованъ и сосланъ на Кавказъ гусарскій офицеръ Лермонтовъ, написавшій стихи на смерть Пушкина, въ которыхъ онъ позволилъ себѣ выходки противъ правительства.

Марта 2-го—4-го. На этихъ дняхъ графъ Бенкендорфъ внезапно заболѣлъ. На его выздоровленіе нѣтъ надежды. Публика принимаетъ большое участіе въ его болѣзни. Всѣ боятся потерять его, зная, что онъ умѣетъ быть снисходительнымъ къ увлеченіямъ и ошибкамъ молодыхъ людей. Стоя во главѣ тайной полиціи и имѣя возможность дѣлать много вреда, онъ не дѣлаетъ никому зла. Во время его болѣзни императоръ навѣщалъ его по два раза въ день. Говорятъ, что въ случаѣ его кончины на его мѣсто будетъ назначенъ графъ Орловъ или графъ Чернышевъ; послѣдняго въ обществѣ, кажется, побаиваются; еще болѣе боятся назначенія литовскаго генераль-губернатора князя Долгорукова.

Получено извѣстіе о внезапной кончинѣ кievскаго митрополита Евгенія. Это былъ человекъ набожный и образованный.

Марта 12-го. Дворъ совершилъ прогулку на Елагинъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Марта 13-го. Большія похороны статсъ-секретаря и сенатора Энгеля. Это былъ человѣкъ образованный, но въ высшей степени льстивый, чтѣ и проложило ему путь къ почестямъ.

Марта 29-го. На собраніи совѣта, происходившемъ у митрополита Серафима, на которомъ присутствовалъ также митрополитъ московскій, обсуждался вопросъ о томъ, надобно ли ассигновать пособіе дѣтской больницѣ. Всѣ мои коллеги были противъ этого, но мнѣ все же удалось выхлопотать для нея одновременно 3.000 р., хотя я просилъ 5.000. Ежегоднаго пособія не согласились дать; я былъ весьма удивленъ тѣмъ, что митрополитъ московскій высказался противъ благотворительности, хотя графъ Апраксинъ увѣрялъ меня въ противномъ.

Апрѣля 5-го. Въ засѣданіи совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ обсуждался вопросъ объ обращеніи остатка фондовъ государственнаго казначейства на удовлетвореніе кредиторовъ Молдавіи. Было рѣшено, что деньги эти не будутъ выданы Милошу, но будутъ обращены на удовлетвореніе претензій русскихъ подданныхъ и нѣкоего князя Караджія.

Апрѣля 21-го. Былъ балъ въ Эрмитажѣ. Помѣщеніе очень красивое, но такъ какъ оно рассчитано человѣкъ на 150—200, а не 600—700, то мы были, какъ сеledки въ бочкѣ. Ужинъ былъ сервированъ въ театральномъ залѣ; вся сцена была иллюминирована. Императоръ замѣтилъ мнѣ, почему я явился въ чулкахъ; я отвѣчалъ, что по привычкѣ.

— А у меня всегда болятъ ноги, когда я бываю безъ высокихъ сапогъ,—сказалъ онъ.

Апрѣля 24-го. Графъ Бенкендорфъ скончался 52-хъ лѣтъ отъ роду. Всѣ сожалѣютъ о кончинѣ этого прекраснаго человѣка, котораго можетъ замѣнить только графъ Орловъ. Эта потеря будетъ тяжела для императора. Бенкендорфъ пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ и не злоупотреблялъ своею властью. Весьма многіе обязаны ему своимъ спокойствіемъ, многіе находили у него защиту противъ притѣсненій со стороны людей богатыхъ и могущественныхъ. Дай Богъ, чтобы государь избралъ ему хорошаго преемника, отъ этого зависитъ спокойствіе его личное и всей Имперіи, ибо если этотъ избранникъ не сдумаетъ разобратъся въ донесеніяхъ тайной полиціи и классифицировать ихъ, то императоръ будетъ постоянно имѣть непріятности.

Извѣстіе о кончинѣ Бенкендорфа оказалось ложнымъ; докторъ Лерхе, отъ котораго я слышалъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ, что графу лучше.

Мая 1-го. Наслѣдникъ цесаревичъ долженъ былъ уже съ недѣлю тому назадъ отправиться въ продолжительное путешествіе, но вслѣдствіе

плохого состоянія дорогъ пришлось отложить его отъѣздъ до 4-го числа и отказаться отъ поѣздки въ Вологду. Великій князь поѣхалъ на Новгородъ, Тверь, Ярославль.

Іюня 11-го. Последнее засѣданіе общаго собранія Сената. На немъ не обсуждалось ничего особенно интереснаго, кромѣ дѣла башкиръ. Временно исполняющій обязанности министра юстиціи Блудовъ много говорилъ по этому поводу; было рѣшено придериваться указа 1832 г.; оренбургскому генераль-губернатору предписано сноситься съ генераломъ Киселевымъ (управляющимъ казенными имуществами), чтобы привести въ исполненіе этотъ указъ, не вызывая неудовольствія башкиръ относительно владѣнія землями и т. д.

Іюня 22-го. Я бесѣдовалъ съ членомъ Государственнаго Совѣта Лавинскимъ и съ грустью услышалъ отъ него о томъ, какъ Государственный Совѣтъ относится къ законамъ. Всѣмъ, повидимому, наскучили нововведенія, поэтому проекты, предлагаемые министрами въ сферѣ административныхъ преобразованій, или для измѣненія существующихъ законовъ, проходятъ безъ всякихъ возраженій.

Іюня 23-го. Я отправился въ Кронштадтъ на могилу моего сына (скончавшагося 27-го апрѣля). Я видѣлъ этотъ городъ 47 лѣтъ тому назадъ и нашелъ, что онъ украсился многими зданіями; между прочимъ, я былъ изумленъ огромнымъ числомъ орудій, поставленныхъ на валахъ и въ укрѣпленіяхъ. Повидимому, у насъ серьезно ожидаютъ нападенія со стороны Англии. Императоръ часто бываетъ въ Кронштадтѣ и слѣдитъ за работами инженеровъ; онъ посѣтилъ крѣпость въ тотъ же день, какъ я былъ тамъ.

Іюнь—августъ. Получивъ отпускъ на два мѣсяца и 28 дней, я воспользовался этимъ, чтобы съѣздить въ свои имѣнія въ Литву и въ Подольскую губернію. Мои помѣстья были въ такомъ же образцовомъ состояніи, какъ и пять лѣтъ тому назадъ, но меня удивили большія перемѣны, происшедшія въ уніатской церкви. Въ ней было уничтожено все, напоминавшее католицизмъ, не было болѣе скамеекъ и были устроены царскія врата, какъ въ православной церкви. Мой управляющій Шиманскій, ярый католикъ, умолчалъ въ своихъ письмахъ объ этихъ перемѣнахъ.

Сентября 10-го. Я возвратился 10-го числа въ Царское Село и переночевавъ отправился на слѣдующій день въ Петербургъ.

Петербургъ украсился во время моего отсутствія нѣсколькими зданіями и новыми газовыми фонарями, поставленными на нѣкоторыхъ улицахъ. Надѣюсь, что на всякій случай оставятъ нѣсколько старѣхъ фонарей.

Октября 2-го. Великій князь Михаилъ пріѣхалъ въ Павловскъ, а императоръ уѣхалъ въ Грузію. За послѣдніе два дня «Петербургская

газета» переполнена описаніями сраженій, въ которыхъ наши войска участвуютъ въ Дагестанѣ.

Октябръ 14-го. Дѣти императора уѣхали въ Москву, подъ надзоромъ графа Бенкендорфа, а ихъ дядька, князь Голицынъ, остался въ Петербургѣ, чѣмъ онъ по всей вѣроятности немало огорченъ.

Говорятъ, будто императоръ вернется изъ Тифлиса на Донъ 18-го числа и прослѣдуетъ оттуда въ Москву.

Ноябръ 2-го. Рассказываютъ по секрету, будто въ Одессѣ появилась чума.

Ноябръ 8-го. Слухи о появленіи чумы въ Одессѣ подтвердились; письма получаютъ проколотыя и обкуреныя. Къ счастью, эта болѣзнь подавлена энергичными мѣрами, принятыми гр. Воронцовымъ.

Декабръ 9-го. Его величество вернулся въ Царское Село въ ночь съ 9-го на 10-ое, и 12-го числа вся царская фамилія переѣхала въ городъ.

Декабръ 17-го. Ихъ величества посѣтили балетъ, гдѣ танцевала Таліони. Возвратясь изъ театра, они застали дворецъ объятый пламенемъ. Говорятъ, будто огонь показался одновременно въ разныхъ мѣстахъ дворца. Весь кварталъ вплоть до Эрмитажа истребленъ огнемъ. Императоръ встрѣтилъ это несчастіе съ покорностью и воспретилъ тушить пожаръ послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ погибло на его глазахъ въ пламени. Церковныя иконы спасены также, какъ и портреты генераловъ 1812 года. Коронныя брилліанты и личные брилліанты императрицы и царской фамиліи также спасены, равно какъ и все серебро.

Декабръ 25-го. Послѣ обѣдни совершилось открытіе памятниковъ, воздвигнутыхъ кн. Кутузову и Барклаю-де-Толли, передъ Казанскимъ соборомъ. По этому случаю не было никакой особенной церемоніи. Въ тотъ же день былъ большой выходъ въ Эрмитажъ, гдѣ поставлена походная церковь. Было очень тѣсно.

Декабръ 28-го. Учреждена должность министра государственныхъ имуществъ.

Декабръ 29-го. Бибиковъ (Дм. Гавр.) получилъ неожиданно назначеніе быть кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ вмѣсто гр. Гурьева; онъ переименованъ изъ сенаторовъ въ генераль-лейтенанты. Это прекрасный выборъ, но многіе интриганы имъ недовольны.

Объ изданіи сочиненій И. Ѳ. Горбунова.

При Комитетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Древней Письменности образована въ настоящее время особая коммиссія, которой поручено издать по возможности полное собраніе сочиненій покойнаго И. Ѳ. Горбунова. Въ это изданіе войдутъ его рассказы, повѣсти, драматическія сцены, историческія импровизаціи и наконецъ письма къ разнымъ лицамъ, имѣющія общій интересъ. Коммиссія уже приступила къ работамъ и предполагаетъ выпустить все изданіе въ двухъ томахъ большаго формата съ многочисленными портретами автора, снимками съ его автографовъ и 100 иллюстрацій къ его произведеніямъ художниковъ: И. Е. Рѣпина, В. Е. Маковского, Н. П. Богданова-Бѣльскаго, В. И. Навозова, А. А. Чикина, Н. А. Кошелева и др.

Приступая къ изданію, Коммиссія надѣется, что лица, чтущія память И. Ѳ. Горбунова и сочувствующія этому изданію, не откажутся подѣлиться съ нею всякаго рода матеріалами, имѣющими отношеніе къ его литературно-артистической дѣятельности, напримѣръ, его письмами, записями его рассказовъ или хотя бы отдѣльныхъ мѣткихъ выраженій, а равно портретами и рисунками. По минованіи надобности всѣ доставленные матеріалы будутъ съ благодарностью возвращены въ сохранномъ видѣ.

Цѣна изданію предполагается не менѣе 15 руб. Лица, желающія оказать задуманному дѣлу матеріальное содѣйствіе, благоволятъ присылать взносы въ ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Любителей Древней Письменности (Фонтанка, 34), при чемъ всѣ, сдѣлавшіе взносъ, получаютъ по одному экземпляру сочиненій, если внесенная ими сумма окажется не менѣе дѣйствительной стоимости одного экземпляра.

нельзя поместить алфавитные указатели лиц и вещей, упоминаемыхъ въ текстѣ, для облегченія пользованія этимъ сборникомъ.

Н. К-ш-ъ.

Гр. Джаншиевъ. Эпоха великихъ реформъ (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна гласныхъ наказаній.—Университетская экономія.—Земство.—Центральная еформа.—Гласный судъ и судъ присяжныхъ.—Воинская реформа.—Городское самоуправленіе.—Измѣ общественной хроники.—Дѣятели преобразовательной эпохи). Историческія справки. Съ портретами. 7-е дополненное изданіе. Москва 1898 г.

Выдержавшая въ теченіе шести лѣтъ семь изданій книга спонциалнаго въ юль текущаго года Григорія Аветисовича Джаншиева известна всѣмъ, мало-мальски интересующимся исторіею, и мы не ставимъ передавать ея содержаніе.

Г. А. Джаншиевъ, хотя и былъ адвокатомъ, но рѣдко фигурировалъ въ качествѣ защитника на судѣ, а чаще всего выступалъ съ адвокатскими защитительными рѣчами въ печати предъ всѣмъ русскимъ обществомъ. Онъ былъ публицистомъ-поэтомъ.

Въ своей поэзіи-монографіи, заглавіе которой мы привели выше, онъ воспѣлъ эпоху великихъ реформъ, написалъ ее правдиво по архивнымъ документамъ. Подростающія поколѣнія, какими-образомъ, благодаря книгѣ Г. А. Джаншиева, знаютъ эту великую эпоху; она проникается его страстнымъ признаніемъ любить эту эпоху, усвоивать ея идеи и служить имъ и въ свои дни. Такой книгѣ остается только пожелать еще большаго распространенія, и мы убѣждены, что она выдержитъ не одно еще изданіе.

Религіозная вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Переводъ съ англійскаго В. А. Тимирязева. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. С.-Петербургъ 1900. Цѣна 2 р.

Въ послѣднее время,—говоритъ въ предисловіи къ своему переводу В. А. Тимирязевъ,—религіозные вопросы занимаютъ видное мѣсто въ современной иностранной литературѣ: ими занимаются не только специалисты, но государственные люди, какъ Гладстонъ въ Англіи, и выдавшіеся публицисты, какъ Брютшеръ, Бакле и Дежарденъ во Франціи. Отличительными чертами этого новаго религіознаго воззрѣнія служатъ съ одной стороны широкое вѣротерпимости, заимчивая старую вѣротер-

пимость, или прежнее равнодушіе, а съ другой основательное, серьезное и конкретное изученіе всѣхъ старыхъ и новыхъ человѣческихъ вѣрованій.

Съ цѣлю развитія вѣротерпимости и болѣе полного, всесторонняго знакомства съ религіозными, философскими и социологическими системами, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ Лондонѣ образовался кружокъ для чтенія публичныхъ лекцій по этому предмету, и за время съ 1888 по 1891 г. онъ устроилъ значительное число подобныхъ чтеній спеціалистами, но въ популярной формѣ. Лекторы поставили себѣ задачей представить краткій очеркъ каждой отдѣльной религіозной системы, каждаго особаго вѣрованія, съ чисто объективной точки зрѣнія, не касаясь догматической полемики.

Разсматриваемая нами книга содержитъ въ себѣ 50 такихъ лекцій, съ прибавленіемъ восьми статей, авторы которыхъ, по той или другой причинѣ, не могли явиться въ качествѣ лекторовъ.

Въ Англіи и Америкѣ эта книга имѣла значительный успѣхъ и была встрѣчена сочувственными отзывами критиковъ, единственно призвавшихъ, что она лишена тѣхъ недостатковъ, которыми обыкновенно страдаютъ подобныя общія обзорныя человѣческихъ вѣрованій, если на дѣло берется одинъ авторъ, какъ-бы онъ знающій и безпристрастенъ ни былъ, потому что онъ непремѣнно старается провести свой взглядъ на каждую излагаемую систему и тѣмъ придаетъ своей книгѣ полемическій характеръ.

Главную и характеристическую черту разнообразныхъ авторовъ этой книги составляетъ отсутствіе полемики и строгая объективность.

Благодаря прекрасному переводу г. Тимирязева, русскій читатель найдетъ въ этой книгѣ осмысленное, рельефное изложеніе того, какъ и во что вѣровали люди въ старину, какъ и во что вѣруютъ они въ настоящее время; при томъ не встрѣтитъ ни одной фразы, которая стремилась бы поколебать его собственную вѣру, или влиять ему чужія вѣрованія.

Слова, выбранныя переводчикомъ въ качествѣ эпиграфа: «сохрани Боже порицать друга друга за вѣру; пусть каждый вѣруетъ по-своему, какъ ему сроднѣе»^{*)},—составляютъ суть и основу этого серьезнаго научнаго историческаго труда, не изъясняющаго ничего общаго съ богословскою догматикой и полемикой, и имъ убѣждены, что эта книга будетъ пользоваться и у насъ, въ Россіи, такимъ же успѣхомъ, какъ и она пользуется за границей.

Н. К-ш-ъ.

^{*)} «Московский Сборникъ», изд. К. П. Побѣдоносичева, стр. 197.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старина“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбаеникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 11). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Шимская ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о важныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей: людей государственныя, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признаваемыя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXI-я.

ДЕКАБРЬ.

1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.). Н. К. Шильдеръ.....	498—508	извъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1834—1836 гг.). С. Казанскаго.....	685—687
II. Маризъ Велопольскій. (Замѣтка о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи польскаго мятежа въ 1861—1862 годахъ). А. Н. К.....	509—526	XIV. Изъ смутнаго времени. (Дневникъ Андрея Лавицкаго). П. Пирлига.....	689—706
III. Екатерина II и Василій Васильевичъ Маховскій, 1791—1793. (Окончаніе). В. А. Бильбаева.....	527—552	XV. Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго - Данилевскаго. 1825 годъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ....	707—719
IV. Записки генерала В. И. Левенштерна.....	553—582	XVI. Записки Михаила Чайковскаго. (Мехметъ-Садикъ-паша). Перев. В. В. Тимошукъ.....	721—744
V. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. Н. Д.....	583—588	XVII. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Собственноручное письмо А. С. Шишкова — витрополиту Серафиму о молитвахъ, переложенныхъ на престоупродное нарѣчіе (стр. 610). — Рассказы о разбойникѣ Тришкѣ. Сообщ. А. М. (620). — Высочайшая благодарность корнету Яковлеву за хорошее устройство Верхъ-Исетскаго завода. — Рескриптъ импер. Александра I—Е. П. Батуриной объ уплатѣ долговъ ей мужа (634). — О доставленіи припасовъ къ высочайшему двору (688). — Рескриптъ имп. Павла I—ген. Розенбергу (720). —	
VI. Изъ записокъ стараго преобразенца. 1851 годъ. Князь Н. К. Иммертинскаго.....	589—609	XVIII. Указатель личныхъ именъ въ 101, 102, 103 и 104 томахъ „Русской Старинѣ“ изд. 1900 года.	
VII. Михайловскій замокъ и 8 е ноября 1800 г. Н. К. Шильдера.....	611—614	XIX. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
VIII. Проектъ гр. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи.....	615—616		
IX. Нѣмецкій источникъ одного русскаго романа. Проф. А. И. Кирпичникова.....	617—619		
X. Софья Петровна Сетчина. (Ея жизнь и переписка). (Окончаніе). П.....	621—642		
XI. Изъ исторіи русской цензуры. (1814—1820 гг.). (Сообщилъ Н. Д.....)	643—664		
XII. Меттернихъ и его внѣшняя политика. А. П. Рѣдкина.....	665—683		
XIII. Графъ А. К. Толстой. (Замѣтка объ его службѣ въ Московскомъ главномъ ар-			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Михайловскій замокъ (съ современ. гравюры). Грав. Н. И. Хелиничій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“
Большая Подъячская, 39.
1900.

Digitized by Google

Библиографическій листокъ.

Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ.—Выпускъ XII.—Война съ Турціею 1711 года (Прутская операція).—Матеріалы, извлеченные изъ архивовъ Государственнаго, Военно-Ученаго, Главнаго Морскаго, Канцеляривъ Военнаго Министерства, С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, Рижскаго Генераль-Губернаторскаго, Академіи Наукъ и Ружописнаго Отдѣленія Спб. Императорской публичной бібліотеки. Генеральн.-шт. полк. А. З. Мышлаевскій. Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго штаба. 1898.

Война съ Турціею 1711 года, — какъ справедливо замѣчаетъ А. З. Мышлаевскій въ предисловіи, — представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи Россіи. Трагическій конецъ завершившій движеніе къ Пруту, рядъ рискованныхъ положеній, въ которыхъ были поставлены дипломатія и армія, не вполнѣ оправдывавшія надежды на содѣйствіе балканскихъ христіанъ, наконецъ, полные фантазіи рассказы современниковъ, — все это, сообща событію окраску предпріятія, гениально задуманнаго, но крайне неудачно исполненнаго, невольно привлекаетъ вниманіе историка.

Избравъ темою для своей военно-исторической работы Прутскую операцію, г. Мышлаевскій на первый планъ поставилъ возможно полный сборъ актовъ служебнаго характера, относящихся къ кампаніи и дополняющихъ то, что есть уже въ печати.

Часть собраннаго въ архивахъ разныхъ учреждений, находящихся въ С.-Петербургѣ, богатаго военно-историческаго матеріала и вошла въ рассматриваемый нами Сборникъ.

Для удобства пользования, напечатанные документы распределены на пять отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ помѣщены указы Петра Великаго, относящіеся къ походу; всѣхъ указовъ 47; нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны съ другихъ изданій, въ виду особаго ихъ интереса и редакціонныхъ оцѣнокъ; въ второмъ, самый главный по содержанию, отдѣлъ составляетъ переписка участниковъ войны, — сюда включены поступающія къ царю донесенія, а

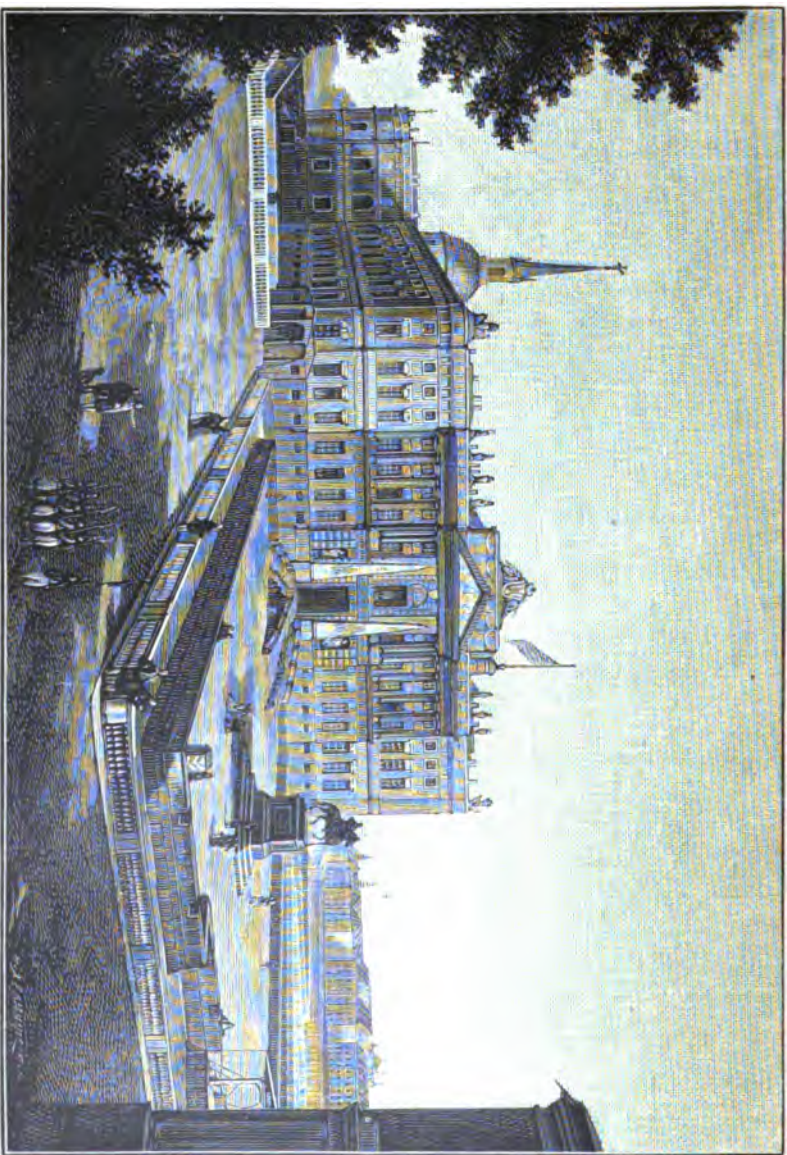
также письма, которыми обмѣнивались дѣтские между собою; въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены документы общаго содержанія, т. е. показанія дезертировъ и пѣльимитъ, донесенія корреспондентовъ, извѣстія и дописки о передвиженіи дѣлъ въ арміи, реляціи, указы и приказы по арміи, инструкціи и пункты, постановленія военныхъ совѣтовъ и т. п.; документы этого отдѣла касаются всей арміи; четвертымъ и пятымъ отдѣламъ составили таблицы и свѣдѣнія о состояніи войсковыхъ частей, гарнизонахъ и артиллеріи, а также разсказанные отчеты и соображенія по предводительственной части; шестымъ, седьмымъ и восьмымъ отдѣламъ образовались во время печатанія Сборника, въ видѣ дополненій къ первымъ тремъ; сюда же вошли и матеріалы, извлеченные изъ 1-го отдѣленія бібліотеки Академіи наукъ. Документы каждаго отдѣла разбиты въ хронологической послѣдовательности.

Мы не приводимъ выдержекъ изъ богатаго содержаніемъ Сборника А. З. Мышлаевскаго, такъ какъ, въ виду множества въ высшей степени интересныхъ документовъ по данному вопросу, выписки пришлось бы дѣлать чуть не съ каждой страницы, въ особенности втораго его отдѣла.

Н. И-ш-я.

Iana Kilińskiego czewca warszawskiego, pułkownika XX pułku liniowego piechoty drugi pamiętnik nieznany o czasach Stanisława Augusta. Z rękopisu po raz pierwszy wydał A. Kraków. 1899, 294 strak.

Въ 1895 г. „Русская Старина“ напечатала на своихъ страницахъ (т. LXXXIII), въ нашемъ переводѣ, записки варшавскаго башмачника, а послѣ полковника 20-го полка національной обороны, Яна Килинскаго, о событіяхъ въ Варшавѣ 1794 года и объ его поволѣ. Въ предисловіи къ этимъ запискамъ мы, между прочимъ, писали: „Кромѣ Записокъ о событіяхъ 1794 г. Килинскій оставилъ еще „Pamiętnik“, до сихъ поръ не напечатанный, вышедшій царствованіе Станислава-Августа (т. LXXXIII, стр. 95). Вотъ это-то „Pamiętnik“

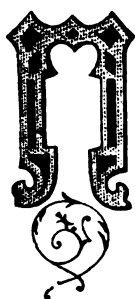
МИХАЙЛОВСКІЙ ЗАМОКЪ. (Съ современной картины).

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

VI ¹).

Послѣ паденія Исакчи, императоръ Николай, во главѣ войскъ, перешедшихъ Дунай, двинулся къ Бабадагу ¹). 2-го (14-го) юня, за нѣсколько верстъ до этого города, государя ожидала депутація отъ некрасовцевъ, бѣжавшихъ изъ Россіи еще въ началѣ XVIII столѣтія, во время Булавинскаго бунта. Это племя, занимавшее нѣсколько большихъ деревень, выстроенныхъ на русскій образецъ, сохранило нашу вѣру, одежду и родные обычаи. Депутаты встрѣтили русскаго самодержца съ хлѣбомъ и солью, и въ минуту его приближенія пали на землю. Императоръ велѣлъ имъ встать.

— Не стану обманывать васъ,—сказалъ онъ,—ложными надеждами: я не хочу удерживать за собою этотъ край, въ которомъ вы живете и который занятъ теперь нашими войсками; онъ будетъ возвращенъ туркамъ, слѣдственно поступайте какъ велитъ вамъ ваша совѣсть и ваши выгоды. Тѣхъ изъ васъ, которые захотятъ возвратиться въ Россію, мы примемъ, и прошедшее будетъ забыто; тѣхъ же, которые останутся здѣсь, мы не тронемъ, лишь бы они не обижали нашихъ людей. За все, что вы принесете въ нашъ лагерь, будетъ всегда заплачено чистыми деньгами.

¹) См. «Русскую Старину» 1900 г. ноябрь.

²) Въ Бабадагѣ получено было извѣстіе объ успѣшномъ ходѣ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ крѣпости Авапы.

Замѣтимъ здѣсь, что во все продолженіе войны не было нашей арміи повода къ жалобамъ на некрасовцевъ. Надѣленные однако турецкимъ правительствомъ угодьями и рыбными ловлями, всѣ они предпочли остаться на Оттоманской землѣ и не возвратились въ Россію.

Подвигаясь далѣе къ Троянову валу, императорская и главная квартиры арміи расположились лагеремъ у Карасу, гдѣ оставались съ 7-го (19-го) по 24-е іюня (6-е іюля). Здѣсь государь поджидалъ извѣстіе о покореніи крѣпостей, оставшихся въ тылу арміи ¹⁾.

6-го (18-го) іюня послѣдовало занятіе полковникомъ Роговскимъ Мачина. 7-го (19-го) іюня сдался на капитуляцію Браиловъ, послѣ неудачнаго штурма (3-го іюня), стоившаго намъ болѣе 3.000 человекъ ²⁾. Извѣстіе о покореніи Браилова привезъ адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, полковникъ Бибиковъ: онъ прискакалъ въ лагерь при Карасу, 8-го (20-го) іюня. «Благодареніе Богу! Браиловъ нашъ». воскликнулъ императоръ, обнимая радостнаго вѣстника, и тотчасъ поспѣшилъ въ палатку графа Витгенштейна сообщить главнокомандующему извѣстіе о покореніи крѣпости, надѣлавшей намъ столько бѣдъ. Немедленно повелѣно было отслужить въ лагерѣ молебень.

Затѣмъ послѣдовательно сдались: Гирсовъ 11-го (23-го) іюня, генералу князю Мадатову, Кюстенджи 12-го (24-го) іюня генералу Ридигеру и Тульча 19-го іюня (1-го іюля) генералу Ушакову.

Великій князь Михаилъ Павловичъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 2-й степени. Онъ прибылъ къ государю въ лагерь при Карасу 22-го іюня (4-го іюля).

Императоръ Николай удостоилъ также графа Витгенштейна лестнымъ рескриптомъ, въ которомъ приписавъ ему, по чувству благодарной снисходительности, всю честь успѣховъ, одержанныхъ въ начавшейся кампаніи, пожаловалъ фельдмаршалу алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго.

Въ это время послѣдовали нѣкоторыя перемены въ личномъ составѣ второй арміи. Государь назначилъ генераль-маіора Берга генераль-квартирмейстеромъ на мѣсто князя Горчакова, который получилъ

¹⁾ Послѣ переправы черезъ Дунай, диспозиціи по 3-му корпусу, а затѣмъ при движеніи главныхъ силъ къ Базарджику, Енибазару и во время обложенія Шумлы,—отдаваемые за подписью генераль-адъютанта Киселева—начинались словами: „По соизволенію его императорскаго величества г. генераль-фельдмаршалъ приказалъ объявить слѣдующее на завтрашній день распорядженіе». Или: „г. генераль-фельдмаршалъ съ высочайшей его императорскаго величества воли приказать изволилъ“. Или: „По высочайшей волѣ г. генераль-фельдмаршалъ приказалъ объявить къ исполненію слѣдующее“.

²⁾ 970 убитыхъ и 2237 раненыхъ, въ этомъ числѣ находилось 13 убитыхъ и 110 раненыхъ офицеровъ.

въ командованіе 18-ю пѣхотную дивизію, вмѣсто генерала барона Людинггаузенъ-Вольфа, смертельно раненаго при штурмѣ Браилова.

Сдача всѣхъ поименованныхъ выше крѣпостей не передала, однако, въ руки побѣдителей Турецкихъ гарнизоновъ военно-плѣнными; ради ускоренія капитуляцій, имъ повсюду предоставлено было право свободного выхода къ желаемому пункту Оттоманской территоріи, сохраняя право участвовать въ дальнѣйшей войнѣ съ Россією. Это обстоятельство отразилось весьма невыгоднымъ для насъ образомъ на послѣдовавшихъ затѣмъ операціяхъ, въ особенности противъ крѣпости Силистріи, гарнизонъ которой усилился храбрыми защитниками Браилова, въ числѣ до 17.000 человекъ ¹⁾.

И такъ къ 20-му іюня (2-му іюля) всѣ придунайскія крѣпости, ниже Силистріи, находились въ нашихъ рукахъ; мы господствовали въ странѣ до Троянова вала; свободный подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ обезпеченъ былъ занятіемъ гавани Кюстенджи. До сихъ поръ русскія войска выходили побѣдителями во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и военное счастье всюду имъ благопріятствовало: они совершили открытой силою переправу черезъ Дунай, казавшуюся невозможною, и въ шесть недѣль овладѣли шестью турецкими крѣпостями. Вѣра въ непобѣдимость ихъ оружія предшествовала ихъ знаменамъ и могла имѣть неисчислимое вліяніе на противниковъ, подобныхъ туркамъ, если бы обаяніе это не было поколебимо послѣдующими затѣмъ событіями. На подобномъ заключеніи относительно нашихъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, за истекшій періодъ времени, начиная съ 14-го (26-го) апрѣля, справедливо останавливается графъ Мольтке.

Во время стоянки въ лагерѣ при Карасу, императоръ Николай получилъ 20 го іюня еще одно радостное извѣстіе о благополучномъ окончаніи осады Анапы. 12-го (24-го) іюня князь Меншиковъ овладѣлъ крѣпостью. Занятіемъ Анапы развязаны были руки Черноморскому флоту и открывалась возможность присоединить посланный туда десантный отрядъ къ арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ Государь наградилъ князя Меншикова орденомъ Св. Георгія 3-й степени и чиномъ вице-адмирала; Грейгу пожалованъ былъ чинъ адмирала. 3-го (15-го) іюля эскадра Черноморскаго флота взяла снова на корабли десантныя войска, а именно 13-й и 14-й Егерскіе полки при восьми орудіяхъ, для доставленія въ Мангалію, откуда они должны были сухимъ путемъ присоединиться къ войскамъ, предназначеннымъ для осады крѣпости Варны.

¹⁾ По мнѣнію графа Мольтке, Силистрійская крѣпость находилась въ такомъ неудовлетворительномъ положеніи, что до прибытія браиловскаго гарнизона, нечаянное на нее нападеніе представляло вѣроятіе успѣха.

Съ этого времени, невыгодныя послѣдствія поздняго перехода черезъ Дунай съ каждымъ днемъ дѣлались все болѣе очевидными. По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа: «Жары начинали сильно утомлять солдатъ; мало было воды; и та дурная; заросшія камышемъ болота распространяли вредное зловоніе; трава погорѣла; для огромной массы лошадей уже оказывался недостатокъ въ фуражѣ; многія тысячи воловъ, перевозившихъ провіантъ и резервные парки, за неимѣніемъ достаточныхъ пастбищъ, худѣли, дѣлались неспособными къ извозу и издыхали въ пути, еще болѣе заражая воздухъ».

Императоръ Николай воспользовался стоянкою въ лагерѣ при Карасу, чтобы съѣздить въ Кюстенджи, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ казаковъ, и отдалъ приказаніе объ устроеніи тамъ госпиталей, равно какъ и распоряженіи относительно выгрузки провіанта, привезеннаго на купеческихъ судахъ.

Спустя нѣсколько дней, 24-го іюня (6-го іюля), сняли наконецъ лагерь при Карасу, и главныя силы арміи двинулись къ Базарджику; здѣсь, приближаясь къ городу, передовымъ войскамъ представился первый случай въ эту кампанію вступить въ бой съ турками въ открытомъ полѣ. Непріятельская конница, воспользовавшись увлеченіемъ двухъ нашихъ уланскихъ эскадроновъ, нанесла имъ сильный уронъ и даже совсѣмъ изрубила бы ихъ, если бы не подоспѣли на помощь гусары съ двумя конными орудіями. Турки продолжали свое отступательное движеніе.

Базарджикъ, брошенный жителями и окруженный множествомъ кладбищъ, представлялъ наглядный образъ опустошенія и смерти. Непріятель передъ уходомъ испортилъ тамъ всѣ фонтаны и колодцы, заваливъ ихъ соромъ и мѣшками съ мыломъ, такъ что не было возможности ими пользоваться.

Въ Базарджикѣ осуществилось, 26-го іюня, ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ соединеніе съ 7-мъ корпусомъ, освободившимся послѣ взятія Браилова, однако за отдѣленіемъ различныхъ отрядовъ, предназначавшихся для особыхъ цѣлей, главныя силы арміи не превышали 44-хъ баталіоновъ и 20-ти эскадроновъ. Тогда ясно обнаружилось, что война съ Портою начата была съ недостаточными силами. Турки, рассчитывавшіе имѣть дѣло съ громадными средствами своего противника, крайне удивились, что противъ нихъ вводились въ дѣло только нѣсколько эскадроновъ и небольшая горсть пѣхоты; произведенное такимъ положеніемъ дѣлъ нравственное впечатлѣніе было благоприятно туркамъ, неосновательность же первоначальныхъ расчетовъ, вкравшаяся въ предначертанную кампанію, являлась трудно поправимымъ дѣломъ. Подкрѣпленія ожидалось, но когда? Гвардія могла прибыть къ Дунаю только въ августѣ, а 2-й корпусъ, потребо-

ванный послѣ неудачнаго Браилловскаго штурма, могъ подойти къ Дунаю только въ сентябрѣ. Вся эта невыгодная обстановка была еще усугублена непоправимою стратегическою ошибкою, въ которую впади послѣ занятія Базарджика. Рѣшено было измѣнить первоначальный операціонный планъ, двинувъ главныя силы вслѣдъ за авангардомъ генерала Ридигера, выступившаго къ Козлуджѣ; вмѣсто того, чтобы обратиться всѣ усилія къ овладѣванію Варною, слабыя силы русской арміи вдругъ обречены были на бесплодную борьбу съ Шумлинскими твердынями. «Русская армія въ Базарджикѣ»,—пишетъ графъ Мольтке,—была противъ своей воли и какъ бы магнитомъ притянута присутствіемъ турецкой арміи въ Шумлѣ.

Какъ бы ни были недостаточны средства атаки, которыми могли располагать противъ Варны, все-таки своевременное и полное обложене ея подготовило бы предстоящую противъ этой крѣпости постепенную атаку. Впрочемъ, какъ бы ни былъ малъ корпусъ, который въ случаѣ такого рѣшенія можно было выставить къ сторонѣ Шумлы, для обезпеченія операціи противъ Варны, все-таки въ подобномъ случаѣ представлялось болѣе вѣроятія на успѣхъ съ десяти-тысячнымъ отрядомъ, разбить въ открытомъ полѣ непріятели, выступившаго изъ Шумлы для освобожденія Варны, чѣмъ овладѣть Шумлинскими твердынями, располагая даже арміею, значительно превосходящею турецкую. Предполагая же, что намъ удалось бы цѣною большихъ потерь вытѣснить Гуссейна-пашу изъ Шумлы, то занятіе обширнаго непріятельскойскаго укрѣпленнаго лагеря представляло бы одну только отрицательную выгоду, равносильную устраненію препятствію, взятіе же Варны, напротивъ того, составляло бы для русской арміи положительное приобрѣтеніе, обезпечивающее за ней прочную базу для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій черезъ Балканы.

Спрашивается, какимъ образомъ остановились на рѣшеніи идти къ Шумлѣ и кто подалъ императору Николаю коварный совѣтъ, поставившій русскую армію въ самое трудное положеніе, подвергая ее неизбѣжнымъ случайностямъ неравнаго состязанія съ турками, занимавшими недоступную позицію?

Неудачную мысль движенія главныхъ силъ арміи къ Шумлѣ приписываютъ графу Дибичу, между тѣмъ, какъ главнокомандующій, подвергавшійся столькимъ критическимъ нападкамъ еще съ 1813 года, вѣрнѣе оцѣнилъ обстановку, высказываясь противъ подобнаго плана дѣйствія. Рассказываютъ, что графъ Витгенштейнъ выразилъ Дибичу сожалѣніе о томъ, что не воспользовался своими правами главнокомандующаго, и прибавилъ, что теперь намѣренъ снять съ себя отвѣтственность, уступивъ ему главное начальство при такихъ обстоятельствахъ, когда одинъ необдуманый шагъ можетъ погубить армію. Вслѣдствіе подоб-

наго разногласія въ мѣнiяхъ, между фельдмаршаломъ и начальникомъ главнаго штаба произошло жаркое объясненіе. Императоръ Николай принялъ сторону мѣнiя графа Дябича, полагая, что дѣйствующая армія настолько сильна, что можетъ, въ ожиданіи подходившихъ подкрѣпленій, дѣйствовать одновременно противъ Шумлы, Варны и Силистріи.

И такъ главные силы арміи предприняли роковое движеніе черезъ Козлуджу вправо, направляясь къ Шумлѣ.

Для наблюденія за Варною выдвинуть былъ къ этой крѣпости слабый отрядъ генераль-адъютанта графа Сухтелена, къ нему долженъ былъ присоединиться генераль Ушаковъ, слѣдовавшій изъ Тульчи. Другой отрядъ генераль-адъютанта К. Х. Бенкендорфа занялъ Праводы.

Движеніе войскъ, послѣ оставленія Базарджика, сопряжено было съ большими затрудненіями; лѣсная мѣстность, изрытая оврагами, черезъ которые вели однѣ только узкія и иногда очень крутыя тропинки, крайне задержавшія спускъ и подъемъ артиллеріи и обозныхъ фуръ, заставляли удвоить мѣры предосторожности. Къ тому же вооруженные жители, разсѣянные по лѣсамъ, пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ для нападенія на людей или же на транспорты. Только за Козлуджею по мѣрѣ подъема въ горы, край принималъ болѣе привѣтливый видъ; долины, орошаемыя небольшими ручьями, расширялись.

Всѣ вопросы, связанные съ движеніемъ къ Шумлѣ, вновь обсуждались на военномъ совѣтѣ, собравшемся у государя 7-го (19-го) іюля въ Енибазарѣ. На этомъ совѣтѣ возбужденъ былъ, между прочимъ, вопросъ относительно того, что императоръ, продолжая наступленіе въ избранномъ вновь направленіи, подвергаетъ себя опасности быть окруженнымъ, между Варною, Силистрією и Шумлою, превосходными силами противника, подобно Петру Великому на берегахъ Прута въ 1711 году.

— Если бы Провидѣніе не предохранило бы меня отъ подобнаго дѣйствія,—спокойно возразилъ государь—если бы я имѣлъ несчастіе попасть въ руки моихъ враговъ, то надѣюсь, что въ Россіи вспомнятъ многозначительныя слова Сенату моего прапрадѣда: если случится сіе послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною хотя бы по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо.

Это историческое припоминаніе, столь приличное въ настоящемъ случаѣ, произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ¹⁾.

Рѣшено было, что 8-го (20-го) іюля послѣдуетъ общее наступленіе отъ Енибазара къ Шумлѣ, чтобы рекогносцировать силы противника и занять позицію въ виду его укрѣпленнаго лагеря. Это движеніе привело къ Буланлыкъскому сраженію, результатомъ котораго было то, что

¹⁾ La Croix: „Histoire de Nicolas I“. Tome 3, p. 360.

турки въ порядкѣ отступили въ свой укрѣпленный лагерь. Императоръ Николай, во время дѣла, распоряжался съ полнымъ спокойствіемъ, какъ будто дѣло шло о простомъ мирномъ маневрѣ. Очевидцы невольно припомнили Красное Село; сравненіе такъ и напрашивалось. По окончаніи боя государь объѣхалъ всѣ ряды войскъ, благодарилъ солдатъ и объявилъ, что проведетъ съ ними ночь на бивакѣ.

Занявъ, послѣ дѣла 8-го (20-го) іюля, высоты передъ Шумлою, рускія войска увидѣли передъ собою вершины деревъ и минаретовъ города, который еще никогда не былъ занятъ непріятельскою арміей. Знаменитыя шумлинскія линіи тянулись передъ ними въ равнинѣ и поднимались по крутымъ высотамъ, кончаясь у отвѣсныхъ скалъ, замыкавшихъ долину. Нѣсколько выдвинутыхъ турецкихъ укрѣпленій были вооружены сильною артиллерією, самый же городъ скрывался за плоскими холмами, и только на позади лежащихъ высотахъ виднѣлись зеленныя палатки турецкихъ войскъ.

Шумла почти совершенно не была занята войсками въ концѣ мая (началѣ іюня), но ко времени появленія передъ крѣпостью русской арміи, Гуссейнъ-паша сосредоточилъ здѣсь до 40.000 человекъ, которымъ мы могли противопоставить не болѣе 30.000 человекъ, въ составѣ 48 баталіоновъ и 36 эскадроновъ. Вотъ къ какой скромной цифрѣ была приведена дѣйствующая противъ Турціи армія, вычитая изъ нея отдѣльные отряды, направленные къ Варѣ и къ Праводамъ.

При такихъ невыгодныхъ для насъ условіяхъ, началась такъ называемая, блокада Шумлы, которая безъ всякаго результата приковала къ себѣ главныя силы русской арміи, принудивъ въ слѣдующемъ году предпринять вторичную кампанію противъ Порты. Для осуществленія блокады остановились на рѣшеніи занять высоты, простирающіяся до Шумлы, и построить здѣсь систему редутовъ, которые могли бы служить другъ другу взаимною поддержкою. Въ ночь съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) іюня приступили къ устройству укрѣпленій, которыя лично назначены были государемъ на планѣ. Императоръ Николай самъ сдѣлалъ первый ударъ киркою для рва перваго редута, названнаго «редутомъ Рудзевича». На третій день блокады перенесены были на позицію противъ Шумлы обѣ главныя квартиры.

Въ слѣдъ за этимъ первымъ укрѣпленіемъ, явилась постепенно цѣлая система редутовъ, числомъ до 27-ми, возведенныхъ въ виду противостоявшихъ имъ непріятельскихъ верховъ. Всѣ эти редуты построены были въ такомъ разстояніи отъ турецкаго лагеря, что подвергались огню крѣпостной артиллеріи, но, съ своей стороны, конечно, не могли бороться съ нею успѣшно изъ полевыхъ орудій. Предположено было постепенно придвигать редуты къ высотамъ, и затѣмъ слѣдовало уже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начать противъ нихъ дѣйствовать. Но турки

воспрепятствовали исполненію подобнаго предположенія тѣмъ, что сами начали выдвигать отдѣльныя укрѣпленія, въ виду ближайшихъ къ нимъ редутовъ. Сильный артиллерійскій огонь, которымъ хотѣли противодействовать заложенію непріятельскихъ укрѣпленій, не привелъ къ желаемой цѣли. Но этимъ не исчерпывались еще всѣ затрудненія, встрѣченныя русскою арміею въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Шумлы.

Для того, чтобы задуманную въ главной квартирѣ блокаду сдѣлать дѣйствительною, предстояло еще отдѣлить отъ главныхъ силъ большое число самостоятельныхъ отрядовъ, которые не могли быть слабыми, такъ какъ непріятель, благодаря закрытой и пересѣченной мѣстности, могъ скрытно подойти и неожиданно напасть на нихъ въ значительно превосходныхъ силахъ, нисколько не ослабляя себя съ фронта въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ съ нашей стороны, по отдѣленіи всѣхъ этихъ отрядовъ, необходимо было оставаться еще настолько сильными въ открытомъ полѣ, чтобы противостоять возможному наступленію турокъ. Но такъ какъ наши облегающія войска были вообще слабѣе непріятеля, котораго предстояло блокировать въ Шумлѣ, то они подвергались опасности быть разбитыми по частямъ.

Но предположивъ, что намъ удалось бы, въ самомъ дѣлѣ, голодомъ принудить турецкій гарнизонъ къ отступленію, которому отнюдь нельзя было бы воспрепятствовать, благодаря множеству выходовъ изъ этой горной крѣпости и дорогъ, разсѣянныхъ на протяженіи нѣсколькихъ миль,—то обладаніе Шумлою нисколько не поправило бы нашихъ дѣлъ. Дѣйствительно, эта крѣпость, обращенная фронтомъ къ сѣверу, требуетъ для своей осады присутствія сильной арміи, которой графъ Витгенштейнъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, затѣмъ обладаніе Шумлою вовсе не открывало прохода черезъ Балканы; продовольствіе здѣсь арміи не было нисколько обезпечено, и въ заключеніе все-таки пришлось бы приступить къ покоренію Варны.

Вскорѣ стало очевиднымъ, что ввиду пассивнаго образа обороны, усвоеннаго себѣ турками, нельзя рассчитывать и въ будущемъ на какой-либо успѣхъ подъ Шумлою. Поэтому въ виду полной невозможности рѣшить исходъ кампаніи сраженіемъ въ открытомъ полѣ, пришлось, въ силу необходимости, подумать о Варнѣ, взятіе которой представляло отнынѣ единственный способъ приличнымъ образомъ закончить походъ 1828 года.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности нашихъ операцій подъ Шумлою; отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, относящіяся къ пребыванію и дѣятельности императора Николая въ блокадномъ лагерѣ.

Два раза въ день, государь, сопровождаемый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и свитою, объѣзжалъ лагерь во всѣхъ направленіяхъ, посѣщалъ аванпосты, осматривалъ укрѣпленія, входилъ въ

палатки и разспрашивалъ офицеровъ и солдатъ. Всякій же разъ какъ изъ Шумлы открывали огонь, онъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, лично являлся на мѣсто дѣйствій, чтобы судить о положеніи дѣлъ. Нерѣдко государь самъ руководилъ дѣйствіемъ артиллеристовъ и, вопреки убѣжденіемъ окружавшихъ его лицъ, наблюдалъ за непріятельскимъ огнемъ, подвергаясь явной опасности. Турки дѣлали частыя вылазки, съ цѣлью препятствовать нашимъ работамъ, но почти каждый разъ были отражаемы съ урономъ; тѣмъ не менѣе всякое подобное дѣло увеличивало лишь среди нашихъ войскъ число раненыхъ безъ достиженія существенной пользы. Послѣ боя государь лично награждалъ многихъ нижнихъ чиновъ, прикрѣпляя къ груди отличившагося крестъ и поощряя его къ совершенію новыхъ подвиговъ ¹⁾.

Пока русская армія безцѣльно расходовала свои силы подъ Шумлою, дѣла подъ Варною оставались въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Наконецъ къ слабому отряду генерала Ушакова начали подходить привезенные моремъ изъ-подъ Анапы 13-й и 14-й Егерскіе полки, а вмѣстѣ съ тѣмъ явился передъ Варною адмиралъ Грейгъ съ Черноморскимъ флотомъ. Князь Мѣншиковъ, прибывшій въ Коварну 13-го (25-го) іюля, вызванъ былъ государемъ въ главную квартиру и получилъ здѣсь повелѣніе принять начальство надъ отрядомъ, предназначеннымъ для дѣйствій противъ Варны. Сверхъ сего императоръ Николай принялъ тогда внезапное рѣшеніе оставить блокадные войска и поѣхать къ Варнѣ для распоряженій относительно осады этой крѣпости, а затѣмъ совершить кратковременную поѣздку въ Одессу моремъ.

Повидимому, императоръ Николай сознавалъ уже въ это время ошибочность воззрѣній, проводимыхъ графомъ Дибичемъ. Дѣйствительно, объясняя въ письмѣ къ цесаревичу побудительныя причины своего отъѣзда изъ-подъ Шумлы, государь называлъ уже Варну ключемъ кампаніи, присовокупляя, что море и побережье оставляетъ нашу настоящую операціонную базу ²⁾.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, по поводу рѣшенія, принятаго императоромъ Николаемъ, пишетъ:

«Графъ Дибичъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и зашедшій слишкомъ далеко, — продолжалъ предсказывать скорое паденіе Шумлы. Всѣ прочіе генералы начинали въ томъ сомнѣваться, и каждый потерянный день все болѣе и болѣе подтверждалъ ихъ печальныя предвидѣнія. Государь, одаренный, при всемъ кипучемъ своемъ жарѣ, вѣрнымъ сужденіемъ и взглядомъ, вкорѣ самъ убѣдился въ бесполезности нашихъ

¹⁾ Военно-Ученый Архивъ, отд. 2 № 4445.

²⁾ Письмо императора Николая цесаревичу Константину Павловичу отъ 11-го (23-го) августа 1828 года изъ Одессы.

усилій и въ двусмысленности угрожающаго намъ положенія. Онъ призналъ ниже своего достоинства напрасно тратить время передъ неприступною позицію, тѣмъ болѣе, что высшіе интересы требовали присутствія его на другихъ пунктахъ.

«Государь, еще не издавшій Черноморскаго флота, захотѣлъ взглянуть на него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одѣлать первыя распоряженія къ осадѣ Варны, потомъ отправиться моремъ въ Одессу, съ цѣлью осмотрѣть резервные баталіоны, формировавшіеся тамъ для укомплектованія дѣйствующей арміи, и наконецъ посвятить нѣсколько дней дѣламъ государственнаго управленія».

Такимъ образомъ переломъ, совершившійся во взглядахъ императора Николая Павловича, обезпечилъ до нѣкоторой степени приличный исходъ кампаніи, исправивъ, насколько это было возможно, Шумлинскія увлеченія графа Дибича.

Передъ своимъ отъѣздомъ, государь назначилъ генераль-адъютанта Воинова командующимъ всею кавалеріей дѣйствующей арміи, а принца Евгенія Виртембергскаго командиромъ 7-го корпуса. Графъ Дибичъ долженъ былъ остаться въ Шумлѣ и руководить по-прежнему графа Витгенштейна.

При выѣздѣ изъ Шумлинскаго лагеря императора Николая сопровождали только великій князь Михаилъ Павловичъ, генераль-адъютанты Васильчиковъ и Бенкендорфъ, графъ Нессельроде, графъ Матусевичъ, графъ Станиславъ Потоцкій, генераль Адлербергъ и нѣсколько другихъ лицъ. Дорога въ Варну была далеко не безопасна, пролегая по сильно пересѣченной мѣстности, наполненной турецкими шайками, сильно затруднявшими сообщенія въ тылу арміи своими непрерывными нападеніями на наши транспорты; тѣмъ не менѣе, Бенкендорфу лишь съ большимъ трудомъ удалось уговорить государя приказать слѣдовать при себѣ, для конвоя, Сѣверскому конно-егерскому полку, тремъ сотнямъ Атаманскаго полка, двумъ баталіонамъ 19-го егерскаго полка и донской батарее.

Еще 12-го (24-го) іюля графъ Дибичъ сообщилъ адмиралу Грейгу слѣдующія извѣстія о предстоявшемъ переѣздѣ государя изъ Шумлинскаго лагеря къ Варнѣ:

«По прибытіи ввѣреннаго вамъ флота къ крѣпости Варнѣ, его величество намѣренъ прибыть туда для обозрѣнія крѣпости и окружнаго мѣстоположенія, а равно для осмотра флота; вслѣдствіе чего и предоставляетъ вамъ выбрать удобное и безопасное мѣсто, гдѣ бы его величество могъ сѣсть на катеръ для переѣзда на адмиральскій корабль. Сверхъ того, государь императоръ, полагая, что ходъ военныхъ дѣйствій можетъ быть дозволить его величеству отбыть на время въ г. Одессу, желаетъ, чтобы ваше высокопревосходительство на сей случай приготовили для сего

плаванія одинъ фрегатъ или другое удобное судно и пароходъ, также сдѣлали бы всё нужныя распоряженія для нагруженія на сіи суда двухъ колясокъ и другихъ багажей и вещей, какъ его величества, такъ и прочихъ лицъ, имѣющихъ сопровождать высочайшую его особу».

16-го (28-го) іюля адмиралъ Грейгъ отвѣчалъ съ корабля «Парижъ», при мѣстечкѣ Коварнѣ:

«Въ настоящее время нѣтъ другаго удобнѣйшаго мѣста для прибытія на флотъ государя императора, какъ Коварна; когда же назначенное для осады Варны войско подойдетъ къ сей крѣпости и расположится такимъ образомъ, что однимъ изъ фланговъ будетъ примыкать къ берегу моря, тогда не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству въ семь мѣствъ сѣсть на флотъ, со стороны котораго и будетъ устроена тамъ надежная пристань. Заливъ Саганлыкъ кажется мнѣ удобнѣйшимъ пунктомъ для таковой пристани».

Вотъ при какой неопредѣленной, къ тому же и не безопасной обстановкѣ предстояло императору Николаю совершить переѣздъ къ крѣпости Варнѣ.

VII.

21-го іюля (2-го августа) около девяти часовъ утра императоръ Николай оставилъ Шумлинскій лагерь, въ сопровожденіи назначеннаго для сего конвоя, направляясь по той самой дорогѣ, по которой слѣдовалъ съ войсками двѣ недѣли тому назадъ. По распоряженію генераль-адъютанта Бенкендорфа оба баталіона пѣхоты выступили, еще наканунѣ, съ приказаніемъ остановиться на половинѣ дороги, между Шумлюю и Козлуджи, для наблюденія за этою наиболѣе опасною частію мѣстности, равно какъ для того, чтобы не слишкомъ ихъ утомить заранѣе переходомъ слишкомъ въ 35 верстѣ. Прибывъ благополучно въ Енибазаръ, государь, не останавливаясь, продолжалъ путь, желая скорѣе достигнуть конечной цѣли переѣзда.

Императоръ, казалось, не подозрѣвалъ опасностей, ему грозившихъ и даже настолько увѣренъ былъ въ своей безопасности, что лично приказалъ конно-егерскому полку и конной батарее воротиться въ лагерь подъ Шумлу.

— Зачѣмъ напрасно утомлять людей,—сказалъ онъ генераль-адъютанту Бенкендорфу,—они будутъ полезнѣе въ лагерь, нежели здѣсь. На насъ не нападутъ, а въ случаѣ надобности мы съумѣемъ отбиться.

Къ счастью, приказаніе, данное государемъ, не успѣли привести еще въ исполненіе, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что до-

рога преграждена отрядомъ турецкой кавалеріи. Бенкендорфу повелѣно было немедленно воротить конныхъ егерей, которые по приказанію государя уже остались въ тылу; отрядъ построился въ боевой порядокъ, и турки, увидѣвъ нашу готовность къ бою, отступили къ окрестнымъ горамъ и скрылись въ лѣсу. Послѣ случившейся тревоги уже не помышляли болѣе объ отсылкѣ въ Шумлу артиллеріи и конныхъ егерей; императоръ наконецъ убѣдился, что путешествіе его сопряжено было съ дѣйствительною опасностью; «я придерживалъ при себѣ весь конвой», написалъ императоръ Николай графу Дибичу ¹⁾). Государь продолжалъ затѣмъ безпрепятственно путь до Туркъ-Арнаутгара, гдѣ стояла биваками высланная впередъ пѣхота; отобѣдавъ и отдохнувъ здѣсь, Николай Павловичъ двинулся далѣе на Козлуджу.

Дорога шла по мѣстности, перерѣзанной горами, лѣсами, и представляла собою непривлекательный видъ, внушая справедливыя опасенія на счетъ благополучнаго исхода дальнѣйшаго переѣзда въ Варну; она была покрыта гніющими трупами животныхъ, заражавшими воздухъ, потому что волы и обозныя лошади издыхали отъ жажды и изнуренія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были покидаемы своими погонщиками. Кое-гдѣ попадались обломки экипажей и остатки обозовъ, разграбленныхъ или сожженныхъ непріателемъ.

«Отвѣтственность въ безопасности государя лежала преимущественно на мнѣ, въ качествѣ командующаго главной его квартирой»,— пишетъ Бенкендорфъ.—«Меня невольно обнималъ ужасъ при мысли о слабости защиты, окружавшей владыку могущественной Россіи; вся наша сила состояла изъ 700 человекъ пѣхоты и 600 конницы, и съ этою горстью людей мы шли по пересѣченному горами и рѣчками краю, гдѣ предприимчивый непріатель, имѣвшій еще на своей сторонѣ и ревностную помощь жителей, могъ напасть на насъ и одолѣть благодаря численному перевѣсу. Я взялъ всевозможныя въ нашемъ положеніи мѣры предосторожности; но сердце мое сильно билось».

Вечеромъ довольно поздно, государь прибылъ въ Козлуджу; отрядъ расположился лагеремъ близъ плохаго редута, которымъ прикрывался находившійся тамъ казачій этапъ. Едва успѣли составить ружья въ козла, какъ въ долину послышались крики и ружейныя выстрѣлы. Казакъ явился просить помощи для обоза съ провіантомъ, на который напали турки позади нашей позиціи. Государь тотчасъ же выслалъ пѣхоту на помощь, но когда люди подоспѣли къ мѣсту боя, турки успѣли уже скрыться, убивъ нѣсколькихъ погонщиковъ и уведя съ собою воловъ. Императоръ провелъ ночь въ солдатской палаткѣ.

Въ тотъ же вечеръ прибылъ курьеръ съ донесеніемъ отъ князя

¹⁾ Изъ лагеря при Козлуджѣ, отъ 21-го іюля 1828 года.

Меншикова, извѣщавшаго государя, что онъ вступилъ въ командованіе отрядомъ генерала Ушакова, расположеннаго близъ Варны, и тотчасъ по прибытіи послалъ одинъ баталіонъ для открытія сообщенія съ Коварною и высадившеюся здѣсь егерскою бригадою, прибывшей изъ-подъ Анапы съ Черноморскимъ флотомъ. Въ письмѣ къ государю князь Меншиковъ предупреждалъ, что для обезпеченія его переѣзда необходимъ сильный конвой, такъ какъ мѣстность переполнена разбойниками; по мнѣнію князя, слѣдовало очистить окрестности Козлуджи ¹⁾).

Ночь прошла безъ всякой тревоги. 22-го іюля государь провелъ въ лагерѣ, занятомъ при Козлуджѣ; рѣшено было ожидать дальнѣйшія извѣстія изъ отряда князя Меншикова. Императоръ Николай отпраздновалъ въ Козлуджѣ день тезоименитства императрицы Маріи Феодоровны. За немнѣніемъ священника нельзя было даже отслужить молебна; все празднество ограничилось тѣмъ, что государь произвелъ смотръ войскамъ своего конвоя и казакамъ, составлявшимъ гарнизонъ Козлуджи, одарилъ ихъ деньгами, приказалъ роздать чарку вина и за скромной трапезой провозгласилъ здоровье императрицы-матери. «Тутъ подъ солдатскими палатками»—пишетъ Бенкендорфъ,—«мы провели 22-е іюля, столько лѣтъ ознаменованное блестящимъ петергофскимъ праздникомъ. Этотъ контрастъ крайне поразилъ и государя и всѣхъ насъ и навѣялъ на наше общество невыразимую грусть».

Императоръ объявилъ, что завтра, 23-го іюля, онъ намѣренъ, во всякомъ случаѣ, продолжать движеніе къ Варнѣ.

Въ виду подобнаго рѣшенія, Бенкендорфъ, еще до разсвѣта, отрядилъ двѣ егерскія роты для занятія дороги, по которой предстояло слѣдовать государю. Едва замерцала утренняя заря, Николай Павловичъ сѣлъ на коня и хотѣлъ ѣхать во главѣ находившихся при немъ войскъ, но, уступая убѣдительнымъ просьбамъ своей свиты, согласился занять мѣсто между авангардомъ и пѣхотою прикрытія. Къ счастью, государь былъ въ шинели, скрывавшей генеральскій мундиръ, и потому не отличался отъ лицъ свиты, спѣшившихъ сплотиться вокругъ него. При выходѣ изъ Козлуджинской долины, путь пролегалъ черезъ густой лѣсъ,

¹⁾ Письмо князя Меншикова императору Николаю отъ 21-го іюля 1828 г. изъ лагеря при Дервентіой. (Военно-ученый Архивъ. Отд. 2, № 2744).

Въ донесеніи къ графу Витгенштейну, князь Меншиковъ жалуется на недостатокъ зерноваго фуража, благодаря которому Вугскій-уланскій полкъ скоро спѣшится; артиллерійскія лошади также слабосильны. „Разѣздовъ для открытія окрестностей почти не имѣю возможности послать“,—пишетъ князь Меншиковъ,—„нападать же на турецкую конницу никакъ не осмѣлюсь, по худобѣ лошадей, отъ недостатка фуража происшедшей“. Онѣ питались соломой съ крышъ деревни Дервентіой. Числительный составъ отряда генерала Ушакова, поступившаго подъ начальство князя Меншикова, простирался до 6.500 человекъ.

въ которомъ каждая труппа могла служить засадою для непрія-
теля.

Лѣсъ проѣхали благополучно, но едва конные егеря, замыкавшіе
пештивіе, вышли изъ него, какъ изъ опушки лѣса раздался выстрѣлъ,
ранившій одного изъ егерей; виновника выстрѣла не удалось найти.

Во время дальнѣйшаго движенія не произошло болѣе никакихъ
приключеній, и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды достигли наконецъ от-
крытой возвышенности, съ которой виднѣлся вдали Варнскій заливъ.
городъ и русскій флотъ.

«Видъ этотъ былъ столько же великолѣпнень, сколько для насъ ра-
достенъ»,—замѣчаетъ Бенкендорфъ. До отряда князя Меншикова оста-
валось еще полдня ѣзды; зной становился невыносимымъ; люди и ло-
шади были до крайности утомлены. Поэтому остановились у небольшого
редута, занятаго казачьимъ постомъ. Ночью получили извѣстіе, что
князь Меншиковъ 22-го іюля сбилъ турокъ съ позиціи, занятой ими
на высотахъ къ сѣверо-востоку отъ Варны.

Въ пятомъ часу утра, государь двинулся въ путь и къ девяти ча-
самъ 24-го іюля (5-го августа) прибылъ на высоты, господствовавшія
надъ Варною и занятыя отрядомъ князя Меншикова. У ногъ этой
позиціи разстилался городъ, окруженный укрѣпленіями; можно было раз-
смотрѣть башни, валы, бастіоны, равно какъ орудія и ружья, сверкавшія
на солнцѣ; минареты мечетей, закрытые дома и казавшіяся опу-
стѣлыми улицы, по которымъ двигались одни солдаты. Повсюду замѣ-
чались слѣды правильной безмолвной дѣятельности, соответствовавшей
осадному положенію города.

При вѣздѣ въ лагерь, императоръ Николай былъ встрѣченъ кня-
земъ Меншиковымъ. Осмотрѣвъ съ позиціи въ зрительную трубу Варну,
государь объѣхалъ всѣ войска отряда, благодарилъ 13-й и 14-й егер-
скіе полки за славные ихъ подвиги подъ Анапою и обсудилъ съ кня-
земъ Меншиковымъ планъ предстоявшей осады Варны ¹⁾. Затѣмъ, по-
завтракавъ у начальствовавшаго осадой, императоръ Николай напра-
вился къ мѣсту, избранному для переѣзда на корабль. Пристань была
устроена у греческаго монастыря св. Константина въ девяти верстахъ
отъ крѣпости въ заливѣ Саганлыкѣ. Дорога къ берегу шла по крутымъ
поросшимъ лѣсомъ скатамъ; въ маленькой бухтѣ путешественниковъ
поджидала шлюпка съ матросами гвардейскаго экипажа. Выѣхавъ изъ
бухты, государь пересѣлъ на пароходъ «Метеоръ», который подвезъ его

¹⁾ Въ запискѣ князя Меншикова о дѣйствіяхъ подъ Варною въ 1828 г.
встрѣчается довольно странная замѣтка: „Осматривая съ позиціи въ зритель-
ную трубу Варну, государь изволилъ отозваться князю Меншикову, что эта
крѣпость болѣе недѣли держаться не можетъ“. (Военно-ученый Архивъ,
отд. 2, № 4448).

къ флоту, стоявшему на Варнскомъ рейдѣ. На кораблѣ «Парижъ», адмиралъ Грейгъ встрѣтилъ монарха съ рапортомъ; съ палубы корабля открывался видъ на всю крѣпость, можно было даже пересчитать амбразуры въ ея стѣнахъ. Черноморскій флотъ, состоявшій изъ восьми линейныхъ кораблей, пяти фрегатовъ и семи меньшаго размѣра судовъ (не считая транспортныхъ судовъ), величественно рисовался въ виду минаретовъ и пушекъ грозной, какъ ее величаютъ Бенкендорфъ, Варны. Осмотрѣвъ корабль и побѣдавъ у адмирала, императоръ Николай перѣѣхалъ на фрегатъ «Флору», который въ семь часовъ снялся съ якоря для слѣдованія въ Одессу. Когда поднятъ былъ на фрегатѣ императорскій штандартъ, произведенъ былъ салютъ со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Погода была неподобная; умѣренный попутный вѣтеръ предвѣщалъ спокойное и благоприятное плаваніе. По свидѣтельству Бенкендорфа, переѣздъ совершенно походилъ на увеселительную прогулку.

Императоръ Николай оставилъ въ распоряженіи князя Меншикова конвой, съ которымъ прибылъ къ Варнѣ изъ Шумлинскаго лагеря; въ виду того, что князь Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только съ небольшимъ 4.000 штыковъ, и это незначительное подкрѣпленіе представляло для осаждающаго существенную поддержку.

Неожиданный отѣздъ императора Николая изъ лагеря подъ Шумлою далъ англійской, французской и нѣмецкой печати желанный поводъ къ распространенію самыхъ лживыхъ и фантастическихъ догадокъ. Не было предѣла разнымъ нелѣпостямъ, усердно измышляемымъ въ то время составителями газетныхъ статей. По всей Европѣ разнесся слухъ, будто императоръ Николай, самъ осажденный въ своемъ лагерѣ голодомъ и чумою, не хотѣлъ снять внезапно осаду Шумлы, но передъ отѣздомъ приказалъ отвести къ берегамъ Прута остатки арміи, почти истребленной непріятельскимъ мечемъ и лишеніями, связанными съ продолжительнымъ походомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на то, что только новая кампанія можетъ рѣшить участь борьбы, завязавшейся между Россією и Портою, и утверждали, что при посредничествѣ Австріи и Англии заключено уже перемиріе между обѣими воюющими имперіями.

Теперь вопль обрисовалось то пагубное вліяніе, которое оказало направленіе, данное главнымъ силамъ русской арміи при движеніи ихъ къ Шумлѣ, въ ущербъ своевременному занятію Варны. Ошибочный планъ привелъ къ тому, что рѣшеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ затянулось на неопредѣленное время, а недоброжелателямъ Россіи представилось обширное поле для затѣянныхъ ими интригъ и дипломатическихъ козней. Во всякомъ случаѣ, благодаря бесполезной тратѣ людей и времени подъ Шумлою, въ соединеніи съ недостаточ-

ными силами, двинутыми черезъ Прутъ, утрачивалась всякая возможность помышлять о перенесеніи въ 1828 году войны за Балканы. Необходимость новой кампаніи въ слѣдующемъ году становилась очевидною даже для лицъ, не посвященныхъ въ тайны военнаго искусства; она являлась единственнымъ средствомъ, чтобы рѣшить нашу распрю съ блистательною Портою сообразно съ достоинствомъ Россіи.

Въ письмѣ къ цесаревичу Константину Павловичу императоръ Николай замѣтилъ:

«Все, что касается этой кампаніи, представляется мнѣ неяснымъ, и я рѣшительно не могу высказать, что-либо опредѣленное относительно нашего будущаго... Я надѣюсь, что милостивый Господь поможетъ намъ выпутаться изъ нея, какъ Онъ помогалъ намъ въ несравненно болѣе трудныхъ обстоятельствахъ».

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Маркизь Велепольскій.

(Замѣтка о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи польскаго мятежа въ 1861—1862 годахъ).

Во все время управленія Польшею княземъ Паскевичемъ основы, на которыхъ опиралось правительство, были страхъ и отклоненіе вмѣшательства постороннихъ державъ въ дѣла Польши. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ почти во всей Европѣ нарождался вопросъ о возстановленіи національностей и національнаго самоуправленія.

Нельзя теперъ сомнѣваться, что и русское общество того времени, равномѣрно со всею Европою, было увлечено фальшиво-либеральными идеями и не сочувствовало правительству, критикуя его дѣйствія въ Польшѣ. Русское общество, начала 60-хъ годовъ, зараженное космополитизмомъ, непригоднымъ на русской почвѣ, забыло, а можетъ быть и не знало, своей исторіи. Забыло, чего стоила Польша Россіи, забыло начало XVII столѣтія, смутное время, совращеніе въ унию и ополяченіе нашихъ юго и сѣверо-западныхъ окраинъ, постоянную борьбу малороссовъ съ польскимъ паномъ, ксензомъ и жидомъ, участіе поляковъ въ войнѣ Наполеона I противъ Россіи, войну 1831 года и многое другое, хорошо извѣстное изъ исторіи Россіи и Польши.

Забыло тогдашнее русское общество и свою собственную политическую исторію, и русская правительственная власть въ Польшѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ, по непонятной причинѣ, врожденной ли мягкости и великодушію русскихъ людей вообще, или же подъ вліяніемъ тѣхъ же идей Запада, измѣнила сразу всю систему князя Паскевича и перешла къ гуманному и мягкому управленію Польшею.

На польское общество, приученное къ постоянному давленію со сто-

ровы правительственной власти, такая рѣзкая переѣна системы повлияла въ смыслѣ умаленія и ослабленія законной власти.

Идея возстановленія національностей, подобно вѣтру пахнувшая на Польшу изъ Венгріи и Италіи, воспламенила всѣ умы, какъ мыслящіе, такъ и увлекающіеся, а послѣднихъ было громадное большинство; идея эта принята была всѣми съ восторгомъ, потому, что обѣщала освобожденіе отечества и постороннюю помощь съ Запада.

Вслѣдствіе принятаго болѣе гуманнаго и мягкаго управленія Польшею, страхъ передъ правительствомъ исчезъ, и смута получила свое начало.

Не обладающая матеріальною силою, смута эта естественно должна была искать опоры въ силѣ нравственной, почему она и поставила себя подъ особенное покровительство Бога и Божіей Матери. Устами духовенства призывался народъ, во имя оскорбленнаго Бога, поруганныхъ церквей¹⁾ и любви къ отечеству, на вѣчное мщеніе. И народъ, стоя коленнопреклоненный на мостовой передъ костелами, запертыми ксендзами, находилъ свою нравственную силу въ принесеніи клятвы въ непримиримой враждѣ съ врагами его Бога и родины. Къ несчастью, для нея же самой въ католической Польшѣ, какъ въ древнемъ Египтѣ, идея о божествѣ нераздѣльна съ идеею о духовествѣ; кто имѣетъ на своей сторонѣ касту самолюбивыхъ, алчныхъ и властолюбивыхъ ксензовъ,—за того и Богъ.

Извѣстно, что фанатическая, безкорыстная любовь къ отечеству и къ либерализму болѣе всего находятъ отголосокъ въ молодежи,—значить, въ этомъ отношеніи, чтобы ослабить мятежъ, правительству было необходимо удержать подъ своимъ вліяніемъ, обучающуюся въ Варшавѣ молодежь и привлечь на свою сторону духовенство.

Наконецъ, чтобы не дать мятежу разлиться по всему краю и западнымъ губерніямъ, распространиться на всѣ сословія, необходимо было первыя же попытки смуты карать жестоко и энергично, чтобы немедленно остановить мятежъ и придать власти полное уваженіе.

Прослѣдимъ же, какъ выполнены были эти три необходимыя для подавленія мятежа мѣры.

По весьма счастливой для правительства случайности польскія министерства: духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи, при самомъ началѣ смуты, соединены были въ рукахъ одного лица и притомъ поляка, что могло привести къ самому счастливому результату.

¹⁾ Оцѣленіе двухъ костеловъ и арестованіе въ нихъ лицъ, приносящихъ въ домѣ Господнемъ клятвы мщенія и призывавшихъ Бога на помощь пролитія крови въ дымъ пожаровъ.

Такимъ образомъ всё средства къ подавленію мятежа зависѣли отъ него, отъ его такта, ума и энергій.

Къ сожалѣнію, результатъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Чтобы яснѣе уразумѣть дѣятельность маркиза Велепольскаго, надо, хотя въ короткихъ словахъ, изобразить главныя черты его характера. Въ немъ неотъемлемы были: умъ, глубокая филологическая и юридическая ученость, энергія въ начинаніяхъ и упорство въ исполненіи, но также очевидны были: недостатокъ такта, неимѣніе достаточной опытности въ дѣлахъ управленія, крайняя гордость, обидная надменность въ обращеніи, тщеславіе и упрямство ¹⁾).

Управленіе свое началъ онъ гордою, обидною рѣчью, произнесенною духовенству. Въ этой рѣчи чувствовался деспотизмъ неограниченнаго властелина. Иезуиты выслушали его съ покорностью, но обиженные ею совсѣмъ отшатнулись отъ правительства и окончательно перешли въ ряды возмутителей. Немедленно очутились они во главѣ мятежной смуты; церкви были обращены ими въ мѣста революціонныхъ собраній, молитвы—въ революціонные гимны, проповѣди—въ воззванія къ мятежу, исповѣди—въ поученія къ неповиновенію властямъ. Для прекращенія всѣхъ этихъ возмутительныхъ поступковъ духовенства маркизъ Велепольскій не находилъ никакихъ иныхъ средствъ, кромѣ преслѣдованія провинившихся ксензовъ легальнымъ судопроизводствомъ. Правительство послѣдовало совѣту маркиза Велепольскаго и долго не обращало вниманія на безнаказанно производившуюся политическую пропаганду во имя Бога и Божіей Матери.

¹⁾ Въ 1862 году въ государственномъ совѣтѣ царства Польскаго былъ подвергнутъ обсужденію проектъ Велепольскаго объ очиншеваніи крестьянъ. Намѣстникъ графъ Лидерсъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи такъ характеризовалъ поведеніе Велепольскаго въ томъ засѣданіи. «Во все время преній маркизъ Велепольскій, игравшій у насъ главную роль, обнаруживалъ направленіе болѣе демократическое, нежели того можно было ожидать отъ него; все обошло бы вполне благополучно, если бы маркизъ былъ въ состояніи обуздывать свой крутой характеръ. Но къ сожалѣнію увлеченный тѣмъ ужаснымъ самолюбіемъ и высокоуміемъ, которыя составляютъ основу его характера, онъ произнесъ двѣ рѣчи, изъ коихъ въ первой до такой степени нападалъ на дѣйствія сенатора Губбе, что оскорбилъ его глубоко, а во второй до такой степени критиковалъ работы комиссіи внутреннихъ дѣлъ, что оскорбилъ тайнаго совѣтника Крузенштерна. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, маркизъ Велепольскій обнаружилъ свои высокія умственные способности, свой независимый характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ту необузданность воли, непреклонность въ мнѣніи и неводержанность въ сужденіяхъ, которыя дѣлаютъ изъ него человѣка непрактическаго и къ дѣятельности государственной неспособнаго. Еслибъ человѣкъ этотъ умѣлъ воздерживаться отъ неожиданныхъ бурныхъ порывовъ, служба его могла бы принести наибольшую пользу его отечеству».

Велепольскій какъ бы забылъ, что юные умы и души по преимуществу впечатлительны, что на нихъ можно дѣйствовать всего сильнѣе живымъ, увлекающимъ словомъ и симпатичнымъ личнымъ обращеніемъ. Онъ съ самаго назначенія министромъ народнаго просвѣщенія не былъ ни разу ни въ одномъ учебномъ заведеніи; ни одинъ школьникъ не видалъ его въ глаза, всѣ знали его только по строгимъ приказамъ, остававшимися безнаказанно безъ всякаго исполненія, и по формальнымъ слѣдствіямъ, которыя онъ наряжалъ надъ 12—14 лѣтними мальчиками, за произведенныя ими шалости.

Видя въ своемъ начальникѣ какого-то Юпитера, мечущаго невидимо безвредные громы изъ своего кабинета, учащаяся молодежь возненавидѣла своего министра, а съ нимъ и все правительство. Съ другой стороны, видя на опытѣ, что проступки ихъ остаются безъ всякаго взысканія, они тотчасъ же перешли отъ ненависти къ презрѣнію, отъ боязни къ непомянутой дерзости и всѣ до одного были завербованы делегатами возстанія и служили имъ въ видѣ политическихъ аванпостовъ, готовыхъ на все. Дерзость ихъ дошла до того, что самыя мелкія элементарныя школы расклеили на дверяхъ всѣхъ костеловъ Варшавы плакатъ съ изображеніемъ двухъ учениковъ и ученицы, увѣчаннхъ гербами Литвы и Польши, и гласившій. *Uczniowie szkoly Elementarnejza praszają braci rodaków na Nabożenstwo za pomyślność Ojczyzny; w dnia 5-go Pazdziernika o godzinie 10 ½ rana, w kościele XX Augustynow odbyc się mające. Roku 1861* ¹⁾.

Маркизь Велепольскій не ограничилъ преступнаго движенія молодежи въ Варшавѣ, но какъ бы для распространенія его по всей Польшѣ, настоятельно потребовалъ отъ правительства удаленія учащихся изъ Варшавы. Они дѣйствительно разѣхались по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Польши, но принесли съ собою революціонные факелы, которыми сопровождали въ Варшавѣ похоронную процессію такъ называемыхъ жертвъ русскаго тиранства, и этими факелами повсюду зажгли уже готовые и заряженные мины мятежа.

Огонь охватилъ всю Польшу, не осталось ни одного города, ни одного мѣстечка, которые не привесли бы возмущенной Варшавѣ явнаго доказательства своего участія въ мятежѣ.

Имѣя въ своихъ рукахъ все судопроизводство, Велепольскій полагалъ, что для восстановленія порядка достаточно употреблять самыя обыкновенныя средства спокойнаго времени, т. е. забирать провинившихся помощію полиціи и судить ихъ обыкновеннымъ судомъ. Но пой-

¹⁾ Ученики элементарной школы приглашаютъ своихъ собратьевъ-соотечественниковъ на богослуженіе, которое имѣетъ быть отслужено за благо отчизны 5-го октября въ 10 часовъ утра, въ костелѣ о. о. Августиновъ. 1861 г.

маньяне на дѣлѣ бунтовщики и подкупленные негодяи, преданные суду—были всѣ съ цинизмомъ оправданы. Безнаказанность придавала смѣлость другимъ, сами судьи и чиновники министерства юстиціи были замѣшаны въ смутѣ; такъ что правительство было вовлечено въ кругъ, въ которомъ съ каждымъ шагомъ приобрѣтало новыхъ враговъ и съ каждою минутою теряло болѣе власти.

Надо было во что бы то ни стало выдти изъ этого закоддованнаго круга и вернуть утраченную власть и вліяніе. Намѣстникъ, пользуясь данною ему властью, вывелъ политическія преступленія изъ-подъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и передалъ такія дѣла особымъ суднымъ коммиссіямъ и началъ карать виновныхъ.

Маркизъ Велепольскій протестовалъ, придавъ своему протесту всеобщую извѣстность и пересталъ исполнять тѣ повелѣнія высшей власти, которыя не согласовались съ его видами.

Примѣръ начальника нашель тотчасъ же подражателей и въ подчиненныхъ: чиновники польскаго министерства юстиціи и ксендзы стали открыто не повиноваться распоряженіямъ намѣстника и требовали приказаній министра.

Въ это самое время, когда всеобщее вниманіе упорно слѣдило за малѣйшими дѣйствіями правительства въ Польшѣ, маркизъ Велепольскій, одинъ изъ главныхъ членовъ этого самаго правительства, странными поступками своими парализовалъ его дѣйствія и самовольными, вредными выходками, какъ бы нарочно приготавливалъ въ близкомъ будущемъ новыя и важныя затрудненія.

Нѣкоторыя выходки его, совершенно неожиданныя, носили на себѣ отпечатокъ хитро задуманнаго плана. Одними изъ нихъ онъ отнималъ отъ намѣстника царства возможность остановить явно-революціонное движеніе со стороны духовенства, другими же старался вселить ненависть къ правительству со стороны земледѣльческаго населенія края. Вотъ тому примѣры:

Намѣстникъ царства Польскаго предписалъ 3-го (15-го) мая 1861 года предсѣдателю коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (маркизу Велепольскому), дабы онъ предложилъ администраціи Варшавской епархіи для прекращенія гнѣнія въ костелахъ, неотносящихся къ молитвамъ, недозволенныхъ революціонныхъ гимновъ, обнародовать отъ себя, для успокоенія умовъ, пасторскія посланія и поручилъ бы приходскому духовенству употребить свое вліяніе для прекращенія этихъ безпорядковъ.

Архіепископъ варшавскій Фіалковскій на это предложеніе отвѣтилъ, по-истинѣ достойнымъ іезуита, длиннымъ, витіеватымъ отвѣтомъ, основаннымъ на одной лишь игрѣ словъ, но въ которомъ такъ и сквозить

неуваженіе къ правительственной власти и какъ бы насмѣшка надъ нею 1).

1) Самый текстъ этого отвѣта настолько интересенъ, что не лишнее привести его здѣсь въ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ.

Отношеніе варшавскаго римско-католическаго архіепископа Фіалковскаго, къ главному директору духовныхъ дѣлъ, отъ 10-го (22-го) мая 1861 года, за № 1039:

„Ваше превосходительство, 4-го (16-го) сего мая за № 824, изволили уведомить меня, что князю намѣстнику угодно, дабы я, для успокоенія умовъ взволнованныхъ послѣдними событіями, обнародовать отъ себя пастырское посланіе, въ которомъ поручилъ бы духовенству Варшавской епархіи употребить посредствомъ внушеній въ костелахъ съ амвоновъ все свое вліяніе „къ прекращенію беспорядковъ, происшедшихъ отъ пѣнія въ костелахъ пѣсень, не относящихся къ литургіи (или къ церковнымъ обрядамъ, передъ тѣмъ совершавшимся въ костелахъ), которыя, съ нѣкотораго времени, народъ, по внушенію неблагонамѣренныхъ людей, поетъ въ костелахъ, добавляя строфы, содержаніе которыхъ направлено протиъ правительства и возбуждаетъ умы“. Во вниманіе къ столь важному обстоятельству, я пригласилъ къ себѣ всѣхъ настоятелей здѣшнихъ приходовъ и монастырей, для ближайшаго разузнанія у нихъ:

1) Какого рода тѣ пѣсни, которыя поетъ народъ самъ, безъ начивнанія духовенства, въ костелахъ, послѣ событій послѣдняго времени и 2) можно ли надѣяться, что народъ послушается моего пастырскаго посланія и соответствующихъ внушеній духовенства въ этомъ отношеніи и прекратитъ пѣніе пѣсень, оскорбляющихъ правительство. Къ принятію этой предосторожности меня побудило объявленіе въ здѣшней официальной газетѣ отъ 2-го (14-го) мая, въ которой ясно сказано, что „правительство воспретило пѣніе не патріотическихкихъ, а революціонныхъ пѣсень“.

„Всѣ собранные мною ксендзы объявили мнѣ, что пѣсни, которыя поетъ народъ въ костелахъ, послѣ событій послѣдняго времени, — содержанія патріотическп-религіознаго, напечатаны въ молитвенникахъ (?), одобренныхъ духовнымъ начальствомъ, и до 1830 года были пѣты въ высокаторжественные дни воспитанниками учебныхъ заведеній, а въ воскресные и праздничные — исполняемы были во время литургіи хоромъ военной музыки польскихъ войскъ. Что теперь народъ поетъ эти пѣсни съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавленіемъ строфъ, въ которыхъ они выражаютъ свою горестъ и раздраженіе. По словамъ тѣхъ же ксендзовъ, въ нѣкоторыхъ костелахъ народъ пѣлъ по нѣсколько разъ пѣсни, въ конхъ онъ изливалъ свой ропотъ и негодованіе, по случаю происшедшихъ печальныхъ событій, но теперь уже вслѣдствіе внушенія мѣстныхъ ксендзовъ (?), что въ пѣсняхъ этихъ заключаются выраженія, вызывающія мщеніе, больше не поютъ.“

„По единогласному объявленію тѣхъ же ксендзовъ, мое посланіе и ихъ внушенія народу съ амвоновъ вовсе не принесутъ ожидаемаго княземъ намѣстникомъ результата. Этого рода усилія еще больше раздражатъ народъ, возбудятъ его противъ духовенства и противъ меня, поселатъ въ нихъ недовѣріе къ духовенству и пренебреженіе къ его поученіямъ; народъ можетъ во вредъ религіи и душамъ своимъ не радѣть объ исполненіи религіозныхъ обязанностей и приращенію Св. Тайнъ.“

„Духовенство основываетъ свои опасенія на томъ, что нѣкоторымъ ксенд-

Маркизь Велепольскій не задумался препроводить отвѣтъ архіепископа намѣстнику, и препроводилъ его, не въ принятой на службѣ формѣ, а принимая во вниманіе высокое положеніе царскаго намѣстника въ краѣ, даже въ дерзкой формѣ; вмѣсто донесенія на предписаніе намѣстника, отвѣтъ архіепископа Фіалковскаго былъ представленъ при запискѣ, почему-то на французскомъ языкѣ; записка была не собственноручная и даже не подписанная, а какъ бы отъ третьяго лица. Вотъ ея содержаніе:

«Le Marquis Wielopolski a l'honneur de transmettre à son Altesse la réponse de M-gr L'Archevêque, ainsi que le N° 107 de la gazette officielle du Royaume, auquel se réfère la dite réponse, et où en effet, dans le passage souligné en rouge; il est dit textuellement, qu'on a prohibé que les chants révolutionnaires et non les chants patriotiques. Varsovie 11-ro (23-ro) mai, 1861 ¹⁾».

При этомъ надо замѣтить, что изданіе официальной правитель-

ствъ, внушавшимъ народу въ костелахъ—прекратить пѣніе сказанныхъ пѣсень, дѣлаемы были сильныя упреки, и лично, и въ безименныхъ письмахъ. По мнѣнію сказанныхъ ксендзовъ, терпѣніе—самое успѣшное средство въ этомъ дѣлѣ. Пѣніе помянутыхъ пѣсень, какъ началось само по себѣ, безъ вліянія духовенства, такъ точно и прекратится со временемъ (?), когда умы успокоятся вслѣдствіе принятыхъ правительствомъ краткихъ мѣръ.

„Изъ всего изложеннаго выше ваше превосходительство изволите убѣдиться, что пастырская власть моя, опору коей составляютъ единственно основанія нравственности и религіи, не можетъ быть подвергаема очевидному паденію или, по крайней мѣрѣ, пренебреженію со стороны народа; что равновѣрно невозможно выставлять духовенство на обиду, поруганіе и ненависть народа, сопряженныя съ неизбежнымъ вредомъ для религіи и нравственности; что публичное воспрещеніе духовенствомъ съ амвоновъ пѣнія сказанныхъ пѣсень вовсе не успокоитъ народъ, что столь возжелѣнное успокоеніе умовъ можетъ быть достигнуто только посредствомъ довѣрія къ правительству, которое для этого легко можетъ изыскать благія средства.

„Я вполне надѣюсь на высокой умъ и справедливость князя-намѣстника, что его сіятельство, будучи представителемъ государя императора въ здѣшнемъ краѣ, не пожелаетъ разъединенія духовенства съ народомъ, которое непремѣнно было бы послѣдствіемъ объявленія моего пастырскаго посланія. Затѣмъ, по благосклонному объясненію вашимъ превосходительствомъ изъясненныхъ выше уваженій, соизволить освободить меня отъ объявленія пастырскаго посланія, которое, въ случаѣ непринятія народомъ обезчестило бы мое старчество и пастырскій санъ со вредомъ религіи, церкви и духовенству;— что впоследствии могло бы послужить правительству поводомъ къ употребленію понудительныхъ мѣръ“.

¹⁾ Маркизь Велепольскій имѣетъ честь передать его сіятельству отвѣтъ его пресвященства архіепископа, а также № 107 официальной газеты царства, въ которомъ находится упомянутый отвѣтъ, въ коемъ подчеркнуты краснымъ мѣста, въ коихъ буквально сказано, что запрещаются пѣсни революціонныя, но не патріотическія.

ственной газеты, на польскомъ языкѣ, было поручено ему же, маркизу Велепольскому, и по его требованію она не подлежала предварительной цензурѣ. Дерзость приведенной записки къ намѣстнику царства Польскаго превышаетъ всякое понятіе о неуваженіи высшей правительственной власти въ краѣ.

Послѣ смерти архіепископа Фіалковскаго, уже около двухъ недѣль, какъ былъ избранъ капитуломъ въ администраторы Варшавской епархіи каноникъ Бялобржескій. Но маркизъ Велепольскій не донесъ объ его избраніи, такъ что намѣстникъ былъ своевременно лишень возможности отмѣнить избраніе капитула и достойно наказать Бялобржескаго (что было потомъ и сдѣлано), который, не будучи вовсе утверждень администраторомъ епархіи, подписывался однако же таковымъ подъ различными актами, въ томъ числѣ подписаль и распоряженіе о закрытіи всѣхъ церквей въ Варшавѣ. Если бы маркизъ Велепольскій донесъ своевременно объ избраніи Бялобржескаго, быть можетъ, нашлось бы средство не утвердить его, понудивъ капитулъ сдѣлать избраніе болѣе достойнаго прелата, и уже съ помощію его прекратить то напряженное состояніе, которое производило закрытіе всѣхъ католическихъ церквей въ Варшавѣ.

Какъ было уже выше сказано, маркизу Велепольскому поручено было изданіе правительственной газеты въ Польшѣ. Имѣя въ рукахъ своихъ органъ, не подлежавшій цензурѣ, маркизъ Велепольскій уже нѣсколько разъ употреблялъ его противъ правительства. Такъ, въ то самое время, когда намѣстникъ графъ Ламбертъ готовился объявить военное положеніе въ Варшавѣ и Польшѣ и въ немъ передъ лицомъ Россіи и всей Европы заявить, что выборы, въ царствѣ Польскомъ, на на разныя городскія и сельскія должности сопровождались разными насильственными и законопротивными дѣйствіями со стороны избирателей,—въ официальной правительственной газетѣ появилась статья, въ которой сообщалось ко всеобщему свѣдѣнію, что выборы во всей Польшѣ производятся необыкновенно спокойно и достойно.

Мало того, въ № 23 той же газеты, совершенно для правительства неожиданно, появился полный проектъ закона очиншеванія (надѣлъ землею) крестьянъ, напечатанный подъ видомъ манифеста, въ полной подобающей высочайшему манифесту формѣ, который мужики могли легко принять за таковой и за окончательное рѣшеніе ихъ дальнѣйшей судьбы правительствомъ. Проектъ этотъ принадлежалъ маркизу Велепольскому, никѣмъ онъ не былъ еще требованъ, никто даже не разсматривалъ его, наконецъ онъ былъ такъ составленъ, что крестьяне, по неволѣ, должны были остаться имъ недовольны, т. е. недовольны правительственнымъ распоряженіемъ.

Чѣмъ можно истолковать подобныя выходки?

Вотъ краткій результатъ правительственной дѣятельности маркиза Велепольскаго. Нельзя не замѣтить, что исторія этой дѣятельности есть почти исторія начала самаго возстанія Польши 1861 года. Маркизъ Велепольскій окончательно отклонилъ отъ правительства духовенство, онъ содѣйствовалъ къ поднятію молодежи, онъ помогъ распространенію мятежа по всему царству, онъ унижилъ власть правительства, убѣдилъ всѣхъ въ безнаказанности и породилъ наконецъ явное ослушаніе.

Послѣдствіемъ всего этого было то, что духовенство, помѣщики, шляхта, горожане всѣхъ сословій, купцы, банкиры, жевщины и вся молодежь возстали явно, одни изъ патріотическаго убѣжденія, другіе изъ страха передъ вожаками. Правительству оставался вѣренъ, съ малыми исключеніями, лишь одинъ классъ земледѣльцевъ.

Послѣдствіемъ такой дѣятельности и настояній маркиза было: невмѣшательство военной власти въ дѣла гражданскія, уничтоженіе военныхъ начальниковъ, выводъ войскъ изъ главныхъ городовъ Польши, подъ видомъ—нераздраженія жителей, составленіе самыхъ недѣльныхъ адресовъ въ совѣтахъ губернскихъ и городскихъ, постоянное и систематическое дѣйствіе агитаторовъ на земледѣльцевъ для вовлеченія ихъ въ мятежъ, соединеніе революціонныхъ комитетовъ царства Польскаго съ такими же въ западныхъ губерніяхъ Россіи, въ Познани, въ Галиціи и Венгріи, всеобщій протестъ будто бы угнетенной національности и религіи передъ лицомъ Европы и стараніе, всѣми мѣрами и путями, вовлечь Россію въ европейскую войну, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы одновременно поднять во всей Польшѣ и западныхъ губерніяхъ вооруженное возстаніе.

Терпѣніе правительства наконецъ истощилось. Варшавскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ, человѣкъ пылкаго характера, энергичный, рѣшительный въ выполненіи крутыхъ мѣръ, часто необходимыхъ для собственнаго блага народа, уговорилъ намѣстника графа Ламберта объявить царство Польское на военномъ положеніи, что и было исполнено 2-го (14-го) октября 1861 г.

Къ несчастью, загадочная, трагическая смерть генералъ-адъютанта Герштенцвейга отняла у Россіи, въ роковую минуту, полезнаго и нужнаго ей человѣка, честно исполнявшаго свой долгъ. Почти одновременно со смертію генералъ-адъютанта Герштенцвейга, заболѣлъ намѣстникъ графъ Ламбертъ и покинулъ свой постъ. Не согласовавшіяся съ намѣреніями графа Ламберта мѣры убійственно отразились на немъ самомъ. Онъ сразу какъ бы поблекъ, серьезно заболѣлъ и не долго послѣ того скончался, не возвращаясь уже болѣе въ Россію. Безпристрастный историкъ пожалѣетъ о человѣкѣ, который былъ полонъ великодушныхъ стремленій, разбитыхъ коварствомъ и измѣной, и погибъ

тамъ, гдѣ предательскому народу былъ нуженъ человѣкъ сильный, рѣшительный, способный безъ колебаній прибѣгнуть къ необходимымъ мѣрамъ.

Графа Ламберта временно замѣнилъ генераль-адъютантъ Сухозанетъ, по настоянію котораго маркизъ Велепольскій, по высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ Петербургъ.

При этомъ императоръ Александръ II, 21-го октября (2-го ноября) 1861 г., изъ Царскаго Села писалъ генералу Сухозанету:

«Письма ваши, любезный Николай Онуфріевичъ, отъ 14-го (26-го) и 16-го (28-го) получилъ я въ самый день возвращенія моего сюда, но я до такой степени былъ заваленъ дѣлами, что мнѣ не было никакой возможности отвѣтить вамъ доселѣ. Впрочемъ, по важнѣйшимъ предметамъ, я вамъ уже далъ отвѣты по телеграфу.

«Поведеніе Велепольскаго признаю ни съ чѣмъ несообразнымъ и нахожу потому дальнѣйшее пребываніе его въ Варшавѣ вреднымъ. Я приказалъ вамъ выслать его сюда.

«Письмо его ко мнѣ, привезенное вчера его сыномъ, котораго я, разумѣется, не принялъ, ясно выказываетъ, чего онъ добивается, т. е. совершеннаго отдѣленія гражданскаго управленія въ царствѣ отъ военнаго, вѣроятно, съ надеждою сдѣлаться главою перваго, присовокупляя, что если я не одобряю его мысли, то онъ проситъ совершеннаго увольненія или позволенія прибыть сюда, для полученія моихъ окончательныхъ приказаній. Слѣдовательно, онъ какъ бы ожидалъ, что я его вызову сюда. Письмо Платонова и личныя объясненія Поталова еще сильнѣе подтверждаютъ то, что вы о немъ пишете.

«Надѣюсь, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ безвреденъ. Лицъ, временно выбранныхъ вами для его замѣщенія, т. е. сенатора Губе и Дембовскаго, равно и Крузенштерна я утверждаю, но не окончательно, пока дѣло не разъяснится и я не выберу новаго военнаго ген.-губернатора, которому, во всякомъ случаѣ, необходимо будетъ подчинить комиссію внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ Непокойчицкій рѣшительно отказывается отъ сего мѣста, то остается одинъ Тимашевъ, котораго признаю вполне способнымъ его занять, но боюсь, что онъ его не приметъ, ибо здоровье его дѣйствительно разстроено и онъ находится поэтому за границею. Я приказалъ выписать его сюда по телеграфу и по личнымъ объясненіямъ съ нимъ увѣдомлю ген.-адъют. Лидерса о томъ, что рѣшу. Надѣюсь, что ген.-лейт. Крыжановскій съ нимъ сойдется, если же онъ предпочтетъ Непокойчицкаго въ начальники главнаго штаба, то я его стѣснять не стану, а первый можетъ быть полезенъ и на всякой другой должности. Мѣры, вами принятыя, какъ для арестованія давно извѣстныхъ личностей изъ главныхъ агитаторовъ, такъ и отдачу въ рекруты въ счетъ недоимки, существующей еще на царствѣ, я одобряю. Но нахожу, что каноника

Бялобржескаго, за самовольныя и явно преступныя распоряженія, слѣдовало немедленно арестовать и предать суду, что и требую, чтобы было исполнено, ибо подобныя своеволія, и въ обыкновенное время, не должны быть терпимы, а подавно при существованіи военнаго положенія, иначе мы опять не достигнемъ главной нашей цѣли, обузданія, во что бы то ни стало, духа анархїи.

«Письмо это прошу васъ прочесть ген.-адъют. Лидерсу, такъ какъ ему уже извѣстна и предъидущая моя переписка какъ съ вами, такъ и графомъ Ламбертомъ, и прошу васъ еще разъ подтвердить ему то, что я ему лично говорилъ, о строжайшемъ соблюденіи всѣхъ послѣдствій военнаго положенія, не боясь отвѣтственности, а принимая ее на себя.

«Для ознакомленія его съ гражданскими дѣлами присутствіе, на первое время, Платонова, будетъ полезно и даже необходимо, но я прошу его долго не задерживать, ибо онъ и для меня здѣсь очень нуженъ. Теперь не время вводить какія-либо преобразованія, ибо прежде всего долженъ быть водворенъ порядокъ, а хотѣть основывать новый порядокъ, когда повсюду царствуетъ анархїя, есть дѣло несбыточное и превышаетъ силы человѣческихъ.

«Желаю, чтобы по примѣру того, какъ мнѣ еженедѣльно представляютъ вѣдомости объ обыкновенныхъ происшествіяхъ по царству, такковыя же вѣдомости составлялись и о томъ, что при теперешнихъ смутахъ тамъ происходитъ, иначе я часто остаюсь въ невѣдѣніи о такихъ случаяхъ, которые узнаю изъ иностранныхъ газетъ, что ни съ чѣмъ несообразно и о чемъ мною было еще писано князю Горчакову, и, несмотря на то, не исполнялось.

«Дѣло о преобразованіи комитета духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія я приказалъ рассмотреть еще здѣсь въ департаментѣ государственнаго совѣта. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ проектъ объ очиншеваніи крестьянъ и надѣюсь, что онъ будетъ составленъ въ томъ смыслѣ, какъ я сего хочу, а не такъ, какъ Велепольскій его представилъ».

Между тѣмъ 1-го (13-го) декабря послѣдній представилъ государю докладную записку ¹⁾, въ которой, оправдывая себя, осуждалъ дѣйствія русской администраціи.

«Несмотря на то,—писалъ Велепольскій,—что на мою просьбу объ отставкѣ послѣдовало всемилостивѣйшее согласіе вашего величества, вы соблагволили задержать меня здѣсь на нѣкоторое время изъ-за дѣлъ, относящихся до царства Польскаго.

«Я считаю долгомъ, какъ вѣрный подданный и преданный слуга моего государя, довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества нѣко-

¹⁾ Записка эта написана на французскомъ языкѣ.

торые новые факты относительно теперяшняго положенія дѣль этой страны.

«На аудіенціи, данной мнѣ вашимъ величествомъ 13-го (25-го) ноября, вы сооблаговолили объявить мнѣ, что ваше величество отнюдь не намѣрены подчинить вновь страну режиму, существовавшему болѣе тридцати лѣтъ до послѣднихъ перемѣнъ, введенныхъ вашимъ величествомъ; между тѣмъ управленіе царствомъ Польскимъ въ настоящее время совершенно не соотвѣтствуетъ этимъ великодушнымъ намѣреніямъ вашего величества и представляетъ собою возвратъ къ режиму, заслужившему неодобреніе вашего величества ¹⁾). Этотъ возвратъ начался со времени вступленія г. Крузенштерна въ должность главнаго управляющаго комиссіею внутреннихъ дѣлъ.

«Со времени послѣднихъ реформъ, совершенныхъ по повелѣнію вашего величества, правительство признало необходимымъ, для того чтобы приготовить путь къ началу дѣятельности окружныхъ и городскихъ совѣтовъ, смѣнить и обновить личный составъ служащихъ въ губернскихъ правительственныхъ мѣстахъ.

«Увольненію подлежали именно начальники округовъ, признанные неспособными продолжать свою дѣятельность при новомъ порядкѣ вещей. Съ этою цѣлью намѣстникъ учредилъ особый комитетъ, состоявшій изъ генерала Гечевича, Зенскаго, Платонова и меня; этому комитету было поручено разслѣдовать дѣйствія теперешнихъ начальниковъ округовъ, представить свое мнѣніе относительно каждаго изъ нихъ и предложить кандидатовъ на мѣсто тѣхъ, которые будутъ признаны неспособными сохранить свои мѣста. Этотъ трудъ былъ нами подготовленъ, внесенъ въ административный совѣтъ и доведенъ до свѣдѣнія намѣстника. Выполненіе предположенныхъ перемѣнъ было отложено до конца выборовъ съ тою цѣлью, чтобы эта перемѣна не помѣшала составленію выборныхъ списковъ ²⁾). Такъ какъ по окончаніи выборовъ было объявлено осадное положеніе, то подготовительная работа, совершенная такимъ образомъ нашимъ комитетомъ, осталась вѣроятно безъ послѣдствій.

«Между тѣмъ новый начальникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Крузенштернъ, дѣйствуетъ въ духѣ совершенно противоположномъ. Многие чиновники были уволены генералами Гечевичемъ и Герштенцвейгомъ, за воровство, взяточничество, мошенничество, пьянство и т. д. Новый начальникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не обращая вниманія на всѣ представленія начальниковъ отдѣленій, принимаетъ вновь

¹⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ II написалъ: „Я этого не вижу“.

²⁾ Какъ извѣстно, подъ влияніемъ Велепольскаго выборы были произведены незаконно.

на службу многихъ изъ этихъ уволенныхъ, утверждая, что взведенныя на нихъ обвиненія были ложны и что они были жертвою своей преданности долгу ¹⁾).

«Подобный образъ дѣйствій угрожаетъ разрушить всю администрацію страны, и новыя учрежденія не въ состояніи будутъ дѣйствовать, если въ нихъ будутъ засѣдать чиновники завѣдомо неспособные и развращенные ²⁾).

«Во время той же аудіенціи ваше величество благоволили выразить мнѣ свое непоколебимое намѣреніе возвратить королевству Польскому его административную автономію. Съ тѣхъ поръ я не получалъ никакихъ предварительныхъ свѣдѣній относительно мѣръ, принятыхъ за послѣднее время въ царствѣ Польскомъ, а именно, относительно назначенія, въ качествѣ членовъ административнаго совѣта, гг. Крузенштерна, Массона и Крыжановскаго. Послѣднее назначеніе было, повидимому, связано съ объявленіемъ осаднаго положенія, и поэтому оно является быть можетъ только временнымъ. Назначеніе гг. Крузенштерна и Массона, по моему мнѣнію, не можетъ дать странѣ увѣренность въ томъ, что ея автономія будетъ сохранена. Безъ сомнѣнія, автономія царства не исключаетъ возможности замѣщенія должностей въ королевствѣ русскими, если они обладаютъ необходимыми для этого способностями, точно также, какъ съ другой стороны въ Имперіи есть извѣстныя должности, которыя могутъ занимать поляки. Но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать различіе между высокимъ постомъ начальствующихъ лицъ администраціи и второстепенными должностными лицами. Хотя многіе поляки занимаютъ дѣйствительно извѣстныя должности въ Имперіи, но это должности второстепенныя; въ Имперіи нѣтъ директоровъ департаментовъ поляковъ, и весьма немногіе изъ нихъ занимали губернаторскія мѣста ³⁾).

«Въ административномъ совѣтѣ царства Польскаго изъ девяти членовъ, состоящихъ въ данное время на дѣйствительной службѣ, шесть человекъ русскихъ, а именно генераль Лидерсъ, гг. Фундуклей, Платоновъ, генераль Крыжановскій, Крузенштернъ и Массонъ и три поляка, а именно: гг. Зенскій, Губе и Дембовскій.

«Такимъ образомъ всего одна треть совѣта состоитъ изъ поляковъ, знакомыхъ съ дѣлами, интересами и законами страны. Изъ числа рус-

¹⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ II, посылая записку эту намѣстнику, написалъ: „Донесите мнѣ, было ли дѣйствительно что-либо подобное“.

²⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ написалъ: „Если это дѣйствительно правда, чему я вѣрить не могу, то это непростительно и опасенія его справедливы“. Донесено, что ничего подобнаго не было.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „вздоръ“.

скихъ членовъ г. Крузенштернъ служилъ только въ дипломатической канцеляріи намѣстника, Массонъ былъ только начальникомъ тайной полиціи при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, а въ настоящее время состоитъ начальникомъ почтоваго управленія.

«Составленный такимъ образомъ административный совѣтъ не можетъ, по моему мнѣнію, быть вѣрнымъ выразителемъ желаній и нуждъ поляковъ, подданныхъ вашего величества, какъ это было выражено вашимъ величествомъ въ рескриптѣ графу Ламберту, въ коемъ ему повелѣвалось окружить себя мѣстными жителями, людьми способными, просвѣщенными и пользующимися уваженіемъ общества.

«Такимъ образомъ мѣстный элементъ не только составляетъ меньшинство въ административномъ совѣтѣ, но кромѣ того весьма многія дѣла обсуждаются и получаютъ рѣшеніе помимо совѣта, въ канцеляріи намѣстника. Однимъ изъ пунктовъ, относительно которыхъ графъ Ламбертъ и мой сынъ, дѣйствовавшій въ то время въ Петербургѣ отъ моего имени, пришли къ соглашенію съ соизволенія вашего величества, было: что всё безъ исключенія гражданскія дѣла, даже тѣ изъ нихъ, которыя зависятъ отъ рѣшенія намѣстника, будутъ вноситься или въ административный совѣтъ, или будутъ представляться на утвержденіе намѣстника, статсъ-секретаремъ при этомъ совѣтѣ, и что канцелярія намѣстника не только не будетъ присвоивать себѣ впредь права названнаго совѣта, но будетъ вѣдать исключительно одни только военныя дѣла.

«Между тѣмъ при новыхъ порядкахъ канцелярія эта все болѣе и болѣе расширяетъ кругъ своей дѣятельности ¹⁾ и кромѣ того пополняется со всѣхъ сторонъ служащими самыхъ плохихъ временъ прежняго режима, коихъ имена, связанные съ воспоминаніемъ объ ихъ прошедшей дѣятельности, могутъ только дискредитировать правительство ²⁾.

«При осадномъ положеніи, если оно будетъ вестись твердою и вѣрною рукою, верховная власть можетъ внушить благотворный страхъ, но страхъ, внушенный зложелателямъ, у людей благомыслящихъ смѣнитса со временемъ уваженіемъ, и потому нежелательно, чтобы назначенія, сдѣланныя при системѣ репрессалій, исключили на долго возможность проявленія этого уваженія ³⁾.

«Ходъ дѣлъ страдаетъ отъ подобнаго состава высшей администра-

¹⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ написалъ: „при военномъ положеніи оно иначе и быть не можетъ“.

²⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ II написалъ: „желаю знать, правда ли это, и прошу ва выборъ людей обратить особое ваше вниманіе, дабы намъ дѣйствительно не впасть въ прежнія ошибки“. Государю было допесено, что это неправда.

³⁾ Государь написалъ: „справедливо“.

ціи. Такимъ образомъ въ послѣднее время административный совѣтъ по просьбѣ одного изъ своихъ вліятельныхъ членовъ, отложилъ приведеніе въ исполненіе весьма важной мѣры, а именно: утвержденіе проекта устава, внесеннаго въ совѣтъ комиссіей министерства финансовъ, съ согласія комиссіи министерства юстиціи.

«Цѣль проекта была распространить на тѣхъ помѣщиковъ, которые во исполненіе майскаго указа войдутъ со своими крестьянами въ соглашеніе относительно временной отмѣны барщины,—денежное вспоможеніе, которое въ силу другаго указа было обѣщано помѣщикамъ, отдающимъ свои земли въ чиншевое владѣніе крестьянамъ. Не взирая на всѣ настоянія директоровъ комиссіи министерства финансовъ и юстиціи, было рѣшено отложить исполненіе этой мѣры впредь до дальнѣйшаго распоряженія, подъ тѣмъ предлогомъ, что страна по причинѣ бывшихъ безпорядковъ не заслуживаетъ этого благодѣянія. Принимая подобныя рѣшенія, правительство находится въ противорѣчьи съ самимъ собою, ибо, съ одной стороны, оно само покровительствуетъ прекращенію барщины и аренды ¹⁾, а съ другой,—помѣщикамъ отказываютъ въ тѣхъ средствахъ къ достиженію этой цѣли, которыя уже одобрены въ принципѣ. Сверхъ того, вслѣдствіе замедленія въ прекращеніи аренды крестьяне, преданность которыхъ правительству доказана, терпятъ убытки ²⁾).

«Въ вопросахъ добровольнаго выкупа, отмѣны барщины и аренды образъ дѣйствій, намѣченныхъ мною, одобренный кн. Горчаковымъ и объявленный вашимъ величествомъ въ указѣ отъ 4-го (16-го) мая сего года, состоялъ въ совмѣщеніи интересовъ правительства съ интересами помѣщиковъ и крестьянъ, въ томъ, чтобы соглашенія между ними заключались по мѣрѣ возможности, помимо мелкихъ чиновниковъ, по большей части развращенныхъ прошлымъ режимомъ; противоположная система, принятая въ 1858 г., препятствовала очиншеванію вмѣсто того, чтобы подвинуть это дѣло.

«Выработанный мною по высочайшему повелѣнію проектъ окончательнаго очиншеванія и тщательно разработанный въ комиссіи министерства юстиціи, при участіи членовъ отъ комиссіи министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по настоянію двухъ членовъ преобладающей части административнаго совѣта, также не былъ предложенъ на обсужденіе означеннаго совѣта, и комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ было поручено выработать новый проектъ.

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „вѣдоръ“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „дѣйствительно весьма желательно, чтобы дѣло это было скорѣе рѣшено“.

«Вслѣдствіе того, рѣшеніе этого важнаго вопроса запоздало, къ великому ущербу государственной службы и интересовъ страны. Ваше величество соблаговолите припомнить, что послѣднюю весну положеніе крестьянъ возбуждало серьезныя опасенія. Вышеупомянутый указъ, касающійся выкупа и барщины, выработанный мною лично, весьма быстро внесъ улучшеніе въ этотъ порядокъ вещей. Но тѣмъ же указомъ странѣ былъ обѣщанъ окончательный законъ относительно чинша. Помѣщики, а равно и крестьяне ожидаютъ этого закона и, рассчитывая на его появленіе, откладываютъ свои сдѣлки. Эта задержка вноситъ снова смуту въ умы.

«Такъ какъ проектъ окончательнаго очиншеванія въ виду задержки, происшедшей при его разсмотрѣніи, не можетъ быть представленъ вашему величеству официальнымъ путемъ, то я осмѣливаюсь, согласно данному мнѣ вашимъ величествомъ разрѣшенію, повергнуть при семъ къ стопамъ вашего величества одинъ экземпляръ французскаго перевода означеннаго проекта. Одною изъ цѣлей этого проекта было ускорить ходъ очиншеванія, упростивъ его исполненіе. Учрежденія, созданныя вашимъ величествомъ въ царствѣ Польскомъ, дали мнѣ двѣ главныя точки опоры для построенія новаго зданія, а именно: въ видѣ мѣстной инстанціи для разслѣдованія дѣлъ по очиншеванію, я предложилъ назначать уполномоченныхъ отъ округовъ избираемыхъ изъ среды членовъ окружныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ вашимъ величествомъ, а въ качествѣ высшей инстанціи я учредилъ чиншевой отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ, который будетъ имѣть право отмѣнять постановленія мѣстныхъ инстанцій, а въ случаѣ нарушенія закона приказать снова разсмотрѣть дѣло. Этимъ простымъ средствомъ оказалось возможно избѣжать учрежденія новыхъ бюрократическихъ единицъ, которыя, какъ показалъ опытъ, скорѣе осложнили, нежели облегчили успѣхъ этого важнаго дѣла. Позволю себѣ еще присовокупить, что мотивы, вызвавшіе чиншевой проектъ въ Польшѣ, а равно и прочіе оправдательные документы, объясняющіе способъ назначенія чинша, были сообщены мною г. министру внутреннихъ дѣлъ Россійской имперіи, Валуеву, который выразилъ мнѣ желаніе сравнить ихъ съ повелѣніями, коими управляется эта часть Россіи.

«Если ваше величество, разсмотрѣвъ мой проектъ чинша, благоволите признать, что онъ заслуживаетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, то осмѣливаюсь умолять ваше величество повелѣть, чтобы этотъ проектъ съ замѣчаніями, кои могутъ быть сдѣланы на него комиссіей министерства внутреннихъ дѣлъ, была какъ можно скорѣе внесены въ государственный совѣтъ царства Польскаго, дабы они были представлены затѣмъ на утвержденіе вашего величества.

«Такимъ образомъ, я буду еще имѣть возможность присутствовать,

согласно повелѣнію вашего величества, при обсужденіи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ».

Записка эта не оправдала маркиза въ глазахъ государя, и онъ былъ отчисленъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, съ оставленіемъ лишь членомъ государственнаго совѣта царства Польскаго.

Намѣстникомъ же царства былъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Лидерсъ.

Посѣдѣвшій въ бояхъ, но еще бодрый воинъ, привыкшій водить войска къ славнымъ побѣдамъ, но никогда не подвизавшійся на поприщѣ гражданскаго управленія, онъ нашелъ край не въ броженіи, а вполне въ опасномъ состояніи.

Трудная задача досталась ему, никогда не встрѣчавшемуся съ измѣной и коварствомъ; вступилъ онъ въ нее безъ мечтаній, безъ искусственно соображенныхъ системъ, а лишь съ полнымъ довѣріемъ къ правому дѣлу, имъ защищаемому, и спокойно глядѣлъ опасности прямо въ глаза. Опираясь на найденныя имъ на мѣстѣ силы, онъ болѣе восьми мѣсяцевъ держалъ твердой рукой всю Польшу въ порядкѣ и тишинѣ. Трудно теперь сказать, что было бы дальше; но дѣятельность графа Лидерса должна была прекратиться, — рука негодая, изъ-за угла, въ упоръ, раздробила челюсть маститаго воина, котораго Провидѣніе хранило во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и до почтенной старости. Графъ Лидерсъ, до самой смерти, сильно страдалъ отъ этой раны ¹⁾.

Вмѣсто него намѣстникомъ царства Польскаго былъ назначенъ его императорское высочество великій князь Константинъ Николаевичъ. Помощникомъ ему, по гражданской части, былъ вновь назначенъ маркизъ Велепольскій. Къ чему привело это послѣднее назначеніе—всѣмъ извѣстно: къ снятію военнаго положенія, къ покушенію на жизнь его высочества, къ вооруженному нападенію на личность самого же маркиза Велепольскаго и, наконецъ, къ открытому вооруженному возстанію всей Польши и западныхъ губерній Россіи.

Какъ иронія выглядывало тогдашнее поведеніе маркиза Велепольскаго

¹⁾ Покушеніе на жизнь графа Лидерса произошло при обстоятельствахъ, которыя стоятъ того, чтобы объ нихъ помнили. Это произошло въ Саксонскомъ саду, во время утренней прогулки графа.

„Дойдя до заведенія минеральныхъ водъ, что было около Желѣзныхъ воротъ, графъ повернулся, чтобы идти по аллеѣ назадъ, къ выходу изъ сада. Не успѣлъ онъ сдѣлать и шага, какъ изъ-за угла зданія раздался выстрѣлъ, и графъ былъ, почти въ упоръ, раненъ въ челюсть. Онъ остановился на секунду отъ неожиданности... И первое, что въ немъ сказалось—это храбрость честнаго воина: онъ, не оборачиваясь, произнесъ только два слова: „подлецъ—свади“. Прижавъ къ ранѣ платокъ, не ускоряя шагу, Лидерсъ дошелъ до выхода изъ сада, гдѣ сѣлъ въ экипажъ“. (Разсказъ очевидца).

въ Варшавѣ. Послѣ покушенія на его личность, домъ, гдѣ онъ жилъ, былъ окруженъ день и ночь полиціей, во дворѣ стоялъ сильный воинскій караулъ; когда же онъ, по необходимости, выѣзжалъ изъ дома, то ѣхалъ по улицамъ Варшавы не иначе, какъ въ каретѣ, окруженной густымъ военнымъ конвоемъ. Все это черезъ годъ, послѣ его настоятельнаго требованія «о невмѣшательствѣ военной власти въ дѣла польскаго мятежа и предоставленія умиротворенія края одной гражданской власти и судамъ обыкновеннаго времени».

Не въ лучшемъ положеніи были дѣла и въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Революціонное движеніе тамъ, такъ же, какъ и въ Польшѣ, было руководимо духовенствомъ, шляхтою, женщинами и учащеюся молодежью, направляемыми и воодушевляемыми изъ Варшавы. Революціонные комитеты въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ, Кіевѣ и другихъ центрахъ Западнаго края были руководимы Варшавою же. Весь край былъ наводненъ представителями разныхъ революціонныхъ обществъ и массово подстрекателей, изъ польской эмиграціи. Какъ всегда это бываетъ, ополченный и окатоличенный край оказался болѣе рьянымъ, чѣмъ сама Польша, такъ, что вооруженныя банды въ Западномъ краѣ появились раньше, чѣмъ въ самой Польшѣ. Русская правительственная власть, какъ высшая, такъ и низшая, стояла въ то время въ Западномъ краѣ далеко не на подобающей ей высотѣ и также пассивно бездѣйствовала, какъ и въ Польшѣ, и тѣмъ окончательно выпустила изъ рукъ управленіе краемъ.

Но вотъ, по высочайшей волѣ, въ Сѣверо-Западный край былъ назначенъ человекъ, хотя нѣсколько и поздно, съ твердою волею и непоколебимою рѣшимостью. Онъ объявилъ, чего хочетъ, указалъ, что дѣлать, ободрилъ всѣхъ, нашелъ людей, сѣмѣвшихъ выполнить его предначертанія. Никто не смѣлъ давать ему свои непрошенныя совѣты. Властью своею онъ не дѣлился ни съ кѣмъ, все дѣлалъ самъ и одинъ бралъ на себя всю отвѣтственность за послѣдствія.

Мятежъ былъ энергично подавленъ; храбрыя и неустоимыя русскія войска, по его приказанію, пошли въ лѣса и болота, и тамъ сокрушили и переловили мятежныя вооруженныя банды. Тогда началось умиротвореніе и устройство потрясеннаго мятежемъ края, и имя Михаила Николаевича Муравьева прославляется теперъ тамъ, куда онъ нѣкогда явился столь грознымъ.

А. Н. К.

Екатерина II и Василий Васильевич Каховскій.

1791—1793.

Указы Екатерины II—В. В. Каховскому.

23 ¹⁾.

Всемилоствѣйше повелѣваемъ бригадиру Селихъ-Агѣ производить изъ губернскихъ Екатеринославскихъ доходовъ жалованья въ годъ по тысячи по восмисотъ рублей, и сверхъ того столовыхъ по тысячѣ двѣсти рублей; выдать ему единовременно двѣ тысячи пятьсотъ ефимковъ изъ наличной въ казенной палатѣ суммы; отвезти ему домъ выгодный въ Николаевѣ, по сношенію съ оберштеркригс-коммиссаромъ Фалѣвымъ, и для экстраординарныхъ расходовъ преподать ему неминуемо нужно пособие изъ суммы, ассигнуемой вамъ для турецкаго поселенія.

Екатерина.

Апрѣля 27-го дни 1792 г. С.-Петербургъ.

24.

Обращая особое вниманіе Наше на фабрики Екатеринославскія суконную въ Дубровиѣ, шелковыхъ матерій въ Купавнѣ ²⁾ и чулочную въ Кайдакахъ покойнымъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ заведенныя и нѣкоторой уже степени совершенства достигшія, назначили Мы изъ заемнаго Нашего банка какъ въ капиталъ ихъ, такъ на переводъ и помѣщеніе оныхъ между Екатеринослава и Кайдакъ три ста двадцать шесть тысячъ четыре ста восемь рублей и въ то число нынѣ же указали отпустить вице-губернатору Екатеринославскому стат-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1900 г.

²⁾ Письмо князю Прозоровскому въ „Русск. Архивѣ“, 1872, 567.

скому совѣтнику Тибекину ¹⁾ двѣсти тысячъ рублей, изъ коихъ ему обще съ директоромъ фабрикъ коллежскимъ ассессоромъ Липрандіемъ ²⁾ употребить съ принятіемъ нужныхъ для обезпеченія казны предосторожностей для суконной фабрики на заготовленіе припасовъ, заплату долгу и на удовольствіе мастеровыхъ восемьдесятъ семь тысячъ сто шестьдесятъ два рубля, да сверхъ сего на припасы же шестьдесятъ двѣ тысячи восемь сотъ тридцать восемь рублей въ замѣну таковогожъ числа денегъ сей фабрикѣ разными людьми должныхъ, а достальные пятьдесятъ тысячъ рублей доставить въ ваши руки, вамъ же повелѣваемъ:

Первое, поспѣшить приготовленіемъ дерева потребнаго на строеніе фабрикъ по апробованному Нами плану, да и къ производству строенія приступить какъ наискорѣе, стараясь о немедленномъ сведеніи поманутыхъ фабрикъ къ Екатеринославу.

Второе, шестьдесятъ двѣ тысячи восемь сотъ тридцать восемь руб. въ долгахъ состоящія, собирая, употреблять такъ же на строеніе, а чтобы во взысканіи ихъ преподано было вамъ всевозможное способствованіе о томъ повелѣніи Наши даны.

Третье, прилѣжнѣйшему вашему попеченію предоставляемъ всѣ тѣ заведенія, какія только для фабрикъ нужны быть могутъ, не выходя однакожъ изъ суммъ ассигнованныхъ. Ваше усердіе къ Нашей службѣ и отличное рвеніе къ исполненію повелѣній Нашихъ будутъ вамъ въ семъ случаѣ наилучшими руководителями.

Четвертое, въ контору фабрикъ повелѣли Мы опредѣлить артиллерию капитана Захарьина, который, не мѣшаясь въ распоряженія директора фабрикъ, будетъ только наблюдать вѣрность и исправность счетовъ.

Пятое, Мы ожидаемъ, что въ будущемъ 1793 годѣ не только поманутыя фабрики будутъ уже на мѣстѣ и въ полномъ теченіи работъ своихъ, но что и другія покойнымъ княземъ предположенныя, какъ-то ленточная, бумажная и свѣчная, для коихъ матеріалы и инструменты готовы, получаютъ основаніе свое и въ дѣйствіе приведены будутъ, и что такъ же примете вы мѣры о присоединеніи къ первымъ устроеннымъ въ Дубровнѣ фабрикъ часовой и позументной.

Шестое, директору фабрикъ коллежскому ассессору Липрандію для лучшаго въ исполненіи порученнаго дѣла поощренія и для нужныхъ заведеній имѣете отвезти способную землю изъ близкихъ казенныхъ.

Объ успѣхѣ въ семъ возложенномъ на васъ дѣлѣ повелѣваемъ вамъ по временамъ намъ доносить.

Екатерина.

Мая 14-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.

(Полученъ въ Екатеринославѣ мая 23-го дня 1792 г.).

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Тибѣкинъ.

²⁾ Вызванный княземъ Потемкинымъ итальянецъ Али-Бранди.

25.

Молдавскому протопопу Михаилу Стрѣльбѣцкому, въ награжденіе службы его оказанной Намъ въ теченіе минувшей съ турками войны, повелѣваемъ отвѣсть земли въ Дубоссарахъ для водворенія его и позволить завести ему тамъ типографію для печатанія книгъ на греческомъ, российскомъ, молдавскомъ и прочихъ языкахъ, производа ему притомъ въ пенсію по триста рублевъ на годъ изъ Екатеринославской казенной палаты.

Е к а т е р и н а.

Маія 16-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня въ Дубоссарахъ).

26.

Изъ донесенія вашего отъ 5-го дня сего мѣсяца видимъ Мы съ удовольствіемъ заботу вашу и попеченіе о разведеніи лѣсовъ въ области новопріобрѣтенной, не находимъ однакожь за нужное выписывать для сего формейстеровъ иностранныхъ, и препровождая при семъ лѣсной уставъ, повелѣваемъ правила въ ономъ предписанныя вводить во исполненіе не только въ той области, но и во всемъ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ.

Е к а т е р и н а.

Маія 19-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г., въ Дубоссарахъ).

27.

Препровождая при семъ присланную къ Намъ отъ ротмистра отставнаго Карпинскаго жалобу на присутственныя мѣста намѣстничества Екатеринославскаго въ долговременномъ нерѣшеніи дѣла его по доносу на купцовъ елисаветградскихъ, производившихъ запрещенный торгъ за границу лошадьми, повелѣваемъ помянутое дѣло рѣшить немедленно на основаніи законовъ съ доставленіемъ просителю справедливаго удовлетворенія.

Е к а т е р и н а.

Маія 19-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г., въ Дубоссарахъ).

28.

Помышляя о выгодномъ въ новопріобрѣтенной области помѣщеніи на зиму войскъ, безъ утѣсненія новыхъ ея обитателей, за нужное Мы находимъ вамъ предписать о принятіи благовременно мѣръ къ приуготовленію жилищъ. Намъ извѣстно, что землянки, каковыя, по повелѣнію покойнаго фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, сдѣланы были по почтовой дорогѣ отъ Бендеръ къ Соколамъ, для людей довольно выгодны и здоровы, и скоро могутъ построиться; полагая шесть тысячъ человѣкъ на лѣвомъ берегу Днѣстра ниже Бендеръ противу устья

рѣки Ботны, гдѣ назначается средняя крѣпость, три тысячи человекъ у Аджидеръ, тысячи по двѣ у Аджибея, Ягорлыка и противъ Балты, должно по сему числу вышѣшнимъ же лѣтомъ построить на первый случай землянки или хотя мазанки какъ для рядовыхъ, такъ и для начальниковъ. Къ сему сами солдаты могутъ быть употреблены съ платежѣмъ по пять копѣекъ въ день на человека. Снесите о томъ съ командиромъ войскъ въ новопріобрѣтенной области находящихся и истребовавъ нужное число рабочихъ и приставовъ, приступите немедленно къ сему построению. Мы увѣрены, что въ семь случаевъ и польза казенная и выгоды военно-служащихъ вами сохранены будутъ. Сколько же на сіе потребно денегъ, имѣете Намъ представить исчисленіе.

Е к а т е р и н а .

Маія 20-го дня 1792 г. Въ Царскомъ Селѣ.
(Полученъ 6-го іюня 1792 г. въ Дубоссарахъ).

29.

По рассмотрѣніи представленной Намъ и при семъ слѣдующей вѣдомости о провіантѣ заготовленномъ по данному отъ Насъ въ 1776 году повелѣнію въ крѣпостяхъ Александровской и Петровской, тожъ Никополь и Крюковъ и теперь на лицо и въ долгахъ состоящимъ, повелѣваемъ:

Первое, употребленные въ невозвратный расходъ муки шестнадцать тысячъ шесть сотъ двадцать восемь четвертей три четверика два гарнца, крупъ тысяча четыреста двадцать три четверти одинъ четверикъ семь гарнцевъ исключить.

Второе, наличную въ Крюковъ и Никополь муку тысячу сто восемьдесятъ четвертей четыре четверика одинъ съ половиною гарнецъ и крупу семнадцать четвертей два четверика семь гарнцевъ отдать въ вѣдомство армейскаго провіантскаго магазина.

Третье, розданные по Новороссійской и Азовской губерніямъ, считая и съ процентами муки семнадцать тысячъ шесть сотъ девяносто четыре четверти пять гарнцевъ, крупъ семь сотъ тридцать одна четверть пять гарнцевъ стараться взыскивать и обращать взыскиваемое въ армейскіе магазины, но если по вашему усмотрѣнію каковаго количества взыскать совсѣмъ невозможно, о томъ для исключенія представить Намъ.

Четвертое, о семъ поступающемъ въ вѣдомство армейское по второй и третьей статьѣ провіантѣ, тожъ и о считаемой на Главной Провіантской Коммисіи послѣ всѣхъ замѣнъ мукъ четырехъ тысячахъ пятистахъ восьмидесяти восьми четвертяхъ трехъ четверикахъ одномъ гарницѣ и крупѣ тысячѣ ста девяноста пяти четвертяхъ четырехъ четверикахъ учинить вамъ расчетъ съ Генераль-Провіантмейстеромъ, по-

лагая муку четверть въ два рубля пятьдесятъ коп., а крупу въ четыре рубли для надлежащаго изъ провіантской въ губерніи суммы платежа.

Пятое, наличныя деньги двѣ тысячи шесть сотъ девятнадцать рублей шестдесятъ копѣекъ причислить къ прочимъ сборамъ Губерніи Екатеринославской.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.

Маія 20-го дня 1792 г.

Вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ хлѣба и вырученнаго за оный денгахъ.

Въ приходѣ.

	Муки.			Крупы.		
	чет.	четв.	гар.	чет.	четв.	гар.
Купленнаго по подряду у Фалѣева по разнымъ цѣнамъ на 95.105 р. 79¼ к.	33.666	3	4	3.156	1	5
Приобрѣтеннаго отъ раздачи въ займы процентомъ	2.040	—	—	88	—	—
Осталось отъ содержанія караульныхъ казаковъ	43	—	2	—	—	—
	35.749	3	6	3.244	1	5

Въ расходѣ
невозвратномъ:

	Муки.			Крупы.		
	чет.	четв.	гар.	чет.	четв.	гар.
1) На продовольствіе отставныхъ поселенныхъ солдатъ, инженерныхъ служителей и колодниковъ, строившихъ магазейны, бывшихъ въ карантинѣ Корсиканцовъ, свиты Крымскаго Хана караульныхъ казаковъ, Шведовъ, содержащихся въ карантинѣ и въ зараженныхъ мѣстахъ людей каторжныхъ колодниковъ	11.061	—	7	922	—	7
2) Исключено на мышедь и раструску.	492	4	7	74	3	3
3) На продовольствіе поселившихся въ городѣ Новомосковскѣ колонистовъ и у Хортицкаго острова менонистовъ, у коихъ за сей хлѣбъ отъ Ея Свѣтлости велѣно зачесть опредѣленные на каждую семью по пяти сотъ рублей деньги, которыя изъ статскихъ доходовъ отчислить должно	5.073	7	4	431	7	4
	16.628	3	2	1.423	1	7

возвратномъ:

1) Роздано азовскою губернскою канцелярію поселившимся солдатамъ, грекамъ и разнымъ помѣщичьимъ селеніямъ	3.561	—	3	140	—	6
---	-------	---	---	-----	---	---

даннаго вамъ отъ Насъ указа о такомъ отводѣ земель переселившимся изъ Молдавіи боярамъ.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 2-го дня 1792 г.
(Получено 4-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

31.

По рассмотрѣніи представленной Намъ вѣдомости о употребленныхъ по губерніи Екатеринославской на менонистовъ и прочихъ колонистовъ сто девяносто тысячахъ двухъ стахъ девяноста девяти рубляхъ восьмидесяти восьми копѣйкахъ, и сверхъ того, еще слѣдующихъ менонистамъ пятидесяти четырехъ тысячахъ семи стахъ тридцати пяти рубляхъ тридцати одной копѣйкѣ, колонистамъ въ 1789 и 1790 годахъ въ ту губернію прибывшимъ сорока девяти тысячахъ восьми стахъ пятидесяти трехъ рубляхъ сорока семи копѣйкахъ и пастору ихъ Кирхману четырехъ тысячахъ семи стахъ пятидесяти семи рубляхъ семидесяти восьми копѣйкахъ съ четвертью, повелѣваемъ:

Первое, менонистовъ слѣдующими къ выдачѣ по наличному ихъ числу деньгами удовольствовать изъ губернскихъ доходовъ, сдѣлавъ распоряженіе съ казенною палатою поскольку можетъ она отпускать имъ въ годъ безъ помѣшательства другимъ нужнымъ расходамъ.

Второе, пастору Кирхману положенное жалованье по четыреста рублевъ въ годъ отпускать, снабдя его и заимообразно двумя тысячами рублями и отвѣдя въ вѣчное ему владѣніе назначенное количество земли пятьсотъ десятинъ, но только съ обязательствомъ всегдашняго всероссійскому престолу подданства.

Третье, колонистовъ въ 1789 и 1790 годахъ прибывшихъ въ губернію Екатеринославскую, если никакихъ съ ними постановленій сдѣлано не было, снабдить, согласно съ мнѣніемъ казенной палаты, половиною только суммою изъ той, которая имъ въ сравненіе съ менонистами назначалась, оставя уже въ ихъ владѣніи занимаемыя ими плодоносныя земли.

Четвертое, о собраніи въ надлежащее время отпущенныхъ симъ поселенцамъ заимообразно денегъ, казенная палата особенное и неупустительное должна имѣть попеченіе.

Пятое, что касается до колонистовъ, прибывшихъ въ 1787 году, то въ разсужденіи льготы должны они пользоваться положенною въ губерніи Екатеринославской десятилѣтнею, а изъ денегъ употребленныхъ на нихъ уплачивать ту только сумму, которая на наличныхъ причитается.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 2-го дня 1792 г.
(Получено 17-го іюня 1792 г.).

Записка къ высочайшему разсмотрѣнію по Екатеринославской губерніи.

О колонистахъ и менонистахъ:

Изъ числа сихъ колонистовъ въ Таврической области и Екатеринославской губерніи поселилось 404 м., 351 ж.

да убыло:

въ военную службу.	49 м.	24 ж.
умерло.....	8 "	1 "
бѣжало.....	49 "	24 "
	<hr/>	
	510 "	400 "

Въ Екатеринославскую губернію вызваны изъ Данцига и другихъ мѣстъ колонисты и менонисты, которыхъ было:

въ 1787 году колонистовъ

мужскаго пола..... 510 душъ.
женск. 400 " (')

Въ 1789 и 1790 г.:

менонистовъ..... 226 семействъ.
колонистовъ 91
пасторъ..... 1

Что слѣдуетъ до колонистовъ перваго выхода, то о привилегіяхъ ихъ Казенная Палата никакого свѣденія не имѣеть, и ни откозь оныхъ не получила; съ менонистами же и пасторомъ были заключены оныя на такомъ основаніи, чтобы всякой менонистской фамиліи выдать заимообразно по 500 руб. и кормовыхъ до первой жатвы по 10 коп. въ день на человѣка, да для строенія по 120-ти четыре саженьныхъ бревень, и на первый посѣвъ хлѣба и огородныхъ сѣмянъ съ возвратомъ по времени, пастору же чрезъ десять льготныхъ лѣтъ на каждый годъ по 400 руб. жалованья и въ вѣчное владѣніе 500 десятинъ земли, да денегъ заимообразно безъ процентовъ на десять лѣтъ 2.000 рублей, на каковыхъ привилегіяхъ за менонистами вышли и колонисты, а особыхъ съ ними постановленій не было; въ слѣдствіе чего со времени прибытія оныхъ колонистовъ и менонистовъ даже до нынѣ выдано имъ изъ казны денегъ:

1) Менонистамъ по условію деньгами, хлѣбомъ и лѣсомъ... 117.387 р. 68³/₄ к.

Да хлѣба заимообразно:

Ржаной муки 586 чт. 4 чтв. —
Крупы 54 " 7 " 7 гар.

2) Колонистамъ послѣдняго выхода съ менонистами 16.786 р. 52¹/₄ к.

3) Пастору Кирхману жалованье	1.242 р. 21 ³ / ₄ к.
4) Колонистамъ перваго выхода на проѣздъ и обзаведеніе домовъ по разнымъ повелѣніямъ	54.883 „ 45 ¹ / ₂ „
	<hr/> 190.299 р. 88 ¹ / ₄ к.

Затѣмъ останется еще противу условій выдать:

Менонистамъ деньгами и хѣсомъ	54.735 р. 31 ¹ / ₄ к.
Колонистамъ по лѣднимъ	49.853 „ 47 „
Пастору Кирхману	4.757 „ 78 ¹ / ₄ „
	<hr/> 109.346 р. 57 ¹ / ₄ к.

Нынѣ казенная палата отзываясь о менонистахъ, что они хорошіе хозяева и ревностные земледѣльцы, испрашиваетъ притомъ разрѣшенія, повелѣно-ли будетъ выдать имъ достальныя деньги, а о колонистахъ послѣдняго выхода заключаетъ мнѣніемъ своимъ, что они и половиною противъ менонистовъ дачею будутъ довольны, если занимаемая ими теперь тучныя земли подъ ними останутся, ибо живучи близъ губернскаго города продукты свои удобно сбывать могутъ; о колонистахъ же перваго выхода требуетъ также разрѣшенія, на тридцати лѣтней или на какой другой должны они пребывать льготѣ, и слѣдуетъ ли по прошествіи десяти лѣтъ взыскаывать съ нихъ употребленныя на хозяйственное ихъ обзаведеніе деньги, или оставить безъ взысканія, для того, что за исключеніемъ изъ нихъ убылыхъ въ военную службу, такожъ бѣжавшихъ и умершихъ, однимъ на личнымъ таковое взыскаіе по бѣдности ихъ будетъ отяготительно.

Высочайшимъ манифестомъ іюля 22-го дня 1763 г. повелѣно выходящимъ на поселеніе въ Россію иностранцамъ давать льготы: тѣхъ, которые поселились на праздныхъ мѣстахъ тридцать лѣтъ, а которые останутся въ С.-Петербургѣ, такожъ Лифляндскихъ, Эстляндскихъ, Ингерманландскихъ, Корельскихъ, Финляндскихъ городахъ и въ самой Москвѣ пять лѣтъ, которые же пойдутъ въ прочіе губернскіе провинціальныя и другіе города тѣмъ десять лѣтъ; да на обзаведеніе дома и на покупку хлѣбопашныхъ и другихъ ремесленныхъ инструментовъ и припасовъ выдавать изъ казны заимобразную безъ процентовъ потребную сумму, которую возвращать съ нихъ по прошествіи 10-ти лѣтъ по равнымъ частямъ въ три года.

(Всепоходаниѣйше докладовано 31-го маія 1792 г.).

Употребленныя на построеніе въ урочищѣ Чутѣ въ 1788 году казенныхъ казармъ сверхъ договорной съ кременчугскимъ купцомъ Бирю-

ковымъ цѣны четырнадцать тысячъ двухъ сотъ рублей излишнія семь тысячъ восемьсотъ семьдесятъ девять рублей восемьдесятъ шесть копѣекъ, какъ оныя издержаны дѣйствительно по самой необходимости и подъ точнымъ Екатеринославской казенной палаты надзираемъ повелѣваемъ исключить и съ оставшихъ послѣ помянутаго умершаго уже подрядчика Бирюкова дѣтей не взыскивать.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ

Юня 5-го дня 1792 г.

(Полученъ 17-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

33 ¹⁾.

Протоіерю Трофиму Куцинскому, оказавшему на штурмѣ Измаильскомъ похвальное усердіе въ ободреніи войска и неустрашимомъ при оныхъ слѣдованіи на приступъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить изъ доходовъ губерніи Екатеринославской по триста рублей на годъ по смерть его.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ

Юня 11-го дня 1792 г.

(Полученъ 8-го сентабря 1792 г. въ Дубоссарахъ).

34.

Повелѣваемъ вамъ открыть народныя училища въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ на основаніи изданнаго объ оныхъ устава, для чего и отправленъ къ вамъ съ даннымъ изъ комиссіи о училищахъ наставленіемъ надворный совѣтникъ Беберъ, которому и производить жалованье по тысячѣ рублей на годъ. Къ лучшему сего дѣла успѣху имѣете вы преподать все зависящее отъ васъ способствованіе. По установленіи тѣхъ училищъ имѣетъ онъ отправиться для равномѣрнаго открытія оныхъ въ область Таврическую. Мы указали также послать къ вамъ надворнаго совѣтника Аврамова, который находился прежде въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ для отысканія рудъ и каменнаго угля. Употребите его къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, особенно же къ открытію каменнаго угля, котораго польза въ безгѣсной сторонѣ не малаго стоитъ уваженія. Жалованья производить ему по восьми сотъ рублей въ годъ. На отправленіе же обоихъ сихъ надворныхъ совѣтниковъ приказали мы дать потребное число денегъ на счетъ губер-

¹⁾ Подлинникъ хранится въ собраніи автографовъ Ѳ. Ѳ. Бычкова, по свидѣтельству котораго все письмо писано рукою императрицы (Русск. Страница, т. LVI, 488).

скихъ доходовъ изъ отпущенныхъ вице-губернатору Тибекину для фабрикъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ

Юня 15-го дня 1792 г.

(Полученъ 17-го іюля 1792 г. въ Дубоссарахъ).

35.

Разсмотрѣвъ прожекты обороны предполагаемой по новой границѣ отъ Ягорлыка по Днѣстру до устья сея рѣки и оттуда по берегу морскому до Очакова, препровождаемъ къ вамъ планы ¹⁾ крѣпостей и укрѣпленій за благо Нами признанныхъ, и именно: главной крѣпости ниже Бендеръ, второй—при Аджидерѣ, третьей—въ Аджибеѣ, четвертаго и пятаго укрѣпленій близъ Очакова на берегу и на мели, въ лиманѣ простирающейся. Мы поручаемъ производство сихъ строеній инженерь-маіору Волану ²⁾ подъ главнымъ руководствомъ вашимъ и въ слѣдствіе того вамъ повелѣваемъ:

Первое, обзрѣть лично назначенныя для крѣпостей мѣстоположенія и по усмотрѣнію ихъ удобства сдѣлать съ инженерь-маіоромъ Воланомъ подробную смѣту потребныхъ на всѣ тѣ укрѣпленія денежныхъ суммъ, счесть время работъ и рабочихъ и всѣ сія исчисленія немедленно Намъ представить.

Второе, приступить благовременно къ запасенію нужныхъ матеріаловъ, особливо жъ къ заготовленію лѣса, который удобно можете вы достать сверху Днѣстра.

Третіе, средняя крѣпость, что близъ Бендеръ, и Аджидерская должны быть прежде другихъ начаты и строеніе ихъ такъ расположить нужно, чтобы въ первомъ еще году могли уже служить нѣкоторымъ убѣжищемъ и защитою.

Четвертое, здѣсь же слѣдуютъ планы ³⁾ вновь прожектированныя крѣпости Кинбурнской и укрѣпленію на концѣ косы, въ разсужденіи полагаемаго въ Кинбурнѣ канала съ бассейномъ для помѣщенія флота гребнаго. Нужно вамъ какъ о семъ, такъ и вообще въ оборонѣ лиманской имѣть разсужденіе на мѣстѣ съ вице-адмираломъ Мордвиновымъ и по общему заключенію вашему Намъ представить съ присовокупленіемъ также смѣты денежныхъ суммъ на производство крѣпостнаго строенія потребныхъ.

¹⁾ и ²⁾ Означенныхъ плановъ въ нашемъ собраніи нѣтъ.

³⁾ Волянъ, де-Волянъ, Деволянъ, Devollant, Францъ Павловичъ, 1759—1818, въ русской службѣ съ 1787 года, извѣстный инженерь-генералъ, членъ Комитета Министровъ, управлявшій дѣлами путей сообщенія.

Желаемъ вамъ успѣховъ въ семь возложенномъ на васъ порученіи и пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

17-го іюня 1792 г.
Въ Царскомъ Селѣ.

36 ¹).

Найденные вами въ новопріобрѣтенной области у кущовъ иностранные товары не имѣющіе російскаго таможеннаго клейма и коихъ по сдѣланному осмотру оказалось на дватцать одну тысячу пять сотъ осмнадцать рублей, какъ оныя заведены можетъ быть въ теченіе еще войны и прежде всякаго съ Нашей стороны таможеннаго въ томъ краѣ распоряженія, повелѣваемъ дозволить продать безъ взысканія за нихъ пошлинь.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 12-го дня 1792 г.
(Получень 3-го августа 1792 г. въ Дубоссарахъ).

37.

Повелѣваемъ вамъ немедленно прислать къ Намъ вѣдомость о числѣ казаковъ въ губерніи Екатеринославской состоящихъ, мѣстахъ ихъ пребыванія и количествѣ земель ими владѣмыхъ, присовокупя имянной списокъ старшинъ ихъ. Яко начальникъ губерніи должны вы имѣть хозяйственное объ нихъ попеченіе и наблюдать, чтобы порядокъ учрежденіями Нашими о управленіи губерній предначертанный хранимъ былъ по всей его точности.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 12-го дня 1792 г.
(Получень 3-го августа 1792 г. въ Дубоссарахъ).

38.

Въ разсужденіи состоящаго въ Намѣстничествѣ Екатеринославскомъ знатнаго количества порожихъ казенныхъ земель, и что губернскаго и уѣздные землемѣры не въ силахъ одни не только вновь раздаваемымъ формальное дѣлать межеваніе, но и начатое розданнымъ землямъ кончить, а притомъ и подшедшія изъ Малороссіи вновь размежевать, повелѣваемъ вамъ при намѣстническомъ правленіи учредить, по примѣру бывшей въ губерніи Азовской, межевую экспедицію, состава оную изъ губернскаго и двухъ вновь опредѣляемыхъ землемѣровъ, и придавъ

¹) Опускаемъ рескриптъ отъ 11-го іюля 1792 г. о рожденіи великой княжны Ольги Павловны, какъ циркулярный, не разъ уже напечатанный (См и р д н ѣ , т. III, стр. 397; Чтенія, 1863 г., т. III, стр. 177¹).

еще въ пособіе губернскому трехъ, и каждому уѣздному землемѣру по одному помощнику, такъ какъ въ слѣдующемъ при семъ положеніи *) назначено. Жалованье имъ производить на счетъ поступающаго въ казну, по основанію межевой инструкціи, доходу по три копейки съ десятины за межеваніе.

Въ употребите всемѣрное стараніе объ окончаніи, во-первыхъ, формальнаго размежеванія розданныхъ земель, а потомъ тожь исполнять и въ разсужденіи раздаваемыхъ по повелѣніямъ Нашимъ; для чего и представлять къ Намъ ежемѣсячно о тѣхъ, которыя въ губерніи Екатеринославской, на основаніи ея плана, заводить селенія желаютъ.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 15-го дня 1792 г.

39.

Со все милостивѣйшихъ Нашихъ грамотъ къ войску Черноморскому *) въ 30 день минушаго іюня и въ 1-й сего мѣсяца отправленныхъ препровождая къ вамъ копии повелѣваемъ по содержанію оныхъ зависящее отъ васъ преподавать имъ способствованіе и споспѣшествовать по всей возможности скорѣйшему ихъ на островъ Фанагорпческій переселенію.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ
Іюля 15-го дня 1792 г.
(Получень 3-го августа 1792 г.)

40.

Въ награжденіе оказаннаго къ службѣ Нашей усердія шляхтичемъ Дроздовскимъ, убитымъ поляками въ Балтѣ, повелѣваемъ овдовѣвшей его женѣ производить по смерти ея по сту рублей на годъ изъ губернскихъ екатеринославскихъ доходовъ. Дѣтей же по немъ оставшихъ помѣстити въ екатеринославскія казенныя училища.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 1-го дня 1792 г.
(Получень 18-го августа 1792 г.)

41.

Поданное Намъ отъ маріупольскихъ грековъ прошеніе о невзысканіи по представленнымъ ими причинамъ употребленныхъ на переселеніе ихъ изъ Тавриды денегъ, о продолженіи имъ льготы, о бесплатномъ пожалованіи земли и о выводѣ въ другіе мѣста поселившихся въ смежности съ ними малороссіянь, препровождая къ вамъ, повелѣ-

*) См. Книгу Штатовъ, П. С. З., № 17064.

*) Обѣ грамоты см. П. С. З., № 17055 и 17058.

ваемъ справиться во всѣхъ прописанныхъ въ ихъ прошеніи обстоятель-ствахъ и по рассмотрѣніи ихъ требованій, касательно удовлетворенія оныхъ немедленно представить Намъ ваше мнѣніе.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 6-го дня 1792 г.
(Полученъ 18-го августа 1792 г.).

42.

Всемилоствѣнше пожалованную отъ Насъ на приданое двумъ дочерямъ умершаго статскаго совѣтника Рудзевича сумму, которая съ накопившимися процентами по присланной отъ васъ за іюль мѣсяцъ вѣдомости простирается до тринадцати тысячъ восьми сотъ тринадцати рублей, повелѣваемъ доставить къ нимъ сюда наличными изъ банковыхъ процентныхъ денегъ, вмѣсто которыхъ обратитъ въ банкъ долги суммъ ихъ Рудзевичевыхъ принадлежащія.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. 24-го августа 1792 г.

43.

По донесеніямъ вашимъ и вступившимъ въ синодъ отъ архіепископа Екатеринославскаго о ослѣпленіи и упорствѣ оказавшихся въ Славянскомъ уѣздѣ раскольниковъ, духоборцами именуемыхъ, которыя не только догматы вѣры православной опровергають, но и преслушны являются начальству, повелѣваемъ вамъ значущіяся по дѣлу семейства въ числѣ тридцати семи душъ отправить къ Намъ, препоруча сей транспортъ съ надлежащимъ наставленіемъ надежному офицеру, котораго снабдите деньгами и нужнымъ числомъ солдатъ. Сверхъ же того требовать ему дорогою отъ воинскихъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ отъ земскихъ начальниковъ пристойные конвои. Вы не оставите наблюдать, чтобы имущество сихъ людей сбережено было. Когда же оныя отправятся и какимъ трактомъ, будемъ Мы ожидать немедленно рапорта.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 27-го дня 1792 года.
(Полученъ въ Дубоссарахъ сентября 12-го дня 1792 г.).

44.

По рассмотрѣніи представленныхъ отъ васъ за минувшій іюль мѣсяцъ вѣдомостей о состоящихъ въ вѣденіи вашемъ суммахъ повелѣваемъ:

Первое, послѣшить расчетомъ съ графинею Чернышевою о причитающихся за должную въ банкъ сумму процентахъ съ частію капитала; и какъ въ уплату поступали отъ нее лѣса, то по сдѣланіи расчета Намъ донести, куда и на какую сумму оныя приняты.

Второе, съ неплательщиками процентовъ поступать въ точности но изданнымъ отъ насъ узаконеніямъ.

Третіе, какъ данныя полковнику Вольховскому семнадцать тысячъ рублевъ взяты изъ Греческой гимназіи, то и доставить нынѣ сію сумму въ ту гимназію наличными изъ собранныхъ съ банковской суммы процентовъ, а по взысканіи съ полковника Вольховскаго помянутыхъ должныхъ имъ семнадцати тысячъ рублевъ съ процентами, возвратить ихъ въ банковую процентную сумму.

Четвертое, производимое о розданныхъ Новороссійскою и Азовскою губернскими канцеляріями деньгахъ слѣдствие привестъ къ окончанію, и не законно розданныя взыскать съ виновныхъ въ томъ безъ наималѣйшаго послабленія.

Мы желаемъ, чтобы все предписанное здѣсь было немедленно исполнено.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 27-го дня 1792 года.

(Полученъ 11-го сентября 1792 г. въ Дубоссарахъ).

45.

С е к р е т н о.

Изъ указовъ Нашихъ къ генералу Каховскому и къ генералу-поручику фонъ-Дерфелдену отправленныхъ и въ копіяхъ при семъ слѣдующихъ усмотрите вы волю Нашу не только о раскольникахъ, молдаванахъ и волохахъ въ границы Наши изъ Польши перейти желающихъ, о которыхъ вы доносите Намъ отъ 5-го сего мѣсяца, но и о всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ, внутри расположенія арміи генералу Каховскому вѣрной, оказывающихся. Въ слѣдствие чего повелѣваемъ и вамъ нужныя принять мѣры къ поселенію охотно приходящихъ, сходственно съ ихъ желаніями; высылаемыхъ же, внутри губерніи Екатеринославской и особливо на свободныхъ земляхъ бывшей степи Таврической по сношенію о томъ съ губернаторомъ Таврическимъ, Мы будемъ ожидать въ свое время рапортовъ вашихъ о произведеніи сего въ дѣйство.

Е к а т е р и н а.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 28-го дня 1792 г.

(Полученъ 11-го сентября 1792 г. въ Дубоссарахъ).

С е к р е т н о.

Михайло Васильевичъ. Изъ рапорта присланнаго къ Намъ отъ губернатора Екатеринославскаго генералъ-маіора Каховскаго видимъ Мы усердное желаніе молдаванъ и волоховъ, во время послѣдней съ турками войны въ Польшу бѣжавшихъ, переселиться въ область отъ Порты Оттоманской Нами приобрѣтенную. Равное желаніе оказали и бѣгле

изъ Россіи раскольники, раскаиваясь въ своемъ преступленіи. Но какъ пограничные польскіе начальники вопрещаютъ исполнять сіе намѣреніе, дѣлая всевозможныя оному препятствія, то и повелѣваемъ вамъ не только пристойнымъ образомъ способствовать переходу въ новопріобрѣтенную область помянутыхъ раскольниковъ, молдаванъ и волоховъ, но и принять благоразумныя мѣры къ выпровожденію въ границы Наши безъ всякаго шума и огласки всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ внутри расположенія войскъ вамъ вѣрныхъ оказывающихся. Въ семъ случаѣ нужна крайняя осторожность противъ злоупотребленій, стараясь отвращать оныя искусными распоряженіями, порученіемъ сего дѣла людямъ надежнымъ и строгими съ преступающихъ взысканіями. Вы не оставите ежемѣсячно доносить Намъ сколько людей въ Наши границы отправилось. Таковое же повелѣніе послали Мы прямо къ генералъ-поручику фонъ-Дерфелдену къ точному исполненію по близости по расположенію къ губерніи Екатеринославской, предписавъ ему и о сношеніи съ тамошнимъ губернаторомъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Августа 28-го дня 1792 г.

Господинъ генералъ-поручику фонъ-Дерфелденъ. Изъ рапорта вступившаго къ намъ отъ губернатора Екатеринославскаго генералъ-маіора Каховскаго видимъ Мы, что бѣжавшіе въ Польшу во время послѣдней съ турками войны молдаване и волохи, а равно и бѣглецы изъ Россіи раскольники, въ своемъ преступленіи раскаивающіеся усердно желаютъ переселиться въ область отъ Порты Оттоманской Нами пріобрѣтенную. Но какъ пограничные польскіе начальники воспрещаютъ имъ исполнить сіе намѣреніе, дѣлая всевозможныя препятствія, то и указали Мы генералу Каховскому не только пристойнымъ образомъ способствовать переходу въ новопріобрѣтенную область помянутыхъ раскольниковъ, молдаванъ и волоховъ, но и принять благоразумныя мѣры къ выпровожденію въ границы Наши безъ всякаго шума и огласки всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ внутри расположенія войскъ ему вѣрныхъ оказывающихся. Мы предписали въ семъ случаѣ имѣть крайнюю осторожность дабы не произошло злоупотребленій, стараясь отвращать оныя искусными распоряженіями, порученіемъ сего дѣла людямъ надежнымъ и строгими съ преступающихъ взысканіями. Давъ о томъ знать повелѣваемъ и вамъ въ разсужденіи близости вашего къ границамъ расположенія исполнять въ точности по части вашей предписанное генералу Каховскому и имѣть о томъ сношеніе съ губернаторомъ Екатеринославскимъ.

Екатерина.

Августа 28 дня 1792 г. въ Царскомъ Селѣ.

46.

Разсмотрѣвъ сдѣланное Намъ представленіе отъ предсѣдательствующаго въ военной Нашей коллегіи генерала графа Салтыкова ¹⁾ касательно распоряженія разныхъ легкихъ войскъ на случай войны съ турками устроенныхъ и содержащихся на суммѣ чрезвычайной, указали Мы военной коллегіи:

Первое, полкъ конныхъ волонтеровъ премьерь-маіора Гиржева, арнаутскую команду подполковника князя Кантакузена, когорту пѣшихъ волонтеровъ подполковника Никорицы и другую въ Малороссіи изъ польскихъ выходцевъ составленную причислить въ поселенные войски губерніи Екатеринославской, предоставляя ихъ собственному избранію поступить ли въ число комплектующихъ полки легкой конницы или въ званіе козацкое.

Второе, сходственно съ симъ избраніемъ и состояніемъ ихъ повѣщаемъ вамъ отвезти имъ земли для поселенія какъ въ новопріобрѣтенной области, такъ и внутри губерніи, имѣя попеченіе о водвореніи ихъ и снабженіи потребнымъ.

Третье, если кто изъ служащихъ въ помянутыхъ командахъ пожелаютъ записаться въ купечество, мѣщанство и другія роды жизни, въ томъ они удовлетворены быть должны согласно съ законами.

Четвертое, распредѣленіе находящихся въ означенныхъ командахъ штабъ и оберъ-офицеровъ по ихъ желаніямъ и награжденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ по мѣрѣ оказанныхъ отличныхъ заслугъ предоставили Мы разсмотрѣнію военной коллегіи. Вы въ слѣдствіе того употребите всемѣрное стараніе, способствуя и содѣйствуя къ точнѣйшему исполненію въ семъ случаѣ воли Нашей.

Е к а т е р и н а .

6-го октября 1792 г. въ Санктпетербургѣ.

(Получень 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

47.

Для учрежденія и размноженія шелковичнаго завода въ Кіевѣ отпущено въ разныя времена изъ кабинета Нашего и на счетъ онаго тридцать девять тысячъ двѣсти девяносто рублей девяносто восемь копѣекъ съ половиною. Изъ употребленія сихъ денегъ не видя никакого доселѣ успѣха Мы указали губернатору Кіевскому, призвавъ надворнаго совѣтника Василья Капниста ²⁾, коему шелковичный заводъ поручень, въ кіевскую казенную палату истребовать отъ него подробный отчетъ куда

¹⁾ Николай Ивановичъ, 1736—1826, съ 1790 г. графъ.

²⁾ Василій Васильевичъ, 1757—1824, членъ Россійской Академіи, поэтъ, издавшій въ 1796 г. „Собраніе стихотвореній“, авторъ „Ябеды“ переводчикъ стихами мольеровской комедіи „Sganarelle.“

помянутая сумма поступила, произошла ли какая отъ того польза, сдѣлано ли какое количество шолку и если не получено должнаго успѣха въ семъ полезномъ заведеніи, то что сему виною. Мы предписали дѣло сіе изслѣдовать съ уваженіемъ и Намъ донести, а на случай если надворный совѣтникъ Капнистъ имѣетъ пребываніе въ губерніи Екатеринославской повелѣваемъ предписанное кіевской казенной палатѣ исполнить въ Екатеринославской.

Е к а т е р и н а .

Октября 13-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.
(Получень 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

48.

По неимѣнію теперъ надобности въ армейскомъ подвижномъ магазинѣ въ новопріобрѣтенной области находящемся, повелѣли Мы предсѣдательствующему въ военной коллегіи генералу графу Салтыкову отдать весь оный въ вѣдомство ваше, и въ слѣдствіе того вамъ повелѣваемъ:

Первое, въ соблюденіе казны отъ извѣстныхъ издержекъ оставить часть воловъ съ фурами и погонщиками къ производству крѣпостныхъ работъ вамъ порученныхъ, для чего и содержать оныхъ изъ положенныхъ на тѣ работы суммъ.

Второе, нужное число употребить для снабженія новыхъ жителей въ той области въ казенныхъ селеніяхъ водворяемыхъ, разумѣя только тѣхъ, которые по неимуществу овоему такового снабженія требуютъ.

Третье, достальныхъ роздать по жителямъ на прокормленіе съ тѣмъ, чтобъ они работая ими безъ изнуренія могли оныхъ по востребованію представить.

Четвертое, изъ команды при нихъ находящейся и погонщиковъ, оставя только самое необходимое число прочихъ распустить въ свои мѣста.

Пятое, тысяча фуръ съ разными къ нимъ принадлежностями хранить въ надлежащемъ береженіи, а прочіе, такъ какъ и воловъ, если есть ни къ какому употребленію негодныя, продать съ наблюденіемъ пользы казеннаго интереса.

Е к а т е р и н а .

Октября 22-го дня 1792 г. въ Санктпетербургѣ.
(Получень 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ).

49.

Утвердя подписаніемъ нашимъ штатъ экспедиціи учреждаемой для производимыхъ въ новопріобрѣтенной области крѣпостныхъ и прочихъ строеній повелѣваемъ быть оной подъ точнымъ вашимъ управленіемъ, наблюдая слѣдующее:

Первое, чтобы подряды и покупки потребныхъ къ тѣмъ строеніямъ

матерьяловъ и припасовъ дѣлаемы были со всевозможнымъ наблюденіемъ пользы казенной и чтобъ всѣ заготовляемыя вещи хранимы были съ надлежащимъ сбереженіемъ.

Второе, чтобъ деньги заработныя платимы были въ руки солдатамъ безъ удержно.

Третье, чтобъ счета деньгамъ и вещамъ ведены были съ крайнею точностію и не смѣшивая одной крѣпости съ другою.

Четвертое, вѣдомство сея экспедиціи распространяется не только на одни крѣпостныя, но и на прочія предполагаемыя въ новопріобрѣтенной области казенныя строенія.

Вы же по истеченіи каждой трети года имѣете представлять намъ надлежащія о расходахъ вѣдомости. Екатерина.

Октября 25-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.
(Полученъ 14-го ноября 1792 г. въ Екатеринославѣ.)

Быть по сему.

Октября 25-го дня 1792 года въ Санктпетербургѣ.

Положеніе для экспедиціи, учреждаемой по случаю строенія въ области новопріобрѣтенной пограничныхъ крѣпостей.

	Число людей.	Имъ окладнаго въ годъ жалованья.	
		Одному.	Всѣмъ.
		Р у б л и.	
Первый присутствующій въ экспедиціи	1	600	600
Второй присутствующій	1	400	400
Секретарь	1	250	250
На канцелярскихъ служителей и расходъ.....	—	—	500
Казначей.....	1	350	350
Присяжныхъ изъ отставныхъ сержантовъ.....	2	80	160
Вахтеровъ для приему и отдачи дѣсовъ, инструментовъ и разныхъ матеріаловъ, коихъ полагается выбрать изъ военныхъ людей, отряженныхъ для строенія крѣпостей и сверхъ получаемаго жалованья.....	4	12	48
Сторожъ	1	18	18
Сверхъ сего полагается имѣть казначеевъ и вахтеровъ при Дубосарахъ, Аджидерѣ и Аджибей.			
За выборомъ въ казначей офицеровъ изъ команды отряженныхъ, а въ вахтеры изъ ундеръ-офицеровъ или заслуженныхъ солдатъ хорошаго поведенія съ произвожденіемъ казначеямъ двойнаго по чинамъ ихъ жалованья, а вахтерамъ въ прибавокъ къ жалованью по рублю на мѣсяць.....	9	—	108
А всего двѣ тысячи чтыреста тридцать чтыре рубли.....	—	—	2.434

Василій Поповъ.

50.

Препровождая при семь списокъ молдавскихъ и волошскихъ бояръ и чиновниковъ по волѣ Нашей въ штабъ и оберъ-офицерскія чины пожалованныхъ, повелѣваемъ, на основаніи указа Нашего отъ 27-го дня Генваря посланнаго, снабдить ихъ потребнымъ количествомъ земли для поселенія въ области новопріобрѣтенной, и какъ нѣкоторые изъ нихъ желаютъ быть употреблены въ службѣ Нашей, то и стараться о распредѣленіи таковыхъ во вѣренной вашему правленію губерніи соотвѣтственно ихъ способности.

Е к а т е р и н а .

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 9-го дня 1792 года.

СПИСОКЪ

молдавскихъ и волошскихъ бояръ и чиновниковъ Ея Императорскимъ Величествомъ всемілостивѣйше пожалованныхъ въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины армейскіе и штатскіе ноября 9-го дня 1792 г.

Въ армейскіе чины: въ подполковники Николай Карповъ; въ премьеръ-маіоры: Иванъ Канано, Маргаритъ Депрерадовичъ; въ капитаны: Николай Діууровъ, Степанъ Бѣлчинъ, Дмитрій Чоланъ, Христофоръ Саиджи, Николай Станилевичъ; въ поручики: Иванъ Сенека, Андрей Крушебанъ, Иванъ Небескулъ, Иванъ Драгодіе, Федоръ Сабео, Василій Донне, Христофоръ Зоту, Мануйло Кадемичи, Дмитрій Маніула, Николай Чекеруля, Анастасій Дмитріевъ, Мануйло Саула, Иванъ Боянъ.

Въ штатскіе чины: въ коллежскіе ассесоры: Ионица Макарескулъ, Федоръ Поманъ, Дмитрій Кукъ, Константинъ Колафатъ; въ титулярные совѣтники: Панајодоросъ Пауна, Константинъ Ексопоритъ, Константинъ Андреашъ, Петръ Оскинка, Андрей Саббинъ, Дмитрій Бонекулъ, Христофоръ Армена, Минойлакъ Енви, Григорій Гюль Оглу, Иванисъ Мигардициъ, Мануйло Георгіевъ, Иванъ Кешко, Георгій Савва, Матвѣй Тестобуза, Афанасій Ранго, Константинъ Лампросъ.

Итого по сему списку пожаловано въ чины армейскіе: въ подполковники одинъ, премьеръ-маіоры два, въ капитаны пять, въ поручики четырнадцать; въ штатскіе: въ коллежскіе ассесоры четыре, въ титулярные совѣтники шестнадцать, а всѣхъ сорокъ два человѣка.

Генераль-маіоръ Василій Поповъ.

51.

Господинъ генераль-маіоръ и правитель Екатеринославскаго намѣстничества Каховскій! Препоручивъ войска расположенныя въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, Тавриадѣ и во вновь приобрѣтенной области Нашему генералу графу Суворову Рымникскому, возложили Мы на его же и приведеніе ко исполненію всѣхъ предположенныхъ къ

обезпеченію тамошнихъ предѣловъ и апробованныхъ Нами по проектамъ инженеръ-маіора де-Волана укрѣпленій, которому и имѣете вы, доставя по требованіямъ его всѣ принадлежащіе до сей статьи планы и свѣдѣнія, преподавать во всемъ предписанныя вамъ отъ Насъ пособія, содѣйствуя общимъ вашимъ усердіемъ къ совершенію сего полезнаго для государства дѣла къ особливому Нашему благоволенію. Въ прочемъ пребываемъ вамъ благосклонны всегда.

Екатерина.

Ноября 10-го дня 1792 г.

Въ С.-Петербургѣ.

52.

Оставляющимъ Молдавію монастыря Аарона-воды архимандриту Домитіану Капнисту, монастыря Никорицы Силвестру и монастыря святыхъ Агафіи игумену Венедикту Викову въ награжденіе усердія ихъ къ службѣ Нашей оказаннаго повелѣваемъ отвѣсть въ новопріобрѣтенной области земли для поселенія такого числа людей, какое они могутъ привести съ собою и имѣть ихъ въ вашемъ призрѣніи.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 14-го дня 1792 г.

(Получень декабря 2-го дня 1792 года въ Екатеринославѣ).

53 ¹⁾.

Указомъ даннымъ отъ Насъ генералу Каховскому въ 28-й день августа сего года предписано о высылкѣ въ предѣлы Наши изъ внутри расположенія войскъ ему ввѣренныхъ молдаванъ и волоховъ перешедшихъ въ Польшу во время послѣдней съ турками войны, равно какъ и изъ Россіи ушедшихъ туда раскольниковъ и всѣхъ вообще бѣглыхъ русскихъ. Но какъ по многимъ доходящимъ до Насъ жалобамъ оказывается въ исполненіи сего злоупотребленіе, производящее безпокойство и разстройку въ землѣ, гдѣ нужно сохранять тишину и порядокъ, то и повелѣли Мы таковой выводъ пресѣчь и впредь оной запретить. О чемъ васъ извѣщая пребываемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 8-го 1792 г.

(Получень 13-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

54.

Содержащихся въ Херсонѣ пятьдесятъ семь муллъ татарскихъ, которые при началѣ минувшей съ турками войны за зловредныя ихъ на-

¹⁾ Указа отъ 5-го декабря 1792 г. о выдачѣ жалованія обитающимъ въ турецкомъ селеніи при Николаевѣ сукунд.-маіору Джафарту и капитанамъ Максиму Попову и Ибрагиму Гуссейну въ нашемъ собраніи нѣтъ.

мѣренія высланы были изъ Тавриды, повелѣваемъ отправить внѣ границъ Нашихъ и выпроводить ихъ для того за Днѣстръ, снабдя нужнымъ одѣянiемъ и пропитанiемъ на дорогу.

Е к а т е р и н а.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 14-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

55.

По рапорту вашему съ приложенными реэстрами о церковныхъ ризницахъ и о сервизахъ бывшихъ у покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣваемъ:

Первое, о ризницахъ церковныхъ откуда оныя поступили, куда назначались и сколько оныхъ въ какомъ мѣстѣ въ раздачѣ имѣтъ вамъ сношенiе Нашеяго синода съ оберъ-прокуроромъ Мусинымъ-Пушкынымъ ¹⁾, и когда всѣ нужныя свѣдѣнiя собраны и Намъ представлены будутъ, тогда и предписанiе Наше объ оныхъ послѣдуетъ.

Второе, губернскому сервизу остаться въ губернiи на употребленiе, а собственный княжой поступить долженъ въ распоряженiе наследниковъ его, для чего и присовокупить оный къ прочему хранящемуся въ Кременчугѣ ихъ имѣнiю.

Е к а т е р и н а.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 22-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1793 г. въ Балтѣ).

56.

Содержащихся въ Екатеринославскомъ намѣстническомъ правленiи по причинѣ дѣлавныхъ непристойныхъ разглашенiй малороссiанъ Андрея Махнюкова и Василья Форостенка и бродягу Петра Тарана повелѣваемъ отослать въ Херсонъ для употребленiя подъ присмотромъ въ работу въ тамошнемъ адмиралтействѣ.

Е к а т е р и н а.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 22-го дня 1792 г.
(Полученъ 3-го Генваря 1792 г. въ Балтѣ).

57.

Предписанное покойному генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому указомъ Нашимъ отъ 23-го декабря 1784 года запрещенiе выпуска лошадей за-границу ²⁾ подтверждаемъ вамъ наблюдать во всей точности въ губернiи вамъ ввѣренной.

Е к а т е р и н а.

Въ Санктпетербургѣ. Февраля 21-го дня 1793 г.
(Полученъ 8-го марта 1793 г. въ Екатеринославѣ).

¹⁾ Алексѣй Ивановичъ, 1744—1817, президентъ академiи художествъ.

²⁾ П. С. З., № 16118.

58.

Препровождая снѣмъ дошедшую къ Намъ жалобу двора Нашего отъ камердинера Федора Секретарева ¹⁾ относительно взысканія съ наследниковъ оберъ-штеръ-кригскомисара Фалѣева за проданный имъ его домъ денегъ, повелѣваемъ: рассмотреть между ими дѣло сіе и рѣшить въ Екатеринославскомъ Совѣстномъ Судѣ на основаніи правилъ онаго въ учрежденіяхъ нашихъ о управленіи губерній изображенныхъ и донестъ Намъ.

Екатери́на.

Санктпетербургъ. Апрѣля 13-го дня 1793 г.
(Полученъ 19-го мая 1793 г. въ Ольвиополь).

59.

Получа рапортъ вашъ отъ 28-го минувшаго февраля и видя изъ онаго, что жители Турбаевскіе упорствомъ своимъ отъ невѣжествъ происходящимъ полагаютъ препону въ рѣшеніи дѣла о убійствѣ помѣщиковъ Базилевскихъ, указали мы генералу графу Суворову-Рымникскому отрядить въ село Турбаи по требованію вашему пристойную военную команду, по прибытіи которой повелѣваемъ вамъ немедленно произвестъ въ дѣйство предписанія Наши о турбаевцахъ отъ 24-го іюля 1789 и 7-го Генваря 1792 года состоявшіяся. Изъ числа содержащихся подъ стражею шестнадцать злодѣевъ о коихъ вы доносили отъ 11-го іюня, трое убійцы и главнѣйшіе зачинщики возмущенія да подвергнутся всей строгости законовъ, облегча однакожь оную въ разсужденіи прочихъ тринадцати ихъ соучастниковъ. Затѣмъ имѣете вы нынѣшнею весною всѣхъ купленныхъ у Базилевскихъ крестьянъ переселить въ назначенныя для нихъ мѣста, часть между Буга и Днѣстра, другую же между Берислава и Перекопа, отправя ихъ въ препровожденіи воинскихъ командъ. Вы не оставите принять мѣры о скорѣйшемъ водвореніи тѣхъ, которыхъ отправите за Бугъ, а касательно поселяемыхъ между Берислава и Перекопа сообщить о томъ губернатору Таврическому и по исполненіи Намъ донестъ.

Екатери́на.

Въ С.-Петербургѣ.

Апрѣля 16-го дня 1793 г.

(Полученъ 6 мая 1793 г. въ Дубоссарахъ.)

Графъ Александръ Васильевичъ. Предписавъ Екатеринославскому губернатору, генераль-маіору Каховскому жителей села Турбаевъ по наказаніи изъ нихъ убійць и мятежниковъ переселить въ области Таврическую и новопріобрѣтенную, повелѣваемъ вамъ по требованію губернатора Каховскаго отрядить въ село Турбаи военную команду достаточ-

¹⁾ Отецъ П. Ѳ. Секретарева, автора записокъ о Цавлѣ I.

ную для произведенія всего того въ дѣйство и пребываемъ вамъ благо-
склонны.

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ.

Апрѣля 16-го дня 1793 г.

60.

Согласно съ мнѣніемъ генерала графа Суворова-Рымникскаго и вашимъ о конныхъ волонтерахъ, арнаутахъ и когоргахъ пѣшихъ волонтеровъ, состоящихъ въ командѣ помянутаго генерала графа Суворова-Рымникскаго, въ числѣ тысячи ста тридцати пяти человекъ, по неимѣнію въ нихъ надобности, повелѣли Мы ему перевести ихъ подъ видомъ службы на лѣвую сторону Днѣпра и по удаленіи отъ границъ размѣстить въ Бахмутскомъ и Донецкомъ уѣздахъ съ тѣмъ, чтобъ они нечувствительно могли водвориться въ предѣлахъ Россіи. Водвореніе же ихъ наивыгоднѣйшимъ образомъ въ помянутыхъ уѣздахъ возлагаемъ на попеченіе ваше, стараясь доставить имъ всѣ нужныя средства къ земледѣлію и безбѣдному ихъ пропитанію. О потребной же на то суммѣ имѣете вы прислать исчисленіе, по которому оная немедленно къ вамъ доставлена будетъ. Касательно до заведеннаго вами армейскаго подвижнаго магазейна, въ которомъ хоть и не предвидится уже надобность, но сберегая капиталъ, издержанной на заведеніе онаго, а притомъ и что содержаніе воловъ на подножномъ кормѣ чрезъ цѣлое лѣто никакихъ убытковъ казнѣ не наноситъ, на зимнія же мѣсяцы заготовленіе для нихъ потребнаго корма отяготительнымъ казнѣ быть не можетъ, то и признаемъ за полезное весь оной магазейнъ, неизземля и состоящихъ при немъ погонщиковъ, какъ привыкшихъ уже къ службѣ присоединить къ войскамъ, находящимся въ тамошнемъ краѣ подъ командою генералъ-поручика Толстова, которой принявъ его въ свое вѣденіе, по предписаніямъ означеннаго генерала графа Суворова-Рымникскаго, будетъ наряжать потребное число изъ онаго для употребленія при начатыхъ и производимыхъ имъ строеніяхъ крѣпостей, съ тѣмъ что въ непредвидимомъ случаѣ можно бы было обратить тотъ магазейнъ въ желаемую пользу, не закупая вновь воловъ и повозокъ, и не теряя на то ни времени, ни знатныхъ издержекъ, бываемыхъ обыкновенно при нечаянныхъ и скорыхъ закупкахъ, а между тѣмъ въ какомъ состояніи оной магазейнъ нынѣ существуетъ и помянутымъ генераломъ поручикомъ Толстымъ принять будетъ, не оставитъ онъ увѣдомить насъ, дабы сходственно сему могли Мы кому слѣдуетъ предписать о зачетѣ состоящихъ при немъ логонщиковъ въ рекруты помѣщикамъ ихъ и казеннымъ селеніямъ, изъ которыхъ они въ нынѣшнее званіе взяты были, тѣмъ наипаче, что ежели по окончаніи строеній и со всѣмъ не нужно будетъ имѣть оной магазейнъ, то

погонщики могут распределены быть съ пользою по полкамъ, и изъ нихъ способные войдутъ въ солдаты, а прочіе въ фурлеты.

Екатерина.

Въ С.-П.-Бургѣ.

Мая 23-го числа 1793 г.

(Получень 15-го іюня 1793 г. въ Екатеринославѣ).

61.

Указомъ Нашимъ отъ 27-го августа прошлаго 1792 года предписано было вамъ переведенные изъ корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ въ Екатеринославскій Банкъ семнадцать тысячъ отданные въ заемъ полковнику Вольховскому подъ залогъ его имѣнія на пять лѣтъ съ процентами, коихъ за все пятилѣтнее время причитается четыре тысячи двѣсти пятьдесятъ рублей доставить въ тотъ корпусъ. Нынѣ же повелѣваемъ всю означенную сумму составляющую двадцать одну тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей, по взысканіи въ срокъ съ Вольховскаго, доставить въ Санктпетербургскій Опекунскій Совѣтъ, которому сей долгъ изъ Корпуса переведенъ.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 24-го 1793 года.

(Получень іюня 21-го 1793 г. въ Екатеринославѣ).

62.

Отправивъ къ войску Донскому утвержденную подписаніемъ Нашимъ карту войсковыхъ владѣній отъ покойнаго генераль-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго Намъ поднесенную, указали Мы военной коллегіи послать нарочныхъ комиссаровъ, которые бы обще съ депутатами отъ войска и отъ смѣжныхъ губерній наряженными, провели между и назначили пристойное удовлетвореніе за земли изъ Губерніи Екатеринославской въ войсковое владѣніе входящія. Удовлетвореніе таковое покойный князь Потемкинъ Таврическій полагалъ въ денежной изъ войсковыхъ суммъ заплатѣ, а сверхъ того немануемо нужно позволить прежнимъ жителямъ остаться на сихъ земляхъ нѣсколько лѣтъ, дондеже они безъ отягощенія возмогутъ перейти на новыя мѣста, которыя отвезть имъ должно изъ порожжихъ въ Губерніи Екатеринославской или Области Таврической. Армянамъ Нахичеванскимъ въ замѣну части земли отходящей отъ нихъ за Дономъ Войско Донское уступать соразмѣрное количество изъ владѣній своихъ по правую сторону Дона состоящихъ, то и въ семъ случаѣ долгъ имѣете пещись дабы жители Нахичеванскіе не были обижены и утѣснены. Казенные по рѣкѣ Міусу лѣса извѣстные подъ именемъ Глухихъ, Леонтьевыхъ и Дерзоватыхъ Буераковъ остаются для флота Черноморскаго.

Къ свѣденію вашему копію помянутой утвержденной Нами карты при семь препровождаемъ ⁴⁾.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ. Маія 27-го дня 1793 г.
(Полученъ 11-го іюля 1793 г. при Турбаяхъ).

63.

Секундъ-маіора Ивана Шульца повелѣваемъ опредѣлить въ помощники директора Экономіи Губерніи Екатеринославской для разведенія и сохраненія тамо лѣсовъ, держась правилъ въ лѣсномъ уставѣ предписанныхъ, съ производствомъ ему жалованья по шести сотъ рублей на годъ.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ. Маія 31-го дня 1793 года.
(Полученъ 10-го іюня 1793 г.).

64.

Явившихся къ вамъ восемь татаръ Таврическаго Дивизіона, бѣжавшаго изъ Кіевской Губерніи въ Польшу и потомъ частію въ Молдавію перебравшагося, повелѣваемъ вамъ по желанію ихъ отправить въ прежнія ихъ жилища въ Тавриду, поступаая равнымъ образомъ и впредь когда таковые же помянутаго Таврическаго Дивизіона бѣглецы будутъ къ вамъ изъ заграницы являться.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 8-го дня 1793 года.
(Полученъ 11-го іюля 1793 г. при Турбаяхъ).

65.

По донесенію вашему отъ 12-го сего мѣсяца о водворенныхъ вами въ поднѣстровскихъ селеніяхъ волонтерахъ въ числѣ двухсотъ осмидесяти трехъ душъ мужеска и ста двадцати девяти душъ женска полу соизволяемъ Мы какъ на отпускъ имъ по вашему положенію въ теченіи года на провіантъ денегъ не превышая однакожь назначаемой вами для того суммы тысячи осмисотъ шестидесяти семи рублей девяноста двухъ копѣекъ, такъ и на снабженіе каждаго изъ нихъ женатаго хозяина парю валовъ и одною коровою съ тѣмъ, чтобы по прошествіи пяти лѣтъ начали они возвращать употребленную изъ казны на покупку воловъ и коровъ сумму и въ пять бы лѣтъ оную выплатили. Ваше объ нихъ попеченіе и добрый присмотръ могутъ ихъ сдѣлать полезными и твердыми поселянами.

Е к а т е р и н а .

Въ Царскомъ Селѣ іюня 24-го дня 1793 г.
(Полученъ 11-го іюля при Турбаяхъ).

В. А. Бильбасовъ.

⁴⁾ Означенной карты въ нашемъ собраніи нѣтъ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXIII ¹).

Болѣзнь Левенштерна.—Интриги въ арміи.—Генераль Крюдверъ.—Отѣздъ изъ арміи великаго князя Константина Павловича.—Отступленіе отъ Смоленска.—Герцогъ Александръ Виртембергскій.—Бой при дер. Валутиной и Лубинѣ.—Дѣятельность Барклая-де-Толли.—Отступленіе къ Дорогобужу.—Отношенія Барклая къ своимъ адъютантамъ.—Полковникъ Толль.

Я заболѣлъ за нѣсколько дней до сраженія подъ Смоленскомъ; но, не желая оставлять арміи, я слѣдовалъ черезъ силу за главной квартирою. Въ это время въ армію пріѣхалъ подполковникъ баронъ Тетенборнъ, обратившійся ко мнѣ съ просьбою представить его главнокомандующему. Я часто встрѣчалъ его въ Петербургѣ одновременно съ княземъ Шварценбергомъ. Я сказалъ ему откровенно, что время было неблагоприятное для иностранцевъ, и совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ, будучи лично извѣстенъ императору, который былъ о немъ весьма хорошаго мнѣнія, ему навѣрно удастся лучше пристроиться. Онъ послѣдовалъ моему совѣту, уѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ товарищемъ, барономъ Мауреромъ, и сдѣлалъ впослѣдствіи быструю и блестящую карьеру.

Между тѣмъ, мои страданія усиливались; несмотря на это, главнокомандующій поручилъ мнѣ допросить плѣнныхъ и представить ему обстоятельное донесеніе. Генераль Ермоловъ, встревоженный этимъ,

¹) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1900 г.

воспользовался моею болѣзнію и увѣдомилъ меня собственноручной запиской за № (чѣмъ я былъ немало удивленъ), что главнокомандующій разрѣшилъ мнѣ удалиться изъ арміи для поправленія здоровья; но онъ надѣется, что я скоро поправлюсь и возвращусь въ армію, которая имѣла случай оцѣнить меня и что главнокомандующій, въ своей заботливости обо мнѣ, приказалъ отправить меня въ Вязьму, а не оставаться въ Смоленскѣ, которому угрожала слишкомъ большая опасность.

Такъ какъ я не просилъ объ отпускѣ, то былъ удивленъ излишней заботливостью обо мнѣ генерала Ермолова и рѣшилъ воспользоваться ею условно. Я отправился въ маленькомъ экипажѣ, который былъ предоставленъ въ мое распоряженіе молодымъ графомъ Ростопчинымъ, который былъ такъ же, какъ и я, адъютантомъ главнокомандующаго, и остановился въ Смоленскѣ, черезъ который мнѣ надобно было проѣхать и гдѣ я встрѣтился съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Левенштерномъ, командовавшимъ артиллеріей въ арміи князя Багратіона. Одинъ швейцарецъ, занимавшійся изготовленіемъ мороженаго и лимонада, пріютилъ меня у себя. Я наѣлся мороженаго, утолилъ жажду лимонадомъ и мнѣ удалось освѣжиться и подкрѣпить свои силы, не прибѣгая къ совѣту врача.

Отдохнувъ двое сутокъ, я почувствовалъ себя такъ хорошо, что рѣшилъ не ѣхать въ Вязьму, а возвратиться къ арміи, куда и прибылъ тотчасъ послѣ славнаго сраженія при Руднѣ. Обращаю вниманіе читателя на это обстоятельство, такъ какъ онъ увидитъ далѣе, что сраженіе, въ которомъ я не могъ участвовать, играло большую роль въ постигшемъ меня несчастіи.

Генералъ Ермоловъ, увидавъ меня, сдѣлалъ гримасу, которую я не могу вспомнить безъ смѣха.

— Откуда вы пріѣхали? что вамъ надобно? Я думалъ, что васъ уже нѣтъ въ живыхъ!

— Я вернулся, — отвѣчалъ я, — считая это своимъ долгомъ, и хочу умереть не иначе, какъ на полѣ битвы.

Онъ повернулся ко мнѣ спиною, а я пошелъ представиться главнокомандующему, который встрѣтилъ меня со своей обычной добротой. Онъ принялъ съ удовольствіемъ корзину съ виноградомъ и ананасами, которую я приобрѣлъ въ Смоленскѣ, и рекомендовалъ ему какъ лѣкарство, коему я былъ въ значительной степени обязанъ своимъ выздоровленіемъ.

Госпожа Барклай взяла съ меня при отъѣздѣ изъ Петербурга торжественное обѣщаніе заботиться о здоровьи ея супруга и заставлять его выпивать каждую недѣлю декоктъ, изготовляемый ею домашними средствами. Было довольно комично видѣть, какъ я воевалъ съ главнокомандующимъ, съ ложкою въ рукѣ, и какъ онъ гримасничалъ, глотая свою порцію; но онъ бывалъ кротокъ, какъ агнецъ, когда дѣло шло объ

его женѣ. Духовникъ и врачъ, какъ извѣстно, одни видятъ человѣка на-распашку, поэтому для любопытныхъ и интригановъ я казался чело-вѣкомъ опаснымъ, когда они представляли себѣ меня передъ главно-командующимъ съ лѣкарствомъ въ рукахъ.

Враждебное ко мнѣ отношеніе начальника штаба усилилось послѣ того, какъ я принялъ участіе въ дѣлѣ полковника Крюднера, командира л.-гв. Семеновскаго полка; это былъ любимый полкъ императора Александра I. Его величество относился съ величайшимъ довѣріемъ къ Крюднеру, который вполне заслуживалъ этого, какъ человѣкъ, по своимъ душевнымъ качествамъ, а, съ точки зрѣнія военной, какъ образцовый полковой командиръ, коему подобнаго не было и не будетъ: вся армія отдавала ему въ этомъ справедливость.

Одинъ только генералъ Ермоловъ не терпѣлъ его. Въ превосходномъ Семеновскомъ полку завелись интриги; офицеры, поощряемые Ермоловымъ, позволили себѣ послушаться своего командира. Во главѣ этого маленькаго заговора стоялъ князь Александръ Голицынъ, прозванный ры-ж и м ѣ, котораго Крюднеръ заставилъ однажды пройти нѣсколько этаповъ пѣшкомъ, въ наказаніе за то, что онъ не оказался своевременно при своей части. Крюднеръ самъ подавалъ примѣръ величайшей исполнительности; шелъ всегда пѣшкомъ впереди полка и хотя не принуждалъ офицеровъ къ этому, но строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они были на своихъ мѣстахъ. Это требованіе не нравилось молодымъ маленькимъ сынкамъ; ихъ провинки не были страшны Крюднеру, но онъ былъ не въ силахъ бороться съ генераломъ Ермоловымъ, коего поддерживалъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Крюднеръ просилъ меня довести до свѣдѣнія главнокомандующаго о положеніи дѣлъ, которое могло внести заразу въ гвардейскій корпусъ. Я былъ обязанъ исполнить это и поэтому передалъ его слова въ точности.

Крюднеръ имѣлъ по этому поводу продолжительное объясненіе съ главнокомандующимъ и счелъ долгомъ оставить временно командованіе полкомъ до рѣшенія этого вопроса его величествомъ.

Императоръ, одобряя дѣйствія полковника Крюднера по существу, былъ недоволенъ его рѣшеніемъ оставить полкъ.

Крюднеръ заболѣлъ отъ огорченія: у него не хватило, подобно мнѣ храбрости бороться съ этимъ колоссомъ; онъ пропустилъ такимъ образомъ сраженіе подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и весь походъ. Его пѣсня была спѣта. Это была большая потеря для арміи.

Генералъ Барклай былъ глубоко огорченъ, узнавъ о проискахъ, которые были пущены въ ходъ съ тѣмъ, чтобы затруднить ему командо-ваніе арміей. По зрѣломъ размысленіи, онъ рѣшилъ однимъ ударомъ отрубить голову гидрѣ и удалить великаго князя Константина изъ арміи.

На меня было возложено тягостное порученіе—передать великому князю письмо, конимъ онъ извѣщался объ этомъ. Мнѣ было приказано оставить его главную квартиру только тогда, когда онъ сядетъ въ дорожный экипажъ, и тотчасъ донести о томъ главнокомандующему.

Полковникъ Олсуфьевъ, единственный изъ свиты великаго князя, сопровождалъ его: остальная свита и штабъ остались при арміи.

Генераль Ермоловъ, потерявъ съ его отъѣздомъ главную поддержку, сталъ тише воды, ниже травы. Всѣ эти господа почувствовали, что человѣкъ, у котораго хватило смѣлости отослать изъ арміи брата государя, не поцеремонится съ остальными. Но генераль Барклай не измѣнилъ своего отношенія къ приближеннымъ, въ особенности къ Ермолову. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка способнаго, но лицемерна, поэтому никогда не былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ.

Къ намъ пріѣхалъ англійскій генераль Вильсонъ; онъ былъ принятъ главнокомандующимъ съ почетомъ. Въ первые дни его пріѣзда, мнѣ было поручено показать ему главную квартиру. Эта обязанность была не изъ легкихъ, такъ какъ генераль носился вездѣ какъ сумасшедшій; онъ готовъ былъ бѣгать цѣлый день и хотѣлъ быть одновременно въ аваяъ и въ аррьергардѣ, въ главной квартирѣ, словомъ вездѣ. Принцъ Ольденбургскій также подражалъ Вильсону и тоже разъѣзжалъ взадъ и впередъ, такъ что отъ этихъ двухъ лицъ нельзя было никуда скрыться.

Обходное движеніе, совершенное въ ночь съ 6-го на 7-е августа, въ присутствіи побѣдоноснаго непріятели, дѣлаетъ величайшую честь военнымъ дарованіямъ Барклая.

Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи прямую линію, а Барклай долженъ былъ идти по окружности круга, или, говоря яснѣе, Наполеону надобно было пройти пять верстъ, а Барклаю двадцать пять.

Надобно было имѣть очень рѣшительный характеръ, питать большое довѣріе къ арміи и быть убѣжденнымъ въ необходимости этого смѣлаго движенія, для того, чтобы предпринять его въ виду такого человѣка, какимъ былъ Наполеонъ.

Барклай отвлекъ вниманіе непріятели сильной канонадою подъ Смоленскомъ въ то время, какъ нѣсколько корпусовъ были отправлены по Московской дорогѣ.

Наполеонъ послалъ Жюно, чтобы опередить насъ на этой дорогѣ; но тотъ «пропустилъ самую славную страницу своей исторіи», какъ выразился о немъ Наполеонъ. Совершенно непонятно, почему Ней, дѣйствовавшій обыкновенно столь энергично, не двинулся въ ту же ночь, чтобы пресѣчь намъ путь, вмѣсто того, чтобы атаковать насъ на слѣдующій день такъ вяло, что мы могли поспѣть къ тому пункту, коему угрожала опасность.

Генералу Корфу, оставленному передъ Смоленскомъ, было приказано начать отступление въ 8 часовъ утра. Тогда французы открыли глаза и увидѣли, что наша армія исчезла.

Наполеонъ двинулъ противъ насъ всѣ войска, бывшія въ его распоряженіи, побранилъ Нея и началъ кровопролитное сраженіе. Отряды Корфа и Багговута, преслѣдуемые непріятелемъ, отступали. Артиллерійскій обозъ, состоявшій изъ 60 орудій, затруднялъ движеніе этихъ двухъ корпусовъ. Главнокомандующій поручилъ мнѣ указать имъ другое направленіе и употребить всѣ усилія къ тому, чтобы артиллерія проѣхала чрезъ отвѣсное ущелье, съ котораго пришлось спускать орудія, при помощи веревокъ и человѣческихъ рукъ.

На это требовалось по меньшей мѣрѣ два часа времени; я рассчиталъ, что Корфъ и Багговутъ не будутъ въ состояніи задержать непріятеля такъ долго. Поэтому я принялъ отчаянную рѣшимость, которая увѣнчалась успѣховъ. Я рѣшилъ провести артиллерію гораздо болѣе короткою дорогою, которую считали непроходимой, такъ какъ она шла по болоту шириною въ пятьдесятъ или шестьдесятъ сажень; одинъ крестьянинъ увѣрялъ меня, что по этому болоту можно пройти только въ самую сильную жару. Я рѣшилъ, однако, сократить такимъ образомъ дорогу на 8 верстъ. Мы разрушили нѣсколько хижинъ, срѣзали кустарникъ и накидали его въ болото; артиллерія прошла по немъ благополучно и орудія были спасены.

Когда молодой, блестящій генералъ Кутайсовъ, командовавшій артиллеріей, узналъ, что его орудія благополучно проѣхали черезъ болото, то онъ написалъ столь лестное для меня донесеніе, что Барклай немедленно далъ мнѣ Владимірскій крестъ съ бантомъ.

Англійскій генералъ Вильсонъ, издавшій впослѣдствіи брошюру о войнѣ 1812 года, отзывается въ ней съ похвалою о герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ и упоминаетъ о мостѣ, построенномъ по его приказанію для того, чтобы облегчить отступление арміи по большой Московской дороги.

Это фактъ достовѣрный: вся честь его принадлежитъ герцогу Александру, такъ какъ онъ первый понялъ необходимость этого моста; несмотря на свое положеніе, онъ не имѣлъ никакой власти и обратился со своимъ предложеніемъ къ генераламъ Тучкову 1-му, къ графу Остерману и къ генералу Уварову; никто не хотѣлъ его слушать; тогда онъ попросилъ меня оказать ему содѣйствіе, зная, что одного слова «по приказанію главнокомандующаго» достаточно для того, чтобы все было исполнено. Я не могъ отказать ему.

Такъ какъ роль разорителя хижинъ удалась мнѣ по утра, то я рѣшилъ приняться за нее вторично; съ разрѣшенія генерала Уварова, одинъ эскадронъ л.-гв. Гусарскаго полка спѣшился, чтобы помочь мнѣ.

Молодой, образованный саперный офицеръ, баронъ Зальца, шедшій вслѣдъ за мною, отличился ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей; герцогъ Александръ, наблюдавшій за производствомъ работъ, приказалъ прорыть новую дорогу для спуска войскъ; такимъ образомъ была создана вторая дорога для нашей отступавшей арміи.

Генераль Барклай, умѣвшій цѣнить заслуги, горячо благодарилъ герцога за его мысль и за ея удачное выполнение.

Честь выполнения этого дѣла принадлежитъ безъ сомнѣнія также барону Зальца, умершему впоследствии въ Турціи, въ чинѣ генерала; моя заслуга состояла лишь въ томъ, что я сумѣлъ во-время произнести слово «по приказанію главнокомандующаго». Адъютантъ во многихъ случаяхъ долженъ имѣть смѣлость взять на себя отвѣтственность.

Генераль Уваровъ не придавалъ значенія этой формулѣ, когда я доказывалъ ему, именемъ главнокомандующаго, необходимость послать всю кавалерію на лѣвый флангъ.

Барклай былъ занятъ въ тотъ моментъ въ центрѣ, гдѣ происходило кровопролитнѣйшее и упорное сраженіе; онъ не могъ видѣть и знать своевременно, что происходило на лѣвомъ флангѣ, куда подоспѣлъ, наконецъ, Жюно, угрожая обойти его. Я убѣждалъ генерала Уварова совершить движеніе не ожидая приказанія отъ Барклая, который не имѣлъ возможности отдать его; я настаивалъ на этомъ, указывая, какъ велика была угрожавшая ему опасность. Но генераль Уваровъ не рѣшился дѣйствовать самостоятельно.

Тогда я поскакалъ къ главнокомандующему и доказалъ ему необходимость этого движенія. Онъ одобрялъ мою мысль, былъ возмущенъ тѣмъ, что генераль Уваровъ не понялъ этого самъ, и написалъ карандашемъ приказаніе двинуть кавалерію. Движеніе было выполнено; едва успѣли мы пройти довольно топкое болото, какъ непріятель атаковалъ насъ, но мы были уже сильны и выдержали первый натискъ; въ это время появились шедшіе позади насъ полки; непріятель былъ опрокинутъ; нашъ центръ и правый флангъ успѣлъ отступить въ порядкѣ и не былъ обойденъ, какъ этого можно было опасаться.

Я могу сказать безъ хвастовства, что вся заслуга этого движенія, которое генераль Уваровъ не рѣшалъ совершить, принадлежитъ мнѣ, но вся честь была приписана генералу. Только одинъ Барклай отдалъ мнѣ справедливость, похваливъ меня за мое вѣрное сужденіе. Мнѣ было достаточно этой похвалы, такъ какъ я не былъ честолюбивъ и не жаждалъ славы. «*Bien faire et laisser dire*» таковъ девизъ моего семейнаго герба; я неизмѣнно руководился имъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ.

Въ этотъ достопамятный день генераль Коновницынъ покрылъ себя славою. Полковникъ Желтухинъ со своими гренадерами сдѣлалъ также чудеса; солдаты ходили нѣсколько разъ въ штыки, доказавъ свое умѣніе

владѣть ими. Генераль-маіоръ Тучковъ храбро сражался весь день. Генераль Гюдень (Gudin) въ теченіе нѣсколькихъ часовъ оспаривалъ у него мость; наконецъ, онъ былъ не въ силахъ долѣе держаться и лично явился донести объ этомъ главнокомандующему, находившемуся въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ мѣста сраженія.

Барклаѣ разсердился и сказалъ:

— Возвратитесь на свой постъ, пусть васъ убьютъ; если вы вернетесь живымъ, то я прикажу васъ разстрѣлать.

Генераль Тучковъ былъ храбръ; онъ не вернулся; его бригада погибла, и онъ самъ былъ тяжело раненъ: у французовъ былъ убитъ генераль Гюдень.

Я имѣлъ счастье быть полезнымъ Барклаю во время кавалерійской атаки, происходившей по утру, когда мы сражались вмѣстѣ съ корпусомъ Багговута, чтобы освободить генерала Корфа.

Барклаѣ вѣхалъ на очень горячей лошади, купленной имъ у генерала Дорохова. Эта лошадь утомляла его: гарцовала и не шла впередъ. Польскіе уланы, опрокинувъ стрѣлковъ Тобольскаго полка, кинулись на группу, которую составлялъ генераль Барклаѣ со своимъ маленькимъ штабомъ. Надобно было спѣшить; генераль Барклаѣ тщетно прищипывалъ свою лошадь; она продолжала гарцовать, но не подвигалась впередъ ни на шагъ и, наконецъ, взвилась на дыбы.

Я далъ ей два или три здоровыхъ удара саблею, чтобы заставить ее поскакать; наконецъ, видя, что на это отвратительное животное удары не дѣйствовали, и что опасность увеличивалась съ каждою минутою, я соскочилъ съ лошади и подвелъ ее генералу, который, ни слова не говоря, съ величайшимъ хладнокровіемъ сошелъ на землю, сѣлъ на мою лошадь и продолжалъ путь, посматривая направо и налево, не идетъ ли кавалерія освободить насъ.

Въ это время капитанъ Изюмскаго гусарскаго полка Левъ Нарышкинъ смѣло пошелъ съ однимъ эскадрономъ въ атаку, опрокинулъ непріятеля и освободилъ насъ. Я обратилъ вниманіе главнокомандующаго на доблестное поведеніе г. Нарышкина; онъ призвалъ его къ себѣ и осыпалъ похвалами. Между Львомъ Нарышкинымъ и мною возникла на полѣ битвы дружба, продолжавшаяся до конца нашей жизни.

Этотъ кровопролитный день казался нескончаемымъ. Барклаѣ послалъ меня ночью на поиски за генералами: Коновницынымъ, Тучковымъ, Уваровымъ и др. и пригласить ихъ на совѣтъ, который долженъ былъ происходить вправо отъ большой дороги. Тутъ, во тьмѣ ночной должна была рѣшиться участь арміи и быть можетъ всей Имперіи.

Я былъ совершенно измученъ, моя лошадь едва держалась на ногахъ. Принцъ Ольденбургскій, утомленный не менѣе меня, предложилъ сопровождать меня, чтобы разыскать его экипажъ и съѣсть что-нибудь.

Я съ удовольствіемъ согласился на это; разыскавъ моихъ людей и лошадей, я легъ возлѣ нихъ на мѣшокъ съ овсомъ: я не могъ бы лучше отдохнуть на самой мягкой перинѣ.

Спротивленіе, оказанное непріятелю генераломъ Барклаемъ при Валутигѣ и Лубинѣ, спасло насъ. Армія князя Багратіона угрожала опасностью быть раздѣленной надвое. Если бы Наполеонъ пробился сквозь нея, то участь кампаніи была бы рѣшена.

Императоръ французовъ и его генералы не проявили въ этотъ день своей обычной рѣшительности, тогда какъ Барклай дѣйствовалъ съ удвоенной энергіей. Голова его колонны показалась на Московской дорогѣ въ тотъ моментъ, когда Ней появился со своимъ отрядомъ. Ней остановился, а Барклай выигралъ вслѣдствіе этого время; ему этого было достаточно; тогда началось знаменитое сраженіе, въ которомъ наши войска покрыли себя славою, а звѣзда Наполеона впервые померкла.

Наполеонъ былъ виѣ себя отъ бѣшенства! Въ этотъ день утромъ онъ предсказывалъ совершенную гибель нашей арміи; правда, ни одинъ человекъ сколько-нибудь знакомый съ военнымъ дѣломъ не могъ отрицать опасность нашего положенія.

Генералъ Барклай превзошелъ въ этомъ случаѣ самого себя. Его спокойствіе и присутствіе духа были несравнены!

Онъ подвергался величайшей опасности. Генералъ Ермоловъ исполнилъ свой долгъ блестящимъ образомъ, но героемъ дня былъ генералъ Коковницынъ.

Первая армія отступила къ Дорогобужу, гдѣ вторая армія съ 9-го августа занимала сильную позицію. Въ тотъ же день первая армія остановилась близъ Усвята. Возстановивъ сообщеніе съ Москвою и съ княземъ Багратіономъ, генералъ Барклай счелъ моментъ этотъ благопріятнымъ для того, чтобы принять генеральное сраженіе, которое одно могло остановить побѣдоносное шествіе непріятеля.

Позиція позади Унжи, близъ Усвята, казалась ему благопріятной для сраженія.

Князь Багратіонъ, опасаясь, чтобы обѣ арміи не были отрѣзаны отъ Дорогобужа, уговорилъ Барклая оставить эту позицію и поискать болѣе удобной близъ Вязьмы; обѣ арміи совершили отступление въ ночь съ 11-го на 12-е число; вторая армія отошла къ Брашно, а первая къ Дорогобужу.

Прибывъ къ Дорогобужу на позицію, избранную полковникомъ Толлемъ, Барклай тотчасъ послалъ меня къ генералу Ермолову, наблюдавшему за движеніемъ нашего аррьергарда, чтобы объявить ему, что армія заняла позицію и что онъ можетъ начать движеніе.

Я проѣхалъ ночью 20 верстъ; мнѣ приходилось проѣхать обратно столько же, и я проскакалъ ихъ не перемѣняя лошади.

Генералъ Барклай, у котораго были желѣзные нервы, не принималъ въ расчетъ физическихъ силъ тѣхъ, кои исполняли его порученія; онъ возлагалъ обыкновенно исполненіе своихъ приказаній на однихъ и тѣхъ же лицъ, ни мало не заботясь о томъ, какъ много имъ приходилось проѣхать, а между тѣмъ за нимъ слѣдовалъ цѣлый рой молодыхъ людей, которымъ онъ не давалъ никакихъ порученій.

Онъ не былъ строгъ къ своимъ адъютантамъ; но однажды, когда они ѣхали за нимъ неособенно внимательно, онъ разсердился и приказалъ имъ сойти съ лошадей и пройти пѣшкомъ 25 верстъ подъ надзоромъ командующаго главной квартирою.

Этому наказанію не подверглись только Закревскій, Сеславинъ и я: правда, мы всѣ трое посылались генераломъ въ то утро съ разными порученіями.

Адъютанты, оскорбленные этимъ, хотѣли выказать Барклаю свое неудовольствіе и не обѣдать за его столомъ, но лица болѣе благоразумныя, какъ-то: Григорій Орловъ, Петерсонъ, Клингеръ убѣдили ихъ въ томъ, что эта демонстрація была бы смѣшна, и объ этомъ не было болѣе рѣчи. За то впредь эти господа стали внимательнѣе.

Главнокомандующій и князь Багратіонъ, въ сопровожденіи герцога Александра Виртембергскаго и принца Ольденбургскаго, поѣхали поутру верхомъ, чтобы подробно ознакомиться съ позиціей при Дорогобужѣ.

Они нашли ее неудачной во многихъ отношеніяхъ, и генералъ Барклай высказалъ полковнику Толлю, избравшему эту позицію, свое неодобреніе по поводу неудачнаго выбора мѣстности. Толль со своей обычной откровенностью, доходившей иногда до грубости, отвѣчалъ, что онъ не можетъ создавать позиціи и не умѣетъ выбрать лучшей тамъ, гдѣ природа не содѣйствуетъ его цѣлямъ. Генералъ Барклай, обдумывавшій въ это время дальнѣйшій образъ дѣйствій, не обратилъ вниманія на эту грубую выходку, но князь Багратіонъ былъ возмущенъ ею и сконфузилъ молодаго полковника генеральнаго штаба, прочитавъ ему наставленіе, которымъ онъ былъ совершенно уничтоженъ.

Онъ сказалъ Толлю:

— Если вы не умѣете выбрать лучшей позиціи, это еще не доказываетъ, что другіе не могли бы сдѣлать этого: во всякомъ случаѣ, такому юнцу, какъ вы, не прилично говорить подобнымъ тономъ съ главнокомандующимъ, заслужившимъ всеобщее уваженіе и которому всѣ подчиняются безпрекословно.

Князь добавилъ, что онъ, князь Багратіонъ, самъ подаетъ къ тому примѣръ, и будучи старше въ чинѣ, съ готовностью подчиняется генералу Барклаю; шесть генераловъ, украшенныхъ Андреевскими лентами, считаютъ за честь повиноваться главнокомандующему и признаютъ его выдающіяся способности, благодаря которымъ онъ сталъ во главѣ арміи;

онъ, Толль, обязанъ своимъ спасеніемъ великодушію и добротѣ главнокомандующаго, который не обратилъ вниманія на его неприличныя слова; еслибы участь Толля зависѣла отъ него, князя Багратіона, то ему пришлось бы надѣть солдатскую шинель.

Полковникъ Толль, блѣдный, какъ полотно, молчалъ. Впрочемъ, Барклай чувствовалъ, что Толль былъ правъ по существу,—и что онъ былъ виноватъ только въ томъ, что высказалъ свое мнѣніе въ неприличной формѣ.

Войскамъ было приказано сняться съ позиціи. Это приказаніе было результатомъ предъидущей сцены.

XXIV.

Посылка Левенштерна въ Москву.—Свиданіе его съ гр. Ростопчинымъ.—Состояніе Москвы.—Объявленіе Левенштерну, что онъ арестованъ и обвиняется въ сношеніяхъ съ неприятелемъ.—Письмо его императору и Барклауде-Толли.—Возвращеніе въ армію.

Я подхожу къ самому тягостному періоду моей жизни. Чтобы быть понятнымъ, я долженъ рассказать все подробно.

Флигель-адъютантъ полковникъ Вольцогенъ, бывшій въ свитѣ главнокомандующаго, только-что возвратившійся съ рекогносцировки, на которую онъ былъ посланъ, и бывшій моимъ товарищемъ по бивуаку, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Вы будете посланы курьеромъ въ Москву».

Я не хотѣлъ этому вѣрить, но онъ утверждалъ, что видѣлъ у начальника штаба приготовленную для меня подорожную и депеши.

Я тотчасъ стправился къ генералу Ермолову, который сталъ увѣрять меня, что ему ничего не извѣстно.

— Возможно ли, генераль,—сказалъ я,—чтобы вы объ этомъ не знали, когда моя подорожная и депеши уже изготовлены вами.

— Ахъ да, дѣйствительно, припоминаю,—сказалъ онъ;—вчера въ совѣтѣ говорилось о томъ, что надобно послать офицера, отлично осведомленнаго о ходѣ послѣднихъ событій для того, чтобы успокоить жителей Москвы на счетъ оставленія нами Смоленска; предложили послать васъ, и этотъ выборъ былъ одобренъ присутствовавшими почти единогласно.

— Генераль,—отвѣчалъ я—такъ какъ вопросъ этотъ повидимому рѣшенъ, то мнѣ не остается ничего возразить. Несмотря на то, что это порученіе весьма лестное, я употреблю все усилія къ тому, чтобы не ѣхать въ Москву въ настоящее время. Я вовсе не желаю уѣхать изъ арміи наканунѣ рѣшительнаго сраженія.

— Дѣлайте какъ знаете,—отвѣчалъ Ермоловъ.

Я отправился къ Барклаю и вошелъ къ нему безъ доклада, на что имѣлъ его позволеніе. Онъ встрѣтилъ меня со своей обычной добротой и сказалъ:

— Вы должны немедленно отправиться въ Москву съ депешами къ графу Ростопчину.

Я осмѣлился высказать ему причины, заставлявшія меня желать остаться при арміи, и прибавилъ съ жаромъ:

— Каждый ружейный выстрѣлъ, сдѣланный безъ меня, причинить мнѣ страшную боль; будучи въ отставкѣ, я искалъ случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, а теперь, состоя на дѣйствительной службѣ, я буду беззутѣшенъ, если пройдетъ сраженіе, въ которомъ я не приму участія.

Главномандующій былъ такъ добръ, что сталъ утѣшать меня и говорилъ такимъ искреннимъ тономъ, что я не могъ сомнѣваться въ его правдивости, онъ далъ мнѣ слово, что сраженія не будетъ ранѣе какъ черезъ недѣлю, что я успѣю вернуться, но увѣрялъ, что мое присутствіе необходимо въ Москвѣ для того, чтобы успокоить умы и сообщить графу Ростопчину о ходѣ послѣднихъ событій; онъ прибавилъ, что я одинъ могу выполнить его намѣренія, и что онъ даетъ мнѣ порученіе величайшей важности, такъ какъ необходимо не только поддержать довѣріе жителей Москвы, но и спасти его собственную репутацію.

Успокоенный словами главнокомандующаго, я болѣе не сопротивлялся, взялъ депеши, получилъ словесныя инструкціи и уѣхалъ.

Я ѣхалъ съ всевозможной поспѣшностью и прибылъ довольно скоро къ Московской заставѣ, гдѣ мною завладѣлъ полицейскій офицеръ и повелъ меня къ коменданту, который далъ мнѣ плацъ-адъютанта съ приказаніемъ отвести меня къ Ростопчину.

Графъ жилъ въ прекрасномъ загородномъ домѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Мое появленіе въ городѣ произвело сенсацію; народъ бѣжалъ за мною толпою, такъ какъ не привыкъ видѣть, чтобы изъ арміи пріѣзжалъ штабъ-офицеръ съ адъютантскими аксельбантами, какъ обыкновенный курьеръ на плохенькой почтовой телѣжкѣ, весь запачканный и запыленный. На мнѣ по истинѣ не было человѣческаго лица.

Всѣ жаждали извѣстій, но я молчалъ; еле живой, я сошелъ съ телги и былъ введенъ къ генераль-губернатору.

Я передалъ ему депеши и бюллетень о побѣдѣ, одержанной графомъ Витгенштейномъ, о чемъ сообщилъ мнѣ дорогою полковникъ л.-гв. драгунскаго полка Альбрехтъ, везшій это извѣстіе въ главную квартиру.

Графъ Ростопчинъ приказалъ немедленно отпечатать бюллетень и обнародовать его въ Москвѣ; затѣмъ онъ долго и много расспрашивалъ меня о послѣднихъ событіяхъ, объ оставленіи Смоленска, о состояніи

арміи, о ея нуждахъ, однимъ словомъ, обо всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ. Онъ предложилъ мнѣ чашку чая и отпустилъ меня, совѣтуя отдохнуть, и пригласилъ меня отобѣдать у него на слѣдующій день.

Я возвратился въ городъ одинъ безъ полицейскаго офицера и плацъ-адъютанта и остановился въ хорошей гостиницѣ. Вечеромъ я побывалъ у моего дяди, старика графа Орлова, у котораго я засталъ графа Маркова, графа Павина и другихъ значительныхъ лицъ.

Меня засыпали вопросами. Я отвѣчалъ согласно съ данными мнѣ инструкціями, стараясь всѣхъ успокоить, что, кажется, мнѣ отчасти удалось. Меня внимательно выслушали и въ городѣ передавали все сказанное мною; въ нѣкоторыхъ домахъ собирались для того, чтобы послушать меня и видѣться со мною; каждый жаждалъ слышать подробности—словомъ, я былъ героемъ дня въ этомъ прекрасномъ, столь патриотически настроенномъ городѣ; населеніе было готово принести въ жертву отечеству все свое имущество и взяться за оружіе.

Графъ Ростопчинъ оказалъ мнѣ особое вниманіе. Онъ представилъ меня своей супругѣ, графинѣ, которая бесѣдовала со мною о своемъ единственномъ сынѣ, бывшемъ также адъютантомъ генерала Барклая, и просила съ истинно материнской нѣжностью слѣдить за нимъ.

У графини Ростопчиной я познакомился съ знаменитымъ Карамзинымъ. Онъ отнесся ко мнѣ весьма дружелюбно; увлеченный моимъ рассказомъ о бывшихъ сраженіяхъ, онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ѣхать со мною въ армію, чтобы видѣть вблизи всѣ ужасы и всю прелесть сраженій и описать ихъ.

Въ загородномъ домѣ графа Ростопчина жилъ также художникъ Тончи.

Я былъ принятъ весьма любезно въ домѣ двоюродной сестры моей покойной жены, графини Паниной, у которой собиралось обыкновенно весьма пріятное общество. У ея тетки я часто встрѣчалъ графиню Анну Орлову.

Я отправлялся ежедневно къ графу Ростопчину, чтобы отобѣдать у него, или получить извѣстія объ арміи, а главнымъ образомъ для того, чтобы какъ можно скорѣе быть посланнымъ обратно. Я нерѣдко спрашивалъ генераль-губернатора, когда онъ полагаетъ отправить меня. Онъ отвѣчалъ мнѣ всякій разъ уклончиво. Я присутствовалъ вмѣстѣ съ нимъ на обѣдахъ, которые давалъ графъ Мамонтовъ, формировавшій на свои средства полкъ, и графъ Салтыковъ, сформировавшій полкъ гусаръ, а также на освященіи знаменъ для пѣхотнаго полка, сформированнаго на средства Николая Демидова.

Генераль Шепелевъ употреблялъ всевозможное стараніе, чтобы истратить огромное состояніе своего тестя, въ домѣ котораго онъ жилъ. Онъ предложилъ мнѣ поселиться у него; я принялъ это предложеніе съ осо-

бымъ удовольствіемъ, такъ какъ помѣщеніе въ гостиницѣ мнѣ очень не нравилось.

Я часто гулялъ по вечерамъ съ графиней Ростопчиной и г-жею Карамзиной въ прекрасномъ паркѣ генераль-губернаторскаго дома и былъ бы вполнѣ доволенъ своимъ тогдашнимъ положеніемъ, еслибы жажда славы не заставляла меня желать какъ можно скорѣе уѣхать изъ Москвы, чтобы присутствовать при большомъ сраженіи, котораго всѣ ожидали.

Наконецъ, не будучи въ состояніи долѣе сдерживать свое нетерпѣніе, я отправился однажды рано утромъ къ графу Ростопчину и, заставъ въ пріемной одного адъютанта его, Обрескова, я объяснилъ ему громко и энергично, какъ мнѣ наскучило продолжительное пребываніе въ Москвѣ. Я сказалъ, что мое терпѣніе истощилось и что все то, что графу Ростопчину будетъ угодно написать главнокомандующему, можетъ прекрасно быть послано съ простымъ курьеромъ; что я горю нетерпѣніемъ вернуться къ своему мѣсту: и хотя графъ и носилъ военный мундиръ, но онъ никогда не служилъ въ войскѣ и поэтому не можетъ понять того, что я испытываю; я поступилъ вновь на службу только для того, чтобы принять участіе въ славномъ походѣ и въ особенности въ сраженіи, которое должно рѣшить участь кампаніи; я присовокупилъ, что тотъ человѣкъ, по винѣ котораго я потеряю этотъ случай, сдѣлается моимъ смертельнымъ врагомъ.

Дверь кабинета была полуоткрыта; я умышленно говорилъ громко, чтобы графъ могъ слышать меня. Дѣйствительно, онъ слышалъ все, что я говорилъ, и такъ какъ это былъ человѣкъ способный оцѣнить возвышенное чувство, то онъ подошелъ къ двери и сдѣлалъ мнѣ знакъ войти.

Взявъ меня дружески за руку, онъ сказалъ безъ дальнѣйшихъ предисловіи:

— Я вполнѣ одобряю ваше страстное желаніе возвратиться къ арміи, чтобы раздѣлить всѣ опасности военнаго времени и покрыть себя славою; но я долженъ, къ сожалѣнію, объявить вамъ, что депеша, доставленная вами, была вмѣстѣ съ тѣмъ тайнымъ повелѣніемъ... Главнокомандующій пишетъ, чтобы я задержалъ васъ въ Москвѣ подъ какимъ-либо предлогомъ, велѣлъ слѣдить за вами и въ случаѣ надобности отослалъ бы васъ въ Пермь. Вы возбудили подозрѣніе въ арміи. Мнѣ не хватаетъ духа сказать вамъ остальное. — Но я внимательно слѣдилъ за вами; ваше лицо, ваша рѣчь, дышащая откровенностью, ваши скромныя манеры не позволяютъ думать, чтобы вы были измѣнникомъ. Во всемъ этомъ есть что-то недосказанное, чего я до сихъ поръ не могъ разгадать. Пока, прошу васъ считать мой домъ своимъ, я ставлю вамъ даже въ обязанность бывать у меня ежедневно; жена будетъ считать васъ чле-

номъ семьи до тѣхъ поръ, пока ваша невинность не будетъ вполне доказана, что случится вѣроятно скоро. Напишите его императорскому величеству; онъ пойметъ ваше положеніе; я положу ваше письмо въ свой конвертъ и выскажу государю тѣ замѣчанія, какія я имѣлъ случай сдѣлать, наблюдая за вами.

Нѣтъ возможности передать того, что я испыталъ во время этого разговора. У меня потемнѣло въ глазахъ, мнѣ едва не сдѣлалось дурно; я задыхался; у меня невольно брызнули изъ глазъ слезы.

Графъ, со свойственной ему добротою, которую многіе впрочемъ отрицали, но которая была у него врожденна, видя мое отчаяніе, сказалъ, дружески пожимая мнѣ руку:

— Дайте мнѣ честное слово, что вы не посягнете на свою жизнь.

Эти слова, произнесенныя съ искреннимъ состраданіемъ, заставили меня опомниться. Страшная злоба вернула мнѣ все мое самообладаніе и хладнокровіе. Я обѣщалъ ему владѣть собою; затѣмъ сѣлъ за его столъ и написалъ его величеству. Я не старался оправдываться, рѣшивъ, что это можно сдѣлать только съ оружіемъ въ рукахъ, но просилъ государя какъ милости послать меня немедленно въ армію, чтобы я могъ изболочить своихъ враговъ.

Впослѣдствіи я узналъ, какіе происки были пущены въ ходъ для того, чтобы вынудить его принять это обидное для меня рѣшеніе и какъ долго онъ колебался, прежде нежели рѣшиться на это; но ему пришлось пожертвовать мною, чтобы не компрометтировать себя. Я слышалъ, что въ то время, когда произошло это прискорбное для меня событіе, онъ писалъ женѣ, жившей въ то время въ Лифляндіи и принимавшей во мнѣ участіе, что онъ вынужденъ временно удалить меня изъ арміи, но увѣренъ, что мнѣ удастся оправдаться отъ воишь взведенныхъ на меня подозрѣній, которыя являются результатомъ интригъ и стеченія злополучныхъ обстоятельствъ.

Вотъ каковы были происки, затѣянныя человѣкомъ безсердечнымъ. Во время сраженія при Руднѣ, въ которомъ графъ Паленъ и Платовъ дѣйствовали противъ графа Себастіани, главная квартира этого генерала была, какъ я сказалъ выше, захвачена вмѣстѣ со всѣми его бумагами, между которыми оказалась одна бумага, въ коей генерала Себастіани извѣщали о планѣ предполагаемой на него атаки.

Кѣмъ было сдѣлано это сообщеніе? Никто этого не зналъ, но фактъ оставался фактомъ, и былъ обнаруженъ всего за часъ до атаки.

Генераль Ермоловъ, пользовавшійся всякимъ случаемъ повредить мнѣ, сдѣлалъ видъ, что онъ подозрѣваетъ меня, и подтвердилъ свое подозрѣніе тѣмъ, что, по занимаемому мною положенію, мнѣ было извѣстно все происходившее въ арміи, что я совершилъ съ 1809 г. походъ съ Наполеономъ, и имѣлъ случай лично познакомиться съ Се-

бастіани въ то время, когда я былъ посланъ съ порученіемъ къ королю Неаполитанскому, и въ это время между нами могли завязаться секретныя сношенія.

Эта искусно обставленная выдумка достигла цѣли. Барклай, позабывъ оказанныя мною заслуги и неоднократно испытанную преданность, пожертвовалъ мною. Онъ забылъ объ одномъ фактѣ, о коемъ могъ бы напомнить ему генераль Ермоловъ, если бы онъ былъ безпристрастнымъ судьей, а именно, что въ дни, предшествовавшіе сраженію при Руднѣ и слѣдовавшіе за нимъ, я отсутствовалъ по болѣзни изъ арміи, оставаясь въ Смоленскѣ. Но тотъ, кто хочетъ повредить другому, не можетъ быть справедливымъ. Евреи, коихъ было множество въ нашемъ лагерѣ, которые слышали всѣ разговоры офицеровъ, даже генераловъ и выводили изъ нихъ свои заключенія, смотря по тому, насколько они были развиты, и которые продавали за нѣсколько дукатовъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти тайны своей и непріятельской арміи, не подверглись по этому поводу ни малѣйшему подозрѣнію и преслѣдованію, никакого слѣдствія не было произведено, и они были по-прежнему терпимы въ арміи. Мы по-прежнему получали отъ нихъ свѣдѣнія о движеніи французской арміи, которая со своей стороны знала обо всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ.

Операціонный планъ войны можетъ быть тайною не только для непріятельской арміи, но и для самихъ служащихъ въ арміи, такъ какъ онъ бываетъ извѣстенъ въ подробности всего нѣсколькимъ лицамъ, но движеніе, совершаемое нѣсколькими тысячами человекъ, никогда не можетъ остаться тайною, о немъ знаетъ всякая маркитантка, хотя бы за часъ до его выполненія, это понятно само собою. Поэтому неудивительно, что генералу Себастіани было извѣстно о движеніи, которое предполагалось выполнить, чтобы застигнуть его врасплохъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что онъ узналъ объ этомъ всего за нѣсколько минутъ до сраженія, служить то, что онъ все-таки былъ застигнутъ врасплохъ и потерялъ всѣ свои бумаги.

Въ сущности, люди воспользовались случаемъ, чтобы нанести мнѣ нравственный ударъ, и отлично разсчитали всѣ шансы на успѣхъ.

Человѣкъ, обвиняемый хотя бы въ убійствѣ, считается оправданнымъ, если онъ можетъ доказать, что былъ въ другомъ мѣстѣ въ моментъ совершенія преступленія; генераль Ермоловъ, пославшій меня лѣчиться въ Смоленскъ, не могъ не знать о моемъ отсутствіи.

Когда мое письмо къ императору было окончено и одобрено графомъ Ростопчинымъ, я написалъ другое письмо генералу Барклаю и высказалъ ему въ почтительныхъ, но полныхъ отчаянія выраженіяхъ, въ какое обидное положеніе онъ меня поставилъ.

Я не говорилъ о моей невинности и счелъ бы унижительнымъ и

недостойнымъ показать, что я считаю возможнымъ, чтобы меня серьезно обвинили; но я старался дать понять генералу, что его долгъ, его честь и собственная репутація настоятельно требовали призвать меня обратно къ арміи; я доказывалъ ему, что онъ страшно компрометтировалъ себя, отдавая меня въ жертву моимъ врагамъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и его врагами, и которымъ удалось посвятить противъ него подозрѣніе не только въ арміи, но и въ народѣ.

Я высказалъ въ этомъ письмѣ, что только величіе его души поддерживало его до сихъ поръ въ неравной и отчаянной борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, коимъ руководили его враги; что теперь не время падать духомъ и отдавать на съѣденіе того адъютанта, который наиболѣе преданъ ему. Эта жертва, говорилъ я, будетъ лишь прелюдіей его собственнаго паденія; необходимо заставить смолкнуть всѣ толки объ измѣнѣ, поднявъ авторитетъ его власти и заставивъ смолкнуть всѣхъ интригановъ.

Не знаю, имѣло ли это письмо тѣ послѣдствія, какихъ я отъ него ожидалъ—генераль Барклай никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ; не знаю также, какое впечатлѣніе произвело на его величество мое всеподданнѣйшее прошеніе, знаю одно, что восемь дней спустя я присутствовалъ на достопамятномъ Бородинскомъ сраженіи и получилъ двѣ огнестрѣльныя раны. Я только этого и желалъ; въ этомъ было мое оправданіе.

Окончивъ письма на имя его императорскаго величества и главнокомандующаго, я передалъ ихъ графу Ростопчину; онъ простился со мною, совѣтуя мнѣ держать все сказанное въ тайнѣ, не измѣнять моего образа дѣйствій и въ особенности не падать духомъ.

Нѣсколько времени спустя въ Москву пріѣхали нѣсколько поляковъ знатнаго происхожденія, состоявшихъ на русской службѣ; это были флигель-адъютанты: графъ Станиславъ Потоцкій, графъ Браницкій, князь Любомірскій, Влодекъ и нѣкоторые другіе. Всѣ они находились точно такъ же, какъ и я, подъ наблюденіемъ генераль-губернатора; это меня нѣсколько успокоило.

Мы старались взаимно утѣшать другъ друга; не имѣя возможности бороться противъ общественнаго мнѣнія и противъ силы, мы рѣшили оставаться спокойными зрителями великихъ событій, которыя должны были вскорѣ совершиться.

Однажды утромъ я былъ у графа Ростопчина, какъ вдругъ входитъ курьеръ изъ арміи. Это былъ подполковникъ графъ де-Лесерръ, адъютантъ князя Багратиона. Лишь только онъ успѣлъ передать депешу, графъ пригласилъ полицеймейстера и поручилъ ему немедленно отправить подполковника въ Пермскую губернію, на границу Сибири.

Каково было удивленіе бѣдняги. Онъ былъ посланъ изъ арміи точно такъ же, какъ и я, не подозрѣвая о томъ, что онъ везъ столь предатель-

ское письмо. Повидимому, въ арміи придерживались правила удалять безъ шума тѣхъ, отъ кого хотѣли отдѣлаться: тысячу разъ лучше было бы растрѣлять ихъ.

Графъ де-Лесерръ былъ отправленъ въ тотъ же день, подъ надежнымъ конвоемъ въ Пермь и появился на сценѣ лишь въ 1816 г., когда онъ былъ произведенъ императоромъ въ полковники; это даетъ поводъ думать, что онъ не былъ виновенъ.

Я до сихъ поръ содрогаюсь при мысли, что если бы графъ Ростопчинъ не принялъ во мнѣ участія, то меня постигла бы та же участь.

Я былъ обязанъ своимъ спасеніемъ графу и за это до конца жизни былъ ему признателенъ. Только благодаря его удивительной добротѣ, проницательности и знанію людей, онъ извлекъ меня изъ пропасти, искусно вырытой у моихъ ногъ врагами.

Я обѣдалъ у старика графа Орлова, когда къ нему явился полицейскій офицеръ и весь запыхавшись передалъ мнѣ приказаніе немедленно слѣдовать за нимъ къ генералъ-губернатору. Въ первый моментъ я подумалъ, что я буду отправленъ къ арміи, но послѣ минутнаго размышленія, вспомнивъ случившееся съ графомъ де-Лесерромъ, ожидалъ, что меня постигнетъ быть можетъ та же участь. Такъ какъ неприятельская армія приближалась къ Москвѣ, то я считалъ весьма возможнымъ, что меня отошлютъ въ Казань, Оренбургъ или куда-нибудь еще далѣе. Эта мысль страшно огорчила меня, но я рѣшилъ казаться спокойнымъ.

Когда я вошелъ въ кабинетъ графа, то онъ поспѣшно подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ чисто отеческой нѣжностью, такъ что я былъ растроганъ, не успѣвъ еще вымолвить ни слова.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ,—что могу объявить вамъ новость: черезъ часъ васъ уже не будетъ въ Москвѣ; я получилъ сію минуту приказаніе отправить васъ къ арміи; ваша невинность доказана, слѣдовательно, я не ошибся въ васъ.

Радость и злоба лишили меня голоса.

— Позвольте мнѣ перевести духъ,—сказалъ я графу;—въ моей душѣ борются множество чувствъ, но въ настоящую минуту я хочу только выразить вамъ свою признательность за чисто отеческую доброту, съ какою вы меня приняли, и въ особенности за то, что, будучи предубѣждены противъ меня лицомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія (генераломъ Барклаемъ), никогда не выдавъ меня лично, не зная моихъ семейныхъ отношеній, ни моего прошлаго, вы не усомнились въ моей невинности и въ моей чести.

Графъ повелъ меня къ своей супругѣ, которая также выразила мнѣ радость.

Получивъ отъ нея письма, которыя она просила меня передать

сыну, уложивъ вещи и взявъ депеши, я обнялъ графа, и часть спуста меня уже не было въ Москвѣ.

Я не ѣхалъ, а летѣлъ; дорога показалась мнѣ очаровательна, а моя курьерская телега—самымъ блестящимъ экипажемъ.

Чему я былъ обязанъ своею отправкою въ армию? Это такъ и осталось для меня тайною. Правда, я ничего инаго и не просилъ въ моемъ письмѣ къ императору.

Когда я пріѣхалъ въ армию, она занимала позицію передъ Можайскомъ и готовилась къ Бородинской битвѣ. Это было 24-го августа 1812 г.

XXV.

Увѣренность Барклая-де-Толли въ пользѣ отступленія русской арміи.—Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями.—Бородинское сраженіе.

Въ тотъ моментъ, когда я пріѣхалъ въ главную квартиру на лѣвое крыло нашей арміи, коимъ командовалъ князь Багратионъ, была произведена атака. Я тотчасъ сѣлъ на лошадь и поспѣшилъ къ генералу Барклаю, который уже объѣзжалъ позицію и отдавалъ приказанія. Онъ принялъ меня любезно, спросилъ о Москвѣ, о графѣ Ростопчинѣ и не входя въ подробности продолжалъ свои текущія занятія, имѣвшія чрезвычайную важность.

Мнѣ показалось, что онъ ничуть не былъ удивленъ моимъ появленіемъ; я увѣренъ, что это не было для него неожиданностью, но его окружающіе были очень удивлены моимъ пріѣздомъ. Эти господа не знали, какъ держать себя, особенно былъ изумленъ генералъ Ермоловъ, который не могъ понять, какимъ образомъ я выпутался изъ устроенной имъ западни.

Я понялъ враждебное ко мнѣ отношеніе этого генерала; это было весьма важно, но для меня также было важно знать, что именно заставило его относиться ко мнѣ такъ двухсмысленно и даже коварно.

Дѣйствіями людей руководить обыкновенно какая-нибудь страсть; но почему же я именно возбудилъ страсти этого человѣка? Этотъ вопросъ необходимо было рѣшить, иначе пришлось бы думать, что вся эта интрига имѣла единственной цѣлью повредить Барклаю, который былъ для него предметомъ зависти и даже ненависти.

Но опасности, коимъ мы подвергались ежеминутно, не позволяли мнѣ въ то время разспросить кого-либо. Меня занимала единственно мысль поспѣть въ-время, чтобы принять участіе въ этомъ большомъ сраженіи.

Прежде нежели описывать главные событія этого дня, я долженъ упо-

мянуть о перемѣнѣ, происшедшей во время моего отсутствія въ командованіи арміей.

Народъ и армія давно уже были недовольны нашимъ отступленіемъ.

Толпа, которая не можетъ и не должна быть посвящена въ тайны серьезныхъ военныхъ операцій, видѣла въ этомъ отступленіи невѣжество или трусость. Армія раздѣляла отчасти это мнѣніе; надобно было имѣть всю твердость характера Барклая, чтобы выдержать до конца, не колеблясь, этотъ планъ кампаніи. Его поддерживалъ, правда, въ это трудное время императоръ, видѣвшій въ осуществленіи этого плана спасеніе Россіи. Но толпа судить только по результатамъ и не умѣетъ ожидать.

Императоръ также волновался въ началѣ войны, по поводу того, что пришлось предоставить въ руки непріятеля столько провинцій. Генералу Барклаю приходилось успокаивать государя, и онъ не разъ поручалъ мнѣ писать его величеству, что потеря нѣсколькихъ провинцій будетъ вскорѣ вознаграждена совершеннымъ истребленіемъ французской арміи: во время сильнѣйшихъ жаровъ Барклай разсчитывалъ уже на морозы и предсказывалъ страшную участь, которая должна была постигнуть непріятеля, если бы онъ имѣлъ смѣлость и неосторожность проникнуть далѣе въ глубь Имперіи.

Барклай умолялъ его величество потерпѣть до ноября и ручался головою (въ іюнѣ мѣсяцѣ), что къ ноябрю французскія войска будутъ вынуждены покинуть Россію болѣе поспѣшно, нежели вступили туда.

Я припоминаю, что еще до оставленія нами Смоленска, Барклай, говоря о Москвѣ и о возможности занятія ея непріятелемъ, сказалъ мнѣ, что онъ конечно дастъ сраженіе для того, чтобы спасти столицу, но что, въ сущности, онъ смотритъ на Москву не болѣе, какъ на одну изъ точекъ на географической картѣ Европы, и не совершитъ для этого города точно такъ же, какъ и для всякаго другаго, никакого движенія, способнаго подвергнуть армію опасности, такъ какъ надобно спасать Россію и Европу, а не Москву.

Эти слова дошли до Петербурга и Москвы, и жители этихъ городовъ пустили въ ходъ все свое стараніе къ тому, чтобы смѣнить главнокомандующаго, для котораго всѣ города были безразличны.

Кандидатами въ главнокомандующіе были предложены: Кутузовъ, генералъ Беннигсенъ и графъ Паленъ-отецъ. Императоръ назначилъ, хотя и не охотно, генерала Кутузова, только-что заключившаго передъ тѣмъ славный миръ съ турками. Онъ прибылъ къ арміи, въ Царевозаймище 17-го августа; солдаты, офицеры, генералы, народъ, города, вся Имперія была въ восторгѣ, что участь Россіи была ввѣрена въ опытныхъ и искусныхъ руки этого ветерана.

Кутузовъ, къ которому я являлся, принялъ меня какъ не лучше; такъ какъ его жена и дочери, изъ коихъ одна была моею невесткою, говорили ему обо мнѣ много лестнаго, то онъ былъ настолько добръ, что сказалъ мнѣ, чтобы я считалъ себя членомъ его семейства.

Великодушное и исполненное патриотизма сердце Барклая содрогнулось отъ радости при мысли, что съ него снята огромная отвѣтственность, тяготѣвшая надъ нимъ. Кто видѣлъ его такъ близко, какъ я, не могъ въ этомъ сомнѣваться.

Барклаю было ввѣрено командованіе 1-ю арміею, а князю Багратиону начальство надъ 2-ю арміею. Кутузовъ принялъ главное начальство надъ обоими арміями, надъ арміями генерала Торماسова, адмирала Чичагова и надъ корпусомъ графа Витгенштейна; генералъ Ермоловъ сохранилъ мѣсто начальника штаба 1-ой арміи, а графъ де-Сен-Приестъ занималъ то же мѣсто во 2-ой арміи.

Эти перемѣны произошли за нѣсколько дней до кровопролитнаго сраженія при Бородинѣ.

Кутузовъ, узнавшій настроеніе народа и арміи, рѣшилъ тотчасъ дать неприятелю сраженіе и сдѣлать все возможное для спасенія Москвы. Онъ рѣшилъ, такъ сказать, выполнить планъ генерала Барклая, но не счелъ удобнымъ остаться на позиціи при Царево-Займищѣ; онъ искалъ болѣе сильной позиціи, и полковникъ Толль избралъ таковую близъ Можайска.

Не буду описывать поля битвы: оно хорошо всегдѣ извѣстно.

Наше правое крыло было очень сильно; лѣвый флангъ былъ слабѣе, хотя имѣлъ то преимущество, что онъ былъ въ одно и то же время наступательнымъ и оборонительнымъ, тогда какъ правое крыло не имѣло этого преимущества.

Князь Багратионъ возвелъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ нѣсколько редутовъ; одинъ большой редутъ стоялъ въ центрѣ на довольно высокомъ холмѣ позади деревни Бородино. Это былъ ключъ позиціи.

24-го августа Наполеонъ произвелъ большую рекогносцировку и атаковалъ наши редуты на лѣвомъ флангѣ. Сраженіе было ожесточенное и весьма кровопролитное. Французы были отброшены, потерявъ нѣсколько орудій.

Весь слѣдующій день послѣ битвы былъ проведенъ съ той и съ другой стороны въ приготовленіяхъ къ новому сраженію, которое должно было рѣшить участь Москвы. Духъ нашей арміи былъ превосходный. Солдаты, офицеры и генералы горѣли желаніемъ сразиться съ неприятелемъ, побѣдить его или умереть. Никогда еще воодушевленіе не было такъ велико. Кутузовъ показывался рѣдко, но не упускалъ случая всевозможными средствами поддерживать бодрость войскъ.

25-го августа, послѣ полудня онъ приказалъ торжественно пронести

по войскамъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, которая была спасена при погромѣ этого города.

Объ арміи провели ночь въ такомъ настроеніи духа, которое охватываетъ человѣка въ ожиданіи событія, которое должно осуществить всѣ желанія или разрушить всѣ надежды.

26-го августа происходило сраженіе при Бородинѣ.

На восходѣ солнца поднялся сильный туманъ. Генераль Барклай въ полной парадной формѣ, при орденахъ и въ шляпѣ съ чернымъ перомъ стоялъ со своимъ штабомъ на батарее позади деревни Бородина. Въ тотъ моментъ, когда онъ обернулся ко мнѣ, чтобы получить свѣдѣніе о боевыхъ снарядахъ, которые должны были доставить ему изъ Москвы, позади его была ранена ядромъ лошадь генераль-лейтенанта князя Бориса Голицына.

Князь, омущенный своимъ паденіемъ, подошелъ къ генералу Барклаю и донесъ ему объ этомъ; Барклай, не оборачиваясь, отвѣчалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Прикажете подать другую лошадь.

Будучи сильно контуженъ, князь удалился. Онъ только-что пріѣхалъ изъ Петербурга и пока не имѣлъ еще случая командовать отдѣльной частью. Генераль Барклай скинулъ въ это время своимъ орлинымъ взоромъ всю линію.

Со всѣхъ сторонъ раздавалась канонада. Деревня Бородино, расположенная у нашихъ ногъ, была занята храбрымъ л. гв. Егерскимъ полкомъ. Туманъ, заволакивавшій еще въ то время равнину, скрывалъ сильныя непріятельскія колонны, надвигавшіяся прямо на него.

Генераль Барклай, обозрѣвавшій всю мѣстность съ холма, угадалъ, какой опасности подвергался Егерскій полкъ, и послалъ меня къ нему съ приказаніемъ, чтобы онъ немедленно выступилъ изъ деревни и разрушилъ за собою мостъ.

Я поспѣшилъ къ командиру полка, но колонна вице-короля итальянскаго подъ командою генерала Бельзонта вступила уже въ деревню съ большой дороги, сомкнутою колонною; она шла бѣглымъ шагомъ съ барабаннымъ боемъ. Приказаніе бить отбой было тотчасъ исполнено, но отступление не могло совершиться достаточно скоро, чтобы помѣшать другой французской колоннѣ пройти по берегу рѣки, разбросать цѣпь стрѣлковъ и начать стрѣлять въ егерей въ то время, какъ они проходили по мосту; огонь былъ убійственный и попадалъ въ цѣль.

Вторая непріятельская колонна, шедшая изъ деревни бѣглымъ шагомъ по большой дорогѣ, также открыла по мосту продольный огонь, что неминуемо должно было произвести въ нашемъ войскѣ замѣшательство; мы были такъ стѣснены, что ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадалъ даромъ. Оставалось одно спасеніе—пройти какъ можно

поспѣшнѣе по маленькой равнинѣ и достигнуть оврага, что дало бы егерямъ возможность собраться и вновь построиться. Стычка продолжалась не болѣе 15 минутъ, но эти четверть часа были самыми памятными въ моей жизни. Л.-гв. Егерскій полкъ потерялъ въ этотъ промежутокъ времени половину людей, въ томъ числѣ было убито и вышло изъ строя тридцать офицеровъ.

На помощь нашимъ егерямъ подоспѣлъ первый егерскій полкъ подъ командою храбраго полковника Карпенко; сильный ружейный огонь, поддержанный картечью, вынудилъ непріятеля перейти мостъ обратно.

Деревня Бородино осталась во власти французовъ, но съ этой минуты перестала играть роль въ великой драмѣ, получившей однако отъ нея свое названіе. Барклай высказалъ, что этотъ отборный полкъ былъ употребленъ въ мѣстѣ столь опасномъ и бесполезномъ для его цѣлей, вопреки его желанію. По его мнѣнію, въ этомъ пунктѣ было бы достаточно имѣть обсервационный постъ. Онъ обвинялъ въ этомъ бѣдствіи генерала Ермолова, предложившаго Беннигсену и Кутузову поставить тутъ этотъ полкъ. Такимъ образомъ погибъ безо всякой пользы одинъ изъ лучшихъ полковъ гвардіи.

День начался неудачей; къ счастью, это не повліяло на духъ войскъ. Всю ночь продолжали драться съ непоколебимымъ мужествомъ.

Послѣ дѣла при Бородинскомъ мостѣ, генералъ Барклай спустился съ холма и объѣхалъ всю линію. Ядра и гранаты буквально взрывали землю на всемъ пространствѣ. Барклай проѣхалъ такимъ образомъ передъ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками.

Молодцы гренадеры привѣтствовали его спокойно, стоя съ истинно военной выправкой. Ядра начали уже производить опустошеніе въ ихъ рядахъ, но они стояли по-прежнему стойко и безмолвно съ ружьемъ у ноги и спокойно смыкали ряды, когда ядра уносили изъ нихъ жертвы.

Всѣ отданныя наканунѣ распоряженія были выполнены. Когда главнокомандующій осматрѣлъ позицію, батареи открыли болѣе сильный огонь. Онъ походилъ на ружейную перестрѣлку, не прекращался ни на минуту, такъ что впоследствии можно было сказать по справедливости, что на полѣ битвы не было убѣжища для трусовъ.

Генералъ Барклай послалъ меня къ генералу Лаврову, приказавъ сказать ему, чтобы онъ сомкнулъ ряды, ни подъ какимъ видомъ не отдѣляя бы отъ своего корпуса ни одной части, далъ бы войску отдохнуть, насколько это будетъ возможно, и былъ бы готовъ двинуться впередъ по первому приказанію, такъ какъ ему придется идти въ огонь первому.

Я передалъ это приказаніе генералу Лаврову, но нашелъ его въ самомъ жалкомъ состояніи: онъ былъ разбитъ параличемъ, почти не

владѣлъ ногами, не могъ ни ходить, ни ѣздить верхомъ. Въ физическомъ отношеніи это былъ олицетворенная немощь.

Генераль Лавровъ сказалъ мнѣ, что онъ не въ состояніи исполнить приказаніе генерала Барклая, такъ какъ полковникъ Толмъ, по приказанію Кутузова, только-что взялъ у него два гвардейскихъ полка, которыми велѣно поддерживать князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ.

Я послѣдшилъ донести Барклаю объ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ. Барклай вышелъ изъ своего обычнаго равнодушія: его глаза гнѣвно засверкали, и онъ воскликнулъ:

— Слѣдовательно, Кутузовъ и генераль Беннигсенъ считаютъ сраженіе проиграннымъ, а между тѣмъ оно едва только начинается. Въ девять часовъ утра употребляютъ резервы, кои я не предполагалъ употребить въ дѣло ранѣе, какъ въ 5 или 6 часовъ вечера. Сказавъ это, онъ прищипорилъ лошадь, приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ и поспекалъ къ Кутузову.

Барклай понималъ, что исходъ сраженія зависитъ отъ хорошо употребленнаго резерва. Побѣда бываетъ всегда на сторонѣ того генерала, который умѣетъ воспользоваться резервомъ послѣдній.

Все зависитъ отъ рѣшительнаго удара, нанесеннаго резервомъ, который долженъ быть грозенъ и употребленъ въ-время, поэтому резервныя части должны быть отборными.

Кутузовъ принялъ генерала Барклая, окруженный многочисленной и блестящей свитой. Онъ стоялъ верхомъ на большой дорогѣ неподалеку отъ деревни Горки и подѣхалъ на встрѣчу Барклаю, который говорилъ ему что-то съ жаромъ; я не могъ слышать того, что они говорили, но мнѣ показалось, что Кутузовъ старался успокоить Барклая. Нѣсколько минутъ спустя послѣдній поѣхалъ обратно галопомъ и сказалъ мнѣ по пути:

— По крайней мѣрѣ не разгонять остальнаго резерва.

Въ этотъ моментъ онъ замѣтилъ, что по направленію къ холму, возвышавшемуся въ центрѣ (который получилъ въ послѣдствіи названіе батареи Раевского), происходило какое-то необычайное движеніе. Изъ-за дыма и пыли мы не могли видѣть, какая была причина этого движенія. Генераль поручилъ мнѣ разузнать, въ чемъ дѣло. Я увидѣлъ, къ величайшему моему изумленію, что онъ былъ во власти французовъ. Наши войска отступали въ большомъ безпорядкѣ. Нельзя было терять ни минуты. Въмѣсто того, чтобы возвратиться къ генералу Барклаю, я попросилъ адъютанта принца Ольденбургскаго, поручика Варденбурга отправиться къ генералу и сообщить ему это прискорбное извѣстіе. Окинувъ въ то же время взглядомъ мѣстность, я замѣтилъ вправо отъ холма баталіонъ Томскаго полка, стоявшій сомкнутой колонной въ полномъ порядкѣ. Я бросился къ нему и приказалъ

баталіонному командиру именемъ главнокомандующаго слѣдовать за мною. Онъ послушался и смѣло пошелъ впередъ.

Я запретилъ солдатамъ кричать «ура!» безъ моего разрѣшенія, такъ какъ имъ надобно было ввобратъ на холмъ, поэтому слѣдовало беречь ихъ дыханіе; баталіонный командиръ шелъ пѣшкомъ. Это былъ толстенный кругленькій человѣчекъ, но въ немъ былъ священный огонь.

Поднявшись на средину холма, солдаты Томскаго полка прокричали по данному мною знаку грозное «ура!» и кинулись съ остервенѣніемъ на всѣхъ, кто попадался имъ на встрѣчу; войска пошли въ штыки; завязался жаркій бой. Къ этому пункту послѣшилъ и генералъ Ермоловъ со всѣмъ своимъ штабомъ, при немъ находился дежурный генералъ Кикинъ и командовавшій артиллеріей графъ Кутайсовъ. Ему удалось, подъ градомъ пуль, сформировать пѣхоту и энергично поддержать дѣло, начатое храбрымъ баталіономъ Томскаго полка; успѣхъ былъ поддержанъ послѣшнымъ движеніемъ, совершеннымъ генераломъ Паскевичемъ, который сдѣлалъ удачную диверсію влѣво отъ большой батареи. Мы овладѣли такимъ образомъ снова важной позиціей, которую чуть-было не потеряли.

Въ тотъ моментъ всѣ признали за мною заслугу, что я увлекъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Генералъ Ермоловъ поцѣловалъ меня на самой батарее и тутъ же поздравилъ меня съ Георгіемъ, который я несомнѣнно долженъ былъ получить. Но впоследствии, когда этотъ эпизодъ былъ признанъ самымъ выдающимся событіемъ дня, другія лица пожелали присвоить себѣ эту честь и пожалѣли о томъ, что они были слишкомъ откровенны въ выраженіи своихъ чувствъ, въ тотъ моментъ, когда пролитая кровь заставила смолкнуть вражду.

Генералъ Ермоловъ, Кикинъ и я—были ранены; храбрый графъ Кутайсовъ былъ убитъ.

Генералъ Барклай, подослѣвшій во время нашей стычки, немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы непріятель не могъ вторично овладѣть батареей. Онъ поручилъ оборону этой батареи и холма дивизию генерала Лихачева.

Видя, что я раненъ, Барклай съ обычной своей добротой велѣлъ мнѣ отправиться въ походный госпиталь, приказавъ одному изъ своихъ ординарцевъ сопровождать меня.

Я встрѣтился въ госпиталѣ съ генераломъ Ермоловымъ и графомъ Остерманомъ. Первый, подъ впечатлѣніемъ совершившагося, осыпалъ меня похватами и просилъ у меня прощенія, сознавшись, что онъ былъ виноватъ передо мною, и объявилъ, что впредь онъ будетъ всегда пріятелемъ человѣка, котораго онъ видѣлъ на бѣлой лошади въ пятидесяти шагахъ передъ Томскимъ баталіономъ, и который первый пошелъ на штурмъ батареи; онъ присовокупилъ, шутя: «Вы вполне за-

оружили Георгіевскій крестъ, да и сами походили на Георгія на вашей бѣлой лошади съ саблею въ рукѣхъ».

Впослѣдствіи онъ предалъ все это забвенію, и въ настоящее время во всѣхъ реляціяхъ упоминается о немъ, какъ о томъ офицерѣ, который сталъ во главѣ баталіона и повелъ его на холмъ. Искажено даже названіе полка, коему принадлежала честь этого подвига. Ничего не требуя для себя, я вступаю только за честь Томскаго полка.

Генералу Ермолову было также излишне присвоивать себѣ мое мѣсто, какъ Суворову мѣсто того офицера, который первый пошелъ на штурмъ Измаила. Честь взятія этой батареи принадлежитъ по праву генералу Ермолову. Я имѣлъ только счастье подать къ тому первый примѣръ. Онъ былъ начальникъ штаба, а я простой маіоръ, слѣдовательно, между нами не могло быть никакого соревнованія, никакого соперничества.

Хирургъ его величества, докторъ Веліо, сдѣлалъ намъ перевязку; чувствуя себя въ силахъ вернуться къ своему посту, я простился съ графомъ Остерманомъ и съ генераломъ Ермоловымъ и возвратился къ своему мѣсту. По дорогѣ я съ грустью увидѣлъ, что князь Багратионъ лежалъ на травѣ, окруженный хирургами, которые были заняты извлеченіемъ пули, засѣвшей у него въ ногѣ, въ кости.

Онъ узналъ меня, освѣдомился о Барклаѣ и сказалъ:

— Скажите генералу Барклаю, что участь арміи и ея спасеніе зависятъ отъ него. До сихъ поръ все идетъ хорошо, но пусть онъ слѣдуетъ за моею арміею и да поможетъ намъ Господь.

Когда я сообщилъ генералу Барклаю объ этомъ несчастномъ случаѣ, то онъ былъ пораженъ.

Моя рука находилась на перевязи, я не могъ болѣе держать саблю въ рукахъ, но могъ еще быть полезенъ, и съ меня было этого довольно. Я былъ въ крайне нервномъ состояніи; съ самаго начала сраженія меня охватило какое-то лихорадочное возбужденіе. Я долженъ былъ исполнять священный долгъ по отношенію къ отечеству, но мнѣ было сверхъ того необходимо сразить моихъ клеветниковъ. Судьба благоприятствовала мнѣ, и я имѣлъ счастье отличиться.

Генералъ Барклаѣ, не зная, что происходило въ корпусѣ графа Остермана, послалъ меня къ нему. Этотъ доблестный генералъ, отличившійся безумною отвагою, возвратился уже изъ госпиталя.

Въ теченіе восьми или десяти минутъ, которыя я провелъ возлѣ графа Остермана, нѣсколько человекъ его свиты были убиты и ранены, въ томъ числѣ его адъютантъ Валуевъ, который былъ убитъ возлѣ меня, и молодой князь Михаилъ Голицынъ, раненый пулею.

Ознакомившись съ занимаемой имъ позиціею, я убѣдился, что на

этотъ корпусъ нечего особенно разсчитывать, но что графъ Остерманъ будетъ защищать свою позицію, какъ левъ.

Генераль Барклай былъ неособенно доволенъ положеніемъ дѣлъ, но не могъ помочь горю. Онъ замѣтилъ въ это время, что сильныя колонны непріятельской кавалеріи маневрировали съ цѣлью совершить рѣшительную атаку на лѣвое крыло 1-й арміи, составлявшее какъ бы центръ обѣихъ армій. Слѣдя внимательно за этимъ движеніемъ, онъ подозвалъ меня и спросилъ, знаю ли я гдѣ находится резервная гвардейская кавалерія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ мнѣ передать временно командовавшему ею генералу Шевичу, чтобы онъ двинулся рысью, не подвергая себя особенной опасности, но чтобы можно было воспользоваться его помощью въ случаѣ надобности. Это приказаніе вызвало всеобщій восторгъ въ рядахъ храбраго и отборнаго кирасирскаго войска, которое горѣло желаніемъ принять участіе въ этомъ достопамятномъ сраженіи.

Когда я передалъ генералу Шевичу, что мнѣ приказано поставить его такъ, чтобы онъ не подвергался опасности отъ выстрѣловъ, то онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою:

— Это будетъ трудно: мы уже давно смыкаемъ ряды, чтобы не было замѣтно убили, которую причиняютъ, въ нихъ ядра; пойдемъ же впередъ, это лучшее, что мы можемъ сдѣлать.

Едва успѣла эта прекрасная кавалерія прибыть къ тому пункту, который я считалъ наиболѣе подходящимъ для того, чтобы выполнить приказаніе генерала, какъ на насъ наскочила масса непріятельской кавалеріи. Кавалергарды, конногвардейцы и кирасиры помчались имъ на встрѣчу съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Залпы слѣдовали за залпами. Наши молодцы кирасиры покрыли себя славой.

Саксонскіе и французскіе кирасиры были храбрые противники: тѣмъ не менѣе побѣда въ этомъ пунктѣ осталась за нами, и центръ нашей позиціи не былъ поколебленъ.

Былъ моментъ, когда поле битвы напоминало одну изъ батальныхъ картинъ, работы нашихъ знаменитыхъ художниковъ. Сраженіе перешло въ рукопашную схватку: сражающіеся смѣшались, не было болѣе правильныхъ рядовъ, не было сомкнутыхъ колоннъ, были только болѣе или менѣе многочисленныя группы, которыя сталкивались одна съ другою; люди дрались спереди, сзади; свои и враги смѣшались. Пѣхота, построенная въ карре, едва не стрѣляла со всѣхъ фронтовъ одновременно. Личная храбрость и сообразительность имѣли полную возможность выказать себя въ этотъ достопамятный день. Я видѣлъ во время стычки неустрашимаго Алексѣя Орлова, который былъ весь израненъ; его братъ Григорій, адъютантъ Барклая, красавецъ собою, лишился

въ этомъ сраженіи ноги, а молодой Клиггеръ и графъ Ламсдорфъ были убиты.

Киселевъ, счастливѣе брата, убитаго по утру во время стычки, въ которой участвовалъ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, остался живъ; я видѣлъ молодаго Шереметева, получившаго большую рану саблею по лицу: подобная рана всегда дѣлаетъ честь кавалерійскому офицеру.

Полковникъ Левашевъ принялъ командованіе Кавалергардскимъ полкомъ. Я видѣлъ его въ самый критическій моментъ, когда, сопровождаемый всего нѣсколькими трубачами, онъ старался собрать свой полкъ, который былъ совершенно разсѣянъ; ему это удалось благодаря выказанному имъ хладнокровію и умѣнью.

Барклай поспѣшилъ къ тому пункту, гдѣ произошло замѣшательство, но такъ какъ его лошадь была ранена, хотя и продолжала скакать, то онъ очутился въ большой опасности. Его преслѣдовали нѣсколько польскихъ улановъ. Мы сдѣлали попытку спасти нашего генерала. Нѣсколько кавалеристовъ разныхъ полковъ, коихъ намъ удалось собрать, помогли намъ въ этомъ; мы бросились на польскихъ уланъ, изъ коихъ одни были нами изрублены, а другіе обращены въ бѣгство. Барклай былъ спасенъ. Онъ поскакалъ въ галопъ къ Кутузову и засталъ его неподвижно на томъ же самомъ мѣстѣ, окруженнымъ многочисленной свитою.

Въ теченіе дня, генералъ Беннигсенъ и полковникъ Толль объѣхали, по приказанію Кутузова, поле битвы. Генералъ Беннигсенъ остановился на нѣкоторое время, чтобы переговорить съ Барклаемъ; когда онъ отъѣхалъ, Барклай сказалъ мнѣ:

— Этотъ человѣкъ все испортитъ,—онъ завистливъ. Самолюбіе заставляетъ его думать, что онъ одинъ способенъ давать сраженія и вести ихъ съ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, онъ талантливъ, но онъ готовъ употреблять свои способности только для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе; къ великому, священному дѣлу онъ равнодушенъ. Я считаю его присутствіе въ арміи настоящимъ бѣдствіемъ. Кутузовъ раздѣляетъ мое мнѣніе. Увидимъ, какъ онъ выполнитъ движеніе кавалеріи на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, на которое я рассчитываю, чтобы двинуться впередъ со всѣми моими резервами. Это должно нанести непріятелю рѣшительный ударъ.

Съ высоты, на которой мы стояли, мы могли видѣть, какъ было выполнено это движеніе: либо отданныя приказанія не отличались особенной точностью, либо генералъ, которому было поручено произвести этотъ маневръ, не былъ на высотѣ этого дѣла, какъ бы то ни было, движеніе было выполнено весьма неискусно. Генералъ Уваровъ, руководившій имъ, выказалъ себя человѣкомъ малоспособнымъ.

Движеніе этой массы кавалеріи и многочисленной конной артил-

лерія, которая отдыхала цѣлый день и не была потревожена ни однимъ пушечнымъ ядромъ, совершалось съ поразительной медленностью. Впереди шла длинная цѣпь фланкеровъ, и кавалерія, вмѣсто того, чтобы идти въ атаку съ тою стремительностію, которая составляетъ ея силу подвигалась какъ бы ошупью, какъ будто говоря неприятелю «берегись!» Несмотря на то, что этотъ маневръ совершался такъ медленно и методично, Наполеонъ былъ сильно имъ встревоженъ и немедленно пріостановилъ наступательное движеніе, начатое по его приказанію. Мы могли бы достигнуть совершенно иныхъ результатовъ, если бы этой кавалеріей, долженствовавшей обойти лѣвый флангъ неприятеля, командовалъ кто-либо въ родѣ Васильчикова, Палена, Ламберта, Чернышева.

Возвращаясь къ генералу Уварову: движеніе, произведенное имъ, не удалось и лишило насъ возможности перейти въ наступленіе. Впрочемъ, оно принесло косвенно нѣкоторую пользу: наступательное движеніе неприятеля было пріостановлено, и мы могли вздохнуть.

На нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ дѣла приняли другой оборотъ. Самые лучшіе генералы были ранены. Гренадерскій корпусъ графа Воронцова, съ успѣхомъ отражавшій нападеніе неприятеля, понесъ значительный уронъ: самъ графъ былъ раненъ.

Та же участь постигла князя Багратиона и генерала Тучкова 1-го: они умерли отъ полученныхъ ими ранъ. Тучковъ 2-й былъ убитъ наповаль.

Хотя мы нѣсколько подались на лѣвомъ и на правомъ флангѣ и даже въ центрѣ, но ни одной пяди земли еще не было нами потеряно. Но лишь только Наполеонъ убѣдился, что большое движеніе совершенное нашей кавалеріей противъ его лѣваго крыла, было не болѣе какъ слабой демонстраціей, онъ тотчасъ же перешелъ снова въ наступленіе и рѣшилъ занять вновь холмъ и большую батарею, потерянные имъ по утру.

Къ сожалѣнію, это движеніе было совершено весьма удачно. Онъ овладѣлъ батареями, при чемъ генераль Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ и вся его дивизія была уничтожена. Всѣ, коимъ удалось уйти отъ этой бойни, искали спасенія въ оврагъ, надъ которымъ пролетали ядра и картечь неприятеля, не задѣвая ихъ. Барклай послалъ меня туда съ приказаніемъ, чтобы они оставили оврагъ; но я увидѣлъ съ грустью, что уже ничто не могло воодушевить этихъ людей: они слишкомъ много пострадали, упали духомъ и предпочитали умереть въ этой западнѣ, нежели попытаться выйти изъ нея. Я оставилъ ихъ въ оврагѣ; не знаю, какая участь ихъ постигла, такъ какъ вскорѣ появились французы, которые окружили ихъ со всѣхъ сторонъ; мнѣ удалось ускакать только благодаря моей прекрасной лошади.

Я вернулся къ генералу Барклаю и сообщилъ ему эту печальную вѣсть. Потеря большой батареи, повидимому, не особенно огорчила его.

— Это печально,—сказалъ онъ,—но мы возьмемъ ее обратно завтра, а можетъ быть французы покинуть ее сегодня ночью.

Когда французы овладѣли батареей — было уже довольно поздно. Барклай поѣхалъ къ Кутузову, бесѣдовалъ съ нимъ съ четверть часа, затѣмъ отправился на холмъ, близъ Горокъ, т. е. на тотъ самый пунктъ, съ котораго онъ наблюдалъ за дѣйствіями войска въ самомъ началѣ сраженія. При немъ было только три адъютанта: Забревскій, Сеславинъ и я, изъ коихъ двое послѣднихъ были ранены, но могли еще нести свои обязанности; всѣ прочіе были убиты, ранены или потеряли своихъ лошадей; подъ нѣкоторыми было убито по три лошади.

Главнѣйшій Кутузовъ не сходилъ весь день съ мѣста. Наполеонъ точно также оставался все время на одномъ мѣстѣ; не знаю, была ли это простая случайность, или это зависѣло оттого, что ихъ позиціи представляли много сходства.

Эти два великіе полководца рѣшали на этомъ маленькомъ клочкѣ земли судьбу Европы; стоя неподвижно, подобно двумъ маякамъ, они руководили болѣе чѣмъ 400.000 сражающихся, движеніямъ коихъ вторили выстрѣлы изъ 1.200 орудій.

На этомъ холмѣ, возлѣ Горокъ, Барклай сошелъ съ лошади впервые въ этотъ день; изнемогая отъ голода, онъ выпилъ рюмку рома, съѣлъ предложенный ему кусочекъ хлѣба и продолжалъ спокойно слѣдить за дѣйствіями непріятеля, не обращая вниманія на ядра, долетавшія до насъ.

Туманъ, окутавшій вскорѣ поле битвы, прекратилъ сраженіе. Настала полнѣйшая тишина. Тогда только мы могли хладнокровно обсудить событія этого достопамятнаго дня. Никто изъ насъ не считалъ въ душѣ этого сраженія проиграннымъ. Трофеи съ той и другой стороны были одинаковы. Правда, главная батарея (Раевского) была въ рукахъ непріятеля, но Барклай не терялъ надежды взять ее обратно на слѣдующій день точно такъ же, какъ овладѣть снова мѣстностью, потерянной нами наканунѣ на крайномъ лѣвомъ флангѣ, совершивъ съ этой цѣлью наступательное движеніе. Наши войска понесли огромныя потери; но начальникомъ штаба, Ермоловымъ, были приняты мѣры къ тому, чтобы эти потери были не слишкомъ чувствительны для арміи. Позади линій войска были поставлены вновь прибывшіе изъ Москвы ополченцы, которымъ было поручено переносить раненыхъ съ поля битвы; вслѣдствіе чего солдаты, всегда готовые заняться этимъ дѣломъ, были вынуждены вернуться къ своимъ баталіонамъ.

Хотя потери, понесенныя нами людьми и лошадьми, были огромны, но ихъ можно было пополнить, тогда какъ потери французской арміи

были непоправимы; особенно пагубна для Наполеона, какъ это показали послѣдствія, была дезорганизація его кавалеріи. Бородинская битва довершила, то, что Мюрату не удалось испортить, гоня кавалерію на смотры по большимъ дорогамъ.

Съ наступленіемъ ночи, Кутузовъ удалился съ поля битвы и пригласилъ къ себѣ Барклая. Послѣдній, съ тою заботливостію съ какою онъ относился къ окружающимъ, когда его вниманіе не было поглощено серіозными соображеніями, приказалъ мнѣ пойти почиститься и переодѣться. Во время сраженія онъ не обращалъ никакого вниманія на то, кого убивали или ранили возлѣ него. Онъ былъ всегда спокоенъ и невозмутимъ.

Быть можетъ, Барклай не былъ выдающимся стратегомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ прекраснѣйшимъ боевымъ генераломъ. Кутузовъ это зналъ, поэтому онъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій.

Мы были увѣрены, что сраженіе возобновится на слѣдующій день; каждый изъ насъ растянулся на солонѣ, вполне убѣжденный въ томъ, и каждый хотѣлъ подкрѣпиться къ завтрашнему дню. Поэтому велико было наше удивленіе, когда на разсвѣтѣ было отдано приказаніе отступить.

Отступление было совершено въ порядкѣ, безъ малѣйшей торопливости; непріятельская кавалерія начала преслѣдовать насъ только въ десять часовъ утра; но преслѣдовала настолько вяло, что мы останавливались вездѣ, гдѣ считали это нужнымъ.

Такъ какъ причины, заставлявшія главнокомандующаго продолжать отступление и оставить поле битвы, бывшее все еще въ нашей власти, относятся къ области серіозныхъ военныхъ вопросовъ, то я не буду разсматривать ихъ здѣсь, но скажу съ полнымъ убѣжденіемъ, что если побѣда ускользнула отъ насъ, то и непріятель не могъ приписать ее себѣ и что только отступление, совершенное нами на другой день, дало ему нѣкоторыя преимущества.

Русское войско исполнило свой долгъ, оно сражалось великогѣпно. Многіе изъ нашихъ генераловъ выказали въ этотъ день выдающіяся способности; нѣкоторые изъ нихъ могли безъ сомнѣнія быть поставлены наравнѣ съ лучшими генералами Наполеоновской арміи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

(Матеріалы для его біографіи).

**Всеподаннѣйшій рапортъ великаго князя Константина Павловича 21-го
іюля 1826 года № 13. Варшава.**

Вашему императорскому величеству отъ 7-го сего іюля изъ города Бреста-Литовскаго всеподаннѣйше доносилъ я о полученномъ мною отъ варшавской секретной полиціи донесеніи, что прибылъ изъ-за границы служившій лейбъ-гвардіи въ Гусарскомъ полку ротмистръ Чаадаевъ, бывшій адъютантъ при генераль-адъютантѣ Васильчиковѣ; что спѣшить онъ ѣхать изъ Варшавы въ Москву, и что въ бытность мою прошлаго года въ Карльсбадѣ, я видѣлъ его тамъ, и узналъ, что онъ жилъ въ большихъ связяхъ съ тремя братьями Тургеневыми, а наиболѣе изъ нихъ, такъ сказать, душа въ душу съ Николаемъ Тургеневымъ. Поступивъ же лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ изъ прежняго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, (онъ) былъ посланъ къ покойному государю императору въ Троппау съ донесеніемъ о случившемся происшествіи въ ономъ (Семеновскомъ) полку и о которомъ его императорское величество изволилъ отозваться съ весьма невыгодной стороны.

По симъ причинамъ, я также приказывалъ брестъ-литовскому пограничному почтмейстеру и начальнику тамошняго таможеннаго округа, по обязанности ихъ, осмотрѣть все, что есть у означеннаго ротмистра Чаадаева, коль скоро онъ прибудетъ въ Брестъ, и что только подозрительнаго окажется представить мнѣ. Между тѣмъ, онъ, Чаадаевъ, по приключившейся ему легкой болѣзни, оставался въ Варшавѣ, и я, по возвращеніи моемъ сюда, нашелъ его еще здѣсь, но ничего такого противъ него не предпринималъ, что бы могло подать ему мысль, что его подозрѣваютъ, а только учрежденъ былъ за нимъ одинъ секретный

надзоръ, по коему ничего особеннаго въ поступкахъ его подозрительнаго не оказалось. И такъ, онъ выѣхалъ въ Брестъ.

Тамъ пограничный почтмейстеръ и начальникъ таможеннаго округа исполнили мое приказаніе осмотромъ всего, что при немъ было и какъ нашли разныя непозволительныя книги и подозрительныя бумаги, то оныя представили ко мнѣ, а его оставили въ Брестѣ подъ надзоромъ.

По разсмотрѣніи здѣсь оныхъ бумагъ, оказываются особенно изъ двухъ къ нему, Чаадаеву, писемъ, слѣды связи его съ Николаемъ Тургеневымъ, съ Муравьевыми и княземъ Трубецкимъ, тѣми, которые извѣстны въ возмущеніи; также заслуживаютъ особаго вниманія стихи, подъ названіемъ: «Смерть», въ коихъ упоминается о Зангѣ, рекомендательное письмо англичанина Коока, обнаруживающее предметъ поѣздки Чаадаева въ Англію, и патентъ масонской верховной, и какъ видно российской въ С.-Петербургѣ логи, по коему принять въ общество тайныхъ бѣлыхъ братій и возведенъ въ восьмую степень.

Выписку изъ всѣхъ найденныхъ при немъ бумагъ и оригиналомъ выше означенныя письма, масонскій патентъ и каталогъ книгамъ *) на высочайшее вашего императорскаго величества благосозволеніе всеподданнѣйше представляя, осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія, какъ поступить съ ротмистромъ Чаадаевымъ, котораго до высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія приказалъ я изъ Бреста-Литовскаго не выпускать и имѣть за нимъ секретный полицейскій надзоръ.

26-го августа 1826 года отставной лейбъ гвардіи Гусарскаго полка ротмистръ Петръ Яковлевъ Чаадаевъ, въ присутствіи капитанъ-командора Колзакова, показалъ:

Службу оставилъ 29-го марта 1821 года. Побудительныхъ причинъ не имѣлъ никакихъ, кромѣ домашнихъ обстоятельствъ.

Вопросъ. При выходѣ въ отставку, имѣли ли уже намѣреніе отправиться за границу?

Отвѣтъ. Хотя и не могу сказать, что будучи въ службѣ никогда не помышлялъ ѣхать въ чужіе края, но таковая мысль ни малѣйшаго не имѣла вліянія на оставленіе мною службы, чему можетъ служить доказательствомъ то, что я прожилъ по выходѣ въ отставку еще два года въ Россіи, частію въ Москвѣ, частію въ имѣніи тетки моей княгини Щербатовой.

Съ Николаемъ Тургеневымъ и съ Якушкинымъ учился вмѣстѣ въ Московскомъ университетѣ; съ полковникомъ княземъ Трубецкимъ Матвѣемъ Муравьевымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ, познакомился служба

*) Всѣ эти бумаги были вновь возвращены великому князю Константину Павловичу и, отданы ли Чаадаеву, не извѣстно; мы ихъ не видѣли. Н. Д.

въ Семеновскомъ полку, а черезъ нихъ и съ Никитою Муравьевымъ, ихъ родственникомъ. Въ Семеновскомъ полку продолжалъ свое знакомство и съ Якушкинымъ.

Съ Якушкинымъ видался нѣсколько разъ въ бытность свою въ Москвѣ по выходѣ въ отставку; связь моя съ нимъ продолжалась и во время путешествія моего по чужимъ краямъ. Въ Римѣ получилъ отъ него письмо, въ отвѣтъ на мое письмо, писанное изъ Милана. Кромѣ сношеній дружбы никакихъ и ни въ какое время съ нимъ не имѣлъ. Съ Матвѣемъ и Никитою Муравьевыми, съ княземъ Трубецкимъ и съ Николаемъ Тургеневымъ видѣлся въ С.-Петербургѣ передъ отъѣздомъ своимъ за границу. Съ первыми послѣ того не имѣлъ никакихъ болѣе сношеній; съ Тургеневымъ же видѣлся въ Римѣ и въ Карльсбадѣ и получилъ отъ него, въ продолженіе пребыванія своего за границею, два письма.

Вопросъ. Въ одномъ изъ писемъ Николая Тургенева, писанномъ къ вамъ изъ Неаполя 14-го (26-го) февраля 1825 года, изъяснены слѣдующія слова: «каждое письмо изъ С.-Петербурга, какъ бы оно бѣдно ни было въ извѣстїи о томъ, что тамъ дѣлается, наводитъ на меня тяжелую грусть; живя тамъ, мы ко всему присмотрѣлись, но здѣсь неистовство, глупость сильно поражаютъ»,—къ чему именно сіи слова относятся и какая мысль въ оныхъ заключается?

Отвѣтъ. Зная совершенно положеніе Николая Тургенева по службѣ, не могу ничего другаго сказать на счетъ сихъ словъ, какъ, что служа въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта, имѣлъ онъ случай знать обо всѣхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, чинимыхъ въ Россіи, что производило въ немъ сильное всегда негодованіе. Кромѣ того много думалъ онъ о положеніи крестьянъ въ Россіи, безпрестанно объ этомъ предметѣ помышлялъ. Посему увѣренъ, что слова его въ письмѣ ко мнѣ относятся до сихъ предметовъ. Что же касается до послѣднихъ словъ неистовство и глупость, то не могу сказать, что онъ подъ нами понималъ.

Вопросъ. По знакомству вашему съ вышеупомянутыми лицами, которыя въ послѣдствіи времени оказались всѣ участвовавшими въ извѣстныхъ происшествіяхъ въ Россіи, не замѣтили ли вы въ разговорахъ съ ними, или между ими или же изъ поступковъ ихъ, что-либо такое, что-бы могло возбудить подозрѣніе объ ихъ злоумышленныхъ предпріятіяхъ?

Отвѣтъ. Хотя по знакомству моему съ ними, зналъ ихъ образъ мыслей и политическое вольнодумство, простиравшееся у многихъ до весьма высокой степени, но никакихъ причинъ не имѣлъ заключить о ихъ тайныхъ видахъ, преступныхъ и безумныхъ намѣреніяхъ.

Вопросъ. Кто сочинилъ имѣющіеся между бумагами вашими стихи, подъ названіемъ «Смерть» и другіе относящіеся къ Занту?

Отвѣтъ. Какъ стихи подъ заглавіемъ «Смерть» и другіе о Зантѣ, равно какъ и прочіе отрывки стиховъ, тутъ же находящіеся, сочинены извѣстнымъ стихотворцемъ Пушкинымъ.

Вопросъ. Были ли оныя стихи напечатаны и опубликованы въ Россіи или другомъ мѣстѣ?

Отвѣтъ. Сколько мнѣ извѣстно, оныя стихи никогда не были напечатаны, но были весьма извѣстны въ Россіи и находились во всѣхъ рукахъ. Получилъ я оныя стихи за границею въ Швейцаріи отъ адъютанта покойнаго генералъ-адъютанта Уварова князя Щербатова. Не обращая никакого вниманія на ихъ содержаніе, сохранилъ ихъ единственно у себя за достоинство ихъ въ литературномъ смыслѣ.

Вопросъ. Между бумагами вашими находится рекомендательное письмо англичанина Коока къ пріятелю своему Марріоту, въ Лондонѣ, въ коемъ онъ пишетъ, что вы ѣдете въ Англію для изслѣдованія нравственныхъ причинъ благоденствія того края, дабы ввести оныя, буде можно, въ Россію. Кто таковъ англичанинъ Коокъ и какія именно причины нравственнаго благоденствія предполагали вы изслѣдовать въ Англіи?

Отвѣтъ. Англичанинъ Куокъ извѣстный миссіонеръ. Я познакомился съ нимъ во Флоренціи при проѣздѣ его изъ Іерусалима во Францію. Такъ какъ всѣ его мысли и весь кругъ дѣйствій обращены были къ религіи, то всѣ разговоры мои съ нимъ относились до сего предмета. Благоденствіе Англіи приписывалъ онъ всеобще распространенному тамъ духу вѣры. Я же съ своей стороны говорилъ ему съ горестію о недостаткѣ вѣры въ народѣ русскомъ особенно въ высшихъ классахъ. По сему случаю, далъ онъ мнѣ письмо къ пріятелю своему въ Лондонѣ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ познакомить меня болѣе съ нравственнымъ расположеніемъ народа въ Англіи. Такъ какъ я въ Англіи послѣ того не былъ, то и письмо это осталось у меня, а съ Куокомъ и съ Марріотомъ никакого послѣ того не имѣлъ сообщенія и даже о нихъ ничего не слыхалъ.

Вопросъ. Большая часть книгъ вашихъ касается религіи. Какія причины побуждаютъ васъ заниматься болѣе этою частію наукъ, какъ другими?

Отвѣтъ. Изъ давняго времени прежде выѣзда за границу занимался я христіанскою литературою, не имѣя при томъ никакого другаго вида какъ умноженіе познаній своихъ насчетъ религіи и укрѣпленія своего въ вѣрѣ христіанской. Въ Россіи имѣю значительное собраніе книгъ по сей части; въ бытность свою въ Дрезденѣ, старался увеличить сколько могъ оное собраніе.

Какія именно сочиненія запрещено ввозить въ Россію, мнѣ не извѣстно. Живши же въ Россіи, часто выписывалъ книги изъ чужихъ краевъ и съ дозволенія цензуры, объявивъ, что для собственнаго употребленія, выписываю книги, обыкновенно получалъ всё безъ изыятія, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ содержались личныя клеветы насчетъ царской фамиліи. Въ сихъ же книгахъ, полагаю, ничего такого не находится, но такъ какъ всёхъ ихъ еще не прочелъ, то увѣрительно сказать не могу.

Вопросъ. Вы находясь еще въ Россіи въ 1822 году, когда по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію уничтожены всё масонскія ложи, и требовались только о принадлежности или непринадлежности къ масонству подписки, давали ли отъ себя такую подписку и кѣмъ она отъ васъ требовалась?

Отвѣтъ. Сколько припомню, таковыя подписки требовались только отъ служащихъ военныхъ и гражданскихъ лицъ. Я же, находясь тогда въ отставкѣ, отъ меня не было требовано, слѣдственно я таковой никому не давалъ.

Вопросъ. Имѣли ли съ того времени какое-либо сношеніе съ масонскими ложами, съ какими именно, и въ чемъ оно заключалось?

Отвѣтъ. Не токмо со времени запрещенія, но и гораздо прежде я всякое сношеніе съ масонскими ложами пресѣкъ, по собственному удостовѣренію, что въ ономъ ничего не заключается могущаго удовлетворить честнаго и разсудительнаго человѣка. Съ ложею же, къ которой принадлежалъ, «Соединенныхъ братьевъ» (amis réunis), пресѣкъ совершенно свои сношенія въ то время, какъ по отставкѣ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, на что и долженъ былъ сохраниться въ дѣлахъ оной ложи документъ, моею рукой писанный. Въ оной бумагѣ изъясвилъ, что я съ той ложею никакого впредь сношенія имѣть не намѣренъ.

Вопросъ. Существуетъ ли еще въ С.-Петербургѣ или другомъ мѣстѣ Россіи ложа, къ которой вы принадлежали и отъ коей имѣется у васъ грамота на восьмую степень, подъ тѣмъ ли самымъ существуетъ она названіемъ, что прежде или подъ другимъ, подъ какимъ именномъ и что вамъ вообще нынѣ объ оной ложѣ извѣстно?

Отвѣтъ. Прекративъ съ давняго времени всё сношенія съ масонскимъ орденомъ, не имѣю никакого свѣдѣнія ни о той ложѣ, къ которой принадлежалъ, ни о прочихъ. Полагаю, судя по мѣрамъ, принятымъ правительствомъ на счетъ масонства, что оной ложѣ болѣе не существуетъ.

Вопросъ. Была ли какая-либо разница между закрытою ложею тайныхъ бѣлыхъ братьевъ св. Іоанна или ордена Иисуса Христа, коей вы были членомъ, и другими масонскими ложами и въ чемъ таковая разница заключалась?

Отвѣтъ. Закрытая ложа тайныхъ бѣлыхъ братьевъ принадлежала

къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому. Названіе же тайныхъ бѣлыхъ братьевъ присвоено одной восьмой степени. Первые три масонскія степени извѣстны подъ именемъ Іоанновскаго масонства, слѣдующія три выбрелевскаго (или востелевскаго, трудно разобрать въ рукописи), седьмой же и восьмой имѣютъ особенное названіе.

Вопросъ. Не принадлежали ли вы въ Россіи или за границею къ какимъ-либо другимъ тайнымъ обществамъ, гдѣ и подъ какимъ названіемъ оныя существовали и какая была ихъ цѣль и не знали ли вы о существованіи подобныхъ обществъ, хотя бы сами къ онымъ не принадлежали?

Отвѣтъ. Ни къ какому тайному обществу никогда не принадлежалъ. Мнѣніе мое вообще о тайныхъ обществахъ видѣть можно изъ находящейся въ бумагахъ моихъ рѣчи о масонствѣ, писанной мною еще въ 1818 году, гдѣ ясно и осязательно выразилъ мысль свою о безумствѣ и вредномъ дѣйствіи тайныхъ обществъ вообще. О существованіи тайныхъ обществъ въ Россіи не имѣлъ другаго свѣдѣнія, какъ по общимъ слухамъ. О названіяхъ же ихъ и цѣли никакого понятія не имѣлъ и какія лица въ нихъ участвовали, не зналъ».

Послѣ этого допроса Петръ Яковлевичъ Чадаевъ былъ отпущенъ на свободу, но московскому военному генералъ-губернатору было поручено имѣть за нимъ бдительный надзоръ.

Сообщилъ Н. Д.

Изъ записокъ стараго преображенца.

1851 г.

X ¹⁾.

Генералъ Сумароковъ и принятія имъ мѣры къ развитію стрѣлковаго дѣла въ войскахъ.—Выходъ въ Зимнемъ дворцѣ 1-го января.—Князя Волконскій и Чернышевъ, графъ Пазенъ, князь Меншиковъ и его остроты.—Андреевскіе кавалеры.—Графъ Красинскій.—Занятія офицеровъ.—Ученья, разводы и парады.—Отправленіе отряда въ Москву для празднованія 25-ти-лѣтія со дня коронованія Николая I.

Въ 1851 году выдѣляется фактъ, почти никѣмъ не замѣченный, но чрезвычайно знаменательный. Одинъ изъ высшихъ гвардейскихъ начальниковъ пытается поставить военное обученіе на ту военно-практическую почву, какую, впоследствии, подготовила Крымская война. Этотъ начальникъ былъ Сергій Павловичъ Сумароковъ. Первоначальная карьера его мнѣ не извѣстна. Знаю только, что въ 1812 году онъ служилъ уже во фронтѣ, въ началѣ 1820 годовъ находился въ отставкѣ и вновь поступилъ на службу въ 1826 году, во время коронаціи. Какъ одинъ изъ лучшихъ артиллеристовъ своего времени, онъ долгое время состоялъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, былъ его любимцемъ и вліятельнымъ дѣятелемъ въ усовершенствованіи артиллеріи. Великій князь сказалъ разъ: «L'artillerie roule sur deux roues!» (sur deux roues,—на двухъ рыжихъ), намекая на себя и на Сумарокова. Карьера этого генерала еще болѣе упрочилась въ польскую войну

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1900 г.

1831 года, когда гвардія, подъ начальствомъ Михаила Павловича, двинулась на помощь главной арміи.

Впослѣдствіи, онъ командовалъ гвардейскою артиллеріею и, послѣ кончины Михаила Павловича, былъ назначенъ начальникомъ гвардейской пѣхоты. Въ этомъ званіи онъ былъ и въ 1851 году и въ маѣ мѣсяцѣ написалъ въ приказѣ, чтобы офицеры занимались глазо-мѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній ¹⁾, а въ іюнѣ предварилъ, что въ лагеряхъ онъ будетъ смотрѣть стрѣльбу съ неопредѣленныхъ дистанцій ²⁾. Но эти одиночныя, робкія попытки разумнаго боеваго обученія были преждевременны и безсильны. Почва не была нисколько подготовлена. Легко сказать: стрѣляйте на неопредѣленные разстоянія. Но изъ какихъ ружей? Вотъ что требовалъ одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ Сумарокова, начальникъ 1-й дивизіи Моллеръ, на своихъ инспекторскихъ смотрахъ:

«Начальникъ дивизіи замѣтилъ, что оружіе 5-й роты (Преображенской) представлено не въ томъ щегольскомъ видѣ, въ какомъ его превосходительство привыкъ видѣть въ полку».

Это обстоятельство поставлено на видъ баталіонному командиру, а ротному—сдѣланъ строгій выговоръ ³⁾. Моллеръ требовалъ, чтобы ружья старательно чистились наждакомъ, и строго выговаривалъ, если, напримѣръ, затравка не была буквально разсверлена и выполирована чистою. Ружейные приемы и небрежное обращеніе солдатъ съ ружьями еще болѣе портили ихъ. Они съ размаху ударяли ими объ землю на ученьяхъ, особенно когда люди сильно уставали. Въ той же мѣрѣ какъ безопасно чистили снаружи, такъ же безопасно запускали ружья внутри. Внутренность ствола ржавѣла, а ржавчина выѣдала ямки (раковины) все потому, что начальство смотрѣло, да и могло смотрѣть только на внѣшность. А чтобы видѣть внутренность ствола, надобно было развинтить казенный винтъ, а это дѣлалось разъ въ годъ, особо командированнымъ артиллерійскимъ штабъ-офицеромъ, и не на инспекторскихъ смотрахъ, а на домашнихъ. Нельзя не пожелать, чтобы нашелся военный человѣкъ или историкъ и взялъ бы на себя кропотливый трудъ выискать, разсмотрѣть и опубликовать донесенія этихъ господъ штабъ-офицеровъ артиллерійскому департаменту. На мой взглядъ на нихъ падаетъ большая доля отвѣтственности въ тогдашнемъ застоѣ стрѣлковаго дѣла. Если бы они правдиво и вѣрно доносили о тогдашнемъ положеніи ружей, нельзя ни на минуту сомнѣваться, что реформа въ

¹⁾ Приказъ по полк. 19-го мая 1851 г.

²⁾ То же 1-го іюня 1851 г.

³⁾ Приказъ П. полк. 4-го мая 1850 г.

обученіи стрѣльбѣ наступила бы гораздо ранѣе и своевремениѣе. Нельзя не упрекнуть и генерала Сумарокова именно потому, что онъ былъ артиллеристъ и даже одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ въ Россіи. Какимъ же образомъ нашло на него наитіе приказать стрѣлять на неопредѣленные разстоянія и никогда не приходило на мысль заставить при себѣ развинтить казенную часть ружей и посмотреть на свѣтъ стволы. Вѣдь онъ бы убѣдился наглядно, что не только на неопредѣленные, но даже и на отмѣренные, короткія дистанціи изъ такихъ ружей невозможно было попасть даже и въ огромную неподвижную мишень. А при личномъ вліяніи Сумарокова, при его очевидномъ желаніи быть практически полезнымъ дѣлу, какое послѣдствіе могло бы имѣть для войска подобное открытіе! Скажу еще разъ, что Сумароковъ, какъ артиллеристъ и боевой офицеръ, далеко превосходилъ и знаніемъ и опытомъ всѣхъ тогдашнихъ гвардейскихъ генераловъ, не говоря уже о томъ, что онъ былъ богатый и слѣдовательно независимый отъ службы чловѣкъ и пользовался расположеніемъ и довѣріемъ государя и всей царской фамиліи, не исключая императрицы Александры Ѳеодоровны.

Сумароковъ былъ чрезвычайно взыскателенъ по службѣ, особенно съ офицерами. Онъ былъ небольшого роста, ходилъ нѣсколько согнувшись и съ тростью. Сѣдоватый паричекъ или накладка придавали особый типъ его лицу, очень схожему впрочемъ съ существующими портретами Фридриха II-го. Офицеры не любили Сумарокова и называли его «Куницею». Зато солдаты очень къ нему благоволили за то, что онъ заглядывалъ на кухню и ограждалъ ихъ отъ произвола ближайшихъ начальниковъ. Расположеніе ихъ сейчасъ можно было замѣтить по балагурству. Я помню, разъ на ученьѣ, въ рядахъ послышался одобрительный говоръ, какъ только вдали показался Сумароковъ верхомъ; хвалили за то, что молодцомъ сидитъ на лошади. Онъ ѣздилъ хорошо, но уже не такъ, чтобы возбудить восторгъ однимъ своимъ появленіемъ. Но у русскаго солдата свой взглядъ на вещи: у него чловѣкъ «не похорошу миль, а по-милу хорошъ!» Безспорно только то, что Сумароковъ имѣлъ лучшія намѣренія, понималъ военное дѣло какъ слѣдуетъ и желалъ полезныхъ реформъ. Но онъ былъ одинъ въ полѣ воинъ, и мы уже видѣли, какого содѣйствія онъ могъ ожидать отъ своихъ главныхъ сотрудниковъ, начальниковъ дивизій.

Помышляя о реформахъ, Сумароковъ пожелалъ, между прочимъ, убѣдить офицеровъ, что значеніе караульной службы не ограничивается однимъ высказываніемъ на платформу при видѣ начальника, а главное дѣло—въ точномъ охраненіи и соблюденіи всего ввѣреннаго караульному начальнику и проч. Вслѣдствіе того былъ написанъ соответственный приказъ по корпусу, но онъ увлекся риторикою и поставилъ намъ въ образецъ «древнихъ грековъ и римлянъ!» Это смѣшеніе по-

*

нятій о караульной службѣ классическихъ республиканцевъ съ нашимъ уставомъ о службѣ въ гарнизонѣ и съ практикою усыпительныхъ и изнурительныхъ карауловъ было дотога комично, что приказъ возбуждалъ всеобщее и дружное посмѣяніе. Расходясь по карауламъ, гг. офицеры только подтрунивали и говорили другъ другу: «Ну, какъ же ты намѣренъ караулить: по-гречески или по-римски?» Сами полковники, дежурные по карауламъ, не могли удержаться, чтобы не сказать: «надѣюсь, господа, что вы классически отстоите!» Стѣны офицерскихъ карауловъ обогатились новыми надписями, какъ на примѣръ: «Братья! помните древнихъ грековъ и римлянъ и благоговѣйте передъ ихъ штаба начальникомъ!» Такимъ образомъ приказъ о службѣ въ гарнизонѣ не принесъ пользы. Стрѣльба съ неопредѣленныхъ дистанцій кончилась тоже ничѣмъ.

Въ 1851 г. весною стрѣляли четыре раза; въ лагеряхъ,—всего десять разъ. Смотровъ было въ лагеряхъ три, каждый разъ стрѣляла одна рота, выбранная по жребію. Кромѣ того осенью было два смотра на Семеновскомъ плацу. На смотръ были выведены по 2 унтеръ-офицера и по 20 человекъ съ каждой роты. Все это было очень обыкновенно и рутинно, и попытка Сумарокова, въ этомъ направленіи, не удалась.

Вообще, въ 1851 году все рѣшительно осталось по-прежнему. Кажется, меньше всего думалъ о реформахъ командиръ Преображенскаго полка. Онъ началъ 1851 годъ съ того, что уѣхалъ въ отпускъ на 28 дней да потомъ взялъ еще отсрочку. Впрочемъ, надобно признаться, что служба была дотога тягостна, что всякій, кто только могъ, при удобномъ случаѣ просился въ отпускъ. Въ началѣ іюня девять офицеровъ получили отпускъ къ разнымъ минеральнымъ водамъ. И въ самомъ дѣлѣ позволительно было отдохнуть и запасть новыми силами. Вѣдь даже по праздникамъ почти никогда покою не было. Да полно такъ ли? Я самъ пережилъ все, что здѣсь описываю, и самъ не вѣрю теперь тому, что пишу. Ужъ не сгустилъ ли краски? Положимъ, въ будни досуга было мало, но въ праздники, или на примѣръ великій постъ, когда и увеселенія-то почти всѣ прекращались, неужели не было времени поразмыслить, почитать, поговорить о чемъ-нибудь дѣльномъ или, хотя бы, просто отдохнуть? А вотъ посмотримъ. Лучше переберу еще одинъ годъ по всѣмъ мѣсяцамъ, припомню на этотъ разъ прежде всего праздники, да вотъ кстати и начну съ новаго 1851 года. Но въ этотъ день досугъ былъ плохой. 1-го января всегда бывалъ выходъ во дворцѣ и для насъ все утро,—до 2-хъ часовъ по полудни—было потеряно. Кстати опишу большой выходъ того времени. Официальная обстановка, конечно, была та же, что и теперь, съ тою только разницею, что изъ военныхъ приглашались всѣ генералы и офицеры гвардіи, а изъ армейскихъ

только генералы и штабъ-офицеры. Когда церемоніймейстеры начинали шикать и стучать жезлами объ полъ, это значило, что процессія двинулась, и тутъ представлялось зрѣлище, какого я съ тѣхъ поръ никогда болѣе не видѣлъ да и не увижу. Когда проходили гофъ-фурьеры и передъ ними скороходы, открывавшіе шествіе, всѣ головы присутствующихъ обращались къ двери съ любопытствомъ и съ напряженнымъ ожиданіемъ. Съ нетерпѣніемъ желали мы, какъ бы скорѣе прошла нескончаемая вереница камеръ-юнкеровъ и камергеровъ, шедшихъ попарно, фрейлинъ, дамъ пріѣзжихъ ко двору и статсъ-дамъ. Кажется, никогда не случалось мнѣ видѣть такого огромнаго числа всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, какъ было при Николаѣ I-мъ. Но вотъ появились, наконецъ, первые чины двора. Оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ, по вѣншности замѣчательный тѣмъ, что симпатичная, добродушная улыбка, но вовсе не натянутая, никогда не сходила съ его лица. Лицо было зеркало души, и графъ, не переставая быть царедворцемъ, не переставалъ быть вельможею, что, какъ извѣстно, далеко не одно и то же. Тутъ же шли графъ Рибопьеръ, оберъ-камергеръ графъ Головкинъ, гофмаршалъ графъ Шуваловъ и проч. Наконецъ позади всѣхъ, одинъ одинехонекъ и сейчасъ же впереди царской фамиліи, медленно двигался, опираясь на жезлъ, осыпанный брилліантами, министръ двора, князь П. М. Волконскій. Этотъ видѣлъ уже тогда четыре царствованія. Воѣмъ было извѣстно, что уже при Павлѣ I-мъ Волконскій былъ семеновскимъ офицеромъ, а при Александрѣ Павловичѣ начальникомъ Главнаго штаба, другомъ и постояннымъ спутникомъ государя, свидѣтелемъ его послѣднихъ минутъ. Можно, поэтому, представить себѣ, что всѣ глаза останавливались съ почтеніемъ на этомъ низенькомъ, сѣдомъ, плотно выстриженнымъ подъ гребенку, старичкѣ, съ умными глазами и не по лѣтамъ бодромъ. Но заглядываться на него не было времени, такъ какъ вслѣдъ за нимъ шелъ императоръ Николай I-й съ императрицею Александрою Ѳеодоровною. Описывать ли ихъ портреты? Не довольно ли сказать: что даже иностранцы, глядя на Николая Павловича, говорили: «*c'est un colosse ideal!*» «Богатырь, богатырь!»—восторженно твердилъ простой народъ: «Орелъ!»—говорили солдаты. Исполинскій ростъ, красота и величіе государя и всѣхъ лицъ царской фамиліи, безъ исключенія, можно было поистинѣ назвать знаменіемъ времени. Какъ будто верховная воля, управляющая міромъ, олицетворила историческій ростъ и могущество Россіи въ царскомъ родѣ. Императрица Александра Ѳеодоровна имѣла въ молодости большое сходство съ матерью своею, королевою Луизою, прославленной красотою и горькою участью. Но въ 1850 годахъ императрица казалась на видъ гораздо старше, чѣмъ была въ дѣйствительности. Не столько лѣта, сколько болѣзни и нравственныя потрясенія много ее измѣнили. Особенно послѣ

тяжелыхъ дней 14-го декабря она начала страдать сердцебіеніемъ и получила на всю жизнь непрерывное нервное трясеніе головы, а оно придавало ей дряхлый видъ. Но величественная осанка, поступь и слѣды прежней красоты вполнѣ сохранились.

Вслѣдъ за государемъ шелъ великій князь Михаилъ Павловичъ, статный, высокій, серьезный, объ руку съ великою княгинею Еленою Павловною, уже тогда прославленною умомъ, самостоятельностью и умѣньемъ обойтись со всякимъ, кто бы къ ней ни приближался. Далѣе слѣдовалъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, въ то время въ цвѣтѣ лѣтъ, высокій, стройный, съ прекрасными голубыми глазами и съ улыбкою, напоминавшею Александра Павловича. Онъ велъ цесаревну, и у всѣхъ были въ памяти обстоятельства, при которыхъ младшая дочь Дармштатскаго герцога Людовика II сдѣлалась наслѣдницею русскаго престола. Далѣе шли сыновья императора: Константинъ, Николай и Михаилъ, тогда еще очень молодые и всѣ красавцы на подборъ. Замѣчательно, что въ семействѣ императора Николая всѣ его члены представляли два типа. Великій князь Николай Николаевичъ и великія княгини Марія и Ольга унаслѣдовали профиль и черты государя, характеристичныя по античному очертанію лобовой полости, выдававшейся впередъ настолько, что весь профиль какъ будто дорисовывался по продолженію средней ея линіи. Остальныя лица царской фамиліи отличались разительнымъ сходствомъ съ императрицею. Три дочери Николая I-го—Марія, Ольга и Александра были всѣ, по народному выраженію, «писанныя красавицы». Двухъ послѣднихъ недоставало уже въ кортежѣ 1851 года: Ольги, бывшей уже принцессою Виртембергскою ⁴⁾, и Александры, скончавшейся въ цвѣтѣ лѣтъ. Но въ началѣ 40-хъ годовъ онѣ всѣ украшали царскіе выходы, и мужья ихъ, какъ напрімѣръ герцогъ Лейхтенбергскій и принцъ Гессенъ-Кассельскій ⁵⁾, отличались красивою, представительною наружностью такъ же, какъ и братья цесаревны принцъ Дармштатскій, служившій въ то время въ русской службѣ. Я не буду говорить о томъ, что въ процессіяхъ постоянно почти участвовали пріѣзжіе иностранные принцы, такъ какъ императоръ Николай I былъ въ родствѣ съ Нидерландскимъ домомъ и съ династіями

⁴⁾ Въ супруж. съ 1-го іюля 1846 г. съ наслѣд. прин. Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ.

⁵⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ-Георгъ-Адольфъ (впослѣдствіи ландграфъ Гессенскій) † въ октябрѣ 1884 года. Бракосочетаніе состоялось въ Петербургѣ 16-го (28-го) января 1844 г. Великая княгиня Александра Николаевна скончалась 7-мъ мѣсяцевъ спустя послѣ брака 29-го іюля (10-го августа) 1844 г.

всей сѣверной Германіи *) и большей части южной **). Изъ иностранныхъ принцевъ чаще гостили у насъ принцъ Карль прусскій и принцъ Фридрихъ Нидерландскій.

Возвращаясь къ большому выходу, припоминаю, что даже по продолжаніи царской фамилии, глаза не могли оторваться отъ процессіи. Непосредственно послѣ императорской фамилии шли высшіе государственные сановники, но въ то время имена почти всѣхъ ихъ наполняли страницы военной исторіи 1-й половины XIX вѣка. Какъ теперь помню стараго, но очень элегантнаго генерала въ черномъ, какъ смоль, парикъ съ маленькими черными (отъ фабры) усиками и безъ морщинъ, дотога искусно онѣ были разглажены... Этотъ генераль, уже въ ту пору шелъ медленно, не безъ труда передвигая ноги. Кто не зналъ тогда военнаго министра князя Чернышева! Его партизанскія дѣйствія въ 1813 и 1814 г.г. были и въ памяти его современниковъ, и въ книгахъ для потомства. Но борьба его съ временемъ, съ разрушительною рукою старости была не въ примѣръ интереснѣе.

Извѣстно, что морщины на лицѣ не поддаются никакому искусству; изгладить ихъ нѣтъ возможности, и одинъ князь Чернышевъ могъ сказать: «Еврика!» Объ его туалетѣ ходили по городу такіе интересные слухи, что всѣ мы съ сугубымъ любопытствомъ присматривались къ лицу человѣка, съ горстью казаковъ уничтожившаго Вестфальское королевство и взявшаго у французовъ Суассонъ. На этомъ лицѣ было и въ самомъ дѣлѣ что-то вытянутое кверху, очевидно, ненормальное, но морщинъ не было! Рассказывали, что Чернышеву стягивали на макушку кожу со всего лица и завязывали въ пучекъ. Глядя на его лицо, такое сказаніе представлялось не только возможнымъ, но положительно несомнѣннымъ. Далѣе въ кортежѣ шли два Андреевскихъ кавалера, одинъ высокій, сухой старикъ съ благороднымъ, правильнымъ лицомъ и бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, представительно взбитыми на одну сторону; подлѣ него быстро двигался маленькій, сѣденькій, живой старичекъ, съ добрымъ привѣтливымъ выраженіемъ лица. То былъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ, уже въ борьбѣ съ Наполеономъ командовавшій дивизіями и значительно освѣжившій свои лавры въ 1829 и 1831 годахъ въ званіи корпуснаго командира. Другой былъ Михайлъ Леонтьевичъ Шаховской, герой сраженія при Остроленкѣ. Тутъ же шелъ рослый, полный кавалерійскій генераль въ паричкѣ, съ рябымъ, апатичнымъ и нѣсколько надменнымъ лицомъ. И всѣ смотрѣли съ

*) Пруссія, обѣ линіи Мекленбурга, Ольденбургъ, Ганаверъ (черезъ принцессу Альтенбургскую), Гессенъ-Дармштадтъ, Гессенъ-Кассель, Нассау и проч.

**) Баденъ, Виртембергъ, Саксенъ-Веймарнъ, Баварія (черезъ герц. Лейхтенбергскаго) и проч.

почтеніемъ и любопытствомъ на графа Ридигера, уже тогда знаменитаго война, разбившаго поляка Дверницеаго подъ Боремлемъ и заставившаго Гѣргея положить оружіе. Далѣе замѣтенъ былъ самый молодой и самый добрый изъ этихъ знаменитыхъ стариковъ: морской министръ, князь Меншиковъ, впоследствии различно прославленный, въ 1854—1855 годахъ, но въ ту пору еще извѣстный только взятіемъ Анапы въ турецкую войну, а главное, своими остроуміями и каламбурами.

Взяточничество, этотъ ужасный недугъ того времени, Меншиковъ бичевалъ безпощадно. Одинъ высшій сановникъ очень умный, трудолюбивый, но по репутаціи нечистый на-руку, получилъ за труды по какой-то комиссіи табакерку съ портретомъ государя. Меншиковъ отозвался на это: «Практичная награда! Государю давно слѣдовало бы заглянуть П—у въ карманъ, жаль только, что портреты не говорятъ!»

Другой сановникъ, очень вліятельный въ театральномъ мірѣ, но тоже двусмысленной репутаціи, былъ разъ сильно побитъ какими-то изувѣреннымъ театраломъ. Случилось такъ, что вслѣдъ за побитіемъ тотъ же сановникъ получилъ ленту Бѣлаго Орла, какъ извѣстно,—синюю. На выходѣ, Меншиковъ долго пристально осматривалъ награжденнаго вельможу и такъ разсѣянно слушалъ рѣчи его окружавшихъ, что кто-то изъ нихъ сказалъ ему наконецъ:

— Да, что вы все смотрите на Г—ва! Не хотите ли поздравить его съ монаршею милостію?

Меншиковъ отвѣчалъ своимъ обычнымъ вялымъ голосомъ и нѣсколько въ носъ:

— Нѣтъ, я смотрю и думаю: вчера побили, а сегодня уже посягло! Однако, кажется, порядкомъ отдѣлали, вся грудь и спина синяя!

Подтрунивая надъ другими, Меншиковъ умѣлъ отражать стрѣлы, противъ него самого направленные. Онъ былъ въ молодости лейбъ-гусарь и отличный ѣздокъ, и какимъ образомъ попалъ въ моряки, мнѣ рѣшительно не извѣстно. Впрочемъ, въ то время ничему подобному нельзя было удивляться. Помню, что генералъ Перовскій, носившій всегда казачій мундиръ, командовалъ одно время флотомъ; оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода былъ тоже старый лейбъ-гусарь, графъ Протасовъ, а послѣ него—Ахматовъ (изъ кавалергардскихъ полковниковъ). Какъ бы то ни было, но князь Меншиковъ и въ званіи адмирала ѣздилъ великолѣпно, а открывшійся въ то время въ Петербургѣ циркъ Гверры и Лежара пользовался особымъ его покровительствомъ. Случилось, что Меншиковъ ѣздилъ въ Михайловскомъ манежѣ и одна изъ самыхъ блестящихъ красавицъ и наѣздницъ цирка, кажется, сама ш-те Гверра пріѣхала посмотреть на ѣзду въ манежѣ. Адмиралъ пободрилъ своего коня и попытался продѣлать нѣчто въ родѣ высшей

школы, но его англійская кобыла не захотѣла подчиниться такимъ новшествамъ и сбросила своего сѣдока такъ, что онъ больно ушибся о барьеръ и долженъ былъ пролежать дома нѣсколько времени. По выздоровленіи пришлось и Меншикову примѣрить на себѣ злорѣчіе свѣта, въ видѣ сердечныхъ соболѣзнованій:

— Ah, mon prince, quel fatal accident! Je suis ravi de vous voir rétabli... mais dites moi, au nom du ciel, par quel hazard... Vous—si excellent cavalier!..

Адмиралъ перебилъ:

— Quelle question? mais ne savez vous donc pas que madame Guerra y était?

— Ah, vraiment... je ne le savais pas... mais quel rapport cela peut il avoir avec la fatale chute qui nous a tant désespérée?

— Mais c'est simple: quand je vois une jolie femme et une excellente escuyère je tombe à ses pieds.

— Ah... oui... parfaitement... hé, hé, hé... mais le cheval... vous étiez donc à cheval...

— Eh bien, comment voulez vous que mon cheval m'empêche de tomber là ou il me plait. Au contraire c'est une bête intelligente et m'a fait dégringoler bien à propos!')

Эта ловкая отговорка пошла по городу, и соболѣзнованія кончились, потому что Меншиковъ, осмѣявъ себя, обрѣзалъ всѣ попытки. Лучшаго придумать никто не могъ.

Почти всѣ андреевскіе кавалеры того времени имѣли Георгія 2-й или 3-й степени. Это явленіе было дотога общимъ, что удивлялись, если, при голубой лентѣ, не видно было бѣлаго креста. Какъ будто чего недоставало! Многіе изъ этихъ доблестныхъ стариковъ жили по службѣ внутри Россіи, какъ, напримѣръ, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ и преемникъ его князь Щербатовъ,— генералъ-губернаторы

1) — Ахъ, князь, какой несчастный случай! Я восхищенъ видѣть васъ выздоровѣвшимъ... но скажите мнѣ, ради Бога, по какой случайности... Вы—такой превосходный кавалеристъ!..

Адмиралъ перебилъ:

— Что за вопросъ? но развѣ вы не знаете, что m-me Guerra была тамъ?

— Ахъ, правда... я не зналъ... но какое отношеніе это можетъ имѣть къ роковому паденію, которое привело насъ въ такое отчаяніе?

— Но это просто: когда я вижу хорошенькую женщину и хорошую наѣздницу, я падаю къ ея ногамъ.

— Ахъ... да... совершенно вѣрно... хе, хе, хе... но лошадь... вы вѣдь были верхомъ...

— Но какъ же вы хотите, чтобы моя лошадь помѣшала мнѣ упасть тамъ, гдѣ мнѣ нравится. Напротивъ, это животное разумное и заставило меня свалиться (соскочить) очень къ стати!..

въ Москвѣ; тамъ же проживалъ и графъ Петръ Александровичъ Тейхенштейнъ, еще екатерининскій офицеръ и бывший участникомъ всѣхъ войнъ до польской—1831 г. включительно. На югѣ служили Д. Е. Остенъ-Сакенъ, Д. Г. Бибииковъ и графъ Никитинъ, тотъ самый, который, вѣжась, подъ Бородинымъ, отбилъ атаку французской кавалеріи багетными своими конно-артиллеристовъ. Никитинъ былъ рослый, здоровый, очерь бодрый старикъ, хотя уже сутуловатый отъ старости. Онъ служилъ въ солдаты изъ крестьянъ, то-есть былъ, какъ говорилось, «изъ солдатскихъ». Гдѣ-то на югѣ генералъ встрѣтилъ въ обществѣ князя Репнина нигдѣ не служившаго и носившаго бороду, что, въ ту пору, считалось предосудительнымъ. Никитинъ, по патриархальному обычаю, хотѣлъ кольнуть князя Репнина за либерализмъ и сказалъ ему:

— Покойнаго батюшку вашего я знавалъ, да только онъ, помнится, съ бородою не ходилъ.

— Всякое бываетъ,—отвѣчалъ Репнинъ,—вотъ вашъ батюшка ходилъ съ бородою, а за то вы безъ бороды ходите. Чему же тутъ удивляться!

Отъ времени до времени, на выходахъ показывались ветераны, какъ будто вовсе въ Россіи не жили, а все за границею. Напримѣръ, вдругъ появлялся высокій, худощавый старикъ, сѣдой какъ лунь, въ генераль-адъютантскомъ мундирѣ, и всѣ шептали: «Жомини! Жомини!» Но въ то время устарѣлъ уже и онъ и его сочиненія. Славный обломокъ прошедшаго, заброшенный въ новый міръ, казался привидѣніемъ.

Въ другой разъ, неожиданно показывался очень еще маложивой генераль-адъютантъ съ небольшимъ ястребинымъ носомъ и даже не сѣдой, а только съ сильною просѣдою. На немъ была голубая лента, всѣ съ почтеніемъ разступались передъ нимъ и подсказывали другъ другу:

— Это графъ Красинскій! Помните его дѣло при Саммо-Сьеррѣ?

— Какъ не помнить! Во всякой тактикѣ рассказывалось объ этомъ молодецкомъ дѣлѣ, и мы даже любили читать о немъ незаурядъ. Въ 1808 г., во время франко-испанской войны, Наполеонъ со свитою и съ конвоемъ польскихъ уланъ, въ которыхъ и Красинскій служилъ тогда въ качествѣ chef d'escadron, ѣхалъ въ горахъ, какъ вдругъ, на лежащей къ дорогѣ высотѣ, выглянула испанская горная батарея; по направленію къ ней извивалась вверхъ узкая горная тропинка. Батарея сейчасъ же стала привѣтствовать гранатами императорскій поѣздъ. Наполеонъ показалъ на батарею и сказалъ:

— Enlevez moi ça ¹⁾.

Эскадронъ выстроился справа по два, и Красинскій пустился съ нимъ

¹⁾ Уберите мнѣ это.

атаку. Польскіе уланы ворвались на батарею, изрубили прислугу лѣви прикрытіе, побросали горныя пушечки и мортиры въ пропасть и преспокойно вернулись на свое мѣсто. Самъ Наполеонъ пришелъ въ восторгъ отъ этого удалаго штурма. Онъ снялъ съ себя Legion d'honneur, надѣлъ на побѣдителя, обнялъ его и сказалъ:

— Les espagnols aiment les miracles,—eh bien, ou leur en montre-t-on! *)

Графъ Красинскій былъ, впрочемъ, вездѣ уменъ и находчивъ. Рассказывали, что одинъ изъ его соотечественниковъ глубокомысленно спросилъ его, какъ графъ смотритъ на войну вообще? Красинскій разсмѣялся и спросилъ въ свою очередь: «а вы любите охотиться?» Панъ, нѣсколько обиженный этимъ, повидимому, неумѣстнымъ вопросомъ, сухо сказалъ, что любить охотиться.

— Ну такъ вы и въ войнѣ должны знать толкъ, потому что война,—охота на людей.

Высшіе гражданскіе сановники того времени не уступали въ знаменитости военнымъ. Стоить только назвать графа Д. Н. Блудова, графа Уварова, графа Нессельроде, министра финансовъ Канкринъ.

Даже и въ числѣ александровскихъ кавалеровъ того времени большинство было съ такими вѣскими именами, я хочу сказать, съ такимъ славнымъ прошедшимъ, что къ нимъ бы пристала и голубая лента. Наибольшимъ уваженіемъ и всеобщю любовью пользовался комендантъ крѣпости, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, рослый, дородный старикъ съ правильнымъ профилемъ и необыкновенно добрымъ и симпатичнымъ лицомъ. Всѣ читали его рассказы «русскаго инвалида» и всѣ любили его, а больше всѣхъ,—арестанты, для которыхъ онъ былъ вторымъ отцомъ.

Разъ, на какой-то церемоніи во дворцѣ, Скобелевъ разговаривалъ съ царскосельскимъ комендантомъ Белію, тоже безрукимъ, какъ и онъ, къ нимъ подошли Сухозанетъ (Иванъ Онуфріевичъ), Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ и отставной генераль-маіоръ Непейцынъ, славный партизанъ 1812 года, ходившій въ семеновскомъ мундирѣ. У cadaго изъ этихъ трехъ недоставало ноги,—у кого правой, у кого лѣвой. Скобелевъ засмѣялся.

— Тебя только недоставало,—сказалъ онъ подошедшему Непейцыну,—вся инвалидная команда на лицо, а мы-то—красивѣе всѣхъ,—обратился онъ къ Белію,—на двухъ человекъ четыре руки полагается, а у насъ на обоихъ—двѣ!

— Это въ нашъ огородъ,—заявилъ Непейцынъ,—такъ вѣдь и у

*) Испанцы любятъ чудеса,—ну что жь имъ ихъ покажутъ.

насъ у троихъ тоже три ноги и осталось. Да еще плюсь—три деревяшки,—добавилъ Сухозанеть.

— Ну вотъ еще вздумалъ какую дрянью хвастаться! — перебилъ Скобелевъ,—а ты, Нецейцынъ, чай, свою колоду изъ Парижа выписалъ?

— Да вѣдь все же ковылять помогаетъ,—отвѣтилъ генералъ,—и гдѣ это мы, Божьи люди, столько рукъ да ногъ растеряли?

— На мѣстѣ работъ схоронили, — заключилъ Скобелевъ, — да ужъ не сыскать... на работы ужъ не пойдемъ. Отработали свое!

Въ числѣ александровскихъ кавалеровъ остались мнѣ особенно въ памяти четверо. Одинъ былъ росту ниже средняго, въ измайловскомъ мундирѣ, въ черномъ парикѣ и съ нафабранными усами, но уже лѣтъ подь семьдесятъ. Другой, напротивъ, высокій, стройный, необыкновенно живой. Его сѣдые волосы были красиво подняты и взбиты въ хохолокъ. По приемамъ и, несмотря на шталмейстерскій мундиръ, можно сейчасъ было узнать гусара старыхъ временъ. Первый былъ — генералъ-от-инфантеріи Головинъ, бывшій командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и получившій извѣстность своею энергіею, при обращеніи въ православіе востовъ и литовцевъ. Второй былъ, дѣйствительно, старый и знаменитый гусаръ, Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ, тотъ самый, котораго Блюхеръ расцѣловалъ на полѣ сраженія, передъ войскомъ, за ляхую атаку его кавалерійской бригады во флангъ французамъ.

Выдавалась и еще одна типическая фигура рослаго, крѣпко сложеннаго генерала, совершенно лысаго, съ красноватымъ лицомъ. Онъ одинъ носилъ кривую турецкую саблю (вѣроятно, взятую съ боя), что, при тогдашней однообразной формѣ, бросалось въ глаза. Это былъ баронъ Гейсмаръ, герой турецкой и польской войнъ, одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ авангардныхъ генераловъ.

Изъ гражданскихъ—обращали на себя вниманіе сенаторъ Горголи, бывшій петербургскій оберъ-полиціймейстеръ александровскаго вѣка, чрезвычайно популярный и анекдотическій. Судя по портретамъ, когда-то красавецъ, но въ то время онъ былъ уже старъ и можно было узнать прежняго Горголи такъ, какъ узнаютъ великолѣпное зданіе по его хорошо сохранившейся развалинѣ. Еще такой же образецъ славнаго прошедшаго представлялъ Платонъ Демьяновичъ Иличевскій, въ то время товарищъ министра юстиціи. Въ этомъ полномъ, краснолицемъ сановникѣ, по наружности не было ничего особеннаго, а между тѣмъ онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе; всѣ ему кланялись, и я какъ теперь помню, какъ онъ, въ отвѣтъ, раскланивался направо и налево, съ лицомъ, сіяющимъ любезными улыбками. Иличевскій такъ же, какъ и Д. Н. Блудовъ, свидѣтельствовали, что администраторы и литераторы не только могутъ ужиться, но и быть друзьями. Оба они достигли высшихъ степеней гражданской іерархіи, и оба были друзьями Пушкина,

Жуковскаго, Карамзина, Гнѣдича, Батюшкова и прочіихъ. Но никто почти изъ представителей этого славнаго періода нашей литературы уже въ то время не показывался при дворѣ. Карамзинъ умеръ, когда я былъ еще ребенкомъ, а Жуковскій въ ту пору отживалъ на покоѣ; немощный и состарѣвшійся, онъ писалъ свою предсмертную пѣснь: «Старый лебедь». Одинъ только князь Одоевскій (последній изъ Одоевскихъ), тоже писатель, хотя не изъ первоклассныхъ, являлся во дворецъ въ своемъ камергерскомъ мундирѣ, вмѣстѣ съ представителями музыкальнаго міра,—братьями Вильгорскими (Михаиломъ и Матвѣемъ Юрьевичами).

Кромѣ того, можно было тамъ встрѣтить еще довольно молодаго брѹнета, въ мундирѣ генерала свиты, довольно старенькомъ и поношенномъ. Это былъ Львовъ, извѣстный скрипачъ, директоръ придворной капеллы и авторъ нашего національнаго гимна: «Боже, царя храни!»

Эта живая галерея историческихъ лицъ получала наибольшій интересъ, когда въ Петербургъ заѣзжалъ на-время который-либо изъ двухъ намѣстниковъ: польскій—князь Паскевичъ или кавказскій—князь Воронцовъ. Каждый изъ нихъ былъ живою хроникою отечественной славы. Паскевичъ, еще подъ Бородинымъ, командовалъ дивизіею, съ которою прошелъ до Парижа.

Такимъ же чудо-богатыремъ являлся тогдашній намѣстникъ кавказскій. Также участникъ Бородинскаго дня, получившій тяжелую рану въ этомъ боищѣ, Воронцовъ тоже дошелъ до Парижа. У меня остались до сего дня въ памяти заученныя изъ тактики Медема, довольно звучныя слова, заключавшія описаніе боеваго наступленія каре въ шахматномъ порядкѣ: «Такъ отступалъ графъ Воронцовъ, послѣ сраженія Краонскаго, будучи преслѣдуемъ самимъ Наполеономъ». Но не одна военная слава удивляла въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Воронцовъ представлялъ сочетаніе трехъ талантовъ, изъ которыхъ каждый, самъ по себѣ, можетъ считаться завиднымъ.

Будучи искуснымъ полководцемъ, Воронцовъ былъ администраторъ, способный не только управлять, но и создавать, и со всѣмъ тѣмъ,—тонкій политикъ и дипломатъ англійской школы.

Я думаю, что всякій, кто прочтетъ мой рассказъ о большомъ выходѣ, въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ, замѣтитъ, при описаніи лицъ царской фамилии и государственныхъ людей частое, почти безпрестанное повтореніе словъ: «высокій», «рослый» и прочіихъ въ томъ же родѣ. Это не случайная характеристика личностей, но отпечатокъ времени. И въ ту пору, и особенно теперь, убѣждаюсь, что тогдашнее поколѣніе и наше совсѣмъ не одно и то же. Бывало, если случалось, что не удержишься и скажешь какому-нибудь могучему старику: «Какой

вы молодецъ однако!» онъ непремѣнно отвѣтитъ:—«Эхъ, что я! вы бы на отца моего посмотрѣли,—вотъ онъ. въ самомъ дѣлѣ былъ молодецъ, вѣдь онъ мнѣ въ футляры годился!» Случалось, что показывали и портретъ родителя. Точно: футляръ какъ есть футляръ! Въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ: «Преображенскій полкъ въ 1834—1846 г.», авторъ говоритъ, что императоръ Николай любилъ становиться подъ ранжиръ Преображенской роты своего имени и оказывался только 18-мъ съ флангу. А вѣдь ростъ покойнаго государя былъ—сажень безъ трехъ вершковъ! Конечно, Преображенскій и Конногвардейскій полки нельзя считать нормою, такъ какъ туда зачислялись отборные люди, но общій уровень въ гвардіи былъ все-таки поразительный. Сверхъ того полки подбирались по типамъ: въ Преображенскій и Конногвардейскій—самые рослые и мужественные; въ Семеновскій и Кавалергардскій опредѣляли рослыхъ, но моложавыхъ; въ Павловскій—курносыхъ; въ Егерскій,—маленькихъ, коренастыхъ и ловкихъ и такъ далѣе. Но принять за норму солдатъ, въ то время исключительно поступавшихъ изъ простонародья, было бы одностронне. Начну съ верхняго слоя и возьму, напримѣръ, министровъ, какъ странно бы это ни показалось. Еслибы сопоставить графа Киселева (государственныхъ имуществъ), графа Клейнмихеля (путей сообщенія), князя Меншикова и шефа жандармовъ графа Орлова, то художникъ могъ писать съ любого изъ нихъ типъ героя древности.

По росту всѣ четверо могли бы встать въ ранжиръ государевой роты, а графъ Орловъ былъ совершенный исполинъ и отличался необыкновенною силою. Говорили, что онъ гнулъ подковы и свивалъ въ винтъ кочергу. Вотъ, что мнѣ рассказывали про него свидѣтели 14-го декабря. Вокругъ Исаакіевскаго собора былъ тогда деревянный заборъ. Конногвардейскій полкъ Орлова стоялъ по близости, и нѣкоторые озорники изъ неблагонадежныхъ полѣзли на заборъ и стали бросать камнями. Орловъ крикнулъ:—«долой оттуда!»—но ему отвѣчали бранью и насмѣшками. Тогда генералъ подѣхалъ къ забору, схватилъ за ногу перваго попавшагося озорника, сорвалъ его съ забора и, раскачнувъ на воздухъ, отбросилъ въ сторону какъ мѣшокъ. Конечно, всѣ остальные поскорѣ спрыгнули и убѣжали. Странно сказать, что и гражданскіе министры были люди такого же склада. Особенно замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи министръ юстиціи графъ Панинъ. Не только по росту, но и по силѣ онъ не уступалъ самому графу Орлову. Вотъ одинъ пустой, но характерный случай, рассказанный мнѣ М. Г. Григорьевымъ, служившимъ долго подъ начальствомъ Панина. Министръ вздумалъ одинъ разъ передвинуть подальше отъ двери большой шкафъ съ книгами. Позвали сторожа, отставнаго гвардейца, стоявшаго у дверей министерскаго кабинета. Но этотъ не могъ сдвинуть шкафа и по-

бѣжалъ за товарищемъ. Панинъ потерялъ терпѣніе, самъ принялся за дѣло, приналегъ могучимъ плечемъ, и громадный шкафъ затрещалъ на массивныхъ ножкахъ и двинулся вдоль стѣны; уже оставалось всего нѣсколько вершковъ до мѣста назначенія, когда приближали сторожа и принялись, въ свою очередь, за работу, при чемъ оказалось, что она была подъ силу только двумъ дюжимъ отставнымъ солдатамъ. Въ полкахъ эта разница старыхъ и новыхъ поколѣній еще болѣе бросалась въ глаза. Г. М. Колокольцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Русская Старина» 1883 г. июль) описываетъ преображенскихъ штабъ-офицеровъ своего времени (1834—1846): Есипова, Глухова, Бахтина и проч. Всѣхъ ихъ я видывалъ, хотя и не въ полку и могу подтвердить, что они точно «годились футлярами» тѣмъ полковникамъ и офицерамъ, какихъ я самъ засталъ на службѣ, исключая одного только командира полка Катенина, во вѣдъ и онъ принадлежалъ къ служивымъ 1830-хъ годовъ. Вѣрною иллюстраціею этой эпохи могутъ служить портреты въ дежурной комнатѣ Преображенскаго полка, завѣщанные полку генераломъ Исленьевымъ,—изображающіе служившихъ при немъ, то-есть въ 1820-хъ годахъ. Полковникъ Дебанъ, Скорошецкій, капитаны Игнатъевъ и баронъ Шлиппенбахъ,—все это молодцы, рослые, плечистые, съ военною выправкою и военнымъ закаломъ. Въ мое время только командиры полковъ, то-есть люди старыхъ поколѣній, имѣли прежній богатырскій типъ; все остальное измельчало. Я могъ еще сравнить отцовъ и сыновей. Напримѣръ Ребиндеры: отецъ, бывший командиръ Семеновскаго полка, былъ красавецъ, могучаго сложенія и очень напоминалъ покойнаго государя Александра Павловича. Въ то же время въ преображенцахъ служилъ его сынъ Александръ Алексѣевичъ. По росту онъ пожалуй и не уступалъ отцу по тонкій, худенькій и въ плечахъ на половину болѣе узкій, онъ передъ отцомъ своимъ все еще казался ребенкомъ. Высшіе командиры изъ остзейскихъ нѣмцевъ не уступали въ молодцоватости кореннымъ русскимъ. Ихъ старинные рыцарскіе матрикулы тогда еще проглядывали въ лицахъ. Почти вся кавалерія была наполнена остзейцами: начальникъ гвардейской кирасирской дивизіи Эссенъ и полковые командиры: Фитингофъ (кавалергардскій), Энгельгартъ (лейбъ-гусарскій), Корфъ (конногвардейскій), графъ Ниродъ (уланскій), Штакельбергъ (гатчинскихъ кирасиръ), Сталь (драгунскій) и проч.—всѣхъ этихъ можно было и по фигурѣ, и по вѣдѣ, и по воинственности, назвать рыцарями. Простой народъ судить вѣско и выражается практично. Былъ, разъ, разводъ на Дворцовой площадкѣ. По окончаніи, государь Николай Павловичъ пошелъ было уже во дворецъ и народъ, по обычаю, хлынулъ отъ адмиралтейскаго бульвара къ носовому подъѣзду, но государь вдругъ остановился и сталъ разговаривать съ нѣкоторыми генералами. Народъ любовался на царя, и я

слышалъ, какъ одинъ, не то купецъ, не то богатый крестьянинъ, началъ осыпая его самыми восторженными эпитетами. Сосѣдъ говоруна, тоже въ щегольской чуйкѣ, замѣтилъ:

— Да и господа-то гляди все какіе хваты!

— Ну ужъ дѣло извѣстное,—порѣшилъ купецъ,—«каковъ погъ, таковъ и приходъ!»

Старость болтлива,—это я часто говаривалъ въ молодости и смѣялся надъ стариками, а теперь пришлось примѣрить на себя! Куда это я увлекся? Начиная рассказъ о большомъ выходѣ во дворцѣ, я имѣлъ въ виду припомнить, что и въ праздники намъ немного оставалось досуга и даже въ самый новый годъ все утро, до 2-хъ часовъ по полудни, пропадало. А потомъ неизбежные визиты и въ концѣ ихъ,—такое утомленіе, что оставалось только пообѣдать, выспаться и—въ театръ или на чай къ роднымъ или самымъ близкимъ знакомымъ, такъ какъ въ Новый годъ ни баловъ, ни вечеровъ нигдѣ не было.

Сейчасъ же послѣ Новаго года начинались репетиціи Крещенскаго парада. Описывать его не буду, такъ какъ онъ и до сихъ поръ ежегодно бываетъ, но значительно утратилъ прежній характеръ. Послѣдній парадъ, въ которомъ я участвовалъ, въ полку былъ 6-го января 1865 г. Въ распоряженіи было сказано, что наружный парадъ отмѣняется, если морозъ будетъ болѣе 5½ градусовъ, а будетъ только внутренній, то—есть въ немъ будутъ участвовать одни только взводы георгиевскихъ кавалеровъ, въ залахъ дворца. Въ мое время, парадъ былъ почти всегда общій и виѣшній и отказывался только при морозѣ болѣе 20°. Всѣ войска гвардіи вынуждены были стоять четыре часа на площадяхъ Дворцовой и Адмиралтейской и на набережной Невы, гдѣ между прочими всегда стоялъ Преображенскій полкъ. При тогдашнихъ узкихъ мундирахъ выстоять было трудно, хотя всѣ мы надѣвали фуфайки; особенно мерзли ноги, а у кавалеристовъ даже и отмораживались, несмотря на то, что многіе окутывали стремена сукномъ. Удивительно, какъ обходилось безъ серьезныхъ болѣзней и все ограничивалось насморками, флюсами и катарами. Теперь мнѣ кажется, что одинъ такой парадъ уложилъ бы меня въ могилу. Ужъ не балуемся ли мы въ то же время, какъ мельчаемъ! Да и климатъ рѣшительно измѣнился. Въ послѣдніе годы моего служенія (1855 — 1865) не помню холодной зимы, напоминавшей зѣмы 1840-хъ годовъ. Тогда Нева каждый годъ крѣпко замерзала, народъ только и могъ стоять на Невѣ. Часто я смотрѣлъ, какъ колыхалась бывало на льду Невы необозримая масса зрителей; отъ нея поднимался густой паръ. Эта огромная народная масса напирала живыми волнами на цѣпь тогдашнихъ полицейскихъ. Не зная, какъ удержать народъ, они прибѣгали къ уловкамъ, напимѣръ, если кто изъ любопытныхъ слишкомъ выдавался впередъ, городской

срывалъ съ него шапку и бросалъ ее въ середину толпы; обнаженная голова, разумѣется, должна была отправляться туда же, чѣмъ и достигалась цѣль отодвиженія. Но результатъ для офицеровъ былъ все тотъ же, что и Новый годъ, то-есть праздникъ Крещенія былъ совершенно потерянный, на парадѣ, день, и оставалось дома обогрѣться и выспаться. Посмотримъ на воскресенье: можетъ изъ нихъ которое-нибудь да принадлежало намъ всецѣло. Нѣтъ, почти ни одно не принадлежало. Если морозъ не былъ выше 20 градусовъ, то всегда и неостѣнно происходилъ разводъ съ церемонією, а присутствовать на немъ было обязательно для всѣхъ офицеровъ, кромѣ старыхъ должностныхъ. Такъ какъ воскресенье было единственнымъ свободнымъ днемъ въ недѣлѣ, то понятно, какъ горько было обязательство быть на разводѣ, понятно и то, что офицеры пытались не бывать на немъ, а начальство противодѣйствовало этимъ попыткамъ. 16-го февраля 1847 года, великій князь Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, что на разводѣ присутствующихъ преобращенцевъ маловато, велѣлъ пересчитать и повѣрить, при чемъ обнаружилось, что девять офицеровъ не явились безъ уважительныхъ причинъ. Великій князь посадилъ всѣхъ ихъ на недѣлю подъ арестъ и велѣлъ написать приказъ по корпусу, гдѣ виновные названы по фамиліямъ, проступокъ описанъ и строго подтверждено являться на разводъ. Приказъ тотъ (19-го февраля 1847 г.) велѣно вывѣсить на стѣнахъ всѣхъ дежурныхъ комнатъ, гдѣ, въ мое время, онъ еще хранился въ рамкѣ подъ стекломъ, для назиданія потомства. Такой грозный примѣръ надолго удержалъ офицеровъ отъ попытокъ не ѣздить на разводъ, гдѣ попусту пропадала лучшая половина дня—до 3-хъ часовъ по полудню. Зато велико было нетерпѣніе поскорѣе уѣхать.

«Командующій гвардейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ извоилъ замѣтить, что весьма часто, по окончаніи разводовъ, гг. офицеры тотчасъ устремляются къ экипажамъ, опереживая начальниковъ, и нѣкоторые уже надѣваютъ шинели и разѣзжаются иногда прежде, чѣмъ слѣдуетъ даже старшій при разводѣ начальникъ»¹⁾. Недавно прочелъ я въ «Русской Старинѣ» (іюль 1883) воспоминанія генерала-маіора Колокольцова, а тамъ говорится, что при немъ разводы съ церемонією бывали каждый день и дѣлалъ ихъ самъ государь или великій князь Михаилъ Павловичъ. Этого за мою службу уже не было, такъ что выходить пожаловаться на судьбу грѣшно.

Однако, пойду далѣе. Великій постъ—время серьезное. Театры прекращались, всякое веселіе умолкало и въ то время все это строго соблюдалось. На нашу долю выпадала одна только спокойная недѣля—

¹⁾ Приказъ по Преображенскому полку, 22-го сентября 1850 года.

страстная, когда весь полкъ говѣлъ. Въ остальные недѣли разводы производились своимъ порядкомъ, а въ будни шла порядочная учебная переборка. Великимъ постомъ и въ теченіе Святой недѣли, государь дѣлалъ разводы съ ученьями; о нихъ я рассказывалъ и называлъ ихъ причудливыми, потому что императоръ продѣлывалъ необычныя построенія быстро и не давая никому опомниться. Построеній этихъ не было въ Уставѣ, и надобно было найтись.

Тѣмъ не менѣе, эти разводы съ ученьемъ были страшалищемъ для насъ. На полевыхъ упражненіяхъ подобнаго рода, многія ошибки и промахи сходили съ рукъ незамѣтно, а тутъ, въ манежѣ, все продѣлывалось какъ на ладони, въ виду у генераловъ и офицеровъ всего гвардейскаго корпуса; но главнѣйшая, неприятность въ томъ, что терялось много времени. Государь дѣлалъ разводъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ, а на приготовленіе употреблялся весь постъ и насъ муштровали всѣ начальники на такъ называемыхъ 12-ти-рядныхъ ученьяхъ. На нихъ взводы вмѣсто полныхъ 30-ти рядовъ имѣли только 12-ть. Въ началѣ зимы, ученья эти производились баталіонными командирами для поручиковъ, не командующихъ ротами, подпоручиковъ и прапорщиковъ. Когда же ихъ дѣлалъ полковой командиръ или начальникъ дивизіи, то во фронтъ становились и ротные командиры. Эти ученья имѣли цѣлю пріучить офицеровъ къ ломкѣ фронта и ко всѣмъ наступленіямъ на мѣстѣ и на походѣ, какія требовались баталіоннымъ ученымъ. Грубый, вспыльчивый или злоправный начальникъ былъ въ этихъ случаяхъ сушимъ бичемъ. На 12-ти рядныхъ ученьяхъ, когда-то особенно свирѣпствовалъ Жерковъ, и многіе изъ подчиненныхъ ему офицеровъ являлись на нихъ съ готовою отставкою въ карманѣ. Катенинъ, небольшой знатокъ фронтовыхъ тонкостей и не имѣвшій охоты разучивать ихъ, рѣдко дѣлалъ 12-ти рядныя ученья и былъ очень доволенъ, когда очередь доходила до начальника дивизіи, Моллера, потому что этотъ генералъ, какъ я уже говорилъ, отлично зналъ дѣло, если только можно назвать дѣломъ тогдашнія фронтовые упражненія. Я поразсказалъ много кое-чего о Моллерѣ и все-таки забылъ почтить память покойнаго начальника своего благодарнымъ словомъ за одинъ его поступокъ, лично до меня касающійся. На инспекторскомъ смотрѣ, гдѣ офицеры стояли въ отдѣльной шеренгѣ, впереди всего фронта, Моллеръ сказалъ между прочимъ командиру 4-й роты, что нѣкоторыхъ солдатъ не мѣшало бы выправить, потому что они стоятъ какъ конскрипты. Я не могъ удержаться и усмѣхнулся самымъ безцеремоннымъ образомъ именно въ ту минуту, когда глаза начальника дивизіи остановились на мнѣ. Онъ ничего не сказалъ, но, по окончаніи смотра, подозвалъ меня и отвелъ въ сторону.

— Ваша фамилія князь Имеретинскій?—спросилъ онъ твердымъ и покойнымъ голосомъ.

— Такъ точно, ваше п-во!

— Давеча, когда я дѣлалъ замѣчаніе капитану Швенцону, вы позволѣли себѣ усмѣхнуться. Во мнѣ слишкомъ много самолюбія, чтобы я могъ принять это на свой счетъ, и я оставляю вашъ поступокъ безъ вниманія, но предупреждаю васъ, что не всякій начальникъ поступилъ бы такъ на моемъ мѣстѣ. За подобную неосторожность вы можете жестоко поплатиться, и я надѣюсь, что вы послушаетесь моего совѣта и будете старательнѣе оберегать себя впослѣдствіи.

Между тѣмъ, ни офицеры, ни солдаты не любили Моллера и называли его «пузыремъ».

Всему свѣту извѣстны неопѣненные качества русскаго солдата, и потому мнѣ кажется, что ихъ любовь или неприязнь къ начальнику могутъ служить довольно вѣрнымъ мѣриломъ его дѣйствительнаго характера и способностей. Хотя гвардейскій солдатъ, сравнительно съ армейскимъ, болѣе избалованъ, но и онъ умѣетъ мѣтко оцѣнить достоинства и недостатки начальника. Всѣ наблюденія, какія мнѣ случалось дѣлать, сводятся къ слѣдующему. Солдатъ любитъ видѣть въ прямомъ своемъ начальникѣ: щедрость, благоразумную строгость, вниманіе къ своимъ пользамъ и нуждамъ, самостоятельность и самоувѣренность въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи, и наконецъ, въ особенности—счастье и находчивость.

Ненавидитъ же солдатъ: педантизмъ, слабохарактерность, ведущую къ распущенности подначальныхъ и потомъ къ другой крайности, то-есть къ непоумѣренной строгости. Далѣе солдатъ не можетъ терпѣть мелочную придирчивость и формулистику, страхъ передъ высшимъ начальствомъ и постоянное налеганіе на солдатъ въ угоду высшимъ начальникамъ. Наконецъ,—денежную несостоятельность, ведущую къ обирательству ихъ и полную зависимость отъ всѣхъ и cadaго. Впрочемъ, очерченные мною характеры и дѣятельность Сумарокова, Моллера, Жеркова, Катенина и прочихъ гораздо лучше показываютъ взглядъ офицеровъ и солдатъ на своихъ начальниковъ, чѣмъ всякія сужденія. Часто случалось, на примѣръ, что начальника, любимаго солдатами, не жаловали офицеры и наоборотъ. Вообще въ тогдашнемъ военномъ быту замѣчались явленія, намекавшія на полный антагонизмъ между офицерами и солдатами, и его легко объяснить ненормальными отношеніями, въ какія были поставлены и тѣ и другіе, служебными и бытовыми условіями.

Все, что я говорю здѣсь, конечно касается только той эпохи, когда господствовало крѣпостное право и старая система комплектованія войскъ рекрутскими наборами изъ податныхъ сословій и обязательность 25-ти-лѣтней службы солдатъ.

Возвращаюсь къ праздникамъ и къ досугамъ. Самый свѣтлый, самый

священный, самый важный праздникъ въ году: первый день Пасхи слѣдуетъ уже вовсе исключить изъ числа досуговъ. Даже послѣобѣденное время было не въ нашемъ распоряженіи, такъ какъ въ три часа по полудни былъ во дворцѣ выходъ на вечерню, а послѣ вечерни поздравленіе государю и императрицѣ (христосованіе). Приносили его старшіе въ чинахъ изъ cadaго полка.

Въ слѣдующіе дни Пасхи государь дѣлалъ разводы съ ученьемъ, такъ что къ этому недосугу примѣшивались еще служебныя заботы и мысли: какъ-то сойдеть съ рукъ разводы!

Просматривая воѣ праздники отъ новаго года до Пасхи, можно сказать въ концѣ концовъ, что въ будни было намъ гораздо досужнѣе, чѣмъ въ табельные и праздничные дни зимою. Въ будни послѣ ученья, то-есть послѣ 12-ти часовъ всякій, кто не попалъ на дежурство или въ караулы, былъ свободенъ, а когда приходились одиночныя ученья, то и весь день бывалъ нашею собственностью. Но это могло быть только до конца Святой недѣли. Въ апрѣлѣ начинались приготовленія къ майскому параду, то-есть къ церемоніальному маршу, доведенному до самой тонкой степени совершенства. Солдаты начинали почесываться и сердито острили: «Ну, вотъ и майскій подошелъ, вотъ когда п о м а з и м с я!» Ротные командиры еще сильнѣе почесывались: требовалось выставить и вышколить полныя 60 рядовъ, стало быть портныя, сапожники, мастеровые воѣ становились во фронтъ. На майскомъ парадѣ проходили дивизионными взводами и колоннами, и всякій строй долженъ былъ пройти, какъ стѣна. Подготовка къ такому совершенству, по принятому выраженію, «выжимала изъ насъ много соку»,—водили, водили, учили, учили—до изнеможенія. Одни прапорщики и подпоручики были безъ страха и безъ заботы. Ихъ дѣло было ходить въ замкѣ, точно по ниточкѣ: въ какую сторону дернуть, туда иди! Можно было даже мечтать на походѣ, и никто бы не помѣшалъ. Марширующихъ въ замкѣ, прозаически, называли «затычками», никто на нихъ не смотрѣлъ.

Съ майскаго парада занятія наши становились все тягостнѣе и тягостнѣе. Въ маѣ начинались ротныя и баталіонныя ученья на Царицыномъ лугу, а потомъ наступали мученья, передъ которыми блѣднѣли воѣ предъидущія. Съ половины мая насъ водили на Семеновскій плацъ, дѣлали полковыя и бригадныя ученья. Отъ обѣихъ казармъ, т. е. отъ Милліонной и отъ Таврической улицъ до Семеновскаго плаца, страшнѣйшая даль. Ученья начались въ 6 часовъ утра, на плацъ слѣдовало прибыть къ 5 часамъ, слѣдовательно, выступали изъ казармъ въ три четверти четвертаго. Даже и офицеру, жившему въ казармахъ, приходилось вставать не позже половины четвертаго, а на наемной квартирѣ поднималось въ 2½ часа ночи и ранѣе. Домой, то-есть въ казармы, возвращались мы въ 11 часовъ, да и за то говорили слава Богу! Возвраща-

щались мы совершенно изнуренные жаромъ, покрытые густымъ слоемъ пыли, и многіе приходили съ сердцемъ, переполненнымъ горечью замѣчаній, распеканій и взысканій.

Въ 1851 году Преображенскій полкъ, то-есть избранные его, еще разъ были въ Москвѣ, на празднествѣ 25-ти-лѣтія со дня коронованія императора Николая I-го (въ августѣ). Но уже за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ въ Москву отправили весь I-й Преображенскій баталіонъ, также соразмѣрныя части отъ семеновцевъ, лейбъ-гусарь, кавалергардовъ и конногвардейцевъ.

Войска отправлялись въ Москву по желѣзной дорогѣ, тогда еще не открытой для публики. Государь со всѣми великими князьями, съ огромною свитою и всѣми остающимися офицерами, провожали отрядъ и стояли на галлерей дебаркадера, пока поѣздъ не тронулся. Когда раздался, наконецъ, свистокъ, Николай Павловичъ еще разъ попрощался, сказавъ: съ Богомъ! и поѣздъ двинулся. Последняя платформа, съ дровами, только-что поравнялась съ государемъ, какъ вдругъ изъ-за дровъ выскочилъ генералъ Катенинъ, какъ Deus ex machina; онъ высоко поднялъ каску надъ головою и со всей силы крикнулъ «ура!».

Это одиночное генеральское «ура!» изъ-за дровъ было до того неожиданно и комично, что смѣхъ готовъ былъ вырваться у всѣхъ присутствующихъ, всѣ глаза обратились на императора, но онъ остался серьезнымъ; кажется, эта выходка не совсѣмъ ему понравилась. Пришлось сдерживаться, пока государь не уѣхалъ, но за то тогда вполнѣ оправдалась пословица, что «отъ великаго до смѣшнаго—одинъ только шагъ».

Князь Н. К. Имеретинскій.

Собственноручное письмо А. С. Шишкова—митрополиту Серафиму о молитвахъ, переложенныхъ на престонародное нарѣчіе.

21-го ноября 1824 г.

**Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырь!**

Въ бытность нашу, а именно его сіятельства графа Алексѣя Андреевича Аракчеева и мою, по особому государя императора повелѣнію, въ домѣ у вашего преосвященства, разсуждаемо было, и общимъ согласіемъ положено, что неприлично таковымъ молитвамъ, какъ Вѣрую во единого Бога и Отче Нашъ быть въ духовныхъ книгахъ переложеннымъ на престонародное нарѣчіе, о чемъ доведено и до свѣдѣнія его императорскаго величества. А потому, равно какъ и въ силу даннаго на мое имя въ 17-й день сего мѣсяца высочайшаго указа, не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству предложить Правительствующему Синоду, дабы вновь издаваемые христіанскіе катихизисы полные и краткіе, въ которыхъ помянутыя молитвы и заповѣди Господни переложены на престонародное нарѣчіе, печатаніемъ и рассылкою, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, приостановить, доколѣ вослѣдуетъ на то высочайшее разрѣшеніе. Имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостиваго архипастыря покорнѣйшій слуга Александръ Шишковъ.

Михайловекій замокъ и 8-е ноября 1800 года.

Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, придавалъ особенное значеніе снамъ и разнымъ предзнаменованіямъ. Существуетъ легенда, что часовой, стоявшій у Лѣтняго дворца ¹⁾, имѣлъ какое-то видѣніе, которое доведено было до свѣдѣнія государя; какъ бы то ни было, но 20-го ноября 1796 года, повелѣно было именовать Лѣтній дворецъ Михайловскимъ. Затѣмъ, въ присутствіи императора Павла, 26-го февраля 1797 года происходила торжественная закладка новаго дворца, названнаго Михайловскимъ замкомъ. Въ четыре года, это монументальное зданіе было окончено и 8-го ноября 1800 года могло состояться торжественное освященіе замка ²⁾. Дворецъ строился по проекту В. И. Баженова и окончательно выполненъ, съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго проекта, архитекторомъ Бренна. По примѣрной смѣтѣ, исчисленной сто лѣтъ тому назадъ, постройка замка должна была стоить 791.200 руб. ассигнаціями.

Торжественное освященіе Михайловскаго замка происходило слѣдующимъ образомъ:

Шествіе изъ Зимняго дворца мимо войскъ, разставленныхъ шпалерами, и при громѣ пушекъ началось въ три четверти десятаго часа утра. Императоръ Павелъ и великія князья слѣдовали верхомъ, а императрица Марія Теодоровна, великія княжны и придворныя дамы, въ парадныхъ каретахъ.

«По приближеніи шествія къ Михайловскому замку»,—сказано въ

¹⁾ Императоръ Павелъ родился въ Лѣтнемъ дворцѣ 20-го сентября 1754 года.

²⁾ Императоръ Павелъ съ семействомъ перѣхалъ изъ Гатчины въ Зимній дворецъ 1-го ноября 1800 года.

камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1800 года ¹⁾),—«возвѣщено о семъ было пушечною съ имѣющеюся тамъ батареею пальбою и какъ играніемъ надъ воротами съ балкона придворными литавриками на трубахъ и литаврахъ, такъ и колокольнымъ при Михайловской церкви звономъ, и по прибытіи въ десять минутъ 11-го часа внутрь двора Михайловскаго замка, встрѣтили на парадномъ у онаго подъѣздѣ его императорское величество, ея императорское величество и ихъ императорскихъ высочествъ въ облаченіи Святѣйшаго Синода члены съ прочимъ духовенствомъ, при чемъ какъ государь императоръ, такъ и государыня императрица со всею высочайшею своею фамиліею, приложась къ поднесенному преосвященнымъ Амвросіемъ архіепископомъ санктъ-петербургскимъ, выборгскимъ и эстляндскимъ, Святому и Животворящему Кресту съ окропленіемъ Святою водою, изволили потомъ въ предшествіи придворныхъ кавалеровъ по парадной лѣстницѣ и чрезъ всѣ парадныя комнаты ретироваться на краткое время во внутренніе покои, изъ коихъ по семъ въ двадцать пять минутъ того жъ 11-го часа, ихъ императорскія величества съ ихъ императорскими высочествами, въ предшествіи жъ придворнаго штата кавалеровъ и въ провожаніи знатныхъ обою пола особъ, изволили выходъ имѣть по парадной лѣстницѣ въ церковь, гдѣ тогда-жъ по обыкновенному обряду Святѣйшаго Синода членами съ прочимъ духовенствомъ началась духовная процессія освященію церкви; а послѣ сего, когда означенное жъ духовенство съ Святими мощами и иконами пройдя въ ходъ за западныя двери, тогда по прочтеніи у оныхъ молитвы и при возвращеніи съ мощами въ церковь, произведена была съ батареею Михайловскаго замка пушечная пальба. А между тѣмъ по совершеніи всей къ освященію службы, члены Святѣйшаго Синода подходили къ рукѣ его императорскаго величества и ея императорскаго величества.

«А по совершеніи-жъ въ присутствіи всей императорской фамиліи соборомъ Святѣйшаго Синода членами Божественной Литургіи изъ церкви какъ архіереи, такъ и все служащее духовенство въ препровожденіи придворныхъ кавалеровъ, за хоромъ придворныхъ пѣвчихъ шли со Святою водою и окропляли всѣ комнаты, куда за ними-жъ въ провожаніи госпожь статсъ-дамъ и камеръ-фрейлины съ фрейлинами, а также и слѣдующихъ только до картинной галлерей, что передъ малою тронною государя императора, знатныхъ россійскихъ и прочихъ особъ, какъ равно и господъ чужестранныхъ министровъ, соизволили шествовать его императорское величество и ея императорское величество съ высочайшею своею фамиліею; и остановясь потомъ въ картинной галле-

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1800 года отпечатанъ въ двухъ томахъ и появился въ 1900 году.

реѣ для прочтенія, послѣ освященія Михайловскаго замка, отпуска по обыкновенномъ всему императорскому дому многолѣтія приносили, какъ государю императору и государынѣ императрицѣ, такъ и всѣмъ ихъ высочествамъ поздравленіе и жалованы къ рукѣ Святѣйшаго Синода члены и всѣ бывшія при освященіи того замка духовныя особы. Послѣ чего ихъ императорскія величества, откланявшись въ той же галлерей изволили въ половинѣ 1-го часа по полудни отсутствовать во внутренніе свои покои, а ихъ высочества, кромѣ одной токмо великой княжны Маріи Павловны, возвратились изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ, прочія же всѣ разѣзжались по домамъ.

«Потомъ въ обыкновенное время, то-есть въ часъ по полудни, ихъ императорскія величества изволили въ столовой комнатѣ кушать обѣденный столъ на 8-ми кувертахъ, а къ столу приглашены:

«Великая княжна Марія Павловна.

«Генераль-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ.

«Оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ.

«Оберъ-штабмейстеръ графъ Кутайсовъ.

«Генераль-отъ-кавалеріи графъ Паленъ.

«Оберъ-камергеръ графъ Строгоновъ.

«Въ продолженіе сего стола угодно было ея императорскому величеству по случаю благополучно освятившагося его императорскаго величества Михайловскаго замка пить за здравіе государя императора, каковое также тогда произнести изволила и ея императорское высочество великая княжна Марія Павловна, а за нею и всѣ присутствующія за столомъ особы; послѣ чего и его императорское величество при обыкновенномъ своемъ питіи вина изволилъ принести благодарность какъ ея величеству и ея высочеству, такъ и всѣмъ вышеписаннымъ особамъ высочайшее свое благодареніе.

«Кубковъ же на случай сего приготолено не было, а пили оное изъ обыкновенно употребляемыхъ граненыхъ рюмокъ, поставленныхъ передъ каждою особою въ графинахъ съ виномъ.

«Столъ кончился въ четверть 3-го часа по полудни, послѣ котораго ихъ величества нѣсколько присутствуя во внутреннихъ Михайловскаго замка покояхъ, изволили потомъ изъ онаго отсутствовать въ тридцать пять минутъ того-жъ 3-го часа:

«Государь императоръ съ оберъ-штабмейстеромъ графомъ Кутайсовымъ отъ параднаго подъѣзда въ коляскѣ.

«А государыня императрица съ великою княжною Марією Павловою отъ малой каменной, что близъ тронной ея величества, лѣстницы въ каретѣ.

«И по прибытіи въ Зимній каменный дворецъ, какъ его величество,

такъ и ея величество изволили отъ обыкновенныхъ своихъ подъездовъ проходить во внутренніе свои покои.

«А въ вечеру на здѣшнемъ Эрмитажномъ театрѣ представлена была французская опера «Лафе Юржель», и по обыкновенномъ для оной собраніи въ томъ театрѣ ихъ императорскія величества изволили съ ихъ императорскими высочествами въ три четверти 7-го часа выходъ имѣть въ Эрмитажъ» ¹⁾.

Окончательно императоръ Павелъ и императрица Марія Теодоровна переселились въ Михайловскій замокъ только 1-го февраля 1801 года, а ихъ высочества еще позже.

Н. Шильдеръ.

¹⁾ Изъ этой выдержки, приведенной нами изъ камеръ-фурьерскаго журнала, оказывается, что въ день освященія замка не было въ немъ бала-маскерада, какъ нѣкоторые о томъ повѣствуютъ. Этотъ балъ дѣйствительно состоялся, но только 2-го февраля 1801 года и въ немъ приняли участіе 2.837 человекъ.

Проектъ г. А. Бенкендорфа объ устройствѣ высшей полиціи.

Событія 14-го декабря и страшный заговоръ, подготовлявшій уже болѣе 10 лѣтъ эти событія, вполне доказываютъ ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному какъ можно быстрѣе въ исполненіе.

Тайная полиція почти немыслима, честные люди боятся ея, а бездѣльники легко осваиваются съ нею.

Вскрытіе корреспонденціи составляетъ одно изъ средствъ тайной полиціи и при томъ самое лучшее, такъ какъ оно дѣйствуетъ постоянно и обнимаетъ всѣ пункты имперіи. Для этого нужно лишь имѣть въ нѣкоторыхъ городахъ почтмейстеровъ, извѣстныхъ своею честностью и усердіемъ. Такими пунктами являются Петербургъ, Москва, Кіевъ, Вильна, Рига, Харьковъ, Одесса, Казань и Тобольскъ.

Для того, чтобы полиція была хороша и обнимала всѣ пункты имперіи, необходимо, чтобы она подчинялась системѣ строгой централизаціи, чтобы ея боялись и уважали и чтобы уваженіе это было внушено нравственными качествами ея главнаго начальника.

Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ по крайней мѣрѣ знать, куда имъ обратиться. Къ этому начальнику стекались бы свѣдѣнія отъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разсыянныхъ во всѣхъ городахъ Россіи и во всѣхъ частяхъ войска: это дало бы возможность замѣстить на эти мѣста людей честныхъ и способныхъ, которые часто брезгаютъ ролью тайныхъ шпионовъ, но, нося мундиръ, какъ чиновники правительства, считаютъ долгомъ ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служить для офицера лучшимъ поощреніемъ, нежели денежныя награды, но для тайныхъ агентовъ не имѣютъ такого значенія и они нерѣдко служатъ шпионами за и противъ правительства. Министру полиціи придется путешествовать ежегодно, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключеніи контрактовъ, гдѣ ему легче приобрести нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ.

Его проницательность подскажетъ ему, что не слѣдуетъ особенно довѣрять кому бы то ни было. Даже правитель канцеляріи его не долженъ знать всѣхъ служащихъ у него и агентовъ.

Личная выгода и опасеніе лишиться чрезвычайно доходнаго мѣста будутъ ручательствомъ въ вѣрности этого правителя канцеляріи относительно тѣхъ дѣлъ, которыя должны быть извѣстны ему.

Гражданскіе и военные министры и даже частныя лица встрѣтятъ поддержку и помощь со стороны полиціи, организованной въ этомъ смыслѣ.

Полиція эта должна употребить всевозможныя старанія, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всякомъ дѣлѣ служить лучшей гарантіей успѣха. Всякій порядочный человекъ сознаетъ необходимость бдительной полиціи, охраняющей спокойствіе общества и предупреждающей безпорядки и преступленія. Но всякій опасается полиціи, опирающейся на доносы и интриги.

Первая—внушаетъ честнымъ людямъ безопасность, вторая же—пугаетъ ихъ и удаляетъ отъ престола.

Итакъ, первое и важнѣйшее впечатлѣніе, произведенное на публику этой полиціей, будетъ зависѣть отъ выбора министра и отъ организациіи самаго министерства; судя по нимъ, общество составитъ себѣ понятіе о самой полиціи.

Рѣшивъ это дѣло въ принципѣ, нужно будетъ составить проектъ, который по своей важности не можетъ быть составленъ поспѣшно, но долженъ быть результатомъ зрѣлаго обсужденія, многихъ попытокъ и даже результатомъ самой практики.

12-го апрѣля 1826 года записка эта, несомнѣнно, послужившая къ образованію III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, была препровождена къ графу П. А. Толстому съ тѣмъ, чтобы онъ по разсмотрѣніи возвратилъ ее въ собственныя его величества руки съ своимъ мнѣніемъ.

Нѣмецкій источникъ одного русскаго романа.

Въ послѣднее время, по случаю поминокъ о графѣ А. К. Толстомъ, вспоминали не разъ его дядю и воспитателя Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, который въ пушкинскую эпоху пользовался большою литературною извѣстностью подъ псевдонимомъ Антонія Погорѣльскаго. Нѣсколько лѣтъ назадъ я въ «Историческомъ Вѣстникѣ» посвятилъ ему небольшой этюдъ, который потомъ перепечаталъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» (Спб. изд. Л. Ф. Пантелѣева 1866 г., стр. 76—120). Въ этомъ этюдѣ я отмѣтилъ, такъ сказать, литературную не посѣдливость образованнаго и даровитаго русскаго романтика, который, произведя такой эффектъ первой частью своего романа «Монастырка», вдругъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, совершенно охладѣлъ къ литературѣ, гдѣ могъ бы играть такую видную роль, и насилу собрался черезъ три года закончить «Монастырку» второй частью, которая и на свѣтъ божій явилась, вѣроятно, только потому, что публика настойчиво требовала переизданія первой. Эта вторая часть (1833 г.) написана, по сравненію съ первой, очевидно, очень наскоро, и главное ея достоинство не изображеніе характеровъ и нравовъ, но внѣшняя занимательность, интрига. Для т а к и хъ произведеній русской литературы, въ особенности если они являются изъ-подъ пера начитанныхъ писателей, вполне естественно предполагать литературный источникъ въ одной изъ западныхъ литературъ.

Я полагаю, что мнѣ удалось найти такой источникъ для 2-й части «Монастырки», конечно, случайно.

Лѣтомъ въ Эмсѣ въ одной изъ Leih-Bibliothek'ъ я натолкнулся на небольшую коллекцію старыхъ беллетристическихъ книгъ и началъ ее пересматривать, вовсе не думая о Погорѣльскомъ. Между прочимъ я перечиталъ *Gesammelte Novellen* когда-то знаменитаго романтика

Людвига Тика. Во 2-мъ томѣ за милой полудѣтской повѣстью *Weihnacht-Abend* оказалась весьма длинная, съ большой претензіей на остроуміе написанная новелла *das Zauberschloss* ¹⁾. Прочитывая ее, откровенно сказать, не безъ скуки, я скоро почувствовалъ явѣ что знакомое, хотя былъ убѣжденъ, что эту новеллу читаю въ первый разъ въ жизни. Пошаривъ въ памяти, я наконецъ убѣдился, что новелла Тика во многомъ, но далеко не во всемъ, напоминаетъ 2-ю часть «Монастырки». Какъ припомнить читатели, содержаніе этой 2-й части въ самыхъ главныхъ чертахъ таково:

Исполняя распоряженіе своей суровой супруги, Дюндикъ является къ тетушкѣ Анюты и настойчиво приглашаетъ сироту къ себѣ. Заполучивъ героиню въ свою власть, Дюндика всѣми способами стремятся разлучить ее съ Блистовскимъ и выдать замужъ за противнаго Прыжкова. Опасаясь, что жертву вырвутъ изъ рукъ ихъ, Дюндики увозятъ Анюту на старый уединенный хуторъ, о которомъ въ народѣ разсказываютъ разные страсти. На хуторѣ, дѣйствительно, происходитъ рядъ странныхъ происшествій, но они приводятъ въ страхъ не Анюту, а ея гонителей, такъ какъ устроителемъ ихъ оказывается цыганскій атаманъ и лошадиный барышникъ Василій, расположенный къ Блистовскому. Обманутая Прыжковымъ, Анюта убѣгаетъ съ хутора, но, къ своему счастью, попадаетъ въ руки цыгана, который черезъ нѣсколько дней благополучно соединяетъ ее съ Блистовскимъ и съ тетушкой.

Въ повѣсти Тика, какъ видно и изъ самаго ея названія, играетъ видную роль деревенскій домъ, якобы населенный привидѣніями, дѣйствія которыхъ потомъ находятъ себѣ вполне естественное объясненіе. Здѣсь тоже героиню, слишкомъ покорную волѣ родителей, вмѣсто блестящаго офицера, котораго любитъ она, хотятъ выдать за грубоватаго деревенскаго помѣщика, и здѣсь спасаетъ ее отъ ненавистнаго брака ловкость жокея, который состоитъ на службѣ ея возлюбленнаго.

Въ этой повѣсти много такихъ лицъ и эпизодовъ, которые не имѣютъ параллелей у Погорѣльскаго: главное дѣйствующее лицо въ ней—отецъ дѣвушки (*Freihund*), ученый юристъ, страшно разсѣянный; въ ней дѣйствуетъ смѣшная старая дѣва поэтесса, остроумный (по мнѣнію автора) болтунъ Мансфельдъ, острякъ и шутникъ генералъ—отецъ офицера и пр.

Повѣсть эта появилась въ первый разъ въ 1830 году ²⁾. По всей вѣроятности, Перовскій тогда же и прочелъ ее, и когда черезъ два года ему понадобилось закончить «Монастырку», онъ вспомнилъ удачную

¹⁾ Ludwig Tieck, Gesammelte Novellen. Zweites Bändchen. Breslau, im Verlage bei Joseph Max. 1838, S. 85—240.

²⁾ Koberstein 5-te Auflage v. Bartsch, IV, 948, примѣч. № 37.

развязку нѣсколько сходной по сюжету повѣсти, гдѣ игралъ видную роль деревенскій заколдованный домъ.

Возможно, конечно, заимствование бессознательное: отъ прочтенной новеллы: Zauberzschloss у Перовскаго могло остаться темное воспоминаніе, которое онъ утилизировалъ, когда ему понадобилось придумать развязку для своего этнографо-романтическаго произведенія. Во всякомъ случаѣ непосредственное знакомство А. А. Перовскаго съ новостями нѣмецкой романтической беллетристики—фактъ, неподлежащій сомнѣнію, а случайное совпаденіе между сюжетами, столь близкими по времени обработки, допустить трудно.

А. Кирпичниковъ.

Разказы о разбойникѣ Тришкѣ.

(Изъ дневника свѣтской барышни).

1838 г. Февраль.

Въ Петербургѣ только и разговорѣ, что о разбойникѣ Тришкѣ. Это разбойникѣ великодушный, грабящій богатыхъ, чтобы отдавать добро ихъ бѣднымъ.

Изъ множества разказовъ припоминаются слѣдующіе:

Однажды, на большой дорогѣ, его молодцы останавливаютъ тяжелый дормезъ. Пассажирамъ предложено выйти изъ экипажа. На вопросъ гдѣ деньги,—атаману указываютъ мѣсто. Онъ ищетъ и, безъ труда, обнаруживаетъ двѣ тысячи рублей. Но этою суммою Тришка не удовлетворенъ. Поиски продолжаются и завершаются находкою двадцати тысячъ. Тогда, обращаясь къ путешественникамъ, Тришка говоритъ:

— Эти 20.000 р., очевидно, не ваши? Слѣдовательно, я съ чистою совѣстью могу ихъ взять себѣ. Что же касается 2.000 р., которыя вы мнѣ предъявили,—то получайте ихъ обратно.

Въ другой разъ заходитъ онъ въ усадьбу, гдѣ въ опустѣвшемъ домѣ находитъ всѣми оставленную помѣщицу.

— Знаешь ли, красавица, что ты совершенно одна? Что въ прихожей нѣтъ ни души?

— Охотно вѣрю,—отвѣчаетъ помѣщица,—до насъ дошли слухи о твоёмъ появленіи въ нашихъ окрестностяхъ. При твоёмъ приближеніи мои люди бѣжали.

— А тебѣ самой развѣ не страшно?

— Нѣтъ, что мнѣ бояться: у меня нѣтъ ничего такого, что могло бы тебя прельстить!

— У тебя ничего нѣтъ,—говоришь ты?

— Ничего, кромѣ суммы, въ обрѣзъ нужной для поѣздки въ Петербургъ, куда надо везти дѣтей для помѣщенія въ корпусъ. Если ты мнѣ не вѣришь,—поищи самъ. Деньги лежатъ тамъ,—смотри!

Оказалось тысяча рублей. Тришка все обшарилъ, но ничего не нашёлъ, кромѣ признаковъ дѣйствительной бѣдности (*des marques de misère*).

Тогда, приблизившись къ помѣщицѣ,—онъ говоритъ:

— Вы собираетесь въ столицу. Съ этими деньгами вамъ не доѣхать. Вотъ вамъ, милая, три тысячи. Вы хорошо сдѣлали, не обманувъ меня!

Съ этими словами онъ вышелъ и, созвавъ шайку, приказалъ розыскать разбѣжавшуюся дворню. Перепоровъ всѣхъ слугъ, онъ прочелъ имъ наставленіе, какъ слѣдуетъ служить своимъ господамъ и покинулъ усадьбу.

Сообщилъ А. М.

Софья Петровна Свѣчина.

(Ея жизнь и переписка).

XV ¹).

Р

волюціи 1830 и 1848 гг. вызвали усиленный обмѣнъ мнѣній между Свѣчиной и графиней Нессельроде. Трудно допустить, чтобы все, что Свѣчина сообщала послѣдней о политическомъ положеніи во Франціи, не становилось извѣстнымъ графу Нессельроде, а черезъ его посредство не доходило до свѣдѣнія государя. Къ сообщеніямъ Свѣчиной могли относиться съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживалась полная тождественность ея взглядовъ на событія того времени со взглядами императора Николая. Быть можетъ, главнымъ образомъ, этой тождественностью взглядовъ, а не влияніемъ графини Нессельроде слѣдуетъ объяснить и такую милость къ Свѣчиной, какъ разрѣшеніе остаться во Франціи послѣ Іюльской революціи, когда всѣмъ русскимъ было повелѣно выѣхать изъ нея. Съ другой стороны, въ самомъ Парижѣ Свѣчиной приписывали такое влияніе въ Петербургѣ, что среди русскихъ были распространены слухи, будто даже самый указъ о выѣздѣ русскихъ изъ предѣловъ Франціи являлся ничѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ воздѣйствія Свѣчиной черезъ графиню Нессельроде.

30-го октября 1830 г. Свѣчина писала графинѣ Нессельроде: «Я никогда не говорила вамъ, дорогой, милый другъ, сколько возвышенности, справедливости, силы я находила въ чувствахъ, которыя вы высказываете мнѣ по поводу нашихъ грустныхъ событій. Я признала въ нихъ все благородство и всю чистоту вашей души, которая, по одному вдохновенію, заставила бы васъ отгадать истину. Когда думаешь объ осно-

¹) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1900 г.

ваніяхъ, на которыхъ покоится все современное зданіе, то далеко не удивляешься потрясеніямъ, которыя подвергаютъ его опасности. «Когда народъ—король, говорилъ Ривароль, чернь—королева». Поэтому-то она и сказывается теперь въ повседневныхъ безпорядкахъ, безпорядкахъ, подавляемыхъ или, вѣрнѣе сказать, сдерживаемыхъ съ такими слабостью и неувѣренностью. Все въ жизни носитъ отпечатокъ своего происхожденія: народъ чувствуетъ, что то, что онъ далъ, онъ можетъ и отнять, и онъ не стѣняется по части оскорбительныхъ угрозъ; не дай только Богъ, чтобы онъ предшествовали болѣе ужаснымъ дѣйствіямъ! Этотъ народъ, столь великодушный, столь полный умѣренности послѣ побѣды, съ яростью требуетъ теперь головъ людей, ошибки и заблужденія которыхъ только ускорили его торжество. Теперь стыдятся и, въ особенности, чувствуютъ себя неловко отъ того, что столь смѣшнымъ образомъ превозносили орудіе, которымъ пользовались; хотѣли бы сломать его, но страхъ преобладаетъ, а также и убѣжденіе, что лишили себя права поступать строго. Анархія менѣе въ умахъ, чѣмъ въ пользованіи властью; еще имѣются люди, знающіе, чего они хотятъ, но буквально нѣтъ никого, кто бы зналъ, что онъ можетъ сдѣлать правильнымъ и систематическимъ образомъ. Силы государства нисведены до шаткаго положенія отдѣльныхъ личностей; каждое мгновеніе настоящаго является загадочнымъ, и я предлагаю, чтобы при такихъ условіяхъ хотя бы попробовали составить себѣ представленіе о будущемъ. Вотъ къ чему приводитъ пренебреженіе, непониманіе долга. Самое печальное въ нашей эпохѣ это то, что у друзей порядка нѣтъ никакой точки опоры...

«Уже съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь, слышно, что замѣчается явное измѣненіе въ настроеніи низшихъ классовъ, единственныхъ, въ пользу которыхъ все, повидимому, дѣлалось; торговля начинаетъ предаваться горькимъ размышленіямъ; ремесленники не видятъ улучшенія въ порядкѣ вещей, не увеличивающемъ ихъ заработка; содержатели мастерскихъ въ отчаяніи. Переплетчикъ моего мужа какъ-то говорилъ на-дняхъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ свобода, у насъ нѣтъ ни работниковъ, ни работы».

Къ этому Свѣчина прибавляетъ интересное замѣчаніе, что по внѣшнимъ признакамъ нельзя было бы и судить о раздѣленіи мірній въ то время. «Впрочемъ,—прибавляетъ она,—во Франціи постоянно бываетъ такъ: можно думать, что она представляетъ собою только одну партію, потому, что побѣжденная партія постоянно остается тщательно скрытою въ тѣни. Въ то время, когда особенно усиленно махали бѣлыми платками, нигдѣ не было замѣтно трехцвѣтнаго знамени, и наоборотъ, такъ, что во Франціи, въ періодъ самаго сильнаго раздѣленія умовъ, можно было бы, основываясь на одной внѣшности, съ полнымъ основаніемъ кричать объ единодушіи».

Какъ извѣстно, Іюльская революція повлекла за собою своего рода дипломатическій разрывъ Россіи съ Франціей. Касаясь слуховъ о назначеніи въ Парижъ русскаго посла, возникшихъ въ Парижѣ въ началѣ 1840 года, Свѣчина писала между прочимъ: «очень мало загадокъ, которыя старались бы разгадать съ большимъ стараніемъ, чѣмъ то, съ которыми теперь пытаются угадать имя посла или министра, который долженъ пріѣхать сюда. Болѣе непосредственный интересъ и болѣе свободнаго времени со стороны нашихъ соотечественниковъ должны бы способствовать тому, чтобы этотъ вопросъ о назначеніи посла волновалъ ихъ болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, между тѣмъ, нѣтъ ничего подобнаго, и здѣсь въ этомъ отношеніи они сильно опережены мѣстными обитателями, которые, въ зависимости отъ направленія, котораго придерживаются, заранее обсуждаютъ всѣ возможные случайности. Вы не можете составить себѣ представленія, дорогой другъ, какимъ только способомъ насъ не припутываютъ ко всему и съ какой увѣренностью говорятъ о предметахъ, самымъ непосредственнымъ образомъ затрагивающихъ насъ. Такъ, между прочимъ, въ настоящую минуту въ обществѣ,—и я не исключаю самыхъ разнообразныхъ его подраздѣлений,—господствуетъ убѣжденіе, что окончательно рѣшенъ вопросъ о бракѣ герцога Бордосскаго съ великою княжною Ольгою, что всѣ условія уже договорены, и всѣ препятствія устранены. Хотя я знаю, какимъ иллюзіямъ каждая партія можетъ предаваться въ свое время, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, я съ трудомъ уясняю себѣ степень довѣрія, почти увѣренности, со стороны самой умѣренной и разсудительной части легитимистовъ, и то полное незнаніе, въ которомъ, по видимому, находятся на этотъ предметъ наши соотечественники. Еще нѣсколько дней тому назадъ они даже не говорили между собою объ этомъ; остается еще также выяснить, какимъ образомъ, если въ этомъ извѣстїи есть хоть что-либо достовѣрное, письма изъ Петербурга не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что могло бы наводить на мысль объ этомъ, тогда какъ другимъ путемъ получаютъ столь опредѣленные свѣдѣнія».

Черезъ два года въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ Нессельроде Свѣчина снова коснулась дипломатическихъ осложненій между Россіей и Франціей.

«Мы выходимъ изъ бѣды,—писала она 4-го января 1842 г.,—но я солгала бы, если бы сказала вамъ, что была сильно обезпечена нашими недавними тревоженіями; въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ столько начиналось пожаровъ, что вооружаешься спокойствіемъ на случай настоящаго пожара. Быть можетъ, искреннимъ во всемъ этомъ дѣлѣ было только недовольство съ нашей стороны, послѣдствія котораго, къ тому же, были крайне ограничены; что же касается положенія,

занятаго Гизо, то я охотно вѣрю, что во всемъ этомъ Россія и Франція играютъ не большую роль, чѣмъ Кохинкина. Выѣсто того, чтобы заниматься мнимой обидой, приготовляли отвѣтъ палатамъ; и эта надменная манифестація постоянно представлялась мнѣ своего рода побѣднымъ аргументомъ, который Гизо противопоставляетъ людямъ, ставящимъ ему въ упрекъ робкую или приниженную политику. Впрочемъ, признаюсь вамъ, дорогой другъ, что мнѣ не больше нравится и то, что въ Петербургѣ не пожелали удовольствоваться предложомъ, представленнымъ Перье ¹⁾. Мнѣ кажется, нужно остерегаться придавать характеръ обиды обстоятельству, изъ-за котораго собственно не хочешь сердиться; и я надѣюсь, что эти столкновенія приведутъ къ признанію, въ качествѣ практической истины, того положенія, что при подобныхъ условіяхъ нужно постоянно смотрѣть на обстоятельства подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ вамъ представляютъ ихъ».

По поводу революціи 1848 года Свѣчина писала графинѣ Нессельроде 20-го февраля 1848 г.: «Мнѣ предлагаютъ прекрасный случай написать вамъ, и вы можете себѣ представить, съ какою радостью я хватаюсь за него, въ особенности, въ настоящій моментъ, когда именно въ письменныхъ сношеніяхъ нѣтъ полной свободы. Настоящее положеніе вещей отличается тѣмъ же характеромъ, который часто бываетъ присущъ великимъ событіямъ—становится менѣ понятными по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ нихъ, и обнаруживать преобладаніе того таинственнаго элемента, который заключается въ нихъ. Люди, создавшіе настоящее положеніе, еще менѣ ожидали этого, чѣмъ люди, совершившіе переворотъ 1830 года; достаточно было трехъ часовъ не только для того, чтобы сломить, заставить исчезнуть своего рода монархію, но и для того, чтобы вызвать на поверхность грязные подонки населенія и сдѣлать ихъ единственнымъ вершителемъ общихъ судьбъ. Послѣ пораженія и оцѣпенѣнія пытаются объяснить себѣ столь чудовищное потрясеніе. По части указанія причинъ произошедшаго — у каждаго имѣются свои; это — упорство для однихъ, страхъ — для другихъ, послѣдовательный рядъ скандаловъ, окончательно уронили высшіе классы въ глазахъ народа. Всего этого, быть можетъ, было бы достаточно для того, чтобы дѣйствовать медленно, породить волненія, но, конечно, не для того, чтобы вызвать страшный и поражающій ударъ. Замѣтили ли вы въ обстоятельствахъ обоихъ этихъ событій нѣчто въ высшей степени сходное въ самомъ ихъ несходствѣ, нѣчто, въ высшей степени способное убѣдить насъ, что второе изъ нихъ является

¹⁾ За отъѣздомъ Баранта, дѣлами французскаго посольства въ Петербургѣ управлялъ Казиміръ Перье, старшій сынъ извѣстнаго французскаго министра.

какъ-бы искупленіемъ перваго, проявленіемъ правосудія, обрушившагося на неправое дѣло. Мнѣ кажется, что никогда еще Богъ не проявлялся въ исторіи болѣе видимымъ образомъ. Вотъ какъ отвѣтилъ кто-то, кому указывали на проявленіе въ этомъ дѣлѣ перста Божія: «Что вы говорите—перстъ Божій! Здѣсь всѣ четыре перста и большой въ придачу!»

Читая это мнѣніе Свѣчиной, невольно вспоминаешь слова, сказанныя императоромъ Николаемъ послѣ получения извѣстія о переворотѣ, произошедшемъ во Франціи. «Вотъ наконецъ комедія сыграна, и негодяй низвергнутъ! Вотъ ужъ скоро восемнадцать лѣтъ, какъ меня называютъ глупцомъ, потому что я говорилъ, что его преступленіе будетъ наказано еще здѣсь, на землѣ, и вотъ мои предсказанія только-что исполнились! И подѣломъ ему, прекрасно, безподобно! Онъ ушелъ тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ!»

Но, признавая во всемъ этомъ дѣйствіе высшаго правосудія, Свѣчина тѣмъ не менѣе была возмущена неблагодарностью парижскаго населенія, его разнузданной ненавистью къ королю, управленіе котораго, по ея мнѣнію, никогда не было ни тиранническимъ, ни прибѣгавшимъ къ насильственнымъ мѣрамъ; при которомъ спокойствіе, процвѣтаніе и благосостояніе страны возросли, которому, если не считать полнаго отсутствія нравственной высоты, нельзя было поставить въ упрекъ ни одного конституціоннаго проступка, и эгоизмъ или честолюбіе котораго не вызывали слезъ и не пытались подомъ народа. «Въ системѣ Людовика-Филиппа,—писала она,—было очень много такого, что слѣдовало оспаривать: въ особенности, нужно было противиться дѣлѣмой имъ утошнѣ о матеріальномъ благосостояніи, которое онъ безусловно ставилъ выше благородныхъ и великодушныхъ интересовъ. Но противодѣйствіе подобной натурѣ не должно бы переходить за предѣлы надлежащей независимости, и силою слѣдовало бы брать только то, что представлялось бы необходимымъ для созданія преградъ потоку. О Лалли-Толандаль, который былъ очень дурной человекъ, но погибъ на эшафотѣ вслѣдствіе неправаго приговора, говорили, что каждый имѣлъ право поразить его за исключеніемъ палача. Я перефразирую эти слова, чтобы примѣнить ихъ къ Людовику-Филиппу: «Кромѣ Бога, никто здѣсь не имѣлъ права поразить его». Онъ и король-то былъ едва только настолько, чтобы въ его лицѣ могла быть поражена королевская власть, такъ какъ въ его рукахъ она страшнымъ образомъ исказилась. Въ настоящее время она представляется уже не ослабленною, не униженною, не угрожаемою, а—уничтоженною; но я сильно опасаюсь, что къ республикѣ относятся не серьезнѣе, чѣмъ относились къ монархіи въ ея шаткомъ положеніи со столь давняго времени. Чего я ищу среди современныхъ политическихъ дѣятелей и чего никакъ не могу найти,

такъ это искренней привязанности къ какому бы то ни было политическому строю, исключительныхъ привязанностей, однимъ словомъ, того рвенія, которымъ иногда горитъ человекъ къ дѣлу, которое онъ дѣлаетъ, или къ идеѣ, которую онъ поддерживаетъ. Республика появилась на свѣтъ Божій, вслѣдствіе явной невозможности провести какую-либо иную партію или форму правленія; это нейтральная почва, о которой никто не думалъ, и которая въ силу одного этого можетъ соединить и заставить дѣйствовать вмѣстѣ большее число людей. И на этотъ разъ во всемъ происходившемъ снова увидѣли общую опасность, соединяющую и, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ сплавивающую различные разбросанные элементы, часто самые несходные между собою. Въ настоящее время всѣ примкнули къ республикѣ, въ большинствѣ случаевъ, искренно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе справедливо или вѣроятно, что очень многіе, смотря на нее, какъ на нѣчто временное, уже льстятъ себя надеждою достигнуть осуществленія своихъ прежнихъ химеръ. Легатимисты въ особенности горятъ рвеніемъ къ республикѣ. Если современное положеніе вещей оставляетъ мѣсто многимъ ужасамъ и грозитъ массою жертвъ, то паденіе общаго врага доставляетъ большое облегченіе извѣстной части бѣднаго человѣческаго сердца. Но наряду съ этимъ болѣе или менѣе законнымъ удовлетвореніемъ, сколько потерь, сколько затрудненій, какое мрачное будущее, сколько постоянныхъ угрозъ! Немалыя затрудненія представляетъ внутренняя организація; финансовыя затрудненія велики. Область внѣшней политики не представляетъ ни большой ясности, ни меньшихъ опасеній. Явится ли слѣдствіемъ столькихъ беспорядковъ и столкновеній война? Мнѣ кажется, что можно съ полнымъ правомъ утверждать, что во Франціи не желаютъ ея, и, если только сила обстоятельствъ не принудитъ къ противоположному, здѣсь будутъ очень далеки отъ того, чтобы дѣйствовать вызывающимъ образомъ. Италія—вотъ главный камень преткновенія! Если ломбардскія провинціи подадутъ сигналъ,—Франція выступитъ имъ на помощь; но даже на эту войну, которая отвѣчала бы стремленіямъ, наклонностямъ и чувствамъ столь многихъ, смотрѣли бы какъ на несчастье, какъ на крайность, которая бросила бы страну на произволъ роковыхъ случайностей. Обезоруженіе войскъ, обезоруженіе столь постыдное, столь необъяснимое съ точки зрѣнія воинской чести, съ каждымъ днемъ будетъ представляться арміи все болѣе позорнымъ. Самый сильный доводъ въ пользу того, чтобы устранить это впечатлѣніе—ссылка на то, что вѣдь, въ концѣ концовъ, уступили передъ междоусобной войной, и что французы уступили лишь французамъ же; тѣмъ не менѣе сознаніе возмущается этимъ благовиднымъ предлогомъ, и войска должны сгорать желаніемъ поскорѣе уничтожить слѣды этого софизма. То, что безспорно, такъ это то, что если мы нашли покровительство,

защиту и спасеніе, то мы обязаны этимъ не регулярнымъ войскамъ,— а Сень-Сирской, Сомюрской и, главнымъ образомъ, Политехнической школамъ; при послѣднемъ кризисѣ Франція была спасена молодежью, почти мальчиками. Никогда еще не было ничего болѣе удивительнаго, и эмблемой единственной славы, которою могла бы покрыть эта борьба, должны были послужить античные камни съ изображеніемъ льва, усмиреннаго и ведомаго ребенкомъ».

Коснувшись затѣмъ трудности задачъ, предстоящихъ новому правительству, и высказывая, что оно было поставлено въ необходимость предпринять что-либо грандіозное, Свѣчина писала между прочимъ: «Два прекрасныхъ декрета уже вышли изъ этого хаоса, насчитывающаго девять дней: это—отмѣна смертной казни за политическія преступленія и упраздненіе присяги, равносильное упраздненію клятво-преступленія».

Сравнивая революцію 1830 года съ революціей 1848 года, Свѣчина, съ своей точки зрѣнія, отмѣчала слѣдующее различіе между ними: «что безспорно, такъ это то, что до настоящаго времени образъ дѣйствій правительства далеко не отличается антирелигіозностью, и это-то и придаетъ настоящей революціи совершенно другой характеръ, чѣмъ тотъ, который былъ присущъ революціи 1830 г.» «Признаюсъ,—писала она,— что, съ своей стороны, я несравненно менѣе страдала отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, и что одно разграбленіе церкви Сень-Жерменъ л'Оксеруа и архіепископской резиденціи, со всѣми послѣдовавшими затѣмъ ужасами, произвело на меня болѣе впечатлѣнія, чѣмъ угрожающая анархія, среди которой мы прожили не одинъ день и не одну ночь. Опасности для отдѣльныхъ личностей и частныхъ состояній были въ то время, конечно, меньше, но за то повсюду замѣчалась святотатственная ненависть, тогда какъ на этотъ разъ нѣтъ и слѣдовъ ничего подобнаго. Конечно, это не значить, чтобы при новомъ порядкѣ права религіи представлялись мнѣ пользующимися неизмѣннымъ уваженіемъ; очень вѣроятно, что они неоднократно будутъ оскорблены въ томъ или иномъ отношеніи, но, по крайней мѣрѣ, это уже не будетъ крикомъ ненависти и возмущенія, исходящимъ изъ народной массы».

Среди событій 1848 года чуть было не возгорѣлся снова польскій вопросъ. 13-го мая 1848 г. Свѣчина писала дочери графини Нессельроде объ агитаціи, возвыщенной въ пользу Польши, но лишь какъ объ одной изъ тѣхъ донельзя заѣзженныхъ манифестацій противъ русскихъ, которыя во всѣхъ видахъ расточали Россіи въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ, и которая осталась безъ всякаго отклика и послѣдствій. «Сегодня,—писала она на слѣдующій день, 14-го мая 1848 г.,— можно было бы повторить то же самое, но, чего не знали вчера, такъ это того, что эти крики были не проста, что они прикрывали готовый

заговоръ, цѣлую революцію, проектъ побѣды на образецъ побѣды 12-го февраля. Мы чудеснымъ образомъ избѣгнули этого, и то лишь благодаря одной милости со стороны Бога, потому что не думаю, чтобы бессмысленная непредусмотрительность могла заходить далѣе... Что касается войны, то нѣтъ ничего болѣе непопулярнаго; сами демагоги кричали о ней лишь для того, чтобы запугать за границей и создать тиранию внутри страны; въ то же время они объявляли, что не пойдутъ на границу, такъ какъ они твердо рѣшили не служить болѣе мясомъ для пушекъ. Во всемъ этомъ Польша до такой степени являлась предлогомъ, что ея даже не называютъ, и энтузіазмъ къ ней, съ такимъ трудомъ и столь бесполезно подогрѣтый при этой послѣдней попыткѣ, уронилъ ея акцію до банкротства. Если русскимъ не грозитъ другой опасности, они могутъ быть спокойны; когда они обнаруживаютъ единеніе въ одной и той же преданности государю и отечеству, то чувствуется, что они могли бы съ равнымъ успѣхомъ вызвать много сплотившихся непріятелей. Я не въ состояніи передать вамъ, насколько я наслаждалась этимъ великолѣпнымъ проявленіемъ истиннаго общественнаго мнѣнія, а также и возвышенной и могучей умѣренностью, отпечатлѣвшееся на всѣхъ словахъ и на всѣхъ дѣйствіяхъ государя. Сила представляется какъ-то особенно великой, когда она сама ограничиваетъ себя, и когда ея рука приостанавливается не подъ воздѣйствіемъ малодушія или уступчивости. Вы тысячу разъ правы: въ насъ ненавидятъ не угрозу, а единственно лишь силу. Эта ненависть—признакъ нашего могущества, и въ тотъ день, когда эта ненависть ослабнетъ, намъ нужно будетъ всего опасаться. Богъ и долгъ, познанный въ самомъ себѣ, вотъ что, по моему мнѣнію, можетъ только служить путеводной нитью въ лабиринтъ чловѣческихъ дѣлъ. Прекрасное поведеніе нашихъ нѣмецкихъ провинцій представляетъ собою массу поучительнаго и прекрасно намѣчаетъ путь, котораго слѣдуетъ держаться; оно доказываетъ, что не слѣдуетъ отчаяваться въ людяхъ, и что прислушиваніе къ дѣйствительнымъ правамъ не всегда бываетъ сопряжено съ опасностью».

XVI.

Противъ Свячины часто выдвигали обвиненіе, что, принявъ католичество и поселившись во Франціи, она отреклась отъ Россіи, прониклась космополитизмомъ. При этомъ самыя чистыя изъ ея побужденій смѣшивались съ грязью. Внимательное изученіе ея писемъ, проникнутыхъ неизмѣнною искренностью, служитъ лучшимъ опроверженіемъ направленныхъ противъ нея инсинуацій.

«Въ своемъ несчастіи,—какъ-то писала она,—я не забуду, что я русская среди французовъ. Богу извѣстно, забывала ли я когда-либо это, и былъ ли хоть одинъ случай, чтобы у меня вырвались ропоть, жалоба или просто неодобреніе моихъ государей. Вотъ чтò я могу сказать открыто и по чистой совѣсти. При настоящихъ обстоятельствахъ болѣе, чѣмъ когда-либо, я не хочу, чтобы какое-либо изъ моихъ дѣйствій, какое-либо слово не согласовались съ моими внутренними чувствами. Въ моей религіи я нахожу двойной мотивъ для того, чтобы повиноваться. Моя покорность не заключаетъ въ себѣ ничего рабскаго: она свободна, какъ все, чтò исходитъ изъ сознанія; это даже не бремя необходимости, и все это, дорогой другъ, я высказываю вамъ безъ хвастовства, безъ высокомерія и безъ недовольства».

Когда послѣ июльской революціи послѣдовало повелѣніе всѣмъ русскимъ выѣхать изъ предѣловъ Франціи, а Свѣчиной было разрѣшено остаться въ Парижѣ, положеніе ея сдѣлалось очень щекотливымъ и налагало на нее особыя обязательства по отношенію къ императору Николаю. По этому поводу она писала между прочимъ графинѣ Нессельроде 15-го октября 1831 г.: «Я хочу сообщить вамъ нѣсколько подробностей, которыя покажутъ вамъ образъ дѣйствій, котораго я намѣрена держаться по отношенію ко всему, чтò можетъ касаться политики и моего положенія какъ русской. Меня спрашивали, увижу ли я N, находящагося въ настоящее время въ Парижѣ. Какъ бы я ни сожалѣла о неудовольствіи, которое мой отказъ причинить его брату, я отвѣчала, положительно и безповоротно, что не приму его; что, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса объ его виновности или невинности, а исходя изъ того, что я нахожусь въ Парижѣ благодаря терпимости государя, которая, въ моихъ глазахъ, одна лишь узаконяетъ мое пребываніе здѣсь, я повинуюсь тому, что рѣшается въ Петербургѣ точно такъ же, какъ будто-бы я находилась тамъ, и что моя подчиненность, въ высшей степени свободная и сознательная, не остановится ни передъ какимъ актомъ покорности. Слѣдуя тому же принципу, я перешла отъ предметовъ одушевленныхъ къ неодушевленнымъ и исключила свою фамилію изъ числа подписчиковъ на газету «Avenir», которая столь же не понимаетъ императора и Россіи, какъ и недостойнымъ образомъ судить о нихъ. Я прекрасно знаю, какое значеніе слѣдуетъ придавать подобнымъ оскорбленіямъ, и насколько они могутъ быть обидны, будучи болѣе сдержанны; я знаю, что эта рѣзкость «Avenir», одного изъ сотрудниковъ которой, какъ вамъ извѣстно, я люблю, является слѣдствіемъ недостатка благопристойности и дѣломъ стили; но я думаю также, что, не раздѣляя ихъ политическихъ чувствъ и принадлежа къ странѣ, безпрестанно являющейся предметомъ ихъ нападокъ, я не должна присоединяться къ нимъ хотя-бы путемъ подписки на газету».

Подтвержденіемъ любви Свѣчиной къ Россіи можетъ служить и слѣдующій случай. Въ разговорѣ, за нѣсколько дней до своей смерти, Свѣчина сказала какъ-то: «Такъ много людей, которые забываютъ, что отечество—духовная личность, и которые не боятся легкомысленно наносить ему самыя тяжелыя оскорбленія. А между тѣмъ отечество, по меньшей мѣрѣ—ближній и даже должно было бы быть первымъ изъ ближнихъ».

Затронувъ эту тему, она продолжала развивать ее съ краснорѣчіемъ, производившимъ, по словамъ ея біографа, тѣмъ большее впечатлѣніе, что оно, какъ-бы сверхъестественнымъ усиленіемъ, вырывалось изъ все болѣе задыхавшейся груди.

Съ своей стороны, и Фаллу въ своей книгѣ говорить о любви Свѣчиной къ Россіи и объясняетъ ее тѣмъ, что первыя впечатлѣнія Свѣчиной, родившейся и проведшей дѣтство въ Москвѣ, естественно оказывались связанными съ наиболѣе славными воспоминаніями ея родины и поэтому на долго сохранили свое вліяніе на нее.

Свѣчина постоянно противилась совѣтамъ друзей, уговаривавшихъ ее реализовать свое состояніе и перевести его во Францію. «Я никогда не соглашусь на это,—неизмѣнно отвѣчала она.—Я хочу оставить свое наслѣдство неприкосновеннымъ сестрѣ и ея дѣтямъ; но если бы и никого изъ нихъ не осталось въ этомъ мѣрѣ, то и тогда я не хотѣла бы порвать послѣднюю связь съ моимъ отечествомъ, покинуть крестьянъ, вѣрренныхъ мнѣ Провидѣніемъ, и укрѣпить въ умѣ императора пагубное предубѣжденіе, заставляющее его предполагать, что, становясь католикомъ, нельзя оставаться добрымъ русскимъ».

Высказанный ею въ этомъ письмѣ взглядъ на крестьянъ, какъ на вѣрренныхъ ея попеченію самимъ Провидѣніемъ, не являлся пустыми словами, а вытекалъ для нея изъ общаго положенія крѣпостныхъ того времени. Это видно между прочимъ изъ слѣдующихъ ея строкъ, относящихся къ 1839-му году. «Мы сильно озабочены,—писала она одному изъ своихъ друзей,—страшными бѣдствіями, постигшими наши имѣнія; урожай пропагъ совершенно; сѣменная рожь для будущаго года тоже погибла вслѣдствіе непрерывныхъ дождей, смѣнившихъ засуху, такъ что въ результатѣ ни больше, ни меньше какъ подрывъ дохода за два года. И, прежде чѣмъ думать о себѣ, нужно подумать о крестьянахъ, хлѣбъ которыхъ тоже погибъ, и которые у насъ въ странѣ не имѣютъ другаго кошелька, кромѣ кошелька своихъ помѣщиковъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она съ непрерывнымъ вниманіемъ слѣдила за движеніемъ крестьянскаго вопроса въ Россіи. Такъ, она писала графинѣ Нессельроде въ началѣ 1847-го года: «Я бы очень хотѣла, чтобы вы могли сказать мнѣ, заключаютъ ли въ себѣ эти слухи объ освобожденіи крестьянъ что-либо положительное и определенное? Предстоитъ ли

предпринять что-либо немедленно и можно ли предупредить общее движение, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ, проще говоря, повиноваться ему? Правда ли, что обнародованные въ послѣднее время указы уже измѣняютъ или, по крайней мѣрѣ, сильно отражаются на отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами? Я на отдѣльномъ листикѣ изложу отдѣльные вопросы, о которыхъ мнѣ говорить, что они уже рѣшены, опубликованы; такъ какъ они не представляются мнѣ вполне понятными или осуществимыми, то я думаю, что, быть можетъ, они не точно переданы мнѣ или, по крайней мѣрѣ, требуютъ разъясненія. Этого-то объясненія или подтвержденія я и ожидаю отъ вашей доброты, дорогой другъ; у васъ, конечно, найдется кто-нибудь, чтобы сдѣлать это для меня. Отдаленность родины среди подобныхъ озабочивающихъ обстоятельствъ даетъ себя чувствовать особенно тягостнымъ образомъ, и, вообще, я нахожусь въ такихъ тревоженіяхъ, что, если бы не безпокойство, которое я чувствовала бы, удалившись отъ мужа, то я не колеблясь предприняла бы путешествіе въ Петербургъ».

Ея интересъ къ крестьянскому вопросу не охладѣлъ до самой ея смерти (1857 г.) Такъ, за нѣсколько дней до своей кончины, на вопросъ Фаллу, не начинается ли вопросъ объ освобожденіи крестьянъ замѣтно подниматься въ Россіи, она отвѣтила съ увлеченіемъ: «Онъ не поднимается, онъ кипитъ!»

Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ чувствъ, которыя Свѣчина питала къ Россіи, служатъ ея многочисленныя письма къ разнымъ лицамъ, написанныя ею въ періодъ Крымской кампаніи.

«То, что вы пишете мнѣ подъ впечатлѣніемъ смерти императора Николая,—писала Свѣчина князю Августину Голицыну,—достаточно говорить о горечи волненія, охватившаго васъ при паденіи Севастополя. Это несчастіе, вытекающее изъ цѣлаго ряда другихъ, не имѣетъ противовѣса даже въ томъ, чтобы оно ускорило окончаніе кровавой распри. Положеніе нашей страны, въ смыслѣ обороны, превосходно; есть побѣдитель, но нѣтъ побѣжденнаго. Печальное извѣстіе было получено наканунѣ или за два дня до праздника Александра Невскаго; въ день этого праздника императоръ съ большею торжественностью отправился въ Лавру, и пишутъ, что ничто не можетъ сравниться съ энтузіазмомъ народа, столпившагося на пути его проѣзда. Этотъ энтузіазмъ—неподдѣльный и устраняетъ всякое предположеніе объ упадкѣ духа; какъ обыкновенно, страдаютъ не жалуются, не впадая въ уныніе; подобное настроеніе народа должно вызывать одні лишь великодушныя симпатіи».

«Я остаюсь во Франціи,—писала она ранѣе, въ мартѣ 1854 г. м-ше Сгавен,—и несомнѣнно, что я предпочитаю это, хотя, съ другой стороны, не менѣе безспорно и то, что эта война, являющаяся для меня

междоусобной, осуждаетъ меня, находящуюся здѣсь, на много тягостныхъ волненій. Война отдаленная, на чужой сторонѣ, представляется еще чѣмъ-то отвлеченнымъ. Дунай—нѣчто вродѣ Кавказа или для васъ Алжира; но съ тѣхъ поръ, какъ мишенью стало побережье Балтійскаго моря,—это дѣло совершенно другое. Это грозитъ кровавыми схватками, всевозможными бѣдствіями знакомымъ берегамъ, мѣстамъ, съ которыми связаны мои самыя раннія воспоминанія; это затрогиваетъ идею отечества, но отечества по плоти и крови. Сколько бѣдствій можетъ заключаться въ одномъ поступкѣ, въ одномъ алчномъ, горделивомъ или неблагоразумномъ словѣ!»

Тотъ же мотивъ, о значеніи появленія непріятельской эскадры въ Балтійскомъ морѣ, появляется и въ одномъ изъ ея писемъ къ графинѣ Хрептовичъ. «Вступленіе эскадры въ Балтійское море производитъ на меня чрезвычайное впечатлѣніе. Страна, я надѣюсь, не болѣе уязвима тамъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, но это—небо, подъ которымъ я жила, это—наши берега, это—мѣсто, съ которымъ связывается у меня идея отечества, и тамъ я чувствую себя пораженною въ сердце».

«Для всѣхъ—это восточная война,—писала она въ одномъ случаѣ,—для меня же—это война междоусобная... Съ начала осады Севастополя, я говорю себѣ, что ни у кого не будетъ недостатка храбрости или самопожертвованія, но, увы, только слезы для тѣхъ и другихъ».

Въ концѣ концовъ Севастопольская эпопея вырываетъ у нея косвенные упреки по адресу Англіи, выраженные въ слѣдующихъ строкахъ ея письма къ м-ше Сгавен: «Чего ожидаютъ въ вашей странѣ (въ Англіи) отъ войны? На какихъ условіяхъ прекратится она? Къ чему клонятся намѣренія, безспорнымъ послѣдствіемъ которыхъ до настоящаго времени были лишь одни неисчислимыя несчастія и горе? Противоположные интересы не могутъ вызывать однородныхъ пожеланій, и единственное утѣшеніе заключается въ томъ, что каждый думаетъ, что исполняетъ свой долгъ».

«Вы видѣли ваши потери,—писала она той же м-ше Сгавен въ другомъ письмѣ 18-го октября 1855 г.,—бѣдственныя сами по себѣ, и, несмотря на это, не сократили продолжительности борьбы или не дали возможности предвидѣть ея исходъ. Несомнѣнно, съ одной стороны несравненно болѣе страданій, чѣмъ съ другой, но, тѣмъ не менѣе, и теперь еще существуетъ равенство шансовъ, потому что, если наши потери поддаются исчисленію, то, съ другой стороны, существуютъ опасности, которыхъ нельзя соразмѣрить: Господь ставитъ нашему любопытству трудную задачу».

Интересны сохранившіяся въ перепискѣ Свѣчиной указанія на то, какое настроеніе царило въ Парижѣ въ январѣ 1855 г. «Развлеченія,—писала она,—идутъ не полнымъ ходомъ вслѣдствіе своего рода безмолв-

наго единодушія, дѣлающаго всѣмъ честь. Да, впрочемъ, какъ оставаться холоднымъ при наличіи столькихъ страданій! Кто бы повѣрилъ въ ихъ продолжительность, въ продолжительность агоніи, въ которой держитъ насъ великое событіе¹⁾, которое, кровавое или нѣтъ, послужитъ новой исходной точкой? Это упорно преслѣдующая мысль, отъ которой нельзя отдѣлаться. Правда, затрудненія англійскаго кабинета нѣсколько отвлекаютъ вниманіе въ другую сторону, и даже мнѣ кажется, что ихъ сильно преувеличиваютъ, какъ равно и послѣдствія понесенныхъ потерь. По отношенію къ Англіи повторяется то же, что въ прошломъ году мы видѣли по отношенію къ Россіи, которую объявляли неспособной защищаться, основывая подобный выводъ лишь на малоблестящемъ походѣ и на сдачѣ незначительнаго форта. Разъ воображеніе вступитъ на какой-либо путь, оно начинаетъ быстро работать, и ничто не удержитъ его отъ легкости сужденій. Что касается надеждъ на миръ, то нѣсколько дней онѣ витали въ воздухѣ подъ странный аккомпаниментъ движенія армій и грохота орудій, но теперь вотъ исчезли. Надо сознаться, что ихъ все и не видѣли въ формѣ очень серьезнаго стремленія. Только несчастнымъ женщинамъ предоставлена полная свобода желать умиротворенія, тѣмъ болѣе, что заключеніе теперь мира ни для кого не явилось бы униженіемъ».

XVII.

Конечно, въ своей обширной перепискѣ Свѣчина касалась личностей современныхъ ей католическихъ русскихъ. Въ этомъ отношеніи въ ея письмахъ и въ примѣчаніяхъ Фаллу разсѣяно много отдѣльныхъ любопытныхъ указаній. Читая про дѣятельность, самоотверженіе этихъ русскихъ, невольно приходитъ въ голову мысль, что весь ихъ католицизмъ и служеніе ему являлись ничѣмъ инымъ, какъ безсознательнымъ стремленіемъ къ какой-либо дѣятельности, слѣдствіемъ избытка силъ, искавшихъ приложенія и не находившихъ разумнаго примѣненія въ окружавшей ихъ дѣйствительности.

Къ числу наиболѣе видныхъ и дѣятельныхъ католическихъ русскихъ, упоминаемыхъ Свѣчиной, относятся князь И. С. Гагаринъ, княгиня Александра Голицына, князь Ѳедоръ Голицынъ, П. А. Ермоловъ и княжна Е. А. Голицына.

Вотъ нѣкоторыя подробности о нихъ.

О князѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Гагаринѣ уже было упомянуто выше. Онъ сынъ члена Госуд. Совѣта, одно время секретарь русскаго посоль-

¹⁾ Осада Севастополя.

ства въ Парижѣ. Въ 1842 году онъ принялъ католичество, а въ 1843 году, вступилъ въ орденъ іезуитовъ ⁴⁾.

Княгиня Александра Голицына, урожденная графиня Протасова, родилась въ Петербургѣ въ 1774 году. Она была фрейлиной императрицы Екатерины и очень молоденькой вышла замужъ за князя Алексѣя Голицына, внука Голицына, героя Полтавской битвы. Она овдовѣла въ 1800 г. и была одною изъ первыхъ русскихъ, принявшихъ католичество.

Ея примѣру послѣдовали ея сестры, графиня Ростопчина, графиня Протасова и княгиня Васильчикова. Кромѣ того, ею были совращены въ католичество ея старшій сынъ, князь Петръ, и дочь, княжна Елисавета.

Она умерла въ Петербургѣ 16-го октября 1842 года. Несмотря на принятіе католичества, она пользовалась въ обществѣ и при дворѣ большимъ уваженіемъ. Она любила записывать свои впечатлѣнія, и послѣ нея осталось нѣсколько томовъ рукописей.

Княгинѣ Голицыной было суждено оказать громадное вліяніе на судьбу Свѣчиной. Послѣдняя считала ее своею матерью, направившей ее на путь спасенія, настоящей и первой руководительницей на счастливомъ пути, ангеломъ, который явился ей въ то время, когда Господу было угодно придать нѣкоторую опредѣленность порывамъ, заставлявшимъ ее стремиться къ Нему. «Никогда не забывайте,—писала ей Свѣчина въ 1835 году,—что ничто не замѣнило васъ вполне въ моемъ сердцѣ и ничто никогда не замѣнитъ. Пусть ваши воспоминанія обо мнѣ не представляютъ вамъ меня иначе, какъ подчиненною вашимъ впечатлѣніямъ, наказываемой вашимъ порицаніемъ, вознаграждаемой одобреніемъ съ вашей стороны. Если еще существуетъ въ мірѣ одобреніе, которое являлось бы необходимымъ для меня—такъ это ваше; Богъ свидѣтель этому. Простите мнѣ случаи непочтительности съ моей стороны, рѣзкихъ и внезапныхъ противорѣчій. Такъ какъ я почитаю васъ выше всего, то мнѣ никогда не приходитъ своевременно въ голову, что форма должна отвѣчать содержанию, и поэтому же я пользуюсь съ вами святою свободою, которая, я чувствую это, могла бы быть дурно понята

⁴⁾ Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: „La Russie sera-t-elle catholique» и «Tendances catholiques dans la société russe». Съ 1856 года Гагаринъ принималъ ближайшее участіе въ изданіи теологическаго журнала «Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire». Гагаринъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ окатоличенныхъ православныхъ, искалъ болѣе широкаго поля для дѣятельности въ пользу католицизма и ѣздилъ миссіонеромъ въ Сирію. Во время этой поѣздки онъ изучилъ также положеніе различныхъ восточныхъ церквей (Convertiten Bilder aus dem neunzehnten Jahrhundert von David August Rosenthal. Schaffhausen, 1870).

всякимъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ вы. Не переставайте молиться за меня и испросить, чтобы Господь соблаговолилъ довершить свое дѣло и ваше». Жизнь Голицыной Свѣчина называла «святою жизнью».

Въ отношеніяхъ Свѣчиной и Голицыной было только одно большое мѣсто: Голицына строго порицала Свѣчину за ея пребываніе во Франціи, будучи убѣжденной, что, оставаясь въ Россіи, она могла бы принести большую пользу дѣлу католицизма. Свѣчина же на свое пребываніе въ Парижъ и вообще во Франціи смотрѣла главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, что тамъ она имѣла возможность идти по пути дальнѣйшаго религіознаго самосовершенствованія и открыто исповѣдовать усвоенную ею вѣру.

Княгиня Голицына вообще признавала, что служить «истинной» религіи слѣдуетъ у себя, на родинѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія ея письмо-завѣщаніе своему внуку, князю Августину Голицыну, тоже католику. Упомянувъ о грусти видѣть его какъ-бы въ изгнаніи, она продолжала затѣмъ: «говоря по-человѣчеству, мнѣ кажется, что это не хорошо; божественный законъ предписываетъ намъ любить свое отечество, служить ему, въ особенности являя собою примѣръ истиннаго благочестія и всевозможныхъ добродѣтелей. Но, впрочемъ, что я такое, чтобы проникать въ намѣренія Божиі? Разъ онъ допустилъ, чтобы ваши родители приняли это рѣшеніе, вѣроятно, съ чистыми намѣреніями, то не мнѣ ужъ судить ихъ, а еще менѣе того—вамъ, мой дорогой другъ—вамъ запрещаетъ это уваженіе къ нимъ, предписываемое Богомъ. Единственное, что я осмѣливаюсь посовѣтовать вамъ, это постоянно любить ваше отечество, почаще взывать къ всемилостивому Господу, чтобы Онъ покровительствовалъ ему, обезпечивъ тамъ торжество истинной вѣры. Тѣ же молитвы и за нашего государя. Вы тоже должны, по примѣру Израиля, вздыхавшаго по обѣтованной землѣ, сохранять желаніе возвратиться туда, съ твердымъ намѣреніемъ осуществить его, какъ только это окажется возможнымъ. А если вы станете, какъ я надѣюсь на это, человѣкомъ, угоднымъ Богу, то какую пользу вы можете принести тамъ во славу Его. Не трепещетъ ли ваше сердце при мысли о столь благородномъ предназначеніи?—Въ Бальтиморѣ былъ одинъ миссіонеръ, носившій нашу фамилію¹⁾. Конечно, служить Богу можно всюду, но развѣ, когда оказывается возможность, не слѣдуетъ отдавать предпочтеніе отечеству, въ особен-

¹⁾ Князь Димитрій-Августинъ Голицынъ родился въ 1770 г., умеръ въ 1840 году. Изъ 70 лѣтъ своей жизни онъ 48 лѣтъ провелъ въ Америкѣ. Въ цѣляхъ пропаганды католицизма имъ было написано и издано нѣсколько книгъ на англійскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были широко распространены въ Америкѣ.

ности, когда оно нуждается въ помощи болѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая страна?»

Князь Ѳедоръ Голицынъ обращаетъ на себя вниманіе своей необычайной судьбой. Проживая въ Парижѣ, онъ много занимался религиознымъ просвѣщеніемъ солдатъ; однако, въ 1844 году французское правительство приняло мѣры, чтобы воспрепятствовать ему въ его дѣятельности. Это естественно вызвало сожалѣнія Свѣчиной, писавшей между прочимъ, что князь Ѳедоръ Голицынъ вслѣдствіе встрѣченныхъ имъ препятствій предается скорби о столькихъ душахъ, произвольно исторгнутыхъ съ пути, на который онъ вывелъ ихъ.

Въ 1847 г. въ Римѣ, подъ влияніемъ идеи о свободѣ и возрожденіи Италіи, онъ поступилъ въ ряды милиціи и затѣмъ принималъ участіе въ сраженіяхъ противъ австрійцевъ. Послѣ сраженія при Тревизѣ онъ, по состоянію своего здоровья, долженъ былъ оставить боевую жизнь и вскорѣ затѣмъ, 25-го іюня 1848 г., скончался въ Болоньѣ.

Свѣчина считала его смерть «громადной потерей», а Шуваловъ, присутствовавшій при его кончинѣ, сообщилъ въ письмѣ къ Ермолову слѣдующія подробности о впечатлѣніи, произведенномъ его смертью въ Болоньѣ и вообще въ Италіи: «Еслибы вы знали, какія сожалѣнія онъ возбудилъ въ Италіи и какое уваженіе и восхищеніе онъ сумѣлъ внушить тамъ къ себѣ! Какъ онъ былъ любимъ! А эта боевая жизнь, заставлявшая его выходить изъ своихъ привычекъ! Съ какой героической настойчивостью онъ переносилъ всѣ ея тяготы—ободряя, побуждая однихъ, обращая на путь истины дурныхъ, съ благостью святаго защищая передъ общественнымъ мнѣніемъ слабыхъ! Онъ сдерживалъ трусовъ и являлся апостоломъ и душою своей части. Нужно послушать, какъ говорятъ о немъ его товарищи! Просто хочется плакать отъ восхищенія имъ и отъ жалости къ намъ. Поэтому, съ какимъ блескомъ проявилась въ Болоньѣ общественная скорбь. Его похороны носили характеръ какого-то триумфа для него. Дѣйствительно, всѣ слились воедино: солдаты, офицеры, милиціонеры, народъ—всѣ сбѣжались, и я видѣлъ, какъ плакали люди, которые не знали его. Церковь была такъ переполнена, что нельзя было войти въ нее, а на пути прохожденія процессіи крыши были усѣяны народомъ. Вѣднѣй Ѳедоръ! Онъ пожертвовалъ собою для своего пріемнаго отечества. Въ Римѣ въ честь его было совершено торжественное богослуженіе; онъ вполне заслужилъ этого, потому что умеръ, какъ герой и какъ герой-христіанинъ. Еще въ день смерти онъ сказалъ: «О, какое счастье чувствовать, что увидишь Бога!»

Свѣчина отзывалась о Ѳедорѣ Голицынѣ, что онъ обнаружилъ воинственность и самоотверженіе крестоносца.

Ермоловъ, Петръ Александровичъ, сынъ генерала Ермолова, родил-

ся въ Москвѣ въ 1792 году. Мать его была урожденная Елисавета Голицына, убѣжденная православная. Въ статьѣ «Congrespondant» 13-го (25-го) августа 1858 года Ермолову посвящены слѣдующія строки, показывающія значеніе, которое придавалось его обращенію въ католичество. «Среди лицъ, сопровождавшихъ погребальное шествіе съ тѣломъ Свѣчиной, находился человекъ, который, подобно ей, подъ воздѣйствіемъ благодати Божіей, перешелъ отъ заблужденій русской схизмы къ свѣту католической вѣры. Его скорбь была особенно глубока; въ несравненной женщинѣ, которую мы провожали къ скромной могилѣ, избранной ею для себя на старомъ Монмартрекомъ кладбищѣ,—онъ оплакивалъ соотечественницу и друга, съ которой его связывали общность возвращенія въ лоно церкви и жертвы, принесенныя на алтарь вѣры. Этотъ другой исповѣдникъ Иисуса Христа на чужой сторонѣ былъ Петръ Ермоловъ».

Сама Свѣчина называла Ермолова въ послѣдніе годы своей жизни старѣйшиною (doyen) окатоличенныхъ православныхъ.

Сынъ этого Ермолова, Александръ Петровичъ Ермоловъ, женился во Франціи и принялъ французское подданство.

Княжна Елисавета Алексѣевна Голицына, дочь упомянутой выше княгини Голицыной, обращенная въ католичество своею матерью, родилась въ 1796 году. Съ 1825 года она приняла монашество и, по выраженію Свѣчиной, это была «одна изъ самыхъ святыхъ овецъ маленькаго стада».

Въ цѣляхъ пропаганды католицизма она дважды ѣздила въ Америку, гдѣ основала между прочимъ нѣсколько убѣжищъ и пансіоновъ, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ предназначенъ для пятидесяти маленькихъ краснокожихъ. Изъ ея разсказовъ Свѣчина вынесла впечатлѣніе, что она умѣла обращаться съ дикарями и вліять на нихъ.

Скончалась она 26-го ноября 1843 года ¹⁾.

Затѣмъ изъ прочихъ окатоличенныхъ православныхъ упоминаются:

Графъ Григорій Шуваловъ (его мать, урожденная княжна Щербатова, по второму мужу графиня Шелэнкуръ), умершій въ Парижѣ въ началѣ шестидесятихъ годовъ монахомъ Варнавійскаго ордена, истощенный трудами и проповѣдничествомъ въ пользу дѣла католицизма ²⁾.

Князь Августинъ Петровичъ Голицынъ, сынъ князя Петра Алексѣевича Голицына и внукъ упомянутой выше княгини Александры Голицыной, женившійся на дочери графа Рошъ-Эймонъ, пѣра Франціи.

¹⁾ Княжна Голицына была одарена талантомъ къ живописи и между прочимъ написала для Нью-йоркской церкви три большіе образа.

²⁾ Послѣ смерти Шувалова были изданы его воспоминанія, касавшіяся принятія имъ католичества, подъ заглавіемъ... *Ma conversion et ma vocation. Par le P. Schouvaloff, Barnabite, suivi de lettres de direction par le R. P. de Ravignon. Paris. 1859.*

Князь Андрей Разумовскій.

Князь Михаилъ Голицынъ, братъ упомянутого выше князя Фёдора Голицына.

Наталія Нарышкина.

Княгиня Сайнтъ-Витгенштейнъ, урожденная княжна Трубецкая, сестра фельдмаршала князя Александра Трубецкаго.

Графиня де-ла-Ферронна, урожденная Александра Алопеусъ, дочь русскаго посланника въ Неаполь ⁴⁾.

Какая-то Θεодосія—старушка, русская горничная, принявшая католичество во Франціи и затѣмъ впавшая въ крайне бѣдственное положеніе. Свѣчина случайно нашла ее въ Парижѣ и оказала ей поддержку, но очень скоро вслѣдъ затѣмъ несчастная женщина сошла съ ума. Тогда Свѣчина вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дамами помѣстила ее въ лѣчебницу для душевнобольныхъ, гдѣ онѣ обезпечили для нея содержаніе и лѣченіе.

Между прочимъ Свѣчина принимала особо близкое участіе въ судьбѣ нѣкоего окатоличеннаго Сергѣя С. (S). Свѣдѣнія, сообщаемыя о немъ Свѣчиной, при всей ихъ неполнотѣ, невольно заставляютъ предполагать въ немъ какого-то авантюриста.

Сергѣй С., дворянинъ по происхожденію, первоначально получилъ домашнее образованіе, а затѣмъ его отецъ, всѣмъ жертвовавшій для воспитанія своихъ дѣтей, помѣстилъ его въ С.-Петербургскій университетъ. По окончаніи университета въ 1840 году Сергѣй С. тотчасъ же получилъ мѣсто въ Варшавѣ съ жалованьемъ въ три тысячи двѣсти польскихъ злотыхъ. Въ Варшавѣ у него оказались хорошіе знакомые, которые однако вскорѣ уѣхали оттуда, и онъ остался одинъ, безъ близкихъ людей вокругъ. Подъ вліяніемъ одиночества онъ сталъ предаваться размышленіямъ, и въ немъ пробудилось религіозное чувство. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ зародились нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ православной церкви. Тутъ-то его ждали услужливые есеиды, и, въ довершеніе счастья, по выраженію Свѣчиной, нашелся священникъ, «настолько великодушный», чтобы принять его отреченіе отъ православія. Очевидно, періодъ сомнѣній у Сергѣя С. былъ не особенно продолжителенъ, такъ какъ онъ принялъ католичество уже въ 1840 году. Сначала его обращеніе оставалось въ тайнѣ, но затѣмъ, въ 1844 году, о немъ стали поговаривать. Около того же времени ему предстояло принять присягу, какъ онъ объяснялъ Свѣчиной, по случаю производства въ слѣдующій чинъ. По его словамъ, приводъ къ присягѣ православнымъ священникомъ представлялся ему невозможнымъ. Это обстоятельство, въ связи со слу-

⁴⁾ Хотя ее отецъ и мать были лютеране, она была крещена по православному обряду, при чемъ воспріемникомъ ее отъ купели былъ императоръ Александръ .

хами о переходѣ его въ католичество, дѣлавшими его положеніе очень опаснымъ, побудило его думать о принятіи рѣшительныхъ мѣръ для обезпеченія себѣ свободы совѣсти и безопасности. Здѣсь у него нашелся другъ и покровитель въ лицѣ какого-то князя, добывшаго для него заграничный паспортъ для поѣздки въ Силезію. Съ этимъ паспортомъ онъ и выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. До Берлина онъ еще доѣхалъ кое-какъ, но затѣмъ дальнѣйшее путешествіе отъ Берлина до Парижа ему, за неимѣніемъ денегъ, пришлось совершить пѣшкомъ съ большими лишеніями. Въ Парижѣ его направили къ какому-то аббату, который, въ свою очередь, привелъ его къ Свѣчиной. Этимъ будущность Сергѣя С. была обезпечена.

Прежде всего Свѣчиной пришлось защитить его отъ преслѣдованій полиціи, обратившей вниманіе на неопредѣленность его положенія: съ одной стороны—русское имя, русскій паспортъ на право выѣзда въ Силезію, а съ другой стороны—отказъ отправиться въ посольство, чтобы привести въ порядокъ свои бумаги. Тогда, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, полиція предположила превратить его въ польскаго выходца, но противъ этого протестовалъ самъ Сергѣй С. Наконецъ, такъ какъ Сергѣй С. ссылался въ подтвержденіе своихъ словъ на Свѣчину, префектъ командировалъ къ Свѣчиной одного изъ своихъ чиновниковъ для наведенія справокъ. Свѣчина откровенно рассказала всю исторію С., и этимъ на время удовлетворились.

Чтобы дать Сергѣю С. возможность оправиться послѣ всѣхъ перенесенныхъ лишеній, собраться съ мыслями и, такъ сказать, провѣрить себя, Свѣчина помѣстила его въ какой-то религіозный домъ. Однако, вскорѣ на него снова обратили вниманіе. Совершенно неожиданно для всѣхъ и неизвѣстно по какой причинѣ, послѣдовало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы Сергѣй С. въ теченіе трехъ дней выѣхалъ изъ Парижа, съ предвареніемъ, что единственное мѣсто, гдѣ ему разрѣшается проживать во Франціи—это Нанси. Одновременно съ этимъ онъ былъ вытребованъ въ русское посольство, гдѣ тщетно были приложены всѣ старанія, чтобы убѣдить его вернуться въ Россію. Послѣ этого онъ отправился въ Нанси, гдѣ Свѣчина помѣстила его въ семинарію и содержала тамъ совмѣстно съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей. Впослѣдствіи Сергѣй С. принялъ монашество.

XVIII.

Въ заключеніе нашей статьи о С. П. Свѣчиной приведемъ нѣсколько характеристикъ и мнѣній, высказанныхъ ею по поводу отдѣльныхъ лицъ того времени.

Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ Нессельроде она

*

коснулась впечатлѣнія, произведеннаго на русское общество какъ отставку министра финансовъ, графа Гурьева (22-го апрѣля 1823 г.), тринадцать лѣтъ остававшагося на этомъ посту, такъ и вообще происшедшими тогда многочисленными административными переменами, подготовленными Аракчеевымъ. «Я не въ состояніи выразить вамъ мое удивленіе по поводу отставки вашего отца,—писала она.—Мнѣ казалось, что послѣ всѣхъ услугъ, оказанныхъ имъ въ самое критическое и трудное время, его положеніе должно бы быть упрочено навсегда; но не здѣсь-то можно искать устойчивости. Оба мѣста, которыя онъ сохраняетъ ¹⁾, удаляютъ всякую мысль о немилости или слишкомъ явной несправедливости: но, съ другой стороны, представлялось столько оснований, которыя должны бы удержать его на его первомъ посту, что необходимо допустить, что ему пришлось испытать много неприятностей и встрѣтить много препятствій для осуществленія того добра, которое онъ хотѣлъ принести, и что это-то и побудило его окончательно покинуть свой постъ. Впрочемъ, мнѣ сообщаютъ со всѣхъ сторонъ, что общественное мнѣніе вполнѣ вознаградило его за огорченія, неразрывныя съ подобнымъ рѣшеніемъ. Бутурлинъ передавалъ мнѣ, что въ тотъ день, когда узнали, что его отставка принята, его гостиныя были переполнены, и что то же повторилось и въ слѣдующіе дни. При подобныхъ обстоятельствахъ научаешься цѣнить толпу. Былъ моментъ, когда перестали понимать, что значать переменны, столь внезапныя и столь многочисленныя; каждый день узнавали о какой-либо новой немилости; здоровье всѣхъ разстроилось, всѣ посты оставались вакантными, сотни тысячъ слуховъ, одинъ недѣлпѣе другаго, быстро смѣнялись другъ друга, и всѣ впадали въ еще большее заблужденіе, когда хотѣли доискаться общаго начала, которое являлось бы источникомъ всѣхъ этихъ отдѣльных передвиженій».

Затѣмъ она коснулась немилости, въ которую впалъ князь П. М. Волконскій и писала по этому поводу: «Путешествіе князя Петра представилось, по меньшей мѣрѣ, столь же загадочнымъ, какъ и все остальное, и если есть какое-либо основаніе для почти повсемѣстнаго слуха объ его опалѣ, то мнѣ очень жалко его. Онъ слишкомъ близко соприкасался съ императоромъ, слишкомъ долго и непрерывно находился при немъ, чтобы потребность въ довѣрїи, которымъ онъ пользовался, не вошла въ его привычки. Во что можетъ превратиться жизнь человѣка, свободная отъ занятій, которыя болѣе чѣмъ въ продолженіе двадцати лѣтъ не оставляли ему въ день двухъ свободныхъ часовъ?»

Коснувшись вліянія, которое пребываніе въ Палермо произвело на здоровье императрицы Александры Феодоровны, Свѣчина высказала между

¹⁾ Управленіе удѣлами и кабинетомъ.

прочимъ предположеніе, что извѣстную долю пользы должна была принести императрицѣ и радость по случаю предстоявшаго брака великой княжны Ольги Николаевны съ наследнымъ принцемъ Вюртембергскимъ. «Никогда еще,—писала она графинѣ Нессельроде въ апрѣлѣ 1846 года,—репутация русской красоты не поднималась выше въ Европѣ, чѣмъ теперь прославилась красота великой княжны Ольги; благодаря ей, прекрасный полъ нашей страны занимаетъ подобающее мѣсто самымъ неоспоримымъ образомъ».

Послѣ революціи 1848 г. генераль Ле-Фло ѣздилъ посломъ въ Петербургъ. Свѣчина видѣла семью Ле-Фло послѣ ея возвращенія въ Парижъ и отмѣчаетъ въ своихъ письмахъ, что они вернулись вполне восхищенные Петербургомъ, встрѣченнымъ тамъ приемомъ и, въ частности, особенно тронутые милостивымъ вниманіемъ со стороны императорской фамилии. «Люди, далеко стоящіе отъ двора, — замѣтила по этому поводу Свѣчина,—совершенно не такими воображаютъ себѣ государей, и къ ихъ восторгамъ постоянно примѣшивается нѣсколько удивленія, когда они встрѣчаютъ то, чего, въ особенности, во Франціи никогда не видѣли ни при какомъ режимѣ».

Въ Парижѣ Свѣчина, конечно, встрѣчалась съ русскимъ посломъ Поццо-ди-Борго, и вотъ что она написала о немъ послѣ одного изъ своихъ разговоровъ съ нимъ. «У меня былъ нашъ посолъ (Поццо-ди-Борго), и, право, эти два часа, которые онъ подарилъ мнѣ, показались мнѣ чѣмъ-то въ высшей степени пикантнымъ и интереснымъ. Въ своихъ депешахъ онъ долженъ рассыпать въ громадномъ изобиліи этотъ умъ, столь оригинальный, столь вѣрно судящій, столь живописный въ оборотахъ рѣчи, столь одушевленный; онъ заставляетъ жить все, что рисуетъ, и, въ особенности, свою мысль. Этотъ человекъ оказался бы неподобнымъ въ области мемуаровъ, и, если онъ не пишетъ своихъ, то, право, это потеря, которую слѣдуетъ оплакивать. То же самое можно было сказать о Шатобрианѣ, но онъ не пожелалъ оставить этого сожалѣнія не только потомству, но даже всѣмъ своимъ современникамъ, потому что, отказавшись напечатать свои мемуары при своей жизни, онъ въ то же время читаетъ въ обществѣ отрывки изъ нихъ, и эти чтенія пользуются большимъ успѣхомъ».

Съ большою мѣткостью охарактеризовала Свѣчина направленіе Людовика Филиппа. Послѣ ея словъ какъ-то особенно понятнымъ становится то органическое отвращеніе, которое питалъ къ нему императоръ Николай. «Обожаютъ или же ненавидятъ Людовика-Филиппа?—задала она вопросъ въ началѣ 1834 года.—Ни то, ни другое; онъ ни стоитъ, ни лежитъ. Это режимъ, который еще нельзя опредѣлить названіемъ; это ловкая политика, не руководящаяся ни принципами, ни привязанностями, ни страстями, ни гнѣвомъ. Слѣдствіемъ этого является то, что

онъ постоянно готовъ поступить такъ, какъ ему предписываетъ или подсказываетъ выгода. Тѣ, которые въ извѣстномъ кругу ищутъ милостей, еще скрываются; впрочемъ, милость такое слово, которое даже исчезло изъ словаря царедворцевъ, они замѣнили его словомъ «кредитъ», потому что оно является несравненно болѣе подходящимъ, такъ какъ вмѣсто почетныхъ отличій, постоянно нѣсколько пустоцвѣтныхъ, «кредитъ» означаетъ деньги, мѣсто и власть».

Въ письмахъ Свѣчиной сохранилось между прочимъ описаніе интересной личности одной русской княгини.

Княгиня *** была стариннѣйшая знакомая Свѣчиной, съ которой она часто видѣлась и была въ хорошихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что онѣ не могли затронуть въ разговорѣ ни одного вопроса, чтобы не поспорить. Эта княгиня считала себя однимъ изъ самыхъ главныхъ столповъ православія, но, по выраженію Свѣчиной, безспорно было то, что она не укалывала ни отъ одного изъ общихъ мѣстъ невѣжества, приправленныхъ громкими фразами. Она страшно беспокоилась всѣмъ происходившимъ и во всемъ, даже среди духовенства, видѣла апархію. Каждый священникъ, — говорила она Свѣчиной, — дѣлаетъ то, что хочетъ, и, по ея мнѣнію, эта свобода очень дурно вдохновляла ихъ. Въ свой пріѣздъ въ Парижъ она неоднократно строго выговаривала священнику русской церкви. Ея постоянную мысль составляла борьба съ революціоннымъ началомъ, которое, по ея убѣжденію, прорывалось повсюду, ставило Россію на край пропасти и, проникнувъ въ среду совѣтниковъ королей, добиралось до русскаго народа, остававшагося нетронутымъ и неприкосновеннымъ. Эта же мысль побудила ее предпринять путешествіе за границу, чтобы найти защитниковъ дѣлу, которое она называла святымъ. Она не могла провести въ гостиниѣ пяти минутъ, чтобы не затронуть своей излюбленной темы, и если кто-нибудь высказывалъ ей хоть малѣйшее сочувствіе, она тотчасъ же обращалась съ просьбою написать книгу по этому предмету. Свѣчину увѣряла, что она обращалась даже къ аббату Ламенэ.

П.

Къ исторіи русекой цензуры.

(1814—1820 гг.).

1.

Въ февраль 1814 года въ «Рус. Инвалидъ» была напечатана статья о мирѣ Испаніи съ Франціею. Попечитель учебнаго округа С. Уваровъ писалъ С.-Петербургскому цензурному комитету 2-го марта 1814 г. за № 128:

«Я предлагаю комитету обратить на сію газету особенное вниманіе и мнѣ на утвержденіе всѣ сомнительныя статьи представлять. Хотя на сей случай общихъ правилъ начертать невозможно, но добрый разсудокъ и истинное чувство пристойности должны руководствовать вмѣстѣ писателя, издающаго политическія новости, и цензора, одобряющаго ихъ къ печатанію. Министерство просвѣщенія желаетъ дать разсудительную и съ общимъ порядкомъ согласную свободу умамъ, но когда сія свобода будетъ употребляема во зло, то министерство съ равномѣрною строгостію прекратить немедля источники неосновательныхъ и даже для общаго мнѣнія опасныхъ политическихъ толковъ».

2.

Письмо графа Алексѣя Разумовскаго—Сергѣю Семеновичу Уварову.

28-го марта 1814 г. № 973.

Съ одобренія здѣшняго цензурнаго комитета издана нынѣ книга подъ заглавіемъ, «Россійскій Жилблазъ или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» соч. Василія

Нарѣжнаго. Сія книга, читанная цензоромъ Яценковымъ, содержитъ въ себѣ многія мѣста соблазнительныя и совершенно противныя благопристойности и нравственности, какъ ваше превосходительство усмотрѣть можете въ вышедшей прежде другихъ третьей части, особенно на стр. 46, 98, 125, 185 и далѣе.—За такую неосмотрительность прошу сдѣлать Яценкову строжайшій выговоръ.

3.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета поочетелю—С. С. Уварову.

21-го апрѣля 1814 г. № 38.

На предложеніе вашего превосходительства отъ 17-го апрѣля за № 207 касательно двухъ басенъ г. Измайлова: «Раскольникъ Аввакумъ» и «Кошка, превращенная въ женщину», неодобренныхъ цензурою къ напечатанію, цензурный комитетъ имѣетъ честь донести, что онъ въ первой изъ сихъ двухъ басенъ не находилъ со своей стороны ничего противнаго правиламъ устава о цензурѣ, но какъ имѣетъ словесное приказаніе его сіятельства министра народнаго просвѣщенія, объявленное чрезъ г. директора департамента, въ прошломъ генварѣ мѣсяцѣ, чтобъ въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволять ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры, по какой причинѣ въ одной книгѣ выкинута цѣлая статья о раскольникахъ, не заключающая въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры,—то комитетъ во исполненіе таковой воли г. министра принужденнымъ нашелся означенную басню «Раскольникъ Аввакумъ» запретить печатать.—Что же касается до другой басни «Кошка, превращенная въ женщину», то въ оной замѣчены для исправленія три стиха, заключающіе въ себѣ мысль слишкомъ вольную... По смягченіи которыхъ оная басня къ напечатанію дозволена быть можетъ.

4.

Записка главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ и министра полиціи Вязмитинова о привозимыхъ изъ-за границы книгахъ политическаго и историческаго содержанія.

13-го октября 1814 года.

По сятѣ §§ 54, 84 и 87 высочайше утвержденного устава министерства полиціи возложены на оное: 1) общая цензурная ревизія и 2) въ особенности цензура театральныхъ сочиненій.

Насчетъ послѣдней министерство полиціи сочло нужнымъ опредѣлять въ циркулярномъ предписаніи гражданскимъ губернаторомъ единообразныя правила, а именно: истребовавъ отъ содержателей театровъ списки назначеннымъ къ представленію піесамъ и, позволивъ изъ числа оныхъ одиѣ непредосудительныя, оно постановило, чтобъ содержатели театровъ впредь не иначе приступали къ назначенію новыхъ піесъ, какъ получа на оныя предварительное разрѣшеніе отъ министерства полиціи.

Въ разсужденіе же общей цензурной ревизіи происходило слѣдующее. На основаніи § 87 устава министерства полиціи, гдѣ сказано: «для исправленія дѣлъ по цензурнымъ установленіямъ, министръ полиціи по усмотрѣнію своему имѣетъ учредить особенный комитетъ изъ чиновниковъ, къ вѣдомству его принадлежащихъ или изъ постороннихъ. Содержаніе сего комитета и правила его дѣйствія опредѣлены будутъ особымъ положеніемъ».

Министръ полиціи, составивъ правила и штатъ сего комитета, имѣлъ счастье, по предварительномъ разсмотрѣніи оныхъ въ комитетѣ министровъ, получить 28-го декабря 1811 г. высочайшее утвержденіе насчетъ существованія при министерствѣ полиціи помянутаго комитета.

Но послѣ поступившихъ отъ министра просвѣщенія по сему предмету замѣчаній государю императору благоудбно было, чтобы дѣло сіе внесено было въ Государственный Совѣтъ. Вслѣдствіе сего министръ полиціи нашелъ себя обязаннымъ представить его величеству на разрѣшеніе: препровождать ли означенный высочайше конфирмованный штатъ къ исполненію. На сей докладъ государь императоръ 2-го апрѣля 1812 г. отозваться соизволилъ: «возраженіе на существованіе цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи быть не можетъ, ибо онъ утверждень въ существованіи своемъ § 87-мъ учрежденія министерства полиціи; а потому и штатъ оному, удостоенный собственноручнаго высочайшаго утвержденія, долженъ быть принятъ къ исполненію; замѣчанія же министра просвѣщенія или и самаго Совѣта Государственнаго идти могутъ единственно къ изложеннымъ для того комитета правиламъ, которыя съ нѣкоторымъ переименованіемъ могутъ быть приняты или даже и пердѣланы».

Еще доселѣ правила таковыя съ точностью не обозначены, а потому и общихъ распоряженій насчетъ цензурной ревизіи по министерству полиціи не сдѣлано. Между тѣмъ многія изъ выходящихъ нынѣ въ чужихъ краяхъ политическихъ и историческихъ сочиненій о происшествіяхъ послѣднихъ десяти лѣтъ, по многимъ уважительнымъ причинамъ, останавливаются у здѣшнихъ книгопродавцевъ; но въ то же время оныя, къ явному ущербу сихъ людей и вопреки предосудительности

самыхъ твореній, безпрепятственно продаются въ другихъ російскихъ городахъ.

Итакъ въ отвращеніе сихъ неудобствъ до того времени, когда утвердятся правила для помянутаго цензурнаго комитета, не благоудно ли будетъ комитету гг. министровъ разрѣшить министерство полиціи насчетъ отправленія гражданскимъ губернаторомъ циркулярнаго предписанія, въ коемъ, подобно сдѣланному министромъ полиціи для держателей театровъ единообразнымъ распоряженіямъ, постановятся для книгопродавцевъ, торгующихъ иностранными книгами, слѣдующія общія правила: 1) чтобъ они, представивъ черезъ губернаторовъ въ министерство полиціи каталоги имѣющимся въ ихъ лавкахъ новымъ иностраннымъ книгамъ политическаго, историческаго и романическаго содержанія, продавали изъ нихъ однѣ тѣ, на кои получаютъ разрѣшеніе, которое означится приложеніемъ къ каталогу установленнаго штемпеля; 2) чтобы они впредь по полученіи изъ чужихъ краевъ книгъ помянутаго содержанія каждый разъ немедленно объявляли о нихъ, съ представленіемъ реестровъ, губернаторамъ, кои поставятъ въ обязанность представлять о семъ каждый разъ на разрѣшеніе министерства полиціи и наблюдать, чтобы книгопродавцы дотолѣ не выпускали оныхъ въ продажу пока не получаютъ на то дозволенія.

5.

Выписка изъ журнала комитета министровъ 17-го октября 1814 г.

Комитетъ, по выслушаніи прилагаемой при семъ записки ¹⁾ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ о привозимыхъ изъ-за границы книгахъ политическаго и историческаго содержанія, въ отвращеніе изъясненныхъ въ запискѣ неудобствъ, предоставилъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ предписать кому слѣдуетъ: 1) чтобы торгующіе иностранными книгами представили черезъ гражданскихъ губернаторовъ въ министерство полиціи каталоги имѣющимся въ ихъ лавкахъ новымъ иностраннымъ книгамъ политическаго, романическаго и историческаго содержанія, продавали изъ нихъ однѣ тѣ, на кои получаютъ разрѣшеніе, которое означится приложеннымъ къ каталогу штемпелемъ; 2) чтобы книгопродавцы, по полученіи изъ чужихъ краевъ книгъ помянутаго содержанія, немедленно объявляли о нихъ, съ представленіемъ реестровъ, гражданскимъ губернаторамъ, а сіи представляли въ министерство полиціи на разрѣшеніе, наблюдая между тѣмъ, чтобы книгопродавцы не продавали оныхъ, пока не получаютъ на то дозволеніе.

¹⁾ См. выше № 4-я.

6.

Въ № 92 «С.-Петербургскихъ Вѣдом.» 1814 г. явилось объявленіе объ изданіи «Духъ а Журналовъ», не разрѣшеннаго министромъ просвѣщенія. За это былъ сдѣланъ выговоръ цензору Яценкову и потомъ, когда законнымъ порядкомъ было испрошено разрѣшеніе министра просвѣщенія на изданіе журнала, то гр. Алексѣй Разумовскій разрѣшилъ печатаніе журнала, но съ тѣмъ, «чтобы, во-первыхъ, въ составъ онаго не входили газетныя статьи, а во-вторыхъ, вовсе въ немъ не были помѣщаемы предметы, кои по содержанію своему относились бы къ VI статьѣ объявленія о семъ журналѣ, гдѣ подъ названіемъ замѣчаній о внутреннемъ состояніи Россіи предполагается помѣщать статьи о великихъ ея способахъ и выгодахъ, нѣкоторыхъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ, средствахъ къ исправленію оныхъ и къ возвышенію тѣмъ благосостоянія отечества нашего; вообще же, предпишите цензурному комитету разсматривать сочиненіе сіе со всею осторожностію и возложите сіе въ особенности на цензора Тимковского ')».

7.

**Собственноруч. письмо Михаила Трофимовича Каченовскаго—
почетителю С.-Петербургскаго округа С. С. Уварову.**

28-го декабря 1814 г. Москва.

Осмѣливаюсь утруждать ваше превосходительство моею всепокорнѣйшею просьбою. По газетнымъ часто повторяемымъ объявленіямъ видно, что съ начала 1815 г. выходить будетъ новое ежемѣсячное изданіе «Духъ Журналовъ». Неизвѣстные господа редакторы удостовѣряютъ публику, что они постараются наполнять книжки своего изданія статьями, которыя находятъ будутъ въ другихъ журналахъ. — Я не знаю, простираются ли намѣренія господъ редакторовъ и на «Вѣстникъ Европы», который съ 1815 г. типографіею Московскаго университета будетъ издаваться подъ моимъ распоряженіемъ; однакожъ не почитаю излишнимъ предварительно вашему превосходительству донести, что я отнюдь не желаю, чтобы цѣлыя статьи изъ «Вѣстника Европы» были перепечатываемы въ «Духъ Журналовъ». Хотя на подобные случаи нѣтъ особенныхъ постановленій, но существуютъ узаконенія общія, коими запрещается присваивать себѣ чужую собственность. — Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство сіе мое нежеланіе довести до свѣдѣнія

') Письмо графа Разумовскаго — С. С. Уварову 23-го декабря 1814 г. № 3870.

С.-Петербургскаго цензурнаго комитета при начальническомъ вашемъ предписаніи о недозволеніи г. редакторамъ «Духа Журналовъ» располагать статьями «Вѣстника Европы».

Представляя это письмо министру народнаго просвѣщенія, С. Уваровъ писалъ, что и издатель «Сына Отечества» просить о томъ же.—При этомъ онъ присовокуплялъ: «Хотя и нѣтъ особаго и точнаго постановленія, запрещающаго именно перепечатывать статьи изъ журналовъ, но я полагаю, что, какъ скоро сами издатели не желаютъ, чтобы были перепечатываемы изъ ихъ журналовъ цѣлыя статьи, то справедливость требуетъ запретить сіе на основаніи общаго правила, воспрещающаго перепечатывать чужія сочиненія безъ дозволенія сочинителей».

8.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія гр. Алексѣя Разумовскаго—С. С. Уварову.

12-го января 1815 г. № 64.

По отношенію вашего превосходительства № 7, находя справедливымъ, чтобы въ періодическомъ сочиненіи «Духъ Журналовъ» не были помѣщаемы статьи изъ «Вѣстника Европы» и «Сына Отечества», согласно требованію издателей сихъ журналовъ, представляю вамъ объявить о томъ издателямъ помянутаго сочиненія чрезъ цензурный комитетъ, который, впрочемъ, по уставу о цензурѣ не обязанъ наблюдать, чтобы не перепечатывались таковыя статьи, коихъ сочинители, въ случаѣ нарушенія сего правила, должны искать удовлетворенія въ гражданскихъ судахъ.

9.

Письмо гр. Разумовскаго—С. С. Уварову.

15-го марта 1815 г. № 722.

Для вѣрнѣйшаго доставленія во вѣранный мѣ департаментъ, въ Императорскую публичную бібліотеку и въ Императорскую Академію наукъ установленнаго числа экземпляровъ всякаго рода мелкихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ менѣе двухъ печатныхъ листовъ, особенно же эстамповъ, плановъ, нотъ и подобныхъ изданій, кои доселѣ весьма неисправно доставлялись—прошу ваше превосходительство рас-

порядить, дабы С.-Петербургскій цензурный комитетъ впредь не иначе позволялъ выпускать таковыя изданія въ свѣтъ, какъ съ напечатаніемъ на оныхъ слѣдующихъ словъ: «печатать позволяется съ представленіемъ 5 экземпляровъ въ цензурный комитетъ для казенныхъ мѣстъ». С.-Петербургъ, день, мѣсяцъ, годъ и имя цензора.

10.

Письмо графа Алексѣя Разумовскаго—С. С. Уварову.

1-го іюля 1815 г. № 1902.

Вижу себя вновь принужденнымъ одѣлать вашему превосходительству слѣдующія замѣчанія насчетъ здѣшняго цензурнаго комитета: 1) въ 26-й книжкѣ Духа Журналовъ напечатанъ отрывокъ изъ сочиненій Бентама подъ заглавіемъ «О запрещеніи мануфактуръ», передъ коимъ издатель помѣстилъ собственныя свои разсужденія. Статья сія явнымъ образомъ клонится къ порицанію системы, принятой нашимъ правительствомъ, и мѣръ, приведенныхъ онымъ въ дѣйство. Издатель не можетъ тѣмъ оправдаться, что сочиненія Бентама напечатаны и продаются въ Россіи. Политическому писателю позволено изъявлять различныя мнѣнія о предметахъ, относящихся къ государственному хозяйству, и обращеніе сочиненій его въ ученой публикѣ не можетъ имѣть никакого дурнаго вліянія на духъ народный и общественное мнѣніе; но журналисту не позволительно извлекать изъ него статьи, содержащія опроверженіе правилъ, принятыхъ правительствомъ, а еще менѣе выставять сіи статьи, какъ неоспоримыя истины.

2) Въ 52 номерѣ журнала «Русскій Инвалидъ» помѣщена неприличная статья противъ издателя «Сына Отечества», содержащая въ себѣ не критику, а личности насчетъ того издателя и споръ, который неприлично было сообщать публикѣ. Кажется, что цензурный комитетъ не оказываетъ никакого уваженія къ дѣлаемымъ оному отъ моего имени замѣчаніямъ, иначе непонятно было бы, почему безпрестанно появляются статьи противныя уставу о цензурѣ и моимъ предписаніямъ, между прочимъ заключающемуся въ отношеніи моемъ къ вамъ, м. г. мой, отъ 3-го числа мая сего года, въ коемъ цензурному комитету подтверждено было обращать особенное вниманіе на Духъ Журналовъ. Прошу васъ объявить цензурному комитету, что сіе замѣчаніе есть послѣднее, и въ первомъ случаѣ виновные цензоры будутъ безъ всякаго снисхожденія отрѣшены отъ сей должности.

11.

Письмо графа Разумовскаго—С. С. Уварову.

18-го октября 1815 г. № 3083.

Недавно вышла изъ печати съ дозволенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета первая часть книги подъ заглавіемъ: Основанія естественнаго законодательства, соч. г. Перро, перев. съ французскаго. Переводъ сей наполненъ странными, непринатыми выраженіями, искажающими россійскій языкъ. Почему побуждаюсь просить ваше превосходительство предписать цензурному комитету о строгомъ впредь наблюденіи, дабы въ одобряемыхъ онымъ къ напечатанію россійскихъ книгахъ соблюдаема была чистота языка.—Въ случаѣ же, еслибы сочинители или переводчики не согласились поправить замѣченныя комитетомъ ошибки, представлялъ бы о томъ мнѣ черезъ ваше посредство на разсмотрѣніе.

12.

Отношеніе С. С. Уварова С.-Петербургскому цензурному комитету.

7-го ноября 1815 г. № 500.

Замѣчено мною съ нѣкоторыхъ поръ, что гг. журналисты, въ сужденіяхъ о другихъ журналахъ, часто переступаютъ за предѣлы благопристойности и должнаго уваженія къ публикѣ. Вслѣдствіе чего я предлагаю комитету обратить особое вниманіе на критику журналовъ, объявивъ гг. журналистамъ, что они могутъ быть лишены дозволенія печатать такого рода статьи.

13.

Письмо графа Разумовскаго—С. С. Уварову.

26-го ноября 1815 г.

Недавно вышли изъ печати стихи подъ заглавіемъ Его сіятельству графу А. А. Аракчееву, на коихъ одобреніе цензуры изъяснено словами: *avec permission de la censure*, безъ означенія имени цензора.—Предполагая, что стихи сіи напечатаны съ дозволенія С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, прошу ваше превосходительство въ такомъ случаѣ замѣтить комитету, что не прилично озна-

чать на російскомъ сочиненіи одобреніе французскими словами и при томъ не соблюдена предписанная форма. Меня же прошу увѣдомить, отчего произошел сей случай, и къмъ изъ цензоровъ сочиненіе было одобрено.

14.

Письмо графа Алексѣя Разумовскаго—С. С. Уварову.

13-го апрѣля 1816 г. № 1369.

Недавно вышла здѣсь книга подъ заглавіемъ «Элоиза и Абельяръ, жертва любви». Романъ сей, названный нравственнымъ, содержитъ въ себѣ мѣста самыя соблазнительныя и неблагопристойныя, какъ-то: въ 1-й части на стр. 20, 49, 83; во 2-й—на 7, 25 и слѣдующихъ, а въ 3-й—на 39. Не понимаю, какъ цензоръ Тимковскій, одобрившій сію книгу къ напечатанію, не взирая на сдѣланныя ему многократно замѣчанія и на подтвержденіе мое, чтобы на нравственную цѣль романовъ обращено было особое вниманіе, пропускаетъ подобныя мѣста, тѣмъ паче, что уже по заглавію книги должно было подозрѣвать содержаніе ея и тщательнѣе рассмотреть оную. Тимковскій же, какъ директоръ училищъ, имѣетъ, кажется, сугубую причину стараться, дабы не обращались въ публикѣ книги, могущія развращать юношество. Посему покорно прошу ваше превосходительство сдѣлать ему строжайшій выговоръ и приказать употребить все стараніе, дабы въ экземплярахъ означенной книги, кои еще не распроданы, вышеприведенныя мѣста были исключены или перемѣнены; цензурному же комитету поставьте на видъ, что при первомъ подобномъ случаѣ, я принужденнымъ найдусь принять мѣры, дабы всѣ экземпляры вредной книги были покупаемы на счетъ одобрявшаго оную цензора и истребляемы.

15.

Письмо кн. А. Н. Голицына—С. С. Уварову.

6-го сентября 1816 г. № 2938.

Въ «Духѣ Журналовъ», издаваемомъ цензоромъ Яценковымъ, усмотрѣны мною разныя неприличности, какъ-то: статьи о послѣднихъ временахъ написаны такъ, что сей важный предметъ обращенъ въ шутку и хотя время кончины (міра?) и по священному писанію никому не извѣстно; но статьямъ симъ данъ такой оборотъ, что можно думать, что и никогда оной не будетъ. Многія политическія статьи не въ духѣ нашего пра-

вительства, какъ на примѣръ въ письмахъ изъ Америки, весьма неприличны замѣчанія о тамошнемъ правительствѣ въ сравненіи со другими. Бадайоской деканъ таковъ, что и понять нельзя, что такое онъ значить. Стихи нѣкоторыя соблазнительны. При томъ нѣкоторыя книжки сего журнала (№ 34 и № 35) цензурованы и одобрены къ напечатанію самимъ Яценковымъ, который не долженъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ, и сверхъ того нарушается тѣмъ предписаніе бывшаго министра, дабы журналъ сей разсматриваемъ и одобряемъ былъ къ печатанію цензоромъ Тимковскимъ.

Всѣ сіи уваженія побуждаютъ меня поручить вашему превосходительству обратить на журналъ сей особенное вниманіе ваше; издателю онаго сдѣлать замѣчаніе, чтобы духъ сего журнала перемѣнилъ онъ на другой, который былъ бы полезнѣе, не вмѣшивался бы впредь въ духовныя матеріи, каковы пророчества о послѣднихъ временахъ, и вовсе бы не помѣщаль оныхъ въ своемъ журналѣ, иначе при первомъ усмотрѣніи оныхъ журналъ будетъ запрещенъ. Цензурному комитету замѣтить, что ему не слѣдовало оныя пропускать, и чтобъ сдѣлалъ распоряженіе о «Духѣ Журналовъ», дабы типографіи не принимали печатать онаго безъ подписи другаго цензора, кромѣ Тимковского.

16.

Выписка изъ журнала комитета министровъ 10 ноября 1816 г.

Харьковскаго университета ординарный профессоръ исторіи Дегуровъ, находящійся нынѣ здѣсь, выписалъ изъ чужихъ краевъ для собственнаго употребленія книги: «Dictionnaire historique des hommes célèbres» въ 20 томахъ въ 8-ю долю, «Almanack royal» и VI томъ, de L'histoire de France par Lacretelle», коего первые пять томовъ онъ уже имѣеть. Книги сіи представлены въ здѣшнюю полицейскую цензуру, которая въ тринадцати томахъ означеннаго историческаго словаря помарала около 20 статей о Россійской исторіи, такъ что прочесть ихъ не можно. Въ статьяхъ сихъ говорится о сынѣ Петра Великаго, о Екатеринѣ I, о Меншиковѣ, объ Иванѣ Антоновичѣ, о Петрѣ III, о кн. Потемкинѣ, о кн. Суворовѣ и проч. Статьи сіи кратко содержать въ себѣ происшествія всѣмъ извѣстныя и упоминаемыя даже во многихъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, которыя еслибъ и не были справедливы, то не слѣдовало ихъ вымарывать, дабы Дегуровъ, какъ ученый человекъ и какъ профессоръ исторіи, могъ оныя опровергнуть. Довода до свѣдѣнія его ¹⁾ сіе обстоятельство, профессоръ Дегуровъ проситъ ходатай-

¹⁾ Управляющаго министерствомъ просвѣщенія.

ства, чтобы остающийся въ полицейской цензурѣ, VI томъ Лакретелевой исторіи о Франціи былъ возвращенъ ему безъ помарокъ такъ, какъ новое сочиненіе, котораго онъ еще не знаетъ. Также чтобы безпрепятственно выданы были «*Histoire Eclésiastique par Fleury*» en 36 vol. in 4° и «*Dictionnaire théologique par Bergier*» en 6 vol. in 4°, коихъ онъ ожидаетъ, ибо узналъ онъ, что цензура какой-то цѣлой части и сверхъ того многихъ главъ въ другихъ частяхъ исторіи Флери не пропускаетъ; равнымъ образомъ и того, что Бержье въ своемъ словарѣ написалъ о Фотіѣ.

Въ учрежденіи министерства полиціи по надзору за книгами (въ § 84) предписано министерству сему наблюдать, чтобы въ книжныхъ лавкахъ какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, не продавались книги цензоромъ не дозволенные или общими узаконеніями запрещенныя.

Въ 1814 году сентября въ 17 день, въ отвращеніе неудобствъ, до того встрѣчавшихся при выпускѣ въ публику изъ-за границы книгъ, особенно же политическаго, историческаго и романическаго содержанія, комитетъ министровъ по представленію министерства полиціи предоставилъ управляющему онымъ предписать кому слѣдуетъ: 1) Чтобы торгующіе иностранными книгами представили черезъ гражданскихъ губернаторовъ въ министерство полиціи каталогъ имѣющимся въ ихъ лавкахъ новымъ иностраннымъ книгамъ политическаго, романическаго и историческаго содержанія, продавали изъ нихъ однѣ тѣ, на кои получаютъ разрѣшеніе, которое означится приложеннымъ къ каталогу штемпелемъ. 2) Чтобы книгопродавцы по полученіи изъ чужихъ краевъ книгъ помянутаго содержанія, немедленно объявляли о нихъ, съ представленіемъ реестровъ гражданскимъ губернаторамъ, а сіи представляли въ министерство полиціи на разрѣшеніе; наблюдая между тѣмъ, чтобы книгопродавцы не продавали оныя, пока не получаютъ на то дозволенія. Распоряженія сіи относятся до книгопродавцевъ, торгующихъ иностранными книгами; да и имъ предписано только объявлять о книгахъ съ представленіемъ реестровъ. Но чтобы цензура имѣла право книги перемарывать и такимъ образомъ дѣлать оныя бесполезными, въ убытокъ торгующимъ, сего нигдѣ не упомянуто. Дегуровъ же, какъ и въ полицейской цензурѣ объявилъ, выписалъ книги для собственнаго употребленія, будучи ученый человекъ и профессоръ исторіи, которому нужно знать и ложныя и истинныя повѣствованія; онъ какъ членъ университета, къ выпискѣ и къ употребленію книгъ даже соблазнительныхъ и вредныхъ нѣкоторымъ образомъ былъ обезпеченъ и университетскими привилегіями, ибо утвердительною грамоты университетовъ 10-мъ пунктомъ предоставлено университетамъ выписывать книги изъ чужихъ краевъ для собственнаго употребленія, подъ собственною университетскою цензурою и § 79 (университетскихъ) уставовъ озволено имѣть

университетамъ въ своихъ библіотекахъ всякія книги, гдѣ именно сказано: «въ университетской библіотекѣ могутъ храниться всѣ печатныя и рукописныя сочиненія, кои по мнѣнію факультета и библіотекаря имѣть нужно. Но какъ сею библіотекою не только профессоръ, но и вся публика можетъ пользоваться, то неограниченное на то позволеніе оставляется только профессорамъ и адъюнктамъ; а для другихъ цензура тѣ книги, кои считаетъ соблазнительными и вредными, должна отмѣтять въ каталогахъ и на заглавныхъ листахъ и никому кромѣ профессоровъ и адъюнктовъ читать не дозволяется». Всѣ сіи обстоятельства управляющій министерствомъ просвѣщенія поставяетъ на видъ комитету министровъ, ибо по изложеннымъ узаконеніямъ слѣдуетъ книги Дегурову отдать безъ помарокъ и впредь оныхъ не дѣлать, на что и испрашиваетъ разрѣшеніе.

Комитетъ, принявъ во уваженіе, что выпускъ иностранныхъ книгъ состоитъ подъ единственною отвѣтственности полицейской цензуры, полагалъ оставить оный на прежнемъ основаніи до изданія подробныхъ правилъ о цензурѣ, находящихся подъ разсмотрѣніемъ Государственнаго Совѣта, давъ знать между тѣмъ управляющему министерствомъ полиціи, дабы оно впредь никакихъ помарокъ въ выписанныхъ книгахъ не дѣлало, а тѣ изъ нихъ, коихъ не одобрить, не выпуская, оставляло бы у себя. Управляющій же министерствомъ просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ финансовъ, считая, что въ означенныхъ книгахъ ничего нѣтъ предосудительнаго ни для религіи, ни для правительства, ни для нравственности, полагали выдать ихъ Дегурову безъ всякихъ помарокъ.

При подписаніи журнала генераль-отъ-артиллеріи графъ Аракчевъ объявилъ, что государь императоръ по разсмотрѣніи меморіи комитета, утвердивъ положеніе онаго, высочайше повелѣтъ соизволилъ: не въ примѣръ другимъ, а во уваженіе къ достоинствамъ профессора Дегурова, выдать ему задержанныя его книги.

Комитетъ опредѣлилъ для надлежащаго исполненія сей высочайшей воли сообщить управляющимъ министерствами полиціи и просвѣщенія выписками изъ сего журнала.

17.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

4-го апрѣля 1818 г. № 737.

По соображеніямъ моимъ нахожу я, что какъ до изданія Устава о цензурѣ, такъ и послѣ того, вообще выходили и могли выходить у насъ

книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ государя императора вводитъ и укоренять старается.

Вслѣдствіе того, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, не терпимыхъ нынѣ правительствомъ. Посему обращая на сей предметъ (вниманіе) вашего превосходительства, прошу предписать С.-Петербургскому цензурному комитету, чтобъ оный при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ противные религіи христіанской, обнаруживающія или вольнодумство, безбожничество, невѣрія и неблагочестія или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія или же опорочиваніе догматовъ православной нашей церкви и т. п., были непремѣнно запрещаемы къ напечатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились. Я желаю, чтобы такія мѣста въ книгахъ, когда встрѣтятся, при просмотрѣніи ихъ, были бы представляемы мнѣ для свѣдѣнія. Равнымъ образомъ и цѣлыя таковыя книги, буде бы оказались, были удерживаемы и представляемы мнѣ съ мнѣніемъ о нихъ цензурнаго комитета и вашимъ.

Я увѣренъ, что вы, милостивый государь, войдя сами въ такую цѣль благотворныхъ намѣреній правительства, не оставите употребить всего отъ васъ зависящаго попеченія, дабы оныя приводились въ точныя исполненія и во всякомъ случаѣ ничего противнаго правиламъ христіанства и нашей православной церкви допущено не было.

18.

Отношеніе министра народ. просвѣщ. кн. А. Н. Голицына попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

« » мая 1818 г. № 1036.

Примѣчено мною и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель Ду х а Ж у р н а л о в ъ помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ; о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности. Сверхъ того въ книжкѣ 20 помѣщена и такая статья, о которой прежде того было именно общее распоряженіе по цензурѣ, чтобы оной не печатать ни въ как омъ журналѣ. Все сіе побуждаетъ меня просить ваше превосходитель-

ство потребовать отъ помянутаго издателя объясненія, на какомъ основаніи дозволено ему издавать свой журналъ, который, сколько извѣстно и по самому названію его судить можно, могъ бы заключать въ себѣ только извлеченія изъ газетъ и другихъ журналовъ и періодическихъ сочиненій изящнѣйшаго и примѣчанія достойнѣйшаго. На посвященіе же сего «Духа Журналовъ» сужденіямъ о томъ, что касается собственно до правительства, вѣрно не было даваемо ему позволенія. Таковыя матеріи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство по усмотрѣнію своему само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, ибо ему одному можетъ быть извѣстнымъ, что изъ такихъ матеріи и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики. Посему издателямъ не слѣдуетъ писать ни въ подтвержденіе какой-либо о подобныхъ предметахъ мысли, ни противъ оной: то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно подаваемъ поводъ къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ. Журналъ «Сынъ Отечества», равнымъ образомъ, какъ кажется, отошелъ отъ первоначальной своей цѣли и принимаетъ на себя сужденія о такихъ же матеріяхъ, о какихъ ему судить не слѣдовало бы вовсе.

По всѣмъ симъ причинамъ нашею я себя въ обязанности препоручить вашему превосходительству обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни, вообще, матеріи, касающихся до распоряженій правительства, какъ то говорится въ статьѣ О крѣпостяхъ на дома въ уѣздныхъ городахъ той же 20 книжки «Духа Журналовъ»; или весьма неприличные намеки дѣлаются также въ смѣси: «О всенародныхъ аудіенціяхъ».

А какъ книжка сія не была вовсе на просмотрѣніи ст. сов. Тимковскаго, хотя на ней разрѣшеніе его именовъ и напечатано, но я прошу васъ, милостивый государь мой, потребовать отъ издателя оной ст. совѣт. Яценкова и отъ содержателя типографіи, въ которой она печаталась, отвѣты, по какому праву приступили они къ тому, уклоняясь отъ общихъ законныхъ постановленій? При томъ нужно подтвердить цензурѣ правило, что никто не имѣетъ права быть самъ цензоромъ издаваемаго имъ въ печать; тотъ же, кто производитъ цензуру какого-либо сочиненія, долженъ непремѣнно скрѣплять по листамъ оное и отвѣтствовать за сіе; а типографія, напечатавшая что-либо безъ такой подписи цензора, подвергается строжайшему отвѣту; о чемъ я не премину отнестись къ С.-Петербургскому военному генераль-губернатору и просить о подтвержденіи сего всѣмъ типографіямъ снова.

По исполненіи вами сего я буду ожидать донесенія вашего о распоряженіяхъ, вами вслѣдствіе того учиненныхъ, и отвѣтахъ, какіе вы получите, съ собственнымъ вашимъ на то мнѣніемъ.

**Объясненіе главнаго издателя «Духа Журналовъ» Яценкова
С.-Петербургскому цензурному комитету.**

7-го іюня 1818 г.

Во исполненіе предписанія его сіятельства министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ « » дня прошлаго мая, объ истребованіи отъ меня объясненія по разнымъ статьямъ касательно издаваемого мною «Духа Журналовъ» честь имѣю представить слѣдующее:

Во первыхъ, касательно права печатанія статей, до правительства относящихся.

Высочайше конфирмованнаго устава о цензурѣ въ § 22 повелѣно: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, челоуѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

На основаніи сего высочайшаго узаконенія, которое никакимъ послѣдующимъ отмѣнено не было, печатались и печатаются во всѣхъ почти журналахъ и даже во многихъ газетахъ сужденія о разныхъ предметахъ, до правительства относящихся. На томъ же основаніи помѣщаемы были таковыя сужденія и въ «Духѣ Журналовъ» въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ. Нѣкоторыя статьи сего рода сообщаемы были официально отъ разныхъ министерствъ для напечатанія въ семъ журналѣ.

Многочртыя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія для самого правительства, читаемыя въ «Сѣверной Почтѣ», газетѣ, издаваемой подъ руководствомъ самого министра, исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы система сія въ границахъ благоучрежденной цензуры измѣнилась.

Въ началѣ и концѣ cadaго года, въ объявленіи о предметахъ, долженствующихъ входить въ составъ «Духа Журналовъ», всегда помѣщалась между прочими и сія статья: «Наблюдатель Отечества или разсужденія о разныхъ предметахъ, до благосостоянія отечества относящихся». Таковыя же объявленія печатались многократно, какъ въ здѣшнихъ, такъ и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ дозволенія полицейской цензуры, на основаніи законовъ.

Во вторыхъ, касательно напечатанныхъ въ «Духѣ Журналовъ» статей о рабствѣ и вольности, сужденія о семъ предметѣ печатаемы были и въ прошломъ году, несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ и прямо относительно къ крѣпостному состоянію въ Россіи, но всегда

въ защиту того порядка вещей, какой существуетъ нынѣ на основаніи законовъ. Почему и не было сдѣлано противъ статей сего рода никакого замѣчанія отъ начальства. Въ семь же 1818 г. въ 12 книжкѣ напечатана статья: «О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ», о которой менѣе всего можно было опасаться, чтобъ она произвела неблагопріятное впечатлѣніе, какъ потому, что она относится преимущественно до иностранцевъ и только по сравненію касается до русскихъ, такъ и потому, что она не есть сочиненіе, но заимствована изъ иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно, была читана и въ чужихъ земляхъ и здѣсь гораздо прежде, нежели явилась въ «Духъ Журналовъ».

Когда же въ опроверженіе «Духа Журналовъ» напечатана была въ 19 книжкѣ «Сына Отечества» статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю «Сына Отечества» свое отличное одобреніе.

Но какъ скоро отъ высшаго начальства сдѣлано распоряженіе, чтобы прекратить всякія пренія о сей матеріи, то болѣе уже ничего о семъ предметѣ печатаемо не было.

Въ третьихъ, въ разсужденіи 12-й книжки «Духа Журналовъ».

Въ сей книжкѣ напечатана рѣчь малороссійскаго военнаго губернатора кн. Репнина. Въ ней нѣтъ ничего ни о рабствѣ, ни о свободѣ крестьянъ, а только самое мягкое и осторожное напоминовеніе объ улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ въ томъ кругу гражданскаго ихъ бытія, въ которомъ они законами постановлены. Предметъ не новый; можно указать тысячу узаконеній, то же самое, или еще сильнѣе, подтверждающихъ. Рѣчь сія прислана къ главному издателю «Духа Журналовъ» печатная. Она говорена была въ торжественномъ собраніи всего малороссійскаго дворянства такимъ лицомъ, которое на своемъ посту есть органъ воли Монаршей; слѣдовательно, принята за официальную, а потому и не оставалось никакого сомнѣнія къ напечатанію оной съ печатнаго уже экземпляра.

Мнѣ не было тогда извѣстно словесное приказаніе его высокопревосходительства г. управляющаго министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, данное цензору стат. совѣт. Тимковскому, о недозволеніи печатать рѣчи сей. Если бы я могъ хотя мало подозрѣвать о такомъ распоряженіи, то бы нарушить онаго не осмѣлился. Но принявъ рѣчь сію за официальную, какъ она и есть, не счелъ необходимымъ испросить цензурскаго одобренія къ напечатанію оной вновь, основываясь на § 39 Высочайшаго устава о цензурѣ.

Въ заключеніе имѣю честь объяснить, что я въ изданіи журнала не полагалъ иной цѣли, кромѣ пользы общественной, былъ всегда удаленъ

не только дѣйствовать, но и мыслить вопреки намѣреніямъ правительства, какъ скоро намѣренія ои, всегда благотворныя, сдѣлаются явными.

7-го іюня 1818 г. статскій совѣтникъ Яценковъ далъ подписку, что безъ одобренія цензоромъ Тимковскимъ ничего печатать не будетъ.

20.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія—попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

29-го іюня 1818 г. № 1379.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать С.-Петербургскому цензурному комитету, дабы оный самъсобою не разрѣшалъ къ изданію новыхъ періодическихъ сочиненій, но представлялъ бы о каждомъ вновь предполагаемомъ изданіи оныхъ установленнымъ порядкомъ, черезъ васъ, мнѣ на разрѣшеніе, излагая подробно цѣль и содержаніе сочиненія, кто онаго издатель, какими другими сочиненіями онъ уже извѣстенъ и представлялъ при томъ послужной такового списокъ и другія о немъ свѣдѣнія, а сверхъ того и мнѣніе свое о предполагаемомъ къ изданію періодическомъ сочиненіи.

21.

Отношеніе С. Уварова—С.-Петербургскому цензурному комитету.

18-го сентября 1818 г.

По сдѣланному замѣчанію, что въ нѣкоторыхъ обращающихся въ продажѣ книгахъ и сочиненіяхъ, имѣющихъ цѣлью усовершенствованіе повареннаго, кондитерскаго и другихъ сего рода искусствъ, предлагаются иногда такія средства, кои совершенно для здоровья вредны, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для отвращенія такового злоупотребленія, призналъ нужнымъ, чтобы впредь всѣ сочиненія, до усовершенствованія вышеупомянутыхъ искусствъ относящіяся, и вообще всѣ книги, описывающія приготовленіе пищи и питья, не были печатаемы безъ цензуры Медико-хирургической академіи или университетовъ.

Прошение надворнаго совѣтника Свинына ¹⁾—въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ.

15-го февраля 1820 г. С.-Петербургъ.

По возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ, въ продолженіе 5-ти лѣтъ, я постоянно стараюсь приобрѣтать свѣдѣнія объ отечественныхъ достопамятностяхъ во всѣхъ родахъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ. Послѣдніе путешествіе мое въ Москву и окрестныя губерніи особенно обогатили меня историческими и статистическими разысканіями.

Благосклонное принятіе публикою Отечественныхъ Записокъ моихъ, при семъ прилагаемыхъ, коихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ разошелся полный заводъ, рѣшило меня продолжать сіе изданіе ввидѣ ежемѣсячнаго періодическаго журнала, дабы дать тѣмъ оному скорѣйшее и легчайшее распространеніе и обращеніе. Полезная же цѣль трудовъ моихъ, смѣю ласкаться, уже извѣстна публикѣ и правительству изъ многоразличныхъ опытовъ, изъ коихъ изданы здѣсь: 1) Опытъ живописнаго путешествія по Америкѣ; 2) Ежедневныя записки въ Лондонѣ; 3) Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей, въ 3-хъ частяхъ; 4) Воспоминанія на флотѣ, въ 3-хъ частяхъ и проч.

Въ семъ предположеніи съ позволенія Московской полиціи напечатать я прилагаемое при семъ объявленіе и черезъ одну публикацію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», получилъ уже болѣе 300 подписчиковъ.

Представляя при семъ оный проспектусъ съ нѣкоторыми новыми

¹⁾ Въ 1820 г. Павлу Петровичу Свиныну было 32 г.; онъ былъ уроженецъ Костромской губерніи. Въ службу вступилъ актуаристомъ въ Московск. архивъ минис. иностр. дѣлъ 13-го марта 1805 г. и тогда же былъ отправленъ для исправленія письменныхъ дѣлъ къ бывшему государс. канцлеру графу Александру Романовичу Воронцову, при коемъ находился по самую его кончину въ 1806 г. Въ мартѣ 1806 г. онъ возвратился въ коллегію, въ іюнѣ 1806 г. произведенъ въ переводчика, а въ августѣ того же года командированъ въ Архипелагъ и Средиземное море съ эскадрою вице-адмирала Сенявина и находился при взятіи остр. Тенедоса 10-го марта 1807 г.; 10-го мая участвовалъ въ сраженіи у Дарданеллъ противъ турецкаго флота и 21-го іюня у Св. горъ. За сраженіе у Тенедоса получилъ орденъ св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ. Въ августѣ 1811 г. назначенъ секретаремъ консула въ Филадельфіи. Въ чинѣ титуляр. совѣтника въ іюнѣ 1813 г. сопровождалъ изъ Филадельфіи генер. Моро въ глав. кварт. государя императора и 14-го сентября былъ при осадѣ Дрездена. Неоднократно посылался изъ глав. кварт. въ Лондонъ съ депешами. По положенію комитета министровъ 15-го іюня 1815 г. Свинынъ отправленъ въ Бессарабію для обзрѣнія тамошняго края и описанія существующаго тамъ правленія.

дополненіями и перемѣнами, покорнѣйше прошу позволить публиковать его въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ и немедленно приступить къ изданію приготавлиаемаго мною отечественнаго журнала, коего содержаніе, могу вновь удостовѣрить, будетъ всегда согласоваться съ волею правительства и стремиться къ чести и славѣ отечества.

*Объявленіе объ изданіи новаго періодическаго журнала подъ заглавіемъ
«Отечественныя Записки».*

Возвратясь въ Россію изъ многолѣтнихъ путешествій моихъ по Европѣ и Америкѣ; я употребилъ всѣ старанія, всѣ усилія изучить отечество мое, открыть причины величія, славы и богатства нашего. Благосклонное принятіе почтенною публикою нѣкоторыхъ замѣчаній и изысканій моихъ по сей части, помѣщенныхъ въ двухъ частяхъ «Отечественныхъ Записокъ» моихъ, ободряютъ меня далѣе продолжать труды сіи. А какъ многія изъ собранныхъ мною свѣдѣній требуютъ скорого распространенія, то и рѣшился я издавать ихъ періодическимъ журналомъ, оставляя прежнее названіе: Отечественныя Записки.

Каждый мѣсяць 1-го числа будетъ выходить номеръ или книжка, заключающая отъ 4-хъ до 6-ти листовъ. Три таковыхъ книжекъ составятъ часть, украшенную искусно выгравированнымъ видомъ какого-нибудь достопримѣчательнаго мѣста или города или портретомъ знаменитаго россиянина. Главные приготовленные мною матеріалы для сего изданія суть слѣдующіе: 1) Журналъ многихъ неизвѣстныхъ еще никому русскихъ путешественниковъ по Россіи, Бухаріи, Хивѣ, Киргизской степи, Кавказу и чужимъ краямъ. 2) Письма мои о Москвѣ, Кіевѣ и Новгородѣ. 3) Жизнеописанія и біографіи многихъ знаменитыхъ россіянъ и извѣстныхъ отличныхъ художниковъ и гражданъ, въ томъ числѣ: Шелехова, Важенова, Казакова, Козловскаго, Гандошкина и проч. 4) Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей. 5) Смѣсь: русскіе анекдоты, современные происшествія, отечественныя открытія историческія разысканія и проч. и проч.

Многія почтенныя особы, занимающіяся отечественною исторіею и словесностію, общали украшать трудами своими «Отечественныя Записки» мои, а другихъ покорнѣйше къ тому приглашаю, увѣряя въ истинной моей и всѣхъ соотечественниковъ благодарности.

23.

Отношеніе попечителя—С.-Петербургскому цензурному комитету.

24-го мая 1820 г. № 403.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ отношеніи ко мнѣ отъ 19-го текущаго мая, объявилъ мнѣ, что по изъявленному коллежскимъ ассесоромъ Жуковскимъ намѣренію напечатать по извѣстнымъ его сіятельству причинамъ не болѣе 25-ти экземпляровъ переведенной съ французскаго языка сказки *Принцъ Любимъ*, представлялъ онъ о семъ его императорскому величеству, и государь императоръ высочайше соизволялъ на просьбу Жуковскаго о томъ, чтобы цензурный комитетъ, по одобреніи сей книги къ напечатанію въ означенномъ числѣ экземпляровъ, не требовалъ установленнаго числа оныхъ для доставленія въ опредѣленные мѣста, кромѣ одного слѣдующаго въ самый комитетъ сей, въ который долженъ онъ быть полученъ для храненія. О каковой высочайшей волѣ, вслѣдствіе порученія министра, сообщаю комитету для должнаго исполненія не въ примѣръ другимъ.

24.

Отношеніе князя А. Н. Голицына—попечителю С. Уварову.

22-го августа 1820 г. № 1289.

По случаю напечатанныхъ въ разные времена въ «Духѣ Журналовъ» и въ «Журналѣ древней и новой словесности» статей, касающихся собственно до правительства, неоднократно замѣчаемо было мною черезъ ваше превосходительство С.-Петербургскому цензурному комитету, что таковыя статьи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство по усмотрѣнію своему само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ не должно быть печатаемо ничего, ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе распоряженій правительства.

Несмотря на то въ книгѣ журнала «Невскій зритель» часть I-ая, мартъ, помѣщена опять цѣлая статья подъ названіемъ: «О вліяніи правительства на промышленность», въ коей дѣлаются замѣчанія правительству въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ его и даются оному наставленія весьма неприличныя ни въ какомъ отношеніи. Таковое смѣлое присвоеніе частными людьми себѣ права критиковать и наставлять правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть позво-

лено. Посему покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, предписать единожды навсегда цензурѣ ни подъ какимъ видомъ не пропускать никогда подобныхъ сочиненій и переводовъ, подъ отвѣтственностію въ противномъ случаѣ цензурнаго комитета или того цензора, который сіе нарушитъ.

25.

Отношеніе князя А. Н. Голицына—попечителю округа.

6-го октября 1820 г. № 3273.

Въ періодическомъ изданіи подъ названіемъ «Д у х ъ ж у р н а л о в ъ» всегда замѣчаемы были мною мысли и объясненія, не позволительныя и противныя уставу о цензурѣ. Прежде неоднократно позволялъ себѣ издатель онаго возставать на распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по части мануфактурной, когда не позволяемъ былъ ввозъ въ Россію чужестранныхъ произведеній; потомъ, когда по новому тарифу послѣдовало разрѣшеніе на свободный ввозъ оныхъ, журналъ сей осмѣлился критиковать и сіе распоряженіе, такъ, что съ основательностію можно изъ сего заключать о намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманными и противными общей пользѣ, единственно изъ желанія осуждать оное во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Журналъ сей нарушилъ правила устава и благоприличія даже и въ томъ, что осмѣливался судить и хулить разсужденія и соображенія лицъ самыхъ почтенныхъ, именуя ихъ въ своихъ замѣчаніяхъ, вовсе непристойныхъ и о такихъ предметахъ, о коихъ и самъ не представлялъ ничего подтверждавшаго лучшія о нихъ свѣдѣнія.

Неоднократно были уже дѣлаемы замѣчанія цензурѣ здѣшней за разныя непозволительныя статьи сего журнала, кои ею пропускались къ напечатанію; примѣтно даже, что издатель, пользуясь въ прежнее время званіемъ цензора ¹⁾, поспѣшалъ печатать свои книжки, безъ надлежащаго просмотрѣнія другимъ цензоромъ, коему порученъ былъ надзоръ за его журналомъ. Издатель и самъ былъ призванъ ко мнѣ для личныхъ ему замѣчаній. Наконецъ, какъ вновь оказалось въ книжкѣ № 17 и № 18 сего журнала явное порицаніе имъ монархическаго правленія, такимъ образомъ, что примѣтно безъ наималѣйшаго сомнѣнія постоянное направленіе изданія сего дѣйствовать въ противность ви-

¹⁾ Уволенъ отъ званія цензора 9-го апрѣля 1820 г.

дамъ и интересамъ правительства, что ни въ какихъ земляхъ терпимости и попускаемо быть не можетъ.

Всѣ сіи причины совокупно побуждаютъ меня просить ваше превосходительство о сдѣланіи по цензурному комитету надлежащаго распоряженія, дабы съ начала наступающаго 1821 г. журналъ сей былъ прекращенъ; оставля же изданіе онаго на послѣдніе мѣсяцы сего года единственно для удовлетворенія подписавшихся, поручаю вамъ предписать цензурѣ, чтобы она имѣла строжайшее и особливое за онымъ наблюденіе, подъ точною отвѣтственностью цензора, который просматривать будетъ, предварительно объявивъ о всемъ томъ и издателю.

Сообщ. Н. Д.

Меттернихъ и его виѣшняя политика.

VIII ¹⁾.

Въ описываемую эпоху въ Константинополѣ борьба за вліяніе велась преимущественно между Великобританією и Франціей. Британскій посоль Эдъръ подкапывался здѣсь подъ могущественнаго противника Англии, Наполеона, стремясь отвлечь Россію отъ Франціи и подготовить новую коалицію противъ послѣдней. Ранѣе Англія и Австрія дѣйствовали совмѣстно противъ соединенныхъ союзомъ Франціи и Россіи, причѣмъ употребляли все свое вліяніе къ тому, чтобы ободрить Порту къ продолженію войны; но съ заключеніемъ шёнбрунскаго мира положеніе дѣлъ измѣнилось. Эдъръ, основываясь на томъ, что было ему извѣстно о намѣреніяхъ Австріи, никакъ не ожидалъ столь скороаго заключенія ею мира съ Наполеономъ; однако, какъ ни непріятенъ показался ему такой оборотъ дѣла, онъ, на первыхъ порахъ, не только не обнаружилъ недовѣрія къ Австріи, но, напротивъ, старался поддержать отношенія къ Портѣ, успокаивая послѣднюю относительно дальнѣйшихъ намѣреній вѣнскаго кабинета. Онъ увѣрялъ Порту, что Австрія, вопреки опасеніямъ турецкаго правительства, нисколько не замышляетъ раздѣла Турціи и даже рѣшила всѣми силами противиться ему. По отношенію же къ Наполеону и его умысламъ, британскій посоль усиливался внушить Дивану самую большую подозрительность, убѣждая его отнюдь не вѣрить никакимъ заявленіямъ французскаго представителя, Латуръ-Мобура. Такъ было въ началѣ; но когда въ Константинополь пришло извѣстіе о бракѣ Наполеона съ австрійскою эрцгерцогиней

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1900 г.

и о побѣдѣ Меттерниха въ Парижѣ, Эдъръ сталъ дѣйствовать иначе. Продолженіе русско-турецкой войны перестало быть для него главнымъ дѣломъ; онъ даже сталъ высказываться въ пользу мира, потому что больше всего опасался сближенія Порты съ Франціею и, слѣдовательно, принятія ею наполеоновской торговой системы. Онъ началъ предлагать свое посредничество для заключенія мира съ Россіею, котораго, въ сущности, желалъ и самъ Диванъ. Хотя онъ и настаивалъ на своемъ прежнемъ мнѣніи, что дунайскія княжества должны быть оставлены подъ властью Турціи, однако совѣтовалъ турецкому правительству проявить извѣстную уступчивость по отношенію къ Россіи и дать ей понять, что оно желало бы вести съ нею переговоры совмѣстно съ Англіею. Этимъ путемъ англійскій посолъ надѣялся проложить для Англіи путь къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказать и Портѣ, какія жертвы готовъ принести лондонскій кабинетъ ради спасенія Турціи отъ раздѣла. Предложеніе въ означенномъ смыслѣ было сдѣлано Россіи Турціею лишь послѣ паденія Силистріи, но генералъ Каменскій отклонилъ его и послалъ Портѣ ультиматумъ, въ которомъ требовалъ уступки Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, признанія независимости Сербіи, уступки полосы земли, занятой русскими на Кубани, признанія независимости Гуріи, уплаты военного вознагражденія и прекращенія Портою сношеній съ Англіею.

Рядомъ съ британскимъ посломъ, не оставался бездѣятельнымъ также и повѣренный въ дѣлахъ Франціи Латуръ-Мобуръ, увѣрявшій Порту въ искреннѣйшей дружбѣ Наполеона и стремившійся отвлечь Турцію отъ Англіи. Порта не вѣрила, однако, ему и не усматривала въ сближеніи съ Франціею замѣны союза съ Англіею, сознавая, что, въ случаѣ его расторженія, Великобританія тотчасъ же запретъ Дарданеллы, послѣ чего Константинополю угрожалъ бы голодъ, такъ какъ вывозъ былъ воспрещенъ также и изъ Одессы. Латуръ-Мобуръ былъ недоволенъ и неудовольствіе свое выражалъ жалобами по разнымъ поводамъ. Между прочимъ, онъ жаловался на то, что Порта оказываетъ поддержку предпріятіямъ англичанъ на Ионическихъ островахъ, и турецкое правительство, чтобы положить конецъ этимъ жалобамъ, еще въ маѣ рѣшилось объявить Архипелагъ закрытымъ моремъ (*mare clausum*), причемъ, въ оправданіе этой мѣры, сослалось на распоряженіе, дѣйствовавшее во время послѣдней англо-французской войны 1808 года. Въ силу этого распоряженія, проведена была линія отъ Мореи къ острову Кандіи, а оттуда къ Египту, и въ предѣлахъ отграниченнаго этою линіею раіона воспрещены были воюющимъ державамъ взаимныя нападенія. Когда о принятіи этой мѣры Диванъ сообщилъ представителямъ Англіи и Франціи, оба они предъявили протестъ противъ нея, а Порта не была въ состояніи твердо поддержать свое распоряженіе. Вообще, положеніе дѣлъ на Босфорѣ было далеко не успокоительнымъ: Портѣ

со всѣхъ сторонъ грозили опасности. Не довѣряя никому; Диванъ долженъ былъ, однако, изыскивать средства къ соглашенію съ Австріей, да и то только ради Сербіи, восстановление спокойствія въ которой соотвѣтствовало австрійскимъ интересамъ. Притомъ, Австрія имѣла возможность уже однѣми административными мѣрами оказать большое влияние на сербское возстаніе и оказать Турціи огромную услугу; съ другой стороны, Австрія придавала большую цѣну сохраненію Сербіи подъ турецкою властью.

Въ концѣ 1809 г., какъ извѣстно, вслѣдствіе русскихъ побѣдъ на Дунаѣ, сербы избѣгли большой опасности. Вторгшіяся въ Сербію турецкія войска вынуждены были отступить на всей линіи. Порта желала бы окончанія борьбы и возлагала на вѣнскій кабинетъ роль посредника. Диванъ просилъ, чтобы сербамъ не было оказываемо никакой поддержки, чтобы вождямъ ихъ былъ воспрещенъ переходъ на австрійскую территорію и данъ совѣтъ вступить въ переговоры съ представителемъ турецкой власти въ Нишѣ или Оршовѣ. Порта соглашалась даровать возмущившимся амнистію и удовлетворить нѣкоторыя изъ ихъ жалобъ. Вождь возстанія Кара-Георгій просилъ въ концѣ 1809 г. покровительства Австріи и, можетъ быть, имѣлъ въ виду подчиниться ей, такъ какъ опасался, что противники его прибѣгнутъ къ покровительству Россіи. Тогда же къ австрійскому фельдцейхмейстеру барону Зимбшпену явились нѣсколько депутатовъ отъ сербскаго сената и секретарь Кара-Георгія и представили ему условія, на которыхъ они желали установить соглашеніе съ Портою. Главнѣйшія изъ этихъ условій заключались въ слѣдующемъ: сербы желали быть поставленными въ вассальныя отношенія къ Турціи и предлагали замѣну тяжелыхъ взносовъ въ турецкую казну опредѣленною ежегодною данью; ни одинъ мусульманинъ не можетъ водворяться на постоянное жительство въ Сербіи, а сербамъ не дозволяется селиться въ Турціи. Соглашеніе съ Портою должно быть гарантировано Австріею, которая назначаетъ своего консула въ Бѣлградъ, допуская къ австрійскому двору представителя Сербіи. Кромѣ того, сербы просили вѣнскій кабинетъ исходатайствовать перемиріе, которое могло бы быть прекращено или продлено не иначе, какъ съ согласія австрійскаго императора. Сербы желали также, чтобы условія эти были обсуждены конгрессомъ, въ которомъ, сверхъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, приняли бы участіе всѣ великія державы. На такой основѣ нельзя было, конечно, надѣяться достигнуть соглашенія съ Портою, которая никогда не согласилась бы вести съ Сербіею, при посредничествѣ великихъ державъ, переговоры какъ съ независимымъ государствомъ. Диванъ былъ бы готовъ принять мѣры къ устраненію совершавшихся въ Сербіи злоупотребленій лишь послѣ безусловнаго подчиненія возставшихъ. Порта не вѣрила, чтобы сербы

соединились съ русскими, въ чемъ, однако, вскорѣ убѣдилась, когда ея войскамъ нанесено было пораженіе соединенными русскими и сербскими силами подъ Явкой. Въ мартѣ 1810 г. довѣренное лицо Кара-Георгія, секретарь національнаго совѣта Іованъ Юговичъ, привезъ императору австрійскому посланіе сербовъ съ поздравленіемъ по поводу бракосочетанія эрцгерцогини Маріи-Луизы. Такое же поздравленіе получилъ и Наполеонъ. При этомъ сербы снова выражали желаніе быть принятыми подъ покровительство Австріи и Франціи, просили прислать австрійскаго консула въ Бѣлградъ и возобновляли просьбу о занятіи сербскихъ крѣпостей австрійскими войсками. Вѣнскій кабинетъ, не находя удобнымъ въ ту минуту возбуждать передъ Россією и Турціей вопросъ о сербскихъ крѣпостяхъ, воздержался отъ опредѣленныхъ заявленій на этотъ счетъ передъ Юговичемъ и лишь въ общихъ чертахъ сообщилъ ему о турецкихъ условіяхъ соглашенія, предоставивъ сербскому посланцу обратиться за подробностями къ генералу Зимбшену, которому предписалъ разъяснить Юговичу, что осторожный образъ дѣйствій Австріи обусловленъ исключительно политическими условіями даннаго времени и что австрійскій императоръ, какъ и прежде, принимаетъ участіе въ судьбахъ несчастнаго сербскаго народа. При прощаніи, Юговичу выдана была на дорожныя издержки тысяча гульденовъ банковыми билетами.

Въ сущности, Австрія далека была отъ мысли о посредничествѣ въ подлинномъ значеніи слова какъ въ Россіи, такъ и въ Сербіи; она хотѣла только оказать Турціи добрыя услуги, потому что не желала втягивать себя въ какія-либо осложненія, а тѣмъ болѣе въ столкновеніе съ Россіей. Сербскія событія находились въ тѣснѣйшей связи съ ходомъ русско-турецкой войны и переговорами о мирѣ между обѣими державами. Рѣшающее значеніе имѣло особенно положеніе этихъ переговоровъ; но заключеніе мира было еще очень отдаленно: обѣ стороны хотя и желали окончанія войны, однако оставались неподатливыми. Попытки посредничества дѣлались съ разныхъ сторонъ. Датчанинъ Гюбшъ и особенно Пруссія дѣятельно работали въ этомъ направленіи. Гюбшъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Константинополь съ русскими предложеніями, которыя, впрочемъ, не встрѣтили сочувствія со стороны Порты, соглашавшейся вступить въ мирные переговоры лишь на основѣ сохраненія цѣлости Турціи. Ревностно старалась въ Константинополь въ пользу Россіи также и Пруссія, которая сообщала въ Петербургъ о происходившемъ въ турецкой столицѣ и передавала Дивану предложенія Россіи. Желаніе берлинскаго кабинета, чтобы турецкая война поскорѣе окончилась, было понятно, въ виду того, что онъ все еще рассчитывалъ на совмѣстныя дѣйствія Пруссіи съ Россіей и Австріей въ угрожавшей снова войнѣ, почему и стремился избавить Россію отъ отвлекавшей ея

силы борьбы. Назначенному въ началѣ 1810 г. прусскому резиденту и повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, барону Вертеру, дано было поэтому секретное порученіе предложить Дивану добрыя услуги Пруссіи и, въ случаѣ принятія ея посредничества, заявить, что прусскій король готовъ быть полезнымъ Портѣ и, вмѣстѣ съ другими державами, условиться относительно всего того, что могло бы повести къ замиренію. Конечно, Вертеру было внушено поступать съ величайшею осторожностью, чтобы не обратить на себя вниманія французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Но такъ какъ полного довѣрія къ Портѣ Пруссія не питала, то Вертеру предписано было прежде всего войти въ сношенія съ Латурь-Мобуромъ и увѣрить его, что ничего не будетъ дѣлаемо безъ вѣдома императора Наполеона. Миссія барона Вертера не принесла, однако, ожидавшихся плодовъ, несмотря на то, что Порта относилась къ нему съ большимъ расположеніемъ. Положеніе же Латурь-Мобура стало крайне затруднительнымъ: въ ноябрѣ Порта жаловалась на происки французовъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они возбуждаютъ противъ нея народъ и янычаровъ. Въ Египтѣ перехвачены были письма мѣстнаго французскаго консула Дроветти, изъ которыхъ оказывалось, что онъ подстрекалъ беговъ къ открытому возстанію. Вслѣдствіе этого Порта начала относиться къ Латурь-Мобуру холодно и чрезвычайно недовѣрчиво.

Тѣмъ временемъ война продолжалась. На австрійской границѣ скопилось все большее количество русскихъ войскъ, такъ что въ военныхъ кругахъ Вѣны стали уже подумывать о контръ-демонстраціяхъ. Въ Сербіи событія тоже приняли болѣе тревожный оборотъ. Кара-Георгій уже не полагался на одну только Австрію, но старался, сверхъ того, заручиться поддержкою и Франціи. Въ ту пору въ Сербіи боролись между собою двѣ партіи: русская и австро-французская. Приверженцы Россіи были многочисленнѣе; Кара-Георгій видѣлъ въ нихъ своихъ противниковъ и приписывалъ имъ стремленіе ограничить кругъ его дѣятельности и ввести въ Сербіи нѣчто въ родѣ аристократическаго правленія, тогда какъ самъ онъ домогался основанія независимой Сербіи. Но, при внутреннихъ партійныхъ раздорахъ и при опасности, угрожавшей странѣ со стороны Турціи, онъ не могъ бы достигнуть своей цѣли безъ посторонней помощи, которую онъ и готовъ былъ принять, откуда бы она ни явилась. Главнокомандующій русскою арміею въ дунайскихъ княжествахъ издалъ воззваніе, въ которомъ убѣждалъ сербовъ непоколебимо держаться ихъ главнаго предводителя, Кара-Георгія. Это успокоило послѣдняго на счетъ намѣреній Россіи и когда затѣмъ сербамъ, въ соединеніи съ русскимъ отрядомъ, удалось принудить турецкія войска къ отступленію, русское вліяніе получило во всей Сербіи преобладаніе и всѣ стали желать соединенія съ Россіей. Стали хо-

дять упорные слухи о предстоящемъ вступленіи русскихъ въ Сербію, и графу Меттерниху, находившемуся тогда въ Парижѣ, было поручено сообщать о томъ Наполеону и узнать его мнѣніе по поводу означенныхъ слуховъ. Наполеонъ рѣшительно заявилъ, что онъ ни за что не допустить утверженія русскихъ на правомъ берегу Дуная и занятія ими Сербіи или приобрѣтенія протектората надъ ними. Онъ даже совѣтовалъ вѣнскому кабинету овладѣть Бѣлградомъ и прочими пунктами Сербіи. Меттернихъ, не желавшій раздѣла Турціи, не раздѣлялъ точки зрѣнія Наполеона, но на его совѣтъ относительно Бѣлграда не возразилъ ничего, потому что опасался, что Наполеонъ хочетъ только вывѣдать его намѣренія. Онъ признавалъ невозможнымъ, чтобы Наполеонъ желалъ предоставить одной Австріи протекторатъ надъ Сербіей, что въ сущности было бы желательнымъ для Меттерниха, который, какъ и всѣ вообще въ Австріи, былъ убѣжденъ, что Сербія должна войти въ сферу австрійскаго вліянія и что только въ виду обстоятельствъ того времени необходимо избѣгать всего, что могло бы пробудить озлобленіе Порты. Такимъ образомъ, на путь рѣшительной и дѣятельной политики Австріи не вступала. Вѣнскій кабинетъ видѣлъ угрожавшія интересамъ монархіи опасности, но не имѣлъ мужества энергически выступить противъ нихъ. Австрійскою политикою руководили страхъ и досада противъ новыхъ союзниковъ. Графъ Меттернихъ опасался, что, несмотря на родственную связь между вѣнскимъ и тюрльрійскимъ дворами, все-таки могутъ возникнуть причины, которыя побудятъ Австрію ограждать себя отъ порабощенія. Выѣстъ съ другими австрійскими государственными людьми, онъ былъ убѣжденъ, что Наполеонъ стремится лишь къ всемірному владычеству, а потому и онъ, при всей своей злобѣ къ Россіи, желалъ отдалить русско-французское столкновение. Война съ этою державой, по мнѣнію Меттерниха, поставила бы Австрію въ полную зависимость отъ Франціи, и онъ признавалъ величайшею ошибкою петербургскаго кабинета то, что онъ не видитъ намѣренія Наполеона достигнуть этой цѣли.

Что касается Сербіи, которая признавалась обреченною на то, чтобы подпасть вліянію Австріи, то для достиженія этой цѣли графъ Меттернихъ избралъ особые пути: онъ хотѣлъ дѣйствовать не наступательно, а путемъ посредничества. Для этого онъ признавалъ особенно нужнымъ убѣдить Порту въ добрыхъ намѣреніяхъ Австріи и ознакомить ее съ твердымъ рѣшеніемъ императора Франца не допускать завоеванія праваго берега Дуная русскими. Увѣренія въ этомъ родѣ подѣйствовали на Порту ободряющимъ образомъ и, подъ вліяніемъ новаго представителя Англіи, Каннинга, она, укрѣпившись въ своей неуступчивости, отвергла вышеупомянутый ультиматумъ Каменскаго, послѣ чего мирные переговоры остановились. Въ сущности, это вовсе не отвѣчало цѣлямъ вѣн-

скаго кабинета, который очень стремился выступить посредникомъ въ означенныхъ переговорахъ, но только не хотѣлъ открыто выразить этого желанія, предпочитая, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ взяла на себя Порта. Но Порта не поддавалась внушеніямъ въ этомъ смыслѣ, и Австрія, уклонявшейся отъ рѣшительнаго шага по отношенію къ Россіи, оставалось съ тревогою слѣдить за ходомъ событій на Дунаѣ. Главною причиною нерѣшительности политики Меттерниха была неувѣренность послѣдняго относительно поддержки со стороны Наполеона, истинныя намѣренія котораго все еще оставались загадкою. Боязнь утратить съ такимъ трудомъ пріобрѣтенную благосклонность императора французовъ отражалась на всѣхъ мѣропріятіяхъ австрійской дипломатіи. Отсюда ея колебанія также и въ сербскомъ вопросѣ. Австрія страстно желала возстановить спокойствіе въ Сербіи, откуда ей, особенно послѣ русскихъ побѣдъ въ августѣ, грозили большія опасности. Хотя со стороны вѣнскаго кабинета и было заявлено въ Константинополь, что онъ не потерпѣтъ вступленія русскихъ въ Сербію, однако въ дѣйствительности по отношенію къ Сербіи рѣшительно не знали въ Вѣнѣ, на что рѣшиться. Австрійское правительство признавало необходимымъ дать отпоръ русскимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялось вовлечь себя въ осложненія, послѣдствія которыхъ трудно было бы предугадать, тѣмъ болѣе, что оставалось неизвѣстнымъ, какъ отнесся бы къ этому вопросу Наполеонъ. И вотъ, стараясь поддерживать самыя дружественныя отношенія съ Портою, вѣнскій кабинетъ стремился, путемъ любезностей, закрѣпить за собою расположеніе также и сербовъ. А между тѣмъ распоряженія дѣлались самыя противорѣчивыя. 3-го августа приказано было затруднить вывозъ всякихъ продуктовъ въ Сербію и даже совсѣмъ воспретить его до тѣхъ поръ, пока сербы дѣйствуютъ заодно съ русскими; но едва послѣдовало это приказаніе, какъ уже возникло опасеніе, что Россія, пожалуй, усмотритъ въ этомъ доказательство неприязни къ ней и постарается еще болѣе привлечь къ себѣ сербовъ. Кромѣ того, на означенную мѣру сербы могли бы отвѣтить воспрещеніемъ вывоза съ своей стороны, что нанесло бы ущербъ австрійской торговлѣ, и безъ того уже сильно подорванной условіями шенбрунскаго мира. Въ концѣ концовъ, дѣло ограничилось запрещеніемъ вывоза въ Сербію однихъ только принадлежностей военнаго дѣла.

Двойная игра во всѣ стороны поставила вѣнскій кабинетъ въ почти безвыходное положеніе. Неопредѣленное отношеніе Наполеона къ осложненіямъ на Востокъ подорвало силу воли австрійской дипломатіи. Несмотря на всѣ усилія Меттерниха, Наполеонъ никакъ не соглашался отступить отъ обѣщаній, данныхъ имъ императору Александру въ Эрфуртѣ. Онъ даже совѣтовалъ Меттерниху побудить вѣнскій дворъ къ отправкѣ въ Константинополь такого лица, которое склонило бы сул-

тана заключить съ Россією миръ на основѣ уступки дунайскихъ княжествъ. Это отдавало насмѣшкой, такъ какъ именно такой миръ и не былъ желателенъ Австріи, связывавшей свои жизненные интересы съ цѣлостью Турціи. Но Наполеонъ не ограничился этимъ въ своихъ доброжелательныхъ совѣтахъ; онъ говорилъ, что Австріи всего лучше было бы напасть врасплохъ на Бѣлградъ и освободить Сербію отъ Турціи. Это, въ сущности, значило бы перевернуть вверхъ дномъ всю политическую систему австрійской монархіи. Ясно, что Наполеонъ желалъ поселить раздоры между Австрією и Россіей, съ одной стороны, и Турцією—съ другой, чтобы предотвратить возможность соглашенія между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами и отвлечь отъ Австріи Турцію, которая въ такомъ случаѣ была бы вынуждена искать сближенія съ Франціей. Поэтому Меттернихъ рѣшилъ избѣгать всякихъ осложненій и выжидать благоприятнаго оборота дѣлъ.

Вопросъ о занятіи Бѣлграда хотя и обсуждался въ Вѣнѣ, однако былъ вскорѣ оставленъ, изъ боязни поколебать пріобрѣтенное довѣріе Порты и сдѣлать австрійское посредничество невозможнымъ. Тѣмъ временемъ, барону Зимшпену поручено было завести съ сербами секретные переговоры, чтобы еще разъ узнать ихъ намѣренія относительно условій примиренія съ Портой. Это дѣлалось уже нѣсколько разъ и прежде, и желанія сербовъ были уже достаточно хорошо извѣстны вѣнскому кабинету. Положеніе дѣлъ представлялось вполне выяснившимся: было очевидно, что либо Турція подавитъ возстаніе и принудитъ сербовъ, способныхъ носить оружіе, выселиться съ родины, либо та или другая изъ великихъ державъ освободитъ Сербію отъ турецкаго ига. Все это стлочно понимали въ Вѣнѣ, но, какъ всегда бываетъ при отсутствіи мужества для рѣшительныхъ поступковъ, тамъ все еще ожидали случайнаго «поворота къ лучшему»: вѣнскій кабинетъ вѣрилъ въ возможность возстановить спокойствіе путемъ совѣтовъ и добрыхъ услугъ. 28-го сентября состоялось назначеніе подполковника Паулиха австрійскимъ консуломъ въ Бѣлградъ. Онъ не былъ, однако, аккредитованъ при сербскомъ сенатѣ формальнымъ путемъ, потому что это было бы равносильно признанію сената за законное управленіе, чего Австрія допустить не могла по нежеланію раздражать Порту; Паулиху велѣно было явиться къ бѣлградскимъ правителямъ съ простымъ рекомендательнымъ письмомъ отъ фельдцейхмейстера барона Зимшпена. Черезъ консула вѣнскій кабинетъ надѣялся получать изъ Сербіи болѣе свѣшныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ черезъ генераловъ, которыхъ ненадежные агенты часто вводили въ заблужденіе; съ другой стороны, была надежда на то, что консулъ будетъ въ состояніи оказывать большее вліяніе на главарей возстанія и успѣшнѣе противоудѣствовать проискампъ другихъ державъ. Въ числѣ различныхъ порученій, данныхъ Паулиху,

однимъ изъ главныхъ было противодѣйствовать русскому вліянію въ Сербіи. Русскія войска, вѣкорѣ послѣ сдачи турками Рущука и очищенія Никополя, Трнова и другихъ крѣпостей, ушли, какъ извѣстно, на зимнія квартиры, оставивъ на правомъ берегу Дуная лишь нѣсколько отрядовъ. Это сильно разочаровало сербовъ, чѣмъ Паулиху и было предписано воспользоваться, чтобы убѣдить сербовъ, какъ мало могутъ они рассчитывать на русскихъ и что помощь имъ можетъ единственно Австрія. Въ связь съ этимъ былъ снова поставленъ вопросъ о занятіи австрійскими войсками Бѣлграда—занятіи, о которомъ вѣнскій кабинетъ не переставалъ думать, хотя и откладывалъ его до болѣе благоприятнаго времени. Сербы, какъ извѣстно, уже ранѣе заявляли, что готовы согласиться на перемиріе съ турками и отказаться отъ сношеній съ русскими лишь въ томъ случаѣ, если Австрія займетъ сербскія крѣпости. Хотя вѣнскій кабинетъ утверждалъ, что Бѣлградъ и прочія крѣпости были бы заняты лишь временно, въ видахъ охраны спокойствія въ Сербіи, однако у него была при этомъ и задняя мысль: какъ ни нежелателенъ былъ для Австріи раздѣлъ Турціи, однако въ случаѣ, еслибы онъ все-таки состоялся, Австрія хотѣла не остаться безъ доли въ дѣлѣ, а для этого было весьма кстати имѣть въ своихъ рукахъ сербскія крѣпости. Обладаніе сербскою территоріей представлялось для Австріи особенно важнымъ. Бѣлградъ, расположенный на сліяніи Дуная, Тиссы, Дравы и Савы, не только господствовалъ надъ торговымъ путемъ, который велъ съ Леванта въ Австрію, но былъ важенъ и для всякихъ военныхъ предпріятій противъ Константинополя. Во всякомъ случаѣ, обладаніе Бѣлградомъ дало бы вѣнскому двору перевѣсъ надъ Портою и создало бы ему положеніе третейскаго судьи при мирныхъ переговорахъ. Графъ Меттернихъ держался того мнѣнія, что если Сербія не можетъ быть приобрѣтена Австріею, то пусть ужъ лучше остается подъ властью Турціи; но, конечно, онъ предпочелъ бы, чтобы хозяйкою тамъ стала Австрія. Дѣйствительно, подъ турецкимъ владычествомъ трудно было бы ожидать возстановленія прочнаго спокойствія въ Сербіи, гдѣ съ подавленіемъ возстанія развилось бы гайдучество, и страна, постоянно тревожимая партизанскою войною, не могла бы быть для Австріи цѣнною сосѣдкой. Такимъ образомъ, интересамъ монархіи могло соответствовать лишь присоединеніе Сербіи, а потому главнѣйшею задачею поставлено было Паулиху стараться внушить эту мысль сербскому народу и вождямъ возстанія. Всѣ эти планы, однако, рухнули весьма скоро: сербскій сенатъ отклонилъ назначеніе австрійскаго консула, что фельдцейхмейстеръ Зимшенъ приписывалъ русской интригѣ. Кара-Георгій, въ письмѣ въ Зимшену, объяснялъ отказъ сената въ признаніи консула тѣмъ, будто сербскій народъ совсѣмъ не знаетъ, какія почести должны быть оказываемы австрійскому консулу, и опа-

сается какому-нибудь неловкостью въ этомъ отношеніи оскорбить австрійскаго императора. Письмо Кара-Георгія было составлено очень искусно. Онъ выражалъ сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства не позволяютъ сербамъ воспользоваться милостью, которую оказалъ имъ австрійскій императоръ назначеніемъ консула, но говорилъ, что въ настоящую минуту консулъ не можетъ быть полезенъ, такъ какъ сербы думаютъ только о войнѣ и поневолѣ должны отложить всѣ другіе вопросы до болѣе благоприятнаго времени. Притомъ—прибавлялъ Кара-Георгій—кто можетъ въ настоящую минуту оказать сербамъ скорѣйшую помощь, какъ не русскіе, стоящіе на границѣ? Если же они узнали бы о присылкѣ австрійскаго консула, то сербы оказались бы предоставленными на произволъ судьбы. Далѣе Кара-Георгій повторялъ уже неоднократно высказанную имъ мысль, что Сербія, домогаясь независимости, всего охотнѣе подчинилась бы совокупному рѣшенію Австріи, Россіи и Франціи; если же это невозможно, то она болѣе всего была бы обязана той державѣ, которая первою оказала бы ей помощь, а потому, если Австрія можетъ помочь сербамъ, то пусть поспѣшитъ. Пусть она займетъ Боснію и тѣмъ возмѣститъ для себя завоеванія русскихъ на Дунаѣ; напротивъ, если Австрія вступила бы въ Сербію, то это могло бы повести къ объявленію войны со стороны Россіи и Турціи. Письмо это доставлено было довѣреннымъ Кара-Георгія, Іефтичемъ, который дополнилъ написанное словесными заявленіями въ томъ же смыслѣ, объявивъ, между прочимъ, что Кара-Георгій не могъ прійхать къ Зимбшену самъ, какъ того желалъ фельдцейхмейстеръ, потому что за нимъ слѣдятъ русскіе, приставившіе къ нему, подъ видомъ почетной стражи, отрядъ въ 40 человекъ при одномъ офицерѣ. Это вынуждаетъ—де Кара-Георгія хранить свои переговоры съ австрійцами въ тайнѣ. Разница между письмомъ и словесными заявленіями заключалась только въ томъ, что Кара-Георгій заявлялъ о стремленіи сербовъ къ независимости, а Іефтичъ словесно выражалъ отъ его лица готовность допустить занятіе австрійцами сербскихъ крѣпостей и связь Сербіи съ Австріей; поэтому—говорилъ онъ—Кара-Георгій желаетъ знать, существуетъ ли между Австріею и Франціею союзъ, а направленъ ли этотъ союзъ противъ Россіи или Турціи—это—де для сербовъ все равно. Вѣроятно, Кара-Георгій хотѣлъ вывѣдать отъ Зимбшена взаимныя отношенія великихъ державъ, чтобы сообразовать съ ними свои дѣйствія; но Зимбшенъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ инструкцій, ничего сказать не могъ.

Когда, въ октябрѣ, Порта отвергла извѣстныя уже сербскія условія примиренія, настаивая на безусловномъ подчиненіи возставшихъ и оставленіи всего по-старому, вѣнскій кабинетъ, къ своему великому неудовольствію, увидѣлъ, что соглашеніе между Портою и сербами отдали-

лось на болѣе, чѣмъ когда-либо, долгій срокъ. Надежды на то, что во время перемирія, быть можетъ, удастся отвлечь сербовъ отъ русскихъ, рушились. Австрійской дипломатіи пришлось снова придумывать доводы, которые могли бы побудить Порту къ уступчивости. Между прочимъ, сдѣлана была попытка припугнуть Порту указаніемъ на возможность занятія Сербіи русскими, но Порты была слишкомъ увѣрена въ счастье турецкаго оружія, чтобы допустить возможность такого событія. Представитель Австріи заявилъ, что она готова, для предотвращенія этой возможности, занять для Порты Бѣлградъ, но это заявленіе подѣйствовало совершенно иначе, чѣмъ рассчитывали въ Вѣнѣ: Порты отвѣтила, что такой поступокъ Австріи она признала бы за поводъ къ войнѣ, такъ какъ Австрія располагаетъ другими средствами для воспрепятствованія наступательному движенію русскихъ. Впрочемъ, къ словамъ австрійскаго представителя турецкое правительство отнеслось не особенно серьезно: ему было извѣстно, что Австрія слишкомъ боится несогласія Наполеона, чтобы предпринять что-либо противъ русскихъ. Въ Константинополѣ были увѣрены, что всѣ усилія графа Меттерниха въ Парижѣ заручиться согласіемъ императора французова на дѣйствія Австріи противъ Россіи остались безплодными и даже успѣхи русскаго оружія не поколебали увѣренности Порты въ томъ, что Россія желаетъ мира и готова отказаться отъ требованій, выставленныхъ въ ультиматумѣ Каменскаго. Вообще, все тонкое дипломатизированіе вѣнскаго кабинета давало пока, къ досадѣ Меттерниха, весьма печальные результаты. Пока австрійскій представитель Штурмеръ поднимался на ухищренія, чтобы доставить Австріи преобладающее вліяніе въ Константинополѣ, дѣла все болѣе запутывались. Изъ Сербіи получено было извѣстіе о возвращеніи Родофиникина въ Бѣлградъ, и фельдцейхмейстеръ Зимбоненъ доносилъ, что архимандритъ Спиридонъ Филипповичъ успѣлъ склонить Кара-Георгія въ согласію на занятіе Бѣлграда русскими. Туда уже наѣхали русскіе инженеры, съ цѣлью привести крѣпостныя укрѣпленія въ оборонительное состояніе, и ходили слухи, что вскорѣ вступить въ Бѣлградъ русскій отрядъ, силою въ 1.800 человекъ. Австрія постоянно твердила Портѣ, что не потерпитъ занятія Бѣлграда, и вдругъ оно произошло стать совершившимся фактомъ — и ничего противъ этого нельзя было сдѣлать. Вѣнскій кабинетъ на занятіе Бѣлграда австрійскими войсками не рѣшался, да и Порты рѣшительно противилась этому, а еслибы и дала на то согласіе, то Австрія побоялась бы осуществить свое желаніе, опасаясь, чтобы Наполеонъ не воспользовался этимъ для вовлеченія Австріи въ осложненія съ Россіей и для приобрѣтенія этимъ путемъ вліянія на той части австрійской границы, гдѣ этого вліянія еще не было. Характерною чертою политики Меттерниха является то, что, при всей опасливости вѣнскаго кабинета и при всемъ сознаніи риска,

сопряженнаго съ занятіемъ Бѣлграда, въ этомъ направленіи все-таки принимались въ тайнѣ мѣры, обставленные самою трусливою осмотрительностью. Командованіе войсками въ Банатѣ вѣрено было фельдмаршалу-лейтенанту Дукѣ, на котораго еще ранѣе возложено было наблюденіе за русскими войсками у границы. Дука получилъ полномочіе направлять сербскія дѣла, и ему предписано было отправить подполковника Паулиха, безъ придачія его миссіи офіціального характера, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ Бѣлградъ для наблюденія за ходомъ событій, о которыхъ онъ сообщалъ бы Дукѣ, минуя Зимшпена, утратившаго довѣріе вѣнскаго правительства и вскорѣ отозваннаго.

Распатаанному положенію дѣлъ въ Сербіи могъ бы быть положенъ конецъ только скорымъ заключеніемъ мира, но на достиженіе этого въ Константинополь не было никакой надежды; тѣмъ не менѣе, австрійская дипломатія снова прибѣгла къ попыткамъ склонить Порту и Сербію къ примиренію и, прежде всего, къ заключенію въ Сербіи перемирія; этимъ путемъ вѣнскій кабинетъ рассчитывалъ достигнуть очищенія Бѣлграда русскими войсками. Переговоры съ Кара-Георгіемъ возобновлены были теперь преемникомъ Зимшпена, фельдцейхмейстеромъ Гиллеромъ. Гиллеръ былъ хорошимъ боевымъ человѣкомъ, но никуда нигоднымъ политикомъ; онъ совершенно не понималъ характера сербскаго движенія и приписывалъ его религиозному фанатизму, причемъ и тяготѣніе сербовъ къ русскимъ объяснялъ единственно вѣроисповѣдною солидарностью. Приобрѣсть расположеніе сербовъ, какъ это сдѣлалъ Зимшпень, онъ не сумѣлъ и, при такихъ условіяхъ, миссія его не могла, конечно, обѣщать успѣха. Въ Константинополь шансы австрійской дипломатіи тоже были слабы, но все же дѣло мало-по-малу дошло до того, что 25-го ноября собралось въ турецкой столицѣ, при участіи австрійскаго интернунція Штюрмера, совѣщаніе по вопросу о посредничествѣ Австріи—прежде всего при русскомъ дворѣ. По этому дѣлу султанъ готовъ былъ обратиться со конфиденціальнымъ письмомъ къ австрійскому императору, причемъ, однако, заранѣе было заявлено, что миръ можетъ быть допущенъ лишь подъ условіемъ сохраненія цѣлости Турціи. На совѣщаніи поставленъ былъ Австріи вопросъ: рѣшается ли она вступить въ борьбу за интересы Порты или же намѣрена ограничиться одними демонстраціями противъ Россіи?

Дѣло въ томъ, что Диванъ вовсе не былъ увѣренъ въ готовности русскаго правительства принять посредничество Австріи и охотнѣе предпочелъ бы активную помощь монархіи. Но Австрія и раньше уже объясняла Портѣ, что имѣетъ въ виду помочь Турціи лишь добрыми услугами. Тѣмъ не менѣе, письмо султана къ императору Францу было отправлено, причемъ императору сообщены были и сдѣланныя до сихъ поръ Россією предложенія. Отправка письма хранилась въ вели-

чайшей тайнѣ и иностраннымъ представителямъ было сказано, что въ совѣщаніи обсуждался исключительно только сербскій вопросъ. Но именно по сербскому-то вопросу въ письмѣ султана ничего и не говорилось. Интернунцію Штюрмеру было лишь словесно заявлено, что султанъ готовъ сдѣлать большія уступки, но что онъ не можетъ согласиться на требованія, поставленныя петербургскимъ кабинетомъ.

Около этого времени пришли въ Вѣну изъ Валахія вѣсти, на основаніи которыхъ можно было заключить, что Россія желаетъ ускорить заключеніе мира съ Турціею, а заявленія русскаго посольства въ Вѣнѣ не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Россія намѣрена отказаться отъ требованія относительно уступки княжествъ и ограничиться установленіемъ границы по Пруту. Объ этомъ тотчасъ же сообщили, подъ величайшимъ секретомъ, въ Константинополь чрезъ интернунція Штюрмера, которому Меттернихъ предписалъ представить дѣло Портѣ въ такомъ видѣ, будто такую уступчивостью русскаго правительства Турція обязана настояніямъ Австріи, неусыпно пекущейся о сохраненіи Оттоманской имперіи. А вмѣстѣ съ тѣмъ, Меттернихъ сталъ подъ рукою готовить занятіе Австріею окружавшей крѣпость Орсову области, которая еще по систовскому миру была признана нейтральною, подъ условіемъ, чтобы отъ этого не послѣдовало никакой опасности для самой крѣпости. Но такъ какъ русскія войска достигли теперь въ княжествахъ успѣха и можно было опасаться вступленія ихъ въ Сербію, то для названной крѣпости, расположенной близъ австрійской границы, возникала опасность. Мѣстный турецкій военачальникъ, не получавшій со своимъ гарнизономъ ни одного піастра отъ Порты и перебивавшійся собственными средствами, извѣстилъ фельдмаршала-лейтенанта Дуку, что если къ крѣпости подойдутъ русскіе, онъ передастъ ее Австріи. Вѣнскій кабинетъ былъ готовъ занять названную область; онъ полагалъ, что этимъ окажетъ Турціи услугу, причемъ русскіе, въ виду упомянутаго условія мира, не могли бы протестовать противъ поступка Австріи. Впрочемъ, занятіе Орсовы, за разными колебаніями, такъ и не состоялось, тѣмъ болѣе, что пронеслись слухи, будто генераль-адъютантъ Наполеона, Лористонъ, предпринялъ съ какими-то неизвѣстными цѣлями поѣздку по Савѣ. Чтò, если онъ направится въ Бѣлградъ и станетъ подстрекать сербовъ къ продолженію борьбы, или явится въ Вухарестъ, гдѣ ожидалось собраніе мирнаго конгресса, и выступитъ въ качествѣ посредника? Въ виду этого, въ Вѣнѣ еще болѣе усилилось желаніе, чтобы возстановилось, наконецъ, спокойствіе. Вѣнскій кабинетъ примирялся уже съ мыслью о постановкѣ Валахія и Сербія, съ туземными князьями во главѣ, въ вассальныя отношенія къ Портѣ подъ австрійскимъ и русскимъ покровительствомъ; тѣмъ не менѣе, онъ совѣтовалъ Портѣ не уступать княжествъ, такъ какъ Россія, опасаясь-де

разрыва съ Франціей, вынуждена заключить мѣръ. 1810-й годъ такъ и заключился для Австріи среди надеждъ, опасеній и желаній, безъ всякихъ активныхъ мѣръ. Меттернихъ, постоянно упрекавшій русское правительство въ томъ, что оно дѣйствуетъ исключительно подъ вліяніемъ страха передъ Наполеономъ, самъ руководствовался въ своей восточной политикѣ не чѣмъ инымъ, какъ страхомъ, парализовавшимъ всѣ его замыслы.

IX.

Небезынтересны отношенія, въ которыхъ находилась при Меттернихъ Австрія къ Пруссіи. Пруссію, совершенно подавленную Наполеономъ, вѣнскій кабинетъ считалъ не заслуживающею вниманія страню; безпримѣрной слабости королевскаго правительства, влачившаго существованіе, благодаря едва-ли не единственно поддержкѣ со стороны императора Александра I, приписывали въ Вѣнѣ значительную долю вины въ томъ, что могущество Наполеона приняло такіе громадные размѣры. Въ Берлинѣ, какъ и при дворахъ другихъ державъ, графъ Меттернихъ старался отгѣнить возстановленное значеніе Австріи въ европейскомъ концертѣ и выставить въ наилучшемъ свѣтѣ ея дружественныя отношенія къ Франціи, которыя собственно и ставили австрийское правительство въ болѣе или менѣе выгодное положеніе. Разныя частныя неудачи австрийской дипломатіи при тюрингійскомъ дворѣ показывали, однако, что достаточно вѣскихъ основаній для похвалы дружбою съ Франціей у вѣнскаго кабинета не было и потому въ Берлинѣ не особенно вѣрили оптимистическому изображенію положенія дѣлъ со стороны австрийцевъ. Тщетно усиливался Меттернихъ объяснить въ благопріятномъ для Австріи смыслѣ такія явленія, какъ, напримѣръ, серьезныя трудности, возникшія по вопросу объ очищеніи территоріи французскими войсками послѣ заключенія шёнбрунскаго мира, оскорбительный для вѣнскаго двора отзывъ Монталиве во французскомъ законодательномъ собраніи, враждебныя Австріи выходки парижскихъ газетъ и проч.; все это не могло разсвѣять возникшихъ въ Берлинѣ сомнѣній. Берлинскій дворъ сомнѣвался также и въ совершенномъ согласіи между Австріей и петербургскимъ кабинетомъ, хотя Меттернихъ и говорилъ правду, заявляя, что въ Россіи сближеніе съ Австріей признается желательнымъ. Пруссійскій дворъ не вѣрилъ даже и тому, чтобы вѣнскому кабинету удалось достигнуть выполнения условій шёнбрунскаго мира, и ожидалъ навѣрное возобновенія вскорѣ австро-

турецкой войны. А въ Вѣнѣ, напротивъ, были увѣрены въ скоромъ упраздненіи прусскаго государства. Къ преобразовательнымъ стремленіямъ Штейна и его приверженцевъ австрійскіе дипломаты относились съ презрительною улыбкой, признавая весь планъ реформъ нескладною и бессистемною системою, построенной на философскихъ теоріяхъ, а военныя силы Пруссіи казались этимъ дипломатамъ разстроенными настолько, что съ ними даже второй Фридрихъ Великій не былъ бы въ состояніи спасти государство. При всемъ томъ, вѣнскій кабинетъ старался поддерживать съ Берлиномъ пріязненные отношенія. Когда эрцгерцогиня Марія-Луиза была помолвлена съ Наполеономъ, австрійскому посланнику Весенбергу поручено было сообщить о томъ прусскому королю и представить ему лично тѣ соображенія, которыя побудили императора Франца согласиться на этотъ брачный союзъ, который де нисколько не повліяетъ на направленіе австрійской политики. Весенбергу предписано было удостовѣрить Фридриха-Вильгельма, что императоръ Францъ «слишкомъ увѣренъ въ личныхъ чувствахъ и постоянной дружбѣ прусскаго короля, чтобы усомниться въ одобреніи имъ изложенныхъ соображеній и въ его радости при извѣстіи о событіи, благотворныя послѣдствія котораго явятся новымъ залогомъ спокойствія и порядка вообще, а также безопасности каждаго отдѣльнаго государства, особенно же Пруссіи, благоденствіемъ коею императоръ никогда не перестанетъ интересоваться живѣйшимъ образомъ».

Въ Вѣнѣ желали ограничиться лишь словеснымъ сообщеніемъ королю, такъ какъ, по мнѣнію Меттерниха, оно ни къ чему не обязывало, тогда какъ извѣщеніе нотою являлось какъ-бы торжественнымъ обѣщаніемъ, исполненія котораго могли бы потомъ ожидать. Баронъ же Весенбергъ, не понявъ намѣреній своего правительства, сдѣлалъ прусскому министерству сообщеніе путемъ формальной ноты. Это обезпокоило Меттерниха, который вовсе не желалъ ставить дѣла такъ, чтобы его могли поймать на словѣ; давая обѣщанія, онъ отнюдь не имѣлъ въ виду принимать на себя какія-либо обязательства относительно австрійской политики, которая, подъ вліяніемъ событій, могла принять въ будущемъ то или другое направленіе. Всего болѣе онъ опасался того, чтобы прусскій дворъ не усмотрѣлъ въ нотѣ плохо замаскированнаго стремленія Австріи успокоить Пруссію насчетъ какихъ-нибудь сокровенныхъ плановъ. Какъ бы то ни было, австро-французскій брачный союзъ вызвалъ въ Берлинѣ большое безпокойство. Положеніе Пруссіи становилось, однако, все болѣе критическимъ. Король хотя и держался еще Россіи, но все болѣе начиналъ склоняться къ убѣжденію, что поддержки одной Россіи уже недостаточно; тѣмъ временемъ, управленіе иностранными дѣлами перешло въ руки графа Гарденберга, а онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ сближенія съ Австріей и началъ

усиленно отклонять Фридриха-Вильгельма отъ болѣе тѣснаго сближенія съ Россіей. Всю свою систему онъ построилъ на установленіи тѣсной связи съ Австрією, рассчитывая воспользоваться этою связью какъ противъ Франціи, такъ и противъ Россіи. Въ этомъ смыслѣ онъ сталъ высказываться передъ Весенбергомъ, но Весенбергъ, слишкомъ близко сошедшійся съ анти-французскою военною партіей въ Пруссіи, былъ въ августѣ отозванъ и замѣненъ барономъ Биндеромъ. Тогда Гарденбергъ ознакомилъ и Биндера со своими планами. Въ виду угрожавшаго разрыва между Наполеономъ и Александромъ I, Гарденбергъ уже ничего не ожидалъ отъ Россіи, находя, что ей достаточно заботъ доставить собственная оборона. При всемъ томъ, совершенно отказаться отъ дружбы Россіи онъ не хотѣлъ, напротивъ, онъ желалъ поддерживать эту дружбу по-прежнему, но только остерегался входить въ болѣе тѣсное сближеніе съ петербургскимъ дворомъ. Онъ тянулся всѣми силами къ Австріи, рассчитывая отчасти на ея дипломатическую защиту Пруссіи въ Парижѣ, отчасти на ея покровительство противъ Франціи, въ случаѣ войны между послѣднею и Россіей. Но вѣнскій кабинетъ, какъ уже сказано, считалъ Пруссію совершенно безсильною и потому непригодною въ качествѣ союзницы, тѣмъ болѣе, что развивавшееся въ ту пору въ прусскомъ народѣ патріотическое движеніе, которое поддерживали и многія вліятельныя лица изъ среды арміи, сдѣлало бы союзъ съ Берлиномъ прямо опаснымъ для Австріи въ отношеніи Наполеона. Такой взглядъ на Пруссію отражался, конечно, и на дипломатическихъ отношеніяхъ къ ней Меттерниха, носившихъ, при всей показной дружественности, отпечатокъ сдержанности и уклончивости.

Х.

Стремясь возможно шире раскинуть свои политическія сѣти, Меттернихъ не упускалъ изъ вида и второстепенныхъ государствъ, въ томъ числѣ и Данію. Эта маленькая страна стояла, въ сущности, вдали отъ крупныхъ политическихъ вопросовъ, но и она могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, получить серьезное значеніе; поэтому отношенія ея къ вѣнскому кабинету тоже имѣли извѣстную цѣну. Въ послѣднюю австро-французскую войну копенгагенскій дворъ соблюдалъ строжайшій нейтралитетъ; между тѣмъ, австрійскимъ государственнымъ людямъ было бы въ эту пору всего пріятнѣе, еслибы Данія вступила въ союзъ съ Англією, къ которому тогда присоединилась бы и Пруссія. Это значительно облегчило бы снаряженіе сѣверной экспедиціи, которой страстно ожида-

ла Австрія. Неудовольствіе противъ датскаго кабинета питали въ Вѣнѣ также и по тому поводу, что въ послѣднюю войну Данія держалась Россіи и завѣдывала дѣлами петербургскаго двора въ Константинополѣ чрезъ своего посланника въ турецкой столицѣ, Гюбша. Неудовольствіе это смягчалось, впрочемъ, господствовавшею въ Вѣнѣ увѣренностью, что въ случаѣ ожидавшагося тогда разрыва между Франціею и Россіею датскому двору придется выбирать между обѣими этими державами, причемъ дружбѣ Даніи къ Россіи придетъ конецъ: вѣнскіе дипломаты не сомнѣвались, что предпочтеніе отдаютъ будетъ датчанами Франціи. Этого именно и желали въ Вѣнѣ со времени усвоенія вѣнскимъ кабинетомъ новой системы. Представителю Австріи въ Копенгагенѣ, барону Биндеру, поручено было дѣйствовать въ этомъ направленіи и обратить вниманіе датскаго двора на единство, существующее между союзными съ Франціею континентальными державами, съ цѣлью предотвратить Данію отъ слѣдованія инымъ вліяніямъ. Заявленія Биндера достаточно освѣтили передъ копенгагенскимъ дворомъ политику графа Меттерниха и тѣ цѣли, которыя онъ въ то время преслѣдовалъ. Истиннымъ стремленіемъ его было изолировать Россію и всюду дѣлать себя угоднымъ Наполеону. Любопытно, однако, что, затѣвая свою политическую игру въ Копенгагенѣ, вѣнскій кабинетъ исходилъ изъ совершенно невѣрнаго представленія объ истинномъ положеніи дѣлъ на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ Вѣнѣ считали неподлежащимъ сомнѣнію, что теперь, когда миръ между Россіею и Швеціею заключенъ, установится тѣсная связь Швеціи съ Даніею и выборъ наслѣдника шведскаго престола падеть на датскаго принца. Полагали, что Швеція никогда не гримирится съ утратою Финляндіи и потому прочно соединится съ Даніею; обѣ же эти державы должны желать усиленія Франціи, такъ какъ это могло быть для нихъ только выгодно. Вѣнскій кабинетъ былъ введенъ въ заблужденіе получившимися изъ Даніи вѣстями. Датчане мечтали лишь о возстановленіи кальмарской уніи и надѣялись заручиться на это поддержкою Франціи; въ Вѣнѣ же были убѣждены, что Франція должна пожелать возстановленія единства на Скандинавскомъ полуостровѣ, когда ей придется сводить счеты съ Россіею. Въ ту пору на первомъ планѣ стояло избраніе датскаго короля въ наслѣдники шведскаго престола, такъ какъ кандидатура герцога Аугустенбургскаго, въ виду его болѣзненности, уже не считалась серьезною. Шансы короля на избраніе казались тѣмъ болѣе благоприятными, что его поддерживали Франція и Россія. Но вдругъ, для всѣхъ неожиданно, въ наслѣдники шведскаго престола избранъ былъ французскій генераль Бернадотъ, герцогъ Понте-Корво, и говорили, что избранъ онъ помимо всякаго вліянія со стороны Наполеона. Въ Даніи это произвело чрезвычайно удручающее впечатлѣніе и породило опасенія за будущее. Наслѣдникъ шведскаго престола принцъ Христіанъ Голь-

штейнъ-Аугустенбургскій скончался, какъ извѣстно, отъ удара, присутствуя на ученіи двухъ кавалерійскихъ полковъ. Въ народѣ пронеслась молва, будто онъ умеръ отъ отравы, павъ жертвою ненависти придворной партіи. Для избранія наследника престола собрался въ Орбросеймъ, приче́мъ, во избѣжаніе всякихъ иновѣрныхъ вліяній на выборы, представителямъ иностранныхъ державъ воспрещено было пребываніе въ названномъ городѣ. Австрійская дипломатія была поражена совершенно непредвидѣннымъ ею избраніемъ Бернадота и вину въ такомъ исходѣ выборовъ не замедлила приписать Даніи и Россіи, находя, что первая изъ нихъ, своими интригами, старалась поддерживать въ Швеціи безпорядки, чѣмъ и озлобила ее, а Россія нанесла ущербъ шведской торговлѣ. Повидимому, французскій генералъ былъ выбранъ дѣйствительно потому, что шведы ожидали отъ него политики отмщенія по отношенію къ Россіи; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что избраніе Бернадота состоялось помимо вліянія Наполеона и даже было встрѣчено имъ съ неудовольствіемъ.

Дѣйствительно, со времени заключеннаго въ январѣ мира, отношенія между Швеціею и Франціею были не особенно благоприятныя. По этому миру Швеція присоединилась къ континентальной системѣ, выговоривъ себѣ лишь право на ввозъ соли; но такъ какъ стокгольмскій кабинетъ все еще не прерывалъ сношеній съ Великобританіею и англійскій повѣренный въ дѣлахъ еще въ концѣ марта находился въ шведской столицѣ, то Франція стала требовать не только скорѣйшаго удаленія его оттуда, но и того, чтобы Швеція объявила Англии войну, сдѣлала распоряженіе о секвестраціи англійскихъ товаровъ и снарядила свой флотъ; въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, французскій посланникъ долженъ былъ потребовать свои паспорта обратно. Говорятъ, требованія Франціи были поддерживаемы Россіею и Даніею, хотя полковникъ Чернышевъ, проѣздомъ въ Парижъ посѣтившій Стокгольмъ, заявлялъ, что это дѣлаемо было русскимъ правительствомъ лишь для вида. Такъ или иначе, но продолжительность пребыванія Чернышева въ Стокгольмѣ давала поводъ подозрѣвать, что Россія ищетъ соглашенія съ Швеціею. По свѣдѣніямъ Биндера, говорили даже, будто обѣ державы условились между собою допускать тайныя торговыя сношенія съ Англіею. Однако, въ концѣ концовъ, стокгольмскій кабинетъ все-таки подчинился требованіямъ Франціи. Онъ объявилъ Англии войну и приступилъ къ секвестраціи англійскихъ товаровъ, хотя и въ смягченной формѣ. Извиняясь передъ Франціею трудностью этого дѣла въ виду препятствій со стороны нѣкоторыхъ статей шведской конституціи. Дѣло въ томъ, что осуществленіе континентальной системы было невыгодно въ матеріальномъ отношеніи для Швеціи, какъ и для Россіи, почему населеніе ихъ и противилось французской политикѣ. Бернадотъ, и безъ того уже не

литавшій большого сочувствія къ Наполеону, сознавалъ это, положеніе дѣлъ и, быть можетъ, именно вслѣдствіе его считалъ нужнымъ держаться Россіи, несмотря на существовавшее еще въ Швеціи нерасположеніе къ ней. Бернадотъ вскорѣ пріобрѣлъ среди шведовъ большую популярность, чему значительно способствовало его заявленіе, что онъ хочетъ быть только шведомъ, а отнюдь не подручнымъ Наполеона. Датскому королю онъ заявлялъ, что въ Швецію привлечь его вовсе не блескъ короны, а только желаніе высвободиться изъ-подъ невыносимаго наполеоновскаго гнета, тяготѣвшаго надъ всѣми французскими маршалами. Однако, въ Вѣнѣ избраніе Бернадота въ наслѣдники шведскаго престола признавали за шахматный ходъ противъ Россіи, находя, что избраніе это основано на заключенномъ между Бернадотомъ и шведскою націей договорѣ относительно отвоеванія Финляндіи. Графъ Меттернихъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ въ противномъ, упорно держался мнѣнія, что избраніе Бернадота состоялось при поддержкѣ Наполеона и что событіе это должно вызывать сильную тревогу въ Петербургѣ. Глубоко убѣжденный въ неограниченности наполеоновскаго могущества, онъ не допускалъ даже мысли, чтобы въ Европѣ могъ найтись хотя бы маленький уголокъ, свободный отъ вліянія французскаго императора. Поэтому избраніе Бернадота было признаваемо въ Вѣнѣ за благоприятное для австрійской политики событіе: полагали, что Швеція будетъ отнынѣ служить угрозой для Россіи, которая окажется вынужденною воздерживаться впредь отъ всякихъ новыхъ осложненій. А, между тѣмъ, Чернышевъ доносилъ императору Александру, что Бернадотъ заявлялъ ему о своемъ рѣшеніи твердо держаться русскаго царя и даже хотѣлъ письменно засвидѣтельствовать свою преданность ему. Онъ прибавлялъ только, что не можетъ открыто обнаружить свои чувства по отношенію къ Россіи, пока имущество его находится во Франціи, откуда ему нужно сперва получить всѣ свои средства, нужныя для бѣдной въ матеріальномъ отношеніи Швеціи. Заявленія Бернадота въ этомъ смыслѣ находили себѣ подтвержденіе, между прочимъ, въ томъ, что представитель Франціи въ Стокгольмѣ, Алькье, горько жаловался на его поступки тому же Чернышеву. Дѣйствительно, наслѣдникъ шведскаго престола былъ полонъ ненависти къ Наполеону и неразъ говорилъ Чернышеву, что императоръ тоже ненавидитъ его съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько недовольныхъ задумали-было возвести его, Бернадота, на французскій престолъ, отъ чего онъ, впрочемъ, отказался. Ничего этого не видѣлъ и не признавалъ тогда Меттернихъ, хотя впоследствии онъ и утверждалъ постоянно, будто уже въ то время предвидѣлъ всѣ разыгравшіяся затѣмъ политическія событія. На дѣлѣ онъ представлялъ себѣ будущее совершенно въ иномъ видѣ, тѣмъ оно сложилось въ дѣйствительности.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Высочайшая благодарность корнету Яковлеву за хорошее устройство Верхъ-Исетскаго завода.

25-го февраля 1825 г.

Господинъ корнетъ Яковлевъ.

Обозрѣвая въ прошломъ году горные заводы, я былъ и на вашемъ Верхъ-Исетскомъ заводѣ. Къ совершенному моему удовольствію нашелъ я его въ примѣрномъ устройствѣ, людей при ономъ находящихся въ хорошемъ положеніи и госпиталь для пользованія больныхъ, вами учрежденный, въ надлежащемъ порядкѣ.

Мнѣ пріятно изъяснить вамъ за сіе мое благоволеніе, и въ знакъ онаго препровождаю при семъ къ вамъ табакерку съ вензелевымъ моимъ именемъ, пребывая къ вамъ благосклоннымъ.

Рескриптъ императора Александра I Е. И. Ватуриной объ уплатѣ долговъ ея мужа.

19-го августа 1825 г. Царское Село.

Екатерина Ивановна! Пріемля участіе въ настоящемъ положеніи вашемъ и въ знакъ особеннаго вниманія моего къ службѣ покойнаго вашего супруга, я далъ повелѣніе министру финансовъ согласно принесенной мнѣ отъ васъ просьбѣ, выдать вамъ на уплату долговъ покойнаго 20.000 руб. изъ суммъ государственныхъ. Искренно желаю, чтобы пособіе сіе послужило къ устройству семейственнаго вашего благосостоянія.

Графъ А. К. Толстой.

(Замѣтка объ его службѣ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1834—1836 гг.).

Недостатокъ данныхъ относительно жизни и дѣятельности графа Алексѣя Константиновича Толстаго въ извѣстной степени восполняется для 1834—1836 гг. тѣми указаніями, которыя даютъ бумаги изъ этихъ лѣтъ, хранящіяся въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и Московскаго университета ¹⁾.

13-го марта 1834 года Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ получилъ изъ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ увѣдомленіе, «что въ 9-й день сего марта графъ Алексѣй Толстой опредѣленъ по прошенію его первоначально на службу въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ студентомъ». Изъ формулярнаго списка видно, что студенту гр. А. Толстому было тогда 17 лѣтъ; что онъ былъ сынъ коллежскаго совѣтника графа Константина Петровича Толстаго и что за «родительницею его Черниговской губерніи, было 350 душъ».

Черезъ годъ службы въ архивѣ, именно 20-го апрѣля 1835 года, Толстой былъ «всемиловѣйше уволенъ по прошенію его въ отпускъ для поправленія слабаго здоровья за границу на четыре мѣсяца» ²⁾. Толстой пребылъ однако въ отпускѣ гораздо долѣе назначеннаго вре-

¹⁾ Входящія и исходящія дѣла Москов. главн. архива мин. ин. дѣлъ за 1834, 1835 и 1836 гг.—Дѣло (на 14 л.) архива Московскаго университета за 1835 г. „объ учиненіи экзамена служащему въ архивѣ Иностр. дѣлъ гр. Толстому на поступленіе въ 1-й разрядъ гражд. чиновниковъ“, № 375.

²⁾ Дѣла А. М. И. Д. за 1835 г., л. 835 (и 836).

мени и явился на службу только 4-го ноября. Въ оправданіе своего опозданія онъ представилъ слѣдующее официально удостовѣренное свидѣтельство дрезденскаго врача Транкса отъ 7-го сентября: «Графъ Алексѣй Толстой вслѣдствіе многократной простуды былъ одержимъ воспалительнымъ катаромъ съ сильной лихорадкой и прилітіемъ крови къ головѣ».

«По удаленіи оныхъ припадковъ состояніе его здоровья до совершеннаго возстановленія требуетъ пребыванія здѣсь и замедляетъ его дальнѣйшее путешествіе». Въ декабрѣ гр. Толстой подалъ въ Совѣтъ Московскаго университета прошеніе ¹⁾ о производствѣ ему испытанія «изъ предметовъ, составляющихъ курсъ наукъ словеснаго факультета, для полученія ученаго аттестата на право чиновниковъ перваго разряда». Рѣшеніе по этому прошенію было постановлено 11-го декабря, а 17-го и 18-го декабря словесное отдѣленіе произвело уже Толстому положенный экзаменъ. При этомъ онъ получилъ: изъ французской словесности 4 балла, изъ англійскаго языка 3 балла, изъ всеобщей статистики 3, изъ латинскаго языка 4, изъ всеобщей исторіи также 4; сверхъ того предложенъ былъ изъ російской словесности вопросъ для письменнаго разрѣшенія, на который написалъ онъ отвѣтъ въ засѣданіи и представилъ его испытателю; изъ нѣмецкаго языка и словесности графъ получилъ 4 балла, изъ русской словесности также 4, изъ російской исторіи 3, изъ російской статистики 4—итого въ суммѣ съ предыдущими изъ 9 предметовъ испытанія 33 балла. На этомъ основаніи отдѣленіе признало Толстаго выдержавшимъ испытаніе, съ чѣмъ согласился и Совѣтъ университета въ засѣданіи 4-го января 1836 года.

7-го іюня 1836 года онъ вошелъ въ архивъ, съ прошеніемъ на высочайшее имя «объ увольненіи вовсе отъ службы». Архивъ, съ своей стороны, «къ увольненію его препятствій не находилъ», но 13-го іюня здѣсь было получено изъ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ увѣдомленіе, что «государь императоръ... всемилостивѣйше изъявить соизволилъ согласіе свое на отпускъ состоящаго при Московскомъ главномъ архивѣ студента графа Толстаго въ Ниццу ²⁾ на четыре мѣсяца». Вслѣдъ затѣмъ управляющій архивомъ А. Ѳ. Малиновскій

¹⁾ Дѣло ун. арх., л. 1. См. также л. 8 и дѣла А. М. И. Д за 1835 г., л. 2235.

²⁾ Нѣсколько неожиданная замѣна просимой отставки отпускомъ въ Ниццу объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Толстой хотѣлъ уволиться отъ службы, имѣя въ виду сопровождать, вмѣстѣ съ матерью, за границу большаго Алексѣя Алексѣевича Перовскаго (извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Погорѣльскаго“), своего дядю съ материнской стороны и воспитателя.

получилъ отъ директора упомянутаго департамента такое собственноручное письмо: «Милостивый государь Алексѣй Ѳеодоровичъ! На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь препроводить къ вашему превосходительству отношеніе департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ о дозволеніи графу Толстому ѣхать въ Ниццу на 4 мѣсяца. Полагая, что онъ воспользуется сею высочайшею милостью и отмѣнитъ намѣреніе оставить службу, я остановилъ просьбу его объ отставкѣ. Долгомъ поставляю себѣ увѣдомить о томъ ваше превосходительство, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга графъ Н. Вьельгорскій. С.-Петербургъ. Іюня 11-го 1836 г.».

Толстой уѣхалъ изъ Москвы послѣ 15-го іюня, и отлучка его затянулась долѣе назначеннаго срока. Въслѣдствіе этого черезъ нѣсколько времени Толстой прислалъ А. Ѳ. Малиновскому, въ объясненіе своей неявки на службу, слѣдующее собственноручное письмо: «Принося вашему превосходительству истинную благодарность мою за представленіе меня къ чину ¹⁾, о полученіи котораго извѣстилъ меня графъ Вьельгорскій, спѣшу извиниться передъ вами въ просрочкѣ даннаго мнѣ отпуска. Послѣ постигшаго насъ несчастія ²⁾, матушка моя сильно занемогла, болѣзнь ея увеличилась по приѣздѣ въ Петербургъ и до сихъ поръ еще продолжается. Вотъ, что было причиною моего замедленія (sic!), и я надѣюсь, что ваше превосходительство съ меня за это не взыщете, тѣмъ болѣе, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ отсутствіе мое было бы вдвое чувствительнѣе для матушки. Въ полномъ увѣреніи на снисхожденіе ваше, имѣю честь быть и проч. С.-Петербургъ. 13-го ноября 1836 года».

Это письмо было послѣднимъ актомъ отношенія Толстаго къ архиву. 2-го декабря получено было изъ департамента хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ увѣдомленіе что «въ 25-й день сего ноября состоящій при Московскомъ главномъ архивѣ коллежскій регистраторъ графъ Толстой перемѣщенъ въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ». Такъ кончилась недолговременная служба гр. А. К. Толстаго въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

С. Казанскій.

¹⁾ Коллежскаго регистратора (съ 9-го марта 1835 г.), данному 21-го октября 1836 г.

²⁾ Здѣсь имѣется въ виду кончина А. А. Перовскаго, послѣдовавшая на пути за границу въ Варшавѣ 9-го іюня 1836 г. См. проф. К и р и ч н и к о в а „Очерки по исторіи новой рус. литературы“. С.П.Б., 1896, стр. 120.

О доставленіи припасовъ къ высочайшему двору.

11-го января 1736 г. № 250 ¹⁾.

По письмамъ вашей милости прошедшаго декабря мѣсяца 725 году присланные всанктпитебурхъ ко двору ея императорскаго величества отъ города архангельскаго згварнизоннымъ ундеръ офицеромъ Ѳеодоромъ Крыловымъ иссадаты припасовъ, а имянно: языковъ копченыхъ двѣсти пятьдесятъ, копченой говядины сорокъ частей, солонины пять бочекъ, менше подъ беременныхъ телятокъ свѣжихъ семь, барашковъ пятнадцать, рыбцовъ вперье — двѣсти, семогъ свѣжихъ десять, копченыхъ двадцать, соленой три бочки, седдей копченыхъ большихъ двѣсти, среднихъ чetyреста, сухой трески пять пудовъ, навагъ тысяча, камбалъ двадцать; на кормовомъ дворѣ приняты, и оный Крыловъ изъ садаты въ городъ архангельской отпущены. И данъ имъ паспортъ, а которыхъ потребностей по посланными отсюда въ городу архангельскому писмахъ ко двору ея императорскаго величества всанктпитебурхъ недослано, а имянно: мяса копченаго добраго сто десять частей, языковъ копченыхъ триста, семогъ копченыхъ самыхъ добрыхъ восемьдесятъ, седдей копченыхъ и большихъ двѣсти, спроту малого тысяча, полтуговъ (?) свѣжихъ десять, соленыхъ десять же. И объ оныхъ вашу милость прошу изволте оныя потребности отъ города архангельскаго приказать отправить всантъ-питебургъ ко двору ея императорскаго величества во скорости, а какъ отправлено будетъ о томъ главную дворцовую канцелярію увѣдомить, а которое прямо до ея императорскаго величества отъ васъ прислано и по оному ея величеству докладывано.

¹⁾ Отъ кого и кому писано, разобрать не возможно.

Изъ смутнаго времени.

(Дневникъ Андрея Лавицкаго).

I.

ля оцѣнки произведенія какого-либо автора, необходимо, прежде всего, ознакомиться съ его личностью. Это напоминаніе вызвано скудостью біографическихъ матеріаловъ о Лавицкомъ. Полное его жизнеописаніе въ настоящее время немислимо. Намъ остается только собрать тѣ немногія данныя, которыя дошли до насъ. При всей своей отрывочности, этотъ очеркъ послужить для опредѣленія степени довѣрія, которое заслуживаетъ авторъ ¹⁾.

Андрей Лавицкій провелъ, можно сказать, всю свою жизнь въ Обществѣ Иисуса. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ покинулъ родной городъ Познань и поступилъ въ виленскія іезуитскія школы, гдѣ и прошелъ обычный учебный курсъ. Очень рано, будучи шестнадцати лѣтъ, въ 1587 году, онъ поступилъ въ орденъ. Здѣсь его ожидала долгая научная подготовка, которая всегда предшествуетъ священству. Послѣ риторики онъ слушалъ философію и богословіе, а потомъ самъ преподавалъ въ низшихъ и среднихъ классахъ.

На опытѣ выяснилось, какія именно качества у него преобладали и какого рода были его способности. Глубоко преданный своему при-

¹⁾ Настоящій очеркъ составленъ отчасти по источникамъ, которыхъ еще нѣтъ въ историческомъ обращеніи, какъ-то *Catalogus Personarum et Officiorum Societatis Jesu* разныхъ годовъ, неизданныя письма Лавицкаго и Чижовскаго. На эти источники, ради краткости, ссылокъ не будетъ; всѣ прочіе будутъ своевременно приведены.

званію, живой, воспримчивый, онъ склонялся болѣе къ чисто внѣшней дѣятельности, чѣмъ къ сосредоточенной жизни ученаго. Вотъ почему онъ и не былъ удостоенъ степени доктора богословія, которая сопряжена въ орденѣ съ званіемъ професса ¹⁾). Впрочемъ, своимъ практическимъ смысломъ онъ умѣлъ хорошо пользоваться и съ успѣхомъ выполнять разныя должности. Искреннее благочестіе сочеталось у него съ пылкимъ воображеніемъ: завѣтною мечтою его юности было проститься съ отечествомъ, отправиться въ Индію, возвѣщать евангеліе дикарямъ и окончить жизнь мученическою смертію.

Въ 1604 году, будучи во цвѣтъ лѣтъ, онъ находился въ Ярославѣ, въ Галиціи, на послѣднемъ испытаніи. Необходимо замѣтить, что въ іезуитскомъ орденѣ, сверхъ двухъ первыхъ лѣтъ искуса, по окончаніи научнаго образованія, установленъ еще цѣлый годъ такого же искуса, такъ называемый «третій годъ». Это нововведеніе въ орденскую жизнь принадлежитъ всецѣло Игнатію Лойолѣ и составляетъ особенность іезуитовъ. Лавицкій проходилъ установленное послушаніе вмѣстѣ съ Николаемъ Чижовскимъ, когда оба они были вызваны въ Самборъ и назначены полковыми священниками при польскомъ отрядѣ войска Дмитрія.

Товарищъ Лавицкаго, Николай Чижовскій—человѣкъ совсѣмъ иного закала. Почти все его семейство, осѣдлое на Волыни, слѣдовало кальвинскому ученію; онъ не былъ ревностный католикъ. Необыкновенно способный, Чижовскій, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, сдѣлался іезуитомъ, въ 1588 году, и съ блестящимъ успѣхомъ завершилъ кругъ научныхъ занятій. Твердаго характера, онъ неуклонно стремился къ намѣченной цѣли и менѣе другихъ поддавался увлеченіямъ. Лавицкій былъ подчиненъ Чижовскому, какъ старшему товарищу.

Оба, Лавицкій и Чижовскій, получили свое новое назначеніе непосредственно отъ ближайшаго своего начальника, Деція Стривери, какъ областного правителя орденомъ въ Польшѣ; но собственно это назначеніе исходило отъ болѣе высшихъ лицъ. Краковскій нунцій Рангони приписывалъ себѣ инициативу этой мѣры, принятой вслѣдствіе довольно неопредѣленнаго намека Дмитрія ²⁾). На самомъ дѣлѣ, Стривери получилъ одновременно письма отъ нунція и отъ королевскаго духовника отца Барча. Очевидно, Сигизмундъ III и Рангони сходились въ желаніи поручить іезуитамъ духовное вѣдѣніе польскаго отряда.

¹⁾ По окончаніи испытаній священники ордена Іисуса раздѣляются на профессоръ (profesor) и духовныхъ помощниковъ (coadjutor spiritualis). Разница состоитъ въ обѣтахъ и въ правахъ.

²⁾ Римъ, архивъ Santo-Uffizio, IV, f. 75, депеша Рангони отъ 2-го іюня 1605 года.

Выборъ же подходящихъ личностей сдѣлать Стривери по своему усмотрѣнiю.

При первомъ же свиданiи, состоявшемся въ Самборѣ, около 15-го августа 1604 года, Димитрiй обворожилъ не только Лавицкаго, но даже Чижовскаго. Оба они искренно повѣрили, что Димитрiй—истинный сынъ Ивана Грознаго и законный наследникъ московскаго престола. Эта мысль проходить черезъ весь дневникъ, который помѣченъ 4-мъ декабря 1605 года и посвященъ событiямъ, происшедшимъ въ промежутокъ времени между августомъ 1604 года и декабремъ 1605 года.

Въ самомъ началѣ слѣдующаго 1606 года Лавицкiй былъ посланъ въ Римъ съ царскими порученiями, въ качествѣ повѣреннаго лица. Это была только предварительная миссія; Димитрiй обѣщаль почтять позже папу Павла V торжественнымъ посольствомъ.

Проѣздомъ, 31-го января, отецъ Андрей явился въ Краковъ ужъ не въ видѣ польскаго ксѣндза, а истиннаго московскаго попа: въ широкой рясѣ, съ бородою, съ длинными волосами, съ Распятiемъ на груди. Сигизмундъ III удостоилъ его частной аудiенци и много расспрашивалъ о Димитрiѣ; но замъ, повидимому, не выдалъ своей тайны. Во всякомъ случаѣ, Лавицкiй остался при своемъ убѣжденiи о царскомъ происхожденiи Димитрiя, между тѣмъ какъ Сигизмундъ, быть можетъ, былъ уже увѣренъ въ его самозванствѣ или, по крайней мѣрѣ, сильно колебался. 5-го февраля, въ сопровожденiи отца Крыскаго, Лавицкiй выѣхалъ изъ Кракова и спѣшно пустился въ дальнiй путь ¹⁾.

Повѣренному московскаго царя былъ оказанъ въ Римѣ милостивый и благосклонный приѣмъ. Имя Димитрiя уже прогремѣло чуть не по всей Европѣ. Въ высшемъ римскомъ обществѣ оно было хорошо извѣстно и возбуждало надежду на новый крестовый походъ. «Туркамъ придется плакать, писалъ по этому поводу папскiй племянникъ кардиналъ Сан-Джоржіо, а мы будемъ смѣяться» ²⁾. Павелъ V съ нетерпѣнiемъ ожидалъ прибытiя Лавицкаго и внимательно слѣдилъ за московскими событiями. Въ самый разгаръ борьбы съ Венеціею, вѣсти изъ Московiи служили ему прiятнымъ отводомъ мысли. Престарѣлый дожъ Леонардо Донати навлекъ на Республику церковное запрещенiе; католическое правительство изгоняло иезуитовъ за подчиненiе римскимъ предписанiямъ, а на далекомъ сѣверѣ приѣмникъ Грознаго увѣрялъ папу въ своей непоколебимой преданности и настѣжь отворялъ иезуитамъ входъ въ свою имперію. Невольно напрашивалось сравненiе между Венеціей и Московіей, которое клонилось отнюдь не въ пользу Венеціи.

¹⁾ Wielewicki, *Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis*, т. II, стр. 111, 113. — Венеція, Archivio di Stato, Polonia, filza II, депеша Foscarini отъ 1-го iюня 1606 года.

²⁾ Delle lettere miscellanee del Sig. Bonifatio Vanozzi, т. II, стр. 185.

Сущность и ходъ переговоровъ между папою и Лавицкимъ извѣстны ¹⁾. Лавицкій не стѣснялся въ выраженіи своихъ убѣжденій; онъ воѣтъ обнадѣживалъ, особенно насчетъ церковнаго объединенія, и представлялъ Дмитрія въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Правда, на главнѣйшіе вопросы, какъ-то война съ Турціею, царскій титулъ, сношенія съ Польшею, папскіе отвѣты уже были сообщены Краковскому нунцію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства ²⁾. Надо было только ихъ подтвердить и заручиться преданностью московскаго царя. Кончилось тѣмъ, что, пріѣхавъ въ Римъ посломъ Дмитрія къ папѣ, Лавицкій возвращался теперь посломъ папы къ Дмитрію. Ему поручено было передать московскому царю душеспасительные совѣты и предостеречь его отъ еретиковъ, въ родѣ братьевъ Бучинскихъ.

Предпримчивый, смѣлый полякъ, Лавицкій произвелъ самое благоприятное впечатлѣніе на Павла V. Подолгу длились ихъ бесѣды въ Ватиканѣ. Дошло до того, что папа возымѣлъ желаніе задержать Лавицкаго въ Римѣ и согласился на его отъѣздъ лишь подъ условіемъ скорого его возвращенія. Въ письмахъ, которыми Павелъ V снабдилъ Лавицкаго, выразилась задушевная папская мысль. Лавицкаго видимо прочили въ царскаго совѣтника. Павелъ V даже намекалъ Юрію Мнишку, что съ такимъ человѣкомъ стоитъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ ³⁾.

Выгодное о себѣ мнѣніе вызвалъ Лавицкій также у орденскаго генерала Клавдія Аквавивы, отличавшагося смѣтливостью и проницательностью. Явнымъ доказательствомъ этого служить причисленіе отца Андрея къ професамъ, хотя собственно онъ не имѣлъ на это права — изъ уваженія къ его заслугамъ допущено было исключеніе не въ примѣръ другимъ. Такимъ образомъ, 2-го апрѣля 1606 года, Лавицкій произнесъ торжественные обѣты въ великолѣпной церкви del Gesù ⁴⁾.

Вѣроятно, въ это же время римскіе товарищи Лавицкаго вручили ему предназначенный для Дмитрія подарокъ. Письменнаго свидѣтельства объ этомъ не сохранилось, но существуютъ и дошли до насъ три огромные фоліанта, въ красномъ кожаномъ переплетѣ, съ позолотою, посвященные московскому царю. На каждомъ томѣ, вокругъ замысловатаго узора, красуется надпись на греческомъ, латинскомъ и не-то русскомъ, не-то общеславянскомъ языкѣ. Только латинская надпись выполнена удачно, хотя и не безукоризненно. Она гласитъ такъ: *Segenlis*

¹⁾ Pierling, Rome e Démétrius, стр. 110, и 3-й томъ *La Russie et le Saint-Siège*, который печатается.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, римскія депеши отъ декабря мѣсяца 1605 года.

³⁾ Тургеневъ, *Акты Историческіе*, т. II, стр. 86, LXXVI.

⁴⁾ Wielewicki, l. c., стр. 121.

simo et Invictissimo Monarchae Demetrio Joannis Dei gratia Imperatori et Magno Duci totius Russiae et omnium Tartariae Regnorum et aliorum plurimorum Dominiorum Monarchiae Moscoviticae Subjectorum Domino et Regi Patres Societatis Jesu Roma dono mittut (sic, вмѣсто mittunt) ¹⁾. Что же касается греческой и особенно полу-русской, полу-славянской надписи, онѣ такъ плохо выполнены, что ихъ и передать трудно. Содержаніе книгъ—ветхозавѣтное пророчество и описаніе іерусалимскаго храма ²⁾—едва-ли могло заинтересовать Димитрія въ его новой обстановкѣ. Къ тому же текстъ составленъ на латинскомъ языкѣ. Безъ сомнѣнія, дарители рассчитывали не столько на текстъ, сколько на гравюры, которыми изобилуютъ всѣ три фолианта.

Римскій подарокъ такъ и не доѣхалъ до Москвы—онѣ остался у іезуитовъ въ Польшѣ. Для насъ онѣ служить слабымъ отголоскомъ того настроенія, которое Лавицкій возбудилъ между своими братьями. Царскій титулъ являлся тогда жгучимъ и спорнымъ вопросомъ; самъ Димитрій почиталъ его мѣриломъ расположенія къ нему, а громкая, многорѣчивая надпись римскихъ іезуитовъ, составленная на новый московскій ладъ, свидѣтельствуетъ о ихъ желаніи угодить Димитрію и его повѣренному.

Около 10-го апрѣля Лавицкій покинулъ Вѣчный городъ. Хотя онѣ и торопился въ обратный путь, но все же заѣхалъ въ Лорето поклониться Божіей Матери. Дорогой на него напалъ обычный врагъ прѣзжикъ въ Италію: его стала мучить лихорадка. Здѣсь сказался характеръ Лавицкаго. Полагаясь болѣе на помощь свыше, чѣмъ на земныя средства, онѣ далъ обѣтъ дойти до Лорето пѣшкомъ. Дѣйствительно, въ Реканати онѣ слѣзъ съ лошади, достигъ благополучно своей цѣли и почувствовалъ себя здоровымъ.

Въ Лорето Лавицкій провелъ три дня въ усердной молитвѣ предъ иконою Богородицы. Три раза онѣ служилъ обѣдню въ самомъ восторженномъ расположеніи духа, какъ видно изъ его письма, отъ 22-го апрѣля, къ орденскому генералу. Съ полною откровенностью Лавицкій изливаетъ свои чувства: первую обѣдню онѣ отслужилъ за Димитрія и за

¹⁾ Свѣтлѣйшему и пренепобѣдимому государю Димитрію Ивановичу Божіею милостіею императору и великому князю всея Россіи и всѣхъ татарскихъ царствъ и многихъ другихъ владѣній московскому государству подвластныхъ владѣтелю и царю отцы Общества Іисуса посылаютъ изъ Рима въ даръ.

²⁾ Вотъ заглавіе перваго тома: „Hieronymi Pradi et Joannis Baptistae Villelplandi e Societate Jesu in Ezechielem Explanaciones et Apparatus Urbis ac Templi Hierosolymitani Commentariis et imaginibus illustratus. Opus tribus tomis distinctum. Romae, 1596.—Назвать владѣтеля этихъ книгъ мнѣ не разрѣшено.

Общество Иисуса, вторую за одного Димитрія, третью опять за Общество Иисуса и за себя. При этомъ онъ молилъ Бога, чтобы Обществу предоставлено было обширное поле дѣйствія въ Россіи, а для себя онъ желалъ только много трудовъ и лишеній и, наконецъ, мученическую смерть. Эта мысль постоянно преслѣдовала его. Въ томъ же письмѣ, онъ обѣщалъ, по прибытіи въ Болонью, подробно изложить на бумагѣ все, что только было ему извѣстно о Димитрѣ, для полного увѣдомленія генерала и папы. Къ несчастію, ни болонское посланіе Лавицкаго, ни его письмо къ Димитрію изъ Лорето не сохранились.

Впрочемъ, отецъ Андрей напрасно беспокоился. Ему не суждено было возвратиться въ Москву. Пока онъ былъ въ дорогѣ, 27-го мая 1606 года, разразился ужасный ударъ и совершился переворотъ, въ которомъ Димитрій погибъ. Лавицкаго задержали въ Польшѣ.

Тяжело было ему помириться съ дѣйствительностью. Онъ такъ свыкся съ своими мечтами, такъ былъ увѣренъ въ высшемъ призваніи Димитрія, что слухи о вторичномъ спасеніи казались ему правдоподобными. Эти слухи вскорѣ охватили всю Польшу. Со всѣхъ сторонъ, сперва нунцій Рангони, потомъ его преемникъ Симонетта получали такого рода извѣстія. Рассказывали, будто Димитрій возвратился въ Самборъ, скрылся въ монастырѣ Бернардиновъ и тамъ готовится на новые подвиги. Не довольствуясь чужими провѣрками, Лавицкій самолично отправился въ Самборъ навести справку и, разумѣется, никакихъ слѣдовъ Димитрія не нашелъ. «Несчастливая поѣздка», говорилъ онъ потомъ про нее.

Казалось, всякая надежда разсѣяна. Лавицкій горевалъ въ уединеніи и окрушался о прошломъ. Но вотъ, въ концѣ октября, является къ нему, во Львовѣ, сандмирскій военно-служитель, предъявляетъ адресованное ему письмо воеводши Мнишекъ и восклицаетъ: «Живъ, отче, живъ Димитрій! Вотъ собственноручное письмо воеводши, съ ея печатью—взгляните, и болѣе не сомнѣвайтесь». Дѣйствительно, воеводша увѣряла, что Димитрій цѣлъ и невредимъ, требовала оставаться ему вѣрнымъ и не скупилась на обѣщанія. Мало того: тотъ же служитель показалъ еще два, три письма, полученные отъ бывшихъ солдатъ Димитріева войска. Всѣ они клялись, что Димитрій только скрывается, но что онъ несомнѣнно здравствуетъ, скоро появится и опять пойдетъ на Москву.

Добродушіе Лавицкаго проявилось опять во-очію при этомъ случаѣ. Онъ возликовалъ, не сталъ задаваться новыми розысканіями и поспѣшилъ сообщить эти новости нунцію Рангони, какъ совершенно вѣрныя и, конечно, весьма радостныя. Въ порывѣ восторга, онъ даже проговорился, намекнувъ, что униженіе послужить Димитрію для искушенія

его грѣховъ. Объ этихъ «грѣхахъ» обыкновенно рѣчи не было, только здѣсь проглядываетъ истина ¹⁾).

Въ началѣ 1607 года Лавицкій еще болѣе утвердился въ своихъ надеждахъ. Наканунѣ Богоявленія, прямо изъ Ярославля пришелъ къ нему, во Львовъ, нѣкто Иванъ Бильчинскій. Онъ служилъ при особѣ Дмитрія и подчасъ исполнялъ письменныя работы. Отецъ Андрей знавалъ его въ Москвѣ и былъ его духовнымъ пастыремъ. По словамъ этого очевидца, окровавленное тѣло, поруганное на Лобномъ мѣстѣ, вовсе не было похоже на Дмитрія: лицо безъ бородавки, съ усами, на головѣ густые волосы. «И не удивительно, ибо Дмитрій—говорилъ онъ,—навѣрно спасся». Вскорѣ послѣ майскаго погрома, Бильчинскій, невѣдомо какими путями, добрался до Ярослава. Тамъ бѣдствовалъ Сандомирскій воевода со своею дочерью. Марина была убѣждена въ спасеніи своего супруга. Ночью, 27-го мая, Дмитрій вбѣжалъ къ ней въ комнату, крича: «Сердечная моя, мятежъ, мятежъ! Для тебя опасности нѣтъ, а я удаляюсь». Такъ рассказывала сама Марина.

Оставалось только найти, гдѣ укрывался бѣглець. Эту задачу взялъ на себя Бильчинскій. Марина дала ему письмо для Дмитрія и тайныя порученія, обиадежила щедрою наградою, и онъ согласился отправиться на розыски. Черезъ шесть недѣль онъ ужъ былъ во Львовѣ, посѣтивъ Москву, гдѣ кипѣла междоусобица; онъ выдался въ Путивль съ самозванцемъ Петрушкою. Тамъ же онъ осматривалъ лошадей, служившихъ для бѣгства Дмитрія, и попутно собралъ самыя утѣшительныя извѣстія. Петрушка принялъ его ласково, но отобралъ письма, вслѣдствіе чего Бильчинскій заблагодарасудилъ поспѣшно бѣжать. Теперь же онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, отыскать Дмитрія. «А какъ снова вступить безъ всякихъ затрудненій на Московскій престолъ, этому я его научу», говорилъ самоувѣренный полякъ. Такого рода приемы обличали не малую долю хвастливаго плутовства, и, кажется, нетрудно было бы это замѣтить; но Лавицкій настолько увлекался избранною мечтою, что не могъ заподозрить своего собесѣдника. Въ письмѣ къ Децію Стривери, отъ 12-го января 1607 года, онъ обстоятельно описалъ свое свиданіе съ Бильчинскимъ и опять воспринялъ духомъ ²⁾).

Чѣмъ все это кончилось, извѣстно. Спасеніе Дмитрія было чистою выдумкою. Нашелся, однако, самозванецъ, который выдавалъ себя за спасеннаго царя. Наступило для Россіи тяжелое, смутное время. Лавицкому пришлось разувѣриться въ своихъ предположеніяхъ, и онъ снова обратился къ прежней дѣятельности, частью миссіонерствовалъ

¹⁾ Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499, письмо Лавицкаго къ Рангони отъ 31-го октября 1606 года.

²⁾ Ibidem, письмо Лавицкаго къ Стривери отъ 12-го января 1607 года.

въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, частью завѣдывають школами въ Люблинѣ и Ярославѣ.

Между тѣмъ, его постоянно тянуло въ Москву. Изъ своего, хотя и краткаго, пребыванія между русскими, онъ вынесъ искреннюю привязанность къ нимъ, упражнялся въ русскомъ языкѣ и съ обычнымъ шлономъ восклицалъ: «Рѣшительно желалъ бы быть Москвичемъ» ¹⁾. Желаніе тщетное. Но приблизиться къ Москвѣ ему, однако, удалось. Въ 1617 году, поляки предприняли новый походъ противъ Россіи. Войсками начальствовалъ сынъ Сигизмунда III-го королевичъ Владиславъ. При немъ находились три іезуита въ должности полковыхъ священниковъ, и, между ними, считался и отецъ Андрей ²⁾. Объ его дѣятельности въ этомъ походѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній, а объ остальной жизни имѣется очень мало.

По возвращеніи въ Польшу, онъ былъ назначенъ настоятелемъ въ Баръ. Тамъ прощался съ нимъ Станиславъ Жолкѣвскій наканунѣ несчастной Чечорской битвы. Какъ бы предугадывая будущее, храбрый гетманъ отдалъ ему, для дальнѣйшей передачи, булаву и кольцо. Кровавая смерть оправдала предчувствіе ³⁾.

Въ 1626 году Лавицкій былъ опредѣленъ ректоромъ въ Ярославъ, а три года спустя—духовникомъ въ Краковъ, въ тотъ самый домъ св. Варвары, гдѣ Димитрій совершилъ свое отреченіе и свою первую исповѣдь. Тамъ Лавицкій и скончался 24-го марта 1631 года.

Отзывы современниковъ о Лавицкомъ вполнѣ ему благоприятны. Выше было упомянуто, какъ относились къ нему Павелъ V и Клавдій Аквавива. Изъ всей обстановки его жизни видно, что онъ пользовался уваженіемъ своихъ начальниковъ. Въ 1608 году, краковскій нунцій Симонетта далъ ему весьма деликатное порученіе къ холмскому епископу, а въ своей римской депешѣ выразился о немъ, что онъ добрый и опытный человѣкъ ⁴⁾. Однако, главной черты его характера, которая бросается въ глаза, никто не подмѣтилъ. У Лавицкаго преобладалъ несокрушимый оптимизмъ со всѣми его послѣдствіями. Въ частности же, къ этому присоединялась предвзятая мысль о высокомъ призваніи Димитрія и о неминувомъ преобразованіи русскаго духовнаго быта. Подъ этимъ угломъ зрѣнія представлялись Лавицкому всѣ событія, въ этомъ свѣтѣ онъ ихъ изображалъ и въ этомъ же смыслѣ старался ихъ истол-

¹⁾ *Moschus omnino malle esse*, изъ письма Лавицкаго отъ 8-го августа 1605 года.

²⁾ *Wielewicki*, I. c., т. III, стр. 204.

³⁾ *Ibidem*, т. IV, стр. 32.

⁴⁾ Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, т. II, стр. 236, депеша Симонетты отъ 27-го іюля 1608 года; т. IV, стр. 79, письмо Лавицкаго отъ 8-го августа 1608 года; т. IV, стр. 274, л. 90, verso.

ковывать. Вотъ почему онъ былъ такъ изумительно легковѣренъ, когда извѣстія совпадали съ его надеждами. Упрекать его въ обманѣ или даже въ притворствѣ было бы несправедливо. Его искренность подчасъ даже наглядно выступаетъ: такъ, побывавъ въ Самборѣ, въ 1606 году, онъ заявляетъ, что слѣдовъ Димитрія нѣтъ. Но едва покажутъ ему замысловатое письмо, какъ только явится Бильчинскій, его мысли тотчасъ же получаютъ другое направленіе, и его впечатлительность немедленно восторжествуетъ.

Что же касается Чижовскаго, о немъ намъ еще менѣе извѣстно, чѣмъ о Лавицкомъ. Послѣ отъѣзда товарища въ Римъ, онъ остался одинокимъ въ Москвѣ. Ему предоставили новое, удобное помѣщеніе въ самомъ центрѣ города, и 15-го февраля онъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ Кармелитами, которые находились въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію. Четыре дня спустя, 19-го февраля, представлялся царю, при самой пышной обстановкѣ, племянникъ краковскаго нунція Александръ Рангони. Въ томъ же февралѣ Чижовскій дважды былъ принятъ Димитріемъ. На первой аудіенціи присутствовали Станиславъ Бучинскій и московскій сановникъ. Царь расхваливалъ русскому вельможѣ полковыхъ овященниковъ, одарилъ Чижовскаго потиромъ и кадиломъ московской изящной работы, но, въ присутствіи постороннихъ лицъ, не затрогивалъ важнѣйшихъ вопросовъ. Гораздо интереснѣе была вторая аудіенція, 18-го февраля. Чижовскій, переодѣвшись, незамѣтно пробрался во дворецъ и былъ съ Димитріемъ наединѣ. Царь не скрылъ своей радости, милостиво выслушалъ всѣ представленія, изъявилъ желаніе призвать въ Москву отца Деція Стривери ¹⁾, просилъ своего собесѣдника приходить чаще, но тайкомъ, подарилъ ему иконы Святой Троицы и Божіей Матери въ дорогихъ окладахъ и заявилъ о своемъ намѣреніи вскорѣ исповѣдываться.

Несмотря на эти заявленія, зловѣщіе признаки тревожили отца Николая, хотя онъ и не предвидѣлъ кровавой развязки. 20-го февраля онъ писалъ въ Польшу, что духовенство подняло бурю изъ-за Марины, но что все успокоилось и обошлось безъ смертной казни. Ему было также извѣстно о какомъ-то заговорѣ, который въ-время былъ открытъ. Грозныя тучи облегли небо; но онъ все-таки рассчитывалъ на тишину и спокойствіе ²⁾. Прибытіе отца Савицкаго въ свитѣ Марины очень обрадовало его, но вмѣстѣ они остались не долго. Насталъ роковой день. Вечеромъ, 26-го мая, отецъ Николай отправился въ помѣщеніе

¹⁾ Краковъ, Ягеллонская библ., 5, л. 635, оригиналъ письма Димитрія къ Стривери, отъ 23-го февраля 1606 года.

²⁾ Все предшествующее о Чижовскомъ заимствовано изъ его писемъ къ Стривери, отъ 16-го и 20-го февраля 1606 года.—Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.

польскаго отряда и провелъ тамъ всю ночь, чтобы рано утромъ отслужить обѣдню. Такимъ образомъ, онъ избѣгъ рѣзни 27-го мая. Савицкому удалось не безъ труда вызвать его въ домъ польскихъ пословъ, гдѣ онъ самъ нашелъ убѣжище. Сообразивъ всѣ обстоятельства, они рѣшили снова разстаться. Савицкій остался при послахъ, отецъ же Николай вернулся къ польскому отряду, чтобы раздѣлить его участь ¹⁾. Новое московское правительство постановило выслать немедленно на родину всѣхъ военныхъ; но эта поспѣшная высылка превратилась въ трехлѣтній плѣнъ. Только 13-го февраля 1609 года Чижевскій вернулся въ Краковъ и на другой же день увѣдомилъ объ этомъ письменно орденскаго генерала Клавдія Аквавиву. Не вдаваясь ни въ описаніе событій, ни въ оцѣнку личностей, онъ только благодарилъ Бога за всѣ его благодѣянія, за то, что могъ въ плѣну ежедневно служить обѣдню, совершать святыя таинства и утѣшать своихъ товарищей. Мимоходомъ лишь говорится, что Дмитрій былъ убитъ въ Москвѣ, и болѣе ничего.

Остальную свою жизнь отецъ Николай провелъ въ Львовѣ, Ярославѣ и Познани, исполняя неоднократно обязанности ректора. Въ московскихъ дѣлахъ онъ, кажется, не принималъ болѣе участія.

II.

Дневникъ, приписываемый Лавицкому, составленъ на латинскомъ языкѣ, въ Москвѣ, помѣченъ 4-мъ декабря 1605 года и сохранился въ двухъ спискахъ. Первый списокъ подписанъ Чижевскимъ и Лавицкимъ, второй Деціемъ Стривери и представляетъ сокращеніе перваго съ многими вариантами. Кто же собственно былъ авторомъ дневника?

Прежде всего, должно совершенно отстранить Деція Стривери. Очевидцемъ событій онъ не былъ и только воспользовался представленнымъ ему дневникомъ для доклада орденскому генералу, при чемъ онъ исключилъ подробности, прибавилъ кое-что и замѣнилъ первое лицо третьимъ, вполнѣ полагаясь, впрочемъ, на правдивость своихъ подчиненныхъ.

Иначе слѣдуетъ отнестись къ Чижевскому. Можно даже сказать, что дневникъ до нѣкоторой степени произведеніе общее, его и Лавицкаго. До конца 1605 года оба они были постоянно вмѣстѣ, обмѣнивались мыслями и впечатлѣніями, дѣйствовали дружно, за-одно, наконецъ своею подписью приняли на себя одинаковую нравственную отвѣтственность.

¹⁾ Wielewicki, l. c., т. II, стр. 151.

Тѣмъ не менѣе, авторомъ дневника является собственно одинъ Андрей Лавицкій. На него возлагались вообще всѣ письменныя работы, иногда онъ даже велъ латинскую переписку Димитрія. Въ частности, несомнѣнно, что имъ составлялись періодическіе отчеты для Деція Стривери, которые затѣмъ помѣщались въ ежегодникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «*litterae annuae*». На это есть положительныя указанія ¹⁾. Дневникъ же есть не что иное какъ законченный сводъ такихъ отчетовъ. Сверхъ того, при сравненіи дошедшихъ до насъ писемъ Чижевскаго и Лавицкаго оказывается большое сходство дневника съ письмами Лавицкаго. Характерныя черты писемъ выдаютъ автора дневника.

По правдѣ сказать, дневникъ не представляетъ ничего особенно новаго. Содержаніе его отчасти тождественно съ появившимися уже въ печати письмами Чижевскаго и Лавицкаго. Но главный интересъ дневника заключается въ томъ, что по этому дневнику можно прослѣдить, какими путями образованный полякъ приходилъ къ убѣжденію въ правдивости Димитрія, какимъ образомъ онъ укрѣплялся въ этой мысли и что преимущественно его поражало.

Приступая къ разбору дневника, приходится, прежде всего, выдѣлать все то, что Лавицкому было извѣстно только по пересказамъ. Своимъ личнымъ наблюденіемъ онъ предпослалъ кое-что о происхожденіи Димитрія и о его появленіи въ Польшу. Введеніе безъ сомнѣнія умѣстное, но заимствованное изъ записки Вишневецкаго. Обращеніе къ этому источнику важнѣе, чѣмъ самая сущность введенія. На записку князя Адама до сихъ поръ обращалось слишкомъ мало вниманія. Новиковскій, если не ошибаюсь, впервые ее напечаталъ и отнесъ къ 1605 году ²⁾. Никто не позаботился о провѣркѣ. Между тѣмъ, записку продиктовалъ Вишневецкому самъ Димитрій еще въ 1603 году. Затѣмъ, она была представлена Сигизмунду III, сообщена сенаторамъ и послана въ Римъ ³⁾. Это былъ, такъ сказать, первый формулярный списокъ Димитрія, который онъ самъ признавалъ и по которому его всѣ осуживали. Очевидныя для насъ несообразности записки не поразили Лавицкаго; онъ принялъ записку съ полнымъ и вполне излишнимъ довѣріемъ. Конечно, ему было гораздо труднѣе, чѣмъ намъ, разобраться въ этомъ темномъ дѣлѣ; однако, нашелся же и тогда въ сенатѣ епископъ Барановскій, который почуялъ что-то неладное и смѣло писалъ королю: «кто спѣшно вѣритъ, тотъ сердца не твердаго» ⁴⁾. Пребываніе

¹⁾ Pierling, Rome et l'émétrius, стр. 209 и въ другихъ мѣстахъ.

²⁾ Zródła do dziejów Polski, т. II, стр. 65.

³⁾ Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргесе, 90 а, III.

⁴⁾ Забѣлательное письмо Барановскаго заслуживаетъ всесторонняго разсмотрѣнія.

Димитрія въ Самборѣ, его обращеніе и сношенія съ пунціемъ Рангои описаны кратко и безъ указанія источниковъ.

Очевидцемъ событій и участникомъ въ нихъ Лавицкій становится съ августа 1604 года. Съ этого времени въ дневникѣ появляются какъ бы два, то смѣшанные, то чрезполосные отдѣла: одинъ касается священнической дѣятельности, другой передаетъ вѣшнія событія. Это двойное содержаніе обуславливается цѣлью Лавицкаго. Онъ обращался къ своему начальнику, давалъ ему полный отчетъ и не могъ умолчать ни объ окружающей его обстановкѣ, ни объ исполненіи своихъ пріямыхъ обязанностей.

Первый отдѣлъ имѣетъ большее значеніе въ идейномъ и бытовомъ отношеніи, чѣмъ въ фактическомъ. Въ немъ выступаетъ міросозерцаніе Лавицкаго, и мы знакомимся съ средою, въ которой онъ вращался.

Нельзя отрицать, что онъ глубоко и послѣдовательно задавался мыслью о царствѣ Божіемъ, о вѣчномъ блаженствѣ вѣрннхъ ему душъ. Взоры его устремлялись въ будущее, и онъ часто мечталъ о всеобщемъ единеніи въ вѣрѣ. И это не были у него пустыя слова и тщетныя пожеланія; на самомъ дѣлѣ замѣтна извѣстная выдержка. Такъ, передъ отъѣздомъ въ походъ, онъ отправился на Волынь вмѣстѣ съ Чижевскимъ навѣстить семейство своего товарища. Ихъ появленіе между кальвинистами не прошло безслѣдно. Мать отца Николая, старшая сестра его, два брата и нѣкоторые сосѣди обратились въ католичество. Здѣсь оказался духъ обоихъ іезуитовъ.

Вступивъ въ отправленіе своей должности при польскомъ отрядѣ, они занялись немедленно устройствомъ богослуженія. Ихъ палатка превратилась въ походную церковь. Ежедневно они служили обѣдню, часто проповѣдывали, приобщали Святыхъ Таинъ, посѣщали больныхъ для ободренія и сопровождали сражающихся на поле битвы. Въ Путивлѣ, гдѣ Димитрій простоялъ цѣлые мѣсяцы, они еще болѣе сблизились со своимъ отрядомъ. Посѣтители не переводились въ ихъ палаткѣ: кто приходилъ за совѣтомъ, кто искалъ утѣшенія въ горѣ, кто хотѣлъ подѣлиться своею радостью. По воскресеньямъ обѣдня отправлялась торжественно, съ военною музыкою; при вечернемъ богослуженіи было всеобщее пѣніе. Въ праздникъ Благовѣщенія весь отрядъ былъ поставленъ подъ особое покровительство Богородицы. Во время великаго поста духовныя упражненія умножились, почти всѣ поочередно говѣли; въ святую седмицу самые усердные сооружили, по польскому обычаю, гробъ Господень. Свѣтлое воскресеніе отпраздновалось съ ружейной и пушечной пальбою, къ немалому удивленію и одобренію русскаго населенія.

По прибытіи въ Москву, кругъ дѣятельности іезуитовъ еще болѣе расширился. Кромѣ отряда нашлись другіе поляки, нуждавшіеся ъ

духовной помощи. Это были большею частью военнопленные, служившие некогда подъ знаменемъ Баторія и оставшіеся въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ отступились отъ католичества и были окрещены въ православіе; при видѣ же своихъ ксендзовъ, они вспомнили о прошломъ, стали умолять, чтобъ для нихъ построили костель и занялись ихъ пастырствомъ.

Отецъ Андрей тщательно перечисляетъ все эти явленія, съ радостью отмѣчаетъ каждый успѣхъ. Онъ увлекается подробностями и описываетъ частные случаи, даже очень маловажные. Однажды, наприимѣръ, отчаянные кутилы оговорились напоить до-пьяна молодого постоянно трезваго поляка. Пиръ устроенъ былъ на-славу, и вскорѣ водворилось общее, шумное веселье. Осторожный юноша, не ожидавшій ничего добраго отъ такой попойки, спустился подъ столъ, никѣмъ незамѣченный, доползъ до выхода, выскочилъ изъ палатки и прибѣжалъ къ отцу Андрею разсказать о своемъ подвигѣ. Впослѣдствіи выяснилось, что полякъ спасся отъ разставленной ему ловушки.

Иезуитамъ не сразу удалось приобрести вліяніе надъ наемнымъ отрядомъ. Войско это было далеко не отборное. Во главѣ его стоялъ сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ съ своею роднею и немногими друзьями. Имъ по неволѣ пришлось набирать охотниковъ отовсюду и всѣхъ принимать безъ различія. Вышло такое сборище, которое, простоявъ немного въ Львовѣ, успѣло возмутить противъ себя все населеніе. Жалобы дошли до короля, и войско едва не было распущено. На самомъ дѣлѣ, оно состояло большею частью изъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, своекорыстныхъ, падкихъ на добычу и, коль скоро не выдавалась плата, совершенно необузданныхъ. Перевоспитаніе такихъ молодцовъ было дѣло не легкое. Иезуиты все-таки не отшатнулись отъ этой трудной задачи. Скорый уходъ обратно въ Польшу самыхъ неукротимыхъ своевольниковъ облегчилъ имъ эту задачу. Христіанскія чувства стали все болѣе и болѣе развиваться и приносить ожидаемые плоды. Лавицкій видѣлъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе и предавался самымъ смѣлымъ надеждамъ.

Такое настроеніе отражается и на другомъ, чисто фактическомъ отдѣлѣ дневника. Первая встрѣча съ Димитріемъ, въ августѣ 1604 г., имѣла, какъ выше сказано, рѣшающее значеніе. Въ Самборѣ обстановка Димитрія, послѣ свиданія его съ королемъ, была уже царская. Польскіе паны окружали его съ почтеніемъ, московскіе выходцы преклонялись предъ сыномъ Грознаго. Самъ Димитрій держалъ себя хоть и высоко, но отиѣнно милостиво. Полковыхъ священниковъ онъ принялъ отлично, возобновилъ передъ ними свой обѣтъ строить церкви и школы по всей Россіи и, въ знакъ довѣрія, поручилъ имъ свою душу. Юрій Мнишекъ присутствовалъ при этомъ, подчеркивалъ слова своего будущаго зятя и, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, посовѣтовалъ ему, по слу-

чаю праздника Успенія, приобщиться Святыхъ Тайнъ. Предложеніе было охотно принято и исполнено, съ соблюденіемъ, однако, строжайшей тайны.

Во время похода, Дмитрій искусно поддерживалъ произведенное имъ благоприятное впечатлѣніе. Онъ обходился съ іезуитами неизмѣнно ласково и предупредительно, заботился объ ихъ продовольствіи, даже объ ихъ лошадяхъ, иногда одаривалъ ихъ, приглашалъ къ своему столу, пилъ за ихъ здоровье, часто бесѣдовалъ съ ними и совѣтовался въ трудныхъ обстоятельствахъ. Особую благодарность онъ имъ высказывалъ за то, что они его не покинули во время январскаго мятежа подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, хотя они не согласились увѣщевать мятежниковъ и удерживать на службѣ.

При всякомъ удобномъ случаѣ ихъ священническая дѣятельность среди отряда выставлялась на видъ и выхвалялась. Дмитрій, изъ осторожности, рѣдко присутствовалъ на богооуженіи; но онъ не упускалъ случаевъ поощрять поляковъ и справлялся у нихъ о проповѣдяхъ, испрашивалъ для себя благооуженіе, съ умиленіемъ принималъ частицу Животворящаго Креста и приписывалъ ей одержанную имъ побѣду. Два раза, во время похода, къ Рождеству и къ Пасхѣ, Дмитрій, по собственному желанію, несмотря на препятствія и скрытно отъ всѣхъ исповѣдывался и приобщился.

По всему казалось, что лично на будущаго царя можно положиться. Къ тому же его постоянно занимали самые обширные планы. Любимымъ предметомъ бесѣды Дмитрія съ іезуитами было коренное преобразование Россіи въ религіозномъ и научномъ отношеніи. Постепеннаго введенія среднихъ и высшихъ школъ онъ не одобрялъ: немедленное устройство тѣхъ и другихъ казалось ему желательнѣе и представлялось не трудно исполнимымъ—стоило только для начала выписать учителей и учениковъ изъ-за границы! Блескомъ наукъ онъ такъ увлекался, что въ Путивлѣ самъ было началъ учиться; но болѣе трехъ дней не выдержалъ и нашелъ хорошій предлогъ, чтобы избавиться отъ школы. Русское духовенство у него не было въ большомъ почетѣ; самыя жестокія порицанія доставались монахамъ, на его взглядъ, тунеядцамъ, невѣждамъ и развратникамъ. О нихъ онъ отзывался съ видимою горечью и даже съ негодованіемъ.

Пере мѣна обстоятельствъ къ лучшему замѣтно повліяла на Дмитрія. Чтобы его не заподозрили въ католичество, онъ сталъ уклоняться отъ іезуитовъ. Начиная съ іюня, личныя сношенія почти совсѣмъ прекратились; только чрезъ посредниковъ іезуиты получали утѣшительныя вѣсти и сами приглашались разъ или два къ царскому столу. Когда же имъ, наконецъ, удалось, 29-го ноября, представиться Дмитрію, онъ ихъ принималъ съ величайшею радостью, поцѣловалъ у нихъ руку, осы-

паль знаками своей милости и потребовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ отправился въ Римъ съ тайными порученіями къ папѣ Павлу V-му.

Вслѣдствіе такихъ приемовъ, оба іезуита, Лавицкій и Чижевскій, оставались неизмѣнно при своемъ убѣжденіи, что Димитрій искренній католикъ, и что отъ него можно ожидать очень многое въ церковномъ отношеніи. Это убѣжденіе предрасполагало ихъ въ пользу Димитрія; имъ было нѣ-руку вѣрить въ его царское происхождение и законное право на престолъ. Однако, необходимо признать, что самый ходъ событийъ внушительно дѣйствовалъ на нихъ въ этомъ же смыслѣ.

Только-что войско переправилось черезъ Днѣпръ, оказалось, что Димитрій вовсе не былъ польскимъ избранникомъ. Поляки служили ему изъ-за платы, не оказывали никакой привязанности, то и дѣло бунтовались, когда имъ несвоевременно выплачивали обѣщанное жалованье, грозили возвратиться въ Польшу, и на самомъ дѣлѣ въ концѣ похода ихъ осталось всего 700 человекъ. Не такъ вели себя русскіе. Они бѣжали навстрѣчу Димитрія, съ восторгомъ привѣтствовали свое «красное солнышко», падали ницъ и плакали отъ радости. Въ укрѣпленныхъ городахъ воеводы сопротивлялись, но народъ шумно и грозно возставалъ противъ нихъ, да и сами воеводы являлись потомъ къ Димитрію съ повинной. Такъ было въ Моравскѣ и Черниговѣ.

Правда, Басмановъ не сдалъ Новгорода-Сѣверскаго, Мстиславскій разбилъ Димитрія при Добрыникахъ; но это дѣлалось по повелѣнію Бориса Годунова. Отъ него ничего другаго и ожидать было нельзя. Когда же Димитрій, послѣ своего пораженія, поселился въ Путивлѣ, народная любовь къ нему снова ярко проявилась. Борисъ Годуновъ былъ царемъ въ Москвѣ, Димитрій царемъ въ Путивлѣ. Вся окружающая область добровольно ему повиновалась, города и крѣпости, лежащія на крымской дорогѣ, сдавались одинъ за другимъ. Между тѣмъ, войско Годунова стояло безсмысленно подъ Кромами, ничего дѣльнаго не предпринимало и, наконецъ, стало разбѣгаться и таять на глазахъ своихъ начальниковъ.

Впечатлѣнія Лавицкаго сводились къ тому, что народныя массы признаютъ Димитрія за истиннаго царя, и что мирному его воцаренію препятствуетъ только незаконный кремлевскій властелинъ. Не будь Годунова, все легко устроилось бы. Но, вотъ, скачетъ въ Путивль Вахметевъ съ извѣстіемъ, что Бориса не стало. И что же? Немедленно положеніе вещей измѣняется: войско подъ Кромами сдается, Басмановъ переходитъ на сторону Димитрія, Василій Голицынъ слѣшитъ въ Путивль, за нимъ ѣдутъ другіе бояре, русская знать бьетъ челомъ новому царю, передъ нимъ открывается путь въ Москву.

25-го мая 1605 года Димитрій двинулся къ столицѣ чрезъ Орелъ и Тулу. Это ужъ не былъ походъ, а торжественное шествіе. Народъ сте-

кался со воѣхъ сторонъ и подносилъ хлѣбъ-соль; пышные шатры воздвигались для ночлега или для стоянки; радость была всеобщая. Въ Москвѣ она достигла высшей степени: все населеніе высыпало на встрѣчу Дмитрія; духовенство, бояре, войско, сословные представители сопровождали его до Кремля, гдѣ онъ и поселился. Какъ тутъ не повѣрить, что онъ законный наслѣдникъ Ивана Грознаго? Дмитрій всегда твердилъ, что Москва будетъ за него стоять; и это оправдалось на дѣлѣ.

Быстрыми и блестящими успѣхами Дмитрія послѣ смерти Годунова, точностью его предсказаній, единодушіемъ русскаго населенія Лавицкій былъ, конечно, сильно пораженъ. Ему казалось, что обыкновенныя людскія средства едва-ли могли произвести такой крупный переворотъ, и онъ видѣлъ въ немъ особое божественное попеченіе въ пользу истины и права. Даже первый, неудавшійся заговоръ Василя Шуйскаго нисколько не смущалъ Лавицкаго. Дѣло представлялось ему такъ, будто Борисъ Годуновъ выдавалъ Дмитрія за злѣйшаго врага православія, а Шуйскій воспользовался этими слухами для своекорыстныхъ цѣлей; между тѣмъ сторонниковъ Шуйскій не нашель; напротивъ, бояре приговорили его къ позорной смерти, и только Дмитрій помиловалъ его.

Послѣдующія празднества совершенно изгладили воспоминаніе о заговорѣ. Уже самый пріѣздъ царицы Маріи, въ инокиняхъ Марѣи, подѣйствовалъ ошеломляющимъ образомъ. Мать Дмитрія Углицкаго вела уединенную жизнь, вдали отъ Москвы. Есть извѣстіе, что Борисъ Годуновъ совѣтовался съ ней, но во всякомъ случаѣ скрытно—публичнаго заявленія не послѣдовало и даже въ своихъ грамотахъ онъ объ ней умалчивалъ. Дмитрій поступилъ иначе и гораздо искуснѣе: на первыхъ порахъ онъ вызвалъ царицу-инокиню въ Москву, выѣхалъ изъ города къ ней на встрѣчу и свидѣлся съ ней предъ многочисленной толпой. Лавицкій утверждаетъ, что зрѣлище было невыразимо трогательное. Заливаясь слезами, Марѣа признала Дмитрія за своего истиннаго сына. Съ своей стороны, Дмитрій оказывалъ ей благоговѣніе и привязанность, и осыпалъ ее всевозможными почестями. Понятно, какое обаяніе имѣло слово матери, какъ оно заглушало возможныя сомнѣнія, какъ оно вселяло полную увѣренность.

Наконецъ, 31-го іюля 1605 года, насталъ торжественный день коронованія. Передъ Богомъ и людьми, въ Успенскомъ соборѣ, вся Россія провозгласила Дмитрія законнымъ царемъ и преемникомъ Ивана Грознаго. Патріархъ, окруженный синклитомъ, возложилъ на него вѣнецъ и бармы, бояре цѣловали ему крестъ, народъ и войско ликовали. При самомъ обрядѣ вѣнчанія, Дмитрій разсказалъ свою исторію и какъ онъ остался невредимъ среди величайшихъ опасностей. Къ сожалѣнію, Ла-

вицкій не передаетъ его собственныхъ словъ; но онъ видѣлъ, какъ избранные слушатели растрогались и прослезились. Въ эту минуту, каждый долженъ былъ подумать, что или Димитрій дѣйствительно сынъ Грознаго, или вся Москва ошибается, всю Москву обманываютъ.

Лавицкій не задавался такими размышленіями; въ немъ преобладала самая полная радость и вмѣстѣ съ Чижовскимъ онъ заботился только о будущемъ. Оба твердо надѣялись, что, укрупившись на престолѣ, Димитрій приступитъ къ преобразованіямъ, которыми онъ такъ увлекался въ Путивлѣ. Никакихъ особенныхъ препятствій они не предвидѣли. Конечно, положительныхъ и совершенно вѣрныхъ данныхъ также не было, что для Россіи наступитъ теперь новая эра. Всѣ предположенія основывались только на личности Димитрія.

Сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о дневникѣ, объ его качествахъ и недостаткахъ. Односторонность Лавицкаго неоспорима. Въ прямыхъ сношеніяхъ онъ былъ только съ Димитріемъ и съ его доброжелателями; провѣрять ихъ рассказы не было случая, да едва ли была и охота. Напротивъ, личныя расположенія склоняли его все толковать въ пользу царя. Источникомъ такого благожеланія было, конечно, то обстоятельство, что Димитрій предвѣщалъ церковное единеніе. Но, допуская увлеченіе Лавицкаго, трудно опредѣлить, до какой степени оно было сознательно. Подготовительной къ смутѣ работы онъ не видѣлъ и не зналъ, а самого себя обманывать, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ. Значитъ, факты представлялись такъ, что могли озадачить подготовленнаго въ извѣстномъ направленіи наблюдателя. По дневнику можно прослѣдить, какія именно событія дѣлали самое глубокое впечатлѣніе и какъ они воспринимались очевидцами. Такимъ образомъ осмысливается блестящій успѣхъ Димитрія въ общественномъ католическомъ мнѣніи, вопреки легендарности его первоначальныхъ заявленій. Двойной элементъ содѣйствовалъ выгодному для Димитрія обороту: предвзятое благорасположеніе къ католику и что-то непонятное, поразительное въ переживаемой эпохѣ русской жизни.

Односторонность Лавицкаго имѣла гораздо менѣе вліянія на его оцѣнку личности Димитрія. Во время похода, особенно въ Путивлѣ, оба іезуита часто и подолгу бесѣдовали съ Димитріемъ о разныхъ предметахъ. Никто изъ современныхъ писателей не имѣлъ этого преимущества въ одинакой съ ними степени. Подробности, которыя они намъ сообщаютъ объ умственныхъ способностяхъ Димитрія, его отличной памяти, его рвеніи къ наукамъ, выдерживаютъ самую строгую критику. Поразительно молчаніе о темныхъ сторонахъ Димитріева характера; вотъ почему и указанія на свѣтлыя нравственныя стороны нуждаются въ провѣркѣ.

Наконецъ, независимо отъ всякихъ соображеній, обращаетъ на себя

вниманіе хронологія дневника. Она оказывается совершенно вѣрной и вообще подтверждается современными свидѣтельствами. Когда же источники расходятся, можно, пожалуй, дать предпочтеніе Лавицкому, какъ очевидцу. Это замѣчаніе особенно важно въ виду разногласія относительно предполагаемой казни Василя Шуйскаго. Лавицкій относитъ ее къ 10-му іюля.

И такъ, несмотря на свои недостатки, отчасти же именно вслѣдствіе ихъ, дневникъ Лавицкаго не лишень значенія для исторіи Дмитрія.

П. Пирлингъ.

Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

1825 годъ.

П').

Кончина императора Александра I.—Мысли о моемъ положеніи при такой перемѣнѣ.—Параллель Александра съ Наполеономъ.—Вліяніе кончины Александра на либераловъ.—Должно ли Россіи вмѣшиваться въ дѣла Европы.—Послѣдніе дни жизни Александра.—Императрица Елизавета Алексѣевна.—Предзнаменованіе кончины государя.—Собственное мое предчувствіе.—Слухи о назначеніи наслѣдника.—Присяга цесаревичу Константину Павловичу.—Рѣчь священника Гаврилова.—Графъ Аракчеевъ.—Депутаты отъ Сената въ Варшаву.—Отыскиваютъ полицією мѣстопробываніе государя.—Отреченіе цесаревича.—Отвѣтъ Свиныну.—Послѣдній день 1825 года.

два я возвратился въ Кременчугъ, какъ услышалъ за тайну, будто государь безъ надежны боленъ; я не вѣрилъ однакоже въ полной мѣрѣ, зная, что вѣсти въ маленькихъ городахъ обыкновенно увеличиваютъ. На другое утро показываютъ мнѣ только-что изъ Таганрога полученное письмо; я читаю, и вижу..... горестнѣйшее, несчастнѣйшее событіе! — что 19-го ноября Александра не стало!... Никогда я не буду въ состояніи описать удара, постигшаго мое сердце. Диктаторъ Европы, спаситель Россіи и просвѣтитель ея; Монархъ безпримѣрный своимъ благоразуміемъ, любезностью, смиреніемъ, тебя нѣтъ болѣе!

Отдавши горькими слезами давъ благодарности великому усопшему,

') См. „Русскую Старину“, ноябрь 1890.

мнѣ представилось живо все время моей десятилѣтней службы при немъ. Я видалъ его въ совѣщаніяхъ съ Кутузовымъ въ Калишѣ, былъ подлѣ него въ Люценѣ, гдѣ онъ въ сильномъ ружейномъ огнѣ презиралъ свистѣвшія около него пули; я видѣлъ, какъ при Бауценѣ и при Дрезденѣ неудачи не колебали души его, и какъ свѣтлое лицо его озарялось радостію въ Кульмѣ и на поляхъ Лейпцига. При Феръ-Шампенуазѣ я одинъ изъ русскихъ оставался близъ него и стоялъ съ нимъ рядомъ, когда онъ окруженъ былъ тысячею смертей. Забуду ли выраженія взгляда его на высотахъ Бельвиля, забуду ли, что я четыре раза былъ посыланъ имъ во время торжественнаго вшествія его въ Парижъ, и ту ужасную, но для меня блаженнѣйшую минуту въ жизни моей, когда во время вступленія въ сей городъ въ Елисейскихъ поляхъ, я исторгъ изъ рукъ француза поднятое имъ ружье? Я былъ одинъ изъ числа четырехъ русскихъ, которые вѣхали съ нимъ въ Парижъ въ 1815 году, и живя тамъ въ одномъ съ нимъ дворцѣ, я былъ близкимъ свидѣтелемъ трудовъ его и часто видалъ его, проводившаго цѣлые дни въ глубокомъ уединеніи. Въ путешествіяхъ по Нидерландамъ, по Франціи, по Швейцаріи и по Германіи, я имѣлъ случай часто удивляться сему необыкновенному мужу, а на конгрессахъ Вѣнскомъ и Ахенскомъ видѣть торжество его надъ первыми государственными людьми нашего вѣка, одержанное превосходствомъ его дарованій. Имѣвъ участіе сопровождать его почти по всей Россіи и по многимъ государствамъ Европы, тысячи разнаго рода даваемыхъ мнѣ порученій сблизили меня съ его особою; сколько разъ я былъ осчастливленъ его разговоромъ, иногда самымъ дружескимъ; сколько разъ обѣдалъ я съ нимъ за маленькимъ столомъ въ какой-нибудь хижинѣ! На берегахъ Сеймы и Дуная, Днѣпра и Невы, на высокихъ утесахъ южнаго берега Тавриды, въ степяхъ Бессарабіи и Донской земли, въ виду Альпійскихъ горъ, на берегахъ Цюрихскаго и Констанскаго озеръ, и посреди дворовъ всѣхъ столицъ Германіи, онъ, состоя на высшей степени человѣческаго могущества, всегда обращалъ на меня милостивый взоръ и удостоивалъ довѣренности своей. Будучи назначенъ въ 1823 году въ армію, я полагалъ, что найду здѣсь случай пролить за него кровь мою, но, увы! судьба опредѣлила мнѣ пережить его! да будетъ миръ праху его столь же ненарушимъ, сколько память его и дѣянія безсмертны!

Ежели можно при потерѣ государственной, скажу лучше всемірной, помышлять о потерѣ частной или собственной, то сіе общее случившееся съ нами бѣдствіе и для меня лично было истиннымъ несчастьемъ. Императоръ, который молодыхъ людей, замѣченныхъ имъ однажды, имѣлъ всегда въ виду и слѣдилъ, такъ сказать, за постепеннымъ образованіемъ ихъ на поприщѣ службы, зналъ коротко и меня; онъ видалъ меня и въ кабинетѣ и на полѣ сраженія, на балахъ и въ тѣс-

номъ кругу тѣхъ особъ, которыя находились съ нимъ въ путешествіяхъ; онъ слышалъ мои сужденія, мои разговоры, перо мое—было ему не чуждо; ему извѣстны были мои отношенія въ гражданской жизни, онъ не рѣдко и всегда милостиво разговаривалъ съ женою моею, даже пивалъ за здоровье дѣтей моихъ. Онъ мнѣ сказалъ въ Минскѣ въ 1818 году, что «если я въ чемъ-либо когда буду имѣть нужду, то чтобы я относился къ сердцу Александра». Я былъ въ несомнѣнномъ увѣреніи, что хотя и находился въ арміи, далеко отъ лица его, но что имѣлъ въ немъ второе Провидѣніе; я мечталъ, что онъ, пересматривая иногда генеральскій списокъ, можетъ быть останавливать взоръ свой на моемъ имени, что въ нуждахъ моихъ я могъ бы прибѣгать къ нему. Я у него ничего никогда не просилъ, ибо вниманіе его награждало превыше мѣры заслуги мои. Съ кончиною его я совершенно осиротѣлъ потому, что ни въ комъ во всю мою жизнь не искалъ, ибо почиталъ сіе за низость; бывъ увѣренъ въ покровительствѣ государя, я пренебрегалъ временщиками и ихъ поклонниками и нажилъ множество завистниковъ, но, свидѣтель Богъ, я плакалъ не о себѣ, но о потерѣ незабвеннаго Монарха, плакалъ о потерѣ Россіи и вселенной!

Сдѣлаемъ параллель между двумя величайшими мужами нашего времени, Александромъ и Наполеономъ. Появленіе обоихъ въ политическомъ мірѣ было ознаменовано рѣдкими умственными ихъ способностями. Съ перваго шага ихъ на поприщѣ дѣятельности они обратили на себя всеобщее вниманіе и заняли первыя мѣста въ современной исторіи. Въ продолженіе жизни ихъ на мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ была основана участь вселенной. Наполеонъ явилъ себя въ Италійскихъ походахъ великимъ полководцемъ, а Александръ, будучи тогда еще наслѣдникомъ престола, подавалъ надежду содѣлаться образцомъ кроткихъ добродѣтелей, каковымъ онъ при вступленіи своемъ на царство дѣйствительно и оказался. Поступки перваго ознаменованы были нѣсколько лѣтъ необыкновенными воинскими доблестями, онъ угрожалъ неслыханною своею предприимчивостію и твердостію въ исполненіи своихъ предначертаній сдѣлаться бичемъ Европы и испровергнувъ существовавшій порядокъ. Вникая со вниманіемъ въ узаконенія, изданныя Александромъ въ первые годы его царствованія, вы найдете черты, которыя могли бы послужить украшеніемъ вѣка Троянова и Антониновъ. Одинъ производилъ удивленіе, другой исторгалъ слезы радости у друзей человѣчества. Необыкновенныя событія, коимъ мы были свидѣтели, не умедлили противопоставить сихъ мужей одного другому, борьба продолжалась ровно десять лѣтъ, то-есть съ Аустерлицкаго сраженія до вторичнаго вшествія россіянъ въ Парижъ, это была война зла съ добромъ, генія войны съ геніемъ мира, и сей послѣдній одержалъ совершеннѣйшую побѣду. Истошнвъ воѣ способы снисхожденій, онъ об-

лекся въ силу нравственную; непоколебимость его и постоянство, внушенные убѣжденіемъ въ правотѣ дѣла его, поколебали и сокрушили его противника. Наполеонъ въ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ являлъ малодушіе, а Александръ въ роковой 1812 годъ, когда всѣ и даже самъ Кутузовъ, безъ мѣры прославленный, отчаялись въ нашемя забавленіи, одинъ сохранилъ твердость духа, которой Россія обязана своимъ торжествомъ, и слова: «Не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ землѣ моей», послужили основаніемъ новой эпохи для Россіи, для Европы и можетъ быть для всей вселенной. Во время сей десятилѣтней, почти баснословной войны, слѣды Наполеона были ознаменованы, такъ сказать, огненною чертою; Александръ посреди враговъ своихъ являлся благодѣтелемъ края ихъ. Въ завоеванныхъ столицахъ Наполеонъ грабилъ дворцы монарховъ, предавался мщенію и не зналъ мѣры своей надменности. За опустошеніе многихъ областей Россіи, за пожаръ Москвы и взорванный Кремль Александръ заплатилъ спасеніемъ столицы Франціи, и изумленные его великодушіемъ непріятели превозгласили его царемъ царей. Ежели бѣдствія, угрожавшія Россіи, не поколебали его въ 1812 году, то онъ въ Парижѣ показалъ небывалый примѣръ въ лѣтописяхъ міра, что неслыханныя до того побѣды не вселили въ него другаго чувства, кромѣ кротости къ врагамъ и смиренія предъ Богомъ. Сокрушивъ своего противника, долгое время непобѣдимаго, онъ не мстилъ падшему съ неизмѣримою высоты, и сей, на ужасной скалѣ, о крутые берега коей разбиваются съ шумомъ волны разъяреннаго океана, покрытый проклятіями полусвѣта, слышалъ слова утѣшенія отъ одного только Александра, который поручилъ посланному своему на островъ св. Елены по возможности облегчать участь плѣнника. «Вы единственное Провидѣніе, оставшееся на землѣ для семейства нашего», писалъ въ 1814 году братъ Наполеона Людвигъ къ государю. Когда Александръ принялъ бразды правленія Европы, онъ учредилъ христіанскій союзъ и основалъ всеобщій миръ, поддерживаемый всѣми силами, которыя представляла ему обширнѣйшая въ свѣтѣ Имперія. Во время могущества Наполеонова безчисленныя арміи его блуждали по Европѣ подобно сынамъ Израиля, покоряя одно государство за другимъ, но милліоны войскъ, содержимыхъ Александромъ, за что столь несправедливо современники дѣлали ему упреки, употреблены были исключительно на утверженіе мира. Да и можно было послѣ двадцатипяти-лѣтнихъ волненій не имѣть ему обнаженнаго оружія, тѣмъ болѣе, что вездѣ показывались мятежи, какъ-то: въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ и въ Испаніи; но они по мановенію Александра исчезали, и Европа, коей дѣла онъ принялъ въ свою опеку, наслаждалась двѣнадцатилѣтнимъ миромъ. «Александръ есть мой настоящій преемникъ»,—сказалъ Наполеонъ на островѣ святой

Елены. Онъ правъ, но Александръ, принявъ диктаторскую власть въ Европѣ, уподоблялся ясному небу, которое послѣ свирѣпыхъ бурь, колебавшихъ море и угрожавшихъ мореходцу гибелью, даруетъ ему счастливое плаваніе и несомнѣнную надежду вскорѣ увидѣть берегъ своего отечества. Оба угасли въ цвѣтѣ лѣтъ далеко отъ столицъ, ими украшенныхъ, ими преобразованныхъ, одинъ подъ знойнымъ Африканскимъ небомъ, а другой на берегахъ Азовскаго моря, почти на предѣлахъ Азіи; одинъ умеръ въ цвѣтахъ, а другой почилъ сномъ праведныхъ.

Какіе пигмеи остались теперь послѣ Наполеона и Александра! На престолахъ Европы находятся люди самые обыкновенные, и тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе произвела кончина императора въ нашемъ полушаріи и въ Америкѣ. Политическіе вольнодумцы всѣхъ народовъ восторжествуютъ, потому что не стало того, который обуздывалъ стремленіе ихъ. Кто могъ противопоставить твердые оплоты нововведеніямъ, окровавившимъ Европу и содѣлывающимся господствующими въ другой части свѣта. Кто былъ одаренъ, проникательнѣйшимъ разумомъ, большею твердостью характера и имѣлъ обширнѣйшія средства, чтобы состязаться съ новыми демагогами, угрожающими всемірнымъ переворотомъ? Увы, его не стало, и Провидѣнію угодно было лишить насъ его въ одну изъ самыхъ важнѣйшихъ минутъ въ исторіи народовъ.

Многіе были недовольны частыми поѣздками государя за границу; я не спорю, что внутреннія дѣла Россіи отъ того терпѣли нѣкоторую остановку, но съ другой стороны, онъ довершалъ начатое Петромъ и Екатериною, утверждая вліяніе Россіи на Европу. Предлежитъ вопросъ, нужно ли нашему двору находиться въ тѣсныхъ связяхъ съ кабинетами прочихъ державъ; многіе рѣшаютъ его отрицательно, но я съ ними не согласенъ, ибо просвѣщеніе Россіи, а слѣдовательно и благоденствіе ея неразрывно сопряжено съ безпрестанными и частыми сношеніями съ Европою. Если правда, что образованіе сдѣлало такіе успѣхи, что всѣ государства составляютъ одну Европейскую державу или республику, то и намъ нельзя отъ оной устраниваться. Къ тому же запутанность дѣлъ въ Европѣ, коей Александръ былъ Агамемнономъ, требовала личнаго его присутствія для развязки сего Гордіева узла. Въ немъ видѣли мы единственный примѣръ могущественнѣйшаго въ свѣтѣ монарха, который употреблялъ силы свои не для распространенія своего владычества, но къ сохраненію единодушія между всѣми державами. Оградивъ на долгое время неприкосновенность отечества своего и миръ въ Европѣ, онъ сдѣлался истиннымъ блюстителемъ политическаго равновѣсія и всѣхъ неразлучныхъ съ нимъ выгодъ просвѣщенія и счастья.

Въ сіе время я получилъ изъ Таганрога слѣдующія извѣстія о по-

сѣднихъ дняхъ Александра: 20-го октября, онъ отправился изъ Таганрога въ Крымъ; императрица и другія приближенныя особы уговаривали его туда не ѣхать, но государь сказалъ, что далъ слово новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову, почему и желалъ исполнить свое обѣщаніе. Во время пребыванія своего въ Таврическомъ полуостровѣ, гдѣ на южномъ берегу его величество самъ избралъ мѣсто для дворца незабвенной своей супруги, государь простудился, что однакоже долго и отъ воѣхъ скрывалъ; но на возвратномъ пути, болѣзнь сильно увеличилась. Желая поспѣише пріѣхать въ Таганрогъ, онъ приказывалъ безпрестанно погонять лошадей и былъ уже столь слабъ, что, проѣзжая подлѣ одной церкви, въ которой происходило богослуженіе, не вышелъ изъ коляски, какъ сіе всегда въ подобныхъ случаяхъ дѣлывалъ, а велѣлъ проѣхать мимо. Оснобъ и жаръ, признаки свирѣпствующихъ въ полуденномъ краю Россіи лихорадокъ, умножились во время дороги, но лѣкарствъ государь принимать не хотѣлъ. По прибытіи въ Таганрогъ, 5-го ноября поздно вечеромъ, лихорадка превратилась въ горячку, и въ тотъ же вечеръ, когда подали свѣчи, государь сказалъ своему камердинеру Федорову: «я очень нездоровъ». Камердинеръ отвѣчалъ, что надобно лѣчиться. «Нѣтъ, братъ — отвѣчалъ императоръ, — припомни нашъ прежде бывшій разговоръ; свѣчи, которыя я приказалъ убрать со стола, у меня изъ головы не выходятъ, это значитъ мнѣ умереть, тогда онѣ будутъ стоять передо мною». Для выраумленія сего обстоятельства, надобно знать, что наканунѣ отѣзда своего въ Крымъ, его величество писалъ письмо къ вдовствующей императрицѣ, по полудни въ четвертомъ часу; вдругъ нашла туча, и сдѣлалось темно, государь приказалъ камердинеру подать свѣчи. Между тѣмъ, какъ небо прояснилось и сдѣлалось по-прежнему свѣтло, камердинеръ подойдя доложилъ, не прикажетъ ли его величество принять свѣчи. «Для чего же? — спросилъ императоръ. Камердинеръ отвѣчалъ, что есть примѣта, что днемъ при свѣчахъ писать не хорошо, Государь возразилъ: «развѣ въ этомъ что заключается; скажи правду: вѣрно ты хотѣлъ сказать, что, увидя съ улицы свѣчи, подумаютъ, что здѣсь покойникъ; когда такъ, то возьми свѣчи». О семъ-то пустомъ замѣчаніи императоръ вспомнилъ сдѣлавшись боленъ.

Сначала государь имѣлъ еще столько силы, что три дня ходилъ по комнатѣ въ сюртукѣ, въ четвертый принужденъ былъ лечь въ постель; однако же не взирая на увеличивавшійся недугъ и на убѣжденія врачей, не хотѣлъ принимать лѣкарствъ и страданія свои переносилъ съ великою твердостію. Наконецъ, 15-го ноября велѣлъ призвать съ собою протоіерея таганрогскаго собора, чтобы пріобщиться святыхъ таинъ, и когда священникъ вошелъ, то онъ сказалъ ему: «прошу садиться; поступайте со мною какъ съ христіаниномъ, забудьте мое величество».

Сказываютъ, что въ сіи ужасныя минуты смиреніе, кротость нашего незабвеннаго Монарха были необыкновенныя. По окончаніи священ-ныхъ обрядовъ, императоръ взялъ въ руки крестъ и сказалъ: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшеніи, какъ теперь нахожусь»; потомъ перекрестился, поцѣловалъ распятіе и принялъ отъ священника благословеніе, а духовникъ, вставъ на колѣни, сказалъ: «я уврачевалъ душу, церковь и народъ просить уврачевать тѣло». Могъ ли Боссюеть или Платонъ выразиться сильнѣе? «Если это надобно, — отвѣчалъ государь — то я согласенъ, теперь я вижу, что я отчаянно боленъ». Поставили шпалки, которыя, сдѣлавъ нѣкоторое облегченіе, не возвратили здоровья; на другой день его величество вновь отказался принимать лѣкарства.

Императрица Елисавета Алексѣевна пятеро сутокъ не отходила отъ постели больного; за часъ до кончины, государь открылъ глаза, но не могъ уже говорить; память однако же еще имѣлъ. Онъ движеніемъ руки подовалъ къ себѣ императрицу, взялъ въ послѣдній разъ ея руку, поцѣловалъ оную, прижалъ потомъ къ сердцу и на вѣки простился; послѣ чего въ безмолвной глубокой тишинѣ отдалъ духъ. Когда государь началъ кончаться и читали отходную молитву, то императрица во все время, до послѣдняго издыханія, держала руку своего супруга; она закрыла ему глаза, подвязала платкомъ подбородокъ, сложила руки, поцѣловала ихъ я, обратившись къ образу, помолилась, послѣ чего, поклонившись тѣлу, пошла на свою половину. Едва вступила она въ свои комнаты, какъ зарыдала, но остановилась и сказала: «Господи, прости моей слабости!» Ободрившись, она приказала у тѣла пѣть панихиду, взяла свѣчу и не плакала. Необыкновенная твердость души императрицы меня не удивила потому, что мнѣ извѣстна была ангельская кротость ея характера, которая придавала ей духъ переносить сильныя потрясенія.

Многіе думаютъ, что бываютъ предзнаменованія, которыя предвѣщаютъ происшествія, имѣющія вліяніе на участь государствъ; разсудокъ имъ не вѣритъ, но воображеніе иногда охотно останавливается на предметахъ сверхъестественныхъ. Народное преданіе говоритъ, что императрица Анна Ивановна не задолго до своей смерти видѣла изображеніе свое въ царскихъ доспѣхахъ, сидящее на престолѣ; что Екатерина II, замѣтя упавшую съ неба звѣзду, предсказала свою кончину, которая дѣйствительно вскорѣ и послѣдовала, и что комета, явившаяся на небѣ въ 1811 году, предвѣщала ужасную войну. Точно также носилась молва о слѣдующихъ случаяхъ, бывшихъ передъ кончиною Александра. Передъ каждымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, императоръ всегда заѣзжалъ въ Казанскій соборъ, но, отправляясь въ Таганрогъ, противъ своего обыкновенія, слушалъ молебенъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ посѣтилъ одного схимника, и послѣдній предметъ, видѣнный имъ въ Петербургѣ, былъ гробъ сего монаха. Это было въ четыре часа по

утру. Осеннее солнце начинало освѣщать столицу, государь, миновавъ заставу, приказалъ остановиться коляскѣ своей и, поднявшись на ноги, долго и съ разстроеннымъ видомъ смотрѣлъ на Петербургъ во всѣ стороны, и, какъ можетъ быть сердце его говорило, въ послѣдній разъ. На вопросъ своего камердинера, когда ожидать его возвращенія въ столицу, императоръ, поднявъ руку къ небу, отвѣчалъ: «это Ему Одному известно».

Въ Таганрогѣ съ 1-го сентября явилась комета, которой лучи простирались вверхъ на большое пространство, потомъ замѣтили, что лучи оной начали склоняться къ западу. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, во второмъ часу по полуночи, многіе жители Таганрога видѣли надъ дворцомъ три звѣзды, которыя расходились, потомъ соединились въ двѣ вмѣстѣ, а наконецъ одна изъ нихъ упала, и за нею исчезла и другая. Однажды государь спросилъ кучера своего Илью: «видѣлъ ли онъ комету?» Видѣлъ, — отвѣчалъ онъ. «Знаешь ли ты, что она предвѣщаетъ?» — спросилъ императоръ, — «бѣдствіе и горестъ». Потомъ, помолчавъ сказалъ: «такъ Богу угодно». Прежде еще болѣзни императора въ Таганрогѣ и въ окрестностяхъ онаго, показалось столь много мышей, что не было возможности отъ нихъ избавиться, онѣ попортили всю придворную конскую сбрую, нѣсколько экипажей, шаль и шубу императрицы.

Въ роковой день 19-го ноября въ Петербургѣ былъ такой густой туманъ, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего различить. Въ сей же день во внутреннемъ караулѣ Зимняго дворца стоялъ Преображенскій полкъ, имѣющій надпись: «19-го ноября», данную ему Петромъ Великимъ за Нарвское сраженіе. Въ театрѣ представляли въ одномъ: «Послѣдній часъ счастья», а въ другомъ: «Суженаго конемъ не объѣдешь».

При семъ случаѣ опишу, какое предчувствіе было со мною, увѣряя при томъ, что я никогда не вѣрилъ сего рода предзнаменованіямъ, приписывая ихъ дѣйствія игрѣ воображенія. Выше сего я сказалъ, что я ѣздилъ 23-го ноября осматривать мои полки и что на другой день возвращенія моего домой я узналъ о кончинѣ государя. Верстъ двадцать не доѣзжая до Кременчуга, меня застала темнота, и я, сидя одинъ въ каретѣ, думалъ между прочимъ объ опредѣленіи старшаго моего сына въ Пажескій корпусъ. Я въ умѣ составлялъ уже просительное письмо по сему предмету къ государю, какъ вдругъ, не понимаю отъ чего и въ чемъ по сихъ поръ не могу дать себѣ отчета, мнѣ представилось, что у насъ нѣтъ болѣе Александра, и что настаетъ правленіе Константина. Эта мысль столь сильно во мнѣ поселилась, что я бредилъ, такъ сказать, о семъ новомъ царствованіи до самаго пріѣзда моего въ Кременчугъ, гдѣ черезъ нѣсколько часовъ получилъ и роковую вѣсть.

Нѣсколько дней она не была гласна, сперва говорили о ней потихоньку, потомъ громче, и вскорѣ всѣ ее узнали; горестъ была общая,

всѣ ко мнѣ приходившіе заливались слезами, но, о страсти человѣчества! чрезъ день многіе начали говорить о видахъ честолюбія, открывавшихся для нихъ при преѣзжѣ Александромъ, и помышлять о томъ, какую пользу извлечь было можно изъ старинныхъ связей съ новымъ Монархомъ. Я на другой день уже услышалъ, какъ собирались къ новому двору и разсуждали уже о празднествахъ, имѣвшихъ быть при коронаціи. «Дайте же охладѣть праху усопшаго»,—сказалъ я, и честолюбцы устыдятся замолкли.

Въ сіе же самое время многіе, почитавшіеся въ Кременчугѣ за умнѣйшихъ, предлагали мнѣ вопросъ, кто по моему мнѣнію будетъ наследовать престолъ? Я имъ отвѣчалъ, что цесаревичъ, имѣвшій на то право по первородству и по закону Павла I о наследіи. Я заключалъ, что вопросы сіи происходили отъ того, что въ Россіи весьма мало занимаются политическими предметами, и приписывалъ одному невѣжеству нѣкоторое сомнѣніе, видѣнное на лицахъ, касательно до наследія престола, сего главнѣйшаго залога народнаго спокойствія. Отвѣтъ мой показался однако же не для всѣхъ удовлетворителенъ; мнѣ сказали за тайну, что слухъ носится, будто цесаревичъ не намѣренъ царствовать и что императоромъ будетъ великій князь Николай Павловичъ. Мнѣ надобно было, какъ начальствовавшему войсками, дѣйствовать на общее мнѣніе, а потому я убѣждалъ не вѣрить молвѣ тамъ, гдѣ дѣло шло о важнѣйшихъ событіяхъ; опроверженія мои подтвердились вскорѣ повѣнціемъ, полученнымъ мною 8-го декабря, присягнуть императору Константину. Я нарочно помѣстилъ въ семъ журналѣ сомнѣнія, бывшія на счетъ наследія престола, изъ чего видно, что самыя сокровенныя мѣропродоженія правительства дѣлаются гласными въ народѣ. Напримѣръ, я, который находился много лѣтъ при дворѣ и въ связи съ первыми особами нашего времени, я ничего не зналъ объ отреченіи и назначеніи великаго князя Николая Павловича, въ то время какъ молва носилась о семъ между людей, никогда ни выѣзжавшихъ изъ Кременчуга.

Когда я присягалъ Константину Павловичу, то мнѣ пришло въ мысль, что російскій императоръ есть одинъ Монархъ въ свѣтѣ, который, вступая на престолъ, могъ бы сказать: «Я приѣмлю прародительскій вѣнецъ, по праву наследія мнѣ доставшійся, и столь увѣренъ въ непоколебимой къ оному вѣрности російскаго народа, вѣками испытанной, что излишнимъ полагаю предписывать вѣрнопоподаннымъ моимъ обыкновенную въ семъ случаѣ присягу, и для того освобождаю отъ оной, остаюсь увѣреннымъ, что каждый будетъ мнѣ служить, какъ служилъ предкамъ моимъ». Это можно сказать только народу русскому, который, какъ я думалъ тогда, не имѣлъ еще предателей: какое бы впечатлѣніе произвелъ подобный манифестъ въ Европѣ!

Вмѣстѣ съ повелѣніемъ о присягѣ я получалъ изъ Петербурга слѣдующую рѣчь, произнесенную священникомъ Гавриловымъ при приводѣ къ присягѣ чиновниковъ водяныхъ (путей) сообщеній; въ оной выражены отъянно справедливо чувстваванія, наполнявшія тогда всѣ сословія Россіи:

«Россія! гдѣ твой царь, Великій Александръ? Европа, гдѣ твой избавитель? Его уже нѣтъ! Нѣтъ! Закатилось красное солнце Россіи—пришло къ своему западу и не взойдетъ болѣе! Я вижу на всѣхъ лицахъ мертвое уныніе. Гробовой гулъ изъ устъ въ уста перелетаетъ:

«Нѣтъ Великодушнаго Александра! Нѣтъ нашего отца, за котораго мы молитвы приносимъ здѣсь предъ престоломъ Всевышняго!

«Но справедлива ли ужасная вѣсть сія? Ваше безмолвіе, ваша скорбь, ваши слезы доказываютъ мнѣ, Россіяне, сколь, къ несчастію нашему, справедлива она.

«Господи, конечно мы прогнѣвали Твою благость, раздражали Твое долготерпѣніе. Но пощади, пощади души наши! Не до конца пролей гнѣвъ твой на насъ! Не предаждь насъ сосѣдамъ нашимъ въ поруганіе! Ты въ годину бѣдствія нашего услышалъ насъ и помиловалъ, когда двадцать языкъ вторгнулись въ сердце Россіи! Услыши, услыши насъ, Господи, и помилуй».

Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія извѣстія о кончинѣ государя общій голосъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ мнѣ удавалось видѣть, возсталъ противъ графа Аракчеева. Лишившись насильственной смертію за два мѣсяца передъ тѣмъ своей любовницы, онъ былъ симъ происшествіемъ столько огорченъ, что казался больнымъ и не занимался дѣлами, но потомъ, по внезапно случившейся перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ объявилъ въ приказѣ, отданномъ имъ 2-го декабря, о своемъ выздоровленіи. Толпа или лучше сказать сотни, тысячи разнаго рода гражданскихъ чиновниковъ, подобно саранчѣ наводняющихъ Россію, которые до того его трепетали, и тѣ даже вдругъ противъ него возстали. Это я имѣлъ случай видѣть въ маленькомъ городѣ, гдѣ я тогда жилъ, и сіе обстоятельство привело мнѣ на память басню объ умирающемъ львѣ, котораго въ изнеможеніи его лягнулъ копытомъ даже—оселъ.

Почти весь декабрь мѣсяцъ прошелъ въ ожиданіи нами манифеста о восшествіи на престолъ новаго царя нашего; съ какою жадностію ожидали мы почтъ, приходившихъ изъ Петербурга, чтобы узнать о новыхъ назначеніяхъ и о новыхъ лицахъ, имѣвшихъ явиться на политическомъ горизонтѣ. И я былъ очень любопытенъ, но съ равнодушіемъ взиралъ на предстоявшія перемѣны и почти не выходилъ изъ прекраснаго своего кабинета. Часто я смотрѣлъ на теченіе Днѣпра, глаза мои нѣсколько разъ въ день покрывались слезами, вспоминая Александра, и я съ спо-

койною совѣстію, что служилъ ему вѣрно, ожидалъ въ молчаніи будущаго.

Вскорѣ послѣ данной нами присяги мы услышали, что Сенатъ и министры отправили къ новому монарху депутатовъ въ Варшаву; выборъ ихъ меня ужаснулъ, это были между прочимъ Никитинъ, нѣкогда полицейскій офицеръ и извѣстный картежникъ, и Сабуровъ, котораго отца фонъ-Визинъ вывелъ на сцену въ роль Митрофана. И эти люди, думалъ я, ѣдутъ отъ лица Имперіи, за мѣсяць еще управляемой Александромъ! Я видѣлъ еще подобное неблагопрістойное явленіе. Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ корпуснаго командира жандармъ съ такъ-называемымъ циркулярнымъ предписаніемъ отъ имени командующаго, донести сему послѣднему, не извѣстно ли мнѣ мѣстопробываніе императора Константина и не проѣзжалъ ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію всего третьяго корпуса; такимъ образомъ російскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи.

Наконецъ недоумѣніе наше прекратилось; 24-го декабря мы получили извѣстіе, что Константинъ Павловичъ, которому мы за двѣ недѣли присягнули въ вѣрности, не принимаетъ престола, отъ котораго онъ уже въ 1822 году отказался, и передаетъ право старшему по немъ брату Николаю Павловичу. Отреченіе сіе, сохраняемое въ тайнѣ, хотя, какъ я выше сего упомянулъ, глухая молва объ ономъ и ходила въ народѣ, есть одно изъ необыкновенныхъ происшествій въ исторіи, которое можно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Моралисты увидятъ въ немъ можетъ быть слѣдствіе великодушія, которое, пренебрегая прелестями престола, сознаетъ себя неспособнымъ къ управленію обширнымъ государствомъ, или припишутъ оное робости, которая заставила предпочесть спокойствіе семейной и частной жизни бремени самодержавной власти. Мнѣ же кажется, что виною онаго есть бракъ Константина Павловича съ полькою Грудзиною, которой императрица Марія Ѳедоровна, отказавшая самому Наполеону во время могущества его въ рукъ великой княжны Анны Павловны, не захотѣла дать имя невѣстки своей. Болѣе же всего должно было способствовать къ отреченію то обстоятельство, что опасались, чтобы дѣти, могшія произойти отъ сего брака, не возвели на російскій престолъ рода простой польской шляхтянки, и что цесаревичъ, дабы пріобрѣсти ненарушимое спокойствіе въ супружествѣ, при заключеніи онаго обязался подписать отреченіе свое. Для меня былъ прекрасенъ поступокъ императора Николая Павловича, который, безъ всякаго сомнѣнія, вѣдая о томъ, что онъ остался преемникомъ Александра, не хотѣлъ принять престола прежде повторительнаго отреченія старшаго своего брата, для того первый ему присягнулъ и тѣмъ

доказаль, сколь онъ свято чтить въ наслѣдїи право первородства, которое столь необходимо для благоденствїя народовъ.

Я получилъ въ сіе время письмо отъ издателя журнала Отечественныхъ Записокъ Свиньина, который просилъ меня сообщить ему для напечатанія какія-нибудь статьи о покойномъ государѣ. Вотъ мой отвѣтъ: «Всѣ русскіе со мною одинаково поражены, но я чувствовалъ скорбь не менѣе другихъ. Признаюсь, что меня утѣшала мысль, что я имѣлъ случай собрать нѣкоторыя черты, обнаруживающія необыкновенныя душевныя качества и умственныя способности того, который на высшей степени человѣческаго могущества удостоивалъ меня иногда своею довѣренностію, и еще болѣе, откровенною бесѣдою; черты, какихъ никто не имѣлъ, ибо бывало время, въ которое никого кромѣ меня не находилось при его величествѣ. Не полагаю однако же, чтобы теперь уже было прилично говорить, особенно въ моемъ положенїи; истину безъ прикрасъ легко могутъ почестъ нескромностію и самохвальствомъ; сравнять съ плющемъ, обвивающимся около величественнаго дерева, или съ Ласказасомъ, который подъ защитою громкаго имени Наполеонова вознамѣрился увѣковѣчить собственное свое. Дайте время пройти первымъ впечатлѣніямъ, поразившимъ каждого, дайте время великій прахъ предать землѣ, и тогда я прибѣгну къ душевно мною почитаемому издателю Отечественныхъ Записокъ и буду просить удѣлять мнѣ изъ журнала его страницъ по пятидесяти. Вотъ мой отвѣтъ на дружеское письмо ваше отъ 3-го декабря, для васъ конечно неудовлетворительный, но если захотите внимательно разсмотрѣть мои побудительныя причины, то вѣрно со мною согласитесь».

Настало 31-е число декабря, послѣдній день столь бѣдственнаго великою потерей 1825 года. Я съ ужасомъ встрѣчалъ наступившїй годъ, потому что въ Кременчугѣ распространились самыя горестныя вѣсти изъ столицы; это были слухи, а потому не заслуживали еще вѣры, не менѣе того, подтверждаясь ежечасно, они прїобрѣтали нѣкоторое правдоподобіе. Говорили, что гвардейскіе полки произвели буйства, что во время смятенія убитъ графъ Милорадовичъ, рассказывали о еще (болѣе) гнуснѣйшихъ неистовствахъ. Поводомъ къ симъ слухамъ служили показанія двухъ проѣхавшихъ курьеровъ, у одного изъ нихъ подорожная подписана была не графомъ Милорадовичемъ, какъ слѣдовало, а генераломъ Кутузовымъ, и что по послѣдней почтѣ не привезено было ни къ кому ни писемъ, ни вѣдомостей, ни журналовъ изъ Петербурга. Происходили еще странности, напримѣръ въ Кременчугѣ были чиновники водяныхъ сообщеній, которые до новаго года не получали оффиціальнаго извѣстія о кончинѣ Александра и, слѣдовательно, никому не присягали; духовное и гражданское вѣдомства присягнули Константину и не имѣли свѣдѣнїя о восшествїи на престолъ Николая; мы, одни

военные, присягнули сему послѣднему, а въ церквахъ молились объ императорѣ Константинѣ. Непростительно было, что въ Петербургѣ высшія начальства не приняли согласныхъ мѣръ къ единовременной всѣхъ присягѣ, отчего бы прекратились множество нелѣпныхъ слуховъ, распространявшихся въ дальнихъ губерніяхъ. Если сіи вѣсти дошли до меня, жившаго на берегахъ Днѣпра, то онѣ должны были вскорѣ достигнуть до предѣловъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, обитаемыхъ казаками, раскольниками, бродягами, бѣглецами и полудикими, словомъ, людьми безъ вѣры, безъ нравственности, ожесточенными во многихъ отношеніяхъ противъ Россіи. Кто могъ ручаться, что слухи сіи не произведутъ волненія между сими людьми, а особенно между находящимися посреди ихъ поселенными войсками, коихъ ненависть въ положенію ихъ ни для правительства, ни для частныхъ людей не была тайною? Въ сихъ размышленіяхъ я провелъ послѣдній день года и думалъ: Господи, не предаждь насъ на поруганіе сосѣдямъ нашимъ и сохрани державу російскую! ¹⁾.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

¹⁾ Слѣдующій затѣмъ 1826 годъ сохранился въ бумагахъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго въ собственноручныхъ его черновыхъ наброскахъ, лишь въ отрывкахъ. Эти отрывки были напечатаны нами въ „Русской Старинѣ“ 1890 года, т. 68-й, стр. 489—523.

Они оканчиваются словами: „здѣсь оканчиваю я сіи записки, веденныя мною въ теченіе пятнадцати лѣтъ“.—Затѣмъ въ бумагахъ Данилевскаго оказался только еще журналъ 1829 года, часть котораго напечатана была нами въ „Русской Старинѣ“, 1893 года, т. 79-й, и дневникъ 1831 года, подъ заглавіемъ: „Походъ подъ Прагу въ 1831 году“, помѣщенный нами въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 года (февраль).

Н. Ш.

Рескриптъ императора Павла I—генералу Розенбергу.

29-го сентября 1797 г.

Господинъ генераль-отъ-инфантеріи и кіевскій военный губернаторъ Розенбергъ. Назначивъ генерала-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го московскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ, на мѣсто уволеннаго отъ службы генерала князя Долгорукова, и всемилостивѣйше пожаловавъ васъ въ генералы-отъ-инфантеріи, повелѣваемъ съ полученія сего отправиться въ Кіевъ, а по прибытіи туда принять тамъ начальство военное, равномѣрно же дѣла и переписки, производимыя упомянутымъ генераломъ-фельдмаршаломъ, а сверхъ того имѣете быть и инспекторомъ украинской дивизіи по пѣхотѣ. Мы увѣрены впрочемъ, что, принявъ назначеніе сіе доводомъ благоволенія нашего къ вамъ, оправдаете вы усердіемъ вашимъ къ службѣ нашей выборъ нашъ и пребываемъ вамъ благосклонны.

Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXXV ¹⁾.

Причины, вызвавшія возстаніе болгарь.—Митхадъ-паша.—Ахмедъ Россимъ-паша.—Маршалъ Мелеменли Мустафа-паша.—Этнографическая карта расквартированія войскъ въ Сливнахъ.—Военные посты въ Балканахъ.—Поимка разбойниковъ въ Чамъ-Дере.—Возстаніе въ дунайскомъ вилайетѣ.—Дѣятельность барона Окши.—Путешествіе султана за границу.—Возвращеніе.—Казаки въ Адрианополѣ.—Консулы.—Адрианонопольское общество.—Выступленіе двухъ казацкихъ эскадроновъ изъ Стамбула.

Кслѣдъ за появленіемъ географическихъ картъ, составленныхъ агентами барона Окши при участіи иностранныхъ консуловъ, румынскіе агитаторы начали формировать болгарскія банды, приписывая въ то же время эту агитаторскую дѣятельность русскимъ, работавшимъ яко бы на пользу панславизма и православія. Благодаря моимъ сношеніямъ со сливенскими чорбаджіями, коимъ все это было какъ нельзя лучше извѣстно, и которые опасались волненій среди болгарь, я зналъ, что Россія не принимала въ этихъ проискахъ ни малѣйшаго участія; и хотя русскому правительству о нихъ несомнѣнно было извѣстно, но оно не имѣло повода вмѣшиваться въ это дѣло. Румынское правительство смотрѣло на происходившую агитацію сквозь пальцы, а въ тайнѣ поощряло агитаторовъ, позволяло имъ подстрекать болгарь къ возстанію, въ на-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1900 г.

деждѣ, что они уйдутъ на берега Дуная, на землю, принадлежащую румынскому правительству.

Главнымъ управителемъ дунайскаго вилаета былъ Митхадъ-паша. Въ то время въ Турціи впервые была сдѣлана попытка децентрализовать мѣстное управленіе, усиливъ власть губернаторовъ и создавъ изъ нихъ нѣчто вродѣ вице-королей. Это преобразование могло быть выгодно во всѣхъ отношеніяхъ, но для того чтобы оно принесло дѣйствительную пользу, надобно было найти на эти мѣста людей образованныхъ, искренно преданныхъ интересамъ правительства, а таковыхъ, къ сожалѣнію, въ Турціи было мало, поэтому лица, коимъ было ввѣрено на первыхъ порахъ управленіе вилаетами, не только не принесли страгѣ ни малѣйшей пользы, но причинили ей даже не мало вреда.

Митхадъ-паша былъ такъ же честенъ и неподкупенъ, какъ Кибризли Мехмедъ-паша, у котораго онъ былъ одно время директоромъ канцеляріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человекъ нервный, горячій, готовый подчиняться всякому совѣту и влиянію и охотникъ до дозовсовъ. Кибризли имѣлъ передъ нимъ то преимущество, что онъ былъ человекъ знатнаго происхожденія, выдавшій свѣтъ: бывалъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и другихъ столицахъ Европы; при томъ не злоупотреблялъ властью, хотя любилъ, чтобы его значеніе признавали.

Митхадъ—человекъ скорѣе ученый, нежели военный, добился занимаемаго имъ положенія своимъ собственнымъ трудомъ; незнакомый со свѣтомъ, въ соприкосновеніи съ которымъ вырабатывается умъ и сердце человека, не обладавшій талантами, которые дали бы ему возможность блистать въ свѣтѣ, и въ то же время жаждающая власти и значенія, онъ хватался за все, что могло доставить ему это значеніе.

Его совѣтникомъ и приближеннымъ былъ Ахметъ Россимъ-паша, грекъ, получившій образованіе въ Аѳинахъ, о которомъ я уже однажды упоминалъ. Въ началѣ своей служебной карьеры онъ былъ назначенъ комиссаромъ при греческихъ эмигрантахъ, искавшихъ убѣжище на турецкой землѣ, раскрылъ всѣ тайные замыслы гетеріи и написалъ въ своемъ донесеніи слѣдующее: «за эмигрантами надобно слѣдить по способу, принятому въ Австріи, это вѣрнѣйшее средство накрыть ихъ, отдѣлаться же отъ нихъ надобно стариннымъ турецкимъ способомъ: употребляя для этого кофе и шелковый шнурокъ; только одни мертвецы не встаютъ изъ гроба и не могутъ вредить».

За это донесеніе онъ былъ уволенъ отъ службы, это было во времена Решида-паши.

Впослѣдствіи Ахмедъ-паша былъ губернаторомъ Ваддина, но жилъ большею частью въ Руцукѣ, пользуясь особымъ покровительствомъ Митхада-паши—его дальняго родственника. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ румынскими консулами и драгоманами, а равно

и съ стамбульскими агентами барона Окши, поэтому имѣлъ полную возможность агитировать и питалъ надежду, что подготовлявшееся возстаніе доставитъ Митхаду честь и славу, а ему болѣе существенныя матеріальныя выгоды. Ему сообщали изъ Яссы и Букареста о томъ, что евреи доставляли болгарамъ моремъ и сухимъ путемъ большіе запасы оружія и аммуниціи; все это приписывалось русскимъ. Консулы доносили о томъ своимъ правительствамъ, и иностранныя кабинеты охотно вѣрили ихъ донесеніямъ, такъ какъ это вполне соответствовало ихъ понятію о коварной яко бы политикѣ русскаго кабинета. Благодаря навѣтамъ поляковъ этотъ прологъ къ болгарской драмѣ принялъ вскорѣ обширныя размѣры; Европа ожидала, что разыграется чудовищная драма; Турція готовилась подавлять возстаніе.

Сердарь-экремъ былъ вызванъ изъ Шумлы въ Стамбулъ; вмѣсто него командующимъ войсками былъ назначенъ маршалъ Мелеменли Муштафа-паша, человекъ благородный, честный, но характера довольно пассивнаго; онъ отличился въ молодости на полѣ битвы и дослужился до высшихъ чиновъ только благодаря своимъ заслугамъ; когда же на военномъ небосклонѣ заблестѣли люди ученые, такъ называемые мектебли, которые оттѣснили мало-по-малу всѣхъ лицъ, достигшихъ положенія въ войскѣ единственно благодаря выслугѣ лѣтъ, то Мелеменли, какъ большинство турокъ, ничего такъ не боявшійся какъ потерять мѣсто и связанные съ нимъ доходы, вполне подчинился мектеблямъ. Сидя съ утра до вечера въ канцеляріи, онъ прикладывалъ печати къ мазбатамъ, приказамъ и инымъ бумагамъ, которыя писались этими учеными людьми, чѣмъ и ограничивалась его дѣятельность; строго говоря, онъ былъ уже не маршаломъ, не предводителемъ войска, такъ какъ я никогда не видалъ его ни на учебномъ плацу, ни въ казармахъ. Штабные ученые руководили въ арміи военной частью по своему благоусмотрѣнію, а Мелеменли, желая удержаться на мѣстѣ, только преклонялся передъ ихъ умомъ и знаніемъ.

Однажды маіору Рахми-эфенди, любимцу Гусни Авни-паши, было приказано составить топографическую и этнографическую карту Адрианопольскаго округа и представить ее въ штабъ втораго корпуса. Рахми-эфенди обратился къ офицерамъ съ вопросомъ, что значить этнографія? Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ какъ по-писанному: это есть изображеніе на картѣ всего живущаго и произрастающаго въ краѣ. Карта была составлена и передана Мелеменли-пашѣ, который показалъ ее мнѣ.

Опишу подробно эту курьезную вещь: на огромномъ листѣ бумаги было нарисовано два большихъ тутовыхъ дерева съ множествомъ шелковичныхъ червей; на верхнихъ вѣтвяхъ сидѣли голуби, куры, индюшка; внизу подъ однимъ деревомъ лежалъ заяцъ, а подъ другимъ — лисица, поднявъ мордочку, смотрѣла на голубей; между зайцемъ и лисицей на-

ходилась надпись: Адрианополь, вторая столица Турціи; по обѣ стороны были изображены: пшеница, ячмень, кукуруза; на лужайкѣ пасся домашній скотъ; возлѣ дерева извивались три голубыя ленты—на одной изъ нихъ былъ изображенъ сомъ и надписано Марица, на другой нарисована утка и надписано Арда, на третьей—четыре ивы и надписано Тунджа. Вокругъ шла надпись Адрианопольскій округъ и была изображена большая дорога, обитая яркими цвѣтами и зелеными листьями. Маршалъ восхищался картою, говоря: прекрасно сдѣлана, можетъ быть повергнута къ стопамъ султана! Я не могъ удержаться отъ смѣха; когда всѣ вышли, то маршалъ сказалъ мнѣ на ухо: не смѣйся, если объ этомъ узнаетъ Гусни Авни-паша, то онъ тебѣ этого не проститъ. Карта была препровождена въ штабъ, для снятія съ нея копій.

Таковъ былъ штабъ, подъ надзоромъ котораго находились въ дунайскомъ вилайетѣ наши войска, состоявшія изъ 12 баталіоновъ линейной пѣхоты, 4 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 30 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 8 батарей пѣшей, 2 батареи конной и 2 батареи горной артиллеріи; кромѣ того у насъ были редифы, которые, въ случаѣ надобности, могли выставить по меньшей мѣрѣ 18 тысячъ солдатъ и около 2.000 запѣговъ—жандармеріи; съ такимъ прекраснымъ войскомъ можно было не только водворить спокойствіе въ Болгаріи, но даже покорить всю Румынію.

По приказанію Фуада-паши, вновь назначеннаго въ то время сераскиромъ, мои 5 казачьихъ и 2 драгунскихъ эскадрона не были причислены къ составу втораго корпуса, стоявшаго въ дунайскомъ вилайетѣ и имѣвшаго главную квартиру въ Шумлѣ; они составляли подъ моею командою какъ бы отдѣльный небольшой отрядъ; я былъ подчиненъ непосредственно одному лишь сераскиру и командиру гвардейскаго корпуса, въ которомъ числилась моя кавалерія. Мнѣ была поручена охрана всего Адрианопольскаго вилайета и Балканъ отъ Шипки до Чернаго моря, хотя большая часть этого пространства принадлежала дунайскому вилайету, но охрана этой мѣстности была ввѣрена мнѣ; къ моему отряду былъ присоединенъ баталіонъ Сливенскихъ редифовъ, а въ случаѣ какихъ-либо смуть или безпорядковъ мнѣ было разрѣшено потребовать отъ Адрианопольскаго вали нѣсколько баталіоновъ редифовъ его вилайета. Артиллерія у меня не было.

Въ мѣстности, ввѣренной моею охранѣ, находились многочисленныя и богатыя болгарскія селенія: Казанъ (Котелъ), Башъ-кюй (Жеромо), Градачъ, Вечера, Папаскюй; въ самомъ меньшемъ изъ этихъ селъ насчитывали до 1.000 домовъ, жители ихъ имѣли фольварки въ Добруджѣ, гдѣ у нихъ паслись огромныя стада овецъ, лошадей и рогатаго скота, они вели постоянную торговлю съ Румыніею и Бессарабіею. Среди мѣстнаго населенія можно было встрѣтить людей, говорящихъ на иностран-

ныхъ языкахъ, которые выписывали иностранныя книги и журналы и интересовались политикой.

Мой младшій сынъ, Музафаръ-бей (Владиславъ Чайковскій), бывшій адъютантомъ сераскира, а впослѣдствіи завѣдывавшій унтеръ-офицерскою казацкою и драгунскою школою, былъ назначенъ адъютантомъ къ султану. Нѣсколько недѣль спустя у меня взяли подпоручика Лизикевича, назначеннаго также адъютантомъ къ султану. Я до сихъ поръ не могу понять, почему мнѣ было указано послать въ Стамбулъ именно этого офицера, такъ какъ этотъ выборъ былъ весьма неудаченъ во всѣхъ отношеніяхъ: Лизикевичъ былъ нѣкогда агентомъ барона Окши по устройству дезертировъ казаковъ въ поселенія о. о. Лазаристовъ; затѣмъ, не имѣя средствъ къ жизни, онъ записался въ казачій полкъ; это былъ человѣкъ завистливый, злостный; мнѣ не разъ приходило на умъ, что онъ все еще оставался въ тайнѣ агентомъ барона Окши и поступилъ въ казацкое войско съ цѣлью посѣять въ немъ смуту; но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, у меня не хватило духа отказать ему какъ поляку, когда онъ изъявилъ желаніе поступить въ мой полкъ. Живя въ Стамбулѣ, онъ не только не старался сдѣлать что-либо для казаковъ, но напротивъ того постоянно интриговалъ противъ насъ и, какъ оказалось впослѣдствіи, много повредилъ нашей организаціи и доброму имени поляковъ.

Въ Болгаріи шла, какъ я уже сказалъ, дѣятельная пропаганда; ею занимался главнымъ образомъ болгарскій комитетъ, засѣдавшій въ Филиппополѣ, и «общество молодой Болгаріи», издававшее политическіе журналы и брошюры въ Букарестѣ, Бѣлградѣ и Венгріи; старо-болгарская партія пропагандой не занималась, а только сформировывала банды въ Румыніи и четы въ Сербіи для нападенія на турецкія владѣнія. Болгарскій комитетъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ одну цѣль: отдѣленіе болгарскаго народа, для каковой цѣли, съ вѣдома правительства, производились сборы и велась агитація противъ греческаго духовенства. Но долготѣнее порабощеніе и приниженіе, въ какомъ турки держали болгарскій народъ, убили въ немъ всякую охоту къ какой-либо политической дѣятельности; никто изъ болгаръ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы взяться за оружіе, возстать противъ турокъ и свергнуть ихъ иго, а если подобныя мысли и приходили въ голову какому-либо болгарину, то боясь, какъ-бы объ этомъ не провѣдали турки, онъ убѣгалъ въ горы и лѣса. Въ сущности болгары были озадачены всѣмъ происходившимъ, но не могли дать себѣ яснаго отчета, въ своемъ положеніи. Это весьма понятно, ибо у нихъ не было своихъ народныхъ предводителей, не было людей военныхъ, образованныхъ, которые могли бы стать во главѣ народа и руководить имъ. Но если бы турецкое правительство не стало бы противодѣйствовать пропагандѣ,

то оно могло бы дожидаться того, что народъ додумался бы наконецъ до возстанія и сталъ бы присоединяться къ бандамъ.

Мнѣ было извѣстно все, что происходило въ Болгаріи; я зналъ, что въ городахъ, гдѣ жило купечество и народъ былъ образованнѣе, насъ, казаковъ, не особенно долюбливали, какъ людей, служившихъ турецкому султану и преданныхъ магометанству, но зато насъ очень боялись, а деревенское населеніе насъ любило и смотрѣло на насъ какъ на народное войско; болгарамъ было пріятно видѣть, что ихъ единоплеменики-славяне носили турецкій мундиръ, оружіе, не трепетали передъ бейми, агами, заптіями, а защищали болгаръ отъ ихъ вымогательствъ, ибо гдѣ бы мы ни появились, турки тотчасъ начинали относиться къ болгарамъ болѣе гуманно, не били ихъ болѣе палками, не называли гяурами, собаками, и обращались съ ними болѣе по-человѣчески; мѣстные власти также становились къ нимъ гораздо снисходительнѣе; вслѣдствіе этого наша кавалерія пользовалась среди болгаръ-крестьянъ большимъ уваженіемъ, и болгарская молодежь охотно поступала въ ея ряды.

Мнѣ хотѣлось нагнать еще болѣе страха на городскихъ жителей и снискать любовь крестьянъ. Счастливый случай доставилъ мнѣ къ тому возможность. Въ Сливенскомъ санджакѣ славился въ то время своими разбоями Кучу - Оглу, мусульманинъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у беевъ и прочихъ мѣстныхъ властей: онъ былъ грозой болгаръ, хотя съ нѣкоторыми изъ нихъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ. У него была большая шайка разбойниковъ изъ мусульманъ. Я развѣдалъ отъ мѣстныхъ жителей о томъ, гдѣ онъ скрывался, и обратился къ губернатору съ просьбою оказать мнѣ содѣйствіе къ поимкѣ этого разбойника и его шайки. Онъ не могъ отказать мнѣ въ этомъ, но такъ какъ о нашихъ переговорахъ было извѣстно подчиненнымъ, то кто-то предупредилъ Кучу-Оглу. Тѣмъ не менѣе первая казачья сотня, посланная въ Чамъ-Дере подъ командою Тимуръ-бея (Адама Чайковскаго), захватила всю шайку кромѣ самого Кучу-Оглу. Этотъ эпизодъ описанъ мною въ моеи повѣсти «Болгарія», поэтому я не буду повторять здѣсь тѣхъ подробностей, которыя приведены въ повѣсти. Поимка разбойниковъ произвела огромное впечатлѣніе на жителей, которые увидѣли преимущество казаковъ надъ заптіями и турецкимъ войскомъ; послѣ этого насъ стали еще болѣе бояться и уважать. Даже мусульмане, кои были не особенно довольны поимкою разбойниковъ, служившихъ для нихъ своего рода жандармеріей, начали заискивать во мнѣ, во-первыхъ, для того, чтобы я не производилъ слѣдствія надъ разбойниками, такъ какъ оно могло раскрыть много для нихъ непріятнаго, во-вторыхъ, потому, что они видѣли въ насъ силу, которая въ случаѣ надобности могла защитить ихъ отъ пантовъ, какъ они называли гайдуковъ, изъ коихъ сформировывались банды на Дунаѣ.

Сливенскій мутезарифъ, 70-ти лѣтній старикъ, энергично возставшій по наущенію беевъ и фанатика муфтїа противъ того, чтобы казаки стояли въ Сливнахъ, сдѣлался въ скоромъ времени нашимъ первымъ сторонникомъ; его примѣру послѣдовали всѣ должностныя лица. Я далъ понять чорбаджїямъ болгарамъ, что мнѣ извѣстно о ведущейся у нихъ пропагандѣ, и что я разсчитываю болѣе на ихъ благоразуміе, нежели на ихъ преданность; я общалъ не преслѣдовать и не арестовывать ихъ и даже защищать ихъ отъ преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока они не примутъ дѣятельнаго участія въ движеніи, каково бы оно ни было; въ противномъ случаѣ, — сказалъ я, — я поступлю съ ними по всей строгости закова, не принимая во вниманіе никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, такъ какъ я считаю внутреннія смуты пагубными для государства и для страны и употреблю всю силу къ тому, чтобы спасти отъ нихъ правительство, коему я служу.

Я потребовалъ, чтобы они сообщали мнѣ все, что имъ извѣстно о народномъ движеніи, происходившемъ въ Болгаріи, я доказывалъ чорбаджїямъ, что съ ихъ стороны было бы неблагоразумно поддерживать это движеніе и поощрять къ нему народъ, которому лучше жить подъ верховной властью султана, такъ какъ онъ началъ уже сближаться съ турками, нежели искать иныхъ защитниковъ и покровителей, ибо сами болгары не въ состояніи управлять страной; я приводилъ въ примѣръ поляковъ, которые ничего не выиграли отъ возстаній, и сохранили бы гораздо болѣе свою самобытность, если бы они вовсе не брались за оружіе. Я совѣтовалъ имъ подумать объ этомъ.

Мои бесѣды съ болгарами принесли большую пользу. Когда Митхадъ-паша телеграфировалъ мнѣ, что десять тысячъ пантовъ прошли черезъ Добруджу въ Балканы, то я могъ отвѣтить, что ихъ не прошло и десять человѣкъ, и перечислилъ по фамиліямъ всѣхъ тѣхъ, кои переправились черезъ Дунай; когда же маршалъ Мелеменицъ увѣдомилъ меня, что въ Балканахъ устроенъ заводъ для отливки пушекъ и приготовленія оружія, и намекнулъ, что всѣ необходимыя для этого машины привезены изъ Россіи, черезъ Добруджу, то я просилъ маршала не придавать значенія этимъ слухамъ и увѣрилъ его, что въ Болгаріи не будетъ отлито ни одной пушки и не будетъ изготовлено ни одного ружья; а когда оба они написали мнѣ, чтобы я призвалъ къ оружію редифовъ, то я отвѣчалъ, что я не сдѣлаю этого, не получивъ приказанія отъ сераскира, а если онъ прикажетъ мнѣ это, то я подамъ въ отставку, такъ какъ по своимъ убѣжденіямъ я не желаю вызывать междоусобной войны между мусульманами и христіанами, подданными одного монарха, и надѣюсь поддержать порядокъ съ помощью казаковъ и драгунъ, не призывая редифовъ.

Я занялъ отрядами казаковъ и драгунъ проходы Балканскихъ горъ.

Скажу, вопреки общераспространенному мнѣнію, что въ Болгаріи чрезъ Балканы вездѣ легко можно переправиться верхомъ и пѣшкомъ, а во многихъ пунктахъ легко даже провести оружіе и обозъ, но съ другой стороны въ этихъ горахъ встрѣчаются поля и долины, изобилующія водою, и лѣсомъ такъ, что эта мѣстность самой природою приспособлена къ продолжительной и упорной оборонѣ; въ ней встрѣчаются въ изобиліи всякаго рода дичь и все необходимое для жизни. Трудно найти болѣе подходящую мѣстность для веденія партизанской войны въ большихъ и малыхъ размѣрахъ; имѣя хорошаго предводителя, въ этихъ горахъ можно долго обороняться противъ многочисленнаго непріятеля, вооруженнаго по послѣднему слову науки, такъ какъ дальнобойность орудій не имѣетъ тутъ особеннаго значенія, а препятствія, воздвигнутыя самой природою, таковы, что не трудно преградить путь отряду, который вздумалъ бы проникнуть въ горы; для того, чтобы занять всѣ проходы, всѣ горныя тропинки, нужно имѣть миллионное войско.

Я разставилъ военные посты въ горахъ для того, чтобы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ окрестностяхъ. Въ моемъ отрядѣ были превосходные офицеры и солдаты, и служба шла отлично.

Въ Европѣ говорили: «Болгарія объята возстаніемъ; бунтовщики вступили въ Сербію и Румынію, тамъ идетъ страшная рѣзня». А между тѣмъ возстаніе ограничивалось тѣмъ, что человекъ 100 всякаго сброда перешли черезъ Дунай въ Румынію, двумя бандами: одна изъ нихъ, состоявшая изъ 40 человекъ, подъ командою Филиппа Тоты, была разбита наголову близъ Систова самими жителями; другую банду, подъ предводительствомъ Димитрія Кавгаджія, постигла та же участь въ Балканахъ, близъ Шипки.

Митхадъ-паша, по совѣту Ахмета Россима-паши, собралъ около двухъ тысячъ поляковъ, чтобы при ихъ помощи слѣдить за мѣстными жителями. Поляки охотно взялись за дѣло, расхаживали по горамъ и лѣсамъ, въ турецкихъ мундирахъ, забирали у жителей и поѣдали барановъ, сыръ, масло, облагали крестьянъ контрибуціей, словомъ, хозяйничали волю; они разорили такимъ образомъ весь Дунайскій вилайетъ и вскорѣ подошли къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены мои военные посты. Нѣсколько бандъ поляковъ были задержаны казаками и, хотя они предъявили паспорта, выданные имъ Митхадомъ-пашею, но я приказалъ моимъ офицерамъ обезоружить ихъ и препроводить подъ конвоемъ въ Тырново, гдѣ проживалъ большею частію Митхадъ-паша.

Онъ былъ чрезвычайно разгнѣванъ этимъ, а агенты барона Окши еще болѣе раздражили его, увѣряя, что въ числѣ пантовъ находятся уволенные въ отставку казаки и драгуны, и что ихъ можно узнать по вышукѣ на штанахъ. Но это оказалось пустой выдумкою.

Евреи, изо всего умѣющіе извлекать выгоду, хотѣли по-своему воспользо-

ваться событіями, происходившими въ Болгаріи. Въ лѣтнее время въ Балканы пригоняютъ громадныя стада овецъ изъ Добруджи, строятъ для нихъ огромныя сараи, въ которыхъ доятъ скоть и выдѣлываютъ масло и сыры, извѣстные въ Турціи подъ названіемъ кашкаваловъ. Выдѣлкою этихъ сыровъ занимаются преимущественно евреи.

Въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Сливенъ, за деревней Чотра находилось имѣніе богатаго болгарина, имѣвшего нѣсколько тысячъ дойныхъ овецъ, у него жилъ еврей, наблюдавшій за приготовленіемъ кашкаваловъ.

Однажды вечеромъ ко мнѣ явился крайне встревоженный сливенскій губернаторъ Джавадъ-паша съ этимъ евреемъ и двумя чобанами, которые съ испуганнымъ видомъ рассказали мнѣ о нападеніи, произведенномъ на домъ ихъ хозяина отрядомъ пантовъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, которые захватили будто бы всѣ кашкавалы, масло и барановъ и пощадилъ только ихъ жизнь. Взявъ съ собою 40 человекъ казаковъ первой сотни, еврея и чобановъ, я отправился къ мѣсту происшествія; прибывъ туда подъ утро, я не нашелъ и слѣда бывшего по ихъ словамъ разбоя; допрошенные мною чобаны смѣшались въ своихъ показаніяхъ, а казаки, посланные въ погоню за грабителями, задержали подъ Бургасомъ болѣе десяти возовъ съ сырами и масломъ и цѣлое стадо барановъ, которыхъ еврей, наклеветавшій на пантовъ, послалъ продать на рынокъ; весь этотъ транспортъ былъ препровожденъ въ Сливну, а еврею порядкомъ досталось отъ казаковъ.

Въ Дунайскомъ вилайетѣ пантовъ арестовывали, даже вѣшали, и ихъ удалось довольно скоро обуздать, но волненіе умовъ не успокоилось, поэтому Митхадъ-паша потребовалъ, чтобы я прислалъ отрядъ казаковъ подъ командою дѣльнаго офицера, который покажетъ бы, какъ слѣдуетъ успокоивать несчастный болгарскій народъ. Я тотчасъ командировалъ полкъ-эскадрона казаковъ подъ командою штабсъ-капитана Адама Морозовича, одного изъ наилучшихъ и самыхъ дѣльныхъ моихъ офицеровъ. Митхадъ-паша остался очень доволенъ имъ и рассказалъ ему между прочимъ о доносахъ, полученныхъ имъ отъ агентовъ барона Окши, показалъ ему даже письменные доносы. Я не былъ удивленъ этими происками поляковъ; это было только новое доказательство зависти ихъ руководителей къ казакамъ, къ нашей польско-славянской организаціи и ко мнѣ. Грустно было видѣть эту ненависть поляковъ къ организаціи, которая могла быть въ будущемъ опорой нашей дѣятельности.

Штабсъ-капитанъ Морозовичъ рассказалъ мнѣ о слѣдующемъ практичномъ способѣ умирять болгаръ. Въ то время, когда онъ былъ въ Тырновѣ, казначей-болгаринъ (на это мѣсто назначается обыкновенно кто-либо изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ жителей) просилъ уволить его отъ этой должности.

Паша никакъ не могъ убѣдить его остаться на мѣстѣ, а это было весьма важно, такъ какъ болгаринъ былъ капиталистъ и въ случаѣ надобности нерѣдко жертвовалъ свои средства на казенныя надобности. Видя, что всѣ его старанія напрасны, паша просилъ капитана Морозовича отправиться съ болгаринномъ къ извѣстному мѣсту въ лѣсъ; прійдя туда, они увидѣли поставленныя подѣ тремя деревьями бочки; на каждой изъ этихъ бочекъ сидѣлъ болгаринъ съ обмотанной на шеѣ веревкою, другой конецъ которой былъ привязанъ къ вѣтвямъ дерева. Возлѣ бочекъ стояли жандармы; когда показался капитанъ Морозовичъ съ казначеемъ, то бочки были опрокинуты, и болгаре повисли на воздухѣ. Казначей поблѣднѣлъ и задрожалъ, какъ осиновыи листъ, такъ что казацкій офицеръ едва удержалъ его на ногахъ; въ это время явился слуга пашы и попросилъ его въ конакъ.

Когда онъ вошелъ, то паша сказалъ:

— Ну что, надумался ли ты?

Болгаринъ поклонился до земли.

— Приказаніе твое для меня свято,—сказалъ онъ,—я останусь казначеемъ, если ты этого желаешь.

Паша улыбнулся и замѣтилъ Морозовичу: «видишь, какъ хорошо я умѣю убѣждать упрямыхъ людей».

Въ Дунайскомъ валайетѣ было повѣшено не мало болгаръ; ихъ вѣшали такъ же просто, какъ въ Польшѣ въ 1831 г., вѣшали евреевъ на висѣлицахъ, на деревьяхъ, на крюкахъ отъ колодцевъ, на крышахъ. Ихъ вѣшали у насъ за шпіонство, за то, что они слишкомъ много говорили, а болгаръ за то, что они слишкомъ много молчали; во время народныхъ волненій и то и другое бываетъ опасно.

Такъ окончилось это великое возстаніе болгаръ. Газеты, протрубившія о немъ и не скупившіяся на всякія выдумки, взводя небылицы на Россію, стыдились сознаться въ своемъ донкихотствѣ и хранили молчаніе. Митхадъ-паша былъ награжденъ за усмиреніе возстанія; никто не оспаривалъ у него этой славы, въ такихъ случаяхъ молчаніе есть наилучшій приговоръ народа.

Эти событія придали еще болѣе торжественный характеръ путешествію султана по Европѣ, предпринятому имъ съ цѣлью посѣтить союзныхъ монарховъ, пришедшихъ ему на помощь въ 1855 г. и подписавшихъ Парижскій трактатъ. Могушественный султанъ уже не былъ въ то время въ ихъ глазахъ больнымъ человѣкомъ, котораго хотѣли дѣлать передѣ Крымской войной, онъ былъ здоровъ и силенъ и имѣлъ хорошихъ врачей, искоренявшихъ недуги, которые появлялись въ его государствѣ.

Али-паша, управлявшій государствомъ въ отсутствіе султана, обнаружилъ тайные замыслы такъ-называемой партіи молодой Турціи, къ

которой принадлежало немало турецкой молодежи и даже видныхъ государственныхъ дѣятелей. О существованіи этого общества было давно извѣстно, но Фуадъ-паша не преслѣдовалъ его. Али-паша захватилъ при помощи агентовъ барона Окши бумаги этого общества и списокъ его членовъ; начались аресты; многіе потеряли мѣста и были вынуждены эмигрировать, но наиболѣе вліятельныя лица остались цѣлы и невредимы.

Вскорѣ послѣ этого въ Лондонѣ и Парижѣ появились политическіе эмигранты-турки; такимъ образомъ Турція и въ этомъ отношеніи сравнялась съ европейскими или христіанскими государствами.

Между тѣмъ, султанъ возвратился изъ путешествія и предполагалъ проѣхать сухимъ путемъ изъ Рущука въ Адрианополь, гдѣ онъ хотѣлъ остановиться на нѣсколько дней. Мнѣ было приказано идти для встрѣчи монарха съ казаками и драгунами въ Адрианополь, взявъ съ собою три батареи конной артиллеріи. Мы расположились въ Адрианополѣ на плацу передъ казармами, и я началъ производить своему отряду усиленные ученья, чтобы не ударить перель султаномъ лицомъ въ грязь. Я хотѣлъ произвестить въ его присутствіи примѣрное ученье ночью, чтобы войско дефилировало посреди зажженныхъ костровъ и кавалеристы перескакивали бы черезъ нихъ; наши солдаты были такъ прекрасно обучены и лошади такъ отлично обвѣзжены, что на это можно было рискнуть; дѣйствительно, произведенное мною примѣрное ученье превзошло всѣ ожиданія. Солдаты проѣхали повзводно посреди горѣвшихъ костровъ передъ налаткою, въ которой долженъ былъ сидѣть султанъ; поперекъ дороги также были разставлены и зажжены костры, черезъ которые перепрыгивалъ взводъ за взводомъ; ни одна лошадь не споткнулась, ни одинъ всадникъ не вылетѣлъ изъ сѣдла. Сердце радовалось, глядя на эту превосходную кавалерію, въ которой были представители всѣхъ славянскихъ племенъ; невольно приходило на мысль, какая могла бы возникнуть образцовая конфедерація славянскихъ государствъ, если бы они соединились подъ властью одного монарха! Весь міръ—всѣ германскія и латинскія государства были бы вынуждены преклониться передъ нею.

Въ этой горсточкѣ казаковъ была жизнь, была душа и сила.

Не знаю, былъ ли султанъ утомленъ путешествіемъ и хотѣлъ скорѣе увидѣть свой дворецъ, свои минареты и Босфоръ, или же онъ повѣрилъ существованію заговора и поэтому хотѣлъ скорѣе быть въ столицѣ, какъ бы то ни было, онъ измѣнилъ свой маршрутъ и отправился изъ Рущука по желѣзной дорогѣ въ Варну, оттуда въ Стамбулъ, а мы остались стоять въ паркѣ бывшихъ султановъ, который былъ разбитъ на островѣ, омываемомъ двумя рукавами Тунджи. У насъ въ лагерѣ каждый вечеръ распѣвали пѣсни, играла музыка, къ намъ наѣзжали изъ города гости: консулы, купцы, эфенди, аги и бен; я помѣщался въ дворцовомъ кіоскѣ и попиралъ ногами тотъ же мраморный полъ, по которому ходили

султаны Мурадъ, Баязеть и Сулейманъ. Время проходило весело, привольно.

Старшимъ консуломъ въ Адрианополѣ былъ русскій консулъ Золотаревъ, женатый на дѣвицѣ Маршанъ; англійскимъ консуломъ былъ Джонъ Блюнтъ (Blunt), женатый на красавицѣ Фанни Симсонъ; австрійскимъ консуломъ—Камерегеръ, бывший нѣкогда адъютантомъ Мирославскаго, а французскимъ—де-Куртуа.

Въ Адрианополѣ были коендзы-поляки, были также католическіе монахи и монахини и даже одинъ униатскій епископъ.

Адрианополь съ его мечетями, лучше которыхъ нѣтъ даже въ Стамбулѣ, и со своими беями, изъ коихъ нѣкоторые превзошли евреевъ въ умѣніи наживать деньги, походилъ на настоящую столицу.

Имѣя въ своемъ распоряженіи артиллерію, я производилъ ей ученья, одновременно съ кавалеріей, желая приучить ихъ дѣйствовать совмѣстно. Я прилагалъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы выработать изъ поляковъ образцовое войско и создать изъ нихъ собратьевъ славянамъ по оружію, но я не встрѣтилъ въ этомъ ни малѣйшаго сочувствія со стороны мѣстнаго населенія, а среди эмигрантовъ это возбудило непонятную для меня зависть и недоброжелательство.

Капитанъ Лисикевичъ, въ качествѣ адъютанта находившійся въ свитѣ султана на обратномъ его пути изъ Парижа, писалъ своему товарищу, поручику Чернецкому, что онъ видѣлся съ княземъ Владиславомъ Чарторыйскимъ и съ моими прежними товарищами, изъ коихъ многіе были мнѣ обязаны занимаемыми ими мѣстами, бесѣдовалъ съ ними подолгу о нашей казацкой организаціи и убѣдился въ ихъ крайнемъ недоброжелательствѣ ко мнѣ и въ ихъ желаніи разстроить созданное мною войско; дѣятельность Окши находилась, по его словамъ, съ этимъ въ тѣсной связи; Лисикевичъ просилъ Чернецкаго передать все это его товарищамъ, и сдѣлать со своей стороны все возможное, чтобы отстранить меня и моихъ сыновей отъ нашей военной организаціи и переобразовать ее на новыхъ началахъ, но на какихъ именно, объ этомъ онъ умалчивалъ. Это письмо было написано такъ ядовито и дышало такою злобою и ненавистью, что мнѣ было больно читать его, но по крайней мѣрѣ я узналъ истинныя чувства эмигрантовъ по отношенію ко мнѣ и къ казацкому войску. Я видѣлъ ясно, что у меня не было въ Парижѣ вѣрныхъ политическихъ друзей, кромѣ Бенкевича, уроженца Подолия, между тѣмъ многіе изъ лицъ, интриговавшихъ противъ меня, находились со мною въ постоянной перепискѣ и давали мнѣ разныя порученія, которыя я охотно исполнялъ. Я узналъ объ ихъ истинныхъ чувствахъ впервые изъ письма Лисикевича, но, несмотря на это, я твердо рѣшилъ дѣйствовать по-прежнему, тѣмъ болѣе, что солдаты и даже боль-

шая часть офицеровъ любили меня и до сихъ поръ въ моемъ полку не было ни одного человѣка, подобнаго Лисикевичу.

По приѣздѣ султана въ Стамбулъ мнѣ было приказано послать въ столицу два эскадрона казаковъ, которые должны были составить конвой монарха. Это была большая честь для поляковъ, для христіанъ и славянъ. Я послалъ въ Стамбулъ первый эскадронъ подъ командою моего старшаго сына, Тимуръ-бея (Адама Чайковского) и пятый эскадронъ подъ командою Мамай-бея, Фредро. Это были два лучшихъ эскадрона моего полка, первый эскадронъ былъ посаженъ на бѣлыхъ лошадяхъ арабской породы. Пятый—на гѣдыхъ лошадяхъ, между коими также было не мало лошадей арабской и азиатской породы. Къ сожалѣнію, у меня не было хорошаго штабъ-офицера, и мнѣ пришлось ввѣрить командованіе дивизиономъ Арифъ-бею, Фарнези, который былъ величайшей бездарностью; я надѣялся однако, что онъ не будетъ вмѣшиваться въ организацію эскадроновъ, и возлагалъ всю надежду на эскадронныхъ командировъ.

LXXVI.

Отношеніе поляковъ къ казачьему войску.—Принцъ Наполеонъ въ Константинополѣ.—Что происходило въ Адрианополѣ и въ Стамбулѣ.—Какъ поступали поляки и русскіе.—Познанская газета.—Генералъ Богуславскій.—Консулъ Золотаревъ, поручикъ Терлецкій.—Сераскиръ.—Польская шляхта.—Русское посольство.—Агентъ русскаго консула Губастый.—Капитанъ Ласковскій.—Слѣдствіе.—Труды консуловъ и капитуляція.—Черкесы.—Показанія пантовъ.—Возвращеніе въ Турцію казаковъ и драгунъ.—Ихъ заслуги.

Грустно вспоминать о томъ времени, когда поляки, наскучивъ службою въ казачьемъ и драгунскомъ полкахъ, начали интриговать противъ нашей организаціи, которая была единственнымъ звеномъ, существовавшимъ между нами и южными славянами.

Мы не были наемниками въ турецкомъ войскѣ; мы поступили добровольно на службу турецкаго султана, союзника бывшей Рѣчи Посполитой и короля польскаго, и надѣялись съ его помощью послужить въ будущемъ нашему отечеству, но поляки не хотѣли или не умѣли понять этого. Иезуитизмъ, демократизмъ и слѣпое поклоненіе передъ Замойскимъ—были главными врагами нашей организаціи, возникшей при помощи турецкаго правительства не только безо всякой поддержки со стороны поляковъ-эмигрантовъ, но при полнѣйшемъ равнодушіи и безучастіи съ ихъ стороны, такъ что французское правительство, благодаря моимъ стараніямъ весьма сочувствовавшее намъ вначалѣ, само охладѣло къ полякамъ, видя, какъ враждебно они относились къ намъ.

Англія и Австрія были всегда враждебны къ намъ и не безъ причины, ибо мы служили султану, славянству и польскому дѣлу, а не иностранцамъ. Такъ какъ поляки не выражали ни малѣйшаго желанія вступать въ нашъ полкъ, то приходилось принимать въ него безъ разбора всѣхъ, кто изъявлялъ на это согласіе. Какъ поляки смотрѣли на охотниковъ, поступавшихъ въ казачій полкъ, покажетъ слѣдующій примѣръ.

Пріѣхавъ въ Стамбулъ, Замойскій вздумалъ сформировать легіоны и сгруппировалъ около себя всѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ поляковъ, пріѣзжавшихъ на Востокъ. Въ это время казакъ-баши Берто деръ-Давидъ отправился, со стариннымъ знаменемъ Запорожской сѣчи, взятымъ изъ патріархата, изъ Стамбула въ Варну, гдѣ ему было приказано сформировать полкъ охотниковъ, прибывшихъ изъ Добруджи. Передъ отъѣздомъ онъ сообщилъ Замойскому о порученіи, на него возложенномъ. Въ Варнѣ къ нему явилась совершенно неожиданно толпа поляковъ, служившихъ нѣкогда во французскомъ легіонѣ и которые были препровожжены къ нему при бумагѣ изъ канцеляріи Замойскаго, въ коей его секретарь, Калинка, позволилъ себѣ написать, что «въ Варну препровождается всякая сволочь изъ иностраннаго легіона, которая таскалась по улицамъ Стамбула и, быть можетъ, пригодится на что-нибудь казакамъ».

Канели, прочитавъ это письмо, былъ глубоко возмущенъ взглядомъ польскихъ эмигрантовъ на казачье войско, но опровергнуть его нужно было не словами, а дѣломъ, о чемъ мы со своей стороны всячески старались; дѣйствительно, лѣтъ черезъ семнадцать намъ удалось возстановить въ мнѣніи общества доброе имя казаковъ, но за то они были у многихъ какъ бѣльмо на глазу. Намъ не давали покоя; сперва хотѣли ввести въ нашу организацію турецкій языкъ и прельщали поляковъ надеждою, что если они усвоятъ этотъ языкъ и будутъ командовать на немъ, то имъ будетъ открыта дорога къ быстрому повышенію, всѣ они будутъ полковниками, пашами и наживутъ деньги. Это понравилось тѣмъ лицамъ, которыя, не будучи патріотами, думали болѣе о своихъ личныхъ выгодахъ и по свойственной полякамъ слѣпотѣ не понимали, что хотя бы это и доставило имъ повышеніе, но за то на вѣки вѣковъ погубило бы нашу организацію. Трудно было разсчитывать на патріотизмъ, а тѣмъ болѣе на здравый смыслъ эгоистовъ, только и мечтавшихъ о чинахъ и повышеніяхъ, поэтому я употребилъ все свое стараніе къ тому, чтобы въ талиматъ, или основныя правила нашей организаціи, былъ включенъ пунктъ, въ силу котораго никто изъ офицеровъ казачьяго и драгунскаго полка не имѣлъ права переходить въ другіе полки точно также, какъ служащіе въ турецкихъ полкахъ не имѣютъ права переходить въ казачій и драгунскій полки.

Турецкія власти еще были проникнуты духомъ Риза-паши, который былъ противъ сформированія турецкой кавалеріи, однако находилъ полезнымъ имѣть кадры христіанскаго и славянскаго войска для сформированія на случай войны польскаго отряда. Добившись введенія вышеупомянутаго правила, я былъ спокоенъ, что недоброжелателямъ пресѣчена возможность вредить нашей организаціи; но, само собою разумѣется, я не могъ этимъ устранить интриги.

Въ Стамбулѣ не переставали интриговать противъ насъ. Баронъ Окша вошелъ въ сношеніе съ поручикомъ Ковалевскимъ и нѣкоторыми другими лицами, и въ особенности съ вахмистромъ Шпарковскимъ, который занималъ до вступленія въ казачій полкъ какое-то мѣсто въ Румыніи и давно уже былъ близокъ съ Окшей и его агентами. Они начали снова подстрекать поляковъ къ дезертированію изъ полка, поляки поддались ихъ навѣтамъ; къ стыду нашему, надобно признаться, что нашлись офицеры, которые сами выводили солдатъ изъ казармъ и передавали ихъ въ руки барона Окши и сестры Изабеллы Домбровской, которая по-прежнему интриговала противъ насъ. Въ теченіе мѣсяца изъ двухъ эскадроновъ, стоявшихъ въ Стамбулѣ, дезертировало, при помощи офицеровъ, подкупленныхъ Окшей, болѣе сорока человекъ поляковъ. Они были переправлены за Дунай, снабжены Изабеллою Домбровскою заграничными паспортами, а барономъ Окшей—деньгами. Въ это время ничего не было слышно о какихъ-либо волненіяхъ въ Польшѣ, слѣдовательно, эти происки клонились единственно къ уничтоженію нашей организаціи.

Въ то же время шпіоны слѣдили за тѣмъ, чтò дѣлалось въ казачьихъ казармахъ. Ими завѣдывалъ маіоръ Арифъ Фарнези, человекъ глупый, къ тому же мало свѣдущій въ военномъ дѣлѣ и не полякъ. Его приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ былъ писарь Ибрагимъ-эфенди и татаринъ Алай, по наущенію которыхъ онъ вздумалъ продать изъ полковой экономіи 180 кило ячменя, выдавъ покупателю квитанцію въ полученіи денегъ за проданный ямень. Байрашевскій, по наущенію Шпарковскаго, донесъ на маіора по начальству; бумаги дивизіона были немедленно опечатаны; началось слѣдствіе. Маіоръ, желая оправдаться, выпросилъ у офицеровъ мазать, коимъ они уполномочивали его продать эту экономію и употребить вырученныя деньги на нужды полка. Защищаясь, онъ свалилъ всю вину на своихъ подчиненныхъ; онъ поступилъ въ этомъ случаѣ весьма умно, зная, что его, лично, никто защищать не будетъ, а что за офицеровъ заступятся. По окончаніи слѣдствія Дары-Шура, старшій судья сераскеріата, произнесъ приговоръ, въ силу котораго маіоръ Фарнези былъ приговоренъ къ исключенію изъ полка и къ трехлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ; всѣмъ прочимъ офицерамъ сдѣланъ строгій выговоръ за неправильныя дѣйствія и злоупотребленіе.

*

Вахмистръ Шпарковский, опасаясь, чтобы не узнала объ участіи которое онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ, бѣжалъ и скрывался около двухъ недѣль у барона Окши, Пришибльскаго, Комадзинскаго и другихъ, и, наконецъ, получивъ отъ Изабеллы Домбровской заграничный паспортъ, уѣхалъ въ Румынію, гдѣ агенты Окши уже приготовили ему мѣсто.

Маіоръ Фарнези былъ такъ глупъ, что уговаривалъ офицеровъ отправиться съ визитомъ къ барону Окшѣ, чтобы поблагодарить его, говоря, что такъ какъ Окша пользовался покровительствомъ великаго визиря Али-паши, слѣдовательно, могъ рассчитывать въ будущемъ на блестящую карьеру и могъ имъ быть полезенъ. Мой старшій сынъ возсталъ энергично противъ этого, и предложеніе Фарнези не было приведено въ исполненіе; за то самъ Фарнези, Ковалевскій и прочіе офицеры то и дѣло посѣщали Окшу и добивались его протекціи. Благодаря стараніямъ моего старшаго сына, на мѣсто дезертировавшихъ поляковъ были приняты въ полкъ охотники-болгары, и дивизионъ былъ въ полномъ комплектѣ къ тому времени, когда въ Стамбуль ожидали приѣзда пранца Наполеона.

Сераскиръ Намыкъ-паша вызвалъ меня телеграммою въ столицу: гвардейскимъ корпусомъ, къ которому были причислены казаки и драгуны, командовалъ въ то время сердарь-экремъ Омеръ-паша.

По пути въ Стамбуль я заѣхалъ на свой фольварокъ Заплы Боснія, гдѣ паслись лошади моего дивизиона, и занялся приготовленіемъ всего нужнаго для принятія высочайшаго гостя; получивъ надлежащія приказанія отъ Омера-паши, я повелъ эскадроны въ казармы въ Стамбуль.

Принцъ Наполеонъ принялъ меня любезно, расспрашивалъ меня о казацкой организаціи, и я, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, рассказалъ ему о ней все до малѣйшей подробности. Онъ повторялъ нѣсколько разъ, что ничего этого онъ не зналъ и считалъ нашу организацію чѣмъ-то вродѣ легіона, въ который поляки поступали для того, чтобы упражняться въ военномъ дѣлѣ; тогда какъ въ сущности казаки были настоящимъ войскомъ, которое служило въ бывшее время Польшѣ.

— Если бы мнѣ было извѣстно все, о чемъ я впервые отъ васъ слышу, — сказалъ онъ, — то, быть можетъ, война приняла бы другой оборотъ; быть можетъ, и я былъ бы вмѣстѣ съ казаками на Днѣпрѣ, но мнѣ въ то время о казакахъ ничего не было извѣстно. Когда мнѣ писалъ о нихъ впоследствии Мицкевичъ, то поляки, съ которыми я разговаривалъ о вашей организаціи, говорили: «Мицкевичъ поэтъ, онъ находится подъ вліяніемъ Михайла Чайковскаго, который также пишетъ; они сами себя создаютъ эпопею».

На смотру я передалъ по приказанію сердарь-экрема командованіе войскомъ моему старшему сыну, хорошему кавалерійскому офицеру. Черкесскій полкъ и кавалерія четвертаго полка конной гвардіи нѣсколько

сбѣшались, но за то казаки изумили всѣхъ своей выправкою и проворствомъ. Принцъ Наполеонъ хвалилъ ихъ, выразившись, что онъ не видалъ лучшей кавалеріи. Не только онъ, но Намыкъ-паша и сердарь-экремъ благодарили меня, а принцъ Наполеонъ просилъ представить ему моего старшаго сына; младшаго моего сына онъ зналъ ранѣе, такъ какъ онъ былъ назначенъ состоять при немъ во время его пребыванія въ Стамбулѣ.

Благодаря меня за образцовую выправку казаковъ, Намыкъ-паша спросилъ, что онъ можетъ сдѣлать для меня? Я отвѣчалъ: освободить Фарнези отъ суда, такъ какъ его проступокъ сдѣланъ по неосторожности, а не изъ дурныхъ побужденій. Онъ тотчасъ приказалъ сердарь-экрему прекратить это дѣло. Сердарь-экремъ хотѣлъ для соблюденія формальности, чтобы я написалъ заднимъ числомъ приказъ о томъ, будто я уполномочилъ Фарнези продать ячмень для надобностей дивизіона; я написалъ приказъ, но Намыкъ-паша не принялъ его, сказавъ: «Садыкъ-паша не могъ отдать подобнаго приказанія, напишите просто что дѣло прекращено по моему приказанію, вслѣдствіе просьбы Садыкъ-паши и во вниманіе къ его заслугамъ».

Такъ окончилось это злосчастное дѣло.

За обѣдомъ у султана принцъ Наполеонъ хвалилъ казаковъ, совѣтовалъ султану увеличить славянскую организацію, такъ какъ это дало бы ему превосходную кавалерію и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы достигнута и политическая цѣль: славяне приохотились бы къ военной службѣ. Принцъ довольно долго говорилъ на эту тему; Фуадъ-паша переводилъ его слова султану. Фуадъ-паша отнесся къ этому плану весьма сочувственно, но Али-паша едва не заболѣлъ со страха, что султанъ можетъ одобрить его. Фуадъ-паша говорилъ мнѣ, что этотъ разговоръ произвелъ большое впечатлѣніе на султана и вѣроятно не останется безъ послѣдствій.

На слѣдующій день я посѣтилъ со своимъ старшимъ сыномъ принца Наполеона на его суднѣ; онъ повторилъ мнѣ все сказанное на обѣдѣ у султана, обѣщалъ поговорить серьезно со своимъ отцомъ и склонить его къ тому, чтобы Франція поддержала нашу организацію; онъ совѣтовалъ мнѣ не дѣлать въ ней никакихъ нововведеній, повторяя, что лучшей кавалеріи онъ не видалъ. Принцъ былъ весьма любезенъ съ моимъ сыномъ и пожелалъ ему, чтобы онъ въ первую же войну командовалъ полкомъ такой прекрасной кавалеріи, посаженной на такихъ же великолѣпныхъ бѣлыхъ лошадяхъ, которыя ему чрезвычайно понравились.

Онъ много говорилъ со мною о польскихъ дѣлахъ, которыя видимо хорошо зналъ, точно такъ же, какъ и характеръ поляковъ; онъ закончилъ разговоръ, сказавъ: «имѣя сто тысячъ такихъ казаковъ,

какъ ваши, можно и Польшу возстановить и въ самой Польшѣ возстановить порядокъ», и присовокупилъ, что онъ хотѣлъ бы командовать такимъ стотысячнымъ отрядомъ казаковъ, и что ему улыбалась бы мысль получить польскую корону.

Михмандаромъ при принцѣ Наполеонѣ состоялъ Сеферъ-паша (дивизионный генералъ), Владиславъ Косцельскій, который относился весьма доброжелательно къ казакамъ и ко мнѣ лично; его поведеніе было для меня истинною отрадою, ибо оно свидѣтельствовало, что и между поляками находятся люди здравомыслящіе и добрые патріоты.

Барона Окшу принцъ Наполеонъ принялъ очень холодно, а нерѣдко и вовсе не принималъ; это надобно приписать, разумѣется, тому, что принцъ былъ хорошо освѣдомленъ Косцельскимъ о характерѣ и дѣятельности барона Окши.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности извлечь изъ этого никакой пользы, но изъ всего сказаннаго можно заключить, какъ много можно было бы сдѣлать для нашей организаціи, если бы о ней говорились правда въ 1854 г., если бы о ней не распространяли ложныхъ слуховъ тѣ самые поляки, которые были всѣмъ обязаны казакамъ и ихъ начальству. Имъ лучше было бы служить въ польскомъ войскѣ, нежели создавать легионы наемниковъ и добиваться чиновъ и знаговъ отличія, которые не имѣли никакой цѣны, ибо всѣмъ было извѣстно, что они были ими не заслужены, а выпрошены.

Но кто же виновать во всемъ этомъ? Я дѣлалъ со своей стороны, что могъ, но поляки не хотѣли помочь мнѣ не только дѣломъ, но даже словомъ.

Передъ самымъ пріѣздомъ принца Наполеона въ Стамбулъ явился графъ Ксаверій Браницкій, съ которымъ я тутъ впервые познакомился. Я не видѣлъ въ немъ настоящаго поляка и безупречнаго шляхтича, но охотно вѣрю, что это былъ человекъ вполне достойный и главное очень богатый. Я видѣлся съ нимъ всего одинъ разъ, но и тутъ намъ не дали поговорить на свободѣ, за нами наблюдали, очевидно опасаясь, чтобы я не воспользовался случаемъ и не вовлекъ его въ какіе-нибудь расходы для казаковъ. Поляки эксплуатировали графа и, боясь весьма естественно конкуренціи, стерегли какъ драконы это золотое руно.

Изъ писемъ моихъ друзей и изъ ихъ разсказовъ я узналъ, что поляки самыхъ разнообразныхъ политическихъ отгѣнковъ заботились единодушно о томъ, какъ бы я не сошелся съ Браницкимъ, какъ бы въ немъ не заговорило украинское сердце. Одинъ изъ ангеловъ-хранителей этого польскаго Креза, отставной военный врачъ, говорилъ: «если ему удалось привлечь на сторону казаковъ Адама Мицкевича, то почему бы ему не привлечь и Ксаверія Браницкаго? Лучше сразу помѣшать ихъ сближенію нежели потомъ исправлять сдѣланное».

Не могу умолчать о злой шуткѣ, которую чуть было не сыграла съ нами сестра Изабелла Домбровская. Въ казачьемъ полку были прекрасные трубачи, умѣвшіе на простыхъ трубахъ наигрывать самыя разнообразныя вещи, въ особенности танцы, марши и пѣсни. Въ музыканты шли по большей части поляки, евреи и цыгане, тогда какъ болгаре предпочитали служить въ строю.

Мнѣ донесли, что достопочтенная сестра Домбровская подкупила музыкантовъ съ тою цѣлью, чтобы они дезертировали изъ полка наканунѣ нашего выступленія изъ Адрианополя. Я приказалъ запереть трубачей въ офицерскомъ помѣщеніи; шутка не удалась. Когда мы выступили изъ города, трубачи шли впереди полка, но деньги были уже ими получены русскими кредитными рублями; когда у нихъ увидѣли эти бумажки, то два унтеръ-офицера поляка были арестованы и преданы суду, по обвиненію въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ.

Ихъ продержали подъ арестомъ нѣсколько мѣсяцевъ и выпустили на свободу по моему требованію и заявленію, что деньги эти получены ими отъ сестры Домбровской, и слѣдовательно, она должна быть допрошена. Слѣдственная коммиссія, не желая впугивать ее въ дѣло, выпустила унтеръ-офицеровъ изъ-подъ ареста. Таковы были жалкіе происки, пущенные въ ходъ противъ насъ и которые исходили изъ лона католической церкви.

Капитанъ Рихардъ Бервинскій въ бытность свою въ отпуску въ Познани выступилъ на защиту нашей организаціи въ печати, желая опровергнуть нѣсколько корреспонденцій изъ Турціи, появившихся въ краковскихъ и львовскихъ газетахъ за подписью нѣкоего Корскаго, агента барона Окши.

Въ отвѣтъ на его статьи, въ коихъ поносились наша организація, Бервинскій напечаталъ въ «Познанскомъ Дневникѣ» нѣсколько статей, въ коихъ онъ доказывалъ, что казаки, состоящіе на службѣ у турецкаго правительства, дали польскому войску во время послѣдняго возстанія нѣсколько дѣльныхъ офицеровъ и что казачьи полки суть прекрасная школа для подготовки польской молодежи къ военному дѣлу и въ случаѣ повстанія могутъ дать польскому войску прекрасныхъ офицеровъ. Статьи Бервинскаго были прекрасно написаны и поэтому обратили на себя вниманіе русской дипломатіи. Въ русское посольство въ Константинополь были присланы изъ Петербурга выдержки изъ этихъ статей, и князь Горчаковъ велѣлъ потребовать у Высокой Порты объясненій относительно казачьей организаціи.

Али-паша, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ крайне встревоженъ этимъ запросомъ и если бы было въ его власти, то онъ навѣрно тотчасъ приказалъ бы утопить всѣхъ казаковъ и драгунъ, привязавъ имъ камень на шею, чтобы не имѣть изъ-за нихъ дипло-

матических хлопотъ. Но первый драгоманъ русскаго посольства, генералъ Богуславскій, съ которымъ я былъ давно знакомъ, видя его испугъ, пришелъ ко мнѣ, показалъ мнѣ выдержки изъ газетъ и передалъ содержаніе ноты, полученной отъ русскаго правительства. Я объяснилъ ему, что при казачьемъ и драгунскомъ полкахъ существуетъ школа, въ которой славянская молодежь и преимущественно поляки подготавливаются къ военной службѣ въ турецкомъ войскѣ, но что въ курсѣ проходимыхъ въ этой школѣ наукъ не упоминается ни слова о возстаніяхъ и о Польшѣ, и хотя многие изъ поляковъ, служавшихъ въ казачьемъ полку, дѣйствительно сражались противъ Россіи въ 1831, 1848, 1849, 1854, 1855 и наконецъ въ 1863 году, но въ настоящее время они служатъ въ оружіи и правдою султану и что со стороны такого могущественнаго государства, какъ Россія, было бы недостойно вредить горсточкѣ ея враговъ, нашедшихъ пріютъ въ сосѣдней странѣ, и кониъ эта страна дала возможность возродиться къ политической жизни. Я просилъ, чтобы русское посольство, съ разрѣшенія Высокой Порты, прислало кого-либо изъ своихъ чиновниковъ и офицеровъ для ознакомленія со школою и съ нашимъ полкомъ, обѣщая, что имъ все будетъ показано и объяснено, и присовокупивъ, что я бы очень желалъ услышать отзывъ о нашихъ полкахъ офицера русской арміи. Все это было изложено мною письменно.

Ознакомившись съ моимъ отвѣтомъ, русское посольство уведомило Али пашу, что оно считаетъ себя вполне имъ удовлетвореннымъ. Этотъ эпизодъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Али-паша благодарилъ меня. Когда я спросилъ его, что бы онъ сдѣлалъ въ случаѣ, ежели бы посольство не было удовлетворено моимъ отвѣтомъ, то онъ отвѣчалъ не задумываясь: «я потребовалъ бы, чтобы полки были распущены и поляки выселены изъ Турціи». Слѣдовательно, полки были обязаны своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ благородству русскаго правительства.

По отъѣздѣ принца Наполеона, когда дѣло Фарнези было окончено, я заявилъ этому офицеру, что хотя я вполне увѣренъ, что онъ не хотѣлъ присвоить себѣ денегъ, вырученныхъ за проданный ячмень, и не желаю сказать ему ничего непріятнаго, но я не могу одобрить его образа дѣйствій и его желанія свалить всю вину на его подчиненныхъ, коихъ онъ обязанъ, напротивъ, защищать; поэтому я не могу болѣе служить съ нимъ и прошу его выйти изъ полка. Фарнези благодарилъ меня за то, что я вывелъ его изъ бѣды, выразилъ желаніе служить въ артиллеріи и далъ мнѣ слово, что если я его устрою согласно его желанію, то онъ не будетъ хлопотать о томъ, чтобы возвратиться въ полкъ.

Я отправился къ главному начальнику артиллеріи, съ которымъ я

былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и Фарнези по моему ходатайству былъ прикомандированъ къ артиллерійскому вѣдомству и произведенъ въ подполковники. Благодаря меня за хлопоты, Фарнези снова далъ мнѣ честное слово, что онъ никогда не вернется въ мой полкъ.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія въ Адрианополь, между русскимъ консуломъ Золотаревымъ и казачьимъ поручикомъ Терлецкимъ произошло такого рода столкновеніе. Терлецкій, человекъ весьма неблаговоспитанный, столкнулся на тротуарѣ съ русскимъ консуломъ, который шелъ съ женою въ общественный садъ. На улицѣ было очень грязно; впереди консула шелъ кавасъ; другой офицеръ, поручикъ Стояновичъ, шедшій вмѣстѣ съ Терлецкимъ, уступилъ консулу дорогу, а Терлецкій не сдвинулся съ мѣста; кавасъ столкнулъ его въ грязь, такъ что онъ запачкалъ мундиръ и шаровары. Въ первый моментъ онъ ничего не сказалъ; зайдя въ сосѣдній домъ, онъ почистился и пошелъ вслѣдъ за консуломъ въ общественный садъ, гдѣ увидѣлъ его сидѣвшаго за столикомъ распивая кофе; Терлецкій усѣлся со Стояновичемъ противъ консула и, просидѣвъ съ часъ, всталъ, снялъ съ руки перчатку, надулъ ее и подойдя къ консулу поставилъ ее передъ нимъ на столѣ, проговоривъ:

— Sur place! что означало вызовъ на дуэль.

Терлецкій былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, настоящій богатырь. Супруга консула, нервная особа, уцѣпилась за мужа и обмерла со страху. Мужъ и жена отправились тотчасъ къ вали съ жалобою на Терлецкаго.

Мнѣ донесли объ этомъ; зная по опыту, какія непріятности можетъ повлечь столкновеніе съ консуломъ, я тотчасъ приказалъ арестовать Терлецкаго и продержать его подъ арестомъ двѣ недѣли. Получивъ по этому поводу запросъ отъ вали, я написалъ ему, что офицеръ уже арестованъ и наказанъ.

Дѣло тѣмъ бы и кончилось, если бы эту исторію не раздули прочіе консулы, находившіеся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Золотаревымъ; эти господа и въ особенности ихъ жены, не терпѣвшія г-жу Золотареву за надменный тонъ, съ какимъ она себя держала, такъ много говорили и смѣялись по поводу этой исторіи, что русскій консулъ, подстрекаемый молодой женою, съ которой онъ недавно обвѣнчался, не удовлетворился тѣмъ, что Терлецкій былъ арестованъ, и обратился съ жалобою къ своему посольству, препроводилъ копію съ нея вали, спустилъ на своемъ домѣ русскій флагъ и прервалъ сношенія съ мѣстными властями. Дѣло принимало непріятный оборотъ. Къ тому же изъ частныхъ писемъ, полученныхъ мною изъ Стамбула, и изъ переписки, возникшей между вали и великимъ визиремъ, я убѣдился, что послѣдній желалъ во что бы то ни стало удовлетворить консула. Ничего не помогли и заявленія, представленныя прочими консулами своимъ по-

сольствамъ, въ которыхъ они отзывались весьма недобрительно о русскомъ консулѣ.

По правдѣ сказать, Терлецкій не особенно заслуживалъ, чтобы объ немъ хлопотали, но онъ былъ казачій офицеръ, носилъ казачій мундиръ; поэтому я счелъ долгомъ заступиться за него. Я изложилъ все дѣло въ письмѣ къ генералу Богуславскому, который показалъ его посланнику, и послѣдній, найдя, что я поступилъ въ этомъ случаѣ вполне правильно, приказалъ консулу считать себя удовлетвореннымъ и вступить немедленно въ сношенія съ мѣстными властями. Когда надъ домомъ консула снова былъ поднятъ русскій флагъ, то я послалъ вали вторично официальный рапортъ о томъ, что поручикъ Терлецкій былъ подвергнутъ мною за свой невѣжливый поступокъ наказанію и что, желая устранить всякій поводъ къ недоразумѣнію, я отправлю Терлецкаго, по отбытіи имъ наказанія, въ Стамбулъ, съ просьбою перевести его въ драгунскій полкъ, стоявшій въ Ливанѣ. Такимъ образомъ благодаря доброжелательному и разумному отношенію къ намъ русскаго посланника, дѣло уладилось и этотъ разъ къ обоюдному удовольствію. Золотаревъ былъ вскорѣ переведенъ изъ Адріанополя, а на его мѣсто назначенъ Губастовъ.

Въ то время какъ происходили эти исторіи въ Адріанопольскомъ гарнизонѣ, въ Стамбулѣ также нерѣдко возникали столкновенія между тамошнимъ гарнизономъ и русскимъ посольствомъ. Три чауша Казиміръ Буржинскій, Владиміръ Піотровскій, Лисовскій и казакъ Одровъ отправились въ кофейню какого-то жида или армянина, русскаго подданнаго, и о чемъ-то у него поспорили; дѣло дошло до рукопашной и окончилось нѣсколькими подбитыми носами. Наши шляхтичи были арестованы и отданы подъ судъ, а такъ какъ сераскиръ Мехмедъ Ружди-паша ненавидѣлъ шляхту всего свѣта, а въ особенности поляковъ, то они были приговорены къ лишенію чиновъ и къ тюремному заключенію на три года, но по ходатайству генерала Богуславскаго, съ согласія русскаго посланника, были помилованы и препровождены въ Адріанополь, гдѣ мнѣ нежели черезъ годъ всѣ трое были вновь произведены въ офицеры.

Къ счастью, у насъ въ Польшѣ и въ Литвѣ нѣтъ такихъ любителей судебныхъ дѣлъ и ябедъ, какими являются консулы въ турецкихъ городахъ. По ихъ винѣ возникаютъ нескончаемыя дѣла, коими они докучаютъ мѣстнымъ властямъ; это дѣлается ими изъ желанія играть роль въ дипломатіи, писать донесенія своему посольству. Чаше всего затѣваютъ подобныя дѣла англійскіе консулы, поэтому ихъ болѣе всего боятся. Французы много говорятъ и шумятъ, но не доводятъ дѣла до суда; они лаютъ, но не кусаются.

Въ Балканахъ появились снова въ описываемое время шайки раз-

бойниковъ болгаръ, а въ Адрианопольскомъ вилайетѣ на жителей навели страхъ разбойники-черкесы.

Русское правительство выселило черкесъ съ Кавказскихъ горъ на берега Чернаго моря и преподнесло ихъ въ подарокъ Турціи. Для Россіи эта мѣра была весьма полезна съ точки зрѣнія замиренія вновь прибрѣтеннаго Кавказскаго края и Грузіи.

Высокая Порта, получивъ этотъ подарокъ отъ своего сосѣда, расселила черкесъ въ Турціи въ селахъ, населенныхъ мусульманами и христіанами, гдѣ они занимались болѣе воровствомъ, нежели работою, вводили скотъ, угоняли лошадей и даже воровали дѣтей; пересылая краденныя вещи изъ села въ село, они умѣли отлично прятать концы въ воду.

Въ Стамбулѣ былъ сформированъ конный полкъ изъ черкесовъ-охотниковъ; каждому черкесу, записавшемуся въ этотъ полкъ, выдавали на руки по 500 піастровъ; сначала въ этотъ полкъ набрали съ великимъ трудомъ триста человекъ и укомплектовали его турками по большей части изъ отставныхъ солдатъ. Черкесы вели себя первое время безобразно, не повиновались офицерамъ, кидались на нихъ съ кинжалами, а потомъ начали дезертировать, такъ что черезъ два мѣсяца въ полку осталось не болѣе 80 солдатъ. Привлечь новыхъ охотниковъ не было никакой возможности: получивъ на руки деньги, черкесъ бѣжалъ въ другое село. Попытка приохотить черкесовъ къ военной службѣ не удалась, такъ какъ они отъ природы болѣе склонны къ грабежу и разбою; полкъ, въ которомъ они служили, былъ переименованъ въ третій конный полкъ перваго корпуса.

Быть можетъ, послѣдующія ихъ поколѣнія принесутъ Турціи пользу въ томъ отношеніи, что они смѣшаются съ мѣстными жителями и увеличатъ численность населенія Турецкой имперіи, но пока они доставляютъ ей только заботы и хлопоты, хотя имѣютъ сильныхъ покровителей среди высшихъ сановниковъ, благодаря своимъ связямъ съ гаремами и съ дворцомъ султана.

Одинъ паша говорилъ мнѣ, что по переселеніи черкешенокъ въ Турцію ихъ типъ дотога выродился, что теперь нѣтъ возможности прибрѣсти красивую невольницу, и что черкесы вынуждены воровать дѣвушекъ у болгаръ и другихъ народовъ, чтобы исправить свой товаръ, ибо иначе они могутъ обанкротиться.

Это говорилъ мнѣ паша, знатокъ этого дѣла, который покупалъ невольницъ у черкесъ, обучалъ ихъ подъ своимъ наблюденіемъ танцамъ, поклонамъ, пѣснямъ, даже разговору и, когда онѣ были обучены, продавалъ ихъ во дворецъ султана и богатымъ сановникамъ. Это доставляло ему большой доходъ, давало возможность поддерживать связи. Одинъ полякъ, принявшій мусульманскую вѣру, также занимался этой торговлею, женился на старой турчанкѣ, славившейся умнѣишемъ обу-

чать невольницъ и сбывать ихъ съ рукъ; супруги нажили нѣсколько домовъ и оставили себѣ большой капиталъ. И все это дѣлалось и дѣлается въ то время, когда цивилизованная Европа ратуетъ за прекращеніе торговли невольниками.

Я самъ слышалъ, какъ полякъ доказывалъ англійскому драгоману, что эта торговля приноситъ черкесамъ большую пользу, ибо не только спасаетъ ихъ отъ нужды, но сближаетъ ихъ съ цивилизованными людьми и даетъ имъ возможность достигать высшихъ должностей и значенія. Разумѣется, противно видѣть, когда сынъ продаетъ свою мать, отецъ продаетъ дочь, братъ—сестру, но черкесамъ это кажется такъ естественно, что всякая женщина не только жаждетъ быть проданной, но даже молить о томъ Бога; бывають случаи, что если ее никто не купитъ, то она лишаетъ себя съ отчаянія жизни. Таковы нравственные понятія черкесъ, коихъ враги Россіи прославляли много лѣтъ, какъ какихъ-то богатырей.

Казаки и драгуны принялись ловить разбойниковъ-черкесъ такъ успѣшно, что они попрятались въ свои села и не показывались болѣе на большихъ дорогахъ; въ провинціи водворились порядокъ и спокойствіе. Эскадроны, посланные въ Балканы, уладили пантовъ, которые скрывались отъ нихъ въ горахъ и лѣсахъ; возстаніе было такъ же скоро усмирено, какъ и первый разъ; вся честь этого принадлежала казакамъ и драгунамъ.

Слава казаковъ возрасла до такой степени, что вали и мутезарифы чувствовали себя спокойнѣе подъ конвоемъ нѣсколькихъ казаковъ, нежели подъ охраною нѣсколькихъ эскадроновъ регулярной кавалеріи или цѣлаго отряда жандармовъ. Это было очень лестно для насъ; солдаты и унтеръ-офицеры понимали это и хвастали этимъ, но, къ сожалѣнію, многіе офицеры и преимущественно поляки, не давали себѣ въ этомъ яснаго отчета и умалили заслуги казаковъ.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ ИЗД. 1900 Г.
ТОМЪ СТО ЧЕТВЕРТЫЙ.
ОКТАВРЬ, НОЯВРЬ, ДЕКАВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Воспоминанія о Царскосельскомъ лицѣѣ.
1832—1838. Акад. К. С. Веселовскаго 3—29
- II. Записки генерала Левенштерна 83—109,
331—361 553—582
- III. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилев-
скаго. 1824—25 г. Собщ. Н. К. Шильдеръ
201—218, 459—475. 707—719
- IV. Записки Михаила Чайковскаго. (Мехмедъ-
Садыкъ - паши). Перев. В. В. Тимо-
щукъ. 219—236, 721—744
- V. Изъ записокъ стараго преображенца. 1850 г.
князя Н. К. Имеретинскаго 301—322, 589—609
- VI. А. А. Бестужевъ (Марлинскій). Изъ воспо-
минаній Я. И. Костенецкаго 441—457

Портреты.

- I. Портретъ Леонида Николаевича Майкова.
Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 10-ой книгѣ).

II. Портретъ К. П. Брюллова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 11-ой книгѣ).

III. Михайловскій замокъ (съ современной картины). Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 12-ой книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Пожертваніе въ память пребыванія великаго князя Михаила Павловича въ Пензенской губерніи. 6-го сентября 1817 г. Сообщ. Аполлонъ Можаровскій	30
II. Императоръ Николай I и восточный вопросъ (1826—1830 гг.) Н. К. Шильдера. 31—52, 237—255	493—508
III. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина 53—81,	257—275
IV. Оккупационный корпусъ во Франціи. 3-го сентября 1815 г.	82
V. Почаевская лавра въ 60-хъ годахъ. Сообщилъ Алексѣй Мердеръ.	110
VI. Письмо Д. И. Писарева редакторамъ «Вѣстника свободныхъ мнѣній»	111—114
VII. На могилу Леонида Николаевича Майкова. Ив. Кубасова	115—139
VIII. Высочайшая благодарность митрополиту кievскому и галицкому Евгению за его трудъ. 28-го августа 1825 года	140
IX. Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Письма князя П. И. Шаховскаго и графа Витгенштейна къ настоятелю Псково-Печерскаго монастыря (1812—1827 гг.)	141—146
X. Софья Петровна Свѣчина. (Ея жизнь и переписка). П. 147—165, 409—428,	621—642
XI. Жестокое обращеніе ст. совѣт. Паниной со своими дочерьми. (Къ характеристикѣ нравовъ)	166—168
XII. Меттернихъ и его виѣшняя политика А. П. Рѣдкина 169—191, 379—397,	665—683
XIII. Приглашеніе В. Н. Каразина къ кн. Е. Р. Дашковой. 9-го іюня 1801 г.	192
XIV. Бареццо Барецци или Поссевианъ? Библиографическая замѣтка. П. Пирлингъ	193—200

	стр.
XV. Къ портрету К. П. Брюллова	256
XVI. Къ пребыванію императрицы Екатерины II въ м. Пропойскѣ. Сообщ. Е. Романовъ	276
XVII. Екатерина II и Вас. Вас. Каховскій. 1791—1793. В. А. Вильбасова	277—299, 527—552
XVIII. О вывозѣ изъ Петербурга архива и вещей Академіи наукъ въ 1812 г. Сообщ. К. С. Веселовскій	300
XIX. Приготовленіе по приказанію Наполеона I англійскихъ и русскихъ фальшивыхъ ассигнацій и банковыхъ билетовъ	323—330
XX. В. С. Сопиковъ и его библиографія.	362
XXI. Двѣ народныя пѣсни объ императорѣ Александрѣ II. Н. Н. Селифонтова	363—366
XXII. Къ исторіи освобожденія крестьянъ (Переписка Г. И. Ростовцева съ кн. Е. П. Оболенскимъ). Сообщ. кн. М. Г. Оболенская	367—378
XXIII. Просьба чиновника о пособіи	398
XXIV. Графъ А. А. Аракчеевъ и П. И. Сумароковъ (ихъ взаимная переписка) 1812—1817	399—408
XXV. Двѣ записки М. М. Сперанскаго по политическимъ дѣламъ. Сообщ. Н. Д.	429—440
XXVI. Высочайше пожалованная гр. Н. П. Шереметеву медаль съ его изображеніемъ	458
XXVII. Объ улучшеніи быта курляндскихъ поселенъ	476
XXVIII. Изъ быта духовенства въ XVIII и въ началѣ XIX в. Сообщ. М. Р—ъ	477—481
XXIX. Письмо Г. Р. Державина къ В. Н. Каразину, по поводу его рѣчи, произнесенной въ Филотехническомъ обществѣ	482
XXX. Изъ дневника П. Г. Дивова. 1837 г.	483—491
XXXI. Объ изданіи сочиненій И. Ѳ. Горбунова	492
XXXII. Маркизъ Велепольскій (замѣтка о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи польскаго мятежа въ 1861—1862 гг.). А. Н. К.	509—526
XXXIII. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. (Матеріалы для его біографіи). Сообщ. Н. Д.	583—588
XXXIV. Собственноручное письмо А. С. Шишкова—митрополиту Серафиму о молитвахъ, переложенныхъ на простонародное нарѣчіе	610
XXXV. Михайловскій замокъ и 8-е ноября 1800 года. Н. К. Шильдера	611—616
XXXVI. Нѣмецкій источникъ одного русскаго романа. А. И. Кириличникова	617—619
XXXVII. Разсказъ о разбойникѣ Тришкѣ. Сообщ. А. М.	620
XXXVIII. Къ исторіи русской цензуры (1814—1820 гг.). Сообщ. Н. Д.	643—664
XXXIX. Высочайшая благодарность корнету Яковлеву за хорошее устройство Верхъ-Исетскаго завода	684
XL. Рескриптъ императора Александра I—Е. И. Батуриной объ уплатѣ долговъ ея мужа	684

	Стран.
XLI. Графъ А. К. Толстой. С. Казанскаго . . .	685—687
XLII. О доставленіи припасовъ къ высочайшему двору	688
XLIII. Изъ смутнаго времени. (Дневникъ Андрея Ла- вицкаго)	689—706
XLIV. Рескриптъ императора Павла I—генералу Ро- зенбергу	720
XLV. Систематическое оглавленіе тома сто четвертаго	745—748

Библиографическій листокъ.

1. Подъѣла „Русалки“ Пушкина. Сборникъ статей и замѣтокъ. Сост. А. С. Суворинъ. Спб. 1900 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ октябрьской книги).
2. Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина. 1829—1897. Е. Шмурло. Юрьевъ 1900. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ ноябрьской книги).
3. Матеріалы по исторіи Россіи. Сборникъ указовъ и другихъ документовъ, касающихся управленія и устройства Оренбургскаго края. 1734 годъ Т. I. Оренбургъ 1900 г.—Его же (тамъ же).
4. Гр. Джаншиевъ. Эпоха великихъ реформъ. 7-е дополненное изданіе. Москва 1898 г.—Его же (тамъ же).
5. Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго В. А. Тимирязева. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. Спб. 1900 г.—Его же (тамъ же).
6. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціею 1711 года (Прутская операція). А. З. Мышлаевскаго. С.-Петербургъ 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ декабрьской книги).
7. Iana Kilińskiego szewca warszawskiego, pułkownika XX pułku liniowego piechoty drugi pamiętnik niezłany o czasach Stanisława Augusta. Z rękopisu po raz pierwszy wydaj A. Krakow. 1899. 294 стран. Г. А. Воробьева. (тамъ же).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 101, 102, 103 и 104 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1900 года.

А.

Абакумовъ, сенат. главноуправл. продовольств. частью армии, 1828 г., т. CIV, окт., 51, 52.

Абрамовъ, В. Я., т. CI, янв., 223, 224.

Августинювичъ, т. CI, янв., 136.

Аврамовъ, надр. сов. 1792 г., т. CIV, декаб., 536.

Агалкинъ, А. П., поруч., т. CI, февр., 356, 357.

Адлербергъ, гр. Александр. Влад., мин. двора съ 1872—1881 г., † 1888 г., т. CI, мартъ, 675, 676.

Адлербергъ, гр., Влад. Фед., мин., р. 1790 † 1884 г., т. CI, янв., 55, 143, 146.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн., р. 1817 † 1900 г., т. CIII, авг., прилож., 131.

Акимовъ, ген.-м., рушукскій губернат. 1878 г., т. CI, янв., 115.

Аксамовъ, Конст. Серг., писат., род. 1817 † 1860 г., т. CII, май, 416.

Аксамовъ, Серг. Тимоов., писат., род. 1791 † 1859 г., т. CI, февр., 417, т. CII, май, 416, 417, 418, 422, 423, т. CIV, окт., 56.

Акулова, Фрейлина, 1845 г., т. CI, янв., 54, февр., 325.

Аладинъ, Ег. Вас., род. 1796 † 1860 г., т. CI, февр., 480.

Александра Александровна, вел. княжна, 1849 г., т. CII, апр., 45.

Александра Иосифовна, вел. княг. т. CI, февр., 345, т. CII, апр., 34, май, 268, июнь, 517.

Александра Николаевна, вел. княг., † 1844 г., т. CI, февр., 331, 332, 436, 439, т. CIV, нояб., 593, т. CII, апр., 148, 150, 155, т. CIII, авг., прилож., 132, т. CIV, нояб., 593.

Александра Теодоровна, императрица, род. 1798 † 1860 г., т. CI, янв., 188—190, февр., 318—352, 433, мартъ, 536—569, 664, 665, т. CII, апр., 31—68, 147—155, 188, 191, 273, 277, 287—292, июнь, 478, 503, 510, 515, т. CIII, июль, 55, 185, 190, 197, 201, прилож., 106, авг., 231, 250, 255, т. CIV, нояб., 243, 248, 302, декаб., 591, 593, 640.

Александръ I, императоръ, род. 1777 † 1825 г., т. CI, янв., 57, 76, 77, 103, 180, 192, 193, 259, 267, 276, февр., 281—306, 348, 350, 382, 400, 442, 456, 458, 466, 467, 476, 481, 515, мартъ, 518—765, т. CII, апр., 3—5, 53, 63, 66, 94, 122, 146, май, 257, 277, 283, 347—365, 470, 516, 528, 563, 576—618, прилож., 84, т. CIII, июль, 19, 37, 51, 115, 120—133, 153, 189—191, авг., 247—256, 267, 373, сент., 457—499, 518, 528, 533—609, 634, т. CIV, окт., 77, 139, 188—202, 210—214, прилож., 177, т. CIV, нояб., 239—273, 333, 350, 389—410, 413—425, 462—476 декаб., 593, 603, 684, 707—719.

Александръ II, императоръ, род. 1818, † 1881 г., т. CI, янв., 35, 54, 115, 190, 197, февр., 318, 328—353, 433, 440, мартъ, 536—689, т. CII, апр.,

- 32, 42—56, 149, 154, 155, май, 261—292, июль, 505—526, 586, 651—654, 680, т. СІІІ, июль, 51—55, 82, авг., 241, 250, т. СІV, окт., 31, 84, 55—100, нояб., 243, 321, 363—369, 375, 424, декаб., 518—523, 593.
- Александръ ІІІ**, императоръ, род. 1845 † 1894 г., т. СІ, янв., 196, мартъ, 700, 706, 711, т. СІІ, апр., 204, 206, 207.
- Александръ Батенбергъ**, князь Болгарскій, 1878 г., т. СІ, янв., 116—127, февр., 372, 377, 378.
- Александръ**, Никита Петр., подполк. т. СІ, февр., 355, 356, 357.
- Александръ**, ген., т. СІ, февр., 510, мартъ, 749.
- Алексій Александровичъ**, вел. кн., т. СІV, нояб., 301.
- Али-паша**, 1829 г., т. СІІ, июнь, 554.
- Аллендорфъ**, А. А., т. СІ, янв., 198, 199.
- Алопеусъ**, послан. въ Неаполѣ, т. СІ, мартъ, 740, т. СІV, декаб., 638.
- Амвросій**, архіеп. слб., 1800 г., т. СІІ, май, 331, 333, т. СІІІ, июль, 61, 62, т. СІV, нояб., 283, декаб., 612.
- Анастасевичъ**, В. Г., цензоръ, т. СІ, февр., 419, 420.
- Анна Иоанновна**, императрица, род. 1693 † 1740 г., т. СІ, янв., 188, 189, т. СІІ, июнь, 593—611, т. СІІІ, сент., 648, т. СІV, декаб., 713.
- Анна Павловна**, вел. княжна, т. СІV, нояб., 392, декаб., 717.
- Анна Феодоровна**, вел. княг., т. СІ, мартъ, 640.
- Анненковъ**, Ив. А., т. СІ, янв., 201.
- Анненковъ**, Пав. Васил., критикъ, род. 1813 † 1877 г., т. СІ, янв., 6—21, февр., 313, 315, т. СІV, окт., 3.
- Анненковъ**, фл.-ад., т. СІ, февр., 328.
- Апрель**, ген.-аншефъ, 1837 г., т. СІІ, апр., 158, т. СІІІ, авг., 276.
- Антоновичъ**, Платонъ Александр., ген.-лейт., попечит. Киевск. учебн. окр., т. СІV, нояб., 457.
- Апостолъ**, Давидъ, полковн., 1711 г., т. СІV, нояб., 285.
- Апраксина**, Екатерина Влад., т. СІ, янв., 103.
- Апраксинъ**, гр., ген.-ад., 1849 г., т. СІ, янв., 55, т. СІІ, май, 273, июнь, 481.
- Апраксинъ**, Вьет. Вл., т. СІ, янв., 103.
- Апраксинъ**, Степ. Степан., московск. ген.-губернат., 1794 г., т. СІ, янв., 103.
- Арапчевъ**, графиня, т. СІІ, апр., 23.
- Арапчевъ**, гр., Алексій Андр., род. 1769 † 1834 г., т. СІ, янв., 97—106, 174, мартъ, 617, 618, 642, 659, т. СІІ, апр., 3, 102, 146, май, 338, т. СІІ, июль, 69, 153, 190, авг., прилож., 145, сент., 463—474, 535, 571, т. СІV, окт., 6, 78, 98, нояб., 258, 265, 332, 362, 399—408, 471, 473, декаб., 640, 650, 716.
- Арсенбергъ**, кн., 1792 г., т. СІV, нояб., 295, 296.
- Арсенъ**, лейбъ мед., 1830 г., т. СІІ, июнь, 481, т. СІІІ, авг., 231, 233.
- Арсфельдъ**, гр., 1812 г., т. СІV, нояб., 341.
- Арсеній**, настоят. Ново-Іерусалимск. моваст., 1898 г., т. СІІ, апр., 207, 208.
- Арсеньевъ**, митавск. губерн., т. СІ, янв., 248, 250, 251.
- Арсеньевъ**, ген., 1812 г., т. СІ, февр., 349, т. СІV, нояб., 338.
- Архаровъ**, слб. воен. губ., 1797 г., т. СІV, окт., 168.
- Аршауловъ**, т. СІ, янв., 201.
- д'Аршиакъ**, виконтъ, 1837 г., т. СІ, мартъ, 589, 590.
- Ахвердовъ**, т. СІ, февр., 349.
- Ахматовъ**, полк. кавалергардъ, 1851 г., т. СІV, декаб., 596.

В.

- Вагтовуца**, ген., 1807 г., т. СІ, янв., 269, февр., 508, т. СІV, декаб., 557, 559.
- Вагтрайонъ**, кн., Петръ Романовичъ, остзейск. ген.-губ., род. 1819 † 1874 г., т. СІ, янв., 260—272, февр., 501—511, мартъ, 747—758, т. СІІІ, июль, прилож., 120, 123, авг., прилож., 449, сент., 487, т. СІV, нояб., 351, 352, 358, декаб., 554—577.
- Вагреевъ**, сенат., 1836 г., т. СІІ, июль, 199.
- Важановъ**, Василій Борис., протопр., † 1883 г., т. СІ, февр., 349, мартъ, 579, т. СІІ, апр., 178, май, 281.
- Важеновъ**, В. И., архитект., 1800 г., т. СІV, декаб., 611.
- Вавилевскій**, Прокофій, т. СІ, мартъ, 735.
- Вайковъ**, дипломатъ, т. СІ, февр., 468.
- Вайлановъ**, ген., 1853 г., т. СІІ, апр., 193.
- Вакунина**, В. И., т. СІV, нояб., 261, 267.
- Валабановъ**, Марко, болгар. мин., т. СІ, февр., 375, 376, 378, 380.
- Валабинъ**, секр. пос., т. СІ, мартъ, 562.
- Валашовъ**, Александръ Александр.

- капит., род. 1812 † 1854 г., т. СIII, сент., прилож., 166.
- Валашовъ, Александръ Дм.**, мнн. полиція, 1810 г., род. 1770 † 1837 г., т. СI, февр., 402, мартъ, 744, т. СII, май, 260.
- Валутыянскій, ст.-секр.**, т. СI, февр., 341, 349.
- Валтышъ - Каменскій, Дм. Никол.**, род. 1788 † 1850 г., т. СI, февр., 422.
- Варанова, графиня, ст.-дама**, т. СI, февр., 325, 436.
- Варановъ, ген.-м.**, морск. артилеріи, † 1831 г., т. СIII, авг., 234.
- Варановъ, чл. госуд. сов.**, 1833 г., т. СII, апр., 134.
- Варатынскій, т. СII**, июнь, 572, 574.
- Вареццо - Варецки, типографчикъ**, 1604 г., т. СIV, окт., 193—200.
- Варшай-де-Толли, кн.**, Мих. Богдан., фельдм., род. 1761 † 1818 г., т. СII, май, 338, июнь, 587, т. СIII, июль, 127, авг., 406, прилож., 144, т. СIV, окт., 82, нояб., 331—361, 403, 491, декаб., 554—578, 581.
- Варткева, фрейлина**, 1833 г., т. СII, апр., 150.
- Варткевъ, П. И.**, издат. „Рус. Архива“, т. СI, янв., 85, 90.
- Вартшевичъ, студ. м.-х. акад.**, 1861 г., т. СII, июнь, 628.
- Варуцки, скульпт.**, 1835 г., т. СIII, авг., прилож. 133.
- Варшавъ, Яковъ Ив.**, профес., 1837 г., т. СIV, окт., 14, 15, 17.
- Варытисова, Марія**, т. СI, мартъ, 664.
- Варытисскій, кн.**, Александръ Ив., фельдм., род. 1814 † 1879 г., т. СI, мартъ, 667, 669, 670, т. СII, апр., 187, 191, 192.
- Васинъ, Петръ Васильев.**, художн., род. 1793 † 1877 г., т. СII, апр., прилож., 23, 32, май, прилож., 39, июнь, прилож., 69, т. СIII, июль, прилож., 106—109.
- Ватайлъ, Мартинъ Яковлев.**, курлянд. вице-губернат., 1822 г., т. СII, апр., прилож., 6.
- Ватенковъ, Гавр. Степ.**, декаб., † 1867 г., т. СI, февр., 411.
- Ватеньковъ, подп. корп. инж. пут. сообщ.**, т. СII, апр., 25.
- Ватурина, Екат. Ив.**, т. СIV, декаб., 634.
- Ватурино, ген.-лейт.**, 1846 г., т. СIII, авг., 338.
- Валюшковъ, Конст. Никол.**, писат., род. 1787 † 1855 г., т. СII, июнь, 583, т. СIV, окт., 131, 133, дек., 601.
- Валюшковъ, Помпей Никол.**, попе-
- чит. Виленск. учебн. окр., 1869 г., т. СIII, июль, 79—82.
- Ваумгартея, полковн.**, 1853 г., т. СIII, июль, 144, 145, 146.
- Вауръ, ген.**, 1796 г., т. СIII, авг., 279.
- Вактинъ, госуд. секрет.**, 1828 г., т. СI, мартъ, 583, т. СII, май, 270, 271, 272.
- Вактинъ, преобраз. оф.**, 1846 г., т. СIV, декаб. 603.
- Веберъ, надв. сов.**, 1792 г., т. СIV, декаб., 536.
- Вебутовъ, кн.**, Вас. Осип., ген.-отъ-инф., † 1868 г., т. СI, мартъ, 667, 677, т. СII, апр., 188, 189, 191.
- Вебборджо, кн.**, Александръ Андреев., канцл., род. 1747 † 1799 г., т. СII, май, 331, 336, 337, т. СIII, авг., 271.
- Везоборовъ, В. М.**, тайн. сов., т. СI, янв., 215, 216, 217, мартъ, 642.
- Везоборовъ, фл.-ад.** 1833 г., т. СII, апр., 135.
- Везродный, сенат.**, 1833 г., т. СII, апр., 134.
- Вельшовъ, Александръ Андреев.**, ген.-прокур., 1800 г., т. СII, май, 387, июнь, 528.
- Веллинггаузенъ, кап.**, 1825 г., т. СIV, нояб., 461.
- Вельгардъ, рожд. Жемчужникова**, † 1855 г., т. СIII, июль, 147.
- Вельгардъ, Карлъ Александр.**, ген.-лейт., род. 1807 † 1868 г., т. СIII, июль, 139—152, т. СIV, окт., 169, 170.
- Векардажи, Дм. Егор.**, золотопромышл. † 1870 г., т. СIII, авг., прилож., 130.
- Венятскій, А. П.**, издат. „Пѣтница“, 1809 г., т. СII, июнь, 564, 572.
- Венкендорфъ, гр.**, Александръ Христоф., род. 1783 † 1844 г., т. СI, янв., 49, 194, февр., 402, 414, 416, 425, 426, 431, 432, мартъ, 530—542, 665, 667, т. СII, апр., 49—68, 129, 146, 147, май, 239—396, июнь, 477—504, т. СIII, июль, 7, 109, 185—193, авг., 231—258, т. СIV, окт., 47, 51, нояб., 243—252, 486—491.
- Венкендорфъ, Пав. Ермолаев.**, ревельск. губернат., 1837 г., т. СII, май, 369, т. СIII, авг., 266, 270, 279.
- Веннигсенъ, гр.**, Леонтій Леонтьев., ген., род. 1745 † 1826 г., т. СI, янв., 259—272, февр., 501—516, мартъ, 745—767, 761, т. СIII, сент., 592, т. СIV, нояб., 335, 341, 351, декаб., 496—506, 571—579, 615, 616.
- Вергъ, Фед. Фед.**, фельдм., намѣстн. Ц. Польскаго, т. СII, апр., 41, июнь,

- 655—680, т. СШ, июль, 148, 151, авг., 266.
- Бернардо, Борнсъ Борисов.,** ген.-отъ-инф., род. 1760 † 1827 г., т. CIV, нояб., 297.
- Берсъ, Александръ Евстафьев.,** т. СШ, апр., 160.
- Берсъ, А. А.,** сообщ.: „Алексѣй Федоровичъ Львовъ какъ музыкантъ и композиторъ“, т. СШ, апр., 145—168.
- Бессеръ, Конрадъ Ив.,** профес., педагогич. инст. съ 1831 — 1857 г., т. СШ, апр., 177.
- Бестужева, Елена Александр.,** т. CIV, нояб., 450.
- Бестужевъ (Марлинскій), Александр.,** писат., декаб., род. 1797 г. † 1837 г., т. СШ, авг., 391 — 405, сент., 684, т. CIV, нояб., 441—457.
- Бестужевъ, Мих. Александр.,** т. CIV, нояб., 442.
- Бестужевъ, Никол. Александр.,** т. CIV, нояб., 442.
- Бестужевъ, Пав. Александр.,** т. CIV, нояб., 442.
- Бестужевъ, Петръ Александр.,** т. CIV, нояб., 442.
- Бестужевъ-Рюминъ, М. А.,** † 1832 г., писат., т. CI, февр., 277, 417, 418, 419, т. СШ, авг., 391—405, сент., 684.
- Бетхеръ, А. Н.,** т. CI, янв., 213.
- Вибиковъ, Дм. Гавр.,** кievск. ген.-губ., внос. мин. вн. дѣлъ, род. 1792 † 1870 г., т. CIV, нояб., 491, декаб., 598.
- Вибиковъ, Илья Гавр.,** ген., т. CI, февр., 331, т. СШ, май, 284.
- Вибиковъ, полковн.,** 1826 г., т. CIV, декаб., 494.
- Вильбасовъ, В. А.,** сообщ.: „Екатерина II и Василій Васильевичъ Каховскій, 1791—1793 г.“, т. CIV, нояб., 277—299, декаб., 527—552.
- Виронъ, герц.,** т. CI, янв., 227, 228.
- Вируковъ, А. С.,** цензоръ, 1822 г., т. СШ, апр., 72—81, июнь, 565.
- Вистромъ, К. И.,** ген., т. CI, янв., 189, т. CI, мартъ, 608.
- Влаговъщенскій, Никол. Мих.,** профес., род. 1821 † 1892 г., т. СШ, апр., 177.
- Влвнелодовъ - Платоновъ, Моисей,** еписк. пензенск., 1817 г., т. CIV, окт., 30.
- Влудова, гр-ня, Антонина Дм.,** род. 1812 † 1891 г., т. CI, янв., 208, т. СШ, май, 350, т. CIV, окт., прилож., 184.
- Влудовъ, Дм. Никол.,** мин. вн. дѣлъ, род. 1785 † 1864 г., т. CI, янв., 30, 188, 190, февр., 316, 322, 341—350, мартъ, 546, 560, 561, 584 т. СШ, апр., 131, 174, май, 276, 286, 369, 454, июнь, 509, 523, 524, т. СШ, июль, 185—197, авг., 259, т. CIV, нояб., 486—490, декаб., 599, 600.
- Влюмъ, Людвигъ Егор.,** профес., 1859 г., т. СШ, апр., 177.
- Вобрикская, графиня, Анна Карл.,** т. CI, февр., 321.
- Вобрикская, графиня, Софія Андр.,** рожд. гр. Шувалова, т. СШ, авг., прилож., 131.
- Вобрикскай, гр., Александр. Алексѣев.,** т. СШ, авг., прилож., 131.
- Вобрикскай, гр., Алексѣй Григ.,** род. 1762 † 1813 г., т. CI, февр., 322, т. СШ, авг., 268, т. CIV, окт., 105.
- Вогарна, Гортенвія,** род. 1782 † 1837 г., т. СШ, авг., 365—381, сент., 593—614.
- Вогуславскій, сычевскій земскій исправн.,** 1812 г., т. СШ, сент., 651—665.
- Воде, бар., гофмейст.,** 1849 г., т. СШ, апр., 35, 38.
- Воденштедтъ, писат.,** переводч. Пушкина, т. СШ, май, 371.
- Вожъ, полковн.,** 1818 г., т. СШ, сент., 647.
- Вологовъ, Андр. Мих.,** архитект., род. 1808 † 1854 г., т. СШ, сент., прилож., 165.
- Волгинъ, Ив. Никит.,** ген.-м., род. 1735 † 1792 г., т. СШ, сент., 542.
- Вовевскій, священ.,** 1861 г., т. СШ, июнь, 623, 624.
- Ворейша, подполк.,** т. CI, янв., 151.
- Ворещкай, акт.,** т. CI, февр., 484.
- Воржосовъ, В. А.,** тверской губернат., 1827 г., т. СШ, июль, 62, 63, 64.
- Воржоселецъ, Платонъ Тимоѣ.,** художн. любитель, род. 1794 † 1880 г., т. СШ, сент., прилож., 169.
- Воровдинъ, ген.,** 1836 г., т. CI, янв., 268, февр., 506, т. CIV, нояб., 242.
- Вортнянскій, Дм. Степ.,** директоръ пѣвчesk. капеллы, 1800 г., т. СШ, апр., 162, май, 335.
- Воуръ, ген.,** 1812 г., т. CIV, окт., 97.
- Вражкель, оф.,** 1848 г., т. CI, февр., 411, т. СШ, апр., 29, 30.
- Врандейсъ, Георгъ,** переводч. Пушкина на нѣм. яз., т. СШ, май, 371, 379.
- Вранцкай, гетм.,** 1787 г., т. СШ, авг., 309, 310.
- Времевъ, бар.,** 1863 г., т. СШ, июнь, 657, 658.
- Врехели, участн. возст.,** 1863 г., т. СШ, июнь, 669, 670.
- Вржеванскій, ксендзъ,** 1861 г., т. СШ, июнь, 636.

- Вриггенъ**, поруч., 1850 г., т. CIV, нояб., 312.
- де-Вриггенъ**, Александр., лиценсть, 1837 г., т. CIV, окт., 23, 24.
- Вруннеръ**, ген., 1863 г., т. CII, май, 423, 429.
- Врунновъ**, об.-квартирмейст. гренад. корп., 1848 г., т. CII, апр., 31.
- Вруни**, Фед. Антонов., художн., род. 1800 † 1875 г., т. CII, май, прилож., 39, июнь, прилож., 72, 73, 93, т. CIII, авг., прилож., 131, 136, 142, сент., прилож., 169, 170.
- Врусиковъ**, Н. П., чл. общ.-ва любит. словесн., 1805 г., т. CII, июнь, 561, 573.
- Врюллова**, Александра Александр., рожд. баронесса Ралль, т. CIV, окт., прилож., 193.
- Врюллова**, Марія Павлов., въ зам. Теряева, т. CII, июнь, прилож., 67.
- Врюллова**, Юлія Пав., въ зам. Соколова, т. CII, май, прилож., 36.
- Врюлловъ**, Александр Пав., профес. архитект., род. 1798 † 1877 г., т. CI, февр., 309, т. CII, апр., прилож., 1—32, май, 33—64, июнь, 65—96, т. CIII, авг., прилож., 129—160, 163, 175, т. CIV, окт., прилож., 177—196.
- Врюлловъ**, Владим. Алдр., т. CI, февр., 309, т. CII, апр., прилож., 1—32, май, 413, прилож., 33—96.
- Врюлловъ**, Карлъ Павл., род. 1799 † 1852 г., т. CI, февр., 309—312, т. CII, апр., май, июнь, прилож., 1—96, т. CIII, июль, авг., сент., прилож., 97—176, т. CIV, окт., прилож., 177—196, нояб., 256.
- Врюлловъ**, Фед. Павл., художн., т. CII, апр., май, июнь, прилож., 1—96, т. CIII, июль, авг., прилож., 97—160.
- Вудбергъ**, бар., мин. ин. дѣл., т. CI, мартъ, 762, т. CIII, сент., 460, 461, 462.
- Вудинъ**, Филиппъ Осипов., художн., род. 1806 † 1850 г., т. CIII, июль, прилож., 123.
- Вулсгаденъ**, гр., Ф. Ф., ген.-отъ-инф., 1804 г., т. CI, февр., 397, мартъ, 736—740, т. CIII, сент., 645.
- Вулаговъ**, Фед. Ильичъ, т. CI, янв., 223.
- Вулаговъ**, Конст. Як., т. CI, мартъ, 654.
- Вулаговъ**, Яковъ Ив., род. 1743 † 1809 г., т. CIII, сент., 458.
- Вулаговъ**, почт.-директ. † 1834 г., т. CIII, июль, 197.
- Вулаговъ**, помощн. ст.-секрет. 1833 г., т. CI, янв., 29.
- Вулгаринъ**, Иосифъ, т. CI, мартъ, 530.
- Вулгаринъ**, Фаддей Венедикт., писат., род. 1789 † 1860 г., т. CI, янв., 172—184, февр., 396, 410, 431, 432, мартъ, 623, т. CII, июнь, 577, т. CIII, июль, 76, авг., 421, прилож., 134, сент., 476, 559—591, т. CIV, окт., 73, 217.
- Вурмовъ-Стояновъ**, Фед. Степ., болгар. мин., т. CI, февр., 375, 377.
- Вурочевъ**, поруч., 1846 г., т. CIII, авг., 338.
- Вурцовъ**, капит., т. CI, мартъ, 643.
- Вуташевичъ** - Петрашевскій, Мих. Вас., т. CIII, сент., 449—456.
- Вутеневъ**, А. П., послан., т. CI, февр., 341, т. CIII, сент., 483.
- Вутурликиъ**, Дм. Петров., чл. госуд. сов., директ. публ. библ. † 1849 г., т. CI, мартъ, 572, 573, т. CII, май, 274, 276, прилож., 60.
- Вутурликиъ**, нижегород. воен. губернат., 1833 г., т. CI, янв., 96, мартъ, 657.
- Вухаринъ**, Ив. Яковл., гродненск. кievск., арханг. губернат. † 1886 г., т. CIII, июль, 67, 68, 69, 70.
- Вухмейеръ**, ген.-м. 1810 г., т. CII, май, 338.
- Вухъ**, Конст. Андреев., тайн. сов., 1878 г., т. CI, янв., 111.
- Вычиковъ**, И. А., т. CII, июнь, 556.
- Вѣликовскій**, Виссар. Григ., род. 1811 † 1848 г., т. CI, янв., 181, февр. 315, 383, 384, 392, мартъ, 607, т. CII, май, 415—423, июнь, 580, т. CIII, авг., 412, 413, т. CIV, нояб., 449.
- Вѣликовскій**, Григ. Никифор., штабъ-лекаръ, 1829 г., т. CII, май, 419.
- Вѣликовскій**, † 1829 г., т. CI, мартъ, 526, 527, 528, 529.
- Вѣлоградскій**, ген.-отъ-инф., 1848 г., т. CII, апр., 29.
- Вѣловерская**, Надежда Александр., писат-а, т. CIII, авг., 418.
- Вѣлосельская**, княг.-ст.-дама, 1832 г., т. CI, янв., 194.
- Вѣлосельская** - Вѣловерская, княг., Н. Д., т. CI, мартъ, 616.
- Вѣляковъ**, саратовск. губернаторъ, 1807 г., т. CIII, сент., 459.
- Вюлеръ**, бар., сенат., 1833 г., т. CII, апр., 134, т. CIV, окт., 202.
- Вялобржескскій**, ксендзъ, 1861 г., т. CII, июнь, 622.

В.

- Ваксель**, Прасковья Алексѣвна, рожд. Берсъ, т. CII, апр., 145, 163.
- Валевская**, гр.-ня, т. CIII, сент., 516.

- Валевскій, гр. 1787 г., т. СІІІ, авг., 309.
- Валлиевскій, польск. депутатъ, 1880 г., т. СІІ, май, 359, 366.
- Важуевъ, мин. вн. дѣлъ, т. СІV, декаб., 524.
- Ванновскій, П. С., ген.-ад. 1878 г., т. СІ, янв. 108, 109, 115.
- Варнекъ, Александръ Григ., скульпт. р. 1782 г., † 1843 г., т. СІІ, май прилож., 39.
- Варнекъ, ген., т. СІ, февр. 510, 511.
- Васильевъ, гр. Алексѣй Ив., мин. финанс. † 1807 г., т. СІ, февр., 444, 713, т. СІІІ, сент., 458, 459.
- Васильевъ, гр., В. Ф., т. СІ, февр., 288, 298, 304.
- Васильевъ, Ив. Андр., кол. рег., т. СІ, мартъ, 642.
- Васильевъ, подполковн. 1833 г., т. СІV, нояб., 444, 447, 448, 449.
- Васильчиковъ, гр. Викт. Илар. ко-манд. гвард. войскъ 1831 г., т. СІІІ авг., 232.
- Васильчиковъ, Дм. Васил., ген. 1850 г., т. СІV, декаб., 600.
- Васильчиковъ, кн., Илар. Васильев., предсѣд. госуд. сов., р. 1777 г., † 1847 г., т. СІ, янв., 27, 30, 39, февр., 328, 330—336, мартъ, 545, 546, 555, 584, т. СІІІ, июль, 37, 192.
- Васильчиковъ, гер.-ад. 1826 г., т. СІ, янв., 55, 191, т. СІV, декаб., 502, 583.
- Везенбергъ, архитект., т. СІ, мартъ, 652.
- Веймаръ, т. СІV, ноябр., 316.
- Вейсъ, т. СІ, янв., 225.
- Вейтцель, Н. А., т. СІ, янв., 220.
- Велепольскій, маркизъ, т. СІІ, май, 427, июнь, 635, 642, т. СІV, декаб., 509—526.
- Великановъ, Ив. Ильичъ, † 1874 г., т. СІV, окт., прилож., 192.
- Веліо, паркосельск. коменд. 1850 г., т. СІV, декаб., 599.
- Веліо, хирургъ 1812 г., т. СІV, декаб., 577.
- Вельяминовъ, шт.-кап., 1810 г., т. СІІ, май, 338.
- Венгерова, Зинаида, т. СІІ, май, 376, 378.
- Венгерова, С. А., писат., т. СІІ, май, 378, июнь, 556.
- Венеитиновъ, М. А., сообщ.: „Некрологи Пушкина въ нѣмецкихъ газетахъ 1837 года“, т. СІ, янв., 67—95. „Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г.“, т. СІІ, май, 369—412, т. СІІІ, июль, 83—111.
- Венедиктъ, архим., настоят. Псково-Печерск. монаст. 1813 г., т. СІV, окт., 142—146.
- Венюковъ, Мих. Ив., т. СІІ, апр., 175.
- Верелкиня, Н. Н. т. СІ, февр., 405.
- Верещагинъ, Никол. Васил., генер. 1803 г., т. СІІІ, сент., 471.
- Веригинъ, т., СІ, мартъ, 628.
- Веселовскій, А. Н., т. СІ, февр., 388.
- Веселовскій, К. С., дѣйст. т. совѣт., академ., сообщ., „Воспоминанія о нѣк. лицейскихъ товарищахъ, М. В. Буташевичъ-Петрашевскій“, т. СІІІ, сент., 446—459. „Воспоминанія о Паркосельскомъ лицей 1832—1838 г.“, т. СІV, окт., 3—29. «О вывозѣ изъ Петербурга архива и вещей академіи наукъ 1821 г.», т. СІV, нояб., 300.
- Вигель, Филиппъ Филип., управл. ден.-духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., р. 1786 г. † 1856 г., т. СІ, янв. 85, т. СІІІ, сент., 619, т. СІV, окт., 57, 59, нояб., 261, 262, 265.
- Вигля, Антонъ Карлов., художн. р. 1864 г., † 1844 г., т. СІІ, май, прилож., 40.
- Видламовъ, ст.-секрет. 1837 г., т. СІІІ, июль, 185, т. СІV, нояб., 486.
- Видленвальдъ, художн. 1863 г., т. СІІ, июнь, 680.
- Вилли, баронетъ Яв. Вас., лейбъ-мед., † 1854 г., т. СІІ, апр., 23.
- Вилъде, ген.-лейт. 1807 г., т. СІІ, сент., 468.
- Вильчевъ, капит., т. СІ, мартъ, 634.
- Винбергъ, ген. 1878 г., т. СІ, янв., 109.
- Виндлеръ, кап. 1850 г., т. СІV, нояб., 312, 313.
- Винсмеръ, Робертъ Антонов., чинов. рус. посольства въ Римѣ, 1825 г., т. СІІ, июнь, прилож., 72, 92, т. СІІІ, авг., прилож., 134, 136, 144.
- Винцингероде, ген. 1812 г., т., СІІІ июль, 134.
- Витбергъ, Ф. А., стат. сов., сообщ. «Въ защиту А. А. Чацкого», т. СІ, янв., 167—170, «Фонъ-Визинъ и его Посланіе къ слугамъ», т. СІІ, май, 471—475.
- Витгенштейнъ, кн-ня Пулхерія, рож. Кантакузенъ, т. СІІ, апр., 200.
- Витгенштейнъ, кн-ня Леонилла Ив., рожд. кн. Барятинская, т. СІІ, авг., прилож., 138.
- Витгенштейнъ, кн-ня Стефанія Домиников., рожд. кн. Радзивиллъ, р. 1809 г., † 1832 г., т. СІІ, авг., прилож., 138.
- Витгенштейнъ, кн. Левъ Петр., фл.-ад. 1834 г., т. СІІІ, авг., прилож., 138, 139.
- Витгенштейнъ, кн. Людов. фельдм., р. 1769 г., † 1843 г., т. СІ, мартъ,

- 517, 657, т. CIV, окт., 50, 51, 141—146, нояб., 240—253, 343—346, дек., 427, 502, 506, 563, 572.
- Витгенштейнъ**, гр. Петръ Христіан., ген.-отъ-кав. 1825 г., т. CII, апр., 6.
- Витгенштейнъ**, (Сайнъ - Витгенштейнъ-Берлебургъ), кн. Эмилій, ген., ад., р. 1824 г. † 1878 г., (его воспоминаія 1841—1878 гг.), т. CI, мартъ, 661—683, т. CII, апр., 187—201, май, 425—453, июнь, 655—681, т. CIII, июль, 137.
- Витовтовъ**, камергеръ 1802 г., томъ CII, июнь, 563, т. CIII, авг., 423.
- Витовтовъ**, ген. нач. штаба гвардейс. кюр. 1849 г., т. CII, май, 263.
- Виттъ**, гр., ген. 1831 г., т. CIII, авг., 257.
- Влардо-Гарсиа**, Паулина, пѣвица, т. CIV, окт., прилож., 193.
- Вильгорскій**, гр. Матвій Юрьев., об.-гофмейст. р. 1794 г. † 1866 г., т. CII, апр., 147—149, 158, 167, 168, т. CIII, июль, прилож., 100, авг., прилож., 139, декаб., 601.
- Владимірова**, А. В., т. CII, июнь, 556.
- Владиміръ Александровичъ**, вел. кн., р. 1847 г., т. CI, фев., 337, т. CII, апр., 6.
- Владиславевъ**, Влад. Андр., писат., полковн., р. 1807 г., † 1856 г., т. CIII, авг., прилож., 139.
- Войковъ**, Александр. Ѳед., писат., т. CI, фев., 410, т. CII, апр., 72, 79, 80, т. CIII, июль, 76, сент., 621, т. CIV, окт., 61, 215.
- Войковъ**, Леонидъ, лиценствъ 1832 г., т. CIV, окт., 24.
- Войковъ**, ген. 1807 г., т. CIII, авг., 291—295, сент., 489, 492, 494, 495, т. CIV, нояб., 242, 245, 247, декаб., 502.
- Войтеховичъ**, Алексѣй Ив., 1850 г., т. CII, апр., 169—173.
- де-Волянъ**, Францъ Павл., инж. ген., р. 1759 г., † 1818 г., т. CIV, декаб., 537, 547.
- Волкова**, Авдотья Васил., т. CIV, окт., 5.
- Волковъ**, актеръ, т. CIV, окт., 117.
- Волковъ**, Александр. Павл., т. CIV, окт., 5.
- Волковъ**, Алексѣй Ильичъ, художн., р. 1762 г. † 1820 г., т. CII, май, прилож., 57.
- Волковъ**, Е. С., т. CI, янв., 221.
- Волконская**, княжна, кам.-фрейл., т. CI, фев., 325.
- Волконская**, Зин. Алексѣевна, княгиня, урожд. княжна Бѣлосельская, т. CI, янв., 169.
- Волконская**, княг., ст.-дама 1832 г., т. CI, янв., 194.
- Волконскій**, кн., Григ., т. CI, янв., 185, 186.
- Волконскій**, кн. Никита Григ., 1808 г., т. CI, мартъ, 650, т. CIV, окт., 53.
- Волконскій**, кн. Петръ Мих., мн-ръ двора, фельдм., р. 1776 г. † 1852 г., т. CI, мартъ, 643—658, т. CII, апр., 53, 107, 120, 158, май, 270, 276, 284, июнь, 526, 591, т. CIII, июль, 36—50, 153, 185, прилож., 104, авг., 231, прилож., 144, 151, 153, т. CIV, окт., прилож., 194, нояб., 243, 486, 491, декаб., 593, 640.
- Волконскій**, Сергѣй, кн., т. CI, фев., 278.
- Волконскій**, кн., 1825 г., т. CII, апр., 5.
- Вольбромъ**, Ольга, писат-ца, т. CII, май, 377.
- Вольскій**, Ив. Петр., худож., р. 1817 г. † 1868 г., т. CIV, окт., прилож., 187.
- Вольфонъ**, перевод. Пушкина, на нѣм. яз., т. CII, май, 371.
- Вольфъ**, А. И., т. CI, фев., 409.
- Вольдегенъ**, фл.-ад. 1815 г., т. CIV, нояб., 357, 358.
- Вонлярарскій**, Адръ Адр., т. CI, янв., 159.
- Воробьевъ**, Максимъ Никиф., худож., р. 1787 г. † 1854 г., т. CIII, июль, прилож., 106, авг., прилож., 140.
- Воробьевъ**, Сократъ Максим., худож., т. CIII, авг., прилож., 140.
- Вороновъ**, А. С., т. CI, янв., 219.
- Вороновъ**, ген., т. CII, апр., 7.
- Вороновъ**, гр., Александр. Роман., канд. 1805 г., т. CIV, декаб., 660.
- Вороновъ**, кн. Мих. Семен., новорос. ген.-губ. наместн. Кавказ., р. 1781 г., † 1856 г., т. CI, янв., 50—55, 76, 91, фев., 478, мартъ, 587, 662—670, т. CII, апр., 68, 136, авг., прилож., 134, т. CIII, сент., 541, т. CIV, окт., 37, 51, нояб., 243, 469, дек. 602.
- Воронцовъ**, гр. Семенъ Роман., послан. въ Англію, р. 1774 г. † 1832 г., т. CI, мартъ, 677, т. CII, май, 316, т. CIII, авг., прилож., 135, т. CIV, нояб., 278, 469.
- Воронцовъ**, гр., об.-церемоніймейст. 1851 г., т. CIV, декаб., 593.
- Воронцовъ-Дашковъ**, гр., т. CI, фев., 318, 326.
- Ворцель**, гр., т. CI, мартъ, 529.
- Востомовъ**, Александр. Христофор., акад., р. 1781 г. † 1868 г., т. CII, июль, 561, 562, 565, т. CIII, авг., прилож., 146.
- Врангель**, бар., Егоръ Васил., профес. 1834 г., т. CIV, окт., 14, 17.
- Врончѣнко**, Ѳед. Павл., мн-ръ фи-

- нанс., † 1862 г., т. СІ, февр., 327, мартъ, 575, т. СІІ, апр. 38, май, 282, 284, июнь, 517, т. СІІІ, июль, 47.
- Вронченко, полковн. 1837 г., томъ СІ, янв., 36.
- Вуичъ, полк., т. СІ, фев., 503.
- Вульфбергъ, перевод. Пушкина на нѣм. яз., т. СІІ, май, 371.
- Высоцкий, ген. 1853 г., т. СІІ, июнь, 685.
- Вышеславцевъ, П. Ѳ., подпол., сообщ.: «Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій», т. СІ, мартъ, 693—712, т. СІІ, апр., 203—210; „Суворовскій иконостаъ“, т. СІІ, май, 339, 340.
- Вышнеградскій, Никол. Алексѣев., профес., † 1872 г., т. СІ, янв., 208, 212, 213, т. СІІ, апр., 177, 178.
- Вяземскій, кн. Петръ Андреев., тов. мин. нар. проsv., писат., р. 1722 г., ум. 1878 г., т. СІ, янв., 181, 275, февр., 316, 417, т. СІІ, май, 352, 353, т. СІІІ, авг., 249, 250, 254, сентяб., 478, т. СІV, окт., 66, 78, нояб., 275.
- Вязитиновъ, Серг. Кузьмичъ, воен. мин. съ 1802—1808 г., р. 1748 г., ум. 1819 г., т. СІ, мартъ, 547, т. СІІІ, сент., 461, 462, 463, 483, 474, 578, т. СІV, декаб., 644.
- Г.**
- Габерцетель, Иосифъ. Ив., худож., р. 1791 г., ум. 1857, т. СІІ, июнь, прилож., 69, т. СІІІ, авг., прилож., 142.
- Гавриль, сб. митроп. 1790 г., т. СІV, окт., 73, 74.
- Гаврушевичъ, Ив. И., т. СІІ, апр., 158—168.
- Гагаринъ, кн. Григ. Ив., послан. при тосканск. дворѣ 1826 г., т. СІІ, апр., прилож., 28 май, прилож. 45, 60, июнь, прилож. 68, 69, 74 г. СІІІ, авг., прилож. 136, 137, 143, 144.
- Гагаринъ, кн., Ив. Серг., секретарь рус. посольства въ Парижѣ, прин. католич. въ 1842 г., т. СІV, окт., 159, 160, 192, нояб., 409—428, декаб., 633, 634.
- Гагаринъ, Ник. Серг., кн., т. СІ, январ., 169.
- Гагаринъ, кн., Серг. Сергѣев., об.-гофмейст., директ. театровъ. ум. 1852 г., т. СІІІ, июль, прилож. 107.
- Гагенъ, Августъ, худож. 1828 г., т. СІІ, авг., прилож. 143.
- Гаевскій, Викт. Павл., т. СІІ, июнь, 575.
- Галаганъ, Г. П., т. СІ, янв., 219.
- Галаховъ, Алексѣй Дм., педагогъ, т. СІІ, июнь, 556, 571, т. СІІІ, июль, 77, авг., 411, 421.
- Галицкий, всендзъ 1861 г., т. СІІ, июнь, 636.
- Гольбергъ, Самуилъ Ив., скульпт., р. 1787 г., ум. 1839 г., т. СІІ, апрѣль, прилож. 22, 23, 25, июнь, прилож. 69, 70, т. СІІІ, авг., прилож., 136, 141, 143, 144, 145, 146.
- Гамалія, губернаторъ, т. СІ, янв., 149, 150.
- Гаманъ, Ив. Григ., профес. архитект., р. 1784 г., ум. 1831 г., т. СІІ, июль, прилож. 107.
- Ганъ, бар., Пав. Васил., курляндск. губернат. 1824 г., т. СІ, янв., 32—51.
- Гаузе, графиня, т. СІ, мартъ, 675, 676.
- Гауке, гр., воен. мин. польск. войскъ, ум. 1830 г., т. СІ, янв., 116, 117, февр., 280, 287.
- Галицкий, Андр. Сераф., т. СІ, янв., 202, 206.
- Гесгардъ, т. СІ, янв., 174.
- Гешелинскій, директ. ванц. комит. мин. въ 1825 г., т. СІІІ, сент., 666.
- Гейденъ, гр., Логинъ Петров., адм. 1827 г., т. СІV, окт. 40, 42, 46.
- Гейденъ, гр., Ѳед. Логинов., нач. гл. штаба, внос. финлянд. ген.-губ., т. СІІІ, прилож. 129, 130, 131.
- Гейсмаръ, ген.-м. 1828 г., т. СІV, нояб., 246, декаб., 600.
- Генкеренъ, Жоржъ, бар., поруч., т. СІ, янв., 273, 274.
- Генкеренъ, бар., голланд. послан. 1837 г., т. СІ, янв., 72—95.
- Геллеръ, Ив. А., т. СІ, янв., 198.
- Гельвицъ, ген.-лейт., т. СІ, янв., 193.
- Гельмерсенъ, Пав. Петров., воспитат. Лицея 1837 г., т. СІV, окт., 20.
- Гельфрейхъ, полковн. 1863 г., т. СІІ, май, 420, 430.
- Гельшертъ, Д. Ф., т. СІ, янв., 201.
- Гендриновъ, гр., шталмейст., т. СІ, февр., 331.
- Гендриновъ, гр., т. СІ, февр., 322, 323.
- Георгиевскій, Петръ Егор., педагогъ, 1832 г., т. СІV, окт., 8, 9, 10.
- Герасовъ, Гавр. Васил., т. СІ, янв., 24.
- Гердъ, Я. И., т. СІ, янв. 201.
- Герстфельдъ, ген., 1851 г., т. СІІІ, июль, 48.
- Герценъ, Александръ Ив., писат., р. 1812 г., † 1870 г., т. СІІ, май, 277, 373, т. СІІІ, июль, 88, 93.
- Герштейнъ, ген.-ад., варшавск. ген.-губ. 1861 г., т. СІ, янв., 50, т. СІV, декаб., 517, 520.

- Геттувъ, чиновн., 1809 г., т. CIV, нояб., 268.
- Гильфердингъ, А. Ѳ., т. CIV, окт. 123.
- Гладкій, Осипъ, кошевой атам., запорож. съчи, 1828 г., т. CIV, нояб., 249, 252, 253.
- Главанкашъ, адм., воен. губернат. въ Николаевѣ, т. СIII, июль, прилож. 119.
- Глинна, Васил. Алексѣев., архитект., р. 1788 г., † 1831 г., т. СII, апр., прилож., 25, май, прилож. 61.
- Глинна, Мих. Ив., композит., т. СI, янв., 66, т. СII, апр., 147.
- Глинна, Серг. Никол., писат., род. 1774 г., † 1847 г., т. СI, февр., 410, г., СIII, сент., 464, т. CIV, окт., 57—67.
- Глинна, Ѳед. Никол., писат. † 1880 г., т. СI, мартъ, 688, т. СII, апр., 169—173, июнь, 577.
- Глинна-Мавринъ, ген.-ад., 1878 г., т. СI, янв., 115.
- Глуховъ, преобраз. оф. 1846 г., т. CIV, декаб., 603.
- Гнейзенау, прусскій генералъ, 1812 г., т. СI, янв., 98—102.
- Гнѣдичъ, Никол. Ив., поэтъ, т. СII, апр., прилож., 25, июнь, 572, 574.
- Гоголь, шт.-кап., СI, янв., 135, 136.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. СI, янв., 183, февр., 309, 383—392, т. СII, май, 373, т. СIII, июль, 89, авг. 330.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. CIV, окт., 195, декаб., 704.
- Голенищева-Бутузова, графиня М. А., т. СII, июнь, 652, 653, т. CIV, нояб., 363.
- Голицына, княг., Александра рожд., Протасова, р. 1774 г., † 1842 г., т. CIV, декаб., 633, 634, 665.
- Голицына, княг., Варв. Вас., см. Энгельгардъ.
- Голицына, княжна, Елисавета Алексѣевна, р. 1796 г. † 1843 г., т. CIV, декаб., 633, 637.
- Голицына, княг., Наталья Степ., рожд., Апраксина, р. 1794 г., † 1890 г., т. СI, янв., 103.
- Голицынъ, кн. А. Л., общ. „Афиша въ помѣщичьемъ домѣ“, т. СI, февр., 307—308, „Купчая на людей въ 1839 г.“, т. СII, июнь, 619, 620, ул. февр., 308.
- Голицынъ, кн., Александ. Никол., мин. народн. просв., об.-прокур. синода, р. 1773 г., † 1844 г., т. СI, февр. 402, т. СII, апр., 88, 89, 105, 107, 108, 111, 113, май, 270, 277, 297, 347, т. СIII, июль, 37, 194, 195, авг., 395, сент., 559, 561, 567, 568, 571, т. CIV, окт., 73, нояб., 237, декаб., 555, 651—663.
- Голицынъ, кн., Борисъ, ген.-лейт., 1812 г., т. CIV, декаб., 573.
- Голицынъ, кн., Борисъ Ѳед., об.-егермейст. 1890 г., т. СI, янв., 102, 104.
- Голицынъ, кн., Дм.-Августинъ, р. 1770 г., † 1840 г., т. CIV, декаб., 635, 637.
- Голицынъ, кн., Дм. Влад., москов., ген.-губ., т. CIV, декаб., 597.
- Голицынъ, кн. М. Н., т. СIII, июль, 100.
- Голицынъ, кн., Мих., 1840 г., т. СIX, декаб., 638.
- Голицынъ, кн., Петръ Алексѣев., т. CIV, декаб., 637.
- Голицынъ, кн., Серг., полков., команд. 1799 г., т. СII, апр., 36, т. СIII, авг., 283—284.
- Голицынъ, кн., Серг. Мих., москов., ген.-губ., т. СIII, июль, 43.
- Голицынъ, кн., Серг. Сергѣев., фл.-ад., р. 1783 г., † 1833 г., т. СI, янв., 102—106.
- Голицынъ, кн., С. Ѳ., † 1849 г., т. СI, янв., 103.
- Голицынъ, кн., Серг. Ѳед., ген.-отъ-инф., р. 1749 г., † 1810 г., т. СI, янв., 104.
- Голицынъ, кн., Ѳед. † 1848 г., т. CIV, декаб., 633, 636.
- Голицынъ, кн., 1849 г., т. СI, янв., 143—147, 261—270, февр., 434, мартъ, 746, 748, т. СII, апр., 23.
- Голицынъ, кн., об.-камергеръ, 1787 г., т. CIV, нояб., 276.
- Головина, графиня, В. Н., т. СI, мартъ, 623, 631, 632.
- Головинъ, ген.-губ., оста. губерній, 1837 г., т. СI, янв., 35—50, февр., 321, т. CIV декаб., 600.
- Головинъ, ген. - интенд. флота, † 1831 г., т. СIII, авг., 234.
- Головинъ, гр., об.-камергеръ, 1834 г., т. СIII, июль, 185, т. CIV, декаб., 593.
- Головинъ, гр., ген., т. СI, янв., 189.
- Головинъ, гр., попечит. Харьковск. учебн. окр., 1838 г., т. СII, июнь, 508.
- Головинъ, гр. Юрій Андр., об.-камерг., чл. Гос. Сов., т. СI, февр., 319, 310, т. СII, май, 334.
- Головинъ, Александ. Васил., мин. нар. пр., 1862 г., р. 1821 г. † 1886 г., т. СI, янв., 219, т. СIII, сент., 449, т. CIV, окт., 21.
- Голохвастовъ, Д. П., пом. попеч. Моск. уч. окр., т. СI, февр., 426, 427.
- Голубевъ, Н. И., прокур. приказа

- обществ. приарвіня, 1827 г., т. СІІІ, июль, 62.
- Голубцовъ, т. СІІІ, сент., 459.
- Гольцговеръ, ген., директ. Лицея, 1837, т. СІV, окт., 19, 23, 24.
- Гончарова, Е. Н., т. СІ, янв., 273.
- Гончарова, Наталія Никол., см. Пушкина.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писат., р. 1814 г., † 1891 г., т. СІ, янв., 5—23, февр., 388, т. СІІІ, июль, 89, т. СІV, окт., 118.
- Гончаровъ, Осипъ Семенов., т. СІІ, июнь, 695, 696.
- Горголи, полковн. 1807 г., т. СІІІ, сент., 514, 518, т. СІV, окт., 89, 92, 101.
- Горголи, Ив. Сав., плацъ-маіоръ, т. СІ, янв., 180.
- Горголи, сенат. 1850 г., т. СІV, декаб., 600.
- Горностаевъ, Алексѣй Максим., профес. архитект., р. 1804 г., † 1862 г., т. СІІІ, авг., прилож., 147.
- Горчакова, Аграфена Ив., въ зам. гр-на Хвостова, т. СІІ, май, 330.
- Горчаковъ, кн., Александр., Мих., канцлеръ, р. 1799 г., † 1883 г., т. СІ, янв., 108, т. СІІІ, авг., прилож., 144, т. СІV, окт., 6.
- Горчаковъ, кн. Алексѣй Ив., 1800 г., т. СІІ, май, 329.
- Горчаковъ, кн. Мих. Дм., главноком. Крымск. арм., 1855 г., намѣстн. Ц. Польскаго, р. 1792 г., † 1861 г., т. СІ, янв., 143, 146, 260—271, февр., 503—510, мартъ, 749, т. СІV, декаб., 494, 519, 523.
- Горчаковъ, кн., воен. мин., † 1817 г., т. СІІ, апр., 119.
- Госциминскій, полковн. 1840 г., т. СІV, окт., 230, 231.
- Готманъ, ген. т. СІ, янв., 134.
- Гофманъ, Ив. Ив., художн., р. 1805 г., † 1860-хъ гг., т. СІІІ, авг., прилож., 142.
- Граббе, гр., Пав. Христоф., † 1875 г., т. СІ, февр., 412.
- Грабовскій, гр., Францискъ, сенат. и воевода, т. СІ, февр., 280.
- Грабовскій, гр., Станиславъ, сенат. и воевода, т. СІ, февр., 280.
- Грабовскій, гр., т. СІ, февр., 287, 296, мартъ, 530.
- Грамматикъ, Н. Ѳ., т. СІІ, июнь, 566, 572, т. СІІІ, июнь, 58.
- Гребенка, Евг. Павл., писат., р. 1812 г., † 1848 г., т. СІ, янв., 184, т. С, май, 294, 297, 298, 300.
- Гресе, Богданъ, тверской почтмейст. 1812 г., СІІ, май, 424.
- Грейтъ, адмир., 1830 г., т. СІІ, апр., 61, т. СІІ, окт., 43, нояб., 240, декаб., 425, 502, 503.
- Грезовъ, Дм., болгар. мин., т. СІ, февр., 375, 376.
- Грезовъ, полк., т. СІ, февр., 504.
- Грессеръ, Петръ Апол., слб. градонач. т. СІ, янв., 111.
- Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 г., † 1867 г., т. СІ, янв., 172, 175, февр., 316, 405—409, 482, мартъ, 606, т. СІІ, апр., 174, июнь, 556, 564—579, т. СІІІ, июль, 76, авг., яри. 148, сенат., 461, 559—591, т. СІV, нояб., 486.
- Гржимайло, т., СІ, февр. 288, мартъ, 526.
- Грабовскій, чиновн. царства польскаго 1830 г., т. СІІ, май, 363.
- Грибовскій, Адрианъ Моисеевъ, ст-секр. им-цы Еватеринны ІІ, т. СІ, апр., 66.
- Грибодовъ, Александр. Серг., писат., т. СІ, февр., 388, т. СІV, окт., 432.
- Григоровичъ, В. И., писат., т. СІІ, июнь, прилож., 78, т. СІІІ, июль, прилож., 104.
- Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. СІ, февр. 393, т. СІІІ, июль, прил. 106, 107, 119, авг., 327—336, прилож., 131, сент., прил. 171.
- Григорьевъ, Апол. Алекс., писатель, р. 1822 г., † 1864 г., т. СІ, янв., 9, 10.
- Григорьевъ, В. В., т. СІ, янв., 220.
- Григорьевъ, актеръ, т. СІ, февр., 409, 434.
- Гриммъ, Фридрихъ-Мельхиоръ, кор-респ. им-цы Еватеринны ІІ, р. 1723, ум. 1807 г., т. СІ, февр. 291, 292.
- Гродецкий, т. СІ, мартъ, 530.
- Гротъ, Яковъ Карл., акад., р. 1812 г., ум. 1893 г., т. СІV, окт., 3, 6, 19, 20.
- Гротъ, К. Е., т. СІ, янв., 203.
- Грохольскій, гр., т. СІ, мартъ, 530.
- Груданкова, Іоанна, т. СІ, мартъ, 640.
- Грушевицкій, т. СІ, мартъ, 530.
- Грушецкой, герольдмейст. 1812 г., т. СІІ, апр., 90.
- Губбе, сенат. 1862 г., т. СІV, декаб., 511, 519.
- Гумаликъ, Дм. Христоф., профес. 1858 г., т. СІІ, апр., 178.
- Гумбольдтъ, Александр., натура-листъ, р. 1769 г., ум. 1859 г., т. СІІІ, авг., прилож., 149.
- Гурій, казанск. архіеп., р. 1500 г., ум. 1563 г., (въ мірѣ Григорій Ру-готинъ), т. СІ, мартъ, 699.
- Гурко, ген.-ад. 1878 г., т. СІ, янв., 106, 111, мартъ, 668.
- Гурьевъ, Дм. Александр., ма-ръ фи-нанс., ум. 1825 г., т. СІІ, апр., 48, июнь, 582, 633, 684, т. СІV, декаб., 640.

Гурьевъ, гр., кievск. ген.-губ., 1836 г., т. CIV, нояб., 491.
Гучковъ, т. CI, февр. 327.
Гюнтеръ, подпоруч., т. CI, янв., 150, 151.

Д.

- Давыдова, Марья Денис., см. Ермолова.
Давыдова, Нат. Влад., т. CI, янв., 169.
Давыдовъ, Алекс. Петр., д. ст. сов., т. CI, февр., 377, 378, 380, 381, мартъ, 593, 594, 595, 596, 598.
Давыдовъ, Денисъ Васильев., партизанъ, писат., р. 1784 † 1839 г., т. CIII, авг., 255.
Давыдовъ, Ив. Ив., акад., р. 1794 † 1863 г., т. CII, апр., 175—185.
Давыдовъ, арт.-виолончелистъ, т. CII, апр., 168.
Даллеръ, докторъ, т. CII, апр., 6, 7, 22.
Даль, Влад. Иван., писат., р. 1801 † 1872 г., т. CI, февр., 311.
Давыасъ, К. К., т. CI, янв., 275, т. CII, май, 399.
Давидовъ, сенат., т. CI, февр., 328.
Дантесъ-Гекернъ, бар., поруч. Кавалергард. пол. 1837 г., томъ CI, янв., 69—95, 274, мартъ, 589, томъ CII, май, 370, 396—398, т. CIII, авг., 385—388, т. CIV, нояб., 487.
Даргомыжскій, Александр. Серг., композит., р. 1813 † 1869 года, т. CIV, окт., прилож., 178.
Дашкова, княг., Екатерина Романовна, т. CIV, окт., 192.
Дашковъ, Дмитр. Васильевичъ, мин. юстиц. † 1839 г., т. CI, янв., 30, 34, 46, 188, 192, мартъ, 584, т. CII, апр., 131, т. CIII, июль, 185—194, т. CIV, нояб., 243, 486.
Дикгубовскій, рект. спб. унив. 1829 г., т. CII, май, 420.
Дебанъ, полковн. 1820 г., т. CIV, декаб. 603.
Деятинскъ, ген., управл. путей сообщенія, 1842, т. CI, янв., 133, 134.
Дегай, ст.-секр., т. CI, мартъ, 572, 573.
Дегуровъ, профес. исторіи 1816 г., т. CIV, декаб., 652.
Дедемъ-де-Гельдеръ, бар. Антонъ, р. 1774 † 1825 г., его записки, т. CIII, июль, 113—138.
Дельвицъ, бар., Антонъ Антонов., писат., р. 1798 † 1831 г., томъ CI, янв., 163, т. CII, июнь, 565, 571—577, т. CIV, окт. 7.
Деланковъ, Ив. Давид., мин. народн. просв., † 1898 г. т. CII, апр., 176.
Дембежъ, всендъ, т. CI, февр., 288, мартъ, 526.
Демидова, т. CI, февр., 436.
Демидовъ, Анатолій Никол., томъ CIII, июль, прилож., 114—117, авг., прилож. 149—155, сент., прилож. 164.
Демидовъ, Николай, т. CIV, декаб., 564.
Деммертъ, Ник. Алекс., т. CI, янв., 207.
Денново, т. CI, мартъ, 530.
Денисовъ, партизанъ 1812 г., томъ CIII, сент., 660—664.
Денисовъ, ген., 1807 г., т. CI, янв., 267, февр., 504.
Депредратовичъ, Никол. Иван., ген. 1817 г., т. CII, апр., 116.
Дерамеръ, т. CI, мартъ, 530.
Державинъ, Гавр. Ром., род. 1743 † 1816 г., т. CI, февр., 469, мартъ, 656, т. CII, июнь, 682, т. CIV, нояб., 482.
Дерфельденъ, ген.-поруч. 1792 года, т. CIV, декаб., 541, 542.
Дибичъ-Забалзановскій, гр., Ив. Ив., р. 1785 † 1831 г., т. CI, мартъ, 517—544, 619, 642—650, т. CII, апр., 6, 53—67, май, 237—257, 359, июнь, 479—494, 501—503, т. CIII, июль, 6—32, авг., 261, сент., 591, 658—661, т. CIV, окт., 210, 211, ноябрь, 238—253, декаб., 497—504.
Дивовъ, Пав. Гавр., сенат., его дневникъ, т. CI, янв., 187—194, томъ CII, апр., 125—137, т. CIII, июль, 183—200, т. CIV, нояб., 483—491.
Димитрій, Самозванецъ, томъ CIV, окт., 193—200, т. CIV, дек., 689—706.
Диммертъ, подпоруч. 1850 г., томъ CIV, нояб., 312.
Димитріевъ, Ив. Ив., мин. юстиціи, писат., р. 1760 † 1837 г., томъ CI, февр., 316, т. CII, апр., 174, июнь, 572, 573, 583, т. CIII, июль, 57—73, сент., 616, 617, т. CIV, окт. 66, 78, ноябрь, 258.
Димитріевъ, Мих. Александр., томъ CIV, окт., 62.
Димитріевъ-Мамоновъ, Александр. Ив., р. 1788 † 1836 г., томъ CII, апрѣль, прилож. 29.
Добролюбовъ, Ник. Алекс., писат., р. 1836 † 1861 г., т. CI, янв., 9—19, 200, мартъ, 769—772, т. CII, апр., 177.
Добрынинъ, Г. И., томъ CIV, нояб., 268, 271.
Добрынинъ, ген., т. CI, февр., 343, 344.

Довнарювичъ, т. СІ, мартъ, 530.
 Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., воен. мин., шефъ-жанд., р. 1804 † 1867 г., т. СІ, февр., 339, т. СІІ, июнь, 521.
 Долгоруковъ, кн., Дм. Ив., полномоч. мин. при персидск. дворѣ, сенат., писат., † 1867 г., т. СІІ, июнь, прил., 70.
 Долгоруковъ, кн., Владим. Андр., сенат., ген.-губ. москов., † 1890 г., т. СІ, февр., 339, т. СІV, дек. 720.
 Долгоруковъ, кн., Илья Андр., томъ СІ, февр., 339.
 Долгоруковъ, кн., Мих., томъ СІ, февр., 508.
 Долгоруковъ, кн., Никол. Александр., ген.-губ. с.-зап. края † 1847 г., т. СІ, янв., 193, февр., 338, 339, томъ СІV, нояб., 488.
 Долгоруковъ, ген.-ад., т. СІ, мартъ, 582.
 Домбровский, Юсифъ, майоръ, 1846 г., т. СІ, янв., 128, т. СІІІ, авг., 337, 338.
 Домбровский, Е. І., подполковникъ, сообщ.: „Переѣзда императора Николая І черезъ Нѣманъ въ 1846 г.“, т. СІІІ, авг., 337, 338.
 Домонтовичъ, Мих. Алексѣев., ген.-майоръ 1878 г., т. СІ, янв. 110.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн. Алексан. Мих., ген. 1874 г., т. СІ, январь, 110—122, февр., 359, 375, мартъ, 601.
 Достоевскій, Фед. Мих., писат., т. СІ, февр., 384, т. СІІ, май, 278, т. СІІІ, авг., 329, 331, 332, сент., 452.
 Дороховъ, ген. 1812 г., т. СІV, декабрь, 559.
 Дохтуровъ, ген.-лейт., т. СІ, янв., 262—272, февр., 509—512, мартъ, 747—749, т. СІV, нояб., 352, 359.
 Дочевскій, т. СІ, мартъ, 530.
 Драгановъ, П. Д., т. СІІ, май, 370.
 Дрявель, губернаторъ, т. СІ, янв., 240.
 Дриновъ, Маринъ Степ., профессоръ 1878 г., т. СІ, янв., 111, февр. 359, 363, 375.
 Дружининъ А. В., т. СІ, янв., 17, 22, 23.
 Друцкой-Любецкій, кн., Ксаверій Францовичъ, † 1846, т. СІ, февраль, 323, 324, мартъ, 531.
 Дубельтъ, Леонтій Вас., нач.-штаба корп. жанд., т. СІІ, апр., 39.
 Дубровский, Никол. Фед., ген.-лейт., акад., писат., сообщ.: „Записка М. М. Сперанскаго о вѣроятностяхъ войны съ Франціею послѣ Тильзискаго мира“, т. СІ, янв., 57—65. „Графъ Аракчеевъ, вѣжнѣйшій сынъ, дамскій кавалеръ, шутникъ

и защитникъ артиллеріи“, 97—102.
 П. Пезаровиусъ и газета „Русскій Инвалидъ“. Собственноручное письмо П. Пезаровиуса гр. Аракчееву“, мартъ, 617—618. „Къ исторіи русской литературы“, т. СІІ, апр., 71—89, т. СІІІ, сентяб. 559—591. „Великій князь Константинъ Павловичъ въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ. Изъ его переписки съ Н. М. Спягинымъ“ т. СІІ, апр., 91—123. „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, т. СІІІ, сент., 457—483, т. СІV, окт., 53—81, ноябрь, 257—274. „Двѣ записки М. М. Сперанскаго по политическимъ дѣламъ“, нояб., 429—440. „Петръ Яковлевичъ Чадаевъ. Матеріалы для біографіи“, декаб., 583—588. „Къ исторіи русской цензуры 1814—1820 г.“, 643—654. Упом. т. СІ, февр., 393.
 Дудышкинъ, С. С., т. СІ, янв., 6, 7, 13, 17, 22.
 Дурново, И. Т., т. СІ, февр., 310.
 Дурново, Ф. А., т. СІ, мартъ, 655.
 Дурова, Над. Дм., т. СІ, февр., 401.
 Дуровъ, Никол. Павл., профессоръ 1870 г., т. СІІ, июнь, 642—650.
 Дьяконовъ, В., 1848 г., т. СІІІ, авг., прилож., 155.
 Дюгамель, Александр. ген., томъ СІ, мартъ, 556.
 Дюръ, т. СІ, февр., 484.

Е.

Евгеній Болковитиновъ, митропол. кіевскій, 1825 г., т. СІ, мартъ, 623, т. СІV, окт., 139, нояб., 488.
 Евгеній, Виртембергскій, ген., 1812 г., т. СІV, нояб., 243, декаб., 502.
 Евшушевскій, педагогъ, т. СІ, янв., 221.
 Егоровъ, Алексѣй Егоров., профес. живописи, р. 1776 † 1951 г., т. СІІ, апр., прилож. 9, т. СІІІ, июль, сент., прилож. 168.
 Евзерскій, гр., чл. сейма въ Варшавѣ, 1830 г., т. СІІ, июнь, 498, 499, 623, 624.
 Екатерина І, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. СІІ, апр., 203, т. СІІІ, сент., 648.
 Екатерина ІІ, императрица, род. 1729 † 1796 г., т. СІ, янв., 267, февр., 291—322, 434, мартъ, 620—633, т. СІІ, май, 261, 331, т. СІІІ, июль, 53, 195, авг., 267—315, сент., 462, 583, 527—552, 647, т. СІV, октяб., 105, 213, 214, нояб., 260—299, дек., 527—552, 713.

Екатерина Михайловна, вел. княгиня, томъ СII, май, 264, 285, 268, июнь, 520, 527 т. СIII, авг., прилож., 131.

Екатерина Павловна, вел. княгиня, т. СII, июнь, 481, т. СIV, нояб., 348.

Елена Павловна, вел. княгиня, род. 1806 † 1873 г., т. СI, янв., 188, 189, февр., 350, мартъ, 554, 579, 650, т. СII, апр., 32, 45, 135, май, 264—288, прил., 40, июнь, 520, т. СIV, дек., 593.

Елизавета Алексеевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. СI, мартъ, 650, 652, т. СIII, авг., 258, сент., 552, 553, т. СIV, окт., 57, ноябрь, 416, 460, дек., 713.

Елизавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. СII, май, 276, т. СIV, нояб., 260.

Емельяновъ, майоръ, † 1812 г., томъ СIII, сент., 664.

Енохинъ, лейбъ-мед. 1845 г., т. СI, янв., 55, т. СII, июнь, 481.

Ермолинскій, майоръ 1863 г., томъ СII, май, 447.

Ермолова, Елисавет., рожден. Голицына, т. СIV, декаб., 637.

Ермолова, Марья Денисов., рожд. Давыдова, въ перв. бракѣ Каховская, т. СIV, нояб., 277.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, ген.-отъ-артил., р. 1777 † 1861 г., т. СI, январь, 47, 50, 52, февр., 399, 508, мартъ, 624, т. СIII, июль, 196, авг., 254—256, т. СIV, нояб., 240, 277, 340—361, 450, декаб., 553—577, 581, 637.

Ермоловъ, Петръ Александр., род. 1792 г., т. СIV, декабрь, 633, 636, 637.

Есиповъ, преобраз. офиц. 1840 г., т. СIV, декаб., 603.

Ефимовъ, Дм. Егор., профес. архитект., р. 1811 г. † 1864 г., томъ СIII, июль, 42, прилож. 116, сент., прилож., 170.

Ефимовъ, Никол. Ефимов., профес. архитект., род. 1799 г. ум. 1851 г., т. СIII, авг., прилож. 156, сентаб., прилож. 170.

Ефремовъ, П. А., т. СI, февр., 313, 315.

Ж.

Жедовская, Юлія Валеріан., писательница, р. 1826 г., ум. 1883 г., т. СIII, авг., прилож., 158.

Ждановъ, И. Н., акад., т. СII, июнь, 556.

Ждановъ, чинов. 1842 г., томъ СII, июнь, 507.

Жодобовскій, Александр. Алексѣев., протопресвитеръ, т. СII, май, 340. **Желтухинъ**, полков. 1812, г., т. СIV, декабрь, 558.

Желтновъ, Мих. Ив., художникъ 1850 г., т. СIII, июль, прилож. 120.

Жерковъ, ген. 1850 г., томъ СIV, ноябрь, 310.

Живневская, Валентина, т. СI, мартъ, 688.

Жилле, Реми, учит. 1836 г., т. СIV, октябрь, 13.

Жиряевичъ, ген., т. СI, мартъ, 629.

Жомини, бар., дипломатъ, 1812 г., т. СIV, нояб., 243, 463, декаб., 598.

Жуваничъ-Стопъ, подполков., томъ СI, февр., 355, 357.

Жуковский, Васил. Андр., писатель, р. 1788 г., ум. 1852 г., т. СI, февр., 309, 312, 389, 390, мартъ, 536, томъ СII, апрѣль, 71—89, 147, май, 277, июнь, 565, 572, 574, т. СIII, авг., 159, 429, т. СIV, окт. прил. 194, декаб., 601, 662.

Жуковъ, шт.-кап., 1833 г., томъ СIV, ноябрь, 445.

Журавлевъ, сенат., 1833 г., т. СII, апрѣль, 134.

З.

Завадовскій, граф., П. В., т. СIV, ноябрь, 281.

Завадовскій, кап., 1825 г., т. СIV, ноябрь, 461.

Завиша, т. СI, мартъ, 530.

Захрепскій, гр., Арсеній Андреев., мнн. вв. дѣлъ, москов. ген.-губ., р. 1783 г., ум. 1865 г., томъ СI, февр., 334, 402, мартъ, 554, 584—587, 650, 657, 659, т. СII, апр., 5, 36, 38, 69, май, 242, 363, июнь, 504, т. СIII, июль, 43, авг., 232, 259—261.

Захрепскій, полков., 1812 г., томъ СIV, ноябр., 356.

Зажуковскій, т. СI, мартъ, 526.

Зальца, бар., 1812 г., т. СIV, декаб., 558.

Замойскій, Владиславъ, ген. польск. войскъ, 1830 г., т. СII, апр., 219—236, май, 459—469, июнь, 686—696.

Замойскій, гр., Станиславъ, предс. сената, томъ СI, февраль, 280, 287, мартъ, 526.

Замойскій, Янъ, госуд. канцл., томъ СIII, авг., 306.

Зассенъ, Александр. Иванов., художн., 1825 г., т. СII, июнь, прилож., 69, 71, 72.

Зассъ, ген., 1824 года, т. СIII, июль, 140, т. СIV, окт., 208.

Зауревъ, Александр. Ив., художн.,

- р. 1782 † 1844 г., т. СIII, авг., прилож., 160.
Волжневскій, Владиславъ, эмигрантъ, 1879 г., т. СIII, июль, 112.
Вятревъ, ген., т. СIII, авг., 329.
Вяновъ, Никол. Васил., ген.-ад., 1869 г., т. СIII, июль, 82.
Волотаревъ, Васил. Григ., консулъ въ Турціи, 1878 г., т. СI, январь, 111—119, т. СIV, декаб. 741.
Волотукинъ, полков., ум. 1793 года, т. СII, май, 325.
Вонгагъ, суперъ-интендентъ, 1818 г., т. СIII, сент., 647, 648.
Волова, Елена Александр. графиня, (урожд. княжна Куракина), томъ СI, январь, 169.
Зубовъ, гр., Никол. З., т. СII, май, 227.
Зубовъ, кн., Платонъ, т. СIII, авг., 271, 172.
Зубовъ, гр., Платонъ Николаевичъ, ум. 1855 г., т. СIII, сент., прилож., 161.

И.

- Иваншинъ**, Г. А., т. СI, февр., 393.
Иванова, т. СI, февр., 416.
Ивановскій, Игнатій Станислав., профес., т. СIV, окт., 15.
Ивановъ, Александр. Андр., худож., р. 1806 г., ум. 1858 г., томъ СIII, сент., прилож., 169.
Ивашевичъ, майоръ, т. СI, мартъ, 530.
Игельстромъ, бар., команд. войскъ въ Польшѣ, 1792 г., т. СIII, авг., 284, т. СIV, нояб., 284.
Игнатій Брянчаниновъ, архимандр. Сергіевск. пустыни, р. 1805 г., ум. 1867 г., т. СIII, сент., прилож., 162.
Игнатъева, С. С. графиня, томъ СI, январь, 220.
Игнатъевъ, гр., Никол. Павловичъ, дипломатъ 1878 г., т. СI, янв., 113, мартъ, 600, т. СIII, сент., 668—684.
Игнатъевъ, Павелъ Никол., ген.-ад., т. СII, июнь, 495.
Измайлова, Еват. Иванов., рожден. Сотникова, р. 1787 г., ум. въ 1850 гг., т. СII, июнь, 562.
Измайлова, Матрона Захарьевна, р. 1750 г., ум. 1802 г., т. СII, июнь, 557.
Измайлова, Наталья Ефимовна, ум. 1853 г., т. СII, июнь, 557.
Измайловъ, Александръ Александр., проф.-мед. 1846 года, т. СII, июнь, 576, т. СIII, июль, 57.
Измайловъ, Александр. Ефимовичъ, баснопис., р. 1779 † 1831 г., т. СIII,

- июль, 57—78, авг., 407—430, сент., 615—628, т. СIV, декаб., 644.
Измайловъ, Мих. Александр., медикъ, т. СII, июнь, 576.
Измайловъ, Ефимъ Феоdorов., ст.-сов., р. 1749 г., ум. 1814 г., т. СII, июнь, 557.
Иллчневскій, А. Д., т. СII, июнь, 574.
Иллчневскій, Платонъ Демьянов., тов. мин. юстиц., 1850 г., т. СIV, декаб., 600.
Иловайскій, ген., т. СI, янв., 266, 267, 268, февр., 504, мартъ, 753.
Имеретинскій, кн., А. К., начальн. штаба арміи, 1878 г., т. СI, янв., 107.
Имеретинскій, кн. Н. К., сообщ.: „Изъ записокъ стараго преображенца 1850 годъ“, т. СIV, нояб., 301—322, декаб., 589—609.
Изовъ, ген.-майоръ, 1831 г., т. СI, янв., 85, 91, т. СIV, нояб. 253.
Италиковскій, Андрей Яковл., докт. медицин., дипломатъ, р. 1743 г., ум. 1827 г., т. СII, апр., прилож., 28, июнь, прилож., 69, 93, августъ, прил. 136.
Иоденъевъ, ген., 1850 г., т. СIV, декабрь, 603.
Иосифъ, митропол., ум. 1892 г., т. СI, мартъ, 711.
Июземцевъ, подполк., 1824 г., т. СIV, октяб., 205.

I.

- Иосифъ**, митроп., литовск., 1855 г., т. СII, апр., 211—218.
Иорданъ, Фед. Иванов., граверъ, р. 1800 г., ум. 1883 года, т. СIII, авг., прилож., 154, сент., прилож. 163, 166.
Иомейко, т. СI, мартъ, 530.
Иоаннъ Антоновичъ, императоръ, р. 1740 г., ум. 1764 г., т. СII, май, 276.

К.

- Кавелина**, С. К., т. СI, янв., 221.
Кавелинъ, Александръ Александр., спб. воен. губернат., 1842 г., † 1850 г., т. СII, июнь, 505—514 т. СIV, нояб., 319.
Кавелинъ, Дм. Ал. рект. спб. унив., р. 1780 г. † 1851 г., т. СII, июнь, 562, 563.
Кавелинъ, Конст. Дм., проф., писат., р. 1818 г., † 1885 г., т. СII, июнь, 562.
Каверинъ, П. Н., калужск. губернат., 1812 г., т. СIII, сент., 665.

- Казанскій, С.**, сообщ., „Графъ А. К. Толстой. Записка объ его службѣ въ Москов. гл. архивѣ мин. вн. дѣлъ 1834—1836 гг.“ т. CIV, декаб., 685—687.
- Казаровскій, кап.-лейт.** 1831 г., т. CII, апр., 61.
- Кайдановъ, Ив. Кузьмичъ**, учит. исторіи, † 1843 г., т. CIV, окт. 6, 8, 9, 10, 11.
- Калашиковъ, Дм. Мих.**, архитект., р. 1780 г. † 1845 г., т. CII, апр. прилож., 24.
- Калиничъ, Фотій Петровъ**, учитель 1811 г., т. CIV, окт., 6.
- Калитинъ, губернат.**, т. CI, февр., 330.
- Каменскій, гр.**, ген. Никол. Мих., † 1811 г. т. CI, янв., 259, февр., 502—513, март. 746, 755.
- Каменскій, гр. Серг. Мих.**, т. CII, июнь, 616.
- Кампенаузенъ, Балтазаръ Балтаз.** бар., 1817 г., т. CI, янв., 276.
- Каневскій, Ксавер. Ксаверіевъ**, художн., директ. варшавск. худож. школы, р. 1804 г., † 1867 г., т. CIII, ав., прилож., 131, 138.
- Канкринъ, гр.**, Егоръ Франц., мин. финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. CI, янв., 30, 52, 187, т. CII, апр., 128, июнь, 479, 490, т. CIII, июль, 73, 186—199, т. CIV, декаб. 599.
- Канталуэна, княжна, Пульхерія**, т. CI, мартъ, 663.
- Канталуэзенъ, кн.**, Николай т. CI, мартъ, 663.
- Капникъ, Васил. Васил.**, поэтъ, р. 1757 † 1824 г., т. CIV, декаб., 543, 544.
- Капникъ, полковн.** 1711 г., т. CIV, нояб., 285.
- КаподИстрия, гр.**, Ив. Антонов., мин. вн. дѣлъ, р. 1776 † 1831 г., т. CI, февр. 289, т. CIII, авг., прил. 141, 144, 145.
- Капцевичъ, Петръ Мих.**, ген.-лейт. 1803 г., т. CIII, сент., 471.
- Каравеловъ, Любевъ**, т. CI, февраль, 375.
- Каравеловъ, Петръ (Петко)**, т. CI, февр., 375.
- Карамзинъ, Вас. Назар.**, профес., писат., р. 1773 † 1842 г., томъ CI, мартъ, 684, т. CII, апр., 138, 186, июнь, 592, т. CIII, июль, 56, 153, авг., 390, т. CIV, окт., 57, 192, нояб., 259, 482.
- Карамзина, Екат. Андр.**, рожд. княг., Вяземская, р. 1780 † 1851 г., томъ CIV, окт., прилож., 193.
- Карамзинъ, Никол. Мих.**, исторію-графъ, р. 1766 † 1826 г., т. CI, февр., 417, 684, т. CII, апр., 138, май, 347, т. CII, авг., 421, сент., 627, 635, т. CIV, ноябрь 268, 269, декаб. 564, 601.
- Каратыгинъ, Петръ Андр.**, актеръ, р. 1805 † 1879 г., т. CI, февр. 484, т. CIII, авг., прилож. 140.
- Карачай, ген.-м.** 1789 г., т. CII, май, 324.
- Карвицкій, гр.**, т. CI, мартъ, 529, 530.
- Кардинавовскій, поруч.** 1846 г., т. CIII, авг., 337, 338.
- Карель, лейбъ-мед.**, т. CII, апр., 28, май, 269.
- Карстедтъ, майоръ** 1863 г., т. CII, май, 447, 448.
- Карювичъ, Евг. Петр.**, писат., т. CI, мартъ, 619—639, т. CII, май, 349, 350, 365, 366.
- Карпенко, полковн.** 1812 г., т. CIV, декабр., 574.
- Карцевъ, Петръ Кондратьевъ**, адмир., сенат., р. 1746 † 1830 г., т. CII, июнь, прилож. 67.
- Карцовъ, Яковъ Ив.**, пегаг. † 1836 г., т. CIV, окт., 6, 8, 9, 10.
- Катенинъ, ген.-ад.** 1850 г., т. CII, апр., 37, т. CIV, нояб., 305, 306, 316, 317, 318, 319, 320, декаб., 603—607.
- Катковъ, Мих. Никиф.**, публицистъ, р. 1818 † 1887 г., т. CIII, июль, 79—82.
- фонъ-Кауфманъ, П. М.**, т. CI, янв., 273.
- Кафиа, шт.-кап.**, т. CII, апр., 7.
- Каховская, Марья Денис.**, см. Ермолова.
- Каховскій, Александр. Мих.**, т. CIV, нояб., 277.
- Каховскій, Васил. Васильевъ**, екатеринослав. губернат. 1791 г., т. CIV, нояб., 277—299, декаб., 527—552.
- Каховскій, Васил. Осиповъ**, портьскій воевода 1734 г., т. CIV, нояб., 278.
- Каховскій, Мих. Вас.**, ген.-аншеф., р. 1734 † 1800 г., т. CIV, нояб., 277—299.
- Каховскій Петръ Андр.**, декаб., т. CIV, нояб., 277.
- Каченовскій, Васил. Мих.**, 1878 г., т. CI, янв., III, февр., 376.
- Каченовскій, Мих. Трофимъ**, проф., р. 1775 † 1842 г., т. CIII, июль, 64, т. CIV, декаб., 647.
- Качовскій, редакт. газ.** „Glos“ 1861 г., т. CII, июнь, 632.
- Кашадамовъ, Никол., Иван.**, колл. ассес., его библиографическій списокъ на оберткѣ каждой книги.
- Квитко-Осозьяненко, Григ. Фед.**, т. CII, май, 293—301.

- Беллеръ, гр-ня, т. СII, май, 427.
 Беллеръ, ген., варш. губернаторъ, т. СI, февр., 450, 514.
 Бербедаъ, ниж. пут. сообщ., т. СII, май, 286, июнь, 517.
 Берберъ, т. СI, янв., 202.
 Бикинъ, Петръ Андреев., ст. секр., сент. р. 1775 † 1834 г., томъ СII, апр., май, июнь, прилож., 1—95, т. СIII, июль, авг., прилож. 97—142, т. СIV, окт., прилож. 190.
 Бикинъ, ген. 1812 г., т. СIV, декаб., 576.
 Билъ, Левъ Ив., оф.-худож., р. 1795 † 1879 г., т. СIII, авг., прилож., 135.
 Билъ, Фед. Ив., секрет. рус. посольства въ Неаполѣ 1827 г., т. СIII, ав., прилож. 135.
 Бирякопскій, Орестъ Адамов., портретистъ, р. 1783 † 1836 г., т. СII, апр. прилож. 24, 130, т. СIV, авг., прил. 148.
 Биркоръ, полковн. 1840 г., томъ СIV, окт., 222.
 Бирячичиковъ, А. И., профес., сообщ.: „Нѣмецкій источникъ одного русскаго романа“, т. СIV, декаб., 617—619.
 Бирячичиковъ, Л. М., профес., томъ СIII, авг., 330.
 Биселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., томъ СI, февр., 338—350, мартъ, 562, 643—659, т. СII, май, 272, июнь, 587, 591, т. СIII, сент., 481, томъ СIV, нояб., 239, 245—253, 487, 490, декаб., 494.
 Блейдорфъ, см. Стефанская.
 Блеймичель, гр. Петръ Андр., † 1869, г., т. СI, янв., 133—165, февр., 330, мартъ, 554, т. СII, апр., 4, 26, 40, 110, 117, май, 271, 281, 286, июнь, 517, 522—526, т. СIII, июль, 42, т. СIV, декаб., 601.
 Блеховскій, т. СI, мартъ, 530.
 Блингенбергъ, ген., дир. Павл. корпуса, т. СI, янв., 134.
 Блиндгеръ, ген., директ. 1 кадет. кор., т. СII, авг., 327.
 Блодтъ, бар. Петръ Карлов., скульп. р. 1805 † 1867 г., томъ СIII, сент., прилож., 167.
 Блюкъ-фонъ-Блюгенау, полк. 1833 г., т. СIV, нояб., 447.
 Блючаревъ, московск. почт-дирек., 1812 г., т. СII, апр., 90.
 Бнапше, ген.-м., т. СII, апр., 20.
 Бноррингъ, переводч. Пушкина на нѣм. яз., т. СII, май, 371.
 Бноррингъ, ген.-м., т. СI, янв. 260, 262, 263., февр., 505, т. СII, апр., 109.
 Бняжевичъ, Дм. Максим., директ. деп. госуд. казн., 1830 г., почетн. Одесс. учебн. окр., т. СI, февр., 281., т. СII, июнь 573, томъ СIII, июль, 64.
 Коваленко, С. А., сообщ. „Разбитая жизнь, рассказъ смѣльнаго, т. СII, июнь, 529—533, т. СII, июль, 155—182.
 Кожуховскій, т. СI, февр., 288.
 Козловъ, Александръ Алексѣев., худож. р. 1816 † 1884 г., т. СIII, сент., прилож. 167.
 Ковминъ, Н. К. сообщ.: „Николай Полевой и его отношенія къ цензурѣ“, т. СI, февр., 383—413.
 Ководавлевъ, Осипъ Петров., тов. мн. вв. дѣл., писат., р. 1752 † 1819 г., т. СI, мартъ, 744, т. СII, апр., 90, т. СIV, ноябр., 263, 265.
 Комошникъ, Серг. Александр., слб. полиціймейст. 1830 г., т. СI, март., 585, т. СII, июнь, 481, томъ СIII, авг., 260.
 Колмаковъ, К. П., т. СI, февр., 280, 287, март., 633.
 Колмаковъ, кап. 1826 г., т. СIV, декаб., 584.
 Кологривовъ, ген.-лейт., т. СI, февр., 503, март., 748.
 Колокольцовъ, Г. М., ген.-лейт., томъ СIV, декаб., 603, 605.
 Колычевъ, Степ. Алексѣев., послан., въ Вѣнѣ р. 1746 † 1805 г., т. СII, май, 315—322, 323.
 Комаровскій, гр., адъют. 1863 г., т. СII, май, 436, т. СIV, окт., 210, 211.
 Коновницынъ, гр. И. П. ген. 1812 г., т. СIV, декаб., 558—560, нояб., 353, 354, 374, 375.
 Коновницынъ, Петръ, 1813 г., томъ СIII, авг., 390.
 Коградъ, майоръ, т. СI, янв., 143, 144, 145.
 Константиновичъ, Е., 1801 г., томъ СIV, окт., 192.
 Константинъ Николаевичъ, велик. князь, р. 1827 † 1892 г., т. СI, янв., 190, февр., 337, 345—354, 433, мар., 547—588, 671, т. СII, апр., 35, 37, 48, май, 273, 288—290, 425—434, июнь, 655, т. СIII, июль, 45, 46, 53, т. СIV, декаб., 515, 525, 593.
 Константинъ Павловичъ, вел. князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., томъ СI, янв., 116, 261, 262, февр., 277—305, 442, 458, 503, мартъ., 518—550, 619—641, 747, 761—763, т. СII, апр., 52—68, 91—123, 134, май, 237—259, 347—366, июнь, 477—504, т. СIII, июль, 1—32, авг., 226—264, сент., 494, 548, т. СIV, окт., 34—49, 97, 104, нояб., 238—250, 338, 341, 350, 460, декаб., 508, 555, 714—719.
 Корева, см. Скобелева.
 Короваевъ, чиновникъ, т. СI, янв., 133.
 Коровкинъ, ген.-м., т. СII, апр., 20.

- Борниловъ, Влад. Алексѣев, адм.** † 1854 г., т. СІІІ, сент. прилож. 173, 174, т. СІV, окт., 46.
- Корниловъ, сенат.** 1:33 г., томъ СІІ, апр., 133—134.
- Борсазовъ, ген.** 1799 г., т. СІІ, май, 326, 327, т. СІІІ, авг., 291—296, сен., 489—491.
- Борсазовъ, П. А., т. СІ, янв.,** 176.
- Борфъ, команд. конногвард. полка** 1850 г., т. СІV, декаб., 603.
- Борфъ, Н. А., бар. т. СІ, янв.,** 220, февр., 333.
- Борфъ, бар., впол. гр., Модестъ Андр., р. 1800 † 1876 г., его записки т. СІ, янв., 25—56, февр., 317—354, мартъ, 545—588, т. СІІ, апр., 27—50; 140, май, 261—292, 369, т. СІІІ, июль, 33—55, томъ СІV, окт., 10 — 25, упом., январь, 57, августъ, 259, 260, сент., 451, 455, 456.**
- Борфъ, бар., Фед. Карлов., ген.** 1812 † 1823 г., т. СІ, февр., 508, 515, томъ СІV, нояб., 342.
- Борфъ, бар., команд. войск. Варш. окр.** 1863 г., т. СІІ, май, 434.
- Боршъ, Ф. Е., т. СІІІ, июль,** 107.
- Босиновскій, бар., т. СІ, янв.,** 221.
- Бостанда, ген.** 1863 г., т. СІІ, май, 434, 435.
- Бостенецкія, Я. И., изъ его воспомина- ній, т. СІV, нояб.,** 441—457.
- Бостомаровъ, Никол. Ив., р. 1817 † 1885 г., т. СІІ, июнь,** 651.
- Бостомаровъ, инж.-кап.** 1836 г., томъ СІІІ, авг., 329.
- Бостышко, Фаддей, польск. ген., т. СІ, февр.,** 281, 282.
- Босычъ, ген.-м.** 1878 г., т. СІ, январь, 115.
- Боховскій, ген., т. СІ, янв.,** 223, т. СІV, декаб., 541.
- Божъ, Алексѣй Ив., губернереъ въ Царскос. лицей** 1838 г., томъ СІІІ, сент., 452.
- Бочубей, кн. Викт. Павл., мин. вн. дѣлъ, впол. капл., р. 1768 † 1834 г., т. СІ, мартъ, 584—586, 642, 735—740, т. СІІ, апр., 133, май, 270, 285, июнь, 592, т. СІІІ, июль, 185—191, авг., 259, 260, сент., 459, томъ СІV, окт., 77, нояб., 237.**
- Бразовскій, Андрей Александр., род. 1810 † 1889 г., томъ СІ, янв.,** 181, мартъ, 576, т. СІІ, май, 293—301.
- Браскиевскій, гр., т. СІ, мартъ,** 629, 634, т. СІV, декаб., 598, 599.
- Браснокутскій, ген.** 1863 г., т. СІІ, май, 434.
- Брасовскій, т. СІ, янв.,** 174,
- Брауогаръ, А., писат. его соч. „Бур- боны въ изгнаніи въ Мптавъ и въ Варшавѣ“, томъ СІ, янв.,** 229—257, февралъ, 445—475, мартъ, 713—743.
- Крафтштремаъ, почечит. Дерпт. учеб. окр.** 1846 г., т. СІІ, июнь, 509.
- Крейтонъ, лейбъ-мед.** 1837 г., т. СІV, нояб., 487.
- Крейцъ, гр., фл.-ад., т. СІ, фев.,** 328.,
- Кресси-де-Шамилсонъ, Адольфъ, пр.** 1856 г., т. СІІ, апр., 178.
- Крестоводвиженскій, Петръ Кузьм., т. СІ, февр.,** 491—500.
- Кротовичъ, ген.-м., т. СІ, янв.,** 269.
- Крживоблоцкій, ген., т. СІ, февр.,** 381.
- Кривоць, ген.-м., т. СІ, фев.,** 280, 287,
- Куванштернъ, директ. канд., т. СІІ, июнь,** 642, т. СІV, декаб., 511, 518—522.
- Крупекскій, бессарабск. вице-губер.** 1831 г., т. СІ, янв., 85—89.
- Крыжановскій, ген.** 1861 г., т. СІ, февр., 288, т. СІІ, июнь, 642, т. СІV, декаб., 518, 521.
- Крыловъ, Андр. Лук., цевзоръ, томъ СІ, янв.,** 176, 179, 181.
- Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ,** р. 1768 † 1844 г., т. СІ, янв., 103, февр., 388, т. СІІ, апр., 70, прил. 25, июнь, 565, 572, 574, т. СІІІ, сент., 484, 616, 619.
- Крыловъ, Мих., Грнг., скульпт., род. 1786 † 1850 г., т. СІІ, апр., прил.,** 25, май, прилож., 61.
- Крыоднеръ, г.-жа, т. СІІІ, сент.,** 605, т. СІV, нояб., 413.
- Крыоднеръ, полковн.,** 1812 г., т. СІV, дек., 555.
- Кубасовъ, Ив., сообщ.: „Вновь най- денный черновой набросокъ сти- хотворенія Пушкина „Альфонсъ“ т. СІ, февр.,** 308—315. „Иванъ Ни- китичъ Скобелевъ“, т. СІ, февр., 393—413, мартъ, 603—616. „Черновой на- бросокъ письма А. С. Пушкина къ викариту д'Аршиаку отъ 27 янв., 1837 г.“, т. СІ, мартъ, 589—592; „Архивъ Брюлловыхъ, принадлежа- щій В. А. Брюллову“, т. СІІ, апр., прилож., май, июнь, 1—96, т. СІІІ, июль, авг. сент., 97—176, т. СІV, октябрь 177—195. „Изъ афориз- мовъ графа М. М. Сперанскаго“, томъ СІІ, май, 413, 414. „Але- ксандръ Ефимовичъ Измайловъ, 1779—1831 г.“, т. СІІ, июнь, 555—583, т. СІІІ, июль, 57—78, авг., 407—430, сент., 615—628. „На могилу Леонида Николаевича Майкова“, т. СІV, окт., 115—139.
- Кудиничъ, Г. Э., сообщ.: „Двѣ стар- нинныя пѣсни о подвигахъ А. В. Суворова“, т. СІІ, май,** 341—344.

Кузольничъ, Несторъ Вас., р. 1809 † 1868 г., т. СІ, февр., 349, 388, 410, 431 т. СІІІ, июль, 54 авг., прилож., 132 сент., прилож., 175, 176, т. СІV, окт., прил., 178.

Кузьманъ, Н., сообщ.; „Пѣсня на кончину императора Александра II“, т. СІІ, июнь, 651—654, упом., т. СІV, нояб., 363.

Кульневъ, Як. Петр., род. 1763, ум. 1812г., т. СІ, февр., 397, 398, мар., 606.

Куракина, княг., статсъ-дама, † 1813 г., т. СІІІ, авг., 234.

Куракинъ, кн., Александр. Борисов., послан. при франц. дворѣ 1811 г., т. СІ, янв., 57, мартъ, 660, 761—764, т. СІІІ, июль, 115, т. СІV, окт., 186, 186.

Куракинъ, кн., Алексѣй Борисов., ген., прокур., 1796 г., мин., внут., дѣл., т. СІ, февр., 468, 469, т. СІІІ, сент., 459, 494, 495, т. СІV, окт., 74—77, нояб., 473.

Курута, ген.-лейт., т. СІ, февр., 280, 283, мартъ, 635, т. СІІ, апр., 93.

Кусовъ, Никол. Ив., сп. городск. голова съ 1824—1833 г., т. СІІ, апр., прилож., 30.

Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., камердин. Павла I, † 1834 г., т. СІІ, май, 330.

Кутайсовъ, гр., Пав., Ив., об.-гофмейст., сенат., р. 1782 † 1840 г., т. СІ, янв. 27, 28, т. СІІІ, июль, прилож., 107, т. СІV, декаб., 613.

Кутайсовъ, гр., ген., 1812 г., СІ, мартъ, 784, т. СІV, нояб., 343, 344, 348, декаб., 576.

Кутлубицкій, фл.-ад., 1807 г., т. СІІІ, сент., 468.

Кутневичъ, оберъ-священ., арміи и флота 1849 г., т. СІІ, апр., 31.

Куторга, Влад. Степ., т. СІ, январь, 212.

Кутузова, супруга фельдмаршала, т. СІV, окт., 108.

Кутузовъ, сиб. воен. ген. губ., 1826 г., т. СІІІ, сент., 576.

Кутузовъ, кн., Мих. Иллр., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., т. СІ, янв., 194, февр., 399, т. СІІ, июнь, 587, т. СІІІ, июль, 127, 132, авг., прил., 144, сент., 496, 497, 592, 665, томъ СІV, нояб., 411, 470, 474, 491, дек., 571—579, 581, 582, 613, 708 710.

Кучъ, редак. „Курьера Варшавскаго“, 1861 г., т. СІІ, июнь, 633.

Кущелевъ, гр., упр. двор. в. к. Конс. Ник., т. СІ, мартъ, 554.

Кюкальбертъ, Вилг. Карлов., писат. декаб., т. СІІ, июнь, 565, 577, томъ СІІІ, июль, 76.

Кушниковъ, сенат., 1829 г., томъ СІ, янв., 27, 189.

Л.

Лавинскій, сент. 1833 г., т. СІІ, апр.; 137, т. СІІІ, июль, 186, т. СІV, нояб., 490.

Лавицкій, Андрей, иезуитъ † 1631 г., т. СІV, окт., 194, 197 декаб., 689—706.

Лавровъ, ген. 1812 г., т. СІV, декаб., 574, 575.

Лагартъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспит. имп. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. СІ, февр. 293, 305, мартъ, 620—638, т. СІІ, сент., прил. 176, т. СІV, окт., прил., 177.

Лаваревъ, Мнх. Пет., адмир. р. 1788 г. † 1855 г., т. СІІІ, июль, 186, сент., прилож., 173, 174, т. СІV, окт., 46.

Лажъ, граверъ 1812 г., т. СІV, нояб., 323—330.

Ламбертъ, гр., ген. 1860 г., т. СІ, мартъ, 675, 761, т. СІV, декаб., 516—522.

Ланжеронъ, ген. 1800 г., т. СІІ, сент., 491.

Ланской, Вас. Серг., т. СІ, февр. 288, т. СІІ, май, 362.

Ланской, Дм., сент. 1825 г., т. СІ, февр., 476, т. СІІ, июнь, 612.

Ланской, гр., Сер. Степ., мин. вв. дѣл., р. 1787 † 1862, т. СІV, нояб., 370.

Ланской, команд. конно-гвард. пол. 1850 г., т. СІV, нояб., 311.

Лантэвъ, ген., т. СІ, мартъ, 755.

Лашаревъ, кам.-пажъ, т. СІ, февр., 332.

Лебедевъ, Степ. Сидоров., профес. 1858 г., т. СІІ, апр., 177.

Левашевъ, гр.; † 1843 т. СІ, мартъ, 546—584.

Левашевъ, кievск. ген.-губер. 1833 г., т. СІІ, апр., 132.

Левашевъ, полковн. 1812 г., т. СІV, нояб., 338.

Левенвольде, полковн. 1812 г., т. СІV, нояб., 338.

Левенштернъ, бар., Влад. Ив., р. 1777 г. † 1868 г., его записки, т. СІІ, авг., 265—297, сент., 485—522, т. СІV, окт., 83—109, нояб., 331—361, декаб., 553—582.

Лейницкій, худож., 1851 г., т. СІІ, июль, 53.

Лейхтенбергскій, герцогъ, Максимилианъ, презид. акад. худож. 1851 г., т. СІ, февр. 319, мартъ, 548, 665, т. СІІІ, авг., прилож., 129.

Лелевель, членъ правл. польск. рев. глуба 1831 г., т. СІ, февр. 288.

- Делавенгъ**, т. СІ, мартъ, 530.
- Дермонтовъ**, В. ген.-м. 1859 г., т. СІV, нояб., 370, 371.
- Дермонтовъ**, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 + 1841 г., т. СІ, февр., 383, 384, 388, 392, т. СІІ, май, 297, т. СІІІ, июль, 89, 92, т. СІV, нояб., 488.
- Держе**, окулистъ 1830 г., т. СІІІ, июль, 195, т. СІV, нояб., 489.
- Десневичъ**, помѣщ. 1861 г., т. СІІ, июнь, 626.
- Дестока**, ген.-лейт., т. СІ, янв., 260, 264, февр., 503, 513, 514, мартъ, 746—761.
- Десфортъ**, Францъ Яковл. † 1699 г. т. СІ, февр., 335.
- Дивекъ**, княгиня, воспитан-ца вел. княжесъ 1796 г., т. СІ, февр., 325, 433, мартъ 632.
- Дивекъ**, кн. Карлъ Анд., ген.-лейт., почетн. Дерпт. учеб. окр. 1821 г., † 1845 г., т. СІ, февр., 420—426, мартъ, 761, т. СІІІ, сент., 463, 565.
- Дивекъ**, кн., Христофоръ Андр., посолъ въ Лондонъ, 1830 г., т. СІІ, май, 239, 241.
- Дивекъ**, бар., ген.-ад., 1846 г., т. СІ, февр., 321, мартъ, 587, 588.
- Дидерсъ**, гр., Александр. Никол., намѣстн. ц. польскаго 1862 г., т. СІ, янв., 143, 146, мартъ, 668, т. СІІ, июнь, 621—642, т. СІV, декаб., 511, 518, 519, 521, 525.
- Дивавенгъ**, послан. въ Римъ 1801 г., т. СІІ, май, 368.
- Дилленфельдъ**, т. СІ, февр., 321.
- Дипранди**, И. П., т. СІ, янв., 85, 86, 89, 90.
- Дипранди**, кол. ассес. 1793 г., т. СІV, декаб., 528.
- Дипранди**, полковн. 1878 г., т. СІ, янв., 111.
- Дисавенгъ**, Дм. Тихон., ген. 1824 г., т. СІV, окт., 204—212, нояб., 459—469.
- Дитке**, Фед. Петр., адм., т. СІ, февр., 348, т. СІІ, апр., 158.
- Дитта**, гр., П. Ю., т. СІ, янв., 103.
- Дихачевъ**, ген. 1812 г., т. СІV, декаб., 576, 580.
- Добанова-Ростовская**, княгиня, Клеопатра Ильинич., рожд. гр-ня Безбородко, т. СІ, янв., 24.
- Добановъ-Ростовскій**, кн., посолъ въ Константиноп. 1878 г., т. СІ, янв., 110.
- Добановъ-Ростовскій**, кн., ген.-ад. 1845 г., т. СІ, янв., 54.
- Добановъ Ростовскій**, кн., ген. 1812 г., т. СІ, янв., 213, 214, мартъ, 759, 761, 762, т. СІV, окт., 97.
- Довжъ**, княг., Жанета Антонов., р. 1795 † 1834 г., т. СІ, мартъ, 537, 538, 632, 633, т. СІІ, май 367, т. СІІІ, авг., 229, 230, 231, 241, 242, 258.
- Догановскій**, Александр. Васил., профес. скульпт., р. 1810 † 1855 г., т. СІV, окт., прилож., 192.
- Доди**, Андр. Петров., артистъ, т. СІV, окт., прилож., 177.
- Домоносозъ**, Мих. Васил., писат., т. СІ, февр., 391.
- Домоносозъ**, подполк., т. СІ, февр., 358.
- Домгяновъ**, ст.-секрет., 1867 г., т. СІV, ноябр., 436.
- Допухинъ**, Ив. Влад., масонъ, р. 1756 г. † 1816 г., т. СІІІ, сент., 635.
- Допухинъ**, кн. Петръ Васил., москов. губернат. 1786 г. † 1827 г., т. СІІІ, авг., 298.
- Допухинъ**, кн., д. тн. сов., т. СІІ, май, 336, 337.
- Доренцъ**, Фед. Фед., акад., р. 1803 г. † 1861 г. т., СІІ, апр., 176.
- Дощкаревъ**, фл.-адъют., т. СІ, янв., 143.
- Дубановскій**, сенат. 1830 г., т. СІ, янв. 192, т. СІІІ, июль, 189.
- Дувьяновъ**, Серг. Ив., сенат. 1878 г., т. СІ, янв., 111.
- Дунинъ**, декаб., т. СІ, февр., 279, 280, т. СІІ, май, 364.
- Дунинъ**, Петръ, т. СІІІ, сент., 558.
- Дьвова**, княжна, Екат. Влад., камеръ-фрейлина, р. 1807 † 1880 г., т. СІ, февр., 331, т. СІV, окт., прилож., 179.
- Дьвова**, Алексѣй Фед., директ. пѣвч. капеллы, композиторъ, р. 1798 г. † 1870 г. т. СІІ, апр., 145 — 168, т. СІV, декаб. 601.
- Дьвова**, Фед., директ. пѣвческ. капеллы † 1837 г., т. СІІ, апр., 147, 150.
- Дьвова**, ген., т. СІ, февр., 506.
- Дьвова**, полковн. 1875 г., т. СІ, янв., 114, 119.
- Дьобедвій**, кн., мин. финанс. ц. Польскаго, т. СІІ, апр., 135, июнь, 498, 499, т. СІІІ, июль, 186, 188.
- Дьобедилъ**, проф., т. СІ, янв., 219.
- Дьудингстаузенъ-Вольфъ**, бар., ген., 1829 г., т. СІV, декаб., 495.
- Дьуца**, ген.-м., новгород. коменд. 1831 г., т. СІІІ, авг., 238.
- Дьарскій**, т. СІ, янв., 160, 161, 163, 164, 165.
- Дьидвій**, Евг., сообщ. „Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина“, т. СІ, янв., 273—275.

М.

- Мавейнтъ, сенат. 1833 г., т. СII, апр., 134.
- Мавринъ, сенат., 1824 г., т. CIV, окт., 202.
- Магницкій, Мих. Леонтьев., попечит. Казанск. учеб. окр., р. 1778 г., † 1844 г., т. CI, янв. 174, 175, 182, т. СII, апр., 90, т. СIII, окт., 14.
- Мадатовъ, кн., ген.-м. 1824 г., т. CIV, окт., 202, декаб., 494.
- Маевскій, т. CI, мартъ, 526.
- Мазаевъ, М. Н., т. СII, июнь, 573.
- Маёвельсъ, равнинъ варшавск. окр. 1862 г., т. СII, июнь, 623.
- Майжова, Евг. Петр., рожд. Гусятникова, писат.—ца, т. CIV, окт. 118.
- Майковъ, Апол. Александ., писат., директ. театровъ, т. CIV, окт., 117—119, 133.
- Майковъ, Валер. Никол., писат., т. CIV, окт., 118, 119.
- Майковъ, Васил. Ив., т. CIV, окт., 117, 118.
- Майковъ, Влад. Никол., издат. „Подсвѣженка“ 1859 г., т. CIV, окт., 119.
- Майковъ, Ив. Степ., помѣщ. 18 в., т. CIV, окт., 117.
- Майковъ, Леонидъ Никол., академикъ, † 1900 г., сообщ.: „Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 гг.“, т. CI, янв., 5—23, упом. т. СII, июнь, 556, т. CIV, окт., 115—139.
- Майковъ, Мих. Александ., директ. Демидовск. учил. высш. наукъ, писат., т. CIV, окт., 118.
- Майковъ, Никол. Апол., т. CIV, окт., 118, 119.
- Майковъ, П. М., сообщ.: „Графъ Минихъ въ Сибири“ т. CI, янв., 225—225—228, „Записки графа Л. А. Бенвигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года“, т. CI, янв. 259—272, февр. 501—515, мартъ, 745—767, „Гортензия Богарнѣ“, т. СIII, авг., 365—381, сент., 593—614.
- Макаровскій, полковн. 1863 г., т. СII, 447.
- Маковский, художн., т. CI, февр., 311.
- Мамонтова, Л. А., т. СII, июнь, 556.
- Малаховскій, Густавъ, т. CI, февр., 288.
- Малининъ, В. В., т. CI, янв. 198.
- Малиновскій, Алексѣй Фед., управл. московск. гл. архива мин. ин. дѣлъ 1836 г., т. CIV, декаб., 686, 687.
- Мальцевъ, А. П., протоіерей, 1899 г., т. CI, янв., 68.
- Мамонтовъ, гр., 1812 г. т. CIV, декаб., 564.
- Манвеловъ, кн., т. CI, мартъ, 747.
- Мандтъ, лейбъ-мед. 1850 г., т. CI, янв., 54, 55, февр., 27, 28, 340, 352, мартъ, 553, т. СII, апр., 27, 28, май, 288, т. СIII, 42.
- Манузовъ, Федосей, т. CI, янв. 258.
- Манштейнъ, т. CI, янв., 227.
- Марія Александровна, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. CI, янв., 109, 116, 203, февр., 340, мартъ, 572, 664, 665, 675, 680, т. июль, 51—55, т. CIV, декаб., 593.
- Марія Александровна, вел. княжна, т. CI, янв., 206, мартъ, 671.
- Марія Михайловна, вел. княжна, † 1846 г., т. CI, февр., 328, 331.
- Марія Николаевна, вел. княжна, въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1879 г., т. CI, февр., 319, 340, 353, 433—441, мартъ, 549, 554, 665, 671, 676, т. СII, апр., 32, май, 268, июнь, 517, 521, т. СIII, июль, прил. 106, авг. прил. 131, 132, т. CIV, нояб. 243, декаб. 593.
- Марія Павловна, вел. княгиня, въ зам. великая герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. СII, апр., 53, т. СIII, июль, 42, сент., 552, т. CIV, дек., 613.
- Марія Феодоровна, императрица, р. 1759 г. † 1828 г., т. CI, янв., 176, февр., 322, 442, 640, 641, т. СII, апр., 204, июнь, прил., 84, т. СIII, июль, 140, сент., 545, т. CIV, окт., 67, 71, 191, нояб., 243, декаб. 505, 611—614, 717.
- Маркевичъ, ген.-м. 1816 г., т. CI, февр., 349, т. СII, апр., 106, 107, 110.
- Марковъ, гр. Аркадій Ив., дипломатъ, р. 1747 г. † 1827 г., т. CI, янв., 58, февр. 468, 714.
- Марковъ, гр. А. Н., т. CIV, нояб., 281.
- Марковъ, М. Т., художн. 1821 г., т. СII, май, прил., 33.
- Маркусъ, виолончелистъ 1860 года, т. СII, апр. 167.
- Маркусъ, лейбъ-мед. 1845 г., т. CI, янв., 55.
- Маркусъ, Мих. Антонов., докт. писат., р. 1790 † 1865 г., т. CIV, окт., прил., 180.
- Марченко, Васил. Роман., госуд. секр. 1830 г., т. CI, янв., 27, т. СII, апр., 90.
- Марченко, М. К., сообщ.: „Письмо императрицы Екатерины Алексѣевъ къ князю А. Д. Меншикову“, т. СII, апр., 202. „Исцѣленіе полковника Повиша“, т. СIII, сент., 650.
- Масальскій, К., т. CIV, нояб., 267.
- Масонъ, нач. тайн. полиц. въ Варшавѣ 1861 г., т. CIV, декаб., 521, 522.

- Матвѣевъ, П. А.**, т. СІ, мартъ, 596.
Матушевичъ, гр. ген.-ад., 1830 г., т. СІV, декаб., 502.
Мауреръ, Всеволодъ, артистъ скрипачъ 1856 г., т. СІІ, апр. 157.
Медвѣтъ, гр., послан. въ Вѣнѣ 1849 г., т. СІ, янв., 191, мартъ, 557, 562, 572, т. СІІ, апр., 31.
Медвѣтъ, гр., камергеръ 1814 г., т. СІV, нояб., 476.
Мещенцовъ, т. СІ, мартъ, 747.
Мейендорфъ, бар., ген.-ад., т. СІ, февр. 321, мартъ, 557, т. СІІІ, июль, 34.
Мейеръ, Христианъ Филипп., архитект. р. 1789 г. † 1848 г., т. СІІ, май, прилож., 60.
Медвѣдико, П., т. СІІІ, сент., 464, 465.
Меллеръ-Закомельскій, ген. 1812 г., т. СІV, окт., 96, 97.
Мельгуновъ, Н. А., т. СІ, янв., 67, 68.
Мельгуновъ, ген.-лейтент. 2-й арміи 1828 г., т. СІV, окт., 51.
Мельниковъ, Авраамъ Ив., архит., ректоръ акад. худож., р. 1780 г., † 1854 г., т. СІІ, апр., прилож. 24.
Менгденъ, бар., губернат. Августов. губ. 1863 г., т. СІІ, май, 437, 438.
Меншиковъ, вн., Александръ Данил., генералиссимусъ, р. 1673 г., † 1729 г., т. СІІ, апр., 202.
Меншиковъ, вн., Александръ Сергѣев., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. СІ, янв., 55, т. СІ, мартъ, 557, 572, 647, 657, 658, т. СІІ, апр., 34, май, 242, 284, 286, июнь, 495, т. СІІІ, июль, 19, 185, 199, авг., 232, 259, т. СІV, окт., 40, нояб., 239, 241, 486, декаб. 495, 501, 506, 596, 597, 601.
Меньковъ, Петръ Кононов., т. СІІІ, июль, 143, 144.
Мердеръ, Марія Карловна, фрейл., р. 1815 г., † 1870 г., ея дневникъ, т. СІ, февр., 433—443.
Мердеръ, Карлъ Карл., воспит. Александра ІІ, т. СІ, янв., 189, мартъ, 536.
Мердеръ, Алексѣй, сообщ.: „Листки изъ дневника Маріи Карловны Мердеръ“, т. СІ, февр., 433 — 443, т. СІІІ, авг., 383—384. „Али паша авалскій въ Θεодосіи. Изъ воспоминаній г-жи Ростейнъ“, т. СІІ, июнь 554, „В. Збышевскій. Изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.“, т. СІІІ, июль, 112. „Почаевская лавра въ 1860 годахъ“, т. СІV, окт., 110.
Мерзляковъ, Ал.—Иъ Оед., писат., † 1830 г., т. СІІІ, июль, 64.
Мечниковъ, сенат. 1829 г., т. СІ, янв., 27, 28.
Миленскій, нач. польск. банды г., т. СІІ, май, 430—434.
Миллеръ, Орестъ Оедор., профес., т. СІ, янв., 213.
Миловновъ, М. В., писат., т. СІІ, июнь, 572.
Милорадовичъ, гр., Мих., Андреев., сб. воен. ген. губ. † 14 дек. 1825 г., т. СІ, янв., 130, т. СІІ, апр., 92 — 98, май, 345, 346, июнь, 683, 684, прил., 69, т. СІІІ, сент., 566, 578, 583, т. СІV, нояб., 462, декаб., 718.
Милонковъ, оф., т. СІ, янв., 268, мартъ, 636.
Милоткина, Марія Аггеевна, рожд. Абаза, т. СІІ, апр., 139.
Милоткинъ, гр., Дм. Алексѣев., воен. инж., т. СІ, янв., 115, 131.
Милоткинъ, Никол. Алексѣев., р. 1818 г., † 1872 г., т. СІІ, стр. 142.
Миницкѣ, гр., Бурхардъ Христофъ, р. 1683 † 1767 г., т. СІ, янв. 225 — 228.
Миницкій, С. И., арханг. ген.-губ. 1830 г., т. СІІІ, июль, 68—78.
Миницкѣ, ген., нач. штаба арміи 1863 г., т. СІІ, май, 428, 431, июнь, 655, 661, 672.
Миницка (Шумская), Настасья Оед., домоправит-ца гр Аракчеева, т. СІV, нояб., 471.
Мирбахъ, фл.-ад. 1849 г., т. СІІ, апр., 31.
Миржовичъ, жанд. полковн., 1846 г., т. СІІ, июнь, 512.
Миропольскій, С. И., педагогъ, т. СІ, янв., 221, 222, 223.
Михайлъ Николаевичъ, вел. вн., т. СІ, янв., 194, февр., 437, мартъ, 551, т. СІІ, апр., 47, май, 277, т. СІІІ, июль, 50, 55, т. СІV, дек. 593.
Михайлъ Павловичъ, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. СІ, янв., 47, 188 — 191, февр., 289, 319—352, 413, 439, 442, мартъ, 536 — 553, 556, 564, 577, 584, 587, 641, 673, т. СІІ, апр. 24, 37, 38, 48, 49, 56, 63, 104, 122, 135, 147, май, 261 — 289, 362, июнь, 518, т. СІІІ, июль, 190 — 199, авг., 226, 242, 246, 257, 335, сент. 630, т. СІV, окт., 22, 30, нояб., 237, 242, 246, 247, 304, 486, 490, декаб., 494, 500, 502, 593, 589, 590, 606.
Михайловская-Данилевская, княг. Анна Пав., рожд. Чемоданова, † 1832 г., т. СІІ, июнь, 586.
Михайловская-Данилевская, княг. Лидія Александр., т. СІІ, июнь, 588, 589, 591.
Михайловскій-Данилевскій, Алек. Ив., воен. историкъ, † 1818 г., его

- воспоминанія, т. СII, июнь, 585 — 591, т. СIII, сент., 629—649, т. СIV, окт., 201 — 208, нояб., 459 — 476, декаб., 707—719.
- Михайловъ, Андрей Алексѣевъ**, арх. р. 1773 г., † 1840-хъ г.г., т. СII, апр., прилож. 30.
- Михайловъ, Мих. Мих.**, профес., р. 1827 г., † 1891 г., т. СII, апр., 178.
- Михельсонъ, Ив. Ив.**, ген.-отъ-кав., † 1807 г., т. СI, янв. 264, 265, мартъ, 767.
- Михельсонъ, витебск.**, ген. - губ., 1804 г., т. СIII, сент., 494.
- Мидельскій, т. СI**, февр., 288.
- Мицкевичъ, Адамъ**, поэтъ, т. СII, май, 389, 456, 457, 458, 464, 465, 466.
- Миншекъ, Марина**, т. СIV, декаб., 695—706.
- Миншекъ, Юрій**, воевода сейдомірскій, т. СIV, декаб., 694.
- Модзалевскій, Б. Л.**, сообщ.: „Избраніе В. Н. Каразина почетнымъ членомъ москов. университета“, т. СII, апр., 186, ул. т. СI, февр., 393, июнь, 556.
- Модзалевскій, Левъ Никол.**, педагогъ, р. 1837 г., † 1896 г., т. СIV, окт., 111—114, 131.
- Можаровскій, Аполлонъ**, сообщ.: „По жертвованіе въ память пребыванія в. кн. Михаила Павловича въ Пензенской губ.“, т. СIV, окт., 30.
- Моллеръ, Пав. Антон.**, адм. † 1848 г. т. СI, мартъ, 582.
- Моллеръ, Фед. Антонов.**, художн., р. 1812 г. † 1874 г. т. СIII, июль, прилож., 118, 119, т. СIV, окт., прил., 180—182, 189.
- Моллеръ, нач.** 1-й дивиз. 1861 г., т. СIV, декаб., 590, 606, 607.
- Момбелли, 1849 г.**, т. СII, май, 280.
- Монферанъ, Августинъ Антонов.**, архитект., р. 1784 г. † 1858 г., т. СII, апр., прилож., 24, май, 396.
- Мооро, капит.**, т. СI, февр., 356.
- Мордвиновъ, гр., Н. С.**, т. СIV, нояб., 258.
- Моренгеймъ, бар.**, т. СI, февр., 280, 287.
- Мосоловъ, т. СI**, февр., 373.
- Мошкинскій, гр. т. СI**, мартъ, 530.
- Музювскій, Ник. Вас.** протопресвитеръ, † 1848 г., т. СI, февр., 346, 350, мартъ, 579, т. СII, май, 281.
- Муральевъ, Матв.**, декаб., т. СIV, декаб., 584, 585.
- Муральевъ (Виленскій), Мих. Никол.**, р. 1796 † 1866 г., т. СII, май, 443, т. СIII, июль, 57, т. СIV, нояб., 370, 378, декаб., 526.
- Муральевъ, Мих. Никит.**, т. СII, апр., 186.
- Муральевъ (Карскій), Никол. Никол.**, р. 1793 г. † 1867 г., т. СI, янв., 54, т. СII, апр., 191, 192, 195.
- Муральевъ, Никол. Никол.** основат. школы колонновожат., т. СIV, окт., 57.
- Муральевъ, Серг.**, декаб., т. СIV, декаб., 584.
- Муральевъ, команд. гренад. корп.** 1849 г., т. СII, май, 263, 272.
- Муральевъ, гродн. гражд. губернат.** 1832 г., т. СI, янв., 193.
- Муратовъ, свободско-украинск. губ.** 1826 г., т. СIII, июль, 153, 154.
- Мурощевъ, Л. М.**, т. СI, мартъ, 698.
- Мусливъ-Пушквинъ, Алексѣй Ив.**, об. прокур., презид. акад. худ., р. 1744 г. † 1817 г., т. СIV, декаб., 548.
- Мусливъ-Пушквинъ, гр., Влад. Алекс.** чиновн. 1843 г., т. СIV, окт., прил., 183.
- Мусливъ-Пушквинъ, полковн.** 1880 г., т. СIV, нояб., 317, 319.
- Мусливъ-Пушквинъ-Врюсъ, гр., Вас. Валентинов.** об.-шенкъ, р. 1775 г. † 1836 г., т. СIII, июль, прил., 108.
- Мухомовъ, харьк. губернаторъ**, т. СI, февр., 338.
- Мухинъ, ген. квартирмейст.**, 1812 г., т. СIV, нояб., 340.
- Михлаевскій, Ник. А.**, профес., полк., т. СII, май, 369.
- Мірославскій, т. СII**, июнь, 639.
- Мисюидовъ, ген.-м.**, т. СI, янв., 163.
- Мягкова, статсъ-дама**, р. 1769 г. † 1859 г., т. СII, июнь, 570.
- Мятлевъ, Ив. Петр.**, поэтъ, т. СII, июль, 570.
- Мятлевъ, Н. П.**, т. СIII, июль, 61.

Н.

- Набоковъ, коменд. спб. крѣп.** 1849 г., т. СII, апр., 39, т. СIV, нояб., 311, 312.
- Нагель, ген.** 1825 г., т. СIV, нояб., 461.
- Нагловскій, ген.** 1878 г., т. СI, янв., 108.
- Назиковъ, А. А.**, офиц. 1850 г., т. СIV, нояб., 310.
- Назиковъ, Влад. Ив.** попеч. москов. ун-въ. 1855 г., ген.-губ. С. З. края 1860 г., р. 1802 г., † 1874 г., т. СII, апр., 216.
- Напелкинскій, педагогъ**, 1861 г., т. СII, июнь, 627.
- Наполеонъ, I**, т. СI, февр. 501, т. СIV, окт., 70 — 108, нояб., 323 — 361, 429—440.
- Нарышкина, Е. А.**, т. СI, янв., 221.

- Нарышкина, Марія Антон., т. CIV, окт., 104.
- Нарышкина, Наталія, 1840 г., т. CIV, декаб., 638.
- Нарышкина, Ф. П., т. CI, мартъ, 616.
- Нарышкинъ, А. Л., началн. театровъ, т. CII, май, прил. 33, т. CIII, сен., 482, т. CIV, окт., 67, 79.
- Нарышкинъ, Кирилъ Александр., об-гофмарш., презид. придворной конторы, р. 1786 г. † 1839 г., т. CII, июнь, прил., 82, т. CIV, декаб., 613.
- Нарышкинъ, Левъ, кап. 1812 г., т. CIV, декаб., 559.
- Нарышкинъ, Мих. Мих., т. CIV, нояб., 375.
- Нарышкинъ, Э. Д., т. CI, янв., 219.
- Нарышкинъ, Васил. Трофим., перв. рус. романистъ, т. CIII, авг., 418, т. CIV, декаб., 644.
- Наушовичъ, священ. 1861 г., т. CII, июнь, 627.
- Нахиковъ, Пав. Степ., адмир., р. 1803 г., † 1853 г., т. CII, апр., 62, т. CIV, окт., 46.
- Нахиковъ, предвод. дворян. Смолен. губ. 1812 г., т. CIII, сент., 651 — 665.
- Начевичъ, Григор. Дмитр., болгар. мнн., т. CI, февр., 375, 376, 377.
- Навровскій, ген. 1812 г., т. CIV, нояб., 359.
- Невѣровъ т. CI, янв. 219.
- Нейгардтъ, ген. квартирм. † 1845 г., т. CI, янв., 49 — 51, т. CII, июнь, 501, т. CIII, июль, 18.
- Недекинскій-Медоцкій, Ю. А., т. CIII, июль, 61.
- Нелидова, фрейл. 1845 г., т. CI, янв., 54.
- Нелидовъ, майоръ 1863 г., т. CII, май, 434, 435.
- Непейцинъ, ген.-м. 1850 г., т. CIV, декаб., 599, 600.
- Неповойчицкій, ген., т. CIV, декаб. 518.
- Нессельроде, гр-ня, Елена фрейлина 1834 г. т. CIII, июль, 200, т. CIV, нояб., 418, декаб., 627.
- Нессельроде, гр-ня, Марія Дм., рожд. Гурьева, статсъ-дама, † 1849 г., т. CII, июнь, прил., 72, 81, т. CIII, июль, прилож., 98, т. CIV, нояб., 409—428.
- Нессельродъ, гр. Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. CI, янв., 57, 274, февр., 328, 330, мартъ, 517, 556, 564—567, 617, т. CII, апр., 40 — 42, май, 239, 241, 271, июнь, 480, 522, т. CIII, июль, 115, 116, 185, авг., 266, прил. 143, т. CIV, окт., 31—50, нояб., 243, 409, 486, декаб., 502, 599, 621—642.
- Неффъ, Тимое. Андр., художн., р. 1805 † 1876 г. т. CIII, сент., прил. 170.
- Нечаевъ, Пав. Дм. ген.-м. 1899 г., т. CII, май, 339, 340.
- Низовскій, т. CI, февр., 510.
- Никитенко, Александр. Васил., акад., р. 1804 г., † 1878 г., т. CI, янв., 17, 171 — 186, февр., 410, т. CIII, окт., 119.
- Никитинъ, полиц. оф. 1824 г., т. CIV, декаб., 717.
- Никитинъ, гр., ген., 1812 г., т. CIV, декаб., 598.
- Никитинъ, Дмитрій, т. CI, янв., 160.
- Никитинъ, Николай, полк., т. CI, янв., 160.
- Низован, бар. А. П., т. CIII, сент., 449.
- Николай I, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CI, янв., 25 — 56, 77, 82, 91, 93, 117, 188 — 194, февр., 277 — 306, 317 — 354, 406, 437 — 439, мартъ, 517 — 587, 624 — 687, т. CII, апр., 27 — 69, 102, 104, 130 — 137, 146 — 168, 188, 190, 200, 217, май, 237 — 303, 349 — 366, 392, 396, прил. 50, 55, июнь, 477 — 527, 585 — 591, 632, 692, прил. 75, т. CIII, июль, 1 — 55, 111, 186 — 196, г. прил. 106, авг., 225 — 284, 327, сент. 666, т. CIV, окт., 31 — 52, нояб. 237 — 255, 301, 302, 316, 320, 321, декаб., 493 — 508, 593, 603, 609, 625, 629, 631, 641, 715 — 719.
- Николай II, императоръ, т. CII, апр., 205, 206.
- Николай Александровичъ, цесаревичъ, т. CII, май, 290.
- Николай Николаевичъ, вел. кн., т. CI, февр., 437, т. CII, апр., 47, CIII, июль, 50, 51, 55, авг., 240.
- Николю, аббатъ, директ. Рижельск. лицея 1818 г., т. CIV, окт., 13.
- Нилъ, архіеп. ярославск. 1837 г., т. CII, апр., 151.
- Ниродъ, гр., команд. уланск. пол. 1850 г., т. CIV, декаб., 603.
- Новиковъ, Никол. Ив., т. CIII, авг., 298, сент., 635.
- Новомейскій, т. CI, мартъ, 530.
- Новосильцовъ, Никол. Никол., д. тайн. сов., т. CI, февр., 280, 287, 288, мартъ, 532, т. CII, май, 362, т. CIII, июль, 196, авг., 256, 257, сент., 457, 458, т. CIV, нояб., 486.
- Норовъ, Абр. Серг., мнн. нар. пров. съ 1853 — 1858 г., р. 1795 † 1869 г., т. CI, янв., 183, т. CII, апр., 175 — 185, т. CIII, окт., 119.
- Носовичъ, П. И., т. CI, янв., 199.
- Нумзенъ, ген. 1895 г., т. CIII, авг., 279 — 286.

- Оболенскій, Андр. Филипп., инспект. лицей 1832 г., т. CIV, окт., 7—16.
- Оболенскій, кн. Евг. Петров., декабристъ, т. CIV, нояб., 367—378.
- Оболенскій, к., Мих. Андр., археологъ, 1846 г., т. CIV, окт., прилож., 183, 184.
- Обрезовъ, Александр. Мих., послан. въ Туринъ, р. 1790 г. † 1885 г., т. CII, июнь, прилож., 82.
- Обручевъ, Н. Н., ген.-ад., т. CI, мартъ, 597.
- Овсянниковъ, А. Н. (его воспоминанія), т. CI, янв. 195—224, мартъ, 769, 770, 771, 772, сообщ.: „Профессоръ Николай Павловичъ Дуровъ. Изъ моихъ воспоминаній“, т. CII, июнь, 643—650.
- Огинскій, гр., М. К., т. CIII, сент., 499, т. CIV, нояб., 288.
- Одоевскій, кн., Влад. Ѳед., писат., т. CII, май, 297.
- Одоевскій, кн., помоща. директ. публичн. библ. 1851 г., т. CIII, июль, 52.
- Озеровъ, сенат., т. CI, янв., 189.
- Оленкина, Варвара Алексѣевна, р. 1802 г., † 1877 г., т. CIII, июль, прилож. 99, т. CIV, окт., прил., 184.
- Оленкинъ, Алексѣй Никол., директ. публ. библ., презид. акад. худож., р. 1763 † 1843 г., т. CI, янв. 104, т. CII, апр., прилож., 25, 30, 31, т. CIII, июль, прилож., 99, 104, 105, авг., прил. 144, 151, 152, сент. 570, т. CIV, окт., прил. 184, 185, нояб. 362.
- Оленкинъ, Петръ Алексѣев., инж. полковн., р. 1795 † 1852 г., т. CIV, окт., прил., 187.
- Оливъ, Францъ Адамов., учит. 1832 г., т. CIV, окт., 14.
- Олсуфьевъ, гр. Васил. Дм., об.-гофмейст., р. 1796 † 1858 г., т. CI, янв., 260, 263, мартъ, 582, 675, т. CIV, окт., прил., 187, 188.
- Ольга Константиновна, королева, греческая, т. CIII, июль, 46.
- Ольга Николаевна, вел. княг., въ супруж. королева Виртембергская, т. CI, янв., 54, февр., 319, 324, 340, 351, 433, 439, мартъ, 566, 666, т. CII, апр., 47, 148, 150, 155, 162, май, 291, июнь, 510, т. CIII, июль, 42, 55, 197, т. CIV, декаб., 593, 641.
- Ольденбургскій, Петръ Георгиевичъ, принцъ, т. CI, янв., 208, 211, т. CII, май, 370.
- Ольшевскій, помѣщ. 1861 г., т. CII, июнь, 640.
- Опочинина, В. И., т. CI, янв., 171.
- Опочининъ, Ѳед. Петров., т. CI, янв. 189, февр., 279—296, мартъ, 532, 641, т. CII, май, 272, 350—367, июнь, 493, т. CIII, июль, 12, 186, авг., 228, 230.
- Опперманъ, гр., † 1831 г., т. CIII, авг., 234.
- Ореусъ, В. Ф., сообщ., „Братскій очеркъ жизни и дѣятельности генералъ-лейтенанта Карла Александровича Вельгарда“, т. CIII, июль, 139—152.
- Ореусъ, И. М., тов. мин-а финанс. 1829 г., сенат., т. CIII, июль, 64, 140.
- Ореховскій, Ѳаддей, 1840 г., т. CIV, окт., 220, 224, 229.
- Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Алексѣевна, † 1848 г., т. CI, февр., 325, т. CIII, июль, 196, т. CIV, окт., 107.
- Орловскій, Александр. Осиповичъ, художн., р. 1777 † 1832 г., т. CIV, окт., прилож. 186.
- Орловскій, Борисъ Ив., скульпт., р. 1794 г. † 1838 г., т. CIII, авг., прилож., 144.
- Орловъ, кн. Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. CI, янв., 34, 35, февр., 329, 341, мартъ, 546, 562—574, т. CII, апр., 31—39, 51, май, 246, 256, 257, т. CIII, июль, 8, 28, 35, 46, 199, авг., 239, 255, 332, т. CIV, нояб., 244, 486—489, декаб. 602.
- Орловъ, Григорій, т. CI, февр., 322.
- Орловъ, Г. В., сенат., т. CII, июль, 570.
- Орловъ, М. Ѳ., 1831 г., т. CI, янв., 86, февр., 294, мартъ, 645.
- Орловъ-Давыдовъ, гр., В. П., т. CII, апр., 141.
- Осинкинъ, Ив. Терентьевъ, т. CI, янв., 208, 209, 212, 213, 214, 218.
- Осмерко, т. CI, мартъ, 530.
- Осоловникоу, гр., т. CI, мартъ, 530.
- Остенъ-Савенъ, Дм. Ероо., ген. 1850 г., т. CIV, декаб., 598.
- Остенъ-Савенъ, бар., Карлъ Ѳед.-секрет. рус. посольства, въ Неаполѣ до 1827 г., вполн. вице-директ. азиат. деп., т. CIII, авг., прилож., 135.
- Остерманъ, ген.-лейт., т. CI, янв., 261, 263, т. CIII, июль, 196, т. CIV, декаб., 557, 576—578.
- Остолоповъ, Н. Ѳ., чл. общ. любит. словесн., 1805 г., т. CII, июнь, 562, 572, 574.

II.

- Павелъ I**, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. CI, янв., 128, 189, 232 — 246, февр., 319—322, 358, 442—469, мартъ, 552, 620—737, т. CII, май, 261, 331, 336, 352, 362, июнь, 615, т. CIII, июль, 195, авг., 265, 271, 279, 282, 284, сент., 462, 465—477, 488, 502, 545—548, томъ CIV, окт., 106, нояб., 264, 277, 284, 311, 474, декаб., 593, 611, 614, 720.
- Паленъ**, гр., Пав., 1795 г., т. CIII, авг., 277.
- Паленъ**, гр., Петръ Алексѣев., слб. воен. губерн., р. 1745 г., † 1826 г., т. CI, янв., 193, т. CII, май, 331, 332, т. CIII, авг., 266, 277, сент., 469, т. CIV, нояб., 333, 348, 352—359, дек., 613.
- Паленъ**, гр., Петръ Петровичъ, ген. 1812 г., р. 1777 г., † 1864 г., т. CI, февр., 321, т. CII, июнь, 496, т. CIV, декаб., 595.
- Паленъ**, гр., рижск. ген.-губ. 1795 г., т. CI, янв., 193, 247, февр., 444, томъ -CIII, авг., 275, 277, сент., 549, 550.
- Паленъ**, гр., управл. новорос. губ-ми 1827 г., т. CIV, окт., 42, 43.
- Палладій**, митрон. слб. и ладожскій, (его биографія), т. CI, мартъ, 693—712, т. CII, апр., 203—210.
- Панаевъ**, В. И., писат., т. CII, май, 297, июнь, 572.
- Панина**, стат. сов-ца, рожд. княжна Юсупова, 1804 г., т. CIV, окт., 166—168.
- Панинъ**, гр., Викторъ Никит., мин. юстици, р. 1801 г., † 1874 г., томъ CII, июнь, 506, 507, т. CIV, ноябрь, 370, дек., 602, 603.
- Панинъ**, гр., Никита Ив., р. 1718 г., † 1783 г., т. CIV, нояб., 279.
- Панчулдзевъ**, полк., т. CI, февр., 508.
- Паншинъ**, Платовъ Ив., офиц., томъ CIV, окт., прилож., 178.
- Панахристо**, адм., т. CI, мартъ, 555.
- Парезовъ**, Петръ Дм., ген., сообщ.: „Въ Болгаріи“. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба, т. CI, янв., 107—127, февраль, 359—381, мартъ, 593—602.
- Парротъ**, Георгъ-Фридрихъ, академ., р. 1776 г., † 1852 г., т. CIII, авг., 249.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, Ив. Фед., ген.-фельдмарш., род. 1781 г., † 1856 г., т. CI, янв., 26, 27, 47, 77, февр., 401, мартъ, 546, 551, 562, 563, 574, т. CII, апр., 32—41, 130, май, 238, 291, июнь, 590, т. CIII, июль, 16—32, авг., 235—264, т. CIV, окт., 40, 51, нояб., 450, дек., 509, 522, 576, 601.
- Пассежъ**, ген.-м., т. CI, янв., 265.
- Пауверъ**, пнж., т. CIII, авг., 329.
- Паулуччи**, маркизъ, Филиппъ Осипов., курляндскій ген.-губернат., 1820 г., т. CI, янв., 33, т. CII, апр., прил., 1, 6, т. CIII, сент., 644—647, т. CIV, нояб., 476.
- Паулуччи**, маркизъ, начальн. штаба 1812 г., т. CIV, нояб., 340—342, 349.
- Пезаровиуъ**, Павелъ, т. CI, мартъ, 617—618.
- Пейкеръ**, Ив. Устинов., директоръ межев. корп., сенат., 1838 г., т. CII, май, 417, 418, 420, 421.
- Перекуюшкина**, Марія Саввишна, камеръ-фрау Екатерины II, † 1824 г., т. CII, май, прилож., 61.
- Перовскій**, Алексій Алексѣев., писатель, † 1836 г., т. CI, февр., 310, т. CIV, декаб., 617—619, 686, 687.
- Перовскій**, гр., Василъ Алексѣевичъ, оренб. ген.-губ. 1833 г., † 1857 г., т. CI, янв., 96, т. CII, май, 279, прил., 63, июнь, 510, 522—526, прил., 75, т. CIII, июль, прил., 111, авг., прил., 137, т. CIV, окт., прил., 188—192, нояб., 488.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мин. внут. дѣлъ, † 1856 г., т. CI, февр., 321—341, CII, апрѣль, 38, 39, 131, т. CIII, авг., прил., 137, 382.
- Пестель**, Пав. Ив., декабр., † 1826 г., т. CI, февр., 277, 278.
- Петрашевскій**, Мих. Вас., 1849 г., т. CII, май, 278—280.
- Петри**, капит. 1846 г., т. CIII, авг., 337, 338.
- Петрушевскій**, А. Ф., т. CI, янв., 258.
- Петръ I**, императоръ, рожд. 1672 г., † 1725 г., т. CI, янв., 258, февр., 310, 335, т. CII, апр., 149, июнь, 593, 594, т. CIV, нояб., 300.
- Петръ III**, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. CI, февр., 322, 323, томъ CIV, окт., 4.
- Пепольдъ**, Александръ Семен., проф. нѣм. словесн. 1840 г., т. CIV, окт., 16, 20.
- Печеринъ**, Вл. Серг., род. 1808 г., † въ 80-хъ годахъ, проф., т. CI, февр., 480, 482.
- Печинскій**, прапорщ. 1846 г., т. CIII, авг., 337, 338.
- Пешель**, Францъ Осиповичъ, врачъ 1811 г., т. CIV, окт., 6.
- Пирлингъ**, П., сообщ.: „Вареццо Баренци или Поссевины?“ т. CIV, окт., 193—200, „Изъ смутнаго времени. Дневникъ Андрея Лавицкаго“, декаб., 689—706.

- Пироговъ, Никол. Иван.**, хирургъ, род. 1800 г., † 1881 г., т. СІ, янв., 219.
Писаревъ, А. А., т. СІІ, сент., 621.
Писаревъ, Дм. Ив., писатель, т. СІV, окт., 111—114.
Писемскій, Алексѣй Теофилакт., писатель, т. СІ, янв., 17, 184—185.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказный атаманъ войска донскаго 1800 г., т. СІ, янв., 260—271, февр., 504—512, мартъ, 745, 752, 753, 755, томъ СІІІ, июль, 137, сент., 460, 657, томъ СІV, нояб., 359.
Плаутивъ, ген.-ад. 1849 г., т. СІІ, май, 273.
Плетневъ, Петръ Александр., акад., † 1864 г., т. СІ, февр., 389, 390, 410, т. СІІ, май, 295, 299, 301, июнь, 574, 577, т. СІV, окт., 119, 120.
Плехга, т. СІ, февр., 288, мартъ, 526.
Плюшаръ, издатель Словаря, т. СІV, нояб., 486.
Пнякъ, издатель „Сиб. журнала“ 1798 г., т. СІІ, июнь, 559.
Повишъ, полковн. 1706 г., т. СІІІ, сент., 650.
Погодинъ, Мих. Петров., академикъ, р. 1800 г., † 1875 г., т. СІІІ, июль, 52, авг., 255.
Подолжскій, т. СІ, февр., 482.
Подчасовій, Ипполитъ Ив., чиновн. коллегіи нв. дѣлъ 1827 г., т. СІІІ, авг., прилож., 135, 137.
Пожарскій, т. СІ, янв., 196.
Повдьяновъ, ген.-м. 1790 г., т. СІІ, май, 325.
Поветъ, Мих. Павлов., ст.-секретарь 1830 г., т. СІ, янв., 29—54.
Полевой, Ксеноф. Алекс., т. СІ, февр., 410—427, т. СІV, окт., 60, 61.
Полевой, Николай Алексѣев., писат., род. 1796 г., † 1846 г., т. СІІ, апр., 174, т. СІІІ, июль, 64, т. СІV, окт., 60.
Полевой, П. Н., т. СІІ, июнь, 556, т. СІV, окт., 120, 121.
Полетина, сенат., т. СІ, янв., 189, т. СІІІ, июль, 185.
Полыковъ, поруч., т. СІ, февр., 373.
Полывановъ, ген.-м. 1851 г., т. СІІІ, июль, 41.
Полыновъ, надв. совѣтн., † 1851 г., т. СІІІ, июль, 41.
Пономарева, Софія Дм., † 1824 г., т. СІІ, июнь, 573, 576, 577, т. СІІІ, июль, 62.
Пономаревъ, Акимъ Иванов., т. СІІ, июнь, 577, т. СІІІ, июль, 62.
Полятовскій, князь, Юсифъ, т. СІ, мартъ, 537, СІІІ, авг., 310, 312, сент., 40, т. СІV, окт., 95, 96, нояб., 300.
Поповъ, Борисъ Нероновичъ, врачъ 1833 г., т. СІV, нояб., 447, 449.
Поповъ, Василій Степанов., ген.-м. 1791 г., т. СІІ, май, 323—325, томъ СІV, нояб., 284.
Попугаевъ, В. В., чл. общ. любит. словесн. 1805 в., т. СІІ, июнь, 562.
Посениковъ, сенат., † 1833 г., т. СІІ, апр., 134, 135, 137, т. СІІІ, июль, 188.
Поссакинъ, папскій представит. при Іоаннѣ Грозномъ, т. СІV, октябрь, 193—200.
Потаповъ, Александръ Львов., ген. 1861 г., т. СІV, дек., 518.
Потаповъ, Алексѣй Никол., ген.-ад. 1826 г., т. СІІІ, сент., 576, 577, 579, 591.
Потемкина, Т. В., т. СІ, янв., 208.
Потемкинъ-Тавричскій, Григорій Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. СІ, янв., 104, мартъ, 621, т. СІІ, апр., 92, май, 322, 324, т. СІІІ, авг., 279, 310, т. СІV, нояб., 280—295, дек., 527, 529, 548.
Потемкинъ, полковн. 1812 г., т. СІ, янв., 266, т. СІV, нояб., 355, 356.
Потоцкій, гр., Игнатій, т. СІІІ, авг., 311, 313.
Потоцкій, гр., Станиславъ, об.-церемоніймейст. 1836 г., т. СІV, нояб., 243, дек., 502.
Потоцкій, графъ, Феліксъ, маршалъ торговц. конфедерац., р. 1750 г., † 1805 г., т. СІІІ, авг., 309—314, т. СІV, нояб., 298.
Потыкинъ, П., сообщ.: „Находчивый квартирный“ (легенда объ императорѣ Николаѣ І), т. СІІ, мартъ, 685—687.
Поццо-ди-Ворго, послан., т. СІ, янв., 191, т. СІV, окт., 31—33, дек., 641.
Прозоровскій, князь, фельдмаршалъ, т. СІІІ, сент., 461.
Прондьяновскій, подполк., т. СІ, февр., 288.
Протасовъ, гр., Николай Александр., об.-прок. Синода, † 1855 г., т. СІІ, апрѣль, 211—218, май, 281, т. СІV, дек., 596.
Прутчевъ, М. Б., т. СІ, янв., 199.
Прыкиншиновъ, Ѳ. И., т. СІІІ, сент., прилож., 169.
Пуласовскій, шт.-ротм., т. СІ, мартъ, 530.
Пушкина, Наталья Николаев., рожд. Гончарова, т. СІ, янв., 80—82, февр., 311, т. СІІ, май, 393, 394, т. СІІІ, авг., 383.
Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, род. 1798 г., † 1837 г., т. СІ, янв., 67—96, 103, 273—275, февр., 309—315, 383—392, 402, 424, 425, 482, 486.

мартъ, 574, 589—592, т. СII, май, 282, 350, 353, 369—412, июнь, 565, 574, 580, т. СIII, июль, 83—111, авг., 384—389, прил., 132, окт., 3—29, 31, 135, 201, нояб., 263, 271, 487, 488, дек., 586, 600.
Пушкинъ, Серг. Львов., т. СII, май, 383, 384.
Пушкинъ, капит., т. СI, мартъ, 629.
Пфуль, ген. 1812 г., т. СIV, ноябрь, 350, 351.

Р.

Раевскій, Н. И., т. СI, янв., 219.
Раевскій, Н. Н., ген., 1812 г., т. СI, февр., 398, 503, т. СIII, июль, 100, т. СIV, нояб., 353, 359, 470.
Раевъ, В. П., т. СII, апр., 206.
Радецкий, фельдм., т. СII, апр., 31, 32, т. СIII, авг., 330.
Радзивиллъ, княжна, Марія, т. СI, февр., 472.
Радзивиллъ, кн., Мнх., т. СII, апр., 135.
Радзивиллъ, кн., 1830 г., т. СIII, июль, 6, 11.
Разумовская, гр-ня, Марія Григ, рожд., кн. Вяземская, въ первомъ бракѣ кн. Голицына, р. 1772 г., † 1865 г., т. СIII, июль, прилож., 100, авг., прилож. 137.
Разумовскій, Алекс. Кир., мин. нар. просвѣщ., т. СIII, сент., 570, 575, т. СIV, 643—664.
Разумовскій, гр., Ан. Кир., т. СII, май, 325, 326, т. СIV, декабрь, 638.
Разумовскій, гр., Левъ Кирил., т. СIII, июль, прилож., 100, авг., прил., 135.
Райская, Э. И., т. СI, янв., 211.
Рамазановъ, Никол. Александр., скульпторъ, р. 1815, † 1867 г. т. СI, февр., 310, т. СIV, окт., прилож., 192.
Рамзай, бар., ген.-ад., 1868 г., т. СIII, июль, 151.
Рангонг, нунцій, 1610 г., т. СIV, декаб., 701.
Расстрелъ, архитект., 1830 г., т. СIII, июль, 196.
Раутенштраухъ, ген., т. СI, февр., 280, 281, 287.
Раухъ, Христіанъ, скульпт., р. 1777 г., † 1857 г., т. СII, апр., прилож., 7, 11, май, 275, т. СIV, нояб., 487.
Рахмановъ, ген.-м., т. СI, янв., 269, февр., 510.
Рашевскій, И. Ѳ., т. СI, янв., 213, 219, 221.
Редъ, ген., 1853 г., т. СII, апр., 191.
Рейндеръ, команд. Семенов. полка, т. СI, янв., 130, т. СIII, сент., 492, т. СIV, декаб., 603.

Ревинъ, Е. М., † 1880 г., т. СI, янв., 103.
Реймерсъ, Ал. Петр., инж.-кап., т. СIII, авг., 334, 335.
Рейнгольдъ, лейбъ-мед., т. СI, февр., 340.
Рейтернъ, Мих. Христоф., мин. финанс., т. СIII, сент., 449.
Рембовъ, ген., т. СI, янв., 264, 265.
Решетинъ, Никол. Вас., фельдмарш., р. 1731 г., † 1801 г., т. СIII, сент., 650.
Решинъ, кн., малорос. ген. губерн., т. СIII, авг., 275, 276, т. СIV, дек., 598, 658.
Рентъ, ген.-лейт., 1706 г., т. СIII, сент., 650.
Ренье, подполк., т. СI, февр., 507.
Решуевскій, П., всендзъ, 1861 г., т. СII, июнь, 630.
Решуевскій, гр., Северинъ, корон. гетманъ, краков. воевода, 1792 г., т. СIV, нояб., 298.
Решуевскій, гетманъ, 1787 г., т. СIII, авг., 309, 311, 313.
Рибасъ, адм., т. СIII, сент., 549, т. СIV, окт., 105.
Рибогерьъ, Александр. Ив., послан. въ Турцію, 1827 г., т. СIV, окт., 37, 43, 44, 45.
Рибогерьъ, об.-камерг., 1844 г., т. СI, февр., 328, т. СII, апр., 38, т. СIV, дек., 593.
Ридигеръ, гр., ген., 1852 г., т. СIII, июль, 41, авг., 244, 266, т. СIV, дек., 494, 497, 596.
Рихтеръ, д. ст. сов., люфлян. гражд. губернаторъ, т. СI, мартъ, 735.
Рогге, Влад. Петров., бакинскій губернаторъ, т. СI, янв., 111, февр., 376.
Роговскій, полковн., 1826 г., т. СIV, декаб., 494.
Родзянко, Аркадій, поэтъ, 1824 г., т. СIV, окт., 214.
Родонцкій, т. СI, мартъ, 530.
Родофинкинъ, тайн. совѣт., 1828 г., т. СII, апр., 134.
Рожновъ, вице-адм., бронштад. воен. губернаторъ, 1830 г., т. СII, май, 242.
Розенбергъ, Андр. Григ., херсонск. губернаторъ, р. 1730, † 1813 г., т. СI, янв., 128, февр., 358, 382, т. СII, май, 470, т. СIV, дек., 720.
Розенбергъ, И. И., директ. деп. госуд. канцар., † 1829, т. СIII, июль, 63, 64.
Розенъ, бар., Александр. Влад., 1800 г., т. СII, май, 329, 330.
Розенъ, баронъ, Андр. Евг., декабр. † 1884, т. СI, янв., 225.
Розенъ, бар., главноуправл. Грузіей, 1829, т. СI, янв., 28—50, т. СII, апр., 7, 20, т. СII, июнь, 486, т. СIII, июль, 18.

Розингъ, П. Н., т. СІ, янв., 197—205, мартъ, 769.

Ромасовскій, т. СІ, янв., 134.

Рокицкий, т. СІ, мартъ, 530.

Романовъ, Е., сообщ.: „Къ пребыванію императрицы Екатерины II въ м. Пропойскъ“, т. СІV, нояб., 276.

Ромеръ, д. ст. сов., т. СІ, мартъ, 529.

Роммелъ, профес., т. СІV, нояб., 271.

Роскошенико, Ив. Вас., р. 1809 г., † 1889 г., т. СІ, февр., 477 (его письма), 478—490.

Россетти, мин. Али-бея египетскаго, 1784 г., т. СІV, нояб., 296.

Росси, Карлъ Ив., архитект., р. 1775 г., † 1849 г., т. СІІІ, июль, прил., 107.

Ростопчина, графиня, Евдок. Петр., рожд. Сушкова, писательница, р. 1811, † 1858 г., т. СІV, окт., прил., 193.

Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., начальн. штаба воен.-учебн. завед., † 1860 г., т. СІІ, апр., 39, май, 262, т. СІV, окт., 24, 25, 26, нояб., 367—378.

Ростопчинъ, гр., Фед. Вас., москов. ген.-губерн., р. 1763, † 1826 г., т. СІ, янв., 168, 176, 245, мартъ, 606, 631, т. СІІ, май, 316, 320, 326—328, 336, июнь, 615, т. СІІІ, сент., 541, т. СІV, окт., 57—60, дек., 563—570.

Ротъ, ген., 1824 г., т. СІ, мартъ, 659, 678, т. СІV, окт., 204, нояб., 242, 245, 246.

Рудзевичъ, ген., 1836 г., т. СІV, нояб., 242, 246, 249, 250, декаб., 540.

Ружицкий, Карлъ, кн. польск. войск. 1831 г., т. СІІІ, авг., 244.

Ружицкий, Эдмундъ, ген., т. СІV, окт., 220, 221.

Руммель, В. В., т. СІІ, июнь, 556.

Румянцовъ, гр., Никол. Петр., канцл., р. 1754 г., † 1826 г., т. СІ, янв., 57, т. СІІ, май, 345, 346, т. СІІІ, сент., 461, 462, 482, т. СІV, окт., 73, нояб., 393—396.

Руничъ, Дм. Павл., попечитель спб. учебн. окр., † 1860 г., т. СІ, янв., 182, т. СІІ, апр., 71, 87—89, т. СІІІ, авг., 403—405, сент., 564, 565, 573.

Рупертъ, ген., т. СІ, янв., 193.

Руссовъ, С. т. СІ, февр., 422, 423.

Рѣдлинъ, А. П., сообщ.: „Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 г.“, т. СІІІ, сентяб., 667—684. „Меттернихъ и его внѣшняя политика“, т. СІІІ, сент., 523—540, т. СІV, окт., 169—191, нояб., 379—397, декаб., 665—683.

Рѣдлинъ, П. Г., т. СІ, янв., 219, 220.

Рѣшновскій, Г. К., сообщ.: „Федосей Мануковъ“ (дѣдъ Суворова), т. СІ, янв., 258.

Рюминъ, Ив. Гавр., т. СІ, янв., 169.

С.

Сабонскій, т. СІ, мартъ, 530.

Сабанъевъ, ген., т. СІ, мартъ, 639.

Саблуковъ, т. СІ, мартъ, 633, 634.

Сабурова, Е. В., т. СІ, янв., 221.

Сабуровъ, 1825 г., т. СІV, декаб., 717.

Савельевъ, Ал. И., ген.-лейт., сообщ.: „Памяти Д. В. Григоровича, пребываніе его въ гл. инженерномъ училищѣ“, т. СІІІ, авг., 327—336.

Сажоковъ, К. И., т. СІ, янв., 201.

Сазоновъ, В. К., худож., т. СІІІ, июль, прилож., 105.

Сайнъ-Витгенштейнъ, княгиня, р. кн. Трубецкая, т. СІV, декаб., 638.

Сажень, кн., Фабианъ Вельгельмовъ, фельдм., р. 1752 † 1837 г., т. СІ, янв., 184, 263, 264, 270, 272, мартъ, 518, т. СІІ, май, 351, июнь, 476, т. СІV, окт., 203.

Салтовъ, В. И., т. СІ, февр., 393, т. СІІ, июнь, 556, т. СІV, окт., 128—131.

Салтыкова, княг., ст.-дама, 1845 г., т. СІ, янв., 54, мартъ, 675.

Салтыковъ, кн., Алдръ Никол., т. СІ, февр., 320, т. СІІІ, сент., 483.

Салтыковъ, гр. Ив. Петровъ, генер.-фельдм., москов. воен. губ. р. 1730 † 1805 г., т. СІV, декаб., 720.

Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф., т. СІІ, апр., 142.

Салтыковъ, гр., Никол. Ив., воспитат. Александра I, р. 1736 † 1826 г., т. СІ, мартъ, 621, 638, т. СІІІ, авг., 270—274, сент., 465, т. СІV, нояб., 254, 280, 574, декаб., 543, 244, 564.

Салтыковъ, ген.-фельдмарш., кievск. воен. губернаторъ, т. СІ, янв., 128.

Салтыкъ, гр., сент., т. СІ, февр., 287.

Самаринъ, Фед. Васильевичъ, р. 1784 † 1853 г., т. СІІ, июнь, прилож., 72, 73, 82.

Самаринъ, Юрій Фед., писат., р. 1819 † 1876 г., т. СІІ, июнь, прилож., 72.

Самойлова, графиня, т. СІ, мартъ, 560.

Самойловъ, В. В., актеръ, р. 1813 г. † 1887 г., т. СІІІ, июль, прилож., 127, авг., прилож., 131.

Самойловъ, Васи. Мих., пѣвецъ, р. 1782 г. † 1839 г., т. СІІ, апр., прилож., 4.

Самойловъ, гр., фл.-ад., т. СІ, февр., 325.

Самойловъ, гр., об. прокур., 1794 г., т. СІІІ, авг., 271.

Самушико, кн., помѣщ. 1812 г., т. СІV, нояб., 460.

Салъга, княг., Анна, т. СІ, февр., 473.

Салъга, 1787 г., т. СІІІ, авг., 309.

- Сарацковъ, капит. 1878 г., т. CI, янв., 119.
- Сафоновъ, Пав. Андреев., 1810 г., т. CII, май, 345—346, июнь, 683, 684.
- Сахаровъ, И. А., т. CI, янв., 202—205.
- Свищевъ, Пав. Петр., издат. „Отеч. Зап.“ т. CI, февр., 316, т. CII, апр., 134, 174, т. CIV, окт., 202, 215, дек., 660, 718.
- Свищевъ, Петръ Никол., декабристъ, т. CIV, нояб., 370.
- Связовъ, И., т. CIV, нояб., 442, 450, 451.
- Связовъ, тн. сов., архитект., т. CIV, нояб., 443.
- Свящига, Софья Петров., рожд. Соймонова, р. 1782 г. † 1837 г., т. CII, июнь, прилож., 73, т. CIII, сент., 541—557, т. CIV, окт., 147—165, нояб., 409—428, декаб., 621—642.
- Свящига, Никол. Серг., сбл. воен. губернат. † 1850 г., т. CIII, сент., 546—557, т. CIV, окт., 147—165, нояб., 404, 405.
- Севастьяновъ, Як. Алдр., т. CI, янв., 134—142.
- Селезневъ, И., т. CIV, окт., 3.
- Селюфоновъ, Н., сообщ.: „Двѣ народныя пѣсни объ императорѣ Александрѣ II“, т. CIV, нояб., 363—366.
- Селявинъ, Ник. Ив., ген.-м., (письма его), т. CI, мартъ, 643—659.
- Семанова, акт., т. CI, февр., 484.
- Семеновъ, П. П. т. CIV, окт., 123, 124.
- Сенкевичъ, Карлъ, писат., т. CII, май, 461.
- Сенковский, Осипъ Ивановичъ, писат. † 1858 г., т. CI, янв., 175, февр., 316, т. CII, апр., 174, т. CIV, окт., прил. 193, нояб., 448.
- Сентъ-Илеръ, К. К., т. CI, янв., 220, 221.
- Сентъ-При, полк., т. CI, янв., 265, 266.
- Сенявинъ, адм. 1827 г., т. CIV, окт., 40, 41, 56.
- Серафимъ, митроп. 1837 г., т. CIV, нояб., 489, декаб., 610.
- Сербиновичъ, Конст. Степановичъ, директ. канц. об.-прокур. свят. синода 1837 г., † 1847 г., т. CII, апр., 169—173.
- Серве, виолончелистъ, т. CII, апр., 163.
- Серебряковъ, полк., т. CI, янв., 144, 145, 147, 150, 163.
- Серяпутовскій, т. CI, мартъ, 530.
- Сеславина, фрейл., т. CI, февр., 440.
- Сеславинъ, партизанъ 1812 г., т. CIV, нояб., 353, декаб., 561, 581.
- Сестренцевичъ, т. CI, мартъ, 658.
- Снявинъ, адм. 1807 г., т. CIV, декаб., 660.
- Спиновскій, В. В., сообщ.: „Итальянскій театръ въ С.-Петербургѣ при Аннѣ Иоанновнѣ, 1733—1735 г.г.“, т. CII, июнь, 593—611.
- Сиповскій, В. Д., т. CI, янв., 213, 221.
- Спиггинъ, Никол. Мартынов., нач. штаба гвардейск. корпуса 1816 г., т. CII, апр., 91—123, май, 348, 349.
- Скалонъ, шт.-кап., т. CI, мартъ, 651.
- Скарятинъ, Александр. Яковл., гофмейстеръ, † 1884 г., т. CIII, июль, прилож., 125.
- Скворцовъ, Конст. Аванас., профес., р. 1828 † 1885 г., т. CII, апр., 178.
- Слободина, Татьяна Мих. (урожд. Корева) † 1827 г., т. CI, февр., 394.
- Слободанъ, Ив. Никит., ген., р. 1778 † 1849 г., т. CI, февр., 393—413, мартъ, 603—616, т. CII, апр., 28—30, т. CIV, декаб., 599, 600.
- Слободанъ, Мих. Дм., ген. † 1882 г., т. CI, янв., 176, февр., 394.
- Слободанъ, Никита, сержантъ, т. CI, февр., 394.
- Смолинъ, т. CI, янв., 219.
- Сморочевскій, полковн. 1820 г., т. CIV, декаб., 603.
- Смолти, Демент. Петров., художн., т. CII, май, прилож., 40.
- Смирновскій, ген. польск. войскъ 1830 г., т. CII, июль, 29.
- Скрипичинъ, Никол. Фед., управляющій Суворова, 1799 г., т. CII, май, 327.
- Слатвинскій, ксендзъ 1861 г., т. CII, июнь, 624.
- Слескинский, А., сообщ.: „Смоленскіе партизаны въ 1812 году“, т. CII, сент., 651—664.
- Словцовъ, П. А., т. CIV, окт., 74.
- Слѣпцовъ, Ник. Павл., полк., т. CI, мартъ, 679.
- Смирдинъ, А. Ф. т. CI, янв., 172, 173.
- Смирновъ, Андрей Ив., учен. секретарь педагогич. инстит., 1841 г., т. CII, апр., 179.
- Снажинъ, Ив. Терентьев., ген.-м., 1803 г., т. CI, янв., 97.
- Снегиревъ, И. М., цензоръ, т. CI, февр., 430.
- Соболевская, Прасковья Мих., т. CIII, авг., прилож., 135.
- Соболевскій, мин. юстиц., т. CI, февр., 280, 281, 287.
- Соболевскій, подполк., CI, янв., 136.
- Соболевъ, Л. Н., ген., мин. вн. дѣлъ Болгарии, 1878 г., т. CI, янв., 125.
- Собольщиковъ, архитект., 1851 г., т. CII, июль, 52.
- Соймоновъ, М. Ф., р. 1730 г., † 1804 г., т. CII, июнь, 557.
- Соймоновъ, Петръ Александр., сенат.,

- презид. коммерцъ-кол., † 1800 г., т. СІІ, сент., 542, 543, 545, 546.
- Соколова, Юлія Павл., см Брюллова.
- Соколовъ, Петръ Ѳед., художн., т. СІІ, апр., прил., 36, т. СІІІ, июль, прил., 103, 108.
- Соколовъ, свящ., 1890 г., т. СІІ, май, 340.
- Солдатенковъ, Козьма Терент., владѣлецъ худож. галлерей въ Москвѣ, 1852 г., т. СІV, окт., прилож. еніе 192.
- Соллогубъ, гр., В. А., писат., т. СІ, янв., 103.
- Соллогубъ, гр., т. СІ, янв., 274.
- Соловьевъ, Н. И., его статья: „Изъ семинарскихъ нравовъ 70-хъ годовъ“, т. СІ. февр., 491—500.
- Соловьевъ, С. М., т. СІІІ, сентбяръ, 460.
- Соловьевъ, кап., 1878 г., т. СІ, янв., 119.
- Соларскій, Пав. Ѳед., свящ. † 1890 г., т. СІІ, апр., 178.
- Сорочинскій, полковн. 1813 г., ма-сонъ, т. СІІІ, сент. 637.
- Сосницкій, акт., т. СІ, февр., 484.
- Сотникова, Екат. Ив., см. Измайлова.
- Сперанскій, Мих. Вас., свящ. 1772 г., т. СІV, окт., 73, 74, 75, 76, 77—81.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., т. СІ, янв., 27, 30, 39, 57—65, февр., 346—348, мартъ, 585, 660, т. СІІ, апр. 38, 90, май, 291, 413, 414, т. СІІІ, июль, 37, 189, 198, авг., 260, сент., 591, т. СІV, окт., 73, нояб., 257—275, 429—440, 486.
- Спѣшневъ, Я. Т., т. СІІІ, сент., 450.
- Спѣшневъ, 1849 г., т. СІІ, май, 280.
- Срєвневскій, Вяч. Изм., сообщ. „Петербургъ въ 1831—1832 гг. (по письмамъ провинціала)“, т. СІ, фев., 477—490, „Чрезвычайная конференція о вывѣскѣ“, сцена 1855—1856 г., т. СІІ, апр., 175—185.
- Срєвневскій, Изм. Ив., т. СІ, февр., 477.
- Стааль, ген., московск. коменд., 1831 г., т. СІІІ, авг. 258.
- Ставицкій, Максимъ Ѳед., маіоръ 1803 г., т. СІ, янв. 97.
- Ставицкій, Петръ Ѳед., полковн. 1803 г., т. СІ, янв., 97, 98.
- Ставицкій, полк., т. СІ, февр., 506.
- Стаелничъ, Надежда, т. СІV, окт., 156.
- Сталь, команд. драгун. пол. 1850 г., т. СІV, декаб. 603.
- Сталь-Гольдштейнъ, баронесса, въ зам. Левенштернъ, т. СІІІ, авг., 267.
- Стамбуловъ, Степ., т. СІ, февр., 374, 375.
- Станевичъ, Болесл. Фердин., ген.-м., † 1859 г., т. СІ, янв., 149, 162, 163, 165.
- Станиславъ-Августъ, король польскій, т. СІІІ, авг., 325.
- Стасовъ, Васи. Петров., архитект., р. 1769 г. † 1848 г., т. СІІ, апр., прилож. 23.
- Стѣпановъ, Никол. Алексан., писат., художн., р. 1810 г. † 1887 г., т. СІV, окт., прилож. 178.
- Стѣпанская, баронесса Клейдорфъ, т. СІ, мартъ, 663.
- Стѣфанъ Баторій, т. СІІІ, авг., 306.
- Столыпина, фрейлина 1845 г., т. СІ, янв. 54.
- Столыпинъ, Григ. Данилов., пензен. предвод. двор. 1817 г., т. СІV, окт., 30.
- Столыпинъ, ген.-лейт., совѣст. воен. губернат. 1830 г., т. СІ, янв., 109, т. СІІ, апр. 68.
- Столяровъ, М., сообщ. „Памяти Б. И. Сибирскаго“, т. СІ, мартъ 769—772.
- Стоянникъ, В. Я., т. СІ, янв. 219.
- Стражколюбскій, А. Н., педагогъ, т. СІ, янв., 221, 222.
- Стремоуховъ, П. Д., сообщ.: „Замѣтки одного изъ депутатовъ нераво призыва“, т. СІІ, апр., 139—144.
- Строгановъ 2-й, гр., Андръ, ген.-ад., мин. вн. д., т. СІ, мартъ, 572.
- Строгановъ, гр., Александр. Серг., т. СІІ, май 275, т. СІІІ, сент., 482.
- Строгановъ, гр., Пав. Алекс., тов. мин-а вн. дѣлъ 1830 г. т. СІІІ, июль, 187, сент. 459, 460.
- Строгановъ, Сергій, т. СІ, мартъ, 572.
- Строгановъ, С. Г., гр., т. СІ, янв., 219.
- Строгановъ, ген.-м. т. СІ, янв. 267, 268.
- Строгановъ, гр., д. тайн. сов., об.-камерг., т. СІ, янв., 268, т. СІV, декаб., 613.
- Стройкиновъ, морск. офиц. 1830 г. т. СІІ, апр., 61.
- Стружова, Алекс. Гавр., т. СІ, янв. 103.
- Струмило, т. СІ, мартъ, 530.
- Стурдза, Роксана, въ зам. гр-ня Эдлингъ, р. 1786 г. † 1854 г., т. СІІІ, сент., 552, 553.
- Сувориякъ, А. С., т. СІ, мартъ, 619.
- Суворова, Варвара Ив., т. СІІ, май, 307, 323.
- Суворовъ, кн., Александр. Аркад.-остзейск. ген.-губ. 1861 г. † 1882 г., т. СІ, янв., 49.
- Суворовъ, гр., Александр. Васи., генералис., р. 1727 г. † 1800 г., т. СІ, янв., 128—131, 242—258, мартъ,

- 520, 606, 620, 634, т. СII, апр., 124, май, 303—344, т. СIII, июль, 13, 15, авг., 275—284, сент., 406, 487—490, 632, т. CIV, окт., 205, декаб., 546—577.
- Суворовъ, кн., Арвадій Александр,** камергеръ 1800 г., т. СII, май, 333, 336.
- Суворовъ, кн., фл.-ад.** 1831 г., т. СIII, авг., 242.
- Сувинъ, ген.,** т. CI, мартъ, 749.
- Судимовскій, М. И.,** т. CI, февр., 356.
- Сумарокова, М. П.,** т. CI, янв., 103.
- Сумароковъ, Пав. Ив.,** новгород. губернаторъ 1812 г., т. CIV, нояб., 399—408.
- Сумароковъ, Серг., Павл.,** артил. ген., т. CIV, нояб., 304—306, декаб., 589, 590, 591, 607.
- Сумароковъ, команд. гвард. пѣхотн. корп.** 1849 г., т. СII, май, 280.
- Сухованецъ, Ив. Онуфр.,** т. CIV, декабр., 599, 600.
- Сухованецъ, Ник. Онуфр.,** т. CIV, декабр., 518.
- Сухомлиновъ, М. И.,** акад., т. CI, фев., 415, т. СII, апр., 71.
- Сухтеленъ, гр., П. П.,** ген.-ад. 1829 г., т. CI, мартъ, 655, 657, т. СIII, сент., 461, т. CIV, нояб., 250, 463, декаб., 496.
- Сшиборскій, Бор. Ив.,** т., CI, янв., 199, 200, мартъ, 769—772.
- Сысоевъ, ген.** 1812 г., т. СIII, сент., 657.
- Сычневскій, полк.,** т. CI, янв., 164.
- Т.**
- Танъевъ, ст.-секрет.** 1828 г., т. CI, янв., 27, 151, т. СII, май, 270, 271, 287, т. СIII, июль, 185, 192—198, т. CIV, нояб., 486, 487.
- Тарновскій, гр.,** т. CI, мартъ, 530.
- Татаринковъ, т. CI, янв.,** 203.
- Татищевъ, С. С.,** т. CI, мартъ, 597.
- Татищевъ, послан.** 1826 г., т. CIV, окт., 37, нояб., 488.
- Таубе, Ф. И.,** т. CI, янв., 139.
- Телешева, танцовщ.,** т. CI, февр., 484.
- Теллова, Анна Никол.,** т. CIV, окт., 166.
- Тереза, Марія Павловна, см. Брюлова.**
- Теряевъ, Илья Андреев.,** чиновникъ 1823 г., т. СII, май, прилож., 36.
- Тетенборкъ, бар.,** подполковн. 1812 г., т. CIV, декаб., 553.
- Теубель, ст.-секрет.,** 1830 г., т. CI, янв., 28.
- Тибѣкинъ, Ив. Вас.,** ст. сов. 1793 г., т. CIV, дек., 528.
- Тивенгаузенъ, гр.-ня,** Наталія, т. СIII, сент., 495, 496.
- Тивенгаузенъ, фрейлина** 1845 г., т. CI, янв. 54.
- Тивенгаузенъ, гр.,** об.-гофмейстеръ 1804 г., т. СIII, сент., 495.
- Тивенгаузенъ, гр.,** сенат. 1833 г., т. СII, апр., 134.
- Тивенгаузенъ, полк.,** т. СII, апр., 7.
- Тимоховскій, цензоръ,** директ. училищъ 1816 г., т. CIV, декаб., 651, 662, 658, 559.
- Тимошущъ, Вѣра Вас.,** перев.: „Бурбоны въ изгнаніи въ Митавѣ и въ Варшавѣ“, т. CI, январь, 229—257, февраль, 445—475, мартъ, 713—743, „Воспоминанія кн. Эмиліа Витгенштейна“, т. СII, апр., 187—201, май, 425—453, июнь, 655—681, „Изъ зап. бар. Дедема“, т. СIII, июль, 113—138, „Зап. ген. Левенштерна“, авг., 265—297, сентяб., 485—522, т. CIV, окт., 83—109, нояб., 331—361, дек., 553—582, „Зап. Чайковского“, авг., 431—448, октяб., 219—236, декаб., 721—744.
- Тимротъ, капит.** 1812 г., т. CIV, ноябр., 339.
- Титовъ, ген.,** CI, февр., 510, мартъ, 748.
- Тихомадрицкій, Александр. Никитичъ,** писмект. гл. педагогич. вѣст. съ 1848—1859 г., т. СII, апр., 176—185.
- Тихонравовъ, Н. С.,** т. CI, мартъ, 606.
- Толстой, Алексій Конст.,** писатель, р. 1817 † 1875 г., т. СIII, июль, 97, т. CIV, декаб., 617—619, 685—687.
- Толстой, гр. Дм. Андр.,** мин. нар. просв. р. 1823 † 1889 г., т. CI, янв., 171, 172, 197, 219.
- Толстой, гр., Левъ Никол.,** т. CI, янв. 220, февр., 355—357, 387, т. СIII, июль, 89, 95.
- Толстой, гр., Никол. Александр.,** гофмарш. 1815 г., т. СIII, сент., 558.
- Толстой, Никол.,** Матѣев., ген.-м. 1849 г., т. СII, май, 265.
- Толстой, гр., Петръ Александр.,** дипломатъ 1828 г., р. 1769 † 1884 г., т. СII, май, 270, июнь, 481, т. СIII, июль, 15, авг., 234, 240, 261, т. CIV, нояб., 237, 238, дек., 598, 616.
- Толстой, гр., Фед. Петров.,** вице-презид. акад. худож., медалеръ, р. 1783 † 1873 г., т. СII, июнь, 577, т. СIII, июль, прилож., 126.
- Толстой, гр.,** посолъ въ Парижъ 1808 г., т. СIII, сент. 527.
- Толстой, гр., т. CI, янв.,** 260, февр. 505, 514, т. СII, апр., 148, 149.

- Толь, бар.,** гр. съ 1830 г., Карлъ Оедор., р. 1778 г., † 1842 г., т. СІ, янв., 133, мартъ, 650, 653, 657, т. СІІ, апр., 59, июнь, 501, т. СІІІ, июль, 7, 17, 18, 29, 31, сент., 467, т. СІV, окт., 203, 209—212, нояб., 340, 372, декаб., 561—579.
- Томиллякъ, Георгій,** семинаристъ 1839 г., т. СІІ, июнь, 584.
- Томиллякъ, М. Г.,** сообщ.: „Билетъ семинаристу, окончившему курсъ“, т. СІІ, июнь, 584.
- Тонъ, Александръ Андреев.,** архитект., р. 1790 † 1851 г., т. СІІ, май, прилож. 39, июнь, прилож. 69, 72, 91, т. СІІІ, прилож., 105.
- Тонъ, Конст. Андреев.,** архитект., р. 1793 г., † 1881 г., т. СІІ, апр., прилож., 25, 31, 35, 38, май, прилож., 36, т. СІІІ, июль, прил., 105, авг., прилож., 136, 142, сент., прилож., 174, т. СІV, окт., прил. 192.
- Тормасовъ, А. П.,** томъ СІІІ, сент., 558, т. СІV, декаб., 572.
- Тотлебенъ, гр.,** Эдуардъ Ив., инженер., р. 1818 г., † 1884 г., т. СІ, январь, 197, 108, 110.
- Траскинъ, попечит. Киевск. учебн. окр.,** 1846 г., т. СІІ, июнь, 509.
- Треботъ, переводч. Пушкина на нѣм. яз.,** т. СІІ, май, 371.
- Треповъ, ген.,** Варшавск. полиціймейст. 1863 г., т. СІІ, июнь, 673.
- Тришатиный, ген.-лейт.,** т. СІ, февр., 343, 344.
- Трофимовъ, А. И.,** писат., т. СІV, окт., 7, 24.
- Троциновскій, Дм. Прокоф.,** мин. юстиц., † 1829 г., томъ СІV, окт., 57, 213, 214.
- Трубецкой, вн.,** декаб., т. СІV, декаб., 584, 585.
- Трубецкой, вн.,** т. СІІ, апр., 6.
- Трубецкой, вн.,** прапорщ. 1850 г., т. СІV, нояб., 308, 310.
- Тулжинскій, ген.,** т. СІ, мартъ, 635.
- Тургенева, Варвара Петр.,** помѣщица 1839 г., т. СІІ, июнь, 619, 620.
- Тургеневъ, Александръ Ив.,** директ. деп-а духов. дѣлъ, писат., † 1845 г., т. СІІІ, авг., 254, сент., 458, 556, т. СІV., окт. 66.
- Тургеневъ, Ив. Петр.,** масонъ 1794 г., т. СІІІ, сент., 635.
- Тургеневъ, Ив. Сергѣев.,** писат., р. 1818 г., † 1883 г., т. СІ, янв., 5—23, 221, февр., 410, т. СІІ, май, 373, июнь, 620, т. СІІІ, июль, 89, 93, 95, т. СІV, нояб. 275.
- Тургеневъ, Ник. Ив.,** писат., т. СІІІ, августъ, 382, т. СІV, декаб. 583—585.
- Туржудъ, мин. ст.-секрет. ц. Польскаго** 1849 г., т. СІІ, апр., 40.
- Турчаниновъ, А. А.,** т. СІ, январь, 198, 199.
- Турчаниновъ, Петръ Ив.,** ст.-секрет. им-пы Екатерины II, т. СІІ, май, 304—315.
- Тухолка, д. ст. сов.,** т. СІ, февр., 868.
- Тучковъ, ген.** 1812 г., т. СІ, янв., 260, т. СІ, февр. 510, т. СІV, дек., 559, 580.
- Тышкевскій, т. СІ,** мартъ, 530.

У.

- Уварова, Е. А.,** т. СІІ, июнь, 570.
- Уваровъ, гр. Серг. Семен.,** мин. нар. просв. † 1855 г., т. СІ, февр., 415, 425—432, 477, т. СІІ, май, 280—282, 396, июнь, 572, т. СІІІ, июль, 109, авг., 391, 394, сент., 567—570, т. СІV, окт., прил., 194, декаб., 557, 579, 580, 699, 643—664.
- Уваровъ, ген.** 1812 г., т. СІ, янв., 182, 263—270, февр., 506, мартъ, 748, 749, 756, 761, т. СІV, декабрь, 558, 559.
- Угрюмовъ, Григ. Иван.,** художн., р. 1764 г., † 1823 г., томъ СІІ, май, прилож., 57.
- Угрюмовъ, ген.,** т. СІІ, апр., 7.
- Угтернъ-Штербергъ, лифт. ландратъ,** т. СІ, февр., 321.
- Ушиновскій, А. М.,** тверской предвод. дворян. 1861 г., т. СІІ, апр., 141.
- Устряловъ, Никол. Герасимов.,** профес., р. 1805 г., † 1870 г., т. СІІ, апр., 178.
- Урусовъ, вн.,** ст. секрет. 1878 г., т. СІ, янв., 113.
- Уткинъ, Никол. Иванов.,** граверь, р. 1780 г., † 1863 г., т. СІІІ, сент., прилож., 163.
- Ушановъ, Конст. Мих.,** т. СІV, нояб., 317, 459, 460.
- Ушановъ, ген.** 1829 г., т. СІV, декаб., 494, 498, 501, 505.
- Ушиновскій, К. Д.,** педагогъ, т. СІ, янв., 219.

Ф.

- Фаресовъ, А.,** сообщ.: „Наша Ванда“, т. СІ, мартъ, 689—692.
- Фелиновскій, архіеп. варшавск.** 1861 г., т. СІІ, июнь, 621—642, т. СІІІ, июль, 81.
- Фельдверамъ, предвод. двор.** 1814 г., т. СІV, нояб., 476.

- Феофилактовъ**, полк., т. СІ, январь, 258.
- Фервентъ**, гр-ня, Ольга Павл., рожд. Строганова, † 1837 г., т. СІV, окт., прилож., 194, 196.
- Фервентъ**, бар. литовск. воен. губернаторъ, т. СІ, янв., 240, 247, 248, 250, февр., 444.
- Фервентъ**, П. К., 1835 г., т. СІІІ, авг., прилож., 133, 138, сент., прилож., 171.
- де-ла-Ферромаъ**, Александра, гр-ня, рожд. Алопеусъ, т. СІV, декабрь, 688.
- де-ла-Ферромаъ**, графъ, послан., т. СІV, окт., 33.
- Филаретъ** (Василій Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 г., † 1867 г., т. СІ, мартъ, 700, т. СІІ, апр., 37, 38, 152, 153, 216, июнь, 477, т. СІІІ, июль 43.
- Философовъ**, ген.-ад. 1857 г., т. СІІІ, июль, 50, 51.
- Фитингофъ**, команд. кавалергардск. пол. 1850 г., т. СІV, декаб., 603.
- Фликумъ** (фонъ-Экстедтъ), А. И., т. СІІ, апр., 160.
- Фишеръ**, подполковн. 1789 г., т. СІІ, май, 324.
- Филатовскій**, арх. варшавскій 1861 г., т. СІІ, июнь, 622—637, т. СІV, декаб., 513—516.
- Филатовскій**, об. - секрет. сената, 1840 г., т. СІІ, июнь, 527.
- Фокъ**, А. Б., ген., т. СІ, февр., 508, мартъ, 753.
- Фонвизинъ**, Денисъ Ив., писат., т. СІ, февр., 388, т. СІІ, май, 471—475, июнь, прил., 69.
- Фотій** (Петръ Никит. Спасскій), архим., настоят. Новгород. Юрьевск. монаст., р. 1792 † 1838 г., т. СІІ, апр., 8—24, т. СІІІ, июль, 196.
- Фредерикъ**, баронесса, Наталія, т. СІ, февр., 434, 436.
- Фредерикъ**, баронесса, Цецилія Владиславовна, рожд. гр-ня Гуровская, статсъ-дама † 1851 г., т. СІІІ, июль, 39.
- Фредерикъ**, баронесса, Ольга, т. СІ, февр., 434, 436.
- Фредерикъ**, баронъ, команд. л.-гв. Москов. полка 1824 г., томъ СІІІ, июль, 39.
- Фредерикъ**, бар., об. - шталмейст. 1850 г., т. СІІ, май, 289.
- Фрейгангъ**, А. И., цензоръ, т. СІ, янв., 175, 176, 179, 183, 184.
- Френъ**, ориенталистъ 1852 г., т. СІІІ, июль, 41.
- Фришъ**, художн., т. СІ, мартъ, 683.
- Фроловъ**, капит., т. СІ, февр., 355, 356.
- Фуссъ**, акад. 1812 г., т. СІV, нояб., 300.
- Фуссъ**, докт. 1830 г., т. СІІІ, июль, 195.

X.

- Ханьковъ**, Васил. Васильев. послан. въ Дрезденъ 1822 г., т. СІІ, апр., прилож., 5.
- Хвостовъ**, гр., Дм. Ив., об.-прокур. синода, писатель, р. 1757 г., † 1839 г., т. СІІ, май, 330—337, июнь, 568, 572, т. СІІІ, июль, 61—74.
- Жемницеръ**, баснописецъ, т. СІІ, сент., 616.
- Жилкова**, княг., Елисавет. Семен., т. СІІ, июль, 61.
- Житрово**, Елис. Мих., рожд. княг. Голенничева - Кутузова, р. 1783 г., † 1839 г., т. СІІ, июнь, прилож. 74.
- Житрово**, Никол. Фед., послан. во Флоренцію, т. СІ, мартъ 601, томъ СІІ, июнь, прилож., 74.
- Житрово**, ген.-м., т. СІ, янв., 265, 266.
- Житрово**, госуд. контролеръ, т. СІ, февр., 328.
- Жлобицкій**, генер. польск. войскъ 1830 г., т. СІІ, июнь, 498, т. СІІІ, июль, 6.
- Жльбовскій**, худож. 1840 г., т. СІV, окт. 220.
- Жованскій**, вн. витебск. ген.-губ. 1831 г., т. СІІІ, авг., 229.
- Жодяко**, т. СІ, мартъ, 530.
- Жоментовскій**, ген.-м., т. СІ, мартъ, 645.
- Жраповицкій**, Матвѣй Евграф., ген.-ад. 1816 г., т. СІV, нояб., 244, 282.
- Жраповицкій**, ген.-ад., † 1847 г., т. СІІ, июнь, 481, 510, 511.
- Жрептовичъ**, гр-ня, т. СІV, декабрь, 632.
- Жрептовичъ**, гр., т. СІ, янв., 187.
- Жржановскій**, генер. 1856 г., т. СІІ, июнь, 685.

Ц.

- Цабель**, Евгеній, т. СІІ, май, 383, 384, 397.
- Цанковъ**, Драганъ, т. СІ, февр., 375, 376.
- Цвѣтаевъ**, цензоръ, т. СІ, февр., 427.
- Цебриковъ**, декабрь, т. СІV, нояб., 370.
- Цишевскій**, т. СІ, мартъ, 530.

Ч.

- Чаадаевъ, Петръ Яковлев., ротм.
1826 г., т. CIV, декаб., 583—588.
- Чавчавадзе, ген. 1853 г., т. III, апр.,
188.
- Чайковский, Мих. (Мехмедъ-Са-
дыкъ-паша) † 1836 г., его залпски,
т. CII, апр., 219—236, май, 455—
469, июнь, 605—696, т. CIII, июль,
201—224, авг., 431—448, т. CIV,
окт. 219—236, дек. 721—744.
- Чаликовъ, полк., т. CI, мартъ, 747.
- Чарковский, т. CI, мартъ, 530.
- Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. CI,
февр., 459, мартъ, 739, 740, т. CII,
апр., 61, 232, май, 267, 359, 460,
т. CIII, авг., 243, 315, сент. 458,
460, 477, т. CIV, окт. 68—70, нояб.
334.
- Чарторыйскій, кн., Владиславъ, т.
CII, май, 456, 457.
- Челищевъ, сенат. 1833 г., т. CII,
апр., 185.
- Чемоданова, Анна Павл., см. Ми-
хайловская-Данилевская.
- Черкасскій, кн., т. CI, февр., 360,
361, 375, 376.
- Черносвитовъ, подполковн., т. CII,
май, 278.
- Чернышевъ, кн., Александръ Ив.,
воен. мин., † 1852 г., т. CI, янв.
23—53, 187, февр. 330, мартъ, 384,
551, 614, 642, т. CII, апр. 33, 34,
128, 189, 217, 218, май, 238—291,
июнь, 479—526, 586—591, т. CIII,
июль, 25—41, 185, 186, авг., 234,
238, 252, 257, сент. 512—521, т. CIV,
окт. 93, 100, 101, нояб. 238, 253,
486.
- Чертковъ, М. Ив., ген.-ад. 1878 г.,
т. CI, янв., 115, 116.
- Четвериковъ, Пав. Филип., ген.-м.,
т. CI, янв., 143—162.
- Чечеринъ, ген.-м. 1816 г., т. CII,
апр., 96.
- Чижовскій, Никол., иезуитъ, 1604 г.,
т. CIV, окт., 194, декаб. 689—706.
- Чижовъ, проф., т. CI, янв., 174, февр.,
479, 484.
- Чириковъ, Серг. Гаврилов., учит.
1811 г., т. CIV, окт., 6.
- Чихачевъ, Матвѣй, 1825 г., т. CII,
апр. 18.
- Чичаговъ, адм., т. CII, май, 285,
353, т. CIII, авг., 268, 269, т. CIV,
дек. 572.

III.

- Шабанскій, т. CI, мартъ, 530.
- Шаликовъ, кн., писат., т. CIV, окт.,
65.
- Шамаринъ, правит. канц. арханг.
ген.-губ. 1830 г., т. CIII, июль, 70,
72, 73.
- Шамилъ, Имамъ Чечни и Дагестана,
т. CI, мартъ, 665—679.
- Шатиловъ, полк., т. CI, мартъ, 650.
- Шаховская, княг., Варвара, рожд.
баронесса Строганова, т. CIV, нояб.,
295.
- Шаховской, кн., Александръ Алекс.,
драм. писат., чл. театр. комисс.,
† 1846 г., т. CIII, сент. 583, 584.
- Шаховской, Мих. Леонтьев., ген.
1851 г., т. CIV, декаб., 595.
- Шаховской, кн., Петръ Ив., исковск.
губернат. 1812 г., т. CIV, окт.,
141—146.
- Шаховской, кн., ген., 1832 г., т. CI,
янв. 189, февр. 344, т. CIV, нояб.
342, 354.
- Шварцъ, А. Н., профес. 1879 г., т.
CII, май, 415.
- Шварцъ, офиц. 1863 г., т. CII, июнь,
668—679.
- Шебуевъ, В. К., художн. 1830 г.,
т. CIII, июль, прилож., 106.
- Шенкичъ, ген. 1812 г., т. CIV, декаб.,
578.
- Шестаковъ, П. Д., попечит. казанск.
учебн. окр., † 1890 г., т. CI, янв.,
203, 205, 208.
- Шестаковъ, контр.-адм. 1869 г.,
т. CIII, июль, 81.
- Шенченко, Т. Г., т. CI, февр., 311.
- Шевыревъ, Степ. Петров., профес.,
р. 1806 г. † 1864 г., т. CI, янв.,
66, 67, 68, мартъ, 607.
- Шелейховскій, ген. 1878 г., т. CI,
янв., 111, 119.
- Шеміотъ, Станисл. Вицентіев., нач.
2-го отд. канц. мин.-ра финан.,
† 1866 г., т. CIV, окт., прилож.,
191.
- Шенрокъ, В. И., сообщ.: „Пуш-
кинъ и Гоголь“, т. CI, февр., 383—
392.
- Шеншинъ, лейбъ-гус. оф., т. CI,
февр. 332.
- Шенцелевъ, Александръ Александр.,
полковн., фл.-ад. 1878 г., т. CI, янв.,
119, февр., 373, 377, мартъ, 596—
598, т. CIV, декаб., 564.
- Шенкигъ, тн. сов. 1814 г., т. CIV,
нояб., 476.
- Шереметевъ, гр., Дм. Никол., гоф-
мейстр., р. 1803 г. † 1871 г., т. CII,

- апр., прилож., 30, т. CIV, нояб. 458.
- Шереметевъ, гр., Никол. Петров., об.-камергеръ 1820 г., т. CIV, нояб., 458.
- Шиллингъ, бар., Пав. Львов., основат. электрнч. телеграфа въ Россіи, р. 1785 г. † 1837 г., т. CII, май, прилож., 50.
- Шильдеръ, Никол. Карлов., ген.-лейт., писат., — историкъ, сообщ., „Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г., т. CI, февр., 277—306, мартъ, 517—544, т. CII, апр., 51—69, май, 237—259, июнь, 477—504, т. CIII, июль, 1—32, авг., 225—264; „Грузинская трагедія 1825 г., т. CII, апр., 3—26, „Императоръ Николай I и Михайловскій-Данилевскій“, июнь, 585—591; „Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго, 1822—1825 г.“, т. CIII, сент., 629—649, т. нояб. 459—475, декаб. 707—719; „Императоръ Николай I и Восточный вопросъ 1826—1830 г.г.“, т. CIV, окт., 31—52, нояб. 237—255, декаб. 493—508; „Михайловскій замокъ и 8 ноября 1800 года“, декаб. 611—614; упом. т. CI, янв., 102, 104, мартъ, 619, май, 347.
- Шингулинскій, Вл., т. CI, февр., 484.
- Ширинскій-Шихматовъ, вн., Платонъ Александр., мин. нар. проsv., р. 1790 г. † 1853 г., т. CII, май, 280, 282.
- Ширьевъ, книгопрод., т. CI, февр., 416, 417.
- Шиншоевъ, Алекс. Семен., т. CI, февр. 416—420, мартъ, 624, т. CII, сент., 573, 576, т. CIV, декаб. 610.
- Шлегель, презид. Мих. акад. 1851 г., т. CII, июль, 42.
- Шлиппенбахъ, бар., кап. Преображ. пол. 1820 г., т. CIV, декаб., 603.
- Шлиппенбахъ, бар., т. CI, февр., 345.
- Шляпкинъ, И. А., сообщ. „Графъ Аракчеевъ и князь С. С. Голицынъ“, т. CI, янв., 102—106, и „Два указа имп. Александра I ген.-отъ-инф. А. Г. Розенбергу, 1801 г. и 1802 г.“, февр., 382, уп. т. CII, май, 470.
- Шляхтеръ, переводч. Пушкина на нѣм. яз., т. CII, май, 371.
- Шнитниковъ, Александр. Ѳед., т. CIV, нояб., 444.
- Шнитниковъ, Ив. Ѳед., поруч. † 1855 г., т. CIV, нояб., 444.
- Шнитниковъ, Мих. Ѳед., т. CIV, нояб., 444.
- Шнитниковъ, Никол. Ѳед., ген.-м., т. CIV, нояб., 444.
- Шнитниковъ, Ѳед. Александр., майоръ † 1836 г., т. CIV, нояб., 443—455.
- Штавальбергъ, бар., команд. Кирасир. полка, т. CI, янв., 117, т. CIV, декаб., 603.
- Штавальбергъ, рус. посолъ въ Польшѣ 1788 г., т. CI, мартъ, 631, т. CII, авг., 310, 312, 316, 319, т. CIV, нояб., 288, 394, 397.
- Штаубертъ, Александр. Егор., архитект., р. 1780 г., † 1843 г., т. CII, июль, прилож., 107.
- Штегеманъ, полк., т. VCI мартъ, 643.
- Штенбокъ-Ферморъ, см. Эссенъ-Штенбокъ-Ферморъ.
- Штейнгель, ген.-м., т. CI, февр., 511, мартъ, 749.
- Штейнгель, гр., ген. 1823 г., т. CII, авг., 395, 399.
- Шторкъ, Н. А., ст.-секр., т. CI, янв., 208, 217, 218, февр., 349.
- Штофрегенъ, докт., т. CII, авг., 277.
- Шувалова, гр-ня, рожд. княжна Щербатова, по втор. мужу гр-ня Шелэнкуръ, т. CIV, декаб., 637.
- Шуваловъ, гр., Гринг., 1860 г., т. CIV, декаб., 636, 637.
- Шуваловъ, гр., гофмарш., 1845 г., т. CI, янв., 54, т. CII, июль, 40, 42, т. CIV, декаб., 593.
- Шуваловъ, гр., ген.-ад., т. CI, янв., 232.
- Шуваловъ, гр., ген., диплом., 1810 г., т. CIV, нояб., 392, 393, 396, 397.
- Шуваловъ, гр., сиб. предвод. дворян. 1861 г., т. CII, апр., 142.
- Шульгинъ, Ив. Петр., педаг. 1832 г., т. CIV, окт., 8—17.
- Шульгинъ, офиц., 1850 г., т. CIV, нояб., 317, 319.
- Шумская, Наст. Ѳедор., т. CII, апр., 3—26.
- Шумскій, Мих. Андр., фл.-ад., т. CII, апр., 5, 6, 7, 8, 13.
- Шуцкій, т. CI, мартъ, 635, 636.

III.

- Щегловъ, Никол. Тиханов., педаг. 1832 г., т. CIV, окт., 10.
- Щедринъ, Сильвестръ Ѳедосеевъ, художн., р. 1791 г. † 1830 г., т. CII, апр., прил. 22—25, май, прил. 39, т. CII, июль, прил. 107, т. CIV, окт., прил., 189, 190.
- Щепкинъ, ген.-м., т. CI, мартъ, 758.
- Щепкинъ, Митроф. Павл., т. CII, май, 373, 374, 377.
- Щепкинъ, Пав. Степ., проф., р. 1793 г. † 1836 г., т. CII, июль, 613—618.
- Щепкинъ, Петръ Степ., секрет. ме-

- Жевой канц., р. 1786 г., † 1866 г., т. СІ, июнь, 614.
 Щербатовъ, кн., губернат. Калужск. губ. 1866 г., нынѣ команд. 2-го арм. корп., т. СІІІ, июль, 150.
 Щербатовъ, кн., москов. ген.-губ., т. СІ, мартъ, 587, т. СІV, декаб., 597.
 Щербатовъ, кн., попеч. СІВ. учебн. оуб., т. СІV, окт., 119.
 Щербатовъ, кн., саратовск. предвод. дворян. 1861 г., т. СІІ, апр., 141.

Ө.

- Өдлингъ, гр.-на, 1857 г., т. СІV, нояб., 409—428.
 Өйлеръ, А. А., т. СІ, февр., 406.
 Өйлеръ, ген.-м., т. СІІ, апр. 4, 6, 24.
 Өйхъ-Янсонъ, Н. П., т. СІІ, июнь, 556.
 Өльберсъ, переводч. Пушкина на нѣм. яз., т. СІІ, май, 371.
 Өльслеръ, Фанни, танцовщ., т. СІ, мартъ, 581, 582, т. СІІІ, июль, 34.
 Өммануэль, ген.-отъ-кав. 1830 г., т. СІІІ, июль, 25.
 Өнгель, сенат. 1827 г., т. СІ, янв., 27, 30.
 Өнгельгардтъ, Варв. Вас., въ зам. княг. Голицына, р. 1761, † 1815 г., т. СІ, янв., 104.
 Өнгельгардтъ, Е. А., т. СІV, окт., 6, 16.
 Өнгельгардтъ, генер., т. СІ, янв., 134—138, 265, т. СІ, мартъ, 748.
 Өнгельгартъ, команд. л. гусар. пол. 1850 г., т. СІV, декаб., 603.
 Өриксонъ, И. М., т. СІ, февр., 396, 397, 401, 503.
 Өркротъ, ген. т. СІ, мартъ, 599.
 Өртель, ген.-полиціймейст. 1824 г., т. СІV, окт., 203.
 Өссенъ, гр., СІб. воен. ген.-губ 1831 г., т. СІІ, апр., 132, июнь, 505, 506.
 Өссенъ, нач. гвард. кирасир. дивиз. 1850 г., т. СІV, декаб., 608.
 Өссенъ, ген. т. СІ, янв. 265, февр., 507, 516, мартъ, 749, 765.
 Өссенъ - Штенбокъ - Ферморъ, гр. СІ, мартъ, 577.

Ю.

- Юдинъ, М. Л., сообщ.: „Замѣтки о пребываніи А. С. Пушкина въ Оренбургѣ“, т. СІ, янв., 96.
 Юзефовичъ, команд. 1-ой драгунск. дивиз. 1816 г., т. СІІ, апр., 109.
 Юрасовскій, П. Д., т. СІ, февр., 308.
 Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевъ, по-

- мощн. воспитат. в. князя ксанра Николаевича, т. СІІ, прил., 160, т. СІV, нояб. 487.
 Юсуповъ, кн. Н. Б., т. СІ, февр., мартъ, 554.

Я.

- Яблоновскій, кн., т. СІ, февр., 280, 285, 287, мартъ, 530.
 Ягельскій, редакт. „Дзвен. Росс.“ 1861 г., т. СІІ, июнь, 632, 641.
 Яковлевъ, Д. И., т. СІІ, июнь, 561.
 Яковлевъ, полк., т. СІ, янв., 139, 140.
 Яковлевъ, корнетъ 1825 г., т. СІV, декаб., 684.
 Якушкинъ, В., сообщ.: „Новые материалы для біографіи В. Г. Бѣлинскаго“, т. СІІ, май, 415—423.
 Якушкинъ, декабристъ, т. СІV, декаб., 584, 585.
 Якушкинъ, т. СІ, февр. 306.
 Яненко, Яковъ Федосеевъ, художн. р. 1800 г. † 1852 г., т. СІV, окт., прил., 178.
 Янгуль, И., И., акад., сообщ.: „Суворовскій мостъ“, т. СІ, янв., 129—132.
 Янгуль, М. А., сообщ.: „Еще біографіи гр. Л. Н. Толстого“ (Просьба объ увольненіи въ отставку и экзаменный листъ), т. СІ, февр., 355—357.
 Янковскій, т. СІ, янв., 137.
 Ярцевъ, педагог. 1838 г., т. СІІ, май, 417, 418.
 Ясенскій, кап. 1878 г., т. СІ, янв., 119.
 Ястржембскій, кап., т. СІ, янв., 138, 143, 144, 147, 149, 161.
 Яфимовичъ, ген.-м. свиты 1849 г., т. СІІ, стр., 32.
 Яковтовъ, А. Н., новтъ, т. СІV, окт., 7.
 Яценковъ, ценз. 1814 г., т. СІV, дек., 644, 652, 657, 659.
 Яшвилъ, кн., нач. артил. 1824 г., т. СІV, окт., 203, 204.
 Яшвилъ, кн., полк., т. СІ, февр., 508.

Ө.

- Өеодоровъ, В. М., чл. общ. любит. словесн. 1816 г., т. СІІ, июнь, 565.
 Өеодоровъ, Степ. Өед., мозаичн. р. 1810 г. † 1865 г., т. СІІІ, і прилож., 124.
 Өеожитковъ, Е. М., т. СІV, 126.
 Өеминъ, Александ. Андреевъ, худо. 1850 г., т. СІІІ, июль, прилож. 122, авг., прил. 181, 182.

Указатель составила В. В. Тимощукъ.

его: «Пав. Дмитр. Давиглевъ уѣдомилъ насъ, что Ваше Высочайшее Высочество изволило приписать благосклонное участіе въ предпринимаемомъ изданіи къ обнаруженію предѣла мѣстности Герцена. Въ послѣдніе годы чиненія его распространился по всей Россіи и пролился въ самыя отдаленныя мѣста не только въ губернскихъ, но и въ уѣздныхъ родахъ имѣются лондонскія его изданія и ставятся наперерывъ, по оригинальности идей и потому, что запрещены; узнать же запрещенное, по слабости природы нашей, всегда въ влеченіе. Вѣдѣніе такого чтенія сдѣлалось вѣстельнымъ, и распространіе его можетъ вѣсти къ гибельнымъ послѣдствіямъ... «предлагается, съ помощію Божию, издать отъ стѣнъ людей книжку, въ которой довольно облачить, асиаки и убедительнымъ словами, коварные замыслы Герцена, направленные къ ослабленію религіи, къ низверженію сударей и порядка и къ господству страстей... плану предлагается печатать за границей, скрывая предьяна начала заграничныхъ русскихъ изданій, книга наша будетъ сборникомъ мнѣніемъ сужденій о главнѣйшихъ вопросахъ современной жизни, по отношенію къ религіи и государственному благоустройству. Предварительно, всякая статья съ правильными данными на обязанности человека и жизни нашей будетъ прилична сборнику... «Если Ваше Высочайшее Высочество осподостивили съ просвѣщеннымъ участіемъ въ сборникѣ, то бы служило свѣтлою надеждою въ пользу его дѣйствія и было бы украшеніемъ моего труда, предпринятаго во имя Божіе» *).

Секретное письмо графа А. А. Закревскаго въ 9-го марта 1850 г. касается отношенія вѣдѣній властей къ вопросу о расколѣ. Извѣстно, что являлся генералъ-губернаторства Закревскаго въ Москвѣ сохранился въ памяти изъ время наибольшаго административнаго вѣдѣнія. Дѣйствія при немъ полицейской власти, въ видѣ изъ дѣла, давали поводъ митрополиту Филарету жаловаться, что московскіе раскольники пользуются особеннымъ вниманіемъ съсподостительностью этихъ властей, благодаря чему раскольники могли безнаказанно маршаль все то, что законъ имъ воспрещалъ.

Вопросъ о расколѣ касался въ своихъ письмахъ и Исидоръ, митрополитъ новгородскій и твербургскій. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ о разныхъ толкахъ раскольниковъ въ 1855 году (25-го мая), когда еще покойный изъ извѣдана Грузія: «Въ Закавказье вывезено изъ Россіи до 22 т. раскольниковъ; мѣшани, духоборцы, скопцы, немолки, коммунисты, духонидцы, сапуновы, скакуновы и пр. Въ этомъ сору много диковинныхъ вещей. Молочники хранятъ, какъ непонятное кривоше, побѣдаю вѣсьи Штиль и га, читаютъ ее послѣ Библии, всѣ бѣдныя, описываемыя въ Апокалипсисѣ, отири къ Россіи и утѣшаютъ себя тѣмъ, что ромель Вожій переселилъ ихъ за Кавказъ на избавленія отъ казни, угрожающей Россіи. Читаютъ также тоску по отчизнѣ и вѣдѣніе (sic) переправляются съ Англіею. Духо-

боръ ждутъ Мессію изъ рода Калмыковъ. Немолки какимъ-то образомъ попали на мысль, которая въ началѣ шестидесяти столѣтій была въ ходу въ Германіи,—будто вѣкъ Христова царства кончился и наступила вѣкъ Св. Духа, а потому для низшихъ совершенныхъ христіанъ не нужны ни вѣдѣніе богослуженія, ни молитвы. Скопцы съ жадностью читаютъ переводъ сочиненія Беама De Christophia и проповѣдуютъ, что жившіе въ Китаѣ претенденты на богдыханскую кофону есть не кто другой, какъ ихъ родоначальникъ (Петръ III), который скрывался до вѣдѣнія вѣру. Случалось ли Вамъ видѣть посланіе этого родоначальника и портретъ? Первое они ставятъ наравнѣ съ Св. Писаніемъ, а послѣднее поклоняются и ставятъ свѣчи».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отивался гр. М. Н. Муравьевъ въ письмѣ отъ 30-го мая 1863 г. относительно назначенія его вѣдѣнскимъ генералъ-губернаторомъ: «я неожиданно призванъ вѣдѣнъ Государя отъ жизни мирной на военныя браны, для подвѣдѣнія краемъ и мѣшка Тяжкая пала на меня обязанность умеротворить край, карать вѣдѣнпреступниковъ мѣрами крови и казни. Человѣчскій вѣдѣн не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущность этого дѣла. Исполненъ долгъ вѣдѣнпродовданнаго и русскаго, въ позволеніи упованіи на Бога, и духомъ покоенъ и идущее по пути мѣй свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего, въ успѣхѣ не сомнѣваюсь».

Послѣдній митрополиту Филарету первый томъ своего сочиненія о Римско-Католической церкви въ Россіи («Le Catholicisme Romain en Russie, Paris 1863»), графъ А. А. Толстой писалъ: «Нашему Высочайшему Высочеству вѣдѣнны постоянныя, въ продолженіи 25 лѣтъ, дѣлаемія европейскою журналистикомъ обвиненія противъ нашего правительствѣ о преслѣдованіи будто бы римско-католической церкви въ Россіи. Обвиненія эти происходятъ частію изъ неблагонамѣренности, частію отъ незнанія дѣла, а преимущественно отъ смѣшенія разнородныхъ понятій. Европейскіе публицисты видѣли доселѣ въ дѣлѣ латинской церкви въ Россіи одинъ только чисто-религіозный вопросъ, тогда какъ тутъ, собственно говоря, три существенно различныхъ, хотя и равно-важныхъ вопроса, именно: религіозный, въ которомъ русское правительствѣ не дозволяло себѣ никогда никакого вѣдѣнательствѣ; панскій вопросъ, или опредѣленіе границъ между властью государственною и духовною властью иностраннаго государя, каковы для Россіи напѣ, и, наконецъ, въ особенности вопросъ польскій, чисто-политическій. Отъ смѣшенія этихъ трехъ столь различныхъ по своему характеру и по своему происхожденію вопросовъ въ одинъ, будто бы религіозный, европейская публика причлилась смотрѣть на дѣйствія нашего правительствѣ по этой части, какъ на религіозныя преслѣдованія, тогда какъ они были только самозамашеніемъ противъ чуждой власти и противъ враждебной къ намъ пародности».

По этимъ выдержкамъ изъ писемъ къ митрополиту Филарету уже, конечно, не такъ несколько интересна издаванія А. Н. Яковича книга.

*) Книга противъ Герцена была издана въ 1859 г. въ Берлинѣ, подъ названіемъ: «Исканіе Герцена».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣателей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ руб.**—въ государствѣ, входящая въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Велескій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаа. **В. Ф. Духовникова** (Възнесенная ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помещаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлѣхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ биографіяхъ достопамятныхъ русскихъ дѣателей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей думовыхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитная, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Редословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанными неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8 рублей**; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9 рублей**.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.